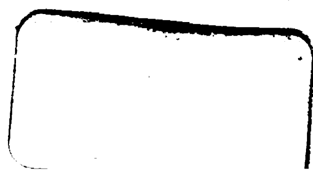

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXIV. — ТОМЪ CXCVI. — 1/13 МАРТА 1870.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II.

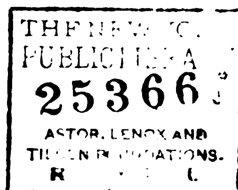
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
25366
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЁВСКАЯ, 2
С.ПЕТЕРБУРГЪ

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Передъ вечеромъ, въ началѣ мая 1854, къ лучшей N-ской гостинницѣ подъѣхала телѣга, сильно забрызганная грязью весеннихъ, еще неустановившихся дорогъ, и запряженная тройкой, замѣтно усталыхъ, ямскихъ лошадей. На встрѣчу этого некрасиваго экипажа выбѣжала почти вся прислуга гостинницы, откланиваясь пріѣзжему молодому господину, въ дорогомъ тепломъ пальто, и спѣша вынуть изящную дорожную подушку и изящный дорожный мѣшокъ, потонувшіе въ сѣнѣ, которымъ была набита телѣга.

Этотъ господинъ, Андрей Васильевичъ Верховской, ужъ около двухъ недѣль прожилъ въ N-ской гостинницѣ, пріѣхавъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и въ дилижансѣ, а теперь возвращался изъ короткой поѣздки верстъ за сорокъ, въ одно большое имѣніе. Всему N. было извѣстно, что Верховской за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы купить это имѣніе, но половодье и испорченныя дороги до сихъ поръ не давали туда добраться. Онъ равнодушно переносилъ эту задержку, а въ гостинницѣ ей были очень довольны. Съ нимъ не было собственнаго камердинера и лакеи гостинницы старались угождать ему съ услужливостью крѣпостныхъ, почти негодуя, что требованія богатаго молодого барина были очень несложны.

— Дайте переодѣться и пообѣдать, сказалъ Верховской, войдя въ свою комнату, между тѣмъ какъ лакей суетился, спуская сторы, смахивая воображаемую пыль, передвигая кресла.

— У васъ были господинъ губернаторъ, и, вотъ, еще карточки. Вотъ, еще письмо съ почты. Сегодня по утру заходилъ, спрашивалъ васъ господинъ Духановъ.

— Хорошо.

Верховской ходилъ по комнатѣ, пока накрывали на столъ. Его закачало. Онъ посмотрѣлъ на письмо, хотѣлъ распечатать, отложилъ и сѣлъ обѣдать. Зналъ-ли онъ заранѣе, что письмо незанимательно, но по его лицу пробѣжало что-то похожее на нетерпѣніе. Онъ задумался, наконецъ, рѣшаясь, опять взялъ и развернулъ письмо. Оно состояло изъ двухъ тонкихъ листочковъ, исписанныхъ четкой, красивой рукой по транспарану. Верховской бѣгло читалъ и перевертывалъ, будто добираясь до дѣла, нахмурился, сложилъ все опять въ конвертъ и возвратился къ прерванному обѣду.

Ему, впрочемъ, было не суждено кончить его покойно. Лакей явился снова и доложилъ:

— Господинъ Духановъ.

Духановъ былъ молодой чиновникъ мелкаго происхожденія, не крупнаго чина, нѣсколько разъ терявшій мѣста и всегда тотчасъ-же находившій другія, — чѣмъ доказывалось, что онъ дѣлецъ и человѣкъ нужный. Онъ хорошо и замѣтно сознавалъ это, хотя держался съ приторной ласкательной скромностью, когда считалъ ее необходимой и приличной. Это, вѣроятно, многимъ нравилось, потому что Духановъ былъ почти всеобщій ходатай по дѣламъ въ N. Въ настоящее время, ему было поручено сладить съ Верховскимъ продажу имѣнія; сами владѣльцы жили въ Петербургѣ. Духановъ разсчитывалъ на свои выгоды, и потому, въ пятидневное отсутствіе Верховскаго, безпрестанно навѣдывался о его возвращеніи и даже не поскупился заплатить въ гостинницѣ, чтобъ ему донесли «какъ-только баринъ явится». Это было исполнено.

— Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ, сказалъ онъ скороговоркой, на секунду пріостановясь у порога, и въ ту-же секунду, вспомнивъ о своемъ достоинствѣ, развязно вступилъ въ комнату. — Какъ съѣздили, Андрей Васильевичъ?

— Бока отломало, отвѣчалъ Верховской. — Здравствуйте.

— Мое почтеніе,.... сказалъ опять скороговоркой Духановъ, шаркнувъ еще разъ, и опять напомнилъ себѣ о свѣтскихъ манерахъ. — Что-жъ это вы такъ жалуетесь, Андрей Васильевичъ, хе-хе, будто старикъ какой, въ самомъ дѣлѣ. Конечно, не спорю, непривычно вамъ.... экипажъ не такой.... хе-хе....

— Не въ телѣгѣ дѣло, а въ дорогѣ.

— Да вѣдь весна-съ, возразилъ съ снисходительной улыбкой Духановъ.

— У всѣхъ весна, возразилъ Верховской: — но у всѣхъ гати, какіе-нибудь мостики, а къ вашему Спасскому проѣзда нѣтъ; подъ самой деревней — не мостъ, однѣ сваи....

Духановъ прервалъ его смѣхомъ.

— Это мостъ, точно, плохъ, сказалъ онъ: — мнѣ *они* еще въ прошломъ году доносили. Ну, вотъ, какъ купите, новый построите.

— Слишкомъ много придется строить, возразилъ Верховской: — тамъ все на боку.

— Какъ вы, Андрей Васильевичъ, разочаровались! сказалъ Духановъ, продолжая смѣяться, не то для того, чтобъ ободрить себя, не то насмѣшливо. — Домъ, конечно, не новый, но потому собственно это даетъ ему цѣну: барскій домъ, барская постройка; нынче ужъ такихъ и не умѣютъ.... Комфортъ весь, паркеты, отдѣланъ какъ.... Конечно, можетъ-быть, пожелаете роскошнѣе....

— Я, вѣдь, покупаю не домъ одинъ, а деревню, прервалъ Верховской: — я пять дней пробылъ тамъ, осматривалъ.

— Хозяйство, кажется, въ порядкѣ-съ, сказалъ съ достоинствомъ Духановъ: — скотный дворъ, оранжереи....

— И ни одной крѣпкой избы во всей деревнѣ, снова прервалъ Верховской: — ни зерна хлѣба у мужиковъ; пахать начали — побираются другъ у друга лошадьми; въ пятидесяти дворахъ — пять котекъ какихъ-то, а не коровъ....

— Ну-съ, наберется и побольше! возразилъ, захохотавъ, Духановъ. — Нѣтъ, ужъ вы, ей-богу, очень разочаровались, Андрей Васильевичъ; я никакъ не ожидалъ....

— Я самъ никакъ не ожидалъ найти такое разореніе, отвѣчалъ серьезно Верховской: — объ этомъ вамъ слѣдовало-бы *меня* предупредить, какъ мнѣ кажется.

— Мнѣ господа Запольцовы поручили только продажу, отвѣчалъ Духановъ: — я вамъ представилъ опись земли, планы; какой долгъ на имѣніи, какія недоимки — вамъ тоже извѣстно. Хоть сейчасъ покупай — все въ порядкѣ сдѣлано.

— И еслибы я купилъ, не глядя, вы считали-бы, что все сдѣлано по совѣсти?

Духановъ повернулся на мѣстѣ; его маленькое лицо вспыхнуло и маленькіе глаза сверкнули. Онъ въ минуту сдержалъ себя и, пристально глядя на богатаго барина, отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ:

— Я человѣкъ зависимый, Андрей Васильевичъ. Господа

Запольцовы мои благодѣтели; я черезъ нихъ имѣю и мѣстишко. Хорошо говорить о совѣсти, когда деньги есть. У меня ихъ нѣтъ-съ.

Онъ еще разъ поднялъ на Верховского взглядъ, выражавшій, что богатство можетъ безнаказанно унижать и обижать,— взглядъ унизительно-обидный, — сжалъ губы въ улыбку презрѣнія къ невниманію, которое ему оказывали, но продолжалъ прежнимъ, сладко-смиреннымъ голосомъ:

— Госпожа Запольцова мнѣ писала, что онѣ очень дружны съ вашей супругой; такъ я полагалъ, что вы уже обо всемъ предупреждены.

— Ровно ни о чемъ, сказалъ Верховской, ходя по комнатѣ, чтобъ расправить усталыя ноги.

Духановъ тихо разсмѣялся, когда онъ отвернулся.

— Госпожа Запольцова мнѣ подробно описывала, продолжалъ Духановъ:—какъ онѣ съ вашей Лидіей Матвѣевной даже нарочно искали имѣть квартиру въ одномъ домѣ, чтобы дѣти вмѣстѣ занимались.... Для моей довѣрительницы будетъ весьма прискорбно, если вы сочтете, что послѣ такихъ дружескихъ отношеній она рѣшится на обманъ противъ васъ....

— Да и моей довѣрительницѣ не будетъ пріятно, если я ей куплю нищенскую колонію, возразилъ Верховской.

Духановъ опять усмѣхнулся ему вслѣдъ.

— Но самое милое—что вы смолчали о главномъ, продолжалъ Верховской, остановясь.—Если и это—въ интересахъ вашей довѣрительницы, то, извините, это ни ей, ни вамъ чести не дѣлаетъ... Спасскіе мужики недавно убѣгали всей деревней?

Духановъ завертѣлся на стулѣ.

— Пришли сюда въ городъ, и просились всѣ, годные и негодные, въ военную службу?

— Да вѣдь, Андрей Васильевичъ, мало-ли бездѣльниковъ... Кто-нибудь имъ натолковалъ, что военное время, всѣхъ требуется,... служба царская, усердіе... Извѣстно, мужикъ—дуракъ; ну, сказали ему, за это земля будетъ, льготы разныя.... Имъ-ли было не житье...

— Прелестное. Я его видѣлъ, это житье. Какъ-же вы мнѣ этого не сказали?

— Я полагалъ, Андрей Васильевичъ, вы знаете, отвѣчалъ Духановъ, уже въ затрудненіи:—всѣ въ городѣ знаютъ, Спасское....

— *Спасскихъ*—три села въ одномъ уѣздѣ, только изъ тѣхъ двухъ не бѣгали; бѣгали изъ вашего. Такъ вы поступили по совѣсти, скрыли отъ меня, что крестьяне недовольны?

— Да вѣдь, они, Андрей Васильевичъ, ужъ покорились. Кого тогда, тутъ, въ полиціи,—успѣли перехватить,—а то, туда двѣ роты ходили, отвѣчалъ успокоительно-ласково Духановъ. — Теперь они, ей-богу, ничего-съ. За это дѣло и губернаторъ ужъ нахлобучку получилъ, какъ могъ допустить, и исправникъ теперь, и становой... всѣ мѣры приняты, все кончено-съ. Ей-богу, они ничего. И вамъ никакого безпокойства не можетъ быть. И если вашей супругѣ угодно когда въ поле, или въ коляскѣ, — такъ куда угодно теперь, никакого безпокойства!... Госпожа Запольцова писала, что вашей Лидіи Матвѣевнѣ собственно для здоровья нужна деревня. Такъ здѣсь онѣ все найдутъ: мѣстоположеніе, воздухъ, всякую, если позволите сказать—прихоть. Что-жъ дѣлать, нынѣшнимъ временемъ за границу нельзя — въ Крымъ тоже... А здѣсь совсѣмъ будетъ по вкусу Лидіи Матвѣевны. Отъ столицы недалеко... Лидія Матвѣевна въ Москвѣ въ настоящее время?

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ Верховской, продолжая расхаживать и думая, почему онъ это знаетъ.

Духановъ помолчалъ, глядя ему вслѣдъ. Верховской молчалъ тоже и, казалось, не заботился о его присутствіи. Чиновникъ кашлянулъ, чтобъ о себѣ напомнить, но это не подѣйствовало. Верховской взглянулъ въ окно, потомъ на часы.

— Такъ какъ-же-съ, Андрей Васильевичъ? рѣшился наконецъ спросить Духановъ.

— Что?

— Да на счетъ деревни. Ужъ вы разочаровались очень, ей-богу!

— Подумаю, отвѣчалъ Верховской и позвонилъ.

— Мнѣ будетъ истинно жаль, Андрей Васильевичъ, если вы пропустите такую покупку.

— Не перебьютъ, отвѣчалъ Верховской.

— Конечно, господа Запольцовы, по дружбѣ, вамъ скорѣе уступятъ, чѣмъ кому другому, и деньги отъ васъ вѣрныя, а все-таки... золотое дно!

— Да, Запольцовымъ выгоднѣе сбыть его до аукціона, прервалъ Верховской:—я до аукціона немного найдется охотниковъ на это золотое дно. Я подумаю.

Вошелъ лакей. Верховской спросилъ одѣться.

— Куда-нибудь сбираетесь? спросилъ Духановъ.

— Да; извините.

Духановъ поднялъ съ пола свою шляпу.

— Такъ до пріятнаго свиданія, Андрей Васильевичъ. Когда-жъ прикажете явиться?

— Я напишу Лидіи Матвѣевнѣ; дождусь отвѣта и дамъ вамъ знать.

— Это будетъ, стало быть, рѣшительное?

— Да, рѣшительное, отвѣчалъ Верховской, очень довольный, что тотъ кончилъ свои поклоны и затворилъ дверь.

Черезъ нѣсколько времени, онъ самъ шелъ черезъ бульваръ, гдѣ было много гуляющихъ, въ клубъ, гдѣ тоже собралось довольно.

Въ провинціи, въ то время, еще веселились, не уступая Петербургу, который веселился какъ никогда. Верховской, хотя оставилъ его вскорѣ послѣ святой недѣли, наслушался концертовъ, насмотрѣлся спектаклей и баловъ до усталости и былъ радъ уѣхать въ провинцію, чтобъ отдохнуть. Но повидавшись по дѣлу съ двумя-тремя лицами, пришлось знакомиться и съ другими, такъ, что въ двѣ недѣли, Верховской узналъ все, что называло себя «высшимъ N—скимъ обществомъ». Верховской убѣдился, что въ Петербургѣ бываютъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленные часы для бездѣлья, и что тамъ люди, ничего недѣлающіе, дѣлаютъ по крайней мѣрѣ видъ, будто заняты; въ провинціи не соблюдалась и эта церемонія, и, казалось, не было ни службы, ни занятія, не оставляющаго времени для долгихъ визитовъ по утру, для праздношатанія днемъ, для игры въ карты отъ сумерокъ до разсвѣта. Верховскому пришлось жить также, принимая и отдавая посѣщенія. Его особенно ласкали, какъ будущаго помѣщика N—ской губерніи, можетъ-быть, даже N—скаго жителя. Дамы нѣсколько огорчились, узнавъ, что онъ женатъ, но сообразили также, что «это будетъ пріятный домъ», потому что жена Верховского любитъ удовольствія. Это уже знали, хотя Верховской не разсказывалъ.

Верховской провелъ послѣднія десять лѣтъ въ Петербургѣ, но зналъ и Москву, и провинціи, и не находилъ большой разницы въ складѣ провинціальнаго общества и складѣ богатыхъ петербургскихъ среднихъ кружковъ. Это было почти тоже съ небольшими измѣненіями: въ провинціяхъ было только поменьше формальности и экономіи, побольше разгула и сплетень; даже сужденія провинціи казались запоздалыми только сравнительно съ разсужденіями высшаго или литературнаго петербургскаго круга. Такъ думалъ прежде Верховской; теперь, уѣзжая въ провинцію, онъ ожидалъ найти болѣе разницы. Война продолжалась ужъ полгода; событія быстро слѣдовали одно за другимъ, затрудненія усложнялись, затрогивались существенные, родные

интересы. Столицы каждый день читали газеты, получали опредѣленныя извѣстія, были на-слуху распоряженій и намѣреній, болѣе или менѣе знали чему вѣрить, чего ждать, чего опасаться. Но столичные толки, хотя и жаркіе съ вида, были сдержанны, осторожны: недовѣріе и опасенія прятались; настроеніе было искусственное, неискреннее. Столица не страна; это какое-то нарядное, праздничное мѣсто, съ своими уставами и условіями. Правда, туда сбираются люди со всѣхъ концовъ страны, но столица имѣетъ свойство скоро передѣлывать людей на свой ладъ, не выслушиваетъ ихъ, а заставляетъ себя слушать, не узнаетъ отъ нихъ обычаи, силы и нужды страны, а внушаетъ забывать все это, предлагая обо всемъ свои понятія — не широкія, не вѣрныя, успокоительныя, какъ все, что̀ составляется на-скоро и съ предвзятымъ намѣреніемъ приказывать и не безпокоиться.... Только въ настоящее время, когда обнаруживается жизненная дѣятельность провинцій, жители столицъ,—и то еще далеко не всѣ,—начинаютъ терять вѣру въ столичное знаніе вещей и непогрѣшимость столичнаго мнѣнія. Но прежде, тогда, было не то: 1854-й былъ послѣднимъ и самымъ тяжкимъ годомъ молчанія одной стороны, невниманія другой и разъединенія обѣихъ...

Верховской принадлежалъ къ немногимъ жителямъ столицы, не увлекавшимся ея предположеніями, строже обсуждавшимъ ея *приговоры* и уставшимъ отъ ея веселій. Уѣзжая въ провинцію, онъ надѣялся отдохнуть,—что̀ не удалось ему,—но удостовѣрился, что веселье провинціи—не навязанное, не поддѣльное, а искреннее... Убѣдясь въ этой искренности, онъ сталъ искать ее и въ другомъ, счелъ обязанностью присмотрѣться ближе. Въ Петербургѣ онъ слышалъ довольно фразъ; въ провинціи должна быть правда. Здѣсь, на болѣе родной и твердой точкѣ опоры, общественное мнѣніе и общественная сила должны были являться свободнѣе, съ болѣе яснымъ сознаніемъ; увлеченіе здѣсь не могло быть подготовлено, вынуждено модой, вызвано разсчетомъ и желаніемъ выставиться на видъ. Здѣсь всякій ближе и опредѣленнѣе зналъ свои средства: по увлеченію, можно было судить о возможномъ размѣрѣ самоотверженія... Верховской сталъ внимательно слушать толки. Сначала его поразила, въ большинствѣ, недостаточность политическаго знанія, но онъ видѣлъ единственные источники этого знанія — «Инвалидъ» и «Сѣверную Пчелу» на столѣ клуба, а на столѣ губернаторши, m-me Волкаревой, листы выкроекъ, которые назывались иностранными газетами. Ясно, что многого и требовать было нельзя. Верховской воздерживался отъ взыскательности, постарался не находить смѣшнымъ, что m-me Волкарева разбрасывала свою «Indépen-

dance» какъ можно живописнѣе и примѣтнѣе; что клубные читатели вѣрили только въ свои двѣ газеты и презирали иностранныя; что патріотизмъ выражался иногда выспренно-сантиментально, иногда съ грубымъ самохвальствомъ: чувство могло быть сильно, но могло не умѣть выражаться. Верховской боялся судить неосмотрительно. Онъ удерживался даже отъ улыбки на ни съ чѣмъ несообразныя, блестящія предположенія, опровергалъ ихъ осторожно, чтобъ не испугать увлеченія, которое могло быть... Но онъ недолго оставался въ этомъ пріятномъ заблужденіи. Въ нѣсколько дней онъ убѣдился, что ничего не было, ни сознанія силъ, ни народной гордости, ни пыла, ни глубокаго чувства, убѣдился тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ всякій прекращалъ какой-бы ни было разговоръ о современныхъ дѣлахъ и обращался къ самому себѣ, къ своимъ интересамъ, къ вчерашней сплетнѣ, къ завтрашней попойкѣ. Едва раскрывались игорные столы, общество бросалось за нихъ, замѣтно облегченное и обрадованное. «Гдѣ-то» дѣлалось «что-то»; потолковали — и довольно. Это не у нихъ дѣлалось, не ихъ касалось... Это было не мужество, обсудившее свой долгъ и положеніе, и, въ ожиданіи своей очереди дѣйствовать, въ свободный часъ, обращающееся къ житейскимъ мелочамъ. Это была не отвага, готовая, шутя, всѣмъ жертвовать и, шутя, умереть; не горе, которое, утомясь само собою, ищетъ въ чемъ-нибудь забыться. Это было холодное, тупое, сонное равнодушіе. Отъ него-то и была такъ искренно весела провинція...

Верховскому стало тяжело, когда онъ въ этомъ убѣдился. Искусственная жизнь Петербурга одолѣвала; *эта* была не лучше: равная пустота содержанія, только на другой ладъ. Петербургъ фразировалъ и устроивалъ аллегри; провинція махнула рукой и сѣла за карты. Равнодушіе подрумяненное и равнодушіе откровенное. Верховской рѣшился разбирать то, которое было передъ глазами.

Разборъ выходилъ неутѣшительный...

Общество не оглядывалось на себя, не размышляло. По временамъ оно чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ — не могло сказать и не задавало себѣ этого вопроса. Оно существовало; оно было формально устроено, формально ограждено. Тому, кто умѣлъ, не запрещалось богатѣть, какъ умѣлъ; на способы смотрѣли снисходительно, если они были обставлены нужною формальностью; о нихъ и не спрашивали, если богатство веселило кружокъ, въ которомъ процвѣтало. Выработывалась легкая совѣсть; никому не запрещалась удача. Передъ удачей благоговѣли, можетъ быть, отъ внутренней неопредѣленной печали

стѣсненія, заставлявшей высоко цѣнить удачу, тамъ, гдѣ были напрасны трудъ и достоинство; можетъ быть, отъ порчи, въѣдавшейся въ это довольное рабство. Послѣднее едва-ли не вѣрнѣе: въ обществѣ не было негодованія. Общество доводило свое всепрощеніе и неосужденіе до крайности, возможной только въ конечномъ стѣсненіи: преступники только въ тюрьмѣ сочувствуютъ другъ другу... Своекорыстное, отъ отсутствія всякаго общаго интереса, общество мельчало мыслью, сжималось по кружкамъ, дробилось на единицы, и каждая изъ этихъ единицъ привыкала дорожить только собою. Не задумываясь, даже ужъ не о постыдности, а, просто, о забавной сторонѣ своихъ поступковъ, — эти люди изъ-за личностей ссорились, изъ-за личностей дружились; гражданскій долгъ былъ для нихъ нѣчто отвлеченное, чему они не видѣли примѣненія, слѣдуя по обычной колеѣ, не смѣя размышлять, куда ведетъ она, можетъ быть, чувствуя ея неудобство, боясь потерпѣть, если отъ нея отступять,—но чаще всего, довольные этой колеей, довольные болѣе всего тѣмъ, что никто не спрашиваетъ ихъ, какъ провести новую... Самое слово «гражданскій долгъ» — считалось фразой. Выработывался даже языкъ чинный, приличный, гладкій, исключающій всякое прямое названіе вещей по имени. Но языка сильнѣе не было и не нужно: говорить было нечего. Для такъ-называемыхъ «высокихъ предметовъ» были высокіе казенные образцы слога, и тѣ понадобились только въ послѣднее время, и то—для немногихъ строкъ въ вѣдомостяхъ. Живой рѣчи не было мѣста въ обществѣ, гдѣ существовали только свѣтскія, денежныя, пустыя отношенія, въ обществѣ не имѣвшемъ ни общей мысли, ни общей заботы, отученномъ отъ предпріимчивости, не дерзавшемъ и облѣнившемся по убѣжденію. Укрѣплялось и укрѣпилось одно убѣжденіе: что все хорошо какъ есть, потому что такъ — покойно... Общество облежалось на узкой и короткой постелѣ, гдѣ засыпало, и осмѣивало, осуждало тѣхъ немногихъ, которые смѣли увѣрять, что мириться съ подобнымъ положеніемъ и невыгодно и нечестно. Но такіе голоса раздавались рѣдко и осторожно; такихъ людей презирали, когда не боялись; отъ нихъ сторонились. Въ свою очередь мельчали и эти люди, тратя на звонкія слова и провинціальныя придирки душевную силу, при другихъ условіяхъ годную для многого хорошаго; въ свою очередь и они дѣлались виноватыми, когда, уставъ отъ своего одинокаго протеста, не видя отъ него пользы ни себѣ, ни другимъ—вдругъ круто сворачивали въ общую колею, ко всѣмъ прелестямъ лѣни, барства, крѣпостного права, безмыслія, всего въ чемъ погрязали всѣ,— и эти *всѣ* встрѣчали ихъ сначала съ насмѣшкой, какъ ново-

обращенныхъ, потомъ съ привѣтомъ, какъ *своихъ*. Эти новообращенные только хуже подрывали кредитъ правды, здраваго смысла и достоинства: на нихъ указывали какъ на примѣръ того, что съ ихъ прежними понятіями жить нельзя и не должно, какъ на доказательство и подтвержденіе благоустройства общества въ его настоящемъ видѣ...

Въ несчастномъ 1854 году, это несчастное общество дошло до послѣднихъ границъ ослѣпленія: оно начало хвастаться. Правда, за него сначала прихвастнули столицы, прихвастнули люди, никогда его незнавшіе, — кто изъ разсчета, кто по собственному искреннему чувству, считая его только за отголосокъ общаго; а кто—предполагая, что громкія слова возбудятъ чувство, «такъ сказать, одушевятъ». Громкія слова вызвали не одушевленіе, но смѣшное, ужасающее самомнѣніе, самодовольство, и заставили хуже застынуть эту неподвижность: она вообразила себя гранитомъ. Нечего измѣняться, когда все такъ прекрасно, такъ разумно, такъ справедливо. Нечего безпокоиться, когда все такъ сильно, такъ прочно, такъ ограждено. Говорятъ, надо *постоять*... что-жъ, пожалуй!... Хотя для общества, отвыкшаго отъ серьезныхъ словъ, это слово было какъ будто непонятно, хотя, казалось, имъ требовалось чего-то не вошедшаго въ разрядъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, чего-то ускользнувшаго изъ жизни, чего-то необычайнаго,—но общество тотчасъ догадалось, что трудность исполненія лежитъ не на немъ, а на темномъ народѣ, съ которымъ оно день ото-дня все больше разрывало связь. Догадавшись, общество получило еще основаніе не безпокоиться: крѣпостной, обязанный все дѣлать, сдѣлаетъ и *это,—постоитъ*. Оно поняло, что будутъ нужны деньги, но въ началѣ 1854 г., ихъ надобилось еще не такъ много, въ оборотѣ ихъ было довольно, а давая громкія оффиціальныя обѣщанія, общество знало, что расплатится не оно, а все тѣ-же, которые должны постоять, и если, впослѣдствіи, изъ этого произойдутъ какія-нибудь денежныя затрудненія, то ихъ будетъ легко наверстать, все изъ того-же неистощимаго источника,— тѣмъ болѣе, что и бѣда-то вовсе не велика и «Сѣверная Пчела» положительно говоритъ, что ее можно закидать шапками...

Городъ N. представлялъ образъ полнѣйшаго довольства и спокойствія; въ обществѣ ни у кого не было траура; война не коснулась никого и со стороны семейной заботы; веселиться ничто не мѣшало. Верховской не удивился, найдя много народа въ

клубѣ. Старшина приказывалъ освѣтить маленькую залу и посылалъ за музыкой.

— Развѣ собираются танцовать? спросилъ Верховской.

— Да. Съ гулянья зашла Марья Васильевна, съ ней дамы, и еще, вѣроятно, подъѣдутъ. Покуда, въ ожиданіи, тамъ у насъ пѣніе.

Верховской слышалъ издали звуки рояля. Въ большой залѣ, которую проходилъ онъ, еще были отворены окна; она была еще полна тихаго весенняго вечерняго свѣта и въ немъ терялся огонь свѣчей, зажженныхъ на карточныхъ столахъ. Эти столы были ужъ большею частію заняты. Между другими знакомыми, Верховскому встрѣтился губернаторъ Волкаревъ, проходившій съ картой въ рукѣ.

— Вотъ и вы! вскричалъ онъ: — возвратились? Eh bien, êtes-vous à nous? Вы знаете, здѣсь умы волнуетъ вопросъ: поселитесь-ли вы или нѣтъ въ Спасскомъ? On tient à vous avoir ici.

— Очень благодаренъ.

— А я желаю этого едва-ли не больше всѣхъ, продолжалъ Волкаревъ, понизивъ голосъ и по-французски:—сегодня вы здѣшній помѣщикъ, а завтра — здѣшній предводитель, и это моя надежда. Всѣ эти здѣшніе господа!... Мы бы съ вами поняли другъ друга. Когда поселяешься въ провинціи, мой милый, то начинаешь понимать такія надежды... Да и просто, эгоистически, Марья Васильевна и я хотимъ васъ завербовать сюда какъ товарища въ изгнаніи, прибавилъ онъ, любезно смѣясь.

— Мѣсто-то изгнанія мнѣ не совсѣмъ по вкусу, отвѣчалъ по-русски Верховской.

— Какъ, Спасское?

— Да.

— Quelle idée! une propriété magnifique!

— Да, но хлопотъ съ ней много, отвѣчалъ Верховской, взглянувъ на любезнаго собесѣдника и чувствуя удовольствіе, что онъ какъ-будто сконфузился отъ отвѣта и взгляда.

— Хлопотъ?... повторилъ Волкаревъ и опять понизилъ голосъ.—Oh, croyez-moi, c'est fini, bien fini! Меня здѣсь знаютъ. Мнѣ стоило приказать однажды... Это все закваска прежнихъ поблажекъ, прибавилъ онъ съ презрительной злостью: но меня, стараго кота, больше не обманутъ. Можете быть покойны. Исправникъ и становой... скажите имъ моимъ именемъ, что если когда-нибудь... Это люди мнѣ преданные. Однимъ счастіемъ въ жизни могу я похвалиться, мой милый Андрей Васильевичъ,— я здѣсь любимъ! заключилъ онъ вдругъ съ умиленіемъ, съ ко-

тораго также быстро перешелъ на прежній веселый тонъ. Такъ когда же мы васъ водворяемъ? Затрудненій, кажется, особенныхъ нѣтъ? Межеваніе съ казенными кончено?

— Нѣтъ, сказалъ Верховской, которому это наскучило.

— Нѣтъ?... Ну, тутъ ужъ я ничего не могу!! продолжалъ губернаторъ, на этотъ разъ по-русски и очень громко. Здѣшній управляющій палатою государственныхъ имуществъ, господинъ Багрянскій, упрямъ какъ семинаристъ... каковъ онъ, впрочемъ, и есть... Полгода тянутъ такія пустяки! Я ужъ обращался къ нему, по просьбѣ m-me Запольцовой, и имѣлъ честь получить... да, почти-что наставленіе не мѣшаться не въ свое дѣло. Право, да! подтвердилъ Волкаревъ, засмѣявшись, на что откликнулись слушатели:—j'ai eu cette leçon-là, а потому, несмотря на все мое желаніе быть вамъ полезнымъ, дорогой Андрей Васильевичъ...

— Благодарю васъ, прервалъ Верховской:—я постараюсь самъ видѣться съ г. Багрянскимъ.

— Да, *постарайтесь*, именно такъ, *постарайтесь*, потому что это невидимка, подхватилъ развеселившійся губернаторъ:— въ палатѣ своей онъ всегда занятъ, а дома никогда не принимаетъ. Вамъ придется осаждать его... Et à ce propos, savez-vous la nouvelle? вдругъ зашепталъ онъ таинственно и, взявъ подъ руку Верховскаго, даже отвелъ его отъ кружка, впрочемъ, по направленію къ игорному столу, гдѣ его ждали: въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ!

— Въ Балтійскомъ морѣ? повторилъ Верховской.

— И ужъ дрались, нападали на барки... это, вотъ, новенькое, въ пять дней, покуда васъ здѣсь не было... Мнѣ пишутъ. Вообще, событія... Mais, excusez, le whist est à l'ordre du jour!.. вамъ разскажетъ моя жена... договорилъ онъ, оставляя Верховского, и, на послѣднемъ переходѣ къ столу, раскланиваясь съ двумя входящими молодыми дамами. — Mesdames, пріятная и важная новость, — я получилъ сегодня: on nous enverra ici les prisonniers de guerre français!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Скоро?

— Вотъ, когда будутъ.

— А, еще долго!

— Молитесь, mesdames, за успѣхъ нашего оружія, за христолюбивое воинство.

Молодая дама разсмѣялась.

— А что-жъ вы сдѣлаете съ французами?

— Жду вашихъ приказаній, отвѣчалъ съ поклономъ губернаторъ.

— Покажите, если будутъ хорошенькіе, сказала одна.

— Вы ихъ запрете? прибавила другая.

— Mesdames, ils ne porteront d'autres chaînes que les vôtres...

Верховской отошелъ, когда они заговорили. Извѣстіе его поразило. Онъ подумалъ, не напугавшись-ли, его жена такъ неожиданно и скоро уѣхала изъ Петербурга. Но въ ея письмѣ не было ни слова о приближеніи непріятеля; оно все состояло изъ приказаній скорѣе купить деревню, изъ разсчетовъ, что дачи дороги и неудобны, что нужны комнаты для гувернантки, нужны ванны, нужно молоко; что другія деревни Лидіи Матвѣевны—въ глуши и въ нихъ нѣтъ господскихъ домовъ... Верховской все это давно зналъ, сто разъ слышалъ и уже шесть разъ прочелъ въ шести письмахъ, присланныхъ ему въ N. Въ послѣднемъ не было главнаго: причины выѣзда изъ Петербурга. Но если перепугалась—не нужно-ли съѣздить въ Москву, успокоить?.. Верховской не отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ, но подумалъ, что сію минуту уѣхалъ бы въ Петербургъ...

— Будете танцовать? спросилъ его Лѣсичевъ, молодой человѣкъ изъ избраннаго интимнаго кружка Волкаревыхъ.

— Я не танцую.

— Полноте, не огорчайте Марью Васильевну; для нея... хоть полюбуйтесь.

— Я и совсѣмъ уйду, если тутъ танцы; я сейчасъ съ дороги, зашелъ сюда нечаянно, въ сюртукѣ, перчатки черныя...

— Э, Боже мой, ничего. Вечеръ внезапный, импровизированный. Вамъ извинится. Это, вотъ, на дѣйствующую армію сейчасъ была сдѣлана *постройка* бѣлыхъ перчатокъ. Полковникъ ихъ распорядился, послалъ, а то они хотѣли сами сбѣгать, продолжалъ Лѣсичевъ, хохоча и показывая на офицеровъ, толпившихся у стѣнъ.

— Откуда они? спросилъ Верховской.

— Офицеры? Не знаю. Какой-то полкъ, идутъ на Дунай... Впрочемъ, чтобъ не переврать—и этого не знаю. Вчера пришли и здѣсь имъ на недѣлю велѣно остановиться; чего-то ждутъ... Да пойдемте въ гостинную. Смѣхъ!.. Марья Васильевна вѣдь тотчасъ готова продюизировать...

Въ дверяхъ гостинной было тѣсно. Почти у входа стоялъ рояль и за нимъ сидѣлъ молоденькій, бѣловурый прапорщикъ, очевидно, изъ недавно выпущенныхъ кадетъ; его маленькая головка даже серебрилась отъ густоты волосъ и короткой стрижки;

круглыя щеки съ ямочками еще не успѣли похудѣть, мѣдные эполеты сіяли. Онъ конфузился, краснѣлъ и пѣлъ, постукивая по клавишамъ красными короткими ручками, на которыя надвигались красные обшлага, безобразно широкіе, — сшитые по модѣ, какъ былъ увѣренъ мальчикъ, «на ростъ» — какъ насмѣшничали его старшіе товарищи. Онъ пѣлъ стихотвореніе, въ то время всѣмъ знакомое, удостоенное переложенія на музыку и производившее такой фуроръ, что публика долго приписывала его то одному, то другому изъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ:

Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ...

Офицерикъ пѣлъ это ужъ въ четвертый разъ, по желанію m-me Волкаревой, которая просила повторить всякій разъ, едва въ гостинную входило новое лицо. M-me Волкарева стояла, положивъ руки на его стулъ, и громко разговаривала съ тѣми, кого сбирала слушать.

— А, m-r Верховской! сказала она, увидя его: — давно-ли воротились?

— Ну, слава-Богу, теперь «Пальмерстону» конецъ, — сказалъ одинъ статскій молодой человѣкъ другому, тоже изъ статскихъ, подъ шумокъ, пока Верховской раскланивался.

— Ты думаешь?

— Вотъ, увидишь; больше не попроситъ.

Офицерикъ, ужъ привыкшій повторять, едва кончалъ, ударилъ опять первый аккордъ.

— Merci, прервала его m-me Волкарева: — bien merci за удовольствіе, которое вы доставили...

— Довольно... пояснилъ ему, вполголоса, сѣдой полковникъ.

— Неправда-ли, мы оригинально проводимъ вечеръ... заговорила m-me Волкарева Верховскому и, оглянувшись, что никто болѣе не выражаетъ своей благодарности артисту, обратилась опять къ нему: — У васъ прекрасный голосъ, m-r Соловьевъ... pardon, m-r Соколовъ; вамъ бы надо заниматься, постоянно заниматься...

— Вотъ, прежде кое-чѣмъ другимъ займемся, отвѣчалъ за него полковникъ: не до пѣсенъ покуда.

— Ахъ, пѣть, пѣніе одушевляетъ! возразила m-me Волкарева, оглядываясь на другихъ дамъ, чтобъ выпросить у нихъ хоть нѣсколько словъ для поддержки разговора.

Дамы молчали или разговаривали между собой и статскими господами.

— Пѣніе оживляетъ... повторила она почти отчаянно.

— И очень, сказалъ командиръ N-скаго гарнизоннаго баталіона:—у меня здѣсь теперь обучается партія рекрутъ; славно спѣлись.

— Русскій народъ, вообще, музыкаленъ, прибавила губернаторша.

— Да вотъ, неугодно-ли вашему превосходительству, можно будетъ какъ-нибудь вечеромъ, послѣ ученья, пригнать ихъ сюда на бульваръ (онъ показалъ въ окно), они вамъ хоть до полночи пропоютъ.

— Ахъ, непремѣнно... Слышите, mesdames, намъ даютъ военную серенаду! Война доставляетъ свои удовольствія.

— Кому какія, замѣтилъ Верховской.

Старый полковникъ улыбнулся молча.

— Ахъ, нѣтъ! вскричала m-me Волкарева:—а слава? отличиться, взять знамя.

Она опять оглянулась на дамъ.

— Желаю вамъ взять знамя, сказала маленькому прапорщику хорошенькая женщина съ плутовскими глазками, къ которой особенно обращались взгляды губернаторши.

Юноша только-что успѣлъ вылѣзти изъ-за рояля, гдѣ его прижали, и услыша, что съ нимъ говорятъ, еще больше сконфузился.

— А если убьютъ? выговорилъ онъ своимъ дѣтскимъ голоскомъ и почти шопотомъ.

— А сколько по васъ заплачутъ! возразилъ ему, хохоча, Лѣсичевъ.

Желаніе m-me Волкаревой исполнилось: разговоръ сдѣлался нѣсколько живѣе, хотя военные, по прежнему, мало принимали въ немъ участія. Эти некрасивые, загорѣлые армейцы уже болѣе десяти лѣтъ не были въ модѣ въ губернскомъ свѣтѣ и понимали, что ихъ пора не наставала и теперь: женщины умѣли только пророчить имъ побѣды, а мужчины спрашивали, откуда и далеко-ли они идутъ. Они изъ-подлобья смотрѣли на собесѣдниковъ, хмурились, или насмѣшничали даже надъ своими товарищами, которые менѣе односложно отвѣчали на вопросы. Губернское общество въ свою очередь переглядывалось и смѣялось. Это были два отдѣльные свѣта и настоящая минута, казалось бы, общаго интереса ихъ не соединяла. Для обѣихъ сторонъ интересъ былъ новъ, принятъ обѣими неглубоко; забыть старое было не въ чемъ, говорить о новомъ—не о чемъ... Ихъ какъ-то неловко ласкали, за ними какъ-то обидно ухаживали...

— Да, теперь мы понадобились, сказалъ въ своемъ кружкѣ

одинъ особенно неловкій и немолодой поручикъ, отцѣпляя шпагу и укладывая каску на окно: въ ближней залѣ раздалась музыка.

M-me Волкарева и другія дамы между тѣмъ приставали къ полковнику и старшимъ офицерамъ, чтобъ они дали этими днями вечеръ, на дачѣ, дали бы послушать музыку, которой славился ихъ полкъ. Полковникъ долго отговаривался, наконецъ, уступилъ. Дамы были въ восхищеніи.

— А я вызываюсь быть хозяйкой на вашемъ балѣ и звать къ вамъ гостей, сказала m-me Волкарева, весело отправляясь танцовать.

Вслѣдъ за губернаторшей отправилось и все общество. Въ гостинной и большой залѣ, въ сторонѣ отъ играющихъ, бродили только офицеры, которые не нашли себѣ дамъ. Они были сумрачны, толковали между собою о назначенномъ вечерѣ, о томъ, что походъ великъ, денегъ ни гроша...

II.

Верховской ушелъ домой. N-ское общество показалось ему какъ-то особенно не по-душѣ. Его тупо одолѣвала мысль, что здѣсь ему придется поселиться...

Онъ не забывалъ, что его столько-же одолѣвала и петербургская жизнь, что слишкомъ въ десять лѣтъ онъ не могъ въ нее втянуться. Втянувшіеся называютъ ее лихорадочной, завлекательной. Верховскому она казалась одуряющей бѣготней все въ одномъ и томъ же ограниченномъ пространствѣ, бѣготней, въ самомъ дѣлѣ, доводящей до лихорадочнаго состоянія и завлекательной только потому, что больше дѣлать нѣчего... Верховской служилъ, какъ вообще служатъ люди съ состояніемъ, не особенно дѣятельно, но ясно убѣждался, что и большая дѣятельность была бы одинаково безполезна. Въ обществѣ, казалось бы, оживленномъ, дѣятельномъ, потому что суетливомъ, Верховскому наскучало однообразіе воспитанія, мнѣній, вкусовъ, обычаевъ, установившихся и незыблемыхъ. Иногда общество какъ будто и само тяготилось ими, но какъ будто находило ихъ и удобными, потому что безъ нихъ не знало бы, что съ собою дѣлать. Ни на что ненужныя знакомства, считавшіяся необходимыми потому только, что однажды были заведены — и также безъ всякой необходимости; положенные пріемные вечера разъ въ недѣлю и совершенное сходство этихъ вечеровъ отъ перваго до послѣдняго; абонементъ въ оперѣ, будто нѣчто непреложное; чай послѣ оперы

непремѣнно у однихъ и тѣхъ-же знакомыхъ, будто нѣчто неизбѣжное,—и тамъ все тѣ-же лица и тѣ-же толки, не дальше красоты Маріо и скандаловъ по этому поводу, не дальше вчерашняго производства и завтрашняго парада; балъ за баломъ; какая-то обязанность веселиться, потому что больше ничего не придумывалось, потому что больше нè на что потратить время,—все это одолѣвало. Пустота мучила, и мучила тѣмъ болѣе, что ею, казалось, никто не скучалъ. Никто,—иначе, люди съ достаткомъ постарались бы изъ нея выдти, или хоть оживить ее. Но они-то ее и создавали. Ими и держались эти загородные зимніе пикники, эта дачная скука, эта пошлость театра, гдѣ, по ихъ мнѣнію, были необходимы водевильчики, чтобъ отдохнуть отъ Рашели. Они-то и гнали, ужъ не только всякую книгу, но даже всякій романъ серьезнѣе «Трехъ мушкатеровъ», пробиваясь въ отечественной литературѣ знаніемъ анекдотцевъ, переносимыхъ изъ редакцій и перевранныхъ на дорогѣ. Чтò бы ни случалось, гдѣ-то далеко, принималось тоже въ видѣ анекдотца и служило предметомъ легкаго разговора на полчаса, не больше. Такъ прошли для этихъ кружковъ общества 1848—49 годы, такъ подступали и грозные настоящіе, все въ той-же нарядной, дорогой праздности жизни и постыдной праздности мысли. Верховской по положенію принадлежалъ къ этимъ кружкамъ. Они составляли средину между высоко поставленной, недоступной аристократіей и небогатымъ людомъ, въ которомъ, въ то время, затеривался и людъ ученый, артистическій, литературный. Верховского тянуло туда по наклонностямъ и воспитанію; но однажды принятое положеніе въ свѣтѣ, семейныя отношенія, служба, знакомства,—вся эта обрядовая сторона, связывали и удерживали тамъ, куда онъ попалъ по неволѣ...

Впрочемъ, онъ не могъ сказать: «по неволѣ». У него на совѣсти лежалъ грѣхъ и годъ отъ году все тяжелѣе за себя отплачивалъ: Верховской былъ бѣденъ и женился изъ-за состоянія. Онъ продалъ свою волю и съ нею возможность жить какъ бы хотѣлось, выбирать себѣ друзей и занятія, даже возможность быть самимъ собою. Такая продажа — дѣло довольно обыкновенное и обходится, кажется, довольно легко, потому что несчастныхъ отъ нея незамѣтно; — судьба ли устроиваетъ все къ благополучію людей, люди ли мирятся съ судьбою и своею совѣстью, вознаграждая себя чѣмъ могутъ, или, если страдаютъ, то молчатъ? потому что подобная жалоба ведетъ за собою много тяжелыхъ и неловкихъ признаній и вызываетъ или сочувствіе, отъ котораго дѣлается какъ-то стыдно, или осужденіе людей под-

часъ не менѣе виноватыхъ, но на этотъ разъ не пропускающихъ случая щегольнуть фразами честности...

У Верховского не было повѣренныхъ, и свѣтъ, который видѣлъ его жизнь, находилъ его правымъ со всѣхъ сторонъ и счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ эта жизнь текла стройно, прилично, достойно уваженія. Онъ одинъ зналъ и чувствовалъ ея настоящую цѣну...

Онъ былъ единственный сынъ. Его отецъ когда-то имѣлъ состояніе и, уже немолодой, женился на дѣвушкѣ изъ стариннаго дворянскаго дома, за которой не спросилъ приданаго. Спрашивать, впрочемъ, было бы напрасно: старинный домъ былъ въ большомъ упадкѣ. Отецъ Верховского доставилъ себѣ удовольствіе заплатить нѣсколько долговъ, наиболѣе грозившихъ этому семейству, которое, деликатно, никогда впослѣдствіи не конфузило его своею благодарностью и не возвращало денегъ. Это семейство было многочисленно, но, служа, такъ разсѣялось по отечеству, что когда отецъ Верховского самъ запутался въ своихъ дѣлахъ, онъ не могъ добиться ни отъ кого изъ родственниковъ ни помощи, ни совѣта, а наконецъ, и отвѣта на свои письма. Онъ запутался скоро. Житье, хотя и въ губернскомъ городѣ, но выше средствъ, игра, спекуляціи, которыми онъ вздумалъ-было поправиться, унесли до конца его состояніе. Разореніе шло быстро. Андрею было четырнадцать лѣтъ, когда отецъ его умеръ на бѣдной постелѣ, во флигелькѣ о трехъ кривыхъ окнахъ, куда переѣхали Верховскіе изъ своего большого дома, описаннаго и проданнаго съ молотка. Разореніе, хотя и ожиданное, было ужасно... Верховского знали за человѣка неразсчетливаго, но любили, какъ человѣка добраго; никто не вызвался предостеречь, удержать его, когда онъ тратился на свою безумную хлѣбъ-соль, напротивъ, его будто поощряли тратиться,— но послѣ его смерти, эту хлѣбъ-соль вспомнили. Общество обратилось съ участіемъ и предложеніемъ помощи его вдовѣ. Тогда эта женщина, воспитанная въ барствѣ, прожившая въ довольствѣ, избалованная свѣтомъ за свою необыкновенную красоту, избалованная любовью и предупредительностью мужа, выказала твердость, рѣдкую даже въ наше время, а тридцать лѣтъ назадъ — неслыханную. Она, безъ гордости и обиды, отказалась отъ всякой помощи. Не обязываясь никому, она не теряла своей независимости, а отъ сочувствія общества приняла только одно: возможность трудиться. Она стала давать уроки. Въ то время, особенно въ далекомъ губернскомъ городѣ, было трудно найти

даже посредственныхъ учителей языковъ и музыки, а Верховская оказывалась учительницей отличной. Тутъ только узнали, что она сама занималась воспитаніемъ сына, изящнаго, умнаго мальчика, на котораго вдвое тяжелѣе падала перемѣна обстоятельствъ. Всѣ думали, что мать попроситъ объ его устройствѣ кого-нибудь изъ своихъ братьевъ; она этого не сдѣлала. Рѣзко и рѣшительно она положила не обязываться никому, тѣмъ болѣе роднымъ, которыхъ заранѣе предвидѣнный отказъ могъ бы только огорчить и ожесточить впечатлительнаго мальчика, — тонкости, многими часто забываемыя. Она дѣлала сына товарищемъ своей жизни, всякаго своего горя и. всякаго лишенія. Уже больше года, еще при жизни отца, Андрей ходилъ въ гимназію, потому что не было средствъ имѣть учителей дома. Теперь, возвращаясь изъ классовъ въ бѣдный флигель, онъ находилъ свою неутомимую мать, тоже возвратившуюся съ уроковъ, готовую, какъ прежде, заниматься съ нимъ. Она не теряла ни одной минуты; въ свободные промежутки, она шила и вышивала на продажу. Свѣтская женщина только не умѣла и не могла хозяйничать; она хворала отъ кухоннаго чада; ея нѣжныя руки не выносили тяжестей и холодной воды, — музыкантшѣ было необходимо беречь ихъ; все грубое ее мучило и отвращало. Сынъ вступился вò время помогать, разсчелъ расходы, нашелъ работницу; въ промежуткахъ чтенія, занятій, переводовъ, англійскихъ уроковъ, носилъ воду, кололъ дрова, топилъ печи, подметалъ дворъ; онъ сторожилъ бы ночью вмѣсто собаки, еслибъ это было нужно для спокойствія матери. Онъ прежде любилъ ее, въ бѣдности сталъ обожать. Онъ видѣлъ, что она не старалась выказывать твердость, только для того, чтобъ поддержать его: она не притворялась, она была тверда въ самомъ дѣлѣ, — въ самомъ дѣлѣ, товарищъ, съ которымъ легко жилось, при которомъ было стыдно сробѣть или залѣниться. Она была его нравственной силой; ему хотѣлось быть чѣмъ-нибудь для нея. Онъ сталъ ея радостью. Бѣдность была велика, но велико было счастье всякій день больше и больше любить другъ друга, встрѣчаться каждое утро съ восторгомъ, будто послѣ разлуки нѣсколькихъ годовъ, жить только вдвоемъ — и все не наговориться... Онъ называлъ мать: «ненаглядная». Она не говорила, но съ удовольствіемъ женщины замѣчала, что онъ хорошѣетъ; онъ становился похожъ на нее...

Но чѣмъ лучше было ихъ счастье, тѣмъ яснѣе становилась необходимость скоро разстаться; молодому человѣку нельзя было окончить свое воспитаніе одной гимназіей и уроками матери... Безъ малѣйшаго движенія барства и брезгливости, когда не слу-

чалось выгодныхъ уроковъ, Верховская ходила учить грамотѣ въ дома купцовъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ,—но не могла подумать безъ ужаса, что ея сынъ поступитъ въ число писарей какого-нибудь присутственнаго мѣста. Правда, въ свѣтскихъ богатыхъ домахъ ей намекали и даже говорили положительно, что это устроится, что ея André, «un enfant de bonne maison», можетъ быть замѣщенъ при губернаторѣ, что онъ не затеряется, что онъ увидитъ общество. Верховскую едва-ли еще не болѣе пугало это предположеніе. Она ясно видѣла, что, такъ, жизнь ея сына начнется съ невѣрнаго шага, съ кривой дороги, съ ложнаго положенія. Праздность, протежированіе и мелкія услуги, которыхъ оно требуетъ будто должнаго,—неловкость и затрудненія, неизбѣжныя въ богатомъ обществѣ для молодого человѣка образованнаго и бѣднаго,—Верховская обо всемъ передумала. Она не остановилась на пріятной мечтѣ, что сынъ постарается не терять времени, будетъ вникать въ дѣло, будетъ помнить свои средства и не постыдится своей бѣдности. «Въ восемнадцать лѣтъ служить рано, а въ этомъ обществѣ онъ измельчаетъ», рѣшила она съ своею обычною твердостью и перестала думать о трудныхъ и черныхъ дняхъ, которые ему предстояли. У нея только тяжело легла на душѣ мысль, что придется съ нимъ разстаться, что онъ будетъ одинокъ... да и она одинока.

— Хочешь въ университетъ? спросила она его, безъ вступленія, въ одинъ день, когда онъ усердно готовился къ своему послѣднему экзамену.

Объ этомъ между ними никогда не бывало рѣчи. Онъ давно думалъ объ университетѣ, но не смѣлъ сказать, зная, что туда не съ чѣмъ собраться. Мать нашла съ чѣмъ. Она съумѣла сберечь дорогіе часы, когда-то прихоть и нарядъ, а въ послѣдніе годы служившіе ей во время уроковъ. Много разъ, въ крайности, Верховская бывала готова продать ихъ и всегда удерживалась, говоря себѣ, что придетъ необходимость важнѣе насущнаго хлѣба. Она и тогда думала о студентствѣ сына. Она продала эту послѣднюю вещь безъ сожалѣній и воспоминаній, безъ умиленій и восторженности, этихъ принадлежностей людей слабонервныхъ,—накупила холста и сукна и стала снаряжать Андрея. Ея знакомые, мелкіе и важные, ахнули на такое безразсудство: она заставляла сына мѣнять вѣрное на невѣрное, мѣсто въ губернаторской канцеляріи на студентское бездомное житье. Ей даже выговорили это; она, не споря, не возражая, отвѣчала только, что такъ имъ обоимъ кажется лучше. Эта женщина была совершенная противоположность другихъ женщинъ: ни жалобы, ни возни, ни лишнихъ толковъ, ни даже чувствительности. У

ней даже не мелькнуло обыкновенное женское желаніе — чѣмъ-нибудь «потѣшить своего мальчика»: все, что она дѣлала для него, было единственно необходимое. Правда, у нея не достало бы денегъ. Ихъ и безъ того было мало. Она заложила свою шубу и отпустила его покойно; Андрей уѣхалъ въ Москву экипированный «comme un enfant de bonne maison» и обезпеченный на нѣсколько мѣсяцевъ прожитка.

— Не безпокойся, я еще пришлю, говорила ему, прощаясь, мать, сама не зная, что̀ она ему пришлетъ, но обрекая себя, если будетъ нужно, и на постъ, какъ ужъ обрекла на стужу.

Ни онъ, ни она не смѣли назначить срока, когда увидятся. На его предположеніе, что она могла бы тоже переселиться въ Москву, Верховская только засмѣялась и возразила, что учительницъ тамъ и безъ нея много. Только, проводивъ его, оглянулась она на весь ужасъ разлуки и поняла, что эта разлука можетъ быть вѣчною. А онъ, съ первой минуты, сталъ думать о минутѣ свиданія, и эта мысль его поддерживала. Онъ унесъ съ собой память матери, ея привычную твердость въ трудѣ и скупость на трату времени. Едва устроясь въ университетѣ, онъ нашелъ себѣ уроки и, торжествуя, писалъ матери, что онъ богачъ. Она знала, что онъ не обманетъ, даже для того, чтобъ утѣшить.

Студентская жизнь Верховского пошла счастливо; занятіе занимало; особенно изящное воспитаніе доставляло знакомства даже въ довольно взыскательныхъ домахъ, но эти знакомства не отдаляли отъ друзей-бѣдняковъ, которые нашлись еще скорѣе. Жизнь извѣстная, почти одинаковая для всѣхъ, кто жилъ ею и, можетъ быть, оттого тѣснѣе связывающая, милая своимъ однообразіемъ и памятная всякому, какъ лучшая пора существованія. Верховской терпѣливо трудился и нетерпѣливо ждалъ конца перваго курса, спалъ и видѣлъ вакацію, далекій губернскій городъ и свою мать. Но когда пришла вакація, онъ увидѣлъ уже наяву, что ему возможно ѣхать не за пятьсотъ верстъ, а только на урокъ въ подмосковную, и что это еще счастье, которое не всѣмъ дается. Онъ скучалъ, какъ дитя. Мать, тоскуя вдвое, шутила надъ нимъ и называла его школьникомъ. Эта первая несбывшаяся надежда его переломила. Онъ сказалъ себѣ, что желанное надо не ждать, а доставать, отказался отъ знакомствъ, отъ всякаго удовольствія, не зналъ ничего кромѣ лекцій и уроковъ, уходилъ изъ общества товарищей и принялся упрямо копить деньгу. Онъ посмѣялся этому, но ужъ много

позже. Видя, съ приближеніемъ мая, что всѣ усилія были тщетны, онъ придумалъ другое: припечаталъ въ газетахъ, что «студентъ желаетъ заняться преподаваніемъ и ѣхать на лѣто непремѣнно въ губернскій городъ ***, на какихъ угодно условіяхъ». Средство удалось. Господинъ, ѣхавшій въ *** и умѣвшій изъ всего извлекать свои выгоды, предложилъ ему условія невѣроятныя, изъ которыхъ еще не самое трудное было — возвращеніе Верховского въ Москву на свой собственный счетъ. Верховской на все согласился и послѣ пятидневнаго путешествія, прямо отъ заставы, выпросивъ у своего наемщика милости отложить до завтра знакомство съ его семерыми птенцами, побѣжалъ въ знакомый переулокъ, къ знакомому флигелю.

Мать не ждала его; онъ не успѣлъ написать. Блѣдная, она замерла у него на шеѣ. Это былъ первый и единственный въ ея жизни признакъ слабости, но его было довольно, чтобъ поразить сына. Онъ въ одну минуту увидѣлъ все, и бѣдность ея жилья, и бѣдность ея платья; все какъ-то обветшало кругомъ, и не мудрено: все убиралось только по привычкѣ, а не изъ желанія украсить чѣмъ-нибудь мѣсто, отведенное на свѣтѣ для сладкаго житья вдвоемъ. Она сама не то постарѣла, не то перемѣнилась; ей не было сорока лѣтъ, а ея волосы посѣдѣли, ея стройная талія обрисовывалась какъ-то особенно тонко въ черной блузѣ; сынъ узналъ и эту старую блузу, мелькомъ, разомъ, смѣшивая воспоминанія съ настоящимъ...

— Похудѣла... Ты была больна? выговорилъ онъ на первое слово.

— Просто, постарѣла, отвѣчала она, оживая, становясь прежнею, веселою безъ притворства: — вѣдь и ты не помолодѣлъ, студентъ второго курса!

— Нѣтъ, теперь ужъ третьяго, возразилъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣни; она казалась ему святою.

— Спасибо... Чтожъ ты плачешь? Видишь—жива, вотъ, твоя, какъ была...

Онъ думалъ, что обезумѣетъ отъ счастія и горя. Всѣ два года ея одинокой печали сказались ему въ этомъ свиданіи. Она была та же, что прежде, также добра, весела, впечатлительна; также судила, также ясно, полно всему сочувствовала, но какъ-то тихо, будто робко; она стала неразговорчива, «замолчалась», какъ сказала она, смѣясь. Ее будто забило непогодой, къ которой она привыкла. Лишенія были приняты и вынесены съ твердостью; они не сломили характера, но привычка къ нимъ отразилась на всемъ, даже на мелочахъ. Верховскому эти мелочи казались тѣмъ больше, чѣмъ были мельче. Онъ не могъ

удержать слезъ, когда мать сказала, что у нея закружилась голова отъ дорогого чая, который онъ привезъ ей въ гостинецъ; онъ заставилъ ее признаться, что она болѣе года не пила чая, и пришелъ въ отчаяніе отъ равнодушія, съ которымъ она призналась.

— Если ты будешь волноваться такими пустяками, сказала она: — я стану скрытничать.

Онъ понялъ, чего она хотѣла. Она давала ему послѣдній и самый трудный урокъ. Она учила жить, хотя розно, но все-таки вдвоемъ, понимать любимое существо и вѣрить въ его силы; понимать, что этимъ силамъ не нужна поддержка жалостливости и ухаживанья, что онѣ живутъ собственной вѣрой въ силы другого. Она учила спокойствію за того, кто дорогъ,—тому спокойствію, которое непонимающіе суетливые люди называютъ равнодушіемъ и холодностью, которое эгоисты рады назвать эгоизмомъ, думая найти въ немъ свое отраженіе,—тому спокойствію, которое есть высшее выраженіе любви, потому что въ немъ вся полнота уваженія, сливающаго два существованія въ одно...

— Нѣтъ, ужъ не скрытничай! выговорилъ онъ, глядя ей въ глаза.

Она улыбнулась.

— Мы съ тобой желѣзные, не разобьемся, сказала она: намъ только смѣхъ смотрѣть, какъ по насъ судьба колотитъ.

Онъ не возражалъ, но разсчелъ про себя, насколько ему жилось легче нежели ей. У него были друзья, общество, удовольствія. Его занятія доставляли ему наслажденіе. Если онъ и трудился, то не всякій же часъ его былъ трудомъ для куска хлѣба. Наконецъ, и хлѣбъ, который онъ ѣлъ, былъ вкуснѣе. Онъ молодъ и здоровъ; она — старѣе его почти двадцатью годами...

Онъ похолодѣлъ... Ему вообразились опустѣлыя комнаты этого флигеля...

Онъ старался превозмочь то, что́ она назвала бы праздной сантиментальностью, еслибы могла угадать, до какихъ страховъ дошло его мучительное раздумье. Но успокоиться онъ не могъ и только притворился веселымъ... Она не могла и вообразить притворства у того, кто требовалъ отъ нея искренности. Онъ страдалъ, обманывая... И это та желанная вакація, которой онъ едва дождался!

Эта вакація прошла скоро. Живя у чужихъ людей, Верховской даже не всякій день видѣлся съ матерью. Противоположность ея житья и удобствъ этихъ чужихъ людей еще болѣе его мучила. Онъ говорилъ себѣ, что такъ нельзя, несправедливо, не

должно, что должно настать время, когда его мать вздохнетъ свободно, что онъ ускоритъ это время. Оплакивать и плакать— равно безполезно, недостойно, смѣшно; но дѣйствовать—другое дѣло. Верховской былъ готовъ на все, лишь бы перенести мать въ другія стѣны, лишь бы заставить ее не трудиться. Этотъ трудъ сталъ ему ненавистенъ. Онъ не зналъ, что сдѣлаетъ, какія найдетъ средства, какъ устроится, но онъ рѣшился на все возможное, призывалъ чудеса, вѣрилъ въ нихъ...

— Послушай, сказалъ онъ ей, прощаясь:—мы не увидимся опять два года. Обѣщаешь ли ты мнѣ...

— Не умереть? прервала она, засмѣявшись.

— Чтò ты говоришь! вскричалъ онъ.

— А чтó же больше? Какія обѣщанія можемъ мы давать другъ другу? Не перемѣниться?... Ужъ мнѣ не взять ли съ тебя обѣщанія не шалить?

— Обѣщай мнѣ, едва я кончу курсъ...

— Ну, и заживемъ вмѣстѣ, прервала она: — это давно рѣшено.

У него только и осталась мысль, что «зажить вмѣстѣ». Съ этою мыслью онъ вставалъ и ложился, шелъ на лекціи и на уроки, встрѣчался съ знакомыми, бывалъ въ постороннихъ домахъ, присматривался къ небольшимъ квартирамъ, справлялся о возможности скорѣе получить мѣсто. Онъ ничего не писалъ матери объ этихъ тревогахъ. Онъ чувствовалъ, что готовъ просить покровительства и обязываться, готовъ добиваться и просить, готовъ упасть духомъ отъ неудачи. Онъ сознавалъ, что виноватъ передъ матерью, что отступалъ отъ ея убѣжденій, надѣялся на успѣхъ, какъ на оправданіе и мечталъ объ успѣхѣ какъ ребенокъ. Онъ началъ брать занятія исключительно въ богатыхъ домахъ; богачи принимали его особенно любезно, какъ «молодого человѣка совершенно порядочнаго», и рекомендовали другъ другу. Свою третью вакацію Верховской провелъ въ роскошномъ аристократическомъ домѣ, гдѣ хозяева такъ восхитились имъ, что предлагали, на будущій годъ, по окончаніи курса, ѣхать съ ними за границу; они намѣревались тамъ продолжать воспитаніе своихъ дѣтей. Верховской отказался. Онъ всякій день считалъ, что лѣтомъ будущаго года будетъ уже жить съ матерью,—а передъ этимъ счастьемъ, какъ тѣнь, уходили всѣ соблазны довольства, пріятнаго общества, любопытства, даже любви къ знанію и изящному. Онъ ни слова не написалъ объ этомъ матери; онъ даже забылъ и предложеніе и свой отказъ: онъ въ первый разъ посылалъ ей свои заработанныя деньги съ письмомъ, въ которомъ радость, восторженность доходили до су-

маслествія. Онъ забывалъ все на свѣтѣ. Онъ не подумалъ и не оглянулся, что свѣтскія и знатныя знакомства охлаждали къ нему бѣдныхъ товарищей: изъ большого кружка остались не многіе, которые поняли Верховского, какъ должно, безъ предубѣжденія, безъ мелкой зависти и ложной гордости бѣдняковъ,— поняли цѣль, для которой онъ жертвовалъ и молодымъ весельемъ, и молодой дружбой. За то, эти немногіе были надежны.

На послѣдній годъ, желая получить кандидатство, Верховской оставилъ частные уроки и давалъ ихъ только въ одномъ семействѣ, гдѣ и старшіе и дѣти были ему по душѣ. Жить стало трудно. Друзья, съ которыми самъ онъ, бывало, дѣлился, поддерживали добрымъ словомъ и дѣлились чѣмъ могли. Занимаясь цѣлые дни, не поднимая головы, Верховской позволялъ себѣ только изрѣдка посѣщенія своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, у которыхъ бывалъ прежде какъ учитель, а теперь приглашался какъ гость. Онъ ходилъ къ нимъ, какъ говорилъ, «съ корыстными цѣлями», все въ видахъ скорѣйшаго полученія мѣста. Друзья смѣялись съ нимъ вмѣстѣ, не осуждая, желая ему успѣха, но меньше его надѣясь.

— Студенты нынче въ модѣ, сказалъ онъ однажды.

— На балахъ, прибавилъ одинъ изъ друзей.

Ему пришлось въ этомъ убѣдиться...

Пришла весна, послѣдніе экзамены, и въ одно прелестнѣйшее утро, Верховской въ послѣдній разъ сошелъ съ лѣстницы университета — кандидатомъ правъ и съ такой горячей радостью въ душѣ, что не слышалъ поздравленій кругомъ и самъ забывалъ поздравлять. Товарищи расходились, онъ не видалъ; у него въ глазахъ стоялъ маленькій старый флигелекъ, разстилалась длинная дорога съ колеями и ветлами; онъ сейчасъ прыгнулъ бы въ телѣгу и помчался, полетѣлъ бы, какъ стрижи, которые кружатся надъ кремлевскими крестами. Онъ былъ въ чаду, бродилъ по улицѣ, ушелъ въ садъ, усѣлся, будто прячась, чтобъ ему не мѣшали думать, ничего не думалъ; и все чего-то ждалъ, и опомнился, когда на Иванѣ-Великомъ ударили къ вечернѣ. Тогда ему вообразилось, что мать, которая знаетъ заранѣе, что сегодня «великій день», была, по обыкновенію, занята утромъ, а теперь свободна и идетъ въ церковь. Ему представилось ея лицо, ея походка, весь ея образъ, дорогой, прекраснѣе котораго онъ не зналъ въ мірѣ; ему послышались слова ея молитвы за него, — и онъ заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ... Видѣть ее было ему необходимо, но ѣхать къ ней совершенно невозмож-

но — ни средствъ, ни попутчиковъ. Золотыя мечты разлетались одна за другою.

Еще въ концѣ зимы, давая уроки въ семьѣ Ольшанскихъ, людей очень хорошихъ, не знатныхъ, но достаточныхъ, Верховской разсчитывалъ, что въ ихъ домѣ можетъ встрѣтиться для для него возможность, случай, наконецъ (онъ выговаривалъ слово) покровительство, чтобъ опредѣлиться на мѣсто. Онъ пошелъ дальше: Ольшанская была женщина уже не молодая и особенно добрая; онъ высказалъ ей все, что было на душѣ, свои планы и ожиданія. Она обѣщала попросить за него заранѣе; онъ обрадовался. Искренность ея участія и добрый здравый смыслъ облегчили для него неловкость положенія. Ольшанская, точно, заботилась, не протежировала, не навязывала, а только говорила о Верховскомъ, какъ о человѣкѣ, способномъ принести пользу дѣлу, которое ему поручатъ. Это именно и было причиной, почему Ольшанская нигдѣ не успѣла. Важныя лица, которыхъ дамы просятъ о чемъ-нибудь, привыкли къ фразѣ: *«сдѣлайте, хотя бы это было невозможно»*, и безъ нея, видятъ въ просьбѣ только легкую шутку, отъ которой легко отдѣлываются. Еще хуже, если въ короткой не докучающей просьбѣ они поймутъ ея серьезность и серьезность характера просителя, при его небольшой неопытности; тогда важные господа умѣютъ отказать еще короче и серьезнѣе, обставивъ просьбу десятками невозможностей и придавая ея предмету чуть не государственное значеніе. Такіе отказы и объясненія выслушивала Ольшанская и передавала Верховскому, уговаривая его ждать и терпѣть; сама она ужъ оробѣла.

Въ настоящее время, трое лучшихъ друзей Верховского уже уѣхали изъ Москвы; другіе товарищи, къ которымъ онъ обратился за совѣтомъ, что дѣлать, были заняты собственнымъ устройствомъ; одни приняли его затрудненія довольно разсѣянно, другіе и вовсе равнодушно, нѣкоторые даже пошутили надъ его великими несбывшимися планами. Между тѣмъ было необходимо какъ-нибудь пристроиться, хоть на время. Верховской опять обратился къ Ольшанскимъ. Они переѣзжали на дачу въ подмосковную и предложили ему ѣхать къ нимъ и заняться лѣтомъ съ дѣтьми. Верховской согласился; кромѣ вѣрнаго средства набрать денегъ и въ сентябрѣ съѣздить къ матери, онъ все еще надѣялся, съ помощью Ольшанскихъ, найти мѣсто. Онъ и Ольшанская, рѣшившись, разсказали свои неудачныя зимнія попытки ея мужу. Тотъ сказалъ, что женщины, вообще, неловко берутся, что просить неопредѣленно — значитъ только все портить, но не ограничился одними словами, а взялся хлопотать. Онъ ни-

гдѣ не служилъ и ничего не дѣлалъ. Разузнавъ, что есть три вакантныя мѣста, — одно въ Москвѣ, другія въ губерніяхъ,— Ольшанскій вмѣнилъ себѣ въ долгъ и занятіе — добиваться какого-нибудь изъ этихъ мѣстъ для Верховскаго. Почти всякое утро, съ верха, изъ окна классной комнаты, Верховской видѣлъ, какъ подавали Ольшанскому коляску; онъ влѣзалъ въ нее, румяный и здоровый, и весело махая рукою въ сторону Москвы, кричалъ:

— Ждите къ обѣду съ добрыми вѣстями!

Три вакансіи — были для Верховскаго три разныя муки. Ожиданіе, направленное въ разныя стороны, разбивало всѣ мысли; оставалась только одна, неотвязная, одно желаніе, одна забота. Это было уже не прежнее, золотое мечтаніе о далекомъ, это было что-то томящее; онъ уставалъ даже физически, будто все бѣжалъ и гнался, не отдыхалъ даже во снѣ. Въ этомъ раздраженномъ, напряженномъ состояніи ужъ не могло оставаться мужества: послѣднее мужество уходило на старанія держаться прилично при постороннихъ и помнить, по какимъ учебникамъ учатся дѣти.... Послѣ письма, отправленнаго въ день выпуска, Верховской двѣ недѣли не писалъ матери. Онъ не зналъ, что писать. Какой-то пріѣзжій привезъ слухъ о ней, что ея дѣла шли не очень успѣшно, что уроковъ у нея, кажется, убавилось. Верховской вспомнилъ, что она писала объ этомъ, по своей привычкѣ ничего не скрывать; но въ послѣднее время курса, онъ принялъ легко это извѣстіе, даже забылъ о немъ, за радостной увѣренностью, что всѣмъ невзгодамъ скоро конецъ. Извѣстіе подтверждалось теперь. Верховской не имѣлъ духу отыскать и перечитать письмо матери; онъ боялся взглянуть прямо на свое горе, боялся еще взволновать себя, чтобъ не потерять головы окончательно.

— Авось судьба сжалится... говорилъ онъ.

Но судьба не сжалилась. Одинъ за другимъ, Ольшанскій передалъ ему два отказа. Въ этотъ-же день, Верховской получилъ письмо матери,—отвѣтъ на его веселое письмо послѣ выпуска. Оно было тоже веселое, полное надеждъ; сынъ прочелъ между строками радость близкаго отдыха. До сихъ поръ, она будто не чувствовала усталости, и въ этомъ письмѣ о ней тоже не говорила, ничего не вспоминала; единственное слово письма, въ которомъ могъ мелькнуть намекъ на прошедшее, было:—«Вотъ, мы съ тобой и дождались!..» За нее говорила ея радость; только по ея счастью можно было судить о томъ, что она вынесла.

Верховской думалъ, что помѣшается, читая это письмо. У него даже промелькнуло желаніе помѣшаться... умереть...

— Она вынесетъ, все равно... подумалъ онъ:—а не вынесетъ—одинъ конецъ! Чтó-жъ, развѣ легче такъ...

Онъ еще ждалъ. Дня черезъ два, Ольшанскій возвратился изъ Москвы замѣтно огорченный: онъ привезъ третій и послѣдній отказъ. Онъ подробно разсказывалъ, кáкъ получилъ его, кáкъ ему внушали, что, въ настоящее время, для службы и въ особенности для видной, есть спеціалисты, правовѣды, а студентъ-юристъ, хоть-бы и кандидатъ,—это все не то, не то направленіе, не та выдержка.

— Я, кстати, справился, прибавилъ Ольшанскій:—и на тѣ оба мѣста тоже назначены правовѣды.

— Правовѣды? Это—мальчишки съ зелеными воротниками? спросила молодая дѣвица, находившаяся въ гостиной, когда разсказывалъ Ольшанскій.

— Тѣ самые, только когда выростутъ, отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, презрѣнные! Къ намъ ихъ возили въ институтъ, на балы. Терпѣть не могу зеленаго.

Верховской сидѣлъ и слушалъ.

— Такъ кáкъ-же намъ быть, милый мой Андрей Васильевичъ? сказалъ Ольшанскій.

Жена его глядѣла на Верховского.

— Чтò-жъ, такъ и быть, выговорилъ Верховской и, чувствуя, что въ глазахъ темнѣетъ, постарался выдти изъ комнаты какъ можно непринужденнѣе, ровнымъ, тихимъ шагомъ.

Онъ позабылъ поблагодарить за хлопоты, но съ него не взыскивали; хозяева слишкомъ хорошо понимали, каково ему. Они толковали о немъ, но какъ люди, не бывавшіе въ подобныхъ обстоятельствахъ, не могли ничего придумать. Молодая особа, выразившая свое презрѣніе къ правовѣдамъ, послушала немного эти толки, соскучилась и ушла въ садъ.

Ее звали Лидія Матвѣевна Мережникова. Она была родственница Ольшанскихъ въ такомъ отдаленномъ колѣнѣ, что даже мастера считать родство, едва могли его досчитаться. Родственникъ немного поближе, г. Каруцкій, былъ у нея въ Петербургѣ и занималъ значительную должность; онъ былъ и ея опекуномъ. Лидія Матвѣевна была круглая сирота и богачка. Два года назадъ она вышла изъ одного петербургскаго института и жила у петербургскаго опекуна. Онъ и жена его богато вывозили ее въ свѣтъ вмѣстѣ съ своими тремя дочерьми, кото-

рыхъ наряжали на ея счетъ, вѣроятно, находя удобнѣе дѣлать однородные расходы изъ одного источника. Лидія Матвѣевна замѣтила это, несмотря на свою восемнадцатилѣтнюю неопытность; она изъ всѣхъ подругъ своего выпуска отличалась способностью къ математикѣ. Расходы ей не нравились, чтò она и выразила. Ей гораздо больше нравилось, что за нею, богатой невѣстой, ухаживали гвардейцы, удостоивавшіе своего вниманія только фрейлинъ и княженъ, между тѣмъ какъ кузины, наряженныя на ея деньги, часто оставались даже безъ кавалеровъ. Ей понравилось погордиться и она отказала пятерымъ женихамъ, единственно изъ удовольствія отказать въ глазахъ кузинъ, за которыхъ никто не сватался и которымъ не было предоставлено свободы ни отказать, ни согласиться, еслибы кто и посватался. Эти отказы сильно не нравились родителямъ-опекунамъ. Ихъ родныя дочери засиживались въ дѣвицахъ отъ присутствія въ домѣ богатой невѣсты. Чтобъ заставить ее поскорѣе выдти замужъ, они попробовали нѣсколько стѣснить ее, веселить порѣже, поменьше принимать молодежи. Лидія Матвѣевна впала въ меланхолію, стала плакать, жаловаться на судьбу, упрекать, что ее никто не любитъ, хворать, желать смерти, грозить, что начнетъ пить уксусъ. Испугавшись, родственники возобновили угожденія, развлеченія, удвоили ласки и заботы, не щадили даже своихъ собственныхъ издержекъ, но это уже не помогло. Лидіи Матвѣевнѣ понравилось скучать, или вѣрнѣе, играть въ скуку, мечтать, «презирать», томно воображать чахотку и близкую смерть, будто сквозь сонъ говорить дерзости старшимъ и колкости гостямъ, за неуловимыя тонкости ссориться съ кузинами, ненавидѣть и прогонять прислугу, ничѣмъ не умѣвшую угодить, молчать по цѣлымъ днямъ, являться въ обществѣ въ видѣ жертвы, и, вдругъ, въ порывѣ откровенности, жаловаться на свою жизнь постороннимъ, выбирая именно такихъ, которые были не очень расположены къ семейству ея родственниковъ. Наконецъ, съ наступленіемъ весны, она положительно объявила, что умретъ на петербургскихъ болотахъ, и желаетъ, чтобъ ее везли куда-нибудь. Доктора не находили этого необходимымъ, но на ихъ первое слово Лидія Матвѣевна сказала столько словъ, что оставалось только выбрать мѣсто въ Европѣ, куда ѣхать. Она не могла рѣшиться въ выборѣ, потомъ кричала, что не желаетъ общества кузинъ и ихъ матери, потому что не желаетъ расплачиваться за ихъ поѣздку. Исторія изъ домашней грозила сдѣлаться скандаломъ для знакомыхъ, когда вдругъ улеглась совершенно неожиданно и не-

обыкновенно просто: вмѣсто Европы, Лидія Матвѣевна захотѣла въ Москву.

— У меня тамъ родные, говорила она:—тётя Ольшанская; родные, которые меня любятъ, съ которыми меня разлучали всю жизнь. Я хочу къ нимъ. Здѣсь только чопорность, холодность, корыстолюбіе. Отвезите меня въ Москву, или я убѣгу.

Опекунъ написалъ Ольшанскимъ, конечно, даже не намекнувъ о томъ, что̀ происходило. Онъ былъ радъ развязаться съ обузой. Къ святой его сдѣлали директоромъ департамента и предвидѣлась возможность нанять дачу въ Петергофѣ, а къ зимѣ, можетъ-быть, просватать хоть одну дочь. Ольшанскіе, олицетворенная доброта, обрадовались, что «дѣвочка» ихъ вспомнила, и въ ожиданіи ея, наняли нарядный домикъ въ самой живописной изъ подмосковныхъ. Жена опекуна привезла Лидію Матвѣевну и, чтобъ не испортить дѣла, тоже промолчала о ея нравѣ и обычаяхъ. Къ тому же всѣ ея разсказы могли бы показаться самой черной клеветою: едва почувствовавъ надъ собою московскій воздухъ, Лидія Матвѣевна сдѣлалась кротка, добра, послушна, весела, ласкова, чувствительна, неприхотлива, снисходительна на удивленіе. Ольшанскіе на нее не нарадовались.

Верховской ужъ засталъ ее, когда переѣхалъ къ Ольшанскимъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ и не обратилъ на нее вниманія. Онъ, вообще, мало смотрѣлъ на женщинъ и еще ни разу не бывалъ влюбленъ; было некогда. Теперь было тоже некогда; къ тому-же «петербургская барышня», какъ ее называли въ домѣ, не показалась ему хороша. Онъ видалъ ее въ теченіе дня, говорилъ, если случалось, о пустякахъ, гулялъ въ общей компаніи, раза два нарвалъ ей водяныхъ цвѣтовъ, которые ей понравились, и одинъ разъ подумалъ о ней, глядя какъ она перегонялась съ дѣтьми въ аллеяхъ и щеголяла тонкими ножками и перетянутой таліей.

— Та̀къ, коза,—заключилъ онъ свои размышленія.

Но Лидія Матвѣевна думала о немъ гораздо больше. Она съ первой минуты разглядѣла, что Верховской прехорошенькій. Она, можетъ быть, не нашла бы его хорошенькимъ, еслибы онъ былъ въ статскомъ платьѣ, но Верховской, изъ экономіи, еще донашивалъ свой студентскій сюртукъ. Это—почти мундиръ, утѣшительный обманъ для глазъ петербургской барышни. Верховской не занялся ею. Она занялась имъ нисколько не изъ противорѣчія, а потому, что ей было пріятно смотрѣть на него, замѣчать его движенія, любоваться какъ онъ ловокъ, какой у него тонкій профиль и длинныя рѣсницы, какъ его руки бѣ-

ли и горячи. Ей было пріятно покраснѣть, когда онъ нечаянно на нее взглядывалъ. У нея начало упадать сердце, когда онъ входилъ въ комнату. Ей становилось скучно, когда сбирались гости и онъ говорилъ съ какой-нибудь изъ дѣвушекъ. Однажды, онъ взялъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ маленькую дочку Ольшанскихъ. Лидія Матвѣевна убѣжала къ себѣ и разрыдалась.

Съ этого дня тетка замѣтила перемѣну въ ея ангельскомъ характерѣ. Не слушая ничьихъ увѣщаній, Лидія Матвѣевна стала уходить по ночамъ въ аллеи и поднимала съ горничными битвы, еще не петербургскія, но ужъ порядочныя. Она была постоянно недовольна своимъ туалетомъ.

— Вы не находите, тётенька, сказала она однажды, смотрясь въ зеркало въ гостинной:—что я дѣлаюсь страшна? Не мудрено; мнѣ двадцать лѣтъ, а счастья я не знала... Бѣдная я!

Она бросилась цѣловать Ольшанскую. Верховской показался въ дверяхъ въ эту минуту и, увидя нѣжную сцену, воротился, чтобъ не быть лишнимъ. Лидія Матвѣевна залилась горьчайшими слезами, но сколько ее ни просили, не объяснила ихъ причины. Тётка, чтобъ ее развеселить, затѣяла позвать гостей; пили чай въ цвѣтникѣ, танцовали на террасѣ. Лидія Матвѣевна убѣдилась, что Верховской прекрасно танцуетъ и влюбилась въ него такъ, какъ ужъ больше не могла.

Верховской хотя и бывалъ въ обществѣ, но не такъ много, чтобы знать его совершенно; хотя и видалъ кокетокъ, но именно потому и не могъ вообразить, чтобы обращеніе Лидіи Матвѣевны было кокетство и относилось къ нему. Кокетство, думалъ онъ,—это что-то граціозное, блестящее, веселое, игриво и не такое нецеремонное. Разъ, оглянувшись на Лидію Матвѣевну серьезнѣе, онъ подумалъ, что это, пожалуй, добрая дѣвушка, наивная какъ институтка, ласковая потому, что сирота; можетъ быть, не забалована богатствомъ и, должно быть, жилось ей не легко, если она часто плачетъ. Съ ней ни весело, ни скучно; отдалиться отъ нея неловко и совѣстно, она добрая... Во всемъ этомъ разборѣ Верховскому не пришло на умъ даже слово «любовь». Ему было все по душѣ въ домѣ Ольшанскихъ; онъ за-одно, и не раздумывая, включилъ въ это *все* и Лидію Матвѣевну, и на этомъ остановился...

Выслушавъ послѣднее рѣшеніе своей участи, Верховской ушелъ въ свою комнату. Она была на антресоли, подлѣ классной, гдѣ играли дѣти. Первое, что̀ подумалъ онъ, заглянувъ

къ нимъ, это, что дѣтей въ августѣ сдадутъ въ гимназію, и онъ останется безъ уроковъ. Ему было холодно и кругомъ показалось какъ-то пусто. Ушли всѣ надежды, всѣ радости, которыми онъ населялъ для себя этотъ временный пріютъ. Онъ тутъ только понялъ, что жилъ одними ожиданіями, что вѣрилъ въ нихъ какъ въ сбывшееся; что минутное мужество, съ которымъ онъ, бывало, предположивъ неудачу, говорилъ себѣ: «такъ и быть»!—было самообманъ; что мужества у него нѣтъ,—нѣтъ именно теперь, когда нужно обсудить будущее, стало-быть, не будетъ и тогда, когда придется выносить это будущее... Ему стало стыдно, страшно, какъ-то дурно физически. Онъ прилегъ на свою постель и тотчасъ вскочилъ.

— Еще захвораешь въ чужомъ домѣ, сказалъ онъ со злостью.

Для него всѣ стали чужіе, даже тѣ, которые хлопотали за него какъ за родного, и теперь еще горевали о немъ,—чужіе, которымъ онъ, бѣднякъ, обязывался, которымъ кланялся, чтобъ они за него поклонились... Онъ вспомнилъ свою гордую мать; она не кланялась и роднымъ братьямъ. Но это воспоминаніе не вызвало твердости. Онъ вспомнилъ мать, но не утѣшительницу, не опору, не примѣръ, — а жалкую, исхудалую, истощенную труженицу... Она вообразилась ему мертвая на той старой кровати, гдѣ умеръ отецъ...

— Мотъ!... выговорилъ онъ, пугаясь и помысла, и слова, вырвавшихся вдругъ изъ темной глубины, гдѣ они спали до этой минуты, укрощенные любовью, терпѣніемъ, великимъ прощеніемъ матери, свѣжей чистотой дѣтской памяти, благоговѣніемъ вѣрующей молодости...

— Оставилъ-бы хоть кусокъ хлѣба..., продолжалъ Верховской, и крѣпко зажалъ глаза руками, прячась отъ всего, что̀ чудилось, отъ самого себя...

— Поцѣловать-бы ея ноги, покуда онѣ еще не застыли! вскричалъ онъ, и зарыдалъ отчаянно.

Часа два провелъ онъ, такъ, то—головой въ подушку, то глядя передъ собою безъ всякой мысли; провелъ-бы и больше, еслибъ его не позвали...

Этимъ временемъ, Лидія Матвѣевна, гуляя одна въ аллеяхъ, соскучилась и придумывала, какъ было бы хорошо, еслибы, вдругъ, на-встрѣчу, изъ зелени вышелъ молодой человѣкъ. Увидя одного изъ маленькихъ Ольшанскихъ, она подозвала:

— Гдѣ учитель?

— У себя на верху, отвѣчалъ мальчикъ.

— Что̀ дѣлаетъ?

— Плачетъ.

— Какой вздоръ. Поди, позови его. Скажи, что я хочу кататься въ лодкѣ.

Верховской долженъ былъ повиноваться и придти. Онъ подумалъ, покуда шелъ, что у него нѣтъ ни своего угла, ни своей воли, и никому нѣтъ дѣла, каково ему на душѣ... Лидія Матвѣевна, увидя его, подумала, что, та́къ, разстроенный, блѣдненькій, онъ просто душка. Катанье удалось совершенно. Лидія Матвѣевна обѣжала знакомыхъ дачниковъ, пригласила ихъ, объявляя, что ѣдетъ одна, безъ тётеньки, и дѣтей не возьметъ, шутила и смѣялась безъ умолку, сама не зная чему, была довольна собою и тѣмъ, что сидѣла въ лодкѣ подлѣ Верховского и мѣшала ему грести. Воротились поздно, по мѣсяцу. Лидія Матвѣевна взяла Верховского подъ-руку и проводила всѣхъ гостей по домамъ.

— А теперь пойдемте тихонько, сказала она, оставшись съ нимъ одна: — я, ужасъ, устала.

На-людяхъ, Верховской постарался притвориться, замять свою печаль, чтобъ не дать ея замѣтить; онъ какъ-то смутно разсѣялся. Но когда всѣ разошлись, когда кругомъ стихло, печаль поднялась опять еще больнѣе и живѣе. Онъ шелъ, не замѣчая, куда вела его спутница, не замѣчая и ея самой, хотя она крѣпко сжимала ему руку. Ему думалось Богъ-знаетъ что̀, далекое.... вѣрнѣе, ничего не думалось. Что-то холодное подступало къ сердцу. Минутами онъ оглядывался на сыроватую дорогу, на дальнія лужайки, рѣзко перехваченныя полосами тѣни и свѣта, на черныя куртины съ бѣлѣющими розами, на все великолѣпіе лѣтней ночи. Каждая минута, каждая оглядка, вдругъ, будто что̀ обрывала у него въ груди; точно онъ томился и ждалъ, пугался, вздрагивалъ, падалъ съ просонка.

— Присядемъ тутъ, сказала Лидія Матвѣевна, остановясь у скамейки.

Верховской, не отвѣчая, глядя передъ собою, машинально сѣлъ и машинально снялъ фуражку. Онъ не оглядывался на сосѣдку, но почувствовалъ на своихъ волосахъ ея руку.

— Какой скучный, сказала она.—Полно! Ну, что̀ это?

Ему стало больно, и вдругъ какъ-то легко отъ этихъ словъ, сказанныхъ нѣжнымъ, молодымъ голосомъ. Онъ обрадовался ласкѣ, какъ чему-то болѣе простому, нежели участіе, какъ чему-то родному. Онъ принялъ эту ласку безъ тревоги, даже не удивился, будто такъ и слѣдовало,—и не отвѣчалъ ни слова. Это была минута чисто дѣтскаго спокойнаго забытья, отъ котораго ему пришлось тутъ же очнуться. Лидія Матвѣевна обняла его, приподняла его наклоненную голову, и поцѣловала.

— Душка, прелесть, красавецъ, повторяла она, повторяя поцѣлуи.

Верховской испугался. Онъ не понималъ, чтò съ нимъ дѣлалось, не имѣлъ духа оттолкнуть ее, не могъ отвѣчать на ея поцѣлуи, не могъ сказать слова. Она крѣпко обвила его руками, прижималась къ его груди и шептала:

— Я тебя никому не отдамъ, никому, никому на свѣтѣ. Не смѣй и думать. Поцѣлуй меня. Ты будешь моимъ мужемъ.

— Пойдемте домой, выговорилъ Верховской, вставъ съ скамейки.

— Развѣ здѣсь есть кто-нибудь? спросила она, оглядываясь.

— Да, тамъ, гуляющіе, отвѣчалъ онъ.

Никого не было.

— Пойдемъ.... Но ты мнѣ скажи.... Я такъ хочу! Мы непремѣнно женимся, скоро. Говори, такъ?

Онъ велъ ее какъ могъ скорѣе, ввелъ на балконъ, какъ-то невольно сжалъ ей руку и ушелъ къ себѣ. Она приняла за согласіе и его смущеніе, и это пожатіе руки. Ольшанская была одна въ гостинной. Лидія Матвѣевна вошла къ ней, торжествуя.

— Тётенька, Верховской сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я выхожу за него замужъ.

Верховской думалъ, не сошелъ-ли онъ съ ума. Только этого приключенія не доставало, чтобъ отнять у него послѣднее — выгнать его изъ дома Ольшанскихъ, лишить единственнаго средства хоть черезъ два мѣсяца увидѣть мать. Какъ честному человѣку, ему слѣдуетъ сейчасъ уйти пѣшкомъ въ Москву, оставя письмо, въ которомъ объяснить Лидіи Матвѣевнѣ, что равнодушенъ къ ней. Онъ схватился-было писать это письмо—и остановился....

Точно-ли онъ равнодушенъ? Ему было такъ по-сердцу ея доброе слово. Въ теченіе этого ужаснаго дня, ничье слово не отозвалось на его печаль такъ сочувственно и нѣжно. Она добра. Она искренно любитъ, потому что забыла всѣ чопорности. Она страстно любитъ.... У Верховского вспыхнули щеки отъ воспоминанія всѣхъ поцѣлуевъ, которые онъ отклонялъ, не отвѣтивъ ни однимъ. Будь она передъ нимъ въ эту минуту, онъ обнялъ-бы ее страстно. Ему было двадцать два года; онъ еще никогда не любилъ.... Любовь, можетъ быть, такъ начинается. Можетъ быть, его холодность была только испугъ чувства, захваченнаго неожиданностью, оторопѣлаго отъ слишкомъ близкой возможности счастья.... А въ ея любви, точно, счастье: она пряма, она откровенна.... Голова его горѣла. Горе смѣшалось съ какой-то новой, неиспытанной тревогой. Онъ думалъ до зари и заснулъ,

рѣшивъ, что объясниться будетъ легче на словахъ, нежели на письмѣ.

Утромъ, сконфуженный тѣмъ, что долго проспалъ, онъ сбиралъ свой классъ. Къ нему вошла Ольшанская.

— Дайте на сегодня вакацію дѣтямъ, Андрей Васильевичъ, сказала она, и, когда они разбѣжались, присѣла на ихъ мѣсто.— Потолкуемъ. Мнѣ сказала Лидія, что вы ее любите и сватаетесь. Правда-ли это?

Верховской смутился. Все, что̀ онъ передумалъ за ночь—никуда не годилось. Изъ порыва страсти, изъ чувства, изъ шутки— онъ не зналъ какъ назвать,—составлялось или что-то формальное, или сплетня.

— Я не люблю Лидію Матвѣевну и не сватался, отвѣчалъ онъ.

— Такъ какъ-же?...

Верховской смутился еще больше и разсказалъ все какъ было. Ему было бы легче разсказать собственное признаніе въ любви, даже собственную глупость. Ольшанская должна была ему повѣрить: племянница чуть не до свѣта толковала ей о своей любви къ Верховскому, а для Верховского, въ его положеніи, такая любовь была находка. Идя къ нему объясняться, Ольшанская даже согрѣшила, подумала, не было-ли у него этого на умѣ. Но Верховской, разстроенный, растерянный, положительно и настоятельно увѣрялъ, что былъ удивленъ, не знаетъ что̀ дѣлать, готовъ уйти сію минуту изъ дома, давалъ клятву во вѣки обо всемъ молчать. Не повѣрить ему было-бъ еще грѣшнѣе. Ольшанская давно и хорошо его знала. Его увѣренія навели ее на другую мысль. Она была, какъ многія женщины, охотница женить, а петербургская родственница, оставляя у нея Лидію Матвѣевну, выразила желаніе, чтобъ молодая дѣвица поскорѣе составила партію; на состояніе смотрѣть нечего,—она сама богата,— лишь-бы по сердцу...

— Вы ни въ кого не влюблены? спросила Ольшанская, уже улыбаясь.

— И не бывалъ отъ роду, отвѣчалъ студентъ, со злостью, будто виноватый.

— Такъ я вамъ посовѣтую: женитесь на Лидинькѣ. Она дѣвочка добрая, немножко фантазерка;—да теперь видно, почему у нея, вотъ, этимъ временемъ, были капризы: она въ васъ влюбилась. Вы сейчасъ сказали, что уважаете ее, любите какъ сестру,—и больше полюбите, когда ближе узнаете. Никто себя заранѣе не знаетъ. Вы сдѣлаете ея счастіе. Она богата....

— А у меня нѣтъ ничего, прервалъ Верховской: — стало-быть и говорить нечего.

— Совсѣмъ напротивъ, тутъ-то и говорить. Вы — человѣкъ честный. Другой женится на ней и не подумаетъ, не позаботится, чтобъ она была счастлива, броситъ ее и закутитъ. А съ вами, я за нее покойна. Я васъ четыре года знаю. Я отъ души буду рада, что вамъ, а не другому достанется состояніе. Будь у меня взрослая дочь, — я бы сейчасъ отдала ее за васъ. Одно — что у моей дочери нѣтъ тысячи душъ и не знаю сколько денегъ въ ломбардѣ, какъ у Лидиньки. А вамъ тысяча душъ очень кстати. За что̀ вамъ губить вашу молодость? Вотъ, вчера, въ это время.... все вамъ неудачи. Но, еслибы и удача, развѣ служба легка? А ваша матушка? Подумайте о ней! Сколько ей еще ждать, покуда вы устроитесь! Года все уходятъ, а съ ними здоровье.... Со вчерашняго дня, чего вы не передумали, какъ ей написать, что̀ ей сказать.... Я знаю, каково вамъ.

Она еще долго совѣтовала, уговаривала, искушала. Но послѣ того, какъ Верховскому назвали его мать, всѣ остальныя слова были лишнія. Для матери онъ всегда былъ готовъ на все, и въ настоящую минуту — готовъ даже безъ размышленія. Онъ никогда не думалъ о богатствѣ Лидіи Матвѣевны, даже не зналъ навѣрное, точно-ли и какъ она богата. Размышляя ночью, что долженъ оставить домъ Ольшанскихъ, онъ ставилъ причиною только свое равнодушіе къ Лидіи Матвѣевнѣ, а не разницу состоянія; эта разница даже не приходила ему въ голову, также какъ мысль, что его могутъ заподозрить въ разсчетѣ. Только послѣ совѣтовъ Ольшанской, разсчетъ вползъ ему въ душу. Ни пристанища, ни службы, а тутъ — богатая влюбленная невѣста и у нея родственникъ — важный вліятельный чиновникъ... Это не былъ торгъ съ совѣстью человѣка пожившаго, или раннее растлѣніе человѣка молодого. Это была память нужды, очевидность будущей нужды, и, выше всего, страхъ, томленіе за существо, дороже собственной жизни.... Борьба не могла быть сильна. Верховской сказалъ себѣ, что можетъ привязаться къ дѣвушкѣ, которая его любитъ и этой любовью доставляетъ ему счастье не разставаться съ его сокровищемъ — матерью, дать отдохнуть этому сокровищу.... Едва мелькнула эта мысль, онъ ужъ любилъ Лидію и клялся любить вѣчно....

Думать долго было не́когда, спросить совѣта не́ у кого, но девять изъ десяти совѣтниковъ, руководясь житейскою мудростью, навѣрное сказали-бы тоже, что̀ говорила Ольшанская. Многіе, вѣроятно, стали-бы еще сильнѣе настаивать. Верховской припомнилъ, какъ она расхваливала удовольствія молодой обезпе-

ченной жизни, и невольно улыбнулся. Передъ нимъ промелькнули сырыя квартиры, обѣды въ харчевнѣ, осенняя слякоть, заемъ гривенниковъ у дворника.... И еслибы еще выносить все это одному!... Онъ рѣшился. Спорить съ нимъ могла бы какая-нибудь романическая голова, презирающая земныя блага, какое-нибудь измученное сердце, отыскивающее истины въ каждомъ чувствѣ. Удержать его могла бы одна его мать. Она образумила-бы его не дѣлать надъ собою этой пробы, этой, имъ самимъ несознаваемой, нравственной ломки. Она доказала бы ему, что именно оттого и бываютъ несчастны люди, оттого и не удается имъ никакое устройство, казалось бы, прекрасно разсчитанное, что, разсчитывая, они берутъ на себя лишнее житейское благоразуміе, разсматриваютъ только внѣшность, выгоду, и забываютъ собственную душу, будто надѣясь, что у нихъ выростетъ какое-нибудь чувство имъ необходимое, или умретъ чувство, мѣшающее устройству матеріальнаго благосостоянія. Мать сказала бы ему, что на-заказъ чувства родятся и умираютъ только у людей безсердечныхъ и недумающихъ; а у человѣка съ душою, напротивъ, является совершенная невозможность покориться, даже помириться съ этимъ нравственнымъ насиліемъ; и тогда, благо, для котораго человѣкъ изломалъ себя, дѣлается его зломъ, его казнью,—или, просто,—нейдетъ въ прокъ, потому что у человѣка нѣтъ ни доброй воли, ни снаровки взяться....

Верховской рѣшился. Ольшанская дала ему свое благословеніе и обѣщала въ чемъ нужно содѣйствовать. Это обѣщаніе вдругъ привело ему на мысль, что съ сватовствомъ сопряжены разныя формальности, знакомства съ родственниками, оффиціальныя поздравленія, посѣщенія.... Это было ново, неловко, глупо какъ-то. Онъ засмѣялся, потомъ вдругъ оробѣлъ, сконфузился передъ собою и разсердился. Онъ не давалъ воли этому школьничьему чувству, но и не могъ совсѣмъ превозмочь его. Оно долго удерживало его идти въ гостинную, гдѣ была Лидія Матвѣевна; наконецъ, онъ рѣшился, пошелъ, думая, что не сейчасъ же все это совершится, что еще будетъ время.... самъ не зналъ, что. Въ гостинной были гости, дѣвушки. Верховской увидѣлъ ихъ издали. Вдругъ свернуло у него въ головѣ, что, женившись, онъ ужъ будетъ не свободенъ, что молодость кончится, что Лидія Матвѣевна не хороша собою. Въ немъ вспыхнуло непреодолимое, страстное желаніе красоты и свободы; у него исчезъ всякій помыслъ, кромѣ того, что надо «все это» скорѣе, сейчасъ, сію минуту бросить....

Забывшись окончательно, онъ не замѣтилъ, какъ сдѣлалъ свѣтскую неловкость.

— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.... сказалъ онъ, идя прямо къ Лидіи Матвѣевнѣ, не кланяясь и не здороваясь ни съ кѣмъ, прерывая ея разговоръ съ гостьями и пожимая руку, которую она ему тотчасъ протянула.

Гостьи переглянулись. Лидія Матвѣевна вспыхнула отъ радости: ей безъ памяти хотѣлось скорѣе объявить, что она выходитъ замужъ. Она выпорхнула за Верховскимъ въ другую комнату.

— Ну, что̀?

Она бросила свои худенькія открытыя ручки на плеча Верховскому и глядѣла улыбаясь.

— Послушайте, сказалъ онъ въ смущеніи: — я обдумалъ. То, что̀ вы вчера говорили—невозможно. Я бѣденъ....

— Не хочу слышать! вскричала Лидія Матвѣевна, обнявъ его и таща къ двери, разцѣловала громко въ виду всѣхъ, и закричала еще громче и игривѣе: — Mesdames, поздравьте, — мой женихъ!

Послѣ такой выходки, конечно, только человѣкъ, пренебрегающій свѣтскими приличіями, могъ бы посовѣтовать Верховскому бѣжать отъ невѣсты.... Но Верховской ужъ не спрашивалъ совѣта, онъ растерялся. Къ тому же, какъ это ни странно, а эта выходка привлекла его, а не оттолкнула; она ему понравилась; молодая голова вообразила преданность, страстность, силу, — это замѣняло красоту.... Какъ глупо, неловко онъ заговорилъ о своей бѣдности.... и, какая мелочность! дѣвушка отдаетъ ему свою душу, а онъ толкуетъ о деньгахъ! Ему стало стыдно, она стала ему милѣе. Она ласкалась и сладко плакала, оставаясь съ нимъ вдвоемъ; онъ говорилъ о своей матери. Она прерывала поцѣлуями, нѣжно выговаривала, что ревнуетъ, что это все «послѣ, въ другое время», а покуда онъ принадлежитъ ей, одной ей нераздѣльно; она требовала, какъ своего права, чтобъ онъ, счастливый, забылъ въ эти минуты весь міръ и жилъ только настоящимъ, только ею. Отуманенный, увлеченный, онъ не возражалъ....

Вечеромъ, онъ написалъ матери. Подъ впечатлѣніемъ цѣлаго дня поцѣлуевъ, эти нѣсколько строкъ вышли пламеннымъ признаніемъ въ любви, полнымъ самой радостной увѣренности въ будущемъ. Верховской не задумался ни минуты, какъ это письмо удивитъ мать, которая менѣе всего на свѣтѣ ожидаетъ подобнаго извѣстія.

— Напиши къ матушкѣ, шепнулъ онъ Лидіи Матвѣевнѣ, сбѣжавъ въ гостиную.

— Охъ.... не умѣю! сказала она, будто испугавшись. — На-

пиши за меня чтó хочешь, все, чтó хочешь, только приходи скорѣе.

Онъ написалъ, что Лидія любитъ ее столько же, сколько онъ самъ.

На другой день, его рано позвали въ гостинную. Ольшанскіе писали въ Петербургъ, извѣщая опекуна.

— Пиши, рекомендуйся, весело говорила Лидія Матвѣевна.

Верховской затруднился до того, что отупѣлъ. Ольшанскій продиктовалъ ему. Узнавъ тутъ, что женихъ приходится родной племянникъ генерала Зурова, который бываетъ на вечерахъ дядюшки Каруцкáго, Лидія Матвѣевна запрыгала отъ радости.

— Чтóжъ ты мнѣ давно не сказалъ, что maman — сестра генерала? спрашивала она.—Слава Богу, ахъ, слава Богу!

— Я его вовсе не знаю, возразилъ Верховской.

— Не знаешь? Почему? Онъ божественный. Все говорилъ мнѣ, что хочетъ за меня свататься. А вотъ, я же, ему на зло, дѣдушкой его сдѣлаю!

Оффиціальная рекомендація поставила Верховского въ новое положеніе, какого онъ еще не зналъ, выучила новой заботѣ, совсѣмъ новаго свойства. Прежде, въ его раздумьи, огорченіяхъ, предположеніяхъ было что-то отвлеченное, мечтательное, почти дѣтское; теперь, хотя основаніемъ всего была любовь, все выходило какъ-то практически-положительно, *«какъ у всѣхъ»*, говорилъ Верховской, и это неопредѣленное слово было очень вѣрно: на мѣсто восторженныхъ надеждъ, поэтическихъ, хоть и скромныхъ плановъ, явились разсчеты, ожиданія, приготовленія, хлопоты, общія всѣмъ, кружащимся на свѣтѣ.... Онъ понялъ, что, на языкѣ общества, его *«бракъ по любви»* былъ *«выгодная партія»*; что общество, только видя въ немъ племянника генерала Зурова, признавало его достойнымъ руки m-lle Мережниковой. Ему стало гадко,—но тоже мнѣніе общества, къ которому онъ прислушивался, доказывало ему, что отступать ужъ поздно; онъ и самъ уже не чувствовалъ сначала отваги, потомъ охоты отступать. Въ немъ вдругъ поднялось свѣтское самолюбіе, — воспитанное нѣсколькими годами успѣха въ этомъ «свѣтѣ», который теперь будто неохотно принималъ молодого человѣка окончательно своимъ,—самолюбіе, сдержанное уваженіемъ къ трудовой жизни, замятое недостаткомъ средствъ; въ настоящую пору, оно твердило ему, что получить отказъ отъ петербургскихъ родственниковъ—будетъ смертельная обида. Но въ нѣсколько дней, Верховской уже настолько заразился свѣтскимъ мнѣніемъ, что считалъ отказъ невозможнымъ: Лидія Матвѣевна слишкомъ публич-

но и нецеремонно высказала свою любовь; отказать—не допуститъ приличіе.

— Свѣтскія приличія тутъ ничего не потеряютъ, возразилъ ему одинъ другъ, пріятель изъ бывшихъ студентовъ, съ которымъ онъ, увлекшись, разговорился: — скажутъ, что молоденькая дѣвушка, институтка, позабавилась, пошалила, и вольно-же было бѣдному дураку принять это за серьезное.

Верховского взорвало. Это, точно, могло быть. Такія вещи у *нихъ* дѣлаются. Онъ сталъ бояться, чтобъ отъ него не ускользнула богатая невѣста. Онъ даже думалъ, именно въ этихъ выраженіяхъ, уже не краснѣя, и, также не краснѣя, успокоивалъ себя тѣмъ, что «не рѣшатся обидѣть отказомъ племянника генерала Зурова»....

Но невѣста не ускользнула, ему не отказали, хотя совсѣмъ по другой причинѣ. Петербургскій опекунъ былъ радъ развязаться съ своей институткой; ей скоро доходило совершеннолѣтіе; съ мужемъ ея, «изъ бѣдныхъ студентовъ», можно было скорѣе надѣяться свести счеты, а она слишкомъ хорошо знала ариѳметику. Верховской покуда не замѣчалъ этого знанія; время было коротко и шло нѣжно. Лидія Матвѣевна торопила свадьбу. Ее отпраздновали тутъ же, на дачѣ, нанявъ для этого огромный домъ владѣльца, въ іюлѣ 1842 года.

Верховской былъ какъ въ чаду. Его молодая жена танцовала, онъ танцовалъ тоже. Визиты, гулянья, катанья, пикники, обѣды, вечера, поцѣлуи, трата денегъ, круженье на одномъ мѣстѣ, перемѣна лицъ, множество лицъ, новость положенія, новость ощущеній.... Онъ недѣли три не очнулся. Онъ написалъ матери, что женатъ и счастливъ. Это было самое короткое изъ всѣхъ его писемъ: у него не было ни свободнаго часа, ни свободнаго угла въ домѣ; жена не оставляла его ни на минуту. Она сидѣла на ручкѣ его кресла, покуда онъ писалъ, торопила его и тормошила, ласкаясь.

— Кончай, кончай скорѣе, твердила она.

— Напиши же и ты, сказалъ онъ.

— Развѣ необходимо?... Ахъ, да!... Еслибъ ты зналъ, какъ я не люблю, не умѣю.... я такъ и скажу.

Но она такъ не сказала, а свернула нѣсколько очень гладенькихъ и ловкихъ фразъ, какъ особа, упражнявшаяся въ сочиненіяхъ, просмотрѣла, поставила всѣ accent-grave и accent-aigu, и вдругъ спохватилась:

— Ахъ, я написала по-французски! Est-ce que la vieille comprendrait?

— Напиши хоть еще на трехъ языкахъ, если умѣешь, отвѣчалъ Верховской, котораго передернуло.

— Я ничего не умѣю, я умѣю только тебя любить, вскричала она, бросаясь ему на шею.

Онъ подумалъ, что она извиняется въ своей институтской глупости; — онъ не понялъ, что то была очень выработанная свѣтская дерзость, а объятія—нисколько не желаніе извиняться. Ему стало совѣстно своего рѣзкаго отвѣта; онъ поспѣшилъ загладить его нѣжнымъ словомъ, но желаніе скорѣе увидѣть мать, стало, если возможно, еще сильнѣе. Онъ твердилъ о немъ безпрестанно.

— Устрой прежде жену, возразила ему Лидія Матвѣевна.

Ей надо было принять счеты своей опеки. Молодые супруги поѣхали въ Петербургъ. Опекунъ, важный чиновникъ, захотѣлъ щегольнуть добросовѣстностью предъ кандидатомъ-юристомъ, получавшимъ съ богатствомъ жены голосъ въ обществѣ. Верховской даже оказалъ ему услугу, укротивъ мелкія придирки Лидіи Матвѣевны; онъ все еще воображалъ въ этихъ придиркахъ не характеръ, а незнаніе дѣла. Дядюшка-опекунъ, директоръ департамента, пожелалъ пріязни молодого семейства и предложилъ Верховскому мѣсто подъ своимъ начальствомъ. Лидія Матвѣевна располагала жить въ Петербургѣ, веселиться зимою. Въ десять дней, Верховской получилъ мѣсто съ тремя тысячами жалованья и великолѣпной казенной квартирой. Лидія Матвѣевна нашла, что она недовольна роскошна, почему дядюшка представилъ, кому слѣдовало, о необходимости ее исправить и отдѣлать вновь къ осени. Верховской возразилъ-было, что это излишнее, но дядюшка засмѣялся; а Лидія Матвѣевна даже вспылила:

— Изъ чего же разоряться? сказала она мужу: — казенный домъ, пусть казна его и отдѣлываетъ. Полагаю, это совершенно основательно! Довольно купить свое — мебель, бронзы, ковры. У меня еще нѣтъ экипажа; у меня еще нѣтъ туалета....

Но прежде всего оказалось, что не было довольно наличныхъ денегъ; Лидія Матвѣевна не пожелала трогать изъ ломбарда. Она дала мужу довѣренность на управленіе всѣми своими имѣніями и хожденіе по всѣмъ своимъ дѣламъ, и поручала съѣздить въ одну замосковскую деревню. Дядюшка давалъ отпускъ тотчасъ по вступленіи въ должность.

— Надо получить оброкъ за годъ. Никогда эти мужики въ срокъ не платятъ! замѣтила Лидія Матвѣевна съ неудовольствіемъ, котораго Верховской не замѣтилъ за своей собственной мыслью.

— Поѣдемъ вмѣстѣ къ матушкѣ, сказалъ онъ.—Дѣла твои устроены, а пустяки еще успѣютъ сдѣлаться.

— Какъ пустяки—завестись цѣлымъ домомъ? вскричала она съ ужасомъ.—Но скоро сентябрь! Ты не жилъ хозяйствомъ, ты не знаешь....

— Но ты знаешь, что я два года жилъ только тѣмъ, что увижу мать, прервалъ онъ.

Онъ чуть не выговорилъ, что для этого одного и женился.

— Ты должна ѣхать, настаивалъ онъ:—я долженъ привезти къ ней мою жену. Ты, стало быть, меня не любишь, если не спѣшишь ее видѣть.

Лидія Матвѣевна расплакалась.

— Нѣтъ, André, ты меня не любишь, если такъ говоришь! Вѣдь это — полторы тысячи верстъ въ одинъ конецъ! Ты бы звалъ меня, когда мы были въ Москвѣ, лѣтомъ.

— Я сто разъ звалъ, возразилъ онъ.

— Виновата, я тогда была глупа.... Или нѣтъ, я невиновата! Ты самъ знаешь, было некогда. А теперь, развѣ возможно? Скоро сентябрь, дороги ужасныя, такая даль, я занемогу....

Отговорка нашлась превосходная. Полторы тысячи верстъ въ одинъ конецъ и столько же обратно, вели неминуемо къ упрекамъ, что молодой мужъ не заботится о здоровьѣ жены, слѣдовательно, мало ее любитъ. Лидія Матвѣевна утвердилась на этомъ и нарочно поднимала разговоръ о поѣздкѣ при тетушкѣ и дядюшкѣ, которые, конечно, поддерживали, что ей ѣхать—рисковать жизнью.

— Такъ я поѣду одинъ, сказалъ Верховской.

Лидія Матвѣевна обрадовалась:

— А въ деревню? спросила она съ новымъ безпокойствомъ:— мнѣ вѣдь нужны деньги. Я здѣсь все закажу, все будетъ готово, а ты тамъ пробудешь долго....

Верховской успокоилъ ее, что вышлетъ ей деньги. Она была довольна. Дядюшка и тетушка пригласили ее остаться на это время у нихъ въ домѣ; всѣ три кузины еще не имѣли жениховъ, почему Лидіи Матвѣевнѣ было особенно пріятно заводиться своимъ роскошнымъ хозяйствомъ у нихъ на глазахъ. Время для этого было удобное, глухое, предосеннее, когда Петербургъ еще пустъ. Лидія Матвѣевна заранѣе восхищалась мыслью, что будетъ разъѣзжать по магазинамъ и примѣрять наряды съ утра до вечера. Наканунѣ отъѣзда, Верховской сказалъ ей, что ужъ купилъ мебель для комнатъ, которыя назначилъ матери въ новой квартирѣ, рядомъ съ своимъ кабинетомъ.

— Эту заботу я взялъ на себя; не ревнуй, моя милая, при-

бавилъ онъ, держа жену на колѣняхъ:—ты не знаешь ея вкуса, а я вижу всякое ея движеніе. Ты накупи книгъ, чтобъ она нашла ихъ больше въ домѣ. Я ужъ выбралъ рояль. Она играетъ, какъ ангелы. Наконецъ-то, моя радость будетъ играть не для насущнаго хлѣба!

Онъ крѣпко обнялъ жену. Это была горячая благодарность, горячая любовь изъ благодарности. Желанное счастье было такъ близко! Онъ обожалъ ту, которая его доставляла; въ эту минуту, онъ соединялъ обѣихъ женщинъ въ одно чувство и, цѣлуя жену, забываясь, назвалъ ее *радостью*, тѣмъ именемъ, которое прежде восторженно клялся не давать никому кромѣ матери.

— О, какъ намъ будетъ хорошо всѣмъ вмѣстѣ! повторялъ онъ.

— Развѣ ты привезешь ее сюда? спросила Лидія Матвѣевна.

— А то какъ же? отвѣчалъ онъ весело:—я и гостинцы ей везу только дорожные. Вотъ, посмотри, что̀ я накупилъ, не знаю, хорошо ли. Поѣдемъ осенью, можетъ захватить непогода....

Лидія Матвѣевна встала и, молча, съ любопытствомъ оглядѣла въ подробности ватную шубку и мѣховую шубу, приготовленныя для укладки въ чемоданы мужа. На ея лицѣ выразилось, что подарки лучше нежели бы она желала.

— Мастеръ! сказала она наконецъ. — Сколько лѣтъ твоей матери?

— Сколько лѣтъ? Только недавно минуло сорокъ. Она красавица.

Лидія Матвѣевна сама хорошенько не опредѣляла, что̀ было бы ей непріятнѣе: имѣть свекровь разслабленную капризную старуху, или образованную, талантливую красавицу. Старуху еще можно спрятать, запереть въ ея комнатѣ съ немощами и докторами; но—красавица!... Она захочетъ выѣзжать, принимать, обрадовавшись средствамъ....

— Я этого ужъ никакъ не потерплю! сказала себѣ Лидія Матвѣевна, засыпая поздно, передумавъ много и не сообщивъ мужу ни одной своей думы. — Еще увидимъ. Если она презентабельна, ее можно будетъ брать съ собой въ театръ; а чуть что̀—можетъ уѣзжать, откуда пріѣхала.

Поутру она проснулась еще съ новыми соображеніями.

— Une maîtresse de piano à tant par cachet, — хороша belle-mère! Это назвать нельзя, срамъ. Генералъ Зуровъ никогда и не поминалъ о ней. Это должно быть Богъ-знаетъ что̀.... А André ещё не былъ у генерала....

Но André не поддался на просьбу сдѣлать визитъ генералу, хотя бы въ день отъѣзда. Онъ уѣзжалъ, какъ счастливецъ и

даже упрекнулъ себя, что не сочувствовалъ огорченію жены, которая, прощаясь, заплакала. Верховскому стало жаль ее и совѣстно, но онъ чувствовалъ, что былъ бы въ отчаяніи, еслибъ пришлось остаться. Онъ показался себѣ неблагодарнымъ, какъ будто раскаявался,—но едва очутился въ дилижансѣ, едва выговорилъ себѣ внятно: — «Черезъ двѣ недѣли я увижу мать....» какъ забылъ всѣхъ, все, даже то, что женатъ. Онъ не пробылъ и дня въ Москвѣ, только пересѣлъ изъ дилижанса на перекладную и поспѣшилъ въ имѣніе жены, чтобы скорѣе кончить дѣла и быть свободнымъ. Судьба благоволила ему во всемъ; оброкъ былъ ужъ готовъ. Верховской взялъ изъ него тысячи двѣ, написалъ женѣ, поручилъ управляющему отправить ей это письмо вмѣстѣ съ остальными деньгами, потомъ, какъ счастливецъ и новый баринъ, надавалъ милостей и награжденій, и, въ суевѣрной надеждѣ, что, за радость, доставленную другимъ, сохранится ему и его радость,—наконецъ выѣхалъ къ матери.

Въ это свиданіе, не она, а онъ почти безъ памяти припалъ къ ней на шею. Въ его счастьи было какое-то отчаяніе. Точно будто только въ эту минуту пришло ему сознаніе, какой цѣною купилъ онъ это счастье. «Остаться съ нею» — горячо и ярко мелькнуло ему.... и, въ туже секунду, другая холодная мысль задушила эту, будто во снѣ сбросила его съ высоты, заставила очнуться, и онъ зарыдалъ, неутѣшный, какъ на прощанье....

Матери было довольно этого, чтобы все понять, и, покуда онъ не поднималъ головы съ ея колѣнъ, она подумала, — тоже отчаянно. Она сказала себѣ, что нужно покориться, что нужно простить, не упрекать, даже разспрашивать осторожно, не вызывать сожалѣнія, не допускать раскаяваться; что нужно утвердить человѣка въ его поступкѣ, дать ему силу жить такъ, какъ онъ избралъ.... Она сказала себѣ, что нужно проститься съ этимъ человѣкомъ, что нужно притворяться передъ нимъ....

— Полно плакать; вѣдь ты мнѣ не измѣнилъ, что женился, сказала она.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ съ новымъ порывомъ.

— Я знаю, что нѣтъ.

— Она не стоитъ твоего пальчика....

— Вотъ прекрасно! Но ты съ ума не сходи; развѣ можно такъ говорить о женщинѣ, которая тебя полюбила? Она, видно, ужъ успѣла тебя избаловать?

Она шутила. Онъ былъ радъ шуткѣ, хотя, въ первую минуту, ему показалось, будто это что-то не то, чего онъ ждалъ,

будто не такъ она говорила прежде. Но онъ былъ радъ, ему стало ловчѣе; онъ ужъ настолько былъ испорченъ, что могъ страдать отъ неловкости положенія. Ему казалось, будто она что-то обходитъ въ разговорѣ; онъ самъ точно также обходилъ многое, сознавалъ это, смущался; старался подмѣтить, замѣчала-ли она его смущеніе; успокоивалъ себя, что она не обращаетъ вниманія на его недомолвки; убѣждалъ себя, что она весела искренно. Мать не спросила, почему не пріѣхала Лидія Матвѣевна; онъ увѣрилъ себя, что она забыла спросить отъ радости.... Они скрытничали оба, но онъ или въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ ея притворства, или отводилъ себѣ глаза, между тѣмъ какъ для нея все было ясно. Никогда еще въ жизни не бывало ей такъ тяжело; никогда не любила она сильнѣе своего бѣднаго сына, виноватаго изъ любви къ ней. Ей было грустно-весело видѣть, что онъ неловокъ въ своемъ богатствѣ, что у него нѣтъ затѣй и все тѣ-же бѣдныя привычки. Онъ былъ все тотъ же; онъ надѣялся. Спугнуть однимъ словомъ его надежды было бы жестоко. Онъ какъ будто праздновалъ старые дни въ бѣдномъ домѣ, последніе дни, и не торопилъ конца вакаціи. Онъ разсказывалъ матери, какъ убралъ ея петербургскія комнаты, повторялъ, что они будутъ вмѣстѣ каждую минуту,—и дальше не шло его воображеніе. Онъ самъ не замѣчалъ, что не умѣлъ придумать, что будетъ дѣлать его жена среди его счастія; она была тамъ, мелькала ему, не мѣшала, вспоминалась даже ласково, — но никакъ не далѣе. Чаще всего, онъ совсѣмъ забывалъ о ней.

Лидія Матвѣевна сама о себѣ напомнила. Срокъ отпуска приходилъ къ концу; она написала мужу.

Письмо пришло въ темный вечеръ. Верховской сидѣлъ вдвоемъ съ матерью, у ногъ ея, тихо и уютно, слушалъ какъ шумѣло сентябрьское ненастье, и, по старой памяти, весело топилъ печку... Много лѣтъ потомъ вспоминалась ему эта минута, рѣшившая его жизнь.

Письмо и полузнакомый почеркъ обдали его холодомъ. Онъ развернулъ.

— Отъ Лидіи, сказалъ онъ и, самъ не зная почему, сталъ читать про себя, хотя желалъ-бы и находилъ, что долженъ читать вслухъ. Ему показалось, что мать какъ-то особенно пристально заглядѣлась на огонь, будто не желая мѣшать чтенію. Онъ положилъ руку ей на платье.

— Не уходи, мама.

— Нѣтъ, я здѣсь, отвѣчала она.

Лидія Матвѣевна писала, что ея будуаръ отдѣланъ голубымъ ситцемъ, bleu de Sévres,—и прочее въ подробности. Зала

такая-то, гостинная такая-то. Подробности о мебели, объ экипажахъ. Нумеръ абонированной ложи у французовъ. Одинъ знакомый обѣщается всегда доставать ложу въ балетъ. Дядюшка Зуровъ былъ съ визитомъ. Кузина Annette сломала зубъ, вставила фальшивый и страшна какъ смерть. Скандальная исторія въ высшемъ обществѣ, со множествомъ именъ. Тетка подарила un cachemire de France и прихвастнула цѣной. Объятія, поцѣлуи и точки. Въ припискѣ:

— «Дядюшка приказываетъ, чтобъ ты скорѣе возвращался».

Верховской сжалъ письмо.

— Лидія больна? спросила мать.

— Нѣтъ... Она тебя цѣлуетъ, отвѣчалъ онъ.

Ему хотѣлось бросить письмо въ печку, броситься самому на шею матери и сказать ей, что онъ пропалъ, погибъ, все сказать... Онъ удержался. Что-жъ это будетъ? Вѣдь все равно, надо ѣхать...

— Надо ѣхать, мама, сказалъ онъ:—мой отпускъ конченъ. Дѣлать нечего. Я завтра куплю здѣсь карету, ты уложишься, а послѣ-завтра покатимъ.

Для нея тоже минута была рѣшительная; она готовилась къ ней давно. Едва получивъ извѣстіе о женитьбѣ сына, она сказала, что такъ должно быть, — но мужество, для котораго наставалъ часъ, было трудно, тяжело, едва-ли не выше силъ...

— Подумаемъ немножко, сказала она.

У него упало сердце. Ея голосъ былъ какъ будто не тотъ, къ которому онъ привыкъ, а слово было осторожное, нерѣшительное. Верховской ужъ слышалъ въ немъ то, на чемъ не смѣлъ остановить мысли. Онъ понялъ, что она все поняла и притворялась двѣ недѣли; онъ испугался того, что прежде бывало его отрадой—откровеннаго разговора; трусливо, не искренно попробовалъ замять чувство шуткой, оттолкнуть правду, которая становилась предъ глазами.

— Чтò думать, мама! возразилъ онъ: — что скоро сдѣлано, то и хорошо...

Онъ остановился: вѣдь и она могла-бы, тоже шутя, возразить ему, что не все скорое хорошо, — напримѣръ — его женитьба... Онъ ужаснулся, какъ такіе мелкіе и раздирающіе душу помыслы могли закрасться въ ихъ жизнь, и, отчаянно, ужъ не зналъ какого отвѣта ему хотѣлось.

Она долго не отвѣчала; она рѣшалась. Она видѣла, что въ настоящую минуту его можетъ успокоить только обманъ; но этотъ обманъ — начало будущихъ несчастій, и чтò за счастіе

въ минутномъ покоѣ? Ей было невыразимо тяжело отнять у него надежду, которой у нея уже не оставалось...

Десяти французскихъ строчекъ рекомендательнаго письма Лидіи Матвѣевны и короткаго, сбитаго разсказа о томъ, какъ устроилась эта любовь—было довольно для матери, чтобы вполнѣ узнать жену сына. Жить между ними—значитъ, каждую минуту, даже единственно своимъ присутствіемъ, яснѣе выказывать весь разладъ привычекъ, понятій, вѣрованій этихъ двухъ существъ, связавшихся на вѣки... Перевоспитывать ее? Но такіе характеры, какъ Лидія Матвѣевна, не перевоспитываются, даже если бы перенесть ее въ другой кругъ, въ другую обстановку. И это не дѣло матери мужа, этой насильно навязывающейся власти. Это можетъ сдѣлать только самъ мужъ, любовью и твердостью...

Она глядѣла на сына.

— «У него нѣтъ твердости»..., подумала она.

Онъ уступилъ искушенію, измѣнилъ себѣ изъ любви къ матери. Тѣмъ болѣе онъ виноватъ: матери было не нужно этой жертвы, и онъ зналъ, что не нужно; онъ зналъ, что его нравственное достоинство, его нравственное счастье для матери выше всѣхъ житейскихъ благъ. Онъ не выдержалъ перваго испытанія, въ которомъ была такая вѣрная опора. Онъ не выдержитъ никакого другого, а ихъ представится много. Онъ будетъ только несчастнѣе, когда придется выносить ихъ на глазахъ у той, которая,—онъ это знаетъ,—можетъ простить, но извинять не умѣетъ и сама перемѣниться не можетъ... Зачѣмъ-же дѣлать ему жизнь еще тяжелѣе? вѣдь у него и безъ того будутъ оглядки...

— Я не поѣду съ тобой, сказала она.

На взрывъ его печали, просьбъ, моленій и упрековъ она не проговорилась, не выдала всего, что передумала. Онъ былъ ей такъ дорогъ, такъ смертельно тяжко было съ нимъ разстаться, что она сама, невольно, старалась успокоить и себя, какъ-нибудь облегчить свое горе, позволила и себѣ заблуждаться, позволила и себѣ понадѣяться... Онъ такъ добръ, такъ хорошъ! Неужели женщина, которая его полюбила, не захочетъ сдѣлаться достойной его?..

— Дай установиться вашему житью, сказала она:—устрой мнѣ настоящее гнѣздо. Полюбите другъ друга неразрывно, сживитесь всей душой; вы еще другъ друга не узнали... Когда вы будете *одно*, тогда и я буду ваша. Ждите меня, и я подожду.

— Здѣсь? спросилъ онъ съ ужасомъ.

— Здѣсь.

— Здѣсь, какъ жила, въ этой бѣдности?

— Чтó ты говоришь? прервала она:—что-жъ я такое буду, если не возьму хлѣба моихъ дѣтей?

— Ты сказала: «дѣтей»... выговорилъ онъ, цѣлуя ея ноги.

— Дѣтей, моихъ дѣтей, повторила она...

«Чтó-жъ я такое буду, спрашивала она себя въ безсонную ночь послѣ этого вечера: — если отниму у него послѣднее утѣшеніе, послѣднее вознагражденіе? Онъ для меня себя продалъ, а я не приму его денегъ? Такое наказаніе будетъ хуже его вины...»

Она нашла въ себѣ новую силу, новое мужество. Она рѣшилась говорить ему то, чтó на ея мѣстѣ сказали-бы многіе, но чего она не говорила никогда: обыкновенныя слова житейскаго благоразумія,—эти, большей-частью, пошлости, которыми большинство людей оправдываетъ уступки своей совѣсти. «На этомъ человѣкѣ нѣтъ еще порока. Онъ выбралъ себѣ не суровый путь труда и самоотверженія, но *вездѣ можно остаться честнымъ человѣкомъ*»...

Она прерывалась на полусловѣ, ужасаясь сама своего отступничества. Вспомнивъ все общее прошедшее, сынъ могъ вообразить, будто она его презираетъ... она ужаснулась этой мысли. Но сынъ этого не вообразилъ. Слишкомъ эгоистически огорченный разлукой съ нею, желая найти въ ея словахъ себѣ оправданіе, поддержку, онъ не замѣчалъ, что слова были не *прежнія*, не замѣчалъ, чего они ей стоили...

Отказываясь ѣхать, чтобъ сказать чтó-нибудь положительное, она сказала, будто привыкла къ своему углу, отвыкла отъ общества.

— Я восемь лѣтъ «въ свѣтѣ» не бывала, говорила она: — дай оглядѣться. Здѣсь у меня есть знакомые, заведу еще новыхъ...

Верховской не уѣхалъ на другой день. Онъ просрочилъ съ своимъ отпускомъ, но выбралъ, нанялъ и меблировалъ для нея домикъ, скромный, уютный, изящный, такой, какой мечтался имъ обоимъ когда-то для житья вдвоемъ. Онъ еще прожилъ съ нею три дня, въ комнатѣ, которую она назвала его комнатой. Онъ думалъ, что обезумѣетъ. Ее эти дни сломили, будто годы.

— Я не уѣду... сказалъ онъ, когда почтовыя лошади ужъ ждали у крыльца.

— Поѣзжай... живи и пріѣзжай за мною, сказала она, торопя прощанье.

Она воротилась съ крыльца спокойная, холодная, безъ слезъ, но, какъ мертвая, безчувственная, чтó бы могло еще случиться съ нею. Для нея все было кончено, — всѣ надежды, вся дѣя-

тельность чувствъ, мысли, труда: милое отошло на вѣки; завѣтныя вѣрованія разбиты именно въ томъ, во что̀ они были всѣ положены; жизнь обезпечена такимъ достаткомъ, что и руки не нужны... Для кого же и на что̀ нужно ея существованіе?... Она припомнила свою новенькую «житейскую мудрость» и ея успокоительныя правила, что «добро можно дѣлать на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ положеніи», и горько хохотала надъ собою. Ужъ не сдѣлаться-ли ей покровительницей, благодѣтельницей? Не искупать-ли нравственную погибель сына тайными подаяніями и выставкой благочестія? Не попробовать-ли еще привязаться къ кому-нибудь (къ чему-нибудь въ родѣ собакъ и кошекъ, она не умѣла и вообразить),—но къ кому-нибудь, къ какому-нибудь оставленному ребенку, и приняться за его воспитаніе, начать опять сначала эту радостную задачу, забыться въ ней, лелѣять, мечтать, ждать...

— О, гдѣ-же онъ, *мой*-то! вскрикивала она отчаянно...

Ей доставался еще урокъ житейской мудрости. Всѣ ея знакомые за нее радовались и поздравляли при встрѣчахъ. Эти знакомства возобновились очень-скоро и сами собою,—и изъ участія, и изъ провинціальнаго любопытства. Она должна была высказывать, что довольна; иначе, ее-бы не поняли, или, понявъ по-своему, осудили-бы ея сына... Пусть лучше смѣются надъ нею, что она обрадовалась богатству.

— Привыкать къ нему не трудно, думала она, насмѣхаясь надъ собою первая.

Она долго ждала письма отъ сына; онъ не писалъ съ дороги. Онъ въ первый разъ испыталъ мученіе, когда мы не знаемъ что̀ сказать тѣмъ, кому прежде отдавали всю душу,—странное чувство стѣсненія, робости, въ которомъ мы себѣ не признаемся, отговариваясь сами передъ собою недосугомъ, незанимательностью окружающаго, а между тѣмъ, очень хорошо зная и помня, что для тѣхъ, передъ кѣмъ мы молчимъ, нужно только нѣсколько нашихъ строкъ и вовсе не нужно извѣстій ни о чемъ постороннемъ... Верховской написалъ ужъ изъ Петербурга. Въ его письмѣ было много новостей, о его опредѣленіи, о его домѣ, о знакомствахъ, которыя нужно сдѣлать, о представленіяхъ начальникамъ. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ писалъ всѣ эти подробности, зачѣмъ придавалъ всему важность, которой въ самомъ дѣлѣ не чувствовалъ... Студентомъ, онъ, случалось, писалъ очень подробно, цѣлые разсказы, цѣлыя сцены изъ своей жизни, даже въ драматической формѣ, даже въ перемежку со стихами, тутъ-же складно или нескладно импровизированными; если что̀ и преувеличивалось, то преувеличивалось въ увлеченіи, весело, пылко,

молодо; шутилось по-дѣтски; дѣтски-нѣжныя названія обожаемому существу сыпались между дѣльными, честными словами выростающаго человѣка. Письма бывали некончены за усталостью, сказывавшейся въ почеркѣ, за недостаткомъ свѣчки, въ чемъ весело признавался авторъ... Теперь, письмо было дописано до конца своей изящной бумаги, но Верховской жаловался, что долженъ ѣхать со двора, а то написалъ бы больше.

— Чтожъ бы онъ еще написалъ? спросила себя мать.

Вслѣдъ за письмомъ, онъ выслалъ ей рояль. Онъ говорилъ, что его вышлетъ. Она поставила его на мѣстѣ, которое онъ назначилъ. Ни годы, ни скука уроковъ съ дѣтьми не отняли у нея привязанности къ музыкѣ; она берегла свой талантъ, зная, что онъ дорогъ ея дорогому. Она обрадовалась какимъ-то забытымъ чувствомъ радости, увидя великолѣпный инструментъ, будто что́ живое, родное вошло подъ ея кровлю. Но первые звуки холодомъ схватили ее за сердце. Она оглянулась съ испугомъ и не могла продолжать. Кругомъ пустота, двѣ мерцающія свѣчи, темнота изъ дверей другой комнаты — и ждать нѣкого...

Она ясно, окончательно поняла, что положила всю свою душу въ одного человѣка, и что теперь, когда для нея больше нѣтъ его, — она обязана ужиться хоть какъ-нибудь, для того, чтобъ этотъ человѣкъ могъ жить для себя. Но какъ ей жить? Она не знала куда дѣвать свои дни. Знакомства ей были въ тягость, пріятельницъ у нея не было. И собственный характеръ, и долгое отчужденіе отъ жизни и привычекъ этого общества, дѣлали, что она не находила въ немъ ни удовольствія, ни занимательности; правда, того и другого было немного. У нея былъ свой, недостигнутый идеалъ образа жизни и замѣнить его другимъ она не могла. Оставалось одно—простая пріязнь людей. Но губернское общество вообще безтактно; оно умѣло держаться порядочно съ m-me Верховской — учительницей, но растерялось отъ неожиданности, что m-me Верховская—богата, что ея сынъ женатъ на родственницѣ вліятельнаго господина, и, растерявшись, не знало какъ себя поставить. Въ ней стали заискивать, къ ней какъ-то льнули. Она чувствовала, что теряетъ способность пріязни, и тосковала. Разъ, уступая слишкомъ настоятельнымъ просьбамъ, она поѣхала на вечеръ; она была одѣта просто, скромно, не молодо; но все-таки, это былъ нарядъ и выказалъ ея необыкновенную красоту, для которой, казалось, не было возраста...

— Чего добраго, станутъ женихи свататься... сказала она себѣ съ неиспытанною злостью, уѣзжая домой.

Она испугалась въ себѣ этой злости. Надо было скорѣе спасти свое сердце. Она разсудила, что ей необходимо устроить свое житье по-старому, и если ужъ безъ радости и надеждъ, то хотя свободно. Ей былъ всегда милъ ея трудъ; она сказала въ домахъ, гдѣ давала уроки,—отъ важныхъ господъ до мѣщанъ,—что хочетъ учить по прежнему, но даромъ, и съ той разницей, что желаетъ учениць постарше, и не будетъ приходить сама, а проситъ ихъ приходить къ себѣ. Важныя дамы сконфузились такого «безконечнаго снисхожденія m-me Верховской», но еще больше сконфузились того, что въ ея домѣ ихъ дочки «будутъ Богъ-знаетъ съ кѣмъ»; онѣ, конечно, не выразили этого m-me Верховской, но любезно отклонили ея предложеніе. За то, для дѣвушекъ средняго и бѣднаго круга эта наставница пришлась вполнѣ по сердцу. Ея уютная гостиная обратилась въ рабочую-классную и подъѣздъ заперся для докучныхъ визитовъ. Такой образъ жизни, и въ наше время показался-бы не совсѣмъ обыкновеннымъ; въ то время, онъ былъ диковинкой. Предъ нимъ недоумѣвали. Общество сначала попробовало объяснять его хвастливою благотворительностью, кстати, не стоющей ни гроша,— но наконецъ навело справки и сообразило, что чего-нибудь стоитъ усталость шести-часовыхъ ежедневныхъ занятій не въ шутку, не на-показъ, а добросовѣстныхъ и не приносящихъ ни гроша. Это объяснить было еще труднѣе. И въ то время, и въ наше время, было-бы безполезно, едва-ли даже не слишкомъ взыскательно требовать отъ людей обезпеченныхъ, привыкшихъ къ своему складу, не скучающихъ праздностью, чтобы они поняли, какъ можно не наслаждаться богатствомъ, томиться однообразіемъ казалось-бы веселой жизни, тяготиться своими незанятыми руками. Того, что довершало печаль Верховской — общество не знало и, конечно, отгадать не могло,—но если бы и узнало, то поняло-бы еще меньше. Общество рѣшило коротко и просто: «Это женщина оригинальная, странная; забыла какъ люди живутъ; можетъ-быть, отъ несчастій, отъ бѣдности, а теперь, вотъ, отъ неожиданнаго благополучія — немножко помѣшалась. Это бываетъ»...

Она осталась одна, спокойная и свободная. Ее не испугало однообразіе трудовой жизни. У нея оставалось еще довольно незанятого времени, въ которое она выходила, видалась съ родными своихъ учениць и читала. Сынъ высылалъ ей множество книгъ. Сказавъ себѣ, что не заниматься музыкой—сантиментальность, а не пользоваться именно тѣмъ подаркомъ, который сынъ выбиралъ съ особенною любовью—обида сыну, она открыла его рояль и играла, изучала одна, для себя, для искусства. Пришла

весна. Верховской, нанимая домъ, помнилъ, что необходимъ и садъ! онъ выслалъ сѣмянъ и луковицъ. Садъ былъ убранъ прелестно. Мать не оставила его на попеченіи одного садовника; она занялась и сама. Вообще, она брала все, что̀ представлялось ей по вкусу, по привычкамъ, *добросовѣстно* наполняла свою жизнь. Эта жизнь была, для многихъ, по справедливости завидная...

Она была одна. И всякій день, — она это чувствовала, — больше закрѣплялъ ея одиночество. Ей было не съ кѣмъ подумать, не съ кѣмъ сказать слова. Слова книгъ складывались въ ея памяти, какъ добро никому ненужное, кромѣ ея самой; но она уже воспользовалась имъ, а нераздѣленное впечатлѣніе, не животворя, а измучивъ, угасало понемногу. Въ обществѣ нечего было-бы и искать отвѣта: въ тѣ годы оно самымъ презрительнымъ образомъ смѣялось надъ какимъ-бы то ни было знаніемъ; люди бѣдные, близкіе Верховской, не стали-бы смѣяться, но, необразованные, все равно-бы ее не поняли; съ своими ученицами, дѣвушками отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ ей пришлось-бы только слушать самую себя. Ея умъ изнывалъ. То, что̀ было на сердцѣ—ужъ и вовсе нельзя было никому довѣрить...

Прежде, все ожидая счастья, она и въ бѣдности, сколько могла, заботилась о своемъ здоровьи. «Сохрани Богъ занемочь; Андрей голову потеряетъ». Теперь ей отозвались всѣ прошлыя лишенія, а ежедневная нравственная мука не давала замѣчать болѣзни. Когда эта болѣзнь сказывалась сильнѣе, Верховская съ досадой говорила себѣ, что это блажь богачки. Она догорала, не обращая на это вниманія. У нея темнѣло въ глазахъ за книгой, ее раздражала музыка,—она думала, что это отъ скуки. Ее тяготили уроки и безпокоилъ неизбѣжный, веселый говоръ ученицъ,—она упрекала себя въ лѣни и эгоизмѣ. Уставъ отъ недолгой прогулки въ своемъ саду, она была рада лечь въ постель, но была увѣрена, что не устала-бы, еслибы провела вечеръ не одна. Ночи были безсонныя. Она пробовала занимать ихъ чтеніемъ, работой,—но это выходило продолженіе того-же безконечно тяготящаго, одинокаго дня...

И прежде, цѣлые четыре года она была одна. Но она ждала. Какая прелесть въ ожиданіи, въ откладываніи и бережи чувствъ, впечатлѣній, думъ, когда ими надѣемся подѣлиться! Теперь—все замолкло кругомъ, все мертвое. Надъ этимъ довольствомъ нѣтъ надежды, свѣта, любви. О, ка̀къ бы сейчасъ она промѣняла его на тѣ годы, когда зябла и голодала! Всякая подробность воспоминанія, всякая мелочь оставшаяся отъ прошлаго, полевой цвѣ-

токъ забытый въ старой книгѣ, тетрадь нотъ переписанная Андреемъ, всякая бѣдная вещь, сохраненная среди богатаго хозяйства,—все было ей дорого, свято, все становилось между ею и настоящимъ. Она принуждала себя привязаться къ настоящему и не могла; дѣлала все, чтобы съ нимъ примириться—и все напрасно, старалась забыться и была не въ силахъ; разбирала себя съ своею обычною строгостью, напоминала себѣ свою обязанность передъ сыномъ, заставляла себя смиряться, говорила себѣ, что должна, какъ тысячи простыхъ людей, быть благодарна за ниспосланный кусокъ насущнаго хлѣба... Этотъ хлѣбъ былъ даровой, излишній и одинокій!..

Сынъ писалъ ей каждыя двѣ недѣли. Аккуратность отучаетъ отъ ожиданій. Ожиданіе, нечаянность были-бы, можетъ-быть, благодѣтельнымъ волненіемъ для этой истомившейся женщины. Вмѣсто нихъ, у нея мелькнула догадка:

— Ужъ не дѣлаетъ-ли онъ себѣ обязанности, изъ переписки со мною?

Она не совсѣмъ ошибалась...

Онъ воротился отъ матери съ полной тяжестью чувства разлуки, съ нимъ переступилъ свой порогъ и первое слово женѣ было:

— Матушка не поѣхала.

— А!.. сказала Лидія Матвѣевна.

Она была такъ рада его возвращенію; столько было хлопотъ, столько дѣла, столько разсказовъ, столько вопросовъ, — любитъ-ли онъ ее, — столько народу кругомъ, столько новыхъ вещей надо было показать, столько счетовъ свести, что голова у нея кружилась,—какъ она увѣряла и ни о чемъ его не спрашивала. Онъ это очень замѣтилъ. Она не замѣчала въ немъ никакой перемѣны. Исполняя прощальное приказаніе матери, Верховской старался привязать къ себѣ жену и потому былъ терпѣливъ на мелочи и ласковъ. Лидія Матвѣевна была въ восхищеніи; не оставалось посторонняго, кому бы она не говорила, какой у нея «душка мужъ», не разсказывала его угожденій, не сочиняла цѣлыхъ его рѣчей, цѣлыхъ сценъ, не хвасталась его ласками. Она была-бы ревнива до бѣшенства, но къ полнѣйшему своему благополучію, не видѣла и тѣни повода ревновать: Верховской былъ слишкомъ отуманенъ новою жизнью, слишкомъ озабоченъ сердечно. Онъ былъ неловокъ съ женщинами, по-крайней-мѣрѣ, съ женщинами кружка гдѣ вертѣлся. Страстная нѣжность жены какъ-то смѣшно его ограждала, но хотя-бы и

не было этого огражденія, Верховской смотрѣлъ на любовь слишкомъ строго и серьезно, тяжело думалъ о будущемъ и, стараясь узнать, полюбить свою жену,—не сталъ-бы искать забавы отъ-нечего-дѣлать.

Лидія Матвѣевна была очень счастлива. Она хозяйничала, распоряжалась своимъ домомъ, повелѣвала, капризничала, наряжалась, знакомилась, выѣзжала и принимала гостей съ утра до вечера. Ей было очень грустно принадлежать только къ «чиновничьей аристократіи»; она вознаграждала себя тѣмъ, что важничала, отыскала двухъ-трехъ институтскихъ подругъ титулованныхъ и не очень богатыхъ, была съ ними на *ты* и щеголяла въ ихъ салонахъ, доставляя себѣ наслажденіе удивлять ихъ, когда приглашала къ себѣ. Постоянно наряжаясь и получая комплименты, Лидія Матвѣевна воображала себя красавицей, а своего мужа влюбленнымъ. Въ очарованіи своей страсти, она вообразила еще, что мужъ нарочно не привезъ матери, чтобъ не стѣснять молодую жену и сдѣлать ей угодное. Лидія Матвѣевна сообщила это генералу Зурову, правда, какъ тайну, но за то не въ видѣ своей догадки, а какъ положительный фактъ. Генералъ пріятно посмѣялся и сталъ очень любезенъ съ племянникомъ. То хитря, то не понимая мужа, Лидія Матвѣевна объясняла родственникамъ его холодность какъ неловкость, непривычку къ «хорошему» обществу. Это извиняли и обходились съ нимъ такъ дружелюбно, что безъ рѣзкой неучтивости было невозможно не отвѣчать тѣмъ-же. Невозможно было отказывать женѣ, когда она, то хитря, то нѣжничая, безпрестанно возила его въ общество, заставляла знакомиться, заставляла веселиться. Уступая ей, уступая и собственной молодости, Верховской увлекался и веселился. Искушеніе было велико въ двадцать-два года, жизнь заманивала, средства были подъ рукою, времени было много.... Правда, Верховского какъ будто утомляло бездѣлье, круженье цѣлаго дня, послѣ немногихъ часовъ безполезной службы, какъ будто было совѣстно и самой службы,—но въ то-же время было какъ-то невозможно перемѣнить это, повести день на другой ладъ; одно было не въ его власти, другое—огорчило-бы жену. Огорчать жену на первыхъ порахъ, за то, что она хочетъ повеселиться—и несправедливо, и не средство, чтобъ привязать ее къ себѣ; она оглянется сама на пустоту этого веселья...

Но она не оглядывалась, она только входила во вкусъ, между тѣмъ какъ Верховскому становилось скучно отъ этого преходящаго минутнаго веселья, которое никогда не хотѣлось ни вспомнить, ни повторить, и которое напоминалось, повторялось безъ

желанія, безъ сознанія и забывалось опять, оставляя оглядку, что въ этой пустотѣ проходитъ жизнь....

Онъ рѣшился высказать это женѣ. Вышла сцена.

— Ты недоволенъ этимъ образомъ жизни? Какого-же ты-бы еще хотѣлъ? Развѣ ты знаешь лучше?....—Извини, André, я не способна быть un bas-bleu и не желаю! я предоставляю это другимъ....—Не требуй отъ меня невозможнаго....

Онъ разобралъ, послѣ этой сцены, что она любитъ его больше нежели онъ ее,—любитъ какъ можетъ и умѣетъ.... Зачѣмъ она такъ мало можетъ и такъ мало умѣетъ!... Строгость съ нею не поведетъ ни къ чему и невозможна. Онъ рѣшился, безъ напрасныхъ жалобъ, сценъ и траты словъ, выждать, что̀ скажетъ время, сторожить за собою, не облѣниться, не опошлиться, сберечь свои силы, свой протестъ окружающему, свое негодованіе на себя.

«Пусть она лучше меня узнаетъ....» думалъ онъ.

Ему досталось узнавать ея характеръ. Какъ бо̀льшая часть молодыхъ людей, воспитанныхъ кроткими женщинами и нѣсколько мечтательныхъ, Верховской не могъ взять въ толкъ причудъ, мелочности и злости жены; онъ дивился и не вѣрилъ. Разглядѣвъ, ему было совѣстно вступаться; онъ боялся, можетъ быть, огорчить. Такое «можетъ быть»—великая остановка: у мелкихъ людей и горе по ихъ росту; мелкій человѣкъ будетъ несчастенъ.... достанетъ-ли духу сдѣлать чужое несчастье? А огласка?... Родственники зорко и обидно слѣдили за ихъ супружескою жизнью; Верховской подмѣтилъ это. Негодованіе вспыхнуло и улеглось: что̀жъ будетъ послѣ огласки? Разрывъ, а дальше?... Онъ отчаянно, но безпощадно заставилъ себя сознаться, что у него уже нѣтъ силъ отказаться отъ этой жизни, что эта пустота, за которую онъ отдалъ все свое счастье, втянула его, закупила своимъ привольемъ....

У него не было мужества разсказывать все это матери; онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ себѣ обязанность обманывать ее сколько могъ, хотя, по прежнему, зналъ, что ей нужны не утѣшенія, а правда; что самая горькая правда обрадовала бы ее какъ доказательство вѣры въ ея твердость, — слѣдовательно, его собственной твердости; хотя зналъ, что его искренность была бы доказательствомъ любви, безъ которой томится его мать.... У него явилось совсѣмъ новое чувство — стыдъ. Онъ отъ-роду не зналъ его ни передъ кѣмъ, а теперь испытывалъ передъ нею, передъ этою совѣстью, любовью, совершенствомъ.... Пусть лучше она ничего не знаетъ! Она еще не обвиняетъ его, не потеряла вѣры въ него! Но покаяться, что грѣхъ опуталъ—кому изъ нихъ будетъ тяжелѣе?.... Онъ страдалъ, но не признавался....

Онъ забывалъ, что она умѣла читать между строками....

Время шло скоро и не производило перемѣны, только прочнѣе складывало этотъ образъ жизни, крѣпче стягивало эти отношенія. Зимой, Лидіи Матвѣевнѣ было необходимо веселиться, весной стало необходимо нѣжиться, а противорѣчить ей въ чемъ-нибудь сдѣлалось уже совершенно невозможно: она была беременна. Верховскому опять мелькнула надежда; еще не все пропало; съ рожденіемъ ребенка все пойдетъ иначе, жена пойметъ его, новая, общая, милая обязанность соединитъ ихъ новою любовью. Онъ заранѣе обожалъ своего ребенка; жена становилась ему милѣе, когда онъ воображалъ свою прелестную мать надъ этой будущей колыбелью, мать, вѣчно-молодую, ненаглядную радость. Онъ падалъ на колѣни при мысли объ этомъ счастьи; примиреніе, прощеніе, новая жизнь мерещились ему и охватывали такимъ свѣтомъ, такой полнотой ощущеній, что не было словъ для нихъ и сердце замирало сладко, такъ сладко, какъ, казалось, ужъ отучилось замирать.... Онъ съ страннымъ удивленіемъ это замѣтилъ; онъ оглянулся, что забылъ самое ощущеніе радости; что незамѣтно отвыкъ отъ плановъ и мечтаній о подробностяхъ, о тѣхъ бездѣлицахъ, которыя придаютъ счастью, конечно, небольшую цѣну, но что-то праздничное и оживляющее, безъ чего и самое счастье входитъ въ обрядъ и принимается холоднѣе.... Его поразила эта оглядка. Чтобы скорѣе избавиться отъ всего, что она поднимала въ душѣ, онъ схватился исполнить свое завѣтное желаніе.

— Лидія, сказалъ онъ ей:—я пошлю эстафетъ мамѣ, чтобъ она пріѣзжала крестить нашего будущаго.

Лидія Матвѣевна поблѣднѣла, что было у нея выраженіемъ сильнѣйшаго гнѣва, но что неопытный супругъ принималъ всегда, а теперь принялъ въ особенности за болѣзненное разстройство. Онъ даже нѣсколько смутился.

— Она не успѣетъ пріѣхать, произнесла Лидія Матвѣевна очень отчетливо.

— Всего три недѣли, даже меньше, на посылку письма и ея пріѣздъ.

— Не успѣетъ, повторила Лидія Матвѣевна.

— Такъ подождемъ съ крестинами.

— А ты можешь поручиться, что я не умру? Спросила она, съ тѣмъ-же спокойствіемъ, но съ блѣдностью уже смертельною.

— Полно, Лидія, Богъ съ тобой! возразилъ онъ, испугавшись.

— Ты долженъ ко всему приготовиться, продолжала она.— Ты мало обо мнѣ думаешь. Но, если я и останусь жива,— въ

чемъ я очень сомнѣваюсь!—до того-ли мнѣ тогда будетъ, чтобы знакомиться съ особой, о которой я понятія не имѣю, заботиться, чтобъ ей было у меня покойно, думать, какъ ей угодить, какъ не сказать лишняго слова.... Въ болѣзни отвѣчать за себя нельзя, а кто знаетъ, какъ она приметъ.... Почему я знаю, что̀ она вообразитъ; какія у нея привычки, какой характеръ....

— Какой ты вздоръ говоришь! прервалъ онъ, не выдержавъ больше.

— Какъ? Что̀... и о̀на съ воплемъ залилась слезами.—Теперь я вижу—ты меня не любишь! Ты нарочно выбралъ такую минуту, чтобъ меня мучить! Ты хочешь моей смерти! Я знала, что такъ будетъ! И лучше умереть, лучше умереть!

Ему осталось только успокоивать ее въ нервномъ припадкѣ, пославъ за докторомъ и тетушкой. Докторъ имѣлъ свои причины дорожить этой практикой, а потому прямо объяснилъ Верховскому, что онъ убьетъ жену, если тотъ чѣмъ-нибудь еще разъ ее потревожитъ. Тетушка кротко, но выразительно, сказала ему только, что она «этого отъ него не ожидала». Дядюшки, генералъ и департаментскій, явившіеся вслѣдъ за тетушкой, ничего не сказали, но глядѣли на Верховского какъ на преступника. Верховской былъ еще слишкомъ молодъ и не зналъ настоящей цѣны женскихъ нервныхъ припадковъ; онъ былъ испуганъ, смущенъ, огорченъ; ему стало тяжело будто въ самомъ дѣлѣ виноватому. Лидія Матвѣевна нѣсколько дней притворялась разстроенною. Она была изобрѣтательна, и, въ присутствіи тетушки, сплела мужу сплетню, будто генералъ Зуровъ по секрету признавался ей, что онъ и его сестра въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ и едва-ли могутъ когда-нибудь примириться. Верховской, конечно, удивился, что никогда ничего похожаго не слыхалъ отъ своей матери.

— Вѣроятно, изъ деликатности, maman не хотѣла тебя огорчать, сказала Лидія Матвѣевна. Но дядя такъ благороденъ! прибавила она, спохватившись, что слишкомъ нѣжно выразилась о maman. Дядя никогда не говоритъ о ней ни слова! Онъ такъ меня полюбилъ. Для чего ты хочешь это разстроивать? Для чего ставить меня между двухъ огней?... Напиши, спроси свою мать!...

— Я не осмѣлюсь спрашивать ее письменно о томъ, чего она сама не открывала мнѣ во всю жизнь, возразилъ Верховской.

— Видишь-ли, стало быть, я права! сказала Лидія Матвѣевна, въ радости, что такъ безошибочно разочла успѣхъ своей сплетни,

и увидя входящаго генерала, протянула ему ручку и запищала своимъ институтскимъ, звонкимъ голоскомъ.

— Oncle, здравствуйте! Вы не очень на меня сердиты, за то, что скоро дѣдушка? Вы окрестите внучка, вотъ, съ тётей? Я потому прошу тётю, что она добрая, не дастъ вамъ, злому, усатому, проглотить моего ребеночка....

Вскорѣ послѣ этого, мать Верховского получила отъ него неожиданно слѣдующее письмо:

— «Мама, у меня родился сынъ. Его крестили Зуревъ съ женой Каруцкаго. Назвали—Элимъ. Аристократично и поэтично. Какой-то князь Элимъ сочинилъ какія-то «*Черныя Розы*». Я съ ума схожу. Брошу все и уѣду къ тебѣ».

У нея изъ рукъ выпало это письмо.

Что онъ не можетъ отвязаться отъ своихъ покровителей, что онъ не воленъ назвать своего ребенка какъ хочетъ, — все это только обыкновенныя послѣдствія его положенія. Но это рабское подшучиваніе, но эта жалоба, которая доказываетъ, что если онъ и бился, то не съ людьми, а одинъ, о стѣну головою; но это неисполнимое *брошу все* — рѣзкость, которая говорится именно потому, что рѣзкія слова, утомивъ, надорвавъ душу, даютъ ей какъ-будто законный предлогъ опять затихнуть и успокоиться на томъ, что̀ есть.... Вотъ оно, полное нравственное безсиліе!

Она позволила себѣ плакать. Прежде она никогда не знала слезъ. «Какой вздоръ, слезы, говорила она бывало, въ это золотое время. Только глаза портить. И о чемъ? Чего недостаетъ, что̀ такое Богъ отнялъ? Есть хлѣбъ насущный — и ни у кого неотнятый, заработанный, свой по праву. Есть добрые люди, которые уважаютъ и любятъ, а въ неожиданной бѣдѣ—сказать имъ слово—помогутъ. Есть радость, свѣтъ, сокровище—любовь, ради которой жизнь мила, изъ которой безконечно черпаются силы и ей-же отдаются. О чемъ плакать, когда живется полно и, при самомъ строгомъ судѣ—безупречно?»

А теперь—праздная, ненавистная, позорная сытость, и отказаться отъ нея нельзя; она куплена цѣною той души, для которой жилось на свѣтѣ!

«Если бы.... ну, если бы такъ случилось, говорила она, мечась въ жару безсонной ночи, въ которую десять разъ хваталась за короткое письмо сына и не имѣла мужества развернуть его и перечитать: — несчастія всякія бываютъ. Если-бъ *тогда* случилось несчастіе, ну, самое ужасное, такое, въ кото-

ромъ мысль уничтожена, руки связаны и нищета неизбѣжна,— ссылка. За что-нибудь, куда-нибудь далеко. Полугодовая ночь, снѣга, темная изба.... Такъ чтожъ? я убирала-бы его избу, стирала-бы его рубашки. Богъ надо всѣми. Жили-бы вмѣстѣ, ждали-бы.... Если бы даже онъ умеръ, — что-жъ, и я за нимъ. Для кого-же мнѣ жить?...»

Она такъ знала, такъ вѣрила, что нужна ему, что ни на минуту не могла допустить мысли—умереть раньше его. Ей никогда даже не мелькнуло эгоистическое желаніе умереть, чтобъ отдохнуть.... Потому она съ ужасомъ взглянула на себя, когда утромъ, шатаясь, едва встала съ постели.

Скоро она убѣдилисъ сама и заставила своего доктора сказать прямо, что ей жить не долго.

— Съ полгода? спросила она, не то смутясь, не то оробѣвъ, но испытывая странное, еще незнакомое ощущеніе.

Онъ промолчалъ.

— Меньше?... Что-жъ, такъ и быть, сказала она съ искреннимъ мужествомъ предъ своимъ приговоромъ и невыразимой тоской за сына.

Она подумала, что умретъ осенью и еще успѣетъ его *приготовить*. Прежде она не разъ смѣялась этому глупому слову, и повторила его теперь съ такимъ же презрѣніемъ: она знала, какъ тяжелъ ударъ, знала, что ничѣмъ нельзя облегчить его. Ей стало еще противнѣе, еще мучительнѣе ея житье, еще милѣе все несбывшееся. Ей захотѣлось умереть среди блаженства, о которомъ она молилась и мечтала, для котораго трудилась столько лѣтъ. Черство и рѣзко сказала она себѣ, что ненавистныя деньги, разлучившія ее съ сыномъ, должны дать ей хоть послѣднее утѣшеніе—насмотрѣться на сына. Она написала ему, что больна и чтобъ онъ пріѣхалъ.

Письмо шло недѣлю. Верховской получилъ его утромъ и выѣхалъ черезъ два часа, безъ отпуска, безъ спроса у своего начальства, сказавъ только женѣ и то въ-торопяхъ: Лидія Матвѣевна уѣзжала по желѣзной дорогѣ въ Царское-Село, обѣдать и танцовать въ лагерь у дядюшки генерала.

Черезъ недѣлю, Верховской былъ съ матерью.

Она не ждала его такъ скоро, но совладѣла съ своей слабостью и волненіемъ и выбѣжала на крыльцо, завидя, что онъ подъѣхалъ... У него въ памяти вѣчно осталась она, какъ стояла, въ бѣломъ, ея распустившіеся золотистые волосы, ея вспыхнувшія щеки, ея божественный взглядъ, весь ея образъ въ свѣтѣ вечерняго солнца. Онъ схватилъ ее на руки и внесъ въ комнаты; онъ не надѣялся застать ее живую.

— Какъ ты похорошѣлъ! сказала она бодро и радостно, не чувствуя ничего кромѣ счастья, что онъ тутъ, съ нею, подумавъ, что вовсе не больна, что вызвала его изъ прихоти,—и въ ту-же секунду весело сказавъ себѣ, что отлично сдѣлала, но все-же надо покаяться и скорѣй его успокоить.

— Виновата, милый! я тебя напугала, а ты тотчасъ на перекладную! Виновата! Я здорова, гляди: противъ зимы, я даже поправилась. Это только такъ, сегодня, и... и я обрадовалась, ну, признаюсь,—сердце упало. Пройдетъ. Покажись еще. Разсказывай; все разсказывай, и хорошее и дурное. Вѣдь мы одной душой живемъ, ты тамъ, а я здѣсь.... О, сладко намъ съ тобою жилось!... Все разсказывай; молчать некогда....

Точно, было не время молчать, но и не разсказалось ничего: было нѣкогда разсказывать. И онъ, и она были всѣ въ своемъ общемъ прошломъ, въ своихъ настоящихъ минутахъ; забывали какъ сонъ и промежутокъ разлуки и все, что̀ въ немъ совершилось, или обходили это, будто что̀ докучное, ненужное, чего поднимать не хотѣлось, о чемъ еще будетъ время позаботиться. Обоимъ не хотѣлось вѣрить и цѣлыми днями не вѣрилось, что близка другая разлука. Только вечернiе косые лучи и длинныя тѣни всякiй разъ будто болью охватывали Верховского, и всякiй разъ, уводя мать изъ сада, ему думалось, что однимъ днемъ еще стало меньше....

Пришелъ и послѣднiй день. Онъ былъ свѣтлый, солнечный до самаго заката. Ея душа улетѣла въ ту минуту, какъ исчезло солнце. Верховской отошелъ отъ постели, гдѣ лежало то, что̀ было его жизнью, его разумомъ, его радостью. Онъ отворилъ окно. Въ переулкѣ проходили люди, въ церкви звонили всенощную. Онъ подумалъ, неужели есть еще люди, которые живутъ и могутъ молиться?

Она унесла съ собой его молодость. Въ одно мгновенiе все и всѣ стали ему чужды и ненавистны. Жизнь ужаснула; мелькнула мысль покончить съ нею.... И въ самомъ дѣлѣ, кому онъ нуженъ?

— Ты была не одна, выговорилъ онъ, блѣдный какъ то лицо, въ которое вглядывался: — тебѣ хорошо было....

И не докончивъ упрека, онъ упалъ передъ ней на колѣни....

Онъ похоронилъ ее. Губернскiй городъ ожидалъ парадныхъ обрядовъ. На нихъ разсчитывали, какъ на случай познакомиться съ молодымъ богачемъ: съ самаго прiѣзда Верховского, у нихъ не принимали никого, но когда въ домѣ покойникъ—двери всѣмъ открыты. Къ панихидамъ прiѣзжали дамы высшаго кружка, въ прекраснѣйшихъ траурныхъ и туалетахъ важные господа, хорошо

положеніе, что Верховской женятъ на племянницѣ директора департамента. Верховской не встрѣчалъ никого и уходилъ въ комнату матери. Это еще объясняли его горестью, но когда узнали, что пригласительныхъ билетовъ не заказано, что Верховскую отпѣваютъ и хоронятъ въ раннюю обѣдню, въ бѣдной, загородной кладбищенской церкви, — то приняли это за обиду. Верховскую проводили бѣдняки, которымъ она была своя, которые не пожалѣли потратить свое трудовое утро на прощанье съ труженицей. Ихъ было много. Въ толпѣ мелькали молодыя, расплаканныя личики *ея* ученицъ. Верховской вдругъ вспомнилъ жену. Онъ подумалъ, что, можетъ быть, здѣсь, между ними, та, которую мать выбрала бы ему въ подруги,—та, которая теперь плачетъ надъ нею. Онъ подумалъ, что, вотъ, *его люди*, и что къ нимъ ему нѣтъ возврата. Конечно, нѣтъ. Онъ такой важный, богатый баринъ.... Ему вдругъ бросилось въ глаза, что передъ нимъ стѣснялись, его будто боялись безпокоить; сочувствіе къ нему было, можетъ быть, искреннее, но какое-то робкое, подобострастное....

«Если у кого-нибудь изъ нихъ умретъ мать, меня не позовутъ на похороны», сказалъ онъ себѣ съ холодной злобой, которая все больше и больше набѣгала ему въ сердце.

Эта злоба помогла ему вынести горе. Онъ зналъ, что въ его волѣ и власти было прожить, можетъ быть, много лѣтъ съ матерью, въ честномъ кружкѣ людей трудовыхъ, людей образованныхъ, людей по душѣ. Если сдѣлалось не такъ — онъ самъ виноватъ. Но при всемъ полномъ сознаніи, никто себя не обвиняетъ до конца, а горе — тѣмъ меньше: оно не въ силахъ еще накладывать на себя руки упреками и ищетъ оправдаться. Жена, ея родные, ея общество — могли бы, должны были бы быть лучше. Виноваты они, а не несчастный, который имъ довѣрялся. Верховской ненавидѣлъ ихъ. Онъ метался одинъ въ опустѣломъ домѣ, безумно повторяя, что не выйдетъ изъ него, не воротится *туда*....

— Чтожъ ты этого прежде не сдѣлалъ? вскрикивалъ онъ.

Отчаяніе подняло въ немъ неожиданную, злобную, но твердую силу. Изъ его положенія нельзя было избавиться; онъ рѣшился не пользоваться его выгодами. Во всемъ виноваты проклятыя деньги,—не надо ихъ. Есть средство жить, не одолжаясь женѣ: служба. Правда, мѣсто далъ женинъ дядюшка, но это только неважное: человѣкъ, котораго способность признавала *она* (Верховской оглядывался на ея пустую постель), стоитъ мѣста и повыше. Можно пользоваться безъ угрызеній совѣсти. Жалованьемъ

можно жить безъ спроса и отчета; нужно только повѣрнѣе считаться....

«Считаются враги».... пролетѣло въ его памяти. Это слово сказала когда-то его мать.

— О, но вѣдь тебѣ хорошо было! вскричалъ онъ, рыдая:— тебя обожалъ всякій, кто хоть разъ тебя встрѣтилъ!..

Онъ принялся за счеты, тутъ же, въ эти дни. Все, что̀ онъ присылалъ матери денегъ и вещей, бывало изъ его собственнаго жалованья; еще не прослуживъ и года, онъ, неизвѣстно за какія заслуги, ужъ получилъ награду. Онъ былъ долженъ женѣ только то, что̀ привезъ матери въ свой первый пріѣздъ.

— Я выплачу, сказалъ онъ:—моя мать ей ничего не будетъ сто́ить.

Онъ взялъ себѣ ея старыя книги, старыя ноты, старый памятный рабочій ящикъ съ нѐдоконченнымъ вышиваньемъ; онъ имѣлъ мужество собрать письма, записки, то, въ чемъ именно выражается и отражается жизнь, смотрѣлъ на эти листки.... память счастья, будто что̀ живое, крѣпко и больно цѣплялась за сердце; смотрѣлъ на свои ученическія тетради съ ея замѣтками, на свои юношескія письма, сбереженныя съ такою нѣжностью.... О, гдѣ эта молодость, гдѣ ея любовь?... Письма послѣдняго года были тоже сложены и спрятаны бережно.... но почему она положила ихъ не вмѣстѣ, не въ старую шкатулку отца, а въ этотъ портфель съ перламутромъ и золотомъ, щегольской, сіяющій, гдѣ кромѣ ихъ нѣтъ ничего?... Взять, сохранить все это невозможно такъ, чтобъ не притрогивались чужія руки....

Онъ перечитывалъ и жегъ цѣлую ночь. Рано утромъ, онъ пошелъ къ кладбищенскому священнику, *ея* духовнику, котораго она называла хорошимъ человѣкомъ.

— Я уѣзжаю, сказалъ ему Верховской:— возьмите все, что̀ осталось въ домѣ; оставьте себѣ, раздайте кому хотите; вы знаете, кого она любила и кому что̀ нужно.

Отъ священника онъ прошелъ къ ея могилѣ. Туда привезли всѣ кусты розъ съ клумбы, у которой онъ и она сидѣли въ послѣдній разъ. Верховской помогъ рабочимъ пересадить ихъ кругомъ деревяннаго креста и поставить деревянную рѣшетку. Когда все было кончено, онъ сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ, не заѣзжая въ городъ, не оглядываясь на пустой домъ видный издали, на садъ, гдѣ на мѣстѣ пышнаго цвѣтника чернѣла свѣжая яма....

Онъ возвращался другимъ человѣкомъ. Мать не порадовалась бы такой перемѣнѣ....

Лидія Матвѣевна получила отъ него только одно письмо во все это время, тотчасъ по его отъѣздѣ. Она была рада, что онъ не писалъ: извѣстія о болѣзни такой близкой родственницы заставляли бы, ради приличія, отказываться отъ разныхъ удовольствій. Мысль, что надо одѣться въ сукно на цѣлый годъ—первая промелькнула у нея, когда она увидѣла мужа.

— C'est fini? спросила она, идя за нимъ въ его комнату.

Верховскому хотѣлось ее выгнать. Онъ ничего не сказалъ.

Лидія Матвѣевна конфузилась. У нея былъ, по-своему, твердый характеръ и притворяться печальной она не желала: это, во-первыхъ, было бы довольно трудно, а во-вторыхъ, много обязывало впослѣдствіи. Но сказать что-нибудь было необходимо изъ приличія.

— Le monument est joli? спросила она.

Верховской поднялъ на нее глаза.

— Est-ce qu'il s'est trouvé quelque chose de convenable dans cette petite ville...., продолжала она.

— Никакого нѣтъ монумента, прервалъ онъ по-русски, понявъ ее наконецъ. — Выйди, сдѣлай одолженіе; здѣсь уберутъ мои вещи....

Такъ начались его новыя отношенія....

Когда онъ воротился съ кладбища, гдѣ зарылъ свою мать, ему не казалось такъ пусто, какъ въ этомъ убранномъ, богатомъ домѣ. Что-то черное, чернѣе и глубже могилы раскрывалось предъ нимъ. Точно будто въ первый разъ оглянулся онъ, въ первый разъ понялъ все это страшное нравственное разстояніе; все, что передумалось прежде, было ничто въ сравненіи съ сознаніемъ настоящей минуты.... Одна кровля, одинъ столъ, одна комната—а не дальше была бы для него эта женщина, еслибъ она была на другой планетѣ, не пустѣе было бы кругомъ, еслибъ вовсе ея не было! Пусто,—а отъ нея тѣсно. Ребенокъ.... Онъ о немъ и не вспомнилъ. Ничего не нужно. Ему стало какъ-то жутко; ненависть его душила.... Онъ заперся у себя одинъ.

Но утромъ надо было, наконецъ, и выдти. Онъ засталъ Лидію Матвѣевну въ хлопотахъ съ модисткой. Столы были завалены чернымъ сукномъ и чернымъ крепомъ.

— Это совсѣмъ напрасно, Лидія, сказалъ онъ:—я не хочу, чтобъ ты носила трауръ.

Она посмотрѣла на него съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Да, повторилъ онъ:—не надо. Ты меня очень обяжешь.

— Какъ ты хочешь, отвѣчала она.

— И прошу не перемѣнять ничего въ твоемъ образѣ жизни. То, чтò случилось, до тебя не касается.

Она не спросила причины и покорилась очень охотно. Все пошло по прежнему. Ни родственники, ни знакомые, никто не помянулъ ни слова Верховскому о «томъ, чтò случилось». Это его злобно, мучительно радовало. Эти люди не стóили, чтобъ онъ позволялъ имъ даже назвать его мать. Онъ думалъ только, какъ скорѣе разорвать съ ними свою связь....

Разсчетъ загубилъ его жизнь, разсчетъ сталъ мерещиться ему во всемъ. Верховской сдѣлался мелко подозрителенъ; онъ видѣлъ намеки или попреки въ незначащихъ словахъ, которыя гораздо законнѣе могли бы отвратить своею пошлостью, еслибъ онъ о ней подумалъ. Но онъ уже не думалъ ни о пошлости, ни о нелѣпости, ни объ испорченности этихъ людей, не высказывалъ ни въ чемъ своего характера, не предлагалъ и не отстаивалъ ни одного своего мнѣнія. Онъ только *считался*, какъ будто въ счетѣ была вся его независимость. Когда годъ назадъ, въ первое время брака, Лидія Матвѣевна выказывала себя госпожей, Верховской находилъ неделикатнымъ ей противорѣчить; позднѣе, оспариваніе первенства казалось ему презрительно и смѣшно; теперь, онъ рѣшилъ коротко и злобно:

«Я ея управитель по довѣренности и ничего больше».

Упорно начавъ одинъ разъ, онъ не останавливался. Его это какъ-то тѣшило. Насмѣшливо предложилъ онъ Лидіи Матвѣевнѣ, что будетъ вносить изъ жалованья на свое содержаніе въ общій расходъ. Она согласилась такъ просто и натурально, какъ будто удивляясь, что это давно не пришло ему въ голову; она даже помогла ему разобраться и сообразиться въ этой смѣтѣ общаго расхода. Напримѣръ, за пользованіе квартирой, отопленіе и освѣщеніе, которыми Лидія Матвѣевна была обязана службѣ своего супруга, супругъ освобождался отъ издержекъ на экипажъ и могъ пользоваться имъ безплатно. Были обсуждены всѣ статьи хозяйства, затраты на удовольствія, непредвидѣнные случаи. Верховской выслушивалъ молча и отвѣчалъ хладнокровно. Онъ напомнилъ о деньгахъ, взятыхъ имъ годъ назадъ на поѣздку къ матери и ея устройство, и предложилъ дать въ нихъ вексель. Лидія Матвѣевна нашла, что вексель — излишнее, но приняла проценты за прошлый годъ и слѣдующій.... Выходя изъ ея кабинета, Верховской еще разъ поклялся себѣ, что не будетъ стóить женѣ своей ни одного гроша.

Въ качествѣ управляющаго, онъ поставилъ себѣ въ обязанность аккуратно и во всякой мелочи спрашивать приказаній Лидіи Матвѣевны; онъ даже записывалъ болѣе сложныя. Это ей очень нравилось. Онъ никогда не спорилъ. Чувствуя, что внутренно ежеминутно раздраженъ, онъ тѣмъ болѣе сдерживался наружно, и никто, въ особенности жена, не могъ-бы упрекнуть его ни въ одной вспышкѣ, ни въ одной неровности обращенія. Онъ дѣлалъ все, что ей было угодно, исполнялъ малѣйшія ея прихоти, считая это своимъ долгомъ; онъ былъ только молчаливъ. Лидія Матвѣевна по прежнему хвалилась его нѣжностью, и, чтобъ выразить свою нѣжность, дѣлала ему иногда подарки. Ее особенно восхищало, что онъ тотчасъ-же отдаривалъ ее вещами одинакой цѣнности; она видѣла въ этомъ самое влюбленное вниманіе. Въ глазахъ всѣхъ, по ея разсказамъ, это былъ обожаемый, страстный мужъ,—правда, съ вида немного невеселый, но это приписывали его неловкости въ обществѣ,—можетъ быть его недавнему огорченію, — впрочемъ, объ этой причинѣ скоро забыли. Онъ отлично держался съ родственниками. Ничего нѣтъ приличнѣе и учтивѣе ненависти.

Верховской достигъ чего хотѣлъ; у него была одна мысль—*не обязываться,*—онъ ее исполнилъ. Онъ разсчелъ всѣ необходимости своей дорогой свѣтской жизни вровень съ жизнью жены, стѣснилъ себя, въ чемъ можно было стѣсниться незамѣтно: у него не было на что̀ купить книгъ, чѣмъ помочь бѣдному человѣку. У него не осталось своей воли, не осталось ни одной привычки, не осталось минуты нравственнаго довольства. Оставалась все одна и та же мысль—не обязываться. Твердость характера являлась только въ настойчивости самоотреченія, отъ котораго на сердцѣ бывало постоянно тяжело, горько и стыдно...

Въ буквальномъ, матеріальномъ смыслѣ, онъ не зависѣлъ отъ этихъ людей, съ которыми хотѣлъ «разорвать всѣ связи»; но онъ не разорвалъ связей, не разстался съ этими людьми, не придумалъ для себя другого образа жизни. Вся эта пустая, дорого стоющая, довольная собою свѣтская ничтожность кружила его, владѣла имъ, налагала свои обычаи, туманила его понятія; онъ незамѣтно настолько втянулся самъ, что затруднялся опредѣлить, какой ему хотѣлось перемѣны. Онъ понималъ только *одну* жизнь—*жизнь съ нею*, какъ въ дѣтствѣ, въ юности, какъ въ послѣдніе роковые дни. Онъ мечталъ объ этомъ невозможномъ, воображалъ его, повторялъ въ памяти, переживалъ всѣмъ своимъ существомъ, утомлялся и мучился до безсилія, даже физическаго. Разбитый, онъ былъ не въ состояніи шевельнуться, не только обдумать, предпринять и дѣйствовать. Онъ чувство-

валъ, что нравственная поддержка ему необходима, но откуда, чья?.. У отчаяннаго горя бываютъ тысячи оттѣнковъ. Одинъ изъ нихъ—какая-то ревность, которая считаетъ преступленіемъ замѣну невозвратнаго новымъ. Верховской испыталъ и это, но убѣдился также, что ему нечѣмъ и замѣнить своего невозвратнаго. Онъ потерялъ изъ вида большую часть своихъ университетскихъ товарищей; нѣкоторые отстали сами отъ «богача, отъ человѣка, измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, отъ свѣтскаго чиновника». Онъ понялъ это; досада и обида облегчали ему чувство вины, за которую доставалось ему отчужденіе; онъ говорилъ съ какимъ-то хвастовствомъ отчаянія:

— Когда *ея* нѣтъ—*это* ужъ куда ни шло!

Двое-трое друзей еще ему писали. Онъ самъ прекратилъ переписку. Они были такъ откровенны, такъ задушевны, такъ просты, такъ скромно и вмѣстѣ смѣло смотрѣли въ будущее, такъ жарко принимали къ сердцу все совершающееся! Имъ писать не было силъ. Ихъ слова поднимали мучительную безсильную тревогу, горькую зависть, упрекъ судьбѣ, упрекъ себѣ, а за нимъ — сознаніе еще болѣе тяжкое. Кто не можетъ самъ говорить откровенно, тотъ не въ-правѣ слушать откровенныя слова; кто ненавидитъ, тотъ недостоинъ знать людей любящихъ. Пусть эти честные голоса взываютъ къ живымъ, а не къ мертвому! Верховской разстался съ ними молча и твердо.

— *Она* жила и терпѣла, не довѣряясь никому, говорилъ онъ себѣ:—я съумѣю сдѣлать тоже.

Онъ забывалъ, *какъ* она жила; онъ забывалъ, что трудъ и мысль—поддержка терпѣнію... Странно и ужасно: погруженный въ счеты и разсчеты, онъ вообразилъ, что его матери «отозвалась восьмилѣтняя нищета»; отупѣлый, не понималъ, что единственной причиной ея единственнаго страданія—была его нравственная перемѣна. Конечно, это заблужденіе спасало его отъ ужасовъ раскаянія... Онъ не понималъ, что своего страданія она не могла выдавать никакому другу; онъ понималъ только, что ей была тяжела разлука. Но онъ самъ столько страдалъ отъ этой разлуки! Она была одинока,—но вокругъ него было столько пустыхъ людей! Она не дорожила житейскими благами — но ему-то какъ эти блага унизительно доставались! Она вынесла много— но онъ выносилъ и выноситъ вдвое больше....

— Тебѣ хорошо было...., повторялъ онъ, ставя себѣ въ какую-то заслугу свою любовь къ ней....

Такъ прошли цѣлые годы....

Его поглотили свѣтская жизнь и чиновничество. Онъ сдѣлалъ себѣ занятіе изъ службы, тѣмъ болѣе, потому что служба была необходима, но это было только занятіе, обрядъ, а не дѣло, которому охотно посвящаются душевныя силы. Оно помогало жить и куда-нибудь дѣвать время. Было нѣкогда оглядываться и вникать въ себя. Въ душѣ еще лежалъ источникъ протеста, вѣчно живой, но этотъ горькій протестъ уже не вызывалъ на дѣйствіе; онъ только какъ будто отмщалъ за уступку совѣсти, не давая ни покоя, ни счастья.... Но понемногу, какъ-то ужъ смѣшивалось и самое понятіе о счастьи, ужъ замирало молодое желаніе свободы, молодое желаніе дѣятельности, мысли, дружбы; все это были ужъ недостижимыя, невозможныя блага. Оставалась, можетъ быть, любовь. Но именно способность этого чувства и замерла въ немъ. Въ самую нѣжную и жаркую пору онъ отдалъ свое сердце безъ сознанія и безъ страсти; что-то неопредѣленное, будто доброе, освѣтило его не надолго и погасло, оставивъ горе и стыдъ. Идеалъ любви отошелъ далеко, но сталъ еще чище, свѣтлѣе, возвышеннѣе. Неужели искать его въ кругу пріятельницъ жены, въ томъ «свѣтѣ», котораго ничтожность и испорченность такъ бросались въ глаза? Неужели, безобразно, отвратительно, взять что попало? Искать дальше,—гдѣ?... Верховской былъ вѣренъ своей женѣ отъ тяжкой, вѣчной памяти своей неволи, отъ злой, унизительной мысли, что онъ—ея собственность....

Минутами, онъ обвинялъ, презиралъ и ненавидѣлъ себя самого за-одно съ другими.

В. Крестовскій.

(псевдонимъ).

ОБЩИНА-СОБСТВЕННИКЪ

И

ЕЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ*).

Предметомъ серьезнаго спора въ вопросѣ объ общинѣ могутъ быть не принципъ общинной поземельной собственности, а исключительно лишь способы внутренняго распредѣленія угодій между сообщинниками. Поэтому спрашивается: дѣйствительно ли *настоящая форма* нашей обычной [1]) общины соотвѣтствуетъ, какъ увѣряютъ многіе, своему великому призванію? Не задумываясь, мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Наша обычная община, какъ уже сказано, страдаетъ двумя капитальными недостатками: *внутри себя* она слишкомъ склонна къ застою, къ рутинѣ; по отношенію же къ сторонней конкурренціи или враждебному на нее напору *извнѣ*—она не обладаетъ необходимой выдержкой и крѣпостью, обнаруживая почти одну лишь способность — сплачиваться донельзя въ самой себѣ. Правда, способность эта — тоже сила, и притомъ въ нашей общинѣ — сила почти неисчерпаемая, хотя только страдательнаго свойства и во всякомъ случаѣ сокрушимая. Но—возразятъ намъ—замѣченный недостатокъ весьма условенъ. Вполнѣ соглашаясь съ справедливостью этого замѣчанія,

*) См. выше, февр. 573 стр.

[1]) Употребляя терминъ «обычная» община повсюду въ смыслѣ общины, усвоившей срочный *душевой* передѣлъ земель, мы дѣлаемъ лишь уступку господствующему у насъ мнѣнію—будто этотъ видъ есть исконный, основной принципъ поземельнаго устройства нашихъ крестьянъ. Такой взглядъ раздѣляетъ и Гакстгаузенъ; но мы, какъ читатель увидитъ ниже, совершенно другого мнѣнія объ этомъ предметѣ.

мы однако не допускаемъ, чтобы условность эта могла измѣнить или хотя бы только ослабить значеніе нашего приговора. Для бòльшаго выясненія нашей мысли, кажется лучше всего обратиться къ наглядному примѣру. На немъ читатель увидитъ, что̀ способна дать обычная община при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. община, не стѣсняемая внѣшнимъ врагомъ и разумно управляемая. Примѣромъ этимъ могутъ служить поволжскіе колонисты, о бытовомъ положеніи которыхъ за прежнее время читатель найдетъ ближайшія свѣдѣнія въ книгѣ «Наши колоніи» (стр. 118—128).

Къ 1858 году, въ поволжскомъ водвореніи, по кадастровымъ свѣдѣніямъ, изъ общаго числа взрослыхъ работниковъ 16—60-лѣтнихъ:

	Сарат. губ.	Самар.
а) совершенно оставили земледѣліе, занимаясь торговлею, промысломъ, ремеслами и заработками	16,4 %	— 8,4 %
б) обработывали только часть надѣла, занимаясь преимущественно табаководствомъ, огородничествомъ, обще съ ремесломъ или промысломъ	15,5	—13,2
в) обработывали весь надѣлъ	20,8	—30,9
и г) обработывали, сверхъ надѣла, еще наемныя земли	47,3	—47,5

Съ 1847, но особенно съ 1858 года [1]) началось заселеніе земель дополнительнаго надѣла выходцами изъ коренныхъ колоній. При этомъ общества послѣднихъ въ выдѣлъ даютъ оставляющимъ ихъ переселенцамъ: годовую пропорцію сѣменного и продовольственнаго хлѣба, подводы, до 3-хъ лѣтъ льготы отъ податей и повинностей и до 100 рубл. на̀ душу наличными деньгами, такъ что вся эта операція обойдется кореннымъ водвореніямъ *одними денежными* выплатами, не считая хлѣба, подводы и льготы, приблизительно до 2.570,000 рубл. До $^3/_4$ этой суммы причитается на однѣ 46 коренныхъ колоній саратовской губерніи.

Съ 1862 по 1867 годъ, поволжское водвореніе подверглось неурожаямъ хлѣбовъ и травъ. Ослабленныя чрезвычайными расходами на выселеніе, общества не могли обойтись въ это время безъ затрудненій, займовъ и ссудъ. Но, къ чести колонистовъ, они и въ этомъ случаѣ изворотились собственными средствами,

---

[1]) «Наши колоніи», прилож., стр. 43 и 44.

не требуя отъ казны пособія ни прямого, ни косвеннаго. Объ экономическомъ положеніи водворенія по уплатѣ сборовъ за первую половину 1866 г. могутъ дать приблизительное понятіе слѣдующія цифры.

Въ запасныхъ магазинахъ, послѣ повозможнаго взысканія долговъ изъ урожая 1866 г., состояло на лицо хлѣба не болѣе 162,292 четвертей, въ недоимкѣ 2,047 и ссудѣ 80,482 четверти. Этотъ недочетъ наличія былъ пополненъ тою же осенью при помощи чрезвычайной мѣры, о которой скажемъ ниже.

По 16-ти волостнымъ ссудо-сберегательнымъ кассамъ числилось: на лицо 93,946 руб., въ ссудахъ 700,592 рубля.

Только у 50 обществъ оставались остатки мірскихъ капиталовъ, въ суммѣ не болѣе 36,890 руб., до 10 обществъ имѣли особые мірскіе запасы хлѣба, всего не болѣе 1256 четвертей ярового.

Наконецъ, займы *обществъ* у частныхъ лицъ въ предшествовавшіе неурожаи,—преимущественно въ колоніяхъ самарской губерніи, въ которыхъ заработки основаны почти исключительно на земледѣліи и торговлѣ, достигли уже суммы 161,072 руб., ссуженныхъ большею частію на условіяхъ крайне отяготительныхъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, по саратовской губерніи въ окладъ 1867 года была введена, вмѣсто прежней подушно-оброчной подати, подать подесятинная оцѣночная, вступившая по самарской губерніи въ дѣйствіе уже съ 1866 г., увеличивъ здѣсь прежній окладъ на 64,811 руб. Приблизительно на ту же сумму, съ 1867 года, увеличилась оцѣночная оброчная подать и для саратовскихъ колонистовъ.

«Неурожаи предшествовавшихъ лѣтъ,—сказано въ одномъ изъ тогдашнихъ донесеній мѣстнаго начальства,—поглотивъ безъ малаго всѣ денежные хлѣбные запасы обществъ, ввели большинство ихъ въ самое крайнее, почти безвыходное положеніе. Особенно были стѣснены католическія общества, хозяйственное положеніе которыхъ вообще менѣе удовлетворительно. Къ веснѣ 1866 г. капиталы окружныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ почти сполна и повсемѣстно были разобраны; точно также были розданы всѣ запасы хлѣбныхъ магазиновъ; объ уплатѣ прежнихъ ссудъ и займовъ нечего было и думать».

Въ такихъ-то обстоятельствахъ водвореніе было застигнуто новымъ, еще болѣе рѣшительнымъ неурожаемъ на хлѣба, травы, овощи и вообще всѣ виды произрастеній.

Такое чрезвычайное несчастіе потребовало и чрезвычайныхъ мѣропріятій. Поэтому начальство колоній поставило себѣ зада-

чею — ободрять населеніе и его выборное начальство къ дружному и своевременному устраненію представлявшихся крайнихъ затрудненій, всѣми способами содѣйствуя выборнымъ старшинамъ въ изысканіи нужныхъ матеріальныхъ средствъ, *не вводя водворение ни въ недоимки по сборамъ, ни въ неоплатные долги*. Для достиженія этой двойной цѣли, потребовалось прежде всего возможное сосредоточеніе всѣхъ наличныхъ средствъ, съ тѣмъ, чтобы распредѣлять и направлять ихъ туда, гдѣ въ пособіи имѣлась наибольшая нужда, къ кредиту же прибѣгать только по самой крайней необходимости.

Предупреждая частное, непредусмотрительное распоряженіе скудными запасами хлѣба, доставленными жатвою 1866 г., запасы эти *почти сполна были ссыпаны въ хлѣбозапасные магазины, тотчасъ по уборкѣ съ полей*. Такимъ образомъ, магазины почти всѣхъ колоній заключали въ себѣ но осени 1866 г. безъ малаго все количество зерна, долженствовавшее быть въ нихъ по положенію. Это дало выборному начальству возможность, *обезпечивъ прежде всего озимые и яровые посѣвы*, обращать остатокъ зерна на продовольствіе населенія предусмотрительно, съ должною разсчетливостью. Въ то же время опредѣлились точныя цифры и сдѣлался возможнымъ правильный разсчетъ того количества хлѣба, котораго недоставало на продовольствіе до новаго урожая. Недочетъ этотъ представился повсемѣстно.

«Вслѣдствіе того — говоритъ бывшій управляющій конторою и. п.,— сколько по личнымъ моимъ приглашеніямъ, столько же и по собственной инициативѣ, выборныя начальства и зажиточные изъ колонистовъ не замедлили учредить въ главнѣйшихъ центрахъ водворенія подобныя же мѣры призрѣнія, какія были приняты въ пользу бѣдныхъ колонистовъ, собравшихся въ Саратовѣ [1]). Многія сотни бѣдняковъ-колонистовъ кормились безмездно на счетъ благотворительности обществъ и зажиточныхъ хозяевъ и, благодаря такимъ дружнымъ усиліямъ, не только были отвращены отъ водворенія обыкновенныя послѣдствія народнаго голода—болѣзни, преступленія и т. д., *но и произведены безпрепятственно, въ обыкновенныхъ размѣрахъ, всѣ посѣвы озимые и яровые*».

Для обезпеченія исправнаго поступленія казенныхъ, земскихъ и общественныхъ сборовъ, оставалось одно — отыскать или создать обществамъ кредитъ, предупреждая однако ростовщичество, которое играло слишкомъ большую роль при займахъ предшествовавшихъ лѣтъ, когда сельскія общества, предоставленныя

---

[1]) См. № 58 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1867.

самимъ себѣ, весьма нерѣдко входили въ крайне разорительныя для нихъ обязательства.

Колонисты-капиталисты, положительно отказываясь кредитовать, на обычныхъ до того времени основаніяхъ, частныхъ лицъ и даже сельскія общества, выражали тѣмъ не менѣе полную готовность на помощь только въ такомъ случаѣ, если имъ даны будутъ вполнѣ надежныя гарантіи въ своевременномъ возвратѣ ссудъ.

Вслѣдствіе того, каждое сельское общество привело въ положительную извѣстность какъ суммы долговъ своихъ по ссудо-сберегательнымъ кассамъ, хлѣбозапаснымъ магазинамъ и частнымъ займамъ, такъ и количество недостававшихъ денежныхъ и хлѣбныхъ средствъ, которыя предстояло собрать при помощи новаго займа. Въ то же время общества обязывались обезпечить своевременную уплату всѣхъ этихъ долговъ — старыхъ и новыхъ—введеніемъ общественныхъ запашекъ, въ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ по каждому обществу общей суммѣ его долговыхъ обязательствъ. На этомъ основаніи, волостные старшины были уполномочены мірскими приговорами кредитоваться *за счетъ волостного общества и за круговою его порукою*, въ тѣхъ суммахъ и запасахъ, которыхъ недоставало сельскимъ обществамъ волости.

Этими гарантіями колонисты-капиталисты удовлетворились, выдавъ обществамъ до 189 т. руб. и до 95 т. пудовъ хлѣба. Только при помощи этихъ средствъ были предупреждены послѣдствія неурожая; *всѣ сборы поступили съ поселенцевъ бездоимочно и своевременно*, и общества избавились отъ необходимости имѣть дѣло съ ростовщиками.

Наконецъ, новая жатва не обманула возложенныхъ на нее надеждъ: урожай оказался, большею частью, вполнѣ удовлетворительнымъ, и собранное съ общественныхъ запашекъ зерно почти сразу погасило всѣ долги обществъ кассамъ, магазинамъ и частнымъ лицамъ.

Независимо отъ общественныхъ запашекъ, урожай съ частныхъ полей, за отдѣленіемъ необходимой пропорціи зерна на годичное продовольствіе, сѣмена и окладную ссыпку въ запасные магазины, далъ въ 1867 году *излишекъ* въ 1.131,324 четв. ярового и *недочетъ* въ 15,511 четв. озимого хлѣба.

Нѣкоторыя изъ лучшихъ поволжскихъ колоній далеко превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ большинство нашихъ уѣздныхъ городовъ. Такъ, напр., въ колоніи Екатеринштадтѣ (Баронскъ) самарской губ., при 2,185 рев. муж. пола душахъ 10-й ревизіи, въ числѣ 590 семействъ, состоитъ домовъ: каменныхъ 32, въ

томъ числѣ 17 въ два этажа, деревянныхъ 1,236, и изъ нихъ 8 двухъ-этажныхъ; двѣ каменныя церкви — протестантская и католическая, и одна деревянная православная; школьныхъ домовъ: два каменныхъ двухъ-этажныхъ, и одинъ деревянный; постоянныхъ лавокъ: каменныхъ 16 (гостинный дворъ) и деревянныхъ 18. Общая стоимость всѣхъ этихъ зданій, по *страховой оцѣнкѣ* (весьма впрочемъ умѣренной), составляетъ болѣе 700,000 руб. сер. Кромѣ того, на пристани колоніи выстроены 224 хлѣбныхъ анбара, вмѣстимостью до 400 тыс. четв. хлѣба, и происходитъ весьма обширная торговля лѣсомъ и всякаго рода лѣсными издѣліями.

Изъ принадлежащихъ опекамъ капиталовъ и имуществъ въ колоніи Екатеринштадтѣ приходится по 1,045 руб. на опеку, или до 411 руб. на каждаго сироту.

Въ числѣ мѣстныхъ обывателей состоитъ: купцовъ 1-й гильдіи — 3, 2-й гильдіи — 35; торгующихъ по крестьянскимъ свидѣтельствамъ — 78; земледѣльцевъ чистыхъ 400, полуземледѣльцевъ — 75; ремесленниковъ 20, полуремесленниковъ 23. Кромѣ того, въ 1866 г. изъ посторонних проживали здѣсь временно или постоянно: 18 купцовъ, 103 мѣщанъ, 217 крестьянъ и 447 колонистовъ других колоній.

Екатеринштадтское общество, по среднему разсчету, отпускаетъ каждогодно въ продажу собственнаго произрастенія хлѣба 59,178 четвертей, на 255,712 р. и табаку 10,680 пудовъ на 8,010 р. Изъ имѣющихся въ Екатеринштадтѣ промышленныхъ заведеній укажемъ на 1 пивоварню, 3 маслобойни, 3 кирпичныхъ завода и 1 мыловарню, производящія издѣлій на сумму до 20 тыс. руб. въ годъ.

Оборотъ екатеринштадтской волостной ссудо-сберегательной кассы составлялъ въ 1866 г.. около 200 т. руб. Наконецъ, съ 1858 года, по приговору общества, введенъ здѣсь порядокъ — дѣлить полевыя угодья и сѣнокосы *уравнительно* между одними земледѣльческими семействами (400), *независимо отъ числа душъ*, каковой передѣлъ возобновляется чрезъ каждыя 8 лѣтъ. Это первый рѣшительный шагъ въ пользу земледѣлія, а 134 желѣзныхъ плуга, 151 молотильныхъ каменныхъ валовъ и 23 молотильныхъ и сортировочныхъ машинъ подтверждаютъ, что екатеринштадтскіе земледѣльцы вообще не чуждаются улучшеній въ хозяйствѣ.

Указанные нами результаты достигнуты при тѣхъ самыхъ общинныхъ порядкахъ, которыхъ держится огромное большинство нашихъ крестьянъ. Здѣсь милліонеръ-торговецъ или купецъ, и хозяинъ-земледѣлецъ или ремесленникъ, обсуживаютъ на общемъ

сходѣ свои общественныя нужды, какъ вполнѣ равноправные члены одной и той же общины. Не думаемъ, чтобы легко было подобрать другой подобный примѣръ. Сообщенныя, далеко еще неполныя свѣдѣнія о приволжскихъ колоніяхъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ въ пользу великаго значенія общиннаго принципа въ дѣлѣ сельскаго благосостоянія и благоустройства. И въ самомъ дѣлѣ, не подъ неотразимымъ-ли вліяніемъ этого начала сбродная, обнищалая и нравственно-распущенная толпа нѣмецкихъ выходцевъ образовала то дѣятельное, солидарное населеніе, эти органически сплоченныя земледѣльческія общины, которыя мы встрѣчаемъ въ колоніяхъ прежней «накипи Германіи»?... Чему же, какъ не общинному землевладѣнію по преимуществу, приволжскіе поселенцы обязаны возможностью легко и свободно ассоціировать свои силы и средства, и, смотря по надобности, направлять ихъ въ интересахъ цѣлаго общества, всего водворенія?...

Читатель видитъ, что мы далеки отъ мысли — безусловно отвергать несомнѣнныя политико-соціальныя, а въ извѣстномъ смыслѣ, даже и хозяйственныя достоинства нашей обычной общины. Но мы положительно не беремъ на себя ручательства ни въ томъ, что поволжскіе колонисты-капиталисты оказались бы тѣми же доброхотами въ отношеніи своихъ обществъ въ томъ случаѣ, еслибъ послѣднія, какъ полные собственники своихъ земель, имѣли право продавать и закладывать ихъ; ни въ томъ, что общества, какъ полные собственники, находя кредитъ единственно только подъ залогъ земли, не нашлись бы вынужденными согласиться на такое условіе. И что-же? Тогда оставалось-бы только обмануться имъ въ надеждѣ на урожай, либо допустить недосмотръ и нѣкоторую неурядицу въ своемъ общинномъ хозяйствѣ, и они были бы навсегда лишены болѣе или менѣе значительной доли своего владѣнія, нашлись бы въ худшихъ противъ прежняго условіяхъ, повторились бы новыя затрудненія, новые займы, заклады и отчужденія, а въ концѣ концовъ, вмѣсто сельскаго общества, мы имѣли бы помѣстныхъ владѣльцевъ и толпы обезземеленныхъ батраковъ [1]).

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія еще и на существенное различіе въ результатахъ и условіяхъ выселенія изъ коренныхъ поволжскихъ общинъ на земли дополнительнаго надѣла, а изъ южныхъ — на земли покупныя. И здѣсь и тамъ усилія и пожертвованія на это дѣло обществъ громадны, въ обоихъ случаяхъ выселеніе совершается добровольно, безъ всякой прину-

---

[1]) Подобный примѣръ см. «Наши колоніи», стр. 302 и слѣд.

дительности. Но въ Поволжьѣ, при подушныхъ уравнительныхъ передѣлахъ, на выселеніе рѣшается только «заметавшійся» хозяинъ, который въ получаемомъ выдѣлѣ изъ общиннаго имущества и даруемыхъ льготахъ видитъ возможность раздѣлаться съ долгами. Поэтому, хотя и слѣдовало бы по правиламъ выпускать только порядочныхъ хозяевъ, но общества рады почти всякому желающему и отправляютъ въ новыя поселенія тоже свои «подонки», которые являются почти такими же безсильными и безпутными колонизаторами, какъ и предки ихъ, вышедшіе изъ Германіи. Напротивъ того, въ южныхъ колоніяхъ, при участковой системѣ, контингентъ готовыхъ къ выселенію всегда превышаетъ потребность, такъ что общины, выпуская переселенцевъ обыкновенно съ строгимъ разборомъ и при этомъ даже по жребію, устраиваютъ новыя колоніи, такъ-сказать, «за ночь» изъ хозяевъ со средствами и благонадежныхъ, не нуждающихся ни въ чрезвычайныхъ пособіяхъ, ни въ особенныхъ льготахъ.

Тѣмъ не менѣе мы готовы согласиться, что обычная наша община, не стѣсняемая извнѣ и управляемая съ должнымъ вниманіемъ и пониманіемъ, можетъ давать блестящіе результаты. Но для этого, какъ у нашихъ крестьянъ, такъ и у поволжскихъ колонистовъ, *непремѣннымъ условіемъ успѣха являются: сильное, честное и просвѣщенное центральное попечительство*, или же *такой уровень нравственнаго развитія и домашняго быта общинниковъ*, достиженіе котораго въ ближайшемъ будущемъ, по нашему мнѣнію, немыслимо ни у колонистовъ, ни у крестьянъ. Если же уровень образованія массъ можетъ быть значительно поднятъ развѣ только усиленнымъ трудомъ нѣсколькихъ поколѣній, и если административное, чиновничье попечительство о крестьянскомъ хозяйствѣ найдено вреднымъ, въ чемъ и не можетъ быть сомнѣнія, то все это однако еще не доказываетъ, что полезно освободить это хозяйство безусловно отъ всякаго спеціальнаго покровительства, *не исключая* домашняго, мірского, *и даже попечительныхъ гарантій положительнаго закона*. Если допустить послѣднее, то въ силу какихъ же данныхъ можно было бы надѣяться, что наша сельская земледѣльческая община (общество, міръ, ассоціація — ad libitum, дѣло не въ имени), управляясь сама собой, собственнымъ умомъ, собственными знаніями и средствами, достигнетъ прочныхъ успѣховъ, хозяйственныхъ и образовательныхъ?... Развѣ намъ возможно въ этомъ случаѣ разсчитывать на обычай, на здравый смыслъ народа?... Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало-бы и мѣшаться въ его дѣла. Если же мы вмѣшиваемся, то прежде всего цѣль вмѣшательства должна быть та, чтобы община не оставалась въ первобытномъ только видѣ,

а заключала въ самой себѣ, строго организованными, всѣ тѣ основные элементы, правильнымъ взаимодѣйствіемъ которыхъ, даже вопреки различнымъ враждебнымъ вліяніямъ, обезпечивается *возможность правильнаго самоуправленія, успѣха гражданственнаго и хозяйственнаго.* Основывать же наше крестьянское хозяйство и самоуправленіе на обычаѣ и одних началахъ интеллигентныхъ въ настоящее время совершенно нельзя; это невозможно уже потому, что быстрый, даже немедленный успѣхъ въ этомъ направленіи есть для насъ вопросъ жгучій, въ виду котораго сидѣть, сложа руки, не приходится. Современное патологическое состояніе нашихъ сельскихъ сословій — ненормальное; они находятся въ положеніи больного, только-что пережившаго кризисъ страшной, смертельной болѣзни — кризисъ крѣпостничества. Процессъ выздоровленія начался, но до *полнаго* исцѣленія еще далеко. И если колебанія врача въ выборѣ средствъ для выздоравливающаго могутъ быть гибельны, то совершенно тѣ же послѣдствія можетъ имѣть нерѣшительность законодательной власти. Отсюда ясно, что если сознана потребность во вмѣшательствѣ законодательномъ въ землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, то нужно, чтобы это вмѣшательство было благотворно и достигало цѣли. Поэтому намъ остается *прежде всего* окончательно и безъ колебаній усвоить одну, *оправданную опытомъ*, систему сельско-поземельнаго устройства, и, сообразно съ нею, комбинировать не только главныя основы крестьянской общины, но, внутри общины, и самую постановку поселянскаго двора; словомъ, намъ предстоитъ: общину, дворъ-хозяйство и поселянскую семью сдѣлать институтами вполнѣ *юридическими* по внутреннему строю и во взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ-общинниковъ по имуществу и землѣ. И мы не можемъ, не должны ждать, пока опытъ, *горькій опытъ* жизни самъ собою наведетъ нашихъ общинниковъ, какъ мы видимъ это въ безсильныхъ попыткахъ земледѣльческихъ ассоціацій Запада, на искомую, болѣе совершенную форму общиннаго устройства.

Предоставить это дѣло случаю, или что̀ тоже, обычаю, было бы слишкомъ рисковано, особенно на нашихъ западныхъ окраинахъ. Нашъ недремлющій конкуррентъ, — западъ Европы, давно уже и *вполнѣ послѣдовательно* выработалъ себѣ одну *опредѣленную систему* землевладѣнія. Ошибочна ли эта система, или нѣтъ — не въ томъ вопросъ; для насъ важно знать, что конечные результаты, или, по нашему личному убѣжденію, ложность западно-европейскаго поземельнаго строя, дѣлаютъ его такимъ опаснымъ конкуррентомъ, противъ котораго обычная община, чуждая насильственныхъ захватовъ и завоеванiй, устоять положительно

же въ состояніи. Вообразимъ себѣ наше обычно-общинное колонистское водвореніе передвинутымъ съ Поволжья на западную границу Имперіи. Предположимъ далѣе, что этому водворенію предоставлено нынѣшнее свободное хозяйственное самоуправленіе, но съ устраненіемъ центральнаго попечительства. Какъ общество это поведетъ здѣсь борьбу съ личнымъ принципомъ во всѣхъ видахъ, напирающимъ на насъ съ Запада также безустанно, какъ въ прежнее время оно вламывалось и къ чехамъ, моравамамъ и т. д.? Мы полагаемъ, что поволжскія общины, какъ въ свое время и мораво-чешскія, по самой сущности своей, ограничились бы однѣми оборонительными мѣрами; онѣ вскорѣ нашлись бы въ необходимости уступать шагъ за шагомъ, болѣе и болѣе сплачиваться въ самихъ себѣ, и наконецъ,—погибнуть. Бокъ-о-бокъ съ поволжскими колоніями долгое время лежали массы свободныхъ земель, которыя не очень давно еще можно было пріобрѣсти за безцѣнокъ; сами поселенцы постоянно, и не безъ основанія, жаловались на стѣсненіе въ земельномъ довольствѣ. Съ другой стороны, въ средствахъ для покупки въ собственность сосѣднихъ земельныхъ участковъ недостатка у обществъ не могло быть, а въ случаѣ нужды, незначительная, но постоянная, общественная запашка дала бы нужные капиталы, какъ она же, при другихъ случаяхъ, всегда доставляла имъ кредитъ на любую сумму. Наконецъ, въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ водворенія сосредоточено уже теперь до 900 тысячъ рублей, и при всемъ томъ, одни только *отдѣльные колонисты* пріобрѣли здѣсь до 100 тыс. дес. собственной земли; у самихъ же обществъ, если не ошибаемся, даже до послѣдняго времени нѣтъ ни одной пяди ея.

Напротивъ, поселенцы южнаго края, при несравненно значительнѣйшемъ земельномъ надѣлѣ и позднѣйшемъ поселеніи въ краѣ, пріобрѣли покупкою уже теперь, сверхъ надѣла, еще до 500 тыс. дес. частныхъ и казенныхъ земель, и готовятся къ пріобрѣтенію новыхъ десятковъ, сотенъ тысячъ десятинъ. Болѣе обширныя волости южныхъ колоній, отличающіяся вообще и лучшимъ благоустройствомъ и состоятельностью, сами, безъ участія административнаго попечительства, давно уже ввели у себя ссудо-сберегательныя кассы и взаимное страхованіе; о введеніи же этихъ учрежденій въ Поволжьѣ, починъ принадлежитъ не обществамъ, а попечительству, которое начало настаивать на этихъ мѣрахъ еще съ 40-хъ годовъ, но добилось соглашенія съ обществами только въ недавнее время: здѣсь кассы открыли свое дѣйствіе только съ 1860, а страхованіе—съ 1866 года. Кромѣ того, только крайняя нужда 1866—1867 г.г. привела поволж-

скихъ колонистовъ къ правильному и солидному кредитованію и къ возстановленію хозяйственнаго баланса обществъ. Слѣдовательно, въ обыкновенное время эти важныя статьи общинной экономіи, даже при надзорѣ попечительства, оставались въ значительномъ небреженіи. Наконецъ, сравнивая наслѣдственныя права по имуществу, мы находимъ, что равноправіе обоихъ половъ установилось не въ Поволжьѣ, гдѣ населеніе и до сего времени считаетъ женщину выдѣленною изъ отцовскаго хозяйства по выдачѣ ей приданаго. Такимъ образомъ, южные колонисты вполнѣ подтверждаютъ, что основаніемъ *истиннаго* права служитъ лишь строй, основанный на правильномъ взаимодѣйствіи двухъ началъ — общиннаго и индивидуальнаго. Все это объясняется тѣмъ, что въ южныхъ колоніяхъ общинно-земледѣльческое ядро каждой колоніи есть въ тоже время представитель лучшихъ интеллигентныхъ силъ и главный распорядитель матеріальныхъ средствъ цѣлаго общества, тогда какъ въ Поволжьѣ интеллигенцію составляютъ, по преимуществу, капиталисты-торговцы и промышленники, которые, вмѣстѣ съ своими капиталами, оставили земледѣліе. Незаинтересованные лично и непосредственно въ успѣхѣ земледѣлія, капиталисты эти, по самой сущности ихъ ближайшихъ выгодъ и дѣятельности, склонны скорѣе къ эксплуатаціи земледѣльческаго труда, нежели къ поддержанію и развитію его, сами же земледѣльцы не вездѣ достаточно сильны и не всегда довольно предусмотрительны для того, чтобы уклониться отъ этого зла. Въ то время, какъ въ торгово-промышленной колоніи Екатеринштадтѣ на каждую опеку приходится до 1,045 р., та же цифра—по среднему выводу на цѣлое саратовско-самарское колонистское водвореніе — не превышаетъ 140 руб., у меннонитовъ же она доходитъ до 660 руб. и у прочихъ колонистовъ южнаго края до 405 руб.

У нашихъ крестьянъ вся капитальная интеллигенція выходитъ изъ состава общества навсегда и окончательно: она записывается въ городское сословіе. Поэтому, крестьянская община избавлена внутри самой себя отъ конкурренціи началъ, представителями которыхъ являются въ колоніяхъ капиталъ и сила рабочая. Но послѣдствіе этого порядка есть отсутствіе въ крестьянскомъ быту почти всякаго капитала [1]), почти всякой интеллигенціи. Если же капиталы торгово-промышленные мѣстами и давятъ на колонистовъ-земледѣльцевъ, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, они же вызываютъ въ послѣднихъ и усиленный отпоръ, а во-

[1]) Въ 1866 году, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ Саратовской губ. причиталось, въ общей сложности, на каждую опеку до 29 руб.

многихъ случаяхъ, будучи направляемы при лично-общинной системѣ — сходомъ въ силу крѣпости, предусмотрительности и стойкости хозяевъ-земледѣльцевъ, а въ обычной общинѣ — центральнымъ попечительствомъ, оказываютъ весьма существенныя услуги общему благосостоянію, общему благоустройству и успѣхамъ въ хозяйствѣ.

Всѣ эти замѣчанія и сопоставленія мы дѣлаемъ въ подтвержденіе того, какъ трудно обойтись нашей *обычной* общинѣ безъ строгаго контроля. Но тѣ же доводы доказываютъ, по нашему мнѣнію, неопровержимо, что вполнѣ юридическій общинный строй южныхъ колоній совмѣщаетъ въ себѣ всѣ тѣ условія и элементы, которыми обезпечивается за общиной избытокъ какъ пассивныхъ, такъ и самодѣятельныхъ, активныхъ силъ всякаго рода. Комбинація эта, устраняя надобность въ ближайшемъ вмѣшательствѣ и руководствѣ со стороны попечительства и пользуясь послѣднимъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, исключительно какъ орудіемъ ассоціаціи, дѣлаетъ поселянское общество вполнѣ способнымъ не только къ успѣшному отраженію напора извнѣ враждебной пропаганды, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, но въ свою очередь и къ не менѣе успѣшнымъ наступательнымъ предпріятіямъ. И сила нашей юридической общины такова, что *нѣмцы*-колонисты, не смотря на сохраненіе ими своего языка и вѣры, давнымъ давно утеряли всякую связь и солидарность съ прежними соотчичами своими, за границей. Еслибы поставить наши южныя колоніи авангардомъ въ борьбѣ съ политико-соціальными началами Запада, ихъ можно сломать грубою силою, но путемъ мирной пропаганды онѣ не уступятъ ни одной пяди напору этихъ элементовъ, и такая стойкость есть только *одна* изъ характеристическихъ чертъ этихъ обществъ. Другое капитальное свойство ихъ—это совершенная недоступность для эксплуатаціи земледѣльца, а затѣмъ полнѣйшее развитіе и правильная организація силъ послѣдняго, соединенныя съ удивительнымъ удобствомъ—направлять эти силы своевременно на тѣ пункты, въ которыхъ противникъ оказывается наиболѣе слабымъ и не въ состояніи противостоять ихъ напору. Не вовсе же безъ причины въ періодической печати раздаются отъ времени до времени болѣе или менѣе отчаянные возгласы съ юга на земельные захваты нашихъ колонистовъ; не безъ всякаго же основанія голоса эти убѣждаютъ, что въ Новороссійскомъ краѣ почти нѣтъ доступа къ землямъ: гдѣ колонистъ-покупщикъ или арендаторъ одинъ, самъ по себѣ безсиленъ, тамъ является на сцену — товарищество, а за нимъ, если обстоятельства того потребуютъ, сельское общество, цѣлая волость и даже ассоціація нѣсколькихъ

волостей. Капиталъ, рабочая сила и знаніе дѣла, сплоченные и сплачиваемые въ потребныхъ размѣрахъ круговою порукою, вотъ та фаланга, при посредствѣ которой каждогодно, на мѣсто безпутнаго хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ устраиваются новыя поселянскія общины. Эти общины, достигая съ изумительной быстротой благосостоянія, въ свою очередь вступаютъ въ общую борьбу такими же живыми дѣятелями, какъ и метрополіи ихъ. И борьба эта ведется честно, открыто, на основаніяхъ *свободной конкурренціи*, такъ что едва-ли кто, кромѣ развѣ ярыхъ soi-disant патріотовъ, рѣшится утверждать, что такая постановка дѣла грозитъ опасностью, что лучше бы сохранить разоренную личную собственность на мѣсто заступающихъ ее цвѣтущихъ сельскихъ общинъ и т. д. Наконецъ, эти общины положительно не нуждаются въ признаніи за ними правъ полной собственности на земли надѣла; для нихъ важно, и притомъ существенно важно одно, чтобы онѣ сохранили, по прежнему, свое потомственное, неотъемлемое право на хозяйственную обработку этихъ земель въ свою пользу, на опредѣленныхъ условіяхъ. Во всемъ остальномъ, какъ-то: въ правѣ продажи и заклада земель, онѣ готовы видѣть скорѣе не право, а напротивъ посягательство на ихъ права, такъ какъ цѣль ихъ стремленій, ихъ безустанной заботы *не отчужденіе старыхъ, а пріобрѣтеніе новыхъ земель*. Еще не было примѣра, чтобы южныя колоніи доходили до такого крайняго положенія, въ какомъ мы видѣли поволжскихъ колонистовъ въ началѣ 1867 г. Слѣдовательно, нѣтъ и причины предполагать, чтобы онѣ могли дойти до подобной крайности впредь, если только дѣла ихъ пойдутъ путемъ болѣе или менѣе нормальнымъ. Въ то же время не слѣдуетъ забывать, что продажа со стороны земледѣльческаго общества малѣйшаго клочка своей земли можетъ быть вызвана только крайнею безвыходностью даннаго положенія, которою съумѣютъ капиталъ или кулаки воспользоваться для обезземеленія крестьянъ.

Изслѣдованіе судебъ нашихъ сектаторовъ-колонистовъ привело насъ къ положительному убѣжденію, что чехи, моравне, лужичане и т. д. поддались онѣмеченію только послѣ того, какъ былъ сломанъ у нихъ принципъ общиннаго землевладѣнія. Любушинъ судъ не указываетъ ли прямо на вторженіе въ чехо-моравское семейное общинное право латино-германскихъ имущественныхъ началъ, въ основѣ которыхъ лежитъ прежде всего полное, исключительно личное землевладѣніе?.. Впослѣдствіи, когда начала Запада успѣли уже охватить всю массу чехо-моравянъ и принести свои плоды, гуситы-табориты вновь подняли знамя славянской соціальной идеи. Но было по-

здно, тѣмъ болѣе, что и сами они, въ хаосѣ всеобщаго броженія и неурядицы, не съумѣли вылить свою идею въ практически пригодную форму. А Польша?... На чемъ же иномъ, какъ не на исключительно личномъ поземельномъ строѣ сокрушилась самобытность польскаго государства? Оно пало, во-первыхъ, потому, что Рѣчь-Посполитая съ ея знаменитымъ и всесильнымъ «не позволямъ» была похожа на міръ крестьянъ-собственниковъ, гдѣ, при подворномъ владѣніи и отсутствіи хозяйственно-общиннаго принципа «масса крестьянъ-односельцевъ находится въ рукахъ каждаго отдѣльнаго крестьянина-собственника, неподчиняющагося сходу въ своихъ хозяйскихъ дѣлахъ», а во-вторыхъ, потому, что королевскій режимъ, ненаходя себѣ нигдѣ и ни въ комъ надежной опоры для противовѣса произволу цѣлой Рѣчи-Посполитой, не могъ достигнуть значенія русскихъ царей, которые, укрѣпляя городскія и сельскія общины и ставъ въ отношеніи ихъ на степень высшей власти, находили въ нихъ необходимую силу для борьбы съ мѣстничествомъ, мало-по-малу побѣдили и послѣднее, и такимъ образомъ сдѣлались высшимъ регуляторомъ всей русской земли, поддерживая равновѣсіе между двумя началами, личнымъ и общиннымъ. Или магнатство, панство и шляхетство въ Польшѣ выросли и могли развиться на иной почвѣ, какъ не исключительно только на развалинахъ крестьянскаго землевладѣнія? А продажность, необузданный произволъ, уродливая спѣсь и безумное мотовство польской аристократіи—развѣ не были *прямо* пропорціональны степени неравнительнаго распредѣленія въ краѣ землевладѣнія, и напротивъ, *обратно* пропорціональны—нищетѣ и безправію обезземеленнаго крестьянина?... Развѣ не на нашихъ глазахъ личные землевладѣльцы въ Босніи и Герцеговинѣ, сдѣлавшись давно уже правовѣрными поклонниками Магомета, являются самыми ярыми врагами своихъ же христіанскихъ единоплеменниковъ-крестьянъ, и не они-ли именно стремятся къ окончательному разрушенію единственнаго оплота сельчанъ—ихъ бытового общинно-поземельнаго устройства?

Нѣтъ, *не въ исключительно личномъ* землевладѣніи, *но и не въ обычно-общинномъ землепользованіи* крестьянъ слѣдуетъ Россіи искать будущихъ успѣховъ экономическихъ, гражданственныхъ и политическихъ. *Лично-общинное поземельное устройство крестьянъ, окончательно организованное законодательнымъ путемъ, начиная съ крестьянскаго двора*, въ томъ именно направленіи, которое ясно обозначилось уже и, такъ-сказать, апробовано многолѣтнимъ опытомъ; затѣмъ, рядомъ съ крестьянскими обществами, — болѣе или менѣе крупное помѣстно-фер-

мерское хозяйство и землевладѣніе; наконецъ, запасы свободныхъ, до времени, казенныхъ земель, какъ средство для регулированія со стороны высшаго государственнаго режима нормальныхъ соотношеній этихъ двухъ главнѣйшихъ видовъ сельской поземельной собственности, — вотъ, по нашему убѣжденію, та комбинація, на которую опираясь, мы смѣло и увѣренно можемъ установить наши внутреннія экономическія отношенія. Примѣняя неуклонно эту систему, и наблюдая притомъ, чтобы повсюду, *начиная съ волости*, экономическіе центры совпадали съ центрами административными и судебными, у насъ не замедлитъ выработаться *и здоровый городской элементъ*. Вездѣ главные центры тяготѣнія народной жизни, по мѣрѣ устраненія искусственныхъ преградъ, примутъ мало-по-малу условія благотворной городской жизни. Вездѣ городъ, вмѣсто эксплуататора сельчанъ, явится ихъ подспорьемъ и воспріемникомъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, для которыхъ рамка сельской жизни окажется почему-либо тѣсною.

Комбинація эта, въ главныхъ чертахъ, уже существуетъ у насъ и по закону, и на дѣлѣ; но остается *примкнуть сюда крестьянскій дворъ*, обставленный тѣми-же законодательными гарантіями, какими обезпечиваются его цѣлостность въ нашихъ колоніяхъ, и вообще неразрывная взаимная связь обществъ — сельскаго, волостного, городского и земскаго. Вотъ, по нашему мнѣнію, та программа, по которой Россія исполнитъ свою миссію въ дѣлѣ развитія человѣчества, являясь какъ-бы противовѣсомъ индивидуальнаго принципа, нашедшаго свой фокусъ на американской почвѣ.

Для свободнаго и полнаго развитія на указанныхъ основаніяхъ всего нашего государственнаго строя, намъ предстоитъ, конечно, разрѣшить еще немало вопросовъ. Такъ, напр., необходимо намъ отрѣшиться окончательно отъ весьма важнаго, но крайне ошибочнаго понятія, положеннаго въ основаніе существующаго территоріальнаго дѣленія на волости, уѣзды и губерніи. Мы разумѣемъ здѣсь дѣленіе, основанное на такъ-называемыхъ «административныхъ соображеніяхъ» и «живыхъ урочищахъ». Было время, когда судоходная рѣка, озеро и т. д. дѣйствительно разобщали интересы того и другого берега; но теперь судоходныя рѣки и озера не разобщаютъ, а напротивъ, сплачиваютъ и связываютъ край — по обѣ стороны воднаго пути — въ одно неразрывное цѣлое; желѣзныя паровыя дороги довершаютъ эту связь. На водныхъ и желѣзно-паровыхъ путяхъ окончательно устанавливаются наши главные экономическіе центры; къ каждому изъ нихъ тянетъ и, вопреки административно-судебному дѣле-

нію, всегда будетъ тянуть вся жизнь извѣстнаго района. Поэтому, спрашивается: соотвѣтствуетъ ли такому естественному ходу развитія существующее дѣленіе на уѣзды и губерніи?.. Чтобы сознать, насколько жизненной важности для населенія заключается въ совпаденіи центровъ администраціи, полиціи и суда съ центрами мѣстной экономической дѣятельности, мы приводимъ слова отчета новоузенской земской управы.

Доказывая необходимость присоединенія Новоузенскаго уѣзда къ Саратовской губерніи, мѣстная управа говоритъ [1]):

«Всѣ интересы жителей Новоузенскаго уѣзда (220,500 душъ на 42 тыс. кв. верстъ) по торговлѣ и промышленности сходятся въ Саратовѣ и на пристаняхъ р. Волги, которая, вмѣсто того, чтобы служить видомъ соединенія населенія обоихъ береговъ по торговлѣ и промышленности, служитъ въ настоящее время немалымъ препятствіемъ и даже разрозниваніемъ ихъ интересовъ. Интересы того и другого берега большею частію бываютъ общіе, а между тѣмъ, предпринять къ осуществленію ихъ одновременно общія мѣры почти невозможно, потому что, съ одной стороны, Саратовская губернія, а съ другой — Самарская, и уѣздныя власти, какъ административныя и хозяйственныя, такъ и судебныя, будучи подъ управленіемъ двухъ губернскихъ властей, не могутъ всегда согласовывать свои дѣйствія. Напримѣръ: 1) въ настоящее время, саратовское губернское земство хлопочетъ о проведеніи линіи желѣзной дороги отъ Козлова къ Саратову, и есть предположеніе о соединеніи послѣдняго желѣзною же дорогою съ Элтонскимъ озеромъ. По этимъ двумъ дѣламъ интересы новоузенскаго земства такъ тѣсно связаны съ саратовскимъ, что новоузенскимъ земскимъ учрежденіямъ необходимо должно принять въ нихъ участіе, потому что отъ осуществленія ихъ зависѣть будетъ развитіе благосостоянія всего уѣзда; принадлежа же къ Самарской губерніи онъ почти лишенъ этой возможности. 2) Въ скоромъ времени въ Самарской и Саратовской губерніяхъ должна быть введена судебная реформа, которая, и въ особенности мировой институтъ, тѣсно связана съ земскими учрежденіями, потому что выборъ мировыхъ судей и ихъ содержаніе отнесены къ обязанностямъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ много землевладѣльцевъ изъ лицъ знатнаго происхожденія и съ высшимъ образованіемъ, но они не приняли участія въ реформѣ по крестьянскому дѣлу и мировые посредники нынѣ назначаются отъ правительства изъ чиновниковъ. Тоже самое можетъ случиться и съ мировыми судьями, если новоузенскій уѣздъ будетъ принадлежать къ самарской губерніи. Принадлежа же къ саратовской губерніи, новоузенскія земскія учрежденія могутъ избѣжать этого неудобства, потому что многіе изъ землевладѣльцевъ Новоузенскаго уѣзда, живя въ Саратовѣ, могли бы принять участіе въ мировомъ институтѣ. Сверхъ того, имѣемый открыться, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Саратовѣ окружный судъ могъ бы съ большимъ удобствомъ и для себя, и для населенія отправлять правосудіе въ Новоузенскомъ уѣздѣ, чѣмъ окружный судъ, открытый въ другой какой-либо мѣстности Самарской губерніи, къ коему могутъ причислить Новоузенскій уѣздъ. 3) Земельныя владѣнія иностранныхъ колонистовъ находятся и въ Саратовской и въ Самарской губерніяхъ, преимущественно же въ Новоузенскомъ уѣздѣ (8 округовъ) и только небольшая часть (2 округа—и тѣ не вполнѣ) въ Николаев-

[1]) Отчетъ новоузенск. уѣздн. управы за 1866 годъ. Саратовъ. 1867.

скомъ уѣздѣ. Въ настоящее время, когда эти поселенцы находятся подъ особымъ управленіемъ саратовской конторы иностранныхъ поселенцевъ, неудобствъ особенныхъ еще не встрѣчается; но, съ передачею ихъ въ общія губернскія учрежденія, явятся, не говоря уже въ хозяйственномъ, но и въ административномъ управленіи, очень важныя неудобства [1]). А потому, въ 4) и въ отношеніи административнаго надзора, Новоузенскому уѣзду выгоднѣе принадлежать къ Саратовской, чѣмъ къ Самарской губ. Прежде новоузенскій край нуждался въ защитѣ отъ набѣговъ киргизовъ внутренней Букеевской орды, почему и самарская губернія и орда находились въ завѣдываніи оренбургскаго генералъ-губернатора. Теперь же, съ установившимся въ ордѣ болѣе порядкомъ и за отчисленіемъ Самарской губ. изъ вѣдѣнія оренбургскаго генералъ-губернатора, причисленіемъ Новоузенскаго уѣзда къ Саратовской губерніи не только не измѣнится въ семъ случаѣ порядокъ къ худшему, но напротивъ, мѣра эта оказывается полезною и вполнѣ необходимою».

Есть ли надежда на осуществленіе настоящаго предположенія новоузенскаго земства—намъ неизвѣстно; но что на наши уѣздныя и губернскія границы, сложившіяся при совершенно отличныхъ отъ современнаго быта условіяхъ, нельзя и не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто окончательно установившееся, и что теорія, принимающая въ основаніе дѣленія на уѣзды и губерніи—даже главныя артеріи народной жизни—положительно вредна и ошибочна, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Всѣ виды человѣческаго общенія и общежитія—по внутренней организаціи и наружнымъ очертаніямъ, слагаются, поддерживаются и развиваются подъ такими же основными законами, какъ и всякій иной живой организмъ. Несомнѣнно, что судоходныя рѣки и желѣзные пути играютъ въ народной государственной жизни ту же роль, какая въ животномъ организмѣ выпала на долю кровеносныхъ артерій. Въ колонизаціонномъ законѣ 1764 г. указано—округи отводить въ размѣрѣ не менѣе 60—70 верстъ въ окружности на 1000 семействъ, а колоніальныя дачи внутри округа располагать такимъ образомъ, чтобы «по умноженіи поселянъ» было «способнѣе сдѣлать всякое потребное по обстоятельствамъ учрежденіе» и чтобы сами «поселенія имѣли взаимную другъ въ другѣ нужду», установленіе же ярмарокъ и торговъ дозволять, по преимуществу, только въ главныхъ селеніяхъ округа. Это правило примѣнено, къ сожалѣнію, не вездѣ въ колоніяхъ. Но, будучи примѣнено,

[1]) Два округа колонистовъ, земельныя владѣнія которыхъ раздѣлены николаевско-новоузенскою уѣздною границею, вошли уже къ министрамъ гос. имущ., внутр. дѣлъ и юстиціи, съ просьбою, въ которой подробно доказываютъ упоминаемыя управою неудобства и просятъ о перечисленіи ихъ къ Новоузенскому уѣзду и Саратову, какъ средоточію ихъ экономической дѣятельности, съ тою цѣлію, чтобы, по упраздненіи саратовской конторы ин. пос., въ Саратовѣ же удержался,—по прежнему—центръ ихъ интересовъ административныхъ, земскихъ и судебныхъ.

оно дало блестящіе результаты; главнѣйшими представителями хозяйственныхъ и интеллигентныхъ успѣховъ колонистовъ повсюду являются теперь именно округи или волости бо́льшаго размѣра. Здѣсь выборная служба обезпечена хорошимъ содержаніемъ и обходится населенію весьма дешево. Съ другой стороны, представляя довольно широкое и почетное поле дѣятельности, служба эта привлекаетъ людей наиболѣе развитыхъ, нерѣдко съ порядочнымъ образованіемъ и матеріально обезпеченныхъ, людей, которыхъ удачный выборъ здѣсь возможнѣе, потому что онъ производится изъ значительнаго числа конкуррирующихъ кандидатовъ. Хотя общее положеніе 19-го февраля 1861 г. держится по волостному устройству иного взгляда, но опытъ уже теперь настаиваетъ на непрактичности малыхъ волостей, настоятельно требуя устраненія этого неудобства.

Далѣе раздаются у насъ почти всеобщія жалобы на несостоятельность крестьянскаго волостного суда. Но развѣ какой-бы то ни было судъ можетъ успѣшно дѣйствовать при неустройствѣ его положительнымъ закономъ?... Что́ же вышло бы изъ нашихъ новыхъ судебныхъ установленій, еслибъ имъ дали въ руки десятокъ-другой статей, а затѣмъ предоставили бы судьямъ руководствоваться чѣмъ Богъ на душу положитъ?... Почти въ такомъ именно положеніи находится современный волостной судъ: обществамъ указано—какъ образовать личный составъ его; для вѣдомства его постановлены грани, а тамъ внутри этихъ границъ, какъ въ обычной общинѣ и по поземельному устройству, царитъ обычай. Правда, обычай въ сущности тоже своего рода законъ; но существенное различіе между тѣмъ и другимъ—это возможность несравненно болѣе произвольнаго толкованія обычая, а слѣдовательно, и несравненно болѣе широкій просторъ для судебнаго произвола. Но, могутъ намъ возразить, обычаи въ поселянскомъ быту настолько существенно важны, что игнорировать ихъ положительно нельзя, а съ другой стороны, они въ такой степени разнообразны и своебытны, что законодателю невозможно обнять и кодифицировать ихъ всецѣло?... Вполнѣ согласны; до кодификаціи обычныхъ правилъ поселянъ еще далеко, хотя твердое начало этому дѣлу уже положено законодательствомъ по поземельному устройству сельскаго состоянія, съ которымъ органически связаны права наслѣдованія и вообще семейно-имущественный бытъ этого состоянія. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что кодификація обычая—только одна сторона вопроса, неимѣющая притомъ ничего общаго съ внѣшнею и внутреннею организаціею волостного суда со стороны формальной, механической. Условіемъ,

sine qua non, для быстраго и правильнаго отправленія правосудія нашими общими судебными установленіями, наука и законодательство признали между прочимъ, *во-первыхъ*, возможно подробнѣйшую регламентацію самого порядка веденія дѣлъ и отношеній къ суду тяжущихся и подсудимыхъ; *во-вторыхъ*, полную независимость всѣхъ органовъ суда отъ администраціи; и *въ-третьихъ*, необходимость одной инстанціи, разсматривающей и разрѣшающей дѣла безъ ограниченія цѣною иска или спора; другой, рѣшающей дѣла по существу только въ порядкѣ апелляціонномъ, но окончательно; и наконецъ, третьей—кассаціонной инстанціи. Почему же эти самыя основныя начала не вполнѣ примѣнить, по возможности, и къ суду волостному?... Или сущность дѣла здѣсь не нуждается въ такихъ же гарантіяхъ, какія опытъ и наука выработали для успѣшнаго отправленія правосудія во всѣхъ климатахъ, среди всякихъ національностей и сословій?... Опытъ, несмотря на его кратковременность, привелъ уже къ установленію для волостного суда кассаціонной инстанціи. Но почему же этою инстанціею является не съѣздъ мировыхъ судей (гдѣ это учрежденіе существуетъ), а съѣздъ мировыхъ посредниковъ, на который подобную обязанность можно и, по духу нашего законодательства, слѣдовало бы возлагать только временно, впредь до введенія новыхъ судебныхъ установленій?... Впрочемъ, обстоятельство это объясняется отчасти неустройствомъ крестьянскаго волостного суда и тѣми затрудненіями, которыя встрѣчаются при примѣненіи въ губерніяхъ судебно-мировыхъ учрежденій.

Волостной судъ, въ настоящихъ условіяхъ его существованія, разсчитанъ на волости территоріально ничтожнаго размѣра, несостоятельность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ увеличеніемъ размѣра волости (мѣра эта кажется уже въ ходу), и тѣмъ болѣе съ увеличеніемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, волостной судъ окажется окончательно несостоятельнымъ до тѣхъ поръ, пока ему не дана будетъ приблизительно такая же организація, какую имѣютъ судебно-мировыя учрежденія, такъ, чтобы мировому судьѣ соотвѣтствовалъ *сельскій судъ* (или судья), какъ первая инстанція въ каждомъ сельскомъ обществѣ, или на нѣсколько ближайшихъ, смежныхъ сельскихъ обществъ; съѣзду мировыхъ судей—*судъ волостной*, какъ апелляціонная инстанція, и наконецъ, *съѣздъ мировыхъ судей*—въ качествѣ кассаціонной инстанціи волостного суда.

По сущности дѣла, въ такомъ приблизительномъ видѣ организовался путемъ практики и административныхъ инструкцій гражданскій и полицейскій судъ въ нашихъ колоніяхъ, рѣша-

ющій, начиная съ сельскаго приказа, всѣ гражданскіе споры и иски колонистовъ *на всякую сумму. И почти единственное неудобство этого порядка* заключалось доселѣ въ зависимости этого суда отъ колоніальной выборной и главной мѣстной администраціи, такъ какъ центральный органъ ея составляетъ *не чисто кассаціонную*, а *3-ю судебную инстанцію*, на рѣшенія которой нѣтъ даже кассаціи.

Устроивъ крестьянскій волостной судъ примѣнительно къ судебно-мировымъ учрежденіямъ и предполагая, что мѣры въ пользу народнаго образованія должны же принести какіе-нибудь плоды въ ближайшемъ будущемъ, намъ не пришлось бы долго ждать того времени, когда всѣ имущественные споры поселянъ на сумму *по крайней мѣрѣ* до 500 рублей [1]) могли бы безбоязненно быть предоставлены вѣдѣнію этого суда; а придумать для крестьянъ болѣе удобное, дешевое и доступное судебное учрежденіе едва-ли мыслимо. На мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ оставались-бы затѣмъ кассаціонныя жалобы на рѣшеніе волостного суда, разсмотрѣніе междусословныхъ исковъ и споровъ и дѣла о проступкахъ, такъ какъ въ отношеніи послѣднихъ, какъ выходящихъ уже изъ области обычнаго права, власть волостного суда едва ли можетъ быть расширена, а еслибы и допустить такую возможность, то расширеніе это могло бы быть лишь постепенное, крайне осторожное, и притомъ во всякомъ случаѣ не ранѣе изданія обстоятельнаго сельско-судебнаго устава или уложенія.

Всѣ эти вопросы, по нашему убѣжденію, весьма важны уже потому, что примѣненіе въ провинціяхъ, т.-е. среди сельскаго населенія, судебно-мировыхъ учрежденій, сколько оно ни желательно, въ настоящее время наталкивается однако на два капитальныхъ, почти несогласуемыхъ неудобства. Одно—это территоріальныя, пространственныя условія, требующія, въ интересахъ удободоступнаго суда, возможно бóльшаго числа мировыхъ судей; другое — это недостатокъ вполнѣ способныхъ и достойныхъ лицъ, готовыхъ посвятить себя этой дѣятельности, а затѣмъ и дороговизна этого учрежденія, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣла, которое (замѣтимъ мимоходомъ) еще

[1]) При подворно-общинномъ хозяйствѣ и весьма значительной, какъ извѣстно, цѣнности поселянскаго двора въ колоніяхъ, даже норма до 500 рубл. удовлетворитъ условіямъ обезпеченнаго хода общинныхъ дѣлъ *только въ такомъ случаѣ*, если *положительный законъ* оградитъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣлостность этого двора при переходѣ его изъ рода въ родъ, отъ одного хозяина къ другому, установленіемъ подобныхъ правилъ, какія проектированы нами въ книгѣ «Наши колоніи» (стр. 241 и слѣд.).

не скоро можетъ измѣниться къ лучшему, въ большинствѣ случаевъ только вполнѣ обезпеченное содержаніе привлекаетъ, въ уѣздахъ, на должность мирового судьи лицъ надежныхъ и достаточно подготовленныхъ. Но, по плечу ли нашему земству, въ его настоящей экономической обстановкѣ и при бѣдности провинцій интеллигентными силами, учреждать *такое число* мировыхъ участковъ и замѣщать ихъ *такими* судьями, чтобы это учрежденіе могло удовлетворять самымъ существеннымъ для крестьянскаго сословія требованіямъ правосудія: *удободоступности, дешевизнѣ, правильности и быстротѣ?*... Съ своей стороны, мы положительно сомнѣваемся въ этой возможности; въ одномъ мѣстѣ недостанетъ людей, въ другомъ — денегъ, а въ большинствѣ случаевъ—и тѣхъ и другихъ.

Но намъ нѣтъ мѣста ни развить подробнѣе частностей, ни исчерпать вообще всѣхъ вопросовъ, на которые наводитъ анализъ результатовъ, достигнутыхъ нашей иностранной колонизаціею: для этого пришлось бы наполнить цѣлый томъ. Поэтому, спѣша воспользоваться остаткомъ терпѣнія читателя, скажемъ только еще нѣсколько словъ по главному предмету—о поземельномъ устройствѣ сельскаго состоянія.

По этому вопросу законодательство еще не сказало своего послѣдняго слова. А между тѣмъ только приведеніемъ къ концу крестьянскаго дѣла прежде и главнѣе всего условленъ весь дальнѣйшій успѣхъ нашего экономическаго, гражданскаго и политическаго развитія. Если не озаботиться *нынѣ же* завершеніемъ крестьянскаго дѣла *по одной, нормально разработанной системѣ*, то легко быть можетъ, что величественное зданіе, надъ созиданіемъ котораго кипитъ работа во всѣхъ концахъ Россіи, будетъ возведено не на кремнеземномъ или гранитномъ фундаментѣ, какъ бы слѣдовало по всѣмъ правиламъ техники и искусства, а на сыпучемъ пескѣ или, при особенной удачѣ, на рыхломъ известнякѣ. Крестьянство, и при томъ *крестьянство земледѣльческое* было, есть и еще долгое время будетъ главнѣйшею основою всего нашего государственнаго строя. И если-бы предоставить сельско-поземельное устройство въ настоящихъ условіяхъ самому себѣ, *дѣйствію обычая*, то западные публицисты оказались бы болѣе или менѣе правы, говоря о «сѣверномъ колоссѣ на глиняныхъ ногахъ». Взявшись разъ за дѣло, пора было бы намъ довести свои начинанія *органически до конца*. Въ этомъ смыслѣ, признавая необходимымъ безотлагательное, рѣшительное обращеніе *законодательства къ повытно-общинной системѣ крестьянскаго хозяйства, съ принципомъ мірской поземельной собственности въ основаніи*, — какъ къ ком-

бинаціи, условливающей, sine qua non, правильную постановку экономическаго, гражданственнаго и политическаго быта нашего сельскаго состоянія,—мы, какъ уже выше замѣчено, ничего чуждаго для русскаго человѣка отнюдь не предлагаемъ. Напротивъ, историческія изслѣдованія древняго быта на Руси, и въ особенности труды гг. Бѣляева [1]), Чичерина [2]), Кавелина [3]) и другихъ, доказали ясно и положительно, что въ XV и XVI столѣтіяхъ, всѣ сельскіе обыватели наши, — кромѣ извѣстныхъ «холопей», жившихъ во дворѣ владѣльца, а на землѣ его только какъ рѣдкое исключеніе,—были людьми вполнѣ свободными и граждански полноправными по закону и на дѣлѣ. Крестьяниномъ именовался собственно только *пахарь-домохозяинъ*, который, сидя *на выти* или обжѣ, т.-е. на извѣстнаго размѣра участкѣ земли или собственной, или общинной, или чужой, — былъ обязанъ «тянуть тягло», т.-е. повытно или съ обжи платить казенныя подати и отправлять повинности по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. «Безъ хозяйства на землѣ, говоритъ г. Бѣляевъ, отъ своего лица нельзя было быть крестьяниномъ; крестьянинъ съ землей и земля съ крестьяниномъ такъ *тѣсно* были связаны, что крестьянинъ не могъ быть крестьяниномъ безъ земли, а земля безъ крестьянина переставала быть крестьянскою землею; всѣ отношенія крестьянина къ обществу и государству опредѣлялись *землею*, и всѣ отношенія земли, какъ земли крестьянской, условливались *хозяйствомъ крестьянина*. Сверхъ того, крестьянинъ, какъ свободный членъ русскаго общества, имѣлъ право переходить не только съ одной земли на другую, изъ города въ село и изъ села въ городъ, но и могъ поступать въ другіе классы общества: въ купцы, въ духовенство, въ служилые люди у князя» и т. д. Если же хозяева-крестьяне древней Руси представляются людомъ болѣе или менѣе кочевымъ, то подвижность эта была далеко не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ; къ тому же причину ея слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ общихъ политическихъ и гражданскихъ неустройствахъ; съ другой — въ многоземеліи и условленной имъ конкурренціи между землевладѣльцами, перезывавшими сельчанъ съ одной земли на другую разными льготами, выгодами и даже насиліемъ. Наконецъ, причина этой подвижности заключалась еще въ злоупотребленіяхъ

---

[1]) «Крестьяне на Руси». И. Бѣляева. Москва, 1860.

[2]) «Опыты по исторіи русскаго права». Б. Чичерина. Москва, 1858.

[3]) «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія.» Спб. 1860.

со стороны казны или владѣльца тягломъ, которое нигдѣ не было опредѣляемо *положительно* ни уложеніемъ, ни другимъ какимъ-либо извѣстнымъ указомъ, а предписывалось въ «послушныхъ грамотахъ» крестьянамъ *въ общихъ выраженіяхъ:* «пашню на помѣщика или вотчинника пахать и доходъ вотчинниковъ имъ платить». Изъ всего этого слѣдуетъ, что повытный земельный участокъ (обжа) имѣлъ для крестьянина *нормальное хозяйственное* значеніе только въ неразрывно тѣсной связи съ тягломъ; говоря иначе, прочность на землѣ и благосостояніе крестьянина условливались прежде всего—*правильнымъ соотношеніемъ двухъ единицъ: одной хозяйственно-поземельной къ другой подоходно-фискальной.* Далѣе доказано, что каждый крестьянинъ состоялъ непремѣнно членомъ сельской общины или волости, и что какъ общинѣ, такъ и отдѣльному ея члену-домохозяину, были присвоены весьма широкія права по распоряженію своими общинными землями и повытными участками: и тѣ и другіе могли даже свободно продавать свои земли, или по крайней мѣрѣ, какъ наши колонисты, свое право потомственнаго пользованія ими. Населеніе общины слагалось изъ поселянъ трехъ главныхъ видовъ: *крестьянъ, бобылей и казаковъ.* Изъ нихъ, бобыли сидѣли на половинныхъ, четвертныхъ и т. д. вытяхъ, и тянули, конечно, половинное, четвертное и т. д. тягло. Казаки составляли большею частію классъ бездомныхъ батраковъ, «вольныхъ государевыхъ, гулящихъ людей, захребетниковъ, подсусѣдниковъ»; они сидѣли «за чужимъ тягломъ», а потому не имѣли голоса и значенія въ земскихъ дѣлахъ общины до тѣхъ поръ, пока сами не дѣлались тяглыми домохозяевами. Община пользовалась самоуправленіемъ и самосудомъ, чрезъ выборныхъ начальниковъ и судей. Мѣстами было ей присвоено даже право жизни и смерти надъ своими членами и выборными начальниками.

Этимъ порядкомъ дѣла шли частію даже еще въ продолженіе XVII вѣка. Но, съ прекращеніемъ, въ 1598 г., Рюрикова дома, Русь лишилась своего прежняго регулятора — царскаго режима, а съ нимъ представители двухъ началъ — личнаго и общиннаго, увлекаемые противоположностью своихъ сословныхъ интересовъ, потеряли и прежнее свое равновѣсіе; они сдѣлались послушными орудіями собственныхъ своекорыстныхъ цѣлей и интригъ внѣшняго врага: настало «смутное время». Извѣстно, съ какими притязаніями выступали въ этотъ грустный періодъ обѣ борющіяся силы русской земли: бояре и вообще служилое сословіе, какъ представители личной собственности, и земство, какъ представитель общиннаго начала. Только напоръ внѣшняго

врага и всеобщее изнеможеніе доказали враждующимъ, что взаимное порабощеніе путемъ грубаго насилія для нихъ невозможно и что непримиреніе приведетъ ихъ только подъ власть иноземцевъ. Наконецъ, съ избраніемъ въ 1613 г. на царство Михаила прежній режимъ, а съ нимъ, повидимому, и прежнее равновѣсіе были возстановлены на Руси. Но, внесенныя смутнымъ періодомъ въ русское общество начала западно-европейскаго поземельнаго строя были поняты и усвоены боярами и людьми служилыми и не замедлили охватить всю Русь страшнымъ зломъ крѣпостного состоянія.

Кто же изъ нашихъ читателей въ русской общинѣ XV и XVI столѣтій сразу не узнаетъ прототипа того *гражданскu развитаго* и юридически организованнаго колонистскаго общества, которое мы рекомендуемъ? И кто же, зная историческій ходъ развитія у насъ крѣпостного состоянія, созданнаго постепеннымъ возведеніемъ частныхъ злоупотребленій, личнаго произвола и насилія — въ общія нормы народной жизни, въ законъ, кто же, зная это, не убѣждается, что безотрадное состояніе крестьянства, обусловленное сперва общими неустройствами, все еще ухудшалось по мѣрѣ того, какъ шла ломка его общинныхъ правъ и хозяйственно-фискальныхъ условій. Дѣло это началось *съ закрѣпленія къ землѣ*, сверхъ крестьянъ-хозяевъ, лишившихся такимъ образомъ возможности уходить отъ злоупотребленій владѣльческимъ и казеннымъ тягломъ, еще и *родичей* этихъ хозяевъ, и вообще «государевыхъ вольныхъ, гулящихъ людей». Благосостоянію и общинному благоустройству крестьянъ былъ нанесенъ новый рѣшительный ударъ, когда, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, вотчинники и помѣстные владѣльцы начали переводить крестьянъ и мѣняться ими *безъ земли*, и когда это злоупотребленіе было узаконено указомъ 13-го октября 1675 г. Но, сами по себѣ, эти мѣры еще не были въ состояніи довершить хозяйственнаго разстройства крестьянъ, такъ какъ владѣльцы, по закону, все еще были обязаны ограничивать свои съ нихъ требованія соразмѣрностью съ землей, а количество земли на каждый крестьянскій и бобыльскій дворъ все еще оставалось по прежнему, постоянно одно и тоже, именно: «на крестьянскую выть четыре чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ, и на бобыльскую по двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ» [1]).

---

[1]) По правиламъ генеральнаго межеванія «четь» принята въ размѣрѣ пол-десятины. По этому разсчету, *крестьянскій дворъ* имѣлъ до 6 десятинъ однихъ пахотныхъ полей, а *бобыльскій* — до трехъ десятинъ «доброй земли». (Ст. 567 ч. 3 т. X зак. меж.). Встрѣчались, впрочемъ, дворы: двутяглые и т. д. Кромѣ того, размѣръ выти

«Но, говоритъ г. Бѣляевъ, что было прежде злоупотребленіемъ, теперь мало-по-малу переходитъ въ обычай и незамѣтно утверждается закономъ. Незамѣтно узелъ прикрѣпленія затягивается туже и туже, земля ускользаетъ изъ-подъ крестьянъ, и они, изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ, дѣлаются крѣпостными своихъ господъ, наравнѣ съ холопами» (дворовыми). Наконецъ дошло и до *совершеннаго отдѣленія тягла отъ земли*; мало-помалу тягло было перенесено на личность крестьянина безъ всякаго соотношенія къ землѣ, къ выти, т.-е. прежнее *хозяйственно-подоходное тягло* обратилось въ *тягло лично-подушное*. Въ тоже время крестьяне *лично* же сдѣлались какъ бы полною частною собственностью либо казны, либо вотчинника и помѣщика, которые, напротивъ, утеряли окончательно существовавшее между ними въ началѣ весьма существенное правовое различіе. Народною переписью 1719 г., первой въ имперіи, всѣ лишенія крестьянъ прежнихъ правъ, мало-по-малу вошедшія въ жизнь, были окончательно утверждены закономъ; извѣстнымъ указомъ 1722 года, подушный окладъ положенъ въ основаніе казеннаго фиска, безъ одновременнаго гарантированія цѣлости тяглового двора-хозяйства, и съ того времени начинается самый мрачный періодъ нашего крестьянства.

Для насъ совершенно достаточно вышесказаннаго, чтобы убѣдиться, какимъ путемъ законодательство, подъ давленіемъ крѣпостничества и цѣлей чисто фискальныхъ, постепенно теряло изъ виду прежнее экономическое значеніе крестьянскаго двора-хозяйства, а наконецъ, утерявъ его совершенно переложеніемъ тягла съ выти на душу, привело крестьянъ, путемъ фискальнаго насилія къ душевому передѣлу тягло-вытныхъ угодій, какъ къ единственному исходу, какой оставался прикрѣпленному къ землѣ населенію для спасенія хотя призрака прежняго тягло-повытнаго оклада. «Теперь, — говоритъ г. Чичеринъ въ своихъ опытахъ по исторіи русскаго права, — когда народъ (а не земля, какъ было прежде) сдѣлался главною силою государства, тягло должно было необходимо перейти на лицо. Посошная подать, черезъ подворную, естественнымъ образомъ перешла въ подушную: лицо выступило на первый планъ, а земля сдѣлалась его придаткомъ, прежняя же община изъ владѣльческой и поземельной сдѣлалась сословною и государственною» (стр. 32). Въ тоже время «когда введена была подушная подать, установился и обы-

---

зависѣлъ еще отъ качества земли: на нее полагалось «середней» земли 14 четей или 7 десятинъ, а въ «худой» землѣ 16 четей или 8 десятинъ. («Крестьяне на Руси.» Бѣляева, стр. 117 — 118).

чай раздѣлять земли по числу душъ, написанныхъ въ ревизіи» (стр. 46). Различіе двухъ окладовъ—подушнаго и десятинно-поземельнаго—слишкомъ существенно, чтобы сразу не понять его; наглядный примѣръ тому приведенъ въ книгѣ «Наши колоніи» (стр. 140), въ сравнительныхъ окладахъ, существующихъ доселѣ для колонистовъ. И еслибъ предположить, что подобный порядокъ обложенія сборами будетъ продолжаться еще съ полвѣка, то невольно спрашивается: что же вышло бы въ такомъ случаѣ изъ нынѣшнихъ образцовыхъ колоній, платящихъ подушно-оброчный окладъ? Развѣ здѣсь, *не теперь* уже мы видимъ попытки безземельнаго населенія добиться въ крайнемъ случаѣ уравнительнаго передѣла общинныхъ угодій *по душамъ, соотвѣтственно податному окладу*, несмотря даже на полное сознаніе неминуемыхъ послѣдствій, къ которымъ привела бы такая мѣра?... Къ счастію, колонисты и въ массѣ понимаютъ это дѣло очень хорошо; если же не обращались доселѣ къ правительству о замѣнѣ подушно-оброчнаго оклада—подесятиннымъ, то только потому, что система эта общая по имперіи, и что прочія преимущества ихъ предъ крестьянствомъ лишили бы подобное ходатайство относительно справедливаго основанія.

Но колонисты рѣшили помочь себѣ инымъ путемъ. Они спѣшатъ во что̀ бы то ни стало вывести изъ среды коренныхъ водвореній, *на новыя земли, излишекъ своихъ окладныхъ душъ*, и этимъ путемъ возстановить повозможную соразмѣрность съ землевладѣніемъ подушно-оброчнаго оклада. Наконецъ, и само правительство пришло къ заключенію, что подобной фискальной системы не въ силахъ выдержать даже и самое образцовое крестьянское хозяйство: на основаніи положенія и временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій, всѣ повинности, отбываемыя не натурою, взыскиваются по уравнительнымъ раскладкамъ съ имуществъ и доходныхъ статей (предметовъ обложенія), а указъ 24 ноября 1866 г., опредѣлилъ кратковременные сроки, въ которые прежняя подушно-оброчная подать повсемѣстно должна быть переложена обратно на землю, и что̀ главное, *въ теченіе 20 лѣтъ*, со дня введенія владѣнныхъ записей или люстраціонныхъ актовъ, *не можетъ быть увеличена*. Вообще же и впослѣдствіи возвышеніе оклада оброчной подати можетъ состояться *не иначе, какъ законодательнымъ путемъ*. Такимъ образомъ, отъ прежней фискальной системы остаются: подушная государственная подать въ тѣсномъ смыслѣ и тѣ изъ повинностей, которыя отбываются доселѣ натурою, но либо самимъ земствомъ могутъ быть обращены на предметы обложенія, либо, какъ напр., повинность рекрутская, отбываются, по желанію и возможности,

натурою или деньгами. Но, во всякомъ случаѣ, желательно совершенно и однажды навсегда устранить нынѣшнее *подушное* обложеніе, тѣмъ болѣе, что осуществленіе этой мѣры точно также незатруднительно, какъ и совершающееся переложеніе оброчной подати — съ душъ на землю. По нашему мнѣнію, если положительно *нѣтъ* возможности допустить какимъ бы то ни было путемъ облегченіе податной тяги вообще, то необходимо и весьма удобно обратить *подушную* подать въ *рабочій* налогъ, такимъ образомъ, чтобы общая сумма нынѣшняго подушнаго сбора, будучи разверстана уравнительно на наличное по новой ревизіи число рабочихъ 18—60-ти лѣтняго возраста, дала окладъ, который слѣдуетъ признать нормальнымъ и не подлежащимъ увеличенію или *навсегда*, или *по крайней мѣрѣ* на тѣ же сроки, какіе будутъ устанавливаемы для неизмѣнности государственной оброчной подати. Понятно, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ отъ ревизіи до ревизіи числа окладныхъ работниковъ должна возрастать сама собою и общая сумма сбора; но здѣсь это увеличеніе потеряло бы свой фатальный для плательщиковъ характеръ, такъ какъ рабочій налогъ, при внутренней раскладкѣ самихъ обществъ съ одной стороны, всегда оставался бы пропорціоналенъ рабочей, т.-е. дѣйствительно производительной, силѣ общины, а съ другой — падалъ-бы непосредственно и именно только на податноспособное лицо, а не на малыхъ дѣтей, недорослей и дряхлыхъ стариковъ [1]).

---

[1]) Всѣ согласны въ томъ, что «круговая порука» сдѣлалась особенно тягостною только въ относительно недавнее время, т.-е. со времени значительнаго увеличенія подушныхъ окладовъ и введенія земскихъ учрежденій. Земскія раскладки особенно возбуждаютъ въ насъ самыя серьезныя опасенія; принятая ими *пропорціональность* обложенія по имущественнымъ разрядамъ или классамъ очевидно всею тяжестью обрушивается главнымъ образомъ на массу крестьянъ, которыхъ активное участіе въ земскомъ *само*обложеніи есть очевидная для всякаго фикція. Промысло-торговый и фабричный классъ извѣстнымъ закономъ избавленъ отъ произвольныхъ земскихъ пропорціонированій, классификацій и другихъ мѣропріятій; но за то крестьяне отданы на полнѣйшій произволъ. Если закономъ не будетъ положенъ и здѣсь нормальный предѣлъ «мѣропріятіямъ», то система эта не можетъ не привести къ *окончательному* разоренію сельскаго состоянія. А у насъ думаютъ не объ этомъ. Наша податная коммиссія, напротивъ, выбивается изъ силъ, чтобы создать, сверхъ земскаго еще и фискальный винтъ, который выкачивалъ-бы сокъ изъ крестьянъ по той же системѣ пропорціонированій и классификацій!.... Читателямъ, спеціально интересующимся этими вопросами, мы совѣтуемъ со вниманіемъ прочесть недавно вышедшую брошюру нашего финансиста А. Леонгарда: «Нѣсколько словъ о нашихъ финансовыхъ учрежденіяхъ» и въ «Отечеств. Запискахъ» (ноябрь 1869), статью Скалдина: «Въ захолустьи и въ столицѣ». Повидимому, крайне опасное положеніе крестьянъ начали сознавать даже экономисты, столь усердно ратовавшіе въ пользу отмѣны подушной податной системы: «Моск. Вѣд.» № 233 и «С.-Пет. Вѣд.» № 309, 1869.

Ясно и несомнѣнно, что съ душевой фискальной системой при томъ примѣненіи, какое она находила слишкомъ долгое время, могла бороться до агоніи одна только наша община, связанная круговою порукою. Но не менѣе понятно и то, что этому грѣху не причастны ни самая система *личнаго* обложенія, ни общинный принципъ. Въ вѣковой борьбѣ съ насиліями и злоупотребленіями личнаго начала, крестьяне утеряли свое повытно-общинное поземельное устройство, свой повытно-тяглый дворъ-хозяйство; только подъ роковыми ударами личнаго принципа и *ложно-примѣненной* фискальной системы разбилась эта панацея, охранявшая гражданскую полноправность и хозяйственную состоятельность крестьянъ даже въ роковые періоды самыхъ тяжелыхъ невзгодъ; только съ замѣною тягла подушнымъ окладомъ, и, какъ прямое послѣдствіе этого, съ замѣною выти—душевымъ передѣломъ земли, окончательно пало общинное благоустройство и подсѣклись въ самомъ корнѣ экономическія и нравственныя силы народа; только на развалинахъ крестьянскаго повытно-общиннаго поземельнаго владѣнія, личное начало, въ видѣ безграничнаго чиновничьяго и владѣльческаго произвола, получило возможность безпрепятственно пировать свое торжество. Но глухое броженіе народныхъ массъ не переставало заявлять о попранныхъ правахъ народа; тутъ и тамъ оно сказывалось въ частныхъ восстаніяхъ крестьянъ. Наконецъ, броженіе это, разразившись страшнымъ кризисомъ—пугачевщиной, положило твердое начало реакціи въ пользу страдальца-крестьянина.

Ледяной, мертвящій холодъ вкрадывается въ душу, когда глубже вдумываешься въ эту трехвѣковую драму народной жизни. Съ невольнымъ ужасомъ спрашиваешь себя: вошли-ли по крайней мѣрѣ въ настоящее время въ законные предѣлы силы личнаго начала и не продолжается-ли прежняя работа крѣпостничества? Правда, рѣшительный поворотъ къ утраченнымъ порядкамъ прежняго русскаго сельскаго устройства сдѣланъ. Но зачѣмъ же останавливаться на полъ-пути?... Или смущаютъ насъ порядки Запада,—его summum jus, summa injuria?... Но развѣ тамъ не начался давно уже конечный разсчетъ съ чрезмѣрными притязаніями всемогущаго личнаго принципа,—разсчетъ, зловѣщія знаменія котораго, наполнивъ уже исторію кровью и всякаго рода ужасами, должны-бы служить для насъ предостереженіями добраго генія, витающаго надъ русскою землею?... Развѣ не 70—100 и болѣе лѣтъ уже наши колонистскія общины-собственники существуютъ при общественномъ самоуправленіи и поземельномъ устройствѣ, которое есть несомнѣнное достояніе русскаго народа и только на нашихъ глазахъ, послѣ вѣковой агоніи, возвращается

къ крестьянству вновь?... Спросите, допытайтесь отъ нашихъ колонистовъ, во что̀ они цѣнятъ свою юридическую общину-собственника, и на какую *иную* комбинацію они были-бы готовы смѣнять *эти чисто-русскіе порядки,* давно уже сдѣлавшіеся для нихъ *вполнѣ своими*?... Вспомните, какъ колонисты пересаживаютъ свои общинно-поземельныя начала повсюду — даже на земли, пріобрѣтаемыя обществомъ или товариществомъ земледѣльцевъ въ полную собственность. Если же современный бытъ колонистовъ поставилъ въ колоніяхъ на очередь такіе вопросы, которые не по плечу новымъ крестьянскимъ Положеніямъ, то развѣ тѣ же вопросы не возникнутъ со временемъ и въ средѣ крестьянъ?... Понятно, если эти Положенія соразмѣрены болѣе или менѣе удовлетворительно со скромными средствами и не широкими до времени потребностями крестьянъ; но ясно и то, что тѣ же Положенія, будучи примѣнены всецѣло къ колоніямъ, должны-бы казаться во многихъ отношеніяхъ дѣтскою курткою, напяленною на взрослаго человѣка. Съ другой стороны, каждый русскій, которому дороги слава, могущество и благосостояніе отечества, живетъ въ полномъ упованіи, что должна же, наконецъ, и для нашего крестьянина вновь настать пора возмужалости. Поэтому спрашивается, что̀ же въ смыслѣ общаго преуспѣянія выгоднѣе для насъ, т.-е. выгоднѣе-ли напялить на наши колонистскія общины куртку, рискуя стѣснить ихъ дальнѣйшее прогрессивное развитіе, настоятельно требующее нѣсколько болѣе широкаго простора, нежели разслабленный, едва-едва оправляющійся отъ вѣковаго кошемара бытъ крестьянъ; или напротивъ, взявъ во вниманіе порядки и потребности колоній, которыя въ полномъ соку и представляютъ собою столѣтній опытъ примѣненія на болѣе современныхъ началахъ искони русскаго, общинно-крестьянскаго устройства, привести эти порядки къ одному знаменателю, т.-е. окончательно выработать, на основаніи вѣковаго опыта, одну нормальную систему общаго сельскаго устроенія и, послѣдовательно примѣняя ее къ поселянскому быту *во всѣхъ частяхъ имперіи,* довести такимъ образомъ наше сельское состояніе въ уровень съ колонистами, остающіяся же доселѣ привилегіи послѣднихъ — свободу отъ рекрутства и военнаго постоя — обратить въ срочную льготу. И едва-ли не сами поселенцы, понявъ правильно свои интересы въ земствѣ, приходятъ мало-по-малу уже теперь къ убѣжденію въ полной справедливости этой послѣдней мѣры.

Только, и единственно только при постановкѣ общаго вопроса въ указанномъ нами смыслѣ, колонисты наши сторицею расплатятся съ русскимъ обществомъ за всѣ тѣ выгоды, льготы и

преимущества, которыя или давно уже не существуютъ, или въ большинствѣ случаевъ утратили свою прежнюю исключительность, сдѣлавшись теперь условіями совершенно нормальными. Только рядомъ съ гражданскимъ безсиліемъ, нравственною приниженностью и экономическимъ разстройствомъ огромнаго большинства русскаго крестьянства, такъ-называемое «привилегированное» положеніе колонистовъ сохраняетъ и по сю пору въ глазахъ нашего общества такое широкое значеніе, которое, съ точки зрѣнія внутренняго благоустройства и благосостоянія колонистскихъ общинъ, есть оптическій обманъ, не выдерживающій критики. Еще болѣе страннымъ должно казаться чувство безотчетной, слѣпой антипатіи, дѣлающее многихъ изъ насъ почти глухими и слѣпыми къ очевиднымъ, несомнѣннымъ заслугамъ колонистовъ, какъ трудолюбиваго, достигшаго замѣчательныхъ успѣховъ въ своемъ быту, земледѣльческаго сословія. Неужели, спросили бы мы такихъ лицъ — колонисты лучше отблагодарили бы насъ, еслибъ они и доселѣ остались тѣмъ же нищимъ, безпутнымъ сбродомъ, какимъ была бо́льшая половина ихъ въ началѣ поселенія?... Или было бы отраднѣе, еслибъ *наши самые старательные опыты русскаго сельскаго устройства* оказались въ концѣ концовъ вполнѣ несостоятельными и неудачными?!..

Нѣтъ, мы иначе смотримъ на благоустройство, богатство и современныя потребности колоній. Главнѣйшія, существеннѣйшія основанія этого устройства были установлены колонизаціоннымъ закономъ *19 марта* 1764 г. и инструкціями 1801 — 1803 гг. И что законы эти стоятъ всецѣло *на народной русской почвѣ*, въ томъ, послѣ всего сказаннаго, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Уже въ XVIII вѣкѣ вниманіе правительства, въ лицѣ лучшихъ представителей общества, было серьезно озабочено экономическимъ и нравственнымъ разстройствомъ крестьянъ. Неопровержимымъ тому доказательствомъ служитъ между прочимъ экономическая инструкція, данная, въ 1770 г. [1]),

---

[1]) Въ п. 6 этой инструкціи (Полн. Собр. Зак. 1778 г. № 13,590) сказано: «Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ крестьяне дѣлятъ землю не по числу имѣющихся во дворѣ *работниковъ*, но по числу написанныхъ въ ревизскихъ сказкахъ мужескаго пола душъ, отъ чего происходитъ, что, вмѣсто должнаго управленія, крестьяне одинъ предъ другимъ несутъ въ прокормленіи своихъ семей и въ платежѣ податей разорительное отягощеніе, потому что нерѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ пять мужескаго пола душъ, одинъ только находится работникъ, а четыре въ томъ числѣ малолѣтные, или престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества исправлять не могущіе, однако же долженъ тотъ одинъ работникъ какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну только свою душу, но и за малолѣтныхъ и престарѣлыхъ заплатить, и хотя на всѣ оныя души земля у него и есть, но недостаетъ у него силы оную об-

для управленія крестьянами духовнаго вѣдомства, отобранными въ то время въ казну.

Цѣль и значеніе п. 6-го этой инструкціи, понятныя уже изъ буквальнаго смысла текста, выяснены окончательно г. Чичеринымъ путемъ научнаго изслѣдованія [1]); но насколько была достигнута предположенная правительствомъ цѣль, о томъ нѣтъ слѣдовъ. Впрочемъ, пальятивный пріемъ въ практическомъ приложеніи инструкціи въ отношеніи собственно распредѣленія земель, раскладки сборовъ и т. п. внутри сельскаго общества, уже самъ собою ручается, что мѣра эта не могла оказать значительнаго и прочнаго вліянія на крестьянъ, до которыхъ она касалась. Но для насъ актъ этотъ имѣетъ важное значеніе, вполнѣ объясняя тѣ соображенія, которыми законодательная власть, не стѣсняемая ни крѣпостническими тенденціями, ни исключительно финансовыми цѣлями, руководилась при устройствѣ внутреннихъ поземельныхъ распорядковъ колоній. Отсюда же ясно, почему общимъ правиломъ колонизаціи, измѣнившимся только впослѣдствіи подъ вліяніемъ фискальной нивеллировки, было постановлено облагать колонистовъ *одною поземельною податью*; почему у нихъ явились, и доселѣ сохранились, *по закону*, общественные сборы «съ взрослыхъ работниковъ отъ 16 до 60-ти-лѣтняго возраста» и почему въ большинствѣ южныхъ колоній, и прежде всего тамъ, гдѣ вмѣсто подушно-оброчнаго оклада существовала подесятинная поземельная подать, могли сами собою установиться, съ одной стороны, *полное равноправіе по имуществу обоихъ половъ*, отъ котораго до полной политической правоспособности

работывать, ниже другою крестьянскою работою исправляться, почему таковые и принуждены излишнюю землю и сѣнные покосы отдавать другимъ въ наемъ, но и то за дешевую цѣну, ибо сосѣди, зная его необходимость, надлежащей цѣны не даютъ. Сверхъ сего бываетъ и то, что по довольству въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земель, и въ наемъ оныхъ брать некому, почему принужденъ такой одинокій крестьянинъ свой участокъ земли оставить впустѣ, а сами они отъ времени до времени приходятъ въ скудость и совершенное разореніе. Въ отвращеніе сего экономическимъ правленіемъ, каждому въ своемъ вѣдомствѣ, при каждомъ случающемся изслѣдованіи о допущенныхъ недоимкахъ надлежитъ наиприлежнѣйше освѣдомиться, не отъ сего ли описаннаго крестьянскаго, *издревле вкоренившагося обычая* (?) сами они къ своему разоренію терпятъ оскудѣніе, и буде подлинно при томъ откроется тотъ порядокъ, то *немедленно велѣть такое селеніе непремѣнно расписывать на тягла, полагая въ оное работниковъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста и исчисляя собираемую со всего селенія подать, раскладывать на тягла;* а посему *раздѣленіе земель и взысканіе податей* дѣлить уже не съ душъ, но съ тяглъ, а сверхъ сего наблюдать и того, дабы крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, а непремѣнно бы считалось въ каждомъ тяглѣ по 4 человѣка, и покрайней мѣрѣ по 3 работника».

[1]) «Опыты по исторіи русскаго права» стр. 46, 134 и 135.

одинъ только, и притомъ совершенно естественный шагъ, а съ другой стороны, *обычай* уплачивать сборы, налагаемые подушно, по уравнительной раскладкѣ на взрослыхъ *работниковъ обоего пола.* Понятно, что это послѣднее обстоятельство подвигаетъ вопросъ о безусловномъ равноправіи обоихъ половъ еще ближе къ окончательному разрѣшенію, такъ какъ женщинѣ-хозяйкѣ, несущей, лично и по имуществу, всѣ податныя и повинныя тягости, наравнѣ со всякимъ другимъ членомъ общества, едва ли можетъ быть отказано въ правѣ личнаго участія въ занятіяхъ сельскаго схода и т. д. Вотъ на какомъ основаніи мы утверждаемъ, что успѣхъ колоній есть только безспорное, фактически неопровержимое доказательство того, что существовавшее уже въ XV и XVI столѣтіяхъ, такъ сказать вчернѣ, въ зародышѣ, общинно-повытное устройство нашихъ крестьянъ составляетъ именно ту искомую поземельную комбинацію, внѣ которой для сельскаго работника нѣтъ спасенія отъ крѣпостническихъ поползновеній, какъ нѣтъ его и для работника-горожанина внѣ артели, внѣ Лассалевскихъ или Шульце-Деличевскихъ ассоціацій, и что еслибы означенное поземельное устройство, будучи систематически развито и утверждено положительнымъ закономъ, встрѣтило за всѣ прошлые вѣка, вмѣсто злоупотребленій и насилій всякаго рода, ту же постоянно-твердую опору въ попечительно-организующей законодательной власти, какою воспользовались за послѣднія 70 лѣтъ колоніи, то вовсе не существовало бы въ нашей исторіи темнаго періода крѣпостничества, и сами крестьяне не только стояли бы во всѣхъ отношеніяхъ въ уровень съ колонистами, но, быть можетъ, и несравненно выше ихъ; вѣрнѣе же всего, послѣднихъ бы на Руси вовсе не было, такъ какъ достало-бъ нашихъ собственныхъ силъ, нашихъ «государевыхъ вольныхъ, гулящихъ» людей, т.-е. безземельныхъ общинниковъ, для прочной, систематической колонизаціи окраинныхъ пустырей имперіи — благоустроенными общинами, а не казацкой вольницею.

Но русскому народу было суждено пережить страшную болѣзнь крѣпостного состоянія и всѣ послѣдствія неумѣлой растраты избытка силъ въ неустроенномъ казачествѣ и въ еще менѣе удовлетворительной колонизаціи служилыхъ людей-собственниковъ, образовавшихъ въ своемъ потомствѣ нашихъ жалкихъ однодворцевъ. И волей-неволею приходится теперь признать неопровержимость того историческаго факта, что во главѣ нашего сельскаго состоянія стоитъ не масса русскихъ крестьянъ, и еще менѣе прежній вольный казакъ или однодворецъ-собственникъ, а колонистская земледѣльческая община съ ея повытными хозяйствами. Быть можетъ горько, но нужно сознаться, что всякая попытка

сбить колонистовъ съ этой позиціи путемъ сознательнаго небреженія къ современнымъ ихъ потребностямъ была бы по меньшей мѣрѣ невыгодна для насъ самихъ, да къ тому же и крайне несправедлива, такъ какъ колоніи, въ огромномъ большинствѣ, выполняютъ свою задачу неуклонно, честно и добросовѣстно. Слѣдовательно остается одно: воспользоваться съ должнымъ пониманіемъ опытами колонизаціи и тѣмъ предохранить себя отъ той ошибки, въ которой сплошь и рядомъ обвиняютъ нашихъ крестьянъ [1]), а еще чаще самихъ колонистовъ. Или колоніи не представляютъ собою результата нашихъ собственныхъ опытовъ надъ своими же, чисто русскими, порядками? Чтó же можетъ препятствовать возведенію въ общіе принципы, *въ законъ*, всего того, что въ наилучше организованныхъ колоніяхъ оказалось пригоднымъ, отвергая напротивъ, при дальнѣйшемъ устройствѣ сельскаго состоянія, не исключая самихъ колонистовъ, все, оказавшееся у послѣднихъ почему-либо вреднымъ, несостоятельнымъ и несоотвѣтствующимъ цѣли?... Давши крестьянину-пахарю не только политико-гражданское полноправіе, но и землю, мы, конечно, имѣли въ виду, что только въ такихъ именно условіяхъ положеніе земледѣльца является нормальнымъ и выгоднымъ какъ лично для него, такъ въ особенности и для цѣлаго общества, государства. Но отсюда уже сама собою истекаетъ разумная необходимость оградить это, не дешево пріобрѣтенное, *нормальное* положеніе крестьянина, т.-е. необходимость предупредить *навсегда* всякую возможность къ обезземеленію пахаря-крестьянина вновь. Для достиженія же этой цѣли, необходимо постановить такіе порядки, при которыхъ крестьянская община будетъ вполнѣ обезпечена въ своемъ земельномъ вла-

---

[1]) И въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли читать и выслушивать такого рода толки, что колонизація иностранцевъ не принесла намъ никакой пользы, *такъ какъ* сосѣдніе съ колоніями крестьяне не усвоили себѣ ихъ порядковъ и т. д. Такіе критики забываютъ совершенно, что противъ требуемаго ими усвоенія стоялъ весь политико-соціальный строй нашихъ крестьянъ. Не могъ же кабальный бытъ, *по закону*, усвоивать себѣ порядки свободныхъ учрежденій—*вопреки закона*. Теперь всѣ главнѣйшія, органическія препятствія устранены; настало время и возможность для крестьянъ воспользоваться опытами своихъ сосѣдей-колонистовъ. И въ виду этого, было-бы уже *дѣйствительнымъ курьезомъ*, если бъ именно теперь столѣтній опытъ нашъ въ колоніяхъ надъ свободною земледѣльческою общиною-собственникомъ безслѣдно исчезъ изъ законодательства, а затѣмъ, быть можетъ, и изъ самой жизни, такъ какъ настоящую сплоченность колонистскаго сельскаго общества при дѣйствіи общинно-земельнаго принципа,—безъ этого принципа сохранятъ развѣ одни только сектаторы, у которыхъ вездѣ и повсюду религіозно-нравственные интересы столь жизненны, и церковно-общинная дисциплина настолько сильна, что факторы эти если не вполнѣ, то въ значительной степени приводятъ населеніе и къ тѣсной экономической связи.

дѣнія и ограждена отъ вторженія въ нее элементовъ чуждыхъ, враждебныхъ, находясь въ тоже время и въ такихъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыя дадутъ ея хозяевамъ полную возможность къ наиболѣе выгодной эксплуатаціи своихъ земельныхъ угодій. Однимъ словомъ, если XVII вѣкъ, прикрѣпивъ крестьянина лично къ мѣсту, вырвалъ изъ-подъ него землю и тѣмъ привелъ его къ политико-гражданскому обезличенію, къ крѣпостному состоянію, то теперь, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, съ возстановленіемъ прежнихъ политико-гражданскихъ правъ крестьянина *внутри* и *внѣ* общества, задача законодательства можетъ состоять только въ томъ, чтобы окончательно организовать правовыя отношенія крестьянина *по землѣ*, равнымъ образомъ *внутри* и *внѣ* общества. Но здѣсь уже не могутъ не играть важнѣйшей роли преимущественно политико-экономическія соображенія, такъ какъ крестьянскій дворъ-хозяйство, въ извѣстномъ смыслѣ, прежде всего есть своего рода промышленная единица, успѣхъ или неуспѣхъ которой тѣсно связаны съ преуспѣяніемъ цѣлой общины и условлены не случайностію, а непреложными экономическими законами.

Такъ опытъ нашей иностранной колонизаціи неоспоримо доказалъ, между прочимъ, насколько необходимо, чтобы объ руку съ земледѣліемъ шли не столько *отхожіе* промыслы и заработки, сколько *мѣстныя* ремесла, промыслы и торговля, удовлетворяющія *нуждамъ сельскаго хозяйства*. И сознаніе это существовало уже въ прошломъ вѣкѣ. Колонизаціонный законъ 19-го марта 1764 между прочимъ указывалъ, чтобы «въ каждой округѣ» за надѣломъ поселянскихъ обществъ оставалась нѣкоторая часть запасной земли «для будущихъ дѣтей, дабы оныя, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли», и чтобы, *сверхъ того*, при всякомъ отдѣльномъ селеніи отводилось «пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ для *рукомесленниковъ* шестая часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ», да такая же часть дворовъ «съ пашенной землею и прочими угодьями для размножающихся впредь жителей того же селенія». Такимъ образомъ, если первоначальное общество состояло изъ 30 хозяевъ—Wirthe, то такому селенію, независимо отъ ихъ надѣла и «запаса округи», прирѣзывалось еще угодій на 5 полныхъ Wirthe (по 65, 60 дес.), и на 5 Anwohner'скихъ усадебъ, каждая въ пять дес. усадебной, огородной и выгонной земли. Въ новѣйшихъ же правилахъ, на основаніи которыхъ съ 1855 г. водворяются въ самарской губ. меннониты изъ Пруссіи, въ каждой отдѣльной колоніи $^1/_{20}$ часть ея надѣла предназначается исключительно подъ Anwohner'скія усадьбы,

каждая не свыше трехъ десятинъ. Наконецъ, уставъ о кол. (ст. 112 и слѣд.), не смотря на пріостановленіе еще съ 1820 г. собственно *земледѣльческой* колонизаціи иностранцевъ, и до сего времени дозволяетъ «верстать въ число колонистовъ», по пріемнымъ приговорамъ обществъ, иностранцевъ: портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ, кузнецовъ, горшечниковъ, мѣдниковъ, ткачей и каменьщиковъ. «Всѣ же прочіе художники и мастеровые, прибавляетъ законъ, кои для *деревенской жизни безполезны*, за колонистовъ признаваемы быть не могутъ». Такое предпочтеніе, оказываемое закономъ ремесленникамъ, объясняется тѣмъ, что приходившіе изъ-за границы первоначальные поселенцы, обращаясь, *всѣ* безъ исключенія, къ земледѣлію, забывали свои прежнія спеціальныя занятія, а молодыя поколѣнія, будучи вынуждены возвратиться къ нимъ и довольствоваться Anwohner'скими усадьбами, нуждались въ наставникахъ, которыми и служили приписываемые въ колонисты иностранцы-ремесленники.

О подобныхъ, въ высшей степени благопріятныхъ для сельскаго хозяйства постановленіяхъ колонизація *русскихъ* людей никогда ничего не вѣдала даже и до новѣйшаго времени. Но дѣло здѣсь не въ этомъ. Мы хотѣли только указать собственно на то, какимъ путемъ русское же, иностранно-колонизаціонное законодательство, едва-ли и само вполнѣ сознавая всѣ отдаленныя послѣдствія указанныхъ мѣръ и, по всей вѣроятности, преслѣдуя въ этомъ случаѣ лишь чисто экономическія цѣли, ввело въ среду колонистскихъ общинъ такой важный стимулъ не только экономическаго, но и политико-гражданственнаго процесса, какимъ являются въ настоящее время Anwohner'ы-прогрессисты и ихъ естественный резервъ Einwohner'ы-радикалы. И мы положительно отвергаемъ раціональность мнѣнія тѣхъ, которые, въ отношеніи нашихъ крестьянскихъ общинъ, этимъ стимуломъ избираютъ кулака-міроѣда, эксплуататора-оптимата. Кромѣ того, настоящими указаніями мы имѣли еще въ виду обратить вниманіе читателя на существенное различіе, существующее между An-и Einwohner'ами нашихъ колоній, какъ *полноправными* сообщинниками, и —батраками древней Руси: «казаками, вольными гулящими государевыми людьми, захребетниками, подсусѣдниками», сидѣвшими въ волости «за чужимъ тягломъ». Какъ въ свое время послѣдніе, такъ нынѣ и первые, во всякомъ случаѣ вольны безпрепятственно покинуть свою общину (уст. о кол. ст. 133 и слѣд.). Но батраки древней Руси, не неся никакихъ повинностей ни въ пользу казны, ни на нужды своего общества, въ силу такой льготы были и безправны, какъ въ отношеніи общественныхъ имуществъ волости, такъ и по дѣламъ мірского самоуправленія.

Вслѣдствіе того, они выходили изъ общиннаго союза голышами: на тягловыхъ хозяевахъ не лежало обязанности заботиться объ устройствѣ ихъ дальнѣйшей участи. Не таково, какъ читателю извѣстно, положеніе безземельнаго класса нашихъ колоній и въ этомъ-то именно обстоятельствѣ заключается главнѣйшій камень преткновенія нашихъ доктринеровъ-экономистовъ и финансистовъ. Въ юридической, поземельной общинѣ земледѣліе, ремесла и промыслы, въ лицѣ ихъ представителей, связаны взаимно опять-таки не случайно, а напротивъ такою органическою спайкою, какою является *мірское поземельное право*, требующее, правда, подчиненія себѣ частныхъ интересовъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой подчиненіе это необходимо для самобытнаго существованія общины. И въ этомъ-то смыслѣ мы желали бы обратить дѣйствительно серьезное вниманіе, кого слѣдуетъ, на неотложную необходимость изданія *нормальнаго сельскаго или сельско-судебнаго устава*, при составленіи котораго опытный матеріалъ колоній способенъ дать положительные отвѣты на всякаго рода вопросы сельскаго благоустройства. Не даромъ же сами иностранцы свидѣтельствуютъ, а факты, *помимо всякихъ привилегій*, вполнѣ подтверждаютъ, что наши «нѣмецкія колоніи принадлежатъ къ наиболѣе богатымъ и наилучше организованнымъ поселеніямъ въ Россіи, да не въ одной только Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ».

Затронутый нами сельско-поземельный вопросъ, по своимъ роковымъ, ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ послѣдствіямъ, до такой степени важенъ, что вполнѣ удовлетворительно онъ будетъ разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, какъ скоро интеллигенція наша, въ массѣ, вполнѣ уяснитъ и глубоко запечатлѣетъ себѣ въ душу, съ одной стороны, законъ, лежащій въ основаніи всемірнаго развитія человѣчества, а съ другой—историческую задачу, выпавшую въ этомъ отношеніи на долю Россіи.

Еще въ началѣ статьи мы высказали, что, по нашему мнѣнію, основной законъ, отъ котораго исходитъ и которымъ поддерживается всякая попытка человѣческаго общежитія, есть та или иная, по формѣ, комбинація двухъ элементарныхъ факторовъ, движущихъ судьбами человѣчества; именно: та или иная комбинація принципа *личнаго*, *индивидуальнаго* съ принципомъ *общественнымъ*, *ассоціаціоннымъ*, *государственнымъ*. *Первый принципъ* обнимаетъ всѣ функціи человѣка, какъ индивидуальнаго организма; въ область *втораго* входятъ всѣ тѣ требованія и отправленія, которыми обусловлено существованіе юридическаго

организма — общества, государства. Оба принципа, по самой сущности своей природы, противоположны одинъ другому, и потому каждый, самъ по себѣ, страдаетъ односторонностью. Такъ тенденція личнаго начала, безграничный захватъ въ свою личную пользу, встрѣчаетъ себѣ дѣйствительный отпоръ только въ стремленіи общественнаго начала — ограничивать, организируя на пользу общую. Уже вслѣдствіе этой односторонности обоихъ названныхъ принциповъ, самъ по себѣ ни одинъ изъ нихъ не способенъ удовлетворять конечнымъ цѣлямъ человѣчества; только нормальная связь и строго установившееся взаимодѣйствіе обоихъ началъ могутъ служить прочнымъ основаніемъ для права истинной гражданственности и разумной свободы; только дѣйствительнымъ разграниченіемъ обоихъ принциповъ и взаимнымъ ограниченіемъ ихъ въ предѣлахъ, указываемыхъ крайнею необходимостью, создается искомая общественная организація, удовлетворяющая общей всѣмъ народностямъ конечной цѣли — гарантировать индивидууму, лично и въ составѣ общества, наибольшую сумму всякихъ нравственныхъ и матеріальныхъ благъ.

Ни крестьянскій дворъ, какъ ячейка земледѣльческой ассоціаціи, ни сельское общество, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ основныхъ политико-экономическихъ организмовъ всякаго государственнаго строя, безнаказанно не могутъ быть изъяты изъ этого общаго закона.

Пора наконецъ сознать, что первое условіе успѣха земледѣльческаго общества, какъ живого общественнаго организма, есть его внутренняя бытовая связь, созидаемая подъ нормально-дѣйствующими основными законоположеніями самою жизнью, и возможно полная общность нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, обусловливаемая множествомъ разнообразныхъ, для законодателя совершенно неуловимыхъ внутреннихъ потребностей. Конечно, въ доброй волѣ у насъ недостатка нѣтъ; нужны, слѣдовательно, еще только сознаніе, неуклонность, вниманіе. Но тогда уже не можетъ быть сомнѣнія, что у насъ сдѣлаются положительно немыслимыми подобныя грустныя отношенія къ дѣлу, какія на нашъ взглядъ обнаружилъ, напримѣръ, с.-петербургскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ приговорѣ своемъ по вопросу о вредѣ или пользѣ общины. И только въ такомъ случаѣ русскій народъ, руководимый въ дѣлѣ своего гражданственнаго и экономическаго развитія правильно, выполнитъ свою историческую задачу съ полнымъ успѣхомъ, съ честью и достоинствомъ, отдаленному же потомству его не придется, подобно намъ, мучиться сознаніемъ, что благодатныя, общечеловѣческія начала и условія русскаго историческаго развитія съумѣли оцѣнить своевременно и утвердить

окончательно — не мы сами, а иностранцы, и притомъ, легко быть можетъ, на нашъ же собственный счетъ.

Въ то время, какъ, ослѣпленные европейской культурой, мы всѣми правдами и неправдами усиливаемся выкраивать наши бытовые порядки по чуждому намъ образцу, на Западѣ приходятъ уже къ убѣжденію въ несостоятельности этого образца, и сворачиваютъ на ту дорогу, съ которой многіе у насъ желали бы сойти въ что бы то ни стало. Непонятное, роковое ослѣпленіе!!... «Неправда, говорилъ въ 1869 г. съ нѣмецкой трибуны, тотъ же Швейцеръ, слова котораго мы приводили не одинъ разъ, неправда, что соціализмъ стремится отмѣнить собственность. Какъ теперь, такъ и при господствѣ соціализма, каждый человѣкъ будетъ имѣть въ полной собственности всѣ предметы своего непосредственнаго потребленія, но *орудія производства* должны составлять *собственность общественную*, такъ какъ только этимъ путемъ возможно придать распредѣленію, которое теперь несправедливо, характеръ справедливости».

Насколько предлагаемая нами поземельная община-собственникъ удовлетворяетъ тѣмъ изъ требованій такъ-называемаго «соціализма», справедливость и разумность которыхъ признаютъ или должны признать даже и противники его,—объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей стороны, мы сдѣлаемъ только еще одно замѣчаніе. Изъ обыденныхъ возраженій противъ нашего общиннаго устройства, мы еще ни разу не упоминали о томъ, къ сожалѣнію, весьма ходячемъ мнѣніи, что личный составъ нашихъ крестьянскихъ обществъ сложился подъ давленіемъ разныхъ принудительныхъ обстоятельствъ, а не на основаніи *добровольнаго соглашенія*. Практическое значеніе этого замѣчанія приводится все къ тому же источнику, которому мы обязаны существованіемъ «срочно-аренднаго винта» и усиліямъ подчинить крестьянское землевладѣніе исключительно *частному* праву.

Закрѣпленіе крестьянъ къ землѣ застало ихъ конечно въ общинахъ, волостяхъ, личный составъ которыхъ сложился во всякомъ случаѣ *добровольно*. Отрицать это, значило бы не вѣдать бытовыхъ условій древней Руси. Дальнѣйшая колонизація русскихъ людей совершалась или властью помѣщика, или мѣрами правительства, или же путемъ самовольныхъ переселеній, при чемъ главнѣйшая роль выпадаетъ, какъ общеизвѣстно, на послѣдній способъ разселенія. Допуская, что власть помѣщика передвигала крестьянъ изъ мѣста въ мѣсто безъ предварительнаго соглашенія съ ними, даже вопреки ихъ положительному желанію, мы однако не можемъ согласиться, чтобы это было такъ во *всѣхъ* случаяхъ помѣщичьихъ переселеній. Напротивъ, правительствен-

ныя переселенія, уже на оборотъ, носятъ такой характеръ только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ огромномъ же большинствѣ они являются *особою милостью*, дарованною крестьянамъ по ихъ же настоятельнымъ ходатайствамъ. Наконецъ, по меньшей мѣрѣ было бы странно утверждать, что крестьянскія общины, составившіяся изъ бѣглыхъ или «самовольныхъ» переселенцевъ, сложились не на основаніи добровольнаго соглашенія самихъ общинниковъ. Мы отвергаемъ эту мысль на основаніи здраваго смысла, бытовой исторіи русскаго народа и *нагляднаго личнаго* опыта. Такимъ образомъ, повальное отрицаніе въ нашихъ общинахъ добровольнаго соглашенія мы не можемъ не признать за наивный предразсудокъ или чистое заблужденіе. Но еслибы даже допустить безусловную справедливость этого предположенія, то что же отсюда слѣдуетъ?.... Неужели мы были бы правы, повально ломая общину безъ оглядки и разсужденія?!... Вѣдь какимъ бы путемъ ни сложилась община, по принужденію ли, или по добровольному соглашенію, развѣ она не дѣйствительный, вполнѣ органическій фактъ нашей бытовой жизни, не фактъ, требующій отъ насъ самаго серьезнаго вниманія?... И какой же практическій или даже лишь теоретическій смыслъ могутъ имѣть въ отношеніи этого факта подобныя разсужденія, какія предлагаются русскому обществу, напримѣръ, въ журналѣ «Сельское хозяйство и Лѣсоводство» статьею г. Шилова «Сельско-хозяйственныя ассоціаціи»? Развѣ въ нашей колонистской общинѣ, на дѣлѣ гораздо разнообразнѣе, нагляднѣе, практичнѣе и удобопонятнѣе, мы не находимъ воплощенными въ кровь и плоть всѣ тѣ виды «осѣдлыхъ» ассоціацій, на которыя указываетъ г. Шиловъ, какъ на нѣчто намъ совершенно незнакомое, новое, многознаменательное?..... Съ г. Шиловымъ случился обыкновенный грѣхъ нашихъ экономистовъ: ослѣпленный блескомъ пирамидальной головы европейскаго общества, онъ у себя дома «слона-то и не примѣтилъ», просмотрѣлъ того именно ассоціаціоннаго слона, безъ котораго всѣ его западно-европейскія «сельско-хозяйственныя ассоціаціи» витаютъ на воздухѣ, между небомъ и землей, суля Россіи нѣчто въ родѣ безчисленнаго множества цыганскихъ таборовъ. Хороша картина нашей будущности, съ милліонными, странствующими изъ конца въ конецъ громадной Руси артельными ордами!!... Намъ конечно нужны не эти таборы. Намъ необходимы вполнѣ осѣдлыя, благоустроенныя общины, въ родѣ нашихъ колонистскихъ общинъ, а не оторванныя отъ земли артели, которыя, чего добраго, легко могли бы принять направленіе калабрійскихъ шаекъ или ирландскихъ артелей: «Молли-Могайровъ» и «лен-

товщиковъ». Но этого мало; рядомъ съ осѣдлыми, нормально организованными общинами, исполняющими, каждая въ отдѣльности, обязанности соціальнаго громоотвода, намъ нужны еще и вполнѣ *осѣдлые* хозяева-землевладѣльцы, которые, развивая улучшенное хозяйство во всеоружіи европейской культуры, были бы способны стоять во главѣ промышленно-хозяйственнаго развитія страны, какъ образцы для нашихъ общинъ-собственниковъ и ихъ правомѣрные конкурренты. И усвоивши себѣ эту цѣль, землевладѣльцамъ нашимъ, быть можетъ, не помѣшало бы вспомнить объ указѣ Петра I, 23-го марта 1714 г. («Наши колоніи», стр. 18 и 19), объ указѣ, въ которомъ нельзя не видѣть попытку организовать и частное землевладѣніе по началамъ, впослѣдствіи получившимъ свое примѣненіе въ особомъ «мірскомъ поземельномъ правѣ» колоній.

Итакъ, примите исходною точкою *существующее* землевладѣніе крестьянъ и частныхъ собственниковъ, внесите въ *существующіе* виды поземельнаго владѣнія ту организацію и тѣ гарантіи, на которыя мы указываемъ, а затѣмъ уже предоставьте дальнѣйшую работу самой жизни, свободной конкурренціи и ассоціаціи, словомъ — здравому смыслу народа. Повѣрьте, все то, о чемъ многіе такъ краснорѣчиво распространяются, все это окажется лишь малой и притомъ жалкой долей тѣхъ успѣховъ и усовершенствованій, какія выставитъ такая поземельная организація, которая ни коимъ образомъ не увлечется на путь насильственныхъ переворотовъ, канунъ которыхъ чувствуется во всякомъ соціальномъ движеніи Запада.

Таковъ покрайней мѣрѣ результатъ, къ которому привелъ насъ анализъ бытовыхъ условій нашихъ колонистскихъ общинъ. А наши либералы-экономисты, путаясь въ разныхъ политико-экономическихъ теоріяхъ Запада, повидимому, вовсе не замѣчаютъ, что принятые ими на вѣру кумиры, разоблачаемые нынѣ въ соціальномъ смыслѣ, большею частію и по самой сущности своей оказываются и для самой западной Европы вполнѣ несостоятельными. «Хлопотали, говоритъ въ этомъ отношеніи Г. Леонгардъ [1]), и хлопочутъ всѣ о Rechtsstaat'ѣ въ родѣ англійской конституціи съ цензомъ, держа римскій кодексъ въ умѣ и аристотелевскій Sclavenstaat — въ идеяхъ». Но, какъ сказано, теперь и на Западѣ направленіе умовъ измѣнилось радикально. Еще недавно, въ баденской камерѣ даже Блунчли—этотъ обще-

---

[1]) «Нѣсколько словъ» и т. д., стр. 35.

извѣстный защитникъ Rechtsstaat'a, обронилъ весьма знаменательныя въ его устахъ слова: «На совѣсти образованныхъ классовъ, говоритъ онъ, накопилось весьма не мало упущеній въ отношеніи класса рабочаго: настала пора исправить эти упущенія, хотя бы ради того только, чтобы съ этой стороны уменьшить опасность возмездія». И кто слѣдитъ вообще за соціальнымъ движеніемъ въ Европѣ, тотъ не могъ конечно не обратить самаго серьезнаго вниманія, между прочимъ, и на полемику, происходившую въ концѣ прошлаго года въ прусскихъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ по поводу столкновеній, въ Вальденбургѣ, рабочаго класса съ «хозяевами», отказавшими въ работѣ «всѣмъ членамъ рабочихъ ассоціацій». Отзывъ по этому событію Шульце-Делича, этого quasi-«короля въ царствѣ соціализма», находившаго въ «стачкѣ» вальденбургскихъ хозяевъ «стѣсненіе полной свободы коалиціи или коопераціи», вызвалъ цѣлый рядъ статей въ «National-Zeitung» и особенно въ органѣ графа Бисмарка «Norddeutsche Allg. Zeitung». Оставаясь вполнѣ вѣрною той основной мысли «экономистовъ», или, въ прусскомъ смыслѣ, «либераловъ», что въ силу коалиціоннаго права каждый индивидуумъ, въ отдѣльности, долженъ пользоваться тѣми же правами, какія принадлежатъ коллективной личности, «National-Zeitung» находитъ, что вальденбургскіе хозяева, согласившись между собою отказывать въ работѣ *членамъ* рабочихъ ассоціацій, воспользовались въ этомъ случаѣ только своимъ личнымъ правомъ по принципу свободной коопераціи; и что мнѣніе «маститаго мужа» по вопросу, «столь родственному грандіознымъ стремленіямъ всей его жизни», несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія; но,... Но, тѣмъ не менѣе, по заключеніямъ «National-Zeitung», это мнѣніе Шульце совершенно ложное. Что же касается органа графа Бисмарка, то имъ прямо и вообще отрицается у Шульце-Делича всякая состоятельность въ соціальныхъ вопросахъ. «Вчера,—отзывается одна изъ декабрскихъ передовыхъ статей названнаго органа,—мы выяснили тотъ circulus vitiosus, изъ котораго г. Шульце не въ силахъ высвободиться, обсуждая вальденбургскую стачку. Желая узнать ту силу, которая понуждаетъ его такъ неуклонно и безъ возможности спасенія вращаться все въ одномъ и томъ же, какъ-бы заколдованномъ кругѣ, намъ необходимо возвратиться къ основной мысли «либерализма», признающей за аксіому, что всѣ функціи «государства» будто бы вполнѣ исчерпываются осуществленіемъ Rechtsstaat'a. Будучи приворожены къ кабалистическому кругу этой юридической формулы, всѣ исповѣдующіе ее видятъ себя совершенно безпомощными предъ лицомъ явленій

дѣйствительной жизненной борьбы, такъ какъ явленія эти, по самой природѣ своей, не укладываются въ рутинныя рамки обыкновеннаго судебнаго процесса, а по своему относительному смыслу, ему и до сего времени даже не подчинены. Слишкомъ часто забываютъ, что равноправіе, какъ формула юридическая, получаетъ силу дѣятельнаго фактора *не изъ самого себя*; что формула эта оставалась бы мертвой буквой, если бы не было на лицо того высшаго *понудительнаго* режима, которымъ, независимо отъ различія силъ и средствъ борющихся элементовъ, реализируются въ жизни и истинная справедливость и дѣйствительное право. Представимъ себѣ, что такого режима не существуетъ. Съ самаго этого момента всѣ споры, существующіе между *равноправными* партіями, будутъ разрѣшаемы уже не на основаніи права, а лишь соотвѣтственно тому пропорціональному отношенію *силъ*, въ какомъ находятся другъ къ другу борющіяся партіи. Такъ, напримѣръ, два лица спорятъ о правѣ на владѣніе какимъ-либо предметомъ; положимъ, что оба они признаны вполнѣ равноправными, но что въ тоже время они не подчинены ничьему понудительному приговору;... и спорный предметъ, по необходимости, перейдетъ въ руки болѣе сильнаго, въ руки именно той изъ спорящихъ сторонъ, которая достаточно сильна, чтобы или отнять спорный объектъ у своего противника, или защитить его отъ притязаній послѣдняго. Но какъ скоро въ этомъ хаосѣ является высшій регулирующій факторъ, съ того момента, *но только именно съ этого момента*, формула равноправія дѣлается живою силою. «До этого, прибавляетъ «Nordd. Allg. Zeitung», формула равноправія является только фикціею, и, ставя практическое приложеніе гарантируемыхъ правъ въ полную зависимость отъ различія индивидуальныхъ силъ, *не даетъ равноправія*; все же, признаваемое ею въ конечныхъ выводахъ за право, есть не что иное, какъ *право сильнѣйшаго*. Таково было состояніе «до-государственнаго» человѣчества, при которомъ право индивидуума равнялось, правда, его относительной личной силѣ, но въ этой же силѣ находило и свое неизмѣнное ограниченіе, такъ что здѣсь менѣе сильный всегда являлся и менѣе правоспособнымъ, а безсильный постоянно и вполнѣ безправнымъ».

«Перенося затѣмъ—заключаетъ «Nordd. Allg. Zeitung»—формулу равноправія, съ устраненіемъ высшаго регулирующаго режима, въ сферу экономическихъ интересовъ, мы и здѣсь закрѣпощаемъ (консервируемъ) не что иное, какъ экономическое положеніе того же до-государственнаго человѣчества. Мы предоставляемъ спорящимъ сторонамъ *равныя права*, но то *право*, которое является результатомъ *спора о правахъ*, представляется

уже *не равноправіемъ*, а напротивъ, соотвѣтственно неравенству спорящихъ сторонъ, и *правомъ неравнымъ*! Вотъ реальныя послѣдствія отъ послѣдовательнаго примѣненія къ соціальному быту формулы равноправія въ смыслѣ либераловъ! *И пока «либерализмъ» не откроетъ глазъ предъ этой реальностью; до тѣхъ поръ онъ окажется неспособнымъ регулировать наши соціальныя условія»*. Этотъ голосъ очевидно отзывается уже чѣмъ-то антиконституціоннымъ!

Что̀ же, спросимъ мы, означаетъ теперь наивный лепетъ нашихъ доморощенныхъ экономистовъ, на путь которыхъ увлекся и г. Шиловъ, ставя основными началами нашихъ «сельско-хозяйственныхъ ассоціацій» *исключительно*—«самопомощь» и «добровольное личное соглашеніе» т.-е. начала, предъ которыми преклоняемся и мы, но только не въ смыслѣ нашихъ экономистовъ и tutti quanti?! Многіе любятъ указывать въ этомъ случаѣ на примѣръ Англіи, этой классической страны «самопомощи и свободы ассоціацій». Что̀ же творится тамъ теперь, въ новѣйшее время?... Въ той же «Nordd. Allg. Zeitung», мы находимъ по этому предмету замѣтку «о протекціонистскомъ движеніи въ Англіи».

«Еще не очень давно, говоритъ авторъ этой замѣтки, признавалось за непреложную истину, что всѣ стремленія истиннаго «либерала» должны быть направлены прежде всего къ тому, чтобы всячески отстранять «государство» какъ отъ взаимныхъ бытовыхъ отношеній индивидуумовъ, такъ и вообще отъ всякихъ прямыхъ заботъ объ общихъ хозяйственно-промышленныхъ и соціальныхъ интересахъ общества. Laissez faire, laissez passer, вотъ что̀ служило девизомъ дня; а если недоставало доказательствъ въ пользу непогрѣшимости этого принципа, то въ помощь ему всегда являлась еще другая аксіома; а именно: «Разумное себялюбіе индивидуума неминуемо приводитъ къ общему благу; слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ, намъ недостаетъ развѣ еще немного просвѣщенія, хотя мы, либералы, и въ этомъ отношеніи ушли уже далеко». Проповѣдники и адепты этого ученія, продолжаетъ замѣтка, и теперь еще выискиваются въ большомъ числѣ повсюду въ западной Европѣ, но первые провозвѣстники, патріархи его принадлежатъ Англіи. И не многознаменателенъ-ли, не достоенъ-ли нашего полнаго вниманія тотъ несомнѣнный фактъ, что именно въ этой Англіи, въ этой колыбели манчестерства, и при томъ *именно тѣ партіи*, которыя усвоили себѣ знамя истинно либеральныхъ реформъ и общественнаго прогресса, нынѣ во всевозможныхъ сферахъ бытовыхъ интересовъ окончательно отвер-

гаютъ принципъ безусловной индивидуальной свободы, эту панацею устарѣвшихъ воззрѣній, и требуютъ прямого посредничества государственной власти, какъ во имя соціальной справедливости, такъ и ради національныхъ общихъ интересовъ? Мы не говоримъ ни о передачѣ въ руки правительства всего телеграфнаго дѣла, ни о предложеніи — примѣнить ту же мѣру и къ управленію желѣзными дорогами. Можно-бы возразить, что въ этомъ случаѣ дѣло касается чисто техническихъ вопросовъ. Но всматриваясь глубже въ стремленія, въ новѣйшее время заявляющія о себѣ въ самомъ лонѣ англійскаго общества, мы, на всѣхъ этихъ проявленіяхъ, не можемъ не замѣтить прежде всего требованія объ установленіи своего рода протекціонизма, т.-е. того, что всѣ эти требованія сводятся къ одной цѣли—вызвать такую заботу государства въ пользу индивидуума и слабѣйшихъ классовъ, которая выходитъ далеко за предѣлы обыкновенныхъ гарантій частнаго права. Такъ, еще очень недавно, крайняя фракція прогрессистовъ выступила съ реформистскою программою національнаго воспитанія. Главнѣйшее требованіе этой программы заключается въ установленіи принципа «общеобязательности школьнаго обученія» и въ учрежденіи надъ школою правительственнаго контроля. Что взаимныя отношенія арендаторовъ и землевладѣльцевъ въ Ирландіи нуждаются въ регулированіи со стороны государственной власти,—эта необходимость многократно тоже признана либеральною партіею; если же Гладстонъ не внесетъ въ палату билля, исходящаго изъ этого основнаго начала, то единственною причиною тому будутъ лишь крайности феніанизма. Но, въ новѣйшее же время, посредничества государства начинаютъ добиваться и англійскіе фермеры, домогаясь установленія опредѣленной нормы того вознагражденія, которое арендаторъ въ правѣ требовать отъ землевладѣльца за улучшенія, произведенныя на его землѣ арендаторомъ. Сельско-хозяйственная камера въ Стафордширѣ сдѣлала уже въ этомъ смыслѣ предложенія, и эти предложенія вполнѣ одобрены однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ ея членовъ, лордомъ Лихфильдомъ. По мнѣнію послѣдняго, землевладѣльцы окажутся отъ такой мѣры въ несомнѣнной выгодѣ, такъ какъ она поощритъ фермеровъ къ затратамъ на улучшенія своихъ арендныхъ участковъ и ихъ почвы, но не оставитъ безъ вознагражденія и фермеровъ, которымъ гарантируется возвращеніе затраченнаго капитала. Что государство не должно оставлять на произволъ судьбы нуждающіеся классы,—движеніе въ этомъ смыслѣ пропагандируется въ Англіи и въ сферѣ политико-торговыхъ интересовъ. «Мы оставляемъ въ сторонѣ, сказано въ цитированной нами замѣткѣ,

«Trades'unions» и «Internationale», которыя, не домогаясь ни свободы торговли, ни протекціонизма въ нашемъ смыслѣ, требуютъ однако *вполнѣ новой организаціи работы* на основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣ существующихъ. Но».... но довольно. Намъ, вмѣстѣ съ авторомъ замѣтки, хотѣлось только констатировать здѣсь тотъ фактъ, *что нынѣ уже и въ Англіи, во всѣхъ возможныхъ сферахъ, либерализмъ опытнымъ путемъ вынужденъ къ сознанію, что системою «невмѣшательства государства» и принципами «абсолютной самопомощи», «свободной конкуренціи» и т. д. не обезпечиваются ни соціальная справедливость, ни ненарушимость общественной организаціи,* безъ которыхъ, въ свою очередь, немыслима разумная, возможно-полная, индивидуальная свобода гражданина.

Наконецъ, рѣшительный поворотъ въ политической системѣ Франціи по необходимости и здѣсь выдвигаетъ на первый планъ вопросы о коренныхъ соціальныхъ реформахъ. «Съ настоящаго времени, говоритъ по этому поводу «Constitutionnel», можно предвидѣть, что чисто политическіе вопросы потеряютъ свой прежній интересъ и свое прежнее преобладающее значеніе. Реформы, вошедшія въ программу нынѣшняго правительства, въ видахъ какъ поднятія уровня общинной и провинціальной жизни, такъ и расширенія арены для индивидуальной дѣятельности; преобразованія въ судебномъ институтѣ, въ экономическомъ и соціальномъ быту народа, преобразованія, обѣщающія улучшить личное положеніе каждаго въ отдѣльности и поднять народное благосостояніе вообще, словомъ, реально-политическіе вопросы займутъ въ обществѣ первенствующее, господствующее мѣсто.

Вотъ тѣ ясно сознаваемыя цѣли, которыя руководятъ и народными массами и стоящими у руля «кормчими» европейскаго Запада. И вникая въ сущность этихъ задачь Запада, намъ нельзя не согласиться вполнѣ съ мыслію г. Леонгарда, что «европейскій человѣкъ идетъ на встрѣчу одному праву, одному закону», т.-е. стремится къ тому же конечному выводу исторически бытового развитія, который неминуемо долженъ быть результатомъ и нашихъ собственныхъ коренныхъ реформъ. Разница не въ сущности, а лишь въ пріемахъ, какими и здѣсь, и тамъ достигаются однѣ и тѣ же конечныя цѣли; различіе же это въ свою очередь обусловлено не менѣе рѣзкими контрастами въ исторіи Востока и Запада Европы.

Но что же дѣлаемъ мы у себя дома, чтобы неокончательно отстать отъ общаго движенія Европы по одному и тому же направленію? Какъ пользуемся мы тѣми неисчерпаемыми матеріальными средствами, которыми столь щедро надѣленъ нашъ на-

родъ, и тѣми благопріятными поземельными и общинно-бытовыми условіями, въ которыхъ, въ смыслѣ матеріальной же возможности къ лучшему обезпеченію насущныхъ нуждъ народной *массы*, застаетъ у насъ эту массу могучее соціальное движеніе Запада?... Мы... мы неисправимо повторяемъ устарѣлые зады, главнымъ образомъ тѣ зады «нашихъ учителей», отъ которыхъ они, или послѣдователи ихъ, сами отказались уже давно или спѣшатъ отречься нынѣ, сознавъ всю ихъ несостоятельность. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно и осмысленно заняться окончательнымъ развитіемъ нашего поземельно-общиннаго построенія, мы пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы путемъ юридическаго насилія сломить эту панацею крестьянства, взваливая исключительно на ея безотвѣтныя плечи всю вину такихъ историческихъ ошибокъ, роковыя послѣдствія которыхъ могли быть вынесены до извѣстной степени *только одной неорганизованною юридически общиной*, но никакою иною формою поземельнаго построенія. Во всевозможныхъ политико-экономическихъ вопросахъ мы и по сіе время не перестаемъ поклоняться исключительному господству *частнаго* права, «самопомощи», «свободной конкурренціи», «стимулу личной инціативы» и т. д. и т. д. этимъ, въ извѣстномъ смыслѣ, уже заѣзженнымъ конькамъ нашихъ экономистовъ. Волостные банки мы признаемъ за «наивную» мечту, полагая «единственно возможною и раціональною формою» народнаго кредита «ссудныя товарищества по образцу шульце-деличевскихъ». Наиболѣе раціональную, т.-е. наименѣе измѣнчивую единицу податного обложенія — *поголовный окладъ рабочаго* мы отвергаемъ, предпочитая ему какой-то «дворъ», который въ нашихъ крестьянскихъ селеніяхъ, при отсутствіи тамъ и тѣни *правильнаго* подворно-общиннаго построенія, есть полнѣйшая фикція, нѣчто въ родѣ «дверей», «оконъ», и вообще «отверстій въ жилищахъ» во французской системѣ обложенія. Словомъ, подчиняя крестьянское землевладѣніе частному праву, оставляя на «податномъ» классѣ всю тягу податей и повинностей и прилаживая сюда подоходно-прогрессивные фискальные винты казны и земства, мы гонимъ этотъ «классъ» въ два кнута на встрѣчу полнѣйшему разоренію, обезземеленію и батрачеству. При этомъ, мы упорно отворачиваемся отъ сознанія, что вся бѣда нашего крестьянства заключается *прежде всего* въ отсутствіи правильной организаціи его общественно-хозяйственныхъ средствъ и распорядковъ, а затѣмъ уже и въ полнѣйшемъ его невѣжествѣ и совершенномъ несоотвѣтствіи съ нынѣшнимъ хаосомъ крестьянскаго хозяйства—*самаго размѣра* податно-повинной тяги, которая при иныхъ, лучше организованныхъ общинныхъ распорядкахъ и

при нѣкоторомъ лишь интеллектуальномъ развитіи нашего рабочаго люда, оказалась-бы для него не только выполнимою, но даже и не особенно тяжелою, оставляя въ пользу фиска *непочатою* обширнѣйшую область частнаго, нынѣ привилегированнаго, землевладѣнія.

И повторяя на всѣ лады весь этотъ хламъ, эти уже давнымъ-давно негодные зады, мы вполнѣ пребываемъ въ самодовольномъ уповаціи, что дѣлаемъ дѣло и честно, даже не безъ пользы, служимъ нашему «излюбленному отечеству»!... Нѣтъ, Россія вдвинулась въ Европу благодаря своей физической силѣ и господству здѣсь до сего времени права сильнѣйшаго. Но настала пора, что рѣшительный перевѣсъ, даже въ международныхъ сношеніяхъ, возьмутъ — умъ, просвѣщеніе, знанія, словомъ, не мишура, не верхоглядство, а истинная, реальная «цивилизація». Въ виду этого, самодовольное повтореніе устарѣлыхъ задовъ, да притомъ еще и слѣпо, безъ сознанія, съ чуждаго образца, нужно отбросить. Необходимо скорѣе настежъ раскрыть всѣ двери для русскаго ума и русской самостоятельной мысли; нужны полный просторъ и самостоятельность русской умственной и хозяйственной дѣятельности, нуженъ самобытный критическій анализъ нашего соціально-юридическаго и экономическаго построенія, а главнымъ образомъ, необходима безотлагательная организація нашего народнаго труда, его поземельныхъ средствъ и т. д., что уже вполнѣ въ нашихъ рукахъ и не потребуетъ медленнаго процесса десятилѣтій, какъ, напримѣръ, забота о народномъ образованіи.

И еслибы у насъ не было иной вѣры, иныхъ упованій, кромѣ безвѣрія въ *универсальную непогрѣшимость началъ*, проповѣдуемыхъ нашими «экономистами», «финансистами» всѣхъ возможныхъ красокъ и оттѣнковъ; еслибы эти начала оставалось примѣнять дѣйствительно только въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ они передаются намъ, и дѣйствительно не представлялось никакихъ иныхъ способовъ ихъ примѣненія, какъ только въ видѣ такихъ мѣръ, каковы, напримѣръ, наши податные проекты и опубликованный прошлою осенью фискально-недоимочный аппаратъ для обезпеченія (?!) уплаты крестьянами-*собственниками* своихъ выкупныхъ платежей, то, безъ всякаго сомнѣнія, только и оставалось-бы намъ, огуломъ и безпрекословно, принять на себя печать «ташкентца», какъ вполнѣ заслуженное клеймо нашего полнѣйшаго безсилія въ смыслѣ не только бытового, но и государственнаго устроенія.

А. Клаусъ.

ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе)

X.

ИЛЬИНЪ ДЕНЬ.

Имѣніе Новоселова находилось верстахъ въ пяти отъ Карповыхъ, вблизи деревни Вязовки, состоявшей изъ двадцати крестьянскихъ дворовъ. Ветхій господскій домъ, съ полуразвалившимися сараями и конюшнями, стоялъ особнякомъ, раздѣляясь отъ деревни глубокимъ оврагомъ, черезъ который перекинутъ былъ мостъ. Около барскаго дома находился прудъ, заиленый до того, что въ жаркіе дни скотина входила въ него на самую средину по колѣни.

Въ полуверстѣ отъ Вязовки протекала небольшая рѣчка съ мельницей и толчеей, на которыхъ издавна росла крапива и нѣсколько молодыхъ березъ, наглядно знакомившихъ путника съ распространеніемъ растеній при пособіи вѣтра, но мало говорившихъ въ пользу владѣльца этихъ заведеній.

Среди Вязовки красовался кабакъ съ мелочной лавочкой, откуда крестьяне брали соль, деготь и другіе товары, платя за нихъ почти вдвое дороже противъ городского, особенно въ осеннее время. Цѣловальникъ зналъ всѣ статьи новаго положенія, на основаніи которыхъ, какъ онъ увѣрялъ, производилъ съ крестьянъ взыски за долги не деньгами, а натурой, и притомъ безъ всякихъ формальныхъ судовъ, по мнѣнію самихъ крестьянъ, отнимавшихъ только время.

На барскомъ дворѣ во флигелѣ, состоявшемъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, помѣщался арендаторъ съ семействомъ. Онъ былъ изъ дворовыхъ и управлялъ когда-то имѣніемъ своего барина, но съ объявленіемъ воли приписался къ мѣщанамъ и сталъ заниматься арендой. Въ послѣднее время онъ пришелъ къ убѣжденію, что сельскимъ хозяйствомъ заниматься не стоитъ: «урожаи стали плохіе, земли вздорожали, съ рабочими никакъ не сообразишь. То ли дѣло, разсуждалъ онъ, состоять на коронной службѣ;— всегда сухъ, тепелъ; накупилъ акцій желѣзныхъ дорогъ или билетовъ внутренняго займа — и покуривай сигару; а тамъ, глядь, билеты поднялись въ цѣнѣ, или выигрышъ тысячъ въ десять....»

Рядомъ съ заросшимъ травою барскимъ домомъ стояла русская изба съ рѣзнымъ крыльцомъ, выстроенная на случай пріѣзда барина; надъ ея крышей возвышалась скворечница,—утѣха барскаго караульнаго, одинокаго старика. Во внутренности избы отгорожена была отдѣльная комната, которую украшали картины: отецъ Серапіонъ, кормящій изъ рукъ медвѣдя, затворникъ Іоаннъ и пр.

На Ильинъ день, послѣ обѣдни, арендаторъ подъѣхалъ на дрожкахъ къ своему флигелю и, увидавъ толпу мужиковъ, шедшихъ къ барскому дому, спросилъ:

— Куда это вы, ребята?

— Да велѣно сбираться къ барину; должнó насчетъ сѣнокосу....

Пришедши въ комнату и повѣсивъ картузъ близъ старинныхъ часовъ, съ футляромъ до самаго потолка, арендаторъ обратился къ женѣ и сидѣвшему съ ней за самоваромъ, цѣловальнику:

— Съ праздникомъ!

— И васъ съ тѣмъ же, Алексѣй Митричъ, проговорилъ цѣловальникъ, выходя изъ-за стола и подавая руку хозяину.

Арендаторъ одѣлилъ всѣхъ, не исключая и дѣтей, возившихъ по полу бумажнаго коня, по кусочку просфоры и сѣлъ за столъ.

— Что-жъ не въ кабакѣ? спросилъ онъ цѣловальника.

— Тамъ есть кому безъ меня.... жена справится. Сами знаете, не добро быть человѣку едину....

Арендаторъ тряхнулъ кускомъ сахару надъ чайнымъ блюдцемъ.

— Зачѣмъ-то баринъ велѣлъ мужикамъ сбираться, сказалъ онъ.

— То-то и я подошелъ развѣдать: не будетъ ли нашему брату какой поживы? Что-нибудь баринъ хочетъ затѣять.

— Аль думаешь поддѣлаться къ нему?

— Отъ чего же?... Баринъ россейскій! онъ залетитъ опять въ Питеръ, а намъ пить, ѣсть надо.... Я прошлое лѣто снялъ у Горшковыхъ сто десятинъ по три рубля, а мужикамъ роздалъ по семи, а хорошенькую по десяти....

— Ничего! одобрительно проговорилъ хозяинъ.

— Да вѣдь въ долгъ, Алексѣй Митричъ; ждать до новины. Вонъ Карпухины должны мнѣ двадцать рублей, плотникъ Ѳедосѣй — шестьдесятъ, и безъ всякихъ росписокъ.

— Неужли ваши деньги не пропадаютъ за мужиками? спросила хозяйка.

— А Богъ-то? возразилъ цѣловальникъ: вѣдь у всякаго человѣка, Марья Прокофьевна, совѣсть есть: ежели я съ вами, будемъ говорить съ глазу нá глазъ, Богу помолился и вы человѣкъ благородный, развѣ вы отопретесь отъ своихъ словъ? Опять небойсь у васъ на дворѣ есть какая-нибудь скотинишка.... вотъ какое дѣло....

Всѣ помолчали. Цѣловальникъ, опрокинувъ чашку и перекрестившись, началъ:

— Вотъ бы вамъ, Алексѣй Митричъ, подбиться къ погорѣловскому графу.... хоть бы насчетъ лѣсу.... ужъ и статья! одновá дыхнуть!... А баринъ — угаръ! онъ слова не скажетъ.... человѣкъ то же, надо прямо говорить, благородный....

— Однако, село-то его сгорѣло!

— Да!... отъ молоньи.... говорятъ, ударило прямо въ Енихванову избу.... мужики-то были на покосѣ.... какъ есть все въ чистую рѣшило.... Такъ теперь стоитъ одинъ господскій домъ....

Въ это время арендаторъ взглянулъ въ окно и сказалъ:

— Баринъ пріѣхалъ.

— Съ мировымъ посредникомъ, подхватила жена: и старшина съ писаремъ.... что-нибудь не такъ.... Сходи, Алексѣй Митричъ, узнай, что̀ такое?

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ цѣловальникъ и обратился къ хозяйкѣ: — Благодаримъ покорно за угощеніе. Къ намъ просимъ милости....

— Ваши гости....

Арендаторъ и цѣловальникъ отправились въ барскій домъ; у крыльца стоялъ тарантасъ, нѣсколько телѣгъ, и толпился народъ. Мужики разсуждали:

— Смотри, ребята: въ случаѣ чего.... ежели насчетъ старшины, — надо выбирать кого поаккуратнѣй.... чтобы за насъ умѣлъ сказать слово....

— Кого-жъ выбирать? раздались голоса.

— Да на что лучше Якова Калистратова?

— Постой! не хочетъ ли баринъ отбить у насъ Карнауховъ верхъ....

— Не шумите! закричалъ сельскій староста, выходя изъ сѣней: сейчасъ разверстка будетъ...

— Братцы вы мои! заговорилъ народъ...

— Что̀-то будетъ!...

Послышались тяжкіе вздохи, сдержанный шопотъ. Мужики вдругъ смолкли. На крыльцѣ появилось начальство. Съ минуту длилась тишина; слышно было, какъ по двору пищали цыплята, надъ которыми въ вышинѣ носился коршунъ.

— Ну, ребята, объявилъ посредникъ, держа въ рукахъ бумагу: вы должны благодарить Бога, что избавились отъ черезполосицы: размежеваніе кончилось и вамъ остается разверстаться съ вашимъ бариномъ. Такъ какъ вашъ поселокъ стоитъ далеко отъ водопою, то Андрей Петровичъ рѣшился отдать вамъ ту часть, которая могла бы преграждать путь къ рѣкѣ, то-есть онъ уступаетъ вамъ съ надѣломъ удобной и неудобной, по урочище Дубровный-Логъ, Парахинъ-Верхъ и Живое-Урочище — рѣку Осетръ, сколько на планѣ значится. Сверхъ того онъ уступаетъ вамъ небольшую рощицу, которая находится въ этомъ надѣлѣ. Что касается до вашихъ повинностей, то онѣ вами уже уплачены, когда дача находилась въ черезполосномъ владѣніи. Я очень радъ, продолжалъ посредникъ, что вы теперь справитесь; мнѣ будетъ легче сбирать съ васъ подати.

Посредникъ обратился къ барину вполголоса: «Бѣда съ этими сборами; исправникъ отъ того и отказался отъ должности.»

— Само собою разумѣется, объявилъ онъ мужикамъ, какъ люди темные, вы можете во зло употребить данныя вамъ средства.... Будьте осторожны, и въ случаѣ нужды не откажитесь помочь барину.

— Что же вы молчите? кивнувъ головой мужикамъ, подхватилъ старшина.

— Завсягда.... съ нашимъ удовольствомъ, заговорили мужики: — послѣднимъ подѣлимся....

— За этакой надѣлъ надо благодарить своего господина, сказалъ старшина, сходя съ крыльца и приготовляясь произнести рѣчь мужикамъ. Онъ сталъ къ нимъ лицомъ, поднялъ руку вверхъ и объявилъ:

— Таперича вамъ, къ примѣру, надо жить степенно, чтобы все было какъ слѣдуетъ: пуще всего не надобно займаться пьянствомъ.... да насчетъ поданѐй быть исправными.... потому

что хорошаго — доводить себя до этого? И какое ежели дѣло насчетъ уборки хлѣба господамъ, то они завсегда наши благодѣтели, — и безпримѣрно жить въ аккуратѣ! другъ друга не обижать, начальства не ослушаться.... соблюдать себя въ обхожденіи обàполо благородства.... въ случаѣ чего прямо ко мнѣ, — я васъ окорочу....

Старшина посмотрѣлъ на посредника, доставая изъ шляпы платокъ, чтобы утереть съ своего лица катившійся потъ. Посредникъ жестомъ далъ ему знать, что рѣчь его произвела впечатлѣніе. Старшина отошелъ въ сторону.

— Кто изъ васъ грамотные? объявилъ писарь: подходите....

— Ну, теперь ступайте домой! сказалъ посредникъ. Вотъ какъ господа объ васъ заботятся: умѣйте цѣнить и пользоваться такими благодѣяніями.

Мужики, держа въ рукахъ шапки, одинъ за другимъ потянулись съ барскаго двора. Вскорѣ всей ватагой они очутились въ кабакѣ, куда пришелъ и цѣловальникъ.

— Ну, ребята, объявилъ послѣдній: вамъ теперь ничего не остается дѣлать, какъ взять сороковую бочку вина....

— Ой ли? подхватили мужики.

— Вѣрно! потому изволишь видѣть, выкладывая на счетахъ, говорилъ цѣловальникъ: двадцать дворовъ, шестьдесятъ ревизскихъ душъ.... такъ?

— Такъ, согласились мужики.....

— Забылъ я: кто это дѣлалъ добрыя дѣла, Филаретъ милостивый, или Іоаннъ многострадальный? На милость образца нѣтъ! Понимаете? Вамъ теперь надо гулять цѣлую недѣлю.... жена! откупоривай бочку....

— Погоди, Перфилъ Семенычъ, заговорили мужики.

— Чего тамъ годить? входите сюда, выкатывайте....

— Ребята! брать что-ль? спросилъ одинъ мужикъ....

— Постой! Надо сперва разобрать....

— Да чего вы боитесь? Аль не выпьете? продолжалъ цѣловальникъ: дай-ко изъ сосѣднихъ деревень налетятъ, узнаютъ.... Ѳедюшка! Запрягай лошадь! Ступай на заводъ.... я вижу, дѣло-то не на шутку разыграется....

— Ведро, Семенычъ!

— Ведро! тамъ видно будетъ.

— Погоди! можетъ, послѣ что откроется....

— Чему открыться? кричалъ цѣловальникъ: аль вы въ первой видите барина? Опять, дѣло было при посредникѣ.... Экіе дураки! вамъ теперь сто молебновъ надо отслужить, а не то что изъ пустого въ порожнее перегонять....

— Семенычъ! стало быть наша земля по самый Парохинъ-Верхъ?

— Тебѣ сказано, по Дубровый-Логъ, Парохинъ-Верхъ и рѣчку Осетръ....

— Такъ, такъ.... заговорили мужики....

— Вѣдь область, али нѣтъ?

— Область!...

— А какъ же мы будемъ дѣлить землю? по тягламъ, аль по душамъ?

— За чѣмъ тебѣ дѣлить! Безъ тебя все сдѣлается.... Неси вино! тащи на улицу....

— Постой! какъ же насчетъ Парохина-Верха-то? Семенычъ! положи-ко намъ на счетахъ.....

— Ну, будетъ кричать! давай два ведра.

— Семенычъ! и ты съ нами выпей!

— Поздравляю васъ.... дай Господи вамъ богатѣть....

— Кушай на доброе здоровье.... А хозяюшкѣ твоей надо купить настоички....

— Это она потребляетъ.... да что-жъ вы не зовете своихъ бабъ?

— Антонъ! бѣги за ними.... да захвати ковригу хлѣба.... Ребята! неси вино на улицу.... тамъ просторнѣй....

— Что жъ не сказано: платить за нее, аль нѣтъ?

— За вино то что-ль?

— Толкуй еще! я вонъ плачу за двухъ, которые въ люлькѣ качаются....

— Ну, не толкитесь здѣсь! ступайте на улицу....

— Слава Богу! мы господами не обижены.... Я хотѣлъ давеча сказать: вы-то молъ насъ не забудьте, — а мы васъ изъ нужды выручимъ.... бываетъ, міромъ въ одинъ день справишь.... аль мы не крещеные?

— Вонъ Сорочинскіе завсегда уберутся съ хлѣбомъ, а у него копны въ полѣ....

— Что такое значитъ? отъ чего такъ?

На улицѣ раздавались пѣсни.

XI.

ПЕРЕПИСКА.

Новоселовъ В. Е. Карпову.

Село Кострюлино. Сентябрь.

Разставшись съ вами, по совершеніи купчей крѣпости, я долго стоялъ у раствореннаго окна мой комнаты и вслушивался въ городской шумъ. Было около девяти часовъ вечера. Прощай миражъ! думалъ я: жаль, что ты унесъ изъ моей жизни цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Обращаюсь опять къ тебѣ, мать природа: прими къ себѣ заблудшаго, кающагося сына....

Но что значитъ эта перемѣна? Этотъ родной лугъ, который былъ такъ прекрасенъ во время моего дѣтства, рѣчка съ островами, поля, — все, что такъ радостно когда-то встрѣчало меня, возвращавшагося изъ дальней стороны — теперь смотритъ на меня непривѣтливо, все чуждо мнѣ, и увы! какъ будто гонитъ отъ себя прочь.... Я вижу, какъ на этомъ лугу сидятъ группы дѣтей; они веселы, они у себя дома; ихъ мудрая мать, какъ и меня прежде, ласкаетъ, занимается ихъ воспитаніемъ.... А я, одинокій, стою передъ ней и чувствую, что на родной землѣ уже нѣтъ для меня мѣста.... Я вижу, какъ и въ былое время, сидитъ у своей хатки старичекъ, тихо доживая вѣкъ свой; какъ онъ ни страдалъ здѣсь, какъ ни голодалъ, отъ сырости и холоду ни мерзъ, природа сберегла-таки его до сего времени....

Что же мнѣ дѣлать? Неужели на арену схватокъ съ ближними...? Нѣтъ, что бы со мной ни было, какъ бы мать природа ни наказывала меня за мои преступленія, я преклонюсь передъ ея ударами и, можетъ быть, вымолю у ней прощеніе. Я виновенъ въ томъ, что получивши ясный взглядъ на нашихъ *меньшихъ братьевъ*, сколько разъ пріѣзжалъ къ нимъ, воочію видѣлъ ихъ бѣдствія и уѣзжалъ, не сдѣлавъ имъ ничего, словно спасался бѣгствомъ....

Вотъ почему я оставилъ свою Вязовку.... Для новаго вина нужны и мѣхи новые....

Рано утромъ я выѣхалъ изъ города. Небо было пасмурно. Потянулись скошенныя поля, обозы, богомольцы съ сумками, — вотъ деревня, усаженная березками, рядъ высокихъ возовъ съ отпряженными лошадьми, въ сторонѣ, деревянная церковь....

Погода вдругъ перемѣнилась; подулъ холодный вѣтеръ; по небу понеслись тяжелыя, осеннія облака.

На первомъ постоялом дворѣ я спросилъ себѣ водки и рѣдьки (не правда ли смѣло?), и проѣхавъ нѣсколько верстъ, снова возблагодарилъ Бога за его милости; вмѣсто того, чтобы получить лихорадку, несмотря на то, что у меня въ желудкѣ, вмѣсто ростбифа, была рѣдька, я чувствовалъ себя прекрасно... Я съ удовольствіемъ началъ бесѣдовать съ ямщикомъ о мужицкомъ житьѣ....

Но вотъ и ночь. Справа и слѣва появляются какіе-то одинокіе домá; пролетитъ тройка съ колокольцомъ.... Лошади наши выбираются на горку; ямщикъ идетъ рядомъ съ повозкой и закуриваетъ трубку...

— Такъ ты знаешь село Кострюлино?

— Какъ не знать. Тамъ наши часто бываютъ. Тамъ живетъ лекарь Гаврилъ Иванычъ...

— Къ нему-то я и ѣду.

— А много осталось до Кострюлина?

— Верстъ сорокъ.

Опять заскрипѣла повозка. Вотъ уѣздный городъ; замелькали кривобокія лачужки, пустыри, заборы и наконецъ каменные домá; въ окнахъ горятъ огни. Чтó дѣлаютъ тамъ люди? Купчиха-ли расспрашиваетъ богомолку про чудеса, купецъ-ли съ очками на носу сидитъ за счетами, или чиновникъ блуждаетъ по своей квартирѣ, не зная, за чтò ему приняться? спать ли, пройтись-ли куда, переписывать-ли бумаги? Душа его, несмотря на долговременную, безпорочную службу, все куда-то просится, чего-то ждетъ... но ждать кромѣ пряжки и смерти нéчего.... Мѣщане-ли съ соборнымъ голосистымъ дьякономъ пьютъ чай и ведутъ бесѣду о концертѣ: «Кто взыдетъ на гору Господню?» Пройдутъ десятки, сотни лѣтъ, люди, какъ и теперь, будутъ изнывать въ своихъ коморкахъ и чего-то ждать...

Часовъ около десяти мы пріѣхали въ деревню Павловку. Я зашелъ въ крестьянскую избу, наполненную народомъ. За столомъ сидѣли дѣвицы; у нихъ были такъ-называемыя *посидѣлки*. На палатахъ лежали мужики. Между тѣмъ осенній вѣтеръ стучалъ ставнями и подвывалъ подъ окнами, какъ бы акомпанируя грустнымъ пѣснямъ. Дѣвицы пѣли:

Ходила Маша по саду,
Сбирала вишенья,
Сбирала своихъ подруженекъ.
Сажала ихъ за дубовый столъ,
За бѣлы скатерти.
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила головў ниже всѣхъ.
Какъ мнѣ жить, подруженьки,

Во чужой семьѣ?
Какъ мнѣ чужого отца
Звать батюшкой?
Мнѣ звать его батюшкой
Не хочется.

Мнѣ было такъ грустно, я такъ полюбилъ избу, этихъ добрыхъ людей, что у меня подступили слезы. Я вышелъ на улицу.

Завернувъ за уголъ крайняго дома, я очутился въ полѣ, — опять на большой дорогѣ. Вѣтеръ не затихъ, но небо просвѣтлѣло; высоко и ярко свѣтила луна сквозь прозрачныя, бѣлыя облака; вокругъ нея образовался свѣтло-оранжевый, широкій кругъ. Я шелъ по гладкой дорогѣ; на небосклонѣ тускло очерчивались ветлы, словно избы, телеграфные столбы.... впереди вдругъ показалось что-то живое и вскорѣ исчезло... Я все шелъ... Но наконецъ безъ всякой причины меня объялъ ужасъ... Чѣмъ болѣе я всматривался въ пустынную даль, тѣмъ страшнѣе она мнѣ казалась... Невольно подумалъ я, что русскіе мужички, населяющіе эти страшныя степи, подвизающіеся въ этомъ мертвомъ пространствѣ, — великіе люди; вспомнилъ я наши города, пятиэтажные домá, мосты, насыпи, вспаханныя поля, *дубинушку зеленую*, наконецъ, эту вѣчную, безъисходную нужду, — и преклонился передъ мужикомъ.

Черезъ часъ я возвратился въ избу; народъ разошелся, исключая хозяевъ, садившихся за ужинъ. Семья начала ѣсть тюрю; хозяйка, державшая на рукѣ младенца, подала на столъ на днѣ чашки молоко. Всѣ хлебнули и, вздохнувъ, вышли изъ-за стола. Разумѣется, всѣ были голодны.

Поутру я зашелъ въ сосѣднюю избу. Такъ-называемая *черная* печь была только-что закрыта; по избѣ носился дымъ; запахъ былъ невыносимый. Посрединѣ хаты висѣли лапти; по полу бродили неумытыя дѣти. Одинъ мальчикъ съ разбитымъ носомъ, на которомъ запеклась кровь, пристально смотрѣлъ на меня.

— Это у васъ мазанка? спросилъ я, не зная съ чего начать разговоръ.

— Мазанка... Цыцъ! крикнула старуха на пѣтуха, запѣвшаго на всю избу. Мы недавно выстроились. Мы прежде были прудищенскіе. Баринъ нашу землю взялъ себѣ, а эту отдалъ намъ.

Вошелъ мужикъ съ красной, больной щекой, сказавъ:

— Добраго здоровья!

— Здравствуй. Что-жъ, вы довольны этимъ мѣстомъ?

— Мѣстечко бы и ничего, да вотъ достатки плохіе, сказалъ мужикъ.

Эта неизмѣнная пѣсня заставила меня не возобновлять разговора про *достатки*.

— Чтò это мальчикъ-то ушибся? спросилъ я.

— Да вонъ объ чугунъ расшибся.

Старуха погладила мальчика по головѣ.

Я все разсматривалъ избу: на полу, на лавкахъ, на хорахъ была такая грязь, что меня ошеломила эта страшная картина человѣческаго униженія. Я почувствовалъ боль въ головѣ и вышелъ.

У самой избы я увидалъ телѣгу съ приходскимъ священникомъ. Его работникъ стучалъ палкой въ окно и кричалъ:

— Выносите новину!...

На улицѣ шумѣли грачи, летали голуби, вдали сверкала рѣчка. Свѣтило солнце. Пользуясь хорошей погодой, я отправился пѣшкомъ въ село Кострюлино. Дорóгой мнѣ стало стыдно за свое малодушіе и я рѣшился непремѣнно выпить чашу до дна...

Сейчасъ только получилъ ваше письмо и прочелъ его съ удовольствіемъ. Работайте, мой милый другъ! не унывайте! Какъ только присмотрюсь къ роднымъ картинамъ, примусь и я за дѣло. Передайте вязовскимъ мужикамъ, что когда они поправятся и выстроятъ школу, я весь къ ихъ услугамъ. Вотъ видите, кусокъ хлѣба впереди есть....

Докторъ, у котораго я остановился, мой давнишній пріятель, поселившійся на вѣчныя времена въ глуши. Онъ купилъ у кострюлинскаго барина десятинъ пять земли, развелъ садъ, устроилъ пасѣку и занимается практикой, снабжая крестьянъ лекарствами и наставленіями. На вопросъ: отъ чего онъ не живетъ въ городѣ,—Гаврила Иванычъ (такъ звать его) отвѣчаетъ: «Мнѣ нужно, чтобы вотъ тутъ, противъ оконъ, пролетѣлъ вальдшнепъ, чтобы зимою я видѣлъ заячьи слѣды на снѣгу; безъ этого я не могу жить».

На счетъ моего намѣренія приняться за мужицкую работу, вотъ что онъ говоритъ: «даю вамъ честное слово, что черезъ недѣлю, а много черезъ двѣ вы схватите горячку. Вы хотите шутки шутить съ жизнью, такъ знайте же, кáкъ закаливается нашъ русскій пахарь,—онъ съ ранняго возраста ходитъ разутый, раздѣтый, голодный; этого мало: тотъ изъ нашихъ крестьянъ дѣлается настоящимъ пахаремъ, кто въ дѣтствѣ перенесъ всякіе тифы, лихоманки (послѣднихъ народъ насчитываетъ двѣнадцать); а вы знаете, что рѣдкія изъ крестьянскихъ дѣтей переносятъ это испытаніе; статистика говоритъ, что нигдѣ такъ не мрутъ дѣти, какъ въ русскомъ народѣ».

Чудакъ воображаетъ, что я боюсь смерти.... На этихъ дняхъ я отправляюсь снова въ путь.... впрочемъ недалеко.... Если долго

не буду писать, не удивляйтесь этому. Но вы пожалуйста пишите. Попрежнему адресуйте на имя Гаврила Иваныча въ село Кострюлино.

Письмо Карпова къ Новоселову.

Октябрь.

На улицѣ грязь по колѣно и завываетъ вѣтеръ, но мы, любезный Андрей Петровичъ, пока не падаемъ духомъ. Сестра учитъ дѣтей грамотѣ, сама беретъ у меня уроки химіи. (Я вамъ писалъ, что единственная уступка, какую отецъ могъ сдѣлать,— это школа для крестьянскихъ дѣтей: всѣ остальныя мои просьбы признаны неподлежащими удовлетворенію; придется сознаться, что natura non facit saltum). Александрѣ Семеновнѣ я устроилъ акваріумъ, передъ которымъ она проводитъ цѣлые часы, любуясь какимъ-нибудь головастикомъ. Графъ къ намъ давно не ѣздитъ; слышно, что онъ завелъ борзыхъ и гончихъ собакъ. Относительно погорѣловскихъ его крестьянъ, къ сожалѣнію, извѣстно, что они побираются. Къ намъ онъ не ѣздитъ потому вѣроятно, что считаетъ насъ людьми «опасными». Да оно и лучше! пусть все размѣщается по удѣльному своему вѣсу.

Наши говорятъ, что вы сбили меня съ истиннаго пути. Я имъ сказалъ, что Андрей Петровичъ только ускорилъ процессъ кристаллизаціи моихъ убѣжденій. Тетушкѣ я на опытѣ показалъ это (растворъ глауберовой соли и готовый кристаллъ той же соли).

Александра Семеновна присутствовала при нѣкоторыхъ химическихъ опытахъ. Разъ у насъ зашла рѣчь съ ней, по поводу сѣрной кислоты, о кулачномъ правѣ. Я убѣдилъ ее, что химія вовсе не учитъ кулачному праву, и сѣрная кислота, вытѣсняющая слабѣйшія кислоты, доказываетъ лишь то, что въ природѣ надежны однѣ прочныя соединенія (гипсъ).

Въ настоящее время я приступаю къ опредѣленію свойствъ почвы по дикорастущимъ на ней растеніямъ. Это возможно въ такомъ случаѣ, когда извѣстенъ составъ золы растеній, длина и форма ихъ корней. У Либиха опредѣленъ составъ нѣкоторыхъ нашихъ полевыхъ растеній, но у него ничего не сказано про нашу кормилицу *лебеду*; поэтому я хочу начать анализы съ этого растенія.

Передъ тѣмъ я разлагалъ почву, находившуюся въ банкѣ съ давно умершимъ растеніемъ. Я открылъ, что послѣднее погибло отъ недостатка нѣкоторыхъ солей. Уже не въ первый разъ мнѣ

приходитъ мысль, что растеніе—тоже, что и животное, которому нужна пища, свойственная его организаціи; между тѣмъ люди не знаютъ, сколько борьбы, роковыхъ усилій поддержать свое существованіе заключалось, напримѣръ, въ этомъ умершемъ растеніи; а какая-нибудь ложка супу, спитой чай могли бы вдохнуть въ него жизнь и разукрасить его лепестки... Все это я объяснилъ сестрѣ. Она спросила меня: кто-жъ эти люди, которые преслѣдуютъ естествознаніе?

Сообщу вамъ кое-что о нашей школѣ. Она выстроена по моему плану и представляетъ два зданія; въ одномъ дѣтей учатъ, въ другомъ ихъ кормятъ (отецъ отпускаетъ провизію, но не безъ того, чтобы не сказать всякій разъ: ну, ужъ времена!). Отецъ Павелъ, нашъ священникъ, также учитъ дѣтей грамотѣ. Онъ составилъ-было программу преподаванія такого рода:

В. Кто спасся послѣ потопа?

От. Ной. (Какъ будто онъ одинъ).

В. Сколько было чистыхъ паръ животныхъ и сколько нечистыхъ? и т. д.

Новостей у насъ никакихъ. Отецъ ни мало не раскаевается въ покупкѣ вашей земли. Онъ часто бываетъ въ Вязовкѣ и вспоминаетъ, сидя въ старомъ домѣ, вашего покойнаго батюшку: «примѣрный былъ хозяинъ и добрый сосѣдъ! а вотъ что значитъ дѣтки! постройка вся развалилась, въ домѣ живутъ однѣ галки, самъ наслѣдникъ этого имѣнія пропалъ безъ вѣсти.» Отецъ хочетъ въ вашемъ имѣніи устроить отдѣльную ферму. Вязовскіе мужики замѣтно поправляются; они обѣщались у себя въ деревнѣ выстроить школу. Бывшій вашъ арендаторъ живетъ въ Сорочьихъ-гнѣздахъ и торгуетъ у графа десятинъ въ пятьсотъ лѣсъ. Наши всѣ вамъ кланяются и просятъ, чтобы вы пріѣзжали къ намъ на святки. Къ этому особенную просьбу присоединяемъ сестра и я —

Василій Карповъ.

Отъ того же къ тому же.

Декабрь.

Вотъ и зима на дворѣ, любезнѣйшій Андрей Петровичъ. Какъ-то васъ Богъ спасаетъ? Признаюсь, я безъ ужаса не могу подумать о вашихъ похожденіяхъ à la Вамбери. Я начинаю серьезно побаиваться за ваше здоровье: докторъ говорилъ вамъ правду...

Извѣщаю васъ, что ученье у насъ кончилось, ибо до Рождества осталась одна недѣля. Я никуда не поѣду во время праздника, буду ждать васъ. У насъ въ домѣ настоящая больница. Никто никуда не ѣздитъ, всѣ стонутъ, а иногда ведутъ разговорную канитель такого рода, что хоть уши зажимай. У насъ гостятъ двѣ барышни-сосѣдки (уже заматорѣлыя), которыя исправно играютъ въ свои-козыри и даже на гармоникѣ. Мать не выходитъ изъ своей комнаты; Александра Семеновна по цѣлымъ днямъ сидитъ на верху и раскладываетъ гранъ-пасьянсъ. Къ ней часто приходитъ изъ города странница—типъ, заслуживающій вниманія. Когда эта женщина тутъ, то весь домъ, не исключая прислуги, стекается наверхъ послушать, что̀ будетъ говорить матушка Апраксія. Повидимому, Апраксія пользовалась когда-то красотой; потому что, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, она и теперь поражаетъ своими, какъ огонь сверкающими, карими глазами, правильными и тонкими чертами лица. Разглагольствованія ея въ такомъ родѣ:

— Всё мы недовольны! Отъ чего? отъ того, что стали вольны... Баба, змѣя подколодная, она взяла верхъ надъ мужемъ. Онъ на работѣ всю свою силу положилъ, а она думаетъ только о нарядахъ. Есть баба благочестивая, баба домовитая и баба— змѣя; выбирай любую.

— Выбирай любую, поощряетъ странницу лакей Иванъ. Вы вѣрно говорите.

— Что̀ сказано въ писаніи? строго оглядывая публику, спрашиваетъ Апраксія: Сказано: бракъ есть таинство... развѣ онъ теперь таинство? жены всѣ пустились въ развратъ, надѣли кринолины, да шляпки, да разныя тряпки! Ходятъ въ церковь зачѣмъ? другъ друга перемывать, да осуждать. А что̀ читаетъ дьячокъ: «щедръ и милостивъ Господь», этого онѣ не слушаютъ. Цвѣты на лугахъ давно посохли и пропали. Гдѣ они? Они очутились всѣ на платьяхъ, да шляпкахъ!.. Всѣ стали умны, да у всѣхъ порожни гумны... всѣ учены, да въ ступѣ не толчены... я вѣдь вотъ какая!..

— Это проѣзжай всю Россею, замѣчаетъ Иванъ: нигдѣ такихъ умныхъ словъ не услышишь... Горничныя вздыхаютъ. Александра Семеновна слушаетъ съ глубокимъ вниманіемъ.

— А вы, толстые купцы, проклятые... обращается Апраксія къ воображаемымъ купцамъ: куда готовите свою душу? въ адъ ее готовите! Какъ кошка достаетъ изъ дупла скворцовъ, такъ и вы бѣдныхъ хватаете, обманываете! Ты хочешь чаю? погоди! я тебѣ изъ ада смолы кромешной накачаю! Прежде бѣсы шлялись гдѣ попало.... а теперь они сидятъ въ людяхъ... Всѣ забыли

храмы божьи; молятся, только бѣсовъ утѣшаютъ... А что дьяконъ голосомъ выводитъ? Никто не слушаетъ; всѣ живутъ обманомъ, хитростію... Всѣ Бога забыли, всѣ сатану возлюбили... Христа вторично распинаютъ, ко кресту его пригвождаютъ, родителей не почитаютъ... Мнѣ однажды сказалъ голосъ: «иди за мною, Апраксія»! Я и иду, словно паркомъ. Вдругъ опять слышу: «смотри! эти парки — будутъ жарки!..» Не правду я говорю? обращается Апраксія къ Ивану и продолжаетъ: Правда свѣтлѣе солнца: солнце померкнетъ, а правда никогда! Всѣ умны! Слава Богу, хоть я одна дура (Апраксія крестится). Одинъ про меня сказалъ: «она — словно Леонидъ». Да! нынче всякій Леонидъ, кто правду говоритъ.

— А что значитъ всвую шаташеся? спрашиваетъ Иванъ, ухищренный въ писаніи.

— А вотъ что! Странница неожиданно напускается на Ивана за его дерзкія слова: вотъ ты постовъ не соблюдаешь, мамонъ свой набиваешь, бѣсовъ утѣшаешь, — вотъ и шатаешься, да скоро и въ адъ попадешь... Я вижу, продолжаетъ странница, обращаясь къ смущенному Ивану, — какъ за спиной твоей сидитъ бѣсъ, да на ухо тебѣ шепчетъ, вотъ ты всвую и шатаешься...

— Матушка Апраксія! говоритъ Иванъ: я спрашиваю насчетъ жизни: отъ чего я шатаюсь?

— Ну, а я отъ чего шатаюсь? Почемъ я знаю! Вотъ такъ-то одинъ говорилъ мнѣ: ты не за свое дѣло взялась; апостолъ сказалъ: «женщина да не учитъ». А развѣ я учу? Я разговариваю... Хочешь слушай, хочешь нѣтъ... Я говорю про развратъ: нынче парни покупаютъ — орѣхи, а отъ этого бываютъ прорѣхи...

— И все правду говоритъ, восклицаютъ слушатели.

Александра Семеновна очень любитъ странницъ; она даже ведетъ переписку съ монахинями. Посылаю вамъ образчикъ одной изъ душеспасительныхъ бесѣдъ: «Христосъ посреде насъ, моя безценая подруга и любезная собеседница Александра Семеновна (соблюдена орѳографія подлинника). Спасайся, моя голубушка, придумываю и вспоминаю, какъ мы стобою, моя незабвенная, проводили время приятно, часто ты пекласа о своей жизти, я знаю, что не безъ скорби теперишняя ваша жизть, но что делать, нада всегда вуме держать, что здесь не вѣчность и здесь покою нечего желать, а ждать и думать о вечномъ покои кабы намъ не лишитца вбудущей жизни; о себе скажу, что теломъ здорова да духомъ часто биспакойна и скорбями висьма давольна но все дыки моя галубушка опишу, какъ я грешная

праздникъ встретила, послѣ утрени во второмъ часу обедня, пришли отобедни напились чаю збулками и легли спать...»

Теперь опишу я, какъ мы вообще проводимъ время. Мать, разсматривая въ увеличительное стекло разныя картинки, разспрашиваетъ меня, что такое діафрагма, которая будто бы не даетъ ей покоя (уѣздный докторъ опредѣлялъ ея болѣзнь); при этомъ она жалуется на безсонницу. Въ углу на столѣ сидитъ любимица матери — ангорская кошка, словно мертвая: она постоянно спитъ, опустивъ голову до самаго стола... Скука страшная. Въ залѣ за чаемъ или обѣдомъ идутъ разговоры такого сорта:

— Смотрите, какой снѣгъ идетъ! говорятъ барышни сосѣдки.

— Да! теперь дорога поисправится, замѣчаетъ отецъ.

Всѣ задумываются, какъ будто рѣшаютъ вопросъ: что̀ если въ самомъ дѣлѣ дорога исправится? Куда ѣхать? ѣхать-то и некуда. Затѣмъ идетъ рѣчь о томъ, что въ городъ пріѣхали фокусники, — купчиху Слабоумову схоронили, гувернантка Пряниншикова убѣжала съ офицеромъ, Зина Горшкова влюбилась въ дьякона. (Отецъ любитъ слушать подобные курьёзы).

Иногда пріѣзжаетъ къ намъ сосѣдъ Пылаевъ и начинаетъ пороть околесную... (Надо замѣтить, что мужики почему-то стали ему поперегъ горла).

— Вы не знаете этого народа! вопитъ онъ, осушая одну рюмку водки за другой.

— Какъ мнѣ не знать мужиковъ? возражаетъ отецъ.

— Нѣтъ, вы не знаете! вы не знаете! Разными послабленіями, вы только избалуете мужика! его тогда не допросишься ни на какую работу. Тотъ только и работникъ, — у кого нѣтъ ничего... (каковъ?) Развѣ нашъ мужикъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ? у него есть лапти, да кусокъ хлѣба, онъ и лежитъ на печкѣ. Его, голубчика, тогда только и можно прикрутить, когда ему ѣсть нечего! О! вы не знаете этого народа!

Пылаевъ напивается у насъ всякій разъ до помраченія ума, и тогда только и слышишь: «Parole d'honneur, послѣднія времена пришли...» Каковы типы, любезнѣйшій Андрей Петровичъ, окружаютъ меня? Отецъ Павелъ также нерѣдко посѣщаетъ насъ; повѣствуетъ про больныхъ, про повсемѣстный угаръ, какъ одной бабѣ на толчеѣ руку отшибло и пр.

Я живу во флигелѣ съ старымъ охотникомъ Поликарпомъ, который разсказываетъ мнѣ про жизнь и нравы птицъ. Разсказы эти до того хороши, что я записываю ихъ для моихъ учениковъ, съ которыми послѣ святокъ намѣренъ проходить есте-

ственную исторію. На сонъ грядущій Поликарпъ разсказываетъ мнѣ про волковъ и разбойниковъ (во мнѣ уцѣлѣли барскія замашки): какъ, напримѣръ, въ старину шайка удальцовъ верхомъ на лошадяхъ, въ полночь, останавливалась передъ домомъ дьячка, который со смиреніемъ являлся передъ гостями и упрашивалъ ихъ зайти къ нему откушать хлѣба-соли. Незнакомцы съ кистенями и топорами спрашивали у причетника: не видалъ ли онъ проѣхавшей тройки?.. Людей бѣдныхъ и смирныхъ, говоритъ Поликарпъ, разбойники не обижали, а напротивъ даже помогали имъ; приходскаго попа самъ атаманъ нерѣдко просилъ помолиться за него Богу и давалъ на весь причтъ не менѣе красненькой.

Во время подобныхъ разсказовъ иногда съ такою силою бушуетъ вьюга на улицѣ, что флигель нашъ уподобляется морскому судну, носимому волнами. У меня кружится голова и я слышу явственно скрыпъ мачтъ, хлестаніе волнъ, даже крикъ народа... Господи, какъ иногда тяжело!.. невыносимо грустна ты, русская жизнь... Гдѣ-то вы теперь? Меня беретъ досада, что вы не пишете... Живы-ли?...

Отъ того же къ тому же.

Мартъ.

Что же вы не пишете, Андрей Петровичъ? Гдѣ вы? Чтó подѣлываете? Бесѣдой съ вами я только и отвожу душу... Одинъ въ полѣ не воинъ, вы это знаете. Если вы не откликнетесь и на это письмо, то я поѣду васъ отыскивать.

Посмотрите! уже весна начинается... Солнце такъ ярко свѣтитъ; съ крышъ, на которыхъ прыгаютъ воробьи, каплетъ растаявшій снѣгъ... Коровы и лошади подставили свои спины подъ теплые, солнечные лучи. «Ну! думаю я себѣ: зиму пережилъ! теперь не погибну...»

А между тѣмъ жалобно раздается благовѣстъ церковнаго колокола, призывающій говѣльщиковъ, богомольныхъ старушекъ къ часамъ. Одѣтые въ полушубки, толстыя сермяги и заячьи шубки, богомольцы тянутся по улицѣ, вѣроятно толкуя о грѣхахъ своихъ или вообще о предметахъ, въ которыхъ наиболѣе проявляется промыслъ божій.

Я, конечно, знаю всѣ порядки относительно богослуженія и поста. Я знаю, напримѣръ, что въ промежуткѣ между заутреней и часами говѣльщики собираются въ церковную караулку,

гдѣ подъ образами сидятъ духовные, рядомъ съ ними почетные люди: приказчикъ въ калмыцкомъ тулупѣ или богатый дворникъ. Они ведутъ рѣчь о зимней стужѣ, о четьи-минеѣ, и т. п. Ихъ слушаютъ мужики съ отмороженными носами, стоящіе близъ печи.

О своихъ занятіяхъ ничего вамъ не сообщаю, такъ какъ не знаю, доходятъ ли мои письма къ вамъ? Въ силу этого ограничиваюсь написаннымъ. До тѣхъ поръ, пока вы не отзоветесь, не стану писать. Отвѣчайте скорѣе....

Но отвѣта не было.

XII.

ВЕСНА.

Русскій народъ говоритъ, что весна начинается съ самыхъ «Спиридоновыхъ поворотовъ», когда *солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ.* Такимъ образомъ, почти весь великій постъ, называемый четыредесятницей, стоятъ сильные морозы и бушуетъ зимняя вьюга. Но иногда выпадаютъ красные деньки, когда всѣ говорятъ о веснѣ и когда внутренній голосъ подсказываетъ каждому деревенскому жителю, что у Бога милости много: онъ накажетъ, онъ и помилуетъ. Едва ли не въ каждомъ домѣ начинаютъ поговаривать о прилетѣ грачей и жаворонковъ; вынимаются изъ сундуковъ праздничныя платья, радужныя шали, полинялыя мантильи, подъ предлогомъ не попортила ли ихъ моль, при этомъ соображаютъ, что̀ лучше, надѣть на Благовѣщеніе, или на Свѣтлый день? такъ что красный денекъ, выпавшій на долю изможденныхъ зимними холодами людей, позволяетъ имъ запастись силами для новой борьбы съ стихіями, ибо вскорѣ опять сердито заглядываетъ зима.

Такъ начинается русская весна и народное изреченіе: солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ, показываетъ, что въ это время завязывается борьба зимы съ весною. Но вотъ наконецъ и несомнѣнные признаки весны: снѣгъ разрыхлѣлъ, соломенныя и закоптѣлыя крыши домовъ обнажились. По улицѣ шумятъ ручьи, на поляхъ показались проталинки, грачи кричатъ въ березникѣ. Въ село приходитъ извѣстіе, что черезъ плотину ѣздить нельзя, по причинѣ сильнаго напора воды, и мельница остановилась; вездѣ, какъ говорятъ, все растворилось. Между деревнями и городами прекращается всякое сообщеніе, время отъ времени разносятся вѣсти, что половину города М. затопило водой, а городскую мельницу снесло за пятнадцать верстъ, что въ оврагѣ засѣлъ какой-то баринъ въ возкѣ.

Мало-по-малу полая вода сбываетъ. Снѣгъ лежитъ только въ оврагахъ и на склонахъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу. На лугахъ и выгонахъ зазеленѣла трава, которую щиплютъ овцы. Приближается свѣтлый день.

Въ селѣ Кострюлинѣ, въ домѣ доктора Гаврила Иваныча, (о которомъ писалъ Новоселовъ) на столѣ подъ образами стояло каменное блюдо съ водой, назначенной для освященія. Было около четырехъ часовъ утра. У иконъ горѣли свѣчи. Тучный хозяинъ сидѣлъ на диванѣ и вслушивался въ неясный, но торжественный крикъ приближавшихся къ его дому «богоносцевъ», которые пѣли «Христосъ воскресе», чтó свидѣтельствовало о наступившемъ свѣтломъ днѣ.

Съ фонарями и украшенными образами богоносцы вошли въ домъ Гаврила Иваныча, причемъ каждый изъ нихъ повторилъ: «Христосъ воскресе». Вслѣдъ за богоносцами вошелъ причтъ.

Послѣ водоосвященія хозяинъ пригласилъ священника въ другую комнату къ больному. Это былъ Новоселовъ.

— Христосъ воскресе! возгласилъ священникъ, прикладывая къ устáмъ больного крестъ: Христосъ и тебя пришелъ посѣтить... Неужели въ эти радостные дни ты обреченъ на смерть? Выздоравливай! Священникъ положилъ у подушки больного красное яйцо.

На лицахъ присутствовавшихъ выразилось участіе къ больному, который лежалъ въ забытьи...

Н. Успенскій.

КОСТЮШКО

и

РЕВОЛЮЦІЯ 1794 ГОДА.

XI *).

Суворовъ. — Обезоруженіе польскихъ войскъ въ южной Руси. — Пораженіе Сѣраковскаго подъ Брестомъ. — Битва подъ Мацѣіовицами. — Пораженіе и взятіе въ плѣнъ Костюшки. — Впечатлѣніе этого событія.

Лицомъ къ лицу съ польскимъ повстаньемъ сталъ Суворовъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ XVIII вѣка, уже давшій себя знать полякамъ слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, уничтоженіемъ Барской конфедераціи. Въ то время, когда другіе русскіе генералы боролись съ Костюшкою, и борьба дошла до безславной осады Варшавы, подъ начальствомъ прусскаго короля, лучшій изъ генераловъ находился въ Украинѣ и участвовалъ въ борьбѣ Россіи съ Польшею только обезоруженіемъ польскаго войска. Такимъ образомъ, въ іюнѣ, состоявшій подъ его начальствомъ генералъ-маіоръ Исленьевъ обезоружилъ безъ сопротивленія польскую полевую артиллерію и изяславскій пѣхотный полкъ; генералъ-маіоръ Шевичъ обезоружилъ винницкую и брацлавскую бригады; фонъ-Сталь — поднѣстровскую бригаду. Взятое оружіе отправлено къ брацлавскому губернатору Берхману. Охотниковъ вступать въ русскую службу оказалось чрезвычайно мало, да и правительство не заботилось о томъ, чтобы ихъ было много, не желая наполнять войско такими людьми, которые могли измѣнить.

*) См. выше, янв. 5; февр. 511 стр.

Поэтому, тѣхъ, которые пожелали служить въ россійской службѣ, велѣно было не оставлять въ завоеванномъ краѣ, а переводить въ другія мѣста, подалѣе въ глубь имперіи. Тогда оказалось много побѣговъ изъ русской арміи: не утерпѣли поляки, услышавъ призывъ своего военачальника. Поэтому приказано было ихъ казнить жестокою казнію, а всѣхъ подозрительныхъ, которые хотя чѣмъ-нибудь малымъ заявили себя, велѣно отправлять за побѣги изъ войска во внутреннія губерніи. Въ іюнѣ обезоруженіе было окончено, кромѣ тѣхъ, которые, какъ было уже выше показано, успѣли убѣжать къ Костюшкѣ.

Въ то же время уніаты продолжали переходить къ православной церкви. Императрица приказала для охраненія тѣхъ, которые обращаются къ вѣрѣ предковъ, подавать отъ войска нужную помощь, дабы, какъ выражалась императрица: «отвратить замыслы недоброжелательствующихъ и сократить тѣ слѣдствія, которыя уніатское духовенство, естественно будучи огорчено, паче чаянія станетъ усиливаться произвести для нарушенія общаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что и вообще помѣщикамъ сіе пріятно быть не можетъ».

Тогда въ народѣ стали рѣзче, чѣмъ прежде, поговаривать, что пришла пора вспомнить казачину, Желѣзняка, Гонту, расправиться съ панами и жидами. Іюня 30, Берхманъ доносилъ государынѣ объ опасномъ духѣ въ краѣ между крестьянами. Это побудило уменьшить ревность къ распространенію православія, потому что у южно-русскаго народа понятіе о православіи связывалось съ понятіемъ объ освобожденіи отъ пановъ, а освобожденіе отъ пановъ немедленно воскрешало страшный духъ гайдамацкой мести.

Причиной, почему Екатерина не посылала Суворова въ Польшу, было опасеніе нападенія со стороны турокъ. Это опасеніе могло разсѣяться не ранѣе лѣта.

Суворовъ получилъ повелѣніе двинуться въ Польшу не ранѣе, какъ въ августѣ. Двадцать третьяго числа этого мѣсяца онъ находился уже въ Варковичахъ на Волыни, на пути въ Польшу. Отрядъ генерала Буксгевдена былъ въ Ковлѣ, генерала Маркова въ Могилевѣ. Жидъ Шмойло донесъ, что въ Брестѣ собирается отрядъ повстанцевъ, туда идетъ Сѣраковскій, а на помощь ему Мокрановскій, съ 1,000 чел. Суворовъ, получивъ это извѣстіе, рѣшился быстро двинуться на непріятеля. 26 августа, Суворовъ былъ уже въ Луцкѣ, гдѣ получилъ чрезъ Буксгевдена извѣстіе о снятіи осады Варшавы прусскимъ королемъ. Нужно было спѣшить, чтобы соединиться съ русскими войсками, отступавшими отъ столицы, и не дать освободившимся отъ дѣйствій противъ

прусскаго короля польскимъ войскамъ подоспѣть на помощь къ тѣмъ, которые собирались у Бреста. 20 августа, Суворовъ соединился съ Буксгевденомъ. 30 августа, онъ прибылъ въ Ковель, а 4 сентября былъ подъ Кобриномъ. На другой день, 5 сентября, онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Генералъ Сѣраковскій долго странствовалъ по Литвѣ и имѣлъ съ русскими нѣсколько стычекъ, которыя по своей незначительности и неопредѣленности поляки могли называть своими побѣдами. Такова, между прочимъ, была битва подъ Слонимомъ, съ генераломъ Лассіемъ, гдѣ однако поляки, какъ и сами сознаются, попятились, но за то съ удивительнымъ, по ихъ словамъ, мужествомъ. Тогда уже вся Литва была взята русскими, только на Жмуди держались еще отряды; Курляндія, взволнованная поляками, была усмирена; поляки принуждены были вывести оттуда свои отряды.

Услышавъ о томъ, что Суворовъ двигается впередъ, Сѣраковскій послалъ извѣстіе Костюшкѣ, но главнокомандующій повстаньемъ получилъ уже ложные слухи изъ Волыни и отвѣчалъ, что ему извѣстно навѣрное, что это не знаменитый Суворовъ, а другой; знаменитый Суворовъ не пойдетъ въ Польшу; онъ бережетъ границы отъ Турціи, которая готова не сегодня завтра ополчиться противъ Россіи на защиту Рѣчи-Посполитой; тотъ же, который идетъ на Польшу, какой-то неважный казачій генералъ. Сѣраковскій, въ этой, видно, увѣренности, получивъ извѣстіе, что Суворовъ близко, поспѣшилъ къ Бресту, и не дошедши до него, расположился подъ Крупчицами, у монастыря. Онъ выбралъ превосходную позицію. Рѣка Мухавецъ извилисто течетъ къ востоку и круто дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу. За нею течетъ другой ручей, впадающій въ рѣку. Берега рѣки и ручья очень болотисты. Оставивъ впереди себя рѣку и потомъ ручей, Сѣраковскій расположилъ свое войско такъ, что лѣвый и правый бока его упирались въ болотистые лѣса; передъ мостомъ на дорогѣ, шедшей изъ Кобрина въ Брестъ, на лѣвомъ крылѣ поставилъ онъ шесть батарей. Тылъ обезпеченъ былъ также болотомъ, не такимъ большимъ какъ переднее, и въ тылу у него оставались деревня и каменный монастырь. Установившись такимъ образомъ, онъ отправилъ впередъ партію подъ начальствомъ генерала Рущица, но этотъ передовой отрядъ разбитъ былъ русскимъ казачьимъ отрядомъ генерала Исаева. Взятые плѣнные показали, что у Сѣраковскаго тысячъ шестнадцать войска; это было невѣрно. Другой подъѣздъ, отправленный Сѣраковскимъ, былъ счастливѣе; онъ привелъ одного унтеръ-офицера, посланнаго самимъ Суворовымъ достать водки, съ огромною баклагою. Онъ объявилъ полякамъ,

что идущій на нихъ Суворовъ дѣйствительно тотъ, который уже былъ въ Польшѣ во время Барской конфедераціи, который прославился въ обѣ турецкія войны, однимъ словомъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, а не какой-то другой.

Бѣжать было стыдно и притомъ некуда. Сѣраковскій выслалъ сто человѣкъ конницы для развѣдыванія, но этотъ отрядъ, наткнувшись на русскихъ, былъ такъ разбитъ, что едва нѣсколько человѣкъ успѣли добѣжать до своего стана.

Утромъ 6 (17) сентября, въ 7 часовъ, русскіе начали переходить черезъ рѣку Мухавецъ. Пѣхота и артиллерія двинулись по мосту. Но тутъ съ противной стороны поляки стали угощать ихъ сильною канонадою; тогда артиллерійскій капитанъ Рѣзвый, по приказанію начальства, устроилъ на высотѣ батареи, началъ палить изъ четырнадцати орудій и сбилъ непріятельскія батареи, преграждавшія путь. Пользуясь этимъ, пѣхота стала переходить. Сперва подполковникъ Талызинъ съ егерями двинулся впередъ на другую сторону, но на русскихъ нападаетъ польская конница. Нужно было выдвинуть противъ нея русскую конницу. Вотъ кинбурнскій драгунскій полкъ, подъ командою секундъ-маіора Киндякова, спѣшивается, солдаты переходятъ въ бродъ, рубятъ хворостъ, бросаютъ на протоки, дѣлаютъ гать, переводятъ по ней лошадей: за ними по этой гати переходитъ украинскій легко-конный полкъ подъ командою подполковника князя Одоевскаго. Польская конница не пускала русскую пѣхоту,—русская конница отгоняетъ ее, русская пѣхота проходитъ безпрепятственно, тѣ по мосту, тѣ въ бродъ; за Талызинымъ, гренадерскій херсонскій полкъ, за нимъ мушкатерскіе: азовскій, ряжскій; генералъ Буксгевденъ, командующій пѣхотою, командуетъ ударить въ штыки; поляки не въ силахъ держаться, сомкнулись въ густую толпу, закрылись въ тылу большимъ карре, и начали отступать. Но ряжскій полкъ поражаетъ штыками лѣвое крыло, не успѣвшее стать въ карре; храбрый генералъ-маіоръ Шевичъ съ своею летучею конницею бросается на лѣвый флангъ карре, за нимъ черниговскіе карабинеры и кинбургскіе драгуны, уже успѣвшіе сѣсть на лошадей; за ними конные полки, александровскій, маріупольскій; ихъ полковники Гижицкій и Анненковъ, оба отважные, врубились въ карре. Анненковъ съ маріупольцами пробилъ карре насквозь; непріятельская конница хочетъ ударить ему въ тылъ, но бригадиръ Исаевъ съ казаками отгоняетъ ее казацкими длинными пиками. Въ то же время генералъ-маіоръ Исленьевъ съ переяславскимъ полкомъ, конныхъ егерей, врубился въ правый флангъ карре: оно разорвано. Поляки потеряли строй и бѣжали въ разсыпную по лѣсамъ и болотамъ. Русская кавалерія гнала

ихъ до тѣхъ поръ, пока ночь и неудобная мѣстность не спасли поляковъ отъ совершеннаго пораженія. По извѣстіямъ русскихъ, около трехъ тысячъ поляковъ легло на мѣстѣ, у русскихъ убито 55 человѣкъ, ранено 237. Поляки увѣряютъ, что русскихъ убито было до трехъ тысячъ, а у нихъ только 192. Но послѣднему вѣрить нельзя, потому что и поляки все-таки сознаются, что Сѣраковскій былъ разбитъ.

Суворовъ не давалъ непріятелю большихъ отдыховъ и имѣлъ обыкновеніе преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока не поразитъ совершенно, до конца. Въ 2 часа по полуночи, русскіе пошли на поляковъ снова, отдохнувъ часовъ восемь, и по пятамъ ихъ подошли на шесть верстъ къ Бресту. Ночь была лунная. Два раза приходилось русскимъ переходить извилистый и болотистый Мухавецъ. На разсвѣтѣ они дошли до Буга. Эта рѣка въ осеннюю пору въ тѣхъ мѣстахъ переходима: пѣхота прошла черезъ нее въ бродъ и перевезла артиллерію. За Бугомъ русскіе построились въ боевой порядокъ. Правое крыло состояло изъ конницы подъ начальствомъ Шевича, лѣвое изъ пѣхоты Исленьева, въ центрѣ былъ Буксгевденъ. Поляки закрылись спереди предмѣстьемъ Бреста, называемымъ Тересполь.

Суворовъ приказалъ ударить на непріятеля со всѣхъ сторонъ. Русскіе сразу овладѣли шестью пушками, одна за другою, въ разныхъ мѣстахъ. Поляки стали быстро отступать къ деревнѣ Коршинъ, и за нею на высотѣ хотѣлъ расположиться Сѣраковскій, но генералъ Шевичъ предупредилъ его, перерѣзалъ ему путь, ударилъ въ переднюю колонну своею конницею. Бригадиръ Боровскій съ ольвіопольскими гусарами сцѣпился съ польскою конницею, черниговскій и александровскій полкъ ударили во вторую колонну, а третья бросилась влѣво, въ сторону; на нее сильно ударилъ въ штыки генералъ Исленьевъ, отрѣзалъ и совершенно истребилъ. Разстроенное войско бросилось къ деревнѣ Добрину. Надо было ему переходить черезъ гать. Исленьевъ послалъ въ обходъ къ деревнѣ (подъ начальствомъ секретаря Суворова, Мандрыкина, и поручика Тищенко) охотниковъ пять эскадроновъ, конныхъ егерей и гусаръ; когда поляки подошли къ деревнѣ, она была уже занята и зажжена русскими. Полковникъ Новицкій съ черниговскимъ полкомъ ударилъ съ правой стороны деревни, а поручикъ артиллеріи Татариновъ началъ поражать ихъ сзади. За поляками гнались казаки съ своимъ храбрымъ и неутомимымъ Исаевымъ, а впереди заходили дорогу егеря лифляндскаго корпуса (4-й баталіонъ полковника Ржевскаго и 2-й баталіонъ Жукова), очищая лѣсъ и поражая поляковъ выстрѣлами. Тутъ поляки пустились въ разсыпную, кидали оружіе, ам-

муницію, знамена; однихъ изъ нихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ, конница завязла въ болотѣ, по правую сторону гати. Нѣкоторые тамъ и погибли со своими лошадьми, другіе побросали лошадей, спасались бѣгствомъ и прятались въ камышахъ. Казаки Исаева били ихъ и кололи по всѣмъ направленіямъ. Самъ Сѣраковскій ушелъ съ однимъ баталіономъ пѣшей гвардіи на Малову гору; съ нимъ ушелъ отъ бѣды эскадронъ конной гвардіи, подъ начальствомъ Космовскаго. По странному случаю, въ эскадронѣ, бѣжавшемъ съ поля битвы, не былъ никто раненъ.

Русскимъ досталось двадцать восемь пушекъ, всѣ ящики съ снарядами, и два корпусныхъ знамени, одно бѣлое, для пѣхоты, а другое свѣтлосинее для конницы, недавно присланныя Сѣраковскому въ знакъ чести отъ высочайшаго совѣта. До 500 плѣнныхъ было взято русскими. Въ этой битвѣ русскіе потеряли 95 убитыми и 228 ранеными, изъ которыхъ 141 были ранены тяжело. Русскіе увѣряли, что поляковъ было до пятнадцати тысячъ, а другіе говорили, что даже до шестнадцати тысячъ; но по вѣдомостямъ, которыя доставилъ Сѣраковскій передъ своимъ пораженіемъ правительству, у него значится въ корпусѣ 5,975 человѣкъ, но изъ нихъ больныхъ было 501. Вѣроятно, однако, что это число обнимаетъ только регулярное войско, а такъ какъ кромѣ того у него были волонтеры, набранные изъ народа, то это и умножало его корпусъ въ глазахъ его непріятелей.

Сѣраковскій убѣжалъ въ Сѣдльце. Туда стало собираться къ нему недобитое войско и примыкали другіе отряды, такъ что въ нѣсколько дней у него снова было до двухъ тысячъ. Самъ Костюшко, услышавъ о его несчастіи, поспѣшилъ изъ-подъ Варшавы въ Сѣдльце, разспрашивалъ о причинахъ пораженія и нашелъ, что никто не виноватъ, всѣ прекрасно воевали и исполняли свои обязанности, а несчастіе произошло отъ многочисленности непріятеля. Для ободренія онъ роздалъ даже нѣкоторымъ знаки отличія, и въ томъ числѣ Космовскому. Этотъ знакъ отличія только-что передъ тѣмъ выдуманъ былъ Костюшкою для наградъ. То было золотое кольцо съ надписью: «Отчизна своему защитнику». Его положилъ онъ давать военнымъ только подъ условіемъ, если коммиссія, состоящая изъ трехъ офицеровъ, признаетъ достойнымъ того, кому намѣреваются дать этотъ знакъ отличія. Имя получающаго должно было пропечатываться въ газетахъ, съ обозначеніемъ нумера, за которымъ получена награда, съ тою цѣлью, чтобы кто-нибудь не присвоилъ себѣ такой почести безъ права на нее.

Отъ Сѣраковскаго Костюшко поспѣшно отправился въ Гродно. Здѣсь онъ надъ остатками литовской арміи отдалъ начальство Мо-

крановскому; подъ его начальствомъ одну дивизію поручилъ Ясинскому, другую Вавржецкому, вмѣстѣ съ Гедройцемъ. Онъ написалъ имъ такой приказъ: «Предостерегаю все войско; если кто будетъ его тревожить разговорами о томъ, будто противъ москалей нельзя удержаться, или во время битвы станетъ кричать, что москали у насъ въ тылу, москали насъ отрѣзываютъ, и тому подобное, тотъ по донесенію команды будетъ тотчасъ заключенъ въ оковы, отданъ суду и, по доказательствѣ виновности, разстрѣлянъ. Приказываю генералу Мокрановскому, чтобы во время битвы часть пѣхоты съ артиллеріею всегда стояла позади линіи съ пушками, заряженными картечью, изъ которыхъ будутъ стрѣлять въ бѣгущихъ. Всякій пусть знаетъ, что идя впередъ, получаетъ побѣду и славу, а подавая тылъ, встрѣчаетъ срамъ и неминуемую смерть. Если между служащими въ войскѣ есть такіе, которые убѣждены, что москалей нельзя побить, люди, равнодушные къ отечеству, свободѣ и славѣ, тѣ пусть заранѣе объявятъ объ увольненіи своемъ изъ службы. Мнѣ больно, что я принужденъ установлять такія строгія правила». Костюшко нашелъ нужнымъ припомнить своимъ соотчичамъ и благословенную въ ихъ памяти эпоху московскаго разоренія. «Какіе-нибудь десятки вашихъ предковъ могли завоевать цѣлое государство Московское, привести въ оковахъ царей его, назначать москалямъ владыкъ,— а вы, потомки тѣхъ же самыхъ поляковъ, можете сомнѣваться въ успѣхѣ борьбы за отечество, свободу и домы ваши, за кровныхъ и друзей, и считаете непобѣдимыми эти хищныя шайки, которыя берутъ надъ вами верхъ только при вашей трусости».

Для усиленія Сѣраковскаго, Костюшко немедленно послалъ приказаніе отрядить изъ отряда Понятовскаго до двухъ тысячъ человѣкъ къ Сѣраковскому и приказалъ, сверхъ того, соединиться съ нимъ отряду генерала Княжевича, у котораго было до тысячи человѣкъ. Самъ Костюшко прибылъ снова въ Варшаву и стоялъ по прежнему въ Мокотовѣ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе отъ хозяйки этого имѣнія, княгини Любомирской. Онъ часто ѣздилъ въ Варшаву, бесѣдовалъ тамъ о дѣлахъ съ главными членами совѣта и генералами.

Русскій генералъ Ферзенъ съ своимъ войскомъ, по отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, отступилъ и самъ отъ столицы, а сначала сталъ у Песочной, и оставался тамъ до 30-го августа (11-го сентября), по просьбѣ прусскаго короля. Послѣдній прислалъ-было къ нему генерала Манштейна просить, чтобы онъ остался долѣе, пока король уйдетъ въ Великую Польшу, но Ферзенъ отвѣчалъ: «Дѣло подъ Варшавой покончилось, мнѣ нечего тутъ дѣлать, я не буду ждать долѣе 30-го августа».

«Пруссаки, писалъ онъ Репнину, единственно заботятся объ охраненіи своихъ новыхъ границъ, а до союзниковъ дѣла нѣтъ; цесарцы стоятъ недвижно, и мнѣ трудно теперь двигаться, не будучи ничѣмъ снабженнымъ». Цѣль его была перейти на правый берегъ Вислы и соединиться съ Суворовымъ, или же ударить на разсѣянныя части польскаго войска около Бреста или гдѣ придется. Онъ распустилъ слухъ, что хочетъ переправиться въ Пулавахъ, а самъ рѣшилъ переправиться въ Зелиховѣ. Переправа чрезъ Вислу было дѣло не легкое; оно требовало нѣсколькихъ дней работы, а поляковъ было много на другой сторонѣ; хотя это были небольшіе отряды, но при переправѣ они могли быть опасны; и дѣйствительно, Костюшко обратилъ усиленное вниманіе на то, чтобы не дать Ферзену совершить переправу. Это важное дѣло поручено было генералу Адаму Понинскому, который стоялъ на правомъ берегу Вислы и слѣдилъ за движеніями Ферзена, готовый ударить на него, когда онъ начнетъ переправу.

Выборъ былъ очень неудаченъ. Отрядъ Понинскаго состоялъ изъ четырехъ тысячъ и это все были новобранцы и охотники. Дисциплины въ войскѣ было мало. «Каждая сотня, говоритъ Зайончекъ, была подъ командою начальника, который считалъ себя независимымъ». Вооруженіе было плохое. Тѣмъ не менѣе русскій генералъ, осторожный и разсудительный нѣмецъ, примѣривался чуть не мѣсяцъ перейти черезъ рѣку. 3 (14) сентября онъ былъ въ Магнушевѣ, на противоположной сторонѣ. Поляки готовы были встрѣтить его. Онъ разставилъ свое войско по правому берегу Вислы, въ Магнушевѣ, Ричеволѣ, Козеницахъ и Гнѣвушовѣ. Переправляться было трудно еще и потому, что не было паромовъ. Онъ успѣлъ-было достать ихъ на рѣкѣ Пилицѣ, собралъ польскихъ мужиковъ и хотѣлъ переправиться, но поляки съ противоположнаго берега собрались и перестрѣляли мужиковъ. Тогда Ферзенъ велѣлъ доставлять суда на подводахъ; пока доставляли суда, онъ наблюдалъ за движеніемъ непріятеля, а поляки устраивали свои батареи. Наконецъ, обманувъ непріятеля, Ферзенъ началъ 22-го сентября переправу у Козеницъ и деревни Голендры. Хрущовъ сѣлъ на суда и очищалъ берегъ отъ непріятельскихъ батарей. Переправа продолжалась нѣсколько дней. Поляки не въ силахъ были помѣшать ей.

Дали знать Костюшкѣ.

Онъ получилъ это извѣстіе 24-го сентября и тотчасъ послалъ два полка пѣхоты съ нѣсколькими пушками на помощь къ дивизіи Сѣраковскаго, и послѣднему послалъ приказаніе поскорѣе идти къ Козеницамъ, противъ Ферзена, а потомъ призвалъ къ

себѣ Нѣмцевича и сказалъ: «Завтра съ разсвѣтомъ мы уѣдемъ къ Сѣраковскому; только это должно оставаться въ величайшемъ секретѣ». Онъ довѣрилъ однако тайну Зайончеку и Коллонтаю и сказалъ, что рѣшается отважиться на битву съ Ферзеномъ, чтобы не дать ему соединиться съ Суворовымъ. «Лучше пусть Ферзенъ соединится съ Суворовымъ, чѣмъ мы проиграемъ сраженіе, — сказалъ Зайончекъ. Армія Ферзена сильнѣе арміи Сѣраковскаго».—«Но силы Сѣраковскаго, возразилъ Костюшко, когда соединятся съ нимъ другія, возрастутъ до четырнадцати тысячъ и будутъ въ состояніи выдержать напоръ». Представленіе Зайончека не было принято Костюшкою. Неизвѣстно, притворился ли онъ передъ нимъ, что оставляетъ свое намѣреніе, или упорно стоялъ на своемъ. Онъ пріѣхалъ въ Варшаву и провелъ вечеръ у Закржевскаго. Тамъ были всѣ близкіе друзья его, Игнатій Потоцкій, Мостовскій, Коллонтай. Костюшко не подавалъ вида, чтò у него на умѣ. Друзья разстались въ часъ по полуночи. У Нѣмцевича былъ на пальцѣ превосходный антикъ, этрусскій перстень съ вырѣзаннымъ изображеніемъ раненаго воина, опирающагося на щитъ. Игнатій Потоцкій похвалилъ его. «Возьмите его себѣ и держите, пока мы не увидимся снова», сказалъ Нѣмцевичъ. Игнатій не понялъ значенія этихъ словъ, а Нѣмцевичъ хотѣлъ въ случаѣ несчастія оставить по себѣ память человѣку, котораго очень любилъ и уважалъ.

На зарѣ, рано, Костюшко съ Нѣмцевичемъ былъ уже на ногахъ. Отъѣзжая, Костюшко довѣрилъ начальство надъ войскомъ близъ Варшавы Зайончеку и приказалъ распустить слухъ, что ѣдетъ въ Варшаву. Они поѣхали на Прагу. Проѣхавъ верстъ около двадцати, они оставили своихъ утомленныхъ лошадей и поѣхали на перемѣнныхъ мужичьихъ. Жалко было имъ смотрѣть на этихъ лошадей, только кожа да кости, а сѣдла были безъ стремянъ, и удилъ не было, а вмѣсто нихъ были веревки. Край былъ разоренъ, хлопы обѣднѣли. Въ пять часовъ путешественники достигли обоза Сѣраковскаго, гдѣ съ послѣднимъ были генералы Каминскій и Понинскій, и бригадиръ Копець, прибывшій изъ своего лагеря, верстъ за тридцать оттуда.

Утромъ Понинскій уѣхалъ къ своему отряду съ Сѣраковскимъ; Каминскій поѣхалъ съ Костюшкою. Они въ Корытницу прибыли вечеромъ; тамъ былъ отрядъ, наблюдавшій за Ферзеномъ. Костюшко остановился въ опустошенномъ казаками панскомъ домѣ, и пробылъ тамъ цѣлый день. Погода была дождливая.

Польскіе подъѣзды взяли въ плѣнъ маіора русской службы, снимавшаго планъ мѣстности. Оказалось, что этотъ маіоръ

былъ родомъ полякъ изъ брацлавщины, по прозванію Подчаскій. «Мы имѣли право повѣсить его какъ измѣнника, говоритъ Нѣмцевичъ, но удовольствовались тѣмъ, что вывѣдали у него о состояніи непріятеля». Чуть живой отъ страха Подчаскій объяснялъ, что нищета заставила его вступить въ русскую службу и онъ хотѣлъ увольниться, но его не пускали въ отставку. Онъ разсказалъ Костюшкѣ подробно о положеніи русской арміи и ея численности.

«Оказывается, что непріятель сильнѣе насъ вчетверо людьми и орудіями», сказали поляки. Вечеромъ дождь пересталъ. Прояснивало. Нѣмцевичъ и Каминскій, нѣкогда школьные товарищи, прогуливались по двору. Вдругъ по правую ихъ сторону пролетѣла стая вороновъ. «Припомни Тита Ливія, сказалъ Каминскій, вороны по правую сторону — дурное предзнаменованіе».— «Оно было дурнымъ для римлянъ, а не для насъ, сказалъ Нѣмцевичъ. Пусть это кажется невѣроятно, но увидишь,—мы побьемъ москалей».— «И я тоже думаю», сказалъ, ободрясь, Каминскій.

Настало ясное утро 28 сентября (9 октября). Полковникъ Крицкій привелъ изнуренные два полка изъ Варшавы. Имъ для подкрѣпленія дали водки.

Въ девять часовъ утра выступили поляки изъ Корытницы. Путь имъ лежалъ черезъ лѣсъ. Въ четыре часа по полудни вышли они изъ лѣса близъ Мацѣіовицъ и увидѣли вдоль Вислы раскинутый русскій обозъ. Русское оружіе сверкало противъ солнца. Шумъ голосовъ, крики командъ, ржаніе лошадей доходили до ушей поляковъ. Генералы устанавливали войско въ боевой порядокъ, а стрѣлки между тѣмъ уже начали драться съ передовыми казаками. Эти такъ-называемые *шармицели* не длились больше часа.

Маленькая рѣка течетъ въ Вислу черезъ мѣстечко Мацѣіовицы. На берегу ея стоялъ зáмокъ; отъ этого зáмка до села Ороннэ вдоль рѣчки на лѣвомъ ея берегу расположились поляки. Рѣчка, впадая въ Вислу, образуетъ уголъ; отъ этого угла вдоль Вислы, до Козеницъ, стояли русскіе. Понинскаго съ его отрядомъ не было. Костюшко послалъ къ нему вечеромъ гонца, приказывая прибыть какъ можно скорѣе.

Ночью отправились польскіе генералы въ зáмокъ. Онъ принадлежалъ фамиліи Замойскихъ. На стѣнахъ его висѣли портреты лицъ этой фамиліи, знаменитыхъ въ исторіи канцлеровъ, гетмановъ, епископовъ. Казаки незадолго передъ тѣмъ посѣтили зáмокъ и оставили слѣды свои; у однихъ изъ нарисованныхъ Замойскихъ были проколоты глаза, у другихъ разрублены саблями лица. Безсознательно русскій воинъ попиралъ древнюю славу Польши

на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько дней спустя судьба опредѣлила разыграться одной изъ послѣднихъ сценъ ея исторической драмы.

Наступило утро рокового дня. Мѣстоположеніе, казалось, давало полякамъ болѣе выгоды и надеждъ. Они стояли на сухомъ мѣстѣ, а русскимъ надо было пробираться по болотамъ. Но русскіе не боялись дурныхъ путей, когда надобно и велѣно идти черезъ нихъ.

По составленному Ферзеномъ плану, генералъ Хрущовъ ударилъ на поляковъ прямо. Корпусъ Денисова обошелъ вправо и ударилъ на поляковъ въ лѣвый флангъ. Корпусъ Тормасова направилъ свой ударъ лѣвѣе отъ Хрущова, а еще лѣвѣе двинулся корпусъ Рахманова, перешелъ рѣчку, пошелъ вдоль ея по правой сторонѣ съ большимъ трудомъ, при упорномъ сопротивленіи поляковъ, потомъ снова перешелъ на лѣвую сторону по плотинѣ и ударилъ въ тылъ. Наконецъ резервъ, подъ начальствомъ полковника Толстого, взялъ Мацѣіовицы, перешелъ черезъ рѣку и потомъ очутился тоже въ тылу поляковъ, еще далѣе, лѣвѣе Рахманова. Сначала сыпались на поляковъ ядра и гранаты, потомъ, когда русскіе приблизились, со всѣхъ сторонъ открылся по нимъ убійственный ружейный огонь. Тогда русскіе ударили въ штыки. Все мѣшалось, кидало оружіе, бѣжало, но бѣжать было некуда. Русскіе окружили поляковъ. Костюшко бросился за бѣгущею и потерявшею духъ кавалеріею; онъ думалъ остановить ее и двинуть въ бой. За нимъ пустились въ догонку харьковскаго легко-коннаго полка корнетъ Лисенко, да елисаветградскаго конно-егерскаго полка корнетъ Смородскій, да два казака, Лосевъ и Топилинъ. Конь Костюшки споткнулся и упалъ. Казаки, доскакавъ, дали ему два удара пикою, а Лисенко ударилъ его саблею по головѣ. Казаки бросились обирать его — сняли съ пальца перстень, потомъ другой, потомъ стали снимать третій, съ изображеніемъ краковской шапки — девиза повстанья. Костюшко машинально сжалъ палецъ. Офицеръ присмотрѣлся и закричалъ: «Это Костюшко!» — «Я Костюшко, воды!» проговорилъ раненый начальникъ. Воины прониклись уваженіемъ къ храброму, честному и уже безсильному врагу. Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за водою. Офицеры приказали надѣть на него прежнюю одежду, перевязали ему раны. Онъ впалъ въ безпамятство. Казаки изъ пикъ устроили носилки и понесли его.

Генералы Сѣраковскій, Княжевичъ, Каминскій, Копець, всѣ полковники, штабъ и оберъ-офицеры, секретарь Костюшки Фишеръ, оставшіеся въ живыхъ, были взяты въ плѣнъ. Нѣмцевичъ былъ раненъ въ руку. «Первымъ моимъ движеніемъ, говоритъ онъ, была гордость при мысли, что я проливаю кровь за оте-

чество, но это патріотическое наслажденіе прошло, когда я увидалъ, что вся наша армія уничтожена». Казаки нагнали его, схватили за поводья его лошадь и повели.

Казацкій офицеръ, взявшій въ плѣнъ Нѣмцевича, не принадлежалъ къ числу образованныхъ и гуманныхъ офицеровъ, какими, къ чести ихъ, были многіе изъ героевъ екатерининской арміи, уважавшіе во врагѣ человѣка и исполнителя своего нравственнаго долга. Онъ сталъ его обирать, и увидя на раненой рукѣ бриліантовый перстень, силился его снять, но это было трудно, — рука припухла отъ раны. Нѣмцевичъ закричалъ отъ боли, снялъ перстень и бросилъ ему въ лицо. «Этотъ офицеръ обратился въ слугу моего», говоритъ Нѣмцевичъ; онъ раздѣлъ его и надѣлъ на него мундиръ, снятый съ убитаго польскаго жолнѣра. Его повели посреди русскихъ батальоновъ. «За чѣмъ ведешь его?» кричали офицеру подобные ему товарищи. «Убей его». На пути подъѣхалъ полковникъ Миллеръ, обратился къ Нѣмцевичу вѣжливо и милостиво, и при немъ же далъ выговоръ грубому казацкому офицеру за жестокое обращеніе, и самъ взявъ подъ свое покровительство Нѣмцевича, повелъ его въ главную квартиру.—«Мы шли черезъ побоище, говоритъ Нѣмцевичъ; земля была покрыта ободранными трупами. Что́ было величественно въ этой картинѣ, это рослые жолнѣры, лежавшіе съ пробитою штыками грудью, съ запекшеюся въ ранахъ кровью, но еще видно было въ нихъ оставшееся послѣднее напряженіе мускуловъ; грозное выраженіе застыло на ихъ лицахъ».

Всѣхъ знатныхъ плѣнныхъ приводили къ Ферзену. Побѣдитель встрѣчалъ ихъ ласково съ трубкою въ рукахъ и безъ оружія, чтобы показаться скромнѣе. Отъ него ихъ отводили въ за́мокъ, гдѣ собрались русскіе генералы. Плѣнниковъ поставили въ рядъ. Русскіе генералы—Хрущовъ, Тормасовъ, Денисовъ и другіе утѣшали ихъ, ласкали. Костюшки не было. Всѣ думали, что онъ убитъ, какъ вдругъ казаки принесли его на пикахъ полуживого, и русскіе генералы бросились оказывать ему помощь. У Нѣмцевича въ карманѣ взяли польскую только-что написанную имъ пьесу: «Возвращеніе съ того свѣта». Русскіе, знавшіе по-польски, читали и хвалили пьесу, желая сдѣлать пріятное плѣнному автору.

Всѣхъ плѣнныхъ взято русскими двѣ тысячи семьдесятъ человѣкъ. Изъ нихъ восемьсотъ были тотчасъ отпущены, съ обязательствомъ не служить противъ Россіи. Русскіе взяли 21 пушку, изъ нихъ четыре двѣнадцати-фунтовыхъ и четыре шести-фунтовыхъ, а прочія трехъ-фунтовыя, два знамени и 26 порохо-

выхъ ящиковъ. Сами русскіе потеряли убитыми 166 чел.; раненыхъ было 1,154.

Плѣнныхъ генераловъ разобрали къ себѣ на попеченіе русскіе генералы. Каминскаго, съ позволенія Ферзена, взялъ къ себѣ генералъ Дашковъ, который былъ въ Варшавѣ друженъ съ сестрою его Гурскою. Сѣраковскаго и Княжевича взялъ Хрущовъ, и обращался съ ними привѣтливо и дружелюбно. Всѣхъ убитыхъ похоронили съ военною честью и русскіе священники отпѣвали ихъ. Угождая французскому вольномыслію, поляки ставили русскимъ въ укоръ эту заботливость о приличномъ погребеніи мертвыхъ, называли ее суевѣріемъ, и порицали ихъ за то, что они въ тоже время оказывали менѣе старанія о раненыхъ плѣнныхъ, впрочемъ замѣчали, что и о своихъ раненыхъ они заботились не болѣе того. Быть можетъ, это было единственно оттого, что въ Россіи въ то время былъ еще недостатокъ во врачахъ, особенно искусныхъ.

Такъ какъ курьеровъ приходилось для избѣжанія плѣна посылать черезъ австрійскія земли, то Ферзенъ отправилъ къ Суворову извѣстіе съ плѣннымъ полякомъ, Станиславомъ Дубовицкимъ. По донесенію этого Дубовицкаго, всѣхъ польскихъ войскъ было подъ Мацѣіовицами десять тысячъ пятьсотъ человѣкъ, тогда какъ по извѣстіямъ польскимъ ихъ было не болѣе шести съ небольшимъ. Дубовицкій показывалъ, что Костюшко отправилъ изъ Варшавы четыре полка по 1,000 человѣкъ, тогда какъ Нѣмцевичъ говоритъ, будто онъ отправилъ ихъ только два. Дубовицкій указываетъ именно въ какомъ батальонѣ сколько людей находилось, и его показанія вообще носятъ печать правдоподобія; исключивъ число взятыхъ въ плѣнъ, окажется, что поляковъ легло болѣе восьми тысячъ въ этой *рѣзанинѣ*, какъ называли русскіе ветераны это сраженіе, вспоминая объ немъ въ своихъ разсказахъ впослѣдствіи.

Въ Варшавѣ сначала, какъ водится, стали ходить неясные слухи о мацѣіовицкомъ пораженіи. Имъ не хотѣли вѣрить. Патріоты, такъ боготворившіе своего начальника, никакъ не допускали мысли, чтобы этотъ идеалъ ихъ могъ быть взятъ въ плѣнъ. Боялись передавать другъ другу эти слухи, чтобы не подпасть обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи дурныхъ вѣстей. Потомъ разнесся даже слухъ, что Костюшко свободенъ, что его нашли въ болотѣ и везутъ въ Варшаву. Народъ толпами побѣжалъ къ мосту и стоялъ на берегу съ полудня до ночи, пока сильный осенній дождь не прогналъ его. На другой день Зайончекъ издалъ приказъ и извѣщалъ оффиціально войско и народъ о несчастіи, постигшемъ отечество. Онъ убѣждалъ не унывать,

но одушевиться чувствомъ и желаніемъ мести за любимаго начальника. Тогда раздались отчаянные крики: «Нѣтъ Костюшки! Пропало отечество». Иныхъ, по словамъ современниковъ, била лихорадка; другіе впали въ горячку, нѣкоторые совсѣмъ сошли съ ума, бѣгали по улицамъ и бились головами объ стѣны; женщины метались и кричали въ истерикѣ, а иныя даже разрѣшились отъ бремени преждевременно. Даже дѣти, слышавшія прежде безпрестанно отъ родителей имя Костюшки, теперь плакали навзрыдъ и кричали: «гдѣ дорогой Костюшко?» — Немало было и такихъ, которые втайнѣ радовались этому, видя по крайней мѣрѣ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе дойдетъ до какого-нибудь конца, но и тѣ должны были притворяться. «Онъ въ плѣну — какой стыдъ! говорили такіе, желая набросить на Костюшку тѣнь. Да зачѣмъ же онъ не нашелъ славной смерти, какъ многіе другіе нашли ее подъ Мацѣіовицами? Зачѣмъ предпочелъ стыдъ пораженія и плѣнъ геройской смерти?» Крайніе демократы, которыхъ всякая неудача разъяряла, кричали, что теперь-то и надобно показать рѣшительныя мѣры и перебить плѣнныхъ москалей и измѣнниковъ поляковъ.

3 (14) октября, высочайшій совѣтъ по этому поводу принужденъ былъ издать прокламацію, гдѣ было сказано: «Высочайшій совѣтъ убѣжденъ, обыватели, что скорбь ваша и слезы нераздѣльны съ твердою рѣшимостью мстить непріятелю за утрату начальника. Но высочайшій совѣтъ, говоря о мести, отнюдь не думаетъ побуждать васъ мстить безоружнымъ людямъ изъ московскаго края, находящимся у насъ въ плѣну, или за ручательствомъ народа. Судьбу ихъ слѣдуетъ уважать и по долгу человѣчности и по вниманію къ нашимъ рыцарямъ, которые, будучи покрыты ранами, въ рукахъ непріятеля испытали бы такія же несчастія и жестокости».

Ферзенъ, по взятіи Костюшки, послалъ къ королю Станиславу-Августу курьера съ письмомъ. Костюшко собственною слабою рукою надписалъ курьеру паспортъ. «Ваше величество, — писалъ Ферзенъ, — истребленіе всего корпуса, стоявшаго у зáмка (Мацѣіовицкаго), взятіе такого множества воиновъ, высшихъ офицеровъ, командировъ и самого начальника революціи 1794 г. — вотъ слѣдствіе дѣла 10 октября. Надѣюсь, что теперь ваше величество и Рѣчь-Посполитая возвратитесь къ своимъ прежнимъ правамъ, и потому обращаюсь къ законнымъ властямъ съ требованіемъ увольненія всѣхъ генераловъ, офицеровъ, солдатъ и состоящихъ на службѣ русскихъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ къ дипломатическому корпусу, а равно и женщинъ, задержанныхъ вопреки достодолжному уваженію къ правамъ наро-

довъ. Я желаю, чтобы всѣ эти особы отосланы были въ корпусъ, находящійся подъ моею командою, и скорое ихъ возвращеніе увеличитъ во мнѣ желаніе сдѣлать съ своей стороны все, чтò могу и чтò отъ меня будетъ зависѣть. Надѣюсь, что усилія, до сихъ поръ напрасныя, возвратятъ наконецъ спасительное спокойствіе Польшѣ и что въ этомъ еще году я буду въ состояніи изъявить вашему величеству мое уваженіе».

Король, конечно, не могъ еще писать ничего другого, кромѣ того, чтò ему прикажутъ. Отвѣтъ его Ферзену отъ 4 (15) октября былъ таковъ:

«Милостивый государь! Какъ ни прискорбно для насъ несчастіе, постигшее насъ 10 октября, преимущественно утратою глубоко уважаемаго мужа, давшаго вновь начало независимости своему отечеству, однако это несчастіе не можетъ поколебать постоянство тѣхъ, которые поклялись или погибнуть или возвратить себѣ свободу. Не удивляйтесь, что ваше предложеніе объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и заложниковъ, остающихся у насъ въ обезпеченіе судьбы поляковъ, увезенныхъ въ Москву, намъ неумѣстно принять. Еслибы вы постарались объ увольненіи вашихъ единоземцевъ посредствомъ освобожденія задержанныхъ въ вашей землѣ поляковъ, то я охотно содѣйствовалъ бы осуществленію вашего желанія».

Въ тотъ же день послано было отъ высочайшаго совѣта письмо къ Костюшкѣ (уже второе со времени его плѣна). «Высочайшій совѣтъ, писали ему, готовъ уволить за тебя всѣхъ непріятельскихъ плѣнниковъ; каждый изъ насъ готовъ пожертвовать собственною свободою за твою. Это голосъ цѣлаго народа. Если россійское правительство не согласится на это, то оно покажетъ, какъ дорожитъ твоею особою и какъ мало даетъ цѣны собственнымъ подданнымъ. Насъ извѣщали, что съ тобою, начальникъ, обращаются человѣколюбиво; у насъ плѣнники, особы русскаго происхожденія, состоящія за народнымъ поручительствомъ, и прежде испытывали тоже; теперь же, узнавъ, какъ хорошо съ тобою обращаются, мы особенно обѣщаемся усладить непріятность ихъ плѣна. Высочайшій совѣтъ установилъ навсегда имѣть твой портретъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ отправляться его засѣданія».

Президенствовать въ совѣтѣ, въ день, когда было писано это письмо, пришлось Игнатію Потоцкому. Онъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго прибавилъ и отъ себя изъявленіе чувствъ уваженія, и въ концѣ рѣчи сообщилъ, что король поручилъ передать свое участіе къ судьбѣ Костюшки и неизмѣнное къ нему уваженіе.

На другой день, 5 (16) октября, Костюшко прислалъ изъ плѣна высочайшему совѣту такое значительное письмо: «Обращаюсь къ высочайшему совѣту по поводу происшествія, которое касается чести нашего народа и войска. Сто слишкомъ офицеровъ взято было въ несчастной битвѣ 10 октября въ плѣнъ; они просили, чтобы ихъ содержали на честное слово. Они получили отъ генерала Ферзена эту милость. Но нашлось изъ нихъ девять негодяевъ и подлецовъ, которые, забывъ святость даннаго слова и честь офицера, а равно и тѣ непріятныя послѣдствія, которыя они навлекали на честныхъ своихъ товарищей, оставшихся въ плѣну, убѣжали изъ россійскаго обоза. Къ стольким утратамъ, которыя неблагопріятная судьба дала намъ почувствовать, не станемъ присоединять величайшей изъ потерь,—потери славы и чести. Пусть начальство примѣрнымъ наказаніемъ покажетъ, и своимъ и чужимъ, какъ оно гнушается всякою подобною подлостью, какъ умѣетъ строго преслѣдовать и карать ее. Прошу высочайшій совѣтъ немедленно приказать, гдѣ нужно, задержать этихъ негодяевъ, заковать въ цѣпи и препроводить въ лагерь генерала Ферзена подъ конвоемъ, какъ можно скорѣе, а если они въ Варшавѣ не отыщутся, то приказать ихъ вездѣ искать и доставить, затѣмъ имена ихъ вычеркнуть изъ списковъ и напечатать въ газетахъ».

XII.

Вавржецкій избранъ главнокомандующимъ.—Мѣры обороны.—Укрѣпленія Праги.—Пораженіе поляковъ подъ Кобылкою.—Волненія въ Варшавѣ.

Стали думать о новомъ народномъ начальникѣ. Генералы и вліятельные люди совѣта были между собою не въ ладу; одинъ другому готовъ былъ подставить ногу. Коллонтай предложилъ въ начальники Ѳому Вавржецкаго, бывшаго тогда въ Литвѣ. Этотъ человѣкъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, со всѣми ладилъ, былъ скроменъ, невластолюбивъ; можно было надѣяться взять его въ руки. Во время четырехлѣтняго сейма онъ красно говорилъ, слылъ за пламеннаго патріота, крѣпкаго сторонника конституціи 3-го мая; то былъ человѣкъ вполнѣ честный и прямодушный, но не обладалъ ни способностями, ни опытностью въ военномъ искусствѣ и даже не отличался склонностью къ нему. Учредили военный совѣтъ, который долженъ быть постоянно при верховномъ начальникѣ и состоять изъ шести членовъ; трехъ предоставлялось избрать самому начальнику, а трехъ назначалъ высочайшій совѣтъ.

Крайняя опасность была очевидна. Пораженіе Костюшки послѣ первыхъ дней напряженія располагало къ уступкѣ тѣхъ, которые предавали хладнокровному обсужденію положеніе польскихъ дѣлъ. Польша могла насчитать у себя еще до сорока тысячъ войска, но оно было раскидано: Домбровскій и Мадалинскій съ пятью тысячами и Понятовскій съ шестью находились въ Великой Польшѣ и должны были удерживать пруссаковъ. Мокрановскій и Гедройцъ стояли въ Литвѣ; у нихъ было тысячъ до десяти или до двѣнадцати; сверхъ того было три тысячи у Грабовскаго, четыре тысячи у Понинскаго, а въ Варшавѣ пять тысячъ съ половиною подъ начальствомъ Зайончека, которому самъ Костюшко поручилъ тамъ предводительство. Всего этого войска было недостаточно, если противная сторона захотѣла бы умножить свои силы. Нельзя было назвать его превосходнымъ; значительная часть его состояла изъ новобранныхъ, или вооруженныхъ косами. Начальники не отличались ни талантомъ, ни опытностью и были между собою постоянно несогласны. Предводители ничѣмъ не пріобрѣли любви подчиненныхъ, и еще меньше любви къ себѣ народа. Польскіе отряды для хлоповъ казались подъ-часъ хуже пруссаковъ и москалей: брали съ нихъ фуражъ, не обращая вниманія на бѣдность, не платили денегъ за взятое, брали даромъ подводы и загоняли лошадей, брали рабочій скотъ поселянъ, брали, подъ предлогомъ пожертвованій, все что ни попадалось имъ на глаза, и насильно вербовали жителей въ войско. «Одинъ Костюшко былъ отецъ, говорили поселяне, а эти генералы, и полковники, и офицеры — разбойники и грабители». Ихъ дѣйствія противъ пруссаковъ не принесли ничего плодотворнаго. 5-го октября, Домбровскій и Мадалинскій проникли до Быдгоща (Бромберга), разбили и плѣнили прусскаго генерала Секули, который тотчасъ умеръ отъ раны. Поляки овладѣли Быдгощью, забрали тамъ военные и продовольственные склады. Это, какъ водилось, надѣлало большого шуму, ославлено блестящимъ подвигомъ, подало поводъ къ еще болѣе блестящимъ надеждамъ, но въ сущности это былъ только удачный набѣгъ, который не могъ имѣть выгодныхъ прочныхъ послѣдствій. Поляки не могли удержать этого отдаленнаго города въ то время, когда по близости къ Варшавѣ пруссаки уже господствовали. Прусскій главный генералъ Фавратъ стоялъ въ Піотрковѣ. Города: Рава, Ловичъ, Сохачевъ, Вышегродъ, Закрочимъ, были заняты пруссаками. Радомъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Пулавы были захвачены ими же. Австрійцы не начинали непріязненныхъ дѣйствій и избѣгали всячески необходимости воевать съ поляками, но не пропускали подвоза продовольствія къ Вар-

шавѣ. Ясна была цѣль благоразумной политики австрійской. Не желая тратить людей, предоставляя русскимъ и пруссакамъ подавить, съ пролитіемъ собственной крови и съ большими издержками, польскую революцію, Австрія оставляла себѣ только трудъ взять на свою долю прилегавшую къ ея владѣніямъ лучшую часть Рѣчи-Посполитой.

Представлялось на выборъ,—или стянуть поболѣе войска къ Варшавѣ и сосредоточить дѣйствія на защиту столицы, или держать ихъ на разныхъ пунктахъ. Послѣднее было опасно, въ случаѣ когда бы на Варшаву напалъ Суворовъ, соединясь съ Ферзеномъ и Дерфельденомъ; тогда польскія силы для защиты столицы останутся слабы; а собрать ихъ всѣ вмѣстѣ въ одинъ пунктъ противъ Суворова значило бы обнажить Варшаву со стороны Великой Польши и тогда можно было ожидать, что прусскій король опять явится подъ столицею и будетъ ее осаждать вмѣстѣ съ пришедшимъ русскимъ войскомъ. Въ Варшавѣ чувствовался большой недостатокъ продовольствія. Край около столицы былъ опустошенъ, обѣднѣлъ и обезсилѣлъ. Съ приближеніемъ къ столицѣ русскаго войска онъ еще болѣе долженъ былъ подвергнуться опустошенію и упадку. Патріотическій духъ падалъ день ото дня. Если прежде, во время первой осады, при всей энергіи патріотовъ было много такихъ, которые втайнѣ были не прочь отдать Варшаву хоть пруссакамъ, хоть русскимъ, ради спокойствія, то теперь ихъ становилось еще гораздо больше. Многіе изъ такихъ, что прежде искренно горячились за революцію, теперь измѣнили свои убѣжденія, когда, испытавши уже много неудачъ, и впереди ничего не чаяли кромѣ неудачъ. Мысль о невозможности устоять противъ русскихъ вела къ желанію прекратить возстаніе. Патріоты, выражавшіеся языкомъ французской революціи, называли своихъ противниковъ роялистами, и приписывали все хитрости короля и его такъ-называемой дворской партіи. Зайончекъ, лично не терпѣвшій короля, разжигалъ противъ него умы. Въ самомъ же дѣлѣ король отнюдь не былъ виноватъ. Повстанье съ самаго начала не имѣло твердаго корня въ побужденіяхъ, руководившихъ большинствомъ.

По совѣту Зайончека рѣшили стянуть къ Варшавѣ отдѣльныя войска; они должны были служить оплотомъ противъ русскихъ, покушавшихся на столицу. Главнымъ центромъ обороны хотѣли дѣлать Прагу.

Новый начальникъ, Вавржецкій, прибылъ въ Варшаву на девятый день послѣ своего назначенія, 12 (23) октября. Онъ откровенно сознавалъ свою неприготовленность, свою неопытность въ военномъ дѣлѣ, но высочайшій совѣтъ настоялъ, чтобы онъ

принялъ на себя званіе начальника. «Онъ,—говоритъ Зайончекъ,—былъ похожъ на жертву, которую тянутъ на закланіе къ алтарю».

Вавржецкій заявилъ мнѣніе противное тому, какое было принято. Онъ совѣтовалъ не только оставить начатыя уже укрѣпленія Праги, но думалъ совсѣмъ сжечь ее, ограничившись защитою берега Вислы, и укрѣпить Варшаву орудіями большого калибра. Высочайшій совѣтъ былъ противъ этого, особенно Коллонтай, котораго многіе слушались. Невозможно оставить Прагу, говорилъ онъ и за нимъ другіе, она обороняетъ Варшаву; если Прагу возьмутъ, городское строеніе въ столицѣ будетъ тотчасъ разметано. Нельзя покинуть и погубить пороховой и оружейный заводы. Защищать Прагу есть кому; кромѣ войска найдется двадцать тысячъ жителей Варшавы, одушевленныхъ патріотическимъ отчаяніемъ, хорошо вооруженныхъ; они будутъ стоять за нее храбро и стойко». Мнѣніе Вавржецкаго было отвергнуто. Рѣшено непремѣнно укрѣплять Прагу.

Разсчитывали такъ: если Суворовъ явится къ Варшавѣ, то принужденъ будетъ осаждать Прагу; осада задержитъ его по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, а въ это время начнутся дожди, непогода; русскіе не могутъ оставаться на зиму; имъ нужно будетъ получать продовольствіе, а они его имѣть не будутъ въ этомъ краѣ; они будутъ принуждены отступить къ Бугу; между тѣмъ политическія обстоятельства Европы могутъ измѣниться къ лучшему для Польши. Уже посланы были къ Мокрановскому, Грабовскому и Гедройцу приказанія, чтобы они съ своими отрядами спѣшили къ Варшавѣ.

Написано было воззваніе отъ высочайшаго совѣта къ великополянамъ, заохочивали ихъ продолжать возстаніе противъ пруссаковъ. Уполномоченный совѣта, Линовскій, взывалъ къ сендомирскому воеводству, которое въ послѣднее время оказывало большую холодность, требовалъ собирать жолнеровъ съ пятаго дома (что было приказано давно, но не исполнялось) и доставлять къ Варшавѣ продовольствіе. Вавржецкій писалъ одно за другимъ воззванія къ польскому народу, вспоминалъ древнихъ римлянъ и грековъ, доказывалъ, что воинъ свободный можетъ лучше биться, чѣмъ воинъ служащій деспотамъ, и т. под. Высочайшій совѣтъ раздѣлилъ Варшаву на отдѣлы для защиты города, установилъ депутацію, которая съ народнаго согласія должна была назначать начальниковъ надъ командами городского ополченія, ассигновалъ милліонъ злотыхъ для награды тѣмъ, которые отличатся при защитѣ города и, 16 (27) октября, издалъ пламенное воззваніе къ жителямъ Варшавы. «Не такъ страшна

непріятельская сила,—писано было тамъ,—какъ представляютъ ее трусы и люди нерасположенные къ повстанью. Будьте только крѣпки и отважны, и вражескіе замыслы обратятся ни во что. Думайте о защитѣ отечества и не безпокойтесь о продовольствіи, котораго недостаткомъ стращаютъ васъ враги народа. Будьте увѣрены, что правительство употребитъ всѣ средства для продовольствія столицы. Сражайтесь каждый за собственное существованіе. Развѣ не чувствуете, какою злобою дышетъ непріятель на эту столицу за то, что она осмѣлилась сбросить наложенное имъ ярмо, истребить тирановъ, безнаказанно глумившихся надъ невиннымъ народомъ; на ихъ трупахъ провозгласить свободу и независимость. Да, обыватели, вамъ нѣтъ иного спасенія, кромѣ своего собственнаго мужества. Правительство смѣло увѣряетъ васъ, что если вы теперь будете крѣпки и предпріимчивы, то скоро наступятъ обстоятельства, которыя изгонятъ непріятелей и дадутъ вамъ сладостный отдыхъ по трудахъ вашихъ».

Домбровскій и Мадалинскій подступили ближе къ Варшавѣ и расположились у Пилицы и Гостынина. Понятовскій стоялъ еще ближе къ столицѣ и заслонялъ ее съ лѣвой стороны Вислы.

Вавржецкій нашелъ необходимымъ для наблюденія за австрійцами отправить отрядъ въ три тысячи человѣкъ подъ командою бригадировъ Вышковскаго и Язвинскаго къ Пулавамъ, а маіора Либерацкаго съ семью стами кавалеріи въ сендомирское и радомское воеводства, для доставленія провіанта къ Варшавѣ. Приказано было разогнать австрійцевъ, расположившихся по деревнямъ и не допускавшихъ подвоза продовольствія къ Варшавѣ. Австрійцы, разсѣянные малыми отрядами, избѣгали стычекъ съ поляками, уходили къ Пулавамъ, и такимъ образомъ въ Варшаву успѣли привезти значительное количество хлѣба и пригнать скота. Наконецъ, Вавржецкій нашелъ нужнымъ выслать изъ Праги и генерала Гедройца, у котораго было около пяти тысячъ, на подкрѣпленіе Домбровскаго и Мадалинскаго: онъ боялся, чтобы пруссаки не сдѣлали на Варшаву нападенія; итакъ, для защиты Праги оставалось не болѣе десяти тысячъ человѣкъ; изъ нихъ настоящаго войска было только четыре тысячи, остальное все состояло изъ новобранцевъ.

Вавржецкій впослѣдствіи сознавался, что сдѣлалъ ошибку, разсѣвая такимъ образомъ войско, и тѣмъ лишилъ Варшаву и Прагу силъ для обороны. Его ввели въ обманъ увѣренія Коллонтая и другихъ патріотовъ, будто жители Варшавы примутся

дружно за оборону Праги и такимъ образомъ рукъ достанетъ, а содержать много войска въ одномъ мѣстѣ затруднительно.

Суворовъ послѣ побѣды подъ Брестомъ стоялъ около мѣсяца въ Брестѣ и выходилъ изъ себя за то, что ему не присылали на помощь Дерфельдена.—«Не будучи въ довольныхъ силахъ», писалъ онъ къ Румянцову, «не могу я съ своимъ войскомъ отважиться на очищеніе праваго берега Вислы. Время упущено. Приближаются винтеръ-квартиры и я могу сказать то, что говорилъ Магербалъ Аннибалу: ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою».

Суворовъ разсчитывалъ, что у него войска недостаточно, чтобы идти съ нимъ въ глубину Польши. Онъ кажется считалъ польское возстаніе болѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Это неудивительно, когда вѣсти получались очень не легко, и для того, чтобы имѣть сообщеніе съ Ферзеномъ, нужно было посылать курьеровъ черезъ австрійскія владѣнія. Получивъ отъ Репнина, подъ командою котораго находился Дерфельденъ, увѣдомленіе, что этому послѣднему наконецъ велѣно присоединиться къ Суворову, онъ составилъ такой планъ: оставить въ Брестѣ отрядъ войска (3 эскадрона херсонскаго полка, пѣхотный сѣвскій полкъ, кавалерію и 250 казаковъ) подъ начальствомъ бригадира Дивова, для охраненія вагенбурга и провіантскихъ магазиновъ, взять съ собою продовольствія до 1 ноября и идти на Яновъ, Венгровъ и Станиславовъ, соединиться въ послѣднемъ мѣстѣ съ Ферзеномъ, потомъ съ Дерфельденомъ и идти прямо на Варшаву, а между тѣмъ просить австрійскаго генерала Гарнонкура, протянуть цѣпь до Лукова для соединенія съ русскими и прусскими кордонами за Вислою, и прусскаго генерала Латорфа, находящагося въ Опатовѣ, просить о содѣйствіи русскимъ войскамъ въ покушеніи на Варшаву. Прежде всего слѣдуетъ овладѣть Прагою, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, отнять на Вислѣ мостъ и, оставя въ Прагѣ Дерфельдена, перейти рѣку у Вилланбва и добывать столицу; или же, если почему-нибудь не прибудетъ Дерфельденъ, или пруссаки не станутъ содѣйствовать, то расположиться съ войскомъ на правомъ берегу Вислы, продовольствовать его изъ окольнаго края и держать сообщеніе съ Брестомъ, чтобы въ случаѣ, если сосѣдній край не можетъ доставлять во время осады провіанта, то получать его изъ Бреста; или же, наконецъ, смотря по надобности, отойти къ Бугу. «Остерегаться малѣйшаго раздробленія, писалъ Суворовъ къ Репнину, чтобы Варшава не получила прокормленія съ праваго берега Вислы».

Дерфельденъ долженъ былъ догнать Мокрановскаго, который,

по приказанію высочайшаго совѣта, долженъ былъ пробираться въ Польшу для защиты Варшавы. Но онъ не догналъ его. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, пустился за Мокрановскимъ самъ, и какъ слѣдовало по его плану, соединился съ Ферзеномъ у Станиславова. Отрядъ Мокрановскаго былъ раздвоенъ; самъ онъ съ половиною его уходилъ къ Прагѣ, другая, подъ начальствомъ генерала Бышевскаго, тянулась еще сзади. Послѣдняго нагналъ Суворовъ, 14 (25) октября, въ 8 часовъ вечера у мѣстечка Кобылки. Поляки ускорили свой ходъ, и въ ту же ночь Мокрановскій прислалъ имъ изъ Праги подкрѣпленіе въ двѣ тысячи, такъ что у Бышевскаго было по однимъ извѣстіямъ четыре тысячи восемьсотъ человѣкъ, по другимъ 5080 чел. Когда онъ подходилъ къ Кобылкѣ въ 5½ часовъ по полуночи, напала на него русская конница, и ударила на оба крыла польской арміи разомъ; на лѣвое крыло напалъ генералъ Исленьевъ, на правое Шевичъ. Польская конница смѣшалась. Пѣхота стала отступать по дорогѣ черезъ лѣсъ. Суворовъ, по указаніямъ генералъ-поручика Потемкина, замѣтившаго небольшую дорогу, отправилъ Шевича опередить непріятеля и захватить двѣ дороги, ведущія въ Варшаву. За Шевичемъ пошелъ скорымъ маршемъ, въ обходъ непріятеля, Потемкинъ. Между тѣмъ Исленьевъ отрѣзалъ одну польскую колонну, загналъ ее въ густой лѣсъ и здѣсь такъ прижалъ ее, что большая часть ея жолнеровъ легла на мѣстѣ, а остальная сдалась въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ двумя полковниками. Другая, бóльшая часть войска, прошедшая лѣсъ, но преслѣдуемая по пятамъ казаками, наткнулась впереди на русскую кавалерію и на устроенныя уже противъ нея на пути русскія батареи; поражаемая сзади и спереди, она бросилась въ лѣсъ, но русская кавалерія спѣшилась и погналась за поляками, и начала рубить ихъ саблями. Кровопролитіе было большое. Поляки погибали сотнями, почти не успѣвая защищаться. Бышевскій, тяжело раненый, отдался въ плѣнъ и съ нимъ сдались 27 офицеровъ. Изъ всего отряда взято въ плѣнъ тысяча семьдесятъ три человѣка. Остальные, за исключеніемъ можетъ быть немногихъ, успѣвшихъ спрятаться въ глубинѣ лѣса, всѣ полегли на мѣстѣ. Въ то же время Дерфельденъ подъ Остроленкою разбилъ двухъ-тысячный отрядъ Грабовскаго, шедшій также къ Прагѣ. До двухъ-сотъ человѣкъ убито, а 116 взято въ плѣнъ. Послѣ того Дерфельденъ присоединился къ Суворову.

Вслѣдъ затѣмъ, 20 числа октября, Суворовъ съ своимъ войскомъ появился передъ Прагою.

Работы по укрѣпленію Праги дѣлались скоро, но неосновательно. Окружавшій мѣстечко ретраншаментъ проведенъ былъ

такъ широко, что надобно было тысячъ тридцать войска, защищать его, тогда какъ, съ того времени, какъ прибылъ Суворовъ, для обороны его у поляковъ набралось для этого не болѣе двѣнадцати тысячъ. Они надѣялись на прибытіе отдѣльныхъ корпусовъ, но изъ нихъ одни были уже истреблены, или ослаблены, другіе не успѣли придти. Тогда внутри ретраншамента стали возводить другіе окопы; болѣе всего старались укрѣпить лѣвую сторону, гдѣ мѣсто представлялось суше и удобнѣе. Тамъ были впереди пригорки. Зайончекъ приказалъ занять ихъ стрѣлками и поставилъ впереди ретраншамента батареи. Сожгли деревушки напротивъ Праги для того, чтобы непріятель, пришедши, не нашелъ себѣ пріюта. Генералы, распоряжавшіеся этимъ дѣломъ, Вавржецкій и Зайончекъ, не показали великихъ дарованій и опытности. Зайончекъ былъ болѣе ученъ, чѣмъ опытенъ, болѣе запальчивъ, чѣмъ отваженъ, болѣе самолюбивъ, чѣмъ разсудителенъ. Вавржецкій былъ только хорошій риторъ. Онъ грозилъ висѣлицею всѣмъ, кто только осмѣлится заикнуться о мирѣ съ Москвою, и держалъ этимъ въ страхѣ умѣренныхъ, но никто еще не былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Онъ себѣ разъѣзжалъ по Варшавѣ въ королевской каретѣ, давалъ балы и обѣды; двадцать четыре музыканта играли за столомъ верховнаго полководца, по обычаю предковъ и отцовъ, въ то время, когда судьба Польши висѣла на волоскѣ.

Генералъ Ясинскій, человѣкъ самыхъ крайнихъ убѣжденій и самаго необузданнаго характера, горячился, порывался, спѣшилъ, и этимъ только болѣе портилъ дѣло, чѣмъ способствовалъ его успѣху. Въ городѣ день ото дня усиливалось смятеніе по мѣрѣ приближенія роковой минуты. Видно было, что возстаніе доходило до своей агоніи. Большинство гражданъ готово было сдаваться, но не могло рѣшить, кому и какъ сдаваться. Зажиточные купцы и мѣщане предпочитали заранѣе, не допуская русскихъ къ городу, послать къ прусскому королю и сдать ему Варшаву. Причина этого предпочтенія крылась тогда, во-первыхъ, въ томъ, что въ городскомъ классѣ въ Варшавѣ было много нѣмцевъ, которые естественно склонялись къ своимъ единоплеменникамъ, когда имъ предстоялъ выборъ; во-вторыхъ, они боялись русскаго войска, представляли его себѣ дикимъ, необузданнымъ, въ особенности потому, что въ этомъ войскѣ были казаки, татары и разные восточные инородцы, о которыхъ ходили слухи, что они кровожадны, не щадятъ побѣжденныхъ, даже и покорившихся добровольно, и способны совершать варварства, хотя и противъ воли своихъ начальниковъ. Конечно,

гостей, о которыхъ составили такое понятіе, не желательно было принимать въ городъ.

Король теперь, какъ нѣкогда, склонялся къ Россіи. Игнатій Потоцкій сталъ склоняться туда же. Думали попытаться примириться съ Екатериною, предложить ей—на польскій престолъ посадить кого-нибудь изъ внуковъ ея, хотя бы и будущаго наслѣдника россійскаго престола, великаго князя Александра, и, такимъ образомъ, соединить Польшу съ Россіею. Разсчитывали, что изъ многихъ золъ, какія могли угрожать Польшѣ, это было самое меньшее. До нихъ доходили слухи, что императрица болѣе другихъ внуковъ любитъ Александра, и слѣдовательно была надежда, что она изъ любви къ нему согласится. Такимъ образомъ достигалась бы цѣль самой Екатерины, Польша добровольно соединилась бы съ ея имперіею. Въ будущемъ могло все измѣниться къ выгодѣ поляковъ, по смерти императрицы наслѣдники ея могли держаться другихъ принциповъ и другой политики, и въ Европѣ положеніе дѣлъ могло быть иное. Преемники Екатерины могли вовсе не имѣть повода мѣшать водворенію въ Польшѣ свободныхъ и прочныхъ началъ конституціи 3-го мая, тѣмъ болѣе, что Екатерина, какъ чувствовали поляки, въ угоду прусскому королю согласилась на предлогъ обвинять польскую конституцію въ якобинствѣ только потому, что Польша черезъ эту конституцію хотѣла возвратить себѣ прочность и могущество, не въ союзѣ съ Россіею, а во враждѣ съ нею и къ явному ущербу ея политической силы на сѣверѣ и востокѣ Европы. Овладѣвши Польшею, императрица менѣе могла бояться ея благосостоянія. Такъ стали тогда размышлять поляки. Но эта мысль о сближеніи съ Россіею не могла взять перевѣса въ тѣ минуты, потому что задорные патріоты не дозволяли высказывать ее открыто и подробно. Коллонтай, наибольшій врагъ Россіи, стоялъ за крайнія мѣры и проповѣдовалъ, что съ москалями, какъ и съ пруссаками, не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ, что полякамъ надобно или освободить отечество, или всѣмъ погибнуть. Онъ былъ уже во враждѣ съ цѣлымъ высочайшимъ совѣтомъ, и самъ Игнатій Потоцкій сталъ ему врагомъ. Коллонтай возбуждалъ противъ высочайшаго совѣта общественное мнѣніе и затѣвалъ устроить при высочайшемъ совѣтѣ три департамента, которые хотѣлъ наполнить людьми крайней партіи, чтобы чрезъ ихъ посредство ниспровергнуть весь совѣтъ. Вавржецкій не допустилъ исполниться этому плану. Коллонтай прежде стоялъ за Вавржецкаго, думая, что имъ можно будетъ вертѣть, но обманулся; новый начальникъ былъ противъ него. За Коллонтая были генералы Зайончекъ, Ясинскій, банкиръ Капостасъ: они волновали толпу и раз-

жигали ее противъ короля и пановъ чрезъ посредство клуба якобинцевъ, носившаго названіе сборища для поддержанія революціи и краковскаго акта. Въ его засѣданіяхъ предлагались кровавыя мѣры, въ подражаніе французскому царству ужаса. Ясинскій былъ ярымъ посѣтителемъ этого клуба. «Однажды, — говоритъ Огинскій въ своихъ запискахъ, — незадолго до окончанія повстанья, пришелъ Ясинскій ко мнѣ и сталъ говорить: вступите поскорѣе въ якобинскій клубъ, иначе вы подвергаетесь опасности быть повѣшеннымъ». Огинскій, какъ представитель одного изъ аристократическихъ родовъ, не могъ быть въ этомъ клубѣ, хотя и сражался за возстаніе. «Ради спасенія Польши, сказалъ Ясинскій, надобно покончить съ дворянствомъ; иного средства нѣтъ».— «Да вѣдь и вы принадлежите къ дворянству, сказалъ Огинскій, какъ и я; слѣдовательно и васъ, какъ меня, щадить не нужно». 17 (28) октября пришелъ опять Ясинскій къ нему и сказалъ: «Я брошу Польшу, я пойду пѣшкомъ въ Парижъ; въ Польшѣ нечего мнѣ дѣлать, въ Польшѣ одни измѣнники, слабодушные и трусы. Пойдемте вмѣстѣ». — «Зачѣмъ ходить такъ далеко, сказалъ Огинскій, и притомъ это такъ затруднительно. Лучше здѣсь погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ оставить отечество и думать о собственной безопасности».—Совѣтъ понравился Ясинскому; онъ остался.

Прошелъ день, другой, какъ вдругъ задорные якобинцы стали волновать народъ и по ихъ наущенію распространились зловѣщіе крики: «схватить короля, овладѣть имъ, запереть и перерѣзать всѣхъ, кто не съ нами, кто совѣтуетъ мириться». Паны ужасно перепугались и внушали королю, что ему грозитъ опасность. Огинскій, надававшій Ясинскому героическихъ совѣтовъ, бѣжалъ изъ Польши подъ вымышленнымъ именемъ.

Эти яростные крики, сопровождаемые угрозами, заставили умѣренныхъ перестать говорить о сдачѣ Варшавы. Одни только пріумолкли, другіе начали притворяться и вторить патріотамъ. Королю и панамъ угрожала ежеминутная опасность. Легкомысленная удобоволнуемая варшавская толпа могла безъ разсужденія прибѣгнуть къ кровавому дѣлу; нужно было только одному или двумъ смѣльчакамъ отважиться на убійство; отвѣдавши крови, толпа тотчасъ охмѣлѣла бы, и началась бы во всякомъ случаѣ безполезная бойня, въ которой не уцѣлѣли бы многіе. Такимъ образомъ, несмотря на то, что значительное большинство въ Варшавѣ было теперь болѣе чѣмъ прежде противъ революціи и готово было сдать городъ безъ боя, никто не смѣлъ рѣшиться заявить объ этомъ, потому что прежде, чѣмъ составится кружокъ достаточно сильный, смѣлые патріоты перерѣзали бы за-

чиновниковъ, и увлекли бы за собою ту многочисленную толпу, которая всегда и вездѣ безъ твердаго направленія примыкаетъ туда, гдѣ въ данную минуту чувствуетъ нравственное и матеріальное вліяніе. Поэтому ограничивались только ропотомъ на судьбу, вздохами, намеками на невозможность устоять въ борьбѣ, двусмысленными подозрѣніями въ измѣнѣ. Умѣренные стали платить ревностнымъ тою же монетою: ревностные ихъ укоряли, взваливали измѣну и продажность на всѣхъ умѣренныхъ и разсудительныхъ, а послѣдніе точно также стали бросать подозрѣніе въ измѣнѣ и неспособности на ревностныхъ. Послѣднихъ поддерживало то, что многіе ксендзы были если не во всемъ на ихъ сторонѣ, то по крайней мѣрѣ раздѣляли съ ними ненависть противъ москалей. Церкви день и ночь были отворены; народъ толпился въ нихъ, лежалъ крыжемъ, пѣлъ сочиненныя нарочно религіозныя патріотическія пѣсни, а ксендзы разжигали его къ смѣлости обѣщаніями будущихъ благъ послѣ геройской смерти. Всѣ эти обстоятельства держали умѣренныхъ въ страхѣ и принудили столицу принять оборонительное и враждебное положеніе противъ Суворова. Но въ кажущемся одушевленіи не было правды, и когда доходило до дѣла, слабость и упадокъ духа сейчасъ давали о себѣ знать. Мѣщане не слушались и не ходили на работу въ Прагу; не смѣя отказаться вовсе, они всячески уклонялись отъ работъ. Самое войско, стоявшее въ Прагѣ, не имѣло и того духа, который нѣсколько оживлялъ его въ предыдущихъ битвахъ, когда съ нимъ былъ Костюшко. Близость Варшавы содѣйствовала деморализаціи войска. Ожидая непріятеля, офицеры безпрестанно ѣздили въ Варшаву, простыхъ жолнеровъ также отпускали по немногу, тѣмъ болѣе, что постоянное пребываніе въ Прагѣ было тягостно; у войска не было ни шатровъ, ни соломы, да и въ хлѣбѣ былъ недостатокъ. Нельзя было не дозволить войску ходить въ Варшаву за необходимыми потребностями, а тамъ они заходили въ шинки и встрѣчали жителей, которые въ разговорахъ съ ними вздыхали о горькой судьбѣ, ожидающей Польшу, и ослабляли въ нихъ самоувѣренность. Всѣ начальники, исключая Зайончека и Ясинскаго, колебались и если ободряли подчиненныхъ, то такъ, что послѣдніе въ ихъ тонѣ и голосѣ слышали недовѣріе къ этому ободренію. Несчастіе отечества и въ эти минуты не соединило ихъ крѣпко, все-таки личное самолюбіе брало верхъ, они ссорились между собою, перечили другъ другу, какъ всегда съ покон вѣка дѣлалось въ польскомъ войскѣ. Одно только было имъ утѣшеніемъ—разсчетъ на такую пору года, когда осенніе дожди и холода не дозволятъ

русскимъ долго пребывать въ полѣ, когда осада ея можетъ быть продолжительна, «москали» принуждены будутъ отойти, говорили тогда, а на штурмъ идти они не рѣшатся: это дѣло невозможное и смѣшно думать объ этомъ. Всѣ, и храбрые и нехрабрые, были увѣрены, что русскіе, если придутъ, расположатся на долгое время вокругъ ретраншамента, начнутъ дѣйствовать канонадою.

XIII.

Суворовъ подъ Прагою.—Штурмъ Праги.—Капитуляція Варшавы.

По всему видно, Суворовъ имѣлъ надлежащія свѣдѣнія объ устройствѣ пражскихъ укрѣпленій и о расположеніи умовъ въ Прагѣ и Варшавѣ. Подошедши къ Прагѣ, онъ приказалъ приготовить плетни, фашины и лѣстницы. 21-го октября (2-го ноября), русское войско вступило на приготовленныя лагерныя мѣста, при сильномъ барабанномъ боѣ и веселой шумной музыкѣ. Это дѣлалось какъ для ободренія своихъ, такъ и для того, чтобы озадачить и ввести въ думу непріятеля. У поляковъ лѣвая сторона окоповъ была далеко не кончена; нѣкоторыя изъ намѣченныхъ баттарей еще не были уставлены, вторая линія рва не проведена. Вавржецкій потребовалъ отъ городского президента десять тысячъ рабочихъ; но ихъ едва могли согнать тысячи двѣ. Такъ суетны оказались похвальбы ревностныхъ, увѣрявшихъ, что Варшава выставитъ двадцать тысячъ защитниковъ.

Въ слѣдующую ночь, на правой сторонѣ отъ польскихъ окоповъ, поставлены были русскія баттареи. Поляки изумились быстротѣ работы, увидѣвъ ихъ поутру. Съ нихъ, 23-го октября, гремѣло цѣлый день сорокъ восемь орудій. Это было сдѣлано для отвлеченія поляковъ; прежде они ожидали канонады, и теперь должны были увѣриться, что Суворовъ намѣренъ ихъ томить продолжительною осадою и канонадами. На лѣвой сторонѣ непріятеля не трогали, а между тѣмъ на слѣдующую ночь къ разсвѣту положено было начать штурмомъ съ этой именно стороны.

Русское войско было расположено около Праги такимъ образомъ. На лѣвой сторонѣ поставлены были четыре колонны, связанныя между собою. Первая, поближе къ Вислѣ, колонна генералъ-маіора Лассія [1]); вторая—полковника князя Дмитрія Ло-

[1]) Три батальона егерей лифляндскаго корпуса и три батальона фанагорійскаго гренадерскаго полка (издавна славнаго своей храбростью); въ резервѣ тульскій пѣхотный полкъ и три эскадрона конноегерскаго кіевскаго полка.

банова-Ростовскаго [1]); эти двѣ колонны составляли корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена; третья колонна генералъ-майора Исленьева [2]); четвертая генералъ-майора Буксгевдена [3]); обѣ состояли подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина. На правой сторонѣ польскаго укрѣпленія, т.-е. на лѣвомъ боку русскаго стана, помѣщены три колонны, которыя находились между собою и отъ четвертой въ довольно далекомъ разстояніи, и состояли подъ главнымъ начальствомъ Ферзена. Пятая (по общему счету), генералъ-майора Тормасова [4]). Шестая генералъ-майора Рахманова [5]) (эти двѣ стояли близко одна возлѣ другой), и седьмая генералъ-майора Денисова [6]), стоявшаго далеко отъ двухъ послѣднихъ у берега Вислы, за рѣчкою, текущею въ Вислу у самой Праги. Кромѣ прикомандированныхъ къ резервамъ колоннъ, остальная конница находилась подъ командой генералъ-майора Шевича и разставлена была между колоннами [7]). Планъ Суворова, начертанный генералъ-квартир-

---

[1]) Два батальона егерей бѣлозерскаго корпуса, два батальона апшеронскаго и одинъ батальонъ низовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ у нихъ второй батальонъ низовскаго полка и три эскадрона кинбурнскаго драгунскаго полка.

[2]) Второй батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, четыре батальона херсонскихъ гренадеръ; въ резервѣ одинъ батальонъ смоленскаго мушкетерскаго полка и пять эскадроновъ смоленскаго драгунскаго полка; послѣдніе спѣшены.

[3]) Третій батальонъ егерей бѣлорусскаго корпуса, четвертый батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, и два батальона азовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ ряжскій мушкетерскій полкъ.

[4]) Первый батальонъ егерей екатеринославскаго корпуса, два батальона курскаго полка, и одинъ батальонъ гренадеръ, сформированныхъ изъ ротъ. Въ резервѣ батальонъ тѣхъ же гренадеръ, батальонъ новгородскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона екатеринославскихъ пѣшихъ егерей.

[5]) Баталіонъ егерей екатеринославскаго корпуса, три батальона сибирскихъ гренадеръ; въ резервѣ два батальона днѣпровскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона воронежскихъ гусаръ.

[6]) Двѣсти человѣкъ черногорцевъ, третій и четвертый батальоны екатеринославскаго корпуса, два батальона козловскаго мушкетерскаго полка, въ резервѣ два батальона угличскаго мушкетерскаго полка, три эскадрона елисаветградскихъ конныхъ егерей.

[7]) Для прикрытія артиллеріи на оконечности праваго крыла подъ командой бригадира Поливанова 12 эскадр. (2 эск. конно-егерскаго кіевскаго, 2 эскадр. сѣверскаго и 2 софійскаго карабинерныхъ полковъ, и состоящій изъ 6 эскадроновъ легко-конный маріупольскій полкъ). Промежъ четвертой и пятой колоннъ, по необходимости замѣстить большое пространство между ними и для прикрытія артиллеріи средняго корпуса, подъ личной командой Шевича 11 эскадроновъ (7 переяславскаго конно-егерскаго полка и 5 эскадр. александрійскаго), да ближе къ пятой колоннѣ въ правомъ флангѣ ея 13 эскадроновъ (10 черниговскаго и глуховскаго карабинерныхъ полковъ, и 3 эскадр. ольвіопольскихъ гусаръ). Съ лѣвой стороны между 6 и 7 колоннами, подъ командою Сабурова 13 эскадроновъ (4 елисаветградскаго конно-егерскаго, легко-конный ахтырскій и 3 эск. воронежскихъ гусаръ). Казаки на раз-

мейстеромъ Глуховымъ, состоялъ въ томъ, чтобы первымъ четыремъ колоннамъ напасть сразу, стремительно, на лѣвый бокъ непріятеля, овладѣть укрѣпленіемъ и ворваться въ городъ; двумъ — пятой и шестой, послѣдовать за ними, когда послѣднія уже успѣютъ прорваться въ укрѣпленіе. Седьмая колонна имѣла назначеніе дѣйствовать противъ укрѣпленія, сдѣланнаго поляками на прилежащемъ островѣ Вислы. Первая и седьмая, стоявшія на двухъ противоположныхъ концахъ загибающейся рѣки, имѣли назначеніе обѣ, идя каждая по берегу Вислы съ своей стороны, отрѣзать поляковъ отъ моста и перервать ихъ сообщеніе съ Варшавою.

Въ три часа ночи, 24-го октября (4-го ноября), двинулись всѣ колонны въ пункты, назначенные имъ для того, чтобы съ нихъ начать приступъ. Въ пять часовъ пущена сигнальная ракета. Стремительно, разомъ бросились четыре колонны на ретраншаментъ. Первое, чтó они должны были встрѣтить—были стрѣлки, разставленные на пригоркахъ; не ожидавъ нападенія, они бѣжали. Первая колонна проходила подъ огнемъ баттарей, стоявшихъ на берегу Вислы. Всѣ достигли до волчьихъ ямъ, вырытыхъ поляками передъ ретраншаментомъ, закидали ихъ, перешли, спустились въ ровъ, потомъ по лѣстницамъ взобрались на валы, сбили непріятельскія батареи, перешли въ другой ровъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ былъ уже вырытъ, и оттуда взобрались на другой валъ, овладѣли имъ и ворвались въ улицы Праги. Поляки, пораженные неожиданностью, противъ первой и второй колонны защищались слабо; Зайончекъ бросился впередъ къ окопамъ, хотѣлъ заворотить бѣгущихъ стрѣлковъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами. Онъ думалъ сначала, что это свои; оказалось, что это были русскіе. Зайончекъ постыдно убѣжалъ за мостъ. «Настоящій зайчикъ», говорили объ немъ послѣ поляки, намекая на его фамилію; одни говорили, что онъ неучъ, другіе, что трусъ, а третьи, что онъ подкупленъ москалями.

Третья и четвертая колонны, преодолѣвъ много затрудненій, овладѣли баттареями. Нигдѣ, по выраженію Суворова, не дали непріятелю образумиться, поражая его и преслѣдуя убійственнымъ натискомъ штыковъ. Самая жесточайшая свалка была у Звѣринца, гдѣ столпились со всѣхъ сторонъ поляки, и стали изъ засѣкъ отражать нападеніе русскихъ. Но подоспѣли заднія

ныхъ пунктахъ: на правомъ крылѣ на самомъ берегу Вислы подполковника Родіонова 360 челов., влѣво отъ 4-й колонны подполковника Грекова 630 чел., между нимъ и пятою колонною подполковника Бузина 750 челов.; на лѣвомъ крылѣ у 6 колонны подполковника Адріана Денисова 500 челов., да на берегу Вислы Василія Денисова 425 человѣкъ.

части колонны, и поляки, стѣсненные и окруженные съ двухъ сторонъ, погибли. Генералы Ясинскій и Грабовскій были убиты. Къ довершенію бѣды и замѣшательства, вдругъ взорвало пороховой погребъ съ ядрами и бомбами.

Овладѣвши валомъ, одни бросились въ Прагу и гнали поляковъ штыками, а другіе разрывали валъ и прочищали путь для конницы. Затѣмъ, когда четыре колонны были уже за ретраншаментомъ, пятая и шестая ударили на укрѣпленія каждая съ своего пункта, овладѣли баттареями и ворвались въ Прагу, поражая поляковъ штыками. Пятая по прямому направленію овладѣла укрѣпленіями, прямо добѣжала до самаго моста, ведущаго изъ Праги въ Варшаву. Между тѣмъ Денисовъ расправился съ тѣми, которые засѣли на острову, и принудилъ ихъ штыками къ сдачѣ. Капитанъ артиллеріи Рѣзвый провезъ артиллерію къ рѣкѣ и у моста дошелъ до берега Вислы.

Вавржецкій, напрасно пытавшись заворотить бѣгущіе полки, самъ ушелъ черезъ мостъ съ однимъ офицеромъ и двумя жителями Праги. Уже русскіе егеря вступали на мостъ, и стрѣляли. На Вавржецкаго, какъ видно изъ его собственнаго сознанія, нашелъ какъ будто столбнякъ, такъ что офицеръ и два солдата ссадили его съ лошади, привели въ разсудокъ и указали на пушку, которая стояла на другомъ берегу у моста. Но канониры, которые находились при этой пушкѣ, попрятались въ дома, и Вавржецкій самолично вытащилъ одного канонера, приволокъ его къ пушкѣ и велѣлъ палить изъ нея. Въ то же время другіе въ попыхахъ привезли еще двѣ пушки, но изъ нихъ нельзя было стрѣлять: при пушкахъ не было зажигательныхъ трубокъ, такая была исправность. Уже русскіе готовы были ворваться въ Варшаву; на противоположномъ берегу успѣли однако собраться караульные солдаты съ топорами, а къ нимъ примкнула толпа жителей. Вавржецкій приказывалъ скорѣе рубить мостъ и жечь его. Солдаты бросились къ мосту съ топорами, рубили канаты. Убито двое работавшихъ; подъ двумя адъютантами Вавржецкаго были убиты лошади. Наконецъ, и жолнеры и жители не выдержали русскихъ выстрѣловъ, и бѣжали. Вавржецкій пустился за ними и уговаривалъ идти съ топорами снова. Собрались наконецъ артиллеристы и открыли канонаду изъ большихъ орудій.

Между тѣмъ разсвѣло. Вавржецкій скакалъ верхомъ по Варшавѣ, созывалъ варшавянъ, приказывалъ идти на берегъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, показать непріятелю, что столица готова мужественно обороняться: варшавяне сидѣли, запершись въ домахъ, а другіе толпились въ костелахъ и просили божіей помощи. Начальникъ, самъ лично не показавшій въ этотъ день

ни храбрости, ни распорядительности, едва успѣлъ согнать до трехъ тысячъ отважныхъ. Но за Рѣзвымъ придвинулось къ берегу еще больше русской артиллеріи. Пальба усилилась. Русскія гранаты и ядра разогнали толпу защитниковъ столицы. Мостъ былъ истребленъ не только самими поляками, но и русскими ядрами. По донесенію Суворова, одна бомба попала въ залу засѣданія высочайшаго совѣта и убила черепками секретаря [1]).

Солнце взошло. День былъ ясный. «Вся Прага, — говоритъ въ своемъ донесеніи Суворовъ,—была устлана мертвыми тѣлами, кровь текла потоками. Унылый звонъ набата на башняхъ варшавскихъ костеловъ сливался съ воплями и криками раненыхъ и бѣжавшихъ, со свистомъ пуль, съ трескомъ лопавшихся бомбъ». Остатки войскъ, не успѣвшіе спастись по мосту, бросились къ Вислѣ, за рѣчку, отдѣлявшую Прагу, и тамъ на мысѣ, образуемомъ устьемъ этой рѣчки съ Вислою, совершено было самое страшное и послѣднее истребленіе польскаго войска, въ виду всей безсильной Варшавы, смотрѣвшей на это зрѣлище. Разъяренные русскіе воины не внимали уже голосамъ, просившимъ помилованія; напрасно поляки бросали оружіе и отдавались въ плѣнъ—ихъ кололи штыками. Русскіе солдаты припоминали своихъ безоружныхъ товарищей, истребленныхъ въ Варшавѣ въ день революціи, и теперь мстили за ихъ кровь польскою кровью. Тѣ батальоны, которые въ апрѣлѣ были въ Варшавѣ и въ день революціи потеряли своихъ товарищей, особенно отличались жестокостью. Зейме разсказываетъ, что ему говорилъ полковникъ Ливенъ, какъ онъ, уже при концѣ битвы, наткнулся на гренадера, который въ ожесточеніи кололъ штыкомъ безоружныхъ поляковъ и даже раненыхъ; былъ у него еще топоръ; какъ бы для того, чтобы разнообразить свои упражненія, онъ имъ разрубливалъ полякамъ головы. Полковникъ сталъ бранить его за звѣрство, а гренадеръ отвѣчалъ: «Это все собаки; они противъ насъ дрались, такъ пусть всѣ погибаютъ». Одинъ казакъ для потѣхи воткнулъ на пику маленькаго ребенка; другой, вырвавъ дитя изъ объятій заколотой матери, разбивалъ его о стѣну. Но были примѣры и гуманности. По разсказамъ, слышаннымъ Зейме отъ того же Ливена, когда загорѣлся мостъ, онъ увидѣлъ, какъ гренадеръ несъ на рукахъ мальчика и говорилъ: «Посмотрите, ваше высокоблагородіе, казакъ хотѣлъ этого мальчика бросить въ огонь; я его спасъ».—Браво, камралъ, сказалъ полковникъ, что же ты хочешь дѣлать съ нимъ?—«Не знаю, ваше высокоблагородіе;

[1]) Этого факта нѣтъ нигдѣ въ современныхъ извѣстіяхъ, поэтому, быть можетъ, Суворову сообщили невѣрно.

только посмотрите, какой хорошенькій мальчикъ, какъ же было его не спасти?» И онъ поцѣловалъ ребенка, который ручонками держался ему за шею. Польскіе разсказы, а за ними и европейскія повѣствованія объ этой войнѣ говорятъ, будто русскіе варварски истребили всѣхъ обитателей Праги, не исключая женщинъ и дѣтей, и вся Прага представляла кучу развалинъ. Извѣстіе это не выдерживаетъ критики. Что Прага не вся была истреблена, доказывается уже тѣмъ, что, впослѣдствіи, при размѣщеніи войска по квартирамъ, часть русскаго войска помѣщена была на квартирахъ въ Прагѣ, а это было бы невозможно, еслибы въ ней всѣ дома были сожжены и жители истреблены. Нельзя предположить, чтобъ жители Праги оставались въ предмѣстьѣ, когда существовало два моста въ Варшаву; особенно женщины съ дѣтьми, по естественному чувству самосохраненія, должны были бѣжать, если не прежде прибытія Суворова, то по крайней мѣрѣ, когда уже начата была русскими канонада. Само польское военное начальство должно было содѣйствовать тому, чтобы удалить женщинъ и дѣтей, дабы ихъ вопли и крики не производили на солдатъ ослабляющаго вліянія, и не деморализовали мужества войска. Такимъ образомъ, если происходили варварства надъ жителями, почему-нибудь не успѣвшими выбраться изъ Праги, то вѣроятно въ небольшомъ числѣ, тѣмъ болѣе, что, по сказаніямъ самихъ поляковъ, какъ только русскіе овладѣли Прагою, Суворовъ послалъ офицеровъ оповѣстить жителей, какіе оставались въ Прагѣ, чтобы они скорѣе выходили съ правой стороны Праги, и бѣжали въ русскій лагерь, гдѣ они могутъ быть безопасны, и всѣ дѣйствительно, которые по этому призыву ушли туда, остались цѣлы, хотя нѣкоторыхъ ограбили. Такъ спаслись монахини бернардинки, девятнадцать монаховъ бернардиновъ; тѣ же, которые не успѣли бѣжать изъ монастырей, были побиты, а дѣвицы, находившіяся въ монастырѣ на ученьи, не успѣвшія убѣжать въ русскій лагерь, изнасилованы и потомъ побиты. Варварства были очень возможны въ тотъ вѣкъ, особенно въ такомъ войскѣ, куда старались отдавать за проступки буяновъ съ самою дурною нравственностью, самыхъ негодныхъ въ обществѣ, гдѣ служили Донцы, носившіе на себѣ много признаковъ азіатской грубости. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько совершенныхъ варварствъ въ Прагѣ въ этотъ день, не могутъ падать на память великаго полководца, который въ самый разгаръ битвы имѣлъ настолько великодушія и благородства, что помышлялъ о спасеніи беззащитныхъ враговъ.

Въ восемь часовъ утра все было кончено. Пожаръ въ Прагѣ успѣлъ истребить только три улицы. Суворовъ остановилъ без-

полезную ярость солдатъ своихъ и не приказалъ жечь и истреблять Праги.

Русскія извѣстія того времени говорятъ, что поляковъ погибло до 12,000. Многіе изъ этого числа, спасаясь отъ русскихъ штыковъ, потонули въ Вислѣ. Въ плѣнъ взято только 1,000 чел., да 250 офицеровъ. Изъ русскихъ оказалось убитыхъ 349, раненыхъ 1,602 чел. и изъ нихъ тяжело 929. Офицеровъ убито 8, а ранено 42.

Это неожиданное пораженіе поляковъ распространило ужасъ въ Варшавѣ; патріоты уже не въ силахъ были ничего сдѣлать. Народъ вопилъ и кричалъ, что надобно скорѣе просить пощады, пока русскіе въ Варшавѣ не сдѣлали того же, что̀ въ Прагѣ. Игнатій Потоцкій вмѣстѣ съ Закржевскимъ въ совѣтѣ былъ того же мнѣнія. Рьяный поджигатель на крайнія мѣры, Коллонтай, старался всѣми силами подвинуть къ упорству народъ—напрасно. Коллонтай, разсчитывая, что если народъ выдастъ его Суворову, то ему, какъ заклятѣйшему врагу Россіи, не можетъ быть хорошо, бѣжалъ изъ Варшавы, забравши съ собой порядочную сумму: говорили, что она простиралась до 15,000 червонцевъ. Вавржецкій говорилъ, что Коллонтай забралъ съ собой драгоцѣнныя вещи, которыя въ разное время обыватели жертвовали Костюшкѣ на руки, для спасенія погибающаго отечества.

Высочайшій совѣтъ послалъ къ Суворову Игнатія Потоцкаго. Но Суворовъ принялъ его дурно. «Я, — сказалъ онъ, — не хочу имѣть никакого дѣла съ начальниками революціи. Моя государыня не ведетъ войны ни съ королемъ, ни съ народомъ польскимъ, а только съ мятежниками. Пусть пришлютъ ко мнѣ депутатовъ отъ законнаго правительства». — «Такъ казните меня, сказалъ Потоцкій, но пощадите невинный народъ, который мы обольстили». Эта рѣчь понравилась Суворову, но все - таки, твердый начальнымъ принципамъ, онъ не сталъ вступать въ переговоры съ Потоцкимъ, какъ съ членомъ революціи, пришедшимъ къ нему отъ революціоннаго правительства.

Высочайшій совѣтъ, по возвращеніи Потоцкаго, разсудилъ, что теперь ему, совѣту, нѣчего и дѣлать, и отнесся съ такимъ письмомъ къ варшавскому магистрату, какъ къ мѣсту, учрежденному издавна и существовавшему до революціи:

«Высочайшій совѣтъ полагаетъ, что для сохраненія города Варшавы президентъ города немедленно отъ имени города долженъ послать нѣсколько особъ съ трубачемъ къ россійскому генералу, чтобы выпросить отъ него увѣреніе въ безопасности жизни и имущества, заявивъ ему, что, въ противномъ случаѣ, мы всѣ до единаго будемъ защищаться до послѣдней капли крови».

По этому заявленію совѣта, магистратъ обратился къ королю [1]. Король созвалъ къ себѣ членовъ совѣта, Вавржецкаго и генераловъ. Начались взаимные споры, упреки, обвиненія. Генералъ Мокрановскій высказалъ совѣту много горькаго и первый объявилъ, что со ввѣреннымъ ему войскомъ знать не хочетъ никакого высочайшаго совѣта, а повинуется одному королю и начальнику. Извѣстивъ всѣхъ о положеніи дѣлъ, король обратился къ Вавржецкому и генераламъ и сказалъ: «Суворовъ не согласится ни на какую капитуляцію, иначе какъ съ условіемъ, если войско положитъ оружіе». Король приглашалъ генераловъ сдѣлать это.—«У насъ еще двадцать тысячъ, сказалъ Вавржецкій, у насъ наберется до ста пушекъ. Постыдно съ такими силами класть оружіе; если мы не въ силахъ болѣе удержать революцію и спасти отечество, по крайней мѣрѣ, подержавшись, мы можемъ вытребовать какое-нибудь общее обезпеченіе для обывателей, поверженныхъ въ несчастіе революціею, а если и этого нельзя, то погибнемъ со славою».— «Столица, представлялъ король, не хочетъ болѣе защищаться».— «Пусть столица отдается графу Суворову, сказалъ Вавржецкій, а войско уйдетъ въ Великую Польшу, занятую пруссаками. Русскіе за нимъ не послѣдуютъ, потому что они не имѣютъ на это повелѣній. Пока прусскій король снесется съ императрицею и попроситъ помощи, настанетъ зима. Пруссаки намъ не страшны; мы одолѣемъ ихъ, а между тѣмъ ваше величество напишете императрицѣ представленіе, что обыватели потерпѣли ужаснѣйшія звѣрства отъ казаковъ, опишете, какъ они жгли и мучили людей; объясните, что краю, разоренному войскомъ, грозитъ голодъ, страна пустѣетъ; правдивое изображеніе нашихъ бѣдствій должно тронуть душу великой монархини; пусть она выпуститъ взятыхъ въ неволю обывателей, возвратитъ имъ собственность и объявитъ, чего она хочетъ отъ несчастной Польши».—Начальникъ совѣтовалъ самому королю ѣхать съ войскомъ. Послѣ всѣхъ такихъ толковъ король уже ночью прислалъ Суворову такое письмо:

«Магистратъ города Варшавы, желая моего ходатайства предъ

---

[1]) У поляковъ объ ихъ послѣднемъ королѣ сохранилось, между прочимъ, такое фантастическое преданіе. Въ роковое утро пражскаго штурма Станиславъ-Августъ, изнуренный тревогою, упалъ въ кресло и вздремнулъ. Русское ядро, ударившее въ стѣну королевскаго замка, пробудило его. Онъ увидѣлъ въ углубленіи большого окна высокаго роста женщину въ бѣломъ одѣяніи: она смотрѣла на него чрезвычайно грустно. Испуганный король вскрикнулъ: прибѣжали бывшіе въ другой комнатѣ. Привидѣніе исчезло. Эта самая женщина, какъ онъ говорилъ, являлась къ отцу его наканунѣ дня полтавской битвы, когда послѣдній былъ на сторонѣ Карла XII и въ его войскѣ.

вами, хочетъ знать ваши дальнѣйшія намѣренія относительно столицы. Я же долженъ вамъ сообщить, что всѣ граждане рѣшились защищаться до послѣдняго, если вы не поручитесь за цѣлость ихъ имуществъ и особъ».

Суворовъ тотчасъ отвѣчалъ:

«Именемъ ея императорскаго величества, моей августѣйшей государыни, обѣщаю сохраненіе имуществъ и особъ всѣхъ гражданъ, а равно и забвеніе всего прошедшаго. Войска ея величества, вошедшія въ Варшаву, не будутъ дѣлать никакихъ безчинствъ».

Утромъ въ квартиру Суворова, находившуюся въ селѣ Вьонзовнѣ, явились депутаты отъ городского магистрата, Францъ Макаровичъ, Доминикъ Борковскій и Станиславъ Стршалкевичъ (послѣдній отъ обывателей). Суворовъ сидѣлъ тогда на обрубкѣ дерева и, увидѣвъ ихъ, бросилъ отъ себя саблю и, поцѣловавшись съ ними, сказалъ: «миръ и согласіе!» Принесенное письмо къ Суворову было въ современномъ переводѣ таково:

«Попеченіе и опека магистрата о городѣ требуютъ, во всѣхъ случаяхъ, угрожающихъ опасностію, предвидѣть и ограждать обывателей; въ настоящемъ положеніи видя городъ и обывателей, по причинѣ приблизившихся войскъ ея императорскаго величества, всероссійской монархини, магистратъ не можетъ не рѣшиться приступить къ главнокомандующему генералу войскъ россійскихъ, да обрѣтетъ его благосклонное воззрѣніе на обывателей города и пощаду жизни и имуществъ тѣхъ, которые кладутъ оружіе».

Суворовъ далъ имъ на бумагѣ пункты:

1) Оружіе сложить за городомъ, гдѣ сами заблагоразсудятъ, о чемъ дружественно условиться.

2) Всю артиллерію съ ея снарядами вывезти къ тому же мѣсту.

3) Наипоспѣшнѣйше исправить мостъ; войско россійское вступитъ въ городъ и приметъ самый городъ и его обывателей подъ свое покровительство.

4) Всевысочайшимъ именемъ ея величества торжественно обѣщается войскамъ польскимъ, по сложеніи оружія, увольненіе тотчасъ въ ихъ домы съ полною безпечностію, не касаясь ни до чего, каждому принадлежащаго.

5) Его королевскому величеству всеподобающая честь.

6) Ея императорскаго величества всевысочайшимъ именемъ торжественное обѣщаніе: обыватели, въ ихъ особахъ и имѣніяхъ, ничѣмъ повреждены не будутъ и оскорблены, останутся въ полномъ обезпеченіи ихъ домовства и все забвенію предано будетъ.

7) Ея императорскаго величества войско вступитъ въ городъ сего числа по полудни, по сдѣланіи моста или завтра.

«Вы просили только цѣлости жизни и имуществъ, сказалъ Суворовъ, я вамъ даю больше: пусть все будетъ забыто на вѣки и установится между нами дружественная пріязнь».

На другой день, 26 числа, тѣ же самые депутаты пріѣхали къ Суворову и привезли отвѣтъ отъ города такого содержанія въ современномъ переводѣ:

«Получивъ отъ своихъ уполномоченныхъ пункты отъ его сіятельства графа Суворова-Рымникскаго, за оказанную благосклонность обывателямъ магистратъ города Варшавы приноситъ чувствительнѣйшую благодарность, а на полученные пункты имѣетъ честь отвѣчать:

1) Городъ Варшава сложитъ свое оружіе тамъ, гдѣ по-дружески условятся.

2) Артиллеріи и аммуниціи у города Варшавы нѣтъ.

3) Мостъ городъ Варшава исправитъ какъ можно наискорѣе и войска россійскія вступятъ въ городъ и возьмутъ его и обывателей подъ свое покровительство.

4) Городъ Варшава не имѣетъ въ своей власти войскъ Рѣчи-Посполитой, и не можетъ выполнить четвертаго пункта, а сколько возможно будетъ, городъ будетъ склонять начальниковъ войсковыхъ до выполненія этого пункта.

5) Городъ Варшава имѣетъ всегда къ своему королю высокопочитаніе, и отъ сего пріятнаго для него правила никогда не станетъ отступаться.

6) На обѣщаніе обезпеченія особъ, равно и имѣнія обывателей и жителей города Варшавы, полагается на основаніи всѣхъ настоящихъ пунктовъ, въ надеждѣ, что все, по сіе время случившееся, со стороны Россіи забыто будетъ.

7) Объявленіе вашего сіятельства, что войска ея императорскаго величества вступятъ въ городъ по окончаніи моста завтрашняго числа по утру, не можетъ быть въ разсужденіи времени, ибо для починки моста необходимо нужно дней нѣсколько, и къ тому же и войскамъ Рѣчи-Посполитой для выхода изъ Варшавы требуется восьми дней».

«Я замѣчаю, — сказалъ Суворовъ, — что желаютъ продлить время. Ступайте обратно и скажите, чтобы рѣшались немедленно».

Побѣдитель къ прежнимъ пунктамъ прибавилъ еще одинъ, въ такой формѣ: «Дружеское увѣдомленіе съ удостовѣреніемъ общаго согласія утѣшительно получилъ. Когда войска моей всемилостивѣйшей государыни проходить будутъ черезъ Варшаву, прошу о благо-

разумномъ положеніи и соблюденіи тишины и порядка въ семъ городѣ отъ полевыхъ внутреннихъ войскъ, ежели будутъ. Торжественно симъ увѣдомляю, что обыватели, мѣщане и посторонніе защитою ихъ особъ и имѣній пользоваться и забвенію все предано будетъ, какъ въ 6-мъ пунктѣ моихъ прежнихъ постановленій утверждаю».

Такъ какъ поляки отговаривались, будто починка моста требуетъ много времени, Суворовъ возложилъ эту починку на русскихъ, и поручилъ надзоръ генералъ-майору Буксгевдену.

Дѣла начинали-было склоняться къ такому повороту, что Суворовъ могъ опасаться, не придется ли ему опять дѣйствовать оружіемъ. Онъ далъ приказаніе Ферзену послать генералъ-майора Денисова за четыре мили отъ Праги, вверхъ по теченію Вислы, и тамъ переправиться, а вслѣдъ затѣмъ предполагалось переправляться и самому Ферзену.

Въ Варшавѣ было безпокойно. Жители, желая, чтобы русскіе скорѣе вошли въ городъ и революція прекратилась, бросились къ мосту и стали наводить его со стороны Варшавы. Но Вавржецкій объявилъ, что онъ станетъ стрѣлять картечью по тѣмъ, которые будутъ поправлять мостъ. Король послалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно выходилъ изъ города, когда не хочетъ сдаваться. Вавржецкій отвѣчалъ: «Я не могу выйти ранѣе осьми дней; мнѣ нужно отослать транспорты, пушки, аммуницію, магазины, и до тѣхъ поръ, пока не отправлю транспортовъ, не позволю починять моста. Можете меня убить или выдать; а я не согласенъ на такое скорое вступленіе россійскихъ войскъ въ столицу».

Ободренные упорствомъ начальника крайніе патріоты, члены клуба, кричали: «лучше пасть всѣмъ подъ развалинами Варшавы, чѣмъ постыдно надѣть вновь сброшенное московское ярмо». Продолжали предлагать кровавыя мѣры, угрожали перерѣзать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, перевѣшать расположенныхъ къ Россіи поляковъ, поставить Варшаву въ такое положеніе, чтобы она не имѣла никакой надежды на милость и снисхожденіе русскаго военачальника и поэтому должна была вся, какъ одинъ человѣкъ защищаться. — «Пусть вся Варшава вооружится, мы сладимъ съ Суворовымъ; за нами вся Польша поголовно поднимется. Еще мы не въ послѣдней крайности; измѣна, подкупы, трусость, вотъ что заставляетъ насъ кланяться Москвѣ»! Такъ кричали ревностные. Умѣренные патріоты указывали, что если кого и можно укорять и подозрѣвать по поводу послѣднихъ событій, то самихъ патріотовъ и перваго Зайончека, который кричалъ громче всѣхъ

о защитѣ, а когда пришло къ дѣлу, то бѣжалъ постыдно изъ Праги.

Станиславъ-Августъ боялся возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. Войско изъявляло желаніе, чтобы онъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ, народъ кричалъ, что не пуститъ короля, и чтобы угодить всѣмъ, король отправилъ къ Суворову ночью въ 3 часа подполковника Гофмана съ извѣстіемъ, что въ городѣ безпокойство, и король проситъ дать восемь дней на размышленіе. Суворовъ наотрѣзъ сказалъ, что и думать объ этомъ нечего. Въ 9 часовъ утра явился снова Игнатій Потоцкій съ тою же просьбою. Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій сталъ дѣлать Суворову соображенія о будущемъ устройствѣ Польши и изъявлялъ преданность Екатеринѣ и Россіи. Суворовъ отвергнулъ просьбу и не сталъ вступать въ разговоры. Черезъ часъ по прибытіи Потоцкаго, прибылъ въ русскій лагерь товарищъ его Мостовскій, съ письмомъ отъ короля къ Потоцкому. Въ немъ было полномочіе трактовать о мирѣ.

Суворовъ прочелъ и сказалъ: «Господа! съ Польшею войны нѣтъ. Я не присланъ сюда министромъ; я военачальникъ и пришелъ сокрушать толпы мятежниковъ, и кромѣ посланныхъ уже вамъ статей ни о чемъ толковать не буду. Но я уважаю стѣсненное положеніе короля; съ одной стороны ваша такъ-называемая наивысшая рада докучаетъ ему повторительными просьбами объ осьмидневномъ срокѣ, а съ другой войска грозятъ увезти его съ собою. Изъ уваженія къ королевской особѣ и заботясь о его безопасности, я даю вамъ отсрочку до 1 ноября. Къ этому дню приготовьтесь; войска наши вступятъ въ столицу».

На другой день, на острастку полякамъ, Денисовъ переправился черезъ Вислу, конница вплавь, а пѣхота частью на лошадяхъ, а частью на судахъ съ артиллеріею. Польскія войска намѣревались-было препятствовать переправѣ, но отступили, какъ только увидали, что русскіе приготовляютъ рѣшительныя мѣры.

Мостъ былъ почти наведенъ. Вавржецкій торопился выводомъ войска. Уже онъ отправилъ Гедройца изъ-подъ Мокотова, куда послѣдній недавно прибылъ, въ Тарчинъ. Король дѣлалъ видъ, будто хочетъ ѣхать съ войскомъ, и приказалъ приготовлять экипажи, но 27 октября (8 ноября) утромъ, нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ собралось у крыльца дворца; они объявили, что не пустятъ изъ столицы короля. Вавржецкій, проѣхавъ посреди этой толпы къ королю, замѣтилъ, что есть возможность провезти его съ военнымъ конвоемъ, но Станиславъ-Августъ самъ не хочетъ ѣхать, а только показываетъ видъ, будто этого желаетъ, но не можетъ исполнить желанія. Король сталъ просить начальника положить оружіе, чтобы, такимъ образомъ, не

было раздвоенія народа. «Ваше величество,—сказалъ Вавржецкій,—лучше ходатайствуйте у графа Суворова, чтобы онъ на насъ не шелъ съ оружіемъ, а пропустилъ бы насъ въ Пруссію. Варшава сдается императрицѣ; мы оставляемъ со столицею весь край ея величеству, а сами идемъ въ прусскія владѣнія. Это отнюдь не будетъ въ ущербъ ея государству. Безчестно класть оружіе, и если нужна жертва для спасенія чести войска, я отдамъ себя и готовъ претерпѣть жесточайшія мученія и смерть».—«Когда же вы уѣзжаете?» спросилъ король.—«Непремѣнно сегодня же, сейчасъ», отвѣчалъ Вавржецкій. — «А со мною что будетъ?» сказалъ король. — «Вы всегда можете оправдаться, что васъ не выпускаетъ народъ; впрочемъ въ вашей волѣ ѣхать и не ѣхать».

Король не поѣхалъ; передъ патріотами онъ показывалъ видъ, что его не выпускаетъ народъ, а передъ народомъ и передъ Суворовымъ, — что его хотѣли насильно увезти. Въ слѣдующую ночь Вавржецкій уѣхалъ съ президентомъ города Варшавы Закржевскимъ, и взялъ съ собою на 157,000 зл. золота и серебра изъ монетнаго двора. Зайончекъ прежде нихъ уѣхалъ въ Галицію подъ предлогомъ леченія отъ раны, взявши 1,000 червонцевъ. Генералы: Понятовскій, Вьельгорскій, Грабовскій, Мокрановскій, Цихоцкій, Піотровскій остались въ Варшавѣ, принесли покорность королю и положили оружіе. Также поступило множество офицеровъ, не поѣхавъ съ Вавржецкимъ и оставшись въ столицѣ. Члены высочайшаго совѣта сложили свое званіе и передали королю верховную власть.

Рано утромъ, 28 окт. (9 нояб.), къ Суворову опять явились депутаты отъ варшавскаго магистрата съ двумя письмами. Въ первомъ было написано:

«Магистратъ города Варшавы въ дополненіе поданныхъ генералъ-аншефу Суворову обывателями города Варшавы имѣетъ честь донести:

1) Огнестрѣльное оружіе, какъ-то: карабины, пистолеты, равномѣрно сабли и пики, обыватели города Варшавы сегодня во всѣхъ кварталахъ сложили, которое магистратъ барками къ берегу представитъ. Другого же рода оружіе, дорожное, находящееся въ лавкахъ въ продажѣ, и у обывателей употребляемое для охоты, для лучшей безопасности будетъ взято въ ратушу и запечатано магистратомъ.

2) Порохъ и прочая аммуниція, у обывателей находящаяся, также собрана и сложена будетъ тамъ, гдѣ вашимъ сіятельствомъ приказано будетъ, равномѣрно и та аммуниція, которая бы войсками оставлена была, отдана будетъ.

3) Въ разсужденіи войска, находящагося въ Варшавѣ, выполненіе сего пункта его величество король изволитъ принять на себя благосклонно.

4) Касательно моста магистратъ ручается, что онъ въ назначенное время со стороны Варшавы будетъ оконченъ.

5) Въ разсужденіи увольненія россійскихъ плѣнныхъ, его королевское величество изволитъ принять на себя благосклонно.

6) О сложеніи оружія войсками, о выходѣ тѣхъ же войскъ изъ Варшавы, магистратъ не замедлитъ просить его королевское величество, кромѣ конной и пѣшей гвардіи, числомъ до тысячи человѣкъ, для карауловъ во дворцѣ и для конвоя его величеству; равно для полицейскихъ надобностей останется триста человѣкъ.

7) Когда войска россійскія будутъ входить въ городъ, то магистратъ надлежащимъ порядкомъ встрѣтить ихъ имѣетъ».

Второе письмо въ сдѣланномъ тогда переводѣ гласитъ такъ:

«Магистратъ города Варшавы повторительное обезпеченіе обывателямъ и жителямъ города Варшавы въ разсужденіи безопасности особъ, домовъ, имѣній, получивши, долгомъ себѣ поставляетъ за причиненіе въ городѣ общей радости, которая всѣхъ коснулась, главнокомандующему войсками россійскими графу Суворову-Рымниксвому принести наичувствительнѣйшую благодарность. Для выполненія пунктовъ капитуляціи, предписанныхъ обывателямъ города чрезъ его сіятельство графа Суворова-Рымникскаго, все, что отъ города и магистрата зависитъ, будетъ выполнено неукоснительно. Мостъ уже починяется и въ настоящее время оконченъ будетъ; обыватели оружіе складываютъ, и для спокойствія народа магистратъ выдалъ свои публикаціи, о чемъ имѣетъ честь донести».

«Городъ—сказали депутаты—желаетъ, чтобы войска ея величества вступили скорѣе въ городъ, потому что мятежная партія думаетъ производить безпорядки и самой королевской особѣ можетъ быть опасность отъ мятежниковъ».

Суворову было это пріятно и онъ сказалъ, что, по желанію Варшавы, поспѣшитъ вступленіемъ въ городъ.

Въ тотъ же день король прислалъ Суворову такое письмо:

«Вашъ прямой и честный образъ дѣйствій съ нами въ особенности возбуждаетъ во мнѣ признательность. Не могу вамъ лучше засвидѣтельствовать ее, какъ отпустивъ на свободу русскихъ военныхъ, здѣсь находившихся, и передать ихъ генералу, достойному надъ ними начальствовать. Молю Бога, да сохранитъ онъ васъ въ здоровьѣ и въ своемъ покровительствѣ».

Суворовъ послалъ полковника князя Лобанова-Ростовскаго въ Варшаву извѣстить короля и городъ, что русскія войска

вступать въ столицу на другой день, 29 числа. Въ письмахъ къ Станиславу-Августу русскій военачальникъ такъ выражался:

«Приношу нижайшую благодарность вашему величеству за любезное письмо отъ 27 окт. (8 ноября), которымъ ваше величество изволили почтить меня. Если я тороплюсь введеніемъ войскъ моей августѣйшей государыни, то это единственно потому, что искры революціи еще не погасли, и есть еще отъявленные злоумышленники, какъ ваше величество увидите изъ донесенія, которое будетъ имѣть честь представить вашему величеству полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій».

На другой день рано утромъ представили Суворову ключи отъ города Варшавы; онъ отправилъ ихъ съ курьеромъ къ Румянцову при такомъ донесеніи:

«Ея императорскаго величества къ священнымъ стопамъ Варшава повергаетъ свои ключи; оные вашему сіятельству имѣю счастіе поднести, и вручителя ихъ генералъ-майора Исленьева въ высокое покровительство поручить».

Въ этотъ же день началось вступленіе войскъ въ Варшаву; сперва проходилъ корпусъ Потемкина, потомъ Дерфельдена и т. д. Ферзену приказано было оставить свой постъ выше по теченію Вислы и присоединиться къ остальнымъ корпусамъ. Войско проходило съ распущенными знаменами, съ музыкою и съ барабаннымъ боемъ. Народъ толпился по улицамъ и въ окнахъ домовъ и кричалъ: «виватъ Екатерина!» Магистратъ съ толпою мѣщанства встрѣчалъ Суворова на берегу; поднесли ему хлѣбъ и соль. «И вотъ — говорилъ Суворовъ — эти поляки, которые были недавно такъ звѣроподобны и чаяли себя непобѣдимыми, теперь стали кротки, яко агнцы».

Современники-поляки сообщаютъ, будто Суворовъ далъ приказаніе, чтобы поляки не выглядывали изъ оконъ нижнихъ этажей: это сдѣлано для того, чтобы задорные не вздумали отпустить какой-нибудь штуки, а казаки въ досадѣ не ударили бы на нихъ въ окна пиками.

Все русское войско расположилось около Варшавы. Самъ главнокомандующій имѣлъ свою квартиру въ Мокотовѣ, но въ столицѣ у него была другая — во дворцѣ примаса, недавно опустѣвшемъ. Примасъ, братъ короля, скончался въ іюлѣ, во время осады Варшавы прусскимъ королемъ и русскимъ генераломъ Ферзеномъ. Впослѣдствіи, Суворовъ, по своему обыкновенію чудачить, говорилъ, что въ этомъ дворцѣ ему не спится: являются къ нему души усопшихъ примасовъ и безпокоятъ его.

Магистратъ представилъ Суворову всѣхъ плѣнныхъ, находившихся въ Варшавѣ; тутъ были генералы Арсеньевъ, Милаше-

вичъ, Сухтеленъ, бароны Ашъ и Билеръ [1]), совѣтникъ Дивовъ и всѣ захваченные въ посольствѣ, штабъ и оберъ-офицеры и тысяча триста семьдесятъ шесть человѣкъ солдатъ. «Свиданіе ихъ съ своими,—писалъ Суворовъ,—было не только слезное и чувствительное, но важное и нѣчто священное.»

Главнокомандующій послалъ генералъ - поручика Потемкина къ королю, успокоить и извѣстить о своемъ желаніи представиться его величеству. Когда Суворовъ въѣзжалъ въ замокъ, народъ окружилъ его съ восклицаніями и съ веселыми криками. Потемкинъ привезъ отъ короля просьбу, чтобы на два дня замолкло побѣдоносное оружіе ея императорскаго величества, и онъ будетъ стараться окончить дѣло безъ кровопролитія и побудить войско положить оружіе. Суворовъ отправилъ къ королю барона Аша, бывшаго резидентомъ и находившагося во все время революціи въ плѣну, со слѣдующими статьями:

«Симъ торжественно объявляю:

1) Войска, по сложеніи оружія передъ ихъ начальниками, тотчасъ отпускать съ билетами отъ ихъ же начальства въ свои домы по желанію, а оружіе, какъ и пушки и прочую военную аммуницію, помянутые начальники долженствуютъ доставить въ Варшаву въ арсеналъ.

2) Вся ихъ собственность при нихъ.

3) Начальники, штабъ и оберъ-офицеры, какъ и шляхтичи, останутся при ихъ оружіи.

Варшава, окт. 31, 1794 г.»

Начальникъ польскаго возстанія послалъ впередъ пятьдесятъ пушекъ и самъ отправился въ Тарчинъ, гдѣ назначено сборное мѣсто, и куда впередъ отправлено было войско изъ Варшавы. Изъ пяти тысячъ, которыя Вавржецкій тамъ долженъ былъ застать, едва нашелъ онъ около восьмисотъ человѣкъ, которыхъ кое-какъ удержалъ Гедройцъ. Остальные всѣ, съ офицерами, убѣжали обратно въ Варшаву, — слагать оружіе. Чрезъ нѣсколько часовъ ночью прискакалъ туда курьеръ отъ генерала Каменецкаго: этотъ генералъ взялъ въ команду корпусъ предводимый прежде Понятовскимъ и оставленный имъ; теперь онъ извѣщалъ по командѣ своего военачальника, что подначальные его взбунтовались, не хотятъ болѣе продолжать войны, думаютъ послѣдовать примѣру своего начальника, котораго любили, и признаютъ надъ собою власть одного короля; уже многіе ушли въ Варшаву положить оружіе передъ Суворовымъ.

---

[1]) Приношу искреннюю благодарность потомку его барону Билеру за обязательное дозволеніе пользоваться важными фамильными бумагами его предка.

Вавржецкій отнялъ команду у Каменецкаго и послалъ на мѣсто его генерала Ніосоловскаго; онъ приказывалъ привести къ себѣ тѣхъ, которые остались еще вѣрны. Ніосоловскій не былъ счастливѣе своего предшественника. Офицеры волновали солдатъ. «Насъ ведутъ на убой! кричали они: начальникъ не хочетъ принимать отъ Суворова условій, а они намъ выгодны». Цѣлый полкъ въ глазахъ Ніосоловскаго бросилъ оружіе и ушелъ. Ніосоловскій хотѣлъ употребить строгость, приказалъ арестовать офицеровъ, но отъ этого еще сильнѣе разгорѣлось волненіе; его не слушали, одна толпа жолнеровъ уходила за другою; наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ, войско какъ будто успокоилось и пошло-было за генераломъ, но когда оно дошло до того мѣста, гдѣ дороги раздвоивались, и одна вѣтвь вела въ Тарчинъ, другая въ Варшаву, тутъ всѣ поворотили въ Варшаву и оставили Ніосоловскаго съ пушками, но безъ людей.

Вавржецкій, потерявъ почти весь свой отрядъ, соединился съ Домбровскимъ, Мадалинскимъ и другими генералами; но и въ ихъ отрядахъ было уже волненіе. Генералы думали-было устроить войско и направить по краковской дорогѣ, на Конске. Но когда пришли они въ Дреневицы, здѣсь между самими генералами произошли ссоры и несогласія. Домбровскій, человѣкъ значительно обнѣмечившійся, хотѣлъ отдаваться прусскому королю. Вавржецкій не соглашался и предпочиталъ въ случаѣ крайности лучше сдаться Суворову. Въ это время прибылъ отъ Суворова подполковникъ Каменевъ съ предложеніемъ отъ 31-го октября, которое приведено выше.

Условія, предложенныя Суворовымъ, не показались польскимъ генераламъ удовлетворительными. Въ нихъ не было сказано о совершенной амнистіи участникамъ возстанія. Суворовъ уже объявилъ ее прежде, но Вавржецкій и его подначальные генералы не знали объ этомъ. Вавржецкій отправилъ вмѣстѣ съ Каменевымъ къ Суворову генерала Горенскаго, а самъ рѣшился дожидаться отвѣта.

Въ войскѣ его между тѣмъ смятеніе усилилось. Поляки изъ Великой Польши, отошедшей къ Пруссіи, настаивали, чтобы войско поддалось не русскимъ, а прусскому королю. Прусскій генералъ Клейцъ письменно приглашалъ Домбровскаго сдаться Пруссіи. Великополяне говорили: «Этимъ вы спасете всѣхъ насъ; за ваше предпочтеніе прусскаго короля и за довѣріе къ нему, онъ дастъ намъ амнистію.» — «Я не могу вступать въ переговоры съ прусскимъ королемъ, сказалъ Вавржецкій; словамъ прусскаго короля и его собственноручнымъ подписямъ вѣрить нельзя; онъ уже поступилъ съ нашимъ отечествомъ самымъ вѣролом-

нымъ образомъ. Я лучше повѣрю подписи и ручательству Суворова, чѣмъ прусскихъ военачальниковъ, русской императрицѣ, чѣмъ прусскому королю». Когда противники настаивали на своемъ, Вавржецкій сказалъ: «Съ моего вѣдома и позволенія ни одинъ батальонъ не перейдетъ къ прусскому королю; прежде меня убейте, потомъ выходите. Я послалъ къ Суворову; если генералъ Горенскій не привезетъ торжественнаго увѣренія въ амнистіи, всѣ будемъ драться и падемъ со славою».

Волненіе не переставало. Простоявъ дня два въ Древевицахъ, Вавржецкій двинулся на Конске и когда дошелъ до Опочни, тутъ какой-то прусскій майоръ взволновалъ жолнеровъ, настраивая ихъ предпочесть прусскаго короля русской императрицѣ. Вавржецкій, испытавъ напрасно средства убѣжденія, приказалъ стрѣлять въ непокорныхъ, а тѣ въ свою очередь пускали пули въ товарищей; другіе же толпами, изъ кавалеріи и пѣхоты, не участвуя въ свалкѣ, уходили. Успокоивши мятежъ съ пролитіемъ крови, Вавржецкій пошелъ далѣе, и 5-го (16-го) ноября достигъ до Радошина. Тутъ пріѣхалъ Горенскій и привезъ желанную амнистію. Тогда Вавржецкій собралъ свое войско, прочиталъ увѣреніе Суворова въ амнистіи, и объявилъ, что онъ сдается Суворову и вѣритъ русской императрицѣ скорѣе, чѣмъ прусскому королю. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать счетъ войсковой казнѣ и раздѣлилъ ее между офицерами и солдатами. Толпы жолнеровъ приходили къ нему просить паспортовъ. Вавржецкій всѣмъ подписывалъ и каждый уходилъ съ паспортомъ домой или куда хотѣлъ. На другой день прибылъ въ польскій лагерь генералъ Денисовъ и объявилъ, что Суворовъ приглашаетъ Вавржецкаго и генераловъ къ себѣ.

«Я не читалъ этой обязанности въ обѣщаніи генералъ-аншефа Суворова,—сказалъ Вавржецкій,—напротивъ онъ всѣмъ обѣщалъ паспорты и безопасный проѣздъ, куда кто пожелаетъ. Не думаю, чтобы я былъ исключенъ изъ этого правила, или кто-нибудь изъ генераловъ».

«Я ни васъ и никого изъ генераловъ не думалъ арестовать и отбирать у васъ оружіе; я исполняю только данное мнѣ приказаніе просить васъ пріѣхать въ Варшаву», сказалъ Денисовъ.

Нельзя было противиться. Вавржецкій поѣхалъ; съ нимъ Гелгудъ, Домбровскій, Ніосоловскій, Гедройцъ, Закржевскій и другіе. Провожавшій ихъ отрядъ назывался почетнымъ конвоемъ. Пушки были отобраны русскими.

Суворовъ извѣстилъ тогда Румянцева такою реляціею:

«Виватъ, великая Екатерина! все кончено! Польша обезоружена!»

Въ день самаго пріѣзда Суворова въ Варшаву, Игнатій Потоцкій явился къ нему и подалъ такого рода записку:

«Есть два способа успокоить Польшу, это—или раздѣлить ее, или дать ей хорошую конституцію. Нѣтъ поляка, который бы не предпочелъ печальной судьбы отечества состоянію узаконенной анархіи, въ какомъ находился народъ во время вспыхнувшаго возстанія. Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Что значитъ такое правленіе, гдѣ все, что его составляетъ — король, республика, миръ — не болѣе какъ игра пустыхъ словъ? Но тутъ возникаетъ великій вопросъ, который развязать слѣдуетъ въ настоящее время. Неужели, успокоивая Польшу раздѣломъ, думали приготовить для сѣвера и для всей Европы умиротвореніе? Конечно, разрѣшить эту задачу не въ силахъ приватное лицо, и только хорошо знающій дѣла и вліятельный кабинетъ въ состояніи дать по этому предмету вѣрныя указанія.

«Другой способъ успокоенія Польши—дать ей хорошую конституцію; но въ интересахъ ли Россіи дать ее Польшѣ? Думаю, такъ. Осмѣливаюсь утверждать это въ противность мнѣнію свѣтлыхъ умовъ Россіи, и считаю долгомъ объясниться.

«Извѣстно, что безпорядки Рѣчи-Посполитой были однимъ изъ принциповъ системы Петра Великаго. Въ тѣ времена, Россія со стороны нѣмцевъ ограждалась одною Польшею, и такой принципъ былъ сообразенъ интересамъ русскаго правительства и государства. Теперь ея границы измѣнились; Россія непосредственно соприкасается границами съ странами, подчиненными абсолютному правленію, и мудрые принципы Петра Великаго не могутъ прилагаться къ настоящей системѣ. Теперь, когда лживая метафизика, введенная въ жизнь во Франціи, произвела безпорядокъ въ законахъ, правилахъ, обязанностяхъ общества, я полагаю, что желаніе монархическаго умѣреннаго правленія не можетъ быть подозрительнымъ для великой монархіи и ея кабинета. Что касается поляковъ, то подобная конституція — ихъ единственное разумное желаніе. Еслибы россійская имперія склонилась къ ней, нашъ народъ избралъ бы на польскій престолъ тотъ родъ, какой пожелаетъ императрица; въ особенности желательно, чтобы выборъ этотъ палъ на того изъ царевичей, который наиболѣе будетъ почтенъ ея расположеніемъ и благодѣяніями. Эти мысли существуютъ издавна; я могу доказать это, и думаю, что ихъ раздѣляютъ всѣ мои соотечественники.

«Если эти соображенія относительно второго способа успокоенія Польши заслуживаютъ ближайшаго вниманія, то сознаюсь, что насильственныя принудительныя средства, которыми укро-

щали настоящее возстаніе, не облегчаютъ дѣла. Побѣждать кротостію, благодѣяніями, и геніемъ болѣе достойно императрицы Екатерины въ глазахъ Европы».

Поляки говорятъ, что Суворову понравился тонъ этой записки, и онъ удивлялся уму польскаго великаго политика. Но изъ тогдашнихъ собственноручныхъ писемъ Суворова оказывается не то: «Графъ Игнацъ враль»—выразился онъ объ немъ. Тѣмъ не менѣе записка была послана къ государынѣ.

Чрезъ десять дней Суворовъ получилъ отъ короля для доставленія императрицѣ письмо такого содержанія:

«Сестра государыня! Судьба Польши въ вашихъ рукахъ. Ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее. Кого бы вы ни назначили моимъ преемникомъ, но, пока я могу говорить, я считаю для себя непозволительнымъ пренебречь моими обязанностями по отношенію къ моей націи и не призвать на нее великодушія вашего императорскаго величества. Польская армія уничтожена. Существуетъ еще нація; и она перестанетъ существовать, если ваши повелѣнія и величіе души вашей не подадутъ ей помощи. Въ наибольшей части страны военныя безпокойства воспрепятствовали жатвѣ. Обработка земли стала невозможною вездѣ, гдѣ похищенъ скотъ. Житницы поселянъ пусты, хаты ихъ сожжены, или разорены; сами они бѣгаютъ тысячами за границу. Многіе богатые землевладѣльцы сдѣлали тоже. Польша начинаетъ походить на пустыню. Голодъ почти неизбѣженъ на слѣдующій годъ, особенно если другіе сосѣди не перестанутъ уводить у насъ жителей, скотъ и занимать наши владѣнія. Кажется, той, чье оружіе единственно все покорило, надлежитъ предписать границы другимъ и произнести, какое послѣдствіе угодно ей дать своимъ побѣдамъ. Не смѣю предугадывать, но думаю, что вы предпочтете такое, которое можетъ сдѣлать три милліона народа наименѣе несчастными».

Суворовъ, препровождая на благоусмотрѣніе императрицы письмо короля, осмѣлился съ своей стороны чрезъ графа Зубова сдѣлать представленія въ пользу Польши. Екатерина была имъ недовольна за это; уважая въ немъ великаго полководца, она считала его неспособнымъ къ политическимъ соображеніямъ. Придворная партія не любила его. Великія заслуги этого человѣка, замѣчаетъ тогдашній англійскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, не спасли его отъ осмѣянія за то, что онъ осмѣлился обратиться къ Зубову съ письмомъ, въ которомъ хотѣлъ возбудить участіе къ королю, и вообще самъ оказывалъ состраданіе къ несчастной участи Польши.

Екатерина отвѣчала польскому королю письмомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Судьба Польши, которую ваше величество изобразили мнѣ въ письмѣ отъ 21 ноября н. ст., есть слѣдствіе принциповъ, разрушительныхъ для всякаго порядка и всякаго общества, почерпнутыхъ въ образцѣ народа, сдѣлавшагося добычею всякаго рода крайностей и заблужденій. Я не могла предвидѣть всѣхъ гибельныхъ слѣдствій и засыпать подъ ногами польскаго народа бездну, которую вырыли его развратители. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Между всѣми бѣдствіями, постигшими его въ настоящее время, предвидимый голодъ безъ сомнѣнія самое ужасное. Я дала приказаніе предупреждать его, насколько это человѣчески возможно. Но это соображеніе, соединенное съ знаніемъ опасностей, которымъ вы подвергаетесь посреди необузданнаго варшавскаго народа, побуждаетъ меня желать, чтобы ваше величество какъ можно скорѣе оставили этотъ преступный городъ и переѣхали въ Гродно. Фельдмаршалъ графъ Суворовъ имѣетъ порученіе сдѣлать это предложеніе и принять необходимыя мѣры—препроводить васъ туда бережно и прилично. Ваше величество должны знать мой характеръ: я неспособна употреблять во зло успѣхи, данные благостію Провидѣнія и правотою моего дѣла. Вы можете спокойно ожидать, пока государственная мудрость и всеобщая необходимость мира не рѣшатъ дальнѣйшей судьбы Польши. Съ такимъ расположеніемъ остаюсь доброю сестрою вашего величества».

Въ тоже время императрица прислала къ Суворову письмо, въ которомъ предписывала ему отправить короля въ Гродно. «Присутствіе его въ Варшавѣ,—писала она,—только что можетъ отягощать сей несчастный городъ, лишенный многихъ способовъ къ продовольствію, гдѣ и особа его не въ безопасности, особливо когда крайность принудитъ васъ или передать его прусскимъ войскамъ, или же предать собственному его жребію. Я не ожидаю, чтобъ по симъ, столь убѣдительнымъ, доводамъ могли вы встрѣтить на сіе предложеніе со стороны короля затрудненія, но если бы паче чаянія сіе и воспослѣдовало, то въ такомъ случаѣ имѣете вы ему объявить необиновенно, что на то есть моя воля непремѣнная и что право оружія и завоеванія налагаетъ на него законъ повиноваться безпредѣльно требованіямъ и предположеніямъ моимъ, а за симъ не пріемля уже никакихъ отговорокъ и въ самомъ кратчайшемъ времени приступите вы къ исполненію вамъ предписаннаго. На нужныя же для таковаго перемѣщенія издержки, равно какъ и на удовлетвореніе какихъ-либо другихъ

надобностей его величества, велѣли мы къ вамъ отпустить 8,000 червонныхъ голландскихъ, которые въ наличности вамъ съ симъ же курьеромъ и будутъ доставлены. Оную сумму вы, по усмотрѣнію вашему, всю ли сполна или употребивъ часть оной на тѣ же путевыя издержки, а затѣмъ остающуюся можете отдать въ распоряженіе того изъ генералъ-майоровъ нашихъ, кого изберете вы подъ видомъ почести для препровожденія его величества до Гродны, повелѣвъ ему оказывать королю всевозможнѣйшія уваженія, при томъ увѣдомивъ его величество, что попеченіе о его приличномъ содержаніи на все время пребыванія его въ Гроднѣ возлагается на нашего генерала князя Репнина».

Императрица приказала генералъ-губернатору Литвы, Репнину, сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для принятія и помѣщенія польскаго короля въ Гродно. Письмо ея къ Репнину очень замѣчательно тѣмъ, что оно высказываетъ вполнѣ ея взглядъ на короля, на Польшу.

«Для пребыванія въ Гроднѣ короля польскаго,—пишетъ Екатерина,—прикажите немедленно приготовить въ зáмкѣ приличные покои, гдѣ бы его величество могъ спокойно помѣститься; по прибытіи же его въ сей городъ, опредѣлить къ дому его для почета надлежащій караулъ, и притомъ наше желаніе есть, чтобы и всѣ приставленные отъ васъ къ сему государю оказывали ему всевозможнѣйшее уваженіе; а поелику управленіе дѣлъ въ Гродно происходитъ именемъ и властію нашею, то само по себѣ разумѣется, что король ни въ какія дѣла входить не можетъ, и въ отправленіи дѣлъ никакого участія имѣть не долженъ, а вы всемѣрно стараться будете до оныхъ его отнюдь не допускать. Многіе опыты насъ удостовѣрили, что сей государь былъ всегда вопреки пользъ нашихъ, ибо ни единое не совершилось событіе, въ которомъ бы онъ не нашелся главою или соучастникомъ и соревнователемъ. Извѣстность таковая, да и давнее познаніе ваше свойствъ и качествъ его, долженствуетъ поставить васъ противъ него въ крайнюю осторожность. Посему за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюденіе, позволяя чинить сіе съ такими токмо людьми, кои не могутъ быть подвержены подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причины отдалять отъ него не слѣдуетъ».

8-го января 1795 года, короля препроводили въ Гродно.

Здѣсь кончается наша исторія. Политическое существованіе Рѣчи-Посполитой прекратилось. Не стало ни верховной власти, ни министровъ, ни войска. Покоренная русскимъ оружіемъ поль-

ская территорія, за исключеніемъ провинцій уступленныхъ Пруссіи, сдѣлалась собственностью Россіи по праву завоевателя. Такъ-называемый третій раздѣлъ былъ собственно уступкою Пруссіи и Австріи. со стороны Россіи, части территоріи пріобрѣтенной.

Такъ пало государство, существовавшее около 1,000 лѣтъ, пало по непреложному нравственному историческому закону, по которому всякая нелогичность, всякая несовмѣстимость противныхъ началъ въ общественномъ строѣ производитъ внутреннюю болѣзнь, а послѣдняя, если не будутъ приняты противъ-нея мѣры въ-пору, при развивающихъ ее обстоятельствахъ, скоро или поздно доводитъ весь общественный механизмъ до разрушенія. Въ нашемъ введеніи мы высказали, что коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать не въ явленіяхъ политической и общественной жизни по одиночкѣ, а въ томъ складѣ племенного характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе и котораго раннее образованіе теряется во временахъ, мало доступныхъ для историческаго изслѣдованія. Оттуда истекало и то замѣчательное отсутствіе политическаго благоразумія и то крайнее противорѣчіе, чѣмъ отличались поляки въ дѣлѣ устройства своего государства [1]).

---

[1]) Такъ въ отрывочныхъ и неполныхъ извѣстіяхъ византійцевъ о предкахъ поляковъ, славянахъ VI вѣка, мы уже замѣчаемъ тѣ черты, какими отличались поляки XVII и XVIII вѣковъ. Какъ славяне VI вѣка, по описанію Прокопія и Маврикія, не хотѣли сложиться во что-нибудь похожее на государство, не терпѣли надъ собою единовластія, дорожа болѣе всего личною свободою, жили въ разбивку, черезъ что и пріобрѣли отъ грековъ кличку—*споры* (отъ *σποράδην*—врозь), не ладили и безпрестанно ссорились между собою, такъ и потомки ихъ, польскіе паны и шляхтичи, хотя и доросли уже до потребности государства; но вѣрные нравамъ прародителей, постоянно и болѣе всего заботились о томъ, чтобъ это государство какъ можно меньше напоминало имъ о своемъ бытіи; имѣли короля, но лишили его почти всякой власти, и ревниво ограждая свою частную свободу, безпрестанно боялись, чтобъ онъ какъ-нибудь не нашелъ путей къ усиленію, жили себѣ въ разбивку въ своихъ маетностяхъ и дворахъ, не любили городовъ, въ которыхъ скучиваться предоставляли жидамъ и нѣмцамъ, и ссорились между собою, подвигая цѣлыя околицы одна на другую, а когда сходились на свои сеймы, то вели совѣщанія также безтолково и нестройно, какъ ихъ прародители при Маврикіѣ на вѣчахъ. Тоже добродушіе, тоже гостепріимство и хлѣбосольство, что такъ поражало въ славянахъ византійцевъ, является выпуклыми признаками характера и быта поляковъ XVIII вѣка. Какъ славяне VI вѣка, по извѣстіямъ византійцевъ, иногда поднимались, воодушевлялись, и предпринимали великіе подвиги, но никогда не доводили своего дѣла до конца, остывали и растрачивали свои силы на внутреннія безладицы, такъ и поляки въ XVIII вѣкѣ на своемъ четырехлѣтнемъ сеймѣ показали, что они способны вдругъ воодушевиться, зашумѣть, накричать цѣлому свѣту о своихъ великихъ приготовленіяхъ и ничего не довести до конца, раздраживъ только тѣхъ, которыхъ опасались. Императоръ Маврикій совѣтовалъ своимъ дѣтямъ и государственнымъ мужамъ Византіи не бояться славянскихъ затѣй и пользуясь тѣмъ, что у славянъ всегда много головъ и всѣ между собою не

Польша сложилась въ республику, поставила свободу знаменемъ своего политическаго бытія въ ряду европейскихъ державъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала и ревниво сохраняла у себя крайнее рабство, безпредѣльное униженіе человѣческаго достоинства. Отъ этого выходило, что поляки хотѣли быть свободными гражданами, а были только деспотами. Возможность деспотствовать— самая ужаснѣйшая нравственная отрава человѣка. Если въ частности и бывали такіе крѣпкіе Митридаты, что могли устоять противъ ея губительной силы, то цѣлое общество, вездѣ состоящее изъ большинства натуръ малосильныхъ, не можетъ ее выдержать. Она пріучаетъ человѣка къ праздности, умственной лѣни, къ неумѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, къ необузданности страстей, къ жестокости, къ эгоизму, къ предпочтенію собственныхъ узкихъ интересовъ потребностямъ общаго блага. Униженія и страданія порабощенныхъ отомщаются деморализаціею поработителей. Но существованіе рабства въ государствѣ само по себѣ еще не должно было погубить Польши; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ оно было, господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ-бы ни деморализовались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ,—уже черезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и по неволѣ должны дѣйствовать за одно въ дѣлахъ, касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ, при внутреннихъ язвахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть еще достаточно крѣпкимъ противъ внѣшнихъ ударовъ. Притомъ, самая верховная деспотическая власть, по своей натурѣ склонная поддерживать коснѣніе и невѣжество, иногда принуждена бываетъ измѣнять себѣ, когда въ сосѣднихъ краяхъ превосходство умственныхъ силъ надъ матеріальными покажетъ ей несостоятельность однихъ только матеріальныхъ въ случаѣ борьбы съ такими соперниками, которые обладаютъ еще силами

ладять, нѣкоторыхъ изъ нихъ приласкать и подкупить и, такимъ образомъ, не допускать ихъ сойтись между собою и установить надъ собою единую верховную власть. Сосѣди Польши, въ XVIII вѣкѣ, конечно, не руководствовались этимъ наставленіемъ византійскаго государя, жившаго въ концѣ VI вѣка, а между тѣмъ буквально исполнили его надъ поляками своего времени. Во времена этого Маврикія, какъ разсказываютъ, явился къ грекамъ изъ аварскаго войска славянинъ, родомъ изъ прибалтійской славянщины. «У насъ въ землѣ, говорилъ онъ, нѣтъ оружія, мы не воюемъ, а все только поемъ и веселимся!» Какъ эти ляхи VI-го вѣка похожи были на своихъ потомковъ, тѣхъ шляхтичей, которые не терпѣли у себя въ странѣ собственной военной силы и, не ломая головы надъ политическими вопросами, пили свою неподражаемую старую водку и танцовали свою несравненную мазурку!

и перваго рода. Тогда, не изъ любви къ человѣчеству, а изъ самосохраненія, опасаясь столкновеній съ болѣе просвѣщенными и болѣе свободными странами, сами деспоты вводятъ у себя признаки иноземнаго устроенія, которые при дальнѣйшихъ благопріятствующихъ имъ условіяхъ, могутъ привести къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ въ общественномъ строѣ и въ умственномъ развитіи народа. Въ такой республикѣ, какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, нѐ откуда было начаться благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Толпа правящихъ своею страною гражданъ не могла согласиться на счетъ средствъ возрожденія отечества, еще менѣе могла исполнить то, чтó нужно было для общаго блага, какъ скоро при этомъ должны были терпѣть частные интересы. Передовые люди, понимавшіе сущность обстоятельствъ лучше большинства, не имѣли для своихъ идей и дѣйствій точки опоры. Имъ приходилось бороться съ закоренѣлыми предразсудками и эгоистическими привычками этого большинства; понятно, что ихъ увѣщанія оставались голосомъ вопіющаго въ пустыни. Первымъ шагомъ къ возрожденію Польши могло быть только истребленіе всеразвращающаго рабства; но истребить его въ республикѣ, состоящей изъ деспотовъ, привыкшихъ издавна къ сладости безусловнаго господства надъ рабами, не только трудно, но невозможно до тѣхъ поръ, пока республика будетъ оставаться республикою. Такимъ образомъ выходитъ, что Польшѣ вредило республиканское правленіе.

Но мы были бы крайне несправедливы, еслибы видѣли зло въ республикѣ самой по себѣ. Республиканскій строй общества, имѣющій идеаломъ свободу, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, не можетъ быть источникомъ разрушенія. Вездѣ, гдѣ только существовали и упадали республики, не самая сущность республиканскаго строя была причиною ихъ паденія, а всегда другія явленія, вредныя именно потому, что были противны духу республиканскаго правленія. Въ Польшѣ оказывается тоже. Формы польской республики, какъ мы уже замѣчали, не были безусловно дурны, а во многихъ отношеніяхъ ставили Польшу по общественному развитію выше другихъ государствъ Европы, а если въ этихъ формахъ были недостатки, то, безъ сомнѣнія, недостатки эти давно-бы исправились, еслибы сами поляки не поддались деморализаціи, лишавшей ихъ возможности работать надъ улучшеніемъ общества, и, главнымъ образомъ, питаемой существованіемъ у нихъ рабства. Республика, какъ лучшій образъ обще-

ственнаго устроенія, требуетъ для своего поддержанія того, что въ человѣческомъ существѣ есть наилучшаго — добродѣтели и любви къ правдѣ; безъ этого условія республика идетъ къ разрушенію; а потому деморализованная республика, сохраняя наружно республиканскія формы, не можетъ уже возродиться и исправиться.

Такимъ образомъ, не республиканскій строй Рѣчи-Посполитой съ одной стороны, но и не рабство, существовавшее въ ней, съ другой—привели это государство къ паденію; нелогичное чудовищное сочетаніе двухъ противоположныхъ стихій оказало на нее губительное дѣйствіе.

Четырехлѣтній сеймъ наглядно показалъ невозможность республикѣ спасти себя и изцѣлиться отъ своего развращенія. Видя явную опасность, угрожавшую государственной самостоятельности, поляки съ лихорадочнымъ движеніемъ схватились за дѣло преобразованія, но, протолковавши два съ половиною года, ничего не сдѣлали, хотя въ то время имъ никто не мѣшалъ. Современники, знавшіе общество того времени, сознавали, что еслибы они двадцатьпять лѣтъ разсуждали на сеймѣ, оставаясь съ прежними нравами, то изъ ихъ разсужденій все равно ничего бы не вышло. Кружокъ людей, старавшихся о томъ, чтобы отечество возродилось какъ можно скорѣе, придумали переворотъ 3 мая, который можно скорѣе назвать фокусомъ, чѣмъ дѣломъ преобразованія. Несостоятельность этой, прославленной въ свое время, конституціи, кромѣ способа ея провозглашенія, высказалась и въ самой сущности ея содержанія. Она не устранила того губительнаго противорѣчія, которое разъѣдало Польшу. Съ одной стороны, значеніе короля хотя и было усилено, но не до такой степени, чтобы уничтожить республиканскую стихію и дать верховной власти возможность водворить въ странѣ подчиненіе единой волѣ. Конституція 3-го мая не установляла самодержавія, абсолютизма, какъ кричали ея противники; съ другой стороны, она не уничтожала и не искореняла изъ Польши рабства, а только напугала рабовладѣльцевъ опасеніями за будущее время. Пытались залечить видимыя раны общества, но корень болѣзни оставался почти нетронутымъ. Польша все-таки оставлена была во власти дворянства, деспотически господствующаго надъ громадою народа. Творцы конституціи не могли поступить иначе по стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ находились, да отчасти и по собственнымъ привычкамъ. Поэтому-то мы имѣемъ причину предполагать, что безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ, по ходу вещей, обстоятельствъ, которыя обра-

тили въ прахъ и майскую конституцію и вслѣдъ затѣмъ самую Рѣчь-Посполитую, Польша съ помощію этой конституціи не могла достигнуть возрожденія и разъѣдавшія ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы по прежнему, ведя ее къ разрушенію.

Гродненскій сеймъ, новое отпаденіе отъ Польши провинцій, еще большее, чѣмъ прежде, подчиненіе Россіи той части государства, которой оставили тѣнь самостоятельности, наконецъ презрительное обращеніе съ націею державъ, въ рукахъ которыхъ былъ ея жребій — все это пробудило остатокъ нравственно человѣческихъ чувствъ въ деморализованномъ обществѣ. Вспыхнуло возстаніе. На челѣ его явилась личность безукоризненно честная, благородная. Послѣдователь идей Франклина и Вашингтона, одинъ изъ сѣятелей новой свободы на дѣвственной почвѣ Америки, Костюшко былъ республиканецъ до костей; онъ не любилъ монархизма по принципу; онъ не выставилъ короля хотя бы даже значкомъ для своего возстанія, да притомъ и тогдашній король былъ такого рода, что не годился ему ни на что́. Ближайшая цѣль его была освободить отечество отъ иноземнаго нападенія; что́ съ отечествомъ должно быть въ случаѣ успѣха — Костюшко, повидимому, не задавался на счетъ этого никакими планами, а предоставлялъ все будущей волѣ освобожденнаго народа. Единственно, что́ онъ намѣтилъ впередъ для будущихъ реформъ, это—освобожденіе хлоповъ, выраженное въ универсалѣ 7-го мая. Этимъ какъ будто устранялась старая историческая нелогичность: Польша оставалась республикою, но уже безъ рабства. Мы высказали наше мнѣніе о несостоятельности этого распоряженія: оно не могло имѣть смысла окончательнаго закона, прежде, чѣмъ не было утверждено волею сейма; но сеймъ, составленный изъ рабовладѣльцевъ, по миновaніи опасности, безъ всякаго сомнѣнія, постарался бы поставить все на прежнюю ногу. Притомъ же въ универсалѣ самого Костюшки видна недоконченность; крестьяне, хотя и освобождались отъ рабства, хотя, кромѣ того, надѣлялись грунтами, однако не избавлялись совершенно отъ рабочихъ обязанностей къ бывшимъ владѣльцамъ, а это одно могло свести вопросъ съ фактической почвы на почву либеральной риторики. Было ли это въ Костюшкѣ слѣдствіемъ осторожности, или въ немъ, при его американскомъ перевоспитаніи, все еще высказывался полякъ и шляхтичъ, мы не беремся рѣшать, тѣмъ болѣе, что его универсалъ, во всякомъ случаѣ, относительно самый либеральный и самый человѣчный актъ польской исторіи, остался безслѣднымъ. Воз-

станіе, которое такъ энергически двигалъ полякъ-американецъ, не имѣло успѣха, не только отъ того, что не выдержало борьбы съ русскимъ оружіемъ, находившимся въ рукахъ геніальнаго Суворова, но и отъ того, что оно разбивалось о прежнюю заматерѣлую польскую деморализацію. Какъ ни возбудителенъ былъ для поляковъ постигшій ихъ ударъ, но въ одинъ годъ не могло общество сбросить съ себя вѣковыхъ пороковъ. Мы видѣли, какъ обычное мелочное предпочтеніе своихъ личныхъ выгодъ общей идеѣ безпрестанно высказывалось въ исторіи 1794 года, какъ много лжи и фальши было въ польскомъ патріотизмѣ, когда, при всеобщемъ воодушевленіи на словахъ, воины Костюшки были и наги и голодны, а масса простого народа, несмотря на всѣ воззванія военачальника, отнюдь не имѣла ни желанія, ни повода защищать бытіе Рѣчи-Посполитой. Даже съ болѣе правдивымъ патріотизмомъ у шляхты, и съ болѣе счастливыми обстоятельствами дѣло возстанія едва ли могло дойти до чего-нибудь прочнаго. Полякъ того времени, въ крайнемъ случаѣ, могъ возстановить только форму своего бывшаго государства, котораго ядро уже сгнило, а возстановленная форма, безъ здороваго содержанія, при первомъ натискѣ противнаго вѣтра, опять подверглась бы распаденію.

Было бы неумѣстно вдаваться въ вопросъ о справедливости способа дѣйствій державъ, рѣшившихъ судьбу Польши въ концѣ XVIII-го вѣка. По причинѣ своего внутренняго разстройства, лишившись нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ самозащищенію отъ внѣшнихъ ударовъ, Польша стала жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и соображаться съ законностью, изобрѣтенною только для подданныхъ и необязательною для властей. Въ политикѣ понятіе о справедливости чаще всего служило только для взаимнаго обмана и для приличія. Достаточнымъ считалось найти благовидный предлогъ для совершенія такихъ дѣлъ, которыя, безъ этого предлога, не рѣшались во всеуслышаніе назвать справедливыми. Коварство и насиліе были подпорою государственной безопасности. Одни другихъ упрекали въ коварствѣ, въ несправедливости, въ насиліи, а между тѣмъ не ставили въ вину себѣ того, въ чемъ обвиняли другихъ. Власти не заботились объ общественномъ благомнѣніи на счетъ своихъ поступковъ, а подчиненному имъ обществу не дозволяли думать иначе, какъ приказывали имъ сами. Массы народовъ переходили изъ-подъ одной державы подъ другую, обязанныя питать чувства любви и предан-

ности къ тѣмъ, кого прежде приказывали имъ считать врагами; министры рѣшали ихъ судьбу въ тайныхъ совѣщаніяхъ, не спрашивая ихъ согласія; возникали войны за принадлежность областей: разореніе постигало ничѣмъ невиновныхъ жителей спорныхъ земель, а сами эти жители не смѣли ни защищаться, ни возвышать за себя голоса; сила оружія передавала ихъ новымъ властямъ; ихъ подчиняли чуждымъ для нихъ законамъ и порядкамъ, жестоко угнетали и карали, когда они не въ силахъ были свыкнуться съ этими законами и порядками. Сокровища, собранныя кровавымъ потомъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, тратились, по прихоти властей, на опустошительныя войны, съ восхваляемою цѣлью расширенія и округленія границъ государства или возстановленія правъ, софистически вытянутыхъ изъ архивовъ дипломатіи и генеалогіи; сотни тысячъ здоровыхъ людей отрывались отъ семействъ и мирныхъ занятій, посылались на убой, и благодаря невѣжеству, въ которомъ власти старались держать народъ, не смѣли роптать, воображая себѣ, что въ самомъ дѣлѣ идутъ на смерть за правое и богоугодное дѣло; тайна покрывала замыслы и истинныя дѣянія власти, а толпѣ, въ утѣшеніе, бросали благообразную ложь; голосъ правды жестоко наказывался, какъ дерзкое нарушеніе общественнаго спокойствія, а куренія риторовъ, воспѣвавшихъ побѣды, пріобрѣтенія, мудрость и великодушіе властей, назначались служить катихизисомъ, утверждавшимъ въ умахъ и сердцахъ слѣпоту и обольщеніе. При господствѣ такой политики, слабымъ государствамъ не было другой гарантіи отъ алчности и властолюбія сильныхъ, кромѣ взаимной ихъ зависти другъ къ другу. Пока сильные не могли сойтись на счетъ слабыхъ или, будучи заняты другимъ, не имѣли на нихъ поползновенія, слабые были безопасны; но какъ только сильные между собою поладятъ, слабые могли безнаказанно подвергнуться такимъ перемѣнамъ, какихъ не желали. Переходъ мелкихъ государствъ и областей изъ рукъ въ руки и передѣлы ихъ были обычнымъ явленіемъ при договорахъ, заканчивавшихъ войны, въ которыя втягивались иногда всѣ европейскія государства. Польша, слабое и беззащитное государство (хотя имѣвшее всѣ условія для того, чтобъ быть могучею державою) долго спасалась отъ гибели только потому, что сосѣди не могли скоро подѣлиться ею. Но обстоятельства, наконецъ, поставили ихъ въ необходимость согласить свои стремленія, и Польша попала подъ колесо неумолимой политики, не знавшей другихъ способовъ дѣйствія, кромѣ коварства и насилія.

Можно ли обвинять за то державы, слѣдовавшія такой поли-

тикѣ? Конечно, нѣтъ. Когда государства сформировались и возросли при помощи коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ: развѣ не насиліемъ захватила она Червонную Русь? Развѣ не коварствомъ и не насиліемъ присоединила къ себѣ великое княжество Литовское? Развѣ поляки спрашивали объ этомъ желанія у массы русскаго народа, когда считали его своимъ достояніемъ на томъ основаніи, что когда-то насильно владѣвшій русскимъ народомъ литовскій князь женился на польской королевѣ, а впослѣдствіи его потомки выбирались въ польскіе короли, и наконецъ, при одномъ изъ нихъ, поляки успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ аристократовъ, другихъ обмануть, третьихъ напугать и, такимъ образомъ, написать на пергаменѣ договоръ литовскаго и русскаго народовъ съ польскимъ, тогда какъ эти народы и не знали и не думали объ этомъ пергаменѣ? Развѣ не обращали русскій народъ насильно въ другую вѣру, не ругались надъ его вѣковою святынею? Народъ этотъ бунтовалъ, а его сажали на колья и жгли. Все это развѣ не коварство, не насиліе? Овладѣніе Москвою посредствомъ плутовъ, называвшихся чужими именами, развѣ не коварство, не насиліе? Не чужда была сама Польша тѣхъ способовъ, которые въ свое время стерли ее съ карты Европы. И ни одно государство не было чуждо ихъ; и какъ бы ни умягчались политическія формы—коварство и насиліе всегда останутся необходимыми въ государственныхъ отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока люди не додумаются устроить свои политическія общества на иныхъ началахъ.

Съ безпристрастнымъ сознаніемъ, безъ всякаго патріотическаго самообольщенія, скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, пріобрѣтеніе Екатериною русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ относительно. Екатерина возвращала своему государству то, что принадлежало ему на основаніи не однихъ династическихъ воспоминаній или архивныхъ документовъ, а—вѣковой, живой народной связи. Что масса русскаго народа, находившагося подъ властью Польши, униженнаго, порабощеннаго и состоявшаго въ послѣднее время изъ одного низшаго класса, желала соединенія съ Россіею—это не подлежитъ сомнѣнію. Вѣка проходили, а желаніе это не остывало. Въ XVII-мъ вѣкѣ, южная Русь отдалась добровольно русскому государству, народъ ея проливалъ потоки собственной крови, ненавидя Польшу, не желая быть съ нею въ соединеніи, и между тѣмъ сама Россія насильно возвращала его Польшѣ. При

Екатеринѣ, едва только вновь блеснула надежда на соединеніе съ Россіею, народъ заявлялъ это желаніе самымъ очевиднымъ образомъ: современные поляки хоромъ твердили объ этомъ. Такимъ образомъ, Россія присоединяла къ себѣ страны, въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало. Вотъ здѣсь-то и правота Россіи. Между тѣмъ Россія не поставила этой правоты своей на челѣ своихъ дѣйствій. Предпочтенъ темный путь политики. Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ настолько, насколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; сбылись завѣтныя желанія многихъ поколѣній, и какъ страшно былъ обманутъ, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія; и долго, долго суждено было ему терпѣть прежнюю долю. А какова была эта доля—пусть онъ самъ скажетъ намъ свою исторію. Вотъ народная пѣсня, записанная нами на Волыни [1]:

«Наступала туча черная, наступила еще и сизая: была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! За отца сынъ не отбудетъ дѣла, ни отецъ за сына! Живутъ люди, живутъ люди, живутъ слободою; идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ доч-

[1]) Наступила чорна хмара—настала щей сива:
Була Польща, була Польща, та стала Россія;
Синъ за батька не одбуде, а батько за сина!
Живуть люде, живуть люде, живуть слободою;
Иде мати на ланъ жати разомъ изъ дочкою.
Прийшли вони до ланочку: помогай намъ, Боже
И святая неділонька, велика госпоже!
Сіли жъ вони обідати — гіркій нашъ обіде!
Оглянуться назадъ себе, ажъ окомонъ иде.
Приїхавъ вінъ до ланочка, нагай распускае:
— Ой чомъ же васъ, вражихъ людей, по-трое не мае!!!
Ой зачавъ же ихъ окомонъ лаяти та бити:
— Ой чомъ же вамъ, вражимъ людямъ, снопівъ не носити?
А въ нашого окомона червоная шапка;
Якъ приіде до панщини — скаче якъ та жабка.
А въ нашого окомона шовкові онучи;
Плачуть плачуть бідні люде изъ панщини йдучи.
Пооблазили воламъ шиі біднимъ людямъ руки...
Ой ярини по півтори, а зимени копу
Треба стати поправитись, хочъ якому хлопу,
Змолотити и звіяти и въ шпихліръ собрати,
А въ вечері по вечері та на варту стати.

кой; пришли онѣ на нивушку: помогай намъ, Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Сѣли пообѣдать: горекъ нашъ обѣдъ! Онѣ оглянулись назадъ,—экономъ идетъ. Пріѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: Отъ чего же васъ, вражьихъ людей, не трое?! И началъ экономъ ругаться, да драться: Зачѣмъ вы, вражьи люди, сноповъ не носите?! А у нашего эконома красная шапка; а пріѣдетъ онъ на барщину, такъ скачетъ, какъ жаба. А у нашего эконома шелковая обувь; плачутъ, плачутъ бѣдные люди, съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери-молъ ярового хлѣба полторы копы, а озимаго — копу! Хоть какому мужику впору — все вымолотить, вывѣять и въ анбаръ сложить. А вечеромъ, поужинавъ, въ караулъ ступай! Пошли они въ шинокъ — дай, шинкарка, кварту; выпьемъ съ горя по стакану, а потомъ и въ караулъ! Ходитъ попъ по церкви, да книжку читаетъ: Отъ чего васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ?! Какъ же намъ, батюшка, въ церковь-то ходить: съ воскресенья до другого нужно молотить»!

Вотъ гдѣ настоящая исторія, правдивая исторія народной жизни, которая катилась незамѣтно для профессоровъ, академиковъ, членовъ историческихъ обществъ, исторія, совсѣмъ несогласная съ тѣмъ, что́ мы слыхивали отъ нашихъ піитъ, риторовъ, педагоговъ. Намъ воспѣвали торжество вѣрнаго росса надъ кичливымъ ляхомъ, а русскій народъ пѣлъ о томъ, какъ кичливый ляхъ-экономъ билъ вѣрнаго росса-хлопа нагайками; намъ восхваляли мудрость, человѣколюбіе и попечительность нашихъ властей въ такое-то и такое время, а народъ пѣлъ, что отъ тяжкой, чужой невольной работы, при горькомъ обѣдѣ, у него облѣзла на рукахъ кожа, а у его воловъ стерлась шерсть на шеѣ отъ неснимаемаго ярма; въ насъ возбуждали патріотическое умиленіе при мысли о томъ, что русскій народъ, долго находившійся подъ гнетомъ Польши, возсоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ къ великой его радости, а этотъ русскій народъ говорилъ, что для него все равно—Россія ли или Польша, словно двѣ тучи: «одна черная, другая сизая», солнце же для него еще не показывалось; насъ въ школахъ заставляли содрогаться при описаніяхъ гоненій и поруганій, какія чинили поляки надъ

Прийшли вони до шинкарки — дай, шинкарко, кварту;
Випьемъ зъ жалю по стакану, тай станемъ на варту!
Ходить попокъ по церковці, у книжку читае:
— Ой чомъ же васъ, добрихъ людей, у церкві не мае?
— Ой якъ же намъ, добродію, у церкву ходити,
Одъ неділі до неділі кажуть молотити!

православною вѣрою, а народъ, въ своихъ пѣсняхъ, никому, кромѣ его, невѣдомыхъ и непонятныхъ, заявлялъ о томъ, что и теперь православныя церкви стоятъ пустыми, потому что паны-ляхи гонятъ его на работу въ воскресные дни. Такъ дѣлалось почти семьдесятъ лѣтъ въ имперіи, которая считалась русскою, православною и гордилась своею силою. Рѣчь-Посполитая исчезла съ географической карты, шляхетскія поколѣнія метались во всѣ стороны, отчаянными средствами пытаясь поднять изъ могилы и воскресить своего мертвеца, еще заживо согнившаго, а между тѣмъ, для милліоновъ русскихъ хлоповъ, для той русской массы, за которую шелъ многовѣковой споръ Россіи съ Польшею, проливались потоки крови—для нихъ однихъ продолжала существовать эта Рѣчь-Посполитая.

Великое призваніе лежитъ на Россіи по отношенію къ этому народу. Избавившись, наконецъ, отъ постыднаго *ляхскаго* ярма, онъ долженъ теперь получить просвѣщеніе, и тогда русскій историкъ вполнѣ будетъ имѣть право сказать, что паденіе Рѣчи-Посполитой отозвалось, хотя не въ близкомъ поколѣніи, благодѣтельными послѣдствіями для русскаго народа.

Н. Костомаровъ.

ЦАРЬ БОРИСЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЦАРЬ БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.

ЦАРИЦА МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА, его жена, дочь Малюты Скуратова.

ЦАРЕВИЧЪ ѲЕДОРЪ } их дѣти.
ЦАРЕВНА КСЕНІЯ }

ЦАРИЦА ИРИНА ѲЕДОРОВНА, во иночествѣ АЛЕКСАНДРА, сестра царя Бориса, вдова царя Ѳедора Іоанновича.

ЦАРИЦА МАРІЯ ѲЕДОРОВНА НАГАЯ, во иночествѣ МАРѲА, вдова Іоанна Грознаго.

ХРИСТІАНЪ, герцогъ датскій, женихъ царевны Ксеніи.

ГОЛЬКЪ } его совѣтники.
БРАГЕ }

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ, ближній бояринъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАСМАНОВЪ, бояринъ и воевода.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ }
АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ }
КНЯЗЬ РЕПНИНЪ }
КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ } бояре.
КНЯЗЬ СИЦКІЙ }
КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ }
САЛТЫКОВЪ }

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛУПЪ-КЛЕШНИНЪ, во схимѣ братъ ЛЕВКИ.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА, боярыня.

АѲАНАСІЙ ВЛАСЬЕВЪ, думный дьякъ.

ВОЕЙКОВЪ, воевода Тарскій.

ДЕМЕНТЬЕВНА, барская барыня.
РИЧАРДЪ ЛИ, посолъ англійскій.
МИРАНДА, папскій нунцій.
БАРОНЪ ЛОГАУ, посолъ австрійскій.
ЛЕВЪ САПѢГА, посолъ литовскій.
ЭРИКЪ ГЕНДРИХСОНЪ, посолъ шведскій.
АВРААМИ ЛЮСЪ, посолъ флорентійскій.
ГЕРМЕРСЪ, любскій бургомистеръ, присланный отъ ганзейскихъ городовъ.
АРХИМАНДРИТЪ КИРИЛЛЪ, посолъ иверскій.
ЛАЧИНЪ БЕКЪ, посолъ персидскій.
ЧЕЛИБЕЙ, посолъ турецкій.
ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ, атаманъ разбойниковъ.
РѢШЕТО, НАКОВАЛЬНЯ — его эсаулы.
МИТЬКА, разбойникъ.
ПОСАДСКІЙ.
МИСАИЛЪ ПОВАДИНЪ, ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ — бѣглые монахи.
1-й, 2-й — часовые.
1-й, 2-й — сыщики.
1-ая, 2-ая, 3-ья, 4-ая — бабы.
ВРАЧЪ.
СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.
СПАЛЬНИКЪ.
СТОЛЬНИКЪ.
КРИЛОШАНКА.
ПРИСТАВЪ.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрѣльцы, посольская свита, монахи, бѣглые крестьяне, разбойники, нищіе, сыщики, слуги и народъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го столѣтій.

ДѢЙСТВІЕ I.

Престольная палата.

САЛТЫКОВЪ и ВОЕЙКОВЪ.

САЛТЫКОВЪ.

Ты вô-время, бояринъ, съ доброй вѣстью
Вернулся изъ Сибири: угодилъ
Какъ разъ попасть въ тотъ день, какъ государь
Вѣнчается на царство!

ВОЕЙКОВЪ.

Богу слава!
Довольно онъ откладывалъ вѣнчанье
Со дня, какъ земской думою соборной
На царство былъ избранъ!

САЛТЫКОВЪ.

Да, да, въ шеломѣ,
А не въ вѣнцѣ, съ мечемъ замѣсто скиптра,
Онъ ждалъ татаръ. Но ханъ, имъ устрашенный,
Бѣжалъ назадъ! И то сказать: пятьсотъ
Насъ вышло тысячъ въ поле. Безъ удара
Казы-Гирей разсыпанъ — и ни капли
Не пролилося русской крови!

ВОЕЙКОВЪ.

Слава
Царю Борису!

САЛТЫКОВЪ.

Слава и хвала!
Подумаешь: какъ царь Иванъ Васильичъ

Оставилъ Русь Өеодору царю!
Война и моръ — въ предѣлахъ русскихъ ляхи —
Ханъ подъ Москвой — на брошенныхъ поляхъ
Ни колоса! А нынѣ, посмотри-ка!
Все благодать: амбары полны хлѣба —
Исправлены пути — въ приказахъ правда —
А къ рубежу попробуй подойти
Ляхъ, или нѣмецъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Чтò и говорить!
Воскресла вся земля! Царю не даромъ
Отъ всѣхъ любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отъ роду не видала!
На-силу я проѣхалъ чрезъ толпу;
На двадцать верстъ кругомъ запружены
Дороги всѣ; народъ со всѣхъ концовъ
Валитъ къ Москвѣ; всѣ улицы полны,
И всѣ дома, отъ гребней до завалинъ,
Стоятъ въ цвѣтахъ и въ зелени! Я думалъ:
Авось къ царю до выхода проѣду!
Куды! я чай, отъ валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Тамъ
Услышалъ я: въ соборѣ царь Борисъ —
Вѣнчается!

САЛТЫКОВЪ.

Сейчасъ вернется въ теремъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Ты что-жъ не тамъ?

САЛТЫКОВЪ.

Пословъ примать наряженъ.

ВОЕЙКОВЪ.

Какихъ пословъ?

САЛТЫКОВЪ.

Да мало-ль ихъ! Отъ папы,
Отъ цесаря, отъ Англіи, отъ Свеи,

От Персіи, отъ Польши, отъ Ганзы —
Не перечтешь!

ВОЕЙКОВЪ.

И всѣхъ ихъ приметъ царь?

САЛТЫКОВЪ.

Всѣхъ съ этого престола слушать будетъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Пора, пора возсѣсть ему на немъ!
Семь мѣсяцевъ вѣнчанія мы ждали!

САЛТЫКОВЪ.

А до того, чай, цѣлыхъ шесть недѣль
Пріять вѣнецъ его молили!

ВОЕЙКОВЪ.

Да,
Смиренію такому нѣтъ примѣра.
До насъ дошло, какъ вашимъ онъ моленьямъ
Внять не хотѣлъ!

САЛТЫКОВЪ.

И еслибы владыка
Отъ церкви отлученіемъ ему
Не угрозилъ — быть можетъ, и доселѣ
Мы были-бъ безъ царя!

ВОЕЙКОВЪ.

А говорили:
Честолюбивъ!

САЛТЫКОВЪ.

Поди ты! Мало-ль что̀
О немъ толкуютъ! Говорили также:
Онъ Димитрія царевича извелъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Безбожники! безсовѣстные люди!
Когда-бъ извелъ Димитрія Борисъ,
Онъ сталъ-ли бы отъ царства отрекаться!

САЛТЫКОВЪ.

Вѣстимо нѣтъ! когда скончался Ѳедоръ,
Рыдали всѣ, но скорбь ничья сравниться
Со скорбію Бориса не могла.

ВОЕЙКОВЪ.

Я былъ уже въ походѣ; не сподобилъ
Меня Господь къ усопшаго рукѣ
Съ другими приложиться. Говорятъ,
Былъ чудно свѣтелъ ликъ его?

САЛТЫКОВЪ.

Тиха
Была его и благостна кончина.
Онъ никому не позабылъ сказать
Прощальное, привѣтливое слово;
Когда-жъ своей царицы скорбь увидѣлъ:
«Аринушка сказалъ онъ, ты не плачь.
«Меня Господь проститъ, что государить
«Я не умѣлъ!» И руку взявъ ея,
Держалъ въ своей, и кротко улыбаясь,
Такъ погрузился словно въ тихій сонъ —
И отошелъ. И на его лицѣ
Улыбка та послѣдняя осталась.

ВОЕЙКОВЪ.

Царь благодушный!

САЛТЫКОВЪ.

Послѣ похоронъ
Постриглася царица.

ВОЕЙКОВЪ.

И тогда-же
Съ ней заперся правитель?

САЛТЫКОВЪ.

Въ тотъ-же день.
Моленіямъ боярскимъ не внимая,
Онъ говорилъ: «Со смертію царя
«Постыли мнѣ волненіе и пышность,
«И блескъ и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
«Останусь я; молиться съ ней хочу я,
«И здѣсь умру!»

Звонъ во всѣ кремлевскіе колокола.

ВОЕЙКОВЪ — подходя къ окну.

Идутъ, идутъ! Народъ
Волнуется! Вотъ ужъ несутъ хоругви!
А вотъ попы съ иконами, съ крестами!
Вотъ патріархъ! Вотъ стольники! Бояре!
Вотъ стряпчіе царевы! Вотъ онъ самъ!
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, въ золотой одеждѣ,
Съ державою и скипетромъ въ рукахъ!
Какъ онъ идетъ! Всѣ пали на колѣни —
Между рядовъ безмолвныхъ онъ проходитъ
Ко Красному крыльцу—остановился,
Столпились всѣ—онъ говоритъ къ народу...

Молчаніе; потомъ взрывъ радостныхъ криковъ.

Цѣлуетъ крестъ — вотъ на крыльцо вступаетъ —
Какъ свѣтелъ онъ! Сіяніе какое
Въ его очахъ! Нѣтъ, самъ Иванъ Васильичъ
Въ величіи подобномъ не являлся —
Во истину то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входятъ и становятся у престола; потомъ бояре; потомъ стряпчіе съ царской стряпней; потомъ ближніе бояре; потомъ самъ ЦАРЬ БОРИСЪ, въ полномъ облаченіи, съ державой и скипетромъ. За нимъ царевичъ ѲЕДОРЪ. Борисъ всходитъ на подножіе престола.

БОРИСЪ — стоя на подножьи.

Соизволеньемъ Божіимъ и волей
Соборной думы—не моимъ хотѣньемъ —
Я на престолъ царей и самодержцевъ
Всея Руси вступаю днесь. Всевышній
Да укрѣпитъ мой умъ, и дастъ мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,

Чтобы царилъ я праведно и мудро,
На тишину Руси, какъ царь Өеодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Іоаннъ!

Садится на престолъ. Царевичъ Өедоръ садится по его правую руку.

ВОЕЙКОВЪ — опускаясь на колѣни.

Великій царь! Господь тебя услышалъ:
Твои враги разбиты въ пухъ и прахъ!
Воейковъ я, твой Тарскій воевода,
Тебѣ привезшій радостную вѣсть,
Что ханъ Кучумъ, свирѣпый царь сибирскій,
На Русь возстать дерзнувшій мятежомъ,
Бѣжалъ отъ насъ въ кровопролитной битвѣ
И палъ отъ рукъ ногайскихъ мурзъ. Сибирь,
Твоей опять покорная державѣ,
Тебѣ на вѣкъ всецѣло бьетъ челомъ!

БОРИСЪ.

Благодаренье Господу! Да будетъ
Въ сей свѣтлый день намъ знаменіемъ добрымъ
Благая вѣсть! Встань, воевода Тарскій,
И цѣпь сію, въ знакъ милости великой,
Отъ насъ прими!

Снимаетъ съ себя цѣпь и надѣваетъ на Воейкова.

Мой сынъ, царевичъ Өедоръ,
Вамъ здравствуетъ со мной, бояре! Онъ
Лѣтами младъ, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. Въ немъ буду
Готовить мнѣ достойнаго на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я васъ прошу!

Өедоръ кланяется.

БОЯРЕ.

Да здравствуетъ царевичъ!
Живетъ царевичъ!

САЛТЫКОВЪ.

Государь, послы
Ждутъ позволенья милости твоей
На царствіи здоровать!

БОРИСЪ.

Пусть войдутъ!

Трубный тушъ и литавры. Входитъ посолъ англійскій, предшествуемый двумя стольниками; за нимъ идетъ его свита и останавливается, не доходя престола. Посолъ подходитъ къ престолу; стольники раздаются на право и на лѣво. При входѣ слѣдующихъ пословъ соблюдаются тѣ же обряды.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ Елисаветы, Ричардъ Ли!

РИЧАРДЪ ЛИ.

Британніи Великой королева
Царю Борису дружескій поклонъ
Усердно шлетъ, его на русскомъ тронѣ
Привѣтствуя какъ друга своего,
Какъ кровнаго, возлюбленнаго брата.
Великій царь! Ей дорогъ несказанно
Съ тобой союзъ, и еслибы избрать
Для сына ты межъ юными княжнами
Британніи невѣсту захотѣлъ,
Твое свойство вмѣнила-бъ королева
Себѣ въ любовь, и видѣла-бы въ немъ
Залогъ союза нашихъ двухъ народовъ
И совершенье мысли Іоанна,
Который былъ ей другомъ.... Графа Дарби
Младая дочь красою превышаетъ
Красавицъ всѣхъ, а кровь ея одна
Съ Елисаветы королевской кровью!

БОРИСЪ.

Благодарю сестру Елисавету,
Ея союзомъ болѣ дорожу,
Чѣмъ всѣхъ другихъ высокихъ государей,
Писавшихъ къ намъ о томъ же. Но мой сынъ
Ѳедоръ младъ еще о бракѣ думать —
Мы подождемъ.

Ричардъ Ли отходитъ, предшествуемый стольниками. Трубы и литавры. Входитъ папскій нунцій.

САЛТЫКОВЪ.

Миранда, нунцій папы!

МИРАНДА.

Великій царь всея земли московской!
Святой отецъ Климентъ тебѣ свое
Апостольское шлетъ благословенье
И здравствуетъ на государствѣ! Въ знакъ
Особенной своей къ тебѣ любви,
Онъ утвердить твой титулъ предлагаетъ,
Какъ титулы богемскихъ королей
И польскихъ утвердилъ онъ. Если-жъ ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь вѣдомой намѣстнику Христа,
Какъ онъ, о царь, скорбишь о раздѣленьи
Родныхъ церквей—онъ черезъ насъ готовъ
Войти съ твоимъ священствомъ въ соглашенье,
Да прекратится распря прежнихъ лѣтъ
И будетъ вновь единый пастырь стаду
Единому!

БОРИСЪ.

Святѣйшаго Климента
Благодарю. Мы чтимъ вѣнчанныхъ римскихъ
Епископовъ, и воздаемъ усердно
Имъ долгъ и честь. Но Господу Христу
Мы на землѣ намѣстника не знаемъ.
Нашъ царскій санъ, по волѣ Божьей, мы
Отъ русской всей земли пріяли—болѣ-жъ
Ни отъ кого не просимъ утвержденья.
Когда святой отецъ ревнуетъ къ вѣрѣ,
Да согласитъ владыкъ онъ христіанскихъ
Идти собщá на турскаго султана,
О вѣрѣ братій нашихъ свободить!
То сблизитъ насъ усердіемъ единымъ
Къ единому кресту. О съединеньи-жъ
Родныхъ церквей мы молимся всѣ дни
Когда святую слышимъ литургію.

Миранда отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ австрійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Баронъ Логáу, цесарскій посолъ!

ЛОГАУ.

Великій царь! Рудольфусъ, римскій цесарь,

Тебѣ на царствѣ братскій шлетъ поклонъ,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпоръ, безбожному Махмету,
Грозящему изъ Венгріи идти
На Австрію!

БОРИСЪ.

Не въ первый разъ султану,
Австрійскимъ мы обязаны посольствомъ.
При Өедорѣ, покойномъ государѣ,
Мы учинили съ вами договоръ:
Отъ турокъ вамъ помочь казною нашей,
Съ тѣмъ, чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовскій тронъ.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, подъ рукой, съ Литвою сговорились—
И Жигимонта свейскаго признали,
Врага Руси, литовскимъ королемъ!

ЛОГАУ.

Великій царь, мы нé-были вольны!
Нашъ претендентъ, Максимильянъ, Замойскимъ
Въ Силезіи былъ полоненъ.

БОРИСЪ.

И вмѣсто
Чтобы его оружьемъ свободить,
Съ Литвой скорѣй вы заключили миръ
И даромъ насъ поссорили съ султаномъ.

ЛОГАУ.

Не мы, о царь! Султанъ твой давній врагъ,
И на Москву онъ хана насылаетъ
Не въ первый разъ. Когда ты дашь ему
Насъ одолѣть, ты своего-жъ злодѣя
Усилишь, государь!

БОРИСЪ.

Походъ крестовый
Я на него Европѣ предлагаю.

Онъ врагъ намъ всѣмъ, не мой одинъ. Испаньи,
Сициліи, и рыцарямъ Мальтійскимъ,
Венеціи и Генуи онъ врагъ,
Досадчивъ всѣмъ державамъ христіанскимъ!
Пускай-же всѣ подымутъ общій стягъ
На Турцію! Тогда не изъ послѣднихъ
Увидятъ насъ. Но до того, мы будемъ
Лишь наши грани русскія беречь..
Мы не хотимъ для Австріи руками
Жаръ загребать. Казною, такъ и быть,
Мы учинимъ вамъ снова вспоможенье,
Войска-жъ свои пока побережемъ.

Логау отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ литовскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ литовскій, канцлеръ Левъ Сапѣга!

САПѢГА.

Великій царь! Твой братъ, король на Польшѣ,
Король на Свеи, и великій князь
Земли литовской, Третій Жигимонтъ,
Прислалъ тебѣ со мною, Львомъ Сапѣгой,
Его короны канцлеромъ, поклонъ
И гратуляцію на царствѣ! Наше
Къ концу приходитъ скоро перемирье,
Но Жигимонтъ, и мы, паны, хотимъ
Уже забыть вражду съ Москвою. То
Король Батуръ съ царемъ Иваномъ пра̀лись—
На души-жъ ихъ пускай тотъ ляжетъ споръ!
Ты-жъ новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигіумъ тотъ старый пильновать.
Коль Жигимонта свейскимъ королемъ
Призна̀ешь ты, и титулъ обѣщаешь
Ему давать, который у него
Его-жъ правитель, Карлусъ, отымаетъ,
Эстонію-жъ землей признаешь польской—
То мы тебѣ Ливонію уступимъ
И грамату согласны подписать
На вѣчный миръ съ Москвою!

БОРИСЪ.

Панъ Сапѣга!
Ты шесть недѣль, въ Москвѣ, кажися, ждалъ,
Пока тебѣ передъ собой явиться
Дозволилъ я. Ты времени довольно
Имѣлъ узнать войска и силы наши.
Сдается мнѣ, миръ будетъ Жигимонту
Нужнѣй, чѣмъ намъ. Ливонская земля
Съ Эстоніей есть вотчина Руси
Отъ Ярослава перваго, отъ сына
Владиміра святого. Родъ мой новъ,
Но я съ державой русскою пріялъ
Права ея древнѣйшихъ государей.
Доколѣ живъ, не уступлю изъ нихъ
Ни одного. Я Жигимонта свейскимъ
Не признаю владыкой. Герцогъ Карлусъ
Владѣетъ Свеей. Титуловъ пустыхъ
Я не даю.

САПѢГА.

Тогда, великій царь,
Осталось мнѣ, всѣвъ на коня, до дому
Скакать безъ мира?

БОРИСЪ.

Добраго пути!

САПѢГА.

Но царь великій, я-жъ не за войною—
За миромъ присланъ я!

БОРИСЪ.

Изъ уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вамъ продлю. Въ моей боярской думѣ
Ты можешь мой услышать уговоръ.

Сапѣга отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ шведскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ отъ Свеи, Эрикъ Гендрихсонъ!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Преславный царь! Правитель свейскій, Карлусъ,
Отъ всей души тебѣ на государствѣ
Свой шлетъ поклонъ, и проситъ, чтобы въ спорѣ
Его чиновъ съ литовскимъ Жигимонтомъ,
Ты свейскую корону поддержалъ!

БОРИСЪ.

Его зовутъ на королевство?

ГЕНДРИХСОНЪ.

Царь —

БОРИСЪ.

Да, да, я знаю! Свейскіе чины
Уже ему корону предлагали!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Когда тебѣ земли желанье нашей
Ужъ вѣдомо —

БОРИСЪ.

Я знаю все.

ГЕНДРИХСОНЪ.

Но герцогъ
Чинамъ отвѣта нé-далъ, и короны
Еще не принялъ. —

БОРИСЪ.

Онъ корону приметъ.
Къ престолу Карлусъ призванъ всей землей —
Онъ отказаться отъ него не можетъ.
Привѣтствую отнынѣ королемъ
Его я свейскимъ, Карлусомъ Девятымъ!
И если братъ нашъ Карлусъ съ нами хочетъ
Пребыть въ любви — пусть продолжаетъ онъ
Вести войну съ Литвою неуклонно,
Ливонію-жъ съ Эстоніей признáетъ

Землею русской. Мы ему на томъ
Нашъ вѣчный миръ и дружбу обѣщаемъ!

Гендрихсонъ отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ флорентійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Аврамій Люсъ, Флоренціи посолъ!

ЛЮСЪ.

Тебѣ, царю Московскія державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлетъ Фердинандъ, изъ рода Медицеевъ,
Привѣтствіе и дружескій поклонъ.
Былъ дѣдъ его любовію народной,
Равно какъ ты, къ правленію призванъ—
Достоинства сроднили оба рода:
Какъ Козимо и какъ Лоренцо нашъ,
Ты другъ наукъ и вольнаго искусства.
То вѣдая, тебѣ великій вождь
Флоренціи услуги предлагаетъ
И радъ тебѣ художниковъ своихъ,
Ваятелей прислать и живописцевъ,
Литейщиковъ и зодчихъ, да цвѣтетъ
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества во вѣкъ!

БОРИСЪ.

Любезнаго я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суровъ нашъ русскій край;
Намъ не́-далъ Богъ, какъ вамъ, подъ вольнымъ небомъ
Красой искусства очи веселить;
Но что̀ надъ плотью выситъ человѣка,
Что̀ радуетъ его безсмертный духъ,
Отъ Бога то ведетъ свое начало,
И вѣрю я, оно на пользу будетъ
И радость намъ!

ЛЮСЪ.

Прими-же, государь,
Въ знакъ непремѣнной дружбы Фердинанда,

Сей небольшой фіалъ. Изсѣченъ онъ
Изъ горнаго кристала, и оправленъ
Искуснѣйшимъ изъ нашихъ мастеровъ:
Ему Челлини имя.

БОРИСЪ.

Будетъ мнѣ
Двояко дорогъ этотъ даръ. Повѣдай
Великому Флоренціи вождю,
Что если есть въ землѣ моей русійской
Что-бъ ни было пригодное ему—
Оно его!

Люсъ отходитъ. Трубы и литавры. Входятъ ганзейскіе купцы: Гермерсъ и два ратсгерра, и подходятъ вмѣстѣ къ престолу. За ними идутъ слуги съ дарами.

САЛТЫКОВЪ.

Любчанскій бургомистеръ,
Отъ всѣхъ имперскихъ вольныхъ городовъ!

ГЕРМЕРСЪ.

Земли русійской свѣтлый императоръ
И славный царь! Любчанскіе купцы,
Отъ имени Ганзы высокохвальной,
На государствѣ здравствуютъ тебѣ!
Усердье наше вѣдомо Русіи:
Когда еще голландцы и французы,
И англичанъ пронырливый народъ,
Въ твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево всѣ лучшіе ему
Товары доставляла; и за то
Она была русійскими князьями
Избавлена отъ пошлинъ. Государь!
Вели-жъ и ты, чтобъ неприличныхъ пошлинъ
Не брали съ насъ! А мы, въ усердьи нашемъ,
Тебѣ дары посильные несемъ.
Изъ серебра литого вотъ фигуры:
Фортуна вотъ — въ ней двадцать фунтовъ слишкомъ—
А это вотъ богиня Венусъ — въ ней
Есть тридцать фунтовъ — это птица струсъ;
А вотъ павлинъ — вотъ левъ — вотъ два еленя
Вотъ два коня — пѣтухъ — и славный богъ

Меркуріусъ — всего сто десять фунтовъ
И двадцать три золотника!

БОРИСЪ.

Издавна
Намъ другомъ былъ почтенный городъ Любскъ.
Благодарю Ганзу за поздравленье
И за дары. Имперскихъ городовъ
Избавить мы отъ пошлины не можемъ
Зане у насъ купцы иныхъ земель
Ее несутъ. Но въ уваженье древней
Съ любчанами пріязни, мы велимъ
Съ нихъ пошлинъ брать отнынѣ половину,
Товары-жъ ихъ избавимъ отъ осмотра,
Съ тѣмъ, чтобъ они, по совѣсти, ихъ сами
Намъ объявляли.

ГЕРМЕРСЪ И ПРОЧІЕ — махая шапками.

Виватъ царь Борисъ!

Купцы уходятъ. Трубы играютъ тушъ другого характера. Изъ другихъ дверей входитъ посолъ персидскій; передъ нимъ идетъ Семенъ Годуновъ, которому Салтыковъ уступаетъ мѣсто. За посломъ слуги его несутъ драгоцѣнный престолъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь! Отъ Шахъ-Аббаса
Къ тебѣ посолъ персидскій Лачинъ-Бекъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій, грозный и пресвѣтлый царь!
Твой другъ и братъ, Аббасъ, владыка перскій,
Здороваетъ тебѣ на государствѣ
И братскій шлетъ поклонъ. Ты держишь Русь
Единою могучею рукой —
Простри, о царь, съ любовію другую
На моего владыку и прими
Отъ Шахъ-Аббаса, въ знакъ его пріязни,
Сей кованый изъ золота престолъ,
Въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ и въ алмазахъ,
Наслѣдье древнихъ шаховъ — изо всѣхъ
Цѣннѣйшее Аббасовыхъ сокровищъ!

БОРИСЪ.

Благодарю великаго Аббаса.
Его пріязнь тѣмъ болѣе цѣню,
Что слышалъ я, быть можетъ ложно, будто
Онъ хочетъ миръ съ султаномъ заключить,
Иверію-жъ, подвластную намъ землю,
И Александра, подданнаго намъ
Ея царя, тѣснитъ.

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій царь,
То клевета! Тебѣ сказалъ неправду
Царь Александръ. Онъ самъ дружитъ султану,
Какъ твоему, такъ нашему врагу!

БОРИСЪ.

Впустить сюда султанскаго посла!

Трубы и литавры. Входитъ посолъ турецкій и становится рядомъ съ персидскимъ. Слуги его несутъ за нимъ дары.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Къ царю посолъ султанскій Челибей!

ЧЕЛИБЕЙ.

Всея Руси могучій повелитель!
Султанъ Махметъ, твой другъ и братъ, тебѣ
Черезъ меня на воцареньи шлетъ
Привѣтствіе и, въ знакъ своей пріязни,
Сѣдло и златомъ кованую сбрую
Въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ. Государь!
Султанъ Махметъ, добра тебѣ желая,
Предостеречь тебя велитъ, что твой
Невѣрный рабъ, царь Александръ, замыслилъ
Тебя предать, и къ перскому Аббасу
Въ подданство переходитъ!

БОРИСЪ.

Пусть войдетъ
Отъ Александра присланный посолъ!

Входитъ архимандритъ Кириллъ и падаетъ на колѣни передъ Борисомъ.

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,
Тебѣ на царствѣ кланяется земно.
Не попусти, о царь всея Руси,
Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
Безжалостно, безбожно разоряетъ
Иверію! султанъ Махметъ турецкій
Обрекъ ее пожарамъ и мечу!
Ограблены жилища наши — жены
Поруганы — семейства избіенны —
Монастыри въ развалинахъ — и церкви
Христовыя пылаютъ!

ЧЕЛИБЕЙ.

Славный царь,
Не вѣрь тому — не мы, а персы грабятъ
Иверію!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій государь,
Не вѣрь послу сунитскаго султана!
На языкѣ сунитовъ клевета,
Обманъ и ложь! Не разоряютъ персы
Иверію — они лишь турокъ гонятъ
Вонъ изъ нея, и только лишь твоихъ
Измѣнниковъ караютъ!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Боже правый —
Иверія моя!

ЧЕЛИБЕЙ — къ Лачинъ-Беку.

Шеитъ невѣрный!
Султанъ тебѣ покажетъ въ Испаганѣ
Какъ гоните вы насъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Сунитскій пёсъ!
Въ Стамбулѣ мы съ тобою разочтемся!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

О государь, отъ злобы ихъ обоихъ
Будь намъ защитой!

БОРИСЪ.

Слушайте! Кто-бъ ни былъ
Подвластной намъ Иверіи тѣснитель —
Шахъ, иль султанъ — клянусь, не попущу
Ничьей рукѣ касаться русскихъ граней!
Дьякъ Аѳанасій! Ты напишешь нынѣ-жъ
Бутурлину съ Плещеевымъ приказъ
Вести полки на Терекъ. Лачинъ-Бекъ!
Тебѣ былъ путь не малый къ намъ отъ моря
Хвалынскаго. Ты видѣлъ нашимъ войскомъ
Покрытый край отъ Волги до Москвы.
Пятьсотъ и слишкомъ тысячъ поднялося
На мой призывъ. Когда я захочу,
Я вдвое ихъ могу поставить въ полѣ.
Съ Аббасомъ радъ я въ дружбѣ пребывать,
Но долженъ ты въ моей боярской думѣ
Дать за него намъ клятвенный обѣтъ:
Отъ персихъ войскъ Иверію очистить.
А ты, султана турскаго посолъ —
Неси ему дары его обратно!
Намъ вѣдомо, на насъ кѣмъ поднятъ, шолъ
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но онъ бѣжалъ! Прошли тѣ времена,
Когда Руси шатаніе и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!
Она стоитъ, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!

Челибей уходитъ. Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входятъ боярыни, въ большомъ нарядѣ, по-двѣ въ рядъ. За ними царица МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и царевна КСЕНІЯ. Всѣ кланяются имъ въ поясъ. Онѣ садятся по обѣ стороны престола.

БОРИСЪ.

Нашъ царскій долгъ оконченъ. Вотъ царица
Съ царевною пришли принять, бояре,
Здорованіе ваше!

БОЯРЕ.

Бьемъ челомъ

Царицѣ и царевнѣ! Имъ на царскомъ
Здороваемъ вѣнчаньи! Много лѣтъ
Вамъ, матушки вы наши!

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Государи,
Благодаримъ за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
Съ царевною!

БОЯРЕ.

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенній цвѣтикъ нашъ!

КСЕНІЯ — съ поклономъ.

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себѣ любовь примаю вашу,
Но батюшкѣ царю!

ГОЛОСА.

Косатка наша!
Кто за царя не радъ-бы умереть?
Но любимъ мы тебя не за него—
За разумъ твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!
Господь съ тобой!

Шумъ за дверьми. Входитъ стрѣлецкій голова.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Великій государь!
Народа мы не можемъ удержать!
Врываются насильно, голосятъ:
«Хотимъ царю Борису поклониться,
«Царя Бориса видѣть!»

БОРИСЪ.

Настежъ двери!
Между народомъ русскимъ и царемъ
Преграды нѣтъ!

Толпа народа вваливается въ палату.

НАРОДЪ.

Отецъ родной! Поволь
Намъ свѣтлыя твои повидѣть очи!

БОРИСЪ.

Друзья мои, входите! Дорогіе
Вы гости мнѣ! Зови, царевна Ксенья,
Зови міранъ къ почестному столу!

КСЕНІЯ — кланяясь.

Пожалуйте, міряне! Просимъ всѣхъ
Къ намъ на̀-хлѣбъ на̀-соль!

НАРОДЪ.

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА — у дверей.

Назадъ! не будетъ мѣста!
И нищіе полѣзли!

БОРИСЪ.

Всѣмъ сегодня
Свободный входъ! Кто нищимъ вступитъ въ теремъ,
Имущимъ тотъ воротится домой!

Входитъ новая толпа.

НИЩІЕ.

Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебѣ
Христосъ Богъ съ Богородицей! Святая Троица со
Варварой мученицей! Кузьма со Демьяномъ!

БОРИСЪ.

Входите, божьи люди!—Вы-жъ, бояре,
Ведите всѣхъ къ почестному столу! Сходя съ престола.
Царица и царевна—ты, Ѳеодоръ —
Гостей моихъ идите угощать!
Вино и медъ чтобы лились рѣками!
Идите всѣ—я слѣдую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идетъ во внутренніе покои. Царевичъ Ѳедоръ, царица, Ксенія и боярыни слѣдуютъ за ними. Палата остается пуста.

БОРИСЪ — одинъ.

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
Держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ —
И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
Проклятіе за то-бы мнѣ изрекъ,
Что для ея защиты и спасенья,
Не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единаго? Мнѣ на́-душу не разъ
Ложилось камнемъ темное то дѣло,
И думалъ я: Что̀ если не достигну
Чего хочу? Что̀ если грѣхъ тотъ даромъ
Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
Не выдала! Я съ совѣстію счеты
Сегодня свелъ—и не боюсь поставить
Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Чрезъ пропасти и смрадныя болота
Къ престолу днесь меня приведшій мостъ
Ломаю я! Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы — сіяетъ солнце снова—
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Келья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Крилошанка вводитъ БОРИСА. За нимъ входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ — къ крилошанкѣ.

Ты говоришь: царица на молитвѣ?
Не смѣть ее тревожить. Въ этой кельи
Мы подождемъ.

Крилошанка уходитъ.

Давно-ли здѣсь, въ печали,
Съ сестрою я бесѣдовалъ вдвоемъ!

Смотритъ въ окно.

Вотъ теремъ тотъ, гдѣ я хотѣлъ провесть
Остатокъ дней! Судьба не такъ рѣшила:
Замѣсто рясы, плечи багряницей
Мнѣ облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда насъ провожавшіе, опять
Послышались! Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Что̀ молвятъ? Всѣ-ль довольны?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Кому-жъ не быть довольнымъ, государь?
На перекресткахъ медъ и брага льются,
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому-бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ—
Кому-жъ не быть довольнымъ? Только, царь,
Не въ гнѣвъ тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать; ни на кого опалы
Не наложилъ; и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Ѳедорѣ хотѣли
Тебя сгубить, ты наградилъ сегодня.
Такъ, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоимъ усерднымъ слугамъ,
Что со врагами въ милости своей
Ты смѣшиваешь ихъ!

БОРИСЪ.

Враговъ ужъ болѣ
Нѣтъ у меня. Прошла пора борьбы,
И безъ различья нынѣ изливаться
Должна на всѣхъ царя Русіи милость,
Какъ солнца свѣтъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И волю языкамъ
Ты всѣмъ даешь. Романовы доселѣ
Мутятъ бояръ!

БОРИСЪ.

Чтó говорятъ они?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Да то-же, чтó и прежде говорили:
Не дѣльно-молъ, при Ѳедорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочетъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ земли
Отъ той поры, какъ некого къ себѣ
Имъ сманивать!

БОРИСЪ.

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслятъ какъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Въ огонь и въ воду
Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Сбираются тебѣ, что въ лѣсъ отъ нихъ
Бѣгутъ крестьяне.

БОРИСЪ.

Сами виноваты;
Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они;
Крестьяне не рабы; не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. На-дняхъ указъ объявятъ:
Чтò за какой надѣлъ кому нести.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

БОРИСЪ.

Пусть ропщутъ,
Всѣмъ угодить не властенъ человѣкъ;
И если цѣлой выгода земли
Въ ущербъ пришлася сторонѣ единой,
Ту сторону не вправѣ я беречь.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Начни-же, царь, съ Романовыхъ. Строптивъ

Ихъ больно родъ, Өеодоръ вотъ Никитичъ
Ведетъ такія рѣчи....

БОРИСЪ.

Онъ въ отца;
Не можетъ мысли утаить. Тѣмъ лучше!
Я не боюсь того, кто говоритъ
Чтó думаетъ. Охотно я прощаю
Ихъ рѣчи тѣмъ, чьи у меня въ рукахъ
Теперь дѣла. Уже не нужно мнѣ
И день и ночь, безъ отдыха, какъ прежде,
За каждымъ словомъ каждаго слѣдить;
Къ инымъ теперь могу я начинаньямъ
Мысль обратить. Иванъ Васильичъ Третій
Русь отъ орды татарской свободилъ
И государству сильному начало
Поставилъ вновь. Но въ двѣсти лѣтъ насъ иго
Татарское отъ прочихъ христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
Я съ Западомъ связать намѣренъ снова;
Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ
Не даромъ мною датскій королевичъ
Уже избрáнъ. Съ державами Европы
Земля должна, по прежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Ты смотришь вдаль, и царственной высоко
Ты мыслію паришь, а между тѣмъ
Вокругъ тебя не все идетъ такъ гладко,
Какъ кажется. Романовыхъ за рѣчи
Ихъ дерзкія ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на рѣчи,
На видъ покорный, преданный слуга,
Который врядъ-ли милости твоей
Усердствуетъ въ душѣ: Василій Шуйскій.

БОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, усердію его
Я вѣру далъ? Онъ служитъ мнѣ исправно
Затѣмъ, что знаетъ выгоду свою;

Я-жъ въ немъ цѣню не преданность, а разумъ.
Не можетъ царь по сердцу избирать
Окольныхъ слугъ, и по любви къ себѣ
Ихъ жаловать. Оказывать онъ ласку
Обязанъ тѣмъ, кто всѣхъ разумнѣй волю
Его вершитъ, быть къ каждому привѣтливъ
И милостивъ, и слѣпо никому
Не довѣрять.

КРИЛОШАНКА — докладываетъ.

Бояринъ князь Василій
Иванычъ Шуйскій!

БОРИСЪ.

Милости прошу.

Шуйскій входитъ.

Съ объѣзда ты заѣхалъ, князь Василій?
Чтò новаго?

ШУЙСКІЙ.

Да чтò, царь-государь,
Не знаю какъ тебѣ и доложить!
На Балчугѣ двухъ смердовъ захватили,
Во кружечномъ дворѣ. Они тебя
Передъ толпой негодными словами
Осмѣлилися поносить.

БОРИСЪ.

За чтó?

ШУЙСКІЙ.

За Юрьевъ день.

БОРИСЪ.

Чтó сдѣлала толпà?

ШУЙСКІЙ.

Накинулась на нихъ; чуть-чуть на клочья
Не разнесла; стрѣльцы едва отбили.

БОРИСЪ.

Гдѣ-жъ эти люди?

ШУЙСКІЙ.

Вкинуты пока
Обои въ яму.

БОРИСЪ.

Выпустить обоихъ!
Растолковать имъ, что на время только
Прикрѣплены они, затѣмъ, что всюду
Шаталися крестьяне, и скудѣла
Чрезъ то земля. Когда-же пріобыкнутъ
Сидѣть на мѣстѣ, снимется запретъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Помилуй, царь!

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Дозволь пытать ихъ, государь! Должно быть,
Подучены они; другіе могутъ
Найтись еще!

БОРИСЪ.

Не трогать никого.
Хотѣли-бъ вы, чтобъ омрачилъ я день
Вѣнчанья моего? День этотъ долженъ
Началомъ быть поры для царства новой;
Свѣтить Руси какъ утро долженъ онъ
И возвѣщать ей времена иныя
И рядъ благихъ, безоблачныхъ годовъ!

ШУЙСКІЙ.

Царь-государь, дозволь по правдѣ молвить,
По простотѣ: вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ!

БОРИСЪ.

Надѣюся, не будетъ.
Не страхомъ я—любовію хочу
Держать людей. Прослыть боится слабымъ

Лишь тотъ, кто слабъ; а я силёнъ довольно,
Чтобъ не бояться милостивымъ быть.
Вернитеся къ народу, повѣстите
Прощенье всѣмъ—не только кто словами
Меня язвилъ, но кто виновенъ дѣломъ
Передо мной—хотя-бъ онъ умышлялъ
На жизнь мою, или мое здоровье!

Семенъ Годуновъ и Шуйскій уходятъ. Дверь отворяется. Двѣ инокини становятся по обѣ ея стороны. За ними входитъ царица ИРИНА, во иночествѣ Александра.

ИРИНА.

Прости меня, великій государь,
Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
Въ день твоего вѣнчанья за тебя
Молилась я. Инокини уходятъ.

БОРИСЪ.

Царица и сестра!
По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
Исполнить волю земскую, и царскій
Пріять вѣнецъ. Но разъ его пріявъ,
Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
Что отъ Него-жъ и сила мнѣ дана
Владыкой быть, и что восторгъ народа
Вокругъ себя не даромъ слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное довѣріе и бодрость
Вошли въ него — и ими подѣлиться
Оно съ тобою хочетъ!

ИРИНА.

Миръ тебѣ!

БОРИСЪ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всѣмъ;
Мой свѣтелъ путь, и какъ ночной туманъ
Лежитъ за мной пережитое время.
Отрадно мнѣ сознанье это, но
Еще полнѣй была-бъ моя отрада,
Когда-бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
Что дѣлишь ты ее со мною!

ИРИНА.

Братъ,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнилъ ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто могъ вѣнецъ-бы царскій
Достойно несть.

БОРИСЪ.

Въ годину тяжкихъ смутъ,
Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
Я не щадилъ ихъ, часто ты за то
Меня винила. Но передъ собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шелъ впередъ, и не страшился всѣ
Преграды опрокинуть. Предъ одной,
Въ сомнѣніи, остановился я....
Но мысль о царствѣ одержала верхъ
Надъ колебаніемъ моимъ.... Преграда
Та рушилась.... Не произнесено
До дня сего о томъ межъ насъ ни слова.
Но съ той поры какъ будто бездны зѣвъ
Насъ раздѣлилъ.... Въ то время, можетъ быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я передъ тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
Въ величіи, невиданномъ по-нынѣ,
Ликуетъ Русь. Ея дивится силѣ
И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
Любовію народной и успѣхомъ
Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ-бы
Услышать оправданіе мое
И отъ тебя, Ирина!

ИРИНА.

Оправданья
Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
Къ тебѣ глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Изъ собственной природы ею ты
Исхищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
Желѣзную являя непреклонность,

Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
Ты былъ дотоль согласенъ самъ съ собою.
Но здѣсь, Борисъ, нежданный, новый, страшный
Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
Твоей души я вѣдала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны,
Меня вдали держала отъ тебя.
Когда-бъ ты мнѣ открылся — утѣшеньемъ,
Любовію тебѣ-бъ я отвѣчала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчалъ тогда — теперь же хочешь мною
Оправданъ быть? Братъ, я за каждымъ днемъ
Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
Чтобъ каждый день твой искупленьемъ былъ
Великаго, ужаснаго грѣха,
Неправды той, черезъ нее-же нынѣ
Ты сталъ царемъ!

БОРИСЪ.

Отвороти свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, менѣе-ль свѣтла
Тѣмъ, что ея источники, быть можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Ирина,
Гляди впередъ! Гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Что̀ въ совѣсти моей
Схоронено, что̀ для другихъ незримо —
Не можетъ то мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

ИРИНА.

Цари на славу ей!
Будь окруженъ любовью и почетомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей —
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя — но духъ безсмертный
Пусть будетъ чистъ — не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, бьеньемъ каждымъ сердца,
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь

Подъ бременемъ тяжелымъ — въ эту келью
Тогда приди....

БОРИСЪ.

Твой приговоръ жестокъ.
Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ
Не можетъ быть, кто съ жизнію ведетъ
Всегда борьбу; кто хоть какую цѣль
Передъ собой поставилъ; хоть какое
Желаніе въ груди несетъ. Въ ущербъ
Другому лишь желанья своего
Достигнетъ онъ! То мѣсто, гдѣ я сталъ,
Оно мое затѣмъ лишь, что другого
Я вытѣснилъ! Неправъ передъ другими
Всякъ, кто живетъ! Вся разница межъ насъ:
Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
Чтобъ тьмы людей счастливыми содѣлать,
Я бо́льшую неправость совершилъ,
Чѣмъ тотъ, который блага никакого
Имъ не принесъ — кто-жъ, онъ, иль я, виновнѣй
Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
Мое принять пришелъ я оправданье —
Я жду его — тебѣ до дна я душу
Мою открылъ—еще ли не оправданъ
Я предъ тобой?

ИРИНА.

Все ту же на тебѣ
Я вижу тѣнь. Куда бы ни пошелъ ты,
Вездѣ, всегда, зловѣщая она,
Идетъ съ тобой. Не властны мы уйти
Отъ прошлаго, Борисъ!

БОРИСЪ.

Постричься долженъ.
Кто мыслитъ такъ! Отъ дѣла отказаться!
Отшельникомъ въ пустыню отойти!
То не мое призваніе. Мой грѣхъ
Я сознаю; но вѣдаю, что имъ лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мнѣ нѣкогда крушиться!
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но полный силъ, съ подъятою главою,
Идти впередъ я долженъ, чтобъ Руси

Путь разчищать! Прости, сестра. Кто правъ —
Ты, или я — то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство-ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я —
Рѣшитъ земля въ годину испытанья!

ДѢЙСТВІЕ II.

Покой во дворцѣ.

Царевичъ ѲЕДОРЪ, царевна КСЕНІЯ и герцогъ ХРИСТІАНЪ датскій.

ѲЕДОРЪ.

Вотъ ужъ который день, братъ Христіанъ,
Мы сходимся съ тѣхъ поръ какъ ты помолвленъ
Со Ксеніей, и каждый разъ тебя,
Мнѣ кажется, мы оба больше любимъ.
Могли-бъ тебя мы слушать безъ конца,
Но ты доселѣ о родинѣ намъ только
Разсказывалъ своей —

КСЕНІЯ.

Да, королевичъ,
Пора, чтобъ ты намъ о себѣ повѣдалъ.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Какъ выросъ ты? И какъ доселѣ жилъ?
И какъ во Фландріи сражался?

ѲЕДОРЪ.

Все,
Все разскажи намъ, Христіанъ. Мы стали
Теперь съ тобой родные; вмѣстѣ намъ
Пришлося жить, такъ надо знать другъ друга!

КСЕНІЯ.

Начни сначала. Дѣтство намъ свое
Сперва скажи!

ХРИСТІАНЪ.

Не сложная то повѣсть,

Царевна, будетъ: мой отецъ, король,
Со мной простясь, услалъ меня, ребенкомъ,
Изъ города въ норвежскій дальній зâмокъ,
И указалъ тамъ жить — зачѣмъ? не знаю.
Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ,
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что́ къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды,
И крутизна, гдѣ зâмокъ нашъ повисъ.
Ребенкомъ, тамъ, въ мечтаньи одинокомъ,
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ,
И разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
Въ одинъ покой случайно я проникъ;
Висѣли латы тамъ подъ слоемъ пыли,
А на столѣ лежало много книгъ —
Норвежскія то лѣтописи были.
Я сталъ читать — и ими, какъ огнемъ,
Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днёмъ,
И ярче все являлись мнѣ видѣнья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Такъ время шло. Четырнадцати лѣтъ,
Я призванъ былъ въ столицу. Новый свѣтъ
Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтской
Предался жизни суетной и свѣтской —
Но не на долго. Праздности моей
Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
Воскресли сны и прежнія видѣнья:
Все тѣ-же сѣчи, схватки и сраженья.
И думалъ я: настанетъ-ли тотъ день,
Когда мечта, которую съ любовью
Я все ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
Одѣнется и плотію и кровью?
И онъ насталъ. Вскипѣлъ великій бой,

Священный бой за вѣру и свободу:
Испаніи владыка всталъ войной,
Грозя цѣпями вольному народу.
Во Фландрію тогда Европы всей
Стекалися единовѣрныхъ рати —
И изъ тюрьмы я вырвался моей
На выручку преслѣдуемыхъ братій.

ѲЕДОРЪ.

Да, Христіанъ, мы слышали про то,
Какъ ты съ испанцомъ бился подъ Остендомъ.
Счастливъ-же ты! Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ!
Ты могъ уже свои извѣдать силы,
Ты самъ себѣ на дѣлѣ испыталъ —
А я!

ХРИСТІАНЪ.

Тебѣ, царевичъ, суждена
Блистательнѣе доля. Ты стоишь
Близъ своего отца, чтобъ у него
Державою учиться управлять,
Какъ тѣ князья, которые отвсюду
Съѣзжалися въ испанскій станъ, учиться
У Спинолы, у пармскаго вождя,
Какъ управлять осадою.

ѲЕДОРЪ.

Ты правъ;
Отца примѣръ передъ собою видѣть,
То счастье для меня, и лучшей доли
Я-бъ не желалъ, какъ только научиться
Ему въ великомъ дѣлѣ помогать.
Но не легко дается та наука,
А празднымъ быть несносно. Ты-жъ успѣлъ
Узнать войну, ты отражалъ осаду,
Ты слышалъ пушекъ громъ, пищалей трескъ,
Вокругъ тебя летали ядра —

ХРИСТІАНЪ.

Да,
И я узналъ, что мужество и сила

Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже рѣшаютъ битвы
Какъ въ славныя, былыя времена,
И грустно мнѣ то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому дѣлу.

КСЕНІЯ.

И за это мнѣ
Ты, королевичъ.....

ѲЕДОРЪ.

Сразу полюбился?
Такъ, Ксенья?

КСЕНІЯ.

Такъ. Но я-бы знать хотѣла,
Его спросить хотѣла-бъ я: какъ *онъ*
Чужую могъ заочно полюбить?

ХРИСТІАНЪ.

Легко мнѣ дать отвѣтъ тебѣ, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтитъ весь міръ. Далеко
О немъ молва въ Европѣ разнеслась;
Кому-жъ его вблизи случалось видѣть,
Обвороженный, возвращался тотъ
На родину; но прославлялъ онъ столь-же
Величіе правителя Русіи,
Сколь совершенства дочери его.
Кто-бъ нибылъ то, посланникъ, или плѣнный,
Или купецъ ганзейскій — ни одинъ
Не забывалъ царевну Ксенью славить,
Ея красу, и умъ превозносить,
И неземную, ангельскую кротость.
Разсказы тѣ въ мою запали душу;
А дальній твой, несхожій съ нашимъ, край,
Все, что̀ молва о немъ къ намъ приносила:
Разливы рѣкъ, безбережныя степи,
Снѣга и льды, обычай, столь отличный
Отъ нашего; державы христіанской
Азійскій блескъ, съ преданьями отцовъ
Намъ общими — все это, какъ нарочно,

Набросило волшебный нѣкій свѣтъ
На образъ твой. Ты мнѣ предстала тою,
Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольно взоры —
И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ
Я рыцаря заслуживая шпоры,
Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

ѲЕДОРЪ.

Братъ Христіанъ, какъ странно и какъ ново
Мнѣ рѣчь твоя звучитъ! Не думалъ я,
Чтобъ можно было полюбить кого,
Не знаючи, иль не видавъ. Но правда
Мнѣ слышится въ твоихъ словахъ, и вмѣстѣ
Въ нихъ будто что-то чуется родное;
И хорошо съ тобой мнѣ, Христіанъ,
Такъ хорошо, какъ будто послѣ долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксенья вотъ задумалась, смотри!

КСЕНІЯ.

Задумалась я вправду. Новый міръ
Ты, королевичъ, мнѣ открылъ. У насъ
Не любятъ такъ. У насъ отцы дѣтей
Посватаютъ, не спрашивая ихъ,
И безъ любви другъ къ другу подъ вѣнецъ
Они идутъ. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

ѲЕДОРЪ.

Обычай этотъ
Къ намъ отъ татаръ привился, а до нихъ,
Вольна была невѣста жениха
Сама избрать.

ХРИСТІАНЪ.

Гаральдъ норвежскій нашъ
Дочь Ярослава русскаго посваталъ.
Но не былъ онъ втупоръ знаменитъ
И получилъ отказъ отъ Ярославны.

Тогда, въ печали, бросился онъ въ сѣчи,
Въ Сициліи рубился много лѣтъ
И въ Африкѣ, и наконецъ вернулся
Въ градъ Кіевъ онъ, побѣдами богатъ
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

ѲЕДОРЪ.

Да, въ то время
Стекалось въ Кіевъ много жениховъ.
Другая Ярославна за Индрика
Французскаго пошла, а третья дочь
За короля венгерскаго Андрея.
Всѣмъ тремъ отецъ далъ волю выбирать.
Тогда у насъ свободнѣй, Христіанъ,
И лучше было. Втѣпоры у нѣмцовъ
Былъ мракъ еще, а въ Кіевѣ считалось
Ужъ сорокъ школъ. Татары все сгубили.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ твой то, царевичъ, воскреситъ,
Вознаградитъ потерянное время!

КСЕНІЯ.

Да, Христіанъ. Но, вѣрь мнѣ, ты не знаешь
Еще отца! Доселѣ видѣлъ ты
Его дѣла; но еслибъ видѣть могъ ты
Его любовь къ землѣ, его заботу,
Его печаль о томъ, чего свершить
Онъ не успѣлъ, его негодованье
На тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Опять идти по старому — и вмѣстѣ
Терпѣнье къ нимъ, и милость безъ конца —
Тогда бы ты узналъ его!

ХРИСТІАНЪ.

Хотя-бы
Его не зналъ я вовсе—и тогда
Онъ за любовь великую твою
Мнѣ-бъ дорогъ сталъ!

КСЕНІЯ.

Не потому его
Люблю я, Христіанъ, что онъ отецъ мнѣ;
Нѣтъ, я за то люблю его, что онъ
Такъ мало мыслитъ о себѣ!

ѲЕДОРЪ.

То правда;
Лишь объ одной землѣ его забота:
Татарщину у насъ онъ вывесть хочетъ,
Въ родное хочетъ насъ вернуть русло.
Подумаешь: и сами вѣдь породой
Мы хвастаться не можемъ; отъ татаръ вѣдь
Начало мы ведемъ!

ХРИСТІАНЪ.

Но двѣсти лѣтъ
Вы русскіе. Татарской крови мало
Осталось въ васъ.

ѲЕДОРЪ.

Ни капли не осталось!
И врядъ-ли-бы нашелся на Руси,
Кто-бъ ненавидѣлъ болѣе татаръ,
Чѣмъ мы съ отцомъ.

ХРИСТІАНЪ.

Они наврядъ-ли также
Царя Бориса любятъ съ той поры,
Какъ онъ разбилъ, при Ѳедорѣ, ихъ силу!

ѲЕДОРЪ.

Вѣдь вотъ теперь сидимъ мы здѣсь втроемъ
И говоримъ свободно, а въ народѣ
Вѣдь думаютъ, что Ксеньи и доселѣ
Ты не видалъ, что ты ее увидишь
Лишь подъ вѣнцомъ! А вмѣстѣ показаться
И думать вамъ нельзя, того обычай,
Вишь, не велитъ! Хотѣлось-бы мнѣ знать,
Когда она не пряталась, пока
Невѣстой не была, зачѣмъ теперь
Ей прятаться!

КСЕНІЯ.

Нельзя, сказалъ отецъ,
Все разомъ передѣлать; глубоко
Пустилъ у насъ чужой обычай корни
И медленно выводится.

ѲЕДОРЪ.

Къ прискорбью!
И матушка вотъ слѣдуетъ ему.
Ей нелюбо, что видѣться дозволилъ
Вамъ двумъ отецъ. Она-бы подъ замкомъ
Тебя держать хотѣла!

КСЕНІЯ.

Не вини
Ты нашу мать за это, королевичъ.
Не всякому дано такъ ясно видѣть
Какъ батюшкѣ.

ѲЕДОРЪ.

Не то одно. Чтó грѣхъ
Ужъ намъ таить! Еще за то косится
На Христіана наша мать, что онъ
Не нашей вѣры.

КСЕНІЯ—къ Христіану.

Но вѣдь нашу вѣру,
Не правда-ль, примешь ты?

ХРИСТІАНЪ.

Не торопи
Меня, царевна. Въ этомъ Богъ волёнъ.
Учителей я вашихъ обѣщалъ
Съ благоговѣньемъ выслушать, но только
По убѣжденью откажусь отъ вѣры
Моихъ отцовъ.

КСЕНІЯ.

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевичъ, не принять
Ты нашей вѣры. Безъ грѣха могу я
Тебя любить.

ѲЕДОРЪ.

А я ужъ и подавно!
Дадимъ же мы втроемъ обѣтъ другъ другу
Любить другъ друга, помогать другъ другу,
Не мыслить врозь и вмѣстѣ жить всегда!
Ты, Ксенія, согласна?

КСЕНІЯ.

Всей душой!

ѲЕДОРЪ.

Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

И сердцемъ и душою!

ѲЕДОРЪ.

Но втайнѣ пусть союзъ нашъ остается!
Тѣмъ крѣпче будетъ онъ. Подумай только,
Чего не сможемъ сдѣлать мы втроемъ!
Ты насъ учи всему, чѣмъ превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будемъ
Тебя знакомить съ Русью!

ХРИСТІАНЪ.

Дай мнѣ Богъ
Ей вмѣстѣ съ вами послужить!

ѲЕДОРЪ.

Втроемъ
Мы воскресимъ то время, о которомъ
Въ старинныхъ книгахъ ты читалъ, когда
Такъ близки были наши дѣды. Боже!
Продли отцу его на долго дни,
Чтобъ Русью стала снова Русь!

КСЕНІЯ.

Господь
Услышь тебя, Ѳеодоръ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Царь идетъ!

БОРИСЪ — входя.

Я перервалъ вашъ, дѣти, разговоръ.
Вы горячо о чемъ-то толковали.
Чтó, Христіанъ? Успѣлъ ты на Руси
Обжиться съ нами?

ѲЕДОРЪ.

Да, отецъ! Онъ русскій!
И русскій онъ обычай перенялъ:
Онъ на пути къ Москвѣ, себѣ въ забаву,
Смирялъ неѣзженныхъ коней!

БОРИСЪ.

Намъ Власьевъ
И Салтыковъ такъ донесли. Ты любишь
Искать вездѣ опасность, Христіанъ,
То укрощать коней, то по волнамъ
Ладьею править въ бурю?

ХРИСТІАНЪ.

Государь,
Я датчанинъ. Намъ, какъ и русскимъ, любо,
Когда не трубитъ бранная труба,
Извѣдывать умѣнье, или силу
Надъ чѣмъ пришлось.

БОРИСЪ.

Но Ксеніи моей
Твоя отвага даровая можетъ
Не пó-сердцу придтись.

ХРИСТІАНЪ.

Царевна Ксенья!
Скажи сама, по правдѣ: жениха
Ты робкаго могла-ли-бъ полюбить?

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, королевичъ.

БОРИСЪ.

Еслибы у насъ
Была война, тогда-бы, Христіанъ,
Ты удаль могъ свою намъ показать!

ХРИСТІАНЪ.

О, помяни-жъ ты это слово, царь!
И если кто войну тебѣ объявитъ,
Дай русскую вести мнѣ рать! Клянусь,
Я побѣдить враговъ твоихъ съумѣю,
Иль умереть, отецъ мой, за тебя!

ѲЕДОРЪ.

А мнѣ, отецъ, дозволь идти съ нимъ вмѣстѣ!
Обоимъ намъ дай кровью послужить
Родной землѣ!

БОРИСЪ.

Любезенъ мнѣ вашъ пылъ
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена отъ войнъ теперь на долго.
Не чаемъ мы вторженія враговъ;
Сосѣднія на перерывъ державы
Намъ предлагаютъ дружбу и союзъ;
Совмѣстниковъ на царство мы не знаемъ;
Незыблемъ нашъ и твердъ, стоитъ престолъ —
И мирными придется вамъ дѣлами
Довольнымъ быть.

СТОЛЬНИКЪ—входитъ.

Великій государь —
Бояринъ Годуновъ, Семенъ Никитичъ!

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

ѲЕДОРЪ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра. У батюшки дѣла!

Всѣ трое уходятъ. Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ—смотритъ на него съ удивленіемъ.

Чтò сталося съ тобой? Чѣмъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

БОРИСЪ.

Живъ кто?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Царевичъ Дмитрій!

БОРИСЪ.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И самъ-бы радъ
Такъ думать, царь; но съ разныхъ къ намъ сторонъ
Все та-же вѣсть приходитъ: живъ Димитрій!

БОРИСЪ.

Кто слышалъ эту вѣсть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На площадяхъ,
Въ корчмахъ, вездѣ, гдѣ только два, иль три
Сойдутся человѣка, тотчасъ шепчутъ
Они о томъ промежъ себя.

БОРИСЪ.

И что-жъ
По ихнему? Какъ тотъ царевичъ Дмитрій
Воскреснуть могъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Все та-же басня, царь!

БОРИСЪ.

Какая басня? Говори!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ты помнишь —
Когда, падучимъ схваченный недугомъ,
Упалъ на ножъ и закололся онъ —
Ты помнишь....

БОРИСЪ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нагіе оболгали
Тебя, что будто....

БОРИСЪ.

Помню басню ихъ.
Ну, чтò-жъ? Когда-бъ и вправду такъ случилось,
Какъ могъ воскреснуть онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Убійцы-молъ
Ошиблися — зарѣзали другого.

БОРИСЪ — вставая.

Кто смѣетъ это говорить? Его
Весь Угличъ мертвымъ видѣлъ! Ошибиться
Не могъ никто! Клешнинъ и Шуйскій, оба
Его въ соборѣ видѣли! Нѣтъ, нѣтъ,
То слухъ пустой; разсѣется онъ скоро
Какъ вѣтромъ дымъ. Но злостный на меня
Я вижу умыселъ. Опять въ томъ дѣлѣ
Меня винятъ. Забытую ту ложь
Изъ пыли кто-то выкопалъ, чтобъ ею
Ко мнѣ любовь Русіи подорвать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Романовы Черкасскихъ угощали
Вчерашній день. За ужиномъ у нихъ
Шла рѣчь о томъ-же. Слуги донесли.

БОРИСЪ.

Романовы? Которыхъ я щадилъ?
Они молву ту распускаютъ? Нѣтъ —
Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Давно-бы
Такъ, государь!

БОРИСЪ.

Не будемъ торопиться —
Ихъ чтитъ народъ —

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лишь развяжи мнѣ руки!

БОРИСЪ — про себя.

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть. Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ, чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила!

Къ Семену Годунову.

Съ Романовыми я
Повременю. Но если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться —
Въ тюрьму его! Ступай, развѣдай, какъ
И кѣмъ тотъ слухъ посѣянъ на Москвѣ?
До корня докопайся — и о всемъ
Мнѣ донеси!

Семенъ Годуновъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но и не Ѳедоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть, чтò съ дороги
Отклонитъ насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею —
Имъ гнѣвъ явить и кару я съумѣю!

Покой царицы Маріи Григорьевны.

ЦАРИЦА и дьякъ ВЛАСЬЕВЪ.

ЦАРИЦА.

Скажи мнѣ все; не бойся молвить правду;
Твои слова не выйдутъ изъ покоя
Изъ этого. Когда ты съ Салтыковымъ
Былъ въ датскую посыланъ землю, сватомъ,
Чтò ты узналъ о женихѣ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всѣ вѣсти
О немъ я, матушка царица, прямо,
Какъ слышалъ, такъ и отписалъ къ царю,
Не утаилъ ни слова.

ЦАРИЦА.

Не хитри
Со мной, голубчикъ. Ты, чай, болѣ знаешь,
Чѣмъ отписалъ. Зачѣмъ король покойный
Услалъ его ребенкомъ отъ себя?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не вѣдаю, великая царица.

ЦАРИЦА.

Я вѣдаю. Король не почиталъ
Его за сына. Такъ-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Видитъ Богъ,
О томъ не знаю.

ЦАРИЦА.

Аѳанасій Власьичъ,
Тебѣ со мной ломаться не разсчетъ.
Ты думный дьякъ, да только вѣдь и мы
Не изъ простыхъ. Инымъ словечкомъ нашимъ
Тебѣ не слѣдъ-бы брезгать. Въ гору можетъ
Оно поднять, да и съ горы содвинуть!
Ну, говори-жъ, да не утай, дружокъ:
Вѣдь до рожденья этого Хрестьяна,
Въ совѣтѣ быть король ужъ пересталъ
Съ своею королевой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Были толки.

ЦАРИЦА.

Ну, видишь-ли!

ВЛАСЬЕВЪ.

Великая царица,
Гдѣ-жъ толковъ не бываетъ? Мало-ль что
Болтаетъ людъ! По смерти королевы,

Король вернулъ его къ себѣ; и жилъ-же
Онъ при дворѣ съ своимъ со старшимъ братомъ,
Какъ королевскій сынъ!

ЦАРИЦА.

Не за урядъ-ли?
И старшій братъ, теперешній король,
Кажись, не больно жаловалъ его.
Такъ, что̀-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всяко люди говорятъ;
Языкъ-то, благо, безъ костей. Не знаю
Какъ было прежде, нонѣ-же они
Въ согласіи; король его зоветъ
Своимъ любезнымъ братомъ.

ЦАРИЦА.

А когда
Захочетъ царь, какъ онъ уже задумалъ,
Его эстонскимъ сдѣлать королемъ,
Тогда его какъ братецъ будетъ звать?
Дороже, чай, Эстонская земля
Ему родства покажется съ царемъ!
Найдутся и улики. Ксенья-жъ наша
Очутится за нѣкимъ басурманомъ
Безъ племени и роду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Эхъ, царица!
Бояться волка—не ходить и въ лѣсъ!
Что̀ толковать когда царевна Ксенья
Помолвлена!

ЦАРИЦА.

Помолвка не вѣнецъ.
Когда-бы ты, голубчикъ, согласился
Сказать царю что̀ мнѣ ты повѣстилъ...

ВЛАСЬЕВЪ.

Побойся Бога, матушка царица,
Я ничего не говорилъ тебѣ!

ЦАРИЦА.

Ну, ну, добро! Мы знаемъ то, что̀ знаемъ;
Ступай дружокъ, не бойся ничего!

Власьевъ уходитъ.

ЦАРИЦА — обращаясь къ двери.

Дементьевна!

ДЕМЕНТЬЕВНА — входя.

Здѣсь, матушка царица!

ЦАРИЦА.

Ну, что̀ ты тамъ про нихъ узнала?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Встали
Ранёхонько; на Воробьевы горы
Поѣхали; съ царевичемъ женихъ
Все ѣхалъ рядомъ; много говорили
Промежъ собой; смѣялись; потомъ
Скакались вмѣстѣ; обскакалъ женихъ
Царевича; но этотъ ничего,
Самъ будто радъ; души, вишь, въ нареченномъ
Не чаетъ зятѣ!

ЦАРИЦА.

Съ толку вовсе нѣмчинъ
Его ужъ сбилъ.

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Вернулися къ закускѣ;
Откушавши съ царевною втроемъ,
Въ покоѣ царскомъ вмѣстѣ оставались,
Какъ царь поволилъ.

ЦАРИЦА.

Новые порядки
Заводитъ царь. Онъ съ ними, что-ль, сидѣлъ?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, матушка; спустя часокъ, изволилъ
Войти въ покой; пришелъ Семенъ Никитичъ,
Они-жъ ушли: царевичъ съ женихомъ,
Царевна во свѣтлицу.

ЦАРИЦА.

А часокъ

Таки-сидѣли вмѣстѣ? Ну, конечно,
Коль выдаютъ за нѣмчина ее,
Такъ и обычай надо ей нѣмецкій
Перенимать. Что̀ слышала еще?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Боярыня вернулась Василиса
Изъ Кіева. Твои повидѣть очи
Ждетъ позволенья.

ЦАРИЦА.

Милости прошу,
Пускай войдетъ.

Дементьевна уходитъ. Входитъ ВОЛОХОВА и кланяется въ землю.

Здорово Василиса!
Вернулась съ богомолья своего?
Ну что̀, голубушка? Какъ можешь?

ВОЛОХОВА.

Терпитъ
Господь грѣхамъ, великая царица!

ЦАРИЦА.

Что́-жъ? Видѣла Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

ВОЛОХОВА.

Охъ, матушка царица,
Какъ хорошо! Охъ, охъ, какъ хорошо!
Просвирку вотъ тамъ вынула во здравье
Твое, царица; а вотъ эту вотъ
За упокой родителя твого,
Григорія Лукьяныча!

ЦАРИЦА.

Спасибо,
Голубушка. Ну, что̀ путемъ-дорогой
Узнала ты?

ВОЛОХОВА.

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменья являетъ
Вездѣ Господь: всходили три луны
Намедни вразъ; теленкомъ двухголовымъ
Корова отелилась; колокольни

От вѣтра падаютъ. И все то мнѣ
Печерскій нѣкій старецъ толковалъ:
Великія настанутъ перемѣны
И скоро-де совсѣмъ не будетъ можно
Узнать Руси!

ЦАРИЦА.

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

ВОЛОХОВА.

Какъ не слышать!
Отъ радости, повѣришь-ли, царица,
И ноги подкосились!

ЦАРИЦА.

Ну, не много
Тутъ радости.

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка?

ЦАРИЦА.

Да развѣ
Своихъ князей-то нé-было? Не то,
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посватать!

ВОЛОХОВА.

А еще-бы!
Еще-бъ не радъ!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ нѣмчина, Богъ вѣсть
Отколь выписывать.

ВОЛОХОВА.

Ахъ свѣтъ-царица!
Сказать-ли правду! Какъ узнала я,
Что нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно, что не спростá, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя
Съ царевичемъ, должно быть обошелъ.
Я Өедора не узнаю съ тѣхъ поръ,
Какъ на Москву женихъ пріѣхалъ. Смотритъ
Ему въ глаза, и только!

ВОЛОХОВА.

Право дѣло,
Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услыхала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ приворотъ!

ЦАРИЦА.

А какъ по твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
Какъ не помочь! Развѣдать только надо:
Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

ЦАРИЦА.

Спасибо, мать. Прости-жъ теперь. Объ этомъ
Съ тобою послѣ потолкуемъ мы. *Волохова уходитъ.*

ЦАРИЦА — *одна.*

Спѣсивъ ужъ больно сталъ со мной Борисъ
Өеодорычъ. Дочь вздумалъ, не спросясь

У матери, за басурмана выдать!
Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

Лѣсъ.

Разбойничій станъ.

Атаманъ ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ сидитъ на колодѣ. Передъ нимъ эсаулъ РѢШЕТО. Другіе разбойники стоятъ, или сидятъ отдѣльными кружками.

ХЛОПКО.

Хорошъ бы день, да некого бить. Кто сегодня на калужской засѣкѣ?

РѢШЕТО.

Саранча съ десятью молодцами.

ХЛОПКО.

А у Краснаго столба?

РѢШЕТО.

Шестоперъ съ Поддубнымъ. Митька сидитъ коло московской дороги.

ХЛОПКО.

Одинъ, что́-ли?

РѢШЕТО.

Кого ему еще? Онъ и одинъ десятерыхъ сто́итъ!

Подходитъ эсаулъ НАКОВАЛЬНЯ.

НАКОВАЛЬНЯ.

Ата́манъ! Обходчики еще пять человѣкъ крестьянъ привели; къ тебѣ просятся. Вотъ ужъ третья артель на этой недѣлѣ.

ХЛОПКО.

Экъ ихъ подваливаетъ! Кажиный день новые! Давай сюда.

Наковальня уходитъ.

ХЛОПКО — къ Рѣшету.

А повѣсили тѣхъ молодцовъ, что́ къ намъ воевода вчера подослалъ?

РѢШЕТО.

Чѣмъ свѣтъ обоихъ вздернули.

ХЛОПКО.

Ладно.

Наковальня возвращается съ пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку въ поясъ.

ГОЛОСА.

Въ ноги! Въ ноги!

Крестьяне кланяются въ ноги.

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

КРЕСТЬЯНЕ.

Къ твоей милости!

ХЛОПКО.

Чего просите?

ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Защити, отецъ родной. Отъ вотченниковъ своихъ утекли. Хотимъ служить тебѣ вольными людьми!

ХЛОПКО.

Что, солоно, чай, на привязи пришлось.

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не въ моготу, родимый. Работы ну-тебѣ, а уходить не смѣй. Напредъ того, бывало, нѐлюбо тебѣ у кого — иди куда хошь! Который вотченникъ будетъ пощедлѝвѣй, къ тому и иди! А нонѣ, каковъ ни будь, гдѣ тебя указъ тотъ засталъ, тамъ и сиди; хошь волкомъ вой, а сиди.

ХЛОПКО.

Спасибо царю: о насъ постарался; нашего полку прибыло.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Защити отецъ! Прими къ себѣ!

ХЛОПКО.

Много васъ приходитъ; да такъ ужъ быть, приму. А уговоръ такой: чтò прикажу — то, не разговаривая, дѣлать. А кто чтò не такъ—одна расправа: петля на шею. Согласны?

КРЕСТЬЯНЕ.

Согласны, батюшка! Будемъ служить тебѣ!

ХЛОПКО.

Ну, ступайте въ курень!

Крестьяне уходятъ. Является посадскій.

ПОСАДСКІЙ.

Кто здѣсь Хлопко?

РАЗБОЙНИКИ.

Этотъ откуда выскочилъ? — Кто онъ такой? Съ неба свалился? — Да ты знаешь-ли куда попалъ? — Смотри, и шапки не ломаетъ!

ПОСАДСКІЙ.

Глухи вы, чтò-ли? Гдѣ атаманъ вашъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Вишь, какой шустрый! Да ты развѣ о двухъ головахъ?

ПОСАДСКІЙ.

А вы, чай, съ придурью? Да я и безъ васъ найду его!

Осматривается и идетъ прямо на атамана.

Ты Хлопко-Косолапъ!

ХЛОПКО.

Косолапъ и есть. Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Побываешь въ моихъ лапахъ — узнаешь меня!

ПОСАДСКІЙ.

Хаживали на медвѣдя, не въ диковину намъ.

Ропотъ.

А коли ты атаманъ, такъ чего смотришь? За полъ-версты отсель меня съ двумя товарищи, остановилъ тюлень какой-то, здоровѣе тебя будетъ. Я ему толкую: мы къ тебѣ; а онъ, увалень, не говоря ни слова, сгребъ ихъ двухъ да и потащилъ.

РАЗБОЙНИКИ.

Ха, ха, ха! Да это они на Митьку наткнулись!

ПОСАДСКІЙ.

Я-бы разбилъ ему черепъ, да съ тобой ссориться не хотѣлъ.

ХЛОПКО.

Эй, милый человѣкъ! Да ты, я вижу безъ чиновъ!

ПОСАДСКІЙ.

Не въ моемъ обычаѣ.

ХЛОПКО.

А вотъ я тебя, душа моя, сперва на сукъ вздерну, а потомъ спрошу объ имени-прозвищѣ.

ПОСАДСКІЙ.

Ну, нѣтъ, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

ХЛОПКО.

Да кто-жъ ты такой?

ПОСАДСКІЙ.

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить.

Къ разбойникамъ.

Эй! Вина!

Садится рядомъ съ Хлопкомъ.

Я къ тебѣ за дѣломъ, дядя; ты нуженъ мнѣ. Какъ по-твоему, кто у насъ царь на Руси?

ХЛОПКО.

Да ты и въ вправду не шутишь-ли со мной?

ПОСАДСКІЙ.

Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на Руси?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Борисъ Өедорычъ!

ПОСАДСКІЙ.

Неправда! Не отгадалъ! Дмитрій Иванычъ.

ХЛОПКО.

Какой, шутъ, Дмитрій Иванычъ?

ПОСАДСКІЙ.

Да развѣ ихъ два? Вѣстимо какой! Сынъ царя Ивана! Тотъ, кого воръ Годуновъ хотѣлъ извести, да не извелъ! Тотъ, кто собираетъ рать удальцовъ, на Москву вернуться, свой отцовскій столъ завоевать! Не вѣришь? Я отъ него къ тебѣ присланъ. Онъ жалѣетъ васъ; зоветъ тебя, со всѣми людьми, къ литовскому рубежу!

Разбойники столпляются вокругъ Посадскаго.

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь! Царевичъ зоветъ! Не даромъ шла молва, что живъ царевичъ!

ХЛОПКО.

Молву-то мы знаемъ, да кто-жъ мнѣ порукой, что этотъ къ намъ не подосланъ?

ПОСАДСКІЙ.

Какой тебѣ поруки? Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, услышишь о Дмитріѣ. Чѣмъ тебѣ здѣсь отъ Борисовыхъ воеводъ отстрѣливаться, иди ко Брянску лѣсными путями, становись подъ царскій стягъ! Великій государь пожалуетъ тебя; у него съ тобой одинъ супостатъ — воръ Годуновъ!

ХЛОПКО.

А, чортъ возьми, пожалуй и правда!

Шумъ за сценой. Является МИТЬКА, таща за шиворотъ одной рукой МИСАИЛА ПОВАДИНА, другой ГРИГОРІЯ ОТРЕПЬЕВА.

РАЗБОЙНИКИ.

Вотъ онъ и Митька! Ай-да Митька! Ай-да тюлень! Тащи, тащи! Не давай имъ упираться! Тащи ихъ сюда, посмотримъ, что̀ они за люди!

МИТЬКА — подтащивъ обоихъ къ Хлопку.

Пущать, что̀-ли?

ХЛОПКО.

Погоди пущать; допросимъ ихъ сперва. Кто вы такіе? Ты кто?

МИСАИЛЪ.

Смиренный инокъ Мисаилъ!

ХЛОПКО.

А ты?

ГРИГОРІЙ.

Смиренный инокъ Григорій!

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

МИСАИЛЪ.

Не сами пришли, пресвѣтлый и многославный воевода! Влекомы есми силою хищника сего!

ХЛОПКО.

Да въ лѣсъ-то мой какъ вы попали?

ГРИГОРІЙ.

Отъ немощи человѣческія плотскими боримые похоти, изъ монастыря пречестнаго Чуда, что̀ на Москвѣ-рѣцѣ, бѣжахомъ!

МИСАИЛЪ.

А простыми словами: изъ-подъ начала ушли; яви намъ милость, повелитель, дай у себя пристанище!

ХЛОПКО.

Биться дубинами умѣете?

МИСАИЛЪ.

Не сподобилъ Господь.

ХЛОПКО.

А на кулакахъ деретесь?

ГРИГОРІЙ.

И сей не вразумлены мудрости.

ХЛОПКО.

Такъ на кой вы мнѣ прахъ?

МИСАИЛЪ.

Пріими насъ, славный витязь, душеспасенія ради!

ГРИГОРІЙ.

Насыти насъ, гладныхъ, паче-же утоли жажду нашу сокомъ гроздія винограднаго, сирѣчь: вели пѣннику поднести!

ХЛОПКО.

Пѣннику вамъ поднесутъ; только у меня такой обычай: кого къ себѣ примаю, тотъ сперва долженъ свою удаль показать. Выходите оба съ Митькой на кулачки. Коли вдвоемъ побьете его, будетъ вамъ и пристанище.

Хохотъ между разбойниками.

МИТЬКА.

Пущать, чтò-ли?

ХЛОПКО.

Пущай!

МИСАИЛЪ.

Умилосердись, повелитель!

ГРИГОРІЙ.

Не обреки, воевода, членовъ нашихъ сокрушенію!

ХЛОПКО.

Да развѣ онъ одинъ вамъ двоимъ не подъ-силу?

МИСАИЛЪ.

Свирѣпъ и страховиденъ!

ГРИГОРІЙ.

Дикообразенъ и скотоподобенъ!

ПОСАДСКІЙ — вставая.

Оставь ихъ, дядя Косолапъ! Гдѣ инокамъ смиреннымъ кулачиться? Вотъ я, пожалуй, выйду замѣсто ихъ!

ХЛОПКО.

Ты?

ПОСАДСКІЙ.

Ну, да, я.

ХЛОПКО.

На Митьку?

ПОСАДСКІЙ.

На Митьку, коли онъ Митька.

ХЛОПКО.

Одинъ?

ПОСАДСКІЙ.

А то какъ-же еще?

ХЛОПКО.

Да ты знаешь-ли Митьку? Вѣдь коли ты подосланъ, я успѣю повѣсить тебя, а коли ты вправду отъ царевича, такъ не слѣдъ тебѣ убиту быть.

ПОСАДСКІЙ.

За меня не бойся!

ХЛОПКО.

Ой-ли? Ну, какъ знаешь, посмотримъ. Становись, Митька!

МИТЬКА.

Чаво становиться-то?

ХЛОПКО.

Ну, собачій попъ, не разговаривай, становись!

ПОСАДСКІЙ.

Помѣряемся, тёзка! Побей меня.

МИТЬКА.

А чтò ты мнѣ сдѣлалъ?

ПОСАДСКІЙ.

Такъ тебѣ надо что̀ сдѣлать сперва? Изволь!

Сшибаетъ съ него шапку.

МИТЬКА.

Что̀-жъ ты это?

ПОСАДСКІЙ.

Мало съ тебя?

Толкаетъ его въ бокъ.

МИТЬКА.

Не замай — тресну!

ПОСАДСКІЙ.

А я тебя!

МИТЬКА.

А ну, подойди!

Разбойники хохочутъ. Бой зачинается. Митька и посадскій, ставъ другъ противъ друга, ходятъ кругомъ, лѣвая рука на тычку, правая на маху. Михаилъ и Григорій садятся на землю и смотрятъ.

ПОСАДСКІЙ.

Что̀-жъ не бьешь?

МИТЬКА.

А вотъ постой!

Хочетъ ударить Посадскаго; тотъ увертывается и бьетъ его въ плечо.

МИСАИЛЪ.

Эхъ!

ГРИГОРІЙ.

Разъ!

Разбойники хохочутъ.

МИТЬКА.

Ты чаво вертишься?

ПОСАДСКІЙ.

Не буду, тёзка. Изловчись, я подожду.

МИТЬКА — размахнувшись.

Такъ на-жъ тебѣ!

Бьетъ сплеча, Посадскій сторонится, Митька, съ размаху, падаетъ о-земь.

ПОСАДСКІЙ — притиснувъ его колѣномъ.

Убить, аль жива оставить?

РАЗБОЙНИКИ.

Ай-да, молодецъ! — Вотъ лихо было! — Невиданное дѣло! — Митьку осѣдлалъ!

ПОСАДСКІЙ—отпуская Митьку.

Кого люблю, того и бью. Вставай, тёзка, помиримся! Приходи въ Сѣверскую землю, подъ царскій стягъ! Царевичъ Дмитрій пожалуетъ тебя!

ХЛОПКО.

Такъ ты, что-ли, вправду отъ царевича? Побожись!

ПОСАДСКІЙ.

Какъ Богъ святъ, самъ Дмитрій зоветъ васъ! Много-ль у тебя бѣглыхъ крестьянъ, дядя Косолапъ?

ХЛОПКО.

Довольно есть, да мнѣ все не вѣрится....

ПОСАДСКІЙ — къ толпѣ.

Православные! Когда сядетъ Дмитрій на свой отцовскій столъ, всѣмъ Юрьевъ день отдастъ, всѣ кабалы порѣшитъ, всѣмъ свобода по старому!

КРИКИ.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престолъ!

ПОСАДСКІЙ.

Казну Борисову межъ васъ раздѣлитъ!

КРИКИ.

Живетъ Дмитрій Иванычъ!

ПОСАДСКІЙ.

А теперь, ребята, атаманъ велитъ про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какія тамъ у васъ бочки! Дядя Косолапъ угощаетъ!

Общее смятеніе, шумъ и крики. Посадскій незамѣтно скрывается.

ХЛОПКО.

Эй ты, пострѣлъ! Да гдѣ-жъ это онъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Кто?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Тотъ, что взбудоражилъ насъ!

РАЗБОЙНИКЪ.

Онъ сейчасъ тутъ стоялъ.

ХЛОПКО.

Куда-жъ онъ пропалъ? Насатанилъ да и провалился! Эй вы, отцы святые, кто это былъ?

МИСАИЛЪ.

Не вѣмъ.

ГРИГОРІЙ.

Не сказался ми.

ХЛОПКО.

Какъ, черти, не сказался? Вѣдь вы съ нимъ пришли, наплѣшники?

МИСАИЛЪ.

На исходищѣ путей стеклися, повелитель! Сладкорѣчіемъ мужа сего прельщенны есмы!

ГРИГОРІЙ.

Онъ-же убѣди насъ купно съ нимъ предъ очеса предстати твоя, имени-же своего не объяви!

ХЛОПКО.

Ну, диковина!

КРИКИ.

Эхма! Царевичъ въ Сѣверскую землю зоветъ! На Москву хочетъ вести! — Намъ Борисову казну отдаетъ! Къ царевичу! Къ царевичу! Веди насъ, атаманъ! — Когда къ царевичу поведешь?

ХЛОПКО.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шумъ и смятеніе.

ДѢЙСТВІЕ III.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

БОРИСЪ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть —
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной; литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасѣ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ —
Молвой Москва встревожена — его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль?
Меня бродяга измѣнить заставитъ
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ-жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ,
Когда къ нему я темной шелъ стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

Входитъ Семенъ Годуновъ.

Ну, что?
Что ты узналъ? Кто этотъ человѣкъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
Я до слѣдовъ его не могъ добраться.
Подъ стражу мы людей довольно взяли,

Пытали всѣхъ; но ни съ огня, ни съ дыба,
Намъ показаній не́-далъ ни одинъ.

БОРИСЪ.

Мы знать должны ктó онъ! Во чтó-бъ ни стало,
Его назвать — хотя пришлось бы имя
Намъ выдумать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Найти такое можно.
Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
Недавно онъ, и, пьяный, похвалялся:
Царемъ-де буду на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Зачѣмъ
Меня не извѣстили?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь,
То былъ пустой, безпутный побродяга,
Хвастунъ и враль; монахи всѣ ему
Въ глаза смѣялися.

БОРИСЪ.

Но, можетъ быть,
То онъ и есть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, не онъ.
Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣетъ,
А этотъ только бражничалъ да лгалъ.

БОРИСЪ.

Какихъ онъ лѣтъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лѣтъ двадцати, иль болѣ.

БОРИСЪ.

Куда бѣжалъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На Стародубъ. Оттоль
Ушолъ въ Литву.

БОРИСЪ.

Какъ прозывался онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Отрепьевымъ.

БОРИСЪ.

Онъ намъ пригоденъ. Имъ
Того пока мы вора назовемъ.
Лишь то, что̀ намъ является въ туманѣ,
Смущаетъ насъ; что̀ осязать мы можемъ,
Или назвать — свою теряетъ силу.
Гонца въ Литву отправить къ королю:
Чтобы скорѣй свою унялъ онъ шляхту;
Что стыдно-де пособіе чинить
Негодному, безпутному бродягѣ;
Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый инокъ,
Морочитъ ихъ; что если въ мирѣ быть
Со мной хотятъ — чтобъ выдали его!
Развѣдчиковъ умножить. Знать я долженъ,
Что̀ говорятъ, что̀ думаютъ бояре,
Имъ на̀-руку пришлася эта вѣсть!
Романовымъ избраніе мое
Досель какъ ножъ; ближайшею роднею
Они себя Θеодору считаютъ;
А Шуйскіе мнѣ рады-бъ отомстить
За князь Иванъ Петровича; всѣ-жъ вмѣстѣ
Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ!
Что̀ слышно въ городѣ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

По вечерамъ
Къ Романовымъ съѣзжаются бояре
И шепчутъ много, но отъ слугъ они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
Въ молчаніи.

БОРИСЪ.

Измѣнничье гнѣздо!
Я знаю чью! Награду обѣщать
Тому, кто мнѣ на нихъ найдетъ улику!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Улика будетъ.

БОРИСЪ.

Голодъ, между тѣмъ,
Досель еще свирѣпствуетъ. Напрасно
Народу я всѣ житницы открылъ,
Истощены мои запасы. Въ день,
Когда вѣнецъ я царскій мой пріялъ,
Я обѣщалъ: послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать, чѣмъ допустить, чтобъ былъ
Кто либо нищъ, иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнитъ
Чтò обѣщалъ. Когда казны не станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ — но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ,
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнести! Входитъ царевичъ Өедоръ.
Мстиславскому сказать,
Чтобъ воеводство надъ войсками принялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я. Ступай, исполни все
Какъ я велѣлъ. Семенъ Годуновъ уходитъ.

ӨЕДОРЪ.

Отецъ, такъ это правда?
Землѣ грозитъ опасность? Этотъ дерзкій,
Безумный самозванецъ въ самомъ дѣлѣ
Могъ обмануть украйны? Могъ рубежъ
Переступить? и на тебя войною
Теперь идетъ?

БОРИСЪ.

Не долго будетъ онъ,
Надѣюсь я, торжествовать. Улики
У насъ въ рукахъ.

ӨЕДОРЪ.

Но, между тѣмъ, у насъ
Онъ городá беретъ? Отецъ, пошли,
Пошли меня и брата Христіана
Къ твоимъ войскамъ! Вели, чтобъ подъ начало
Онъ взялъ меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ, еслибъ врагъ
Достойный шелъ на Русь, быть можетъ, я
Послалъ-бы васъ; но съ этимъ темнымъ воромъ
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахѣ обреченъ —
Не царскими тотъ имется руками.

ѲЕДОРЪ.

Не княжескими также. Ты однако
Мстиславскаго на этого врага
Сейчасъ послалъ. Его ты, стало быть,
Ничтожнымъ не считаешь. Ты велишь
Хватать всѣхъ тѣхъ, кто произноситъ имя
Покойнаго царевича — отецъ,
Намъ правосудье вѣдомо твое —
Ты могъ-ли-бы то сдѣлать, еслибъ ты
Опасности не чаялъ? Мы со Ксеньей
Объ этомъ долго толковали; горько
Казалося и непонятно намъ,
Что ты, отецъ, который столько разъ
Намъ говорилъ: «я лишь дѣла караю,
Но ни во чью не вмѣшиваюсь мысль» —
Что началъ ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы рѣшили такъ:
Насилуешь свое, отецъ, ты сердце
Затѣмъ, что Русь въ опасности. И если
Оно такъ есть — и если въ самомъ дѣлѣ
Опасность ей грозитъ — кому-жъ, отецъ,
Встрѣчать ее, кому коли не мнѣ?

БОРИСЪ.

Кипитъ въ насъ быстро молодости кровь;
Хотѣлъ бы ты, во что-бъ ни стало, доблесть
Свою скорѣе показать; но разумъ
Иного требуетъ. Ты призванъ, сынъ,
Русійскимъ царствомъ править. Намъ не даромъ
Величіе дается. Отказаться
Отъ многого должны мы. Обо мнѣ
Со Ксеніей вы вмѣстѣ толковали —
Въ одномъ вы не ошиблись: не охотно

Ко строгости я прибѣгаю. Сердце
Меня склоняетъ милостивымъ быть.
Но если злая мнѣ необходимость
Велитъ карать — я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестокимъ.

ѲЕДОРЪ.

Видишь!
Ты говоришь: необходимость — стало,
Опасность есть!

БОРИСЪ.

Она явиться можетъ —
И чтобъ ее предупредить, я долженъ
Теперь быть строгъ. Когда придетъ пора,
Я къ милости вернусь. Гдѣ Ксенья? Мы
Не видѣлись сегодня. Пусть она
Ко мнѣ придетъ.

Ѳедоръ уходитъ.

Мнѣ кажется, когда
Ея услышу голосъ, легче будетъ
Мнѣ на душѣ. Царенья моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мнѣ славу обѣщала!
Ее не можетъ призракъ помрачить!
Съ минувшимъ я покончилъ. Что̀ свершилось,
То кануло въ ничто! Какое право
Имѣетъ прахъ? Земля меня вѣнчала,
А хочетъ тѣнь войти въ мои права!
Я съ именемъ, со звукомъ, спорить долженъ!

Ѳедоръ возвращается со Ксеніей.

Поди ко мнѣ, дитя мое, садись —
Но что̀ съ тобой? Ты плакала?

КСЕНІЯ.

Отецъ —

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь, какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
Ты молвилъ правду — понесла утрату
Я страшную! Не я одна — мы всѣ —

Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ — ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благость? Ты-ли,
Ты-ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался — радость
Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ —
Теперь-же — о какая перемѣна!
Теперь со страхомъ смотрятъ на тебя!
Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепетъ —
Ужъ были казни — о доносахъ шепчутъ,
Которые ты награждать велишь —
Москва дрожитъ — такъ было, говорятъ,
Во времена царя Ивана —

БОРИСЪ.

Ксенья —

КСЕНІЯ.

Ты сталъ жестокъ —

БОРИСЪ.

Опомнись Ксенья. Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Котораго терпѣніе тебѣ
Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать —
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты то пойми.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, этого понять
Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
Ты отвѣчать на эту клевету!

БОРИСЪ.

Такъ на нее доселѣ отвѣчалъ я.
Но, Ксенія, презрѣніе мое
Почли за страхъ. Ты слышала, какую
Они сплели объ этомъ дѣлѣ басню —
Невѣдомый воспользовался воръ
Молвою той, и нынѣ —

ХРИСТІАНЪ — отворяя дверь.

Государь,
Могу-ли я...?

БОРИСЪ.

Войди.

ХРИСТІАНЪ.

Великій царь —
Дозволишь-ли мнѣ молвить?

БОРИСЪ.

Говори.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ и царь! Увѣренъ-ли ты въ томъ,
Что человѣкъ, который на тебя
Идетъ войной — не истинный Димитрій?

БОРИСЪ.

Въ умѣ-ль ты, королевичъ? Кто въ тебя
Вселилъ ту мысль?

ХРИСТІАНЪ.

Молва такая ходитъ —
За тайну мой совѣтникъ Голькъ сегодня
Мнѣ повѣстилъ, что слышалъ гдѣ-то онъ:
Не самъ царевичъ Дмитрій закололся,
Но былъ убитъ. Иные-жъ говорятъ,
Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Одинъ противорѣчитъ
Другому слухъ. Кто знаетъ, государь,
Не скрыто-ль что̀ въ семъ дѣлѣ отъ тебя?
И всѣ-ль тебѣ подробности извѣстны
Димитріевой смерти? Можетъ быть,
Въ тѣ дни и вправду было покушенье
На жизнь его, и спасся онъ? Я тотчасъ
Подумалъ, царь, что̀ если въ самомъ дѣлѣ
Димитрій живъ — ты первый поспѣшишь
Его признать!

БОРИСЪ.

И ты не обманулся.
Когда-бъ нежданно истинный Димитрій

Явился намъ—я первый-бы на встрѣчу
Ему пошелъ и передъ нимъ сложилъ-бы
Я власть мою и царскій мой вѣнецъ.
Но Дмитрій мертвъ! Онъ прахъ! Сомнѣній нѣтъ!
И лишь одни враги Руси, одни
Измѣнники тотъ распускаютъ слухъ!
Забудь о немъ. Въ Димитріевой смерти
Увѣренъ я.

ѲЕДОРЪ.

Но такъ-ли онъ погибъ,
Какъ донесли тебѣ, отецъ? Въ томъ слухѣ
Объ углицкомъ убійствѣ часто правда
Мнѣ чуялась. Со дня-жъ какъ мамку ту
Увидѣлъ я —

БОРИСЪ.

Гдѣ встрѣтился ты съ ней?

ѲЕДОРЪ.

У матушки.

БОРИСЪ.

Ей во дворцѣ не мѣсто.
За клевету Нагихъ ее втупôру
Я щедро наградилъ; съ нея довольно —
Ей здѣсь не мѣсто!

ѲЕДОРЪ.

Стало быть, и ты,
Отецъ, ее подозрѣваешь?

БОРИСЪ.

Нѣтъ!
Нѣтъ, никого подозрить не могу.
Доказано мнѣ вѣрно: закололся
Въ недугѣ онъ!

СТОЛЬНИКЪ — входя.

Великій государь,
Царица къ милости твоей идетъ!

БОРИСЪ.

Чтô надо ей? Мнѣ некогда!

СТОЛЬНИКЪ.

Она
Ужъ у дверей.

БОРИСЪ.

Оставьте, дѣти, насъ!

Ѳедоръ, Ксенія и Христіанъ уходятъ. Входятъ боярыни, а за ними царица.

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Не прогнѣвись, свѣтъ-государь Борисъ
Ѳеодорычъ, и на свою рабу
Не наложи опалы за докуку!

Къ боярынямъ.

А вы, голубушки, ступайте въ сѣни,
Пождите тамъ.

Боярыни уходятъ.

БОРИСЪ.

Какой тебя, царица,
Приводитъ спѣхъ?

ЦАРИЦА.

Охъ свѣтъ мой, государь,
Мы всѣ спѣшимъ! Ты Ксеньюшку посватать
Вотъ поспѣшилъ, а королевичъ твой
Спѣшитъ провѣдать какъ пропалъ царенокъ
Тамъ въ Угличѣ. И нѣмчины его
Промежъ себя толкуютъ: ужъ не вправду-ль
Зарѣзанъ былъ царенокъ? Какъ оно
По твоему? По моему, не гоже;
Имъ толковать не слѣдъ.

БОРИСЪ.

Ихъ толкамъ я
Не властенъ помѣшать; всѣ-жъ рѣчи ихъ
Мнѣ вѣдомы.

ЦАРИЦА.

Всѣ-ль, свѣтъ мой? А вотъ мнѣ
Оно не такъ сдается. Не смекнулъ-ли
Чего женихъ? Онъ эти дни съ чего-то
Сталъ пасмуренъ.

БОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, онъ слухамъ
Повѣрилъ тѣмъ?

ЦАРИЦА.

Гдѣ мнить мнѣ, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотѣлъ ты слушать
Что про его рожденіе тебѣ
Сказала я. Когда ты положилъ,
Чтобъ этотъ безотецкій сынъ дѣтей
Сбилъ съ разума — твоя святая воля!
Такъ, значитъ, быть должно!

БОРИСЪ.

Царица Марья —
Куда ты гнешь? Коли что знаешь ты,
Скажи мнѣ прямо!

ЦАРИЦА.

Батюшки мои!
Что-жъ я скажу? Ты развѣ самъ не видишь?
Женихъ съ дѣтьми толкуетъ цѣлый день;
Тѣ слушаютъ; сомнѣніе на нихъ
Ужъ онъ навелъ. Пожди еще немного,
И скоро все они узнаютъ.

БОРИСЪ.

Марья!
Я запретилъ тебѣ напоминать
Объ этомъ мнѣ!

ЦАРИЦА.

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вотъ скоро лѣтъ молчала,
Да не пришла-ль пора заговорить?
Не поздно-ль будетъ, если нѣмчинъ твой
Доищется улики на тебя?

БОРИСЪ.

Чего-жъ ты хочешь?

ЦАРИЦА.

Мнѣ-ль чего хотѣть,
Свѣтъ-государь! Свое я мѣсто знаю.
Мнѣ, безтолковой бабѣ, и не гоже
Совѣтовать тебѣ. Ты дочь посваталъ
Безъ моего совѣта; безъ меня-же
Ты самъ найдешь что сдѣлать!

БОРИСЪ.

Въ Христіанѣ
Увѣренъ я.

ЦАРИЦА.

Увѣренъ, такъ и ладно.
По моему-жъ, по бабьему уму,
Не отъ народа ждать бѣды намъ надо,
Не отъ бояръ—не въ городѣ для насъ
Опасность есть, а въ теремѣ твоемъ.
Доколѣ въ немъ останется твой нѣмчинъ—
Спокойно спать не можемъ мы!

БОРИСЪ.

Довольно!
Молчи о томъ. Царю Руси нѣтъ дѣла,
Что дочери Скуратова Малюты
Не пò-сердцу женихъ избранный имъ.
Не твоему то племени понять
Чтò для Руси величія пригодно!

ЦАРИЦА.

Гдѣ, батюшка, намъ это понимать!
Родитель мой служилъ царю Ивану
По простотѣ. Усердіе его
Царь жаловалъ. А ты меня посваталъ
Чтобы къ царю Ивану ближе стать.
Чтó жъ? Удалось. Ты царскимъ свойкомъ,
Ты шуриномъ сталъ царскимъ, а потомъ
Правителемъ, а нынѣ государемъ.
Гдѣ-жъ дочери Скуратова Малюты
Указывать тебѣ! Передъ тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости-же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью рѣчь. Впередъ, отецъ, не буду!

Уходитъ. Входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ.

Какія вѣсти? Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Черниговъ взятъ!

БОРИСЪ.

Не можетъ быть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Измѣнники связали
Въ немъ воеводъ и къ вору привели.
Путивль, Валуйки, Бѣлгородъ, Воронежъ,
Ему сдались — Елецъ и Кромы также.
Одинъ лишь Сѣверскъ держится. Басмановъ
Засѣлъ въ немъ нá-смерть. Лаской и угрозой
Старался воръ склонить его, но онъ
На увѣщанья отвѣчалъ ему
Картечію.

БОРИСЪ.

Я не ошибся въ немъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Я говорилъ тебѣ: не вѣрь боярамъ!
Вѣрь только тѣмъ, кто, какъ и мы съ тобой,
Не древней крови!

БОРИСЪ.

Чтò еще принесъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Мятежный духъ какъ будто обуялъ
Не только край, но самыя войска.
Что день, къ врагу они перебѣгаютъ,
Скудѣетъ рать —

БОРИСЪ.

О чемъ-же воеводы
Тамъ думаютъ? Отъ страху-ль потеряли
Разсудокъ свой? Наказъ послать имъ строгій,
Чтобъ вѣшали измѣнниковъ! Чтобъ всѣхъ,
Кто лишь помыслитъ къ вору перейти,
Всѣхъ, безъ пощады, смертію казнили!
Не то — я самъ явлюся между нихъ! —

СТОЛЬНИКЪ — входя.

Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Съ чѣмъ старая лисица приплелась?

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

Шуйскій входитъ. Борисъ смотритъ на него пристально.

Ты слышалъ вѣсти?

ШУЙСКІЙ.

Слышалъ,
Царь-государь.

БОРИСЪ.

Что̀ скажешь ты на это?

ШУЙСКІЙ.

Не ладно, царь.

БОРИСЪ.

Не ладно — вижу я!
А кто виной? Бояре продаютъ —
Да, продаютъ меня!

ШУЙСКІЙ.

Суди ихъ Богъ!

БОРИСЪ.

Имъ божьяго суда не миновать.
Но до того я въ скорыхъ числахъ буду
Ихъ самъ судить. Мстиславскаго межъ тѣмъ
Я къ рати шлю.

ШУЙСКІЙ.

Ему и книги въ руки.
Онъ старше всѣхъ. Головъ тамъ больно много.
Не прогнѣвись, великій государь,
За простоту, дозволь мнѣ слово молвить.

БОРИСЪ.

Скажи.

ШУЙСКІЙ.

Когда-бъ ты захотѣлъ туда
Поѣхать самъ—все снялъ-бы какъ рукою.

БОРИСЪ.

А вамъ Москву оставить? Знаемъ это.
Нѣтъ, оставлять Москву царю не часъ.
Придумай лучше.

ШУЙСКІЙ.

А не то, еще
Вотъ чтó, пожалуй: вдовая царица,
Димитріева мать. теперь на Выксѣ,
Пострижена сидитъ. Ее-бы, царь,
Ты выписалъ. Пускай передъ народомъ
Свидѣтельствуетъ крестно, что Димитрій
Во гробѣ спитъ.

БОРИСЪ.

Послать за ней! Но долгъ
До Выксы путь. Возстановить покорность
Мы здѣсь должны. Примѣръ я надъ иными
Ужъ показалъ. Чтó? Утихають толки?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужъ и не знаешь право
Кого хватать, кого не трогать? Всѣ
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та-же пѣсня: царь Борисъ хотѣлъ-де
Димитрія царевича известь,
Но божіимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будетъ скоро....

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!
Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня
Что много ихъ? Но еслибъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли —
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я-жъ его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винятъ упорно —
Такъ я-жъ упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ кто изъ насъ устанетъ прежде!

Домъ Өедора Никитича Романова.

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ, АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ, КНЯЗЬ СИЦКІЙ, КНЯЗЬ РЕПНИНЪ и КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ за столомъ.

ӨЕД. НИКИТИЧЪ — наливая имъ вина.

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ —
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разымчиво ужъ больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А коли такъ—
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Нуте-жъ:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нозѣ покорить!

СИЦКІЙ.

А ужъ не мало
Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты о татарахъ, что-ли?

РЕПНИНЪ.

Аль, можетъ, о татаринѣ?

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, этотъ
Еще крѣпокъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взятъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Еще по чарочкѣ!

ВСѢ.

Про государя!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

Челомъ, бояре вамъ! Чью пьете чару?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Царя и государя, князь Василій
Ивановичъ. На, выпей!

ШУЙСКІЙ.

Эхъ Ѳеодоръ
Никитичъ, чай, указъ-то государевъ
Ты позабылъ? Не такъ, бояре, пьете:

Подымаетъ чару.

«Великому, избранному отъ Бога,
«Имъ чтимому и имъ превознесенну,
«И скифетры полночныя страны
«Самодержащему царю Борису,
«Съ царицею, съ царевичемъ его,
«И всѣми дома царскаго вѣтвями,
«Мы, сущіе въ палатѣ сей, воздвигли,
«Въ душевное спасенье и во здравье
«Тѣлесное, сію съ молитвой чашу.
«Чтобъ славилось отъ моря и до моря,
«И до конецъ вселенныя, его
«Пресвѣтлое, царя Бориса, имя,

«На честь ему, а русскимъ славнымъ царствамъ
«На прибавленье; чтобы государи
«Послушливо ему служили всѣ,
«И всѣ-бы трепетали посѣченья
«Его меча; на насъ-же, на рабѣхъ
«Величества его, чтобъ безъ урыву
«Щедротъ лилися рѣки неоскудно
«Отъ милосердія его пучины
«И разума!»—Ухъ, утомился. Вотъ
Бояре, какъ указано намъ пить.

Не пьетъ, а ставитъ чару на столъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ужъ больно кудревато; не запомнишь.

ШУЙСКІЙ.

Я выдолбилъ.

РЕПНИНЪ.

Не всѣ его меча,
Кажись, трепещутъ.

СИЦКІЙ.

Да и не на всѣхъ
Его щедроты льются.

ЧЕРКАССКІЙ.

Исчерпáлъ
Пучину милосердія.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ — къ Шуйскому.

Ты съ Верьху?

ШУЙСКІЙ.

Былъ на Верьху.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, что-жъ?

ШУЙСКІЙ.

Все славу Богу.
Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Чтó ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКІЙ.

Да всѣмъ, кто скажетъ,
Что Дмитрія извелъ онъ, аль что Дмитрій
Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ-же быть?

ЧЕРКАССКІЙ.

Чтò-жъ надо говорить?

ШУЙСКІЙ.

А то, чтó было
При Ѳедорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно,
Ужъ онъ чинитьсяересталъ. Да развѣ
Онъ казнями кого переувѣритъ?

ШУЙСКІЙ.

Пускай казнитъ; мѣшать ему не надо.

СИЦКІЙ.

Какъ не смекнетъ онъ, что когда къ Москвѣ
Подступитъ *тотъ*, ему не сдобровать?

ШУЙСКІЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда-жъ мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты, князь Василій
Ивановичъ, ты въ Угличъ былъ посыланъ
На розыскъ тотъ. Скажи, хоть разъ, по правдѣ,
По совѣсти: убитъ, аль нѣтъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Убитаго ребенка видѣлъ я.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да Дмитрія-ль?

ШУЙСКІЙ.

Сказали мнѣ, что Дмитрій.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да самъ-то ты?

ШУЙСКІЙ.

А гдѣ-жъ его мнѣ знать?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что-жъ мыслишь ты о томъ, который нынѣ
На насъ идетъ?

ШУЙСКІЙ.

А то-же, чтó и вы.
Языкъ намъ врагъ. И батюшка Борисъ
Ѳеодорычъ, должно быть, это знаетъ;
Насъ отъ врага онъ избавлять велитъ.

РЕПНИНЪ — къ Ѳедору Никитичу.

Хозяинъ ласковый, да такъ, пожалуй,
И до тебя онъ доберется?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Трудно.
Чтó скажетъ онъ? Романовы признали
Димитрія царемъ? Да вся Москва
Того лишь ждетъ, чтобъ мы его признали.
Аль что его убійцей мы зовемъ?
Да пусть о томъ лишь слухъ пройдетъ въ народѣ—
Его каменьями побьютъ!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мы
Пока молчимъ. Народъ-же говоритъ:
Романовы поближе Годунова
Къ Ѳеодору царю стояли. Еслибъ

Романовъ сѣлъ на царство—Юрьевъ день
Намъ отдалъ-бы!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Романовымъ не нужно-бъ
Заискивать у меньшихъ у дворянъ;
Народъ боярство любитъ родовое
За то, что выгоды у нихъ однѣ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мелкихъ онъ не терпитъ. Нѣтъ, до насъ
Добраться трудно.

Входитъ Семенъ Годуновъ со стрѣльцами.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Бьемъ челомъ, бояре!
Вы, государи, Ѳедоръ съ Александромъ
Никитичи, по царскому указу
Подъ стражу взяты!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Мы? Подъ стражу взяты?
За что́?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За то, что извести хотѣли
Царя и государя колдовствомъ.
Довелъ на васъ вашъ казначей Бортеневъ.
Коренья тѣ, что̀ вы ужъ припасли,
Онъ предъявилъ. У патріарха вамъ
Допросъ, немедля, учинятъ. Вы также,
Князья Черкасскій, Сицкій и Репнинъ,
Обвинены.

СИЦКІЙ.

Мы въ чемъ-же?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За одно
Съ Рома́новыми были. Васъ подъ стражу
Беру я съ ними.

Къ Шуйскому.

Князь Василь Иванычъ!
Тебѣ велитъ великій государь
Вести допросъ надъ ними.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Видитъ Богъ,
Насиліе и клевета!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Возможно-ль?
По одному извѣту казначея,
Котораго за кражу я прогналъ
Тому три дня?

ЧЕРКАССКІЙ.

Вотъ онъ тебѣ и платитъ!

СИЦКІЙ.

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это вточь какъ при царѣ Иванѣ!

ШУЙСКІЙ.

Не гоже такъ, бояре, говорить!
Царь милостивъ. А мнѣ Господь свидѣтель,
Я вашего не вѣдалъ воровства!
Помыслить смѣть на батюшку царя!
Ахъ грѣхъ какой! Пойдемъ, Семенъ Никитичъ,
Пойдемъ къ владыкѣ, начинать допросъ.
Помилуй Богъ царя и государя!

Уводятъ бояръ, окруженныхъ стрѣльцами.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ — одинъ.

«Убитъ, но живъ»! Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможныя всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и моръ, и голодъ,
И мятежи—и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый—
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.

Вдругъ грянулъ громъ. Съ налету взрыла буря
Морскую гладь—крутитъ и ломитъ древо,
И парусъ рветъ.... Не время разбирать,
Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ —
Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабль!
Бѣда грозитъ—рубить я долженъ снасти!
Нѣтъ выбора—прошла пора медленій
И кротости! Кто врагъ царю Борису—
Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
Казнь кличетъ казнь—власть требовала жертвъ—
И первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
Топоръ все вновь подъемлется къ ударамъ!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

По твоему, великій государь,
Являюся указу.

БОРИСЪ.

Князь Василій!
Ты избранъ мной быть старшимъ у допроса
Романовыхъ. Мнѣ вѣрность показать
Даю тебѣ я случай.

ШУЙСКІЙ.

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Довѣріе!

БОРИСЪ.

Издавна злоба ихъ
Мнѣ вѣдома. Но за мое терпѣнье
Я ожидалъ раскаянья отъ нихъ;
Они-жъ бояръ съ собою на меня
Замыслили поднять, а мнѣ погибель
Готовили.

ШУЙСКІЙ.

Не даромъ отъ меня
Таилися они!

БОРИСЪ.

Твой розыскъ нынѣ
Явитъ: какъ мыслишь ты ко мнѣ.

ШУЙСКІЙ.

Помилуй,

Царь-государь! Ужъ на мое радѣнье,
Кажись, ты можешь положиться....

БОРИСЪ.

Прежде-жъ,
Чѣмъ Дмитріева мать, царица Мареа,
Свидѣтельствовать будетъ на Москвѣ,
Что сынъ ея до смерти закололся
И погребенъ, ты выѣдешь на площадь
И съ лобнаго объявишь мѣста: самъ-де,
Своими-де очами видѣлъ ты
Трупъ Дмитрія — и крестнымъ цѣлованьемъ
То утвердишь. Межъ тѣмъ, я со владыкой
Велѣлъ вездѣ Отрепьеву гласить
Анаеему; въ церквахъ, въ монастыряхъ,
На перекресткахъ всѣхъ, его съ амвоновъ
Велѣлъ клясти! Быть можетъ, вразумится
Чрезъ то народъ.

ШУЙСКІЙ.

Наврядъ-ли, государь.
Не въ гнѣвъ тебѣ, а диву я даюся,
Какъ мало страху на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Доселъ?

ШУЙСКІЙ.

Ты кой-кого и пристрастилъ, пожалуй,
А все-же —

БОРИСЪ.

Ну?

ШУЙСКІЙ.

Да что̀, царь-государь!
Хоть-бы теперь: Романовыхъ подъ стражу
Ты взять велѣлъ. И по дѣломъ. Да развѣ
Они одни?

БОРИСЪ.

Другіе также взяты.

ШУЙСКІЙ.

Кто, государь? Черкасскій съ Репнинымъ?

Да Сицкій князь? Всего три человѣка!
А мало-ль ихъ? И думаютъ они:
Всѣхъ не забрать!

БОРИСЪ.

Такъ думаютъ у васъ?
Такъ вѣдайте-жъ: что̀ сдѣлано досель —
Одно лишь вамъ остереженье было,
Острастка то лишь малая была —
Гнѣвъ впереди! *Уходитъ.*

ШУЙСКІЙ — *одинъ.*

Святая простота!
Даетъ понять: «тебя насквозь я вижу,
Ты за одно съ другими!» А, межъ тѣмъ,
Что̀ ни скажу, за правду все примаетъ.
Боится насъ, а намъ грозитъ. Борисъ
Θеодорычъ, ты-ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда дѣвалась ловкость
Твоя, отецъ? И нравомъ сталъ не тотъ,
Ей Богу! То ужъ черезъ чуръ опасливъ,
То вдругъ вспылишь и ломишь напрямикъ,
Ни дать, ни взять, какъ мой покойный дядя,
Котораго въ тюрьмѣ ты удавилъ.
Когда кто такъ становится неровенъ,
То знакъ плохой!

Уходитъ. Входитъ ХРИСТІАНЪ; *за нимъ* ГОЛЬКЪ *и* БРАГЕ.

ГОЛЬКЪ.

Высочество! Подумай:
Сомнѣній нѣтъ, исходъ въ семъ дѣлѣ ясенъ:
Царемъ Димитрій будетъ, а Борису
Погибели не миновать. Что̀ нужды,
Что ложный то Димитрій? Онъ побѣдно
Идетъ къ Москвѣ — и Русь его встрѣчаетъ!

БРАГЕ.

А въ преступленіи Бориса, принцъ,
Достаточно теперь ты убѣжденъ:
Намъ присланныя тайно показанья
Тѣхъ въ Данію бѣжавшихъ угличанъ,
Все, что̀ мы здѣсь узнали стороною,
Чего не могъ ты не замѣтить самъ —

А сверхъ всего, народный громкій голосъ
И казни тѣ жестокія — все, все,
Его винитъ, ему уликой служитъ!

ГОЛЬКЪ.

До короля-жъ дошла молва, что царь
Эстонію, короны датской лену,
Не Даніи намѣренъ возвратить,
Но дать тебѣ. Король за это гнѣвенъ.
Спѣши его умилостивить, принцъ!
Ждать отъ Бориса нечего намъ болѣ—
Его звѣзда зашла!

ВРАГЕ.

Земли русійской
Царевну ты, высочество, посваталъ,
Не дочь слуги, злодѣйствомъ на престолъ
Взошедшаго. Когда законный царь,
Иль тотъ, кого земля такимъ признала,
Съ него вѣнецъ срываетъ — обѣщаньемъ
Не связанъ ты. Отъ брака отказаться
Ты долженъ, принцъ!

ХРИСТІАНЪ.

Довольно! Все, что̀ вы
О немъ сказали, самъ себѣ сказалъ я —
Но я не въ силахъ слушать васъ.... моя
Кружится голова....

ГОЛЬКЪ.

Ты блѣденъ, принцъ —
Ты нездоровъ —

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, я нездоровъ....
Вы совершенно правы — точно такъ —
Убійца онъ.... мнѣ холодно сегодня....
Она не знаетъ ни о чемъ.

ВРАГЕ.

Дозволь,
Позвать врача, высочество!

ХРИСТІАНЪ.

Не надо.
Оно пройдетъ. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

ГОЛЬКЪ.

Принцъ,
Ты вправду боленъ....

ХРИСТІАНЪ.

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нѣтъ, я здоровъ. Оставьте
Меня теперь — я дамъ отвѣтъ вамъ скоро.

Голькъ и Браге уходятъ.

ХРИСТІАНЪ — одинъ.

Подъ этимъ кровомъ долѣ оставаться
Не долженъ я. Мнѣ дѣтскій крикъ предсмертный
Здѣсь слышится — я вижу пятна крови
На этихъ тканяхъ.... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь межъ нами
Все кончено.

Входитъ КСЕНІЯ и останавливается въ дверяхъ.

КСЕНІЯ.

Одинъ ты, Христіанъ?
Съ кѣмъ говорилъ ты?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенія, постой —
Не уходи — тебѣ сказать мнѣ надо —
Вѣдь ты еще не знаешь? Мы должны
Разстаться, Ксенья!

КСЕНІЯ.

Чтó съ тобой? Зачѣмъ
Разстаться намъ?

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, зачѣмъ разстаться?
Кто хочетъ насъ съ тобою разлучить?
Ты не моя-ль? Кто говоритъ, чтобъ душу
Я разорвалъ? Нѣтъ, требовать того
Не можетъ честь!

КСЕНІЯ.

Опомнись, Христіанъ;
Твои слова безъ смысла. Чтó случилось?

ХРИСТІАНЪ.

Бѣги со мной!

КСЕНІЯ.

Святая Матерь Божія!
Ужель я отгадала? Христіанъ —
Кто видѣлся съ тобой? Чьей клеветѣ
Ты на отца повѣрилъ?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенья, Ксенья!
И жизнь, и душу я-бъ хотѣлъ отдать,
Чтобъ эту скорбь, чтобъ эту злую боль
Взять отъ тебя!

КСЕНІЯ.

И ты повѣрилъ? Ты?
Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

Нельзя остаться мнѣ —
Нельзя — ты видишь!

КСЕНІЯ.

Выброси скорѣй
Изъ сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернитъ, а не отца! Какъ могъ ты
Повѣрить ей!

ХРИСТІАНЪ.

Не правда-ль? Ей повѣрить
Я самъ не могъ? Она вошла насильно!
Отъ лобныхъ мѣстъ кровавыми ручьями
Въ меня влилась!

КСЕНІЯ.

Да, онъ жестокъ во гнѣвѣ!
Я не хочу — я не могу его
Оправдывать! Но развѣ ты не видишь?
Негодованьемъ гнѣвъ его рожденъ
На клевету! Такимъ онъ нé былъ прежде!

Ты зналъ его! Ужели ты забылъ
Какъ былъ высокъ, какъ милостивъ душою
Онъ былъ всегда! Какъ могъ — какъ могъ — какъ могъ
Повѣрить ты! О Христіанъ, какую
Ты пропасть вырылъ между нами!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ!
Разъединить чужое преступленье
Насъ не должно! Душа моя съ твоею
Въ одно слилась! Когда-бъ земля подъ нами
Разсѣлася — когда-бы это небо
Обрушилось на насъ — не врозь, а вмѣстѣ
Погибли-бъ мы!

КСЕНІЯ.

Ужъ мы разлучены!
Да, Христіанъ! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь изъ сердца вырвать вонъ?
Когда отца кругомъ тѣснятъ враги,
Друзья-жъ бѣгутъ — ты также переходишь
Къ его врагамъ!

Входитъ царевичъ ѲЕДОРЪ, ими не замѣчаемый.

Но еслибъ отъ него
И всѣ ушли—и еслибъ цѣлый міръ
Его винилъ—одна-бы я сказала:
Неправда то! Одна-бы я осталась
Съ моимъ отцомъ!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ у тебя отца!
Твоимъ отцомъ убійца быть не можетъ!
Ты сирота! Какъ я, ты сирота!
Бѣги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престолъ! Быть можетъ,
Я осужденъ къ лишеньямъ и къ нуждѣ —
Быть можетъ, я скитаться буду — но
Гдѣ-бъ я ни сталъ, то мѣсто, гдѣ я стану,
Оно всегда достойно будетъ насъ!
А этотъ теремъ, Ксенья....

ѲЕДОРЪ — выступаетъ впередъ.

Королевичъ!

ХРИСТІАНЪ.

А, ты былъ здѣсь? Ты слышалъ все? Тѣмъ лучше!
Я не скрываюсь отъ тебя — ты долженъ
Меня понять!

ѲЕДОРЪ.

Тебя я понялъ. Ты
Царя Бориса оскорбилъ смертельно —
Ты наглый лжецъ!

ХРИСТІАНЪ.

Братъ Ѳедоръ —

ѲЕДОРЪ.

Гнусный ты
Безстыдный лжецъ и клеветникъ!

ХРИСТІАНЪ.

Царевичъ!
Войди въ себя!

ѲЕДОРЪ.

Предатель! Переметчикъ!
Іуда ты!

ХРИСТІАНЪ.

Войди въ себя, царевичъ!
Опомнися! Когда ты оскорбленъ —
Не бранью мстить ты долженъ! На Руси
Такъ встарину не дѣлали!

ѲЕДОРЪ.

Ты правъ —
Спасибо, что напомнилъ —

Срываетъ со стѣны двѣ сабли и подаетъ одну Христіану.

Бейся нà-смерть!

КСЕНІЯ.

Побойтесь Бога! Чтò вы, чтò вы? Стойте!
Какъ? Братъ на брата!

ХРИСТІАНЪ — бросая саблю.

Нѣтъ, не стану биться!
Ты братъ ея!

КСЕНІЯ.

О, до чего дошли мы!
Давно-ли мы втроемъ, въ покоѣ этомъ,
Такъ мирно говорили, такъ хотѣли
Служить Руси — а нынѣ!

ХРИСТІАНЪ.

Чтò со мной?
Кругомъ меня все потемнѣло вдругъ —
Меня не держатъ ноги —

Садится.

ѲЕДОРЪ — бросая саблю.

Христіанъ,
Ты нездоровъ?

ХРИСТІАНЪ — озираясь.

Вы оба здѣсь? Со мною?
Какъ счастливъ я! Друзья, скажите, чтò
Случилося?

КСЕНІЯ.

Онъ боленъ!

ѲЕДОРЪ.

Слава Богу,
То былъ лишь бредъ? Сестра, останься съ нимъ,
Я за врачомъ пойду!

ХРИСТІАНЪ.

Не уходи —
Мнѣ хорошо. Но чтó-то надо мною
Какъ облако внезапно пронеслось —
Былъ шумъ въ ушахъ — такъ, говорятъ, бываетъ
Когда дурману выпьешь... я припомнить
Стараюсь что-то... самъ не знаю чтó...
Ловлю, ловлю... и все теряю...

Вскакивая.

Вспомнилъ!
Бѣжимъ отсель!

Падаетъ въ кресла.

У пристани корабль
Норвежскій ждетъ — ужъ якорь подымаютъ —
Скорѣй на палубу, скорѣй!

КСЕНІЯ.

Онъ бредитъ!

ХРИСТІАНЪ.

Я говорю вамъ всѣмъ: неправда то!
Всѣхъ, кто дерзнетъ подумать, что царевна
Убійцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мнѣ — не бойся, Ксенья, этихъ
Зеленыхъ волнъ! — Я слушать васъ усталъ —
Я знаю самъ — прибавьте парусовъ!
Какое дѣло намъ, что на Руси
Убійца царь! Вотъ берегъ, берегъ! Ксенья —
Мы спасены!

КСЕНІЯ.

Братъ, братъ, чтò сталось съ нимъ?

ХРИСТІАНЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, я бредилъ?
Мнѣ очень дурно. Голова моя
Такъ кружится, а сердце то забьется,
То вдругъ замретъ...

КСЕНІЯ.

Ты боленъ, Христіанъ!
Встань, обоприся нà-руку мою —

ѲЕДОРЪ.

Я поведу его!

ХРИСТІАНЪ.

Спасибо, братъ —
Спасибо, Ксенья—это все пройдетъ —
Какъ хорошо мнѣ между васъ обоихъ!

Уходитъ поддерживаемый Ѳедоромъ и Ксеніей.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ.

Нѣсколько переодѣтыхъ сыщиковъ.

ГЛАВНЫЙ СЫЩИКЪ, — наряженный дьячкомъ.

Сейчасъ народъ повалитъ изъ церквей!
Вмѣшайтеся въ толпу; глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Димитрію идетъ,
Отрепьева-жъ клянутъ; такъ будутъ толки!

ВТОРОЙ СЫЩИКЪ — въ одеждѣ купца.

Какіе толки! Всякъ теперь боится
Промолвиться.

ПЕРВЫЙ.

А мы на что́? Зачѣмъ
Двойную намъ награду обѣщалъ
Семенъ Никитичъ? Зачинайте смѣло,
Тотъ съ тѣмъ, тотъ съ этимъ разговоръ, прикиньтесь,
Что вы къ Москвѣ Отрепьевымъ тѣмъ тайно
Подосланы; когда-жъ кто проболтается —
Хвать за̀-воротъ его! А если будетъ
Кому изъ васъ нужна подмога — свистомъ
Подать маякъ! Ну, живо, разсыпайтесь!
Идетъ народъ!

Толпа выходитъ изъ церкви.

ОДИНЪ ПОСАДСКІЙ.

Великій грѣхъ служить
Живому человѣку панихиду!

ДРУГОЙ.

Тяжелый грѣхъ!

ТРЕТІЙ.

А кто же тотъ Отрепьевъ,
Кому они анаѳему гласили?

ПЕРВЫЙ.

Монахъ какой-то подвернулся.

ВТОРОЙ.

Чтó-жъ,
Какое дѣло до того монаха
Царевичу Димитрію?

ПЕРВЫЙ.

Молчи!
Насъ слушаютъ.

СЫЩИКЪ.

О чемъ вы, государи,
Ведете рѣчь?

ПЕРВЫЙ.

Да говоримъ: дай Богъ
Измѣнщика, Отрепьева того,
Что Дмитріемъ осмѣлился назваться,
Поймать скорѣй!

СЫЩИКЪ — про себя.

Гмъ! Эти-то съ чутьемъ!

Подходятъ нѣсколько другихъ.

ОДИНЪ.

Вишь, изворотъ затѣяли какой!
Безбожники!

ДРУГОЙ.

Знать, плохо имъ пришлось,
Губителямъ!

ТРЕТІЙ.

Романовы въ тюрьму
Посажены.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Помилуй Богъ, за чтó?

ПЯТЫЙ.

Боятся ихъ за то, что много знаютъ!

Проходятъ.

ОДНА БАБА — догоняетъ другую.

Да постой, голубушка, куда-жъ ты спѣшишь?

ВТОРАЯ.

Въ соборъ, въ соборъ, матушка! Панафиду, вишь, служатъ и большую анаѳему поютъ!

ПЕРВАЯ.

Да кто-жъ это скончался?

ВТОРАЯ.

Никакъ Гришка Отрепьевъ какой-то! Охъ, боюсь опоздать

ТРЕТЬЯ БАБА — пристаетъ къ нимъ.

Не Гришка, не Гришка, матушка! царевича Дмитріемъ зовутъ!

ПЕРВАЯ.

Такъ ему, стало, анаѳему служатъ? А панафида по комъ-же?

ВТОРАЯ.

По Гришкѣ, должно быть!

ЧЕТВЕРТАЯ БАБА — догоняетъ ихъ.

Постойте, кормилицы, и я съ вами! По какому Гришкѣ царевичъ панафиду служитъ?

ВСѢ ЧЕТВЕРО ВМѢСТѢ.

Да пойми ты, мать — я въ толкъ не возьму. — Ахти, опоздаемъ! — Да побойтесь Бога — кто-же скончался-то? — Пойдемъ, пойдемъ! Анаѳема скончался, Гришка — царевичъ служитъ панафиду!

Уходятъ.

СЫЩИКЪ — глядя имъ вслѣдъ.

Проваливай, бабье! отъ васъ ни шерсти,
Ни молока!

Подходятъ два мужика.

ПЕРВЫЙ — указывая на сыщика.

Ѳедюха! А Ѳедюха!
Смотри, у энтого какая сзади
Коса болтается! Чай изъ духовныхъ?

ВТОРОЙ.

Божественный, должно быть, человѣкъ.
Покажемъ листъ ему!

ПЕРВЫЙ.

Нешто, покажемъ!

Къ сыщику.

Отецъ родной, поволь тебя спросить:
Ты грамотный никакъ?

СЫЩИКЪ.

Господь сподобилъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ сдѣлай божескую милость: вотъ
Какой-то листъ нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

СЫЩИКЪ.

Предъяви!

Читаетъ.

«Мы Божіею милостію, Димитрій Ивановичъ,
«Царь и великій князь
«Всея Руси, ко всѣмъ русійскимъ людямъ:
«Господнимъ нѣкимъ превеликимъ чудомъ
«Сохранены и спасены....» Гмъ, гмъ!

Читаетъ про себя, потомъ громко.

«И первыхъ тѣхъ, которые на встрѣчу
«Со хлѣбомъ-солью къ намъ придутъ, тѣхъ первыхъ
«Пожалуемъ». Эй, люди, говорите:
Кто далъ вамъ листъ!

ПЕРВЫЙ.

Нашли подъ воротами,
Ей-богу-ну!

ВТОРОЙ.

Подъ самой подворотней!

СЫЩИКЪ.

А кто подкинулъ?

ПЕРВЫЙ.

Видитъ Богъ, не знаемъ!

СЫЩИКЪ.

Не знаете?

Свиститъ. Нѣсколько сыщиковъ подбѣгаютъ.

Хватайте этихъ двухъ!
Въ застѣнокъ ихъ!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ родной, за что̀?

ВТОРОЙ.

За что̀, помилуй?

СЫЩИКЪ.

Вамъ въ застѣнкѣ скажутъ!

Мужиковъ уводятъ среди общаго ропота. Подходитъ купецъ въ разговорѣ со вторымъ сыщикомъ.

СЫЩИКЪ.

Да что̀, почтенный, что̀ за торгъ у насъ?
Себѣ въ накладъ вѣдь продаемъ сегодня.
А съ нѣмцовъ пошлинъ половину снялъ!
Какой тутъ торгъ!

КУПЕЦЪ.

Такъ, такъ, родимый; сами
Концовъ свести не можемъ. Разоренье
Пришло на насъ!

СЫЩИКЪ — таинственно.

Одна надежда нонѣ —
Царь Дмитрій Іоанновичъ. Не терпитъ
Ни нѣмцовъ онъ, ни англичанъ. Пусть только
Пожалуетъ!

КУПЕЦЪ.

А что̀?

СЫЩИКЪ.

Подметный листъ
Попался мнѣ: всѣхъ, говоритъ, купцовъ
Отъ пошлинъ свобожу!

КУПЕЦЪ.

Подай-то Богъ!

СЫЩИКЪ — хватаетъ его за̀-воротъ.

Такъ вотъ ты какъ! Такъ ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй! Сыщики бросаются на купца.

ПОСАДСКІЕ И НАРОДЪ.

Да что̀ вы! Бойтесь Бога!
За что̀ его?

1-й СЫЩИКЪ.

А вы чего вступились?
Хватай ихъ всѣхъ!

НАРОДЪ.

Нѣтъ, всѣхъ-то не перехватаешь! Бей ихъ, ребята! Довольно намъ терпѣть отъ сыщиковъ!

Звонъ бубенъ. Пѣшіе бубенщики. Передъ ними приставъ.

ПРИСТАВЪ.

Раздайтесь! Мѣсто! Мѣсто!
Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

ШУЙСКІЙ — въ сопровожденіи двухъ дьяковъ.

Съ чего, міряне, подняли вы шумъ!
Грѣхъ вамъ мутиться!

НАРОДЪ.

Батюшка, Василій Ивановичъ! Вступись, отецъ родной! Твой родъ вѣдь всегда за насъ стоялъ, а нонѣ намъ отъ сыщиковъ житья нѣтъ! Вступись, батюшка!

ШУЙСКІЙ.

Опомнитесь, міряне. Царь Борисъ
Θеодорычъ такъ приказалъ. Онъ знаетъ
Кого хватать. А вы пройти мнѣ дайте
До Лобнаго до мѣста; по указу,
По царскому, я рѣчь скажу.

Идетъ къ Лобному мѣсту.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, этотъ
Не вступится!

ДРУГОЙ.

Да, не чета Иванъ
Петровичу!

ТРЕТІЙ.

Какую-жъ рѣчь онъ скажетъ?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ послушаемъ.

ШУЙСКІЙ—съ Лобнаго мѣста.

Народъ московскій!
Вамъ всѣмъ: гостямъ, и всѣмъ торговымъ людямъ,
Всѣмъ воинскимъ, посадскимъ, и слободскимъ,
Митрополичьимъ всѣмъ, и монастырскимъ,
И вольнымъ, и кабальнымъ всякимъ людямъ,
Я, князь Василь Иванычъ Шуйскій, бью
Напредъ челомъ!

Кланяется на всѣ стороны.

Вамъ вѣдомо, что нѣкій
Еретикъ злой, разстрига, чернокнижникъ
И явный воръ, Отрепьевъ Гришка, Бога
Не убоясь, діаволу въ угоду,
Дерзнулъ себя царевичемъ покойнымъ,
Дмитріемъ Иванычемъ назвать...

Ропотъ.

И, съ помощью литовской рати, нынѣ
Идетъ къ Москвѣ, а съ нимъ не мало нашихъ...
Изъ Сѣверской земли...

ОДИНЪ.

Слышь, съ нимъ и наши!

ШУЙСКІЙ.

Измѣнниковъ. И хочетъ онъ, разстрига,
Великаго, почтеннаго отъ Бога
Царя Бориса Өедорыча свергнуть,
И церковь православную попрать,
И вовлекти въ латинскую насъ ересь.
Что̀ вѣдая, великій государь
Мнѣ повелѣлъ вамъ повѣстить сегодня
Все, что̀ своими видѣлъ я очами,
Когда, при Өедорѣ царѣ, посыланъ
Я въ Угличъ былъ, чтобъ розыскъ учинить:
Какъ тамъ царевичъ Дмитрій Іоанычъ
Упалъ на ножъ и закололся.

ДРУГОЙ.

Знаемъ!

ТРЕТІЙ.

Слыхали то!

ШУЙСКІЙ.

И по пріѣздѣ, мы,
Съ Андреемъ со Петровичемъ, въ соборъ
Отправились, съ Лупъ-Клешнинымъ, и тамъ
Увидѣли младенца бездыханна,
Предъ алтаремъ лежаща, и его
Пресѣчена была гортань.

ТРЕТІЙ—вполголоса.

Да кто-же
Младенецъ былъ?

ШУЙСКІЙ.

Что Гришка-же Отрепьевъ
Не Дмитрій есть, а нѣкій бѣглый воръ,
Отъ церкви отлученный и проклятый —
Въ томъ я клянусь, и крестъ на томъ цѣлую,
И не видать мнѣ царствія небесна,
И быть на страшномъ Божіемъ судѣ
Мнѣ прокляту, и въ огнь идти мнѣ вѣчный,
Когда солгалъ!

Цѣлуетъ свой тѣльный крестъ.

ПЕРВЫЙ.

Да въ чемъ-же онъ клянется?

ВТОРОЙ.

Чтó Дмитрій не Отрепьевъ.

ТРЕТІЙ.

Безъ него
Мы знаемъ то!

ПЕРВЫЙ.

Постой, онъ говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И вѣдомый ерéтикъ тотъ и воръ
Великаго, почтеннаго отъ Бога,
И милосерднаго царя Бориса
Кусательно язвитъ, а отъ себя

Вамъ милостей не мало обѣщаетъ,
И Юрьевъ день обратно вамъ сулитъ.
И вамъ велитъ великій государь
Тому разстригѣ вѣры не давать;
А кто повѣритъ, или кто посмѣетъ
Сказать, что онъ есть истинный Димитрій —
Великій царь тому, немедля, вырвать
Велитъ языкъ. Я все сказалъ—простите!

Кланяется и сходитъ съ Лобнаго мѣста. Молчаніе въ народѣ.

ОДИНЪ.

Вотъ-те и рѣчь!

ДРУГОЙ.

Къ чему онъ велъ ее?

ТРЕТІЙ.

Знать, близко тотъ.

ПЕРВЫЙ.

И нашихъ съ нимъ довольно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И милости, слышь, обѣщаетъ намъ.

ВТОРОЙ.

Да, Юрьевъ день, слышь, отдаетъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ чтó-же?

ПЕРВЫЙ.

А то, что, слышь, языкъ свой береги.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Побережемъ.

ПЯТЫЙ.

А не идти-ль туда?

ВТОРОЙ.

Куда туда?

ПЯТЫЙ.

На встрѣчу-то?

ТРЕТІЙ.

Ну, ну,
Чай, подождемъ.

ПЯТЫЙ.

Да долго-ль ждать?

ВТОРОЙ.

А здѣсь-то
Спужались, чай!

ТРЕТІЙ.

Да, есть съ чего спужаться;
Вѣдь тотъ-то прирожоный!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Подождемъ!

ВТОРОЙ.

Ну, подождемъ.

ПЕРВЫЙ.

И вправду подождемъ.

Народъ расходится, разговаривая вполголоса.

Покой во дворцѣ съ низкимъ сводомъ и рѣшетчатымъ окномъ.

Вдовая царица МАРІЯ НАГАЯ, во иночествѣ МАРѲА, одна.

МАРѲА.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепеща!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою

Я предъ народомъ русскимъ утвердила —
Но кто-бъ ни-былъ невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса—да хранитъ
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бъ ни былъ онъ — онъ врагъ тебѣ, убійца —
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
Небесныя ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь во прахѣ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги —
Идутъ! Меня забила дрожь — и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей — то онъ!
Убійца тутъ — онъ близко — Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердца
Исполни мнѣ — изгладь печаль съ лица —
Переродн меня — содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить съумѣла-бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

Входитъ Борисъ со свѣчей, которую ставитъ на столъ.

БОРИСЪ — съ поклономъ.

Царица Марья Өедоровна, бью
Тебѣ челомъ!

МАРӨА.

Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня Марөа.

БОРИСЪ.

Твой обѣтъ
Не умаляетъ званья твоего.
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

МАРѲА.

Благодарю.

БОРИСЪ.

Царица, до тебя
Ужъ вѣсть дошла —

МАРѲА.

Что сынъ мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословенъ Господь!
Когда его увижу я?

БОРИСЪ.

Царица,
Въ умѣ-ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь,
Четырнадцать ужъ лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножъ —

МАРѲА.

Зарѣзанъ былъ. — Ты то-ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ
Когда та вѣсть достигла до меня —
Его я мертвымъ не видала!

БОРИСЪ.

Но
Онъ мертвъ, царица — онъ убился — въ томъ
Сомнѣній нѣтъ —

МАРѲА.

Такъ мнила я сама...

БОРИСЪ.

Его весь Угличъ мертвымъ видѣлъ —

МАРѲА.

Я
Не видѣла его!

БОРИСЪ.

На панихидѣ
Ты у его молилась трупа —

МАРѲА.

Слезы

Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны — онъ живъ, онъ живъ мой Дмитрій!
Онъ живъ, мой сынъ!

БОРИСЪ.

Возможно-ль? Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клешнинымъ и Шуйскимъ
Обмануть я?

Входитъ царица МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА.

ЦАРИЦА.

Не прогнѣвись Борисъ
Θеодорычъ. Твой разговоръ съ царицей
Я слышала за дверью. Не втерпёжъ,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Марѳѣ захотѣлось.

Кланяется.

Земно
Тебѣ я, матушка царица Марѳа
Θеодоровна, кланяюся. Слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало, тотъ, кто въ Угличѣ убился,
Тебѣ не сынъ?

МАРѲА.

Не знаю, кто убился —
Димитрій живъ? Отъ вашихъ рукъ онъ Божьимъ
Невѣдомо былъ промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и Матери пречистой,
Мой сынъ спасенъ!

БОРИСЪ.

Царица — если вѣришь
Ты истинно тому, что́ говоришь —
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я далъ, я долженъ вѣдать все!

МАРѲА.

Какое дѣло мнѣ, ты вѣришь, нѣтъ-ли?

Вѣрь, или нѣтъ — довольно: живъ мой сынъ —
Не удалось твое злодѣйство!

БОРИСЪ.

Нѣтъ!
Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ!
Какъ спасся онъ?

МАРѲА.

Дрожишь ты наконецъ!

БОРИСЪ.

Какъ спасся онъ? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

ЦАРИЦА.

Свѣтъ-государь Борисъ
Ѳеодорычъ, быть можетъ, обойдемся
Безъ пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

МАРѲА.

Нѣтъ!

ЦАРИЦА.

А полно такъ-ли, матушка? Подумай.

МАРѲА.

Могла-ль его убитымъ видѣть я,
Когда убитъ онъ нé-былъ?

ЦАРИЦА.

А посмотримъ.
Отворяя дверь.
Войди, голубка!
Входитъ ВОЛОХОВА.

ЦАРИЦА — къ Марѳѣ.

Знаешь ты ее?

МАРѲА.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

ЦАРИЦА.

Чтó, матушка, съ тобой?
Чтó взволновалася ты такъ? Зачѣмъ
Тебя приводитъ въ ужасъ Василиса?

МАРѲА.

Прочь! Прочь ее! Кровь на ея рукахъ!
Кровь Дмитрія! Будь проклята во-вѣки!
Будь проклята!

ЦАРИЦА — къ Волоховой.

Довольно, Василиса,
Ступай себѣ.

Волохова уходитъ.

Ну, батюшка Борисъ
Ѳеодорычъ? Увѣрился теперь,
Что нѣтъ въ живыхъ ея царёнка? То-то!
Ужъ ты за пытку-было! Ты уменъ,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть иныя
Чувствительнѣй и дыба и когтей.
Чего-жъ ты, свѣтъ, задумался? Забылъ-ли
Зачѣмъ пришелъ?

Дергаетъ Марѳу зà-руки.

Опомнися, царица!
Оправься, мать. Ну, государь?

БОРИСЪ.

Царица,
Ты выдала себя. Теперь мы знаемъ,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшаго назваться
Димитріемъ. Какъ ни погибъ царевичъ —
Хотя-бъ о томъ мнѣ ложно донесли —
Но онъ погибъ. Твоя печаль, повѣрь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мнѣ нà-душу твое ложится горе.
Я-бъ много далъ, чтобъ прошлое вернуть —
Но прошлое не въ нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящемъ думать.
Великую, царица, можешь ты
Бѣду отъ царства отвратить: лишь стóитъ
Передъ народомъ клятву дать тебѣ,
Что Дмитрій мертвъ и погребенъ. Согласна-ль
На это ты?

МАРѲА.

Я выдала себя —
Мой сынъ убитъ. Но какъ о томъ народу
Я повѣщу? Ты въ томъ-ли мнѣ велишь
Крестъ цѣловать, что на моихъ глазахъ
Тобою купленная мамка сына
Убійцамъ въ руки предала?

БОРИСЪ.

Клянусь,
Я не приказывалъ того!

МАРѲА.

Мой сынъ
Тобой убитъ. Судьба другого сына
Послала мнѣ — его я принимаю!
Димитріемъ его зову! Приди,
Приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій!
Приди убійцу свергнуть твоего!
Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко—вижу
Побѣдные его ужъ блещутъ стяги—
Онъ подъ Москвой—предъ именемъ его
Отверзлися кремлевскія ворота —
Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой —
Народный плескъ я слышу—льются слезы —
Димитрій царь! И къ конскому хвосту
Примкнутаго тебя, его убійцу,
Влекутъ на казнь!

ЦАРИЦА.

Пророчитъ гибель намъ
Твоя гортань?

Схватываетъ зажженную свѣчу и бросается съ нею на Марѳу.

Такъ подавись-же, сука!

БОРИСЪ—удерживая ее, къ Марѳѣ.

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ
Царевича вернуть, но что въ твоей,
Царица, власти помѣшать потокамъ
Кровавымъ течь, и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ

Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
Но менѣе-ль тебѣ, царица, дорогъ
Покой земли? Молчаніемъ своимъ
Усобицѣ откроешь ты затворы,
Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
Падетъ на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
Ты отвѣчать. О томъ раздумать время
Даю тебѣ—прости! Свѣти мнѣ, Марья!

Уходитъ съ царицей.

МАРѲА — одна.

Ушли—и жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ! Я ранила ихъ нà-смерть,
Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни
Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ—
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падетъ на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу!
Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
На твой престолъ онъ доженъ сѣсть; вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и въ жемчугъ —
А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ,
Въ сырой землѣ ждать будешь воскресенья,
Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ нищаго на божьемъ солнцѣ
Волёнъ играть—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тьмѣ и въ холодѣ! Не время
Твои пресѣкло дни! Ты могъ-бы жить!
Ты выросъ-бы! На славу всей землѣ
Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убитъ!
Убитъ мой сынъ! Убитъ, убитъ, мой Дмитрій!

Падаетъ нà-земь и рыдаетъ.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ врачъ.

БОРИСЪ.

Не легче королевичу?

ВРАЧЪ.

Увы,
Великій царь, припадки стали чаще!

БОРИСЪ.

Надежда есть?

ВРАЧЪ.

Не много, государь.

БОРИСЪ.

Но чѣмъ онъ такъ внезапно заболѣлъ?

ВРАЧЪ.

Невѣдомые признаки сбиваютъ
Насъ съ толку, царь.

БОРИСЪ.

Послушай! Жизнь его
Мнѣ собственной моей дороже жизни!
Сокровища не знаю я такого,
Котораго-бъ не отдалъ за него!
Скажи своимъ товарищамъ, скажи имъ—
И помни самъ—нѣтъ почестей такихъ,
Какими-бы я щедро не осыпалъ
Спасителя его!

ВРАЧЪ.

Великій царь,
Не почести намъ знанья придадутъ.
По долгу мы служить тебѣ готовы;
Награда намъ не деньги, а успѣхъ.
Но случая подобнаго ни разу
Никто изъ насъ не встрѣтилъ.

БОРИСЪ.

Воротись

Къ нему скорѣй. Блюди его; науку
Всю истощи свою! Во что-бъ ни стало,
Спаси его! Скажи другимъ: предѣловъ
Не будетъ благодарности моей!
Ступай, ступай!

Врачъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Ужели насъ Господь
Еще накажетъ этою потерей!
Онъ то звено, которымъ вновь связалъ-бы
Я древнюю, расторгнутую цѣпь
Межъ Западомъ и русскою державой!
Черезъ него ей возвратилъ-бы море
Варяжское! Что Ярославъ стяжалъ,
Что подъ чужимъ мы игомъ потеряли—
Безъ боя то, безъ спора возвратилъ-бы
Я вновь Руси! Со смертію его
Все рушится. А Ксенія моя!
Чѣмъ чистая душа ея виновна,
Что преступленье нѣкогда свершилъ
Ея отецъ? Ты, бѣдная! Легко
Жилось тебѣ, и по наслышкѣ только
Ты вѣдала о горестяхъ людскихъ.
Ужели ихъ на дѣлѣ испытать
Такъ рано ты осуждена? Ужели
Всѣ бѣды съединятся, чтобы разомъ
На насъ упасть? Здѣсь умираетъ зять,
А тамъ растетъ тотъ врагъ непостижимый;—
Моя вина, которой утвердить
На вѣки я хотѣлъ работу жизни,
Она-жъ тяжелой рушится скалой
На зданіе мое!

Входитъ Семенъ Годуновъ со сверткомъ въ рукахъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій царь —

БОРИСЪ.

Какую новую бѣду еще
Ты мнѣ принесъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То не бѣда, а дерзость,

Великій государь; къ тебѣ писать
Осмѣлился тотъ воръ.....

БОРИСЪ.

Подай сюда,
Видъ царской грамоты имѣетъ свертокъ,
И царская привѣшена печать....
Искусно все поддѣлано. Прочти!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — читаетъ.

«Великій князь и царь всея Русіи
«Димитрій Іоанновичъ, тебѣ,
«Борису Годунову! Отъ ножа
«Бывъ твоего избавлены чудесно,
«Идемъ возсѣсть на царскій нашъ престолъ
«И судъ держать великій надъ тобою.
«И казни злой тебѣ не миновать
«Когда пріимемъ наши государства.
«Но если ты, свою познавши мерзость,
«До нашего прихода съ головы,
«Со скверныя ео своея, самъ сложишь
«Нашъ воровски похищенный вѣнецъ,
«И въ схиму облечешься, и смиренно
«Въ монастырь оплакивать свой грѣхъ
«Затворишься—мы, въ жалости души,
«Тебя на казнь не обречемъ, но милость
«Тебѣ, Борису, царскую мы нашу
«Тогда явимъ. Путивль, осьмого марта».

Борисъ закрываетъ лицо руками.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тебя кручинитъ этотъ дерзкій листъ?

БОРИСЪ.

Не оттого, что послѣ всѣхъ трудовъ
И напряженья цѣлой жизни, тяжко
Лишиться было-бъ мнѣ вѣнца! Всегда
Я былъ готовъ судьбы удары встрѣтить.
Но если онъ мнѣ *милость* предлагаетъ,
Разсчитывать онъ долженъ, что вся Русь
Отпасть готова отъ меня! И онъ,
Быть можетъ, правъ. Тѣ самые, кто слезно

Меня взойти молили на престолъ,
Они-жъ теперь, безъ нуды и безъ боя,
Ему предать меня спѣшатъ! И здѣсь,
Здѣсь, на Москвѣ, покорные наружно,
Въ душѣ врагу усердствуютъ они!
А чтó я сдѣлалъ для земли, чтó я
Для государства сдѣлалъ—то забыто!
Мнѣ это горько.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь, чтó можетъ
Тотъ наглый воръ? —

БОРИСЪ.

Такимъ его считалъ я,
Такимъ считать велитъ его разсудокъ —
Но послѣ всѣхъ невзгодъ моихъ, невольно
Сомнѣнія рождаются во мнѣ.
Свидѣтеля мнѣ надо, кто бы видѣлъ
Димитрія умершимъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Но царица
Созналася....

БОРИСЪ.

Сознаніе ея
Могло испугомъ вынужденно быть.
Я вѣдаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Его
Василій Шуйскій мертвымъ видѣлъ....

БОРИСЪ.

Шуйскій!
Могу ли вѣрить я ему?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Онъ схиму принялъ, Богу отдался,
Онъ не солжетъ.

БОРИСЪ.

Послать за нимъ! Но тайно
Пусть онъ придетъ. И говорить ни съ кѣмъ
Чтобы не смѣлъ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Великій государь,
Врачи тебѣ прислали повѣстить:
Отходитъ королевичъ!

БОРИСЪ.

Боже правый!

Уходитъ съ Годуновымъ. Царевичъ Өедоръ отворяетъ дверь, осматривается и говоритъ за кулисы.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ никого — войди, сестра!

КСЕНІЯ — входя.

Какъ мнѣ
Наединѣ съ тобою быть хотѣлось!
Что́ ты узналъ о немъ?

ӨЕДОРЪ.

Не допустили
Меня къ нему; но я у двери слушалъ:
Тебя зоветъ съ собою громко онъ
Въ Норвегію, и то же обви́ненье
Твердитъ о нашемъ объ отцѣ....

КСЕНІЯ.

Ужасный,
Ужасный бредъ!

ӨЕДОРЪ.

Бредъ, говоришь ты?

КСЕНІЯ.

Какъ?
Ты думаешь онъ вправду вѣритъ?

ӨЕДОРЪ.

Ксенья —
Когда-бъ одно лишь это могъ я думать?

КСЕНІЯ.

Но чтó-жъ еще?

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

КСЕНІЯ — взявъ его за руку.

Братъ, слышишь?

ѲЕДОРЪ.

Чтó?

КСЕНІЯ.

На половинѣ той
Забѣгали!...

ѲЕДОРЪ.

Отецъ идетъ сюда —

КСЕНІЯ.

Мнѣ страшно, Ѳедоръ!

БОРИСЪ — входя.

Ксенія моя —

КСЕНІЯ.

Отецъ, чтó тамъ случилось?

БОРИСЪ.

Будь тверда —
Крѣпися, Ксенья!

ѲЕДОРЪ — къ Борису.

Пощади ее!

КСЕНІЯ.

Да, я тверда! Я все могу услышать —
Надежды нѣтъ? Нѣтъ никакой? Скажи!

БОРИСЪ.

Все кончено!

Ксенія шатается и падаетъ.

БОРИСЪ — поддерживая ее.

Господь съ тобою, Ксенья!

ДѢЙСТВІЕ V.

Престольная палата.

Ночь. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу.

ДВОЕ ЧАСОВЫХЪ.

ПЕРВЫЙ.

Чтó, долго ли до смѣны?

ВТОРОЙ.

Чай, усталъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, жутко какъ-то.

ВТОРОЙ.

Да и мнѣ, признаться,
Не пó-сердцу въ палатѣ этой. Все
Какъ будто ходитъ кто-то. Поглядишь —
Нѣтъ никого!

ПЕРВЫЙ.

Ну, Богъ съ тобой! Не къ ночи
Объ этомъ рѣчь.

ВТОРОЙ.

Часокъ еще, пожалуй,
Стоять придется.

ПЕРВЫЙ.

То-то. А, ей-богу,
Двойную смѣну на дворѣ бы лучше
Я простоялъ!

ВТОРОЙ.

Вишь, самъ заводишь рѣчь!

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, чуръ меня! О чемъ-нибудь другомъ
Заговоримъ. Замѣтилъ ты сегодня,
Какъ пасмуренъ былъ царь?

ВТОРОЙ.

И впрямъ, онъ былъ
Еще мрачнѣй, чѣмъ эти дни.

ПЕРВЫЙ.

Кручина....

ВТОРОЙ.

Да, есть о чемъ. А, говорятъ, Басмановъ
Того разбилъ недавно вора.

ПЕРВЫЙ.

Чтó же
Все мраченъ царь? Не вѣритъ, чтó-ли?

ВТОРОЙ.

Ликъ-то
Какъ страшенъ сталъ!

ПЕРВЫЙ.

Глядитъ и не глядитъ —

ВТОРОЙ.

Я-бъ не хотѣлъ теперь его увидѣть!

ПЕРВЫЙ.

Избави Богъ!

ВТОРОЙ.

Постой — ты слышалъ?

ПЕРВЫЙ.

Чтó?

ВТОРОЙ.

Дверь скрыпнула!...

ПЕРВЫЙ

Ну, ври себѣ!

ВТОРОЙ.

Шаги!...

ПЕРВЫЙ.

И впрямъ шаги....

ВТОРОЙ.

То изъ покоевъ царскихъ

Сюда идутъ.... все ближе....

ПЕРВЫЙ — съ испугомъ.

Кто идетъ!

ВТОРОЙ.

Молчи, молчи! Онъ самъ!

БОРИСЪ въ рубахѣ, поверхъ которой накинутъ опашень, входитъ, ихъ не замѣчая.

БОРИСЪ — про себя.

«Убитъ, но живъ!»
Меня съ одра все тотъ же призракъ гонитъ.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покой находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... «Убитъ, но живъ!»
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятья даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я —
Когда онъ живъ — зачѣмъ же я, какъ Каинъ,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатилъ за эту смерть — душою
Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату —
Такъ пусть же мой противникъ вправду згинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

Осматривается.

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ!
Онъ мой еще. Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

Подходитъ и отступаетъ въ ужасѣ.

Престолъ мой занятъ!

Приходитъ въ себя.

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ!....

Безумный бредъ! Все та-же мысль! Рожденье
Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу—
Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ—
Сгущается—и образомъ стать хочетъ!
Ты—ты! Я знаю чѣмъ ты хочешь стать—
Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами!

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говоритъ?

Увидѣвъ часовыхъ.

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
Подслушивать?

ВТОРОЙ.

Великій государь —
Наряжены мы теремъ караулить!..

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ-же ваши очи?
Смотри туда! Чтò на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь.... я ничего не вижу!...

БОРИСЪ.

Такъ подойди-жъ и бердышомъ своимъ
Ударь въ престолъ! Чего дрожишь? Иди—
Ударь въ престолъ!

Часовой подходитъ къ престолу.

Стой! Воротись—не надо!
Я надъ тобой смѣялся! Развѣ ты
Не видишь, трусъ, что это мѣсяцъ свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и нéвѣсть чтó
Почудилось?.... Смотрите-же, вы оба:
О томъ, чтó здѣсь вы слышали сейчасъ,
Иль видѣли—молчать подъ смертной казнью!
Вы знаете меня!

Вздрогнувъ.

Кто тамъ?

Входитъ Семенъ Годуновъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То я,
Великій государь! Тебя ищу я....

БОРИСЪ.

Кто право далъ тебѣ за мной слѣдить?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — тихо.

Андрей Клешнинъ, по твоему велѣнью,
Къ тебѣ пришелъ.

БОРИСЪ — къ часовымъ.

Ступайте оба прочь!

Часовые уходятъ.

БОРИСЪ.

Никто не видѣлъ Клешнина?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ

Никто.
По тайному крыльцу его я въ теремъ
Самъ проводилъ.

БОРИСЪ.

Впусти его!

Семенъ Годуновъ уходитъ.

Подъ схимой
Онъ отъ мірскихъ укрылся треволненій
А я, какъ грозный нѣкогда Иванъ,
Безъ отдыха метусь. Какъ онъ, средь ночи
Жду схимника, чтобы сомнѣнье мнѣ
Онъ разрѣшилъ. И какъ при немъ, такъ нынѣ
При мнѣ грозитъ Русіи распаденье!
Уже-ль судьба минувшіе тѣ дни
Надъ нею повторяетъ? Или въ двадцать
Протекшихъ лѣтъ не двинулся я съ мѣста?
И чтó я прожилъ, былъ пустой лишь сонъ?
Сдается мнѣ, я шелъ, все шелъ впередъ,
И мнилъ пройти великое пространство,
Но только кругъ огромный очертилъ,
И, утомлёнъ, на то-жъ вернулся мѣсто,

Откуда шелъ. Лишь имена смѣнились,
Преграда та-жъ осталась предо мной—
Противникъ живъ—вѣнецъ мой лишь насмѣшка,
А истина—злодѣйство есть мое—
И за него проклятья!

Входитъ КЛЕШНИНЪ въ схимѣ и въ веригахъ.

БОРИСЪ.

Это ты?

КЛЕШНИНЪ.

Я самъ. Зачѣмъ меня ты потревожилъ?
Спокойно нé-далъ умереть? Въ чемъ дѣло?

БОРИСЪ.

Давно съ тобою не видались мы.

КЛЕШНИНЪ.

И лучше-бы намъ вовсе не видаться.

БОРИСЪ.

Ты нуженъ мнѣ.

КЛЕШНИНЪ.

Еще? Кого зарѣзать
Задумалъ ты?

БОРИСЪ.

Твоя не впору дерзость,
Ее терпѣть я не хочу!

КЛЕШНИНЪ.

А я
Хочу быть дерзокъ. Или, мнишь ты, послѣ
Того, чтó я видаю по ночамъ,
Ты страшенъ мнѣ?

БОРИСЪ.

Оставь обычай свой.
Дай мнѣ отвѣтъ по правдѣ: въ Угличъ ты
На розыскъ тотъ посыланъ съ Шуйскимъ былъ,
Дай мнѣ отвѣтъ—и царствіемъ небеснымъ
Мнѣ поклянись: убитъ, иль нѣтъ Димитрій?

КЛЕШНИНЪ.

Убитъ-ли онъ? Дивлюся я тебѣ.
Или мою не разглядѣлъ ты схиму?
Такъ посмотри-же на мое лицо!
Зачѣмъ-бы я постился столько лѣтъ?
Зачѣмъ-бы я носилъ вериги эти?
Зачѣмъ живой зарылся-бъ въ землю я,
Когда-бъ убитъ онъ нѣ́-былъ?

БОРИСЪ.

Ты его
Самъ видѣлъ мертвымъ?

КЛЕШНИНЪ.

Будь спокоенъ. Мы
Его убійцъ названье не украли—
Оно, по праву, наше: на гортани
Зіяетъ рана въ цѣлую ладонь!

БОРИСЪ.

И нé было подмѣна?

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ. Когда-бы
Его черты забыть я могъ—мнѣ ихъ
Мои-бы сны напомнили....

БОРИСЪ.

Кто-жъ тотъ,
Кто называетъ Дмитріемъ себя?

КЛЕШНИНЪ.

По чемъ мнѣ знать! Духъ, можетъ быть, иль хуже,
Но говорить съ тобой объ этомъ ночью
Я не хочу. Объ эту пору чутокъ
Бываетъ тотъ!

БОРИСЪ.

Андрей —

КЛЕШНИНЪ.

Забудь Андрея!

Четырнадцать ужъ лѣтъ въ болотѣ черти
Играютъ имъ. Братъ Левкій предъ тобой.

БОРИСЪ.

Постригся ты, но схима не смирила
Твой злобный духъ. Не кротостію рѣчь
Твоя звучитъ.

КЛЕШНИНЪ.

Не въ кротости спасенье.
Ты мягко стлалъ, но не помогъ себѣ
Медовой рѣчью въ горькую годину.
Не помогли и казни. Надъ тобой
Проклятье Божье. Мерзость ты свою
Познай, какъ я; прими такую-жъ схиму;
Сложи вѣнецъ; молися и постись;
Заприся въ кельѣ —

БОРИСЪ.

Русскою землею
Блюсти ее, на царство я избранъ!
Въ невзгоды часъ съ престола моего
Я не сойду какъ скоморохъ съ подмостокъ!
Съ мечомъ въ рукахъ, не съ четками, я встрѣчу
Врага земли!

КЛЕШНИНЪ.

Земля тебя клянетъ!
А врагъ у насъ съ тобой одинъ: оружью
Онъ твоему смѣется! Съ нимъ сразиться
Ты можешь только, павши ницъ во прахъ
Передъ крестомъ!

БОРИСЪ.

Когда придетъ мой часъ,
Я принесу за грѣхъ мой покаянье.
Теперь грозу я долженъ встрѣтить. Если
Тебѣ еще что́ вѣдомо въ семъ дѣлѣ,
Скажи мнѣ все!

КЛЕШНИНЪ.

Я все тебѣ сказалъ.
Убійца ты. Волхвы тебѣ когда-то
Семь лѣтъ царенья предсказали. Близокъ
Твой смертный часъ. Прости — я ухожу.

Онъ инока, отъ Левкія прими
Благословенье днесь.

БОРИСЪ.

Передъ твоей
Священною склоняюся я схимой —
Не предъ тобой, монахъ!

КЛЕШНИНЪ.

Лобзай-же руку,
Благословляющую тя!

БОРИСЪ.

Твою?

КЛЕШНИНЪ.

Она въ крови? Такъ что́-жъ? Ты развѣ чище?
Сложи вѣнецъ!

БОРИСЪ.

Съ судьбой бороться буду
Я до конца!

КЛЕШНИНЪ.

Такъ умирай какъ песъ!
Уходитъ.

Утро. Покой передъ царской опочивальней.

Спальникъ слушаетъ у дверей. Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Что́ государь? Каковъ онъ?

СПАЛЬНИКЪ.

До разсвѣта
Въ постелю не ложился. Все ходилъ,
По прежнему, и самъ съ собою все
Какъ будто разговаривалъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Басмановъ

Сей ночью прибылъ; о своей побѣдѣ
Царю отчетъ привезъ онъ. Царь его
Не принималъ?

СПАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ. Грамату къ себѣ
Потребовалъ; прочтя, перекрестился,
Ему-жъ велѣлъ быть къ лобному столу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И легъ въ постель?

СПАЛЬНИКЪ.

Легъ, только не надолго;
Чрезъ краткій часъ всталъ снова, и велѣлъ
Царевича позвать; а намъ далъ строгій
Запретъ за два покоя никого
Къ нимъ не пускать.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Они доселѣ вмѣстѣ?

СПАЛЬНИКЪ.

Досель.... но вотъ, кажись, идутъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Уйдемъ!

Оба уходятъ. БОРИСЪ входитъ, въ разговорѣ съ царевичемъ ӨЕДОРОМЪ.

БОРИСЪ.

Мы трудныя съ тобою времена
Проходимъ, сынъ. Предвидѣть мы не можемъ,
Какой борьба пріиметъ оборотъ
Съ врагомъ Руси. Мои слабѣютъ силы;
Престолъ мой новъ; опасна смерть моя
Для нашего теперь была-бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положилъ: торжественною клятвой
Связать бояръ въ ихъ вѣрности тебѣ.
Сегодня, сынъ, тебя вѣнчать на царство
Я положилъ!

ӨЕДОРЪ.

Отецъ, помилуй! Какъ?

Въ тотъ самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную побѣду
Готовишься?

БОРИСЪ.

Измѣнчива судьба.
Мы на лету ея всечасно ласку
Ловить должны. Усердье къ намъ людей
Съ ней за одно. Сегодня прежнимъ блескомъ
Мой свѣтитъ скиптръ. Въ Бориса счастье снова
Повѣрили. Сегодня уклониться
Отъ царской воли никому не можетъ
И въ мысль войти. Но знаемъ-ли мы чтò
Насъ завтра ждетъ? Я на обѣдѣ царскомъ
Отъ всѣхъ бояръ хочу тебѣ присяги
Потребовать.

ѲЕДОРЪ.

Прошу тебя, отецъ,
Уволь меня!

БОРИСЪ.

Пріять вѣнецъ русійскій
Назначенъ ты въ тотъ самый день, когда
На царство я взведенъ былъ земской думой.
Себѣ и роду своему престолъ
Упрочить ты обязанъ.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, отецъ!
Я не могу — уволь меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ —
Чтò значитъ это?

ѲЕДОРЪ.

Не гнѣвись, отецъ —
Вѣнчаться не могу я! На престолъ —
Я не имѣю права!

БОРИСЪ.

Какъ?

ѲЕДОРЪ.

Отецъ,
Прости меня! Ты борешься упорно —
Я-жъ не увѣренъ, что противникъ твой —
Не истинный Димитрій!

БОРИСЪ.

Не увѣренъ?
Ты, Ѳедоръ — ты?

ѲЕДОРЪ.

Я углицкое дѣло
Читалъ, отецъ, и Шуйскаго тотъ розыскъ.
Безсовѣстно допросъ былъ учиненъ!
Отыскивать не такъ-бы долженъ правду
Кто-бъ искренно хотѣлъ ее узнать!

БОРИСЪ.

Но правда та мнѣ вѣдома!

ѲЕДОРЪ.

Ты могъ
Обмануть быть!

БОРИСЪ.

Нѣтъ, не былъ я обманутъ!

ѲЕДОРЪ.

Отъ Шуйскаго лишь углицкое дѣло
Ты то узналъ!

БОРИСЪ.

Я прежде зналъ его!

ѲЕДОРЪ.

Ты?

БОРИСЪ.

Я!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ! Какъ могъ его ты знать?

БОРИСЪ.

Когда тебѣ улики дамъ я въ руки,
Что Дмитрій мертвъ —

ѲЕДОРЪ.

Какъ? У тебя иныя
Улики есть, чѣмъ тѣ, что́ собралъ Шуйскій?

БОРИСЪ.

Иныя — да!

ѲЕДОРЪ.

И ты доселѣ ихъ
Не предъявилъ?

БОРИСЪ.

Я ихъ не предъявлю!
Мнѣ на̀-слово повѣрить долженъ ты!
Димитрій мертвъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, прежде не повѣрю,
Чѣмъ самъ увижу тѣ улики!

БОРИСЪ.

Ты —
Ихъ требуешь? Ты хочешь ихъ, сынъ Ѳедоръ?
Такъ знай-же все!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Молчи!
Повѣрилъ я! Не говори ни слова —
Повѣрилъ я! Молчаніе.

БОРИСЪ.

Не долго мнѣ осталось
На свѣтѣ жить. Земли мнѣ русской слава,
Свидѣтель Богъ, была дороже власти.
Но, вижу я, на мнѣ благословенья
Быть не могло.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Оно не можетъ
Быть на тебѣ!

БОРИСЪ.

Ты чистъ и бѣлъ. Тебя
Отъ прикасанья зла предохранить
Мнѣ удалось. Господь твою державу
Благословитъ.

ѲЕДОРЪ.

О, если-бъ не пришлось мнѣ
Ее принять!

БОРИСЪ.

Неизлечимъ недугъ
Душевный мой. Онъ разрушаетъ тѣло —
И быстро я, усильямъ вопреки,
Иду къ концу. Въ страданьи человѣкъ
Бываетъ слабъ. Мнѣ вѣдать тяжело,
Что всѣ меня клянутъ.... Услышать слово
Привѣтное я былъ-бы радъ.... Молчаніе.

ѲЕДОРЪ.

Прости! Уходитъ.

Столовая Палата.

Великолѣпно убранные столы въ нѣсколько рядовъ. За ними, въ ожиданіи, сидятъ бояре. На правой сторонѣ просценіума, царскій столъ, съ пятью приборами. Нѣсколько лицъ разговариваютъ на просценіумѣ.

САЛТЫКОВЪ.

Намъ не везетъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Побѣду надъ собою
Мы празднуемъ!

САЛТЫКОВЪ.

Неволей торжествуемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Да полно такъ-ли плохо? Вѣдь виной
Въ побѣдѣ этой лишь одинъ Басмановъ;
Не будь его, Димитрій смялъ-бы насъ!

САЛТЫКОВЪ.

Онъ насъ и смялъ. Ужъ наши отступали,
Какъ врагъ того Басманова принесъ.
Окрысился, уперся — а къ нему
Какъ разъ, на помощь нѣмцы подоспѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Проклятые!

САЛТЫКОВЪ.

Какое горе имъ!
Борису присягали, за Бориса
Кладутъ животъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Басмановъ за него-же!

САЛТЫКОВЪ.

А то, не бось, за насъ? Собака знаетъ,
Чей ѣла кормъ!

ШУЙСКІЙ — подходитъ.

О чемъ, бояре, вы?

САЛТЫКОВЪ.

Да все о томъ-же, князь Василь Иванычъ,
О радости великой.

ШУЙСКІЙ.

Какъ бы только
Не горевать пришлося намъ! Мнѣ пишутъ:
Онъ вновь собрать успѣлъ свои дружины,
Къ нему идетъ подмога отъ Литвы,
А Роща-Долгорукій, со Змѣевымъ,
Передались ему; Мосальскій также,
И Татевъ то-жъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты шутишь, князь?

ШУЙСКІЙ.

Ей-Богу.

САЛТЫКОВЪ.

Царь вѣдаетъ?

ШУЙСКІЙ.

Зачѣмъ его тревожить?
Пожалуй, пиръ сегодняшній та вѣсть
Испортила-бъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, слава Богу! Лишь-бы
Басманова царь не послалъ опять!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Нельзя намъ на Москвѣ
Быть безъ него!

САЛТЫКОВЪ.

Признайся, князь Василій,
Вѣдь это *ты* царя-то надоумилъ
Басманова призвать?

ШУЙСКІЙ — смѣясь.

А кто-жъ еще?
Вѣдь онъ себѣ награду заслужилъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Хитёръ-же ты!

ШУЙСКІЙ.

Ну, гдѣ ужъ намъ хитрить!

САЛТЫКОВЪ.

А вотъ и онъ!

Входитъ БАСМАНОВЪ, всѣ раздаются.

ШУЙСКІЙ — идетъ ему на встрѣчу.

Челомъ, бояринъ Петръ
Ѳеодорычъ, тебѣ отъ всей отъ думы!
Утѣшилъ насъ, ей-Богу-ну! А то,
И батюшкѣ царю кручинно стало;
Какъ съ воромъ-молъ не справиться-то съ тѣмъ,
Съ разстригою!

БАСМАНОВЪ.

На врядъ-ли онъ разстрига.

ШУЙСКІЙ.

Разстрига, нѣтъ-ли—тотъ-же воръ. Теперь
Чай, не начнетъ!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, князь Василь Иванычъ,

Боюсь, начнетъ. Хоть онъ и воръ, а удаль
Намъ показалъ свою. И любо видѣть
Какъ рубится! Въ бѣдѣ не унываетъ:
Когда его войска погнали мы,
Послѣднiй онъ, и шагъ за шагомъ только,
Намъ уступилъ. Такъ, говорятъ, косматый,
Осиленный ловцами, покидаетъ
Добычу левъ!

ШУЙСКIЙ — смѣясь.

Да ты, никакъ, бояринъ,
Не въ шутку хвалишь вора!

БАСМАНОВЪ.

Не таюсь,
Мнѣ пò-сердцу и вражая отвага!

ШУЙСКIЙ.

А за твою тебѣ сегодня царь
Воздастъ почетъ!

БАСМАНОВЪ.

Храни его Господь!
Но лучше-бы меня теперь у войска
Оставилъ онъ. Не надо-бъ дать врагу
Опомниться.

ШУЙСКIЙ.

И безъ тебя, бояринъ,
Его добьютъ. Ты-жъ для совѣта намъ
Здѣсь надобенъ.

САЛТЫКОВЪ.

Не даромъ государь
Пожаловалъ тебя въ бояре. Будешь
Насъ разуму учить!

ГОЛИЦЫНЪ.

Намъ будешь въ думѣ
Указывать!

БАСМАНОВЪ.

Боюся, не съумѣю
Вамъ быть подъ стать.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мы славимся породой,
А ты умомъ!

БАСМАНОВЪ.

Кто чѣмъ богатъ!

Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ. Всѣ ему кланяются. За нимъ два стольника несутъ богатую шубу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — къ Басманову.

Бояринъ
Петръ Өедорычъ! Великій государь,
До своего до царскаго прихода,
Мнѣ приказалъ привѣтствовать тебя,
И эту шубу, съ своего плеча,
Прислалъ тебѣ въ подарокъ!

ВСѢ — кланяясь Басманову.

Съ царской лаской!

Стольники надѣваютъ на него шубу.

БАСМАНОВЪ.

Не заслужилъ я милости великой!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То лишь починъ. Угодно государю
Тебѣ такія почести воздать,
Какихъ еще онъ никому доселѣ
Не воздавалъ!

ШУЙСКІЙ.

Мое взыграло сердце!
Кому-жъ и честь, когда не воеводѣ,
Что̀ отъ врага лютѣйшаго въ конецъ
Избавилъ насъ!

Къ Семену Годунову.

Но успокой, родимый,
Скажи, Семенъ Никитичъ, правда-ль: ночью
Недужалъ царь?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, миловалъ Господь,
Одна была усталость.

ШУЙСКІЙ.

Богу слава!
И то сказать, ни день, ни ночь, покоя
Нѣтъ милости его. За то теперь
Онъ отъ хлопотъ ужъ можетъ отдохнуть!

Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входитъ БОРИСЪ, въ царскомъ облаченіи. За нимъ царевичъ ѲЕДОРЪ, ЦАРИЦА и КСЕНІЯ.

САЛТЫКОВЪ къ Голицыну.

Какъ блѣденъ онъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мертвецъ!

БОРИСЪ — къ Басманову.

Бояринъ Петръ
Ѳеодорычъ!

Басмановъ опускается на колѣни, Борисъ его подымаетъ.

БОРИСЪ.

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь —
Прими отъ насъ великій нашъ поклонъ
И отъ земли русійской челобитье!

Беретъ у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подаетъ Басманову

БАСМАНОВЪ — принимая блюдо.

Великій царь! За малую ты службу
Чрезъ мѣру мнѣ сегодня воздаешь!
Дозволь мнѣ, царь, вернуться къ войску. Тамъ,
Быть можетъ, мнѣ твою удастся милость
И вправду заслужить!

Передаетъ блюдо стольнику.

БОРИСЪ.

Пожди еще.
Тяжелое принудило насъ время
Быть строгими. Москва всѣ эти дни
Опалъ довольно видѣла и казней.
Она должна увидѣть на тебѣ
Какъ вѣрныхъ слугъ, за правду ихъ, умѣетъ
Царь награждать. Садись со мною рядомъ.

Садится за столъ. По правую его руку царица, Ѳедоръ и Ксенія; по лѣвую Басмановъ. Бояре размѣщаются за другими столами. Слуги разносятъ блюда.

ОДИНЪ БОЯРИНЪ — за крайнимъ столомъ на лѣво.

Мнѣ на царевну Ксенью жаль смотрѣть;
Вошла въ палату, на ногахъ едва
Держалася.

ДРУГОЙ.

По женихѣ тоскуетъ.
Чай, не легко сидѣть въ алмазахъ ей
Да въ жемчугѣ, когда на сердцѣ смерть!

ПЕРВЫЙ.

Царевичъ также нéвеселъ.

ДРУГОЙ.

А царь-то!

БОРИСЪ — къ Басманову.

Не въ радостный ты часъ къ намъ прибылъ, Петръ.
Семейное меня постигло горе;
Затѣмъ порой задумчивъ я кажусь;
Но славная твоя побѣда насъ
Оправила.

БАСМАНОВЪ.

Великій государь,
Дай Богъ тебѣ веселья и здоровья
И всѣхъ враговъ подъ ноги покорить!

САЛТЫКОВЪ — за другимъ столомъ на лѣво.

Мы похоронный точно пиръ справляемъ.
Смотри, какъ онъ веселымъ хочетъ быть,
А самъ не свой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ему недугъ, быть можетъ,
Не въ моготу.

САЛТЫКОВЪ.

Кабы да тотъ недугъ
Намъ впрокъ пошелъ! Царевны Ксеньи жаль.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, жаль ее.

САЛТЫКОВЪ.

Что̀ съ братомъ и съ сестрой
Мы сдѣлаемъ, когда на царство тотъ
Пожалуетъ?

БОРИСЪ.

Царевна Ксенья, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

КСЕНІЯ — обходитъ столъ и подноситъ стопу Басманову, съ поклономъ.

Уважь, бояринъ!

БАСМАНОВЪ — принимая стопу.

Во здравіе царя и государя!

ВСѢ.

Во здравіе царя и государя!

БОРИСЪ — вставая.

Во здравіе боярина Петра
Басманова! Пусть долго онъ живетъ,
На образецъ другимъ, землѣ на славу,
Врагамъ на страхъ!

ВСѢ.

Во здравіе его
И много лѣтъ!

БОРИСЪ.

Да славится во вѣки
Святая Русь и да погибнутъ всѣ
Ея враги!

ВСѢ.

Анаѳема врагамъ!

БОРИСЪ — садясь.

Семь лѣтъ прошло, что я земли русійской
Пріялъ вѣнецъ. Господня благодать
Была надъ ней — доколь, подобно язвѣ
Египетской, тотъ не явился врагъ,

Надъ нимъ же мы побѣду торжествуемъ.
Часъ не далекъ, когда, проклятый Богомъ,
Онъ на землѣ достойную себѣ
Пріиметъ мзду. Господь дѣла караетъ
Неправыя; въ сердцахъ читаетъ Онъ,
И судъ Его, какъ громовая туча,
Всегда виситъ надъ головою тѣхъ,
Чтó злое въ сердцѣ держать умышленье.
Бояре всѣ! Чтó заслужили-бъ тѣ,
Чтó, сидя здѣсь, за царскою трапезой,
Въ душѣ своей усердствовали-бъ тайно
Разбитому Басмановымъ врагу?

ГОЛОСА.

Помилуй, царь!

БОРИСЪ.

Моей-бы ждали смерти,
Чтобъ перейти къ тому лихому вору,
Наслѣдника-жъ хотѣли-бъ моего
Ему предать?

ГОЛОСА — съ разныхъ сторонъ.

Царь-государь, помилуй!
Возможно-ли! — И въ мысль то не вмѣстится! —
Нѣтъ между насъ предателей!

БОРИСЪ.

Пусть встанетъ
Кто вѣренъ мнѣ!

ВСѢ — вставая.

Мы всѣ тебѣ вѣрны!

ГОЛИЦЫНЪ — къ Салтыкову.

Чтó, всталъ, небось?

САЛТЫКОВЪ.

А ты-то?

ГОЛИЦЫНЪ.

По неволѣ
Подымешься. Не выдать-же себя!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что будете служить
Ѳеодору по вѣрѣ и по правдѣ!

ВСѢ.

Клянемся, царь!

БОРИСЪ.

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станетъ!

ВСѢ.

Всѣ клянемся!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что если между васъ
Кто-либо держитъ злобу на меня,
Онъ злобы той на сына не захочетъ
Перенести!

ВСѢ.

Во всемъ тебѣ клянемся!

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положися на своихъ рабовъ,
Царь-батюшка!

БОРИСЪ.

Въ соборѣ вашу клятву
Вы цѣлованьемъ крестнымъ утвердите.
Мы въ животѣ и смерти не вольны —
Я Ѳедора хочу еще при жизни
Моей вѣнчать. Отъ младости онъ мной
Наставленъ былъ въ наукѣ государской.
Господь ему превыше лѣтъ его
Далъ свѣтлый умъ, и съ духомъ твердымъ кротость
Въ немъ сочеталъ — и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьемъ ложнымъ,
Въ него вложилъ.—Его царенье будетъ
На радость вамъ, на славу всей землѣ!
Чего я сдѣлать не успѣлъ для царства —
То онъ свершитъ — *Выступаетъ впередъ.*
И за него теперь
Заздравный сей я кубокъ подымаю!

ВСѢ.

Да здравствуетъ царевичъ! Много лѣтъ
Царевичу Ѳеодору!

ОДИНЪ БОЯРИНЪ — указывая на Бориса.

Чтó съ нимъ?

ДРУГОЙ.

Шатается!

БОРИСЪ.

Басмановъ —

БАСМАНОВЪ — подхватывая его.

Государь!

Смятеніе между боярами.

КСЕНІЯ.

Отецъ! Отецъ!

БОРИСЪ.

Мнѣ дурно —

ѲЕДОРЪ.

За врачомъ
Бѣжать скорѣй!

БОРИСЪ.

Не надо... смертный часъ
Мой настаетъ...

Его сажаютъ въ кресла.

ЦАРИЦА.

Ахъ Господи! Не просто
Случился грѣхъ! Знать, тутъ была отрава!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Отравленъ царь!

БОРИСЪ.

Нѣтъ — нé было отравы!
Иль мните вы, безсильна скорбь одна
Разрушить плоть?

ѲЕДОРЪ.

О, велика твоя
Предъ Богомъ скорбь!

БОРИСЪ.

Сынъ Θедоръ — Ксенья — дѣти!
Храни васъ Богъ! Князь Шуйскій — подойди!
Другъ друга мы довольно знаемъ. Помни:
Въ мой смертный часъ я Господа молю:
Какъ ты мнѣ клятву соблюдешь, пусть такъ
И онъ тебя помилуетъ! — Басмановъ —
Спѣши къ войскамъ! Тебѣ я завѣщаю
Престолъ спасти! О, Господи, тяжелъ,
Тяжолъ твой гнѣвъ! Грѣхи мои Ты не́-далъ
Мнѣ заслужить!

ΘЕДОРЪ.

Клянусь тебѣ, отецъ,
Не забывать, что искупить я долженъ
Ихъ жизнью всей!

БОРИСЪ — къ боярамъ.

Блюдите вашу клятву!
Вамъ ясенъ долгъ — Господь караетъ ложь —
Отъ зла лишь зло родится — все едино:
Себѣ-ль мы имъ служить хотимъ, иль царству—
Оно ни намъ, ни царству впрокъ нейдетъ!

ЦАРИЦА — кланяясь въ ноги.

Свѣтъ-государь! Прости меня въ чемъ я
Грѣшна передъ тобой!

БОРИСЪ.

Мой меркнетъ взоръ —

КСЕНІЯ.

О Господи! Будь милостивъ къ нему!

БОРИСЪ.

Простите всѣ! Я отхожу — сынъ Θедоръ — Встаетъ.
Дай руку мнѣ! Бояре! — вотъ вашъ царь!

Падаетъ въ кресла. Занавѣсъ опускается.

Гр. А. Толстой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

Статья первая.

Изданіемъ въ свѣтъ «Сочиненій Лудвига Бёрне» какъ издатель, такъ и переводчикъ, оказали истинную услугу русской читающей публикѣ [1]). Отсутствіе сочиненій Бёрне въ нашей переводной литературѣ составляло значительный пробѣлъ, пробѣлъ тѣмъ болѣе чувствительный, что знакомство съ этимъ писателемъ можетъ быть какъ нельзя болѣе поучительно для нашего общества. Бёрне принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ мы не прочь назвать «элементарными» писателями, т.-е. такими, которые, не задаваясь какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ, научнымъ, литературнымъ или политическимъ, посвящаютъ свою дѣятельность разъясненію основныхъ понятій общественной жизни народа. Тамъ, гдѣ эти основныя понятія давно уже вошли въ сознаніе людей, въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти понятія облеклись уже въ живыя формы, сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ той или другой націи, тамъ, конечно, сочиненія Бёрне имѣютъ только историческій интересъ, не говоря конечно объ интересѣ, возбуждаемомъ остроуміемъ, ироніею, зло-

[1]) *Сочиненія Лудвига Бёрне,* въ переводѣ Петра Вейнберга. Спб. 1870 г. Въ 2-хъ томахъ.

стію, силою языка писателя. У насъ же, сочиненія Бёрне имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе по той простой причинѣ, что основныя понятія правильной общественной жизни находятся въ младенческомъ состояніи; идеи и начала, проповѣдуемыя Бёрне, давнымъ давно перешедшія въ дѣйствительность на Западѣ, составляютъ у насъ еще въ большей части случаевъ мечту, для осуществленія которой мы не имѣемъ ни достаточно силы, ни достаточно нравственнаго развитія. Однимъ словомъ, то, что болѣе зрѣлыя общества найдутъ или находятъ въ Бёрне устарѣлымъ; то, что для нихъ давно перестало быть вопросами дня; то, что для нихъ стало уже прошедшимъ, то для насъ представляется еще будущимъ. Для нашего общества Бёрне не только не устарѣлъ, но мы не имѣемъ права назвать его даже современнымъ писателемъ, потому что идеи и тѣ условія жизни, которыя защищаетъ Бёрне, для насъ представляются въ такой же дали, какъ обѣтованная земля представлялась взорамъ стараго Моисея. Что воззрѣнія Бёрне на общественные вопросы не только не устарѣли для насъ, но, напротивъ, стоятъ впереди тѣхъ воззрѣній, которыми довольствуется русское общество, въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій, кто только возьметъ въ руки два тома изданныхъ сочиненій Бёрне. Необыкновенное количество точекъ, указывающихъ на пропуски, на каждой страницѣ, какъ бы твердятъ вамъ по двадцати разъ: виноградъ зеленъ! этого вамъ нельзя, это запрещенный плодъ! Запрещенный плодъ сладокъ, и мы, открывъ нѣмецкое изданіе Бёрне въ двѣнадцати томахъ, вкусили его, и нашли, что многое изъ того, что показалось переводчику «зеленымъ виноградомъ», оказалось зрѣлымъ плодомъ, который онъ могъ предоставить намъ вкусить безъ всякихъ опасеній. Излишество пропусковъ въ русскомъ изданіи избранныхъ сочиненій Бёрне есть едва ли не единственный недостатокъ, на который мы можемъ указать; впрочемъ и за него мы не станемъ дѣлать упрековъ издателю, потому что хорошо знаемъ русскую пословицу: у страха глаза велики! Пословица эта должна быть чисто русскаго происхожденія, потому что нигдѣ она не имѣетъ для себя такой законной, исторической почвы, какъ у насъ. Тѣмъ болѣе не станемъ дѣлать упрековъ издателю за кастрированіе Бёрне, что давно уже пріучились довольствоваться малымъ, постоянно твердя себѣ: лучше мало чѣмъ ничего.

Какъ ни не полно русское изданіе сочиненій Бёрне, тѣмъ не менѣе оно достаточно ярко характеризуетъ этого писателя, чтобы понять весь его смыслъ, все его значеніе. Значеніе Бёрне въ Германіи было чрезвычайно велико, и мы при разборѣ его

сочиненій увидимъ, съ какою необыкновенною энергіею, силою, настойчивостью будилъ онъ уснувшее нѣмецкое общество. Своимъ горячимъ словомъ, точно изъ тысячи трубъ трубилъ онъ свободу и независимость народа; своею ѣдкою сатирой уничтожалъ онъ шаловливый произволъ; своею горькою ироніею душилъ онъ лакейскія наклонности деморализованнаго общества Германіи. Онъ обращался къ своей странѣ съ пламенною рѣчью, въ которой страстная любовь перемѣшивалась съ страстною ненавистью, и говорилъ своему народу: ты не народъ, а сборище недостойныхъ и жалкихъ рабовъ; у тебя нѣтъ ни свободы слова, ни даже свободы совѣсти; у тебя нѣтъ справедливаго суда, суда присяжныхъ, который распространялся бы безъ исключенія на всѣ дѣла, частныя или политическія; у тебя нѣтъ народнаго представительства, у тебя нѣтъ, однимъ словомъ, всего того, что должно быть у цивилизованнаго государства. Бёрне стремился со всѣмъ пыломъ своей огненной натуры къ единству Германіи, мечтая, что единство его родины неразрывно связано съ ея свободою—жалкая иллюзія—и конечно въ томъ громадномъ шагѣ впередъ, который сдѣланъ на этомъ пути нѣмцами, Бёрне принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Бёрне является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ писателей нашего вѣка, и никто въ нѣмецкой литературѣ не можетъ оспаривать у него пальму первенства въ этомъ отношеніи. Распространеніе здравыхъ политическихъ понятій и караніе затхлыхъ и отжившихъ воззрѣній—такова была задача всей его жизни, которую онъ выполнилъ съ такимъ несравненнымъ талантомъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ задался мыслію служить обществу и преслѣдовалъ ее до самой смерти, и не много можно представить примѣровъ, гдѣ бы это служеніе обществу было такъ искренно, такъ чисто, гдѣ бы такъ мало было въ немъ примѣси личнаго элемента. Никто съ бо́льшимъ правомъ, какъ Бёрне, не могъ избрать себѣ девизомъ тѣ слова, которыя онъ выставилъ эпиграфомъ къ одной изъ своихъ статей: «j'aime mieux ma famille que moi, ma patrie que ma famille, et l'univers que ma patrie».

I.

Если безкорыстное служеніе обществу, своей родинѣ, всему человѣчеству, всегда должно вызывать удивленіе и безграничное уваженіе, то тѣмъ болѣе въ такія эпохи, когда служеніе обществу вызываетъ въ окружающей средѣ презрительную

улыбку, когда каждый индивидуумъ заботится только о собственномъ благѣ. Это самыя тяжелыя эпохи, какія только случаются въ исторіи народа, потому что онѣ свидѣтельствуютъ о глубокомъ нравственномъ паденіи общества. Въ такую именно эпоху и появился Бёрне въ Германіи: политическая жизнь была раздавлена; на всѣхъ пунктахъ торжествовала реакція; болѣе чѣмъ тридцать маленькихъ деспотовъ ликовали свою побѣду надъ «глупымъ» народомъ. Война за освобожденіе послужила только ко благу абсолютизма; сверженіе Наполеона не было торжествомъ для возставшаго для защиты своей земли народа; пораженіе его было вмѣстѣ и пораженіемъ только-что показавшейся на горизонтѣ свободы. А какія надежды возлагались на эту войну за освобожденіе, какъ коварны оказались большіе и маленькіе правители Германіи, и какимъ довѣрчивымъ, или вѣрнѣе, наивно-глупымъ представляется нѣмецкій народъ! Картина въ самомъ дѣлѣ поразительная. Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ народъ лишенъ всякаго голоса, за нимъ не признаются никакія права, народъ принадлежитъ верховнымъ представителямъ и дворянской кастѣ, которая горда, надменна и полна презрѣнія ко всему, что не имѣетъ частички «фонъ». Рабство и сословные предразсудки—вотъ самыя полныя выраженія политической жизни Германіи до тѣхъ поръ, пока сюда не долетѣло звучное эхо первыхъ громовыхъ раскатовъ французской революціи. Правительства и дворянство съ трепетомъ и негодованіемъ смотрятъ на первые удары, направленные противъ средневѣковаго строя жизни, и начинаютъ понимать, что французское движеніе неминуемо должно сдѣлаться обще-европейскимъ. Средневѣковая Германія понимала необходимость потушить пожаръ, вспыхнувшій во Франціи, прежде чѣмъ огненная головня—декларація правъ человѣка, не заброшена будетъ на нѣмецкую почву. Нѣмецкая дворянская каста повела народъ, какъ стадо барановъ, на уничтоженіе революціонной гидры, которая должна была барановъ превратить въ людей. Австрія, а вслѣдъ затѣмъ и Пруссія и остальныя нѣмецкія государства были разбиты, чуть не уничтожены французскими войсками. Штейнъ, этотъ замѣчательный государственный человѣкъ Пруссіи, уже въ 1796 году сказалъ, что «деспотическія правительства уничтожаютъ характеръ народа, отдаляя его отъ общественныхъ дѣлъ и поручая управленіе его цѣлому войску чиновниковъ-интригановъ». Деспотическіе нѣмецкіе государи безпрекословно повиновались Наполеону, лишь бы только онъ не лишалъ ихъ права произвольно властвовать надъ своими подданными. Въ Парижѣ былъ изготовленъ актъ Рейнскаго Союза, который былъ

жестокимъ ударомъ для Пруссіи, но напрасно правительство надѣялось, что новая война избавитъ Германію отъ владычества французовъ. Результатомъ войны 1806 года было полное уничтоженіе Пруссіи, и самъ Наполеонъ, удивленный быстротою побѣды, выражался о пруссакахъ, что они еще ничтожнѣе австрійцевъ. Насколько ничтожна сдѣлалась Германія, неотступавшая отъ средневѣковыхъ понятій, можно заключить изъ словъ Наполеона, сказанныхъ прусскому посланнику Гольцу послѣ тильзитскаго мира: «Я рѣшился—такъ выражался этотъ пагубный для исторіи человѣчества геній—назначить Эльбу границею для короля; переговоровъ вести не нужно, потому что я переговорилъ уже обо всемъ съ императоромъ Александромъ, дружбою котораго я дорожу; король обязанъ своимъ спасеніемъ рыцарской привязанности этого монарха: безъ того мой братъ Іеронимъ сдѣлался бы королемъ прусскимъ, а теперешняя династія была бы низвержена. При такихъ обстоятельствахъ надобно считать милостію, если я что-нибудь предоставляю королю». Но какъ ни пагубны были для Германіи завоеванія французовъ, вторженіе ихъ имѣло и выгодную сторону — идеи французской революціи были брошены въ почву, и на первый разъ какъ бы пробудили самую націю. Сами правительства, казалось, убѣдились, что борьба сдѣлается возможною только тогда, когда у французовъ будетъ заимствовано ихъ нравственное орудіе—демократическій духъ, возбужденный концомъ XVIII-го столѣтія. Нѣмецкіе правители, высѣченные Наполеономъ, воспламенились наружною любовью къ свободѣ, равенству и братству, рѣшились откинуть узкій аристократизмъ, дворянство отказывалось отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, всѣ стали восхвалять благородство и патріотизмъ нѣмецкаго народа. На эту удочку патріотизма и либерализма поддался, разумѣется, наивный народъ, и въ награду за свое добродушіе получилъ въ концѣ концовъ такое «отеческое» правленіе, которое было несравненно наглѣе французскаго владычества. Германію покрылъ знаменитый союзъ, извѣстный подъ именемъ «тугендбунда», который щедрою рукою разсыпалъ нѣмецкому народу благія обѣщанія. Народъ возгорѣлъ жаждою къ мщенію и надеждами послѣ побѣды надъ французами сдѣлаться свободнымъ народомъ.

Не всѣ разумѣется думали только о томъ, какъ бы обмануть народъ; нѣкоторыя изъ личностей, вставшихъ во главѣ управленія, дѣйствительно были воодушевлены, если не любовью къ народу, то сознаніемъ, что только свобода и новый порядокъ, основанный на болѣе справедливыхъ, демократическихъ началахъ, можетъ спасти Германію отъ вѣрной гибели и повести для осво-

божденія страны не тупое стадо, а сознательную народную силу. Такія личности стали во главѣ прусскаго правительства, и король, душою и тѣломъ преданный абсолютизму, долженъ былъ съ покорностію смотрѣть какъ, съ одной стороны, Шарнгорстъ совершалъ преобразованія въ военномъ устройствѣ, вводилъ обязательную для всѣхъ гражданъ военную службу, уничтожалъ привилегію дворянъ занимать высшія государственныя должности, а съ другой, баронъ Штейнъ, который, не взирая на крики бюрократіи и юнкерской партіи, производилъ одну реформу за другою, которыя всѣ взятыя вмѣстѣ должны были вести къ одному — къ устройству дѣйствительнаго народнаго представительства въ Германіи. Весь этотъ либерализмъ крайне не нравился Наполеону, который понималъ, что, благодаря ему, народный духъ оживится въ Германіи и тогда страна эта ускользнетъ изъ его рукъ. По приказанію Наполеона, «тугендбундъ» былъ уничтоженъ, но разумѣется только номинально, и вмѣсто одного союза, Германія покрылась сѣтью патріотическихъ «тайныхъ» обществъ, возбуждавшихъ въ народѣ ненависть къ иноземцамъ. Одинаково ненавистенъ былъ ему Штейнъ съ его реформами, котораго одинъ изъ слугъ этого «республиканскаго героя» называлъ демагогомъ, жалуясь, что пруссаки «виновны въ опасныхъ революціонныхъ и демагогическихъ козняхъ». Большая же часть этихъ демагоговъ особаго рода принадлежала къ аристократіи, которая была въ ярости не отъ того, что въ странѣ господствовалъ Наполеонъ, а за то, что она потеряла свои привилегіи, придворныя должности и значительную часть доходовъ. Все, къ чему стремились подобные заговорщики, это—возвратить старое доброе время, захватить опять прежнія права и преимущества и подчинить своей власти низшіе классы народа, держа его въ черномъ тѣлѣ. Что такова была цѣль этихъ средневѣковыхъ феодаловъ, они доказали то какъ нельзя лучше въ 1814 и послѣдующихъ годахъ, когда реакція свирѣпствовала во всей Германіи. Если теперь они одѣвали іезуитскую маску либерализма и прикидывались даже защитниками народныхъ правъ, то только потому, что они хорошо понимали, что достичь имъ своихъ цѣлей безъ содѣйствія народа нѣтъ никакой возможности. То, къ чему искренно стремились Штейнъ, Шарнгорстъ и другіе честные патріоты, къ тому масса нѣмецкаго дворянства приставала съ заднею мыслію, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ ненавистныхъ демократическихъ нововведеній. Что касается народа, то онъ, не задумываясь, лѣзъ въ разставленныя ему сѣти. Народъ воспламенился самымъ горячимъ патріотизмомъ, проникся самою глубокою ненавистію къ французамъ, и потому,

когда въ 1813 году явилось воззваніе «къ моему народу» короля Фридриха Вильгельма III, тогда по всей Германіи, можно сказать, раздался торжественный гулъ, возвѣщавшій, что въ народѣ проснулась львиная сила. Литература приняла воинственный характеръ. раздались патріотическія пѣсни Арндта, Кернера, и народъ бросился со страстію въ войну, которая точно въ насмѣшку называется «войною за освобожденіе». Война за освобожденіе избавила, правда, Германію отъ французскаго господства, но, къ несчастію, оно замѣнилось болѣе тяжкимъ господствомъ развращающаго деспотизма. Всѣ сладкія надежды, которыя возлагались на войну за освобожденіе, были уничтожены въ прахъ, и Германія вмѣсто свободныхъ учрежденій и единства, къ которому она стремилась, получила жалкій союзъ всевозможныхъ королей, князей и князьковъ, большихъ и маленькихъ герцоговъ. Ничто не могло быть обиднѣе для нѣмецкаго народа, да и вообще для всѣхъ народовъ, какъ этотъ оскорбительный вѣнскій конгрессъ, на которомъ, по выраженію одного современника, главнымъ образомъ занимались торгомъ людей. Собраніе интригановъ или государственныхъ мужей цѣлой Евроны заботилось только о томъ, на долю какого государя выпадетъ тотъ или другой клокъ, заселенной живыми людьми, земли. О народѣ, о его правахъ тутъ разумѣется никто не заботился, да и зачѣмъ было заботиться послѣ того, что онъ принесъ въ жертву свое достояніе, свою кровь, въ жертву сильнымъ міра сего. Казалось, что и этой чести было достаточно для народа! О свободѣ прессы, объ уничтоженіи сословныхъ кастъ, о всяческихъ учрежденіяхъ на благо народа, забыли и думать, и только смѣялись довольно нагло надъ тѣми, кто принималъ всѣ эти обѣщанія серьезно. Въ самомъ дѣлѣ наивные люди! Немногіе истинные патріоты, въ родѣ Штейна, горько жаловались на обманъ. «Теперь, писалъ онъ, наступило время ничтожностей и посредственностей. Всѣ подобные люди выплываютъ наружу и занимаютъ свои старыя положенія; тѣ же, которые все поставили на карту, теперь забыты и ими пренебрегаютъ». Забытъ былъ народъ, которому такъ недавно еще расточали самую низкую лесть.

Точно также насмѣялся вѣнскій конгрессъ и надъ идеею германскаго единства, вдохновлявшею поэтовъ, а съ ними вмѣстѣ, и цѣлый народъ, и никто другой какъ президентъ вѣнскаго конгресса князь Меттернихъ выразился такимъ образомъ: «Германія есть не что иное, какъ географическое выраженіе». Священный Союзъ увѣнчивалъ собою зданіе, въ основаніи котораго лежало полное презрѣніе къ народнымъ правамъ. Самая безнравственная политика досталась въ удѣлъ Германіи. Но какъ ни

безплодна оказалась для нѣмецкаго народа эта восторженная эпоха войны за освобожденіе, стоившая ей столько крови, столькихъ жертвъ, тѣмъ не менѣе идеи, брошенныя въ націю, рано или поздно, должны были дать результаты, идеи эти не умерли, въ нихъ успѣло воспитаться цѣлое поколѣніе. Толчекъ, данный націи, былъ такъ силенъ, что, несмотря на злую реакцію, смѣнившую либеральное броженіе, вызванная агитація не могла тотчасъ же исчезнуть. Университетская молодежь, принимавшая такое дѣятельное участіе въ національномъ движеніи, игравшая такую важную роль въ послѣднихъ судьбахъ своего отечества, не могла и не хотѣла отказаться отъ нея; а такъ какъ правительства не дозволяли ей дѣйствовать открыто, то среди ея началась естественнымъ образомъ подпольная работа. Въ Берлинѣ кружокъ студентовъ составилъ союзъ, имѣвшій цѣлію поддерживать идеи войны за освобожденіе; подобные же союзы образовались и въ другихъ университетахъ. Союзы эти стремились слиться въ одинъ большой національный союзъ, и образованіе его должно было открыться большимъ праздникомъ. Праздникъ этотъ произошелъ въ Вартбургѣ, гдѣ торжествовали трехсотлѣтній юбилей реформаціи, 18-го октября 1817 года. Въ этотъ день подъ вечеръ, на горѣ, лежащей противъ города, разведенъ былъ костеръ, и среди воодушевленныхъ рѣчей сожжены были произведенія Коцебу, игравшаго роль русскаго шпіона, Камица, Галлера и нѣкоторыхъ другихъ, произведенія, пропитанныя духомъ абсолютизма и народнаго предательства. Этотъ праздникъ университетской молодежи не замедлилъ возбудить трусость, ненависть и страсть къ преслѣдованію во всѣхъ деспотическихъ правительствахъ. Союзъ этотъ долженъ быть работать на пользу единства Германіи, въ основаніи котораго легли бы свободныя учрежденія. Недолго продолжалась дѣятельность этого патріотическаго союза. Воспользовавшись фанатическимъ убійствомъ Коцебу, совершеннымъ Зандомъ, правительства точно почувствовали свои руки развязанными, и съ этой минуты начались самыя дикія и безсмысленныя гоненія. Назначена была «центральная слѣдственная коммиссія», которая, воспользовавшись одиночнымъ фактомъ — преступленіемъ Занда, постаралась обобщить его, притянула къ этому дѣлу цѣлую массу молодежи, замѣшанную въ студенческомъ союзѣ, и затѣмъ новую массу другихъ лицъ, которыя находились въ какомъ-нибудь соприкосновеніи съ первыми. Тюрьмы и крѣпости переполнились. Инквизиторы деспотизма торжествовали; они могли утолить свою жажду гнусныхъ преслѣдованій, запугать высшія власти и обезпечить за собою, вмѣстѣ съ постоянно новыми жер-

твами, постоянно новыя выгоды, мѣста, награды, почетъ и власть. По цѣлой Германіи началась, по выраженію одного историка этой печальной эпохи, «охота на демагоговъ», а демагоговъ было довольно, такъ какъ всякаго истинно честнаго человѣка клеймили тогда именемъ демагога. Этой шайкѣ инквизиторовъ, которая погубила столько честныхъ, благородныхъ, полныхъ здоровыхъ силъ людей, которая срѣзала цвѣтъ молодежи, помогала другая шайка негодяевъ — журналистовъ и продажныхъ писакъ, которые постоянно подливали масла въ огонь, напуская своими доносами разсвирѣпѣлыхъ звѣрей на всякое проявленіе честной мысли, направленной къ истинному благу отчизны. Политическая жизнь въ Германіи была задавлена; всякій, который осмѣливался думать и высказывать свои заботы о всеобщемъ благоденствіи, почитался чуть не государственнымъ преступникомъ и подвергался гоненіямъ. Отсутствіе общихъ интересовъ, тупоумный деспотизмъ и вражда каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго, казалось, неминуемо должны были водвориться въ обществѣ, и въ значительной степени водворились на самомъ дѣлѣ. Дворянство и бюрократія ликовали, потому что они начинали уже опасаться, что навсегда исчезло это доброе, старое время всякихъ злоупотребленій и насилій. Оно вернулось съ новыми, обновленными силами. Мы не станемъ останавливаться болѣе подробно на этой грустной эпохѣ «слѣдственной коммиссіи», «демагогическихъ происковъ», въ которыхъ подозрѣвались всѣ тѣ, которые не спѣшили заявить себя какою-нибудь подлостію; мы не станемъ упоминать здѣсь всѣхъ этихъ героевъ раболѣпства и циническихъ выходокъ въ видѣ Кампцовъ, Шукмановъ, Ярке и остальной обскурантной клики. Самое забавное тутъ то, что эта реакціонная гуща всегда прикрывала свои доносы такъ-сказать государственною пользою, но пожалуй еще забавнѣе то, что находились добродушные, но не дальновидные люди, которые серьезно принимали Кампцовъ и Шукмановъ и подобныхъ имъ фальшивыхъ патріотовъ за людей, дѣйствительно пекущихся о народныхъ интересахъ.

Реакція — вотъ въ одномъ словѣ весь результатъ, весь итогъ того горячаго настроенія нѣмецкаго народа, которое выразилось во время войны за освобожденіе; вотъ весь плодъ всѣхъ потраченныхъ жертвъ, благородныхъ стремленій, пламенной энергіи, одержавшихъ верхъ надъ французскимъ господствомъ. Увлекшійся народъ не понялъ, что, сражаясь противъ Франціи, онъ борется противъ новыхъ идей, принесенныхъ французскою революціею; онъ не понялъ, что онъ проливаетъ свою кровь не за свое освобожденіе, а за торжество старины, за торжество абсо-

лютизма, за произволъ власти и за продленіе своего безправія. Немногіе только не заблуждались, немногіе съумѣли понять лицемѣріе нѣмецкихъ правителей и дворянской касты. Эти немногіе не раздѣляли всеобщей ненависти къ Франціи, они разумно умѣли отдѣлять Наполеона отъ французскаго народа, и не только не радовались униженію Франціи, но были имъ глубоко опечалены. Они понимали, что побѣда однихъ деспотовъ, традиціонныхъ, надъ другимъ деспотомъ, ставшимъ тѣмъ, благодаря дурно направленной геніальной силѣ, была вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдой надъ французскою революціею и надъ тѣми новыми началами, которыя были провозглашены ею. Задача этихъ немногихъ свѣтлыхъ умовъ была рѣзко начерчена. Они должны были во время господствовавшей дикой реакціи и вмѣстѣ ненависти къ Франціи дѣйствовать на нѣмецкое общество такимъ образомъ, чтобы ненависть къ Франціи уступила мѣсто горячему къ ней сочувствію. Сочувствіе къ Франціи было равносильно сочувствію ея идеямъ, ея стремленіямъ, ея молодымъ традиціямъ, однимъ словомъ, ея революціи, очищенной отъ всѣхъ наносныхъ, часто печальныхъ, элементовъ; а тотъ, кто сочувствовалъ революціи и французскому народу, долженъ былъ неминуемо, силою логики, доходить до ожесточенной ненависти къ свирѣпствовавшей реакціи, къ нѣмецкимъ порядкамъ, къ абсолютнымъ идеямъ, къ вѣковому деспотизму, господствовавшему въ Германіи. Къ этимъ немногимъ свѣтлымъ умамъ принадлежалъ конечно и Бёрне, выступившій дѣятельно на литературное поприще именно въ эти трудныя времена реакціи. Послѣ того, что мы сказали объ отношеніи французофобства къ политической гнилости, намъ будетъ уже совершенно понятна горячая любовь Бёрне къ Франціи и французамъ, и въ этомъ тепломъ чувствѣ мы не только не усмотримъ ненависти къ Германіи, а напротивъ страстное желаніе увидѣть дорогую для него родину, освобожденную отъ тяжелыхъ путъ абсолютизма, которыя мѣшали, и до сихъ поръ отчасти мѣшаютъ, свободному развитію націи.

Если таковы были политическія условія, при которыхъ выступилъ Бёрне на общественную арену, то каково, спрашивается, было положеніе нѣмецкой литературы, въ которой Бёрне занялъ такое видное мѣсто? Чтобы понять его значеніе въ нѣмецкой литературѣ, мы должны, хоть въ немногихъ словахъ, освѣжить въ памяти читателей исторію этой литературы до появленія Бёрне.

II.

Передъ французскою революціею, нѣмецкая литература, по выраженію Шлоссера, совершенно опошлѣла. Причина такого упадка заключалась въ отсутствіи въ самомъ обществѣ живыхъ стремленій не только къ свободѣ, но къ самостоятельному существованію. Политическая атмосфера производила разлагающее впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, сильные таланты, геніи вырываются наружу, несмотря ни на какія обстоятельства, и примѣровъ тому можно было бы представить очень много въ исторіи каждой литературы, не исключая и нашей собственной. Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—живыя тому доказательства; но подобные таланты не даютъ и половины того, чтó могли бы дать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ на общество не бываетъ пропорціонально силѣ ихъ таланта. Точно тоже встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкой литературѣ конца XVIII столѣтія и начала XIX. Шиллеръ, Гёте являются на литературной аренѣ; но живя среди общества, лишеннаго всякой политической свободы, они сами подчиняются господствующему вліянію, и не только не порождаютъ собою сильной, вліятельной литературной школы, но не имѣютъ достаточно могущества, чтобы не допустить господства самаго отсталаго романтическаго направленія, которое выражало собою стремленія, коснѣвшаго въ старыхъ понятіяхъ дворянства. Конечно, вліяніе того или другого таланта зависитъ не только отъ атмосферы, въ которой онъ нравственно дышетъ, но также и отъ личныхъ наклонностей писателя. Когда эти личныя наклонности человѣка заставляютъ его ставить выше всего мишуру придворной жизни, когда они заставляютъ «великаго» Гёте быть дюжиннымъ «тайнымъ совѣтникомъ», тогда разумѣется нéчего думать писателю имѣть потрясающее нравственное вліяніе на общество. «Тайный совѣтникъ» всегда покажетъ свои уши изъ-за поэта, и половина вліянія пропадаетъ изъ-за одного этого. Писатель, обладающій даже меньшимъ талантомъ, чѣмъ мраморный колоссъ Гёте, но въ которомъ сильнѣе развито чувство любви къ человѣчеству и къ своему народу, въ которомъ общественные интересы преобладаютъ надъ маленькимъ и всегда остающемся ничтожнымъ *Я*, способенъ имѣть несравненно бóльшее вліяніе на современное ему общество, а вмѣстѣ съ нимъ и на ходъ цѣлой литературы. Для сравненія можно взять примѣръ изъ нѣмецкой же литературы. Гёте и Лессингъ — вотъ два крупныхъ писателя. По глубинѣ своего ума, Лессингъ нисколько не уступалъ уму

Гёте, но таланта, если хотите, геніальности, въ немъ разумѣется было меньше; и однако, несмотря на это, не прибѣгая вовсе къ парадоксальности, можно смѣло сказать, что дѣятельность Лессинга наложила на ходъ нѣмецкой литературы болѣе рельефную печать, чѣмъ дѣятельность Гёте. Гдѣ же причина такого явленія? Причина того очевидно заключается въ томъ, что Гёте непосредственно руководился своимъ талантомъ, онъ искалъ вдохновенія въ самомъ себѣ, считая что его «я» должно быть средоточіемъ, такъ-сказать центромъ цѣлаго міра. Злая ошибка! Въ немъ не было той живой струны, которая при прикосновеніи какого-нибудь общаго интереса издавала бы дивные звуки; онъ никогда, однимъ словомъ, не могъ дойти до того, чтобы позабыть свою собственную личность, свой собственный геній подъ давленіемъ какихъ бы то ни было событій. Лессингъ же—совершенно напротивъ. Его дѣятельностію главнымъ образомъ руководила идея добра, пользы, которую онъ хотѣлъ принести обществу; онъ работалъ, воодушевляемый не своею собственною личностію, а стремленіемъ доставить торжество тѣмъ идеямъ, осуществленіе которыхъ онъ считалъ благодѣтельнымъ для той страны, гдѣ онъ жилъ. Онъ въ такой же степени руководился въ своей жизни общественными интересами, какъ Гёте интересами, по сравненію съ цѣлымъ обществомъ, своей маленькой личности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ писатель, который забываетъ себя ради общества, которому онъ служитъ, достоинъ несравненно бóльшаго уваженія чѣмъ тотъ, который не знаетъ другого бога кромѣ собственной своей личности. Писателей можно судить и цѣнить, съ одной стороны, по ихъ непосредственному таланту и, съ другой, по той пользѣ, которую они приносятъ своему обществу, по тому вліянію, которое они имѣютъ на общественное развитіе. Общественное же развитіе сказывается въ томъ, какъ велико въ обществѣ стремленіе къ свободному существованію и свободному пользованію всѣми своими правами. Какъ бы ни былъ великъ талантъ, геній человѣка, но если только своими сочиненіями онъ способствуетъ распространенію рабскаго духа въ обществѣ, поддерживаетъ рутинныя мнѣнія и воззрѣнія, тогда, не задумываясь, можно сказать, что талантъ этотъ или геній вреденъ, пагубенъ для общества, и пусть лучше онъ не родится.

Бёрне во всѣхъ своихъ сужденіяхъ о нѣмецкой литературѣ и ея дѣятеляхъ именно руководился подобнымъ мѣриломъ—насколько дѣятельность человѣка была проникнута общественною пользою, общественными интересами. Онъ никогда не отказывался отъ этого масштаба, и потому заслуги, выставляемыя обык-

новенно защитниками «чистаго художества», имѣли въ его глазахъ чрезвычайно мало значенія. Первый вопросъ, который онъ дѣлалъ писателю, котораго хотя мимоходомъ онъ призывалъ на свой судъ: «что ты сдѣлалъ для пробужденія или для развитія здороваго, свободнаго духа въ обществѣ?» Подобное мѣрило, быть можетъ и не совсѣмъ согласное съ началами рутинной эстетической критики, чрезвычайно понятно, въ особенности, когда оно прилагается къ литературѣ, привыкшей только или витать въ недосягаемыхъ высотахъ, или замыкаться въ узкій низменный кругъ сантиментальничанья и весьма сомнительной морали. Нѣмецкая литература въ теченіи всего XVIII-го вѣка, за немногими, но блестящими исключеніями, находилась именно въ подобномъ состояніи и потому неудивительно, что въ живомъ, свѣжемъ человѣкѣ должна была обнаружиться реакція противъ упорнаго разъединенія литературы съ требованіями народныхъ интересовъ. Неудивительно и то, если реакція эта выражалась въ рѣзкихъ заявленіяхъ, какъ случалось, напр., это у Бёрне въ его сужденіяхъ о Гёте, Шиллерѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

У писателя XIX-го столѣтія, появившагося во время разгара реакціи, не могло не развиться жестокое, но вмѣстѣ справедливое раздраженіе противъ всей почти нѣмецкой литературы, которую даже самъ Гёте называлъ «литературно-безхарактерною». Окидывая быстрымъ взоромъ огромный литературный періодъ за цѣлые сто лѣтъ, что встрѣчалъ въ ней новѣйшій писатель? Рѣзкое противорѣчіе между литературою и дѣйствительностью съ одной стороны, и съ другой—какое-то рабское отношеніе къ высшимъ классамъ и интересамъ высшаго общества. Объ интересахъ народа, о развитіи массы, почти ни у кого нѣтъ и помину. Литература не только не борется съ абсолютизмомъ, господствующимъ въ политической жизни, но скорѣе содѣйствуетъ его стремленіямъ. Играя такую роль, она, конечно, не могла имѣть дѣйствительнаго вліянія на развитіе нѣмецкаго народа. Другими словами, между литературою и жизнію массы существовалъ полный разладъ.

Въ началѣ XVIII-го вѣка, когда въ другихъ передовыхъ странахъ Европы литература получала все болѣе и болѣе блеска; когда въ Англіи на литературную арену выступили такіе таланты какъ Аддиссонъ, Свифтъ, Дефое, Ричардсонъ, Юмъ; когда во Франціи засвѣтили такія звѣзды, какъ Лесажъ, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, въ Германіи литература находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ вовсе перестали говорить и писать по-нѣмецки: родной языкъ былъ окончательно забытъ. Дворы и дворянство употребляли французскій

языкъ, воспитывались на французскій ладъ, читали французскія книжки, и притомъ еще самыя дурныя, самыя нелѣпыя. Въ сферахъ не-аристократическихъ читали книги XVII-го столѣтія, написанныя испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Наука, философія, пріобрѣвшая себѣ замѣчательнаго представителя въ Лейбницѣ, точно также не осмѣливалась употреблять нѣмецкій языкъ, и Лейбницъ долженъ былъ писать на иностранныхъ языкахъ подъ опасеніемъ, что иначе его не захотятъ читать въ его собственномъ отечествѣ. Большую услугу въ возвращеніи въ Германіи къ родному языку оказали піэтисты и близко стоявшій къ нимъ ученый Христіанъ Томазіусъ, который первый объявилъ въ лейпцигскомъ университетѣ, что онъ будетъ читать свои лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Подобное объявленіе произвело неописанный скандалъ. Томазіусъ былъ рѣшительнымъ реформаторомъ какъ въ отношеніи языка, такъ и по отношенію во взглядахъ на общій характеръ образованія. Онъ возсталъ противъ всеобщаго употребленія изуродованной латыни, и поддерживалъ свое требованіе не только чтеніемъ лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, не только нѣмецкими сочиненіями, которыя были такъ благодѣтельны для распространенія въ Германіи просвѣщенія, но также и своимъ сатирико - критическимъ журналомъ, существовавшимъ нѣсколько лѣтъ. Свой журналъ Томазіусъ старался дѣлать возможно болѣе понятнымъ для народа. Томазіусъ прокладываетъ своими трудами путь, по которому двинулась цѣлая литературная фаланга.

Во главѣ этой фаланги нужно поставить человѣка не особенно умнаго и не особенно талантливаго, но который тѣмъ неменѣе сдѣлалъ очень много для распространенія въ литературѣ нѣмецкаго языка и для проникновенія въ жизнь новаго духа. Готтшедъ руководился совершенно иными побужденіями въ своей литературной дѣятельности, чѣмъ Томазіусъ. Этотъ послѣдній былъ одолѣваемъ страстнымъ желаніемъ вырвать свое отечество изъ того состоянія варварства, въ которомъ оно находилось, Готтшедъ же исключительно былъ побуждаемъ жаждою славы и, главнымъ образомъ, тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя она приноситъ собою. Онъ обладалъ необыкновенною легкостію схватывать быстро все, что ему попадалось на дорогѣ, и не углубляясь, не проникая въ сущность дѣла, онъ во всемъ былъ поверхностенъ, вездѣ являлся посредственностію, что́, быть можетъ, было одною изъ главныхъ причинъ его успѣха и популярности. Не было такой отрасли литературы, въ которой онъ не попробовалъ бы своихъ силъ, и вездѣ онъ оставался однимъ и тѣмъ же: сегодня онъ писалъ философскія сочиненія, завтра драматическія произведенія, поэмы, романы; то онъ появлялся

на каѳедрѣ, какъ профессоръ, то дѣлался отчаяннымъ журналистомъ. Сочиненія его, не имѣвшія почти никакихъ литературныхъ достоинствъ, были полезны въ томъ отношеніи, что они нѣсколько расширяли кругъ читателей, и заимствованныя большею частію изъ французскихъ книгъ, они знакомили съ идеями, бродившими въ болѣе живомъ обществѣ. Благодаря этимъ идеямъ, взятымъ цѣликомъ изъ иностранныхъ сочиненій, у Готтшеда оказывался иногда довольно трезвый взглядъ на литературныя произведенія, хотя онъ и лишенъ былъ художественнаго чутья. Этотъ трезвый взглядъ выразился, напр., по отношенію къ «Мессіадѣ» Клопштока, въ которомъ онъ не призналъ почти никакого таланта, чтó было разумѣется большою ошибкою, но справедливо напалъ на напыщенность поэта, на его приторную нѣжность, сантиментальность, слезливость, наконецъ на самое содержаніе поэмы. Онъ осмѣялъ небесныя видѣнія Клопштока, и за это подвергся самымъ жестокимъ упрекамъ—популярность Готтшеда была поколеблена въ самомъ своемъ основаніи.

Какъ ни ничтоженъ былъ самъ по себѣ Готтшедъ, но онъ имѣлъ большое вліяніе, и это одно уже можетъ свидѣтельствовать о чрезвычайно низкомъ уровнѣ нѣмецкаго общества и нѣмецкой литературы. Вліяніе это въ литературѣ видно изъ того одного, что Готтшедъ имѣлъ цѣлую школу, среди которой были люди болѣе талантливые, чѣмъ самъ Готтшедъ. Конечно, мы не станемъ подробно говорить ни объ этихъ ученикахъ, ни даже о дальнѣйшихъ дѣятеляхъ въ нѣмецкой литературѣ, такъ какъ наша цѣль, дѣлая краткій перечень литературнымъ силамъ XVIII-го столѣтія, ограничивается тѣмъ, чтобы указать, какъ бѣдственно дѣйствовали на развитіе націи отсутствіе всякой политической свободы и уродливое порабощеніе народа одною кастою дворянскою, и какъ естественно, что писатель XIX-го вѣка, подобный Бёрне, главнымъ образомъ сосредоточиваетъ свои силы на политической сторонѣ жизни и съ пренебреженіемъ относится ко всякимъ художественнымъ талантамъ, какихъ бы размѣровъ они ни были.

Боязнь коснуться злоупотребленій высшихъ классовъ отличала всѣхъ писателей, слѣдовавшихъ по стопамъ Готтшеда. Ни стихотворенія Цахаріэ, ни разсказы Геллерта, ни сатиры Рабенера не переступали дозволенной черты. Всѣ произведенія этихъ писателей ограничиваются описаніями и легкими насмѣшками надъ маленькими людьми, и какъ чумы бѣгутъ всякаго соприкосновенія съ сильными міра. Чтобы задѣвать власть, дворянство, нападать на душную политическую атмосферу, нужно было имѣть много гражданскаго мужества, и оно никогда не обходилось даромъ.

Школа Готтшеда могла убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ талантливаго писателя-сатирика Лискова. Лисковъ отважился возстать противъ нѣмецкихъ правителей, противъ важныхъ лицъ; онъ ударилъ своимъ сатирическимъ бичемъ уродливые средневѣковыя учрежденія и нравы и за то жестоко поплатился многими годами заключенія въ крѣпости, гдѣ онъ оставался до самой своей смерти. Лисковъ, нападая на варварскія злоупотребленія высшихъ лицъ, не нашелъ защиты и у своей литературной братьи, къ которой онъ высказалъ презрѣніе въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «Трактатъ о достоинствахъ и необходимости бездарныхъ писакъ». Противъ Лискова поднялись со всѣхъ сторонъ; ему никогда не могли простить, что онъ осмѣлился возстать противъ установившихся авторитетовъ, и что тамъ, гдѣ другіе открывали геніальность, онъ видѣлъ только ограниченность и слабоуміе. Лисковъ стремился разорвать тяжелыя цѣпи среднихъ вѣковъ, впустить хотя слабый лучъ свѣта въ окружавшую его тьму и указать путь къ новой жизни посредствомъ новаго образованія. Лисковъ не имѣлъ вліянія, не пользовался популярностью, потому что онъ всѣмъ говорилъ правду, коловшую глаза; напротивъ, всѣ наперерывъ бросали въ него грязью—обыкновенная участь писателя, возстающаго противъ господствующей рутины.

Въ заслугу писателямъ школы Готтшеда можно поставить то, что они, впрочемъ отдѣлившись отъ Готтшеда, основали литературное общество и стали издавать журналъ подъ именемъ «Бременскій Сборникъ» (Bremer Beiträge). Журналъ этотъ долженъ былъ содѣйствовать успѣхамъ образованія, проникнутаго новымъ духомъ, и если въ числѣ сотрудниковъ этого журнала является Клопштокъ, который помѣщаетъ тутъ первыя пѣсни «Мессіады», то только потому, что издатели не могли не признавать въ немъ сильнаго таланта, хотя и сознавали, что произведеніе это противорѣчитъ цѣлому направленію «Бременскаго Сборника». Читающая публика въ это время была чрезвычайно незначительна, такъ что писатели и издатели журналовъ писали тогда едва-ли не другъ для друга. Одинъ изъ современныхъ этому періоду нѣмецкой литературы писателей, жалуясь на малый кругъ читающей публики, говорилъ: «Покамѣстъ книги будутъ находиться только въ рукахъ студентовъ, профессоровъ и журналистовъ, до тѣхъ поръ, мнѣ кажется, едва ли стóитъ писать что-нибудь для настоящаго поколѣнія. Если въ Германіи существуетъ читающая публика, которая состоитъ не изъ ученыхъ по профессіи, то признаюсь въ своемъ невѣжествѣ—я никогда не зналъ о существованіи такой публики». Это было сказано во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Если кругъ читающей публики былъ такъ огра-

ниченъ, то вина лежала, съ одной стороны, конечно на цѣломъ строѣ нѣмецкой жизни, съ другой—на самихъ писателяхъ, которые не имѣли ни силы, ни энергіи, ни таланта, ни смѣлости, чтобы разрушить старый порядокъ и призвать къ дѣятельной жизни подавленные классы народа.

Болѣе обширный кругъ читателей долженъ былъ создаться послѣдующими писателями, среди которыхъ на первый планъ выступаютъ: поэтъ Виландъ, историкъ и публицистъ Гердеръ и великій критикъ Лессингъ, который имѣлъ самое рѣшительное и могущественное вліяніе на ходъ нѣмецкой литературы. Виландъ выступилъ на литературное поприще какъ послѣдователь и поклонникъ Клопштока; его первыя произведенія отличаются тою же сантиментальностью, плаксивою возвышенностью, святостью, небеснымъ настроеніемъ, какъ и Клопштокова «Мессіада». Но Виландъ не долго оставался на этомъ пути, и нападенія, которыя были сдѣланы на него въ литературѣ, а главнымъ образомъ въ журналѣ, въ которомъ принималъ участіе Лессингъ, помогли ему выбраться изъ дебрей, въ которыхъ заблудился Клопштокъ. Перемѣна въ Виландѣ произошла чрезвычайно быстро, и онъ сталъ теперь самъ шутить и насмѣхаться надъ тою чувствительностью и тѣмъ возвышенно-святымъ настроеніемъ, передъ которыми прежде преклонялся. Переходъ былъ чрезвычайно рѣзкій. Виландъ сдѣлался теперь писателемъ по преимуществу свѣтскимъ; легкомысліе, остроуміе, поверхностная иронія стали отличительными качествами Виланда. Новая манера Виланда пришлась какъ нельзя болѣе по плечу «образованному» нѣмецкому обществу, которое до сихъ поръ не читало ничего другого кромѣ французскихъ книгъ. Виландъ перешелъ на другой путь совершенно сознательно, онъ сознавалъ необходимость распространить нѣмецкую литературу среди высшаго общества, и это удалось ему какъ нельзя болѣе. «Благодаря Виланду,—говоритъ Шлоссеръ въ своей исторіи XVIII-го вѣка,—пробудился живой интересъ къ литературѣ въ той части нашей націи, которой недоступны ни серьёзность взгляда, ни наука, которая знала Лессинга только по его пьесамъ, которая въ своей суетливой праздности ищетъ интереснаго развлеченія и находитъ его въ свѣтскомъ обществѣ, въ театрѣ, на минеральныхъ водахъ, на роскошныхъ гуляньяхъ, а между прочимъ также въ книгахъ и журналахъ». Самъ Виландъ говоритъ почти тоже самое, когда пишетъ къ одному изъ своихъ друзей: «Германія не имѣетъ еще такого писателя, котораго могла бы читать та часть публики, которая не получила университетскаго образованія, а пока не будетъ такого писателя, не будетъ и литературы». Высшіе

классы были поражены, встрѣтивъ нѣмецкаго писателя съ запасомъ такого реализма, такой граціи, съ такимъ остроуміемъ и такою терпимостью, какимъ представился имъ Виландъ. Его чувственная поэзія открыла двери, какъ выражается одинъ историкъ литературы, высшаго общества нѣмецкой литературѣ, и пріобрѣла союзниковъ литературному движенію среди свѣтскихъ людей скептиковъ, среди пустыхъ и занятыхъ только модами людей. Конечно, роль писателя, пишущаго исключительно для высшихъ классовъ общества, служащаго только ихъ интересамъ, скорѣе достойна презрѣнія, нежели похвалы; но Виландъ находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что въ то время нужно было заботиться прежде всего о размноженіи круга читателей и о томъ, чтобы нѣмецкая литература вытѣснила изъ общества безграничное господство французской. Но то самое обстоятельство, что Виландъ могъ съ успѣхомъ исполнить подобную задачу, доказываетъ уже, какъ неглубока была его натура, и какъ нетребователенъ былъ его умъ и талантъ, который могъ довольствоваться созданіемъ только такихъ произведеній, которыя ни въ какомъ случаѣ не превышали бы уровня развитія общества того времени. Виландъ изъ своихъ произведеній, между которыми особенно славились романъ «Агатонъ» гдѣ онъ, разсказывалъ свою собственную исторію, «Комическіе разсказы», «Оберонъ», «Граціи», написанныя прекраснымъ языкомъ, извлекъ двойную пользу: и большую популярность, славу первокласснаго поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальныя выгоды, любовь и ласки высшихъ сферъ. Подъ конецъ его дѣятельности литература стала для него чистымъ ремесломъ, при помощи котораго онъ заботился только, какъ бы пріобрѣсти больше денегъ. Несмотря на то, что Виландъ въ свое время былъ провозглашенъ великимъ талантомъ, вліяніе его на нѣмецкую литературу и нѣмецкую жизнь не могло быть особенно благотворно, потому что для этого онъ не обладалъ ни достаточною самостоятельностію мысли и еще менѣе самостоятельностію характера, которая побуждала бы его возвышаться надъ мелкими матеріальными выгодами.

Того, что не хватало Виланду, чтобы сдѣлаться первокласснымъ писателемъ и наложить на ходъ нѣмецкой литературы печать своего генія, то въ изобиліи было у Лессинга, который даетъ своими трудами новое направленіе нѣмецкой мысли и пробуждаетъ націю къ самостоятельному существованію и самостоятельному развитію. Въ какой бы сферѣ ни проявлялось раболѣпство, Лессингъ энергически возстаетъ противъ него, всюду является онъ проповѣдникомъ свободной мысли и свободной жизни. Личная его жизнь соотвѣтствовала всему, что онъ требуетъ отъ націи. Онъ никогда не

преклонялся передъ высшими классами, никогда не раболѣпствовалъ, подобно его преемнику Гёте, передъ маленькими дворами, никогда не унижалъ своего таланта низкою лестью тѣмъ, которые владычествовали вовсе не въ силу своихъ личныхъ достоинствъ. Лессингъ никогда не добивался почестей и отличія; всякая зависимость была невыносима для его благородной гордости; во всѣхъ поступкахъ, во всей дѣятельности онъ руководился только однимъ— что полезно для его общества, для нѣмецкой націи. Впрочемъ, какъ свойственно великому уму, онъ не ограничивался только національными вопросами, онъ касался и общечеловѣческихъ задачъ, и въ этомъ направленіи ничто не можетъ сравниться съ его «Натаномъ Мудрымъ», въ которомъ наши читатели, конечно, помнятъ, съ какою удивительною глубиною Лессингъ схватилъ вопросъ религіозной терпимости [1]). На ряду съ «Натаномъ» въ отношеніи философскихъ воззрѣній Лессинга должна быть поставлена его полемическая дѣятельность, полная необыкновенной силы, противъ ограниченнаго фанатика пастора Гёце. Среди сумбура религіозныхъ понятій, всяческихъ суевѣрій, такъ распространенныхъ въ массѣ, Лессингъ является могучимъ защитникомъ раціонализма.

Какъ драматургъ Лессингъ, помимо своего знаменитаго «Натана», создалъ еще нѣсколько сценическихъ произведеній, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны трагедія «Эмилія Галотти» и комедія «Минна фонъ-Барнгельмъ, написанныя съ цѣлію пробудить въ нѣмцахъ стремленіе къ національной жизни, къ самостоятельности, и научить нѣмцевъ чувству собственнаго достоинства. Лессингъ отлично понималъ, что онъ не рожденъ быть геніальнымъ драматическимъ писателемъ, и самъ онъ въ своей «Гамбургской Драматургіи» въ послѣдней статьѣ говоритъ: «Мнѣ часто дѣлаютъ честь, принимая меня за драматическаго поэта. Это происходитъ оттого, что меня дурно понимаютъ. Нѣсколько драматическихъ попытокъ еще недостаточны. Тотъ еще не живописецъ, который умѣетъ держать въ рукѣ кисть и растереть краски. Первые изъ этихъ опытовъ были написаны еще въ тѣ годы, когда охоту къ писанію и легкость принимаешь за геніальность. Что же касается до тѣхъ, которые явились позже, совѣсть моя подсказываетъ мнѣ, что я обязанъ исключительно критикѣ въ томъ, что есть въ нихъ болѣе сноснаго». И нѣсколько далѣе онъ возвращается къ тому же сознанію, что онъ не драматическій писатель, когда онъ говоритъ: «Мнѣ нужно отказаться сдѣлать для нѣмецкаго театра то, что Гольдони сдѣлалъ для

---

[1]) См. русск. перев. въ «Вѣстникѣ Европы», 1868, окт. и нояб.

итальянскаго, когда онъ обогащалъ его въ теченіи одного года тринадцатью новыми пьесами». Лессингъ былъ правъ. Его истинное призваніе, истинное назначеніе было быть критикомъ, и въ этой области никто не превосходитъ его ни глубиною, ни силою таланта. Если Лессингъ обращался къ театру, къ философіи, то всегда проводилъ онъ здѣсь политическіе взгляды, свои политическія стремленія, которыя, нужно ли прибавлять, были направлены къ одному, это—къ освобожденію Германіи отъ лжи и насилія правительства и господствующихъ классовъ. Если мы не встрѣчаемъ у Лессинга такихъ произведеній, гдѣ бы онъ прямо обращался къ политическимъ вопросамъ, то только потому, что путь къ нимъ былъ загражденъ всевозможными полицейскими заставами. Мысль объ освобожденіи своей родины и своего народа отъ подавлявшаго жизнь деспотизма, мысль объ измѣненіи всего политическаго строя, который мѣшалъ свободному развитію націи и не позволялъ ей придти къ разумному сознанію своей силы и выказать свои нравственныя способности, эта мысль никогда не покидала Лессинга, и ее не трудно отыскать какъ въ его философскихъ произведеніяхъ, въ его драматическихъ произведеніяхъ, такъ точно и въ его критикѣ, въ его знаменитой «Гамбургской Драматургіи». Произведеніе это, писанное въ формѣ журнальныхъ статеекъ, имѣло огромный успѣхъ, пропорціональный не меньшему кругу читателей, такъ что послѣ того, что «Драматургія» появилась въ газетѣ, она имѣла еще въ короткій періодъ времени три изданія. Успѣхъ этотъ конечно объясняется не мѣткими сужденіями объ актерахъ и пьесахъ, а тою глубиною, серьезностію, новизною мыслей, которыя Лессингъ высказывалъ по поводу театральныхъ явленій. Театръ тутъ былъ только предлогомъ, которымъ пользовался авторъ, чтобы въ болѣе популярной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе подозрительной для «предержащихъ властей» высказывать свои идеи и пробуждать нѣмецкое общество отъ сросшейся съ нимъ апатіи. Всю свою «Драматургію» онъ велъ къ тому, чтобы сказать нѣмцамъ, что у нихъ нѣтъ драматической поэзіи, что у нихъ нѣтъ драматическихъ поэтовъ, что они жалкіе и ничтожные подражатели и больше ничего; онъ желалъ, чтобы ему былъ предложенъ вопросъ — да отчего же у насъ нѣтъ поэтовъ, отчего у насъ нѣтъ національнаго театра? и тогда онъ имѣлъ бы право отвѣтить: а чтó вы сдѣлали для того, чтобы имѣть его? вы не только ничего не сдѣлали, но вы мѣшаете, не даете возможности развиться ему! «Не смѣшна-ли идея, — говоритъ Лессингъ въ своей «Драматургіи», — желать, чтобы у нѣмцевъ былъ національный театръ, когда нѣмцы еще

вовсе не нація! Я не говорю о политической организаціи, но только о нравственномъ характерѣ. Слѣдовало бы сказать, что нашъ характеръ именно состоитъ въ томъ, что мы вовсе его не имѣемъ». Вотъ основная мысль, лежащая въ Лессинговой «Драматургіи». Народъ не можетъ имѣть здороваго, серьезнаго драматическаго искусства, до тѣхъ поръ, пока этотъ народъ представляетъ собою только бездушную массу; онъ не можетъ имѣть его, пока онъ не дышетъ свободнымъ воздухомъ, пока онъ не сброситъ съ себя тяжелыя путы такого политическаго порядка, который уничтожаетъ всякую самостоятельность въ жизни, а слѣдовательно и самостоятельность мысли. Случайно можетъ родиться талантъ или геній, но онъ не образуетъ собою еще драматической поэзіи, такъ точно какъ одинъ писатель или даже нѣсколько не составляютъ еще литературы. Чтобы литература, театръ процвѣтали въ какой-нибудь странѣ, для этого необходимо, чтобы она окружена была такою теплою атмосферою, при которой люди, общество могли бы открыто, свободно говорить о всѣхъ своихъ дѣлахъ, о всѣхъ сторонахъ своей жизни; нужно, чтобы условія жизни благопріятствовали всестороннему развитію даннаго общества, или по крайней мѣрѣ искусственными преградами не стѣсняли свободнаго проявленія человѣческой дѣятельности. Иначе литература, какъ и театръ, будутъ всегда чахлымъ цвѣткомъ, отцвѣтшимъ, прежде нежели успѣлъ онъ распуститься, или слабымъ отголоскомъ того, что́ производитъ литература или театръ въ какой-нибудь другой странѣ, т.-е. ничѣмъ инымъ какъ блѣднымъ и жалкимъ подражаніемъ. Такъ именно оно и было въ Германіи. Политическій строй Германіи, нравственный порядокъ, господствовавшій въ ней, были таковы, что деморализировали націю и довели ее до того, что она какъ бы удовлетворилась своимъ положеніемъ, и сдѣлалась рѣшительно равнодушною ко всѣмъ общественнымъ интересамъ.

При такомъ положеніи, при такомъ отсутствіи общихъ, связывающихъ людей, интересовъ не могло быть и рѣчи о самостоятельной литературѣ, о національномъ театрѣ. Лессингъ это понималъ какъ нельзя лучше, и потому не уставалъ говорить своимъ соотечественникамъ: сдѣлайтесь народомъ, будьте самостоятельны, независимы, свободны, и тогда все будетъ въ вашемъ распоряженіи, и богатая литература и оригинальный театръ, безъ этого же вы навсегда останетесь жалкимъ стадомъ овецъ, произвольно управляемымъ правительствомъ. Ни самостоятельности, ни свободы не было въ странѣ, а потому и вмѣсто оригинальной литературы, оригинальнаго театра, были только и литература и театръ, заимствованные у чужого народа, именно у

французовъ. Заимствованіе это было сдѣлано не въ силу потребности націи, а просто въ силу распространеннаго между высшими классами изуродованнаго французскаго воспитанія. Подражаніе французамъ въ литературѣ было какъ бы доказательствомъ того, что она существовала только для аристократіи. Расинъ, Корнель были тутъ въ большомъ почетѣ, и этого было достаточно для Лессинга, чтобы уничтожать и того и другого, и въ своемъ увлеченіи доходить даже до несправедливости къ нимъ. «Дайте мнѣ какую угодно пьесу Корнеля, — восклицалъ онъ, — и я берусь написать ее лучше чѣмъ онъ! Кто держитъ пари»? Но изъ этого нападенія на французскихъ псевдо-классиковъ не слѣдуетъ выводить, чтобы Лессингъ былъ зараженъ тѣмъ «французоѣдствомъ», которымъ отличалась нѣмецкая литература въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Онъ нападалъ на нихъ только для того, чтобы уничтожить ихъ вліяніе на нѣмецкихъ писателей, чтобы отрезвить нѣмецкую литературу, которая пресмыкалась передъ этими давно отжившими моделями. Онъ показывалъ ихъ фальшь, тщательно занимался разборомъ ихъ неестественности, и быть можетъ сознательно доходилъ до преувеличенія ихъ въ своемъ порицаніи, потому что онъ видѣлъ, что они идутъ въ разрѣзъ дѣйствительной жизни и ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть воспитательнаго значенія для его страны. Что у Лессинга не было ожесточенія противъ всего французскаго, ожесточенія, которое не дѣлало бы чести да и не было бы совмѣстно съ его широкимъ умомъ, доказывается тѣмъ, что онъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ драматическимъ произведеніямъ Дидро. Комедіи и драмы послѣдняго не имѣли серьезнаго значенія, это были диссертаціи на заданную тему и, разумѣется, не могли своимъ художественнымъ достоинствомъ возбуждать восторга въ такомъ глубокомъ критикѣ, какимъ былъ Лессингъ. Отчего же хвалилъ ихъ авторъ «Драматургіи»? Восхваленіе Дидро проистекало просто изъ того, что Лессингъ впереди своихъ художественныхъ задачъ, эстетическихъ вопросовъ ставилъ независимо болѣе важный вопросъ о пользѣ, приносимой извѣстнымъ произведеніемъ обществу. Польза же драматическихъ произведеній Дидро была несомнѣнная; съ одной стороны, онъ проводилъ въ нихъ идеи, выработанныя новѣйшею философіею, идеи «гуманныя» по преимуществу и потому самому отвѣчавшія требованіямъ времени; съ другой стороны Дидро уничтожалъ своимъ театромъ обаятельную силу псевдо-классической школы и на первый планъ выставлялъ интересы простой, обыденной жизни. Однимъ словомъ цѣль, которой служилъ Дидро, была тожественна съ цѣлью, къ кото-

рой стремился и Лессингъ. Оба они были людьми новаго времени, оба проповѣдовали новыя начала, оба стремились къ тому, чтобы разрушить средневѣковой строй и вселить въ народную жизнь новый духъ, освободивъ ее отъ давленія высшихъ классовъ.

Широкое начало гуманности, вдохновлявшее Лессинга, вдохновляло и другого писателя, имѣвшаго значительное вліяніе на нѣмецкую литературу, именно Гердера. Несмотря на ихъ общую цѣль въ литературной дѣятельности своей, Гердеръ сплошь и рядомъ являлся противникомъ Лессинга, хотя критическія произведенія послѣдняго имѣли большое вліяніе на Гердера. Значеніе Гердера было, конечно, далеко не такъ велико какъ Лессинга для пробужденія національнаго духа, но цѣль его была таже самая: онъ желалъ вызвать стремленіе къ независимости въ нѣмецкомъ народѣ, онъ хотѣлъ, чтобы взаимныя отношенія низшихъ и высшихъ классовъ были въ корнѣ измѣнены, чтобы яркій лучъ освѣтилъ собою тьму, въ которой блуждалъ народъ, благодаря своему невѣжеству. Жизнь широкая, бурная — вотъ чего хотѣлъ Гердеръ для своего народа. Licht, Liebe, Leben — было его девизомъ. Космополитическая идея находила себѣ въ Гердерѣ больше простора, чѣмъ въ Лессингѣ, благо всего человѣчества занимало его больше чѣмъ кого бы то ни было. Полу-поэтъ, полу-философъ, полу-историкъ, Гердеръ вездѣ оставилъ свой оригинальный слѣдъ. Горячая фантазія, необыкновенная самоувѣренность отличали всѣ его произведенія, принадлежащія къ области поэзіи, философіи, исторіи. Гердеръ ведетъ отчаянную борьбу съ рутиной, не хочетъ знать никакихъ правилъ, и въ своемъ поэтическомъ воодушевленіи поклоняется только народной поэзіи, и только въ ней одной признаетъ силу, богатство образовъ, истинно бурныя страсти. Въ этомъ духѣ онъ написалъ сборникъ «національныхъ пѣсенъ», въ которомъ изображены съ удивительною правдою и простотою характеры, наклонности, страсти различныхъ націй. Поэтическое настроеніе Гердера какъ нельзя болѣе видно и въ другомъ его произведеніи, полу-философскомъ, полу-мечтательномъ, именно въ «Духѣ еврейской поэзіи». Фантазія, или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ сказать идеализмъ, отличавшій Гердера такъ рѣзко отъ реалиста Лессинга, играетъ важную роль и въ самомъ извѣстномъ его сочиненіи: «Идеи о философіи исторіи человѣчества». Сочиненіе это гармонируетъ со всею остальною дѣятельностью Гердера, направленною къ одному: къ проповѣди гуманности, на которую онъ указываетъ какъ на высшее начало, руководящее или долженствующее руководить человѣчествомъ.

Во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности происходитъ

въ это время въ Германіи сильное движеніе. Лессингъ даетъ сильный толчекъ литературѣ, Гердеръ исторіи; въ области философіи это движеніе выражается въ переворотѣ, совершенномъ Кантомъ. Движеніе это поддерживается не только отдѣльными сочиненіями этихъ сильныхъ умовъ, но оно распространяется журналами, которые пріобрѣтаютъ большую популярность и къ которымъ присоединяются всѣ громкія имена того времени. Другъ Лессинга, Николаи, извѣстный своимъ сочиненіемъ, «Письма о нынѣшнемъ состояніи изящныхъ искусствъ въ Германіи», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1755 г. безъ имени автора, и сдѣлавшійся впослѣдствіи не болѣе и не менѣе какъ литературнымъ спекулянтомъ, основалъ вмѣстѣ съ Вейссе, одинаково другомъ Лессинга, «Библіотеку изящныхъ искусствъ и знаній», съ цѣлію быть новымъ судилищемъ и постановлять приговоры надъ прошедшими, настоящими и будущими произведеніями, согласно началамъ, провозглашеннымъ новою эстетическою критикою. Лессингъ не принималъ въ этомъ изданіи дѣятельнаго участія, потому что онъ занятъ былъ другимъ журналомъ, который былъ основанъ вскорѣ послѣ «Библіотеки», именно «Литературными письмами», основанными точно также при главномъ содѣйствіи Николаи. Журналы эти имѣли большое вліяніе; они стремились къ тому, чтобы уничтожить въ нѣмцахъ страсть къ подражанію, пробудить самостоятельность мысли, и яростно нападали на все рутинное, устарѣвшее, гнилое. Въ этихъ журналахъ разрушались старые авторитеты, уничтожались старые боги и провозглашалось новое знаніе, новая жизнь. На подобіе «Библіотеки изящныхъ искусствъ и знаній» и «Литературныхъ писемъ» основалъ журналъ и Виландъ; но его «Нѣмецкій Меркурій» не имѣлъ тѣхъ реформаторскихъ цѣлей, какими отличались первые два журнала. Цѣль его была — спекуляція, и это конечно не могло не отзываться на самомъ изданіи. Въ это время въ Германіи, разумѣется, не могло быть и рѣчи о свободѣ печати, и потому всякіе политическіе вопросы должны были быть отстраняемы; но это не мѣшало тому, чтобы въ статьяхъ, на первый взглядъ посвященныхъ чисто литературной пропагандѣ, нельзя было читать между строкъ и политической пропаганды. Большая заслуга въ дѣлѣ нѣмецкой журналистики принадлежитъ Шлецеру, который прямо осмѣлился затронуть политическіе вопросы. Своею «Новою Перепискою» онъ создалъ, по выраженію Шлоссера, «трибуналъ, передъ приговорами котораго блѣднѣли всѣ германскіе ненавистники просвѣщенія, всѣ многочисленные маленькіе тираны, или деспотическіе чиновники и полицейскіе, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, у которыхъ осталось столько чести и стыда, что

они могли еще краснѣть или блѣднѣть». Журналъ Шлецера обнаруживалъ всѣ возможныя злоупотребленія, которыя годами, столѣтіями хранились подъ спудомъ канцелярской тайны. Онъ сдѣлался грозою привилегированныхъ классовъ; онъ съ большимъ мужествомъ обличалъ продажность, развратъ высшаго общества; онъ ратовалъ за избавленіе народа отъ произвола дворянской касты, которая во мракѣ всеобщаго невѣжества творила невѣроятныя вещи. Страшный гулъ поднялся противъ Шлецера. Владѣтельные князья, аристократія, бюрократія направили на издателя «Новой Переписки» свою злобу и месть. Онъ проповѣдовалъ въ своемъ журналѣ свободу печати, и сами правительства не могли не убѣдиться, какой невѣроятный вредъ происходитъ отъ того, что всѣ злоупотребленія, всѣ насилія не выходятъ на свѣтъ. Шлецеръ велъ въ одно и тоже время борьбу противъ іезуитовъ и злоупотребленій духовенства, и съ этой стороны находилъ себѣ поддержку въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и рѣдкихъ правителей, именно въ Іосифѣ II. Съ 1782 г., «Новая Переписка» приняла названіе «Государственныхъ Вѣдомостей» и съ этихъ поръ значеніе этого журнала сдѣлалось еще болѣе велико, онъ положительно служилъ интересамъ цѣлой Германіи.

Движеніе, вызванное такими талантами какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, поддержанное и распространенное возникшею журналистикою, должно было отозваться и отозвалось на нѣмецкой молодежи. Съ одной стороны, критика Лессинга открыла нѣмецкому юношеству нищету нѣмецкой литературы, побуждала отбросить подражаніе французскимъ псевдо-классикамъ и указывала на Шекспира какъ на великій образецъ; съ другой стороны, страстный, пламенный призывъ Руссо къ непосредственной естественности нашелъ себѣ отзывъ въ молодыхъ сердцахъ чувствительныхъ нѣмцевъ, на которыхъ и съ этой стороны Руссо имѣлъ большое вліяніе. Менцель въ своей «Исторіи нѣмецкой литературы» называетъ не даромъ Руссо патріархомъ новаго сантиментализма. Во всякомъ случаѣ, сантиментализмъ Руссо былъ несравненно здоровѣе сладенькаго сантиментализма нѣмецкаго происхожденія. Подъ вліяніемъ Лессинга и Руссо, нѣмецкая молодежь, вооружившись необыкновенною энергію, провозгласила своимъ лозунгомъ: свобода и природа! и стала съ увлеченіемъ, свойственнымъ молодости, «потрясать столбы рутины, на которыхъ покоился храмъ филистерства». Непримиримая вражда была объявлена всему устарѣвшему, гнилому, съ необыкновеннымъ жаромъ стали нападать на всѣ сословные предразсудки, горячая сатира бичевала пороки и злоупотребленія сильныхъ, съ трескомъ, шумомъ накидывались на отжившія общественныя формы, съ па-

ѳосомъ провозглашали они свободу, съ громомъ и молніею возвѣщаемъ былъ конецъ тираніямъ, приготовляясь служить для защиты новыхъ началъ, новой жизни. Этотъ періодъ получилъ названіе въ нѣмецкой литературѣ періода «бурь и волненій» (Sturm und Drang). Казалось, что отнынѣ заря новой жизни засвѣтила для Германіи.... но это только казалось.

Это направленіе, полное «бурныхъ стремленій», раздвоилось, оно раздѣлилось такъ-сказать на два лагеря. Съ одной стороны, въ Геттингенѣ образовался «союзъ геттингенскихъ бардовъ», которые въ силу какой-то особой логики ухитрились слить въ одно цѣлое свои «бурныя стремленія» къ свободѣ, къ новой жизни, къ новымъ воззрѣніямъ, съ плаксиво-догматическою поэзіею Клопштока, котораго они провозгласили главою союза. Къ этому союзу примыкалъ по всей правдѣ и Бюргеръ, творецъ нѣмецкихъ балладъ, который до сихъ поръ еще не забытъ въ Германіи. Несмотря на нѣкоторый сумбуръ, господствовавшій въ головахъ нѣмецкихъ бардовъ, они оказали тѣмъ не менѣе свою долю пользы нѣмецкому народу. Они старались вырвать нѣмецкое юношество изъ раболѣпства, господствовавшаго тогда въ обществѣ, отклонить его отъ лакейской угодливости и лести передъ дворомъ, они стремились поселить въ нѣмецкомъ народѣ рядомъ съ лучшимъ образованіемъ чувство собственнаго достоинства, благородной гордости и жажду свободы и независимости. Они желали освѣжить общественное мнѣніе, обновить и облагородить нѣмецкіе нравы. Къ несчастью только, они не понимали, что подобные результаты не достигаются сладкимъ воспѣваніемъ дружбы, любви и природы. Изъ того, какъ образовался этотъ союзъ, къ которому цѣликомъ принадлежали Фоссъ, два брата Штальберги, Гельти, два Миллера, Бойе и нѣкоторые другіе, легко видѣть, могло ли выйти чтó-нибудь серьезное изъ дѣятельности этихъ сантиментально-мечтательныхъ нѣмцевъ, признавшихъ Клопштока своимъ божкомъ. «Ахъ,—писалъ Фоссъ, одинъ изъ основателей гёттингенскаго союза бардовъ, въ письмѣ къ другу, 12-го сентября (1772 г.),—вы должны были бы быть здѣсь. Оба Миллера, Ганъ, Гельти и я отправились вечеромъ въ близлежащую деревню, былъ славный вечеръ и полная луна. Мы совершенно отдались ощущеніямъ чудной природы. Мы выпили въ крестьянской хижинѣ молока и отправились къ открытому полю. Тутъ нашли мы небольшую дубовую рощу, и намъ всѣмъ внезапно пришла мысль подъ этими священными деревьями освятить клятвою союзъ дружбы....» Призывая луну и звѣзды быть свидѣтелями ихъ закрѣпленнаго союза, «они клялись въ вѣчной дружбѣ». Если эта прелестная картинка достаточно освѣ-

щаетъ уже глубокомысліе и степень серьезности союза бардовъ, то еще болѣе бросается въ глаза незрѣлость этихъ реформаторовъ, когда мы вспомнимъ, что на своихъ празднествахъ они торжественно провозглашали тосты въ честь Клопштока и Лессинга и восклицали: «да погибнетъ развратитель нравовъ Виландъ, да погибнетъ Вольтеръ!» Странныя сопоставленія! Этому направленію приверженцевъ «бурныхъ стремленій» не трудно разумѣется было превратиться впослѣдствіи въ католическо - средневѣковый романтизмъ.

Направленіе «бурныхъ стремленій» представлялось не исключительно геттингенскими бардами. Противъ этой группы молодыхъ поэтовъ стояла другая группа болѣе симпатичная, группа, необразовавшая собою никакого союза подъ тѣнію дубовыхъ деревьевъ. Въ этой группѣ пророкомъ былъ не старецъ Клопштокъ, а «бурный геній» Шекспиръ, почитаніе котораго доходило до обожанія. Въ этой группѣ не признавались никакіе законы, никакія правила, все возлагалось на силу природы. Писатели, причислявшіе себя къ породѣ «бурныхъ геніевъ» (Kraftgenies) не налагали никакихъ оковъ своей фантазіи, своему воображенію. Эти «бурные геніи» были недовольны существовавшимъ порядкомъ, они стремились къ лучшему устройству, политическая атмосфера казалась имъ слишкомъ удушливою и въ нихъ бушевали порывы къ свободѣ. Къ этимъ «бурнымъ геніямъ» нужно отнести Шубарта, который рано познакомился съ тюрьмою, благодаря своему республиканскому вдохновенію. Въ своихъ пламенныхъ стихахъ онъ нападалъ на правителей, обвиняя ихъ во всѣхъ страданіяхъ народа и обнаруживая ихъ злоупотребленія. Этотъ самый Шубартъ въ стихотвореніи, полномъ злобы и горечи, оплакалъ первый раздѣлъ Польши. Онъ вздыхалъ по свободѣ какъ страстный любовникъ и съ отчаяніемъ восклицалъ:

Aber wo find ich dich, heilige Freiheit
O Du, des Himmels Erstegeborne?

Это благородное настроеніе Шубарта, это порывистое стремленіе къ свободѣ, эта смѣлость, стоившая автору цѣлые годы заключенія, среди господствовавшаго въ обществѣ раболѣпства и пресмыканія передъ всевозможными маленькими дворами, дѣлаетъ Шубарта однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей періода «бурныхъ стремленій» въ нѣмецкой литературѣ. Къ этой же группѣ писателей принадлежитъ и Клингеръ, который своею драмою, написанною еще во время его юности, «Sturm und Drang», далъ имя цѣлому направленію въ литературѣ. Вмѣстѣ съ богатою фантазіею, Клингеръ соединялъ въ себѣ глубокую

любовь къ свободѣ и человѣчеству, на которое онъ смотрѣлъ съ большимъ состраданіемъ. Руссо былъ его моделью, онъ поклонялся ему, и во всѣхъ своихъ, особенно первыхъ произведеніяхъ онъ является ученикомъ его. Все что выходитъ изъ рукъ природы хорошо, но все портится людьми — таково воззрѣніе Клингера, заимствованное имъ у своего учителя.

Это направленіе «бурныхъ стремленій» и «бурныхъ геніевъ» въ сущности не создало ни одного дѣйствительнаго генія, или выходящаго изъ ряда крупнаго таланта, который имѣлъ бы достаточно силы, чтобы выполнить задачу, начерченную Лессингомъ. Упрочить самостоятельность національной литературы выпало на долю Гёте и Шиллера, которые появляются въ періодъ «бурныхъ стремленій». «Бурные геніи» не имѣли именно достаточно генія, чтобы дать своему направленію такую прочную, неразрушимую силу, которая обусловила бы собою весь будущій ходъ развитія нѣмецкой литературы. Ихъ стремленіе къ свободѣ, къ уничтоженію раболѣпства въ обществѣ, къ пробужденію духа независимости, самостоятельности, самоуваженія, не пережило ихъ самихъ, и въ колоссальномъ Гёте мы находимъ уже, вмѣсто горячаго и страстнаго отношенія къ стремленіямъ «бурныхъ геніевъ», только холодное и высокомѣрное равнодушіе.

Первыя произведенія Шиллера родились на вулканической почвѣ «бурныхъ стремленій» и при появленіи «Разбойниковъ» писатели этого направленія привѣтствовали Шиллера какъ своего. Шиллеръ въ это время дѣйствительно былъ подъ вліяніемъ «бурныхъ стремленій»; онъ наслаждался и увлекался поэмами Шубарта, въ немъ сильно было чувство любви къ свободѣ, и это настроеніе сохранилось въ немъ болѣе или менѣе во всю его жизнь. Въ двухъ слѣдующихъ его произведеніяхъ, въ «Коварствѣ и Любви» и въ «Фіеско» стремленія Шиллера опредѣляются еще болѣе рѣзко. Политическая тенденція его—явно республиканская; онъ бичуетъ развратъ дворовъ, онъ возстаетъ противъ наглой гордости аристократіи, ничѣмъ не оправдываемой, и представляетъ возмутительную картину отношеній между высшими и низшими сословіями. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ авторъ «Фіеско», «Коварство и Любовь» становится впослѣдствіи вовсе въ иныя отношенія ко двору, еслибы мы не знали, какое вліяніе имѣлъ на Шиллера Гёте. Шиллеръ— кто можетъ это отрицать — имѣлъ огромное благотворное вліяніе на нѣмецкую націю, его образовательное значеніе сохраняется и до нашего времени, потому что въ авторѣ «Вильгельма Телля» былъ неисчерпаемый источникъ теплой любви къ человѣчеству. Вліяніе идей, проповѣдуемыхъ Шиллеромъ, было бы

несравненно обширнѣе въ его время, ему скорѣе удалось бы пробудить въ нѣмецкомъ народѣ жажду свободы и независимости, еслибы Гёте не дѣйствовалъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Мы, разумѣется, вовсе не намѣрены здѣсь говорить о поэтическомъ значеніи такихъ талантовъ, какъ Шиллеръ и Гёте; мы преслѣдуемъ только одну цѣль—указать, въ какой мѣрѣ затрогивались въ нѣмецкой литературѣ политическія идеи до появленія перваго истиннаго политическаго писателя, Лудвига Берне.

Въ смыслѣ политическомъ великій поэтъ Гёте является совершеннымъ ничтожнымъ. Насколько благотворна была его дѣятельность въ литературномъ отношеніи, какъ творца «Фауста», «Эгмонта» и цѣлаго ряда другихъ произведеній, настолько же вредна она была, настолько же пагубно дѣйствовала она на политическое развитіе націи. Недостойное услужничество нашло въ Гёте своего представителя.

Причина этого необычайнаго явленія, что такой колоссальный умъ, такой великій талантъ встрѣтились въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ такимъ ничтожнымъ характеромъ, съ такою политическою ограниченностію, кроется въ необъятномъ эгоизмѣ Гёте. Эгоизмъ—вотъ основная черта Гёте, черта, объясняющая намъ всю жизнь, всю дѣятельность, все поведеніе этого человѣка. Гёте смотрѣлъ на себя какъ на средоточіе цѣлаго міра; ему казалось, что не онъ долженъ служить цѣлому міру, а цѣлый міръ долженъ служить ему одному. Лишенный даже и тѣни любви къ человѣчеству, Гёте направлялъ весь свой талантъ, весь свой геній вовсе не къ тому, чтобы улучшить нравственное положеніе людей, доставить торжество новымъ идеямъ, быть, однимъ словомъ, проповѣдникомъ правды, справедливости, свободы, до всего этого ему не было никакого дѣла, ему нужно было только торжество его личности, потому что онъ боготворилъ только одну свою личность. Для него не было другой святыни. Ему не было никакого дѣла до страданій его народа, до бѣдствій его родины. Достаточно было нѣсколько льстивыхъ словъ Наполеона, чтобы Гёте перешелъ на его сторону. Во время самыхъ тяжелыхъ годинъ его отечества, во время самыхъ рѣшительныхъ европейскихъ переворотовъ, Гёте какъ нельзя болѣе спокойно занимался изученіемъ китайскаго языка. Придворная жизнь, которая пришлась такъ по вкусу Гёте и въ которую онъ такъ въѣлся, окончательно развратила его характеръ. Совершенно естественно, что презрительное отношеніе Гёте ко всѣмъ самымъ горячимъ вопросамъ народной жизни, должно было оттолкнуть отъ него большую часть молодежи, которая смотрѣла на него какъ на явленіе, принадлежа-

щее прошедшему времени. На остальную же часть молодежи Гёте имѣлъ самое вредное вліяніе; онъ привилъ къ ней, какъ выражается Менцель, самую вредную болѣзнь: смотрѣть на весь міръ свысока и находить его для себя слишкомъ мелкимъ.

Конечно, Гёте могъ быть совершенно удовлетворенъ тѣмъ обожаніемъ, которымъ окружало его высшее общество, и его самолюбіе находило себѣ въ немъ полное удовлетвореніе; онъ сознавалъ себя богомъ, другіе не оспаривали его божества—ему больше ничего не было нужно. Нападки, дѣлавшіеся иногда на Гёте, встрѣчали сильный отпоръ въ его друзьяхъ, до тѣхъ поръ, пока самъ Гёте, соединившись съ Шиллеромъ, не сталъ издавать журнала, «die Horen», который долженъ былъ, по ихъ собственнымъ словамъ «превзойти все, что когда-нибудь появлялось въ этомъ родѣ». Въ этомъ журналѣ, такъ точно какъ и въ Шиллеровомъ «Альманахѣ Музъ», стали появляться жестокія насмѣшки надъ всѣми противниками Гёте и Шиллера. Если нападки не могли имѣть никакого значенія для Гёте, то онъ могъ бы кажется задуматься, обозрѣвая весь пройденный имъ путь, па грустный для всякаго великаго писателя фактъ — тотъ фактъ, что появленіе Гёте въ нѣмецкой литературѣ не дало ей немедленныхъ результатовъ, что онъ не только не создалъ своего направленія, но такъ-сказать былъ обойденъ другимъ направленіемъ—средневѣковымъ романтизмомъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, школа Гёте, гдѣ цѣлая фаланга писателей, идущихъ по его стопамъ, гдѣ такъ отражается въ литературѣ и въ жизни того времени появленіе геніальнаго Гёте? Ничего подобнаго нѣтъ. Не будь Гёте пропитанъ самымъ жалкимъ эгоизмомъ, мѣшавшимъ ему понимать общественные интересы, отнесись онъ сочувственно къ народной жизни, его произведенія, оставаясь міровыми, отвѣчали бы стремленіямъ общества и имѣли бы потрясающее вліяніе на освобожденіе націи отъ цѣпей нравственнаго и физическаго рабства. Почва для Гёте была уже во многихъ отношеніяхъ подготовлена предшествовавшими писателями, работавшими для пробужденія народнаго духа; но его холодная, эгоистическая натура не чувствовала потребности искать себѣ сочувствія въ цѣломъ морѣ народной жизни. Поэтому-то Гёте и не имѣлъ такого крупнаго и немедленнаго вліянія на нѣмецкую жизнь и нѣмецкую литературу, которое онъ могъ имѣть, обладая такимъ геніемъ. Литературное движеніе, какъ и движеніе народной жизни, оставило его въ сторонѣ, и прошло мимо, какъ будто бы Гёте не стоялъ на дорогѣ. Правда, романтическое направленіе, начавшее господствовать въ Германіи, окружило Гёте почетомъ, причисляя его къ своимъ, но этотъ почетъ долженъ былъ быть скорѣе оскорбите-

ленъ, нежели пріятенъ Гёте. Направленіе, которое отрицало новую жизнь, не признавало новыхъ началъ, которое искало въ среднихъ вѣкахъ для себя идеаловъ, которое было солидарно со всѣми стремленіями касты феодаловъ—сочувствіе такого направленія, собственно говоря, было самымъ обиднымъ наказаніемъ для Гёте. Вмѣсто того, чтобы литература стала передовою силою въ развитіи новыхъ началъ и новыхъ идей, провозглашенныхъ французскою революціею, въ Германіи она становится, благодаря индифферентизму Гёте и его придворнымъ поклоненіямъ, тормозомъ къ движенію націи впередъ на пути свободы и самостоятельнаго существованія. Не пользовавшаяся никогда свободою, нѣмецкая литература не въ состояніи была понять, что̀ скрывается за тѣми, быть можетъ слишкомъ бурными, проявленіями французской революціи, которыя наводили на нее ужасъ, она не въ состояніи была понять, что смерть стараго порядка, средневѣковаго общественнаго строя, не можетъ произойти безъ всякаго кризиса, безъ потрясающихъ взрывовъ. Она не догадывалась, что роды новаго міра не могли пройти безъ того, чтобы не вырвать оглушительныхъ криковъ и раздирательныхъ стоновъ изъ груди старой Европы. Нѣмецкая литература, лишенная геніальнаго руководителя, какимъ могъ бы быть Гёте, еслибы въ немъ было сколько-нибудь политическаго смысла и любви къ человѣчеству, перепугалась и думала найти спасеніе отъ наплыва новыхъ идей и демократическихъ стремленій въ идеяхъ и стремленіяхъ католическаго, средневѣковаго строя. Такимъ образомъ, романтическое направленіе явилось въ Германіи какъ реакція противъ французской революціи, и потому происхожденіе его было чисто политическое. Въ то время, когда во Франціи объявляется, что «старый богъ пересталъ господствовать» и провозглашается религія разума, въ Германіи обращаются къ горячему католицизму и восхваляются старыя католическія формы; въ то время, когда во Франціи навсегда падаетъ, по крайней мѣрѣ нравственно, монархическое начало, въ Германіи литература старается усилить обожаніе деспотической власти, поэтизируя ее на всѣ лады; наконецъ, когда во Франціи провозглашаются «права человѣка» и ставится какъ девизъ: «свобода, равенство и братство» и вмѣстѣ съ тѣмъ рушится аристократія, дворянство, въ Германіи возносятся хвалебные гимны феодальной эпохѣ и воспѣваются нравы рыцарства. Романтическая школа, направленная противъ революціи, вела борьбу со всѣмъ современнымъ духомъ, литература, позабывъ свое истинное назначеніе— служить народнымъ интересамъ, сдѣлалась оплотомъ сгнившаго порядка, опорою вкоренившихся предразсудковъ, суевѣрій и всего

того, отчего французская революція силилась освободить европейское общество. Романтическая школа желала изъ Гёте сдѣлать себѣ конституціоннаго короля, потому что она видѣла, что онъ нисколько не противорѣчитъ ея стремленіямъ, что въ своихъ практическихъ воззрѣніяхъ они довольно близко стоятъ другъ къ другу. Шиллеру же никогда не были прощены его либеральныя и революціонныя стремленія, которыя съ такою силою сказались въ его первыхъ произведеніяхъ, и которыя не пропадали въ немъ никогда, несмотря на дружбу, которая соединила его впослѣдствіи съ Гёте.

Но если Шиллеръ не пользовался уваженіемъ у романтической школы, то онъ былъ совершенно вознагражденъ тѣмъ успѣхомъ, тою популярностью, которою онъ пользовался не среди аристократическаго романтизма, а среди демократическихъ слоевъ общества. Народъ всегда съумѣетъ понять, кто его любитъ, и кто презираетъ. Главными представителями романтическаго направленія въ Германіи были братья Шлегели, Новалисъ, Тикъ, литературнымъ же органомъ ихъ былъ журналъ «Атеней», который издавался двумя братьями Шлегелями. Направленіе это становилось все болѣе и болѣе исключительнымъ, и съ каждымъ днемъ вызывало къ себѣ все большія и большія симпатіи со стороны аристократіи, которая переживала тогда не совсѣмъ пріятныя минуты. Она дрожала за свое существованіе, опасаясь, что буря, разразившаяся во Франціи, снесетъ ее съ лица земли. Аристократія радовалась, что и въ литературѣ проводится дорогое для нихъ начало, что люди раздѣляются на двѣ породы, одна—созданная для труда, для тяжелой жизни, между тѣмъ какъ другая—для жизни беззаботной, для наслажденія, для искусства, поэзіи. Возвращеніе къ идеямъ среднихъ вѣковъ, преклоненіе передъ дряхлыми формами жизни, конечно не могло найти отголоска въ массѣ, которая искала себѣ въ литературѣ другихъ идей, другихъ писателей. Она нашла ихъ временно въ періодъ войнъ въ тѣхъ горячихъ писателяхъ, которые какъ бы составляютъ особое направленіе патріотическое. Къ этому направленію должны быть причислены Кёрнеръ, Уландъ, Арндтъ, Герресъ, которые раздѣляли народныя стремленія, сочувствовали ихъ интересамъ, умѣли понимать ихъ, потому что воодушевлены были истинною любовью къ свободѣ и прогрессу. Голосъ этихъ поэтовъ, которые находили протяжное эхо въ сердцѣ народа, былъ прерванъ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, наступившею послѣ нихъ реакціею, установившимся Священнымъ Союзомъ. Время реакціи было временемъ высшаго торжества для романтической школы, когда она достигла до апогея своего развитія; но достиг-

нувъ высшей точки, она неминуемо должна была начать опускаться. Аристократіи не нужна была болѣе помощь литературы; правительства, въ воспоминаніе оказанныхъ услугъ, брали себѣ защитниковъ романтизма въ служеніе, и они превращались въ не что иное какъ въ жалкихъ льстецовъ. Однимъ словомъ, роль ихъ была сыграна. Одну довольно важную услугу, которую оказала романтическая школа, именно ту, что она познакомила Германію съ иностранными поэтами, съ Шекспиромъ, Калдерономъ, Лопесъ-де-Вега, Дантомъ, Аріостомъ и другими, она постаралась какъ бы заставить забыть, нанося громадный вредъ нѣмецкой литературѣ, бросая въ нее средневѣковый мусоръ. Когда въ 1815 году, послѣ окончанія войнъ и наступленія реакціи, народъ увидѣлъ себя обманутымъ во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, когда онъ понялъ, что обѣщанія, которыя такъ щедро сыпались въ минуты кризисовъ, добровольно никогда не будутъ выполнены, онъ инстинктивно долженъ былъ оттолкнуться отъ всего, что стояло въ близкомъ отношеніи къ правительствамъ и аристократіи. Раболѣпная литература представляла собою въ это время самое жалкое зрѣлище. Одна половина, романтическая, не заключала въ себѣ ничего живого, напротивъ, все въ ней было умерщвлено затхлыми идеями прошедшаго; другая половина, которая была болѣе понятна народу, совершенно опошлилась. Достаточно вспомнить, что въ этой послѣдней господствовалъ Коцебу.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX-го вѣка, нѣмецкая литература была немного въ лучшемъ положеніи чѣмъ въ началѣ XVIII-го. Какъ тогда, можно было сказать, что литература не существовала, такъ точно и теперь можно было повторить тѣ же слова. Гдѣ же причина такого печальнаго явленія, печальнаго тѣмъ болѣе, что оно случилось послѣ того, что въ прошедшемъ нѣмецкой литературы можно уже было насчитать нѣсколько геніевъ? Не бѣда еще, когда въ какой-нибудь литературѣ послѣ цѣлаго ряда блестящихъ именъ наступаетъ пора, когда кромѣ второстепенныхъ талантовъ никто не появляется на литературномъ горизонтѣ. Важность заключается вовсе не въ первостепенныхъ талантахъ, судьба литературы, успѣхъ ея вовсе не обусловливается ими одними; гораздо важнѣе для литературы, чтобы въ ней не останавливалось развитіе идей, которыя могутъ идти впередъ помимо крупныхъ талантовъ. Какой прокъ отъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, когда міросозерцаніе ихъ узко, кругъ идей ограниченъ, когда они являются въ своей дѣятельности пропагандистами старины, рутины, отжившихъ идей! Пусть лучше не будетъ этихъ исключительныхъ талантливыхъ единицъ, но пусть вмѣсто того средній уровень идей постоянно толкаетъ впередъ. Бѣда нѣ-

мецкой литературы въ началѣ XIX-го вѣка заключалась именно въ томъ, что въ ней не было свѣтлыхъ идей, что она прозябала, что она покрывалась плѣсенью вслѣдствіе своей неподвижности. Причина такого явленія давно уже была объяснена Лессингомъ, когда онъ говорилъ, что нѣмецкій театръ не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ нѣмецкаго народа въ нравственномъ смыслѣ этого слова. Лессингъ былъ правъ. Нѣмецкая литература, какъ и всякая другая, не можетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока нѣтъ народа въ нравственномъ смыслѣ, т.-е. пока нѣтъ народа независимаго, пользующагося свободой и всѣми ея прерогативами, пока въ этомъ народѣ не будетъ пробуждена политическая жизнь. Писатель, который бы появился въ нѣмецкой литературѣ въ это время, т.-е. въ первой четверти XIX-го вѣка, долженъ былъ непремѣнно задуматься надъ ея жалкимъ положеніемъ, и ему должны были придти въ голову слова Лессинга: нѣтъ театра, нѣтъ литературы,—пока нѣтъ народа, пока нѣтъ свободы. Писатель, который бы появился въ это время, не могъ съ грустью не остановиться передъ печальнымъ фактомъ разложенія нѣмецкой литературы и передъ причиною этого факта: отсутствіе въ литературѣ здоровыхъ политическихъ идей, пробуждающихъ народную массу, которая въ свою очередь должна питать литературу. Если народъ былъ лишенъ здоровой политической жизни, если отсутствіе ея было причиной разложенія нѣмецкой литературы, то писатель, въ которомъ горяча была бы любовь къ своему народу, сильно сочувствіе его интересамъ, долженъ былъ бы всѣ силы своего таланта направить на пробужденіе нѣмецкаго народа, на внесеніе въ его жизнь тѣхъ политическихъ идей, безъ которыхъ нѣтъ будущаго для народа. Прошедшее нѣмецкой литературы, настоящее положеніе ея должны были служить подтвержденіемъ правдивыхъ словъ Лессинга. Больше чѣмъ когда-нибудь, на сцену долженъ былъ выступить политическій писатель, который силою своего убѣжденія и своего таланта воскресилъ бы жизнь и въ нѣмецкой литературѣ. Такимъ писателемъ и былъ Лудвигъ Бёрне.

Мы должны были остановиться нѣсколько подробно какъ на положеніи нѣмецкаго общества, среди котораго дѣйствовалъ Бёрне, такъ и на состояніи нѣмецкой литературы, и на ея послѣдовательномъ развитіи, потому что иначе связь Бёрне съ нѣмецкою литературою и его вліяніе на нее, быть можетъ, не были бы достаточно ясны для нашихъ читателей. Не припомнивъ состоянія нѣмецкаго общества и литературы, фигура Бёрне представилась бы намъ какъ бы изолированною, можно было бы сдѣлать заключеніе, что Бёрне съ своею литературною дѣятельностію, направленною главнымъ образомъ, чтобы не сказать исклю-

чительно, на политическіе вопросы, стоитъ особнякомъ въ общемъ развитіи литературы. Подобное заключеніе было бы прямо противоположно истинѣ. Бёрне напротивъ, по нашему мнѣнію, представляетъ собою связующее звено между старою литературою, которая замыкается фигурою Гёте и новою литературою, которая открывается писателями «молодой Германіи» и, проходя черезъ Гейне, доходитъ до современныхъ намъ писателей. Бёрне, окидывая взоромъ безправное положеніе нѣмецкаго народа, жалкое нравственное состояніе общества, подавляемое десятками мелкихъ правителей и цѣлою ватагою ихъ прислужниковъ, съ горечью смотрѣлъ на выродившуюся нѣмецкую литературу, которая въ своемъ паденіи дошла до средневѣковаго романтизма. Причина такого упадка была для него какъ нельзя болѣе ясна; онъ отлично понималъ, что причина безсилія, какъ общества такъ и литературы, заключается въ поразительномъ отсутствіи здоровыхъ политическихъ идей, значеніе которыхъ для общественнаго организма не понималъ даже такой великій умъ, какъ Гёте. Дать толчокъ нѣмецкой литературѣ, впустить въ нее свѣжую струю здороваго воздуха, пробудить общество своею злою сатирою, своею страстною любовію къ свободѣ—такова была задача Лудвига Бёрне, которую могъ выполнить только человѣкъ, обладавшій такимъ замѣчательнымъ талантомъ и гражданскою честностію, какъ авторъ «Парижскихъ писемъ». Бёрне сознательно направилъ свой многосторонній талантъ почти исключительно на политическую сторону, потому что онъ понималъ, какъ настоятельно необходимо едѣлалось для нѣмецкаго общества и литературы усвоеніе себѣ правильныхъ политическихъ идей. Онъ имѣлъ примѣръ на отечественной литературѣ, до какого паденія можетъ она дойти, когда на первый планъ въ ней выдвигаются такъ-называемые художественные интересы и художественныя задачи.

Но прежде чѣмъ обратимся къ сочиненіямъ Лудвига Бёрне, мы остановимся на его біографіи, потому что ознакомленіе съ жизнію человѣка много поясняетъ и въ его произведеніяхъ. Только тогда, когда мы знакомимся съ жизнію человѣка, съ воспитаніемъ его, когда мы узнаемъ, гдѣ и въ какой средѣ прошли его дѣтскіе, юношескіе и зрѣлые года, когда мы узнаемъ въ какомъ кругу онъ вращался и съ какими людьми сталкивала его судьба — только тогда намъ становится совершенно понятно то или другое направленіе его мыслей, тѣ или другія воззрѣнія.

Е. Утинъ.

НАШИ ШМЕЛИ.

Я люблю разбѣгъ безумный
Силы юной, силы шумной,
Силы бьющей черезъ край.
Все дорогу уступай
Сокрушительному току!
Онъ могучъ, подобенъ року —
Все ниспровергаетъ въ прахъ,
Міръ подъемлетъ на плечахъ.
Полонъ воли, полонъ вѣры,
Онъ великія химеры,
Вдохновенья чудеса
Созидаетъ въ полчаса.

Но смѣшонъ задоръ кичливый,
Безтолковый и шумливый
Этихъ лысыхъ и пустыхъ
Вѣчныхъ отроковъ большихъ.
Но забавна ихъ охота
Вѣкъ соваться дѣлать что-то,
Что не нужно никому,
И, не вѣдая къ чему,
Въ пчельникъ, полный силъ и меда,
Создающаго народа,
Шмелемъ лишнимъ и шальнымъ
Вѣчно биться лбомъ тупымъ.

СКРОМНЫЯ ОЖИДАНІЯ.

I.

Тучи несутся, ложатся грядами,
Хмуры, свинцовы, чреваты дождями,
И безъ конца ихъ угрюмый полетъ,
Словно ихъ съ цѣлаго свѣта несетъ.

Ждемъ, недождемся — къ намъ будетъ ли вёдро!
Зиму у печекъ мы вынесли бодро, —
Не одолѣли насъ стужа, метель —
Жабою только доѣхалъ апрѣль.

Кукни кукушка! цвѣсти бы сирени —
Вѣдь на исходѣ и май-то весенній:
Солнышко выглянь — хоть носъ-то просунь!
Нѣтъ, подождемъ, что-то скажетъ іюнь!

Ждемъ. Но въ іюнѣ лишь вѣтры все дули;
Вѣтры все дули опять и въ іюлѣ,
Августу стлали изъ листьевъ постель....
Значитъ, надежда опять на апрѣль.

Тучи несутся, ложатся снѣгами,
Холодны, грозны, чреваты бѣдами:
Жабы, горячки, холера и крупъ....
Вотъ ужъ на это нашъ сѣверъ не глупъ!

II.

Мы не ждемъ въ ноябрѣ увидать на дворѣ
Нѣжно-алыя позднія розы, —
Къ намъ придутъ, знаемъ мы, въ снѣжномъ платьѣ зимы,
Наши дюжіе гости — морозы.

* * *

Мы не знаемъ тѣхъ благъ, отъ которыхъ на шагъ
Ужъ другіе счастливцы народы, —
Мы для жизни своей хоть мерцанья идей,
Хоть луча просимъ солнца свободы!

* * *

Мы народъ-мужичокъ — намъ бы хлѣба кусокъ,
Да хоть малость полегче бы бремя....
И ужъ гдѣ тамъ до благъ, если намъ изъ сермягъ
Даже выбиться было не время!

ОСЕННІЙ ЦВѢТЪ.

(Ѳ. И. Т—ву).

Акація душистая
Осенній цвѣтъ дала;
А роща желтолистая,
Недужная и мглистая,
Кругомъ ужъ замерла.

Больного поколѣнія
Осенній сонъ идетъ....
Лишь сила вдохновенія
Не знаетъ усыпленія
И вѣчный цвѣтъ даетъ.

П. Ковалевскій.

1870 г.

КРИТИКА МОИХЪ КРИТИКОВЪ.

II [1]).

Другимъ моимъ критикомъ, по порученію Академіи наукъ, былъ академикъ Шифнеръ. Трудно мнѣ было бы желать критика болѣе компетентнаго и многообъемлющаго по занимавшему меня предмету. Будучи однимъ изъ капитальнѣйшихъ оріенталистовъ настоящаго времени, и соединяя въ одномъ себѣ знаніе разнообразнѣйшихъ языковъ Востока, этотъ ученый въ то же время посвятилъ много времени и трудовъ сравнительному изученію миѳологіи, поэмъ и пѣсенъ разныхъ народовъ. Во время моихъ изысканій я былъ ему обязанъ множествомъ драгоцѣнныхъ указаній, и, только благодаря его доброжелательству и содѣйствію, имѣлъ возможность изучать II-й и III-й томы Радлоффа, изъ которыхъ II-й былъ уже тогда напечатанъ, но не выпущенъ въ свѣтъ, а III-й вовсе еще даже и не былъ напечатанъ. Я не могъ не убѣждаться на каждомъ шагу, до какой степени, въ вопросѣ о древней русской исторіи и древней русской литературѣ, важны труды и розысканія оріенталистовъ, въ особенности оріенталистовъ русской школы: поэтому-то я съ глубочайшимъ убѣжденіемъ высказалъ, въ концѣ моего труда, увѣренность, что дальнѣйшая судьба вопроса о русскихъ былинахъ находится въ рукахъ нашихъ оріенталистовъ, и отъ нихъ должно зависѣть разсмотрѣніе и рѣшеніе всего, касающагося этого предмета.

При такихъ обстоятельствахъ дѣла, я считаю въ высшей степени для себя важнымъ, что критика такого ученаго вообще, и оріенталиста въ особенности, каковъ академикъ Шифнеръ, подтвердила многія изъ тѣхъ положеній, которыя я считалъ наиважнѣйшими и къ которымъ всего болѣе стремилось мое изслѣдованіе.

Такъ, на первомъ мѣстѣ для меня стоитъ тотъ фактъ, что крити-

---

[1]) См. выше, февр. 897. стр.

ческій взглядъ мой на русскихъ богатырей признанъ теперь заслуживающимъ особеннаго вниманія. «Возставъ *противъ національныхъ выводовъ* прежнихъ изслѣдователей, говоритъ академикъ Шифнеръ, выставивъ *сантиментальность*, съ которою они старались характеризовать Добрыню, Илью Муромца и прочихъ богатырей, этихъ, по ихъ мнѣнію, представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ черезъ это самое заставляетъ хладнокровнѣе смотрѣть на особенности нашей эпической поэзіи, подверженной, впрочемъ, общимъ законамъ этого рода поэзіи; черезъ это онъ безспорно снискалъ право на признаніе за нимъ заслуги въ отечественной словесности». Въ приведенномъ отзывѣ мнѣ всего важнѣе то, что найдена справедливою именно мысль, постоянно стоявшая для меня на *первомъ* планѣ, пока я работалъ надъ своимъ изслѣдованіемъ: это—мысль о фантастичности большинства вещей, навязываемыхъ слишкомъ усердными изслѣдователями-патріотами нашей древней героической поэзіи. Все это казалось мнѣ ужаснѣйшею ложью и натяжкою, и я думалъ, что всего необходимѣе напасть на старинные, смѣшные предразсудки, и сбросить ихъ съ неуклюжихъ пьедесталовъ, нагороженныхъ перестаравшимися энтузіастами. Академія наукъ, согласясь съ мнѣніемъ академика Шифнера и признавъ мою систему нападенія на ложь и разрушенія ея—справедливою и достойною одобренія, удовлетворила всѣмъ моимъ самымъ задушевнымъ желаніямъ.

Въ такой же мѣрѣ важно и драгоцѣнно для меня было, въ рецензіи академика Шифнера, признаніе *принципа заимствованія* не только эпическаго матеріала, но даже цѣлыхъ эпическихъ произведеній одними народами отъ другихъ. Наши прежніе изслѣдователи никогда и нигдѣ не видѣли заимствованій: они объ нихъ и слышать не хотѣли, и для нихъ весь міръ былъ наполненъ одними только произведеніями общаго до-историческаго сродства. Послушать ихъ, то все па свѣтѣ происходило но родственному, по домашнему; всюду народы пробавлялись старинной провизіей, принесенной въ незапамятныя до-историческія времена изъ Азіи. Никакіе болѣе поздніе матеріалы не допускались. Однакоже новѣйшая оріентальная наука принуждена придти къ другимъ воззрѣніямъ, и, на этотъ разъ, устами академика Шифнера, высказываетъ, что древнѣйшіе азіатскіе оригиналы, къ числу которыхъ относятся индѣйскіе, существуютъ у разныхъ народовъ въ разныхъ передачахъ. Такъ, напримѣръ, монгольская поэма «*Дзанлунъ*» есть, по его словамъ, «китайская редакція индѣйскаго оригинала; легенды же, встрѣчающіяся въ немъ, находятся не только въ сборникахъ Кармашатака и Аванадашатака въ Канджурѣ, но и въ отдѣльныхъ сутрахъ древнѣйшаго времени». Поэма «*Гессеръ-ханъ*» существуетъ въ редакціяхъ и тибетской и монгольской, а самая поэма эта есть «сочиненіе собственно тибетское». «Даже у самоѣдовъ встрѣчаются слѣды чужого

вліянія, напр. отголоски индѣйскихъ сказокъ о герояхъ, прилетающихъ на волшебной птицѣ для поданія помощи. Это вліяніе чужихъ элементовъ возрастаетъ въ той мѣрѣ, какъ народы вступаютъ во взаимныя между собою отношенія; *путемъ торговли обмѣниваются не только товары, но и произведенія фантазіи*». Основываясь на этомъ положеніи, академикъ Шифнеръ указываетъ на несомнѣнное (по его мнѣнію) вліяніе, на наши былины, элемента скандинавскаго или сѣвернаго, а также элементовъ: западнаго, южнаго и восточнаго. «Инородцы тюркскаго происхожденія (говоритъ онъ, между прочимъ) также обмѣнивались съ русскими. Разсказы восточные переходили къ намъ изъ Персіи черезъ посредство тюркскихъ племенъ», и, что́ для меня особенно важно, онъ прибавляетъ далѣе: «*Едва-ли до сихъ поръ успѣли оцѣнить всю важность роли этихъ тюркскихъ племенъ.. Мы не можемъ не признать того удивительнаго таланта, съ которымъ тюркскія племена воспринимали въ разныя эпохи своего существованія прекраснѣйшія поэтическія произведенія своихъ сосѣдей; у нихъ встрѣчаются не только разсказы иранскіе и буддійскіе (полученные частію черезъ посредство монголовъ), но и западные*». Итакъ, вотъ сколько подтвержденій въ пользу того мнѣнія, на которое я всего болѣе напиралъ, вслѣдъ за положеніемъ о полнѣйшей несамостоятельности русскихъ былинъ: а именно, что заимствованія разсказовъ существуютъ всюду и у всѣхъ народовъ; что гдѣ ни копнуть, подъ конецъ приходится всегда натолкнуться, на самомъ донышкѣ, на древнѣйшіе разсказы азіатскіе, какъ всеобщій корень, и что въ дѣлѣ заимствованій особливо всегда отличались именно тюркскіе народы. Такимъ образомъ оказывается, что не одна безметодность и ненаучность могутъ приводить изслѣдователей къ противозаконной мысли о передачахъ отъ одного народа къ другому цѣлыхъ массъ эпическихъ произведеній, но къ ней можетъ приводить, въ равной степени, также и метода и научность. Оказывается, что нельзя нынче, при изученіи поэмъ и пѣсенъ народныхъ, все только говорить объ обще-арійскомъ до-историческомъ сродствѣ, но слѣдуетъ принимать во вниманіе еще и другіе факторы исторической жизни. Или, пожалуй, насъ станутъ увѣрять, что одни азіаты заимствуютъ другъ отъ друга поэмы и пѣсни, а европейскіе народы — Боже сохрани! — никогда, никогда такими дѣлами не занимаются.

Правда, академикъ Шифнеръ во многомъ со мною не согласенъ, и даже въ иномъ очень существенномъ. Но, какъ ни существенны эти разницы, все-таки онѣ являются чѣмъ-то второстепеннымъ въ сравненіи съ тѣми основными принципами, въ которыхъ онъ со мною сходится, и которые только-что изложены мною. Я не стану разсматривать здѣсь утвержденія академика Шифнера, что тюркскіе наши сосѣди (въ Сибири и вообще на востокъ отъ нашихъ провинцій) не только не передали намъ въ былины восточныхъ сказаній, но еще

сами получили ихъ отъ насъ «черезъ вліяніе новгородскихъ промышленниковъ и нашихъ удалыхъ казаковъ». Я не стану разсматривать этого мнѣнія по той причинѣ, что оно тѣсно связано съ общею системою академика Шифнера, по которой русскій народъ всегда занимался раздаваніемъ своей поэзіи всѣмъ сосѣдямъ, направо и налѣво, на востокъ и на западъ, т.-е. сильнѣйшимъ образомъ вліялъ, заразъ, и на поэмы и пѣсни тюркскихъ племенъ въ Сибири, и на поэмы и пѣсни финновъ. Эта система требуетъ, безъ сомнѣнія, особаго разсмотрѣнія, преимущественно филологическо-критическаго. А покуда, я замѣчу, что отдѣльныя, отрывочныя русскія слова, найденныя академикомъ Шифнеромъ въ сибирскихъ пѣсняхъ [1]), на которыя онъ всего болѣе при этомъ опирается, мало еще сами по себѣ значутъ: во-первыхъ, они слишкомъ малочисленны; а во-вторыхъ, трудно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти слова, принадлежащія къ ежедневному быту, заимствованы отъ русскихъ очень недавно; наконецъ, въ третьихъ, несравненно болѣе велико и разнообразно число тюркскихъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ во времена гораздо болѣе отдаленныя отъ нашей эпохи [2]).

Но, кромѣ всего этого, въ настоящемъ вопросѣ мнѣ кажется особенно важнымъ то обстоятельство, что, при системѣ академика Шифнера, надо вообразить себѣ, что тюркскіе народы въ Сибири точно будто бы умышленно, въ продолженіе долгихъ столѣтій, тщательно уберегали себя отъ азіатскихъ разсказовъ, всюду гулявшихъ по цѣлой Азіи, и жившихъ даже рядомъ съ ними, на самыхъ границахъ земель ихъ; что все только ждали того времени, когда русскіе передадутъ имъ эти же самые азіатскіе разсказы посредствомъ новгородскихъ купцовъ своихъ и казаковъ XVI вѣка. Казалось бы, гораздо естественнѣе и проще во всѣхъ отношеніяхъ, и по географическимъ и по историческимъ условіямъ, было бы имъ получить эти азіатскіе разсказы прямо изъ Азіи, съ юга, отъ сопредѣльныхъ сосѣдей, а не отъ русскихъ. Самъ академикъ Шифнеръ подтверждаетъ это мое убѣжденіе, говоря въ одномъ мѣстѣ своего разбора (по поводу того, что *9 творцовъ* или *мудрецовъ* одной сибирской пѣсни указываютъ на древне-иранскую основу ея): «Вообще надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ и сказкахъ сибирскихъ татаръ сохранились отголоски не только буддійскіе, но и другіе, *указывающіе на древнія сношенія этихъ племенъ съ Ираномъ*. Какое вліяніе имѣла религія древняго Ирана на монголовъ, видно изъ сохранившихся иранскихъ именъ и терминовъ для обозначенія буддійскихъ

---

[1]) Предисловіе къ I-му тому Радлоффа Probender Volkslitteratur türk. Stämme Süd-Sibiriens, слова: *верста*, *печать*, *пудъ*, *безмѣнъ*, *шельма*.

[2]) *Савельевъ*, Мухаммед. нумизматика, CCX и слѣд.—*Клапротъ*, Словарь куманскаго языка, Mém. relatifs à l'Asie, III, 113—256.—Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики, изд. II отдѣл. Акад. Наукъ, 5 томовъ, 1854—61, статьи гг. Ковалевскаго, Григорьева, Березина, Казембека, Петрова.

понятій». Съ этимъ трудно было бы не согласиться именно мнѣ, когда тутъ всего болѣе подтверждаются мои мнѣнія, и, конечно, въ этихъ вліяніяхъ и заимствованіяхъ русскіе уже никоимъ образомъ не участвовали. Притомъ, если допустить передачу пѣсенъ отъ русскихъ къ тюркамъ, тогда что́-бы оказалось? Оказалось бы гораздо больше русскаго въ русскихъ пѣсняхъ, и гораздо меньше тюркскаго въ тюркскихъ пѣсняхъ, чѣмъ теперь у насъ есть на лицо. Но такъ какъ дѣло выходитъ прямо наоборотъ, то, конечно, всего скорѣе должно предположить, что не тюрки заимствовали отъ русскихъ, а наоборотъ русскіе отъ тюрковъ.

Академикъ Шифнеръ указываетъ на персидское вліяніе, при посредствѣ тюрковъ, говоря, что это очевидно изъ тѣхъ данныхъ, которыя я показалъ, разбирая сказку объ Еруслан Лазаревичѣ. Да, конечно, персидскаго вліянія на русскую народность я никогда не отрицалъ, и именно предполагалъ его при посредствѣ Кавказа, гдѣ это вліяніе огромно, гдѣ оно наложило свою печать на всѣ подробности жизни. Но нельзя, мнѣ кажется, сказать, чтобъ персидское вліяніе въ особенности доказывалось нашимъ Еруслановмъ: эта сказка (ка́къ я высказалъ уже и печатно) никоимъ образомъ не происходитъ единственно изъ персидскихъ источниковъ: въ нее вошло много такихъ элементовъ, которые намъ неизвѣстны, до сихъ поръ, въ персидской поэзіи, и идутъ конечно изъ другихъ азіатскихъ источниковъ, всего скорѣе индѣйскихъ. Переходъ совершился, повидимому, не посредствомъ кавказско-тюркскихъ племенъ, сюда не подходящихъ, а посредствомъ племенъ монгольскихъ, у которыхъ (какъ мы теперь достовѣрно знаемъ), былъ свой пересказъ Рамаяны, значитъ легко могъ также быть свой пересказъ Магабгараты и другихъ поэмъ.

Но если я встрѣтилъ, со стороны академика Шифнера, самую твердую опору моему труду, то — я долженъ признаться—съ его же стороны встрѣтилъ и самыя серьезныя и полновѣсныя возраженія. То, что́ было высказано противъ моего изслѣдованія этимъ ученымъ, не имѣло уже никакого сходства съ легковѣсными и нѣсколько инвалидными замѣтками профессора Буслаева. На этотъ разъ сущность дѣла затрогивалась въ самыхъ существенныхъ основахъ. Однако, посмотримъ, дѣйствительно-ли я тутъ неправъ, ка́къ выходитъ изъ словъ моего критика?

У меня было изложено мнѣніе, что арійскій матеріалъ нашихъ былинъ полученъ нами не въ древнѣйшую эпоху исторіи, а чрезъ посредство племенъ не-арійскихъ, и въ формѣ развитія не-арійскаго, отъ тюрковъ и монголовъ, во времена довольно позднія; что наши былины имѣютъ преимущественно колоритъ буддійскій или же языческій именно потому, что буддійцами и язычниками были тѣ монгольскія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію начиная

съ XIII вѣка, и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своего присутствія. На это академикъ Шифнеръ возражаетъ мнѣ: «Слѣдуетъ-ли изъ того, что буддизмъ процвѣтаетъ нынѣ у монгольскихъ племенъ внутри Россіи, что монголы XIII столѣтія были также буддійцами и распространителями индѣйской цивилизаціи? Время, когда эта религія принята торжественно государями Чингисова дома, достаточно извѣстно; не менѣе хорошо извѣстны религіозные обряды, съ которыми познакомились наши великіе князья въ ордѣ. На какомъ основаніи можно допустить, что монголы и подчиненныя имъ тюркскія и другія племена были приверженцами буддизма и вслѣдствіе этого знакомы съ обильнымъ матеріаломъ индѣйскихъ разсказовъ и сказокъ»? Это возраженіе есть одно изъ самыхъ сильныхъ, какія могутъ быть сдѣланы предложенной мною теоріи. Дѣйствительно, ни одинъ изъ историческихъ источниковъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, не указываетъ на то, чтобъ полчища Чингисхана и его премниковъ принадлежали, хотя даже частію, къ числу приверженцевъ буддійской религіи. Важнѣйшій въ этомъ случаѣ источникъ, Плано Карпини, говоритъ только о язычникахъ, языческихъ жрецахъ, языческихъ жертвоприношеніяхъ, и только отчасти упоминаетъ элементъ христіанскій. Русская лѣтопись говоритъ также исключительно только о язычникахъ и языческихъ подробностяхъ, разсказывая о поѣздкахъ русскихъ князей въ орду и о казняхъ ихъ въ томъ случаѣ, когда они не хотѣли кланяться монгольскимъ идоламъ. Наконецъ, очень важнымъ доводомъ является то, что главное вліяніе буддійства, какъ извѣстно, состояло въ очеловѣченіи людей, во внесеніи милосердія, мягкости, кротости, и вообще всѣхъ лучшихъ душевныхъ свойствъ, въ междучеловѣческія отношенія; въ неограниченномъ воспрещеніи убійства, въ уничтоженіи человѣческихъ и животныхъ жертвоприношеній, въ порицаніи казней и охоты и т. д. [1]): но именно ничего подобнаго нельзя сказать про войска Чингисхановы, отличавшіяся постоянно на дѣлѣ всѣмъ самымъ противоположнымъ ученію буддійскому, такъ что Кёппенъ, для того, чтобъ доказать смягчающее, очеловѣчивающее дѣйствіе буддійства, не находитъ ничего лучше, какъ сравнить монголовъ временъ Чингисхановыхъ, съ монголами позднѣйшими, монголами-буддійцами [2]).

Но противъ всего этого у меня есть тоже не мало фактовъ и соображеній, имѣющихъ силу доказательности, смѣю сказать, рѣшительную. И во-первыхъ, начать съ того, что соображеніе въ родѣ послѣдне-приведеннаго всего менѣе можетъ быть принято во вниманіе. Если, положимъ, были буддійцы въ полчищахъ Чингисхана и его преемниковъ, то были тамъ не по доброй волѣ, не по собственной

---

1) *Köppen*, Religion des Buddha, 1857, 455 — 460.

2) Тамъ же, 481 — 2.

иниціативѣ, а потому, что принуждены были къ тому силой. А при такомъ условіи, никакого уже вліянія конечно не имѣетъ религія: человѣкъ въ такомъ случаѣ повинуется приказанію, и дѣлаетъ лишь то, что̀ предписано, что̀ дѣлаютъ остальные товарищи, а не то, что̀ ему хотѣлось бы, и что̀ предписываетъ ему его образъ мыслей, его религія. Изъ *обязательныхъ*, не подлежащихъ выбору, дѣйствій военнаго человѣка (особливо человѣка XIII вѣка и человѣка-дикаря), еще нельзя дѣлать заключенія о его религіи. Далѣе, отсутствіе упоминаній о буддійской религіи путешественниками, бывшими въ станѣ у монголо-тюрковъ, еще не можетъ считаться чѣмъ-то рѣшительнымъ. Плано-Карпини говоритъ только о язычникахъ и христіанахъ, въ войскахъ монголо-тюркскихъ. Неужели же, однако, слѣдуетъ изъ этого выводить, что кромѣ язычниковъ и христіанъ не было людей, принадлежащихъ къ другимъ религіямъ? Этого никоимъ образомъ нельзя допустить. Есть факты, не оставляющіе сомнѣнія въ присутствіи буддійскаго элемента въ монголо-тюркскихъ полчищахъ XIII вѣка.

По словамъ Плано-Карпини, у Батыя было 600,000 войска, въ томъ числѣ 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ. Какіе-же это были иноплеменники? Вѣдь не все-же язычники и христіане, о которыхъ только и говоритъ итальянскій монахъ. Войско Батыево было нѣчто сбродное, въ родѣ войска Наполеона, при его нашествіи на Россію. Восточныя извѣстія говорятъ, что когда порѣшенъ былъ въ 1235 году, походъ на Россію, было постановлено, что войска будутъ подставлены всѣми четырьмя вѣтвями Чингисова дома, т.-е. другими словами, взяты со всѣхъ земель, принадлежавшихъ тогда монголамъ [1]). По тогдашнимъ монгольскимъ порядкамъ, вмѣстѣ съ побѣдителями должны были отправляться на войну всѣ побѣжденные народы и племена. Кто изъ побѣжденныхъ царей, хановъ или вообще владыкъ не поставлялъ своего контингента, тому крѣпко за это доставалось: его въ конецъ разоряли, или даже стирали съ лица земли. Примѣры этого факта—безчисленны въ исторіи монголовъ, начиная со временъ самого Чингисхана, и потому мы ихъ приводить не станемъ. Такимъ образомъ, составъ Чингисханова, а потомъ Батыева войска — былъ самый мозаичный, самый сбродный. Тутъ были образчики со всей покоренной Азіи. Иначе не могло и быть, чтобъ составилось 600-тысячное войско. Но въ числѣ новыхъ подданныхъ, завоеванныхъ монголами, было уже много буддійцевъ: значительная часть китайцевъ, уйгуры и тибетцы — все это были буддійцы, какъ извѣстно изъ фактовъ несомнѣнныхъ. Всѣ они, задолго до XIII столѣтія, обратились уже къ ученію Будды, и вліяніе ихъ на монголовъ было необыкновенно сильно, сношенія — крайне тѣсны и часты. Отъ уйгуровъ Чингисханъ

[1]) *D'Ohsson*, Hist. des Mongols, II, 110.

занимствовалъ письмена для своего народа, тибетскимъ ламамъ оказывалъ необыкновенное почтеніе [1]), а китайское просвѣщеніе воспринималъ для своего народа черезъ посредство своего истинно-геніальнаго и глубоко-образованнаго министра Элю-Чутсая. Буддійское вліяніе было такъ сильно на Чингисхана и на его народъ, что въ этихъ дикихъ и свирѣпыхъ завоевателяхъ мы встрѣчаемъ вдругъ черты, которыхъ никогда бы въ нихъ не могли предполагать. Мы находимъ у нихъ такую терпимость вѣры, которую ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Они были преданы сами шаманству, но никогда не преслѣдовали никакой другой вѣры. Плано-Карпини съ удивленіемъ говоритъ про это ихъ качество, а восточные историки, излагая уставъ или сводъ законовъ Чингисхана, съ особеннымъ тщаніемъ упоминаютъ о предписаніяхъ *Яссы* давать полную свободу служителямъ какой-бы то ни было религіи, и не отягчать ихъ никакими налогами, повинностями или службой [2]). Всѣ наслѣдники Чингисхана постоянно отличались тою же самою терпимостію: они, во-первыхъ, исполняли тѣмъ предписаніе своего предка, а во-вторыхъ, слѣдовали прямо внушеніямъ буддійской религіи, все болѣе и болѣе между ними распространявшейся. «Характеристическая черта буддійства, говоритъ Кёппенъ, отличающая его отъ *всѣхъ другихъ* положительныхъ религій,—это терпимость религіозная и церковная. Моисей предписывалъ своимъ евреямъ побивать всѣхъ идолопоклонниковъ; брахманы гонятъ и проклинаютъ каждаго, кто отвергаетъ ихъ положенія,—какъ чудовище, прикосновеніе къ которому отравляетъ и несетъ чуму; для поклонника ислама, всѣ иновѣрцы—невѣрныя собаки, заслуживающія смерти и живущія развѣ только для того, чтобъ служить правовѣрнымъ и платить имъ дань; католическая религія купается по горло въ крови еретиковъ и язычниковъ: одинъ буддизмъ не знаетъ никакихъ предразсудковъ противъ приверженцевъ чужихъ вѣроученій и обрядностей, не проповѣдуетъ ненависти къ иновѣрцамъ и отщепенцамъ, не приказываетъ ни избѣгать, ни преслѣдовать, ни наказывать, ни умерщвлять ихъ»... [3]) Что̀, кромѣ сильныхъ вліяній буддійскихъ, могло произвести то чудо, что Чингисханъ и его преемники, несмотря на весь свой деспотизмъ и страшную власть, относились совершенно спокойно ко всѣмъ религіямъ и не тревожили ни одну изъ нихъ? Если монголо-тюрки, въ продолженіе цѣлыхъ двухъсотъ лѣтъ, никогда не вмѣшивались въ наши церковныя дѣла, не гнали нашу религію и оставляли въ совершенномъ покоѣ наши церкви и монастыри, нашихъ митрополитовъ, поповъ и монаховъ, со всѣми нашими обрядами — то, конечно, мы всѣмъ этимъ обязаны буддій-

---

[1]) *Schmidt*, Gesch. der Ost-Mongolen von Ssanang-Ssetsen, 89.
[2]) D'Ohsson, I, 412.
[3]) *Köppen*, Religion des Budda, 461.

ству, влiявшему на монголо-тюрковъ, сначала шаманитовъ, а потомъ магометанъ. Тоже самое мы должны сказать и въ отношенiи политическомъ. Во время владычества своего надъ Россiею, монголо-тюрки почти не вмѣшивались во внутреннее управленiе и внутреннiя дѣла нашего отечества, и, ограничиваясь только сбиранiемъ дани, не заботились ни о чемъ другомъ, ничего не навязывали русскимъ, ни къ чему ихъ не принуждали; а если и являлись со своею жестокостiю, со своею расправою и своими насильными сажанiями на престолъ и свѣщенiями съ него, то единственно потому, что были на то вызываемы и даже натравливаемы самими же русскими князьями, которые ссорились между собой, вздорили и дрались, а потомъ бѣгали въ орду жаловаться, фискалить и требовать себѣ расправы на врага. Откуда эта черта равнодушiя и терпимости въ дикихъ азiатскихъ кочевникахъ? Ее объясняетъ то же буддiйство. «Буддiйство, говоритъ Кёппенъ, посѣяло и возрастило не только религiозную, но и нацiональную терпимость. Древнiй iудей, со своей ограниченной точки зрѣнiя, раздѣляетъ людей на израильтянъ и ханаитянъ; грекъ со своей — почти столько же ограниченной — точки дѣлитъ людей на эллиновъ и варваровъ; брахманъ — на чистыхъ индусовъ и нечистыхъ млеччей; христiанинъ и мусульманинъ — на правовѣрныхъ и невѣрныхъ: буддизмъ стираетъ всѣ эти противоположности, и противоположность нацiональную еще болѣе, чѣмъ противоположность религiозную. Для него, происхожденiе, раса, столь-же мало значатъ, какъ каста; онъ возвысилъ покоренные народы надъ ограниченнымъ горизонтомъ племенного мiровоззрѣнiя, по которому каждый народъ считаетъ себя чѣмъ-то истиннымъ, избраннымъ, превосходнымъ — центромъ мiра»[1]). Такимъ образомъ буддiйство, при всѣхъ своихъ великихъ недочетахъ и недостаткахъ, играло огромную роль въ судьбахъ Россiи. Но какъ распространялось буддiйство у монголовъ? Эпоху XIII вѣка можно назвать по преимуществу эпохою сильнѣйшаго распространенiя буддiйства у народовъ монголо-тюркскихъ, не только на ихъ родинѣ, но даже во временномъ ихъ мѣстопребыванiи, въ Персiи [2]). Какъ много было буддистовъ во владѣнiяхъ уже и Чингисхана, мы узнаемъ изъ путешествiя даосскаго монаха, китайца Чанъ-Чуня, вытребованнаго великимъ ханомъ въ 1222 году изъ монастыря къ нему въ орду, для религiозныхъ разговоровъ [3]): этотъ монахъ изъ Китая проѣхалъ сначала въ Монголiю, но не засталъ уже тамъ Чингисхана, и потомъ долженъ былъ оттуда ѣхать въ Туркестанъ, на границы Индiи,

---

[1]) Тамъ-же, 470—471.

[2]) *Raschid-eldin*, Hist. des Mongols, trad. par Quatremère, 194.—*D'Ohsson*, IV, 147.

[3]) Си-ю-цзи, или описанiе путешествiя на западъ, перев. архим. Палладiя. «Труды пекинской миссiи». IV, 261.

гдѣ тогда дѣйствовало монгольское войско. Въ описаніи путешествія, пересѣкшаго тогдашнюю монгольскую имперію по разнымъ направленіямъ, много разъ говорится о буддійцахъ и буддійскихъ монастыряхъ, видѣнныхъ Чанъ-Чунемъ. Правда, владыка монголовъ самъ все еще оставался приверженцемъ шаманства, его наслѣдники тоже, и буддійство, принятое *оффиціально*, *торжественно*, сдѣлалось государственною религіею лишь при Хубилаѣ (вступившемъ на престолъ въ 1264 году). Но вѣдь подобные торжественные, государственные акты являются обыкновенно не началомъ, а заключеніемъ въ ходѣ всякаго значительнаго историческаго дѣла: новые элементы тысячами каналовъ проберутся сначала незамѣтно, тихомолкомъ, въ жизнь народную, и пустятъ тамъ корни, и только уже впослѣдствіи, гораздо позже, бываютъ признаны, допущены и утверждены верховною правительственною властію. Еще гораздо раньше временъ Хубилая, и вскорѣ послѣ Чингисхана, сами ханы монгольскіе подвергались вліянію той религіи и того міровоззрѣнія, которое было тогда въ Азіи, можно сказать, моднымъ, и съ каждымъ днемъ все больше и шире повсюду разросталось. Уже внукъ Чингисхановъ, царевичъ Годанъ перешелъ въ буддійство, и съ нимъ вмѣстѣ множество народа[1]). Его братъ, Гуюкъ, бывшій великимъ ханомъ съ 1246 по 1248 годъ, держалъ при себѣ много ламъ, и двое изъ нихъ, кашемирцы Уатотчи и Намо занимали важныя государственныя должности[2]). И, что̀ для насъ всего важнѣе, этотъ самый Гуюкъ участвовалъ, еще царевичемъ, въ походѣ на Россію, подъ предводительствомъ Батыя. Его двоюродный братъ, Мангу, сдѣлавшійся великимъ ханомъ послѣ его смерти, настолько покровительствовалъ буддійству, и эта религія, въ его время, приняла такіе широкіе размѣры въ монгольскомъ государствѣ, что онъ упомянутаго выше ламу Намо сдѣлалъ (въ 1251 г.) верховнымъ ламой во всѣхъ монгольскихъ владѣніяхъ[3]). Примѣчательно, что Мангу, также какъ и его двоюродный братъ Гуюкъ, еще царевичемъ, участвовалъ въ походѣ на Россію. Монахъ Рубруквисъ, отправленный въ 1252 г. съ посольствомъ отъ короля Лудовика IX къ Мангу, уже великому хану, описываетъ буддійцевъ какъ едва-ли не самую многочисленную (кромѣ шамановъ) секту въ монгольской столицѣ. Конечно, Рубруквисъ не употребляетъ имени «буддійцы». Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ именно ихъ описываетъ: «У священниковъ ихъ,—говоритъ Рубруквисъ,—голова обрита, и борода тоже; платье у нихъ желтое, и они наблюдаютъ цѣломудріе съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ становятся обритыми; и живутъ они по сту и по двѣсти вмѣстѣ; сидятъ они въ своихъ

---

1) *Schmidt*, Ssanang-Ssetsen, 111—113.

2) *Raschid-eldin*, Hist. des Mongols, trad. par Quatremère, 189.

3) Ráschid-Eldin, Hist. des Mongols, 189. D'Ohsson, II, 261.

капищахъ на двухъ скамьяхъ, одна противъ другой, съ книжками въ рукахъ, а голова у нихъ открыта, и читаютъ они про себя и старательно молчатъ, такъ что мнѣ случалось съ ними заговаривать, придя къ нимъ въ капище, а все отъ нихъ ничего не добьешся. Они всюду носятъ съ собой веревку со 100 или 200 нанизанными зернами, вотъ какъ у насъ четки, и все повторяютъ *«У-манъ-баккамъ»*[1]). Кто не узнаетъ во всемъ этомъ обстоятельнаго описанія буддійскихъ монаховъ, а въ ихъ формулѣ — знаменитое буддійское изреченіе *«Ом-мани-пад-ме-гум?»* И можно-ли сомнѣваться, что при такомъ распространеніи буддійства между монголами, въ теченіи XIII-го вѣка, значительное количество буддистовъ приходило тогда и въ Россію, въ числѣ монголо-тюркскихъ войскъ? Не оставили-же, *нарочно*, монголы всѣхъ буддійцевъ у себя дома, въ Азіи, когда съ людьми прочихъ вѣръ отправились походомъ на Россію! Если же несомнѣнно присутствіе буддійцевъ въ Россіи, уже начиная съ XIII-го вѣка, то несомнѣнно и то, что эти люди, какъ самые передовые въ то время, не только по религіи, но и въ другихъ отношеніяхъ передавали жителямъ покоренныхъ странъ тотъ эпическій запасъ, въ составъ котораго вошло наслѣдіе едва-ли не всѣхъ народовъ Азіи. Вообще, скажу я въ заключеніе, вопросъ о буддійствѣ и о его присутствіи въ Россіи я считаю однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ древней русской исторіи, а потому и рѣшился распространиться о немъ въ такой мѣрѣ, какъ читатель находитъ это здѣсь.

Далѣе, академикъ Шифнеръ говоритъ: «Монгольскія редакціи *«Гессеръ-Хана»* и калмыцкія *«Джангаріады»* едва-ли давно извѣстны въ странахъ, гдѣ русскіе имѣли ближайшія сношенія съ монгольскими племенами». Пускай такъ. Но этотъ интересный и малоизслѣдованный фактъ ничего не перемѣняетъ въ сущности дѣла. Я никогда не доказывалъ происхожденія русскихъ былинъ непосредственно отъ *«Гессеръ-Хана»*, или *«Джангаріады»*, или вообще отъ какой-бы то ни было азіатской поэмы или пѣсни. Мнѣ было важно указать только на распространеніе однихъ и тѣхъ-же преданій по всему Востоку, въ самыхъ многоразличныхъ формахъ, и для того пользовался доступными мнѣ матеріалами. Но какая именно поэма, когда и гдѣ была въ ходу, того я не знаю и знать не могу. Для этого надо, во-первыхъ, быть оріенталистомъ, а во-вторыхъ, надо, чтобъ исторія и хронологія восточныхъ поэмъ и пѣсенъ была окончательно утверждена: а этого, сколько я знаю, еще не сдѣлано, и, быть можетъ, пройдетъ много десятилѣтій, прежде чѣмъ это будетъ выполнено трудами многихъ отдѣльныхъ спеціалистовъ.

---

[1]) Voyage en orient du frère Guill. de Rubruk, въ изданіи: Recuil de voyages et de mémoires, publié par la Société de Géographie, T. IV, 1839, 284—285.—Bergeron, Voyage de Rubruquis. Paris, 1634, 104—105.

Академикъ Шифнеръ указываетъ мнѣ на неправильное распредѣленіе мною произведеній индѣйской поэзіи на двѣ категоріи, древнѣйшую и новѣйшую, брахманскую и буддійскую, такъ какъ, говоритъ онъ, буддійскія поэмы представляютъ величайшее обиліе разсказовъ, сказаній и сказокъ, почерпнутыхъ изъ устъ самого народа или изъ древнѣйшихъ сутръ и т. д., значитъ ихъ нельзя называть болѣе новыми, чѣмъ поэмы или сказки брахманскія. Но этого упрека принять я не согласенъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что древнѣйшіе элементы всякаго рода одинаково вошли и въ брахманскія, и въ буддійскія произведенія индѣйской поэзіи. Но тѣмъ не менѣе, изучая и тѣ и другія, я всюду наталкивался на тотъ фактъ, что тѣ изъ древнѣйшихъ азіатскихъ разсказовъ, которые являются въ буддійскихъ поэмахъ, пѣсняхъ или сборникахъ, обыкновенно облечены въ такія формы и загромождены такими подробностями, которыхъ нѣтъ въ пересказахъ болѣе древняго времени. Мнѣ довольно сослаться на тѣ самыя легенды о купцѣ Пурнѣ и о благочестивомъ Самгха-Ракшитѣ, которыя я привелъ, въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ, изъ сочиненія Бюрнуфа. Что корень обѣихъ легендъ восходитъ до глубочайшей древности— это убѣжденіе я тогда-же высказалъ, но я былъ увѣренъ, что раньше буддизма не могло существовать тѣхъ ужасающихъ по плодовитости и надоѣдательности подробностей, которыя наполнили здѣсь собою сотни страницъ. Неужели всѣ эти лирическія обращенія, неужели всѣ эти размышленія главныхъ дѣйствующихъ лицъ самихъ съ собою, неужели всѣ эти разговоры Будды съ его послѣдователями, или разговоры ихъ между собою, о предметахъ буддійской вѣры и буддійскаго совершенства, уже издревле существовали въ этихъ разсказахъ? Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что они въ болѣе позднее время прилажены и придѣланы къ древнѣйшимъ основамъ разсказа, и что самъ разсказъ при этомъ потерпѣлъ значительныя измѣненія. — А если это такъ, если я тутъ ничего невѣрнаго не сказалъ, то выхожу я правъ и въ томъ, что раздѣлилъ произведенія индѣйской поэзіи на двѣ главныхъ категоріи: на произведенія въ болѣе старой и въ болѣе поздней формѣ. Это раздѣленіе не мѣшаетъ нисколько тому, что и у тѣхъ и другихъ произведеній основы одинаково древнія, и что въ произведеніяхъ брахманскихъ есть очень много буддійскихъ подробностей, а въ буддійскихъ — много брахманскихъ.—Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать, Но мнѣ особенно важно было при этомъ случаѣ объяснить, что русскія былины имѣютъ сходство съ тѣми азіатскими разсказами, которые хотя и очень древни по происхожденію и по корню, но существуютъ въ буддійской позднѣйшей формѣ. Вотъ именно это-то я и сдѣлалъ, и не нахожу причины отъ этого мнѣнія отступиться, не найдя ему, покуда, достаточнаго опроверженія.

Въ заключеніе, я приведу еще одно возраженіе академика Шиф-

мера. Онъ говоритъ: «Если г. Стасовъ въ древнихъ индѣйскихъ эпопеяхъ находитъ первообразы русскихъ былинъ и удивляется множеству важныхъ подробностей, сходныхъ въ разсказѣ о Кришнѣ и въ былинахъ о Добрынѣ, то мы невольно принуждены обратить вниманіе г. Стасова на слова Макса Мюллера, приведенныя имъ же самимъ: «Правила, управляющія словами, съ одинаковою силою прилагаются «и къ сравнительному анализу легендъ. Когда мы находимъ въ сан-«скритскомъ языкѣ слова точь-въ-точь тѣ самыя, что въ греческомъ, «мы уже знаемъ, что это не могутъ быть одни и тѣ же слова..... Если-«бы это были одни и тѣ же слова, они непремѣнно гораздо больше «были бы непохожи одно на другое.» На этотъ доводъ Макса Мюллера я не могу согласиться. Когда разсматриваешь коллекцію словъ, заимствованныхъ однимъ народомъ у другихъ, замѣчаешь, что они слѣдуютъ *двумъ* разнымъ системамъ, а не *одной*, какъ говорятъ М. Мюллеръ и академикъ Шифнеръ. Одни изъ нихъ дѣйствительно измѣняются сообразно съ фонетическими условіями воспринимающаго ихъ народа, и примѣровъ для подтвержденія этого факта представлять нечего: они слишкомъ извѣстны. Но есть другая группа словъ, которая слѣдуетъ совершенно другому закону: это слова, остающіяся вовсе безъ перемѣны, и заимствуемыя однимъ народомъ отъ другого въ томъ самомъ видѣ, какъ они существуютъ у первоначальныхъ своихъ хозяевъ. Такихъ словъ, и именно по преимуществу заимствованныхъ нами отъ восточныхъ народовъ, довольно. Вспомнимъ, напримѣръ, хоть слѣдующія: *алый*, *арбузъ*, *арака*, *арканъ*, *амбаръ*, *алтынъ*, *армякъ*, *артель*, *базаръ*, *богатырь*, *башка*, *бадья*, *басма*, *башмакъ*, *балбесъ*, *бирюкъ*, *буеракъ*, *буза*, *буланый*, *бубликъ*, *ватага*, *гайтанъ*, *есаулъ*, *епанча*, *жупанъ*, *зипунъ*, *кабакъ*, *кафтанъ*, *казна*, *калита*, *караулъ*, *карга*, *киса*, *колпакъ*, *орда*, *рундукъ*, *сарай*, *саламата*, *товаръ*, *чердакъ*, *харчи*, *чоботы*, *чубарый*, *улусъ*, *упырь*, *юрта*, и т. д. Если даже въ нѣкоторыхъ изъ этихъ, и имъ подобныхъ, словъ произошли измѣненія противъ первоначальнаго оригинала, то они вовсе несущественны и, можно сказать, вполнѣ ничтожны. Тоже самое относится и до поэмъ или легендъ. Однѣ изъ нихъ заимствуются со значительными измѣненіями, другія — вовсе безъ измѣненій. Я согласенъ отказаться отъ послѣдняго утвержденія своего лишь въ такомъ случаѣ, когда мнѣ будетъ доказано, что наши предки не приняли отъ другихъ народовъ очень многихъ словъ, съ оставленіемъ ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Пока этого не сдѣлано, я останусь при своемъ мнѣніи, что всѣ заимствованія, какъ-бы ни были различны ихъ категоріи, слѣдуютъ однимъ и тѣмъ-же законамъ, и что̀ мы принимаемъ относительно однихъ изъ числа ихъ, то̀ должны принимать и относительно другихъ.

Таковы главнѣйшія возраженія академика Шифнера. Я признаю ихъ значительность, но согласиться съ ними не могу. Что̀ же касается

до частныхъ, отдѣльныхъ указаній нѣкоторыхъ моихъ невѣрностей, въ отношеніи собственно оріентальномъ, то я, безъ сомнѣнія, принимаю ихъ съ величайшею благодарностью, и не премину ими воспользоваться въ томъ случаѣ, если мнѣ представится возможность издать мое изслѣдованіе отдѣльной книгой.

III.

Кромѣ двухъ академиковъ, разсматривавшихъ мой трудъ по порученію Академіи наукъ, и при этомъ представившихъ свои возраженія, у меня было еще нѣсколько другихъ возражателей, разсматривавшихъ мое изслѣдованіе по собственному своему желанію. Я не стану излагать ихъ мнѣній потому, что они болѣе состоятъ изъ восклицаній негодованія и вопросовъ недовѣрчивости: «Возможно-ли это?» «Мыслимо-ли то?» А главное, эти возраженія, всегда отрывочныя, не берутъ моихъ положеній и выводовъ въ ихъ сложности и въ ихъ деталяхъ, а только адресуются, и то, вскользь, къ тому, что̀ имъ почему-нибудь кажется особенно непріязненнымъ и непозволительнымъ въ моемъ трудѣ. Таковы были возраженія г. Гильфердинга (въ газетѣ «*Москва*»), г. Безсонова (въ предисловіи къ VI выпуску сборника Кирѣевскаго), г. Веселовскаго въ «*Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*», г. Некрасова въ «*Годичномъ торжественномъ актѣ новороссійскаго университета 1869 г.*» Всѣ эти возраженія вертятся по большей части около одного и того же пункта, и не представляютъ ничего особенно назидательнаго. Но я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о сочиненіи г. Ореста Миллера: «*Илья Муромецъ и богатырство кіевское*», появившемся недавно. Я бы не сталъ говорить и про это сочиненіе, которое, несмотря на свой огромный объемъ, не представило мнѣ ничего новаго: уже прежде, изъ другихъ сочиненій, я достаточно зналъ объ образѣ мыслей и талантахъ этого автора. Но въ новой книгѣ я нахожу одинъ пунктъ, требующій непремѣннаго отвѣта съ моей стороны. Истина должна быть возстановлена.

Въ своемъ введеніи, г. Миллеръ говоритъ: «Съ появленіемъ труда г. Стасова могло показаться, что онъ идетъ совершенно самостоятельною, никакому *нѣмецкому навожденію* (!!) непричастною, дорогою; но такъ оно могло только показаться вслѣдствіе того, что г. Стасовъ не счелъ нужнымъ упомянуть о своемъ учителѣ. Можетъ быть, еслибы г. Буслаевъ въ свое время не поспѣшилъ откровенно и прямо выставить себя ученикомъ Гримма, и его пріемы сочли бы у насъ такими-же самостоятельными, какими недавно сочли, по недоразумѣнію, пріемы г. Стасова, сочли и возликовали о новыхъ, самородныхъ открытіяхъ русской науки—даже не посмотрѣвъ на то, что этими *открытіями* вы-

ставлялся въ самомъ невозможно невыгодномъ свѣтѣ народъ русскій». Находя, со своей стороны, что въ высказанныхъ мною мнѣніяхъ нѣтъ ничего самостоятельнаго, г. Миллеръ объясняетъ читателямъ своимъ, что я только слѣдовалъ за другими и подражалъ имъ. А именно: моя теорія есть не что иное, какъ заимствованная у извѣстнаго гёттингенскаго профессора и оріенталиста, Бенфея, теорія его о происхожденіи всѣхъ европейскихъ народныхъ сказокъ—изъ Индіи, черезъ посредство монголотюрковъ, нахлынувшихъ на Россію въ XIII вѣкѣ. Но даже и такое заимствованіе у Бенфея произошло, съ моей стороны не непосредственно, а изъ вторыхъ рукъ. Именно, уже раньше меня академикъ Шифнеръ занимался пересаживаніемъ на русскую почву идей Бенфея, но впослѣдствіи самъ же отъ нихъ благоразумно отступился и протестовалъ противъ нихъ, а я до сихъ поръ продолжаю отстаивать ихъ, недобросовѣстно выдавая чужое за свое.—На оба эти обвиненія я имѣлъ уже случай отвѣтствовать г. Оресту Миллеру, хотя и словесно, но публично—*цѣлыхъ два раза*, въ засѣданіяхъ Географическаго Общества, весною и осенью 1868 года. Но такъ какъ мой оппонентъ не обращаетъ вниманія на высказанные мною ему факты, и продолжаетъ печатно повторять то, въ чемъ нѣтъ ни единаго слова правды, то я принужденъ разъ навсегда, тоже печатно, отвѣтить ему по этому предмету.

Академикъ Шифнеръ *никогда* не былъ сторонникомъ бенфеевской системы, и, напротивъ, всегда возставалъ противъ нея. Тѣ немногія строки о русскихъ заимствованіяхъ съ Востока, которыя напечатаны въ предисловіи къ русскому переводу «*Шидди-Кура*» съ монгольскаго и калмыцкаго на русскій языкъ покойнымъ ламой Галсанъ - Гомбоевымъ, и на которыя обыкновенно ссылается г. Миллеръ, говоря о бенфеизмѣ академика Шифнера—вовсе не принадлежатъ этому послѣднему. Переводъ «*Шидди - Кура*» напечатанъ, въ 1864 году, въ VI томѣ «*Этнографическаго сборника*» Географическаго общества. Редакторами этого тома были: извѣстный нашъ ученый Н. В. Калачовъ и я: онъ какъ тогдашній предсѣдатель, а я—какъ тогдашній секретарь этнографическаго отдѣленія того общества. Въ то время часть моего сочиненія о происхожденіи былинъ была уже написана, и, находя въ «*Шидди-Курѣ*» новыя подтвержденія занимавшей меня мысли, я, переводя съ нѣмецкаго на русскій языкъ предисловіе къ нему академика Шифнера, просилъ у него позволенія прибавить къ этому предисловію нѣсколько своихъ словъ, о сходствахъ нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ сказокъ съ сказками «*Шидди-Кура*», и о восточныхъ вліяніяхъ на наши сказки. Академикъ Шифнеръ не раздѣлялъ всѣхъ моихъ мнѣній и согласенъ былъ только съ первою частію ихъ (на счетъ *сходства* русскихъ и восточныхъ сказокъ), но никакъ не со второю на счетъ *происхожденія* ихъ); однакоже дозволилъ мнѣ сдѣлать

мои прибавки, довѣрясь моимъ словамъ и не видавъ даже, ранѣе напечатанія, моихъ вставокъ. Такимъ образомъ принадлежатъ одному мнѣ слѣдующія строки предисловія: «*Заключающееся въ этомъ сочиненіи собраніе повѣстей или сказокъ имѣетъ для насъ особый интересъ потому, что мы здѣсь знакомимся не только съ образцами монгольской и калмыцкой поэзіи, но и съ источниками самой древно-русской поэзіи. Наукою дознано, что большая часть распространенныхъ въ въ Европѣ и Азіи сказокъ и повѣстей происходитъ изъ Индіи: въ Европу онѣ проникали въ разное время посредствомъ аравитянъ и персіянъ, а частію и другихъ народовъ, въ Азіи же распространялись преимущественно вмѣстѣ съ буддизмомъ, такъ что въ настоящее время въ Китаѣ и Тибетѣ и до сихъ поръ уцѣлѣло большинство поэтическихъ созданій древне-индѣйскаго народнаго духа. Изъ Тибета же, какъ извѣстно, буддизмъ перенесенъ къ разнымъ племенамъ монгольскимъ. Такимъ образомъ, находя значительное сходство между народными русскими сказками и былинами, съ одной стороны, и монгольскими или калмыцкими повѣстями или сказками съ другой, не только въ главныхъ чертахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ (сравни наприм., 1-ю повѣсть Шидди-Кура о «Шести товарищахъ»—съ нашей сказкой о «семи Симіонахъ»; 3-ю повѣсть о «Масанѣ»—съ нашими сказками, разныхъ формъ и редакцій, о похожденіяхъ царевича или юноши, предательски оставленнаго въ пропасти, куда онъ спускался для добытія сокровищъ и т. д.), мы получаемъ возможность изучать основы нашей народной поэзіи и восходить постепенно до первообразныхъ ея типовъ, въ санскритской литературѣ, при чемъ монгольскія или калмыцкія редакціи служатѣ однимъ изъ посредствующихъ звеньевъ*»; а въ концѣ предисловія эти слова: «*намъ остается желать, чтобъ этотъ переводъ послужилъ не только для ознакомленія съ поэтическими созданіями, находящимися въ обращеніи у нѣкоторыхъ изъ числа восточныхъ народовъ нашего отечества, но и для критически-сравнительнаго изученія сказокъ и повѣстей, съ незапамятныхъ временъ находящихся въ устахъ самого русскаго народа*».

Академикъ Шифнеръ не имѣетъ никакого участія въ высказанныхъ тутъ мнѣніяхъ. Не протестовалъ же онъ противъ нихъ, немедленно, потому, что тутъ не было теоріи, пространно изложенной, а всего только нѣсколько словъ, сказанныхъ вскользь, и онъ имѣлъ въ виду сдѣлать это при первомъ благопріятномъ случаѣ. Онъ это и выполнилъ въ предисловіи къ I-му тому изданнаго имъ сочиненія Радлоффа: «*Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*». Здѣсь онъ протестовалъ самымъ положительнымъ образомъ противъ нераздѣляемой имъ мысли о заимствованіяхъ, русскими, эпическаго матеріала съ Востока, черезъ буддійцевъ. Такимъ образомъ, академикъ Шифнеръ ни въ какомъ отношеніи не можетъ нести отвѣтственности

за приведенныя выше строки предисловія, и, значитъ, никогда не отступался отъ одного мнѣнія и не переходилъ къ другому, по вопросу о происхожденіи русскихъ сказокъ и былинъ.

Чтó же касается до заимствованія, мною самимъ, мнѣній отъ профессора Бенфея, то г. Орестъ Миллеръ также очень глубоко ошибается, какъ я уже давно ему это докладывалъ, но только онъ этого не хочетъ слушать. Правда, я ничего не находилъ-бы ни дурного, ни постыднаго въ принятіи и развитіи такихъ мыслей, которыя признаешь справедливыми: для чего же и печатаются во всеобщее извѣстіе открытія въ области науки, какъ не для того, чтобъ всѣ, кого они интересуютъ, могли ихъ усвоивать, вносить въ свое сознаніе и, если возможно, давать имъ дальнѣйшее развитіе? Но мои мнѣнія о происхожденіи русскихъ былинъ образовались независимо отъ мнѣній Бенфея: эти послѣднія были *мнѣ вовсе неизвѣстны* въ то время, когда я началъ заниматься своимъ изслѣдованіемъ и когда мои мысли по этому предмету сложились совершенно опредѣленно. Я это могу доказать неоспоримыми фактами. Признаюсь, я никогда-бы не воображалъ, что мнѣ когда-нибудь придется разсказывать публично *исторію* моего изслѣдованія. Я не думалъ, что кому-нибудь она будетъ нужна или интересна: но теперь я къ этому вынужденъ, потому что мнѣ приписываютъ такія дѣйствія, которыхъ на дѣлѣ никогда не бывало.

Первымъ поводомъ къ моему изслѣдованію послужило *«Сказаніе о нѣкоемъ славномъ богатырѣ Уруланѣ Залазаревичѣ»*, напечатанное въ 1859 году въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древностей», профессора Тихонравова. Прочитавъ эту сказку о нашемъ Ерусланѣ Лазаревичѣ (о которомъ, признаюсь, я до тѣхъ поръ ничего не зналъ кромѣ имени), я нашелъ, что она имѣетъ величайшее сходство съ многими эпизодами Рустема, которые я зналъ до тѣхъ поръ только по одному плохому французскому переводу. Тутъ у меня блеснула мысль сравнить Еруслана съ Рустемомъ. Я тотчасъ же принялся за изученіе Шахъ-Намэ по переводу Моля, но скоро убѣдился, при этомъ, что есть, правда, множество эпизодовъ и подробностей, общихъ у нашей сказки съ Шахъ-Намэ, а есть въ ней также множество подробностей и деталей, неизвѣстныхъ персидской поэмѣ. Изъ этого я заключилъ, что хотя наша сказка, безъ малѣйшаго сомнѣнія и происходитъ съ Востока (сравненіе съ Шахъ-Намэ было слишкомъ поразительно), но никоимъ образомъ не прямо изъ Персіи, а изъ какихъ-то другихъ мѣстъ. Тогда мнѣ пришло въ голову просмотрѣть для этой цѣли другія восточныя поэмы, кромѣ Шахъ-Намэ. Съ конца 1859 и по конецъ или середину 1862 года я прошелъ, смѣю сказать, всѣ поэмы, пѣсни и сказки восточныя, какія нашлись въ восточномъ отдѣленіи публичной библіотеки, въ переводахъ на главнѣйшіе европейскіе языки. Я многое нашелъ для сравненія съ нашею сказкою о Ерусланѣ Лазаревичѣ, но при этомъ

убѣдился, что надо расширить рамки моего изслѣдованія, и что восточныя поэмы и пѣсни служили первообразомъ не для одного Еруслана, но и для многихъ другихъ произведеній древней нашей литературы. Особливою побудительною къ этому причиною были для меня русскія богатырскія пѣсни, которыя именно въ это самое время стали появляться у насъ въ печати. Съ 1860 года началъ выходить въ свѣтъ сборникъ Кирѣевскаго, съ 1861 года—сборникъ Рыбникова. По мѣрѣ того, какъ я читалъ помѣщенныя тамъ былины, я все больше и больше былъ пораженъ тѣмъ огромнымъ сходствомъ, которое оказывалось между ними и только-что незадолго до того узнанными мною восточными поэмами, пѣснями, легендами, сказками. Я не отыскивалъ сходствъ: они сами напрашивались, при случайно совпавшемъ, тогда, чтеніи оригиналовъ русскихъ и восточныхъ. Открывавшіяся же, такимъ образомъ, сходства *литературныя* тѣмъ болѣе были для меня интересны и важны, что въ то же самое время меня сильно занимали сходства *художественныя* и *бытовыя*, открывавшіяся при сличеніи множества предметовъ древней русской жизни съ подобными же предметами восточными. У меня въ то время была собрана значительная коллекція рисунковъ, снятыхъ съ русскихъ полотенецъ, заглавныхъ буквъ, орнаментовъ, и разныхъ бытовыхъ предметовъ, и тутъ я открывалъ, при существованіи самостоятельнаго элемента, также и значительныя сходства съ орнаментаціей и художественными формами азіатскими. Часть моихъ рисунковъ я предлагалъ даже не разъ на разсмотрѣніе членовъ этнографическаго отдѣленія Географическаго общества. Но свидѣтелями тогдашнихъ моихъ сравнительныхъ изысканій, столько же на почвѣ литературной, сколько и художественно-бытовой — изысканій, шедшихъ одновременно, исходившихъ изъ одной и той-же идеи, клонившихся къ одной и той же цѣли и взаимно помогавшихъ одно другому, были нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ и глубоко уважаемыхъ мною ученыхъ, съ которыми въ эту эпоху я особенно часто встрѣчался. Это были: библіотекари Императорской публичной библіотеки Е. Е. Беркгольцъ, В. Е. Генъ, мой старинный пріятель В. И. Ламанскій и извѣстный нашъ оріенталистъ П. И. Лерхъ. Всѣ эти многоуважаемыя лица могутъ засвидѣтельствовать, что мои открытія по части происхожденія русскихъ былинъ съ Востока шли именно тѣмъ путемъ, который я здѣсь указываю, и что мои мнѣнія слагались постепенно, по мѣрѣ узнаваемаго матеріала, и подъ прямымъ его вліяніемъ, а не вслѣдствіе предвзятой какой-либо системы или мысли. Многіе изъ переводовъ съ восточныхъ языковъ, особенно мнѣ послужившіе, появились также лишь въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ. Такъ, наприм., переводъ Магабгараты Фоша началъ выходить въ свѣтъ не раньше 1863 года, а сборникъ Радлоффа, игравшій въ моемъ изслѣдованіи одну изъ самыхъ важныхъ ролей,—не раньше 1866 года. Чтó касается

до перевода «*Панчатантры*» Бенфея и знаменитаго его «*Введенія*», то я узналъ ихъ не раньше конца 1862 года или начала 1863 года. Не только сочиненія Бенфея, но даже и имени его я до тѣхъ поръ вовсе не зналъ. Что касается до его «*Панчатантры*», то я узналъ о ней, въ указанное мною время, отъ Е. Е. Беркгольца: онъ рекомендовалъ мнѣ эту книгу не изъ-за ея теоріи (которая ему не была извѣстна), а только изъ-за того новаго восточнаго матеріала, который представлялся тутъ въ огромной массѣ, и который могъ мнѣ быть полезенъ. Я изучилъ рекомендованное мнѣ сочиненіе [1]), и съ величайшею радостью нашелъ, что знаменитый гёттингенскій оріенталистъ, по части *сказокъ* цѣлой Европы приведенъ былъ, вслѣдствіе колоссальнаго своего сличенія европейскаго и восточнаго матеріала, по подлинникамъ, къ тѣмъ самымъ результатамъ, къ которымъ былъ приведенъ, въ гораздо болѣе ограниченной сферѣ, и я, при сличеніи нашихъ *былинъ* съ нѣкоторыми, даже немногочисленными произведеніями восточной поэзіи, по переводамъ. Я сильно былъ обрадованъ такому совпаденію, такъ какъ при этомъ мой трудъ получалъ, въ нѣкоторой степени, подтвержденіе въ изысканіяхъ великаго европейскаго ученаго. Упомянутыя выше лица помнятъ, безъ сомнѣнія, какъ я былъ обрадованъ неожиданнымъ открытіемъ, въ книгѣ Бенфея, тѣхъ самыхъ выводовъ—относительно *сказокъ*—которые въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду передъ тѣмъ я имъ излагалъ, какъ относительно нашей орнаментистики, многихъ художественныхъ формъ, и разныхъ бытовыхъ предметовъ, такъ, наконецъ и относительно—*былинъ*.

Вотъ какимъ образомъ постепенно сложилась та система и тотъ взглядъ, которымъ я посвятилъ свое изслѣдованіе о происхожденіи русскихъ былинъ. Хороша-ли, худа-ли эта система, но она принадлежитъ мнѣ, и ни откуда не заимствована. Сами обстоятельства, въ которыхъ я находился, сложили и развили ее, и Бенфей съ академикомъ Шифнеромъ тутъ ровно ни при чемъ. Г. Миллеру это уже давно извѣстно: я не полѣнился цѣлыхъ *два раза* объяснять ему это, хотя и вкратцѣ, но при свидѣтеляхъ. Въ третій разъ не стану.

Что касается до самого Бенфея, то я считаю неумѣстнымъ и неприличнымъ вступаться за него противъ каррикатурныхъ нападокъ такого писателя, какъ г. Миллеръ. Этому отчаянному любителю «первоначальнаго, обще-арійскаго сродства» древнихъ литературныхъ произве-

---

[1]) Я не знаю, былъ ли, въ концѣ 1862 и началѣ 1863 года, экземпляръ «*Панчатантры*» Бенфея въ Публичной библіотекѣ, но по крайней мѣрѣ въ восточномъ отдѣленіи—его не находилось въ то время. Я узналъ это сочиненіе по экземпляру изъ библіотеки великой княгини Елены Павловны, при которой Е. Е. Беркгольцъ состоялъ тогда библіотекаремъ.

деній Европы, невыносимъ Бенфей, какъ человѣкъ, очень просто объясняющій то, на что́ г. Миллеру съ товарищи нужны трансцендентальныя и заоблачныя рацеи. Поэтому онъ счелъ пригодною даже попытку, уронить его передъ своими читателями увѣреніемъ, что у этого Бенфея эта его зловредная система даже и не своя, а взята на прокатъ у XVIII-го вѣка, и только подновлена. Здѣсь выступаетъ на сцену такое колоссальное непониманіе разницы между поверхностными, произвольными, кое-какъ на живую нитку сметанными, можно сказать *фельетонными*, сближеніями старыхъ писателей прошлаго вѣка, и доказательствами Бенфея, опирающимися на громадную многостороннюю ученость и груды фактовъ, безконечно тонко и мастерски анатомированныхъ и прослѣженныхъ сквозь древнюю Азію и новую Европу, что каждому остается только жалѣть о бѣдномъ, близорукомъ человѣкѣ, вынужденномъ говорить о томъ, что́ ему не по плечу.

Но ему мало даже Бенфея. Доказательства *заимствованій* ему ненавистны, не только относительно русскихъ былинъ, не только относительно европейскихъ сказокъ, но даже относительно всего греческаго, и онъ восходитъ со своимъ презрѣніемъ и преслѣдованіемъ даже до Геродота, и съ неудовольствіемъ указываетъ тоже и на него, какъ на такого человѣка, который осмѣлился — по младенческому состоянію тогдашней науки — говорить о заимствованіяхъ Греціи изъ Египта. Бѣдный г. Миллеръ того не знаетъ, что новая наука находитъ младенчество не въ мнѣніи, признающемъ заимствованія, а въ мнѣніи не признающемъ его, и что чѣмъ болѣе изучаютъ напр. древнюю Грецію и Египетъ, тѣмъ болѣе убѣждаются въ глубокой правдѣ Геродота, разсказывающаго о томъ, сколько греки заимствовали отъ египтянъ и по части вѣрованій, и по части обрядовъ, и по части обычаевъ, и по части искусствъ. Новооткрывающіеся и вновь разрабатываемые теперь факты не перестаютъ громко говорить о томъ, ка̀къ одинъ народъ заимствовалъ отъ другого все самое важное. Весь міръ постоянно живетъ заимствованіями, и только одинъ г. Миллеръ этого не знаетъ. Но еслибы онъ не былъ ослѣпленъ своими несчастными предразсудками, онъ бы давно обратилъ вниманіе на то, ка́къ много наши предки заимствовали со всѣхъ сторонъ, одно изъ Византіи, другое съ Востока, третье съ Запада, и заимствовали цѣлыми группами, цѣлыми категоріями (наприм. архитектуру, живопись, множество техническихъ производствъ, все предметы, куда древняя Русь не внесла ничего своего, не прибавила ни одной своей черточки). Нечего, кажется, скандализироваться, что ко всему остальному прибавляется теперь у насъ еще одна группа заимствованій—былины.

Вотъ, что̀ необходимо было объяснить по поводу новой книги г. Миллера, и на этомъ я могъ-бы покончить всѣ свои счеты съ нею.

Опровергать все, что высказываетъ противъ меня и моего изслѣдованія г. Миллеръ—я нахожу совершенно лишнимъ. Одна часть возраженій та же самая, что и у профессора Буслаева (и на нее уже у меня отвѣчено), а другая еще хуже, такъ что на нее и того меньше можно представлять возраженія. Но разъ уже развернувши эту толстую книгу, я считаю нужнымъ представить здѣсь еще нѣсколько замѣтокъ, для того, чтобъ вывести публику изъ заблужденія на счетъ нѣкоторыхъ фактовъ, сообщенныхъ ей г. Миллеромъ на счетъ его самого.

Въ концѣ 1868 года, оставшись однажды очень недоволенъ одною моею полемическою статьею, г. Миллеръ напечаталъ въ *«Голосѣ»*, что напрасно я, говоря о немъ, завелъ еще разъ рѣчь про его «злополучную» (по его собственнымъ словамъ) диссертацію: *«О нравственной стихіи въ поэзіи»*, написанную имъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1858 году. «Въ то время я былъ совершенно не тотъ что теперь, говорилъ г. Миллеръ. Мнѣ пришлось (съ тѣхъ поръ) перейти черезъ нѣсколько видовъ развитія»,—и при этомъ онъ указывалъ на свое большое сочиненіе, имѣющее выйти въ непродолжительномъ времени. Это сочиненіе теперь вышло, оно-то и есть тотъ самый трактатъ объ Ильѣ Муромцѣ, изъ введенія къ которому приведены у меня выше отрывки. Обѣщанія г. Миллера казались мнѣ сомнительными: трудно человѣку, написавшему все то, что написано въ «Нравственной стихіи», превратиться въ какого-то новаго человѣка. Однако я ждалъ, что-то будетъ? И вотъ, въ предисловіи новой книги повторено, что съ авторомъ произошла радикальная перемѣна, и онъ уже болѣе не приверженецъ «отвлеченно-нравственнаго и художественнаго космополитизма», какого прежде держался. Я готовъ былъ и этому вѣрить. Но оказалось, что г. Миллеръ напрасно обманывалъ насъ обѣщаніями и напрасно возлагалъ великія надежды на переходъ свой изъ космополитовъ въ славянофилы. Сущность дѣла отъ этого ничуть не измѣнилась, и новая книга его является достойнымъ *pendant* къ прежней, отъ которой онъ счелъ нужнымъ отрекаться теперь съ нѣкоторымъ чувствомъ омерзѣнія. Зачѣмъ было ему налагать, такимъ образомъ, на себя-же самого руки? Разницы между обѣими книгами, старою и новою, никакой нѣтъ, и чего заслуживала прежняя книга, того безъ сомнѣнія заслуживаетъ и нынѣшняя.

Въ прежней книгѣ невыносимъ былъ тотъ образъ мыслей, на основаніи котораго преслѣдовалась всякая самостоятельность, всякое самобытное движеніе, и превозносились такія качества, какъ самоотверженіе, покорность, смиреніе, отреченіе отъ себя въ пользу другихъ, тщета и суета всего мірского, плотскаго и грѣховнаго. *Умѣренность* во всемъ выставлялась чѣмъ-то примѣрнымъ и восхитительнымъ, чѣмъ-то

такимъ, къ чему надо стремиться: «Гдѣ середина—говорилъ г. Миллеръ—тамъ только и болѣе близости къ истинѣ». На основаніи этихъ превосходныхъ Молчалинскихъ принциповъ разсматривалась и вся поэзія древнихъ и новыхъ народовъ (кромѣ русскаго). Произведенія ея раздѣлялись на похвальныя и непохвальныя, со стороны нравственной, и тѣ, въ которыхъ оказывалось болѣе любезныхъ г. Миллеру моральныхъ качествъ, объявлялись за созданія болѣе достойныя, а тѣ, гдѣ такихъ качествъ не находилось, были признаны созданіями нехорошими, или по крайней мѣрѣ такими, которыя подлежатъ кроткому, почтительному выговору. Такъ были сравниваемы поэзія индѣйская съ греческою, кельтская съ германскою, и пальма первенства была отдана первой надъ второю, потому что тамъ особенно сильно дѣйствовало самоотверженіе, а тутъ являлось непохвальное активное, личное начало; точно также перевѣсъ былъ признанъ за кельтскою поэзіею, потому что она выражаетъ мотивы кротости, податливости и нѣжности, тогда какъ нѣмецкая—полна мотивовъ буйства, непокорности и свободы воли. Но развѣ не точь-въ-точь то же самое мы встрѣчаемъ и въ новой книгѣ г. Миллера? Вся поэзія русскихъ былинъ выхваляется выше всего на свѣтѣ, конечно, во-первыхъ, потому, что она русская (не даромъ же г. Миллеръ славянофилъ!), а главное за то, что тамъ онъ находитъ опять-таки тѣ же самые образцы драгоцѣннаго ему самоотверженія, покорности, кротости, прощенія обидъ, служенія другимъ, отсутствія чувства мести, и т. д. Однимъ словомъ, на его глаза, богатыри русскихъ былинъ примѣрные во всѣхъ отношеніяхъ субъекты, и на экзаменѣ добродѣтели конечно заслужили-бы золотую медаль. Вотъ этимъ-то они и драгоцѣнны г. Миллеру, этимъ-то нашъ эпосъ и выше всѣхъ эпосовъ на свѣтѣ; героя съ такою высокою нравственностію, какъ Илья Муромецъ, еще нигдѣ не видано на свѣтѣ, и это понятно, потому что и самъ народъ русскій, котораго онъ является полнѣйшимъ представителемъ, полонъ для г. Миллера всевозможныхъ совершенствъ.

Чтобъ доказать такія забавныя вещи (конечно ни въ чемъ не отличающіяся отъ положеній трактата о *«нравственной стихіи»*) нужно было прибѣгнуть къ аргументамъ самымъ удивительнымъ, и, разумѣется, нашъ славянофилъ въ нихъ не затруднился. Онъ объявляетъ, что если у нашихъ богатырей и есть что-нибудь неодобрительное, то оно ничуть не портитъ дѣла и ничего не измѣняетъ въ приговорахъ г. Миллера о нравственности, потому что все дурное, находимое у богатырей, либо остатки древнихъ, грубыхъ эпохъ, либо позднѣйшія искаженія, слѣдствія постороннихъ вліяній. Вотъ тутъ-то особенно хороши и кстати восточныя вліянія. Вали на нихъ что̀ угодно! Вѣдь нельзя же, наконецъ, утаить, что въ русскихъ былинахъ пропасть об-

разчиковъ «безчеловѣчности», «звѣрства», «произвола». Ихъ видитъ и называетъ по имени самъ г. Миллеръ. Но чтó же изъ этого? Эти непріятныя подробности ничуть не конфузятъ его. Все это, говоритъ онъ, «восточныя вліянія». А есть тоже и другія вліянія: скандинавскія или варяжскія. Наприм. вотъ хоть «сребролюбіе», «добычелюбіе», «поползновенія на барство», «уклоненіе отъ простоты обычаевъ кіевскихъ»: вѣдь это тоже вещи не хорошія? Ну такъ чтожъ, ничего—эти пусть произошли именно отъ вліяній варяжскихъ. Но вотъ еще случай: иной разъ тамъ и самъ нельзя же скрыть, что знаменитый Илья, великій носитель всѣхъ совершенствъ русскаго народа, производитъ кое-какія «жестокости», которыя ужъ просто никуда не годятся. Какъ съ этими-то быть? Ну, ничего, тоже можно кое-что объяснить и про нихъ, наприм. хоть то, что эти «жестокости» ничего другого не доказываютъ, кромѣ «ожесточенности русскаго народа», вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Вотъ и дѣло въ шляпѣ. Такимъ образомъ оказывается, что нѣтъ ничего лучше и выше нашего эпоса и нашихъ богатырей. Это отлично. Но только спрашивается, не повтореніе-ли это, про русскую поэзію, тѣхъ самыхъ мыслей, которыя въ «*Нравственной стихіи*» прилагались къ разнымъ иностраннымъ, удостоившимся одобренія, литературамъ? Гдѣ же превращеніе г. Миллера? Гдѣ его новые фазисы?

Сдѣлавшись славянофиломъ, понятно, что г. Миллеръ меньше чѣмъ когда-нибудь могъ выносить сравненіе русскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходныхъ и восхитительныхъ, былинъ съ произведеніями народовъ, отмѣченныхъ у него въ числѣ непохвальныхъ по части нравственности и добродѣтелей, и онъ, разумѣется, съ приличными насмѣшечками говоритъ о «новомодныхъ цивилизаторахъ Европы, монголахъ», о «просвѣтительномъ нашествіи монголовъ на Россію», о «великой монгольской образованности», о «какихъ-нибудь монголо-калмыцкихъ поэмахъ», о «какихъ-нибудь эпическихъ кусочкахъ у шоровъ и койбаловъ», о «благодѣтеляхъ нашихъ тюркахъ», и т. д. Только, такъ какъ г. Миллеръ не надѣленъ даромъ остроумія, то всѣ эти прекрасные мотивы даромъ у него пропадаютъ, ничего изъ нихъ не выходитъ, и они такъ-таки прямо и идутъ какъ ключъ ко дну. Впрочемъ, не однѣ восточныя національности конфузитъ г. Миллеръ при сравненіи съ русскою: онъ срамитъ также самымъ основательнымъ манеромъ и нѣмецкую (точь-въ-точь какъ въ «*Нравственной стихіи*»), и, основываясь на писателѣ такого же достоинства и полета, какъ онъ самъ, Менцелѣ, доказываетъ какъ дважды-два-четыре, что нѣмцевъ одолѣваетъ пагубная страсть: «*Lust Unrecht zu thun*». Это уже одно глубокое изреченіе показываетъ, безъ всякихъ другихъ доказательствъ, насколько мы добродѣтельнѣе и лучше нашихъ сосѣдей.

Я не стану выставлять здѣсь на показъ разныя другія совершенства новой книги г. Миллера, какъ наприм., его объясненія какихъ угодно сходствъ, самыхъ спеціальныхъ, самыхъ исключительныхъ, «общечеловѣческимъ единствомъ эпическаго творчества»—средство не дурное и вполнѣ эластическое для любого эскамотажа; не стану также говорить о мистическихъ и трансцендентальныхъ объясненіяхъ, посредствомъ которыхъ, отъ времени до времени, г. Миллеръ, для утѣшенія славянофильской братіи и возвеличенія великихъ русскихъ, объявляетъ вдругъ разныя аллегоріи о «божественномъ оратаѣ Микулѣ Селяниновичѣ», покровителѣ земледѣлія на Руси, или о его «сумкѣ», изображающей въ лицахъ «тягу» или «тяготу» земли русской, или о «разгулѣ Потока», подъ которымъ надо разумѣть «громъ и дождь», и т. д. Но я хочу, въ заключеніе моихъ краткихъ замѣтокъ, указать на одну черту, принадлежащую къ особенностямъ г. Миллера, прошедшаго сквозь разные фазисы. Это уморительное его либеральничанье и лже-демократизмъ. Подобно всѣмъ славянофиламъ, онъ не пропускаетъ ни одной оказіи, чтобъ не сказать что-нибудь про великій русскій народъ и великія его способности, ставящія его выше всѣхъ. Но, въ добавокъ ко всему остальному, онъ пробуетъ и въ былинахъ указать такія небывальщины, которыя всякій легко можетъ оцѣнить. То онъ вдругъ объявляетъ, что «самосудъ» составляетъ одну изъ древнѣйшихъ самостоятельныхъ чертъ нашихъ былинъ, и доказываетъ «совершеннѣйшую независимость былинъ, отъ какихъ-либо образцовъ позднѣйшаго и историческаго Востока», тогда какъ точь-въ-точь такихъ примѣровъ, какіе онъ приводитъ, расправы, произведенной самимъ героемъ надъ собственною женою, или другими лицами, безъ всякаго прибѣганія къ царской власти, можно привести въ восточныхъ образцахъ сколько угодно; то опять говоритъ, что «въ долгой гоньбѣ богатыря Вольги на конѣ за пѣшимъ Микулою явно высказывается то первенство, какое дается народомъ богатырю земледѣльцу передъ богатыремъ воиномъ» (извѣстно, что коренные славянофилы ужасно счастливы тѣмъ, что Илья-Муромецъ — родомъ изъ крестьянъ: тутъ они провидятъ страшно глубокія и многознаменательныя вещи!); то еще увѣряетъ, что когда Илья Муромецъ, въ одной былинѣ, сѣлъ въ гостяхъ у князя Владиміра на мѣсто среднее и возлѣ себя посадилъ «голей кабацкихъ», то подъ этимъ надо разумѣть, что тутъ «проглядываетъ сочувственное *общинное начало*», а если въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, князь Владиміръ учитъ этого богатыря взять себѣ жену, гдѣ можно будетъ, хоть у царя, хоть у короля, хоть у купца, хоть у попа, хоть у мужика подлаго, то въ этихъ словахъ проглядываетъ «*первоначальное славянское равенство*»; наконецъ, что «ни у древнихъ грековъ, ни у германцевъ не было той *свободной служ-*

бы, какую несетъ въ былинахъ у насъ Илья Муромецъ: потому-что *свободно можно служить только общинѣ, міру-народу*». На такія отчаянныя пошлости не возражаютъ. Онѣ назначены для славянофильской компаніи, вѣроятно наполняютъ сердце ея радостью (по крайней мѣрѣ тѣмъ ея членамъ, кто поглупѣе и похуже); прочіе люди могутъ только пожимать плечами.

Книга г. Миллера огромна. Въ ней 53 печатныхъ листа, и, значитъ, надо было очень много терпѣнія и труда со стороны автора, чтобъ прочитать все, о чемъ у него тамъ говорится, и написать все, о чемъ у него тамъ толкуется. Но наврядъ-ли кто отнесется съ почтеніемъ ко всему этому труду и терпѣнію. Безъ даровитости, безъ свѣтлой мысли, никакія груды фактовъ, скопленныхъ хоть со всѣхъ краевъ цѣлаго свѣта, ровно еще ничего не значатъ. А вотъ именно этихъ главныхъ качествъ у г. Миллера вовсе нѣтъ. У него ярко блещетъ все, что́ есть самаго иротивоположнаго даровитости и мысли. Мѣсто мысли занято у него славянофильствомъ, мѣсто даровитости—мелочностью и кропотливостью крота, который весь свой вѣкъ ковыряетъ и роется, и ничего въ цѣлый вѣкъ не выроетъ—кромѣ гнѣзда себѣ по вкусу. Каково гнѣздо г. Миллера—мы уже достаточно видѣли. Ничего другого не знаютъ и не вѣдаютъ слѣпые его глаза. У него въ толстомъ томѣ приведены быть можетъ тысячи тысячъ фактовъ, и однако же изъ нихъ ничего другого для него не выходитъ, кромѣ того, что у нашихъ былинъ есть сходство съ поэмами и пѣснями западно-европейскихъ народовъ и славянъ [1]), въ чемъ впрочемъ никто давно уже не сомнѣвается, послѣ трудовъ профессора Буслаева,—стоящихъ настолько же выше трудовъ г. Миллера, насколько трудъ мастера стоитъ выше ковырянья ученика, которому суждено никогда изъ учениковъ не выйти.—Но какой же, наконецъ, и изъ этихъ-то выводовъ окончательный выводъ? Тотъ, 1) что, несмотря ни на что, русская поэзія и русскія былины самостоятельны превыше всего на свѣтѣ, а по нравственности и высокимъ чувствамъ лучше и чище всего, что́ только

[1]) Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, одну любопытную вещь. Г. Миллеръ въ своихъ широковѣщаніяхъ всегда много толкуетъ о тожествѣ или по крайней мѣрѣ громадныхъ сходствахъ нашихъ былинъ съ пѣснями сербовъ, болгаръ, чеховъ и т. д. Теперь онъ привелъ все, что только могло, по его мнѣнію, служить его тезису. И теперь съ удивленіемъ всякій спроситъ: такъ вотъ что только, послѣ всѣхъ обѣщаній, у васъ оказывается сходствъ? Нѣсколько эпизодовъ изъ Ильи Муромца, исторія Ставровой жены, кое-что о Добрынѣ и Дунаѣ—и только? Все остальное—отдѣльныя подробности, или мелкія черты? Нѣтъ, у русскихъ былинъ, *въ общемъ*, гораздо менѣе сходства со славянскими пѣснями, чѣмъ съ французскими и нѣмецкими поэмами и пѣснями средневѣковыми. И на то, конечно, много историческихъ причинъ. Не здѣсь мѣсто подробно развивать это положеніе. Быть можетъ, я посвящу этому, однажды, особый трудъ.

когда-нибудь бывало, есть и будетъ, и 2) что именно въ этомъ самомъ, великомъ, эпосѣ *только* до сихъ поръ и выразился, *мысли-тельно*, нашъ народъ. Значитъ, сотни страницъ, употребленныя лишь на подобныя кривыя толкованія, становятся, не взирая ни на какой трудъ, ничтожными и ни на что негодными, и такой книгѣ нельзя желать успѣха. Русскій народъ имѣетъ за собою столько дѣйствительныхъ качествъ, заслугъ и значительныхъ историческихъ фактовъ, что не требуетъ себѣ на помощь славянофильской реторики и размазни.

Разсматривая «*Нравственную стихію*» г. Миллера, Добролюбовъ говорилъ: «книжонка не стоитъ серьезнаго разбора, и мы хотѣли-было промолчать о ней, какъ молчали мы о «Печатной правдѣ», «сонникахъ», «оракулахъ» и тому подобныхъ безтолковыхъ издѣліяхъ печатнаго мастерства. Разборы подобныхъ книгъ составляютъ подвигъ, и подвигъ весьма неблагодарный. Нужно ихъ уничтожать, а для этого надо слѣдить за ними изъ строки въ строку, потому что каждая строка въ нихъ заключаетъ въ себѣ непремѣнно — или ложь или чепуху». Прошло 12 лѣтъ, и г. Миллеръ написалъ еще разъ точь-въ-точь такую же книжку, только втрое длиннѣе. Онъ ничуть не перемѣнился. Ни «фазисы», ни славянофильство не помогли. Надо надѣяться, что и публика наша не перемѣнилась и поступитъ съ новою книжицею г. Миллера, какъ поступила со старою: отвернется отъ нея.

В. Стасовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта, 1870.

ЗЕМСКІЕ ИТОГИ.

Еще очень недавно каждая сессія земскихъ собраній, и особенно петербургскаго, возбуждала довольно живой интересъ въ значительной части нашего общества. Отъ земскихъ учрежденій всѣ чего-то ждали — и нужно сказать правду, иные оптимисты ждали отъ нихъ такъ много, что самыя ожиданія эти свидѣтельствовали о крайне недостаточномъ знакомствѣ нашего общества съ тѣми условіями, при которыхъ оно живетъ. Въ этомъ отношеніи никакъ нельзя обвинять земскія учрежденія за то, что они не оправдали всѣхъ ожиданій: самыя ожиданія были часто такого свойства, что исполненіе ихъ вовсе не зависѣло ни отъ того или другого состава земскихъ собраній, ни отъ того или другого направленія ихъ дѣятельности. Земскія учрежденія были только формою, даже словомъ, — съ которымъ самымъ смѣлымъ образомъ связывались мечтанія объ общемъ хозяйственномъ благоустройствѣ, водвореніи государственной бережливости, ослабленіи централизаціи, полномъ участіи общества въ назначеніи и распредѣленіи податей и повинностей, насажденіи просвѣщенія, контролѣ надъ дѣйствіями администраціи и о другихъ благахъ, которыя въ полномъ ихъ объемѣ также мало зависѣли отъ земскихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, измѣненіе климата или установленіе болѣе благопріятныхъ условій для русской печати.

Но съ другой стороны нельзя не сознаться, что земскія учрежденія во многомъ не выполнили и того, что́ не только входило въ «предначертанный» для нихъ кругъ дѣятельности, но даже относилось къ ихъ прямой обязанности. Они недостаточно заботились о введеніи благоустройства и въ той неширокой области, которая имъ отведена, т.-е. не вычинили, какъ слѣдуетъ, дорогъ и не вездѣ исправили мосты; они сами не вездѣ были достаточно бережливы: назначали, напримѣръ, себѣ большое жалованье и тратили средства необдуманно; во мно-

гихъ мѣстахъ не только не умѣли, но и не хотѣли правильно распредѣлить и сравнительно незначительную долю повинностей, которую собирали, такъ, напримѣръ, оставили наплечахъ крестьянъ всю натуральную повинность и обложили крестьянскія земли выше помѣщичьихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не заботились о народномъ образованіи, ибо не дали на школы ни копѣйки; далѣе, иногда они въ своихъ собственныхъ дѣлахъ такъ строго проводили принципы централизаціи, что имъ могъ-бы позавидовать любой администраторъ, и, наконецъ, они почти вездѣ не имѣли настолько такта или, лучше сказать, не съумѣли быть достаточно ловкими, чтобы подчинить своему контролю и такія административныя дѣйствія, которыя могли имъ быть подчинены.

Но и за все это строго обвинять земскія учрежденія нельзя, ибо мы увидимъ, что условія ихъ существованія были далеко неблагопріятныя. Лучше даже вовсе не обвинять, а просто отнестись къ ихъ дѣятельности, какъ къ извѣстному историческому явленію, объяснить его причины и вывести поученіе для будущаго....

Прежде всего не надобно забывать, что люди, которые засѣдали и засѣдаютъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а также и люди, которые поставлены къ нимъ въ оффиціальныя отношенія, не явились вдругъ, какъ что̀-либо чуждое нашей жизни, а напротивъ представляютъ собою продуктъ этой жизни со всѣми доселѣ занимавшими ее интересами, т.-е. сословными, служебными, имущественными и т. д. Такимъ образомъ, и въ новую дѣятельность эти люди необходимо должны внести свои прежнія привычки, взгляды и стремленія—и вся ихъ задача состояла въ томъ, чтобы согласовать между собою эти разнохарактерныя привычки и стремленія, которыя до того времени или вовсе не согласовались или были согласуемы заботами начальства. Такая совмѣстная дѣятельность разнохарактерныхъ лицъ всегда вызываетъ нѣкоторое раздраженіе; люди, интересы которыхъ были въ тѣни, естественно видятъ въ новомъ порядкѣ случай заявить свои требованія; напротивъ, люди, которые для своего благосостоянія не нуждаются ни въ какихъ преобразованіяхъ, отстаиваютъ добрый старый порядокъ; происходитъ борьба—и тотъ, кто сильнѣе, побѣждаетъ; но каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы, она всегда интересна, ибо представляетъ матеріалъ для изученія физіологіи общества.

Усвоивъ себѣ правильное понятіе о составѣ земскихъ учрежденій, надобно затѣмъ принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ они дѣйствовали и дѣйствуютъ—условія созданныя не при нихъ и не для нихъ, а существовавшія цѣлые вѣка и настолько освѣщенныя временемъ, что всякая мысль о ихъ несостоятельности почитается святотатственною. Такъ какъ условія эти далеко не всегда благопріятствовали той дѣятельности, къ которой стремились нѣкоторые неопытные сто-

ронники благихъ начинаній, то стремленія ихъ или оставались только стремленіями или приносили совсѣмъ не тотъ плодъ, котораго отъ нихъ ожидали. За это также винить ихъ нельзя,—но съ другой стороны нельзя не сказать, что неопытность и необдуманность вовсе не составляютъ особенно хорошихъ качествъ для такъ-называемыхъ общественныхъ дѣятелей.

Какъ бы то ни было, но сопоставляя результатъ, добытый изъ анализа частныхъ интересовъ лицъ, входившихъ въ составъ земскихъ учрежденій съ тѣми условіями, при которыхъ эти учрежденія существовали, можно совершенно правильно не только уяснить себѣ ихъ настоящее положеніе, но пожалуй и будущую судьбу. Впрочемъ, не желая пугать читателя предсказаніями будущаго, мы займемся только прошедшимъ и настоящимъ.

Если обратиться къ дѣятельности земскихъ учрежденій съ того момента, какъ они были «призваны къ жизни», то мы увидимъ, что первое время представители земства заботились не столько о томъ, что̀ составляло главную задачу ихъ дѣятельности, т.-е. не о дорогахъ, мостахъ, смѣтахъ и раскладкахъ, сколько объ отношеніяхъ, въ которыя поставлены они къ другимъ элементамъ государственной жизни, и прежде всего къ мѣстной администраціи. Въ доказательство можно привести уже тотъ фактъ, что изъ огромнаго количества ходатайствъ, которыя заявляло земство въ первое время своего существованія, самая значительная часть касалась измѣненія тѣхъ статей закона, которыми обусловливались сказанныя отношенія.

Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что самыя оживленныя пренія въ земскихъ собраніяхъ велись по поводу отношеній къ администраціи, и самыя яркія страницы докладовъ управъ были тѣ, въ которыхъ описывались административные промахи. Къ этому нужно прибавить, что и публика преимущественно интересовалась этими преніями и этими страницами, другихъ она почти не слушала и не читала. Такое направленіе дѣятельности земскихъ собраній и такое настроеніе общества было такъ замѣтно, что обратило даже на себя вниманіе бывшаго оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, который посвятилъ этому вопросу три большія статьи. «Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ на счетъ земской реформы, говорила «Сѣверная Почта», встрѣчается взглядъ, который, противопоставляя правительство и земство одно другому, смотритъ на всякое прикосновеніе правительственной власти къ дѣламъ земскихъ учрежденій, какъ на присвоеніе непринадлежащихъ ей правъ. Съ этой точки зрѣнія *недовѣріе* и *подозрительность* становятся, во взаимныхъ отношеніяхъ и правительства и земства, какъ бы нормальнымъ положеніемъ и того и другого. Отсюда возникаетъ желаніе предоставить земскимъ учрежденіямъ всевозможныя гарантіи,

которыя оградили бы ихъ, какъ стѣною, отъ вторженія административной власти».

Если всмотрѣться пристальнѣе въ условія, при которыхъ возникли то недовѣріе и та подозрительность, о которыхъ говоритъ «Сѣверная Почта», то дѣло окажется совершенно просто. Что поводы къ этому со стороны административныхъ властей были, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; ихъ не могло не быть уже потому, что административныя власти должны были сдать земству не только различныя дѣла и бумаги по тѣмъ отраслямъ управленія, которыя переходили въ руки земства, но также больницы и другія богоугодныя заведенія, которыя, надо признаться, содержались далеко не въ порядкѣ. Припоминая отзывы объ этомъ предметѣ земскихъ учрежденій въ первый же годъ ихъ существованія, мы можемъ, въ видѣ примѣра, указать на слѣдующее: Костромская губернская управа говоритъ, напримѣръ, что «по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ дѣла разныхъ учрежденій поступали весьма медленно, возбуждали переписку и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ дѣла приказа общественнаго призрѣнія, поступили въ вѣдѣніе управы только черезъ полгода послѣ ея открытія. Благотворительныя же заведенія переданы въ такомъ видѣ, что прямо потребовали весьма значительныхъ исправленій, и переданныхъ капиталовъ оказалось мало». Такія же затрудненія встрѣтились при пріемѣ богоугодныхъ заведеній и во многихъ другихъ губерніяхъ. Въ Харьковѣ, напримѣръ, принадлежащія больницѣ вещи оказались спрятанными гдѣ-то въ сараѣ. Далѣе, во многихъ мѣстностяхъ возникли жалобы на неисправность передаваемыхъ земству путей сообщенія. Самый разительный примѣръ подобныхъ жалобъ представляетъ отчетъ петербургской земской управы за 1866 годъ. Въ отчетѣ этомъ, помѣщенномъ въ извлеченіи въ 5 № «Спб. Вѣд.» за 1867 г., говорится, что въ управу переданы дѣла различныхъ вѣдомствъ по предмету сельскаго хозяйства, но всѣ эти кипы бумагъ свидѣтельствовали, по словамъ отчета, о небрежномъ веденіи хозяйства, неэкономическомъ распоряженіи средствами земства и о безполезной растратѣ времени и силъ... Изъ продовольственнаго капитала передано лишь 50%, капиталы общественнаго презрѣнія и строительный, несмотря на ходатайство управы въ теченіи цѣлаго года, не переданы. Еще бо́льшія затрудненія встрѣтились при пріемѣ заведеній общественнаго призрѣнія. Гдовская, шлиссельбургская и новоладожская управы такъ описывали состояніе мѣстныхъ больницъ: зданія почти разрушаются отъ ветхости и гнилости; медикаментовъ, бѣлья и прочихъ принадлежностей не только не было въ надлежащемъ количествѣ (въ гдовской больницѣ, въ день ея пріема управою, изъ 16 человѣкъ больныхъ не у всѣхъ было надѣто бѣлье), но и состоявшее на лицо было до того плохо и ветхо, что не могло быть употребленнымъ. Состояніе путей сообщенія, если вѣрить отчету,

было также незавидное. «Въ строгомъ смыслѣ—говоритъ управа—у насъ нѣтъ путей сообщенія, а есть только самыя плохія дороги. Онѣ исправляются натуральною повинностью, но такъ какъ по существу своему губернская натуральная повинность немыслима, то и самое исправленіе дорогъ натурою не могло осуществиться. Прежде еще коекакъ справлялись; только въ случаѣ проѣзда начальства сгоняли на самыя дурныя мѣста окрестныхъ жителей и заставляли ихъ задѣлывать ямы и пучины, но въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ и этого не дѣлали, такъ что и боковыя канавы засорились и заросли. Мосты, трубы и гати, продолжаетъ отчетъ управы, найдены не въ лучшемъ положеніи; все было сгнивши и свалилось, ни одного сооруженія живого мы не получили».

Кромѣ дорогъ и больницъ важнымъ пунктомъ для столкновеній были обывательскія лошади. Въ прежнее время ими распоряжались административныя начальства по своему усмотрѣнію; со введеніемъ же земскихъ учрежденій эта повинность подчинена ихъ контролю. Это-то и дало поводъ къ ссорамъ, ибо администраторы съ большимъ трудомъ могли привыкнуть къ новому порядку. Жалобы были почти повсемѣстныя; печатно онѣ были заявлены въ губерніяхъ: херсонской, черниговской, полтавской, петербургской и другихъ. Даже въ послѣднее время, несмотря на благопріятныя для земства разъясненія вопроса сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ, обывательскія лошади послужили источникомъ столкновеній между земствомъ и администраціей екатеринославской губерніи. Бывшая петербургская управа въ своемъ отчетѣ говоритъ, что ей приходилось отказывать различнымъ присутственнымъ мѣстамъ на ихъ требованія открытыхъ листовъ или по неимѣнію права тѣми лицами, для которыхъ они требовались или по самому случаю, для которыхъ они требовались. Такъ, напр., палата государственныхъ имуществъ просила выслать 4 бланки открытыхъ листовъ для отправленія 4-хъ мальчиковъ, находившихся въ палатѣ для приготовленія къ писарскимъ должностямъ, а начальникъ охтенскаго капсюльнаго завода просилъ даже открытый листъ для отправленія техническаго мастера и двухъ мастеровыхъ въ капсюльное заведеніе, находящееся въ Черниговской губерніи.

Заявленія, подобныя только-что приведеннымъ, не могли, конечно, проходить безслѣдно. Задѣтые администраторы отвѣчали тѣмъ же; пользуясь своимъ правомъ контроля, они вмѣшивались въ дѣла земскихъ учрежденій въ такихъ случаяхъ, когда въ этомъ не было надобности, дѣлали ненужные протесты противъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ, какъ напримѣръ въ костромской губерніи, гдѣ губернаторъ въ 1865 году опротестовалъ всѣ уѣздныя смѣты и раскладки, тогда какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ совершенно сходныя раскладки оставлены безъ протеста,—или прямо становились въ непріязненныя отно-

шенія; напримѣръ въ херсонской губерніи, гдѣ административныя начальства предписывали крестьянскимъ обществамъ не исполнять требованій земскихъ управъ, или наконецъ, въ свою очередь, самымъ непохвальнымъ образомъ отзывались о дѣятельности земскихъ управъ, — какъ напримѣръ въ екатеринославской губерніи, гдѣ губернаторъ наполнилъ такими отзывами цѣлый нумеръ «Губернскихъ Вѣдомостей». Газеты указывали и на такой случай, что одинъ начальникъ губерніи надѣлалъ членамъ уѣздныхъ управъ личныхъ оскорбленій.

Эти причины конечно могли породить всевозможныя неудовольствія; но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что онѣ ихъ породили бы, въ значительно меньшей степени, еслибы самый составъ земскихъ учрежденій и административныя преданія, которыя они унаслѣдовали, не способствовали раздору.

Страсть къ «пререканіямъ» издавна существовала между провинціальными органами нашей администраціи; это знаетъ всякій, жившій въ провинціи; только пререканія эти совершались не гласно, ограничиваясь областью задорныхъ предложеній, непочтительныхъ рапортовъ, строгихъ предписаній и другихъ ѣдкихъ бумагъ. Кромѣ того, административный задоръ смягчался мыслью объ общемъ начальствѣ, которое, разрѣшая пререканія, дѣлало отеческія наставленія обѣимъ сторонамъ. Тамъ же, гдѣ органы губернской администраціи были независимы одинъ отъ другого и гдѣ, кромѣ бумажныхъ сношеній, требовались личныя, тамъ пререканія эти были и менѣе сдержанны и имѣли даже такъ - сказать огульный характеръ. Стóитъ только вспомнить, каковы бывали отношенія губернаторовъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы a priori заключить, что земскія учрежденія, въ средѣ которыхъ засѣдали тѣ же предводители и которые были поставлены въ оффиціальныя отношенія къ тѣмъ же губернаторамъ, непремѣнно будутъ имѣть свои пререканія.

Кромѣ этой, такъ-сказать, административной причины были и другія, имѣвшія чисто общественный характеръ. Представители власти, живя въ провинціи, не остаются чѣмъ-либо чуждымъ той средѣ, въ которой они дѣйствуютъ; они вступаютъ съ мѣстнымъ обществомъ въ отношенія не административныя, встрѣчаются въ клубахъ, вмѣстѣ обѣдаютъ, играютъ въ карты и т. д. При этихъ условіяхъ, дѣло не обходится безъ ссоръ и дрязгъ, которыя изъ личныхъ отношеній легко переходятъ въ общественныя и именно образуютъ собою тотъ фундаментъ, на которомъ зиждутся у насъ всевозможныя пререканія. Наконецъ нельзя забывать, что такъ-называемая «борьба съ администраціей» давала обширный матеріалъ для звонкихъ рѣчей и либеральныхъ фразъ, которыя одно время составляли преобладающую страсть нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Мы знаемъ, что насъ могутъ обвинить за такое мелочное объясненіе

явленія, которое, какъ бы незначительно оно ни было, тѣмъ не менѣе возбуждало большой интересъ въ обществѣ; намъ могутъ сказать, что мы забыли о тѣхъ почтенныхъ людяхъ, которые, чуждаясь личныхъ цѣлей, руководились стремлеінемъ къ общему благу и, являясь строгими обличителями зла, жертвовали собою. Такіе энтузіасты дѣйствительно были; были и люди, которые если не особенно горячо, то во всякомъ случаѣ совершенно честно относились къ своему дѣлу. Мы сами могли бы назвать ихъ имена и кстати указать на судьбу, ихъ постигшую, но тѣмъ не менѣе мы не беремъ назадъ ни одного слова, сказаннаго нами, ибо эти люди составляли незначительный процентъ и ихъ голосъ всегда бы оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если-бы въ извѣстный моментъ они не нашли поддержку въ большинствѣ, которое, руководилось самыми несложными житейскими побужденіями. И дѣйствительно, когда направленіе большинства, вслѣдствіе постороннихъ причинъ и условій, мѣнялось, всѣ усилія энтузіастовъ пропадали даромъ. Кромѣ того, усилія эти и въ прежнее время имѣли несравненно меньшій успѣхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда большинству приходилось показать себя не на словахъ, а на дѣлѣ и пожертвовать для общаго блага своими личными интересами.

Какъ бы то ни было, всѣ эти пререканія не имѣли особенно серьезныхъ результатовъ и мало-по-малу страсть къ нимъ публики совершенно охладѣла. Съ одной стороны слишкомъ строгіе администраторы были умягчены распоряженіями высшаго начальства, съ другой —тѣ же распоряженія охладили и слишкомъ горячихъ дѣятелей въ средѣ земскихъ учрежденій.

Скоро обѣ стороны почувствовали, что худой миръ лучше доброй ссоры и начали успокоиваться. Этому успокоенію способствовало какъ то, что удобные предметы для блестящихъ обличеній, почерпаемые изъ «передачи дѣлъ и зданій» были исчерпаны, такъ и то, что самыя обличенія сдѣлались ненужными, ибо проходя, въ силу новаго закона, черезъ цензуру тѣхъ лицъ, которые обличались, они естественно теряли интересъ. Въ концѣ концовъ, и земскимъ учрежденіямъ пришлось ограничиться тѣми самыми ѣдкими бумагами, сочиненіе которыхъ издавна составляло спеціальность административныхъ мѣстъ и лицъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ дѣло шло только о губернскихъ властяхъ, спокойствіе водворялось мѣрами самыми ординарными: перемѣною личнаго состава нѣсколькими административными внушеніями и изданнымъ дополненіемъ къ закону о печати. Но когда въ петербургской губерніи земскія учрежденія затронули сферы высшія, то относительно ихъ была принята, какъ извѣстно, такая мѣра, вслѣдствіе которой на долгое время сдѣлались невозможными никакія пререканія.

Чтобъ быть справедливыми, мы должны указать и на хорошую

сторону всѣхъ этихъ столкновеній и обличеній. Съ того времени какъ начались эти обличенія, печать получила возможность обсуждать дѣйствія губернскихъ и даже столичныхъ администраторовъ, не называя ихъ «иксами» и «игреками». Отчеты земскихъ управъ и пренія собраній давали первое время весьма обильный матеріалъ для подобныхъ обсужденій и хотя изданія, занимавшіяся обработкою этого матеріала, должны были испытать административныя кары, тѣмъ не менѣе обсужденіе вошло въ обычай. Въ качествѣ добросовѣстнаго историка, мы должны напомнить читателямъ, что рядомъ съ запальчивыми обличеніями административныхъ промаховъ, въ средѣ земскихъ собраній въ первые годы ихъ дѣятельности слышались заявленія, имѣвшія если не по характеру, то по мысли, гораздо болѣе серьезное значеніе. Читатели поймутъ, почему мы отказываемся отъ подробнаго разсмотрѣнія этихъ заявленій; намъ достаточно сказать, что, смолкнувъ въ Петербургѣ три года тому назадъ, они нигдѣ болѣе не повторялись.

Отъ этихъ, такъ-сказать, внѣшнихъ явленій въ исторіи земскихъ учрежденій мы перейдемъ къ характеристикѣ ихъ внутренней дѣятельности и прежде всего остановимся на томъ, что́ составляетъ, по нашему мнѣнію, главную задачу земства: на уравненіи податей и повинностей.

Еслибы для характеристики земскихъ учрежденій въ этомъ отношеніи намъ пришлось обратиться непосредственно къ земскимъ раскладкамъ и опредѣлять, насколько соблюдена въ нихъ справедливость и равномѣрность, то наша задача по обилію матеріаловъ и необходимости мѣстныхъ изслѣдованій была бы невыполнима. Къ счастію, для выполненія ея намъ нѣтъ необходимости пересматривать всѣ смѣты и раскладки, а достаточно обратиться къ одному вопросу, который болѣе трехъ лѣтъ задѣвалъ за живое всѣхъ земскихъ дѣятелей—это вопросъ о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя.

Читатели, которые слѣдили за печатными извѣстіями о ходѣ земскихъ собраній, помнятъ вѣроятно, какое значеніе имѣлъ этотъ вопросъ и какъ онъ сдѣлался у насъ лозунгомъ борьбы между лицами, отстаивавшими сословныя привилегіи и лицами, стремившимися къ ихъ нивеллированію. Чтобы уяснить это явленіе, мы должны сказать, что въ настоящемъ случаѣ дѣло шло не только о хозяйственной мѣрѣ, затрогивавшей тѣ или другіе имущественные интересы, но и о принципѣ, которымъ руководствовались люди, предлагавшіе эту мѣру и люди, отстаивавшіе прежній порядокъ. Извѣстно, что наше крестьянское сословіе, кромѣ уплаты разнаго рода прямыхъ и косвенныхъ податей и налоговъ, составляющихъ $^9/_{10}$ всего государственнаго прихода, несетъ еще всѣ натуральныя повинности, т.-е. ставитъ рекрутъ, чинитъ дороги, даетъ въ своихъ избахъ даровое помѣщеніе войскамъ и

возить на своихъ лошадяхъ начальствующихъ лицъ. Хотя со введеніемъ земскихъ учрежденій порядокъ этотъ не былъ измѣненъ законодательствомъ; но земскимъ учрежденіямъ дана возможность измѣнить его до извѣстной степени. Для этого стоило только замѣнить подводную и дорожную повинность денежнымъ сборомъ и распредѣлить ее между всѣми сословіями. Такъ какъ этотъ замѣнъ былъ выгоденъ для крестьянъ, то весьма естественно, что предложенія подобнаго рода прежде всего возникли въ уѣздныхъ собраніяхъ, гдѣ представители крестьянскаго сословія, составляя значительную часть гласныхъ, могли поддержать своими голосами людей, которые бы рѣшились пожертвовать, во имя справедливости, своими личными интересами. Такіе люди дѣйствительно нашлись и дѣйствительно многія уѣздныя собранія рѣшились облегчить такимъ образомъ крестьянскія повинности. Но за то губернскія собранія, имѣющія совершенно иной составъ, во многихъ мѣстностяхъ, старались всѣми мѣрами парализовать усилія уѣздныхъ и оставить прежній порядокъ. При этомъ случаѣ намъ необходимо указать причины такого развитія въ составѣ земскихъ собраній и то значеніе, которое имѣютъ вообще гласные отъ крестьянъ.

Не такъ давно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, — отличающемся въ своихъ сужденіяхъ болѣе либеральными фразами, нежели знаніемъ дѣла, — появилась ироническая характеристика плачевной роли, которую играютъ гласные отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ. Если вѣрить этой характеристикѣ, то гласные-крестьяне составляютъ только ненужный баластъ и умѣютъ лишь молча изъявлять свое согласіе на все, что́ угодно будетъ имъ приказать. Это конечно было бы очень плачевно, но это не совсѣмъ такъ. Дѣйствительно, гласные-крестьяне тамъ, гдѣ они составляютъ меньшинство, не имѣютъ никакого значенія. Не умѣя говорить не только либеральныхъ, но и никакихъ фразъ, они естественно молчатъ и соглашаются, зная, что плетью обуха не перешибешь. Но тѣмъ не менѣе интересы свои они понимаютъ очень хорошо и гдѣ между лицами говорящими найдется одинъ или двое такихъ, которые обращаютъ вниманіе и на ихъ интересы, они съ замѣчательнымъ единодушіемъ пристаютъ къ нимъ и при малѣйшемъ численномъ превосходствѣ одерживаютъ верхъ. Ниже намъ придется указать случай, гдѣ гласные отъ крестьянъ, составляя большинство въ собраніи, съ такимъ единодушіемъ отстаивали свои права противъ засѣдающаго вмѣстѣ съ ними начальства, что начальство это сдѣлало воззваніе къ высшей власти и дѣло кончилось судебнымъ разбирательствомъ, которое показало, какія мѣры употребляются иногда противъ лицъ, отстаивающихъ интересы крестьянскаго сословія. Обвиненные чуть не въ государственныхъ преступле-

ніяхъ, защитники крестьянскихъ интересовъ были оправданы высшей инстанціей суда, но ихъ дѣятельность была парализована.

Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ крестьянское сословіе имѣетъ весьма мало представителей, и это очень понятно; чтобы ѣхать въ губернскій городъ, особенно изъ дальнихъ уѣздовъ, нужно дѣлать значительныя траты, которыя крестьянамъ не подъ силу. Первое время, когда уѣздныя собранія считали себя вправѣ давать своимъ представителямъ денежныя пособія на проѣздъ, въ губернскіе гласные могли попасть и крестьяне; но этотъ порядокъ встрѣтилъ сильную оппозицію во многихъ губернскихъ собраніяхъ. Такъ какъ большинство ихъ состояло изъ людей достаточныхъ, то у нихъ естественно явилось желаніе обезпечить навсегда за достаточными классами преобладающее вліяніе. Это-то и было источникомъ краснорѣчивыхъ фразъ о необходимости безвозмезднаго служенія обществу и строгой бережливости въ расходованіи земскихъ суммъ, хотя въ данномъ случаѣ денежнымъ пособіемъ окупались только понесенныя издержки, а расходъ земства не превышалъ нѣсколькихъ сотъ рублей на уѣздъ. Защитникамъ безвозмезднаго служенія надо отдать справедливость въ томъ отношеніи, что они охотно отказывались отъ пятидесяти рублей въ годъ, которые могли получить въ качествѣ губернскихъ гласныхъ; но, конечно, когда дѣло шло о тысячахъ рублей, то и они находили безвозмездное служеніе практически неудобнымъ. Говоря объ этомъ «безвозмездномъ служеніи», мы невольно вспоминаемъ одно курьезное событіе, происшедшее два года тому назадъ въ тамбовскомъ губернскомъ собраніи, гдѣ элементъ ревнителей безвозмезднаго служенія былъ особенно многочисленъ. При введеніи земскихъ учрежденій въ Тамбовской губерніи, въ члены губернской управы былъ избранъ, между прочимъ, крестьянинъ Шишкинъ, избранъ очевидно для того, чтобы показать просвѣщенное покровительство крестьянскому сословію, что́, замѣтимъ кстати, часто дѣлалось въ первое время. Но вскорѣ (это было въ концѣ 1866 года) мода на такое покровительство прошла, и мѣсто, занимаемое Шишкинымъ, понадобилось другому. На слѣдующую сессію гласныхъ крестьянъ, лишенныхъ пособія отъ уѣздныхъ собраній, пріѣхало мало, и сторонники безвозмезднаго служенія обществу оказались въ огромномъ большинствѣ. Ревизуя отчетъ управы, собраніе нашло кое-какіе безпорядки, которые оно само называло незначительными; тѣмъ не менѣе послѣдовали мелкія объясненія, послѣ которыхъ предсѣдатель и нѣкоторые изъ членовъ управы заявили желаніе оставить службу, въ томъ числѣ генералъ-майоръ Хавскій, завѣдывавшій именно тою частію, въ отчетности которой оказались безпорядки. Но собраніе усиленно упросило его остаться, а крестьянина Шишкина, который все время былъ въ разъѣздахъ, надсматривая за починкою дорогъ, само устранило отъ должности и даже представило сенату объ его

удаленіи, котораго однако не послѣдовало, ибо никакихъ причинъ къ этому не оказалось. Но дѣло не въ этомъ. По выходѣ прежняго предсѣдателя, которому собраніе, *несмотря на его просьбу*, не дало даже возможности объяснить встрѣченныя недоразумѣнія, приступили къ новымъ выборамъ и выбрали нѣкоего П. Б. Бланка, сотрудника газеты «Вѣсть» и слѣдовательно, уже по тому самому сторонника безвозмезднаго служенія. Дѣйствительно, г. Бланкъ тотчасъ послѣ избранія сказалъ по этому поводу нѣсколько весьма чувствительныхъ словъ, объяснивъ, что онъ всегда былъ противъ жалованья и если по необходимости рѣшается брать его, то проситъ назначить не больше, чѣмъ другимъ членамъ. Чтобы отблагодарить г. Бланка за это безкорыстіе, собраніе не только объявило ему содержаніе высшее сравнительно съ другими членами, но и увеличило въ полтора раза, сравнительно съ тѣмъ, что́ получалъ прежній предсѣдатель. И г. Бланкъ не отказался ни отъ содержанія, ни отъ прибавки, хотя въ качествѣ предсѣдателя управы онъ и долженъ былъ знать, что увеличеніе жалованья послѣ выборовъ не только не прилично, но и противозаконно.

Въ 1866 году состоялось законодательное разъясненіе, которымъ назначеніе гласнымъ содержанія отъ земства положительно воспрещено, и съ тѣхъ поръ въ губернскія собранія могутъ попадать только люди зажиточные. Отъ этого иногда случается, что открытіе собраній откладывается по нѣскольку разъ за недостаткомъ установленнаго числа гласныхъ.

Очень понятно, что при такомъ составѣ губернскихъ собраній, переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя, не могло быть вездѣ принято сочувственно. Пользуясь протестами губернаторовъ (которые, при прежнемъ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особенно охотно протестовали противъ замѣны натуральныхъ повинностей денежнымъ сборомъ), нѣкоторыя губернскія собранія кассировали постановленія уѣздныхъ. Такъ случилось въ Псковѣ, Тулѣ Тамбовѣ, Харьковѣ и пр. При этомъ почтенные представители земства находили себѣ сильную поддержку въ газетѣ «Вѣсть», которая съ особеннымъ азартомъ накидывалась на людей, желавшихъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія повинностей. Первое время на гласныхъ, считавшихъ болѣе удобнымъ чинить дороги наймомъ, нежели силою выгонять людей для ихъ починки, сыпались печатные и письменные доносы, ихъ называли коммунистами и соціалистами, въ ихъ предложеніяхъ видѣли колебанія основныхъ началъ общественнаго порядка, нарушеніе самыхъ драгоцѣнныхъ привилегій привилегированныхъ сословій.

Защитники натуральной повинности конечно не говорили прямо, что имъ жалко заплатить нѣсколько лишнихъ рублей; они обыкновенно прикрывались разными юридическими и хозяйственными сооб-

раженіями. Сперва доказывали, что замѣна натуральной повинности денежнымъ сборомъ можетъ быть сдѣлана не иначе, какъ съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ и съ утвержденія высшей власти, т.-е. тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ до введенія земскихъ учрежденій; затѣмъ утверждали, что натуральная повинность можетъ быть замѣнена денежнымъ сборомъ, но привлекать къ этому сбору тѣ сословія, которыя ее прежде не отбывали, нельзя. Только когда оба эти соображенія были опровергнуты и дѣло разъяснено сенатомъ иначе, были пущены въ ходъ хозяйственные разсчеты, по которымъ выходило, что отбываніе натуральной повинности одними крестьянами гораздо выгоднѣе для этихъ послѣднихъ, нежели замѣнъ ее денежнымъ сборомъ, падающимъ на казенныя земли и на всѣ сословія. Это мудрое соображеніе не было, къ сожалѣнію, раздѣляемо самими крестьянами вѣроятно потому, что они съ одной стороны испытали на себѣ прелесть натуральной повинности, а съ другой знали, что при отправленіи ее наймомъ весь сборъ перейдетъ въ видѣ платы за работу въ ихъ же пользу, ибо никто другой на эту работу не пойдетъ, а количество ея отъ отдачи съ найма не увеличится.

Впрочемъ, чтобы показать въ надлежащемъ свѣтѣ приведенныя выше экономическія соображенія, достаточно сказать, что земскія собранія имѣютъ по закону право, не отмѣнивъ натуральной повинности, оцѣнить ее и сбавить съ крестьянскихъ земель соотвѣтственную часть сбора; но этого защитники хозяйственныхъ удобствъ натуральной повинности не дѣлаютъ. Изъ нашихъ словъ читатели вовсе не должны выводить заключенія, что усилія удержать натуральную повинность повторялись во всѣхъ губернскихъ собраніяхъ. Напротивъ, многіе изъ нихъ не только не препятствовали отмѣнѣ ея уѣздными собраніями, но и сами дѣлали тоже. Въ Полтавѣ и Симбирскѣ они сдѣлали это, несмотря на протесты губернаторовъ и вѣдомства государственныхъ имуществъ, которое также не особенно охотно подчинялось необходимости платить усиленный денежный взносъ, явившійся слѣдствіемъ отмѣны натуральной повинности. Когда дѣло выяснилось окончательно, большинство губернскихъ собраній отнесло натуральныя повинности къ уѣзднымъ и затѣмъ уже не имѣло права вмѣшиваться въ ихъ отбываніе. Твердымъ осталось только одно харьковское губернское собраніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось и самымъ откровеннымъ. Коммиссія, избранная собраніемъ для обсужденія этого вопроса, прямо объяснила, что предметомъ обложенія долженъ быть трудъ и такъ какъ крестьянское сословіе самое трудящееся, то и вышло, что оно должно отбывать повинности въ усиленномъ размѣрѣ. Собраніе совершенно согласилось съ этимъ доводомъ и дорожная повинность осталась во всей губерніи на плечахъ крестьянъ. Чтобы достигнуть этого, харьковское губ. земское собраніе должно было при-

знать натуральную дорожную повинность губернскаго, что оно и сдѣлало. Въ силу этого распоряженія губернская управа, пребывая въ Харьковѣ, должна распредѣлить всѣ дороги въ губерніи по участкамъ между крестьянскими обществами, затѣмъ своевременно, смотря по состоянію погоды, распорядиться выгономъ крестьянъ во всѣхъ уѣздахъ и присмотрѣть за ихъ работами. Разумѣется, сдѣлать этого нельзя, и харьковскія дороги, если вѣрить заявленіямъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе по нимъ ѣздить, остаются вовсе безъ починки. Вслѣдствіе этого весною и осенью грязь непроходимая; но харьковское земство твердо стоитъ на этой грязной почвѣ.

Выше мы говорили, что переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя охотнѣе принимается въ уѣздныхъ собраніяхъ нежели въ губернскихъ; но и уѣздныя собранія не всегда могутъ сдѣлать это. Не говоря уже о случайностяхъ состава, иногда весьма неблагопріятнаго интересамъ крестьянскаго сословія, не малыя затрудненія къ проведенію подобныхъ мѣръ встрѣчаются со стороны предсѣдателей собраній. По закону, въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ предсѣдательствуютъ уѣздные предводители дворянства, которые иногда считаютъ своею обязанностію защищать исключительно интересы дворянскаго сословія и для поддержки этихъ интересовъ иногда весьма круто пользуются предсѣдательскою властью. Жалобы на узурпацію предсѣдательской власти послышались въ самыя первыя сессіи земскихъ собраній, и если нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ имѣли мелочной, личный характеръ, то другія были совершенно основательны. Иногда предсѣдатели, нисколько не скрывая своего презрѣнія къ представителямъ низшихъ классовъ, обнаруживали его въ самой дикой и неприличной формѣ. Въ одномъ уѣздномъ собраніи предсѣдатель обозвалъ представителя купеческаго сословія и притомъ городского голову безграмотнымъ, въ другомъ объяснилъ гласному отъ крестьянъ, опоздавшему придти въ собраніе, что тотъ долженъ «издыхать у дверей, дожидаясь его прихода» [1]). Но самыя серьезныя столкновенія предсѣдателей съ собраніями были именно въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатели хотѣли остановить своею властью такую мѣру, которую они считали несоотвѣтствующею интересамъ дворянскаго сословія. Какъ мы уже сказали выше, отмѣна натуральныхъ повинностей была всегда оселкомъ, на которомъ можно было испытывать направленіе земскихъ собраній, и конечно эта мѣра могла всего скорѣе вызвать противодѣйствіе со стороны тѣхъ предсѣдателей, которые считали своею обязанностью отстаивать исключительныя сословныя привилегіи. Такъ это и было. Въ

---

[1]) Лица, передававшія намъ эти факты, ручались за ихъ достовѣрность и утверждали, что вслѣдствіе жалобъ со стороны обиженныхъ производятся формальныя изслѣдованія.

нѣкоторыхъ уѣздахъ, предсѣдатели прямо произносили свое veto противъ подобныхъ предложеній и прекращали самыя пренія, объявляя ихъ противозаконными. Такъ было въ Порховѣ, Лубнахъ, Богодуховѣ и пр. Въ богодуховскомъ собраніи, гдѣ предсѣдательствовалъ предводитель дворянства г. Карповъ, гласные, по преимуществу крестьяне, не захотѣли его послушаться, и онъ своею властію закрылъ собраніе. Этого мало. Г. Карповъ обвинилъ предсѣдателя и членовъ управы, сдѣлавшихъ ненавистное ему предложеніе, въ возбужденіи вражды между сословіями, слѣдствіемъ которой и были будто бы всѣ безпорядки, члены были удалены отъ должностей, предсѣдатель (г. Каразинъ) преданъ суду. Послѣдній актъ этой трагикомедіи происходилъ полгода тому назадъ въ публичномъ засѣданіи судебнаго департамента сената, докладъ дѣла и рѣчь защитника ясно показали присутствовавшимъ, какъ опасно бываетъ иногда проводить самыя легальныя мѣры, если они идутъ въ разрѣзъ съ хорошо охраняемыми привилегіями. Г. Каразинъ, какъ мы слышали, оправданъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ въ продолженіи двухъ лѣтъ устраненъ отъ своей дѣятельности, а лица, обвинявшія его, остались цѣлы и невредимы.

Кромѣ натуральныхъ повинностей много хлопотъ надѣлало земскимъ собраніямъ обложеніе казенныхъ земель и лѣсовъ и частныхъ фабрикъ и заводовъ. Извѣстно, что наши казенныя земли и лѣса приносятъ очень мало даже валового дохода, такъ мало, что, несмотря на осторожность, съ которою земскія собранія облагаютъ земли личныхъ владѣльцевъ, вѣдомство государственныхъ имуществъ, по собственному его сознанію, не можетъ вынести и такого налога, который выносятъ личные владѣльцы. Это чистосердечное сознаніе представителей вѣдомства государственныхъ имуществъ, вмѣсто того, чтобъ поощрить ихъ начальство къ изысканію мѣръ къ устраненію бездоходности казенныхъ земель и лѣсовъ, заставляетъ его только домогаться ограниченія права земскихъ собраній облагать казенныя имущества наравнѣ съ частными. Разсказывать подробно исторію этихъ домогательствъ не стоитъ; они происходили *во всѣхъ губерніяхъ* и вездѣ имѣли одинаковый характеръ. Представители вѣдомства государственныхъ имуществъ съ полной откровенностью заявляли, что находящіеся въ ихъ управленіи земли и лѣса не могутъ выносить земскаго налога, ибо приносятъ очень мало дохода. Въ этомъ отношеніи они болѣе чѣмъ правы, такъ какъ en masse эти земли и лѣса вовсе дохода не приносятъ, потому что весь онъ идетъ на администрацію мѣстную и центральную, а есть губерніи, гдѣ его не хватаетъ и на одну мѣстную. Но земскія собранія, не оспаривая факта бездоходности, съ своей стороны заявляли, что бездоходность эта не можетъ мѣшать уплачивать налогъ, ибо иначе тѣмъ же будутъ отговариваться и частныя лица.

Послѣ обмѣна этихъ соображеній слѣдовалъ иногда протестъ, и

тогда дѣло переносилось въ сенатъ, который неуклонно объяснялъ, что по закону казенныя земли подлежатъ обложенію наравнѣ съ частными, и что фактическая бездоходность, завися отъ способовъ управленія, не можетъ препятствовать нормальной оцѣнкѣ, если только эта оцѣнка будетъ одинакова какъ для казенныхъ, такъ и для частныхъ земель. Такимъ образомъ, платить все-таки приходилось. Это конечно вполнѣ законно и отчасти полезно въ томъ отношеніи, что такимъ способомъ рельефно обрисовывалось странное положеніе вѣдомства государственныхъ имуществъ, затрачивающаго болѣе чѣмъ получаетъ, но въ видахъ общей равномѣрности въ распредѣленіи налоговъ можно было бы желать и иного. Дѣло въ томъ, что земскій налогъ на казенныя земли и лѣса, такъ или иначе, выплачивается изъ государственнаго казначейства, слѣдовательно $^{90}/_{0}$ его получается съ крестьянъ, а еслибы онъ распредѣлялся земствомъ на частныя имущества, то крестьянамъ пришлось бы платить $^{4}/_{5}$. Первое время въ земскихъ собраніяхъ много было толковъ о томъ, что казенныя земли слѣдовало бы передать въ руки земства. Новоузенское уѣздное собраніе предложило даже правительству продать ему эти земли, такъ какъ они сдавались за ничтожную плату нѣсколькимъ крупнымъ капиталистамъ, которые уже въ свою очередь сдавали ихъ по участкамъ мелкимъ съемщикамъ, увеличивая арендную плату въ 5 и 6 разъ. При такихъ обстоятельствахъ покупка земель земствомъ для отдачи изъ первыхъ рукъ мелкимъ арендаторамъ принесла бы несомнѣнную выгоду краю. Дѣло было почти устроено, разрѣшеніе состоялось и переговоры шли только объ условіяхъ, но это предпріятіе грозило большими невыгодами крупнымъ землевладѣльцамъ, которые были бы поставлены въ необходимость понизить арендную плату и за свои земли.

III.

Ни одинъ «вопросъ» не надѣлалъ въ средѣ земствъ такъ много шуму, какъ вопросъ объ участіи въ земскомъ налогѣ торговаго сословія. Въ началѣ своей дѣятельности земскія собранія особенно охотно облагали сборомъ торговыя свидѣтельства и промышленныя заведенія. Въ этомъ отношеніи интересы личныхъ и общинныхъ землевладѣльцевъ совершенно сходились, а гласныхъ отъ городовъ всегда такъ мало, что на ихъ жалобы можно было и не обращать вниманія. Но жалобы эти были услышаны, и послѣдовалъ законъ, по которому съ торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ позволялось брать не болѣе 25 и 10%, а фабрики и заводы оцѣнять только какъ строенія. Это-то и есть законъ 21 ноября 1866 г., который былъ признанъ земскими собраніями

за самое обидное нарушеніе правъ земства и вызвалъ въ средѣ его такъ много жалобъ, протестовъ, заявленій, ходатайствъ, хорошихъ словъ и дурныхъ дѣйствій. Эти дурныя дѣйствія состояли въ томъ, что нѣкоторыя земскія собранія, въ виду грозящей потери доходовъ, сократили расходы на народное здравіе и народное образованіе, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, что сокращенія оказались чуть не значительнѣе ожидаемыхъ пользъ. Обращаясь теперь спокойно и безпристрастно къ обсужденію даннаго вопроса, мы должны сказать, что кое-что здѣсь носило совершенно не нужную печать аффектаціи, и иногда самое дѣло было очевидно только поводомъ къ либеральнымъ фразамъ сомнительной искренности. Но если нѣкоторыя изъ заявленій, сдѣланныхъ по поводу закона 21 ноября, и способны были вызвать улыбку на лицѣ спокойнаго наблюдателя, если взглядъ земскихъ собраній на этотъ законъ, какъ на ограниченіе ихъ правъ, и представляется весьма оригинальнымъ, ибо все право состояло въ собираніи денегъ съ самихъ себя, и если, наконецъ, въ нѣкоторыхъ жалобахъ ясно проглядывалъ чисто личный интересъ въ сокращеніи собственныхъ расходовъ, то съ другой стороны, нельзя не согласиться въ томъ, что наши законодательныя правила, опредѣляющія степень участія торговаго сословія въ расходахъ земства крайне неудовлетворительны. Только дѣло здѣсь не въ размѣрѣ, а въ способѣ налога. Еслибы земскимъ собраніямъ было предоставлено облагать дѣйствительно торговый капиталъ или доходъ, а не торговое свидѣтельство или патентъ; еслибы этотъ налогъ одинаково падалъ какъ на фабрики и заводы, такъ и на лавки съ товарами, и еслибы затѣмъ уже, въ виду малочисленности представителей городского сословія въ средѣ земства, была установлена норма отношенія къ налогу съ земель, то эта норма была бы полезнымъ охраненіемъ интересовъ торговли и промышленности и никто не смѣлъ бы сказать противъ нея ни слова. Но законодательство наше сохранило въ земскомъ налогѣ на торговлю и промышленность ту-же систему, которая существуетъ и въ государственномъ налогѣ, и которая соотвѣтствуетъ воспрещенной для земскихъ собраній душевой раскладкѣ прямыхъ податей. Благодаря этой системѣ, бѣднякъ, откупившійся взносомъ гильдейскихъ денегъ отъ рекрутства, и торговецъ, ведущій въ своей мѣстности сто-тысячный оборотъ обложены одинаковыми сборами, и этотъ-то сборъ остался нормою для земскаго налога.

Самый законъ 21 ноября былъ особенно неудобенъ тѣмъ, что его почти вездѣ пришлось примѣнять въ то время, когда уѣздныя смѣты и раскладки были уже составлены на старыхъ основаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это дѣйствительно вызвало большія затрудненія, ибо пришлось созывать собранія вновь. Между тѣмъ, поспѣшность въ

примѣненіи этого закона вовсе не была нужна. До какой степени легко можно было ее избѣжать, — показываетъ примѣръ Владимірской губерніи. Тамъ губернаторъ, открывая губернское собраніе, *забылъ* привезти съ собою письменный протестъ противъ раскладокъ уѣздныхъ собраній, неуспѣвшихъ примѣнить законъ 21-го ноября. Когда онъ, воротясь домой, прислалъ этотъ протестъ съ курьеромъ, первое засѣданіе собранія уже окончилось и протестъ рѣшеніемъ сената признанъ недѣйствительнымъ, такъ какъ, по закону, онъ долженъ быть предъявленъ при самомъ открытіи собранія. Такимъ образомъ, во Владимірской губерніи законъ 21-го ноября въ 1867 г. примѣненъ не былъ. Стоило всѣмъ губернаторамъ забыть свои протесты, и никакихъ затрудненій не произошло бы.

Чтобы показать наглядно, какъ составляются обыкновенно смѣты и раскладки и въ какомъ размѣрѣ участвуютъ въ обложеніи различныя сословія, мы приведемъ въ примѣръ раскладки, дѣйствующія въ настоящемъ году въ уѣздахъ Петербургской губерніи. Прежде всего съ торговли и промысловъ берутся цѣликомъ тѣ 25 и 10%, которые дозволены закономъ; затѣмъ налогъ на земли распредѣляется по системѣ, принятой губернскимъ собраніемъ для разверстки губернскаго сбора между уѣздами. Система эта очень проста: всѣ земли раздѣляются на два разряда: къ первому относятся земли усадебныя, пашни, луга и земли подъ желѣзными дорогами; ко второму—всѣ другія. Цѣнность первыхъ опредѣляется капитализаціею изъ 6% оброка за десятину высшаго крестьянскаго надѣла въ различныхъ мѣстностяхъ; средняя цѣнность вторыхъ назначается въ 5 руб. 25 коп. (какъ она принимается въ залогъ по казеннымъ подрядамъ), и эта цѣнность повышается и понижается соразмѣрно цѣнамъ земель перваго разряда. Такимъ образомъ, земли первой категоріи оцѣняются по разсчету высшаго дохода, который предоставило правительство помѣщикамъ не только за отчужденіе крестьянской земли, но и за потерю крестьянскаго труда, земли же второй категоріи оцѣняются по низшей нормѣ, какую казна можетъ принять для этихъ земель, не боясь потерь. Поэтому съ земель первой категоріи, безъ различія ихъ качества собирается, смотря по расходамъ уѣздовъ, въ Петергофскомъ, Лужскомъ и Новоладожскомъ отъ 8 до 10 коп., а въ Ямбургскомъ, Царскосельскомъ и Шлиссельбургскомъ отъ 18 до 20 к. съ десятины; земли же второй категоріи платятъ въ 7 разъ меньше. А такъ какъ у крестьянъ всѣ земли принадлежатъ къ первой категоріи, а у помѣщиковъ большая часть ко второй, то размѣръ участія различныхъ сословій въ земскомъ налогѣ совершенно ясенъ; остается только дополнить, что о зачетѣ натуральныхъ повинностей въ пересчитанныхъ нами уѣздахъ нѣтъ и помину, и ихъ всецѣло несетъ на своихъ плечахъ крестьянское сословіе.

Въ одной изъ нашихъ газетъ былъ, года два тому назадъ, разсказанъ одинъ случай, который въ настоящее время совершенно кстати будетъ припомнить.

19-го февраля 1867 года, крестьяне одного селенія во Владимірской губерніи, до тѣхъ поръ исправно отбывавшіе свои подати и повинности, вдругъ всѣ собрались уходить. На вопросъ властей о причинахъ такого рѣшенія, они отвѣчали, что по закону они обязаны владѣть землею 9 лѣтъ, но вышедшимъ четыре года назадъ всемилостивѣйшимъ манифестомъ срокъ наказанія каторжнымъ сокращенъ на одну треть; примѣняя къ себѣ этотъ манифестъ, они считаютъ и себя свободными не черезъ девять, а черезъ шесть лѣтъ....

При такомъ положеніи дѣлъ, мы конечно не сочтемъ себя вправѣ винить земскія учрежденія за то, что имъ приходится примѣняться къ общей системѣ государственныхъ налоговъ, т.-е. облагать подъ видомъ крестьянскихъ земель крестьянскій трудъ, но мы желали бы, чтобъ они сознавали всю ненормальность такого порядка вещей, старались по возможности исправить и не скрывали передъ обществомъ настоящаго положенія дѣлъ, которое они могутъ знать лучше нежели кто-либо.

Послѣднее требованіе уже было полтора года тому назадъ заявлено въ петербургскомъ губернскомъ собраніи. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ управѣ уяснить, насколько платежныя средства населенія Петербургской губерніи соотвѣтствуютъ лежащимъ на немъ налогамъ. Предложеніе это, вѣроятно вслѣдствіе его щекотливости, не было поддержано, но вопросъ, который въ немъ заключался, будетъ постоянно тревожить земскія собранія до тѣхъ поръ, пока они наконецъ будутъ вынуждены дать на него прямой и категорическій отвѣтъ. Мы боимся только, что отвѣтъ будетъ данъ слишкомъ поздно, когда дѣло будетъ трудно поправить.

Петербургская губернская управа представила между прочимъ собранію въ нынѣшнюю сессію сводъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ и свѣдѣнія о количествѣ прямыхъ податей, собираемыхъ въ губерніи. Оказывается, что маленькая, неплодородная Петербургская губернія, имѣющая, не считая Петербурга, двѣсти тысячъ ревизскихъ душъ крестьянъ, вноситъ ежегодно 550 тысячъ казенныхъ податей и почти столько-же земскихъ. Изъ этой суммы 700 тысячъ падаетъ на земли, и притомъ $^{9}/_{10}$ на земли крестьянъ (это именно бо́льшая часть земскаго налога, вся сумма котораго не превышаетъ 170 тысячъ и затѣмъ 530 тысячъ прямыхъ податей, которыя разсчитываются подушно и слѣдовательно падаютъ на однихъ крестьянъ). При этомъ не берутся въ разсчетъ ни налоги, собираемые въ видѣ акциза на вино и соль, ни паспортный налогъ, ни натуральныя повинности, особенно обремени-

тельныя при огромномъ количествѣ квартирующихъ въ Петербургской губерніи войскъ и неблагопріятномъ для устройства дорогъ грунтѣ, ни помѣщичьи платежи, которые вмѣстѣ съ оброчною податью государственныхъ крестьянъ далеко превышаютъ прямыя казенныя подати и земскій сборъ взятые вмѣстѣ.

Страшно подумать, какая цифра образовалась бы, еслибы мы захотѣли выразить въ рубляхъ то, что платитъ такъ или иначе крестьянское населеніе Петербургской губерніи. «А между тѣмъ, по словамъ той же петербургской управы, оказывается, что, какъ ни бѣдны наши города, какія бы неудобства ни терпѣли наши промышленность и торговля, но экономическое положеніе мѣщанъ и вообще горожанъ представляется менѣе шаткимъ нежели положеніе крестьянъ. У этихъ природныхъ сельскихъ хозяевъ, продолжаетъ управа, сельское хозяйство большею частію въ такомъ положеніи, что средній урожай ржи не даетъ болѣе трехъ зеренъ, а овса двухъ и двухъ съ половиной зеренъ; и каждое неблагопріятное состояніе атмосферы подвергаетъ цѣлые волости и уѣзды не затрудненію только, а даже голоду. Въ заключеніе, сама управа предвидитъ то время, когда придется выбирать повинности не изъ дѣйствительныхъ доходовъ хозяйства крестьянъ, а исключительно изъ ихъ личныхъ заработковъ, въ случаѣ же неисправности учреждать особыя работы, гдѣ бы цѣлыя общества недоимщиковъ отработывали свои недоимки».

Однимъ словомъ, дѣло идетъ въ будущемъ о сельскомъ пролетаріатѣ—величайшемъ изъ всѣхъ золъ, какое только можетъ угрожать обществу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е марта, 1870.

Ожиданія Европы отъ конституціоннаго переворота во Франціи.—Поземельный вопросъ въ Ирландіи. — Проектъ новаго закона о народномъ образованіи въ Англіи.—Вопросъ о смертной казни въ Сѣверо-германскомъ парламентѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи поголовная подача голосовъ совершила серьезный поворотъ противъ такъ-называемаго «личнаго правительства», по всей Европѣ проявилось нѣкоторое успокоеніе относительно разныхъ дипломатическихъ переговоровъ по вопросамъ иностранной политики: въ газетахъ стали рѣже появляться слухи о возможности войны между разными державами, кое-гдѣ состоялись попытки сдѣлать твердый шагъ по пути ко всеобщему обезоруженію, молва гласила даже, что между европейскими дворами началась, будто бы, переписка объ одновременномъ сокращеніи армій во всѣхъ государствахъ разомъ, или—если такой переписки нѣтъ, то она непремѣнно будетъ, такъ какъ проектъ переговоровъ уже составленъ парижскимъ кабинетомъ. Отъ времени до времени, эти миролюбивыя заявленія прерывались тяжкими сомнѣніями о возможности второго *coup d'état* во Франціи, за которымъ—въ случаѣ удачи—всѣ ожидали новыхъ проявленій наполеоновской воинственности *и* въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Внѣшнюю войну политическіе врачи продолжаютъ считать хорошимъ «отвлекающимъ» средствомъ—въ родѣ мушки—противъ внутреннихъ хроническихъ недуговъ. Но, къ счастію, старая рутина лишилась уже довѣрія въ Тюльери, и французскому народу открылся новый путь осуществить свои живѣйшія желанія безъ потрясеній, безъ кровопролитія, посредствомъ свободнаго слова убѣжденія въ печати, на публичныхъ сходкахъ, въ законодательномъ корпусѣ. Одно *открытіе* этого пути произвело весьма сильное впечатлѣніе на умы всѣхъ государственныхъ людей въ Европѣ; все, что есть либеральнаго въ Европѣ, громко привѣтствовало «новую эру» второй имперіи, видя въ министерствѣ Олливье нѣкоторый залогъ

широкихъ преобразованій во Франціи и ожидая отъ этихъ преобразованій прочныхъ гарантій всеобщаго мира въ Европѣ. Несмотря на всѣ препятствія, какъ предусмотрѣнныя, такъ и непредвидѣнныя, новый парижскій кабинетъ оправдываетъ отчасти надежды европейскихъ политиковъ, и этого уже достаточно для нихъ, чтобы начать самый суровый походъ противъ французскихъ республиканцевъ. И вотъ что́ замѣчательно. За исключеніемъ англійской прессы, печать во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ одобряетъ министерство Олливье даже въ дѣлѣ преслѣдованія Рошфора за его рѣзкую статью въ «Марсельёзѣ». Что же касается до послѣдней революціонной попытки въ Парижѣ, она осуждается всею Европою, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта попытка является какъ бы прямымъ послѣдствіемъ настойчивости кабинета Олливье. Общественное мнѣніе во Франціи почти единодушно осуждало министровъ за преслѣдованіе статьи Рошфора; также единодушно карало оно министровъ по поводу послѣднихъ безпорядковъ, вызванныхъ арестомъ Рошфора, и только въ самое послѣднее время, послѣ новыхъ откровенныхъ, либеральныхъ заявленій кабинета, опять стало поддерживать свое новое конституціонное правительство. И теперь, впрочемъ, раздаются голоса́ противъ напрасныхъ арестовъ по поводу какого-то заговора, еще не разъясненнаго со дня (8-го февраля) парижскихъ баррикадъ. Но эти голоса касаются лишь этого спеціальнаго вопроса, а не вопроса о парламентскомъ характерѣ министерства вообще.

Въ своемъ ревностномъ желаніи мира, европейская пресса дошла до того, что стала совѣтовать французскимъ конституціоналистамъ принять энергическія мѣры противъ революціонныхъ республиканцевъ въ защиту министерства Олливье. И эти совѣты, особенно англійскихъ газетъ, не остались безъ послѣдствій. Даже чудовищный проектъ лондонской газеты «Times» о побиваніи республиканцевъ дубинами встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ въ «Figaro», которая и подала мысль объ учрежденіи особаго общества—Société des gourdins réunis, — члены котораго, вооруженные кольями, выходили бы на улицу всякій разъ, когда тамъ собираются толпы бунтующихъ людей и разгоняли бы бунтовщиковъ по домамъ. «Times» безцеремонно утверждала, что еслибъ Рошфора, вмѣсто отправленія въ тюрьму, подвергнуть палочнымъ ударамъ отъ руки «друзей порядка», и еслибъ ему дубиною даже проломили голову, то вся его популярность рушилась бы разомъ, такъ какъ тогда все дѣло приняло бы характеръ простой уличной драки, въ которой побитая сторона никогда не признается правою и даже подвергается осмѣянію. Рошфоръ съ разбитою головою—какъ смѣшно!... Впрочемъ, если отбросить цинизмъ лондонской газеты въ сторону и если представить себѣ, что полиція находится подъ контролемъ и въ полномъ распоряженіи самого общества—

какъ это дѣйствительно существуетъ въ Англіи—то въ такомъ случаѣ совѣтъ «Times» явится предъ нами совершенно въ иной формѣ, и тогда «Марсельёзѣ» не нужно было бы спрашивать министра юстиціи,—въ отвѣтъ на вышеупомянутое приглашеніе «Figaro»,—что онъ скажетъ, если республиканцы, «въ свою очередь», образуютъ контръ-общество, которое будетъ имѣть въ редакціяхъ своихъ газетъ добрый запасъ палокъ, чтобы помѣряться силою и ловкостію съ членами буржуазнаго общества «Figaro». «Министерство—не правда-ли? (прибавляетъ органъ Рошфора) — постарается увидѣть въ этомъ заговоръ, имѣющій цѣлію измѣнить образъ правленія». Пока полиція во Франціи остается въ прямой и безпрекословной зависимости отъ правительства, пока она неподсудна обыкновеннымъ судамъ, по иску каждаго гражданина, считающаго себя почему-либо обиженнымъ тою или другою полицейскою властію, пока ей предоставлено право распоряжаться своими «головоломами» (casse-tête) почти безнаказанно,—до тѣхъ поръ всякія общества дубинъ, проектируемыя въ какой-нибудь редакціи, такъ и останутся проектами, потому что въ члены такихъ обществъ могутъ поступить лишь люди, готовые стоять за всякій порядокъ, подобно оффиціальной полиціи. Охранять порядокъ и общественное спокойствіе—дѣло несомнѣнно превосходное, такъ какъ только порядокъ и спокойствіе способствуютъ прочному и мирному преуспѣянію всякого народа по пути умственнаго и матеріальнаго развитія. Но порядокъ порядку рознь, и есть такіе порядки и такое спокойствіе, которые противны общественному прогрессу, хотя могутъ приносить значительную пользу тому, кому полезно всякое личное право, основанное на физической силѣ, всякое общественное безмолвіе и ослѣпленіе, обусловленныя чувствомъ не то страха, не то раболѣпія. За исключеніемъ Англіи, во всей Европѣ только въ одной Швейцаріи, кажется, простые граждане являются изрѣдка на защиту порядка и спокойствія, но и въ Швейцаріи полиція имѣетъ чисто исполнительный характеръ и находится въ зависимости отъ общественныхъ и судебныхъ учрежденій. Вездѣ же, гдѣ полиція играетъ роль начальства надъ публикою, гдѣ ей самой предоставлено право преслѣдовать гражданъ судомъ за нарушеніе сочиняемыхъ ею правилъ, а граждане остаются безъ всякихъ средствъ защиты противъ стѣснительныхъ предписаній и дѣйствій полиціи, — тамъ общество не станетъ добровольно содѣйствовать даже самымъ благотворнымъ усиліямъ полиціи. Тамъ общество не участвуетъ въ устроеніи того или другого полицейскаго порядка, и, поэтому, почти не заинтересовано въ его охраненіи, оно только терпитъ его, пользуется его хорошими сторонами, но своимъ собственнымъ не признаетъ и защищать его, слѣдовательно, не имѣетъ никакой охоты.

Вопросъ объ отношеніи полиціи къ мѣстному самоуправленію и

къ суду подвергнется, вѣроятно, подробной разработкѣ въ коммиссіи, назначенной французскимъ правительствомъ для составленія проекта новаго закона о самоуправленіи. Имя предсѣдателя этой коммиссіи, строгаго и честнаго конституціоналиста, Одиллона Барро, ручается за то, что коммиссія обратитъ серьезное вниманіе на вопросъ объ администраціи въ смыслѣ ограниченія ея власти. Само министерство усердно заботится о введеніи административной власти въ ея естественныя границы, и уже выработало въ этомъ направленіи два весьма важныхъ закона, изъ которыхъ одинъ лишаетъ правительство права ссылать людей въ Кайенну безъ всякаго суда и слѣдствія, а другой отмѣняетъ законъ объ общественной безопасности, который предоставлялъ администраціи право обыскивать, арестовать и бросать въ тюрьму всякаго «подозрительнаго» человѣка. Къ чести нынѣшняго французскаго правительства слѣдуетъ сказать, что оно отказывается отъ подобныхъ чрезвычайныхъ правъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ императоръ Наполеонъ III, въ прежнее время, ввелъ эти самые несправедливые и варварскіе законы: первый изъ нихъ установленъ вскорѣ послѣ государственнаго переворота 1851 г., а второй проведенъ въ законодательномъ корпусѣ въ 1858 году, въ отмщеніе обществу за покушеніе Орсини.

Что полиція не должна играть начальнической роли надъ земскими учрежденіями, а должна, напротивъ, являться вѣрнымъ исполнителемъ ихъ рѣшеній,—въ этомъ начинаютъ убѣждаться не только во Франціи, но и въ другихъ крупныхъ государствахъ Европы. Въ Пруссіи контроль надъ полиціею въ округахъ палата депутатовъ рѣшилась передать окружному начальнику (Amtshauptmann) и земскому совѣту, члены котораго, какъ и самъ окружной начальникъ, избираются и назначаются не правительствомъ, а мѣстными избирателями. Правда, законъ, заключающій въ себѣ подобныя постановленія, еще не утвержденъ окончательно, однако прусскіе либералы получили уже отъ перваго министра обѣщаніе сдѣлать имъ всевозможныя уступки по этому вопросу. И графъ Бисмаркъ, слѣдовательно, понимаетъ, что сила полиціи заключается не въ отчужденія ея отъ остальныхъ учрежденій и самого общества, а скорѣе въ подчиненіи ея общественному надзору, земскимъ и городскимъ выборнымъ властямъ.

Какъ-бы то ни было, даже самая лучшая полиція лишается довѣрія со стороны общества или части его, если въ обществѣ произойдетъ слишкомъ глубокій разладъ между отдѣльными слоями его. Это мы видимъ, напримѣръ, въ нынѣшней Ирландіи, гдѣ чуть не ежедневно совершаются ужасныя злодѣйства, а виновныхъ все нѣтъ какъ нѣтъ. Правда, полиціи удается захватывать подозрительныхъ лицъ, но у нея на лицо оказывается такъ мало свидѣтелей, что присяжные не соглашаются ставить столь суровый приговоръ, какъ обвиненіе въ

аграрномъ злодѣйствѣ. Есть доказательство, впрочемъ, того, что присяжные засѣдатели просто не желаютъ обвинять кого-бы то ни было въ преступленіяхъ, вызываемыхъ неправильными и несправедливыми отношеніями между землевладѣльцами и земледѣльцами. Когда общественный разладъ доходитъ до такой высокой степени, полиція, въ глазахъ угнетенной стороны, становится лишь пособникомъ угнетателей, и потому о довѣріи къ ней не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока не измѣнены дурные законы, существованіе которыхъ обусловило и поддерживаетъ упомянутый сословный антагонизмъ. Нынѣшнее британское министерство отлично понимаетъ настоящія отношенія между обществомъ и полиціею въ Ирландіи и, не прибѣгая къ насильственнымъ, начальническимъ мѣрамъ, которыя могутъ лишь усилить раздраженіе и подозрительность общества, спѣшитъ провести чрезъ лондонскій парламентъ билль о поземельныхъ отношеніяхъ въ Ирландіи, который имѣетъ цѣлію удовлетворить справедливыя притязанія ирландскаго крестьянина, какъ живущаго на помѣщичьей землѣ въ качествѣ арендатора, такъ и простого, безземельнаго земледѣльческаго рабочаго.

Изъ двадцати милліоновъ акровъ [1]) всей земной поверхности Ирландіи, подвергаются воздѣлыванію около пятнадцати, которые предоставлены для этой цѣли 600 тысячамъ арендаторовъ, занимающихъ арендуемыя ими земли на взаимныхъ условіяхъ съ землевладѣльцами (ихъ около 8 тысячъ). Это «занятіе» земли опредѣляется въ Ирландіи трояким образомъ: контрактами, обычаемъ и волею помѣщиковъ. Первый видъ сдѣлокъ распространенъ весьма мало: только два процента аренды подходятъ подъ этотъ разрядъ; вообще говоря, ирландскіе помѣщики не любятъ заключать контрактовъ съ арендаторами, и доставляютъ это «преимущество» лишь арендаторамъ зажиточнымъ, обработывающимъ почву при помощи наемныхъ рабочихъ,—изъ числа этихъ арендаторовъ рѣдкій занимаетъ менѣе 200 акровъ земли.

Второй разрядъ арендаторовъ — около тридцати процентовъ всего числа—держится на землѣ силою обычая, прототипомъ котораго служитъ олстерскій (Ulster). Обычай этотъ установился въ Олстерѣ еще во времена Іакова I, когда состоялось заселеніе этой провинціи шотландскими земледѣльцами. Въ настоящее время этотъ обычай одинаково примѣняется ко всѣмъ арендаторамъ, къ какому бы племени или религіи они ни принадлежали, и онъ занесенъ изъ Олстера въ остальныя три провинціи Ирландіи. Фермеры, живущіе на такой землѣ, не заключаютъ никакихъ письменныхъ договоровъ съ владѣльцами, но тѣмъ не менѣе имѣютъ увѣренность въ томъ, что пока они платятъ свою арендную плату, никто не осмѣлится согнать ихъ съ занимае-

---

[1]) Акръ равняется одной трети десятины.

мой ими земли, и что, передавая свою ферму другому, они получать отъ новаго фермера хорошій кушъ за выѣздъ и приличное вознагражденіе за всѣ улучшенія, введенныя ими на своихъ участкахъ. Общая денежная сумма этихъ правъ на землю опредѣляется по взаимному соглашенію между удаляющимся фермеромъ и въѣзжающимъ. Обычай этотъ имѣетъ силу во всякомъ случаѣ, покидаетъ ли фермеръ свою землю по собственному желанію, или по требованію землевладѣльца, когда арендаторъ почему-либо прекращаетъ взносъ арендной платы въ условленные сроки. Въѣзжающій фермеръ берется уплатить долги удаляющагося;—этотъ фермеръ не можетъ, однако, занять землю безъ предварительнаго согласія владѣльца. Согласіе владѣльца требуется также во всѣхъ случаяхъ, когда арендаторъ желаетъ отдѣлить на своей фермѣ какой-нибудь участокъ земли для другого лица, или раздѣлить ферму между своими сыновьями. Смерть фермера не прекращаетъ его притязаній на землю, и его семьѣ предоставляется право назначить кого-либо изъ дѣтей главнымъ распорядителемъ фермы; всѣ другія дѣти получаютъ опредѣленную долю изъ той суммы денегъ, которую ихъ отецъ далъ при въѣздѣ,—вступившій въ управленіе фермою наслѣдникъ обязывается выдать эту сумму своимъ братьямъ и сестрамъ. Такимъ образомъ, слѣдуя обычаю, ни одинъ олстерскій арендаторъ не можетъ быть согнанъ съ земли, безъ возвращенія ему по крайней мѣрѣ, той суммы денегъ, какую онъ внесъ при въѣздѣ въ ферму. Высчитываютъ, что вся сумма такимъ образомъ употребленныхъ денегъ простирается до 15 или 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (слишкомъ 100 милліоновъ рублей). Весь этотъ громадный вкладъ не обезпеченъ положительнымъ закономъ, и фермеры не могутъ искать удовлетворенія своихъ арендаторскихъ правъ въ мѣстныхъ судахъ. Благодаря этому обстоятельству, всякій разъ, когда земля съ олстерскимъ обычаемъ переходитъ въ руки какого-нибудь «дурного» владѣльца (bad landlord), то-есть, такого, который придерживается относительно поземельной собственности такихъ же понятій, какія существуютъ относительно собственности промышленной,—права арендаторовъ, освященныя обычаями, подвергаются нарушенію или вслѣдствіе желанія владѣльца «очистить» свое помѣстье, или вслѣдствіе непомѣрнаго или безпрестаннаго повышенія арендной платы. Не имѣя защиты въ судахъ, фермеры стараются охранить свои обычныя права путемъ насилія надъ «дурными» помѣщиками или ихъ управляющими, и они ведутъ эту тайную, кровавую борьбу съ такимъ искусствомъ и столь дружно, что полиція только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаетъ на слѣды преступниковъ.

Третій разрядъ ирландскихъ фермеровъ находится еще въ болѣе дурномъ положеніи, такъ какъ они предоставлены въ полную зависимость отъ помѣщичьей воли, — эти арендаторы такъ и называются:

«tenants-at-will»; ихъ не защищаетъ ни письменный договоръ, ни обычай, ихъ можно согнать съ земли въ полугодовой срокъ, ихъ можно держать въ самомъ приниженномъ состояніи, посредствомъ угрозъ изгнаніемъ съ земли. Правда, и эти фермеры составили между собою негласный союзъ противъ землевладѣльцевъ и ихъ управляющихъ, но тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ крайне необезпеченное, и изъ ихъ-то рядовъ многіе предпочитаютъ переселеніе въ Соединенные Штаты кровавой мести надъ обидчиками. Не слѣдуетъ забывать, что эти самые арендаторы лишаются часто своего участка послѣ того, когда они вложили въ него не только значительный трудъ, но и капиталъ, сбереженный съ большими лишеніями; онъ строится на землѣ, обильно унаваживаетъ почву, роетъ канавы, обращаетъ пустынныя или болотистыя мѣста въ плодородныя поля, обводитъ ихъ прочными изгородями, обзаводится дорогимъ скотомъ,—и вотъ, наконецъ, когда онъ уже начинаетъ получать нѣкоторые результаты своихъ неусыпныхъ заботъ и стараній, и ждетъ съ радостью добраго вознагражденія за свое прилежаніе,—онъ вдругъ получаетъ отъ собственника земли повѣстку о такомъ повышеніи арендной платы, которое разомъ разбиваетъ всѣ его справедливыя надежды и напоминаетъ объ оскорбительной зависимости отъ тунеядца-владѣльца, не дающаго свободно вздохнуть своимъ арендаторамъ. Такое несчастное, необезпеченное положеніе фермера составляетъ главную причину того, что почва въ Ирландіи воздѣлана хуже, чѣмъ въ Англіи и Шотландіи, — вмѣсто того, чтобы употребить свои сбереженія на обработку земли, ирландскіе фермеры предпочитаютъ нести ихъ въ мѣстные банки даже за самый ничтожный процентъ. Консервативный журналъ «Quarterly Review» указываетъ на фактъ возрастанія итоговъ вкладовъ въ ирландскихъ банкахъ, какъ на доказательство процвѣтанія Ирландіи, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, почва Ирландіи постоянно бѣднѣетъ на всю ту сумму, которую фермеры несутъ въ мѣстные банки, и которую они вложили бы въ землю, еслибъ были обезпечены въ своемъ правѣ на всѣ результаты воздѣлыванія почвы.

Кромѣ положенія описанныхъ трехъ разрядовъ фермеровъ, вниманіе британскихъ политиковъ было обращено еще на бытъ земледѣльческихъ рабочихъ, которыхъ тоже считается около 600,000 человѣкъ. Въ числѣ этихъ рабочихъ есть множество фермерскихъ сыновей, съ малыхъ лѣтъ сжившихся съ мечтою объ устройствѣ своего собственнаго дома и добраго уголка земли. Это въ сущности весьма скромное желаніе встрѣчаетъ уже въ настоящее время нѣкоторый отпоръ со стороны теперешнихъ фермеровъ, такъ какъ эти послѣдніе опасаются, что желаніе рабочихъ можетъ повести къ уменьшенію ихъ собственныхъ участковъ, если парламентъ вздумаетъ удовлетворить не менѣе справедливыя требованія рабочихъ. Въ средѣ самихъ рабочихъ тоже

происходитъ весьма сильное броженіе, имѣющее въ себѣ нѣчто враждебное относительно фермеровъ. На одномъ изъ митинговъ въ Дондэльнѣ, 29-го ноября прошлаго года, земледѣльческіе рабочіе заставили замолчать сторонниковъ фермерскихъ правъ на землю. «Дайте намъ сперва — сказалъ одинъ изъ нихъ, Гудмэнъ — безусловную амнистію (то-есть помилованіе всѣхъ феніевъ), потомъ билль о рабочихъ, и тогда уже мы поговоримъ о фермерскомъ биллѣ». «Вы гоняете рабочихъ цѣлыми сотнями то туда, то сюда, по всей странѣ— говорилъ другой — дайте каждому рабочему по собственному дому и по акру земли, и мы поговоримъ тогда о положеніи фермеровъ; имъ лучше нашего». На этомъ митингѣ былъ лордъ Беллью и патеръ Кирнсъ, оба извѣстные сторонники фермерскихъ правъ, не разъ высказывавшіеся даже въ пользу феніянизма,— однако рабочіе не дали имъ возможности высказать свои мысли о правахъ фермеровъ на землю. Что земледѣльческіе рабочіе во всей Ирландіи, а не въ одномъ Дондэльнѣ, не идутъ въ своихъ требованіяхъ дальше одного акра земли да приличнаго жилища — это доказывается многочисленными заявленіями фермерскихъ сходокъ, собиравшихся по всей Ирландіи;— вездѣ, гдѣ въ резолюціяхъ ставился вопросъ о положеніи земледѣльческаго рабочаго, внесено заявленіе о необходимости включить въ поземельный билль особую статью, которая бы давала каждому рабочему право требовать отъ нанимателя хорошаго жилища съ акромъ удобной земли; нѣкоторыя резолюціи даже опредѣляли, сколько комнатъ должно быть въ жилищѣ. Немногіе фермеры и землевладѣльцы уже успѣли ввести въ обычай водвореніе рабочихъ на обработываемой ими фермѣ, и статистика показываетъ, что въ Ирландіи есть въ настоящее время около 50,000 крестьянъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи небольшіе участки земли — до одного акра, да около 80 тысячъ другихъ, сидящихъ на участкахъ въ 1 — 5 акровъ; — несомнѣнно, что значительная часть этихъ «обывателей» принадлежитъ къ классу простыхъ фермерскихъ или помѣщичьихъ рабочихъ. Эти статистическія цифры ясно показываютъ, что лишь незначительная часть рабочихъ пользуется нѣкоторою собственностію въ томъ дѣлѣ, которое можетъ идти и преуспѣвать лишь при помощи упругихъ и неутомимыхъ мышцъ земледѣльческаго класса. Всѣ другіе не имѣютъ никакого личнаго интереса въ обработываемой ими землѣ и лишь перегоняются «цѣлыми сотнями то туда, то сюда, по всей странѣ». Въ случаѣ какого-либо застоя въ сельско-хозяйственной промышленности, эти сотни людей разомъ теряютъ всякія средства къ существованію и имъ остается тогда лишь одинъ исходъ: выселеніе или въ Англію, или въ Соединенные Штаты, и дѣйствительно, земледѣльческіе рабочіе составляютъ самую крупную цифру въ числѣ ежегоднаго контингента выселенцевъ. Долгое время британскіе политики,

даже либеральные, видѣли въ этомъ фактѣ нормальное явленіе, простое слѣдствіе слишкомъ густого населенія, но феніянизмъ убѣдилъ ихъ теперь, что выселеніе земледѣльческихъ рабочихъ происходитъ отъ крайней необезпеченности рабочаго,—что это выселеніе было ничѣмъ инымъ, какъ «изгнаніемъ» изъ родной страны. Такимъ сильнымъ словомъ назвалъ выселеніе самъ первый министръ Англіи, Гладстонъ, во время разъясненія ирландскаго поземельнаго билля 15-го февраля.

Въ своемъ проектѣ новыхъ узаконеній объ ирландскомъ землевладѣніи, Гладстонъ основывается на существующемъ положеніи вещей, на заявленныхъ желаніяхъ заинтересованныхъ сторонъ, и онъ много благодаритъ текущую литературу по ирландскому вопросу за то, что она способствовала министерству разсмотрѣть поземельныя отношенія въ Ирландіи со всѣхъ сторонъ. «Я не помню — говоритъ онъ — ни одного случая, въ которомъ бы столь многіе джентльмены посвятили и время, и мысль, и свои знанія на пріобрѣтеніе свѣдѣній о состояніи Ирландіи». Нѣкоторые изъ своихъ аргументовъ министръ беретъ изъ сочиненій заявленныхъ феніевъ, съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ сообщеніямъ. Англійскій министръ не боится рѣзкихъ порицаній со стороны печати, ему страшно лишь молчаніе прессы по крупнымъ вопросамъ дня, — онъ не умѣетъ дѣлить мнѣнія на благонамѣренныя и неблагонадежныя, патріотическія и сепаратистскія, онъ одинаково благодаритъ всѣхъ писателей, потому что всѣ они дѣйствительно способствовали утвержденію въ странѣ и въ умахъ министровъ правильнаго понятія о требованіяхъ народа въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ нынѣшнее положеніе ирландскаго землевладѣнія. Англійскій министръ превосходно понимаетъ, что свободная — вполнѣ свободная печать — самая вѣрная и самая надежная союзница всякаго правительства, которое искренно желаетъ прислушиваться къ требованіямъ народа, въ видахъ полнаго удовлетворенія его нуждъ и жалобъ. Англійскимъ министрамъ и въ голову не приходитъ такая странная и жалкая мысль, что будто только они одни да ихъ директоры департаментовъ въ состояніи понимать крупные политическіе вопросы, и что въ обществѣ или враждебныхъ министерству партіяхъ нѣтъ вовсе никакихъ здравыхъ мнѣній и важныхъ свѣдѣній, познакомиться съ которыми весьма полезно не только всему обществу вообще, но и самимъ правителямъ. Благодаря этимъ весьма похвальнымъ качествамъ британскихъ министровъ, въ Англіи ни одинъ вопросъ — особенно изъ крупныхъ — не разрѣшается законодательнымъ порядкомъ, не создавъ предварительно цѣлой литературы, иногда весьма драгоцѣнной и поучительной для всего остального образованнаго міра. По той же самой причинѣ, всякій вопросъ, однажды обратившись въ положительный законъ, оказывается въ Англіи серьезною, хорошо

обдуманною мѣрою, которую не приходится измѣнять на первыхъ же порахъ ея введенія въ жизнь, какъ это замѣчается повсюду, гдѣ печать пользуется свободою лишь въ мелкихъ вопросахъ, или въ такихъ, которые и вопросами-то называться не могутъ...

Но обратимся къ предложеніямъ Гладстона по поземельному вопросу. Исходя изъ существующаго положенія вещей, министръ старается ввести значительныя преобразованія, не производя слишкомъ рѣзкихъ перемѣнъ. Онъ предоставляетъ зажиточнымъ фермерамъ полную свободу заключенія долгосрочныхъ договоровъ съ землевладѣльцами, онъ обращаетъ олстерскій обычай въ законъ, онъ обезпечиваетъ за третьимъ разрядомъ арендаторовъ вознагражденіе за всѣ улучшенія почвы и предоставляетъ всѣмъ фермерамъ вообще становиться собственниками занимаемой ими земли всякій разъ, когда землевладѣлецъ изъявитъ желаніе продать свою собственность. Относительно требованій рабочихъ билль оказывается крайне скупымъ и недостаточнымъ; онъ только даетъ право фермерамъ строить коттэджи для рабочихъ и снабжать ихъ землею подъ огороды, — правительство предлагаетъ рабочимъ, сверхъ того, кредитъ на пріобрѣтеніе коттэджа и огорода въ полную собственность. Министръ надѣется, что новыя поземельныя отношенія, давъ фермерамъ полное обезпеченіе труда и капитала, потребляемыхъ ими на воздѣлываніе почвы, вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ сильный толчекъ развитію сельскаго хозяйства, которое, въ свою очередь, увеличитъ запросъ на земледѣльческій трудъ и, слѣдовательно, подыметъ заработную плату. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта надежда основана на весьма вѣскихъ экономическихъ соображеніяхъ, и что заработная плата дѣйствительно подымется съ введеніемъ новаго закона въ жизнь, но это увеличеніе заработковъ едва-ли продолжится на такой промежутокъ времени, впродолженіи котораго земледѣльческіе рабочіе могли бы достичь той степени умственной, нравственной и матеріальной состоятельности, когда человѣкъ научается понимать свое положеніе въ обществѣ и тѣсную солидарность своихъ личныхъ интересовъ съ интересами другихъ людей той же профессіи, когда, однимъ словомъ, онъ дѣлается способнымъ вести свое дѣло сообща, артельнымъ образомъ. Только одна земледѣльческая ассоціація способна вывести земледѣльческаго рабочаго и большую часть ирландскихъ фермеровъ изъ ихъ нынѣшняго подневольнаго положенія. Удачная попытка земледѣльческой ассоціаціи въ Ассингтонѣ, въ Англіи, послужитъ современемъ превосходнымъ образцомъ для всѣхъ земледѣльцевъ въ Соединенномъ Королевствѣ [1]). Теперь же можно

---

[1]) За недостаткомъ мѣста мы отлагаемъ до перваго удобнаго случая обстоятельно познакомить читателей съ этой любопытною земледѣльческой артелью, основанной Гордономъ, лѣтъ 30 тому назадъ, и принесшей впослѣдствіи самыя блестящіе резуль-

удовлетвориться и менѣе отрадными явленіями, въ родѣ желанія лондондеррійскихъ фермеровъ пріобрѣсть въ общую собственность свои участки въ имѣніи маркиза Уотерфорда, а это имѣніе приноситъ ежегодной аренды 13,600 фунтовъ стерлинговъ (около 90 тысячъ рублей),—имѣніе, значитъ, не маленькое. Министерство обѣщаетъ въ нынѣшнемъ же году отмѣнить и нелѣпые законы о майоратѣ и о наслѣдованіи посредствомъ такъ-называемыхъ «settlements» (которые передаютъ всѣ права собственности на землю иногда лицамъ, еще неродившимся, а дѣйствительному владѣльцу доставляютъ лишь обычный доходъ съ земли), — законы, сильно стѣснявшіе переходъ поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, и тѣмъ поддерживавшіе ту систему крупнаго личнаго землевладѣнія, о которой такъ много наговорили во всей Европѣ, и которая, въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ, осуждена самымъ рѣшительнымъ образомъ такимъ крупнымъ авторитетомъ, каковъ знаменитый химикъ Либихъ. Половину всего количества хлѣба, необходимаго для пропитанія жителей Британскихъ Островоъ, Англія получаетъ изъ-за границы. Отмѣна послѣднихъ аристократическихъ привилегій: майората и сеттлментовъ, поведетъ роковымъ образомъ къ постепенному переходу имѣній въ руки настоящихъ сельскихъ хозяевъ, и такъ какъ сидящимъ на каждомъ имѣніи земледѣльцамъ правительство предлагаетъ кредитъ для пріобрѣтенія имѣнія въ полную общую собственность, то несомнѣнно, что въ теченіи извѣстнаго періода времени ирландская земля станетъ наконецъ собственностію самого ирландскаго народа, и именно той части его, которая лично занимается сельскимъ хозяйствомъ. Конечно, вопросъ объ обезпеченіи земледѣльческихъ рабочихъ снова подниметс въ свое время, но можно надѣяться, во всякомъ случаѣ, что когда наступитъ это время, въ Ирландіи и самой Англіи будутъ уже превосходные примѣры земледѣльческой ассоціаціи, которые и послужатъ основаніемъ для дальнѣйшихъ реформъ въ поземельномъ вопросѣ. Нынѣшній же билль, несмотря на всю его важность и на здравыя начала, положенныя въ его фундаментъ, долженъ считаться лишь первымъ серьезнымъ шагомъ въ Англіи къ разрѣшенію великаго вопроса объ отношеніи человѣка къ землѣ. «Times» справедливо говоритъ, что этотъ билль «создаетъ новую область законодательства».

Закрѣпленіе за фермеромъ земли вездѣ, гдѣ нѣтъ олстерскаго обычая платить ему за выѣздъ и за улучшенія, совершается биллемъ посредствомъ признанія законнаго срока всякой аренды въ 31 годъ [1]),

---

таты. Срав. сочиненіе графа Парижскаго: Les Associations ouvrières en Angleterre, 1869, стр. 301—306; и сочиненіе Торнтона (Thrnutor): On Labour, 1869, 410—411.

[1]) Этотъ срокъ опредѣляется въ 21 годъ, если землевладѣлецъ самъ производитъ всѣ улучшенія на своей землѣ.

по прошествіи которыхъ землевладѣлецъ можетъ согнать фермера только въ томъ случаѣ, если уплатитъ ему за всѣ улучшенія почвы и за постройки. Само собою разумѣется, что ни узаконенный обычай, ни аренда не спасутъ фермера отъ изгнанія, если онъ перестанетъ платить въ опредѣленные сроки условленную плату, или начнетъ, безъ позволенія владѣльца, сдавать свою землю по участкамъ въ аренду другимъ лицамъ. Чтобы землевладѣльцы не устроили себѣ лазейки изъ статьи о правѣ изгнанія фермеровъ за невзносъ аренды, Гладстонъ рѣшился и вопросъ объ опредѣленіи арендной платы предоставить новымъ поземельнымъ судамъ, учреждаемымъ въ Ирландіи съ цѣлію разрѣшенія всѣхъ споровъ между помѣщиками, фермерами и рабочими. Въ доказательство необходимости предоставленія судамъ правъ опредѣлять арендную плату за ту или другую землю, министръ привелъ нѣсколько фактовъ, которые показываютъ, что землевладѣльцы повышаютъ иногда аренду до такой громадной цифры, что земля выдержать ее не можетъ и арендаторъ, сдѣлавшись должникомъ владѣльца, подпадаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полной зависимости отъ воли послѣдняго. Что долгъ растетъ на арендаторѣ — это заботитъ владѣльца весьма мало, такъ какъ вся цѣль его высокой аренды заключается лишь въ полномъ подчиненіи фермера своей волѣ. Билль Гладстона долженъ охранить фермеровъ и отъ этой напасти, такъ какъ судамъ предоставлено право признать арендную плату слишкомъ высокою и потребовать съ землевладѣльца уплаты за всѣ проторы и убытки, которые терпитъ арендаторъ отъ изгнанія съ земли за невзносъ непомѣрно высокой арендной платы. При новыхъ судахъ будутъ состоять правительственные оцѣнщики, которые должны опредѣлять вознагражденіе за всѣ улучшенія и постройки, а также подавать свои мнѣнія относительно высоты арендной платы.

Кромѣ ирландскаго билля, правительство Гладстона, въ лицѣ Форстера, внесло въ палату общинъ превосходный проектъ новаго закона о народномъ образованіи. Проектъ задается широкою цѣлію: доставить народное образованіе всѣмъ дѣтямъ Англіи отъ 5 до 14 лѣтъ. Въ настоящее время это образованіе получаетъ лишь одинъ милліонъ дѣтей, а полтора милліона остаются безъ всякаго образованія. Между тѣмъ въ странѣ уже созрѣло сознаніе опасности такого неудовлетворительнаго состоянія народной школы. «Отъ быстраго введенія хорошей системы элементарнаго образованія—сказалъ Форстеръ— зависитъ наше промышленное процвѣтаніе. Напрасно давать нашимъ рабочимъ ремесленное образованіе, не снабдивъ ихъ предварительно образованіемъ первоначальнымъ. Если мы предоставимъ нашихъ рабочихъ коснѣнію въ невѣжествѣ, то они, несмотря на свои крѣпкія мышцы и упорную энергію, потерпятъ пораженіе на полѣ всемірной конкурренціи. Отъ быстраго принятія мѣръ по народному образованію за-

виситъ также, по моему глубокому убѣжденію, исправная дѣятельность нашей конституціонной системы. Къ чести парламента, онъ рѣшилъ недавно, что Англія должна въ будущемъ управляться народнымъ правительствомъ. Я изъ числа тѣхъ, которые говорили, что народу можно довѣрить политическую силу и прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ первоначальное образованіе. Еслибъ мы ждали, пока онъ пріобрѣтетъ образованіе, намъ пришлось бы ожидать этого, вѣроятно, весьма долго. Теперь же, когда мы снабдили его политическою силою, намъ нечего медлить доставленіемъ ему образованія. Есть много вопросовъ и задачъ, которые должны быть рѣшены въ скоромъ времени, а развѣ невѣжественные избиратели могутъ разрѣшить ихъ? Отъ быстраго принятія мѣръ по народному образованію зависитъ также наша національная мощь. По всему цивилизованному міру общества скучиваются мало-по-малу въ большія массы, и мы должны знать, что намъ, на нашемъ небольшомъ островѣ не удастся удержать наше нынѣшнее мѣсто между націями, если мы не успѣемъ нашъ численный недостатокъ покрыть силою умственною. Мы всѣ знаемъ по печальному опыту, что знаніе не есть добродѣтель, что элементарное образованіе само по себѣ тоже не уничтожаетъ безнравственности, что образованіе, однимъ словомъ, не спасаетъ отъ искушеній; — но хотя знаніе не добродѣтель, необразованность есть все-таки слабость, а въ тяжкой, и безпрерывной житейской борьбѣ слабость значитъ несчастіе и часто ведетъ къ пороку. Вспомните тѣ деревни, въ которыхъ мы жили, и города, которые намъ случалось посѣщать, и скажите, не ужели вы не замѣтили тамъ, какъ дѣти, благодаря тому, что ихъ ничему не учатъ, или учатъ крайне дурно, постоянно подготовляются къ преступной жизни или къ вѣрной нищетѣ? Неужели зная все это, мы рѣшимся взять на себя отвѣтственность за продленіе этого невѣжества и этой слабости еще на цѣлый годъ?» —

Если принять во вниманіе отзывъ англійской прессы объ объяснительной рѣчи Форстера, то можно съ положительностію утверждать, что нынѣшняя палата общинъ едва ли согласится на «продленіе невѣжества и слабости еще на цѣлый годъ». Не только либеральныя газеты, но и консервативныя стараются убѣдить своихъ читателей въ возможности порѣшить этотъ важный вопросъ въ нынѣшнемъ году. Всѣ хлопочутъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы этотъ билль не сдѣлался ареною для борьбы партій, такъ какъ въ немъ есть нѣсколько крупныхъ нововведеній, могущихъ послужить поводомъ къ политическимъ интригамъ. Таковъ принципъ несектарной инспекціи, принципъ понужденія родителей къ отдачѣ дѣтей въ школы, и новое обремененіе плательщиковъ земскихъ налоговъ (тремя пенсами съ каждаго фунта наемной платы). Въ рядахъ консервативной партіи въ палатѣ общинъ есть и такіе люди, которые рѣшительно возстаютъ

противъ всякаго государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія, но есть среди нихъ и такіе, какъ напримѣръ сэръ Джонъ Пэкингтонъ, бывшій военнымъ министромъ въ послѣднемъ кабинетѣ Д'Израели, который въ своихъ планахъ по народному образованію идетъ гораздо далѣе и рѣшительнѣе самого министерства Гладстона.

Когда Форстеръ среди грома рукоплесканій окончилъ свою объяснительную рѣчь, въ палатѣ послышались многіе голоса́ о внесеніи въ билль дополнительныхъ статей объ учрежденіи отвѣтственнаго министерства по народному образованію. Пэкингтонъ сказалъ при этомъ, что онъ весьма сожалѣетъ, что Форстеръ произнесъ свою рѣчь лишь въ качествѣ секретаря государственнаго совѣта (Privy Council), а не министра народнаго просвѣщенія. Пэкингтонъ весьма желалъ бы ввесть въ Англію строго-понудительное образованіе, и какъ онъ, такъ и другіе члены палаты, особенно извѣстный кэмбриджскій профессоръ политической экономіи Фосеттъ (Fawcett), сильно настаивали на томъ, что понужденіе должно идти отъ лица самого государства, а не отъ училищныхъ совѣтовъ, какъ это предлагаетъ правительственный билль. Дѣло въ томъ, что эти совѣты будутъ состоять изъ выборныхъ лицъ (а выбирать ихъ будутъ совершенно безконтрольно городскія думы въ городахъ, и церковныя сходки (vestry) или частные съѣзды крупныхъ и почетныхъ домохозяевъ и землевладѣльцевъ (select vestry) въ сельскихъ приказахъ) и, слѣдовательно, если избраны будутъ сторонники понудительнаго образованія, то понужденіе въ данномъ учебномъ округѣ будетъ имѣть мѣсто, а если нѣтъ, то родителямъ предоставлена будетъ полная свобода относительно посылокъ своихъ дѣтей въ школы. Такимъ образомъ непремѣнно случится, что понужденіе будетъ введено лишь въ нѣкоторые округи, а никакъ не во всѣ. Между тѣмъ правительственный билль даетъ государству право требовать отъ мѣстныхъ жителей въ каждомъ учебномъ округѣ (учебнымъ округомъ въ городахъ служатъ бурги, а въ графствахъ приходы или союзы нѣсколькихъ приходовъ) учрежденія такого числа школъ, которое соотвѣтствовало бы числу находящихся въ томъ округѣ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста. Слѣдовательно, если понужденіе будетъ гдѣ-нибудь совершаться неудовлетворительно, то школы останутся пустыми, и мѣстные плательщики податей только напрасно понесутъ новыя тягости.

Скажемъ нѣсколько словъ о несектарной инспекціи. Въ настоящее время, правительственная инспекція школъ, получающихъ государственную субсидію (частныя школы въ Англіи правительственные инспекторы имѣютъ право посѣщать лишь съ дозволенія самихъ содержателей), производится инспекторами такъ, что каждый инспекторъ посѣщаетъ лишь тѣ школы, которыя находятся подъ вѣдѣніемъ лицъ одного съ инспекторомъ вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ происхо-

дитъ, что въ одной и той же мѣстности является иногда нѣсколько инспекторовъ для обозрѣнія какого-нибудь десятка школъ. Билль уничтожаетъ эту сектарную инспекцію, и предоставляетъ правительству право посылать инспекторовъ, не затрудняясь ихъ принадлежностію къ той или другой религіи. Чтобы еще болѣе ограничить сектарный характеръ народной школы, билль предлагаетъ дозволить родителямъ объявлять письменно о своемъ нежеланіи, чтобы дѣти ихъ обучались религіи, и содержатель школы долженъ исполнять это требованіе родителей. Нѣкоторые члены палаты заявили свое неудовольствіе на «умѣренность» билля въ этомъ вопросѣ и требовали введенія ирландской системы народнаго образованія, гдѣ религія вовсе исключена изъ предметовъ преподаванія. Форстеръ отвѣчаетъ на это требованіе слѣдующимъ образомъ:—«Намъ могутъ сказать: почему вы не запретите догматическое обученіе совершенно, почему вы не предпишите окончательно исключить религію изъ предметовъ преподаванія? Но въ такомъ случаѣ мы изъ религіознаго затрудненія впадемъ въ затрудненіе антирелигіозное. Мы желаемъ достигнуть лишь того, чего добивается большинство родителей, но съ соблюденіемъ правъ меньшинства; а я не сомнѣваюсь, что большинство родителей пожелаетъ, чтобы въ школѣ было религіозное образованіе и изученіе библіи. Если мы запретимъ преподаваніе религіи, то мы должны запретить чтеніе въ школахъ именно той книги, которая составляетъ основу исповѣдуемой нами религіи. Но, скажутъ намъ, нужно уничтожить обученіе догматамъ. Да какъ же это сдѣлать? Можемъ ли мы сказать учителямъ: «Библію читать вы можете, но объяснять ее не осмѣливайтесь». Или, можетъ быть, мы должны сами назначить, какія мѣста библіи слѣдуетъ читать въ школѣ, и какія нѣтъ? Я не говорю, что мы не въ состояніи этого сдѣлать, но я долженъ напомнить палатѣ, что такія регламентаціи принадлежатъ къ области опредѣленія частностей преподаванія, а это не входитъ въ вѣдѣніе центральнаго правительства, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное вмѣшательство правительства въ дѣло преподаванія потерпитъ полную неудачу».

Мы нарочно привели это мѣсто изъ рѣчи британскаго министра, чтобы показать, какое значеніе придаютъ въ Англіи преподаванію религіи въ народной школѣ. Министръ не прочь бы совершенно изгнать религію изъ школы, но вѣдь это значило бы запретить чтеніе и объясненіе одной, всѣмъ извѣстной книги, да и какъ же можно запретить чтеніе именно этой книги, когда правительство вовсе не занимается регламентаціею преподаванія, и ему все равно— по какимъ книгамъ учатъ въ народныхъ школахъ, лишь бы окончательные результаты этого обученія давали правительственнымъ инспекторамъ ручательство въ томъ, что изъ народныхъ школъ выходятъ дѣ-

ти грамотныя и разумныя, вооруженныя прочными свѣдѣніями изъ ариѳметики, исторіи, географіи.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Берлина, вопросъ, которымъ мы не разъ занимали читателей съ теоретической точки зрѣнія, разрѣшился въ Германіи практически: сѣверо-германскій парламентъ принялъ предложеніе депутата Кирхмана объ отмѣнѣ смертной казни по всей территоріи Союза. Противъ предложенія возставалъ самъ графъ Бисмаркъ, но за Бисмарка оказалось всего 81 голосъ, а за Кирхмана—118!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Министерство 2-го января.

24 февраля, 1870.

Два мѣсяца тому назадъ, я особенно настаивалъ на трудности создать у насъ, изъ имѣющихся на лицо элементовъ, правительство либеральное и вмѣстѣ сильное. Въ настоящее время эта трудность облегчена, насколько то было возможно, но это еще не значитъ, что она устранена совсѣмъ. Министерство 2-го января, во всякомъ случаѣ — наилучшее, какое могло образоваться при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и изъ нынѣшней палаты. На первомъ планѣ въ немъ стоятъ три человѣка: Эмиль Олливье́, Бюффе́ и Дарю. Первый изъ нихъ—самый значительный, блестящій и способный изъ членовъ новаго кабинета; онъ же стоитъ и во главѣ его. Эмилю Олливье́ и тѣмъ политическимъ эволюціямъ, которыя приблизили его къ особѣ и довѣрію императора, мы обязаны самой возможностью совершающагося нынѣ предпріятія. Трудно себѣ представить даже, къ кому изъ депутатовъ могъ бы обратиться Наполеонъ, для возстановленія парламентскаго правленія, еслибы онъ не былъ знакомъ съ Олливье́. Какъ только представился такой моментъ — Олливье́ становился неизбѣжнымъ агентомъ этого дѣла. И однакоже, кажется, я не ошибусь, сказавъ, что не ему, а скорѣе товарищамъ его, гг. Бюффе́ и Дарю, слѣдуетъ приписать необыкновенно благопріятный пріемъ, оказанный новому министерству общественнымъ мнѣніемъ. Причина ясна: правда, въ настоящее время наше общество менѣе, чѣмъ когда-либо, настроено въ пользу революціи, но зато оно настроено столь же рѣшительно противъ системы личнаго правленія и въ пользу мирнаго перехода къ тѣмъ формамъ и гаран-

тіямъ, которыя составляютъ сущность свободной политической жизни. Между тѣмъ Эмиль Олливье именно вслѣдствіе своей гибкости, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ уступокъ и того вліянія, какое имѣетъ на него императоръ, представлялся намъ, несмотря на весь свой либерализмъ, несовсѣмъ способнымъ къ той устойчивости противъ давленія свыше, которое бываетъ иногда обязанностію для министровъ парламентскихъ. Одно его имя казалось гарантіею слишкомъ недостаточной, и вотъ почему общество слѣдило безъ особеннаго довѣрія за фазисами министерскаго кризиса, пока къ Олливье не присоединились Дарю и Бюффе; вступленіе ихъ въ кабинетъ значительно прояснило положеніе дѣлъ. Правда, эти два человѣка никогда не были радикалами, подобно самому Олливье; но зато на ихъ сторонѣ весьма почтенное преимущество—они никогда не спотыкались. Особенно г. Бюффе слыветъ парламентаристомъ не только твердымъ, но даже упрямымъ и непреклоннымъ. Говорятъ, что именно по своей несговорчивости, онъ особенно непріятенъ императору, и при данныхъ обстоятельствахъ этотъ фактъ, конечно, могъ только способствовать хорошему пріему новаго кабинета въ общественномъ мнѣніи. Что касается Дарю, человѣка въ высшей степени почтеннаго, и который недавно — какъ я скажу ниже — оказалъ кабинету огромную услугу, то о немъ доселѣ говорили мало. Но о немъ извѣстно, что, бывъ близкимъ другомъ императора, онъ открыто порвалъ съ нимъ сношенія вслѣдствіе 2-го декабря. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи и вступилъ въ палату только при послѣднихъ выборахъ, въ качествѣ представителя умѣренной, но твердой оппозиціи.

Значеніе такихъ людей утвердило въ обществѣ мысль, что если императоръ до такой степени жертвуетъ личными своими наклонностями, чтобы согласиться на обращеніе къ людямъ особенно непріятнымъ ему по личному характеру или по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ, то стало-быть онъ дѣйствуетъ искренно и въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно хочетъ попытаться возстановить парламентское правленіе. Я самъ, несмотря на нѣкоторые прискорбные признаки, расположенъ держаться такого убѣжденія, и не ручаясь безусловно за искренность Наполеона III, чего не въ состояніи сдѣлать никто, я склоненъ видѣть поручительство за нее именно въ самомъ составѣ кабинета. Къ сожалѣнію, я тутъ же долженъ оговориться, что въ ближайшей къ императору средѣ едва ли всѣ раздѣляютъ его нынѣшнее настроеніе.

Какъ бы то ни было, пріемъ кабинету былъ оказанъ хорошій, даже слишкомъ хорошій, въ томъ смыслѣ, что многіе, со свойственной французскому уму поспѣшностію, вообразили себѣ, будто уже все сдѣлано, всѣ задачи рѣшены и затѣмъ все пойдетъ легчайшимъ образомъ, къ удовольствію всѣхъ, за исключеніемъ однихъ «непримиримыхъ», которые значутъ не много и безъ одобренія которыхъ легко

можно бы обойтись. Разсудительные люди, то-есть меньшинство, понимали, что не всѣ препятствія были устранены. Прежде всего, очевидно было, что хотя члены новаго кабинета и соединились съ наилучшими намѣреніями въ общей мысли либерализма и преданности дѣлу страны, но они не имѣли времени согласиться между собою относительно отдѣльныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ приняли на себя круговую отвѣтственность за ходъ дѣлъ. Установить парламентскій способъ правленія еще труднѣе, чѣмъ примѣнять его. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ уже издавна дѣйствуетъ, партія вступающая въ управленіе имѣетъ готовую программу, знаетъ, что́ она будетъ дѣлать и чего именно отъ нея ожидаютъ. Здѣсь не было ничего подобнаго. Намѣренія были единодушны, взаимны и добросовѣстны, но не было времени удостовѣриться, до какой степени согласіе существуетъ въ практическихъ взглядахъ. Кабинетъ, какъ мы видимъ его теперь, былъ такъ-сказать съимпровизованъ въ послѣднюю минуту, послѣ того какъ не удались разныя другія комбинаціи. Онъ, повторяю, — наилучшій, какого можно было ожидать, но онъ явился безъ плана для дѣйствій. Какія мѣры слѣдовало предложить палатѣ? — объ этомъ члены его не имѣли времени условиться впередъ.

А между тѣмъ есть вопросъ, по которому было необходимо предварительное соглашеніе не только между членами кабинета, но и между кабинетомъ и императоромъ. Это вопросъ о распущеніи палаты, которая нисколько не соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ. Конечно, если судить только по внѣшности, и принимать въ разсчетъ только либеральныя заявленія двухъ главныхъ группъ палаты, носящихъ названіе праваго и лѣваго центровъ, то высказанное сейчасъ мнѣніе можетъ показаться слишкомъ строгимъ; но оно совершенно справедливо и, прибавлю, въ настоящую минуту, оно уже довольно распространено. Многіе изъ членовъ большинства, даже изъ числа избранныхъ подъ вліяніемъ правительства, подписались подъ программою праваго центра вслѣдствіе напора общественнаго мнѣнія; но они сдѣлали это безъ искренняго убѣжденія и остались, по привычкѣ и по внутреннему вліянію, преданными людямъ стараго, личнаго режима, гг. Руэ и Форкаду. Министерство не можетъ положительно разсчитывать на эту группу и не могло разсчитывать на нее, когда составлялось. Къ сожалѣнію, теперь почти достовѣрно не только то, что кабинетъ во время своей формаціи не обсудилъ этого вопроса, какъ и остальныхъ, но еще и то, что г. Олливье́ непосредственно, вмѣстѣ съ императоромъ, принялъ на себя впередъ нѣкоторыя обязательства противъ распущенія палаты, въ то время, когда онъ еще не сошелся со своими нынѣшними товарищами. Извѣстно, что императоръ упорно желаетъ сохранить нынѣшнюю палату, которая, между тѣмъ, рѣшительно несоотвѣтствуетъ настроенію общества и въ составѣ которой сильно отра-

зилось злоупотребленіе правительственною властію во время выборовъ. Это упрямство покажется вамъ, пожалуй, несовсѣмъ согласнымъ съ той предполагаемой искренностію Наполеона III въ его парламентскихъ намѣреніяхъ, о которой я говорилъ выше. Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ условіемъ истинно парламентскаго правленія есть именно несомнѣнное согласіе представительства страны съ состояніемъ общественнаго мнѣнія. Все это такъ; но императоръ можетъ быть искрененъ, не будучи логиченъ, и можно допустить, что онъ не понимаетъ условій того, что самъ предпринялъ. Въ концѣ концовъ, конечно, такое непониманіе можетъ оказаться столь же вредно, какъ и недобросовѣстность. Трудно, впрочемъ, отдать себѣ отчетъ въ этомъ особомъ нерасположеніи императора къ преждевременнымъ выборамъ. По общему мнѣнію, еслибы выборы произвесть теперь, то они дали бы результатъ столь же благопріятный принципу династическому, какъ и парламентскимъ идеямъ, то-есть выразили бы въ высшей степени и съ особенною силою то, чего хочетъ общественное мнѣніе въ настоящую минуту, именно совмѣщенія свободы съ устойчивостью. А каково будетъ настроеніе общественнаго мнѣнія года черезъ два, три или хоть черезъ годъ—этого никто не можетъ предвидѣть. Можетъ быть, довѣріе въ то время будетъ сильно поколеблено, особенно если нынѣшніе порядки окажутся слишкомъ неопредѣленными. Но императоръ, повидимому, считаетъ дѣломъ самолюбія не отсылать депутатовъ по домамъ до полнаго исполненія ими ихъ полномочія, и даже смотритъ на распущеніе съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. Кажется какъ будто потому именно, что нѣкогда, подъ вліяніемъ необходимости, дѣйствительной или мнимой, онъ счелъ себя обязаннымъ, для вступленія на престолъ, насильно разсѣять законодательное собраніе, котораго распустить онъ не имѣлъ права,—теперь онъ хочетъ показать, что такія вещи, или даже вещи издали напоминающія нѣчто подобное, хотя въ себѣ и законныя, не должны больше случаться. Этимъ онъ какъ бы хочетъ искупить прошлое, хотя такой образъ искупленія противенъ истиннымъ его интересамъ и можетъ обойтись ему дорого. Въ самомъ дѣлѣ, удерживая представительство, въ которомъ общественное мнѣніе не узнаетъ себя, онъ сохраняетъ въ силѣ единственный революціонный зачатокъ, совмѣстный съ нынѣшнимъ положеніемъ. Этотъ зачатокъ теперь собственно представляется неопаснымъ, но необдуманная горячность французскаго характера можетъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, внезапно дать ему грозное развитіе, отъ чего да избавитъ насъ небо.

Очевидно, связанный обѣщаніемъ не распускать палаты, принужденный жить съ большинствомъ менѣе либеральнымъ чѣмъ онъ самъ, и даже таящимъ враждебное чувство, не будучи въ состояніи совершить теперь наиболѣе нужное, именно — избирательную реформу, и

сверхъ всего этого, быть можетъ страдая внутреннимъ несогласіемъ, нашъ юный парламентскій кабинетъ до послѣднихъ дней находился, повидимому, въ положеніи довольно неудобномъ. Но непріятныя и неожиданныя обстоятельства, возникшія послѣ его образованія, пожалуй, скорѣе оказали ему услугу, чѣмъ принесли вредъ; именно, они дали, ему случай дѣйствовать, заниматься и составить себѣ физіономію. Вы догадываетесь, что я разумѣю дѣло принца Пьера Бонапарта и всѣ послѣдствія этого дѣла: процессъ, осужденіе и заключеніе въ тюрьму г. Рошфора, уличные безпорядки и т. д. Не скажу, конечно, что эти печальныя диверсіи доставили кабинету удовольствіе: онъ не настолько макіавелистиченъ. Но дѣло въ томъ, что эти диверсіи дали ему жизнь; онъ имѣлъ поводъ показаться сильнымъ, а такъ какъ уличные противники его пользуются глубокою и вполнѣ заслуженною непопулярностію, то общественное мнѣніе вмѣнило кабинету въ заслугу, что онъ такъ бойко совладалъ съ ними. Несовсѣмъ хорошо только то, что эти неожиданные случаи, въ которыхъ онъ конечно не виноватъ, поставили его на неблагопріятный склонъ. По всѣмъ признакамъ, кабинетъ впалъ въ нѣкоторое самообольщеніе относительно мнимой важности этихъ «событій»; онъ слишкомъ легко повѣрилъ существованію заговора тамъ, гдѣ дѣло, по всей вѣроятности, ограничивалось вспышкою довольно смѣшного свойства, и произвелъ значительное число арестованій, съ которыми теперь кажется не знаетъ что́ и дѣлать. Тѣ вліянія, которыя ему враждебны и хотѣли бы ниспроверженія его въ пользу реакціи, поспѣшили извлечь пользу изъ его ошибки, и газеты, пребывшія вѣрными прежнимъ министрамъ, не преминули замѣтить, что г. Эмиль Олливье занимается караніемъ болѣе г. Руэ. Самая неистовая изъ этихъ газетъ, принадлежащая Кассаньякамъ, высказала даже съ цинической откровенностью, что хотя прежніе министры выдумывали несуществовавшіе заговоры, но что то, что́ было позволено имперіи самовластной, не должно быть позволено имперіи либеральной. Иные полагаютъ даже, что нѣкоторыя высшія должностныя лица, какъ г. префектъ полиціи, намѣренно ввели г. Эмиля Олливье въ заблужденіе, увѣрили его въ воображаемомъ заговорѣ для того, чтобы извлечь отсюда пользу для себя и противъ самого министра. Какъ бы то ни было, теперь уже очень мало вѣрятъ въ дѣйствительное существованіе большого заговора, о которомъ говорили правительственныя газеты въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Если свесть бывшіе безпорядки къ ихъ истиннымъ размѣрамъ и обсудить ихъ хладнокровно, то они не только не представляютъ ничего тревожнаго, но напротивъ имѣютъ значеніе благопріятное, въ томъ смыслѣ, что обнаружили всю слабость революціонной партіи. Слабость эта выказалась дважды и двоякимъ образомъ, именно сперва на похоронахъ В. Нуара, а потомъ при арестованіи г. Рошфора.

Въ день похоронъ, можно сказать навѣрное, все, что есть недовольнаго въ Парижѣ, было на ногахъ, и цифры, указанныя газетами (отъ 100 до 150 тысячъ человѣкъ), по всѣмъ свѣдѣніямъ, не были преувеличены. Случай для попытки къ возстанію былъ самый благопріятный, и люди достовѣрные утверждаютъ, что вопросъ о такой попыткѣ въ тотъ день былъ въ самомъ дѣлѣ и серьезно обсуждаемъ; но они же прибавляютъ, что вопросъ этотъ единогласно былъ рѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ, и вотъ почему самъ г. Рошфоръ принужденъ былъ проповѣдовать спокойствіе и миръ, послѣ того какъ самъ обратилъ свою газету въ призывъ къ оружію, за который потомъ и поплатился шестимѣсячнымъ заключеніемъ. Разсказываютъ, что самые рѣшительные люди признали попытку невозможною при сравненіи силъ. Но то, что оказалось невозможнымъ въ этотъ день, среди одного изъ сильнѣйшихъ возбужденій, и при довольно дѣйствительномъ поводѣ, будетъ безъ сомнѣнія невозможно при всякихъ иныхъ обстоятельствахъ, ибо революціонная партія уже не дождется столь благопріятнаго стеченія ихъ. Это признаютъ, впрочемъ, и наиболѣе здравомыслящіе—относительно говоря—изъ самой этой партіи, которой существенный характеръ заключается именно въ недостаткѣ здраваго смысла. Они соглашаются, что революціи не совершаются по командѣ, и что онѣ не могутъ имѣть успѣха безъ почти единодушной поддержки общественнаго мнѣнія и спеціально—безъ содѣйствія классовъ буржуазіи. Но допуская это, они въ тоже время дѣлаютъ все возможное для того, чтобы возбуждать противъ себя и раздражать буржуазію, вмѣсто того, чтобы стараться расположить ее въ свою пользу. Такимъ образомъ, они вращаются въ поразительномъ противорѣчіи, нисколько того, повидимому, не замѣчая. Но, впрочемъ, для того, чтобы буржуазія перешла на сторону революціонеровъ, надо бы, кромѣ бóльшаго благоразумія революціонеровъ, еще, чтобы императоръ самъ взялъ назадъ свои либеральныя уступки или подалъ бы сильные поводы недовѣрять его добросовѣстности. Пока этого не будетъ, революціонеры могутъ желать и возвѣщать революцію, но сдѣлать ее имъ не удастся, что̀ они достаточно доказали при сценахъ, послѣдовавшихъ за арестованіемъ г. Рошфора.

Никогда не бывало ничего болѣе жалкаго и смѣшного! Правда и то, что въ дѣлѣ участвовалъ только авангардъ наиболѣе безразсудныхъ. Всѣ сколько-нибудь серьезные люди той же крайней партіи нарочно остались дома и весьма не одобряли эту безсмысленную попытку. Можете быть увѣрены, что попытки болѣе серьезной никогда и не будетъ, пока правительство не впадетъ снова въ реакцію. Для того, чтобы создать положеніе дѣлъ съ характеромъ дѣйствительно революціоннымъ надо, чтобы случилось что-нибудь въ родѣ государственнаго переворота Карла X. Лица близкія къ императору увѣряютъ, что не

слѣдуетъ опасаться ничего подобнаго и считаютъ его вообще уже неспособнымъ къ какому-либо смѣлому почину. Въ особенности партія герцога Персиньи горько оплакиваетъ апатію, въ какую впалъ его вѣнценосный другъ. Г. де-Персиньи принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые разсчитываютъ на то, что свобода вызоветъ крайности, которыя, въ свою очередь, вызовутъ и оправдаютъ новую мѣру самовластія. Есть и другіе, подобные ему господа, и при дворѣ охотно говорятъ о той необходимости возобновить 2 декабря, которая должна представиться современемъ; но эта партія желала бы императору побольше энергіи. Въ ожиданіи лучшаго, они покамѣстъ обращаютъ себѣ сколько возможно въ пользу неловкости министровъ и ихъ приверженцевъ. Тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ людей такъ-называемыхъ «старыхъ партій» очень охотно и очень открыто приняли на себя оказать содѣйствіе кабинету, разумѣется, далъ поводъ выставить передъ глазами императора вѣчно тревожившій его призракъ орлеанизма.

Въ самомъ дѣлѣ, эти «старыя партіи» состоятъ главнымъ образомъ изъ людей, управлявшихъ дѣлами при Людовикѣ-Филиппѣ. Долгое время отстраняемые опасливою заботливостію, и склонные сами, по внушенію личнаго достоинства, оставаться въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока имперія была деспотизмомъ, люди эти теперь бросились, быть можетъ слишкомъ съ большою поспѣшностію, въ салоны новыхъ министровъ, при появленіи первыхъ лучей либеральнаго возрожденія. Одни изъ нихъ были привлечены желаніемъ засвидѣтельствовать свое патріотическое удовольствіе, другіе влеченіемъ къ интригамъ, третьи наконецъ просто тоскою по оффиціальнымъ гостиннымъ, изъ которыхъ они были изгнаны со времени имперіи; они явились теперь на сцену въ полномъ составѣ, съ гг. Гизо́ и Одилономъ Барро́ во главѣ, съ поспѣшностію поистинѣ немного-комическою, которою тайные враги кабинета съумѣли воспользоваться противъ него. Казалось, какъ будто «старыя партіи» могутъ и будутъ распоряжаться отнынѣ всѣми должностями, напр. префектовъ, и даже постами посланниковъ. Герцогъ Брольи намѣревался отправиться въ Лондонъ или Константинополь, а г. Прево́-Парадоль, корифей юнаго орлеанизма и близкій другъ принцовъ орлеанскихъ, просилъ для себя посольства въ Вашингтонѣ и получилъ на это обѣщаніе г. Эмиля Олливье.

Все это произвело эффектъ несовсѣмъ благопріятный, какъ для самихъ этихъ господъ, которые, какъ показалось, ужъ слишкомъ поторопились преданностію, такъ и для кабинета, который оказался вдругъ подъ какимъ-то наводненіемъ покровителей, пріятелей и просителей, такого рода, что императору очевидно не предстояло никакого повода особенно довѣрять имъ. Въ настоящую минуту весь этотъ великій напоръ, повидимому, уменьшился; но должно быть обѣ стороны хорошенько пораздумали. Какъ кажется, г. Прево́-Парадоль уже не рас-

полагаетъ ѣхать въ Вашингтонъ. Но г. Гизо́, который, несмотря на глубокую старость, сохраняетъ всю свою страсть къ преобладанію и къ интригамъ, г. Гизо́ держится за свое, и утвердился твердою ногою во всѣхъ министерствахъ, и въ особенности въ министерствахъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ. Онъ совершенно зануздалъ и осѣдлалъ г. Эмиля Олливье́, котораго главный недостатокъ—тщеславіе, полное наивности. Молодой нашъ хранитель печати считаетъ себѣ за большую честь имѣть у себя постояннымъ царедворцемъ этого знаменитаго, но опаснаго и компрометтирующаго старика. Сношеніямъ между этими двумя лицами мы будемъ обязаны тѣмъ, что получимъ нѣчто въ родѣ pendant къ собору, засѣдающему въ Римѣ. Г. Гизо́, съ тѣхъ поръ, какъ не можетъ управлять великими государственными дѣлами, старался внести, куда могъ, свою ненасытную жажду царствовать и возрождать. Въ особенности же навязалъ онъ свое преобладаніе реформатской церкви, къ которой онъ принадлежитъ самъ, и въ которой дѣятельность его уже произвела результаты самые плачевные.

Гизо принадлежитъ къ партіи правовѣрія и нетерпимости и выхлопоталъ у г. Эмиля Олливье́ разрѣшеніе созвать синодъ, которымъ предполагаетъ управлять самъ. Добродушный министръ увидѣлъ въ этомъ ходатайствѣ только случай сдѣлать удовольствіе своему маститому другу и вмѣстѣ выказать благоволеніе одной изъ диссидентскихъ церквей. Но г. Гизо̀ знаетъ очень хорошо, что́ дѣлаетъ. Онъ заставитъ своихъ приверженцовъ возобновить старые догматы и старыя формулы, и произнесть проклятіе противъ протестантовъ либеральныхъ. Этотъ синодъ, по всему вѣроятію, поведетъ къ формальному расколу для котораго задатки уже готовы, такъ какъ значительная часть французской протестантской церкви твердо намѣрена не отставать отъ вѣка; и вотъ противъ нея-то направляются происки г. Гизо́.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мы находимъ ту же особу во главѣ коммиссіи, которой поручено составить проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія. Высшимъ преподаваніемъ мы называемъ здѣсь то, которое въ Германіи и Россіи ввѣрено университетамъ, а во Франціи — *академіямъ*, представляющимъ совокупность факультетовъ. Это высшее преподаваніе всегда, современи революціи, находилась въ зависимости отъ государства, хотя разныя правительства не разъ давали обѣщаніе освободить его отъ опеки. Теперь, наконецъ, повидимому собираются сдержать это обѣщаніе, но такимъ образомъ, чтобы драгоцѣнною свободою могло воспользоваться только духовенство, которому г. Гизо́ совершенно преданъ, несмотря на свое качество протестанта. Въ самомъ дѣлѣ, предполагается сдѣлать уступку не въ томъ смыслѣ, чтобы кто-либо могъ открывать свободный курсъ или хотя бы одинъ факультетъ, но съ такимъ огра-

значеніемъ, чтобы открывалась непремѣнно полная академія, чего разумѣется никто не въ состояніи сдѣлать, кромѣ богатой и могущественной корпораціи, каково духовенство. Надо надѣяться, что возраженія печати остановятъ осуществленіе проекта въ такомъ видѣ и заставятъ измѣнить его. Къ сожалѣнію, наиболѣе либеральные изъ нашихъ министровъ, сами въ тоже время—клерикалы. Такимъ образомъ, они возбуждаютъ негодованіе къ себѣ демократіи, въ то время какъ въ качествѣ либераловъ и предполагаемыхъ орлеанистовъ, они подозрительны двору.

Если вы соберете воедино всѣ указанныя мною обстоятельства: недостатокъ между министрами согласія относительно почина, нѣсколько реакціонныя послѣдствія случаевъ съ Пьеромъ Бонапартомъ и Рошфоромъ, двусмысленность положенія кабинета по отношенію къ малолиберальной палатѣ, которая сознаетъ за собою покровительство императора, наконецъ, слишкомъ замѣтное вторженіе клерикаловъ, то поймете безъ труда, что положеніе новаго кабинета въ короткое время стало труднымъ и даже опаснымъ. Я долженъ прибавить, что онъ имѣетъ при особѣ императора могущественнаго врага въ лицѣ г. Клемана Дювернуá, о которомъ я уже бесѣдовалъ съ вами и который редижируетъ газету *Peuple francais*, подъ внушеніями Наполеона III и съ помощью изъ его собственной шкатулки. Этотъ фаворитъ-журналистъ самъ долженъ былъ вступить въ кабинетъ въ то время, когда г. Олливье, еще не получивъ согласія гг. Бюффе и Дарю, не зналъ еще, гдѣ найти себѣ товарищей. Назначеніе его было уже подписано. И такъ, съ перваго же дня образованія новаго кабинета, г. Дювернуа былъ поставленъ во враждебное къ нему отношеніе, не успѣвъ попасть въ кабинетъ самъ. Не высказываясь открыто въ своей газетѣ, онъ сталъ съ ловкостію и предательствомъ эксплуатировать ошибки министровъ и слабыя стороны положенія дѣлъ, и именно успѣлъ убѣдить императора, что нѣкоторые министры втайнѣ составили заговоръ въ пользу распущенія палаты, и что они-то и стоятъ за тѣми либеральными и демократическими газетами, которыя ежедневно требуютъ этого распущенія. Этимъ онъ успѣлъ задѣть императора за его слабую струну. Полу-орлеанистскій цвѣтъ кабинета также не остался безъ употребленія въ дѣло.

Однимъ словомъ, Наполеонъ III, повидимому, какъ будто даже согласился на очищеніе кабинета, удаливъ изъ него министровъ, поддерживаемыхъ лѣвымъ центромъ. Хотѣли сохранить одного Эмиля Олливьé. Но такъ или иначе, эта интрига кончила тѣмъ, что нашла себѣ открытаго руководителя въ Дювернуа, въ его газетѣ и въ палатѣ, гдѣ онъ состоитъ членомъ, и трудно повѣрить, чтобы императоръ не зналъ ничего объ этой интригѣ, или не одобрялъ бы ее. Она должна была достигнуть своей цѣли, по поводу запросовъ лѣвой стороны от-

носительно внутренней политики новаго министерства. Въ сущности, лѣвая сторона нисколько не враждебна кабинету, и паденіе послѣдняго даже огорчило бы ее; но, по недостатку рѣшительности, лѣвая сторона очутилась въ ложномъ положеніи, а въ настоящемъ случаѣ является даже невольною союзницею маневровъ правой стороны и Клемана Дювернуа. Вся эта интрига, искусно задуманная и проведенная смѣло, разбилась однако, встрѣтивъ неожиданную энергію и ловкость кабинета: побѣда министровъ составляетъ потому великое событіе настоящей минуты, когда я пишу вамъ.

Министры начали съ того, что дали слово другъ другу или остаться, или пасть вмѣстѣ; потомъ, они рѣшились выступить предъ палатою въ лицѣ Дарю, то-есть именно такого министра, котораго удалить — хотѣла наиболѣе правая сторона. Она требовала отъ министровъ формальнаго обязательства не распускать палаты; она разсчитывала, что въ такомъ случаѣ болѣе враждебные ей министры удалятся, и передѣланное министерство окажется готовымъ къ ея услугамъ. Рѣчь Дарю разстроила весь планъ этой кампаніи: противники министерства увидѣли, что они могутъ, въ случаѣ отставки всего министерства, произвести кризисъ болѣе сильный, нежели то имъ желательно, да и притомъ ничего не выиграютъ относительно обезпеченія палаты въ ея дальнѣйшемъ существованіи, а потому благоразумно отступили. Дарю, плохой ораторъ, притомъ читавшій свое заявленіе, и читавшій весьма дурно, одержалъ побѣду, которой могъ бы позавидовать первоклассный ораторъ. Однихъ онъ увлекъ, другихъ смирилъ своею искренностію, честностію и прямотою языка. Съ вчерашняго дня, это самый важный членъ кабинета. Надолго-ли? Надолго, если кабинетъ съумѣетъ не дать палатѣ перевести духа и самъ не устанетъ въ доведеніи обѣщанныхъ реформъ до конца. По правдѣ, я не смѣю разсчитывать на это, и боюсь, что черезъ двѣ недѣли, много черезъ мѣсяцъ, министры снова очутятся въ такомъ же неловкомъ положеніи, изъ котораго они такъ неожиданно поднялись, благодаря болѣе честности, нежели ловкости и силѣ. Кабинету нужна страшная популярность, чтобы подчинить себѣ и палату, нежелающую распуститься, и императора, нежелающаго ее распускать. Эту популярность кабинетъ имѣетъ въ настоящую минуту; но поддерживать ее нужно ежедневными усиліями.

Дарю посвятилъ нѣсколько строкъ своей рѣчи иностранной политикѣ, и говорилъ о мирѣ, какъ человѣкъ искренно того желающій, но въ тоже время неувѣренный въ продолжительности мира. Общество у насъ настроено миролюбиво и ни за что не хочетъ удаляться отъ вопросовъ внутренней политики; но послѣднія парламентскія событія въ Баваріи не мало насъ занимали. Нашего министра иностранныхъ дѣлъ считаютъ менѣе его предшественниковъ уступчивымъ

въ отношеніи къ Пруссіи. Но Дарю достаточно парламентаренъ, чтобы противъ воли палаты вмѣшаться въ чужія дѣла. Въ важномъ случаѣ онъ поспѣшилъ бы вынести на каѳедру всякій вопросъ внѣшней политики, чтобы заручиться мнѣніемъ страны. Мы положительно имѣемъ теперь увѣренность, что насъ не ожидаетъ никакая случайность, пока у дѣлъ останется нынѣшнее министерство. Имѣть такую увѣренность—не мало, даже очень много. Въ миролюбіи внѣшней политики насъ еще болѣе увѣряетъ то, что военный министръ согласился уменьшить будущій наборъ на 10,000 человѣкъ. При этомъ, конечно, не обошлось безъ борьбы между военнымъ министромъ и министромъ финансовъ; послѣдній, говорятъ, желалъ бо́льшаго сокращенія, но для начала хорошо и то. Можетъ быть, императоръ уступилъ съ сожалѣніемъ, но все же уступилъ. «Подвижная гвардія» (garde mobile), учрежденная съ такимъ шумомъ, и стоившая такихъ денегъ безъ всякихъ однако результатовъ, какъ извѣщаютъ, будетъ скоро уничтожена, и тогда наши военныя средства сократятся до прежней численности, предъ эпохою Садовы. Для насъ это совершенно удовлетворительно, и вполнѣ успокоительно для всѣхъ.

Въ послѣднее время прошелъ у насъ слухъ о союзѣ Франціи съ Россіей. Поэтому поводу могу сказать, что подобный слухъ у насъ никогда не пользуется популярностью; масса публики руководится при этомъ чисто сантиментальными взглядами, по поводу Польши; но люди серьезные не любятъ этого слуха потому, что союзъ съ Россіею можетъ возникнуть не иначе, какъ ради какого-нибудь большого вопроса, для разрѣшенія котораго нужна война и сопряженный съ нею рискъ. Но, въ концѣ концовъ, мы—миролюбивы такъ, какъ никогда; мы не любимъ Пруссію, и все же любимъ миръ; мы знаемъ, что наше положеніе въ Европѣ не то, что было прежде, и все же хотимъ мира.

Возвращаюсь къ внутреннимъ дѣламъ. Парламентское торжество министерства не могло быть не омрачено процессомъ П. Бонапарта. Тутъ ему много хлопотъ. Для династіи непріятно уже видѣть одного изъ своихъ членовъ на скамьѣ подсудимыхъ, и при томъ по обвиненію въ убійствѣ. Трудно утѣшаться смягчающими обстоятельствами, которыя безъ сомнѣнія будутъ найдены, но едва ли сами найдутъ себѣ признаніе въ обществѣ. Приговоръ обвинительной камеры уже опубликованъ; въ немъ удивило всѣхъ то, что, въ противность французской юстиціи, обвинители болѣе были озабочены оправданіемъ, нежели обвиненіемъ, и потому старались заподозрить показанія единственнаго свидѣтеля убійства де-Фонвьелля, пользовавшагося симпатіею своихъ политическихъ друзей и любовью всѣхъ знавшихъ его. Казалось бы, такія нападенія на свидѣтеля слѣдовало предоставить защитнику обвиненнаго.

Обвинительная камера поступила благоразумно, предоставивъ при-

сяжнымъ рѣшить вопросъ: было ли въ этомъ дѣлѣ нападеніе на принца, или онъ былъ вызванъ? Но исключительный характеръ ареста обвиненнаго, пользовавшагося почти полною свободою, чрезвычайно раздражилъ общественное мнѣніе, у насъ, гдѣ равенство составляетъ страсть, можно сказать, манію. Подозрительность въ публикѣ развилась теперь до того, что всякое наказаніе принца покажется мягкимъ, а между тѣмъ обстоятельства дѣла не требуютъ смертной казни. Для смягченія обвиненія, конечно, воспользуются тѣмъ обстоятельствомъ, что лица, передававшія вызовъ на дуэль, были вооружены, и слѣдовательно могли возбудить принца, хотя въ такое время всеобщаго раздраженія наша молодежь имѣетъ привычку носить съ собою револьверы, но это больше обычай, такъ какъ многіе изъ нихъ не умѣютъ даже порядочно владѣть своимъ револьверомъ. Обыкновенные присяжные при искусномъ адвокатѣ могли бы даже оправдать принца; но спеціальное жюри, какое будетъ избрано въ настоящемъ случаѣ, если не захочетъ угодить страстямъ общества, идущимъ черезъ-чуръ далеко, то во всякомъ случаѣ не пренебрежетъ и современнымъ состояніемъ и настроеніемъ умовъ. Я полагаю, что принцъ будетъ присужденъ къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія, несмотря на то, что 36 присяжныхъ, въ этомъ случаѣ, избираются изъ совѣтниковъ генеральныхъ совѣтовъ, и слѣдовательно лицъ, обязанныхъ своими мѣстами одному правительству. Въ усердіи ихъ сомнѣваться нельзя, но нѣтъ также причины думать, чтобы у нихъ совсѣмъ недостало такта принять въ соображеніе возмущенное чувство справедливости въ обществѣ.

На дняхъ, вышло новое, народное и иллюстрированное изданіе «Жизни Іисуса» Эрн. Ренана. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этой новой формѣ Ренанъ будетъ имѣть успѣхъ; но нельзя не пожалѣть, что его трудъ сдѣлался предметомъ чистой спекуляціи книжныхъ барышниковъ: банальныя и вульгарныя картинки, которыми украшена теперь «Жизнь Іисуса» очевидно разсчитаны на привлеченіе простодушныхъ покупщиковъ. Впрочемъ, это изданіе примѣчательно новымъ предисловіемъ Ренана, которое надѣлало шуму, несмотря на всеобщее увлеченіе политикою. На этотъ разъ, Ренанъ говоритъ, съ весьма почтенною независимостью, такія вещи, которыя, я боюсь, едва ли понравятся его поклонникамъ. Свободные мыслители во Франціи, собственно говоря, настроены враждебно по отношенію къ христіанству. Знакомые съ христіанствомъ не иначе какъ въ формѣ католичества, формѣ для нихъ ненавистной, они всегда съ наслажденіемъ повторяютъ слова Вольтера: «Ecrasez l'infame»! Къ католичеству они относятся радикально-отрицательно и безусловно-непримиримо. Ренанъ не таковъ; но наши свободные мыслители скрывали отъ себя это обстоятельство,

и видя въ Ренанѣ сильное орудіе противъ католичества, привѣтствовали съ энтузіазмомъ его литературную и ученую дѣятельность. И Ренанъ съ своей стороны не высказывалъ до сихъ поръ опредѣленно своего личнаго образа мыслей. Нынѣшній разъ онъ поступилъ искренне и высказался христіаниномъ, правда, не на католическій манеръ, такъ какъ онъ отвергаетъ все сверхъестественное, но на манеръ нашихъ протестантовъ-либераловъ. Впрочемъ, предоставлю самому Ренану слово. Мѣсто весьма любопытное и вы не посѣтуете за цитату:

«Христіанство — говоритъ Ренанъ — необходимо для нравственнаго и религіознаго воспитанія человѣчества, какъ изученіе греческихъ древностей необходимо для умственнаго воспитанія. Конечно, нѣтъ надобности разсматривать греческую и латинскую литературу, какъ нѣчто вдохновенное, для того, чтобы избрать ихъ основаніемъ воспитанія; точно также, нѣтъ надобности видѣть въ библіи и въ церкви нѣчто сверхъестественное, чтобы признать ихъ существенными основами прогресса образованія*). Въ теченіе восемнадцати вѣковъ, лучшее въ этомъ мірѣ совершалось подъ вліяніемъ христіанства. *Всякая страна, которая въ дѣлѣ своего моральнаго усовершенствованія будетъ вынуждена дѣйствовать безъ помощи христіанства, представитъ всегда въ своихъ учрежденіяхъ, повидимому, самыхъ прочныхъ, слабую сторону*».

Достаточно уже и этого, чтобы Ренану возбудить противъ себя свободныхъ мыслителей. Но онъ еще продолжаетъ: «Это замѣчаніе — говоритъ Ренанъ — я обращаю особенно къ французской демократіи. Я не принадлежу къ демократической партіи, и даже думаю, что эта партія оказываетъ плохую услугу тому дѣлу, которому она думаетъ служить. Но имя демократіи мнѣ дорого, если подъ нимъ разумѣютъ любовь къ народу и къ его дѣламъ, сопровождаемую убѣжденіемъ,

---

*) Новый случай для «Моск. Вѣд.» воскликнуть противъ «Вѣстника Европы», который, по ихъ мнѣнію, враждебно относится къ древнимъ языкамъ, и въ то же время, устами своего корреспондента приводитъ мнѣніе Ренана о необходимости изученія древнихъ языковъ для умственнаго воспитанія. Такъ «Вѣдом.» уже упрекали насъ, по поводу мнѣнія, высказаннаго о древнихъ языкахъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа Ауэрбаха. Мы имъ отвѣчали на послѣднее; тотъ же отвѣтъ можно повторить и теперь, съ присоединеніемъ небольшого замѣчанія. «Моск. Вѣд.», ратующія противъ реальнаго образованія, сообщили (№ 6, 1870 г.) о томъ, что въ Пруссіи изъ реальныхъ училищъ дозволяется записываться въ университетъ для слушанія лекцій. Но «Моск. Вѣд.» немедленно отнесли это обстоятельство къ числу «не имѣющихъ интересса для русскихъ читателей». Между тѣмъ это обстоятельство весьма интересно для русскихъ читателей, такъ какъ «Моск. Вѣд.» увѣряли ихъ, что за границею древніе языки одни даютъ право на слушаніе лекцій въ университетѣ, и поносили насъ всячески, когда мы настаивали на необходимости дать воспитанникамъ реальныхъ гимназій право слушанія лекцій въ университетахъ. «Моск. Вѣд.» третируютъ русскую публику en canaille; если за границею что-нибудь и есть хорошаго, то онѣ говорятъ нашей публикѣ: это не для васъ, это вамъ не интересно и знать! — *Ред.*

что общество въ сущности покоится на добродѣтели низшихъ классовъ. Французская демократія, независимо отъ своихъ добрыхъ качествъ, горячности и преданности, страдаетъ важнымъ недостаткомъ. Рьяная и завистливая, она претендуетъ установить счастье и права каждаго, безъ того, чтобы въ то же время проповѣдывать добродѣтель, самоотверженіе и самопожертвованіе. Часто говорятъ, что французская революція вышла изъ евангелія; это — полнѣйшее заблужденіе. Никто не былъ такъ мало ученикомъ Іисуса, какъ виновники революціи. Идея французской демократіи, это — идея правъ человѣка, доведенная въ своемъ развитіи до крайности. Точкою отправленія ей не служитъ милосердіе — самоотреченіе; она преслѣдуетъ одно правосудіе и тревожно ищетъ равенства. Все это доставляетъ могущество для разрушенія, но на этомъ нельзя ничего создать. Міръ держится отчасти идеаломъ и любовью. Ему нужна та обильная благость, которую распространялъ Іисусъ на все, чего онъ прикасался: ему нужна религіозная цѣль, мечта, нѣжное утѣшеніе слабому. Общество, гдѣ никто не любитъ, гдѣ никто не боготворитъ—не просуществуетъ. Тотъ жестоко ошибается, кто представляетъ себѣ человѣчество чѣмъ-то, если можно такъ выразиться, плоскимъ, гдѣ не должно быть ни подчиненія, ни взаимныхъ связей, ни цѣпи, связующей живого съ мертвымъ, ни уваженія, ни почитанія».

Вотъ замѣчательная страница! Я не скажу, чтобы частная мораль у насъ стояла на низшей ступени, нежели у сосѣдей; но, къ несчастью, справедливо и то, что извѣстная доля морали, необходимая для прочности всякаго политическаго строя и прогресса, замѣтно уменьшается у насъ. Ренанъ коснулся нашей язвы. Наша демократія тѣмъ менѣе способна къ преобразованію, что она считаетъ себя совершенствомъ съ самаго дня своего рожденія. Она считаетъ революцію самою совершенною реформою, недопускающею никакихъ измѣненій, прибавленій и сдѣлокъ. Посмотрите, какъ примутъ проповѣдь Ренана. Впрочемъ, я охотно признаю, что Ренанъ, въ извѣстномъ смыслѣ, зашелъ далеко въ своемъ христіанствѣ. Въ томъ же предисловіи онъ рисуетъ самоотверженіе такими красками, что, можно подумать, орденъ нищенствующихъ есть лучшій идеалъ христіанства. Нельзя однако не удивляться смѣлости Ренана, съ которою онъ рискнулъ своею популярностію.

Подобныя же идеи я нашелъ въ сочиненіи совсѣмъ другого рода: «Организація труда», сенатора Ле-Плэ. Несмотря на заглавіе и предметъ труда, авторъ далеко не соціалистъ, въ смыслѣ, напримѣръ, Фурьера, Луи Блана или Прудона. Конечно, еслибы онъ былъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, то онъ, вѣроятно, не былъ бы сенаторомъ. Но хотя онъ и сенаторъ, однако тѣмъ не менѣе ему нельзя отказать ни въ возвышенности образа мыслей, ни въ независимости

мнѣнія, ни въ большой учености. Ле-Плэ, еще болѣе чѣмъ Ренанъ, пораженъ признаками паденія французской цивилизаціи и вообще цивилизаціи современной. Оригинальность и великая заслуга Ле-Плэ заключается въ огромномъ научномъ аппаратѣ, множествѣ наблюденій и фактовъ, которые служатъ опорою его тексту. Будучи отличнымъ инженеромъ, онъ совершилъ много путешествій, управлялъ большими предпріятіями за границей, и именно въ Россіи, былъ даже въ Сибири, и вездѣ наблюдалъ за многообразными условіями рабочаго класса. Извлеченные имъ изъ опыта принципы безспорно хороши, но, къ сожалѣнію, едва-ли они примѣнимы. Напримѣръ, онъ считаетъ фамилію, собственную недвижимость—главнымъ условіемъ благосостоянія рабочаго; чтобы дойти до этой истины, не нужно много путешествовать; но какъ достигнуть того при современномъ развитіи промышленности въ городахъ? Я слышалъ, что Ле-Плэ, имѣющій большое вліяніе при дворѣ и пользующійся большимъ довѣріемъ императора, хочетъ учредить большое общество устройства жилищъ для рабочихъ по всей Франціи. Опыты тому уже были сдѣланы, при весьма значительныхъ средствахъ, и именно въ Мюльгаузенѣ. Но имъ вредитъ то, что по смерти первыхъ владѣльцевъ, дома должны быть проданы. Дома попадаютъ въ руки спекулянтовъ и работникъ обращается въ жильца; а желали именно противнаго. Если Ле-Плэ хочетъ успѣть, то ему нужно уничтожить нашъ законъ обязательнаго раздѣла наслѣдства и установить свободу завѣщать.

Мнѣ остается еще указать на значительный трудъ Эдг. Кинé: «Сотвореніе міра». Это нѣчто въ родѣ поэтической философіи природы, синтезъ фактовъ, добытыхъ современнымъ состояніемъ положительныхъ наукъ. Подобные смѣшанные труды, въ половину положительнаго характера, въ половину поэтическаго, обыкновенно бываютъ неудачны и мало удовлетворяютъ серьезныхъ людей. Но нельзя не сознаться, что избранный Эдгаромъ Кинé сюжетъ какъ нельзя болѣе соотвѣтственъ силамъ его мысли и пера. Пусть позитивисты запрещаютъ намъ всякія умозрѣнія, но духъ человѣческій не перестанетъ никогда углубляться въ догадочное рѣшеніе великихъ проблеммъ, ускользающихъ отъ разума. Эти попытки никогда не удадутся вполнѣ, но онѣ будутъ безпрерывно возобновляться, и если кто-нибудь на этомъ поприщѣ можетъ имѣть относительный успѣхъ, то это именно Кинé. Самые замѣчательные изъ его прежнихъ трудовъ: «Странствующій Жидъ» и «Волшебникъ Мерлинъ» принадлежатъ къ тому же роду, какъ и «Сотвореніе міра»: тамъ была философія исторіи, тутъ—философія природы.

Наша сцена въ эти два послѣдніе мѣсяца не сдѣлала большихъ завоеваній, и довольствовалась прежними пріобрѣтеніями. Театръ «Французской-Комедіи» представилъ дебютъ молодого поэта М. Маню-

эля, пьеса котораго, одноактная, «Рабочіе», касается слегка соціальнаго вопроса, но нѣтъ ничего раздражающаго; авторъ имѣетъ въ виду вызвать одну симпатію. Кромѣ этого счастливаго дебюта, я могу только упомянуть о весьма бурномъ возстановленіи на сценѣ одного изъ самыхъ матеріалистическихъ и самыхъ грубыхъ, но въ то же время хорошо построенныхъ произведеній Виктора Гюго: «Лукреція Борджіа». Пьеса понравилась. Она имѣетъ солидныя качества; что же касается ея недостатковъ, то самое злоупотребленіе, которое дѣлаютъ этимъ родомъ литературы, служитъ причиною того, что подобныя произведенія мало цѣнятся большинствомъ публики. Первое представленіе было скорѣе политическое, нежели литературное: апплодировали, видя намеки автора во всемъ, что̀ онъ говоритъ о фамиліи Борджіа. Конечно, такая оппозиція не представляетъ трудностей, но за то она не представляетъ и опасностей. Она можетъ быть непріятна, но она останется безвредною, пока правительство не впадетъ въ реакцію.

Post-scriptum. — Сегодня вечеромъ, когда я собирался заключить это письмо, министерство одержало новую и значительную побѣду; она замѣчательна тѣмъ, что сама лѣвая сторона была вынуждена подавать голосъ вмѣстѣ съ нимъ, между тѣмъ какъ крайняя правая оставила министерство безъ поддержки. Дѣло шло объ оффиціальныхъ кандидатурахъ, которыя покинуты Эмилемъ Олливье безъ всякихъ оговорокъ. Все это создало новое положеніе вещей и сообщило большую увѣренность въ возможности основать либеральную имперію, но, конечно, съ условіемъ, что императоръ не стѣснитъ ничѣмъ своихъ министровъ, и что̀ весьма сомнительно въ настоящій моментъ.

Н.

ПЕРВЫЕ И ПОСЛѢДНІЕ ШАГИ.

По поводу выставки произведеній гг. Айвазовскаго и Каменскаго.

Въ русскомъ искусствѣ чаще приходится подводить итоги, чѣмъ открывать новые счеты, и хорошо еще, когда послѣдніе не заключаются на первой же страницѣ.... Русскій талантъ недолговѣченъ, какъ и русское лѣто — мелькнетъ, пообѣщаетъ, и нѣтъ его. Покуда собирался нѣжиться подъ его теплыми лучами, смотришь, и самыхъ лучей уже не стало! Не отъ того-ли спѣлый плодъ дарованія у насъ такая же рѣдкость, какъ спѣлое яблоко въ Петербургѣ? Люди свѣду-

щіе утверждаютъ, будто это происходитъ именно отъ солнца, и члены общества садоводства изыскиваютъ, какъ слышно, практическія средства для доставленія зрѣлости яблокамъ, а члены общества поощренія художествъ — дарованіямъ. Проектъ акклиматизаціи послѣднихъ былъ даже разосланъ на обсужденіе избранныхъ вертоградарей искусства. Проектъ очень милъ, и остается лишь пожалѣть о томъ, что сочинитель его призываетъ солнце и тепло исключительно на головы людей, подвизающихся кистями и рѣзцомъ, какъ-будто перья, циркули, реторты и другія орудія искусства и науки такъ уже освоились съ тьмою, что о нихъ и заботиться не стóитъ! Можно, напротивъ, увѣрить г. автора, что лопаты, напримѣръ, или желѣзные ломы петербургскихъ дворниковъ еще болѣе выиграли бы отъ южной зимы, чѣмъ Академія художествъ, пересадить которую проектируется въ Кіевъ. Уже о чиновникахъ и говорить нéчего—ихъ желтыя лица моментально разцвѣли бы, безъ различія классовъ и окладовъ, и поле отечественной бюрократіи покрылось-бы розами, взамѣнъ желтой цикоріи и одуванчиковъ.... Имѣя въ виду все это, нѣтъ повода сердиться на садоводственные пріемы проекта, пересаживающаго людей какъ овощи,—надо сожалѣть развѣ о маломъ числѣ избранныхъ для пересадки.

Въ самомъ дѣлѣ, читатель, я весьма сочувствую положенію Академіи художествъ, обреченной видѣть на берегу Невы «огромные сфинксы» въ то время, какъ ей обѣщаютъ показать на Крещатикѣ памятникъ Богдана Хмельницкаго, пока еще непоставленный, и прибавлю— къ счастью, потому что если онъ будетъ поставленъ, то господиномъ Микѣшинымъ — «академикомъ, какъ извѣстно, за композицію».... Я до такой степени сочувствую столь отчаянному положенію, что обѣщаю заранѣе восхититься и тою оперою, которую напишетъ новопризнанный «композиторъ» на Крещатикѣ; но все это однакоже при одномъ условіи, чтобы тутъ же непремѣнно скрипѣли чиновничьи перья и шаркали лопаты, за одно съ мягкимъ движеніемъ кистей и звукомъ рѣзцовъ.... А то, подумайте только: тамъ пишутъ удивительныя картины, сѣкутъ поразительные мраморы, г. Микѣшинъ даже сочиняетъ оперу, — а тутъ отъ того, что гдѣ-то какой-то мостъ сгорѣлъ, и холодъ и голодъ усиливаются, и кругомъ выступаютъ такія картины, какихъ нигдѣ, при самомъ лучшемъ освѣщеніи, не увидать мыслящему и наблюдающему художнику! Вы тамъ изображаете намъ ликующую жизнь и жирные вареники хохла,—а тутъ фунтъ мяса стóитъ двадцать копѣекъ, и пѣвица Маркизіо простуживается! Но пусть еще себѣ мясо дорожаетъ и синьора Маркизіо простуживается— это хоть понять можно: на мосту сгорѣли быки, и быки должны быть дороже; г-жа Маркизіо захотѣла отмстить за г-жу Лукку, и ей за это отмстила Мста; а зачѣмъ, казалось бы, дорожать извощикамъ? Вѣдь

говядины они также мало вкушаютъ, какъ и итальянской оперы. Можетъ быть, они тоже простудились? Но если даже и они — простудились, то отчего вздорожали и стали рѣдки квартиры? Вѣдь не перешли же эти люди въ бель-этажи, во избѣжаніе простуды на будущее время? Говорятъ, всѣ квартиры заняло человѣчество, сообщающее разными путями, кому слѣдуетъ, деньги, для полученія еще больше денегъ за свои пути сообщенія.... Вѣрно одно, что многіе путные граждане остались на зиму безъ квартиръ и вынуждены были прибѣгнуть въ выселенію семей куда ни попало. Словомъ, чтó бы ни случилось, а Петербургъ отдувайся за все.

И вотъ, однако, окруженный напастями со всѣхъ сторонъ, отчаянный городъ продолжаетъ взирать на сфинксовъ и композиторствовать съ г. Микѣшинымъ, ѣстъ мясо (на какія только деньги?), ѣздитъ на рысакахъ и давитъ тѣхъ, кто на нихъ не ѣздитъ, слушаетъ простудившихся пѣвцовъ, выпускаетъ въ одинъ вечеръ по семи тысячъ въ камеліяхъ къ ногамъ танцовщицъ, которыя даже не удостоиваютъ попирать ихъ своими дорого стоющими подошвами, а предоставляютъ тутъ же выметать половою щеткою; принимаетъ китайцевъ и генерала Флёри; не принимаетъ никакихъ отговорокъ по части скобленія тротуаровъ, которые безъ этого не представляли бы и половины опасности для обывательскихъ носовъ и затылковъ; Невскій проспектъ чуть не натираетъ воскомъ; строчитъ предписанія и отношенія, сочиняетъ проекты обрусенія (все это во мракѣ-то?), выставляетъ телятъ и нéтелей, покровительствуетъ искусствамъ и не покровительствуетъ литературѣ.... словомъ, дѣлаетъ видъ, какъ-будто онъ и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ неугрожаемъ, будто онъ сытъ и прикрытъ отъ ненастья, будто въ немъ половина населенія не щелкаетъ зубами отъ голода и холода, покуда другая половина платитъ по 20 копѣекъ за фунтъ говядины и устилаетъ цвѣтами путь «европейскимъ талантамъ» — чтобъ, значитъ, Европа чувствовала.... Не знаю, какъ кому, а мнѣ выметенный и устланный процентными бумагами и камеліями Петербургъ представляется мрачною «citta dolente» Данта; вывѣска мясной лавки, съ золотымъ быкомъ на лазоревомъ фонѣ — надписью на воротахъ ада: «laschiate ogni speranza!» Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство должно обуревать петербуржца, несущаго пустой желудокъ мимо этого золотого тельца? На окнахъ лавки Елисѣева я недавно видѣлъ горшки съ кустиками зрѣлой земляники, и задалъ себѣ задачу: сколько заключаетъ каждая ягодка обѣдовъ бѣдняка? Оказалось, что заключаетъ ихъ достаточное количество, ибо каждый кустикъ продается по 25 рублей, а ягодъ на немъ штукъ по двѣнадцати.... Пройдя сто шаговъ, я встрѣтилъ оборваннаго и стараго человѣка, непьянаго, который съ какимъ-то отупѣніемъ твердилъ вслухъ, глядя въ землю: «говядина—двадцать копѣекъ!—съ нами Богъ!...» и опять: «говядина—

двадцать копѣекъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! Съ нами Богъ! говядина—20 копѣекъ!» Пока еще мстинскіе быки были цѣлы, въ одно служебное мѣсто является изнемогшій отъ лишеній всякаго рода, съ цынгой во рту, заштатный чиновникъ и проситъ себѣ занятій писаря,—а это значитъ 10 рублей въ мѣсяцъ.

— Мнѣ не достаетъ десяти рублей, чтобъ имѣть возможность ѣсть мясо,—безъ мяса, говоритъ докторъ, я умру.... а купить его не на что....

Ему доставили тогда эту возможность. Спрашивается, сколько онъ съѣстъ его теперь? и кому будетъ хуже отъ Мсты — доннѣ-ли Маркизіо или ему?

Да, Петербургъ ужасный городъ, г. сочинитель кіевскаго проекта! И вы не вѣрьте ему на Невскомъ проспектѣ, на Сергіевской и въ Михайловскомъ театрѣ! Повѣрьте ему лучше, если можете, на заднихъ дворахъ и черныхъ лѣстницахъ (которыя правильнѣе бы назвать кромѣшними) даже красивыхъ домовъ, съ владѣльцами, сѣющими камеліи на театральномъ полу: гдѣ горитъ газъ, покуда не спитъ оберъ-полицiймейстеръ, тамъ витаютъ такіе газы, когда онъ уснетъ, что отъ нихъ можно и не проснуться обывателю, заплатившему свои часто пбтомъ добытые рубли за то, будто бы, что «нонче на этотъ счетъ строго!» А потому, спѣшите, пожалуйста, развить вашъ любезный проектъ! будьте до конца добры, дайте намъ всѣмъ выбраться изъ этого гнѣзда дѣйствительнаго мрака и нищеты, искусственнаго газоваго свѣта и роскоши; унесите насъ отъ нашей общей матери золотухи и батюшки тифа... А покуда, пусть уже мы всѣ, безъ раздѣленія сословій и спеціальностей, будемъ тащить это бремя, и въ полу-тьмѣ разсматривать произведенія нашихъ художниковъ, черпающихъ (и иногда не мелко) изъ одного съ нами источника лишеній и гнета осѣдлавшей насъ жизни... Вы желаете идеализировать ихъ взоры и влить розовенькаго романтизма въ бурую бурду существенности? Нѣтъ, пусть ужъ они смотрятъ глазами хоть грубой, но вѣрной дѣйствительности, на ея грубость и язвы, на ея рѣдкіе и блѣдные, но тѣмъ болѣе дорогіе, лучи свѣта. Оставьте ихъ дѣтьми этой строгой, общей матери, и пусть она выноситъ ихъ въ своемъ чревѣ какъ и насъ,—тогда только ихъ горе и радость будутъ нашимъ горемъ и радостію, тогда только мы отзовемся на нихъ... Художникъ долженъ быть воплотитель того, что̀ носитъ въ себѣ, молча или безсознательно, все общество, котораго онъ чадо, а не нарядная прелестница, красующаяся гдѣ-то тамъ, въ своемъ прекрасномъ далекѣ, чтобы увѣрять насъ, будто нѣтъ ни тьмы, ни борьбы, а есть одно вѣчное ликованіе... И пускай розовый романтизмъ достигаетъ берега своими послѣдними ослабѣвшими шагами! дайте дорогу первымъ здоровымъ шагамъ реализма на поприщѣ родныхъ искусствъ. Пускай художники поспѣютъ за литературою, и от-

празднуютъ, какъ она, юбилеи корифеевъ романтизма. Онъ успѣлъ послужить довольно и дѣлу и дѣятелямъ—не помянемъ же его лихомъ...

Вотъ сама Академія, въ своихъ стѣнахъ, наглядно представляетъ вамъ этотъ конецъ и это начало—въ произведеніяхъ маститаго пейзажиста и молодого ваятеля. Первый, своими яркими, поразительными тонами и пріемами, ослѣпляющій болѣе тридцати лѣтъ сряду наши взоры, выслуживаетъ полную гражданскую пенсію... Второй, только два года назадъ занесъ въ свой формуляръ первое отличіе за свою «Вдову».

Никто, къ сожалѣнію, не велъ точнаго счета холстамъ, вышедшимъ картинами изъ-подъ рукъ г. Айвазовскаго, но онъ самъ, какъ мы слышали, приблизительно насчитываетъ ихъ до трехъ тысячъ. Производительность по-истинѣ изумительная и которая поклонниками южнаго солнца можетъ быть объяснена, пожалуй, вліяніемъ этого свѣтила на художника — уроженца и жителя юга. Если же этотъ изумительный успѣхъ производства переложить на успѣхъ сбыта (всѣ картины г. Айвазовскаго всегда продавались, и притомъ по цѣнамъ отъ десяти тысячъ и болѣе, до минимума нѣсколькихъ сотъ рублей за каждую), то окажется, что можно быть не разъ милліонеромъ, родившись однажды романтикомъ. Позволительно однако усумниться, чтобы успѣхъ этого необыкновеннаго дарованія, въ свое время совершенно заслуженный, могъ повториться, еслибы г. Айвазовскій еще повторился во всемъ его первоначальномъ блескѣ. Даже продолжающаяся знаменитость его должна быть отчасти объяснена привычкою, отчасти отсутствіемъ равносильнаго таланта, развитого на реальномъ поприщѣ. Дался ему успѣхъ сразу, какъ и итальянской музыкѣ, и продержался, какъ она, до созрѣвшихъ новыхъ требованій и пониманій въ искусствѣ. Въ его живописи та же внѣшность поэзіи, доступность формы и пріубранность, фіоритурность красокъ: какъ и она, онѣ горятъ, онѣ блестятъ, онѣ свѣжи и почти импровизированы. Та и другая не ищутъ, не добиваются, но или берутъ свое alla prima, или проходятъ не касаясь предмета, дѣлаютъ *fiasco*. И той и другой не къ лицу серьезная важность—тутъ онѣ обнаруживаютъ всю свою несостоятельность. Пѣть какъ поется, писать какъ пишется—должно быть ихъ девизомъ. А все-же къ чему не быть откровенными: итальянской музыкѣ, какъ и живописи г. Айвазовскаго, мы обязаны не одною минутою наслажденія. Покуда первая баюкаетъ своею задушевною кантиленою, легкою какъ жизнь Италіи, ее нашептавшею, такъ хорошо грезится, такъ ей подпѣвается... Пока нашъ пейзажистъ довольствуется водою, воздухомъ, пространной далью, игрою мѣсяца на волнахъ, туманомъ, который заволокъ ущелья, обнялъ и перевилъ горы тонкими лентами легкой дымки; покуда онъ разливаетъ потоки свѣта съ яснаго бездоннаго неба на цѣпи высоко сверкающихъ снѣговъ, бороздитъ колесами пароходовъ рѣки; сводитъ

задумчивыя ночи на тихіе хутора, клубитъ сѣрыя тучи надъ сѣрымъ и бушующимъ моремъ, гонитъ ураганы и вообще распоряжается стихіями—съ искусствомъ, смѣлостію, вкусомъ и наблюдательностью ему свойственными—до тѣхъ поръ онъ въ своей сферѣ... Всюду, гдѣ онъ пользуется мотивами, съ дѣтства ему натверженными красивою южною природою, мотивами, которые онъ успѣлъ полюбить и до того выносить въ себѣ, что всегда можетъ ихъ воспроизвесть на память, какъ неучившійся музыкѣ воспроизводитъ ее по слуху,—словомъ, тамъ, гдѣ онъ только Айвазовскій,—онъ талантливый и симпатичный мастеръ, не даромъ снискавшій себѣ популярность. Но да упасутъ боги всякій талантъ отъ заблужденія, что можно, не учась и не домогаясь, не проводя мѣсяцевъ и годовъ въ томительномъ высматриваніи тайнъ и подробностей природы, похитить тайну ея скрытой красоты, не яркой и не случайной, не красоты мгновеній, а той вѣчной и неизмѣнно спокойной красоты, которая лежитъ въ ней независимо отъ момента и отъ мѣста, отъ юга или сѣвера,—все равно, блѣдная-ли то береза осѣняетъ убогій долъ, или пальма раскинула свой зонтикъ надъ золотомъ полуденной пустыни.—Извѣстнымъ сочетаніемъ красокъ, искусствомъ противупоставленія контрастовъ освѣщенія, вѣрностью общаго тона и вкусомъ можно достигнуть условной прелести, даже повѣять воспоминаніемъ чего-то видѣннаго, испытаннаго, дать почувствовать правду данной минуты, даннаго впечатлѣнія, передать, такъ сказать анекдотъ изъ жизни природы; но чтобы представить ея живой отрывокъ, уловить на холстъ образъ ея *вѣчной* красоты, пахнуть самою непосредственностію ея жизни — всего этого нельзя сдѣлать однимъ искусствомъ техники и знаніемъ ея пріемовъ. Г. Айвазовскій, безспорно, поэтъ (хотя и изъ школы Бенедиктова и Марлинскаго), на его картинахъ можно указать цѣлыя части, написанныя въ минуты истиннаго вдохновенія и рядомъ такія, которыя дописывались холодно, чтобъ только вышла картина. Онъ спѣшитъ, потому что и вдохновеніе торопится — оно неспособно горѣть долго; а между тѣмъ, ремесло живописи требуетъ времени, какого, напримѣръ, не требуетъ слово: послѣднее кладетъ своимъ эпитетомъ сразу и прямо ту краску, какая нужна, тотъ оттѣнокъ, для воспроизведенія котораго живописи надо возиться съ политурой, подмалевывать, писать, выжидать, чтобъ подсохло и лисировать уже по сухому... Нѣтъ никакой возможности не перепламенѣть, въ теченіи сутокъ, покуда холстъ сохнетъ!.. А между тѣмъ, вдохновеніе, вылившееся въ водѣ или влетѣвшее въ воздухъ, заставляетъ ждать своего прихода для остальныхъ частей картины. Художникъ не ждетъ—и картину дописываетъ уже кобальтами и киноварью, тамъ гдѣ нужны краски природы. Отъ этого нѣтъ почти ни одного произведенія г. Айвазовскаго вполнѣ выдержаннаго: вездѣ — изумительныя отдѣльности и несостоятельность цѣлаго; вспышки вдох-

новенія и потоки риторики или рутины. Зеленая влага его волнъ достигаетъ часто прозрачности и сырости почти реальныхъ—ощутительныхъ. Хочется зачерпнуть этой воды, окунуться въ нее. Вода Ріона (на настоящей выставкѣ)—это вѣрная до точности передача характера горныхъ рѣчекъ, питаемыхъ вѣчными льдами (глетчерами)... Воздухъ его умѣетъ быть глубокимъ до того, что иной разъ просунулъ-бы, кажется, руку сквозь холстъ... И рядомъ съ этимъ деревья, первые планы земли и горъ, фигуры и другіе иностранцы, какъ-бы на зло самому себѣ впущенные пейзажистомъ въ свой художественный домъ, производятъ постоянно тамъ ужасающій безпорядокъ! Не станемъ касаться подробно того отдѣла произведеній г. Айвазовскаго, въ которомъ проявляется его невѣроятное суевѣріе во всемогущество пейзажа, гдѣ онъ мнитъ волшебнымъ мановеніемъ этого слабѣйшаго изъ орудій живописи вызывать въ образахъ и очертаніяхъ «духъ, носящійся надъ бездною», «первобытный хаосъ міросозданія» и т. п. Это заблужденіе, надо полагать, случайное, болѣзнь, отъ которой художникъ вылечился самими произведеніями, ею вызванными... Тутъ уже слѣдуетъ удивляться не тому, что духъ вышелъ какою-то бѣлою летучею мышью, а хаосъ не тѣмъ грандіознымъ хаосомъ, о которомъ мечталъ художникъ, но простымъ безпорядкомъ красокъ перепачканной палитры,—нѣтъ, надо изумляться, какъ такой знатокъ дѣла могъ ожидать, что выйдетъ иначе.. Я, пожалуй, знаю одного пейзажиста, — правда совершенно бездарнаго,—который изобразилъ посредствомъ пейзажа «безсмертіе души»; да и то собственно онъ этого не изображалъ, а сдѣлалъ кавказское ущелье и въ немъ ѣдущаго русскаго офицера верхомъ. Безсмертія тутъ, какъ видите, нѣтъ еще никакого и не было-бы, еслибъ чеченецъ не поспѣшилъ обязательно подстрѣлить офицера, какъ куропатку. Здѣсь оно собственно и начинается. Для этого нѣкоторая молодая особа съ крыльями за спиною, какъ это бываетъ въ балетахъ, спускается съ очень плохо написаннаго воздуха къ офицеру, которому воронъ клюетъ въ свою очередь очи. Мораль картины такая: всякій офицеръ, какъ и куропатка, состоятъ изъ тѣла и души; душа, по крайней-мѣрѣ, у офицера, безсмертна; а такъ какъ она безсмертна, то ее и уносятъ въ плохо написанное небо; тѣло же—земля еси, и потому составляетъ снѣдь ворона. Конечно, все это въ своемъ родѣ безсмертно; но не раскрой снисходительно самъ хухожникъ всѣхъ тайнъ его произведенія, и зрителю оставалось-бы только постоять надъ картиною и отойти, сказавши, какъ у Гоголя: «чортъ знаетъ что такое!»

Вообще вторженія въ чужую область въ мірѣ искусства дѣло всегда рисковое и никогда не свидѣтельствуютъ о дальновидности художника. Нѣтъ никакой возможности вообразить себѣ, что цвѣтъ можно передать звукомъ, а мелодіею изобразить краску; идею безплотную никакъ не воплотишь въ образъ, а развѣ только въ безобразіе! Танцовальными

на можно передавать все, что угодно, кромѣ движеній души; и если въ балетахъ изображаютъ великодушіе, месть, властолюбіе, даже патріотическія чувства и самую смерть, посредствомъ подкидыванія все однихъ и тѣхъ-же ногъ, то посѣщающимъ Большой театръ художникамъ можно посовѣтовать только не принимать этихъ уроковъ Терпсихоры за преподаваніе имъ правилъ искусства. Это она преподаетъ нѣчто совсѣмъ другое, и кому-то совсѣмъ другому, а не имъ...

Область пейзажа опредѣлена точными границами, и только въ нихъ пейзажисту дано проявлять свою власть. Для этого онъ имѣетъ, во-первыхъ, *марину*, то-есть передачу воды и воздуха — это первый, простѣйшій видъ пейзажиста,—представителемъ его можетъ служить нашъ Айвазовскій; далѣе, собственно *пейзажъ*, или изображеніе земли и скалъ, растительности, воды, съ незначительными, въ видѣ аксессуарныхъ пятенъ, зданіями и фигурами людей и животныхъ, — таковъ Каламъ; наконецъ—соединеніе марины и пейзажа, съ прибавленіемъ цѣлыхъ рядовъ зданій, городовъ и фигуръ, играющихъ роль болѣе чѣмъ пятенъ, но входящихъ, такъ-сказать, органически въ тѣло пейзажа. Мы знаемъ лучше другихъ въ этомъ родѣ дюссельдорфскаго Андрея Аахенбаха. Это самый полный видъ пейзажиста. Сообразно сложности перечисленныхъ видовъ, усложняются и обязанности пейзажиста: то, чего достаетъ для перваго, окажется весьма недостаточнымъ для втораго, а третьему уже понадобится сумма средствъ ихъ обоихъ. Вотъ почему однимъ врожденнымъ дарованіемъ, какъ бы имъ щедро ни надѣлила природа, не дойти до Калама и еще менѣе не возвыситься до А. Аахенбаха. Тутъ нужно долгое, настойчивое и терпѣливое преслѣдованіе цѣли, тѣ высиживанія и высматриванія, копированіе съ натуры этюдовъ при данномъ освѣщеніи, въ данномъ пунктѣ, о которыхъ говорено выше; тѣ выскабливанія и стиранія красокъ, переписыванье и передѣлыванье, которыми реалистъ Аахенбахъ доходитъ до животрепетанія природы въ своихъ добросовѣстныхъ и высокодаровитыхъ произведеніяхъ.

Я не даромъ заговорилъ объ Аахенбахѣ. За неимѣніемъ своего первокласснаго таланта по части пейзажа реальнаго, наши современные художники чутко поняли, что свѣтъ имъ долженъ идти пока изъ Дюссельдорфа. Первый примѣръ благотворнаго вліянія замѣтно выразился въ г. Боголюбовѣ. Смолоду увлеченный обаяніемъ г. Айвазовскаго, онъ скоро почувствовалъ, что Айвазовскимъ сдѣлаться нельзя потому, что имъ надо родиться. И вотъ онъ, съ твердостію и настойчивостію, столь рѣдкою въ русскомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе художникѣ, да еще избалованномъ ранними лаврами Академіи и легкимъ успѣхомъ мариниста, заперся въ студію европейскаго мастера, и тамъ, позабывъ на-скоро пріобрѣтенное, принялся учиться съ азовъ, и выучился въ дѣльнаго, реальнаго, хотя, правда, и не самостоятельнаго,

пейзажиста. Природа далеко не такъ богато наградила г. Боголюбова, но трудомъ и волею онъ взялъ свое и расширилъ первоначальное узкое поприще до предѣловъ полнаго пейзажа... Если-бы г. Айвазовскій способенъ былъ столько потрудиться, мы имѣли-бы своего Аахенбаха, и имя его заняло бы мѣсто не въ одной нашей, но и въ общеевропейской живописи. Къ сожалѣнію, лѣнь и талантъ родятся почти всегда вмѣстѣ, и оттого-то вертоградъ нашихъ искусствъ особенно пестрѣетъ цвѣтами и надеждами, но не особенно плодами и достиженіями... Иначе незачѣмъ было-бы нашимъ академикамъ и профессорамъ браться за дюссельдорфскую указку теперь, какъ они брались за женевскую прежде—въ студіи Калама. Мимолетное вліяніе г. Айвазовскаго на молодыхъ художниковъ всегда оканчивалось рано, а тѣ, которые подъ нимъ оставались долѣе, увидѣли нѣсколько поздно, что идти по его торному слѣду нельзя, и принялись все-таки пробивать себѣ дорогу сами. Одинъ изъ даровитѣйшихъ пейзажистовъ нашихъ, г. Лагоріо, началъ свою карьеру подъ руководствомъ знаменитаго ѳеодосійскаго маринниста, а довершилъ ее только за этюдомъ и рисункомъ въ Римѣ, испытавъ прежде всю сладость извѣстности и скораго сбыта своихъ картинъ на родинѣ. Этотъ періодъ его дѣятельности такъ навсегда и остался лучшимъ въ артистической жизни. Въ студіи природы и подъ *ея* указкой онъ писалъ такъ, какъ ни прежде, ни послѣ уже писать не могъ; и прекрасное его дарованіе закрыло свой счетъ въ то время, когда только-бы и ждать отъ него капитальныхъ вкладовъ...

Въ мастерской Калама я видѣлъ увѣнчаннаго Академіею г. Мещерскаго — съ карандашомъ въ рукѣ, копирующаго рисунки своего учителя, и академика Эрасси, все еще сидящаго на этюдахъ. И эти извѣстные художники, конечно, не краснѣютъ за свои воспоминанія... Два знаменитые пейзажа, сдѣланные Каламомъ для нашей Академіи: «Тишина и буря», долго служили школою для пейзажной молодежи; на копіяхъ съ нихъ выучился не одинъ молодой талантъ первымъ шагамъ въ своемъ дѣлѣ... Можетъ быть, безъ такихъ приготовленій мы не имѣли бы теперь ни тѣхъ зрѣлыхъ, хотя значительно еще ошвейцаренныхъ и не вполнѣ еще самобытныхъ, художниковъ, какъ гг. Мещерскій и Эрасси, ни наслѣдовавшихъ имъ, уже гораздо болѣе самостоятельныхъ мастеровъ, Дюккера и барона Клодта. У этихъ уже пейзажъ не отзывается чужими отголосками далекихъ Альповъ, онъ заводитъ свои, незатѣйливые, но близкіе, душѣ мотивы родной природы... Двое Каменевыхъ, Шишкинъ и другіе съ меньшимъ противу нихъ талантомъ, но съ одинаковою послѣдовательностью, идутъ по тому-же пути... Теперь, кажется, можно предсказать, не слишкомъ забѣгая впередъ, близкое появленіе новой жизни въ нашемъ пейзажѣ, — дождаться-бы ему только своего Ѳедотова. Гоголь нашей бытовой живо-

писи, Ѳедотовъ выдвинулъ ее разомъ и вѣрною рукою на настоящій путь. Цѣлая вереница дарованій, болѣе или менѣе надежныхъ, болѣе или менѣе прилежныхъ, но всегда чуткихъ однажды данному лозунгу, создала уже цѣлую школу реальнаго и мыслящаго жанра, увлекая своимъ потокомъ даже модныхъ дамскихъ портретистовъ, которые скоро дѣлаются самыми крупными ея пріобрѣтеніями. Общность направленія вызываетъ общность интересовъ, и вотъ вся эта талантливая молодежь складывается въ «художественную артель»,сходится по вечерамъ рисовать и бесѣдовать, набираетъ съобща заказы, для поддержанія средствъ къ жизни и наконецъ предпринимаетъ и издаетъ (хотя на первый разъ и невполнѣ удовлетворительно, что́ она, конечно, лучше другихъ сама знаетъ) альбомъ произведеній годичной художественной выставки. Таковы первые видимые шаги реализма въ нашемъ искусствѣ. Далѣе будетъ случай указать еще на другіе...

Обращаясь къ настоящей причинѣ нашей статьи — выставкѣ картинъ г. Айвазовскаго, можно назвать предстоящіе передъ нами 15 большихъ видовъ Кавказа (изъ нихъ одинъ даже громадный) краткой христоматіей знаменитаго профессора. Тутъ есть образцы всего, что́ онъ когда-либо производилъ и образцы того, ка́къ онъ производилъ: здѣсь и давно-знакомая южная ночь съ извѣстною игрою мѣсяца на круглящейся поверхности моря, — такая-же мечтательная, такая-же чисто Айвазовскаго ночь... Здѣсь и влажное дыханіе ущелій, и дымка облаковъ на чреслахъ голубоватыхъ горъ... Тутъ-же и безпокойныя фигуры,—земля и деревья первыхъ плановъ, и фіолетовый Тифлисъ (чѣмъ нѣсколько сконфужены гг. кавказцы), и превосходная, совсѣмъ водяная волна—одна въ цѣлой картинѣ,—и весьма эффектно окрашенный малиновою зарею Гунибъ (на этотъ разъ къ общему энтузіазму гг. кавказцевъ), и битва русскихъ съ кабардинцами, такая кровавая, что потокъ, ниспадая съ страшной высоты, доноситъ въ пропасть не смѣшанныя съ водою струи крови (явленіе непредусмотрѣнное физикою), а убитые мюриды своимъ полетомъ внизъ головою напоминаютъ даже, грѣшнымъ дѣломъ, извѣстное пареніе духа надъ бездною... Но тутъ же опять чудная панорама снѣжной цѣпи Кавказа, залитая цѣлымъ потокомъ свѣта съ яснаго полуденнаго неба... Рядомъ задумчивый малороссійскій хуторокъ ночью (ночь — всегда добрая муза г-ну Айвазовскому)... Наконецъ — египетскія пирамиды (съ удивительной силой освѣщенія), и Суэзскій каналъ, который недавно видѣлъ художникъ... Словомъ—тутъ въ извлеченіи весь Айвазовскій, и если когда, то именно теперь итогъ ему подводится самъ собою. Даже трактуя въ первый разъ страну имъ никогда невиданную и неписанную, художникъ является тѣмъ же живописцемъ Крыма и Константинополя, столько намъ всѣмъ знакомыхъ и такъ много разъ видѣнныхъ. Да и не послѣ тридцатилѣтней слишкомъ практики на одномъ и томъ же по-

прищѣ родятся новая жизнь, новый характеръ, новый пріемъ!... Сошлюсь на кончающихъ лучшихъ дѣятелей нашей литературы. Доказательствомъ значительной живучести дарованія художника служитъ уже то, что картины, написанныя ветераномъ пейзажа, да еще послѣ «парящихъ духовъ» и «хаосовъ», въ состояніи напомнить прежняго, до-хаосной эпохи, Айвазовскаго. Такъ кончать не всякому удается. А что нашъ профессоръ кончаетъ, какъ и наши писатели-ветераны,— въ этомъ, вѣроятно, не сомнѣваются ни они, ни онъ. И потому, сколько бы еще ни исписалъ онъ холстовъ, а все-таки будетъ знать, что кончилъ... и, подводя итогъ, можетъ сказать себѣ: съ честью кончилъ!

Но, подобно тому, какъ въ природѣ, конецъ чего-нибудь всегда совпадаетъ съ началомъ чего-нибудь, въ искусствѣ конецъ одного направленія всегда сливается съ началомъ другого. Переступите порогъ, за которымъ вы оставили послѣдніе шаги громкаго, многолѣтняго шествія—и передъ вами предстанутъ первые шаги только-что входящаго въ область искусства ваятеля.

Конецъ и начало художественной жизни! На какія размышленія они наводятъ! Сколько ожиданій, золотыхъ надеждъ, тревоги и робкихъ опасеній, съ одной стороны,—безумной удали и унынія! сколько задачъ и несокрушимой готовности стремиться и достигать! какой избытокъ силы!... А съ другой—усталость и разочарованіе, если не равнодушіе, сплошная горечь въ малой каплѣ сладости, оставленной успѣхомъ, котораго когда-то такъ мучительно и не щадя силъ добивался, который не давался такъ упорно, такъ сокрушительно долго!... Не всѣмъ нестись на легкихъ его крыльяхъ, — большинство плетется на собственныхъ ногахъ, и счастливъ, кто донесетъ ихъ до привала непереломанными отъ пути...

А нашъ ваятель, надо сознаться, выступаетъ надежными и собственными ногами. Тѣмъ пріятнѣе пожелать ему—счастливаго пути, и въ добрый часъ!

Маленькая выставка его не блистаетъ количествомъ, ни затѣйливостью произведеній—

Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ!

Нѣтъ мокрыхъ драпировокъ, заимствованныхъ у антиковъ; художникъ не усиливается состязаться съ тою жизнію, тѣми представленіями объ искусствѣ, которыя сложились не при немъ, разработаны и воспроизведены прежде него: онъ ищетъ около себя, видитъ жизнь, которая кругомъ ходитъ, людей, которые подлѣ живутъ, и одѣваетъ ихъ въ платья, какія они носятъ—сухія, вседневныя платья, сшитыя

по образу и подобію нашихъ. Самое большее чтó онъ себѣ позволяетъ, такъ это раздѣть совершенно крошечныхъ ребятъ и воспользоваться всею прелестью ихъ пухленькихъ формъ и уморительно-милыхъ движеній, заставивъ прятаться подъ широкимъ лопухомъ отъ падающаго сверху дождя. Зато надо видѣть эту комическую серьезность, почти торжественность, мальчика, который, держа надъ головкою лопухъ, сознаетъ необыкновенную важность исполненнаго имъ дѣла: на немъ лежитъ обязанность большого — защищать еще меньшую, чѣмъ онъ самъ, сестренку... Онъ сосредоточенно сжалъ губки и вперился весь глазами на капающую воду, отъ которой дѣвочка, и боязливо и смѣясь, жмется къ нему... Граціознѣе, и въ тоже время реальнѣе по выполненію, нельзя желать группы. Художникъ, чувствующій такъ полно красоту, можетъ быть прелестнѣйшихъ изъ созданій вселенной—дѣтей, уже тѣмъ самымъ заявляетъ себя поэтомъ.

Знакомая прежде «Вдова» съ ребенкомъ на рукахъ,—склоненная грустно-покорнымъ лицомъ къ этому единственному дорогому слѣду утраченнаго счастья и ласкъ,—еще разъ напоминаетъ собою о первомъ шагѣ г. Каменскаго. За нею выступаетъ и самъ «первый шагъ» — послѣднее произведеніе молодого ваятеля. И если то было еще шагомъ къ достиженію, такъ это уже является самымъ достиженіемъ. Здѣсь нѣтъ и признака колебанія или ощупыванія,—здѣсь реальный поэтъ ставитъ ногу на твердую почву, и, не сдѣлай онъ ничего болѣе, его группа сдѣлаетъ свое.

Обѣ группы—два момента одной и той же жизни: спеленатый ребенокъ первый всталъ на ноги и отважно ступилъ на собственныхъ ножонкахъ; грустный взглядъ матери озарился свѣтомъ радости и губы разцвѣли улыбкою—при видѣ готовящагося новаго счастія, новыхъ ласкъ... Вотъ она, теперь уже счастливая мать, присѣла на колѣно и, спустивъ на полъ сына, поощряетъ его ступить. Дитя, почти съ отчаяніемъ рѣшимости, ступило и пошатнулось; ухватилось ручонкою за одну изъ разставленныхъ около него рукъ матери и уже замышляетъ повторить свой подвигъ. Личико его дѣтски строго — онъ чувствуетъ, что совершаетъ нѣчто великое. Сіяніе чистаго восторга праздникомъ разливается по лицу матери. Достигнуто исполненіе давняго ожиданія.. Ребенокъ пошелъ! Чтó это значитъ, знаетъ только мать, выносившая и выкормившая его грудью. Ребенокъ пошелъ! это первый видимый залогъ будущаго человѣка, это наглядное сознаніе идущей рядомъ, своей собственной обновленной жизни, это радость цѣлаго дома, событіе для знакомыхъ.

Проще мотива нельзя было выбрать; умнѣе выбрать было невозможно и лучше выполнить трудно. Все—начиная отъ изящнаго изгиба стана матери, до этой шаткой походки крѣпенькихъ нагихъ ножекъ мальчика, отъ складокъ ея платья, не взирая на свою необы-

чайную реальность, нисколько не мѣшающихъ чувствовать подъ ними молодое прекрасное тѣло и слѣдить за женственностью его движеній,—все, до этой распахнувшейся на груди дѣтской рубашонки, гдѣ видно, какъ она была сложена и какъ помялась отъ рукъ, гдѣ замѣтенъ самый рубецъ, — рѣшительно все дышетъ тою правдою, тою жизнью и простотою, которыя уравниваютъ мастерство рукъ человѣческихъ съ дѣлами величайшаго изъ мастеровъ — природы. *Такъ* передавать и *такую* вседневность — вотъ задача современнаго искусства. Нашъ молодой ваятель ее выполнилъ блистательно, и его заслуга тѣмъ бо́льшая, что реальная скульптура — нововведеніе еще свѣжее. Глина и мраморъ, можно сказать, только на дняхъ почувствовали себя гражданами своего вѣка: до тѣхъ поръ они отсылались непремѣнно во времена до Рождества Христова. Немногіе изъ талантовъ Европы, а за ними и кое-кто изъ нашихъ, отважились на подобное развѣнчаніе (какъ думали недавно) скульптуры. Богини и вакханки одѣлись въ платья — и, оказывается, ничего не проиграли. Гулять на легкѣ, на морозѣ современнаго міра, имъ давно представлялось не совсѣмъ удобно, и гораздо лучше было уступить эту должность богинямъ въ трико, для возбужденія удовольствій въ посѣтителяхъ театровъ... Искусство не должно идти гдѣ-то между землею и небомъ—ему одна общая дорога съ людьми, которымъ оно служитъ. Отвергать его необходимость въ общей экономіи жизни такое-же недоразумѣніе, какъ считать потребностью прежде всѣхъ другихъ. Сухая земля одѣвается лѣтомъ въ зелень и цвѣты, не переставая производить хлѣбъ и картофель. Пусть же и дѣйствительность будетъ убрана цвѣтомъ искусствъ. Она отъ этого не перестанетъ ковать машины и класть рельсы, даже поддерживать преемственность входящихъ и исходящихъ бумагъ.... П. К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АРАКЧЕЕВСКІЯ ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ.

Матеріалы для новѣйшей русской исторіи.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году.—Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870.

Вопросъ о постоянныхъ арміяхъ, ихъ значеніи, численности, занималъ весьма часто общественное мнѣніе западной Европы, и въ послѣднее время не проходило ни одной сессіи парламента безъ того, чтобы этотъ вопросъ не былъ поднятъ въ той или другой формѣ. Съ одной стороны, никто не оспариваетъ необходимости матеріальной силы, спеціально назначаемой для охраны государства; но съ другой— нѣтъ сомнѣнія, что такая охрана медленно, но не менѣе вѣрно, какъ и вторженіе непріятеля, истощаетъ охраняемую страну. Въ виду дилеммы, которую представляетъ вопросъ о постоянныхъ арміяхъ, любопытна попытка, которую на-дняхъ сдѣлало баденское правительство съ цѣлію вознаградить страну за ущербъ, какой наноситъ ей постоянная армія извлеченіемъ изъ нея силъ, и притомъ самыхъ лучшихъ силъ, съ точки зрѣнія возраста. Въ Баденѣ намѣреваются устроить при полкахъ зимнія школы для обученія солдатъ раціональному сельскому хозяйству и ремесламъ. Такимъ образомъ, отлучка земледѣльца въ войскѣ послужитъ для него средствомъ къ образованію, и общество, по возвращеніи солдата въ его среду, не только не будетъ обременено членомъ, потерявшимъ всякую способность къ производительному труду, но, напротивъ, найдетъ въ немъ болѣе просвѣщеннаго и болѣе искуснаго сотрудника.

Нельзя не отнестись сочувственно къ добрымъ намѣреніямъ баденскаго военнаго министерства, заслуживающимъ подражанія, но нельзя не вспомнить при этомъ, что въ царствованіе Александра I у насъ была сдѣлана чуть не подобная же попытка, обставленная снаружи самыми гуманными цѣлями и заключившаяся фактомъ, полнымъ самыхъ печальныхъ воспоминаній. Таковы были Аракчеевскія военныя поселенія, исторія которыхъ начинаетъ проясняться только въ самое послѣднее время.

До сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно даже, кому принадлежитъ проектъ этого учрежденія, кто его составилъ. Покойный Е. П. Ковалевскій, въ своей книгѣ: «Графъ Блудовъ и его время», говоритъ, что проектъ военныхъ поселеній напоминаетъ проекты императора Павла,

писанные имъ еще наслѣдникомъ. Только великій князь полагалъ поселить войска по границамъ Россіи, сообразно силамъ противолежащаго государства, для того, чтобъ имѣть возможность удержать нападеніе его. Другіе приписываютъ мысль этого учрежденія самому императору Александру, который руководился гуманною цѣлію—дать осѣдлость солдату. Какъ бы то ни было, но военныя поселенія совершенно противорѣчили духу русскаго народа и были осуществлены на время страшными мѣрами жестокости графа Аракчеева, который постоянно, въ своихъ отчетахъ и донесеніяхъ императору [1]) старался указывать на гуманную цѣль учрежденія и выставлять его, какъ нѣчто цивилизующее и благодѣтельное для государства; донесенія эти изложены фразистымъ языкомъ, явно бившимъ на эффектъ и извѣстное впечатлѣніе, и, быть можетъ, никогда еще истина такъ не противорѣчила этому краснорѣчію, которымъ она закрывалась, какъ въ этомъ случаѣ. Когда чаша долготерпѣнія народнаго переполнилась, разразился бунтъ. Народъ никогда не встаетъ по причинамъ ничтожнымъ: онъ необыкновенно консервативенъ и терпѣливъ; онъ испробуетъ всѣ пути, чтобъ выдти изъ ужаснаго своего положенія, онъ будетъ смиряться въ безвыходной обстановкѣ, когда уже исчезнетъ всякая надежда на облегченіе, и способенъ надолго мириться на ничтожныхъ уступкахъ, принимая ихъ за зарю будущаго улучшенія; для того, чтобъ онъ всталъ — потребны многія условія и между прочимъ хотя бы мнимая законность, хотя бы тѣнь ея, которую онъ, при своемъ невѣжествѣ и суевѣріи, легко раздуваетъ въ твердую почву подъ собою. Онъ возставалъ противъ власти во имя другой, верховной власти, которую онъ не могъ вообразить себѣ иначе, какъ абсолютно справедливою, какъ естественною защитницею его правъ, попранныхъ органами ея безъ ея вѣдома и вопреки ея намѣреніямъ. Все это выразилось въ бунтѣ военныхъ поселеній, къ разъясненію котораго можетъ содѣйствовать между прочимъ и вышеуказанное изданіе, въ качествѣ матеріаловъ для будущаго историка эпохи Александра I.

По рѣкѣ Волхову, видѣвшему дружины новгородцевъ, растягивались поселенные полки, раздѣленные полями и лугами, принадлежавшими каждому округу; роты жили отдѣльно, у каждой была своя ротная площадь, гауптвахта, общія риги и гумны; всѣ постройки были стройны и единообразны, какъ фрунтъ; всѣ избы, для гармоніи, были одинаковыхъ размѣровъ, такъ что маленькая и огромная семья имѣли для своего помѣщенія одинаковое количество кубическихъ аршинъ; чистота и порядокъ заведены были примѣрные, и начальническому взору поселеніе всегда представлялось, какъ вычищенный, парадный мундиръ, а начальническое сердце Аракчеева не лишено было своей доли звѣр-

[1]) См. Новгородскій Сборникъ 1867—1868 г.

ской сантиментальности и способности умиляться. Онъ зналъ, что «порядокъ» не дается безъ жертвъ, что осуществленіе великой идеи всегда сопряжено съ страданіями для отдѣльныхъ личностей, но что̀ они значатъ передъ общимъ благомъ? Палки, шпицрутены, розги — превосходное и испытанное средство для цивилизаціи мужиковъ; чѣмъ строже и неумолимѣе поступать съ ними — тѣмъ успѣхъ надежнѣе; обладателю великой идеи военныхъ поселеній не надобны были указчики и совѣтники, а требовались только одни исполнители, не разсуждающіе, не порицающіе, даже не понимающіе всего того, что они дѣлать обязаны; чѣмъ больше такихъ исполнителей, тѣмъ неотъемлемѣе слава реформатора; умныхъ и образованныхъ, и въ особенности высокопоставленныхъ людей онъ возилъ взглянуть на поселенія, какъ напримѣръ, Сперанскаго, и былъ счастливъ, что они не только одобряли идеи солдата-реформатора, но восхищались ихъ практическимъ осуществленіемъ и печатали о нихъ лирическіе диѳирамбы. Онъ завелъ даже свой печатный органъ, «Семидневный Листокъ военнаго поселенія», гдѣ кантонисты, въ стихахъ и прозѣ, воспѣвали его дѣянія и счастье поселянъ, этихъ «нѣжнѣйшихъ друзей», среди которыхъ «науки, чести, славы, благочестіе и кротки нравы цвѣли какъ розы» — объ оркестрѣ на палкахъ и шпицрутенахъ, разумѣется, умалчивалось. «Листокъ» скончался на 6-мъ нумерѣ, но дѣло осталось; почилъ императоръ Александръ, но дѣло продолжало свое существованіе и послѣ него, порождая среди поселянъ бѣдность, деморализацію, стоны и ужасающую смертность — *одинъ изъ десяти* — которая не считалась большою; если смертность усиливалась — начинались слѣдствія, начальники отдавались подъ судъ, который обыкновенно ничѣмъ не кончался. «Главные начальники, говоритъ Панаевъ, выбравъ что́ было получше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначали ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе батальоны, на работѣ бывшіе. Батальонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными, даже противу присяги и совѣсти. Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь-бы сдѣлано было, что приказано начальникомъ. Шпіонства съ одной стороны, и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противъ ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими — съ другой, ослабляли совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными.... Войска были деморализованы начальствомъ, и начальники, съ своей стороны, получая приказанія свыше, кои могли возбуждать ропотъ между нижними чинами, исполняли эти приказанія не прямо, но старались внушить солдатамъ, что ежели бы имъ при-

казано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая *секретно* не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работы и по праздникамъ... Поселенные начальники, какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ и опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо. Поселяне не любили начальства, и ежели повиновались, то единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія и поселянъ, въ особенности потому, что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ». Когда въ 1831 г. дѣйствующія войска были выведены въ Польшу, въ поселеніяхъ оставались одни резервные батальоны, состоявшіе изъ небольшого числа старыхъ солдатъ и дополненные до комплекта дѣтьми военныхъ поселянъ. Такимъ образомъ, управленіе, основанное на одномъ страхѣ, потеряло свою главную и единственную опору. Надобно было только искру, чтобъ вся накопленная годами ненависть вспыхнула. Этой искрою послужила холера.

Первое появленіе этой болѣзни на Руси возбудило самые странные толки. Даже начальство, при всей своей прозорливости, не знало, что это такое, но наставленія и циркуляры съ надписью «секретно», «весьма секретно», эти талисманы нашего стараго режима, тѣмъ не менѣе облетѣли зараженныя мѣста; обладатели «секретовъ» ничего толкомъ не объясняя, предписывали жителямъ извѣстную діэту, ставили въ обязанность имѣть перцовку, заводили карантины, заставляли, при въѣздахъ въ селенія, курить навозныя кучи; дворянство избирало особыхъ «смотрителей», которые чуть не уморили крестьянъ съ голоду, ибо, не внемля рыданіямъ бабъ и мольбамъ мужиковъ, заставляли выливать квасъ въ навозъ, а капусту, рѣдьку и другія овощи выкидывать за селенія въ овраги; случалось, что повезетъ крестьянинъ продавать соленую рыбу, а смотритель схватитъ его среди селенія, обложитъ возъ съ рыбой соломою, зажжетъ ее и устроитъ, такимъ образомъ, торжественный аутодафе. Во всѣхъ распоряженіяхъ выказывалась таинственная мудрость: холера шла съ юга на сѣверъ, и, естественно, слѣдовало ожидать, что кордонныя линіи будутъ проведены поперекъ всѣхъ путей, идущихъ отъ Москвы къ Петербургу; но ихъ провели вдоль посреди дорогъ, съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ стороны — одну приказано было считать благополучною, другую неблагополучною; къ сожалѣнію, холера не выказывала ни малѣйшаго вниманія къ мѣропріятіямъ начальства, иногда оставляя обѣ стороны благополучными, иногда обращая неблагополучную въ благополучную, и обратно. Но коса нашла на камень: начальство не уступало тоже и продолжало упорно держаться своего распредѣленія, окуривая всякаго проѣзжаго хлористою известью въ баняхъ и передавая его самого,

лошадей, экипажъ и имущество, на длинныхъ шестахъ, съ неблагополучной стороны на благополучную. Случалось иногда такъ, что какое-нибудь село стояло на сторонѣ, оффиціально признанной благополучной, а крестьянское поле на сторонѣ противоположной; крестьяне безпрепятственно переѣзжали за снопами, дровами и сѣномъ на неблагополучную сторону, но при возвращеніи съ поля, то-есть, съ неблагополучной стороны, въ село, т.-е. въ благополучную сторону, были останавливаемы: дрова, сѣно, снопы раскладывались и передавались на село на длинныхъ шестахъ, точно также телѣги и лошади.

Извѣстно, что холерная эпидемія совпала съ польскимъ возстаніемъ, и потому нѣкоторые повѣствователи, впрочемъ, совершенно голословно, приписываютъ народныя волненія подстрекательствамъ неблагонамѣренныхъ людей, направляемыхъ поляками. Мы склонны думать, что одного паническаго страха передъ эпидеміей и совершенно неблагоразумныхъ и никакимъ объясненіямъ не поддающихся мѣръ администраціи было достаточно, чтобы породить въ народѣ самые нелѣпые толки. Ничего не понимая ни въ мѣропріятіяхъ, ни въ холерѣ, народъ искалъ причинъ этого явленія около себя и находилъ ихъ въ своихъ мнимыхъ или настоящихъ врагахъ. Помѣщичьи крестьяне не любили господъ, государственные — чиновниковъ, то-есть господъ же, поселяне—своихъ начальниковъ, офицеровъ, петербургскій людъ—полицію и докторовъ, которыми онъ считалъ вообще нѣмцевъ; былъ еще одинъ общій врагъ, съ которымъ въ то время вели мы войну—поляки. И не у однихъ крестьянъ, а и у людей съ нѣкоторымъ образованіемъ составилось такое умозаключеніе: холера—это выдумка господъ, которые, будучи подстрекаемы и подкупаемы поляками, отравляютъ озера, рѣки и колодцы, даже грибы и ягоды. Подъ вліяніемъ страха и сильнаго нервнаго возбужденія вѣрится обыкновенно несравненно скорѣе, чѣмъ при нормальномъ состояніи духа, самымъ нелѣпымъ и невозможнымъ слухамъ; подозрительность развивается до крайней степени и, естественно, прежде всего и всего сильнѣе обращается къ тѣмъ, кого мы считаемъ своими врагами, о чьей погибели, ради своего собственнаго благосостоянія, мы мечтали не разъ въ безсильной ярости. Никакихъ злонамѣренныхъ людей тутъ не нужно—все дѣлается само собою и подстрекателемъ является наиболѣе смѣлый изъ своей же среды, въ формѣ слуха, предположенія, хотя бы самаго противоестественнаго, выражающій общую мысль. «Для дураковъ—ядъ да холера, а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго козьяго племени не было», сказалъ одинъ старикъ во время поселенскаго бунта. Этой фразой вполнѣ резюмируется настроеніе недовольныхъ, глупыхъ и умныхъ, порожденное извѣстными причинами...

Одинъ изъ повѣствователей о бунтѣ говоритъ, что народъ впалъ въ какое-то «непостижимое умопомраченіе». Мы видѣли, что это умо-

помраченіе, напротивъ, совершенно понятно при невѣжествѣ, забитости и легковѣріи массы. Вся исторія нашего развитія до послѣднихъ дней чрезвычайно наглядно рисуетъ намъ это свойство русскаго человѣка, безъ разбора, вѣрить всякимъ бреднямъ. Мы даже сдѣлали успѣхи въ этомъ отношеніи: прежде нелѣпые слухи распускали люди, именуемые оффиціально «злонамѣренными», теперь этимъ позорнымъ ремесломъ занимаются благонамѣренные патріоты, какъ сами себя они величаютъ; прежде «злонамѣренные» люди возбуждали ненависть между сословіями и народностями, теперь благонамѣренные патріоты возбуждаютъ ненависть даже между возрастами. Загорѣлся Щукинъ дворъ, благонамѣренные патріоты нашли своевременнымъ и прекраснымъ бросить, посредствомъ печатнаго станка, обвиненіемъ въ молодежь; сгорѣлъ Симбирскъ—виноваты поляки; плохо идутъ внутреннія дѣла—виноваты «интрига», «сепаратизмъ», «нигилизмъ», и проч. Бунтовавшіе крестьяне и военные поселяне кричали, что ихъ отравливаютъ господа, что ядъ разлитъ всюду; благонамѣреннымъ патріотамъ этимъ ядомъ служатъ—«интрига» и прочія чудища. Бунтовавшіе поселяне говорили, что начальники дали подписку въ томъ, чтобъ изводить народъ; quasi-патріотическія газеты и теперь говорятъ, что канцелярскій ржондъ и имъ подобные дали подписку въ томъ, чтобъ сгубить Россію. Надѣемся, что насъ никто не упрекнетъ въ натяжкѣ: эта близорукость, это «умопомраченіе», и въ томъ, и въ другомъ лагерѣ, какъ ни далеки они другъ отъ друга по своему образованію, слишкомъ ярко бросаются въ глаза, чтобъ сравненіе не легло подъ перо само собою. Конечно, только благодаря полиціи не составилось еще шаекъ, которыя бы ходили по Руси и истребляли бы всѣхъ, не признающихъ власти патріотовъ-самозванцевъ; только опасаясь городской полиціи «Московскія Вѣдомости» не приняли совѣта своихъ друзей—«взять бичъ!»

Но крестьяне и поселяне въ 1831 г. были рѣшительнѣе: они взяли бичи, дубины и другія домашнія орудія и пошли по городамъ и селамъ искать «измѣнниковъ» и «сепаратистовъ», которые будто бы разсыпали отраву.—«Намъ приказано избивать господъ», кричали они; помѣщиковъ и вообще господъ, имѣвшихъ несчастіе попадаться имъ на встрѣчу, они сѣкли до полусмерти, нѣкоторыхъ совсѣмъ отправляли на тотъ свѣтъ; начальство разбѣгалось, граждане, то-есть жители городовъ, сами составляли общества для истребленія отравителей, а потому на просьбы вооружиться противъ поселянъ, отвѣчали: «Намъ-то что за дѣло? Вѣдь поселяне идутъ противъ господъ—ну, и вѣдайтесь съ ними, какъ знаете, а наше дѣло—сторона». Вооруженные косами, вилами и чѣмъ попало, человѣкъ 300 поселянъ пришли въ Старую Русу, заставили архимандрита, настоятеля тамошняго монастыря, выдти съ крестнымъ ходомъ на городскую площадь и привести всѣхъ ихъ къ присягѣ, чтобы дѣйствовать всѣмъ имъ за одно и другъ

другу не измѣнять. Укрѣпленные такимъ образомъ, они разгромили городскую аптеку и заставили аптекаря пробовать лекарства изъ всѣхъ стклянокъ и банокъ, въ удостовѣреніе, что онъ не отравляетъ ими воду; разумѣется, аптекарь поплатился за это жизнію; совершивъ еще нѣсколько подвиговъ, они избили до смерти полицiймейстера, майора Манжоса, и трупъ его привязали къ хвосту разъяренной лошади, которая мыкала его по улицамъ до тѣхъ поръ, пока не остался одинъ только безобразный костякъ. Толпа оставила городъ и направилась по деревнямъ, ища себѣ добычи. Слухъ объ этихъ подвигахъ дошелъ до другихъ поселенныхъ полковъ, между прочимъ австрійскаго и гренадерскаго короля прусскаго, и воспламенилъ ихъ также на кровавые, ужасающіе своимъ звѣрствомъ, подвиги противъ начальства. Командиры, получивъ предписаніе о мѣрахъ предосторожности противъ холеры, сбираютъ офицеровъ на совѣщаніе, а между поселянами распространяется слухъ, что офицеры даютъ подписку въ томъ, чтобъ истреблять ядомъ народъ. Одинъ унтеръ-офицеръ, желая отдѣлаться отъ жившей у него безпаспортной дѣвки, рѣшился попугать ее: взявъ хлоровой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты. Известь закипѣла. «Вотъ этимъ убью тебя!» сказалъ онъ.—«Караулъ! травятъ!» закричала дѣвка. Прибѣжавшіе поселяне схватили мнимаго отравителя и представили къ своему капитану, капитанъ написалъ подполковнику Бутовичу, начальнику округа военнаго поселенія гренадерскаго австрійскаго полка, что поймали отравителя. Бутовичъ немедленно отправился на мѣсто происшествія вмѣстѣ съ штабъ-лекаремъ Богоявленскимъ, котораго онъ взялъ съ собою для объясненій съ поселянами, и докторъ сдѣлался первою жертвою. — «Говори, гдѣ у тебя ядъ?» закричала толпа и бросилась къ нему, вооруженная шкворнями и вилами, и требовала, чтобъ онъ написалъ имена «подписавшихся на холеру». Докторъ старался убѣдить ихъ, что они заблуждаются, что никакого яда нѣтъ, что хлоровая известь употребляется для окурки.—«Знаемъ мы, какая это окурка—она насквозь прожигаетъ, это мышьякъ». Доктора стали бить. Это происходило въ ригѣ, куда поселяне привели его для допроса. Взглянувъ на потолокъ, одинъ поселянинъ сказалъ: «Что его слушать! давайте-ка веревку, повѣсимъ его». Тотчасъ эта мысль была подхвачена криками: «вѣшать, вѣшать!» Полуживой отъ побоевъ, напуганный этою послѣднею угрозою, докторъ сказалъ, что подписка дѣйствительно была и написалъ имена всѣхъ начальниковъ.— «Больше намъ ничего не нужно», сказали обрадованные поселяне и положили Богоявленскаго почти мертваго къ сторонѣ. Было чего и радоваться имъ: они воображали, что теперь всякія насилія возможны, потому что у нихъ есть письменное доказательство преступленій начальства. Какими средствами они достали его—вопросъ маловажный, потому что допросы «съ пристрастіемъ» употреблялись самимъ началь-

ствомъ, и не разъ, конечно, шпицрутины вырывали у поселянъ признанія въ такихъ проступкахъ, которые они и не думали совершать. Вѣрили ли они этому вынужденному показанію? Большинство, по всей вѣроятности, вѣрило; остальнымъ было все равно—хорошо что есть какъ бы законный предлогъ къ расправѣ, къ мщенію за все то, что они вытерпѣли отъ командировъ.

Бутовичъ потерялся, какъ и другіе офицеры. Поселяне вышли изъ всякаго повиновенія, и тѣ изъ нихъ, которые не принимали участія въ бунтѣ, оставались пассивными. Бутовичъ обратился-было къ одной фузелерной ротѣ, на которую онъ разсчитывалъ; онъ убѣждалъ роту стрѣлять въ поселянъ. «Стрѣляютъ только въ непріятелей», отвѣчали ему изъ фронта. — «Дамъ сто рублей за каждый выстрѣлъ», сказалъ Бутовичъ, вынимая изъ кармана деньги. Солдаты опустили ружья къ ногѣ. «Какой же онъ намъ начальникъ, когда подговариваетъ противъ насъ стрѣлять», заговорили поселяне, перемигиваясь съ солдатами. «Онъ вѣрно подкупленъ, измѣнщикъ». Одинъ пьяный поселянинъ подошелъ къ Бутовичу и сказалъ: «желаете вы умереть съ покаяніемъ, ваше высокоблагородіе?» А потомъ, ударивъ его по головѣ, сорвалъ эполеты и закричалъ: «берите его!» Поручикъ Забѣлинъ, выхвативъ у одного солдата ружье, крикнулъ ротѣ: «За мной, колите мужиковъ!» Но солдаты не трогались, а поселяне, избивъ Забѣлина, связали его вмѣстѣ съ Бутовичемъ возжами и потащили въ ригу.

Однородныя явленія происходили и въ округѣ прусскаго полка. Мятежники схватили офицеровъ и батальоннаго командира и заключили ихъ на гауптвахту, а командиромъ своимъ избрали инженеръ-капитана Костарева, которому, однако, постоянно грозили смертью. Это былъ командиръ только для виду и вся его роль ограничивалась тѣмъ, что онъ по возможности останавливалъ поселянъ отъ убійствъ; но убійства все-таки были совершены ночью, на плацу, куда выводили несчастныхъ и казнили тамъ, предварительно вымучивъ у нихъ признаніе, что они были подкуплены и дали согласіе отравлять народъ. Плачъ офицерскихъ женъ не трогалъ толпу, и когда онѣ собрались къ священнику, чтобъ раздѣлить свою горесть, свой страхъ и облегчить отчаяніе, одна поселянка пожилая «и, повидимому, степенная», подошла къ знакомымъ ей офицерскимъ женамъ и, вмѣсто утѣшенія, сказала имъ: «Когда нашихъ мужей били, вы тогда чай пили».

Несравненно умнѣе Костарева поступилъ другой инженеръ, подполковникъ Панаевъ, человѣкъ уже пожилой. Услыхавъ о бунтѣ въ австрійскомъ округѣ, онъ поѣхалъ туда и нашелъ человѣкъ 300, стоявшихъ въ разныхъ кучкахъ. — «Что вы тутъ дѣлаете?» спросилъ онъ.—«Холеру выгоняемъ», отвѣчали ему и не сняли шапокъ.—«Гдѣ ваши начальники?» — «Вонъ тамъ лежатъ», отвѣчали поселяне, указывая на ригу. — «Какъ лежатъ?» — «Да такъ; положили, такъ и ле-

жать; да что долго говорить, все одно племя, кладите и его! Государь приказалъ всѣхъ бить, потому что какіе-то два генерала выстрѣлили по немъ на Исакіевскомъ мосту въ Петербургѣ». Панаевъ обратился къ говорившему эти слова съ такимъ вопросомъ: «Ежели это воля государя, то, конечно, исполнить ее должно, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ и самъ слышалъ какъ государь приказалъ?» — «Вотъ онъ такъ говоритъ», отвѣчалъ поселянинъ, показывая на другого, а этотъ послѣдній на третьяго. Панаевъ превыгодно воспользовался этимъ моментомъ и мотивами, которыми крестьяне объясняли свои буйства. Кромѣ того, онъ имѣлъ на своей сторонѣ то огромное преимущество, что при постройкахъ, которыя онъ возводилъ въ округѣ, не тѣснилъ поселянъ и старался разумно распредѣлять между ними работы. Извѣстный такимъ образомъ съ лучшей стороны поселянамъ, онъ сталъ говорить имъ, что слухамъ нечего вѣрить: «Подозрѣвая своихъ начальниковъ въ отравленіи, вы обратились бы ко мнѣ, какъ къ старшему въ округѣ. Не будучи вашимъ прямымъ начальникомъ, я разузналъ бы это дѣло безпристрастно: для меня всѣ равны, и я посадилъ бы вашихъ начальниковъ подъ арестъ, а изъ поселянъ мы выбрали бы депутатовъ къ государю императору и если ваши начальники въ самомъ дѣлѣ такіе изверги, то государь пришлетъ палача для казни ихъ, а намъ самимъ нечего и руки объ нихъ марать». Рѣчь эта подѣйствовала на поселянъ: «вѣдь онъ дѣло говоритъ», заговорили одни, но другіе кричали: «не слушайте его». Толпа, между тѣмъ, возросла до 1000 человѣкъ, и нѣсколько человѣкъ крикнули:

— «Не слушайте, кладите всѣхъ на повалъ, не надо намъ и государя!»

Минута была рѣшительная, но Панаевъ и тутъ не потерялся. — «Какъ, разбойники?» закричалъ онъ. «Кто осмѣлился возстать на государя? Ребята! кто вѣренъ государю, кричите ура!» Въ толпѣ закричали ура, и Панаевъ сталъ переписывать тѣхъ, которые объявили себя вѣрными государю. Такимъ образомъ, ему удалось раздѣлить бунтующихъ на двѣ части и поступить рѣшительнѣе. Въ сопровожденіи поселянъ онъ отправился въ ригу: здѣсь лежали еще полуживые подполковникъ Бутовичъ и поручикъ Забѣлинъ, и мертвые уже штабъ-лекарь и офицеръ Пановъ. Какой-то кантонистъ подкидывалъ эполетъ Бутовича. Панаевъ прикрикнулъ на кантониста и велѣлъ пристегнуть эполетъ къ плечу Бутовича. «Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ», сказалъ послѣдній. Въ своемъ разсказѣ о бунтѣ, капитанъ Заикинъ говоритъ, что будто Бутовичъ сказалъ Панаеву: «Вотъ какъ здѣсь насъ мучаютъ, заступитесь, Николай Ивановичъ!» — «Вѣдь я сколько разъ говорилъ вамъ, что распоряженія ваши бѣды намъ надѣлаютъ», возразилъ будто бы Панаевъ. Самъ Панаевъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но въ томъ положеніи, въ какое

онъ принужденъ былъ поставить себя къ бунтовщикамъ, такая фраза въ устахъ его весьма естественна. Во всякомъ случаѣ, вліяніе его возрастало; онъ не могъ помѣшать убійству еще двухъ офицеровъ, потому что поселяне покончили съ ними прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подойти къ нимъ, но затѣмъ офицеровъ только хватали и отдавали Панаеву подъ арестъ. Одного изъ нихъ, Соколова, поселяне сильно избили, но сторона, стоявшая за Панаева, отняла его и передала командиру. Во время этой борьбы, одинъ унтеръ-офицеръ горько плакалъ. — «О чемъ ты плачешь?» спросилъ Панаевъ. — «Что дѣлается! убиваютъ не командира, а отца», отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.—«Такъ ты, вмѣсто того, чтобъ плакать, пошелъ бы къ поселянамъ и убѣдилъ ихъ отдать его мнѣ». Унтеръ-офицеръ побѣжалъ, и черезъ минуту Панаевъ увидалъ, что онъ коломъ билъ Соколова. — «Что ты дѣлаешь? не самъ ли ты говорилъ мнѣ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ», сказалъ Панаевъ. Унтеръ-офицеръ отвѣчалъ ему: «Ужъ видно, что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе: видите, что весь міръ бьетъ, чтожъ я буду стоять такъ!»

У Панаева въ разсказѣ вырывается тутъ жестокая и несправедливая фраза: «Вотъ, говоритъ онъ, образецъ сужденій большей части людей въ такихъ случаяхъ; *уговаривать ихъ можно только штыкомъ или пушкою*». А между тѣмъ, всѣ дѣйствія Панаева и поведеніе поселянъ опровергаютъ это самымъ очевиднымъ образомъ: у него не было никакой пушки, никакого оружія, и однимъ своимъ благоразуміемъ, хладнокровною находчивостію, мужествомъ, убѣжденіями, знаніемъ человѣческаго сердца, на которое онъ дѣйствовалъ средствами отвѣчающими даннымъ случаямъ и перипетіямъ мятежа, онъ успѣлъ прекратить убійства, отправилъ депутатовъ къ государю, заставилъ поселянъ похоронить жертвы ихъ ярости и среди возбужденной толпы возстановить нѣкоторый порядокъ и уваженіе къ принципу власти. Быть можетъ никогда, ни одинъ офицеръ не находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ Панаевъ, а потому примѣръ его заслуживаетъ общаго вниманія и изученія. Собственный разсказъ его о бунтѣ и своихъ дѣйствіяхъ повсюду простъ и правдивъ; независимо отъ того внутренняго убѣжденія, которое сообщается читателю тономъ и ясностію повѣствованія, въ пользу его говоритъ и разсказъ Заикина, а этотъ офицеръ не былъ расположенъ къ Панаеву.

Государь принялъ депутатовъ грозно, но прибавилъ: «Если въ васъ есть хоть искра человѣколюбія, то раскайтесь въ своихъ поступкахъ; я пріѣду и, можетъ быть, помирюсь». Передъ государемъ пріѣхалъ Орловъ, прочиталъ поселянамъ высочайшій указъ о холерѣ и увѣщевалъ ихъ. Всѣ молчали. Вдругъ одинъ поселянинъ крикнулъ: «Положимъ, что холера и существуетъ, а зачѣмъ начальство роздало ядъ?» Орловъ сталъ объяснять ему дѣйствія лекарства, но такъ какъ,

по всей вѣроятности, эти объясненія были очень смутны, то крестьянинъ не уступалъ ему и приводилъ свои доказательства. Тогда, Орловъ, ударивъ себя по бедру, сказалъ: «Молчи! или я тебя черезъ крышу перекину». Это превосходный образчикъ тогдашнихъ начальническихъ «объясненій» съ подчиненными. Однако, принять крутыя мѣры Орловъ побоялся: онъ велѣлъ отправить арестованныхъ на гауптвахтѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ Новгородъ, и сказалъ поселянамъ: «Если окажутся виновными, то всѣ отвѣтятъ по всей строгости законовъ». Панаевъ самъ отвезъ въ Новгородъ 38 арестованныхъ офицеровъ, которымъ грозила смерть безъ его распорядительности. О посѣщеніи государя заимствуемъ у Панаева слѣдующія подробности: «Государь принялъ отъ меня рапортъ о состояніи округа и, увидѣвъ, что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (до исключенія такъ показывались убитые), сказалъ мнѣ: «Это въ дальней!» и потомъ вышелъ изъ коляски, поцѣловалъ меня и изволилъ сказать: «Спасибо, старый сослуживецъ, что ты здѣсь не потерялъ разума,—я этого никогда не забуду». Потомъ увидѣвъ стоящихъ на колѣняхъ поселянъ съ хлѣбомъ и солью, сказалъ имъ: «Не беру вашего хлѣба, идите и молитесь Богу!» Вошедъ въ экзерцигаузъ и взглянувъ на стоящихъ поселянъ, коимъ майоръ Баллашъ скомандовалъ: «шапки долой!», прошелъ въ церковь; я слѣдовалъ за нимъ.» Поговоривъ съ священникомъ и Панаевымъ о нравственномъ состояніи поселянъ, государь приказалъ священнику служить. «Не будучи приготовленъ къ сему приказанію и не имѣя при себѣ церковно-служителя или пѣвчихъ, священникъ началъ прямо: «Господу помолимся» — и самъ запѣлъ: «Господи помилуй. О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, Господу помолимся!» Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшій во фронтѣ на колѣняхъ, вдругъ вскочилъ съ колѣней, побѣжалъ къ священнику и, на бѣгу, началъ пѣть: «Господи помилуй!» Послѣ окончанія всей эктеньи, государь приказалъ мнѣ командовать: «Накройся, вставай, справа и слѣва кругомъ заходи!» Потомъ приказалъ еще вздвоить ряды и началъ имъ говорить: «Какъ смѣли вы возстать противъ меня?!» И когда поселяне отвѣчали, что они противъ него не возставали, то государь сказалъ имъ: «Вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ,—это все равно, что вы подняли руку свою на меня!» Потомъ говорилъ онъ, что эта болѣзнь послана намъ Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ этой болѣзни, а потому надо съ кротостію переносить волю господню, и, увидѣвъ одного унтеръ-офицера съ анненскимъ крестомъ и двумя медалями, подозвалъ къ себѣ, какъ равно и всѣхъ кавалеровъ, тутъ бывшихъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «васъ ли я вижу? И вы живы всѣ?» Анненскій кавалеръ отвѣчалъ: «Слава Богу, ваше величество,

Богъ помиловалъ!» Но государь сказалъ ему и прочимъ кавалерамъ: «молчи и не срами Бога! вы, кавалеры, должны были всѣ лечь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ!» Потомъ, обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать такъ, чтобъ всѣ слышали: «А ты съ ними не шути и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ!» Потомъ началъ говорить, чтобъ выдали виновныхъ, но поселяне молчали. Я въ то время, стоя въ рядахъ поселянъ, услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: «а что, братцы, — полно, государь ли это? Не изъ нихъ ли переряженецъ?» Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха и, кажется, государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ и спросилъ ихъ: «Раскаиваетесь ли вы?», и когда они начали кричать: «раскаиваемся!», то государь отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать, сказавъ: «Ну, вотъ я ѣмъ вашъ хлѣбъ и соль; конечно, я могу васъ простить, но какъ Богъ васъ проститъ!?»

Въ округѣ прусскаго полка повторилась почти таже сцена. Государь сказалъ между прочимъ поселянамъ, послѣ эктеніи: «Еслибъ я и хотѣлъ васъ простить, то проститъ ли васъ законъ, проститъ ли Богъ?» и потребовалъ выдачи зачинщиковъ. Поселяне молчали. Государь не настаивалъ и сказалъ: «Раскаиваетесь ли вы въ вашихъ поступкахъ?» Немногіе невнятно признавались въ своей виновности, а звучный голосъ одного изъ поселянъ покрылъ ихъ неясный голосъ обычнымъ привѣтомъ: «Дай Богъ вашему величеству много лѣтъ здравствовать!»—«Будете ли стараться заслужить за ваши преступленія?»—«Рады стараться, в. и. величество!»—«Будете ли молиться за убитыхъ?» Отвѣтъ былъ утвердительный. Когда поселяне поднесли государю бѣлый хлѣбъ и свѣжіе соты, онъ, отстранивъ рукою поднесенное, сказалъ: «я тогда приму отъ васъ хлѣбъ-соль, когда съ вами помирюсь», и тотчасъ уѣхалъ.

Въ теченіи цѣлаго мѣсяца поселянъ оставляли между страхомъ наказанія и надеждою на помилованіе; Орловъ жилъ въ Новгородѣ, ничего не предпринимая. Вдругъ, въ одну ночь взяли 160 поселянъ въ австрійскомъ округѣ и, заковавъ ихъ въ кандалы, по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ, отправили въ Новгородъ. «Достойно примѣчанія», говоритъ Панаевъ, «что хотя дѣйствовали въ скорости безъ лишняго разбору, изъ всѣхъ доставленныхъ оказался правымъ только одинъ; прочіе всѣ, по собственному ихъ сознанію, осуждены». Въ округѣ прусскаго полка употреблена была таже мѣра. Результатъ драмы, по словамъ священника Воинова, былъ таковъ: «Убійцы наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь на каторжную работу. Прочіе виновные, по степени преступленій, подвергнуты наказаніямъ по опредѣленію военнаго суда. Наказанія производились частію въ Новгородѣ,

частію въ штабѣ округовъ на мѣстахъ преступленій, *при сборѣ всѣхъ поселянъ и ихъ семействъ*.... Сцена на плацу во время наказаній была шумна и ужасна, и дѣйствовала на умъ и воображеніе поселянъ сильно. Удары кнута и бичеваніе шпицрутенами съ воплемъ и стономъ бичуемыхъ раздавались по штабу, но крикъ кантонистовъ и визгъ женщинъ подъ розгами—заглушалъ и покрывалъ все. Поселянамъ казалось, какъ они увѣряли впослѣдствіи, что грѣхи ихъ изъ-подъ ударовъ вылетали изъ тѣла и поднимались въ видѣ брызжущаго пара.»

Кровавый бунтъ не остался безъ послѣдствій: онъ нанесъ жестокій ударъ самой идеѣ военныхъ поселеній и освободилъ народъ отъ ужаснаго эксперимента, который пробовали надъ нимъ съ замѣчательнымъ ослѣпленіемъ и отсутствіемъ всякой дальновидности. Правительство, жестоко наказывая бунтовщиковъ, убѣдилось, однако, что причины бунта лежали не въ холерѣ — она была только искрой — а гораздо глубже. Говорятъ, что послѣ бунта императоръ Николай сказалъ: «Быть можетъ, существуетъ важное неудобство въ соединеніи въ одну общую жизнь солдата и мужика, потому что дисциплина и рабство — два несовмѣстныя начала. Я охотно могу допустить существованіе націи безъ рабства, но не допускаю арміи безъ дисциплины» (P. Lacroix. Hist. de la vie et de règne de Nicolas I. Paris. 1868).

Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. И. Л. Горемыкина. Спб. 1869. Стр. 159.

Въ древней Польшѣ крестьянство пользовалось и личной свободой и правомъ собственности на землю, но съ XIV вѣка оно стало понемногу терять свои права вслѣдствіе усиленія шляхетства, духовнаго и свѣтскаго, которое, посредствомъ многоразличныхъ привилегій, освобождалось постепенно изъ-подъ дѣйствія общаго государственнаго закона и вмѣстѣ съ тѣмъ присвоивало себѣ надъ крестьянами тѣ права, которыя должны были бы принадлежать одной государственной власти. Съ начала XVI в., въ Польшѣ окончательно водворяется крѣпостное право. Естественно, что сосредоточеніе всѣхъ правъ въ одномъ сословіи губительно подѣйствовало и на развитіе средняго класса; до XVI вѣка этотъ классъ, торговлею и промышленностію, пріобрѣлъ такое значеніе, что богатство многихъ жителей такихъ городовъ, какъ Краковъ, Олькушъ, Сандомиръ, Ярославъ, могло соперничать съ богатствомъ первыхъ землевладѣльцевъ Польши. Напр., краковскій мѣщанинъ Вѣржинекъ угощалъ съѣхавшихся государей и поднесъ имъ всѣмъ подарки, цѣнность которыхъ равнялась 100,000 червонныхъ злотыхъ; другой мѣщанинъ, Кемпничъ, далъ взаймы германскому императору 6,000 гривенъ серебра; краковскій же мѣщанинъ, Гарный, при Сигизмундѣ I, имѣлъ въ заставѣ королевскихъ имѣній и соляныхъ копей на 26,000 червон. злотыхъ; многіе купцы вели заграничную торговлю на собственныхъ корабляхъ. Не такова была доля крестьянъ. Крестьянинъ жилъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, какъ наемникъ, удерживаемый принужденіемъ, а горожанинъ, какъ гость, терпимый

въ чужомъ домѣ, но всегда зависящій отъ произвола или каприза его хозяина. Среди многочисленныхъ стѣсненій, произвола и насилія достаточно упомянуть о постановленіи сейма 1613 года, по которому горожанамъ, наравнѣ съ хлопами, запрещено носить шелковыя ткани, дорогіе мѣха и сафьяны; въ 1612 г. это запрещеніе распространено и на женщинъ обоихъ этихъ сословій. Подъ бременемъ произвола и стѣсненій, среднее сословіе мало-по-малу совсѣмъ уничтожилось, а торговля и промышленность перешли въ руки евреевъ. До конца XVIII вѣка, въ положеніи крестьянъ не произошло никакихъ измѣненій къ лучшему; попытки нѣкоторыхъ поляковъ на сеймахъ въ пользу угнетеннаго сословія кончались полнѣйшей неудачей; освобожденіе крестьянъ Наполеономъ въ 1807 г., безъ права на землю, не принесло имъ никакой существенной пользы, а единственная статья Наполеонова кодекса, установлявшая право всякаго безсрочнаго арендатора пріобрѣсти въ собственность арендуемое имущество посредствомъ выкупа, была уничтожена на сеймѣ 1825 г., хотя огромное большинство крестьянъ находилось въ такомъ положеніи, что о выкупѣ они не могли и думать. Только нынѣшнему царствованію принадлежитъ неотъемлемая заслуга существеннаго улучшенія быта крестьянъ, и какъ бы ни пошла исторія Польши въ будущемъ, какія бы перемѣны въ судьбѣ ея ни послѣдовали, Россія, актомъ надѣла крестьянъ землею, навсегда упрочила себѣ почетное мѣсто въ исторіи.

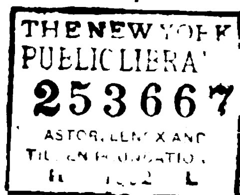
Судьба польскаго крестьянства могла бы послужить предметомъ чрезвычайно любопытной монографіи; о трудѣ г. Горемыкина отнюдь нельзя сказать, чтобъ это были даже «очерки исторіи крестьянъ»; это скорѣе—оффиціальная записка, составленная добросовѣстно, но крайне сухо, игнорирующая внутренній бытъ крестьянъ и почти только указывающая на главнѣйшія законодательныя мѣры, которыя измѣняли ихъ положеніе. Г. Горемыкинъ не особенно хорошо овладѣлъ и этой не широкой темою, допустивъ въ свою весьма необъемистую монографію многочисленныя повторенія, и расположивъ матеріалъ, преимущественно въ первой половинѣ книги, довольно неудачно. Впрочемъ, въ нашей исторической литературѣ этотъ трудъ все-таки не безполезный.

ПОПРАВКА.

Въ январьской книгѣ, стр. 390, строч. 7 св.; напечатано: *150,000*; слѣдуетъ: 15,500,000.

Въ февральской книгѣ, стр. 764, строч. 22 св., напечатано: *противенъ*; слѣдуетъ: притворенъ.

М. Стасюлевичъ.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
КРИТИКА ВЪ XVII-мъ ВѢКѢ.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣли у насъ въ старину мѣстные святые, покровители городовъ и земель. Они были однимъ изъ обычныхъ явленій, поддерживавшихъ удѣльно-вѣчевой строй нашей общественной жизни. Уваженіе къ святымъ возвышало достоинство тѣхъ мѣстностей, гдѣ они проявляли данную имъ благодать; край гордился своимъ патрономъ, имя его призывалось въ битвахъ, на него полагали упованіе во время грозившихъ краю бѣдствій. Лица, удостоившіяся послѣ смерти сдѣлаться мѣстными патронами, во время земной жизни своей иногда были духовные сановники, иногда отшельники, нерѣдко особы княжескаго дома. Послѣднимъ особенно было кстати получить значеніе покровителей города и земли. При жизни они правили этимъ самымъ городомъ и землей, защищали мѣстные интересы противъ другихъ князей и земель, охраняли благочестивое жительство отъ иноземцевъ и иноплеменниковъ; сподобившись за свою добродѣтель святости и нетлѣнію, они ощутительно для вѣры, въ вѣрованіи народа продолжали и за гробомъ оказывать прежнюю любовь къ своей землѣ, были на небесахъ представителями и помощниками нѣкогда управляемаго ими народа. Память мужей церкви, отшельниковъ отъ міра возбуждала въ благочестивыхъ поклонникахъ думы о суетѣ міра, о превосходствѣ духовной жизни; особы княжескаго рода были ближе къ земному порядку: они не убѣгали отъ міра въ дебри и лѣса, они вращались съ людьми, несли семейныя и общественныя обязанности, не чуждались житейскихъ радостей, боролись наравнѣ съ другими противу треволненій житейскаго моря. Оттого

и послѣ смерти они казались ближе къ земнымъ потребностямъ чѣмъ тѣ, которые во время земного своего поприща пренебрегали ими и покидали ихъ для высшей сферы. Не было почти земли русской, гдѣ бы не являлось благоговѣйнаго уваженія къ памяти о лицѣ изъ мѣстнаго княжескаго рода. Въ Новгородѣ чтили Владиміра, строителя св. Софіи, и Мстислава Храбраго, распространившаго предѣлы владѣній Великаго Новгорода; Псковъ возвышался и пріобрѣталъ независимость отъ Новгорода подъ благословеніемъ князя Всеволода-Гавріила, изгнаннаго новгородцами и съ честью принятаго псковитянами;—тотъ-же Псковъ, въ своей нескончаемой брани съ нѣмцами, воодушевлялся мужествомъ, надѣясь на святого Довмонта-Тимоѳея, богатыря, охранявшаго освященнымъ у св. Троицы мечемъ и православіе и русскую народность противъ покушеній нѣмецкаго католичества; Полоцку покровительствовала св. Евфросинія; Кіевъ помнилъ Ольгу, Владиміра, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; замученный клеветами Игорь нашелъ себѣ посмертный покой въ родномъ ему Черниговѣ. Муромъ пребывалъ подъ покровительствомъ своего просвѣтителя князя Константина съ сыновьями, и добродѣтельной четы — Петра и Февроніи. Татарское насиліе украсило княжескіе роды черниговской и рязанской земель страдальческими именами князей черниговскихъ Михаила и Ѳеодора, и рязанскаго Романа Ольговича; суздальско-ростовско-владимірская земля, издавна стремившаяся стать во главѣ русскихъ земель, явила рядъ святыхъ княжескаго происхожденія по плоти: Евфросинія Суздальская въ Суздалѣ, во Владимирѣ Андрей и Александръ Невскій, въ Ростовѣ Юрій и Василько, погибшіе въ борьбѣ противъ татаръ, въ Переяславѣ Андрей, въ Угличѣ Романъ, въ Ярославлѣ Ѳеодоръ и дѣти его Давидъ и Константинъ. Москва вела Русь къ единодержавію подъ благословеніемъ родоначальника своихъ князей Даніила, а ея соперница Тверь отстаивала свою самобытность, призывая въ помощь страдальца Михаила, погибшаго въ Ордѣ по проискамъ московскаго князя. Когда единовластіе замѣнило удѣльность и Москва стала головою восточной Руси, уваженіе къ мѣстнымъ патронамъ не охладѣвало долго. Многіе угодники, мѣстно чтимые въ древнихъ городахъ, получили общецерковное значеніе только въ московскій періодъ.

Явленіе новой святыни чаще всего происходило въ эпохи бѣдствій. Просіявшая въ горькіе часы испытанія, благодать утверждала и упрочивала вѣру въ мѣстную святыню. Не было ни одного сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ-бы не находилось мощей или чудотворной иконы, и всегда при такой святынѣ сохранялось преданіе объ избавленіи мѣстности отъ

бѣдствій — преимущественно отъ непріятельскаго нашествія. Такія чудеса составляли славу святыни на будущіе вѣка. Въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена преданіе легко получало значеніе несомнѣнной религіозной истины отъ простоты вѣрующаго сердца. Впрочемъ, православная церковь никогда не признавала правильнымъ безъ разсужденія и изслѣдованія допускать всякому преданію, хотя-бы благочестивому и сообразному съ духомъ религіи, вступать въ область непогрѣшительныхъ истинъ. Въ XVII вѣкѣ, церковная критика дѣйствовала гораздо рѣшительнѣе и сильнѣе чѣмъ прежде. Тогда была эпоха Никона, эпоха пересмотра богослужебныхъ книгъ, обрядовъ, религіозныхъ обычаевъ и преданій, эпоха смѣлой реформы всего того, что послѣ пересмотра оказалось лишеннымъ достаточныхъ основаній для своего освященія церковнымъ авторитетомъ. Тогда-то церковная власть не утвердила своимъ авторитетомъ многія жизнеописанія, составленныя по неосновательнымъ изустнымъ преданіямъ, иногда съ явными слѣдами собственнаго вымысла составителя, который, за недостаткомъ самобытнаго творчества, часто дѣлалъ осколокъ съ прежнихъ житій. Какъ искренно и неуклонно поступала тогда церковь, показываетъ то, что на соборѣ 1667 (Д. М. V. 563) рѣшились отвергнуть между прочимъ житіе Евфросина Псковскаго (въ той части, которую нашли погрѣшительною), даромъ что стоглавый соборъ, имѣвшій въ виду это житіе и на немъ основываясь, утвердилъ было сугубое аллилуіа.

Кашинъ былъ нѣкогда княжескимъ удѣльнымъ городомъ, имѣлъ свою волость, всегда составлялъ часть тверской земли, но въ тоже время стремился удержать свою мѣстную автономію. Въ XIV вѣкѣ, родъ тверскихъ князей раздѣлился на двѣ линіи, и одна изъ нихъ избрала себѣ Кашинъ. Въ удѣльно-вѣчевыя времена новыя княжества возникали и упрочивались въ такихъ городахъ, которые, по какимъ-либо благопріятнымъ географическимъ условіямъ и историческимъ обстоятельствамъ, будучи пригородами главнаго города земли, получали болѣе, чѣмъ другіе пригороды, значенія, силы и достоинства. Во всѣхъ русскихъ земляхъ видимъ мы одно и тоже явленіе: города, бывшіе нѣкогда только пригородами, возвышались до того, что достигали до извѣстной степени равенства съ главнымъ городомъ, а иногда совсѣмъ выдѣлялись изъ одной съ ними земли и дѣлались средоточіемъ земли собственной. Примѣры перваго рода встрѣчаются въ суздальско-ростовской землѣ, гдѣ еще въ XII вѣкѣ Суздаль и Ростовъ были два равные города въ одной землѣ; потомъ тамъ возвысился изъ пригородовъ Владиміръ и взялъ первенство надъ

старыми городами; за нимъ города Переяславль-Залѣсскій, Городецъ, Кострома, Угличъ, Бѣлоозеро, Нижній-Новгородъ, хотя долго составляли вмѣстѣ совокупность одной земли, но имѣли равное значеніе независимыхъ городовъ и поддерживали до извѣстной степени автономію тянувшихъ къ нимъ территорій. Тоже въ рязанской землѣ; Пронскъ, бывши пригородомъ Рязани, возвышается до равенства съ Рязанью, хотя не выступаетъ изъ сферы рязанской земли. Въ землѣ кривичей тоже явленіе представляетъ городъ Витебскъ, возвышавшійся до равенства съ Полоцкомъ, какъ это показываетъ договоръ Герденя съ нѣмцами; на Волыни точно также, кромѣ Владимира Волынскаго поднялся Луцкъ; въ Червонной Руси, кромѣ Галича,—Перемышль. Можно тоже сказать въ большей или меньшей степени и о многихъ другихъ городахъ, которыхъ возвышеніе передъ прочими своей земли нѣсколько замѣтно; напр., въ Новгородской землѣ поднялись болѣе другихъ Ладога, Руса и Торжокъ; послѣдній оказывалъ, при случаѣ, стремленіе къ выдѣленію изъ новгородской земли. Примѣрами второго рода совершеннаго выдѣленія могутъ теперь служить нѣкогда бывшіе только пригородами, которые въ землѣ суздальско-ростовской впослѣдствіи пріобрѣли главенство надъ своими отдѣльными землями и пригородами и выдѣлились изъ прежней земли, такова Тверь, которая нѣкогда принадлежала къ суздальско-ростовской землѣ, а послѣ выдѣлилась изъ нея и образовала вокругъ себя свою собственную землю съ пригородами; тоже явленіе на сѣверѣ со Псковомъ, который былъ нѣкогда пригородомъ Новгорода, а потомъ достигъ независимости и сдѣлался главою своихъ десяти пригородовъ. Отдѣленіе двинской земли отъ Новгорода подобно Пскову висѣло, такъ сказать, на волоскѣ.

Въ тверской землѣ въ XIV вѣкѣ сталъ возвышаться Кашинъ. Въ 1326 году, лѣтописецъ, разсказывая о нападеніи Ивана Даниловича московскаго на тверскую землю съ татарами, говоритъ: *идоша по повелѣнію Цареву и взяша градъ, Тверь и Кашинъ и протчая грады тверской волости* (Ник. 138). Здѣсь Кашинъ упомянутъ одинъ только въ ряду *протчихъ* градовъ: видно, что онъ тогда болѣе другихъ пользовался значеніемъ въ тверской землѣ; иначе-бы лѣтописецъ кромѣ города Твери, не назвалъ-бы никакого города или же поименовалъ бы еще другіе, считавшіеся тверскими пригородами. Междоусобія князя Василія Кашинскаго съ другими князьями тверской земли должны были пріучить кашинцевъ къ сознанію отдѣльныхъ интересовъ, особыхъ отъ прочихъ тверской земли. Междоусобія эти начались съ 1347 года. Племянникъ Василія Кашинскаго, сынъ Александра Михайловича, получилъ отъ хана Чанибека право на Тверь, слѣ-

довательно и старѣйшинство въ тверской землѣ. Дядя оскорбился этимъ. Кашинцы, защищая права своего князя, должны были стоять во враждебномъ отношеніи къ тверичамъ. Отъ этого возсталъ Кашинъ на Тверь, и по выраженію лѣтописца, была *людемъ тверскимъ тягость и мнози люди тверскіе того ради нестроенія разидошася* (Никон. 130). На слѣдующій годъ племянникъ уступилъ дядѣ и самъ удовольствовался прежнимъ своимъ удѣломъ въ Холмѣ. Это событіе подѣйствовало счастливо на состояніе тверской земли: *и поидоша къ нимъ людіе отовсюду въ гiады ихъ, во власти ихъ, во всю землю тверскую и умножишася людіе и возрадовавшася радостію великою* (Ник. 192). Это извѣстіе, со многими подобными въ нашихъ лѣтописяхъ, указываетъ на ту подвижность русскаго населенія, которая шла рядомъ съ междоусобіями и часто какъ отъ нихъ зависѣла, такъ и способствовала ихъ учащенію. Когда въ землѣ безпокойно, люди не затруднялись съ своимъ несложнымъ имуществомъ переходить въ другія русскія земли; а гдѣ водворялось болѣе или менѣе продолжительное спокойствіе, туда приливало и народонаселеніе. Москва обязана вначалѣ своимъ возвышеніемъ умѣнію Ивана Даниловича Калиты обезопасить московскую землю отъ татарскихъ вторженій и внутреннихъ междоусобій: отъ этого московская земля стала заселяться болѣе другихъ и притягивала съ себѣ сочувствіе жителей другихъ земель, не пользовавшихся такимъ спокойствіемъ. Но обратимся къ Кашину.

Кашинъ черезъ переходъ своего князя въ Тверь не слился съ Тверью, не потерялъ своей доли автономіи; это показываетъ, что эта автономія явилась не случайно, вслѣдствіе передвиженій, а имѣла основанія поглубже. Василій Михайловичъ, сдѣлавшись тверскимъ княземъ, старѣйшимъ между всѣми князьями тверской земли, оставилъ въ Кашинѣ своего сына Василія (Ник. IV, 5), слѣдовательно призналъ за Кашиномъ почетное право имѣть своего князя. Возведеніе Василія Михайловича въ достоинство старѣйшаго не надолго успокоило тверскую землю. Тверскую землю постигло значительное междоусобіе въ 1364 году. Передъ тѣмъ только отъ свирѣпствовавшей моровой язвы вымерло много князей тверского рода. Между тверскимъ Василіемъ Михайловичемъ и Михаиломъ Александровичемъ микулинскимъ княземъ (однимъ изъ удѣльныхъ князей тверской земли), возникъ споръ о наслѣдствѣ послѣ умершаго князя Семена. По благословенію митрополита, спорившіе отдались на судъ тверского владыки. Тотъ оправдалъ Михаила Александровича. Вслѣдъ затѣмъ послѣдній сталъ княземъ въ Твери, т.-е. старѣйшимъ или великимъ княземъ тверской земли. Василій Михайловичъ долженъ

былъ оставаться въ Кашинѣ, который передъ тѣмъ не задолго лишился своего особаго князя, Василіева сына; но Василій Михайловичъ не думалъ повиноваться этой судьбѣ; кашинцы пошли на тверичей за своего князя. Два города, Тверь и Кашинъ, сдѣлались двумя враждебными станами въ тверской землѣ. Кашинскій князь, вмѣстѣ съ оскорбленнымъ подобно ему братомъ покойнаго Семена Іеремією Константиновичемъ, навелъ на Тверь вспомогательныя силы изъ Вологды и изъ Москвы, постоянной соперницы Твери. Тверскую землю постигло обычное при войнахъ разореніе. Церковныя волости должны были особенно пострадать за своего владыку, котораго князья Василій и Іеремія считали зачинщикомъ смуты: *эти волости плѣнили, пожгли, пусто все сотворили.* Кашинцы, по выраженію лѣтописца, тверичамъ дѣлали досады безчестіемъ и муками и разграбленіемъ имѣнія и продажею безъ милованія. На ту пору Михаилъ Александровичъ былъ въ Литвѣ, куда поѣхалъ просить помощи на враговъ. Осенью 1366 года, онъ воротился съ литовскою силою и пошелъ на Кашинъ, тогда кашинская земля должна была испытать возмездіе за то, что кашинцы натворили въ тверской. Василій Михайловичъ не имѣлъ довольно силы, чтобъ дать отпоръ литовской силѣ, и послалъ просить мира. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ находился тогда тотъ самый владыка, который рѣшилъ дѣло не въ его пользу, теперь онъ присталъ къ тѣмъ, кого прежде обвинялъ: не даромъ, видно, пустыми сотворили его волости. И онъ просилъ мира у Михаила Александровича. Все сталось по волѣ послѣдняго. Воевать было не за что. Только Іеремія не хотѣлъ мириться и уѣхалъ въ Москву поджигать противъ Михаила Александровича московскаго князя. Въ 1367 году, Василій Михайловичъ скончался; но распри Кашина съ Тверью не порѣшились съ его смертью.

Открылась упорная и кровавая борьба Михаила Александровича съ Димитріемъ Ивановичемъ Московскимъ, возбужденная, между прочимъ, Іеремією Константиновичемъ. Ольгердъ Литовскій, помогая шурину своему тверскому князю, опустошилъ московскую землю; московская сила взяла и сожгла Зубцовъ и Микулинъ и разорила тверскія волости — и вся власти и села повоева и позже и пусто сотвори. Въ Кашинѣ былъ княземъ сынъ Василія Михайловича, Михаилъ Васильевичъ, о которомъ сохранилось извѣстіе, что Богъ наказывалъ его и супругу его тяжелою болѣзнію за перенесеніе церкви изъ монастыря Богородицы во внутрь города; впрочемъ, онъ умилостивилъ гнѣвъ божій тѣмъ, что поставилъ иную церковь на прежнемъ мѣстѣ,

гдѣ стояла перенесенная въ городъ церковь. До 1371 года этотъ князь не былъ участникомъ въ дѣлѣ вражды Твери съ Литвою, но въ этомъ году принялъ сторону Москвы. Михаилъ Александровичъ повелъ на Кашинъ литовское войско подъ предводительствомъ Кестута; повоевали кашинскую волость, людей въ плѣнъ набрали, взяли *окупъ* съ самого города Кашина (Ник. IV. 83). Кашинскій князь принужденъ былъ отдаться въ волю тверского и утвердилъ съ нимъ союзъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но видно тяжело было Кашину такое подчиненіе. Въ слѣдующую затѣмъ зиму кашинскій князь сложилъ съ себя крестное цѣлованіе тверскому князю, убѣжалъ въ Москву, а оттуда въ Орду. Въ Ордѣ онъ не могъ найти себѣ много полезнаго, потому что въ Ордѣ происходила тогда страшная неурядица. Кашинскій князь воротился ни съ чѣмъ. Михаилъ Александровичъ былъ занятъ укрѣпленіемъ своей Твери, вѣроятно ожидая на нее нападенія. Въ 1372 году кашинскій князь умеръ. Сынъ его Василій Михайловичъ по единому слову,—говоритъ лѣтописецъ,—пріѣхалъ въ Тверь съ бабкою своею Еленою и съ кашинскими боярами: онъ принесъ Михаилу челобитіе и отдался въ его волю. Вслѣдъ затѣмъ помирились и заклятые враги, тверской и московскій князья; христіанамъ стало отъ узъ разрѣшеніе, христіане радостью возрадовались, говоритъ лѣтописецъ. Не надолго была и на этотъ разъ радость мира. Невыносимо было для кашинскаго князя властолюбіе старѣйшаго, онъ убѣжалъ въ Москву. Тверской князь отправилъ двухъ московскихъ перебѣжчиковъ въ Орду направить татаръ на враждебный Кашинъ.

Въ 1373—1374 годахъ, призванная Тверью Орда налетѣла на него и сожгла: Кашинъ оставался тогда безъ князя, жившаго въ Москвѣ; Кашиномъ управлялъ вмѣсто князя бояринъ Парфеній Θеодоровичъ: его убили татары. Они завоевали все Запенье, много погибло народа, много въ полонъ взято. Въ августѣ 1375, Димитрій Московскій съ силами подручныхъ ему князей въ союзѣ съ новгородцами и кашинцами, обложилъ Тверь и стоялъ подъ городомъ четыре недѣли. Правда, Тверь отсидѣлась, да тверская волость страшно пострадала. Одни союзники Москвы—новгородцы вмѣстѣ съ новоторжцами, мстили тверской землѣ за разореніе Торжка, другіе—кашинцы не уступали имъ въ жестокостяхъ за недавнія опустошенія своихъ селъ и за истребленіе своего города.

Города: Микулинъ, Зубцовъ, Старица, Бѣлгородъ были сожжены, сгорѣло много селъ; жители гибли отъ оружія; безоружныхъ, лишенныхъ жилищъ гнали въ плѣнъ; истребляли и хлѣбъ на поляхъ и на гумнахъ. Михаилу Александровичу оставалось

покориться. Онъ просилъ мира. Ему дали миръ на условіяхъ, выгодныхъ для побѣдителей. Михаилъ призналъ надъ собою первенство московскаго князя, и удовлетворилъ его союзниковъ новгородцевъ. Кашинъ выигралъ вполнѣ. Въ договорѣ, заключенномъ Михаиломъ Александровичемъ съ Дмитріемъ, тверской великій князь отступался отъ права вмѣшиваться въ Кашинъ (А въ Кашинъ ти ся не вступати, а что потягло къ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василій.—С. Г. Гр. и Д. I.—46). Михаилъ Александровичъ обязался возвратить свободу кашинцамъ, захваченнымъ въ плѣнъ въ теченіи прошедшей вражды и терялъ на будущее время право суда надъ ними. (А что еси изъималъ бояръ или слугъ и людей Кашинскихъ да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти поруку свести и ихъ отпустити, и кому чего на нихъ искати, ино тому судъ, т.-е. общій судъ). Изъ послѣдняго мѣста въ грамотѣ видно, что тогда происходили важныя недоразумѣнія и распри между тверичами и кашинцами, и тверской князь, какъ старѣйшій въ землѣ, присвоилъ себѣ право суда надъ кашинцами, рѣшалъ (по мнѣнію послѣднихъ, пристрастно) въ пользу своихъ, и такія столкновенія, безъ сомнѣнія, давали пищу княжескимъ распрямъ, и возбуждали и поддерживали ихъ. Теперь Кашинъ съ своею волостью пріобрѣталъ признанную автономію, хотя не выходилъ однако изъ предѣловъ тверской земли. Если представить себѣ горькое положеніе жителей тверской земли въ эпоху междоусобій двухъ ея главныхъ городовъ, что легко понять, какъ эти междоусобія, обезсиливая Тверскую землю, способствовали возвышенію сосѣдней московской, гдѣ въ тоже время жители пользовались относительно гораздо большею безопасностію. Со смертію Василія не продолжалась въ Кашинѣ линія Василія Михайловича перваго. Неизвѣстно, умеръ-ли Василій Михайловичъ второй бездѣтнымъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ Кашинъ не оставался въ его родѣ. Тѣмъ не менѣе, Кашинъ не терялъ своей поземельной самобытности, разъ пріобрѣвши ея; она выражалась въ потребности имѣть отдѣльнаго князя съ своею автономіею, онъ подчинился Твери. Тверской князь, какъ старшій въ землѣ, назначилъ туда сына Бориса Михайловича. Замѣчательно, что по смерти его, случившейся въ 1395 году (Ник.—IV 257), тѣло его погребено не въ Кашинѣ, а въ Твери у св. Александра (вѣрно въ память его дѣда). Послѣ него въ Кашинѣ былъ княземъ Василій Михайловичъ, братъ предыдущаго (Ник. IV—298). Послѣ смерти отца его, Михаила Александровича (л. Ник. 1399), старѣйшимъ тверскимъ княземъ сталъ одинъ изъ его сыновей Иванъ Михайловичъ и выпросилъ въ ордѣ у Темиръ-Кутлука

ярлыкъ на великое княженіе въ тверской землѣ. Съ перваго же раза возникли у него недоразумѣнія съ Кашиномъ, старѣйшій князь требовалъ отъ всѣхъ бояръ тверской земли, чтобъ они цѣловали крестъ ему, какъ великому князю, а не всѣмъ братьямъ, дѣтямъ бывшаго стариннаго тверского князя вмѣстѣ.

Это имѣло тотъ смыслъ, что во всѣхъ удѣлахъ одной и той же земли у бояръ—представителей удѣльной частности,—было сознаніе, что они члены всей своей земли, и слѣдовательно должны всегда жертвовать ей мѣстными интересами, и въ случаѣ разлада великаго князя своей общей земли съ братьями, считали-бы себя обязанными идти за великимъ княземъ, а не за своими удѣльными. Но Кашинъ давно сталъ себя считать въ этомъ отношеніи самостоятельною землею и воспротивился: кашинскій князь Василій Михайловичъ побуждалъ на старѣйшаго прочихъ братьевъ и самую мать свою. Кашинъ опять сталъ пунктомъ противодѣйствующимъ Твери. Несогласія нѣсколько времени вспыхивали, утишались, опять возобновлялись. Въ 1401 году, тверской князь отнялъ у Кашина какія-то урочища (езеро Луское и входъ Еросалима). Василій Михайловичъ обратился къ посредству владыки Арсенія, общаго епархіальнаго начальника всей тверской земли и просилъ общаго суда, т.-е. чтобы равнымъ образомъ разсудили это дѣло сшедшись вмѣстѣ: и судьи со стороны Твери и судьи со стороны Кашина, слѣдовательно, чтобъ Кашинъ имѣлъ въ этомъ случаѣ значеніе независимой земли; тверской князь не соглашался. Суда ти о томъ не дамъ,—говорилъ онъ; т.-е. онъ считалъ себя, какъ старѣйшаго князя всей тверской земли, вправѣ вообще распоряжаться всѣмъ тѣмъ, что входитъ въ область тверской земли, а слѣдовательно и Кашиномъ (Ник., IV, 299). Въ 1403 году, споръ между братьями дошелъ до междоусобія. Иванъ Михайловичъ пошелъ съ ратью принуждать Кашинъ повиноваться своей волѣ; кашинскій князь убѣжалъ въ Москву подъ защиту такого князя, который претендовалъ на старѣйшинство и надъ тѣмъ, кто считалъ себя старѣйшимъ въ тверской землѣ. Московскій князь Василій Дмитріевичъ усмирилъ ихъ (Ник. 307), но плохо и не надолго. Василій Михайловичъ, въ 1405 г., съ кашинскими боярами пріѣхалъ въ Тверь, по какому-нибудь общественному дѣлу; Иванъ Михайловичъ задержалъ его и всѣхъ бояръ съ нимъ (Ник. 313). Это было зимой. На страстной недѣлѣ въ пятницу братья помирились. Василій Михайловичъ былъ отпущенъ на святой недѣлѣ во вторникъ. Но чрезъ короткое время, именно въ Петровскій постъ между тверскими и кашинскими князьями опять вспыхнуло несогласіе. Василій убѣжалъ въ Москву, а Иванъ Михайловичъ овладѣлъ Кашиномъ и поставилъ тамъ сво-

ихъ начальниковъ. Понятно, что для кашинцевъ эта перемѣна была тяжела: — намѣстники, говоритъ лѣтописецъ, — много зла сотвориша христіанамъ продажей и грабежемъ (Ник. 314). На слѣдующій годъ Василій Михайловичъ помирился со старѣйшимъ и отправился въ свой Кашинъ (Ник. 317). Въ 1412 году, Иванъ Михайловичъ приказалъ взять (изымать) своего брата, его бояръ и его слугъ и послалъ въ Кашинъ намѣстниковъ. Даже супругу Василія Михайловича велѣно было доставить въ Тверь. Это случилось 28 іюня. На другой день, въ четвертокъ, послѣ вечерни Иванъ Михайловичъ отправилъ своего брата подъ стражей въ свой новый городокъ; когда кашинскій князь былъ на Переволокѣ и нужно было всѣмъ сойти съ лошадей, сторожа сошли, а князь пришпорилъ свою лошадь, переѣхалъ въ бродъ рѣку Тмаку и ускакалъ не по дорогѣ. На немъ не было верхней одежды, онъ былъ въ терликѣ; на немъ не было кивера. Въ одномъ селеніи ему удалось найти человѣка, который принялъ въ немъ участіе, скрылъ его въ лѣсу; съ нимъ онъ убѣжалъ въ Москву. Долго за нимъ гонялись, искали его, но не нашли (Ник. V, 43).

Кашиномъ стали управлять невыносимые намѣстники тверскіе, и кашинцы вспоминали, что не даромъ предъ ихъ несчастіемъ были зловѣщія предзнаменованія. 8 декабря, князь былъ въ своемъ селѣ Страшковѣ въ церкви, на храмовомъ праздникѣ на вечерни. Вдругъ пролетѣлъ по воздуху изъ Кашина великій и страшный огненный змѣй, по направленію отъ востока къ западу; и князь и бояре и всѣ люди видѣли это знаменіе, а уже послѣ того, какъ князя взяли изъ Кашина, показалось другое знаменіе: увидали люди серпъ изъ облака.

Неизвѣстно когда рѣшилось кашинское дѣло. Въ лѣтописяхъ оно исчезаетъ, конечно случайно, какъ многое изъ событій старины; у насъ не вошло оно въ исторію, потому что не попалось подъ руки тѣмъ, которые собирали лѣтописныя сказанія и сводили ихъ вмѣстѣ. Только подъ 1425 (Ник. С, 85) говорится о смерти Ивана Михайловича Тверского, потомъ о преемничествѣ сына его Александра. И сяде по немъ на великомъ княженіи Тверскомъ сынъ его князь Александръ, мѣсяца мая въ 1 день. Потомъ говорится: А въ Кашинѣ дядя его князь Василій Михайловичъ. Но здѣсь отсутствіе глагола дѣлаетъ двусмысліе. Въ то время какъ Александръ заступилъ мѣсто своего отца въ Твери, въ Кашинѣ пребывалъ ли уже Василій Михайловичъ или же онъ сталъ княземъ кашинскимъ разомъ какъ Александръ сталъ тверскимъ? Тотъ Александръ княжилъ не долго, братъ его Юрій заступилъ его мѣсто, умеръ также скоро, и

великимъ княземъ тверской земли сдѣлался сынъ Александра — Борисъ.

Этотъ новый князь окончилъ долгую борьбу Твери съ Кашиномъ. Онъ схватилъ Василія Кашинскаго и лишилъ его княженія. Неизвѣстно, какъ кончилъ свое существованіе этотъ князь, упорный борецъ за самостоятельность Кашина, терпѣвшій всю жизнь столько потрясеній; послѣ него въ Кашинѣ уже не было отдѣльныхъ князей. Но Кашинъ и въ соединеніи съ Тверью все еще считался единицею, имѣющею нѣкоторую автономію. Въ договорной грамотѣ Бориса Александровича и тверской земли съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и удѣльными князьями московской земли, пересчитываются удѣльные князья тверского рода Иванъ Юрьевичъ (Зубцовскій), Андрей Ивановичъ (Холмскій), Θеодоръ Θедоровичъ (Микулинскій) (А. А. Э. 1. 25. — Родосл. кн. Временн. X. 51—52); но удѣлы упоминаемыхъ князей вовсе не называются, потому что пригороды, гдѣ жили эти князья по отношенію къ собирательной единицѣ, тверской земли, не имѣли важнаго значенія и князья въ нихъ находились независимо отъ какого-нибудь права быть князю именно въ этихъ пригородахъ, и князья въ нихъ были случайно, тогда какъ о Кашинѣ говорится какъ о единицѣ, составляющей половину тверской земли (а имать вамъ (татары) давать, домъ св. Спаса и нашу отчину великое княженіе Тверь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имать за домъ святого Спаса и за нашу отчину великое княженіе Тверь и Кашинъ). Извѣстно, что удѣлы княжескіе не всегда были единственнымъ условіемъ автономіи города и земли; удѣльное княженіе исчезало, а значеніе земли оставалось. Также точно появленіе удѣльнаго князя въ какомъ-нибудь незначительномъ городкѣ не давало ему сразу автономіи, если этому не способствовали другія условія. Въ 1485 г. пала независимость тверской земли; князь Михаилъ Борисовичъ убѣжалъ въ Литву и умеръ въ изгнаніи; другіе князья тверской земли поступили въ ряды московскихъ слугъ, потомъ и холоповъ. Тогда кашинская земля, наравнѣ съ волостями другихъ пригородовъ (Старицы, Зубцова, Опокъ, Холма, Клина, Новгородка), была разбита на сохи Василіемъ Карамышевымъ, — обыкновенное распоряженіе московскаго правительства въ присоединенныхъ къ Москвѣ русскихъ земляхъ. Московское единовластіе, поразивъ древнее удѣльное вѣчевое начало, прекративъ автономію земель, не могло, однако, вдругъ лишить ихъ преданій, укорененныхъ въ обычаяхъ и нравахъ.

Мы привели вкратцѣ очеркъ прежней судьбы Кашина, чтобъ показать, что этотъ городъ имѣлъ свою исторію, наравнѣ съ та-

кими городами, у которыхъ отъ подобной мѣстной исторіи оставалась мѣстная религіозная святыня, поддерживавшая честь своего города съ ея землею. При той вѣрѣ, какую въ старыя времена имѣлъ народъ къ вещественнымъ предметамъ святости, какъ-то къ св. иконамъ, мощамъ, православнымъ церквамъ и обителямъ, понятно, что присутствіе подобной святыни создало нравственную потребность. Въ болѣзняхъ и скорбяхъ обращались къ своемѣстной святынѣ, какъ къ единственному средству врачеванія; въ случаѣ когда угрожало мѣстамъ какое-нибудь общественное бѣдствіе, жители прибѣгали къ ней подъ защиту. Городъ, гдѣ почивалъ угодникъ, особенно такой, который (какъ напр.; лицо княжескаго рода) при жизни любилъ и охранялъ его, считалъ себя болѣе безопаснымъ, чѣмъ тотъ, который не имѣлъ такого мѣстнаго защитника.

Двѣсти сорокъ три года почивала вѣчнымъ сномъ одна княгиня древняго Кашина, подъ полусогнившею кровлею ветхой церкви. Никто ея не помнилъ, никто не думалъ о ней. Въ царствованіе Шуйскаго литовская рать нападаетъ на Кашинъ. Не до него было царю. Царь Василій самъ чуть держался въ своей Москвѣ, въ виду тушинскаго лагеря. Около Кашина не было острога. Враги ограбили посадскіе дворы, нѣкоторыхъ жителей убили, другихъ поранили и ушли. Кашинцы, изъ опасенія, чтобъ ихъ не посѣтили непріятели болѣе многочисленные чѣмъ прежніе, построили вблизи своего посада острогъ. Ихъ опасеніе сбылось. Черезъ нѣсколько времени явилась густая толпа враговъ: она ничего не сдѣлала Кашину и отошла прочь. Приходили литовцы въ третій разъ, и также не взяли Кашина; приходили въ четвертый, и также ушли безуспѣшно. Кашинцамъ, по тогдашнему образу понятій, стало ясно, что это не съ-проста, что ихъ защищаетъ какая-то особая божественная благодать. *Разумѣвше яко не отъ своей силы градъ соблюдается обаче не вѣдяху кто по нихъ побораетъ и избавляетъ ихъ отъ плѣненія сопротивныхъ, понеже вся грады плещи своя вдаша воюющимъ.* Тутъ Господь показалъ кашинцамъ кто ихъ защищаетъ. Въ церкви, о которой сказано выше, помостъ въ одномъ мѣстѣ совершенно сгнилъ: виднѣлась земля, а въ землѣ вкопанъ былъ гробъ; на это не обращали вниманія, не слишкомъ любопытствовали когда и кто положенъ былъ въ этомъ гробѣ. Нѣкоторые люди, приходя въ церковь, клали на гробъ свои шапки. Въ это время пономарь церкви, по имени Герасимъ, лежалъ больной. Вдругъ къ нему явилась женщина въ иноческомъ одѣяніи. Ея внезапное появленіе подѣйствовало на него благопріятно; онъ поднялся съ постели и сталъ здоровъ. Она говорила ему: *Почто гробъ мой ни во что вмѣняете и мене*

презираете, и яко просту вмъняете гробу быти? Не видите ли людей приходящихъ и шапки свои помъщающихъ на гробъ мой и садящихся? Она объявила пономарю, что молится за кашинцевъ Богу и соблюдаетъ ихъ отъ многихъ пакостей; она велѣла ему сказать пресвитеру, чтобъ съ этихъ поръ соблюдали съ честью ея гробъ, не садились бы на него, не клали шапокъ и чтобъ надъ ея гробомъ, предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, зажгли свѣчу. Пономарь объявилъ о своемъ видѣніи священнику. Скоро вѣсть о видѣніи разнеслась по городу. Зажгли свѣчу предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса и горѣла она негасимо и стали люди приходить и поклоняться гробу. Больные получали предъ нимъ исцѣленіе, и такъ *тотъ гробъ преподобныя княгини Анны и поклоняемъ честно и велелъпно.* Но мощи ея оставались неоткрытыми даже до дней Алексѣя Михайловича. *Лукавый сатана,* говоритъ жизнеописатель,— *не хощетъ ни единымъ божественнымъ мощемъ въ видъніи быти всъмъ человъкомъ.* Наконецъ, нашлись благочестивые кашинцы, которые отправились въ Москву и повѣдали патріарху и царю о томъ, что гробъ княгини обрѣтается поверхъ земли и многія чудеса надъ нимъ творятся. Повѣствующій объ этой депутаціи изъ Кашина вложилъ ей въ уста высокопарный плачь церкви о томъ, что такое великое сокровище сокрывается напрасно. Царское писаніе повелѣваетъ тверскому архіепископу Іонѣ ѣхать въ Кашинъ созвать духовенство. Архіепископъ со всѣмъ клиромъ пріѣхалъ на мѣсто, и послѣ совершенія богослуженія въ церкви Успенія Богоматери, даетъ приказъ вскрыть гробъ: *обрътше его-же не надъяшася мощи цълы и не разрушимы и никако же тлънію причастна быша ниже ризамъ ея.* Какъ часто бываетъ при вскрытіи святыхъ мощей: *благоуханія неизреченнаго воздухъ наполнися отъ мощей преподобныя и всъхъ услаждая и возвеселяя, сердце подвизая на благодареніе и славословіе въ святыхъ чудодъйствующему Богу.* Совершивъ достодолжное цѣлованіе святыхъ мощей, тверской владыка уѣхалъ въ Тверь и тотчасъ возвѣстилъ царю. Алексѣй Михайловичъ обрадовался и рѣшилъ, что *мощи* должны быть перенесены въ соборную каменную церковь, до тѣхъ поръ пока на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала св. княгиня, построится храмъ въ ея имя. Написалъ царь къ ростовскому архіепископу Варлааму, чтобы тотъ ѣхалъ на перенесеніе мощей. Самъ государь прибылъ въ Кашинъ съ супругою своею царицею Маріею Ильинишною, съ сестрами и братьями; царское семейство сопровождали по обычаю князья, съ нимъ были бояре, жильцы. Царь съ боярями *на рамена своя возложише,* изнесъ гробъ въ соборную церковь, отстоявшую отъ прежней на разстояніи выстрѣла (*яко единымъ стръленіемъ*). Множе-

ство народа стекалось съ разныхъ сторонъ и придавало торжественный видъ благочестивому событію. Когда гробъ внесли въ соборную церковь — совершилось чудо: гробъ вдругъ сталъ такъ тяжелъ, что многіе не могли не только нести его далѣе, но даже двинуть съ мѣста; то былъ чудодѣйственный знакъ, что святая княгиня не желаетъ почивать въ этой церкви. Тогда государь обратился къ святой съ мольбою и просилъ побыть въ этой церкви только до тѣхъ поръ, пока по своему обѣту не воздвигнетъ храма въ ея честное имя. Гробъ по прежнему сталъ легокъ; его внесли въ соборную церковь Воскресенія Христова и поставили на правой сторонѣ у столпа. Царь приказалъ священнику Василію созидать каменную церковь во имя святой княгини Анны, и въ непродолжительное время храмъ былъ оконченъ.

Кто-жъ была нѣкогда въ земной своей жизни эта божія угодница? Житіе говоритъ, что то была супруга Михаила Ярославича, того самаго, который пострадалъ въ Ордѣ по проискамъ московскаго князя и пріобщился къ лику святыхъ. Родомъ она была изъ Кашина, боярская дочь. Въ общихъ чертахъ, жизнеописатель прославляетъ добродѣтели святыхъ супруговъ, возстаетъ противъ княжескихъ враговъ, и особенно хана *Озбяка* и его безсовѣстныхъ совѣтниковъ. Когда Михаилъ собрался въ Орду, гдѣ онъ ожидалъ себѣ мученической кончины, супруга уговаривала его не ѣздить, но доблестный князь не измѣнилъ своего рѣшенія и совѣтовалъ ей уповать на Бога. Послѣ смерти Михаила Ярославича, вдова его жила съ юнѣйшимъ сыномъ Константиномъ въ Твери, отличалась благочестіемъ и нищелюбіемъ, а потомъ оставила суету міра сего и поселилась въ монастырѣ св. Софіи, гдѣ былъ храмъ премудрости Божія слова. Она была доблестная постница. Сынъ ея Константинъ приходилъ къ ней и она поучала его всему благому. По смерти Константина, его братъ, кашинскій князь Василій Михайловичъ, упросилъ мать свою перейти въ Кашинъ; она отрекалась, но сынъ представилъ ей, что всѣ кашинцы хотятъ, чтобъ она окончила дни свои въ ихъ предѣлѣ, ибо Тверь уже имѣетъ въ своихъ стѣнахъ прахъ ея достойнаго супруга. Она, наконецъ, согласилась, простилась съ тверскими жителями, и осталась доживать въ Кашинѣ; тамъ она вызвала къ себѣ всеобщее уваженіе постническимъ воздержаніемъ, добродушіемъ и назидательными поученіями. Она умерла въ лѣто 6846, октября во второй день.

По открытіи мощей рядомъ чудесъ подтверждалась ихъ святость; исцѣлялись преимущественно разбитые параличомъ, разслабленные, бѣснующіеся и *помутившіеся* въ умѣ. Земля подъ гробомъ святой княгини получила цѣлебное свойство: бѣсную-

щаяся дворянская жена Скобнева избавилась отъ терзавшаго ея бѣса, питіемъ воды, смѣшанной съ этой землей. Одному страждущему падучею болѣзнію сама святая явилась во снѣ и приказала идти къ ея гробу; страждущій какъ только пришелъ, такъ и сталъ здоровъ; уже самое изображеніе святой источало чудотворныя исцѣленія; одинъ юноша отъ болѣзни лежалъ весь опухлый, принесли къ нему образъ Анны Кашинской: «надо мной свѣтло», сказалъ онъ, выздоровѣлъ и жилъ потомъ такъ здоровъ, какъ будто съ нимъ ничего не было.

Послѣ общаго вѣрованія, послѣ разсказовъ, записанныхъ и незаписанныхъ о чудесахъ прослывшей въ Кашинѣ святой, послѣ того, наконецъ, какъ самъ царь присутствовалъ при открытіи ея мощей, странно должно было бы показаться, что въ свое время церковь заподозритъ чудеса, совершавшіяся при гробѣ Анны Кашинской, объявитъ несостоятельнымъ жизнеописаніе ея, наконецъ остановитъ чествованіе святой, сокроетъ подъ спудъ ея мощи. А такъ именно и случилось.

При Алексѣѣ Михайловичѣ она пользовалась чествованіемъ, какъ святая; но при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1677 году, былъ при патріархѣ Іоакимѣ написанъ соборный приговоръ, гдѣ церковная критика показывала, что умѣетъ отличать истинную вѣру отъ легковѣрія.

Были посланы въ Кашинъ для дознанія слѣдующіе духовные сановники: преосвященный митрополитъ Іосифъ рязанскій, съ нимъ архимандритъ и протопопъ. Неизвѣстно, что подало поводъ къ посылкѣ ихъ въ Кашинъ и къ осмотру мощей. Мы не имѣли въ рукахъ начала этого дѣла. Когда эта духовная коммиссія воротилась и представила свой досмотръ патріарху Іоакиму, первосвятитель собралъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ свою крестовую патріаршую палату митрополитовъ: Іосифа казанскаго и свіяжскаго, сарскаго и подонскаго, Іосифа рязанскаго и муромскаго, архіепископовъ: Стефана суздальскаго и юрьевскаго, Арсенія псковскаго и изборскаго, Симеона бывшаго сибирскаго, да Чудова монастыря архимандрита Павла. Этотъ соборъ слушалъ досмотръ сдѣланный архіереями, ѣздившими въ Кашинъ, разсмотрѣлъ житіе Анны Кашинской, и нашелъ его несогласнымъ съ лѣтописями. Замѣчателенъ тогдашній способъ критики, правду сказать, очень здравый; мы познакомимъ съ нимъ читателей въ оригиналѣ. Соборъ нашелъ въ житіи тринадцать несообразностей (несогласій):

1-е несогласіе.

Написано въ житіи: яко благовѣрная княгиня Анна была родомъ города Кашина, дщи славныхъ бояръ.

А въ лѣтописцахъ: дщи князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго.

2-е несогласіе.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ Ярославичъ шедъ въ орду, взя съ собою сына своего князя Дмитрія.

А въ лѣтописцахъ написано: былъ въ ордѣ съ княземъ Михаиломъ Ярославлевичемъ, сынъ его князь Константинъ.

3-е несогласіе.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ кончину пріялъ мечемъ усѣченъ бысть.

А въ лѣтописцахъ: ножемъ въ ребро въ десную сторону ударенъ и тако духъ испустити.

4-е несогласіе.

Въ житіи написано: тѣло князя Михаила Ярославлевича привезено изъ орды сыномъ его княземъ Дмитріемъ въ Тверь.

А въ лѣтописцахъ: великій князь Юрій Даниловичъ въ ордѣ повелѣ взяти тѣло его и привезоша въ Москву и положиша въ монастырь церкви святаго Преображенія. Потомъ же по прошенію великой княгини Анны и сыновъ ея, князь великій Юрій Даниловичъ отпусти тѣло его съ Москвы.

5-е несогласіе.

Въ житіи написано: пребывала великая княгиня съ сыномъ своимъ Константиномъ въ Твери, тому бо градъ Тверь въ отчее достояніе въ наслѣдіе достася.

А въ лѣтописцахъ: Константинъ и Дмитрій, а не единъ князь Константинъ, понеже въ лѣто 6834, еще живу сущу князю Константину, пріиде изъ орды князь Александръ Михаиловичъ, съ пожалованіемъ отъ царя и сѣде на великое княженіе въ Твери. Егда же князь Александръ со татарскаго насилія отъиде въ Псковъ, тогда царь Азбекъ даде великое княженіе тверское князю Константину Михайловичу. По немъ же царь Азбекъ паки даде великое княженіе Александру Михаиловичу, а по убіенію его въ ордѣ князя Александра, князь Константинъ шедъ въ орду, тамо и преставися.

6-е несогласіе.

Въ житіи написано: по смерти князя Константина зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ. Зане рече: аще бы и хотѣлъ оставити городъ той и переселитися сѣмо по смерти брата моего, но на кого же оставить вельможъ моихъ и градъ весь.

А въ лѣтописцахъ: по смерти князя Константина въ лѣто

6858, князь Василій сѣде на великомъ княженіи въ Твери, въ лѣто 6865. Князь Василій Михайловичъ ѣздилъ въ орду; въ лѣто 6866, пріиде изъ орды въ Тверь.

7-е несогласіе.

Въ житіи написано: преставися преподобная великая княгиня Анна въ лѣто 6846.

А въ лѣтописцахъ: въ лѣто 6867 (6) еще жива бяша великая княгиня Софія и живши въ Софійскомъ монастырѣ. (А при Софіи въ монастырь созывается преосвященный Іосифъ митрополитъ, что стоитъ въ Твери, а не въ Кашинѣ) и преставилася въ лѣто 6876, а гдѣ преставилася въ Твери или въ Кашинѣ, того въ лѣтописяхъ не написано, и оттуда числа преставленія въ житіи не написано, такъ и не сыскано.

8-е несогласіе.

Въ житіи написано: прежде преставленія княгини Анны въ лѣто 6846, октября во 2-ой день, потомъ того-же лѣта сына ея князя Василія, Іулія въ 27 д., а въ Троицкомъ лѣтописцѣ писано, преставленіе князя Василія Михайловича въ лѣто 6874, а въ прочихъ лѣтописцахъ въ лѣто 6876, прежде писано о преставленіи князя Василія Михайловича.

9-е несогласіе.

Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано: мощи никако-же тлѣнію причастны; а по осмотру и свидѣтельству преосвятителя Іосифа митрополита рязанскаго и муромскаго, преосвятителя Симеона архіепископа тверскаго и кашинскаго и архимандрита и протопопа, мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася.

10-е несогласіе.

По сказкѣ попа Василія и отца его старца Варлама написано: рука правая лежитъ на персяхъ согбенна яко благословящая.

А по нынѣшнему архіерейскому досмотру: правая рука въ завитіи погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящи.

11-е несогласіе.

Въ допросныхъ рѣчахъ попа Василія написано: андреевскій архимандритъ Сильвестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ.

А старецъ Варламъ отецъ его сказалъ: архимандритъ же Сильвестръ княгини Анны руку персты разгибалъ, а какъ опустилъ, и они такожды согбенны учинилися по прежнему.

И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ.

А нынѣшняго году въ досмотрѣ архіереевъ написано: согнути длани и перстовъ или разгнути ни у которыя руки невозможно, для того, что засохли на крѣпко, только кости сухія да къ нимъ присохла кожа.

12-е несогласіе.

Въ житіи въ двохъ мѣстахъ написано: тлѣнію ни токмо мощи, но и ризы непричастны быша.

А по досмотру нынѣшнему архіерейному риза, во что скутана, и схима истлѣли, только въ остаткѣ части креста что былъ вышитъ на куколь шолкомъ, да часть плетей схимническихъ, и то истлѣло все, лежитъ на персяхъ, только знакъ, а принятися не мощно, а на бедрахъ свивальникъ, какъ поясъ, да нить лежатъ истлѣли, принятися не мощно. Калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла.

Въ сказкѣ Никифора Варламова сына написано: житіе-же благовѣрныя княгини Анны писано въ Соловецкомъ монастырѣ изъ Степенныя книги, и по его Никифоровыхъ словахъ, въ то время какъ бывшій Никонъ патріархъ ходилъ въ Соловецкій монастырь по мощи святаго Филиппа митрополита.

А въ Степенной книгѣ и въ лѣтописяхъ про житіе благовѣрной княгини не обрѣтается, а его Никифоровымъ баснямъ вѣрить нечему.

13-е несогласіе.

Въ явленіи пономарю Герасиму великая княгиня сказала имя свое Анна, а по лѣтописцамъ имя ей отеческое (т.-е. полученное при постриженіи. Мірское имя супруги тверского князя Михаила Ярославича дѣйствительно было Анна). Софія, не бо можеше имя свое монашеское забыти, или соврещи и зватися именемъ мірскимъ, еже самовольно остави съ постриженіемъ власъ главы своея. Такожде и въ чудесахъ обрѣтошася нѣкія несогласія и неприличія.

И мы смиренный Іокимъ М. Бож. П. М. и в. Рос. съ сыны и сослужители архіерейства нашего, соборно слышавше, судихомъ житіе великой княгини и о чудесахъ списаніе оставити за недостовѣрное ихъ и упразднити я до времени великаго собранія всѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда аще чимъ впередъ Богъ объявитъ и утвердитъ, понеже нынѣ обрѣтошася многая несходства въ житіи ея съ книгами лѣтописными и степенными.

Гробу съ мощами благовѣрныя княгини стояти въ той же соборной церкви, гдѣ и нынѣ стоитъ по прежнему запечатанну

архіерейскими печатями. Празднества ей не творити, и молебновъ ей не пѣти до совершеннаго великаго собора разсужденія, а пѣти нынѣ панихиды.

Съ гроба шитый покровъ, на немъ-же шитъ образъ ея, и нынѣ писанныя ея иконы взяти въ Москвѣ для разсмотрѣнія, а впредь, до великаго собора разсужденія и до подлиннаго извѣщенія, образовъ ея не писати, а когда будетъ великій соборъ и объ ней достовѣрное свидѣтельство и усужденіе, тогда и о написаніи образовъ ея будетъ изрѣченье. Въ церкви во имя великой княгини Анны, безъ извѣстнаго испытанія освященной, божественныя службы никаковы же исправляти, но заключити ю и запечатати до великаго соборнаго разсужденія, зане аще бы и извѣстно было яко свята есть и житіе бы ея съ лѣтописцы и съ нынѣшнимъ архіерейскимъ досмотрѣніемъ разноты не имѣло, обаче безъ великаго собора свидѣтельства святости ей, намъ не возможно, понеже правило бывшаго собора въ днехъ благоч. велик. госуд. ц. и в. кн. Алекс. Мих. всея в. и м. и б. Рос. сам. въ лѣто 6175, при святѣйшія патріарсѣхъ Паисіи Александрійскомъ и Макаріи Антіохійскомъ и Іосафѣ Московскомъ и всея Россіи съ преосв. митрополиты и со архіепископы и епископы россійскими и съ прилучившимися архіереями, со всѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства заповѣдаетъ сице: нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, да не дерзаете, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, въ святыя почитати, а кого въ святые хощете почитати и о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ достоитъ всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельствы предъ великимъ и освященнымъ соборомъ архіерейскимъ.

Сего ради всѣхъ вышеписанныхъ благословенныхъ винъ, сей судъ нашъ сотворши, руками нашими подписахомъ.

На слѣдующій годъ опять разсуждали объ Аннѣ Кашинской и соборъ составилъ новыя постановленія въ такомъ видѣ: «генваря въ день по указу великаго государя царя и вел. князя Ѳеодора Алексѣевича вс. В. и М. и Б. Р. сам. и по благословенію вел. господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи собрався въ царствующій градъ Москву вящшее число архіереевъ ради достовѣрнаго свидѣтельства и испытанія о мощахъ вел. кн. Анны Кашинской и собравшися въ крестовую палату, мы, пришедшіе архіерее, купно съ отцемъ своимъ святѣйшимъ Кѵръ Іоакимомъ патріархомъ моск. и всея Россіи, преосвящ. митрополиты Іосафъ Казанскій и Свіяжскій, Іона Ростовскій и Ярославскій, Варсануфій Сарскій и Подонскій,

Іосифъ Рязанскій и Муромскій, Филаретъ Нижегородскій и Алатырскій, преосвящ. архіепископы Симеонъ Вологодскій и Бѣлозерскій, Симеонъ Смоленскій и Дорогобужскій, Стефанъ Суздальскій и Юрьевскій, Симеонъ Тверской и Кашинскій, Павелъ Коломенскій и Каширскій, Симеонъ бывшій Сибирскій; архимандриты: Викентій Живоначальныя Троицы Серг. монастыря, Павелъ Чудова монастыря, Макарій Спаса новаго монастыря, Пахомій Симонова монастыря, Никонъ Спаса-Андроніевскаго монастыря, Амвросій Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, Варсануфій Тихвина монастыря, игуменъ Павелъ Богоявленнаго монастыря Костромы, Арсеній Знаменскаго монастыря, Ѳеоктистъ Златоустскаго монастыря, чтохомъ списаніе о житіи вел. кн. Анны Кашинскія со опаснымъ испытаніемъ и лѣтописныя многія и степенныя книги, аще нѣчто возможно обрѣсти согласно писанному въ житіи съ лѣтописцы противу написаныхъ несогласій изъ житія и лѣтописцевъ въ первомъ соборѣ бывшемъ въ прошломъ 185 году, прилежно по многая времена купно сходящеся, рассмотрѣхомъ, ничтоже ино могохомъ обрѣсти, точію многая несходства, въ житіи съ лѣтописцами и степенными книгами, житія же ей въ лѣтописныхъ книгахъ, идѣже писаша иныхъ великихъ князей и княгинь, и прехожденія ея изъ Твери въ Кашинъ, а гдѣ преставися и гдѣ погребена—нигдѣ же обрѣтошеся, токмо яко дщи бѣше князя Ростовскаго, а не кашинскихъ бояръ и супруга вел. кн. Михаила Ярославича Тверскаго, и яко постригшися звашеся Софія и живяше въ Твери въ Софійскомъ монастырѣ, а въ градѣ Кашинѣ когда живяше, и тамъ же и преставися и погребеся, того ничтоже въ лѣтописи не обрѣтеся. И иная многая несходства во первомъ соборѣ описанная и нынѣ обрѣтошася по лѣтописцомъ съ житіемъ. Списатель житія велик. княгини дьячекъ Никифоръ, который велѣлъ житіе исписати живучи въ Соловецкомъ монастырѣ со степенныя книги и съ его Никифоровыхъ словъ, нынѣ предъ великимъ освященнымъ соборомъ сказалъ, что степенной книги въ Соловецкомъ монастырѣ самъ онъ, Никифоръ, не видалъ, а писано де съ его Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорѣ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ проситъ прощенье, что, по тѣмъ ево прежнимъ словамъ, мимо лѣтописныхъ, вѣрить не подобаетъ. Понеже житія велик. кн. Анны извѣстнаго отдревле писанаго не обрѣтохомъ и слагати ей тропари и кондаки канона нѣпочему и того ради и ко святымъ въ церкви поемымъ вычислити не дерзахомъ, понеже и прежнимъ архіереемъ и великимъ князьемъ и княгинямъ и преподобно жившимъ отцемъ аще и мощи ихъ цѣлы, обаче чрезъ толикая лѣта тропари, кондаки и каноны

имъ не составишася, и въ имя ихъ церкви не созидахуся, прежнимъ архіерейскимъ соборомъ не дерзающимъ и неповелѣвшимъ, и мы не повелѣваемъ, и которыя чудеса и написано обрѣтаются и тая соборомъ и никоторымъ архіереемъ не свидѣтельствована».

Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе разныхъ богоугодившихъ мужей и женъ, которымъ, однако, церковь не установила богослуженія, въ заключеніе говорится: «По симъ всѣмъ предписаннымъ симъ обще священнымъ соборомъ усудихомъ велик. кн. Анну преименованную монахиню Софію поминати и съ прочими провославными великими князьями и великими княгинями о вѣчномъ упокоеніи и милостини творити, яко сотвори великій князь Іоанъ Васильевичъ и послѣ того тому подобно и князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій. По явленіи и чюдодѣяніи велик. кн. Данила Александровича, повелѣша пѣти по немъ панихиды и литургія служити, милостыню творити; и мы имя же повелѣваемъ поминати велик. кн. монахини Софіи, понеже велик. кн. Анна въ образѣ своемъ монашескомъ отложи со отреченіемъ міра и сущихъ всѣхъ въ мірѣ и княжества достоинство и имя; и аще кто о здравіи своемъ и о спасеніи восхощетъ пѣти молебное пѣніе, и таковымъ да поютъ молебенъ Господу Богу или пресвятой Богородицѣ, а по велик. кн. монахинѣ Софіи да поютъ панихиды и милостыню да творятъ. Храмъ, созданный во имя велик. кн. Анны, нынѣ именовати и быти ему во имя Всѣхъ Святыхъ. И аще совершенно благоугоди Богу велик. кн. Анна, да будетъ и тое имя вочтено въ томъ храмѣ купно со всѣми святыми. Еще бо велик. кн. Анны житіе древнеписанное извѣстное не обрѣтеся, яко прочихъ великихъ княгинъ, а еже писано, отъ слуха и отъ просто повѣданія писано, а по слову Бога всякъ глаголъ да будетъ при двоихъ или трехъ свидѣтеляхъ; свидѣтели же отъ слуха да не свидѣтельствуютъ, аще и князи суть свидѣтельствующіи. А мощемъ нынѣ именуемымъ велик. кн. Анны быти гдѣ нынѣ принесены, и стоять имъ простымъ, яко прочихъ великихъ князей и великихъ княгинъ.

«Понеже аще истинно сущая мощи великой княгини Анны, супружницы великаго князя Михаила Ярославлевича или иныя которыя великія княгини или иныя каковы жены извѣстити древними писаньями немогохомъ, занеже въ лѣтописи и на гробу имене ея не обрѣтеся, яко обычай есть иматися на гробѣхъ великихъ князей.

«Яко великая княгиня Анна постригшися живяше въ Твери въ Софійскомъ монастырѣ, сіе извѣстно въ лѣтописцехъ писано; како-же или когда въ Кашинъ преселися, и гдѣ живяше: въ градѣ или внѣ града, въ монастыри или въ дому яковомъ или

въ княжескомъ дому, то въ лѣтописцехъ не писано, а въ житіи писано яко прихождаше къ ней сынъ ея Василій, она-же учаше его и наказоваше и отпущаше его въ домъ свой; гдѣ-же прихождаше князь Василій въ монастырь или въ домъ яковый, про то невѣдомо. Въ житіи ея написано: яко по смерти князя Константина зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ во отечество ея. И въ семъ писаніи двѣ лжиявленыя:

«Первая—яко зваше князь Василій по смерти князя Константина, а въ томъ-же житіи княгини Анны написано: яко преставися великая княгиня въ лѣто 6846, а по лѣтописнымъ книгамъ князь Константинъ уѣхалъ въ Орду въ лѣто 6854 и того лѣта тамъ и преставися, и по тому списанію житія преставленія вел. кн. бысть прежде смерти кн. Константина, осенію лѣты. И како можно звати князю Василію по смерти Константина за много лѣтъ прежде умершую?

Вторая лжи: яко зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ, во отечество ея и яко она преиде въ отчество свое Кашинъ. Сія явленнѣйшая лжа; понеже по лѣтописнымъ книгамъ отчество вел. кн. Анны Ростовъ, а не Кашинъ, дщи бо бяше князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго, а не Кашинскихъ бояръ; по лѣтописнымъ-же древнимъ книгамъ, по смерти князя Константина, въ лѣто 6857 поступилъ кн. Всеволодъ Александровичъ княжествомъ тферскимъ дядѣ своему кн. Василію Мих., и князь Василій сяде на великое княженіе въ Твери. И паки въ лѣто 6867 кн. Василій Мих. пріиде изъ Орды во Тферь, а въ то 6867 лѣто живаше вел. кн. Софія въ Софійскомъ монастырѣ, и потомъ въ лѣто 6871 князь Вас. Мих. Тферской ходилъ ратію на племянника своего кн. Михаила Александровича къ Микулину полю. Въ лѣто 6874 въ Твери бысть размирье князю Василію Мих. съ племянникомъ своимъ княземъ Мих. Алекс., отъ сего явлено, яко господствоваше князь Василій Мих. въ Твери. И по что было князю Василію звати матерь свою въ Кашинъ, самому въ городѣ Твери сущу?

«Еще третія лжа обрѣтеся написанна въ житіи: яко мощи великія княгини никако-же тлѣнію причастны, и паки, тлѣнію не токмо мощи, но и ризы не причастны. Къ сему попъ Василій и отецъ его старецъ Варлаамъ, забывше святого Софронія патріарха Іерусалимскаго глаголюща: не буди на святыя лгати, въ сказкахъ своихъ солгаша, глаголюще, яко рука правая вел. кн. лежаше на персѣхъ согбенная, но благословлящи, и яко архимандритъ Сильвестръ руки персты распростиралъ. Василій попъ сказалъ: и паки сгибалъ, а отецъ его Варлаамъ сказалъ,

не согласно ему Василію: яко персты по разгибенію сами согнулися по прежнему.

«И въ семъ третьемъ писаніи подобаетъ всякому имущему здравоумное чувство разсудка внимати. Первое: по баснямъ дьячка Никифора писаннымъ въ житіи великой княгини яко мощи и риза тлѣнію не причастны; обличися-же не правое писаніе его отъ свидѣтельствующихъ архіереевъ, яко мощи въ розныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушася, ризы-же истлѣша и токмо въ останкѣ часть креста шитаго шелкомъ на куколѣ, да часть аналава схимническаго, да свивальнаго пояса лишь, и то все истлѣло, принятися не можно.

«Второе: яко руцѣ благословящѣй быти не дивно по смерти, но у іерея, паче же у архіерея, тѣмъ бы руки по смерти не сами собою сгибаются благословляющими (вѣдаютъ сіе искусніи) но аще по смерти архіерея, дондеже мягка, плоть сгибаютъ тамо присущія персты руки благословляющіи и одерживаютъ долгое, дондеже остаятся и тако ожесточаютъ, впрочее пребываютъ. «Міряня - же человѣка никако-же гдѣ обрѣтается по смерти рука согбенная и нелѣпо быти благословляющей аще и мужестѣй кольми паче-же женстѣй руцѣ, неприлично быти благословляще. По смерти-бо тѣла не сгибаютъ перстовъ благословящими ниже тако одерживаютъ, но просто полагаютъ руки таковыхъ крестовидно простертыми, дланми въ персемъ прави имущими персты, и посему явленная ихъ лжа. И жива оубо сущи великая княгиня власти не имяше кого рукою знаменовати, како по смерти сей имѣти руку благословящую? Понеже и по досмотру и свидѣтельству архіерееву рука оная въ завити погнулася, а длани и персты прямы, а не благословящими.

«Третіе: Сильвестръ архимандритъ яко бы разгибалъ персты, по баснямъ сына, сгибалъ, отца-же по несогласію яко бы персты сами согнулися, а здѣ познася явленная лжа, и кромѣ достовѣрныхъ рѣчей свидѣтельствовавшихъ архіереевъ и глаголющихъ: яко не можно ни у которыя руки длани и перстовъ разгнути, понеже засхли велми токмо кости сухія, да къ нимъ присхла кожа. И удобно познати всякому благоумному, яко сухое не изгибается, ниже разгибается, токмо ломится, и явленно сіе отъ древнихъ отъемлемыхъ частей отъ тѣлесъ святыхъ отложеніемъ, или самымъ части отпаденіемъ, яко много о семъ въ писаніи обрѣтаются.

«Да аще бы и самыя мощи были великія княгини Анны преименованныя монахини Софіи нынѣ во градѣ Кашинѣ обрѣтающися и совершенно нетлѣнны были, подобаетъ имъ просто стояти, и яко выше изъявися, понеже правило, узаконенное во

днехъ благочестивѣйшаго великаго государя царя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца на священномъ соборѣ присущимъ святѣйшимъ патріархомъ Паисію Александрійскому папѣ и патріарху и судіи вселенскому, Макарію Антіохійскому патріарху и всего востока, Іосифу патріарху московскому и вся Россіи и преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ греческимъ и россійскимѣ, повелѣ нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, не дерзати, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святая почитати. Чюдесемъ, глаголетъ великій Никонъ монахъ Черныя горы, не всякимъ подобаетъ внимати, по слову Слова Христа Бога глаголющему: «мнози рекутъ ми, Господи, Господи, не твоимъ ли именемъ бѣсы изгоняхомъ и твоимъ именемъ силы многа сотворихомъ. И тогда исповѣмъ имъ: яко никогда-же знахъ васъ; отидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе.» Достоитъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковыя. Плодъ же истиннаго и духовнаго мужа показа апостолъ любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, благостыня, вѣра, радость, воздержаніе.

«Великія же княгиня Анны житіе и добродѣтели ея каковы быша, отъ древняго повѣстописанія не обрѣтеся, якоже и выше не единожды речеся.

«Образы ея писанные собрати преосвященному архіепископу тверскому и кашинскому и положити въ сокровенномъ мѣстѣ.

«Житіе и каноны такожде собрати ему же преосв. архіепископу или аще индѣ обрящется всякому архіерею въ своей епархіи повелѣти къ себѣ приносити подъ запрещеніемъ; а отъ нынѣ никому нигдѣ не прочитати и не внимати ему, понеже первая вина яко писана не по благословенію святѣйшаго патріарха и священнаго собора или тамо сущаго архіерея, но собою дьячекъ сдумалъ или что отъ кого слышалъ въ басняхъ сказывалъ, и по его словесехъ и писано, а со извѣстіями лѣтописными и со степенными книгами не согласися, въ нихже иныхъ великихъ князей и княгинь добродѣтельнаго житія извѣстно описаны, гдѣ кто и како живяше, и гдѣ кто ихъ преставися и погребеся яко выше зъявися.

«Вторая вина: якобы явилася преподобная великая княгиня Анна въ великомъ иночестемъ образѣ одѣяна пономарю Герасиму и повѣда ему о себѣ кто бѣ; и потомъ во многихъ мѣстахъ и въ канонѣ писано: преподобная благовѣрная княгиня Анна. И то явленная неправда, аще бы истинная явилась великая княгиня въ монашеской схимѣ, всячески бы имя свое изъявила монашеское Софія, его же, жива сущи, со образомъ монашескимъ любезно пріяше.

«Лгатели на житіе великія княгини монахини Софіи и о нетлѣнности тѣлесе и разгибеніи и согбеніи перстовъ достойна суть наказанія по реченному: свидѣтель лживъ безъ муки не будетъ. И аще при простѣмъ человѣцѣ лжесвидѣтель казнится, колми паче на святыя лгавый достоинъ вящщія муки не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ. По святому Іоанну Богослову: всякъ любяй и творяй лжу внѣ горняго Іерусалима да будетъ чародѣй и блудникъ со убійцами и идолослужителями, и всѣхъ лживыхъ часть въ езерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою. Но понеже единъ тыхъ лгателей дьячекъ Никиѳоръ предъ освященнымъ соборомъ нашимъ каяшеся, глаголя: яко писано житіе великой княгини Анны въ Соловецкомъ монастырѣ не въ степенной книги, но съ его же Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорахъ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ прощенія просилъ, мы же по слову воплощеннаго Бога Слова, глаголющаго: «грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ, радость бо бываетъ на небеси о единѣмъ грѣшницѣ кающемся», соборне судихомъ пріяти его яко блуднаго сына, обращающагося отъ лжи ко истинѣ. Но понеже мнози древле въ Греціи и инѣхъ странѣхъ и нынѣ здѣ въ Велицѣй Россіи смущающіи церковь овіи отъ церкве отлучени быша, овіи же и анаѳемѣ подложени, и тѣхъ овіи крыяхуся, овіи же покаявшеся прощеніе удобь получиша, паки послѣди злоплевелія своя въ простолюдинехъ сѣяша таковаго непостоянства и лукавства, и нынѣ намъ стрещися лѣпотствуетъ. И аще Никифоръ вседушно и истинно безъ всякія лсти и лукавства кается, яко и на священномъ нашемъ соборѣ предъ всѣми нами изрече, имѣемъ его съ того его содѣяннаго не по разуму дерзновенія разрѣшенна, наложихомъ ему епитимію за таковое его блазненное дерзновеніе: ему во градѣ Кашинѣ не быти, но быти ему въ монастыри до его смерти, и каятися ему о томъ всемогущему Богу и внимати ему спасенію, лжесловнымъ же писаніемъ отъ него исшедшимъ прельщенныя отвращати ему отъ того письменно и словесно, и правду всю о томъ списаніи и и своемъ бывшемъ дерзновеніи изъявляти, да не токмо въ словесехъ, но и въ дѣлѣхъ истинное свое о томъ покаяніе изъявитъ. Аще же Никифоръ каяшеся нынѣ не вседушно, но ухищренно по нѣкоему лукавству, или ради страха нѣкоего, или иного ради нѣкоего полученія, да будетъ подъ нашимъ архіерейскимъ запрещеніемъ и отлученіемъ, дондеже истинно и вседушно о томъ покается, и тогда да разрѣшится.

«Симъ же судомъ осудихомъ и прочая списатели на житіе великія княгини монахини Софіи и о нетлѣнности тѣлесе и о разгибеніи перстовъ согбенныхъ, яко и прочіа непокорника,

дондеже востребуютъ прощенія и разрѣшенія не краемъ ушесе, но дѣломъ, истинною, и тогда прощеніе ямъ да подасться. Аще же кіи тыхъ притворно нѣкако и ухищренно на лести нынѣ якобы каются, таковые по ихъ покаянію и лукавству аще добрѣ или злѣ кленутся, Богъ по ихъ клятвѣ да судитъ я. Аще же по покаяніи паки объявятся въ прежнемъ лжесловесіи своемъ, таковыя лжеклятвенники повелѣваемъ судити судомъ, имже Соломонъ мудрѣйшій осуди; мы же попа Василія глаголющаго, яко рука великія княгини лежитъ на персѣхъ благословящая, и яко Сильвестръ архимандритъ персты руки распростиралъ и паки згибалъ, за то его лжесловіе соборне отлучихомъ отъ сего числа егда сіе наше изрѣченіе совершися, на всецѣлое лѣто еже ничтоже священныхъ дѣяти; егда всецѣлое лѣто преидетъ, и онъ, аще, познавъ свое согрѣшеніе, начнетъ всеусердно просить прощенія и разрѣшенія, и его видя исправленіе и покаяніе, тферьскій архіерей да створитъ надъ нимъ тогда по подобающему.

«Ѡцу же попа Василія старцу Варламу за лживыя его повѣствованія яко бы рука великія княгини по смерти была яко благословящи и яко при архимандритѣ Сильвестрѣ разгбенныя персты сами согнулися по прежнему, судихомъ, въ немъ же нынѣ монастыри живетъ, неисходиму быти ему оттуду до смерти его, и о грѣсѣхъ своихъ ему каятися, а о лживыхъ своихъ реченіяхъ исповѣдатися, и прощенія у архіерея тое епархіи просити.

«Еще въ житіи и сіе неправда жь: яко умершей великой княгинѣ Аннѣ сынъ ея князь Василій нападе на перси ея, плакаше. А въ лѣтописныхъ книгахъ писано первѣе преставленіе князя Василія, потомъ писано преставленіе великой княгини матере его; яко прежде умершему плакати по скончавшейся по смерти его.

«По симъ всѣмъ явленно яко житіе великія княгини писано самосмышленіемъ неправедно, и того ради не подобаетъ таковаго житія чести и внимати ему; понеже, по словеси божественнаго еуангелія христова, въ малѣ невѣрно и во мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи же семъ не мало, но много писано неправды. И того ради аще бы отъ части нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ, но совершенно неявствити е, повелѣваемъ сожещи якоже и святаго вселенскаго шестаго синода 63 правило опредѣляетъ сице: лживосложенныя мученикословія не повелѣваемъ въ церквахъ пречитати, но тѡя огню предаяти; пріемлющая тая или яко истиннымъ тимъ внимающимъ анаѳематствуемъ; якоже сотвори и древле Никонъ Черныя Горы, ему жь врученна бысть соборная церковь въ днехъ блаженнаго патріарха Кѵръ Ѳеодосія: написа житіе и дѣянія изрядныхъ мужей во время оное явльшихся, овыхъ же добродѣтели соверше-

ныя, овыхъ же добродѣтели и погрѣшенія смѣшана; послѣде же искуси, яко не бѣ на пользу, сожже тая вся, не пощаде своего труда, написа же древнихъ Оцъ свидѣтельствованная житія и дѣянія, потомъ написа великую книгу толкованія заповѣдей господнихъ 63 слова и 40 посланія различныя, якожь онъ Никонъ повѣдаетъ въ предисловіи своея книги.

«И аще кто имать у себе образъ великія княгини Анны или житіе и канонъ всякъ, кто либо есть вездѣ, да приноситъ къ святѣйшему патріарху или къ своему кійждо архіерею. Да не будетъ таковый подъ анаѳемою святыхъ отецъ, но да будетъ прощенъ и благословенъ. Аще же кто сему нашему соборному изрѣченію и прежнему собору, бывшему въ днехъ благочестиваго велик. госуд. Алекс. Мих. всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, паче же вселенскому шестому собору непокоривъ отнынѣ явится и начнетъ упорствомъ своимъ нерозсуднымъ великія княгини Анны житіе и канонъ у себе явно или тайно имѣти, или прочитати, или внимати, таковый да убоится анаѳемы святыхъ отецъ и нашего архіерейскаго запрещенія и отлученія; тѣмъ бо съ прежними святыми отцы непокоряющіися нашему соборному опредѣленію осуждаемъ, дондеже покается и отложитъ свое непокорство и повинется святѣй церкви.

«Сіе же еще опредѣленіе и изрѣченіе, присовокупивше первому соборному изрѣченію въ 185 году бывшему, подписахомъ руками нашими будущимъ по насъ во извѣщеніе, и положихомъ сіе, идѣже иная соборная предбывшая зачиненія полагаются въ велицѣмъ книгохранилищѣ дому патріаршаго въ день февруарія мѣсяца индиктіона въ лѣто міротворенія 7187 Бога Слова же пріятіе 1679».

Таковъ этотъ замѣчательный образчикъ исторической критики XVII вѣка, съ которымъ мы познакомились по копіи съ дѣла, найденной въ одной изъ рукописныхъ сборниковъ Синодальной Библіотеки въ Москвѣ. Фактъ этотъ принадлежитъ эпохѣ реформы, начатой еще при Макаріи и продолжаемой черезъ столѣтіе Никономъ. Великое дѣло, какъ видно, и послѣ не останавливалось и шло далѣе, хотя и медленно, прерываемое долгими періодами застоя. То была, однако, реформа не въ западномъ смыслѣ этого слова, безъ отреченія отъ принциповъ, утвержденныхъ вѣками; это была реформа въ церкви, которой иниціативу давала сама же церковная власть. При измѣненіи двуперстнаго сложенія, нѣкоторыхъ обрядовъ и мѣстъ въ переводахъ богослужебныхъ книгъ, Никона не останавливала мысль, что онъ подвергалъ измѣненію то, чего столько богоугодныхъ мужей держались и съ чѣмъ могли достигнуть

спасенія, мысль, на которой упирается расколъ. Церковь этимъ признала, что святость жизни и убѣжденій не всегда и не во всемъ можетъ служить авторитетомъ истины; вмѣстѣ съ тѣмъ выходило, что признаваемое церковью истиннымъ, можетъ, сообразно требованіямъ времени и расширенію горизонта познаній въ церковной исторіи, измѣняться и отвергаться. Та же идея выразилась въ дѣлѣ о мощахъ Анны Кашинской. Церковь признала эти мощи, ввела новую личность въ рядъ своихъ святыхъ, не сочла противною истинѣ ея біографію и опиралась на ней, а чрезъ нѣсколько лѣтъ сознала, что тутъ вкрались ошибки, обманъ, самообольщеніе, легковѣріе и уничтожила поклоненіе мощамъ этой личности, разбила критикою біографію и самую личность, прежде причисленную къ лику святыхъ, на основаніи исторической критики, признала вымышленною и никогда не существовавшею. Нѣтъ сомнѣнія, что соборъ 1679 года, ставшій выше пустосвятства всѣхъ временъ, считающаго грѣхомъ заявить искренно то, чего требуетъ здравый смыслъ, дѣйствовалъ въ духѣ истинно-православномъ, такъ какъ православная церковь всегда осуждала ложныя чудеса, знаменія и откровенія. Ничего не можетъ быть благоразумнѣе этихъ словъ: «Въ малѣ невѣрно, въ мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи семъ не мало, но много писано неправды и того ради аще бы отъ части и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ». Это драгоцѣнное правило, выраженное здравымъ смысломъ нашихъ предковъ во времена малоучености и малограмотности, не только не устарѣло для насъ, но должно бы служить девизомъ для критической оцѣнки такихъ источниковъ, гдѣ піетическая ложь или, какъ выражается церковь, сонное мечтаніе, прикрывается одеждою святости и, чувствуя свою слабость, старается суевѣрнымъ страхомъ отклонить отъ себя смѣлыя попытки разоблачить обманъ, самообольщеніе и невѣжественное легковѣріе. Чѣмъ болѣе довѣрія требовалось въ прежнее время къ извѣстному сочиненію или факту, тѣмъ строже должна быть для него историческая критика. Желательно, чтобъ это правило сдѣлалось у насъ вообще господствующимъ для отечественной исторіи.

Н. Костомаровъ.

РИМЪ и РЕВОЛЮЦІЯ

1849 г.

Двѣ главы изъ поэмы «Братья».

ГЛАВА IX.

I.

Чтобъ описать затѣи карнавала,
Вдоль Корсо бѣгъ невзнузданныхъ коней,
Иль женщинъ вѣющія покрывала
При заревѣ безчисленныхъ огней,
Въ ту ночь, когда народъ снимаетъ маски —
Въ ночь senza moccoli — я могъ бы краски....
Занять у многихъ — наконецъ, я самъ,
Въ дни юности моей тревожной, тамъ,
Въ одну недѣлю сотни три букетовъ
По окнамъ и балконамъ разбросалъ,
И знаю, — для фантазіи поэтовъ
Даетъ немало римскій карнавалъ.

II.

Но описать Римъ, словно чародѣйствомъ
Въ республику преображенный, Римъ —

И папою, и всѣмъ его лакействомъ
Покинутый, — Римъ, — знаменемъ своимъ
Люи-Наполеона испугавшій,
Римъ, бѣдный, беззащитный и поднявшій
Вдругъ три перчатки, брошенныхъ ему
Тремя державами — Римъ, никому
Безъ боя правъ своихъ неуступившій —
Гдѣ краски?! — И споётъ ли голосъ мой,
Давнымъ давно на сѣверѣ охрипшій —
Тотъ гимнъ — увы! для Рима роковой....

III.

— Тотъ гимнъ, что протекалъ подъ знаменами,
И заглушалъ гулъ тысячи шаговъ,
Звуча, какъ море, мѣрными волнами,
Его поющихъ, страстныхъ голосовъ, —
Гимнъ, льющійся изъ потрясенной груди
Взволнованной толпы, въ которой люди —
Всѣ братья, — всѣ одной родной семьи
Проснувшіяся дѣти, — гимнъ любви
Торжественной и ненависти львиной
Къ тому, кто ходитъ въ стадо похищать
Овецъ, какъ волкъ, прикрывшійся овчиной,
Иль въ пастыря, переодѣтый тать.

IV.

Не безъ труда Игнатъ мой въ Римъ пробрался:
Когда же онъ услышалъ въ первый разъ
Народъ поющій — поблѣднѣлъ, — прижался
Къ чужимъ воротамъ — потекли изъ глазъ
Невольныя, невѣдомыя слёзы —
И никакія творческія грёзы
Такъ отозваться не могли бы въ немъ
Какъ это пѣнье — этотъ божій громъ
Въ устахъ народа. — Такъ, во храмъ Софіи,
Когда въ него язычника ввели, —
Онъ содрогнулся, въ пѣньи литургіи,
Почуявши Спасителя земли.

V.

Игнатъ мой въ Римѣ велъ себя, какъ скромный,
Изъ тёмнаго угла, провинціалъ,
Нечаянно попавшій въ залъ огромный
При яркомъ освѣщеніи на балъ.
Онъ чувствовалъ неловкость положенья —
Не зналъ что̀ дѣлать: вѣра, страхъ, сомнѣнье,
Восторги — всё перемѣшалось въ нёмъ.
Не могъ онъ, забирая свой альбомъ,
И уходя съ квартиры утромъ рано,
Сказать, что живъ воротится домой;
Вездѣ онъ видѣлъ скрытаго тирана,
Готоваго спросить: кто ты такой?

VI.

Австріецъ ты? полякъ? — иль ихъ подобье?
За чѣмъ пріѣхалъ и куда идешь?!
Уже не разъ глазами изъ подлобья
За нимъ слѣдила чернь — какъ острый ножъ,
Ему въ глаза сверкали эти взгляды,
И одинокій, часто безъ отрады,
Входилъ онъ въ храмъ Петра — и храмъ порой
Былъ такъ громадно пустъ, глядѣлъ такой
Могилою величія — что, право,
Казалось жизнь оцѣпенѣла тамъ —
Оргáнъ молчалъ и тѣнью величавой
Скользила смерть по мраморнымъ плитамъ.

VII.

На лѣстницѣ, ведущей въ галлерею,
Сидѣла стража — и была пуста
Истоптанная лѣстница — надъ нею,
При входѣ, надпись шла: «proprieta
Della republica». — Она спасала —
Та надпись всё, что только прикрывала;
Дворцы Боргезе, Доріа — (князей,
Изъ Рима убѣжавшихъ) только въ ней
Нашли свою защиту. — Чернь щадила

Ихъ древнее богатство — лѣто шло
Безъ грабежей: толпой руководило
Презрѣнье къ роскоши — врагамъ на зло.

VIII.

Римъ бѣденъ былъ; но жизнь текла богато;
Игнатъ мой былъ пріятно пораженъ
Всеобщей дешевизной — у Игната
Хозяиномъ былъ гробовщикъ — а онъ
Платилъ ему, за комнату, за солнце,
И мастерскую, въ мѣсяцъ два червонца,
(За ту же плату, онъ и самъ не зналъ,
Кто безъ него квартиру убиралъ);
— «Съ тѣхъ поръ, какъ Пій — отецъ нашъ, уѣзжая
«Изъ Рима, всѣхъ насъ къ дьяволу послалъ,
«Ни одного нѣтъ въ Римѣ негодяя,
«И все подешевѣло», — увѣрялъ

IX.

Хозяинъ дома; — цѣлый день, бывало,
Онъ въ лавочкѣ, то скоблетъ, то сверлитъ; —
Но спѣшная работа не мѣшала
Ему порой принять веселый видъ, —
Сосѣда подозвать, мигнувши глазомъ,
Похвастаться, что онъ почтенъ заказомъ
Правительства, что это для него,
Гробовщика, пріятнѣе всего —
Уже съ утра визжалъ его подпилокъ,
Съ утра стучалъ онъ молотомъ своимъ,
И къ вечеру, до тридцати носилокъ
Сколачивая, — былъ неутомимъ.

X.

Онъ въ эти дни, ни за какую цѣну,
Ни для какого въ свѣтѣ мертвеца,
Не сталъ бы дѣлать гроба. — За измѣну
Великую почелъ бы....

Вотъ жильца
Увидѣлъ онъ, подъ зонтомъ въ сѣрой блузѣ,
И кличетъ: «Гей! зайдите о французѣ
Потолковать. — Что стали говорить
Газеты?! — О! О! надо намъ спѣшить
Съ носилками. А что сказалъ Мацини
Съ трибуны — вы читали? — Я читалъ....
Божественно!... Э!... никакой Рубини
Такъ не споётъ!... Я губы измаралъ

XI.

Печатными чернилами, цѣлуя
Газету — всю её изцѣловалъ —
И знаете-ли что́ вамъ доложу я,
Синьоръ Иллючи! Я всю ночь не спалъ —
Всё думалъ: для чего имъ нужно папство, —
Когда оно и намъ не нужно! Рабство
Проклятое и больше ничего!»
А иногда, Игната моего
Хозяинъ озадачивалъ: «Смотрите,
Онъ говорилъ таинственно, — бѣда!
Ужъ лучше вы, сеньоръ, не выходите,
Пока того.... Всѣ выѣзжаютъ — да!

XII.

Не даромъ же всѣ выѣзжаютъ.... Даже
Намедни англичане собрались....
Нашъ Римъ теперь стоитъ какъ бы на стражѣ....
Всё ждетъ чего-то, — и въ него сошлись
Защитники: — кто на большой дорогѣ
Разбойничалъ, и тотъ теперь въ тревогѣ, —
Безпечно жилъ, — теперь пришелъ стоять
За новые порядки. Какъ тутъ знать
Что́ можетъ быть?! Сидите лучше дома». —
— «Что я люблю Римъ — это изъ альбома
Увидитъ всякій», возражалъ Игнатъ.

XIII.

Что этимъ онъ хотѣлъ сказать?—Признаться,
Не всякій вдругъ пойметъ Игната; но
Встревоженный художникъ, можетъ статься,
Воображалъ наивно, что смѣшно
Въ его любви къ народу усумниться,
Что въ этомъ всякій можетъ убѣдиться,
Что стоитъ лишь раскрыть его альбомъ,
Чтобъ увидать, какъ онъ карандашемъ
Изобразилъ не мало сценъ отваги
Народной,—Гарибальди на конѣ,—
Милицію, друзей народа,—флаги,—
И пáтера, прижатаго къ стѣнѣ....

XIV.

О! я-бъ желалъ достать альбомъ Игната....
Но какъ достать!—Погибъ онъ или нѣтъ?
Судьба вещей, которыя когда-то
Намъ были дороги (какъ тотъ портретъ,
Который ваша бабушка снимала
Въ подарокъ дѣдушкѣ), меня ни мало
Не забавляетъ: то, что на столахъ
У васъ блеститъ,—безъ васъ, въ чужихъ рукахъ,
Утратитъ блескъ иль въ соръ преобразится,
И для далекаго потомства, можетъ быть,
Изъ тысячи рисунковъ сохранится
Едва одинъ, чтобъ рѣдкостью прослыть.

XV.

Не праздникъ-ли? Однажды, просыпаясь,
Спросилъ Игнатъ—конечно, онъ спросилъ
Объ этомъ у окна, со сна встрѣчаясь
Глазами съ позднимъ солнцемъ: онъ любилъ
Предупреждать зной утра; но былъ боленъ
И трусилъ лихорадки.—Съ колоколенъ
Неслись трезвоны всѣхъ колоколовъ,
Казалось, сотни мѣдныхъ языковъ
Кричали: встаньте граждане!... спѣшите,

Насталъ великій день! — Но, можетъ быть,
Идетъ процессія? — Тутъ, какъ хотите,
А надо встать, одѣться и спѣшить.

XVI.

Народъ сновалъ — колокола звучали....
Вотъ, увидалъ двухъ женщинъ нашъ Игнатъ. —
Въ свои платки закутавшись, стояли
Онѣ въ тѣни, какъ статуи стоятъ;
Но не было въ лицѣ ихъ и намёка
На праздничное чувство, — нѣтъ, широко
Раскрытые глаза ихъ ничего
Кругомъ не замѣчали, — ни его —
Ни пробѣгающей толпы, — казалось,
Онѣ прислушивались. — Мой Игнатъ
Почувствовалъ, какъ въ немъ вдругъ сердце сжалось —
Вдоль жаркой улицы онъ бросилъ взглядъ.

XVII.

Куда идти? хоть лица женщинъ этихъ
Ему сказали: уходи домой!
Онъ медлилъ, — онъ не смѣлъ задѣть ихъ
Своимъ вопросомъ, и онѣ съ толпой
Вошли на паперть. Нищіе шептались,
Стучали фуры, лавки запирались. —
Вотъ проскакалъ Россели [1]), горяча
Хлыстомъ коня, и поднялъ пыль брянча
Прицѣпленною саблей; — показался
Вдали отрядъ — онъ площадь проходилъ; —
Блескъ стали подъ лучами загорался,
Билъ барабанъ тревогу — рогъ трубилъ.

XVIII.

Колокола по прежнему звучали; —
Но молчаливъ былъ подвижной народъ,

---

[1]) Одинъ изъ римскихъ военноначальниковъ.

Какъ будто для него часы настали
Особенныхъ какихъ-нибудь заботъ.
Вотъ, съ мрачнымъ видомъ, взводъ народной стражи
Прошелъ подъ окнами, и бельетажи
Раскрыли окна, — городъ запестрѣлъ
Цвѣтными флагами, какъ бы хотѣлъ
Дѣйствительно отпраздновать, Богъ знаетъ,
Какой счастливый день. Великъ народъ,
Который въ день грозы не унываетъ—
Пришла гроза — французы у воротъ.

XIX.

Грядущая имперія штыками
Грозитъ республикѣ — такъ вотъ за чѣмъ
Повсюду римляне идутъ толпами
Вооруженными, средь вѣющихъ эмблемъ
Своей свободы, вотъ за чѣмъ сверкаютъ
У всѣхъ глаза и руки всѣхъ сжимаютъ
Ружейные приклады; словно братъ
Родной, имъ сталъ губительный булатъ,
Защитникъ сердца, родины и чести!
Вотъ почему, какая бъ ни была
Обида личная, нѣтъ личной мести,
Вотъ почему звонятъ колокола.

XX.

«Къ стѣнамъ народъ!—къ стѣнамъ граждане!»
Команда эта мигомъ разнеслась,
И въ мирномъ Римѣ, какъ въ военномъ станѣ,
У каждаго въ груди отозвалась.
Мясникъ, башмачникъ, ювелиръ, факины,
Купцы, виноторговцы, веттурины,
Художники — (и нашъ одинъ гравёръ)
И поселяне изъ окрестныхъ горъ,
И слуги изъ гостинницъ, всѣ бросаютъ
Обычныя занятья и дѣла,
Идутъ, грозятъ, оружьемъ потрясаютъ—
Вотъ почему звонятъ колокола. —

XXI.

Вотъ, папскіе сады пестрятъ стрѣлками,
Вотъ, Гарибальди двинулся впередъ,
И на распутьяхъ сталъ за воротами,
Съ нимъ красноблузники... Герой не ждётъ,
Спѣшитъ врага онъ пулями поздравить
Съ нашествіемъ и не даетъ направить
Ему передовой свой батальонъ
На верхъ горы, откуда весь бастьонъ,
И вся почти защита Ватикана
Какъ на ладони.—Вотъ, ружейный дымъ
Зардѣлъ на солнцѣ:—изъ его тумана,
За куполомъ Петра, услышалъ Римъ

XXII.

Звукъ перваго сраженья,—рокотъ ружей
И пушекъ, эхомъ повторенный громъ.—
И вотъ, на Пинчіо, Игнатъ досужій
Взбирается, идетъ, дыша съ трудомъ
Отъ тайнаго волненья; съ напряженьемъ
Съ горы слѣдитъ онъ взоромъ за сраженьемъ.
Но гдѣ же войско?—Косвеннымъ столбомъ
Завихрившись, дымъ пушекъ надъ холмомъ,
Ближайшимъ къ Риму, началъ растилаться—
Ружейный рокотъ словно замиралъ,
Сталъ уходить куда-то, сталъ теряться—
Чтобъ это значило?—Никто не зналъ...

XXIII.

Кто побѣдилъ? кого поколотили?
Вѣстей не приходило. Знойный Римъ
Затихъ—колокола ужъ не звонили,—
Лишь женщины у алтарей, въ нѣмыхъ
Церквахъ, толпой колѣнопреклоненной
Рыдали;—воздухъ солнцемъ накаленный
Всѣхъ собиралъ подъ своды, и пустымъ,
Судя по улицамъ, казался Римъ,

Одни ослы по площадямъ бродили
Безъ всякаго надзора,—за водой
Никто не шёлъ; уединенно били
Фонтаны,—часъ прошелъ—насталъ другой.

XXIV.

Шло время къ ночи—Римъ не шевелился.
Ни старики ни дѣти — ничего
Никто не зналъ; никто не торопился
Услышать вѣсть, что всё уже легло—
Всё, что ушло на бой въ числѣ любимыхъ
Защитниковъ, въ числѣ непобѣдимыхъ
Гарибальдійцевъ. Да, никто не зналъ,
Что первый батальонъ врага попалъ
Въ засаду—падалъ—и кричалъ: пощада!
Что часть сдалась—другая съ Удино
Пошла назадъ въ Кастель-де-Гвидо.—Надо
Подумать—это вовсе не смѣшно....

XXV.

Сказалъ французскій вождь, воображавшій,
Что римляне не смѣютъ воевать.—
И тутъ скажу заранѣе: пославши
Въ Парижъ курьера, онъ рѣшился ждать
Отъ президента новыхъ подкрѣпленій,
Хотѣлъ онъ, чтобъ побѣдоносный геній—
Любимый геній Франціи, у ногъ
Ея властителя, съ размаху могъ
Свободную республику увидѣть
Въ оковахъ по рукамъ и по ногамъ—
Кто смѣетъ честь французскую обидѣть!
Шесть тысячъ отступало—по пятамъ.

XXVI.

Шли сотни сорванцёвъ.—Побѣда! Гдѣ вы
Служители святого алтаря!

«Te Deum» пойте! Вы, святыя дѣвы,
Поблекшія въ стѣнахъ монастыря,
Страдалицы за вѣчное спасенье
Своей души—несите облегченье
Страдающимъ за братьевъ! Гдѣ бинты
Для раненыхъ, для падшихъ—гдѣ цвѣты?!
И всталъ весь Римъ, и огласились стономъ
Его площадки, паперти церквей
И лѣстницы;—но съ похороннымъ звономъ
Сливалась музыка: — среди тѣней

XXVII.

Надъ трупами склоняющихся, тѣни
Восторженно поющихъ провели
Французскихъ плѣнныхъ угощать въ кофейни.
Вотъ ночь сошла, вездѣ огни зажгли,
Героямъ дня толпы рукоплескали;
Съ носилокъ раненые поднимали
Повязанныя головы; на ихъ
Померкшихъ лицахъ, холодно-нѣмыхъ,
Сквозь выраженье нестерпимой муки
Проглядывала сила—и стонать
Они переставали, свѣсивъ руки,
Въ надеждѣ чью-нибудь въ толпѣ пожать.

XXVIII.

И было множество рукопожатій
Со всѣхъ сторонъ;—да, въ эту ночь, весь Римъ
Сносилъ свои страданья безъ проклятій
И былъ въ своей любви неистощимъ.
И Гарибальди имя повторялось
Впервые такъ, какъ никогда—раждалась
Невѣдомая слава—для вѣнца
Нетлѣннаго,—и братскія сердца
Народа колыбель новорожденной
Поставили высоко въ эту ночь,
Чтобъ видѣлъ міръ, неправдой возмущенный,
Италіи воинственную дочь.

XXIX.

Растроганнымъ пришелъ домой Игнатій —
Съ такимъ же чувствомъ онъ пришелъ домой,
Съ какимъ изъ первыхъ, трепетныхъ объятій
Давно-любимой дѣвушки, — иной
Бѣднякъ, иль труженикъ, людьми забытый,
Въ часъ ночи, мѣсячнымъ лучемъ облитый,
Одинъ приходитъ къ ложу своему,
И ужъ оно не кажется ему
Такимъ пустымъ, какимъ вчера казалось.
Нѣтъ! новая волшебница — мечта
Съ нимъ обнялась — тепло къ нему прижалась
И къ невидимкѣ льнутъ ея уста...

ГЛАВА X.

I.

Такъ не давалось съ разу водворенье
Святого папы съ помощью штыковъ.
Люи-Наполеонъ былъ (нѣтъ сомнѣнья)
Межъ двухъ огней: — подачу голосовъ
(Suffrage universelle) подготовляя,
Онъ долженъ былъ достать ключи отъ рая
И стало быть, беречь карманъ поповъ
. . . .
Не только папѣ, но и папской свитѣ
Онъ долженъ былъ усердно угодить, —
Или готовиться къ его защитѣ,
Или ужъ императоромъ не быть.

II.

А что республиканцы скажутъ? Эти
Готовые лезть прямо на штыки —
Трехъ революцій уличныя дѣти,
И наконецъ — такіе чудаки,

Что имъ присяга, даже честь дороже
Наполеона.—
— «Это не похоже
На то, къ чему веду я мой народъ;
Не я, сама исторія ведетъ...»
Такъ думалъ президентъ, сосредоточенъ
На мысли все прибрать къ рукамъ своимъ,
Онъ тайнымъ былъ разсчетомъ озабоченъ,
И для начала выбралъ вольный Римъ.

III.

Надъ нимъ въ вѣнцахъ орлы-мечты играли
И страхъ паденья ёжась ползалъ въ немъ...
Но ничего глаза не выражали
Своимъ какъ бы потускнувшимъ свинцемъ.
Республика кой-что подозрѣвала,
И гнѣвная, уже едва скрывала
Свое негодованье: рокоталъ
Подземный громъ, надъ кратеромъ вставалъ
Зловѣщій дымъ, — предтеча бури — пѣна
Уже каталась по морю съ волной,
Какъ чайки крикъ, носился крикъ: измѣна!
Парижъ шумѣлъ предъ новою грозой.

IV.

А онъ, грозой барышниковъ пугая,
Являлся имъ въ сіяніи щита,
Спасающаго міръ, и, обольщая
Солдатъ, тайкомъ готовилъ coup d'état.
За нимъ стояла тѣнь Наполеона,
Имъ вызванная, и ступеньки трона
Предъ нимъ мелькали, также какъ порой
Сквозь сонъ мелькаютъ риѳмы предо мной.
(Пожалуйста отъ этого сравненья
Ты не сгори, о муза! отъ стыда: —
Пусть критикъ нашъ придетъ въ недоумѣнье
И разбранитъ — не велика бѣда!)

V.

Такъ президентъ короны добивался —
Онъ въ папу также вѣрилъ, какъ и я,
Не больше; но за папу ополчался
И стало-быть похожъ былъ на меня
Такъ точно, какъ на правду ложь похожа.—
Стремленьемъ къ власти духъ свой не тревожа,
Блаженъ я — мнѣ до папы дѣла нѣтъ,
Меня не мучитъ красный духъ газетъ,
Ни темный духъ моей родни отжившей;
Я не давалъ присяги охранять
Республику и каждой вновь возникшей
Сочувственную руку подавать. —

VI.

Въ своей палаткѣ наконецъ дождался
Отвѣта Удино — онъ застегнулъ
Сперва мундиръ свой (хоть и задыхался
Отъ жару), а потомъ ужъ развернулъ
Письмо отъ президента.
«Подкрѣпленье»,
Писалъ сей претендентъ, «безъ замедленья
Къ вамъ будетъ выслано; до той поры,
Спасайте ваше войско отъ жары
И лихорадокъ.—Отступите въ горы—
Республики не надо раздражать,
Пока Лесексъ ведетъ переговоры
Не начинайте бомбардировать».

VII.

«Безъ штурма все уладить будетъ можно
А если нѣтъ — да будетъ невредимъ
Алтарь Петра — громите осторожно,
Но съ торжествомъ войдите въ славный Римъ
Въ ворота или просто черезъ бреши».
Таковъ былъ смыслъ таинственной депеши.
Въ ней между строкъ еще кой-что вилось
И пряталось, какъ змѣйка между розъ,

Какъ между водяныхъ растеній—рыбка,
Какъ на устахъ спокойнаго лица
Коварно-проскользнувшая улыбка, —
Но Удино все понялъ до конца.

VIII.

Французскій лагерь гангренознымъ чирьемъ
На тѣлѣ Римской области засѣлъ,
Опасный чирей!—Хитрымъ перемирьемъ
Спасая лагерь, Удино глядѣлъ
На Римъ сквозь пальцы — ждалъ и лицемѣрилъ.
Его французской чести Римъ повѣрилъ
И быстро перенесъ на югъ свой громъ;
Едва король Неаполя тайкомъ
Убрался изъ Валетри,—подъ командой
Россели, Гарибальди наскочилъ
И городъ взялъ съ размаху — Фердинанда
Какъ короля, онъ этимъ огорчилъ.

IX.

Разубѣдясь въ чудесномъ предсказаньи,
Король смутился, и его полки
Уже на благородномъ разстояньи
Бросали ружья, сабли и мѣшки.
Завертывали ночью въ одѣяла
Колеса пушекъ, чтобъ не грохотала
Ихъ артиллерія, чтобъ какъ-нибудь
Не разбудить врага и скрыть свой путь,
Благоразумный путь—путь отступленья!
Шесть тысячъ римлянъ не могли никакъ
Склонить ихъ тридцать тысячъ на сраженье,
И Гарибальди занялъ ихъ бивакъ.

X.

Но воспѣвать его я не намѣренъ —
Едваль настало время воспѣвать

То, что само поетъ! Ктожъ не увѣренъ,
Что это имя будетъ вдохновлять
Италію—столѣтья! Нѣтъ, ужъ лучше,
Безъ громкихъ фразъ вернемся мы къ Иллючи
Или къ Игнату,—къ Риму онъ привыкъ
Сталъ лучше понимать его языкъ
И былъ спокоенъ до исхода мая,
Наивный человѣкъ! Онъ полагалъ,
Что Римъ спасенъ,—такъ, каждый день читая
Газеты, онъ въ политику вникалъ.

XI.

Увы! не онъ одинъ, другой ребенокъ,
Мацини, тріумвиръ,—воображалъ,
Что эта, вышедшая изъ пеленокъ,
Республика, прочна какъ идеалъ—
Тотъ идеалъ, который никакія
Превратности судебъ, ни бури злыя
Въ его душѣ не въ силахъ сокрушить.
Онъ думалъ Римъ отъ ядеръ сохранить
Крестомъ распятаго, щитомъ святыни—
Сіяньемъ правды—словомъ, отрицалъ
Политику задумчивый Мацини,
И какъ пророку Римъ ему внималъ.

XII.

Когда съ побѣднымъ крикомъ пробѣгала
По улицамъ горячая молва,
Казалось, въ Римѣ все торжествовало,
Сердца мужали въ блескѣ торжества
И шумно побѣдителей встрѣчали:
«Зачѣмъ вы Фердинанда въ плѣнъ не взяли?»
Одинъ въ народѣ слышался упрекъ.
«Французы! Мы и вамъ дадимъ урокъ,
«Коли вы сами съ честью не уйдете!»
Лесепсъ бѣсился (бѣдный дипломатъ!)
И Удино сказалъ ему: Вы ждете,
А я такъ дождался,—Римъ будетъ взятъ.

XIII.

И вотъ, въ лазурѣ неба вѣщей птицей
Заклоктала—и, мѣрный полукругъ
Чертя, спускаться стала надъ столицей
Дымящаяся бомба—ниже, ниже... вдругъ
Надъ кровлями разорвалась,—осколки
Посыпались на черепицу,—съ полки
У нашего Игната въ мастерской
Слетѣли вмѣстѣ съ гипсовой ногой
Двѣ стклянки съ масломъ—и кусочки глины
Посыпались,—куда ужъ тутъ писать!
Онъ быстро отшатнулся отъ картины
И блѣдный всталъ, не зная что начать.

XIV.

А! началось!—и грозное начало
Не предвѣщало добраго конца.
Игнатъ вставалъ съ зарей, и чтожъ? бывало
Одѣться не успѣетъ—ни лица
Водою освѣжить, какъ за лучами
Проснувшагося солнца, надъ домами
Уже летятъ чугунные шары—
Гремятъ,—и утра свѣжіе пары
Ужъ пахнутъ порохомъ—невольно
Онъ выбѣгалъ на улицу,—народъ,
Вооружась, на смерть шелъ добровольно
И къ счастью не заглядывалъ впередъ.

XV.

Римъ пересталъ подозрѣвать измѣну
Въ своихъ стѣнахъ, и на неравный бой
Шелъ съ облегченнымъ сердцемъ,—такъ на сцену
Идетъ смѣясь трагическій герой.
Но тамъ, гдѣ служатъ вѣковыя стѣны
Кулисами,—тамъ, не такія сцены,
И не такія ложи,—широко
Онѣ разставлены, и высоко
Сидятъ тамъ короли въ вѣнцахъ,—златая
Тіара свѣсилась—мундиръ посла
Блеститъ,—министръ министра надувая,
Наивно спрашиваетъ: какъ дѣла?—

XVI.

На римской сценѣ совершалось много
Такого, что въ нашъ меркантильный вѣкъ
Напоминало дни, когда за Бога
Съ богами шелъ бороться человѣкъ.
Вотъ, у крыльца, на каменной площадкѣ
Два женскихъ трупа: на груди ихъ складки
Изорванной рубашки припеклись
Къ изорванному тѣлу. Вотъ, сошлись
Сосѣди,—маленькія дѣти жмутся
Къ подоламъ женщинъ,—старики намётъ
Хотятъ поставить—руки ихъ трясутся—
Игнатъ мой за носилками идетъ.

XVII.

За полчаса несчастныя божились
Изъ бомбы вырвать трубку иль фитиль,
Заспорили, и обѣ устремились
На подвигъ, сквозь поднявшуюся пыль
Надъ мостовой, ударомъ потрясенной,—
Обѣимъ захотѣлось имъ зажженный
Фитиль схватить—и вотъ, надъ фителемъ
Онѣ бороться стали.—Грянулъ громъ—
Не съ неба грянулъ—небеса молчали
Въ тотъ мигъ, когда осколки чугуна
Ретивыя сердца ихъ разорвали
И выбили въ кофейной два окна.

XVIII.

А вотъ, одной изъ юныхъ горожанокъ
Такой же подвигъ удался вполнѣ...
Художники! вы пишете вакханокъ,
Венеръ, Діанъ на вашемъ полотнѣ,
Оставьте миѳы—поѳмотрите: гордо
Подъемля кисти рукъ, походкой твердой,
Вся омуглая, подъ солнечнымъ лучемъ
Она идетъ, сіяя торжествомъ —
Толпа за ней—и всѣ кричатъ ей «браво!»
У ней на головѣ чугунный шаръ....
На цѣлый день ее безсмертитъ слава,
И эту славу празднуетъ базаръ.

XIX.

Но никогда еще Игнатъ мой смѣха
Такого не слыхалъ, какъ въ день, когда
На улицахъ народною потѣхой
Былъ листъ съ проклятьемъ папы,—никогда
Онъ не слыхалъ еще такихъ визжаній,
Такихъ гнусливыхъ дудокъ, завываній—
Концерта несравнимаго ни съ чѣмъ;
Я думаю, чертямъ въ аду, и тѣмъ
Отъ этихъ диссонансовъ было-бъ тошно,
Самъ сатана сгорѣлъ бы отъ стыда.
(Такой концертъ придуманъ былъ нарочно:
Такъ пьяныхъ въ Римѣ водятъ иногда.)

XX.

Проклятье папы или отлученье
Прибито было къ палкѣ—и надъ нимъ
Несли дырявый зонтикъ, — безъ сомнѣнья
Самъ Пій не ждалъ съ проклятіемъ своимъ
Такого всенароднаго почета.
Иллючи молча шелъ,—но сзади кто-то
Его толкнулъ и далъ ему свѣчу:
Неси!—и онъ понесъ;—не умолчу,
Какъ покраснѣлъ сконфуженный Игнатій,
Какъ онъ рукой старался защитить
Огонь свѣчи,—какъ, не боясь проклятій,
Боялся онъ толпѣ не угодить.

XXI.

А бомбы падали... О! бомбы эти
Не ты ли добрый пастырь мечешь въ Римъ,
И бьютъ они дѣтей твоихъ — и дѣти
Хохочутъ надъ проклятіемъ твоимъ.
Твоею гордою душой Христосъ не понятъ—
Ты храмы заперъ,—слушай, какъ трезвонятъ
Колокола... они благовѣстятъ,
Что дѣти выросли... и что наврядъ
Тебѣ ихъ испугать своимъ проклятьемъ...
Такъ думалъ про себя Игнатій — онъ...
На этотъ разъ былъ пресмѣшнымъ Игнатьемъ,
Такъ гордо выступалъ, что былъ смѣшонъ.

XXII.

Смѣшонъ не такъ какъ иногда бываетъ
Смѣшонъ болванъ, когда въ толпѣ гостей
Онъ на себя вниманье обращаетъ,
Забавно-важной пошлостью своей.
Нѣтъ, въ той толпѣ, гдѣ роль ему досталась,
Почти ни на кого не обращалось
Вниманья — каждый роль свою игралъ
По вдохновенью — каждый понималъ,
Что этотъ смѣхъ народа — смѣхъ притворный,
У многихъ на лицѣ сквозь этотъ смѣхъ
Дрожали слезы — Римъ въ борьбѣ упорной
Не ждалъ, и не желалъ такихъ потѣхъ.

XXIII.

Еще толпа была религіозна
И суевѣрна. — Можно доказать —
Такъ напримѣръ, однажды, послѣ грозной
И жаркой канонады, чтобъ занять
Народъ, друзья народа учинили
Такое зрѣлище: они сложили
На площади del' Popolo костры
И запалили. (Далеко съ горы
Французы увидали сѣроватый
Столбъ дыму, — Удино вообразилъ,
Что городъ загорѣлся отъ гранаты —
И громъ пальбы на время прекратилъ.)

XXIV.

На площади-жъ del Popolo — свершали
Ото-да-фе — какъ казнь новѣйшихъ дней.
Кареты кардиналовъ сожигали,
Такъ точно какъ когда-то жгли людей;
Тѣ люди были въ саваны одѣты, —
Но не нуждались въ саванахъ кареты.
Въ тѣ дни, когда вездѣ торжествовалъ
Духъ инквизиціи — стонъ землю оглашалъ —
Теперь же кардиналовъ экипажи,
Трещали очень весело, когда
Со всѣхъ сторонъ огонь лизалъ ихъ, — даже
И не вздохнули, — только иногда

XXV.

Атласныя подушки, слишкомъ плотно
Обсиженныя, покорясь нуждѣ,
Горѣли какъ-то очень неохотно,
Шипѣли какъ блины на сковородѣ,
Пока трещали кузова, и стекла
Въ нихъ лопались, румяные, какъ свекла;
Народные ораторы порой,
Чтобъ какъ-нибудь подняться надъ толпой,
На кòзла вспрыгивали, на запятки
Влезали... и орали, не боясь,
Что прогорятъ у башмаковъ ихъ пятки,
Или шальная искра выжжетъ глазъ.

XXVI.

Такъ за монашескія преступленья
Народъ монашескую роскошь жегъ.
Свершая это жертвоприношенье,
Онъ разумѣется никакъ не могъ
Забыть одну... преступную карету,
Карету папы, — колесницу эту
Украшенную дорогой рѣзьбой
И золотомъ — какъ жертву на убой
Уже везли, — кто уцѣпясь за дышло,
Кто за рессоры... всѣ кричали: жечь,
Жечь грѣховодницу!—и что же вышло?
Её спасла нечаянная рѣчь —

XXVII.

Рѣчь одного поклонника искусства.
Любуясь изумительной рѣзьбой
Фигуръ и орнаментовъ, онъ изъ чувства
Къ прекрасному, невольно крикнулъ: стой!
Стой! прежде выслушайте адвоката;
Я адвокатъ — карета виновата —
Она возила папу, — стало-быть
Её намъ также слѣдуетъ казнить;
Но слушайте, другое назначенье

Мы ей дадимъ... Взгляните на неё,
Какая прелесть, — эти украшенья,
Гирлянды... ангелы. — Нѣтъ! мнѣніе мое —

XXVIII.

Такое мнѣнье... мы карету эту
Тому Христу-малюткѣ подаримъ,
Который гордому не внемля свѣту,
Такъ любитъ насъ и нами такъ любимъ;
Какъ Пій онъ никогда не брезгалъ нами,
Стучался въ двери къ намъ, когда слезами
Мы обливались — къ бѣднымъ и больнымъ
Онъ шелъ охотно, какъ родной къ роднымъ,
Какъ къ братьямъ братъ; вездѣ, гдѣ умирали, —
Вездѣ полупотухшія глаза
Его, какъ Бога, съ вѣрою встрѣчали,
И вспыхивала мутная слеза.

XXIX.

И чтожъ! пока въ каретѣ мы возили
Святѣйшаго отца — какъ сироту
Съ открытою головкой въ жаръ носили
Небеснаго младенца: мы Христу
Не посвятили даже балдахина;
Мы видѣли какъ маленькій (bambino)
Мокъ подъ дождемъ... и не жалѣли мы
Спасителя, когда во дни зимы
Онъ къ нищимъ шелъ, какъ нищій неодѣтый.
О братья, мы должны загладить грѣхъ,
Загладить грѣхъ нашъ этою каретой,
Другого средства нѣтъ — пошлюсь на тѣхъ,

XXX.

На тѣхъ пошлюсь, въ комъ вѣра не простыла
И не замолкла совѣсть — не дадимъ
Христа въ обиду, — въ немъ вся наша сила....
— «Такъ чтожъ намъ дѣлать?»

—«Вотъ что, подаримъ
Мы эту золоченую карету
Христу, пускай онъ ѣздитъ».
И на эту
Простую рѣчь откликнулся народъ
Восторженно — къ Христу, къ Христу! — и вотъ
Пока одни, водой наполнивъ шляпы,
Гасили уголья, другіе повезли
Великолѣпную карету папы,
Подъ звонъ колоколовъ къ царю земли,

XXXI.

Иль къ дѣтскому его изображенью. —
Такъ простодушной вѣры полонъ былъ
Народъ невѣрующій отлученью,
Такъ, ненавидя папу, Римъ любилъ
Распятаго, и такъ необычайно
Спаслась карета (этотъ фактъ — не тайна,
Его всѣ знаютъ) — только отнята
Теперь карета эта у Христа,
И въ дни парадные въ каретѣ этой
Опять качается святой отецъ,
Любовью, правдой, разумомъ отпѣтый,
И стало-быть давно живой мертвецъ.

Я. Полонскій.

БѢЛГРАДЪ

ЕГО

УСТРОЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Изъ записокъ путешественника.

I.

Первыя впечатлѣнія: жандармы и таможня.—Отъ пристани до гостинницы: рабаджія и хамалъ.—Гостинница.—Вліяніе Австріи на внѣшнюю жизнь Бѣлграда.—Мѣстоположеніе и климатъ. —Что былъ Бѣлградъ прежде и что теперь? —Его расположеніе.—Дома.—Лавки.—На улицѣ.—Способъ построекъ.—Остатки старины и музеумъ.—Исторія.—Движеніе народонаселенія и національный составъ Бѣлграда.—Замѣчанія объ отдѣльныхъ народностяхъ.

Послѣ суточнаго плаванія отъ Пешта внизъ по Дунаю, 8-го марта 1868 г., я прибылъ въ Земунъ, который отдѣляется отъ Бѣлграда только устьемъ р. Савы да тѣмъ еще, что политически принадлежитъ другой державѣ, и вслѣдствіе этой послѣдней причины нельзя было попасть прямо въ Бѣлградъ, а непремѣнно пересѣсть для того на другой пароходъ [1]).

Отъ Земуна нѣтъ почти никакого вида на Бѣлградъ. Вы видите на возвышеніи только крѣпость съ ея сѣрыми стѣнами, различными уступами и выступами, спускающимися внизъ къ самой водѣ, и съ приземистыми неуклюжими башнями; въ ней нѣсколько казарменной формы построекъ, два полуразрушенные минарета внизу и одинъ вверху, прислонившійся къ какому-то

---

[1]) Съ 1869 года установлено прямое сообщеніе.

большому зданію въ европейскомъ стилѣ; а кругомъ широкій разливъ воды, которому нѣтъ конца. Еслибъ возвышеніе, на которомъ стоитъ Бѣлградъ, не примыкало къ горамъ, надъ которыми поднимается вершина Аволо, то оно представлялось бы островомъ. Только отдалившись на нѣкоторое разстояніе отъ Земуна, можно видѣть и самый городъ; черезъ четверть часа мы были уже въ бѣлградской пристани и любоваться городомъ издали было некогда.

Собираясь вступить съ пароходной палубы на берегъ, я прежде всего встрѣтилъ двухъ жандармовъ, которые отбирали паспорты. Мнѣ почему-то думалось, что Сербія еще не достигла той степени цивилизаціи, при которой существованіе жандармовъ составляетъ насущную потребность. Мнѣ казалось, что ей нѣтъ никакой надобности и въ ревизіи паспортовъ. Мнѣ казалось многое, отъ чего впослѣдствіи привелось отказаться. Имѣетъ Сербія какую-нибудь надобность въ жандармахъ или нѣтъ, объ этомъ не спрашиваетъ сербское правительство, а по примѣру другихъ считаетъ необходимымъ содержать въ Бѣлградѣ на каждыхъ 50 человѣкъ одного жандарма, кромѣ пандуровъ и городской стражи, которые также несутъ полицейскія обязанности, и размѣстились на каждомъ шагу. Присутствіе жандармовъ давало мнѣ почувствовать, что я вступаю въ страну, успѣвшую уже цивилизоваться на обще-европейскій манеръ, и что съ этой стороны я ничего оригинальнаго не найду.

Сунувши въ протянувшуюся ко мнѣ руку паспортъ, я шелъ дальше, ожидая нападенія толпы извощиковъ и носильщиковъ, что также составляетъ принадлежность цивилизованной Европы; но этого здѣсь не случилось. Легкихъ извощиковъ здѣсь совершенно нѣтъ, а носильщики, называемые турецкимъ именемъ *хамаловъ*, вовсе не такъ назойливы, какъ ихъ братья въ остальной Европѣ. Они только предлагаютъ вамъ свои услуги или вы ихъ должны искать, а навязываться вамъ силой — не въ ихъ обычаѣ. Впослѣдствіи я убѣдился, что въ Сербіи вообще вся прислуга весьма неуслужлива, что чрезвычайно не нравится людямъ, навыкшимъ на европейскій буржуазно-барскій образъ жизни и усвоившимъ соединенныя съ нимъ понятія объ услугѣ.

«Нужно господину что-нибудь понести?» — спросилъ меня одинъ хамалъ, не трогаясь съ мѣста. Я указалъ ему сакъ-вояжъ и назвалъ гостинницу.

«Шесть грошей (30 коп. сер.)» — отвѣтилъ хамалъ.

— Три. — «Четыре». — Ладно. — И онъ понесъ мои пожитки.

Прежде мы должны были зайти *на дюмрукъ* (таможню) и дать на осмотръ вещи. Осмотръ былъ внимательный: кромѣ

того что перерыли весь сакъ-вояжъ,—заглянули, что у меня въ сумкѣ, которую я носилъ черезъ плечо, заставили даже развернуть пледъ; осматривали каждую вещь отдѣльно, встряхивая ее и поднимая на свѣтъ, и за одну вещь, которую я уже надѣвалъ одинъ разъ, требовали заплатить, какъ за ненадѣванную. Я заплатилъ, чтобъ только скорѣе отдѣлаться, и сталъ догадываться, что и таможенная часть доведена здѣсь до тонкости.

Отдѣлавшись отъ блюстителей порядка и государственныхъ интересовъ, я пошелъ дальше, слѣдуя за своимъ носильщикомъ.

Въ одну сторону, вверхъ по Савѣ, шла улица, мощеная и довольно широкая; по ней подъ рядъ безъ промежутковъ двухъэтажные каменные дома—все лавки и складочные магазины: съ мукой подъ фирмою «Нѣмецъ»[1]), съ желѣзными товарами, съ посудой глиняной и стеклянной, съ мебелью, съ галацкою солью въ глыбахъ черноватаго цвѣта и т. п.; тутъ же отдѣленіе полиціи, двѣ конторы пароходства (австрійскаго и французскаго) и большая гостинница съ надписью на сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «*Код вароши Крагуевца*—Zur Stadt Kragujewatz». Нашъ путь былъ въ противоположную сторону, гдѣ улица почти кончалась.

Первое, что кидается здѣсь въ глаза, это то, что, вмѣсто ломовыхъ извощиковъ на лошадяхъ, вы видите телѣги весьма неуклюжей формы, у которыхъ даже колеса несовсѣмъ круглы; онѣ запряжены быками или буйволами, на которыхъ, какъ на лошадей, надѣты ременные недоуздки съ веревкой или мелкой цѣпью въ родѣ поводьевъ или малороссійскихъ налыгачей; а такъ какъ время стояло холодное, то быки и буйволы покрыты были шерстяными попонами, что у насъ не всегда достается даже лошадямъ. Это такъ-называемые *рабаджіи*, которые постоянно изъ поселянъ. Позвольте мнѣ описать одного изъ нихъ.

Онъ въ красномъ фесѣ безъ кисти, которая должна быть непремѣнно шелковая, довольно дорога и потому составляетъ роскошь горожанина;—въ *гунѣ* (курткѣ), спускающейся немного ниже пояса, съ рукавами расширяющимися къ кисти и обложенная чернымъ широкимъ шерстянымъ шнуромъ или тесьмой: она обыкновенно изъ домашняго рыжевато-чернаго сукна; изъ того-же сукна *чакширы* (штаны), съуживающіеся книзу, плотно обхватывающіе всю голень, а подъ колѣнкой перехваченные красною тесьмой съ кисточками на концахъ; изъ-подъ нихъ или сверхъ нихъ въ самомъ низу виднѣются синіе съ разноцвѣтными узо-

[1]) Нѣмецъ собственно чехъ и притомъ горячій патріотъ, онъ имѣетъ близъ Бѣлграда паровую мельницу и снабжаетъ Сербію мукою высшаго сорта, которая кромѣ того получается изъ-за границы.

рами чулки (чарапе); а верхнюю обувь составляютъ *опанки* — родъ башмаковъ изъ сыромятной кожи безъ подошевъ, тоже самое, что у малороссіянъ называется *поршнями:* они прикрѣплены къ ногѣ узкимъ ремнемъ, обвивающимъ голень до половины. Гуня на немъ распахнута; но подъ нею надѣта еще курточка изъ полосатой бумажной матеріи на ватѣ, такъ-называемая *памуклія* (отъ *памукъ*—хлопчатая бумага). Стороны памукліи далеко запахиваются одна на другую, такъ что грудь совершенно закрыта, и на таліи она прихвачена довольно широкимъ поясомъ изъ разноцвѣтной шерсти, похожимъ на наши кушаки: онъ называется у сербовъ *канице.* При поясѣ виситъ небольшой самодѣльный ножъ въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ и наши поселяне. На шеѣ виднѣется прямой отложной воротникъ бѣлой, чистой и довольно тонкой рубашки. Все это одѣяніе его, кромѣ феса,— домашняго произведенія, и притомъ все это пряли, ткали и шили его домашніе: жена, мать, сестры, — и только опанки и ножъ куплены въ городѣ.

Роста онъ болѣе чѣмъ средняго, стройно сложенъ, но плечи узкія и грудь низкая; голова небольшая, лобъ не широкій, прямой, съ перехватомъ; лицо продолговатое съ прямымъ, тонкимъ небольшимъ носомъ, съ сѣрыми неглубоко сидящими глазами, съ темно-русыми, коротко стриженными волосами и съ темными съ бѣлесоватымъ оттѣнкомъ незакрученными усами; ротъ небольшой, губы среднія, сжатыя; шея тонкая и совершенно ровная съ затылкомъ.

Онъ идетъ впереди воза, ведетъ быковъ за поводья, держа у плеча кнутъ на длинномъ кнутовищѣ, помахивая, а иногда, не оглядываясь назадъ, похлыстывая имъ своихъ *хранителей* (кормильцевъ): такъ сербъ называетъ свою рабочую скотину, по преимуществу быковъ (отъ *храна* или *рана*—кормъ, пища).

Еслибъ этотъ сербъ имѣлъ на головѣ вмѣсто феса малороссійскую баранью шапку (многіе уже начинаютъ носить зимой шапки, а лѣтомъ шляпы), изъ-подъ которой виднѣлись-бы длинные въ кружало остриженные волосы, — это былъ бы нашъ чумакъ, покуда онъ не успѣлъ еще вымазаться въ дегтю. Сербъ впрочемъ живѣе малорусса, да и быки его идутъ ходчѣе. Лицо его выражаетъ какую-то сосредоточенность на томъ, что онъ дѣлаетъ; оно холодно и сухо; ему недостаетъ той разсѣянной задумчивости, которая доводитъ малорусса иногда до того, что, засмотрѣвшись на одинъ какой-нибудь предметъ, хотя бы, на галокъ на колокольнѣ Ивана-великаго, онъ не видитъ ничего вокругъ себя; не увидите вы у серба и того наивно насмѣшливаго выраженія, такъ часто освѣщающаго лицо малорусса,

когда онъ предается сладкимъ мечтамъ или, глядя на кого-нибудь, смышляетъ что-то себѣ на умѣ.

Такимъ образомъ съ перваго же шага я встрѣтилъ здѣсь картину и типъ, напоминающіе наши юго-восточные предѣлы, и какъ бы составляющіе варіантъ того, что такъ часто случалось видѣть дома. Вообще, сербскій типъ весьма близокъ къ малорусскому.

Разъ мнѣ случилось быть въ одной сербской школѣ. На вопросъ учителя—откуда пришли сербы,—ученикъ категорически отвѣчалъ: «изъ Малороссіи». Не углубляясь далеко въ исторію, сравнивъ эти два типа въ современномъ ихъ видѣ, нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, съ перваго раза кажущимся парадоксомъ, если подъ именемъ Малороссіи разумѣть вообще прикарпатскія страны.

Пробираясь со своимъ носильщикомъ дальше, я шелъ между телѣгъ, запряженныхъ лошадьми, въ одиночку или парой, быками и буйволами. Съ лошадьми большею частію *банатяне* (сербы изъ Баната) въ черныхъ съ широкими полями шляпахъ, въ жилетахъ съ длиннымъ рядомъ металлическихъ пуговицъ и бѣлыхъ портяныхъ штанахъ, которые такъ широки, что банатянинъ всегда представляется точно въ юбкѣ или въ широкомъ передникѣ, обхватывающемъ его кругомъ. Тутъ же обогналъ насъ зеленый сундукъ съ изображеніемъ двухъ перекрещивающихся почтальонскихъ трубъ: его везетъ одна лошадь, запряженная въ оглобли безъ дуги, а на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидитъ человѣкъ въ австрійской кепи. Это австрійская почта: она приняла письма съ парохода и отправляется съ ними въ австрійскій почтамтъ, существующій здѣсь для цѣлей заграничной корреспонденціи Сербіи (съ нынѣшняго года Австрія передаетъ ее Сербіи).

Чтобъ попасть съ пристани въ городъ, нужно подняться на гору. Для пѣшеходовъ устроена лѣстница изъ тесанаго камня шириною въ сажень, съ площадками послѣ каждыхъ десяти ступеней и съ плоховатыми деревянными перилами, которыя впрочемъ почти ненужны. Всѣхъ ступеней 140: поэтому можете судить о высотѣ горы; впрочемъ, и взойдя до верха лѣстницы, вы все еще должны подниматься выше, покуда дойдете до середины города. По бокамъ лѣстницы — по одну сторону шелъ какой-то пустырь, а по другую — лачуги и лавченки, въ которыхъ продается различный съѣстной товаръ и плетутся рогожки изъ чакана; а далѣе по обѣ стороны два каменные дома. Въ нижнемъ этажѣ лавки съ фруктами, сухимъ мясомъ, свинымъ саломъ, творогомъ, зеленью, между которою главную роль играютъ

лукъ и чеснокъ, и проч.; на одной лавкѣ назначено «сараф — comptoir d'échange», передъ другой выставлены фотографіи, пѣнковыя трубочки, черешневые мундштучки и листки табаку; по другую сторону сапожная мастерская (въ нынѣшнемъ году здѣсь на самомъ верху выстроена очень хорошая гостинница подъ названіемъ «Народной», которой годъ тому назадъ еще не было).

Взойдя наверхъ лѣстницы, вы охотно остановитесь, чтобъ перевести духъ и осмотрѣться, и увидите, что весь городъ подался отсюда вправо, а влѣво пустая площадь, поросшая травой и отдѣляющая крѣпость отъ города. Площадь эта называется *кали-мегданъ* (крѣпостное поле), мѣсто вечернихъ прогулокъ бѣлградцевъ, откуда отличный видъ на Саву и Дунай (нынѣшней весной здѣсь насажены деревья, проводятся фонтаны и устроивается паркъ).

Поворотивъ отсюда вправо, мы встрѣчаемъ соборную церковь. Архитектура ея не представляетъ ничего особеннаго; она совершенно похожа на всѣ австрійскія православныя церкви: черепичная крыша трапеціей и на восточномъ краю ея стоитъ крестъ, а на противоположномъ къ церкви пристроена колокольня. На колокольнѣ очень красивъ куполъ: высокій съ нѣсколькими перехватами, на квадратномъ основаніи съуживающійся кверху въ видѣ опрокинутой вазы; по темно-коричневому его фону густая узорная позолота. Онъ особенно красивъ, когда на него падаютъ косвенные лучи солнца: тогда за блескомъ позолоты темный фонъ почти не видѣнъ, служитъ какъ бы оттѣнкомъ и помогаетъ только игрѣ лучей въ золотѣ. Съ нашими церквами эта церковь не имѣетъ ничего общаго, и она мнѣ напоминаетъ церкви въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Когда мы проходили, раздался на колокольнѣ звонъ: вдругъ какъ-то зазвонило нѣсколько колоколовъ, болтаясь туда и сюда, точно всполохъ бьютъ, и эта болтовня поднималась три раза съ двумя небольшими паузами. «Что это значитъ?» — спросилъ я хамала. «Умеръ кто-нибудь; должно быть дитя, мальчикъ». — «Почему ты знаешь, что дитя и непремѣнно мальчикъ?» — «Вообще здѣсь много мретъ дѣтей; а когда звонятъ три раза, значитъ мертвецъ мужескаго пола; для женщинъ звонятъ только два раза». Вотъ вамъ и одна оригинальная черта сербскихъ православныхъ обычаевъ.

Обратимъ теперь вниманіе на хамала, который заслуживаетъ вниманія настолько по крайней мѣрѣ, насколько и онъ составляетъ одно звено въ общественной жизни Бѣлграда и для насъ представляетъ нѣчто оригинальное.

Начнемъ съ того, что хамалъ съ *самаромъ*,—особымъ орудіемъ, помогающимъ ему носить на спинѣ тяжести,—совершенно

замѣняетъ лошадь съ телѣгой. Вы нерѣдко увидите, что онъ несетъ на себѣ два-три чемодана, сакъ-вояжъ и еще что-нибудь сверху, или движется подъ какимъ-нибудь громаднымъ ящикомъ, несетъ на себѣ цѣлый шкапъ или комодъ, такъ что подъ громоздкой тяжестью сзади вы видите однѣ движущіяся ноги. Говорятъ, что есть хамалы, которые съ помощью самара поднимаютъ до 250 окъ, что составляетъ слишкомъ 17 пудовъ (считая оку въ $2^3/_4$ ф. или пудъ въ $14^1/_2$ окъ). Не принимая такой невѣроятной цифры, мы все-таки должны признать, что самаръ помогаетъ человѣку поднять много больше того, чѣмъ сколько бы онъ могъ поднять безъ него. Въ свободное время хамалъ садится на свой самаръ, какъ на скамейку; а въ полдень пообѣдавши онъ ложится гдѣ-нибудь у стѣнки уснуть: — самаръ служитъ ему изголовьемъ. Что-жъ это за орудіе? Онъ имѣетъ видъ мѣшка, на дно котораго положенъ барабанъ или боченокъ изъ тонкихъ дощечекъ длиной четверти въ $2^1/_2$, а въ діаметрѣ вершка въ 3; мѣшокъ этотъ простеганъ съ ватой или войлокомъ и вмѣстѣ съ боченкомъ сверхъ всего обтянутъ кожей; надѣвается онъ такъ, какъ наши пѣшеходы носятъ свои котомки продѣвая руки въ помочи, какъ въ жилетъ. Надѣвши самаръ, носильщикъ настеганнымъ мѣшкомъ защищаетъ спину отъ давленія жесткихъ предметовъ; а боченокъ не даетъ вещамъ ползти внизъ, чему помогаетъ еще и веревка, въ два конца перекидываемая черезъ всю ношу отъ боченка, къ которому веревка эта прикрѣплена за желѣзную скобочку.

Какъ ни остроумно придуманъ этотъ инструментъ и сколько онъ ни облегчаетъ трудъ, все-таки добываемый имъ хлѣбъ горекъ. Это тоже самое, что у насъ лямка, въ изобрѣтеніи которой пожалуй тоже можно найти остроуміе, но тѣмъ не менѣе она массу людей низводила на степень весьма низкую, убивая въ нихъ охоту и способность по-людски думать и чувствовать. Какъ наши бурлаки, возвращаясь съ путины, нищенствовали, такъ и хамалъ смотритъ нищимъ. Онъ одѣтъ, какъ и всѣ сербы, только фесъ на немъ затасканъ такъ, что нельзя разобрать его цвѣта; зимой въ холодъ вмѣсто того, чтобъ надѣть шапку, онъ обматываетъ голову грязнымъ полотенцемъ въ видѣ турецкой чалмы; изъ-подъ феса въ безпорядкѣ выбиваются волосы космами, борода небрита; вся остальная одежа истаскана; рубашка грязная, чего вы не увидите у другого серба, хотя бы онъ рылся въ землѣ или былъ въ дальней дорогѣ. Сербъ изъ княжества рѣдко идетъ въ хамалы: это большею частью сербы же изъ турецкихъ земель и изъ Австріи, арнауты, болгары и цинцары.

Заработокъ ихъ чрезвычайно неровный, и въ этомъ вся бѣда.

Два раза въ годъ, а иногда одинъ, здѣсь бываетъ нагрузка соли, продолжающаяся недѣлю или двѣ; за то, чтобъ положить на *кантаръ* (вѣсы) *товаръ* соли (100 окъ = 275 ф.), хамалъ получаетъ 10 грошей и въ день можетъ погрузить до четырехъ товаровъ, слѣдовательно, заработать 40 гр. или 2 р. с. Вообще въ самую горячую пору навигаціи, составляющую въ году не больше двухъ мѣсяцевъ, онъ можетъ заработать въ день отъ 10 до 20 гр. (до 1 р. с.). Но все это высшія цифры, а нужно принять и низшія; нужно потомъ принять и то, что по временамъ имъ приводится цѣлые дни сидѣть и лежать на своихъ самарахъ; нужно принять въ соображеніе прогулъ по болѣзни или по другимъ причинамъ, и тогда въ результатѣ врядъ-ли придется на день по 6 гр. (30 к. с.) или 180 (9 р.) въ мѣсяцъ; а между тѣмъ, простая женская прислуга, ничего неумѣющая, получаетъ отъ 110 и до 200 гр. (отъ 5 до 10 р.) на всемъ хозяйскомъ. Правда, въ Бѣлградѣ содержаніе покуда не дорого: хлѣбъ стоитъ 1 грошъ за оку, а мясо среднимъ числомъ 4 гр., и одинокій человѣкъ можетъ жить на такой заработокъ; но семейному весьма тяжело. Лучшее положеніе хамаловъ, состоящихъ при таможнѣ на постоянной платѣ: ихъ круглый годъ 10 человѣкъ, изъ которыхъ 9 получаютъ по 9 талеровъ въ мѣсяцъ, а одинъ, въ родѣ старшаго надъ ними, 10. Ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы товаръ, подвозимый къ таможнѣ на телѣгахъ, сносить въ магазины; причемъ они и отъ хозяина получаютъ еще по 3 гроша отъ телѣги, въ родѣ на водку. Туземный сербъ надѣваетъ самаръ только на время горячей работы и, заработавши нѣсколько червонцевъ, тотчасъ переходитъ къ другому занятію. Заработокъ хамала особенно низокъ, сравнительно съ заработками другихъ: рабочіе въ самомъ городѣ при постройкахъ, при виноградникахъ, въ окружности при уборкѣ сѣна меньше 20 гр. не получаютъ, а часто и больше, съ весны въ продолженіи всего лѣта; даже зимой поденщина не опускается ниже 6 гр. Впрочемъ, мы будемъ говорить впослѣдствіи болѣе подробно о заработкѣ и о рабочемъ населеніи вообще въ Сербіи, а теперь прошу читателя вспомнить, что мы съ хамаломъ не дошли еще отъ пристани до гостинницы.

Мы вступаемъ въ подъѣздъ гостинницы «Сербская корона». Никого нѣтъ. Хамалъ идетъ внутрь кофейни и возвращается съ кельнеромъ. Тотъ звонитъ и на его звонъ изъ-подъ лѣстницы изъ какой-то конуры, темной, набитой какимъ-то хламомъ, вылѣзаетъ *хаускнехтъ*. Онъ бѣжитъ на верхъ и звонитъ тамъ. На звонъ сбѣгаетъ женщина: она въ обыкновенномъ платьѣ, голова у нея повязана платкомъ по-бабьи и изъ-подъ повязки

космами выбиваются волосы, грудь разстегнута, вся она грязна и довольно отрепана;—это *штумадля*, которая видимо не успѣла еще принарядиться. Она объявляетъ, что комнаты свободныя есть, но заперты, а ключи у хозяйки, хозяйка куда-то ушла. Нужно же куда-нибудь. Оказывается, что есть одна комната, но еще не убрана. Меня помѣщаютъ въ ней, и я живу, платя ежедневно 6 гр. за комнату и 8 гр. за обѣдъ, состоящій изъ пяти блюдъ, весьма удовлетворительныхъ, какъ по количеству, такъ и по качеству, съ бутылочкой хорошаго неготинскаго вина.

Когда-то проѣзжая изъ Праги въ Россію и наблюдая различныя явленія общественной жизни, я примѣчалъ въ ней нѣкоторую разницу по мѣрѣ удаленія отъ запада къ востоку. Такъ, чехи въ Богеміи показались мнѣ во многомъ болѣе развитыми, чѣмъ тѣже чехи, въ Моравіи; польская часть австрійской Силезіи (цешинскій округъ) по развитію стоитъ выше коренной Польши въ Галиціи; Варшава показалась мнѣ больше похожею на другіе европейскіе города, чѣмъ Петербургъ. Проживши цѣлый годъ въ Богеміи и Моравіи, я видѣлъ пьяныхъ людей только въ городахъ и въ праздничные дни; замѣтимъ, что тамъ пьютъ только при особенныхъ случаяхъ, въ компаніи и до безобразія никто не напивается; въ польской Силезіи я уже встрѣчалъ пьяныхъ въ гостинницахъ и въ будничные дни, чаще слышалъ брань и ссоры въ пьяномъ видѣ; въ Галиціи это еще замѣтнѣе, и, какъ ни мало привелось мнѣ въ ней быть, я былъ свидѣтелемъ большой потасовки людей въ пьяномъ видѣ. Бывши въ Варшавѣ (въ концѣ 1861 г.) я отправился на гулянье въ одно изъ окрестныхъ селъ, Бѣляны, и на возвратномъ пути увидѣлъ нѣсколько человѣкъ пьяныхъ, лежавшихъ на землѣ: такого зрѣлища я въ другихъ мѣстахъ не видалъ. На этихъ несчастныхъ я замѣтилъ сѣрыя солдатскія шинели. Двигаясь все дальше на востокъ, я пріѣхалъ въ Казань. Не стану говорить о святкахъ и въ особенности о масляницѣ, которая тамъ проводится такъ шумно, какъ нигдѣ въ Россіи; но и въ великій постъ тамъ была не рѣдкость встрѣчать на улицѣ пьяныхъ, шатающихся изъ стороны въ сторону и бушующихъ.

Подобную же разницу я наблюдалъ и проѣзжая въ другомъ направленіи съ сѣвера на югъ, отъ Берлина до Бѣлграда.

Въ Берлинѣ я нашелъ богатство, комфортъ, чистоту и свѣтъ; въ Вѣнѣ много роскоши и щегольства рядомъ съ грязью и темными углами; вѣнскіе книжные магазины въ сравненіи съ берлинскими—трущобы. Вѣнская прислуга въ гостинницахъ вѣжлива до манерности и униженія и въ тоже время нахальна; въ Берлинѣ она держится болѣе съ достоинствомъ, хоть и не столько

галантно; въ самыхъ гостинницахъ Вѣны великолѣпные подъѣзды обѣщаютъ гораздо больше, чѣмъ что находится внутри ихъ; житель Вѣны слишкомъ много заботится о своемъ желудкѣ, точно другой жизни у него и нѣтъ. Въ Пештѣ роскошь съ бѣдностью, щегольство съ грязью еще рѣзче; на улицахъ нечистота, много пьяныхъ, много брани самаго нескромнаго свойства; кучеръ мчится по улицѣ, несмотря на людей, въѣзжаетъ на тротуаръ и подъчасъ такъ прижметъ васъ къ стѣнѣ, что жизнь ваша виситъ на волоскѣ; во всемъ какая-то размашистость, распущенность и неряшество.

Вступивши изъ Пешта въ Бѣлградъ, вы существенной разницы не замѣчаете. Видно конечно сейчасъ, что Бѣлградъ много меньше и бѣднѣе Пешта; но онъ за то чище, въ немъ больше порядка и нѣтъ той распущенности и неряшливости. Наружно Бѣлградъ совершенно имѣетъ видъ австрійско-венгерскаго городка. Не только по наружности, но и во всемъ вы встрѣчаете вліяніе Австріи съ ея хорошими и дурными сторонами на каждомъ шагу. Мы не станемъ до времени говорить о вліяніи ея на жизнь умственную, общественную и политическую, и остановимся покуда только на тѣхъ чисто наружныхъ проявленіяхъ его, которыя бросаются въ глаза съ перваго взгляда. Вы встрѣтите здѣсь австрійскіе экипажи чрезвычайно легкіе, сдѣланные очень тонко и въ тоже время прочно, славящіеся и у насъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ западной и южной; лошадей венгерской породы, которыя не имѣютъ красивой головы, но довольно крупны, легки и крѣпки; въ домахъ встрѣтите гнутую мебель, извѣстную и у насъ подъ именемъ вѣнской; однимъ словомъ, вы найдете здѣсь цѣлую австрійскую индустрію со всѣми ея достоинствами и недостатками. Къ сожалѣнію, большая часть ея произведеній, исключая экипажей, суконъ и нѣкоторыхъ другихъ матерій, имѣетъ единственное достоинство — дешевизну, но и то сомнительно, потому что дешевое часто выходитъ на дорогое. Напр., сахаръ здѣсь покупается отъ 8 до 10 гр. за оку (за фунтъ отъ $14^1/_2$ до 18 к. сер.); но онъ не чистъ на видъ, и вы ошибетесь, если положите его въ кофе или чай столько, сколько привыкли класть дома, онъ не сладокъ; дверные замки вездѣ не держатъ; кожаный товаръ и мелкія желѣзныя издѣлія—плохи; писчая бумага такая, что на ней едва можно писать, и т. п., такъ что австрійскіе товары далеко не могутъ пользоваться такою репутаціею, какою у насъ когда-то пользовалось все нѣмецкое и вообще заграничное. Впрочемъ, и то нужно замѣтить, что сербы прежде всего гонятся за дешевизной и разсчитываютъ, какъ говорится: «на грошъ да побольше

ше», и ихъ торговцы покупаютъ большею частію бракъ. Съ нѣмецкимъ языкомъ вы очень легко можете прожить въ Бѣлградѣ: въ каждой порядочной гостинницѣ или кофейнѣ, если не самъ хозяинъ, то кельнера говорятъ по-нѣмецки; точно такъ и въ лавкахъ; и чиновники, какъ гражданскіе, такъ и военные—большею частію знаютъ хоть сколько-нибудь по-нѣмецки. Основательнаго знанія нѣмецкаго языка здѣсь мало, и еще меньше знакомства съ нѣмецкою литературою, но, насколько это знаніе можетъ облегчить практическія сношенія съ нѣмцами,—оно довольно распространено. Во всемъ житейскомъ обиходѣ вы услышите множество нѣмецкихъ словъ и притомъ съ выговоромъ по австрійскому жаргону, напр.: *конк*—корридоръ (отъ Gang), *молорей*—живопись, *логоръ*—лагерь, *клозер*—стекольщикъ, *фиронги*—занавѣски на окнахъ (Vorhänge), *крогле*—воротнички (Kragen), *фусекли*—носки, *фрайля*—дѣвица и др.; даже пошлое выраженіе—«Küss' die Hand» преобразилось въ «любим руку» и т. д.

Именно благодаря Австріи, Бѣлградъ имѣетъ двѣ-три гостинницы, которыя по внѣшней обстановкѣ, по меблировкѣ, по сервировкѣ стола—не уступятъ лучшимъ гостинницамъ Пешта и Вѣны; прислуга въ нихъ чисто одѣта, расторопна и съ особенною шикарностью, подавая вамъ что-нибудь, проговоритъ мадьярское «тешикъ» т.-е. извольте или что-то подобное. Эти лучшія гостинницы содержатся сербами изъ Австріи. Другія, не столько роскошныя, содержатся туземными сербами или цинцарами. Въ нихъ вы не найдете особенно хорошей меблировки, но за умѣренную цѣну (за 40 коп.) найдете все, что необходимо: свѣтлую, чистую комнату, желѣзную кровать съ мягкими матрацами и подушками, плотно стеганое одѣяло, чистое постельное бѣлье, столъ и стулъ, иногда два стула; недостаетъ только шкапа или комода, а иногда притомъ даже нѣтъ ни одного гвоздя въ стѣнѣ, чтобъ повѣсить верхнее платье. Въ нихъ нѣтъ клоповъ, которыми изобилуютъ часто весьма богатыя гостинницы въ нашихъ губернскихъ городахъ, а иногда даже и столичныя: нѣтъ, какъ у насъ, темныхъ корридоровъ, по которымъ иногда бродишь и не отыщешь своего нумера; нѣтъ спертаго казарменнаго воздуха нашихъ многоэтажныхъ гостинницъ.

Но рядомъ съ этими удобствами европейской жизни, передаваемыми Сербіи Австріей, передаются такіе обычаи, которые при нѣкоторой утрировкѣ доходятъ до безобразія. Пропуская разныя мелочи, я укажу только на женскую прислугу при нумерахъ. Такъ-называемая *штумадля* служитъ хозяину совершенно даромъ, получая одну только комнату, платя за столъ,

какъ и гости, нанимая отъ себя женщинъ для мытья половъ и бѣлья, а иногда сверхъ всего платитъ еще хозяину оброкъ. Понятно, на что здѣсь разсчитывается, въ какія заведенія обращаются гостинницы и какія вслѣдствіе того неудобства можетъ терпѣть пассажиръ. И это здѣсь повсемѣстно. Закономъ это запрещается; но полиція, вмѣшивающаяся всюду, терпитъ такой порядокъ вслѣдствіе сдѣлки съ хозяиномъ гостинницы. Иногда хозяинъ гостинницы по какимъ-нибудь неудовольствіямъ на свою штумадлю донесетъ полиціи, что она занимается незаконнымъ промысломъ: ее тащутъ тотчасъ въ полицію, сажаютъ, накажутъ палками, возьмутъ штрафъ, а потомъ она снова на тѣхъ же самыхъ условіяхъ живетъ въ другой гостинницѣ.

Что въ этомъ случаѣ лучше: хозяинъ-ли, который пользуется всѣми правами гражданина, полиція-ли, блюдущая за чистотою нравовъ, или эти несчастныя женщины, считающіяся отребьемъ человѣчества?...

Исторія этихъ женщинъ кладетъ черное пятно на общественный строй цѣлаго человѣчества; а масса ихъ въ Бѣлградѣ *изъ npeкa* и домашнихъ, и быстрое распространеніе ихъ по цѣлой Сербіи указываютъ, что дурныя стороны европейской жизни нашли себѣ здѣсь готовую почву; вредное же вліяніе такого явленія значительно отражается на физическомъ здоровьѣ народа, на что сильно жалуются всѣ тамошніе медики.

Страсть къ жуированью, крайній матеріализмъ въ наслажденіяхъ, безцѣльное препровожденіе времени за чтеніемъ газетъ или за пивомъ по кофейнямъ—все это сильно напоминаетъ Вѣну, и пришлось въ Бѣлградѣ какъ разъ по нравамъ, потому что совпадаетъ съ тѣмъ образомъ жизни, который развивался здѣсь когда-то подъ турецкимъ вліяніемъ.

Мы, впрочемъ, еще не кончили съ внѣшнею стороною Бѣлграда и должны прежде сказать о его физическомъ положеніи, играющемъ важную роль въ его политической жизни, и о его расположеніи, представляющемъ весьма много своеобразнаго.

Бѣлградъ расположенъ на высокомъ мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Савы и Дуная и направляющемся съ сѣв.-зап. на юго-вост. Оконечность его нѣсколько возвышеннѣе остальной части и тутъ расположена крѣпость или, какъ здѣсь говорятъ, *градъ*. Дальше, отступя отъ крѣпости сажень на 80, идетъ городъ (по-сербски *варошъ*) по плоскому хребту, по бокамъ террасами и по отлогимъ берегамъ Савы и Дуная. На югѣ-востокѣ онъ вступаетъ на небольшее возвышеніе—*врачаръ*, которое перерѣзывается долиною и потокомъ «мокрый лугъ», текущимъ въ Саву; за этой долиной еще возвышеніе, покрытое сплошь

виноградниками, а за нимъ долина *топчидеръ*, любимое мѣсто прогулокъ бѣлградскихъ жителей. За всѣмъ этимъ возвышается холмъ Авало (около 1,200 ф. надъ пов. моря), который господствуетъ далеко надъ всею окрестностію и вмѣстѣ съ примыкающими къ нему горами составляетъ какъ бы задній фонъ Бѣлграда.

Съ Авалы вы можете видѣть почти цѣлую Сербію и далеко за Дунай и Саву; но даже не поднимаясь такъ высоко, съ двухъ краевъ кали-мегдана вы можете обозрѣть также громадное пространство. Смотря на сѣверъ черезъ Дунай, вашъ глазъ теряется въ безконечной равнинѣ Баната, и только на сѣверо-западѣ виднѣются высокіе желтоватые берега Дуная, а за ними Фрушка-гора и Вердникъ въ Сремѣ. На востокѣ вы невооруженнымъ глазомъ видите двѣ пирамидальныя горы, лежащія за станціею желѣзной дороги, Вершцемъ, и составляющія изолированную группу трансильванскихъ горъ. На западѣ видите хребетъ Церъ, за которымъ течетъ р. Дрина, составляющая западную границу Сербіи и отдѣляющая ее отъ Босніи; а противъ Цера опять въ Сремѣ виднѣется западный конецъ Фрушкой-горы. Въ прямомъ направленіи съ запада на востокъ, вы обозрѣваете пространство больше чѣмъ въ два градуса (между 37° и 39°); на сѣверѣ передъ Бѣлградомъ стелется часть венгерской низменности, предѣлы которой составляютъ предгорье Карпатъ. Весною все это пространство наводняется разливомъ Савы и Дуная и представляетъ необозримую массу воды, посреди которой, будто пловучіе острова, виднѣются лѣсъ, городки и села. По сбытѣ воды все это покрывается самою роскошною зеленью; но долго застаивающаяся вода въ протокахъ, озерахъ и болотахъ, даетъ громадное количество испареній, которыми цѣлый почти годъ обдаетъ возвышенный берегъ Сербіи отъ Бѣлграда до Градища (прямого протяженія одинъ градусъ). Съ другой стороны идетъ низменность Савы верстъ въ 7 шириною: она дугою вдается въ самый городъ и образуетъ низменность, называемую здѣсь *венеціей*, потому что береговыя постройки весною совсѣмъ почти окружены водою, а иногда и значительно потопляются.

Климатъ Бѣлграда по астрономическому положенію (южнѣе 45°) теплый, но, при отсутствіи всякой защиты съ сѣвера, температура въ немъ измѣняется очень быстро, какъ скоро подуетъ сѣверный или точнѣе сѣверо-восточный вѣтеръ, называемый здѣсь *кошава*. Это измѣненіе въ продолженіи сутокъ доходитъ до 12° и до 15°. Въ нынѣшнемъ году, напр., 20-го мая (ст. стиля) было больше 30° тепла, а на другой день утромъ было только 8°, и цѣлый тотъ день термометръ не поднимался выше 15°.

Двѣ судоходныя рѣки, обтекающія Бѣлградъ съ трехъ сто-

ронъ, открываютъ ему естественный путь на западѣ къ портамъ Адріатическаго моря, на востокѣ въ Черное море, а на сѣверѣ въ середину Германіи. Вотъ что дала Бѣлграду природа. Посмотримъ теперь, какъ воспользовался этими условіями, какъ устроился и расположилъ свои жилища человѣкъ.

Надобно замѣтить, что Бѣлградъ долго былъ чисто стратегическимъ пунктомъ. Послѣ римлянъ, ни сербы, ни мадьяры, попеременно владѣвшіе имъ, не придавали ему иного значенія. Только послѣ роковой косовской битвы (1389 г.) деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, осмотрѣвъ оставленныя ему по милости турецкаго султана владѣнія, оцѣнилъ его настоящее положеніе. Въ «Цароставникѣ» (жизнеописанія королей и архіепископовъ сербскихъ отъ начала XIV до конца XV ст.) разсказывается, что Стефанъ Лазаревичъ, въ 1403 г., прибывъ въ Бѣлградъ, прельстился его мѣстоположеніемъ, «потому что онъ, по словамъ лѣтописца, находится хоть въ сербскихъ предѣлахъ, но *какъ будто лежитъ на сердцѣ и на плечахъ Венгріи*. И началъ Стефанъ больше въ Бѣлградѣ пребывать, такъ какъ *мѣстоположеніе его очень красиво, при немъ много полей, рѣки и пристани, такъ что почти изо всей Европы можно привозить въ него богатства водою*. Онъ укрѣпилъ Бѣлградъ стѣнами и украсилъ его царскими палатами, въ особенности же соборною церковью» и т. д.

Но для сербовъ это было уже поздно; воспользовались его положеніемъ турки. Англійскій путешественникъ докторъ Броунъ, посѣщавшій Бѣлградъ въ концѣ 1668 г., оставилъ довольно интересное описаніе его, которое, полагаемъ, не будетъ излишне привести здѣсь. «Бѣлградъ — говоритъ путешественникъ — большой, укрѣпленный, многолюдный и просторный *торговый городъ*. Прибывши въ Бѣлградъ — продолжаетъ онъ — я прошелъ мимо нижней крѣпости (Wasserschloss) и потомъ также близъ верхней (Oberschloss): обѣ крѣпости или оба за̀мка довольно обширны и имѣютъ четыре башни (стоитъ *vier*, но можетъ быть *viel*, потому что ихъ было больше четырехъ). Торговыя улицы этого города сверху покрыты досками, такъ что онѣ такимъ образомъ не страдаютъ ни отъ дождя, ни отъ солнца. Такія улицы состоятъ большею частію изъ лавокъ и складовъ товара, которые конечно не велики. Въ каждой лавкѣ находится прилавокъ, на которомъ (какъ въ другихъ мѣстахъ портные) сидитъ купецъ или лавочникъ и продаетъ свои товары покупателю, который стоитъ внѣ лавки, такъ что внутрь входятъ немногіе изъ покупателей или никто не входитъ. Еще я видѣлъ тамъ двѣ обширныя площади, обстроенныя кругомъ каменными стѣнами: онѣ похожи на биржу или на сборное мѣсто купцовъ; крыша под-

держивалась колоннами въ два этажа. Но мѣста эти были совершенно завалены товарами, отчего они много теряли своего блеска и красоты. Кромѣ того тамъ есть еще двѣ торговыя площади, гдѣ можно купить самыя драгоцѣнныя вещи. Онѣ построены въ формѣ каѳедральной церкви, и какъ на старой биржѣ (въ Лондонѣ) нужно всходить (въ лавки) вверхъ по ступенямъ. Великій визирь построилъ въ этомъ городѣ хорошій караванъ-сарай или постоялый дворъ для чужестранцевъ и путешественниковъ, и близко къ нему мечеть или турецкій храмъ, какого я еще не видѣлъ. Онъ построилъ также медресе или коллегіумъ для студентовъ. Одного изъ нихъ я видѣлъ: онъ одѣтъ былъ весь въ зеленое, и на головѣ у него была чалма съ четырьмя углами, которые были отличены отъ другихъ, чтобъ по нимъ можно было всѣхъ лучше различать и узнавать. Если въ большей части городовъ этой страны много кладбищъ, то въ Бѣлградѣ я нашелъ ихъ особенно много, потому что этотъ городъ очень многолюденъ и недавно тамъ свирѣпствовала чума. На квартирѣ мы были въ домѣ одного армянскаго купца, у котораго нашли чрезвычайно хорошее угощеніе. Мы посѣщали и другихъ купцовъ, которые имѣли красивые дома, и въ одномъ домѣ нашли фонтанъ и хорошую купальню съ комнатою. Мы не имѣли здѣсь недостатка въ кофе, шербетѣ и отличныхъ винахъ, которыя производитъ эта страна. Армяне разсѣяны и извѣстны на всѣхъ пунктахъ и здѣсь они имѣютъ церковь. Съ ними при покупкѣ, кажется, лучше можно сойтись, потому что они искреннѣе, чѣмъ евреи и греки. Страны, прилегающія къ Бѣлграду, производятъ здѣсь большую торговлю. Кромѣ того здѣсь торгуютъ купцы изъ Рагузы и имѣютъ свою факторію *восточные купцы* изъ Вѣны».

Все это современемъ совершенно исчезло, и въ настоящее время, Бѣлградъ далеко не достигъ того цвѣтущаго состоянія, въ какомъ находился двѣсти лѣтъ назадъ, хотя, надобно замѣтить, онъ ростетъ быстро.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бѣлградъ весь былъ скученъ около крѣпости; теперь же онъ вытянулся вдоль цѣлаго мыса, вступилъ уже на *врачаръ*, селится по немъ, спускаясь на обѣ стороны къ Савѣ и Дунаю; захватилъ въ свою черту два бывшихъ селенія Саву-Малую и Палилулу, а также и Ташъ-Майданъ, гдѣ была еще во времена римлянъ и по сю пору продолжается ломка камня-плитняка, откуда и произошло его турецкое названіе (*ташъ* — камень и *майданъ* — копь, рудникъ). Тамъ, гдѣ былъ конецъ города и шло турецкое кладбище, теперь находится *Господская улица*, а лучшія въ настоящее время про-

дольныя улицы *Теразіи* и *Абаджійская*, за 50 лѣтъ представляли пространство, заросшее кустарникомъ и бурьяномъ.

Въ названіяхъ частей Бѣлграда есть нѣчто аналогичное съ Москвою. Такъ, встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь на *Теразіяхъ*, вы спросите, куда онъ идетъ, и получаете въ отвѣтъ: «у варай» т.-е. въ городъ, какъ будто Теразіи внѣ города. Дѣло въ томъ, что городъ имѣетъ здѣсь, какъ и въ Москвѣ, свое спеціальное значеніе: этимъ названіемъ обозначается преимущественно та часть Бѣлграда, которая была городомъ еще во времена турецкія и обнесена была валомъ, когда другія части или вовсе не были заселены, или были села и какія-нибудь урочища. Также часто вы услышите, что такой-то живетъ «на варошкапіи» или «на стамбулкапія» т.-е. у городскихъ или стамбульскихъ воротъ, которыя вы также напрасно будете отыскивать, какъ въ Москвѣ стали бы искать воротъ тверскихъ, арбатскихъ и проч. Впрочемъ они существовали недавно, именно до 1862 г., и представляли цѣлыя крѣпости, охраняемыя турецкими солдатами; особенно крѣпки были стамбульскія, находящіяся посерединѣ на главной цареградской дорогѣ. Названіе воротъ въ послѣднее время стало распространяться и на весь городъ, только *Врачаръ* и *Палилула*, какъ бы еще не считаются вполнѣ городомъ. Часть стараго города, который по преимуществу состоитъ изъ лавокъ и представляетъ какъ бы гостинный дворъ, называется *чаршія*, при Савѣ называется савскою, а часть, прилегающая къ Дунаю, носитъ названіе *дартюла* (чтó значитъ на турецкомъ языкѣ *четыре угла*); верхняя часть дартюла или переходъ къ нему отъ чаршіи называется еще *зерекъ* (тоже турецкое слово, значенія котораго не знаю).

Къ упомянутымъ названіямъ частей города и его улицъ остается еще добавить *Пиварскую* улицу (на которой находится пивоварня покойнаго князя Михаила) и *Фишекджійскую* (гдѣ многіе занимаются производствомъ *фишековъ*, т.-е. ружейныхъ патроновъ); остальныя части не имѣютъ никакихъ названій. Поэтому, если вы не знакомы съ Бѣлградомъ, отыскать кого-нибудь было бы довольно трудно, но это облегчается тѣмъ, что тамъ всѣ знаютъ другъ друга и первый встрѣчный вамъ укажетъ квартиру человѣка, принадлежащаго къ одному съ нимъ разряду.

Какъ всякій городъ, возникавшій исторически, образовавшійся изъ нѣсколькихъ частей, составлявшихъ отдѣльное цѣлое, Бѣлградъ не имѣетъ общаго плана, не имѣетъ прямыхъ улицъ и вообще неправиленъ. Въ послѣднее время впрочемъ онъ регулируется и все, чтó строится вновь на развалинахъ старыхъ

турецкихъ построекъ, строится по плану. Настоящее правительство этимъ именно занято: проводитъ новыя улицы, разводитъ парки, возводитъ новыя зданія; но и тутъ, какъ во всемъ, всегда найдется какой-нибудь промахъ: такъ главную новую улицу, составляющую продолженіе Теразій до Кали-мегдана, сдѣлали недостаточно широкою и искривили. Общій видъ построекъ весьма удовлетворительный: весьма много двухъ-этажныхъ каменныхъ домовъ и два трехъ-этажные. Самое замѣчательное зданіе, это—такъ-называемая великая школа, въ которой впрочемъ кромѣ великой школы (лицея) помѣщаются: гимназія, отдѣленіе министерства просвѣщенія, народная библіотека, музей (древностей и натуральный), физическій кабинетъ и химическая лабораторія. Это огромное четырехъ-угольное зданіе въ четыре этажа, съ просторнымъ дворомъ внутри его, съ венеціянскими окнами, съ довольно плоскою цинковою крышей и съ павильономъ на самомъ верху, служащимъ для наблюденій за пожаромъ. Оно построено майоромъ Мишей Анастасіевичемъ, послѣ Обреновичей первымъ богачемъ въ Сербіи. Зданіе это готовилось быть княжескимъ дворцомъ, когда разсчитывали на возможность, чтобъ зять Миши, племянникъ Александра Карагеоргіевича, сдѣлался княземъ. Когда Обреновичи окончательно утвердили свою династію въ Сербіи (съ 1858 г.), тогда Миша, чтобъ все-таки имѣть уваженіе въ народѣ и отклонить приписываемые ему виды на княжескій престолъ, подарилъ этотъ домъ народу и тѣмъ увѣковѣчилъ свое имя. Въ послѣднее время отстроивается довольно большое и красивое зданіе театра. Княжескій конакъ (дворецъ) не представляетъ ничего особеннаго; но рядомъ съ нимъ стоитъ домъ министерствъ: иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, имѣющій подобіе рыцарскихъ замковъ—съ плоскою крышею, съ зубцами по краямъ и башенками по угламъ. Большая часть улицъ обсажена деревьями: каштанами, раинами, тополями, акаціями. Вездѣ мостовая, нѣтъ только тротуаровъ; вездѣ чисто, все смотритъ весело и открыто. Мало городовъ въ Европѣ, которые могутъ съ перваго раза произвесть такое пріятное впечатлѣніе, какъ Бѣлградъ. Всѣ улицы его расположены одна ниже другой, такъ что ни одинъ домъ, кажется, не заслоняетъ свѣта другому, и самый ничтожный домишко хоть съ какой-нибудь стороны пользуется свѣжимъ воздухомъ, вольнымъ свѣтомъ, а иногда великолѣпнымъ видомъ на Саву или Дунай. При каждомъ домѣ, если не садъ, то нѣсколько деревьевъ грецкихъ орѣховъ или каштановъ, такъ что издали Бѣлградъ рѣшительно тонетъ въ зелени.

Самая оригинальная часть Бѣлграда—это *дартюлъ*, гдѣ до

1862 г. жили турки, а теперь евреи, мелкіе торговцы и промышленники и рабочее населеніе. Это лабиринтъ улицъ узкихъ, извилистыхъ, на которыя выходятъ одни заборы, тогда какъ дома скрываются въ глубинѣ дворовъ, которые въ то же время можно назвать и садами. На улицу выходитъ только калитка. Такія калитки были и между всѣми почти дворами, и благочестивая магометанка, нежелавшая показаться на улицѣ, черезъ эти калитки могла пройти очень далеко. Въ этихъ заборахъ вы иногда встрѣтите камень съ римской надписью или съ какимъ-нибудь изображеніемъ; попадаются иногда ниши, видимо предназначенныя для того, чтобъ въ нихъ помѣщались статуи; арки изъ темнаго камня, служившія когда-то воротами какого-то зданія, и потомъ заложенныя камнемъ, для того чтобы ограждать гаремную жизнь турка. Здѣсь пусто и мертво; когда идете, звукъ вашихъ шаговъ отдается какъ-то особенно звонко; а со стѣнъ космами спускаются дикій плющъ или душистая портулака, и узкая мертвая улица наполняется ароматомъ; или черезъ эти стѣны свѣшиваются виноградная лоза и вѣтви абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, полныя крупныхъ сочныхъ плодовъ. На турецкихъ дворахъ или въ садахъ, какъ они ни заброшены теперь, по сю пору держатся самые лучшіе сорты плодовъ: видно, что турки наслаждались жизнью. Жизнь эта миновалась и вся ея обстановка перешла въ наслѣдство другимъ жителямъ, которымъ не до наслажденій. Каменные заборы постоянно разрушаются и матеріалъ ихъ идетъ на другія постройки; деревья постепенно пропадаютъ и самые дома опадаютъ сами собою и, лишенные лучшаго своего украшенія — садовъ, смотрятъ какими-то оборванными нищими. Дома эти сами по себѣ весьма ничтожны и нисколько не отвѣчали тому простору, какой они занимали. Многіе изъ нихъ сохранились еще по сю пору, благодаря тому, что имѣютъ какихъ-нибудь жильцовъ, и вы можете видѣть всю прежнюю обстановку. Загляните въ какую-нибудь калитку внутрь двора, и вы увидите на самомъ заднемъ планѣ ничтожный домишко: онъ всегда квадратной формы, съ низкою черепичною крышей, образующей навѣсъ надъ стѣнами. Впереди галлерея подъ крышей. Вы вступаете сначала на галлерею черезъ крыльцо въ нѣсколько ступеней и потомъ въ домъ. Изъ маленькихъ сѣней или корридорчика, гдѣ находится и очагъ, на которомъ готовятъ кушанья, идутъ двери направо и налѣво: въ лѣвую сторону меньшее помѣщеніе, состоящее изъ одной небольшой комнатки, въ правую большее, то же изъ одной комнаты, но иногда перегороженной, такъ, что образуется двѣ, и эта отгородка непремѣнно имѣетъ свою дверь въ сѣни. Войдемъ въ малую комнату: полъ кирпич-

ный, а, нѣсколько отступя отъ порога, идетъ во всю комнату деревянный помостъ вершка въ 2 вышиною, покрытый коврами, или какою-нибудь другою шерстяною тканью домашняго производства; вступая на него, всякій скидаетъ обувь, по большей части башмаки, туфли или штиблеты. Это такъ-называемая *софа*. Около стѣнъ лежатъ длинныя подушки, набитыя соломой, сѣномъ или шерстью. Ночью этотъ помостъ служитъ кроватью, а днемъ на немъ принимаютъ гостей, при чемъ всякій садится, скрестивши подъ себя ноги, или протянувши ихъ и облокотившись на подушку. Эта комната собственно только для своихъ семейныхъ и близкихъ людей, а для пріема гостей назначена другая комната, попросторнѣе. Въ ней вдоль стѣнъ широкія лавки или помосты, покрытые цвѣтнымъ домашняго же тканья сукномъ, и кругомъ подушки. Всѣ эти лавки носятъ общее названіе — *миндерлукъ*. На нихъ тоже удобнѣе полулежать, облокотившись на подушки, а сербы и на нихъ сидятъ, поджавши подъ себя ноги. Потолокъ обыкновенно состоитъ изъ тонкихъ узкихъ дощечекъ, помощенныхъ параллельно четыремъ стѣнамъ въ четыреугольникѣ, который, подобно діаметрическимъ кругамъ, къ серединѣ становится все меньше и меньше, и въ самой серединѣ, въ самомъ маломъ квадратикѣ вырѣзана какая-нибудь фигура, роза или какой-нибудь другой цвѣточекъ. Притомъ дощечки потолка помѣщены такъ, что одна лежитъ на краяхъ двухъ другихъ, часто каждая изъ нихъ украшена какою-нибудь рѣзьбою, отчего весь потолокъ имѣетъ видъ узорный, легкій и довольно изящный, какъ будто на украшеніе потолка тратился весь вкусъ турка.

Обстановка эта совершенно измѣняется, когда такой домъ обращается въ квартиру для рабочихъ, студентовъ, гимназистовъ и другихъ бѣдныхъ людей. Тогда являются кровати, матрацы, циновки изъ чакана, столики, стулья и т. п. Внутри эти дома темны, сыры и ихъ легко продуваетъ вѣтеръ; печи въ немногихъ домахъ, а если есть, то каждая имѣетъ свою особую трубу.

Нерѣдко корыстолюбивый современный хозяинъ, обладающій такимъ домомъ и дворомъ, на которомъ уцѣлѣли еще хорошія деревья, обращаетъ свое жилище въ мѣсто общественнаго увеселенія. Платитъ за право какой-нибудь дукатъ на всѣ времена, покупаетъ кофе, вина, ракіи, а иногда и пива, если имѣетъ погребъ, и торгуетъ себѣ многіе годы подъ какою-нибудь вывѣской «код лафа» (у льва), изобразивъ, какъ слѣдуетъ, и льва, окрашеннаго желтою краскою, и живетъ въ свое удовольствіе, покуда не скопитъ деньжонокъ, чтобъ открыть какое-нибудь заведеніе побольше или пуститься въ другую торговлю.

Дома эти никогда не оправляются и потому ихъ постоянно

становится все меньше, такъ что скоро ихъ совершенно не будетъ. Каменные заборы идутъ на другія постройки; но отъ турецкаго дома рѣшительно не чѣмъ поживиться: разсыпавшись, онъ оставляетъ только груду глины, изъ которой онъ кое-какъ былъ слѣпленъ съ помощью столбовъ, перекладинъ, жердей и переплета изъ мелкихъ дощечекъ. Какъ коралловые полипняки образовали цѣлые острова, такъ и здѣсь турецкія жилища, постоянно разрушаясь, образовали нѣчто въ родѣ островковъ, возвышающихся надъ улицей аршина на два и поросшихъ сорной травой и деревьями. Вмѣстѣ съ ними ростетъ и улица. Это видно на главной улицѣ дартюла, на которой стоятъ развалины дворца принца Евгенія Савойскаго (XVIII ст.): въ немъ ворота, въ которыя конечно должны были проѣзжать и всадники, теперь такъ низки, что въ пору только пройти человѣку, такъ что здѣсь улица, смѣло можно сказать, выросла на цѣлую сажень. Нѣкоторые турецкіе дома до того загромождены разнаго рода пристройками и галлереями, что трудно добраться толку; на крышѣ торчитъ множество трубъ, чрезвычайно высокихъ и неизвѣстно для чего существующихъ; иныя трубы представляютъ цѣлые павильоны. Въ этомъ отношеніи сербы до послѣдняго времени подражали въ постройкахъ туркамъ. Многіе дома каменные и довольно большіе, двухъ-этажные, имѣютъ неуклюжую квадратную форму маленькихъ турецкихъ хижинъ, снабжены такимъ же множествомъ громадныхъ трубъ, и сверхъ того или верхній этажъ выдвигается надъ нижнимъ аршина на полтора, или нижній выступаетъ изъ-подъ верхняго, что собственно служитъ для устройства галлереи вверху или внизу; чаще же нѣтъ никакой галлереи, и видно какъ будто желаніе, выдвинувши верхній этажъ, выиграть больше мѣста въ улицѣ. Окна небольшія; внутри также темно и таже самая обстановка.

Оригинальны также здѣшнія лавки (по-сербски *дућанъ*), которыя по сю пору слабо уступаютъ лавкамъ и магазинамъ въ европейскомъ вкусѣ. Это низенькая комната безъ передней стѣны, закрывающаяся на ночь затворомъ изъ досокъ, который опускается на петляхъ сверху, а приподнятый держится крючьями въ перекладинѣ подъ крышей. Такія лавки устроены совершенно такъ, какъ описываетъ ихъ Броунъ въ XVII ст. и отчасти напоминаютъ наши деревянныя лавочки на базарахъ. Впереди ихъ развѣшаны разные товары: куски матерій, бѣлье разныхъ сортовъ, шляпы, фесы, чулки, ремни и ременныя издѣлія, опанки, мужское верхнее платье, женскія юбки, кофты и т. п., оставлено мѣсто только для входа покупателя; но иногда вовсе ненужно и входить. Во многихъ лавкахъ подобнаго рода не только продажа, но и самое производство товаровъ.

Пройдитесь только съ *великой піяцы* (площадь противъ великой школы и полиціи) на *Теразіи* и вы увидите все разнообразіе жизни и культуры старой и новой, турецкой и европейской. Рядомъ съ каменными двухъ-этажными домами вы встрѣтите такіе низенькіе, что рукою можно достать крышу; рядомъ съ гостинницею въ европейскомъ вкусѣ увидите маленькую турецкую кофейню, низенькую, темную, въ которой потолокъ держится на столбикахъ, что придаетъ ей видъ каюты на пароходѣ и не мѣшаетъ быть любимою кофейнею торговцевъ; подлѣ роскошнаго галантерейнаго магазина найдете маленькій *дутянъ*, въ которомъ хозяинъ—и купецъ, и самъ ковыряетъ опанки; васъ поразитъ оглушительный стукъ молотовъ по мѣднымъ котламъ и трубамъ для гонки ракіи, которые гдѣ продаются, тамъ и куются; на вашихъ глазахъ мѣховщики подбираютъ мѣха и шьютъ шапки; въ сапожной лавкѣ человѣкъ 20 мастеровыхъ работаютъ, сидя на прилавкахъ, и хоромъ распѣваютъ пѣсни; тутъ же и пекарня: огромная печь своимъ пылающимъ жерломъ смотритъ въ улицу; на вашихъ глазахъ пекарь сажаетъ хлѣбы въ печь, впередъ выгладивши ихъ рукою до лоска, вынимаетъ изъ печи готовые и тутъ же продаетъ на оку; неподалеку пріютилась и книжная лавочка шага четыре въ ширину и не больше семи въ длину (есть впрочемъ другая лавка, довольно порядочная на варошъ-капіи); тутъ же мясная лавка, передъ которою висятъ ободранные ягнята и цѣлые бараны, части воловьяго стяга, кишки и разныя внутренности; далѣе бакалейный магазинъ, гдѣ найдете кофе, чай, сахаръ, разнаго рода рыбу, мармелады, варенье, и т. п., все это въ стеклянныхъ и жестяныхъ сосудахъ и довольно изящно разставлено; оружейную лавку, гдѣ найдете только старое оружіе; неподалеку лавочки со старою одежей, которая безъ всякой поправки, грязная и изорванная виситъ наружу, чтобъ привлечь вниманіе покупателей, — со старымъ желѣзомъ, гдѣ иногда найдете какую-нибудь древнюю вещицу; сверните съ Теразій немного влѣво, въ переулокъ, и вы встрѣтите кузницу, гдѣ постоянно увидите лежащаго на боку быка съ ущемленнымъ между ногами бревномъ, посредствомъ котораго его кладутъ для подковки. Отъ бассейна на Теразіяхъ, почти параллельно, идетъ небольшая улица: тотчасъ отъ угла стоитъ большой домъ съ каменной стѣной и къ этой стѣнѣ прилѣплена канура изъ досокъ, вышиною меньше двухъ аршинъ,—туда каждый день черезъ отверстіе влѣзаетъ старикъ и, не смѣя расправиться, тотчасъ же садится на скамейку и принимается за сапожную и башмачную работу, которая состоитъ въ починкѣ старой обуви; передъ его канурой также вывѣшенъ товаръ—нѣ-

сколько паръ починенныхъ сапоговъ или башмаковъ. Наконецъ вы услышите шумъ колесъ, на которыхъ разматываютъ нитки, и стукъ станковъ, производящихъ сербскія полотна, платки и полотенца. Одна улица почти вся занята телѣжниками и каретниками. Все производство совершается наружѣ. Скрыто отъ глазъ только печеніе пряниковъ, приготовленіе леденцовъ, душистаго мыла, бѣлилъ и румянъ; скрыта дѣятельность чиновника, журналиста и вообще литератора; непроницаемою тайной окружена дѣятельность сербскаго государственнаго мужа и дипломата.

Каждая часть Бѣлграда имѣетъ свое особенное населеніе. Такъ Теразіи, Абаджійская улица, ближнія части врачара и варошъ-капіи заняты по преимуществу чиновниками и профессорами, получающими плату не меньше 10 дукатовъ; въ чаршіи, на Савѣ и по цѣлой, спеціально называемой, вароши—торговцы; въ этихъ же частяхъ по краямъ и въ болѣе глухихъ углахъ живутъ кое-какіе ремесленники, прачки, кучера, кельнеры, лица ищущія мѣстъ; въ палилулѣ больше люди, имѣющіе свою землю и скотину и потому занимающіеся хлѣбопашествомъ и извозомъ. Одна часть дартюла занимается евреями и отчасти сербами-торговцами; тамъ уже много очень порядочныхъ домовъ; а другая, остающаяся въ томъ видѣ, какъ жили въ ней турки, и представляющая лачуги и развалины — заселена бѣднотою разныхъ профессій: поденщиками, мелкими ремесленниками, лавочниками, рыбаками, цыганами, странниками и переселенцами, мелкими чиновниками и бѣдными учениками разныхъ школъ. Какъ ни бѣдна здѣсь жизнь, она далеко не такъ грязна и ужасна, какъ въ другихъ городахъ Европы. Здѣсь нѣсколько цистернъ съ хорошею водою; развалины издали скрываются подъ зеленью садовъ; бѣдныя лачужки сплошь-и-рядомъ красиво обрамлены по край крыши виноградною лозою и надъ окнами и дверьми спускаются полные грозды; всякій почти дворъ имѣетъ нѣсколько плодовыхъ деревьевъ, засаженъ кукурузой, разными овощами и цвѣтами, и, проходя мимо, вы чувствуете запахъ васильковъ, лавенды или цвѣтущихъ деревъ и кустарниковъ. Природа здѣсь скрашиваетъ бѣдноту и облегчаетъ ей существованіе.

Въ дополненіе къ описанію внѣшняго вида Бѣлграда и его построекъ, скажу нѣсколько словъ о способѣ этихъ построекъ.

Бѣлградъ ростетъ очень сильно, что можно видѣть изъ статистики его народонаселенія, и изъ наглядкаго наблюденія, смотря какъ много каждый годъ возводится новыхъ построекъ. Наконецъ, это доказываютъ огромныя цѣны за мѣста. Въ нынѣшнемъ году сербское правительство продало часть турецкихъ

мѣстъ, уступленныхъ Турціей Сербіи за 9 милліон. піастровъ (450,000 руб.), и цѣна среднимъ числомъ за квадратную сажень была 20 дукатовъ (60 р. с.), а нѣкоторыя мѣста проданы по 120 и 125 дукат. за сажень. Построекъ возводится множество и все почти исключительно строится, такъ-называемыми, *дундьерами*—мастерами-самоучками изъ Турціи, сербами, болгарами и цинцарами. Нельзя конечно не удивляться этимъ мастерамъ, которые, несмотря на весь гнетъ жизни въ Турціи, могли достигнуть такой степени искусства, что строятъ большіе двухъ-трехъ этажные дома, и иногда сами составляютъ и планы; тѣмъ не менѣе однако должно сознаться, что ихъ постройки не основываются на точномъ разсчетѣ, страдаютъ часто непропорціональностью и весьма непрочны. По этому многія капитальныя постройки трясутся отъ всякаго сильнаго движенія на верхнемъ этажѣ, даютъ трещины и постоянно нуждаются въ поправкахъ. Я знаю въ Сербіи до пяти церквей, которыя дали трещины и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вслѣдствіе того перестали служить; съ другихъ церквей сорвало куполы; а въ нынѣшнемъ году въ одномъ городкѣ (Парятинѣ) строилась церковь съ затратою довольно значительнаго общественнаго капитала: доведенная до купола, она обрушилась. Архитекторы *изъ-прека* тоже неискуснѣе этихъ, потому что также большею частію самоучки. Настоящихъ архитекторовъ въ Сербіи очень мало, потому что трудъ ихъ цѣнится слишкомъ дешево. Кромѣ того, сербы слишкомъ экономничаютъ и составляютъ такую смѣту, за которую ни одинъ добросовѣстный архитекторъ не возьмется строить. Такимъ образомъ, причина плохихъ построекъ не въ архитекторахъ, а въ самихъ хозяевахъ.

Постройки здѣсь двоякаго рода: изъ твердаго матеріала и изъ слабаго. Первыя, какъ и вездѣ, строятся изъ кирпича на прочномъ фундаментѣ, лежащемъ непремѣнно на материкѣ, потому объ нихъ и говорить нечего; что же касается послѣднихъ, то способъ ихъ постройки весьма оригиналенъ. Сначала конечно кладутъ фундаментъ изъ простого камня, иногда даже не дорывшись до материка, потомъ ставится остовъ цѣлаго зданія изъ столбовъ и переводинъ, между которыми размѣщаются, соображаясь съ дверьми и окнами, другіе столбики потоньше: между этими столбиками съ угла на уголъ кладутся бруски, и затѣмъ пространство между ними выкладывается кирпичемъ, большею частію старымъ и перебитымъ. Въ одно время съ возведеніемъ стѣнъ ставится и черепичная крыша, такъ что верхняя часть стѣны подводится уже подъ крышу. Снаружи все обмазывается глиной и послѣ бѣлится. Известка тутъ почти нейдетъ,

и кирпичи связаны глиной, какая попалась на мѣстѣ, часто смѣшанною съ черноземомъ. Такія постройки держатся лѣтъ до 40, то и дѣло конечно облупливаясь и требуя каждый годъ обмазки и поправокъ, но все это относится на счетъ квартирантовъ, и такіе дома приносятъ дохода не меньше домовъ изъ твердаго матеріала, потому что на нихъ больше требованія со стороны мелкихъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Выгода здѣсь конечно главная та, что требуется меньшій капиталъ, а капиталъ въ Сербіи покуда рѣдкость. Большая часть такого рода построекъ возводится съ помощью городского фонда.

Тепла здѣсь во всѣхъ домахъ весьма мало, вслѣдствіе дурного устройства печей; въ домахъ бѣдныхъ людей печей нѣтъ, а только очаги для варки кушанья, и комнату нагрѣваетъ *мангалъ*. Это большая, довольно глубокая сковорода на ножкахъ, на которой разводится огонь или накладывается готовый жаръ. Когда по жару перестанетъ бѣгать синій огонекъ, угли станутъ тускнуть и покрываться пепломъ,—*мангалъ* вносятъ въ комнату и она нагрѣвается. Случается, что человѣкъ, нагрѣвшись мангаломъ, сладко засыпаетъ и никогда уже больше не просыпается: значитъ, мангалъ внесенъ слишкомъ рано; случается, что ребенокъ упадетъ на мангалъ и изжарится. Впрочемъ, случается и у насъ, при благоустроенныхъ печахъ, по десятку человѣкъ разомъ угораютъ до смерти въ домахъ и въ баняхъ; случается, что не только дѣти, но и взрослые сгораютъ отъ печей, а о пожарахъ въ Россіи и помянуть страшно. Въ Сербіи по крайней мѣрѣ пожаровъ почти нѣтъ. Причина этого, кажется, заключается не въ устройствѣ печей, а въ характерѣ народа. У серба нѣтъ той поэтической безпечности, нѣкоторой апатіи и неряшливости, отличающей русскаго человѣка, и несмотря на полувоенный образъ жизни, на непривычку и неумѣнье хорошо устроиться, онъ предупреждаетъ многія бѣды осторожностью, постоянною заботливостью и трезвостью, тѣми, именно, качествами, которыхъ намъ больше всего недостаетъ.

Я уже замѣтилъ однажды, что Бѣлградъ городъ историческій. Современный Бѣлградъ еще такъ новъ, онъ, можно сказать, еще не существуетъ и только возникаетъ изъ развалинъ стараго. Какъ ни разрушительно дѣйствовали здѣсь силы природы и человѣка, все-таки здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются памятники, невольно обращающіе ваше вниманіе къ прошлому, невольно возбуждающіе любопытство, за удовлетвореніемъ котораго вы должны обратиться къ исторіи.

Мы коснулись этого отчасти при описаніи дартюла. Тамъ среди смѣси развалинъ, пустырей, садовъ и мелкихъ жилищъ

высятся тонкіе минареты мечетей—иные совсѣмъ цѣлые, съ жестяными коническими крышами и съ полумѣсяцемъ на шпилѣ, другіе со сбитыми вершинами и полуразрушенные; тамъ же вы найдете одно огромное зданіе съ уцѣлѣвшими до сихъ поръ гербами и другими лѣпными украшеніями на фронтонѣ, безъ крыши, безъ оконъ, закопченное дымомъ отъ пожара и отъ курящихся у его подножія новыхъ жилищъ,—это *пиринджана*, какъ прозвали еще турки дворецъ принца Евгенія Савойскаго (XVIII ст.); рядомъ съ нимъ остатокъ какого-то зданія съ куполомъ, который отъ времени почти сравнялся съ землею (въ нынѣшнемъ году его, кажется, совсѣмъ разобрали): это была бани, построенныя, можетъ быть, еще римлянами и послѣ служившія туркамъ; въ той же улицѣ еще нѣсколько домовъ, похожихъ на пиринджану, также съ гербомъ и лѣпными украшеніями, и не имѣющихъ ничего общаго съ окружающими ихъ новыми жилищами. Къ одному изъ такихъ домовъ пристроенъ былъ турками минаретъ и онъ обращенъ былъ въ мечеть, а теперь и минаретъ этотъ до половины сшибенъ. Видно, что когда-то это была лучшая улица, что въ ней когда-то жила европейская знать со всею роскошью европейской жизни. Теперь же эти, когда-то великолѣпныя, палаты пусты: въ нихъ, какъ въ норахъ живутъ цыганы и другіе безпріютные люди, а около нихъ, какъ птичьи гнѣзда, лѣпятся новыя, кое-какъ сбитыя, лачужки и лавченки, пріюты разнаго рода бѣдноты. И стоятъ эти остатки прошлаго, какъ нѣмые свидѣтели иной жизни, и ждутъ только окончательнаго разрушенія отъ новаго поколѣнія, не имѣющаго разсчета въ ихъ безполезномъ существованіи.

Совершенно уединенно и въ значительномъ отдаленіи отъ стараго города стоитъ мечеть — *батальджамія*. Никто не помнитъ, нѣтъ и преданія о томъ, чтобъ когда-нибудь вблизи ея жили турки. Отъ остальныхъ мечетей она отличается необыкновенной величиной и архитектурой; крыша ея покрыта густымъ слоемъ земли и заросла густою высокою травою, что свидѣтельствуетъ о ея давнемъ запустѣніи, на что указываетъ и ея спеціальное названіе «*баталь*», значащее—заброшенный, оставленный. Когда же и для кого она здѣсь построена? По всѣмъ вѣроятностямъ, это та самая мечеть, которую упоминаетъ Броунъ въ XVII ст. (см. приведенную нами выписку изъ его путешествія): она была построена визиремъ вмѣстѣ съ караванъ-сараемъ, который находился внѣ города. Въ настоящее время по ней называется окружающая ее площадь, подлѣ нея начинаютъ возникать постройки и съ одной стороны она уже на половину

закрыта большимъ двухъ-этажнымъ домомъ, предназначаемымъ быть гостинницей.

Какъ въ Геркуланумѣ и Помпеѣ подъ массою пепла и лавы отрываютъ жилища со всей обстановкой и принадлежностями жизни, царившей тамъ почти за 2,000 лѣтъ до нашего времени; такъ и въ Бѣлградѣ подъ слоемъ глины и щебня то и дѣло открываются постройки и разные предметы, свидѣтельствующіе, что когда-то здѣсь жилъ совсѣмъ иной народъ и была совершенно иная культура.

Пройдетъ-ли сильный дождь и потекутъ потоки, они вымываютъ тамъ-сямъ то старую монету, то какое-нибудь украшеніе костюма, то обнажатъ какую-нибудь надгробную плиту. При раскопкѣ земли для фундамента или для погреба то-и-дѣло находятъ надгробные камни съ римскими надписями и различными изображеніями, цѣлыя гробницы съ сосудами, содержащими въ себѣ пепелъ или кости, стеклянныя и металлическія вещи; часто на значительной глубинѣ отрываютъ цѣлыя постройки — своды и стѣны изъ громадныхъ бѣлыхъ камней или изъ кирпичей, чрезвычайно крупныхъ, тонкихъ, отлично выжженныхъ и иногда съ означеніемъ цифры римскаго легіона, когда-то занимавшаго здѣсь свой постъ. Строительный матеріалъ этотъ такъ хорошъ, что онъ цѣликомъ идетъ на новыя зданія. Нынѣшней весной на кали-мегданѣ на глубинѣ 6 саженъ нашли сводъ и, когда пробили его, тогда увидѣли подъ нимъ ходъ, одною вѣтвію идущій подъ крѣпость (этимъ ходомъ успѣли уже бѣжать два арестанта), а двумя въ городъ къ Дунаю и къ Савѣ. Такіе же точно ходы со сводами находятся подъ всѣми домами по обѣ стороны улицы, идущей отъ чаршіи внизъ къ Дунаю: они выше сажени, шириною сажени въ двѣ, а мѣстами шире, и притомъ раздѣлены подвое вдоль: теперь въ нихъ домохозяева устроиваютъ погреба, дѣлая только перегородку поперекъ, чтобы отдѣлиться отъ сосѣда. Въ крѣпости въ нынѣшнемъ году отдѣлываютъ старый колодезь, находящійся почти на самомъ высокомъ мѣстѣ. Срубъ его сдѣланъ изъ кирпича и имѣетъ въ діаметрѣ сажени двѣ; на верху устроена обширная ротонда, въ которой вѣроятно помѣщалась машина для подъема воды; около сруба промежутокъ и концентрически другая стѣна: въ этомъ промежуткѣ идетъ витая лѣстница въ 217 ступеней съ площадками; на этомъ пути съ боковъ сруба въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы большія отверстія, служившія вѣроятно для установки машины, для наблюденія за нею и поправки. Въ самомъ низу на стѣнѣ сруба готической латиницей нацарапаны какія-то два имени, когда обмазка была еще мягкая; но разобрать ихъ я не

могъ. Видимо, что это произведеніе нѣмецкое и по всей вѣроятности времени принца Евгенія, при которомъ, по словамъ Катанчича [1]), вырытъ былъ какой-то колодезь (Катанчичъ впрочемъ указываетъ его въ другомъ мѣстѣ, но онъ многое путаетъ). До воды можно считать около 25 саженъ, а глубина воды 12 саж.; по всей вѣроятности онъ находится на одномъ уровнѣ съ Савой. Внизу со всѣхъ сторонъ изъ стѣнъ сочится уже вода.

Во дворѣ *великой школы* вы увидите нѣсколько римскихъ надгробныхъ плитъ, статуи цѣльныя и разбитыя—работы неособенно хорошей и притомъ изъ слабаго камня и потому значительно потерпѣвшія отъ вывѣтриванія,—каменные гробы съ такими же крышками въ родѣ египетскихъ саркофаговъ. Въ музеѣ вы найдете множество предметовъ весьма различной древности и принадлежавшихъ различнымъ народамъ. Вы найдете тамъ предметы бронзоваго и мѣднаго вѣка: бронзовые и мѣдные боевые молотки, топорики, наконечники копій, обломки ножей, мечъ; различные предметы временъ варварскихъ: маленькіе бронзовые идолы, весьма неискусно сдѣланные; такіе же, множество разъ свернутыя пластинки или толстыя проволоки, которыми обвивали руки, чтобъ защитить ихъ отъ удара меча; серьги необыкновенно большія и тяжелыя съ уродливыми фигурами оленей на подвѣскахъ, нити съ золотыми зернами величиной отъ обыкновеннаго орѣха до мелкой горошины, служившими вмѣсто монеты, нѣсколько варварскихъ монетъ и изображенія головъ въ шлемахъ, украшенныхъ конскими волосами или перьями, скачущихъ на коняхъ всадниковъ, а съ задней стороны съ какими-то знаками, которые несомнѣнно составляютъ надписи; но по-сю пору неизвѣстно, ни что онѣ значатъ, ни какому народу принадлежатъ. Рядомъ съ этими первобытными произведеніями искусства вы встрѣчаете очень художественно сдѣланные изъ жженой глины маленькіе сосуды, лампочки, чрезвычайно тонкіе стеклянные пузырьки, такъ-называемые лакримаріи, въ которые знатныя римлянки собирали свои слезы, оплакивая мужа, брата, ребенка или другого близкаго родственника или друга; булавки и иглы (fibulae), служившія для застегиванія платья; каменныя коробочки съ крышечками, на которыхъ весьма искусно вырѣзанъ какой-нибудь миѳъ; серебряная баночка для помады и внутри на крышкѣ ножемъ нацарапано имя употреблявшаго ее начальника когорты; кусочки амфоръ съ изображеніемъ человѣческихъ головокъ; римскія монеты съ изображеніями консуловъ и императоровъ, от-

[1]) «Исторія Бѣлграда», перевед. въ «Гласникѣ» сербскаго общества словесности, т. V.

личной чеканки,—есть впрочемъ и такія, которыя свидѣтельствуютъ объ упадкѣ искусства; римскія либры—серебряныя дощечки длиною четверти въ полторы и шириною въ вершокъ, въ 35 лотовъ вѣсу: отъ нихъ произошли всѣ современныя либры или фунты; тутъ же бронзовая голова въ природную величину, отбитая отъ цѣлой статуи, можетъ быть, той самой статуи Траяна, которая стояла на мосту черезъ Дунай тамъ, гдѣ теперь Кладово (въ Сербіи): она вытащена была рыбаками изъ Дуная и сдѣлана такъ искусно, какъ можетъ сдѣлать только лучшій художникъ нашего времени. Между разными мелочами найдете изображенія египетскихъ мумій, сдѣланныя изъ цвѣтного матоваго стекла и двѣ фигуры египетскихъ жуковъ-скарабеевъ съ гіероглифами на нижней сторонѣ: эти вещи когда-то, можетъ быть, украшали также музей какого-нибудь любителя рѣдкостей. Есть тамъ какіе-то шарики, пирамидки и двояко выпуклые кружки, служившія кому-то и когда-то мѣрою вѣса. Много также греческихъ монетъ, между которыми есть монеты Филиппа и Александра Македонскихъ. Затѣмъ слѣдуетъ богатое собраніе монетъ сербскихъ отъ всѣхъ царей и деспотовъ, и между ними замѣчательна монета Марка Кралевича, котораго исторія знаетъ очень мало и только народная память удержала его въ своей поэзіи, окружая его ореоломъ полубога. Много монетъ венгерскихъ, турецкихъ и различныхъ европейскихъ государствъ, и особенно замѣчательно собраніе монетъ венеціанскихъ, принадлежащихъ цѣлому непрерывному ряду дожей. Наконецъ множество вещей періода смѣшаннаго—сербско-турецко-мадьярскаго: кресты, иконы въ серебряной и золотой оправѣ, перстни, кованые пояса, разное оружіе, мечи, сабли, куски шлемовъ, кольчуги, конская збруя и разныя украшенія мужского и женскаго костюма. Предметы, относящіеся къ костюму, недавно еще употреблялись въ Сербіи и нѣкоторые старинные дома по сю пору хранятъ ихъ, какъ наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ. Въ старой Сербіи и другихъ мѣстахъ Турціи можно ихъ встрѣтить кое-гдѣ еще и теперь въ употребленіи. Вы найдете здѣсь портреты всѣхъ почти Обреновичей, даже тѣхъ, которые едва извѣстны по имени, и другихъ замѣчательныхъ мужей Сербіи, и цѣлое собраніе портретовъ всѣхъ юнаковъ—сербскихъ героевъ отъ временъ войны за освобожденіе, но къ стыду холопствующей передъ Обреновичами Сербіи не увидите портрета главнаго ихъ юнака, Георгія Чернаго.

Уже чрезъ одно наглядное знакомство съ предметами старины, разсѣянными по цѣлому Бѣлграду и собранными въ музеѣ, вы можете составить себѣ идею объ его исторіи. Мы постараемся съ своей стороны обозначить точнѣе главные фазы въ его исторіи,

выбравши въ ней только самые важные моменты, ограничиваясь однимъ указаніемъ ихъ и избѣгая всякихъ подробностей.

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстность Бѣлграда уже въ самое отдаленное время привлекала къ себѣ населеніе изъ прилегавшихъ странъ и представляла нѣчто въ родѣ города; но о томъ времени мы не знаемъ ничего и можемъ только догадываться. Въ началѣ христіанской эры нынѣшняя Сербія, подъ именемъ верхней Мизіи, составляла римскую провинцію и должна была содержать римскіе легіоны. Во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. географъ Клавдій Птолемей на мѣстѣ нынѣшняго Бѣлграда показываетъ главный городъ верхней Мизіи Сингидунумъ. Не-римское названіе города показываетъ, что римляне застали его уже готовымъ. Къ этому времени относятся находимые здѣсь кирпичи и камни съ надписью «L. IIII. F. F.» что значитъ «Legio IV Flavio Felix». Римляне имѣли здѣсь укрѣпленіе (castrum), но главнымъ образомъ пользовались его торговымъ и экономическимъ положеніемъ города. Они обработывали землю, добывали руду, эксплуатировали лѣса, вывозили отсюда звѣриныя шкуры, медъ, воскъ и т. д. Здѣсь же они набирали и рекрутъ для своихъ легіоновъ. Что римляне въ этой странѣ были больше экономы и промышленники, доказывается мѣстами ихъ поселеній: это большею частію плодородныя долины и равнины, тогда какъ наслѣдовавшіе имъ сербскіе крали стали громоздиться на высокія, неприступныя горы или удаляться въ тѣсныя ущелья, гдѣ строили свои зáмки и монастыри, служившіе имъ дворцами и крѣпостями.

Сербская троношская лѣтопись, говоря о происхожденіи сербскаго королевскаго дома Неманичей отъ гонителя христіанъ Ликинія, женатаго на дочери Константина В., Констанціи, разсказываетъ между прочимъ слѣдующій интересный эпизодъ изъ исторіи Бѣлграда. «Ликиній владѣлъ въ Сирміи (нынче Митровица, вверхъ отъ Бѣлграда по р. Савѣ) и жилъ тамъ съ женою своею и двоими сыновьями. Когда Константинъ склонился на сторону христіанства, Ликиній остался вѣренъ язычеству и воздвигъ гоненіе на христіанъ. Тогда Константинъ собралъ войско и осадилъ его въ Бѣлградѣ. Ликиній, будучи не въ состояніи сопротивляться, вышелъ изъ крѣпости и съ войскомъ кинулся на лодкахъ черезъ Саву, но въ общей свалкѣ на устьѣ ея утонулъ. Дѣти его съ матерью, оставшіяся въ Сирміи, бѣжали въ Захлумію (нынѣшняя Черногорія), откуда происходилъ ихъ отецъ и такимъ образомъ спаслись отъ гибели; а всѣ попавшіе въ руки Константину были имъ избиты. Бѣлградъ же онъ разорилъ и, перепахавъ его, посолилъ солью и проклялъ, чтоб онъ ни-

когда не имѣлъ прочности, если и будетъ когда-нибудь укрѣпленъ».

Фактъ этотъ, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ, довольно вѣроятенъ въ томъ, что Бѣлградъ въ IV ст. не только оставался языческимъ городомъ, но и служилъ убѣжищемъ для всѣхъ, кто былъ недоволенъ Константиномъ В., когда онъ объявилъ христіанство господствующею вѣрою. Можно не сомнѣваться и въ томъ, что Константинъ, преслѣдуя здѣсь своихъ противниковъ, что́ извѣстно и изъ другихъ источниковъ, разорилъ Бѣлградъ. Можетъ быть, остатки римскихъ построекъ, отрываемые въ настоящее время на кали-мегданѣ на значительной глубинѣ,—нѣмые свидѣтели того разрушенія, которому римскій городъ въ IV ст. подвергся со стороны своего оставившаго старую вѣру императора.

Послѣ паденія западной римской имперіи, Бѣлградъ переходитъ подъ зависимость Византіи и становится извѣстенъ подъ именемъ «Alba Graeca», откуда конечно произошло и его сербское названіе [1]). Имя Бѣлграда упоминаетъ уже Константинъ Порфирогенетъ (X ст.) по поводу событій въ началѣ VII вѣка. Поэтому мы безошибочно можемъ допустить его еще раньше, въ VI ст., когда славяне (сербы, хорваты и болгары) наводнили весь Балканскій полуостровъ и угрожали ославянить даже Грецію, и въ то время, по сокрушеніи аваровъ, Бѣлградъ долженъ былъ быть сербскимъ городомъ. Объ этомъ отдаленномъ времени мы однако ничего не знаемъ. А съ тѣхъ поръ какъ сербо-хорваты стали собираться въ государственное тѣло подъ властью своихъ жупановъ и князей, Бѣлградъ не играетъ никакой политической роли. Сербскіе и хорватскіе государи держались по преимуществу въ странахъ близкихъ къ Адріатическому и Средиземному морю, стремясь постоянно къ Риму и Византіи. Въ это самое время образуется и венгерское королевство и, по точному историческому свидѣтельству, венгерскій король Стефанъ I (въ XII ст.) владѣлъ Бѣлградомъ, хотя есть темное указаніе на то, что въ томъ же столѣтіи владѣлъ имъ и Стефанъ Неманя. Въ XIII ст. венгерскій король Стефанъ V даетъ его вмѣстѣ со Сремомъ въ приданое за своею дочерью Екатериною, вышедшею замужъ за сербскаго кралевича Драгутина, съ тѣмъ условіемъ, что отецъ Драгутина Урошъ отступается совсѣмъ отъ правленія. Урошъ однако не сдержалъ обѣщанія и прогналъ сына. Тогда послѣдній бѣжалъ къ шурину своему Владиславу, въ Будимъ, собралъ 80,000 войска, разбилъ отца и снова овладѣлъ Бѣлградомъ.

---

[1]) Названіе Бѣлграда носятъ многіе города въ Венгріи, Албаніи, Далмаціи.

Здѣсь однако онъ не остался и перенесъ свою столицу въ Зворникъ на р. Link Дринѣ (въ Босніи). Краль Милутинъ, наслѣдовавшій Драгутину, перенесъ свою столицу еще дальше, въ Призренъ. Однимъ словомъ, тогда или не пришло еще время для политической роли Бѣлграда, или не понимали ея сербскіе государи и оставляли его въ добычу венгерскимъ королямъ. Мы принимаемъ послѣднее положеніе. Связь Сербіи съ Византіею была весьма неблагопріятна для сербскаго народа: отъ Византіи въ то время нечего было взять, кромѣ ея пороковъ, въ которыхъ погружались всѣ слои ея общества, начиная съ императора и патріарха и оканчивая послѣднимъ гражданиномъ и монахомъ, тогда какъ въ западной Европѣ въ то время, несмотря на господство феодализма, зародилась и быстро развивалась жизнь совершенно на новыхъ началахъ. Какъ бы то ни было, но Бѣлградомъ большею частію владѣли венгерскіе короли, обезпечивая себѣ тѣмъ господство по обѣ стороны Савы и Дуная. Правда, въ 1353 г. Стефанъ Душанъ прогналъ мадьяръ всюду съ Моравы и овладѣлъ Бѣлградомъ и Мачвой (сѣверо-западная часть Сербіи); но это обладаніе было непродолжительно. Послѣ опять владѣлъ имъ царь Лазарь, но, вмѣсто того чтобъ утвердиться въ немъ, онъ велѣлъ разрушить его крѣпость, а самъ поселился въ Крушевцѣ (въ южной Сербіи), который прельщалъ его своимъ романтическимъ мѣстоположеніемъ и откуда все-таки былъ ближе путь къ Эгейскому морю.

Сынъ Лазаря Степанъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, вполнѣ оцѣнилъ положеніе Бѣлграда, поселился въ немъ; но въ тоже время предвидѣлъ, что сербамъ не удержать его между двумя такими сильными врагами, какъ турки и мадьяры, и потому заключилъ съ послѣдними договоръ, по которому въ случаѣ смерти Степана безъ дѣтей, деспотомъ Сербіи дѣлался Юрій Бранковичъ, а Бѣлградъ поступалъ во владѣніе мадьяръ, съ тѣмъ чтобъ они помогали сербамъ противъ турокъ, и съ этой цѣлью возобновилъ и укрѣпилъ другой градъ Смедерево. Георгій Бранковичъ пытался-было удержать за собою Бѣлградъ и занялъ его тотчасъ по смерти Степана; но въ тоже время двинулись на него съ одной стороны турецкій султанъ, съ другой венгерскій король. Стоя между двухъ непріятелей, онъ перваго усмирилъ тѣмъ, что далъ ему въ жены свою дочь Марію, а второго могъ привлечь на свою сторону только уступкою Бѣлграда, за который впрочемъ онъ получилъ нѣсколько городовъ въ Венгріи. Уступка Бѣлграда мадьярамъ произвела на сербскій народъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Современные лѣтописцы ставятъ это въ упрекъ Бранковичу. Въ «Цароставникѣ» находится плачъ за Бѣл-

градомъ въ родѣ плача Іереміи, а въ другой лѣтописи (изд. въ «Архивѣ» Кукулевича, кн. III) разсказывается по этому поводу о знаменіяхъ, предвѣщавшихъ гибель не только Бѣлграду, но и цѣлой Сербіи. Вотъ какъ описываетъ ихъ упомянутая лѣтопись подъ 1432 годомъ.

«*Первое знаменье*, предвѣщающее зло городу. Вечеромъ, поздно ночью (мы однако тогда не спали), вдругъ послышался какъ будто звукъ трубъ съ другой стороны Савы, и постоянно усиливался и казалось приближался, пока наконецъ сталъ слышенъ близъ города и въ самомъ городѣ. И продолжалось это часа три, и общее мнѣніе было, что придетъ войско противъ города. — *Другое знаменье.* Изъ иконостаса взлетали кверху иконы, на которыхъ былъ написанъ Христосъ, Святая Дѣва и Іоаннъ. Это явленіе многіе толковали въ хорошую сторону, но вышло худо.—*Третье знаменье.* Надъ городомъ распространилось пламя, какъ будто павшее съ неба, и потомъ исчезло въ воздухѣ. Передъ тѣмъ вихрь сорвалъ крышу съ церкви и разрушилъ нѣсколько домовъ, снялъ также крышу съ дома сестры Стефана. И послѣ этого пришелъ нѣкто изъ внутренности Мизіи, представляя изъ себя какъ бы пророка (по истинѣ, дѣла его свидѣтельствовали его святость); день и ночь бѣгалъ онъ по городу, горько плача и крича: «О горе! горе!» и «увы! увы!» Его видѣлъ и деспотъ Георгій и по своему великодушному нраву далъ ему богатую милостыню. Эти знаменья относились не только къ Бѣлграду, но предсказывали погибель цѣлой Сербіи. И немного спустя, попущеніемъ божіимъ Сербія пала».

Троношскій лѣтописецъ, упомянувъ кратко объ уступкѣ Бѣлграда мадьярамъ, добавляетъ: «И Георгій Бранковичъ ушелъ жить въ Шиклеушъ (въ Венгріи). Мадьяры же заняли Бѣлградъ и поселились тамъ. *Сербскіе же граждане, которые захотѣли, остались, а другіе ушли въ Шиклеушъ.*»

Съ этого времени Бѣлградъ совершенно перестаетъ быть сербскимъ городомъ. Четыре года спустя послѣ этого Бѣлградъ посѣтилъ одинъ французскій путешественникъ, Бертрандонъ де ла Брокіеръ («Гласникъ» 1854 г. VI, стр. 209), и оставилъ его описаніе. Между прочимъ онъ говоритъ, что изъ пяти частей, изъ которыхъ состоялъ Бѣлградъ, *рассіянамъ*, т.-е. сербамъ позволено было жить только въ одной, на Савѣ; а въ остальныя они не смѣли даже входить: такъ не довѣряли имъ мадьяры. Далѣе онъ разсказываетъ слѣдующее: «На другой день послѣ моего прибытія въ Бѣлградъ, я видѣлъ, какъ пришли туда 25 человѣкъ, вооруженные по обычаю страны, для того чтобъ остаться тутъ въ гарнизонѣ; и когда я спросилъ, что это за люди, мнѣ отвѣ-

чали, что это нѣмцы издалека. А развѣ—сказалъ я—не могли-бы мадьяры или сербы охранить городъ?—Что касается сербовъ—сказали мнѣ—то они не входятъ въ городъ, потому что подчинены туркамъ и платятъ имъ дань; а мадьяры—говорятъ—ихъ такъ боятся, что никакъ не смѣли-бы взяться охранять противъ нихъ городъ». Это достаточно характеризуетъ отношенія мадьяръ и сербовъ.

Господство мадьяръ было такъ тяжело сербамъ, что они постоянно готовы были отдаться туркамъ. Въ Бѣлградѣ было нѣсколько заговоровъ противъ мадьяръ, за что конечно сербы подвергались еще бо́льшимъ притѣсненіямъ, а виновные жестокимъ казнямъ. Впрочемъ нужно и то сказать, что бичами сербскаго народа были ихъ же кровные братья, состоявшіе на службѣ у венгерскихъ королей. Такъ около 1480 г. Павелъ князь (сербскій воевода въ темешскомъ округѣ), узнавши о затѣваемой бѣлградскими гражданами измѣнѣ, похваталъ ихъ и послѣ допросовъ съ помощію пытки, главныхъ велѣлъ испечь на вертелѣ, какъ барановъ, а другихъ заставилъ ихъ ѣсть.

Солиману взятіе Бѣлграда (1521 г.) облегчено было преданностью тамошнихъ гражданъ.

Стратегическое значеніе Бѣлграда видно изъ того, что, покуда онъ находился въ рукахъ Венгріи, турки могли дѣлать только набѣги на венгерскія земли; а какъ скоро и онъ перешелъ къ туркамъ, то вся Венгрія вмѣстѣ съ Пештомъ подпала ихъ постоянному господству, а наконецъ турецкія знамена явились и подъ стѣнами Вѣны.

Подъ турецкимъ владычествомъ Бѣлградъ отдыхаетъ; мало того, онъ дѣлается обширнымъ рынкомъ между Европой и Азіей, что́ мы видѣли изъ описанія его у Броуна. Правда, черезъ годъ послѣ того, какъ Броунъ былъ въ Бѣлградѣ, имъ овладѣли австрійцы, но въ томъ же году опять должны были уступить туркамъ. Въ 1717 г. онъ былъ взятъ принцемъ Евгеніемъ. Въ этотъ періодъ (съ 1717—1739 г.) австрійскаго господства Бѣлградъ украсился множествомъ хорошихъ зданій. Въ 1739 г. австрійцы должны были уступить его назадъ туркамъ, но передъ выступленіемъ восемь мѣсяцевъ занимались разрушеніемъ крѣпости. Турки опять владѣли имъ до 1788 г., когда Бѣлградъ былъ взятъ Лаудономъ. Въ это время его видѣлъ Катанчичъ и въ описаніи своемъ говоритъ, что въ Бѣлградѣ было до 40,000 жителей въ городѣ и 25,000 въ крѣпости; что въ крѣпости были одни турки; а въ городѣ кромѣ турокъ жили греки и сербы; что торговля почти вся находилась въ рукахъ грековъ и сербовъ. На австрійскую сторону изъ Сербіи и черезъ Сербію шли слѣдующіе то-

вары: лѣсъ, которымъ была очень богата Сербія, сало, воскъ, медъ, деревянное масло, миндаль, изюмъ, хлопокъ, шелкъ и шерсть; кромѣ того греки торговали виномъ, кофе, буйволами и свиньями. Изъ Австріи шли: сукна, желѣзо, сталь, стекло и косы. Это было въ послѣдній разъ, когда въ Бѣлградѣ распоряжались австрійцы. Лаудонъ укрѣпилъ городъ по лучшей въ то время системѣ и далъ крѣпости именно тотъ видъ, въ какомъ она находится теперь. Имя его носятъ по сію пору одни ворота въ крѣпости и шанцы вокругъ всего города. Несмотря на это, австрійцы не могли тамъ удержаться и черезъ годъ послѣ завоеванія снова впустили туда турокъ.

Семнадцать лѣтъ спустя, именно въ 1806 г., правитель Бѣлграда Солиманъ-паша съ 200 янычаръ и въ сопровожденіи множества турецкихъ семействъ выступалъ изъ Бѣлграда, сдавшись сербской райѣ подъ условіемъ свободнаго пропуска и съ сохраненіемъ всѣмъ имъ жизни. Но едва они прошли городъ, изъ засады выскочили на нихъ сербы и всѣхъ перерубили, пустивши одного пашу. Нѣсколько дней разсвирѣпѣвшая райя отыскивала и рубила турокъ, изъ числа которыхъ немногіе спасли свою жизнь тѣмъ только, что приняли христіанство. Въ цѣлой Сербіи тогда не осталось ни одного турка, и въ то время она была такъ свободна, какою не была прежде и не можетъ назваться даже теперь. Сербіею управлялъ съ того времени избранный ею верховный вождь Георгій Петровичъ, прозванный турками Кара или Черный, и сенатъ.

Такимъ образомъ бѣдная безоружная райя, предводительствуемая простымъ *гайдукомъ* (разбойникомъ), который не задолго передъ тѣмъ занимался паствою и откармливаніемъ свиней, отняла изъ рукъ своего врага, хорошо вооруженнаго, крѣпость, надъ укрѣпленіемъ которой работали лучшіе инженеры того времени, и очистила всю страну отъ своихъ непріятелей. Народъ, рядъ столѣтій страдавшій сначала подъ тираннiей своихъ царей и деспотовъ, а потомъ подъ ярмомъ турокъ и мадьяръ, не знавшій ни отдыха ни мира, чтобъ развиться и окрѣпнуть духовно и матеріально, самъ безъ всякой посторонней помощи, единственно подвигами отчаянной храбрости, разрушаетъ цѣпи многовѣковаго рабства и образуетъ свободное государство. Такихъ примѣровъ въ исторіи не много и болѣе торжественнаго момента въ исторіи сербовъ нѣтъ. Передъ этимъ подвигомъ бѣдной райи и ея скромнаго вождя блѣднѣютъ дѣла Душановъ и всѣхъ сербскихъ героевъ стараго и новаго времени.

Но событія, въ то самое время потрясавшія цѣлую Европу, тяжело отразились на новомъ маленькомъ государствѣ, у котораго

хватило силы совершить моментально великій подвигъ, но не доставало средствъ удержать за собою добытое поле, когда борьба приняла болѣе широкіе размѣры и потянулась на долгое время; въ тотъ моментъ, когда оно больше всего нуждалось въ какой-нибудь хоть ничтожной поддержкѣ, ея не было ровно ни откуда. Вся Европа, кромѣ Россіи и Англіи, тогда была съ Наполеономъ. Опираясь на его всемогущую поддержку, и Турція ополчилась всѣми силами противъ маленькаго, недавно выскользнувшаго изъ рукъ ея народца;—и черезъ семь лѣтъ послѣ описанной нами торжественной сцены вступленія сербовъ въ Бѣлградъ, тамъ происходили сцены совершенно иного рода.

На кали-мегданѣ передъ городскими воротами всюду насажены были на колья люди: иные были еще живы, стонали и, какъ величайшей милости, просили смерти, и заклятый врагъ серба, турокъ-часовой, изъ жалости добивалъ несчастнаго изъ пистолета; другіе безмолвно торчали окоченѣлыми трупами. Стаи собакъ бродили кругомъ, ожидая, когда обреченная имъ жертва замолкнетъ, а иногда починали объѣдать ноги у живыхъ. По улицамъ натасканы были собаками человѣческія руки, ноги и внутренности. Всюду стоны, плачъ и ужасъ; въ воздухѣ смрадъ; народъ въ отчаяніи.

Такова была месть турокъ и такимъ путемъ возстановлено было право ихъ господства надъ сербами. Всѣ крѣпости снова приняли турецкіе гарнизоны; всѣ города снова стали наполняться турками, и сербъ снова сталъ называться райей, и сдѣлался рабомъ и собственностью турка-спахіи.

Въ 1866 г. опять новая сцена.

На томъ-же кали-мегданѣ устроенъ павильонъ: въ немъ помѣщается сербскій князь съ супругой, подлѣ нихъ иностранные представители, министры и вся свита, далѣе войско, а кругомъ, какъ только глазъ можетъ видѣть, народъ. Является паша со свитой; исполняетъ церемонію передачи князю ключей отъ сербскихъ крѣпостей и вручаетъ султанскій фирманъ, который читаетъ народу: тысяча голосовъ кричатъ «живіо»; радость и торжество неописанныя. Затѣмъ турецкій гарнизонъ выступаетъ изъ крѣпости, а его мѣсто занимаетъ сербское войско.

Къ этому можно присоединить еще прошлогоднія сцены: убіеніе князя и вслѣдъ затѣмъ искупленіе его восемнадцатью новыми убійствами—и исторія Бѣлграда готова.

Оглянитесь еще разъ на прошлое Бѣлграда и скажите: есть-ли гдѣ другой городъ, который подвергался бы такимъ частымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ? Подъ толстымъ слоемъ земли вы открываете здѣсь цѣлыя зданія; на поверхности не осталось, можно сказать,

ни пяди земли ненапоенной человѣческой кровью; сколько народностей, сколько различныхъ культуръ смѣняли одна другую, и всякая смѣна сопровождалась самыми ужасными катастрофами.

Окончивъ съ исторіею, мы снова можемъ обратиться къ настоящему Бѣлграду, къ его современнымъ жителямъ и къ жизни.

Какъ недавни и новы всѣ постройки Бѣлграда, кромѣ крѣпости и нѣсколькихъ, съ каждымъ днемъ исчезающихъ развалинъ, такъ недавне и ново его населеніе. Въ 1834 г., когда была первая перепись въ Сербіи, въ Бѣлградѣ вмѣстѣ съ турками жило 7,033 ч.; черезъ 15 лѣтъ (въ 1859 г.) населеніе его возрасло на 18,860; въ 1862 г. изъ Бѣлграда выселились всѣ турки, составлявшіе по крайней мѣрѣ одну треть всего населенія, и все-таки черезъ 10 лѣтъ Бѣлградъ считаетъ уже до 26,000 жителей. Цифры эти безъ дальнихъ объясненій доказываютъ сильный ростъ Бѣлграда.

Затѣмъ возьмемъ другой рядъ цифръ — рожденій и смертности.

Прошлый (1868) г. вслѣдствіе эпидеміи на дѣтей (скарлатина) и вообще неблагопріятной погоды даетъ цифры весьма неутѣшительныя. Именно на 756 родившихся пришлось 1033 умершихъ (евреи здѣсь не считаются, потому что отъ нихъ нельзя было получить точныхъ данныхъ); слѣдовательно умерло 277 человѣками больше, чѣмъ родилось, или на 100 родившихся приходится 136 умершихъ. Если (какъ говорятъ) г. Якшичъ, у котораго мы заимствуемъ эти статистическія данныя, въ числѣ умершихъ не отдѣляетъ значительное число времени живущихъ въ Бѣлградѣ рабочихъ, которые не считаются въ церковныхъ книгахъ, какъ живые, но заносятся въ нихъ, когда умираютъ, то число это окажется, нѣсколько преувеличеннымъ. Но, полагая число этихъ временныхъ жителей въ $^1/_{10}$ всего населенія, мы все-таки получимъ, что на 100 родившихся приходится 123 умершихъ. Между дѣтьми смертность составляла 38%, тогда какъ въ другіе годы она не превышаетъ 25%. Возьмемъ для сравненія другіе годы:

въ 1861 г.	родилось	567,	умерло	802
» 1862 г.	»	487,	»	807
за два года	»	1054	»	1609

т.-е. что умерло почти въ полтора раза больше, чѣмъ родилось. Замѣчательно, что въ 1862 г. убавилось рожденій. Въ 1867 г. здѣсь свирѣпствовала холера, слѣдовательно смертность была еще сильнѣе. Итакъ, имѣя данныя для четырехъ лѣтъ въ числѣ 8 (съ 1861—1869), указывающія на превышеніе смертно-

сти надъ рожденіями, мы не имѣемъ никакого основанія предположить, чтобъ въ остальные четыре года условія были лучше, и потому можемъ, кажется, не ошибаясь, допустить, что нарожденіемъ населеніе Бѣлграда не увеличивается, если не уменьшается отъ преобладанія смертности.

Причина сильной смертности заключается прежде всего конечно въ его климатѣ, зависящемъ отъ его физическаго положенія, о которомъ мы уже говорили. Рѣзкія перемѣны погоды и множество низкихъ, сырыхъ мѣстъ, окружающихъ Бѣлградъ, производятъ здѣсь постоянныя эндемическія болѣзни, къ которымъ относятся *костоболя* (ревматизмъ) и *срдоболя* (дизентерія). Кромѣ того здѣсь часто эпидемически дѣйствуютъ лихорадки и горячки; наконецъ много умираетъ отъ чахотки, вслѣдствіе необыкновенно слабаго развитія груди. Большая часть дѣтей умираетъ отъ болѣзней желудка и горла.

Двѣ первыя болѣзни не составляютъ здѣсь явленія новаго. Ими страдали и померли многіе изъ сербскихъ королей и деспотовъ. Степанъ Лазаревичъ умеръ по всѣмъ признакамъ отъ ревматизма, хоть лѣтописцы называютъ его болѣзнь одни подагрою, другіе апоплексіею. Нерѣдко вы читаете въ сербской исторіи, что такой-то султанъ или визирь снялъ осаду съ Бѣлграда или другой крѣпости, въ придунайскихъ краяхъ, вслѣдствіе дизентеріи. Въ 1439 г. умеръ отъ этой болѣзни Альбрехтъ, король Венгріи и Богеміи, во время турецкаго похода, и тѣмъ же самымъ перехворало все его войско; отъ той самой болѣзни сильно пострадало европейское войско, отправлявшееся къ Никополю (1393 г.); въ 1739 г. значительно пострадало отъ нея австрійское войско въ Бѣлградѣ, во время осады его турками, и это помогло сдачѣ его. Янъ Гуніадъ и другіе предводители сербско - венгерскихъ войскъ въ XV и XVI ст. померли отъ горячки.

Въ прошломъ году дизентерія спорадически была въ Бѣлградѣ, а эпидемически дѣйствовала въ нѣкоторыхъ селахъ крагуевацкаго окружья. Изъ Бѣлграда каждый годъ множество людей отправляется на воды лечиться отъ ревматизма. Отъ чахотки множество сербовъ умираетъ за границей, и не только въ Петербургѣ, который у сербовъ слыветъ какимъ-то пугаломъ, и вообще въ Россіи, но и въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, въ Швейцаріи и въ самомъ Бѣлградѣ.

Неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ Бѣлграда много помогаютъ: золотушность, которая особенно у дѣтей дѣлаетъ смертельною всякую мало-мальски серьезную болѣзнь; незнаніе гигіеническихъ и діэтетическихъ правилъ; чрезвычайно плохое

устройство домовъ, въ которыхъ всюду сквозитъ, и отчасти плохая вода, несмотря на существованіе множества водопроводовъ.

Счастье сербовъ, что ихъ не коснулась еще язва пауперизма, что они покуда пользуются просторомъ и свѣжимъ воздухомъ, а не скучены, не загнаны въ сырые, лишенные свѣта подвалы, въ которыхъ живетъ рабочее населеніе въ большихъ европейскихъ городахъ; сравнительно съ другими, они имѣютъ хорошую пищу и хорошо одѣты. Опытъ научилъ ихъ также бережливости. Всякій почти сербъ, носящій нѣмецкое платье, имѣетъ подъ низомъ фланелевую или шерстяную рубашку; простой горожанинъ въ сербско-турецкомъ платьѣ цѣлое лѣто и въ самые жары не скидаетъ своей паликліи (ватной курточки) и кромѣ того носитъ всегда сверху одно или два платья; замѣняющая ему поясъ, шаль обвертываетъ тѣло его въ нѣсколько разъ, совершенно прикрывая желудокъ и всю грудь выше подложечки, а сзади немного недостигая лопатокъ. Женщины также постоянно носятъ сверхъ платья или родъ курточки (шкуртелька), часто, несмотря на лѣто, опушенной мѣхомъ, или родъ кафтанчика (антерія), то и другое изъ сукна, атласа или бархата.

Есть еще одна причина, которая ослабляетъ умноженіе народонаселенія путемъ нарожденія,—это вытравливаніе плода, которое, по свидѣтельству докторовъ, постоянно увеличивается и распространяется на всѣ классы. Досталось-ли это сербамъ отъ турокъ, у которыхъ это въ обычаѣ, или явилось подъ вліяніемъ другихъ какихъ-нибудь причинъ, трудно рѣшить безъ спеціальнаго изслѣдованія; замѣтимъ только, что это дѣлается не въ бѣдныхъ только классахъ, которыхъ побуждали бы къ тому бѣдность и невѣжество, но и въ семействахъ людей богатыхъ и считающихся образованными, и не изъ желанія женщины скрыть грѣхъ, а часто съ вѣдома и даже по желанію мужа. Тоже самое распространено и между австрійскими сербами.

Отсюда слѣдуетъ, что увеличеніе народонаселенія Бѣлграда происходитъ извнѣ, путемъ доселенія. Это видно изъ непропорціональнаго преобладанія числа мужскихъ жителей надъ числомъ женщинъ: такъ, въ 1866 г. въ числѣ 22,928 д. было мужчинъ 13,442, а женщинъ 9,486. Еще лучше это можно видѣть изъ сравненія браковъ и рожденій у православныхъ и иновѣрцевъ. Съ 1846—48 у православныхъ было 102 брака, а у иновѣрцевъ 8; слѣдовательно отношеніе было, какъ 102 : 8 = 12,5 т.-е. иновѣрныхъ браковъ было въ 12 разъ меньше, чѣмъ православныхъ. Съ 1866 — 68 отношеніе измѣнилось: стало какъ 224 : 37 = 6,5, т.-е. разница уменьшилась почти вдвое. Тотъ же выводъ даетъ и сравненіе числа рожденій:

съ 1846—48 {у православн. было $\frac{899}{19}$ = 21, а съ 1866—68} у правосл. $\frac{621}{115}$ = 5,4
» » {у иновѣрныхъ » } у иновѣрн.

т.-е. въ первый періодъ у иновѣрныхъ было новорожденныхъ въ 21 разъ меньше, чѣмъ у православныхъ, а во-второмъ только въ пять съ половиной. Г. Якшичъ, сообщая эти данныя, приходитъ къ такому заключенію: «Итакъ, у православныхъ въ продолженіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ на 1000 душъ приходится 1,555 рожденій, а у иновѣрцевъ 6,052 или другими словами: иновѣрцы въ продолженіи прошлыхъ 20 лѣтъ доселялись въ Бѣлградъ вчетверо сильнѣе, нежели православные сербы, такъ что Бѣлграду предстоитъ въ концѣ этого столѣтія быть только на половину сербскимъ городомъ, какъ напр. Земунъ». («Единство» 1869 г. № 41).

Признавая вполнѣ фактъ сильной смертности въ Бѣлградѣ и слабаго возрастанія его народонаселенія путемъ нарожденій, мы не можемъ принять послѣдняго заключеніи г. Якшича, потому что ему противорѣчитъ другое, весьма рѣзкое явленіе, это то, что всѣ поступающіе въ Бѣлградъ чужіе элементы скоро превращаются въ сербство, принимаютъ сербскій характеръ.

Всѣ доселенцы весьма легко ассимилируются съ туземцами, потому что главнымъ образомъ они приходятъ сюда изъ Турціи и изъ Австріи, гдѣ нѣтъ одной цѣльной націи, нѣтъ слѣдовательно національнаго языка, нѣтъ національнаго типа, гдѣ рѣдко вы не встрѣтите готовой уже смѣси двухъ-трехъ народностей; и притомъ гдѣ бы ни былъ австрійскій или турецкій подданный въ своемъ государствѣ, онъ вездѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ той или другой славянской народностью и волей-неволей выучивается какому-нибудь изъ славянскихъ нарѣчій, и поэтому, вступая въ Бѣлградъ, если не знаетъ впередъ по-сербски, то знаетъ по-чешски, словацки или по-болгарски, и легко выучивается сербскому языку, и современемъ даже совсѣмъ отстаетъ отъ своего родного нарѣчія. Больше всего доселяются своя-же братія юго-славяне: сербы и болгары; затѣмъ огромное число цинцаръ или куцо-влаховъ, которые иногда сами не знаютъ, чтó они такое. Говоря языкомъ смѣшаннымъ—изъ валашскаго, который самъ по себѣ представляетъ порядочную смѣсь, и греческаго, но живя постоянно между болгарами, сербами и арнаутами, они усвоиваютъ себѣ и языкъ своихъ сосѣдей, и ихъ народность опредѣляется тою средой, въ которой они живутъ. Больше всего они признаютъ себя греками, но тѣ, которые поселяются въ Бѣлградѣ на постоянное жительство и принимаютъ сербское подданство, дѣлаются вполнѣ сербами и уже черезъ одно поколѣніе цинцарскій языкъ совершенно исчезаетъ.

Чуть-ли не большинство бѣлградскихъ купцовъ цинцарскаго происхожденія, а теперь они чистѣйшіе сербы.

Жителей совершенно чужой національности здѣсь очень немного. Между ними главное мѣсто занимаютъ евреи въ числѣ 200 семействъ, которые живутъ здѣсь, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, исключительною жизнью и отнюдь не смѣшиваются съ сербами. Затѣмъ слѣдуютъ нѣмцы, большею частію изъ Пруссіи и Саксоніи, немного больше 400 душъ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Сербіи, какъ архитекторы, горные инженеры, простые зодчіе, рудокопы и мастеровые. Они отчасти поддерживаютъ свою особность, но современемъ уступаютъ сербскому вліянію.

Такимъ образомъ, здѣсь смѣшенія съ чужою національностію въ настоящее время почти не существуетъ, кромѣ смѣшенія съ цинцарами, которые уже на половину сербы или болгары. Вотъ почему, несмотря на сильное доселеніе въ Бѣлградъ жителей изъ другихъ странъ, онъ такъ невредимо сохраняетъ свою сербскую физіономію, насколько она выражается языкомъ, одѣяніемъ и отчасти образомъ жизни. Но при этомъ мы замѣтимъ одно: въ одѣяніи и во внѣшнемъ образѣ жизни съ давнихъ поръ уже вошло много турецкаго. Турецкаго происхожденія ихъ костюмъ: фесы, антеріи, тозлуки, елеки, пафти, шаміи, тёшайліи, папучи и т. п.; предметы домашняго комфорта: миндерлуки, софы, ястуки, іорганы и т. д.; кушанья: тюфте, папозіяніи, мезе, дьюрече и проч. Я не говорю здѣсь объ однихъ словахъ турецкаго происхожденія, но о самыхъ предметахъ и понятіяхъ, которыя оказываютъ вліяніе на жизнь. Сербы утратили понятіе о столѣ и заимствовали его у мадьяръ въ переиначенной формѣ «асталъ»; въ домѣ богатаго серба вы часто нигдѣ не найдете стола, кромѣ той комнаты, гдѣ обѣдаютъ; а это пристрастіе къ *паприкѣ* (красный перецъ) и вообще къ пряностямъ и къ возбуждающимъ средствамъ, развѣ не турецкаго происхожденія? Если строго разобрать образъ жизни жителей Бѣлграда, то окажется весьма много такого, что привилось имъ отъ турокъ и притомъ на счетъ ихъ коренныхъ славянскихъ началъ. A priori, нельзя не допустить, что масса цинцаръ, въ настоящее время наполняющихъ Бѣлградъ и становящихся наружно сербами, удерживаетъ свой особый типъ, свой характеръ, свои воззрѣнія на жизнь, вынесенныя ими изъ странъ, гдѣ по-сю пору господствуютъ турецкіе нравы и куда нѣтъ доступа освѣжающему дѣйствію обще-европейской цивилизаціи. Такъ что сильная заботливость сербовъ (я разумѣю горожанъ и людей образованныхъ) сохранить во всемъ сербскій характеръ, не значитъ-ли охранять ка-

кія-нибудь чужія начала турецкія или цинцарскія? и не выражается-ли тѣмъ просто отпоръ прогрессу и цивилизаціи? На это могъ бы отвѣтить строгій анализъ общественной жизни сербовъ, на что можетъ отважиться только просвѣщенный же сербъ; мы, съ своей стороны, при описаніи того или другого явленія общественной жизни, позволимъ себѣ дѣлать мимоходныя замѣчанія въ видѣ личныхъ наблюденій или догадки.

Въ настоящемъ случаѣ, когда зашла рѣчь о національномъ типѣ Бѣлграда, я не могу не сдѣлать одного замѣчанія и о его политическомъ типѣ. Какъ средоточіе всей сербской интеллигенціи, онъ конечно долженъ бы стоять впереди во всякомъ умственномъ и политическомъ движеніи; такъ по крайней мѣрѣ въ цѣлой Европѣ, гдѣ импульсъ прогрессу во всемъ даютъ главные города. Бѣлградъ, напротивъ, во всякомъ политическомъ движеніи отстаетъ отъ провинціи и, можно сказать, въ рукахъ хитраго правительства служитъ весьма надежнымъ тормозомъ. Это особенно ясно видно на *скупштинахъ* по выборамъ депутатовъ и по самой дѣятельности. Сербская скупштина при Михаилѣ низведена была на степень собранія единственно pro forma: это было нѣчто въ родѣ торжественнаго представленія, которое открывалось и закрывалось княземъ, а на сценѣ фигурировали министры; депутаты же, какъ позванная изъ милости публика, должны были всему рукоплескать. Находились однако люди, которые рѣшались дать другой смыслъ всей этой комедіи и съ своей стороны заявляли правительству желанія и потребности народа и дѣлали предложенія. Всѣ эти желанія и требованія, не входившія въ министерскую программу, выходили изъ среды депутатовъ провинціальныхъ, а отнюдь не отъ бѣлградскихъ. Это можно видѣть изъ печатаемыхъ протоколовъ послѣдней скупштины, бывшей при Михаилѣ въ Крагуевцѣ (1867 г.). Въ нынѣшнемъ году выборы на скупштину показали тоже самое. Провинціи, при всей ихъ бѣдности людьми интеллигентными въ сравненіи съ Бѣлградомъ, выбрали на скупштину по крайней мѣрѣ по одному или по два депутата болѣе или менѣе либеральнаго направленія; Бѣлградъ—ни одного, и высказалъ свое нерасположеніе къ либеральной партіи кулаками и палками. Въ Бѣлградѣ слишкомъ много раболѣпства передъ правительствомъ и нѣтъ свободнаго общественнаго мнѣнія; тогда какъ въ провинціальныхъ городахъ общественное мнѣніе выражается настолько свободно, что не разъ приходило въ столкновеніе со своими мѣстными властями. Въ провинціи больше предпріимчивости во всѣхъ отношеніяхъ. Какой-нибудь ничтожный городишко Лозница, имѣющій ѐдва тысячу душъ жителей, основы-

ваетъ литературно-музыкальное общество, которое устроиваетъ «читалище», покупаетъ очень хорошій домъ съ садомъ, даетъ литературно-музыкальные вечера и театральныя представленія, тогда какъ въ Бѣлградѣ «народное читалище» открыто почти по вынужденію и едва существуетъ; «пѣвческое общество» также существуетъ какъ-то оффиціально. Затѣялъ въ нынѣшнемъ году министръ просвѣщенія воскресныя школы, — первыя отозвались провинціи. Въ провинціи постоянно дѣлаются попытки открыть какой-нибудь заводъ или фабрику. Попытки эти конечно не удаются по недостатку капиталовъ; но въ Ужицѣ (въ южной Сербіи) все-таки открылась фабрика, на которой изготовляютъ косматые ковры и одѣяла, а потомъ она перейдетъ къ сукнамъ, конечно грубымъ, которыя въ настоящее время Сербія покупаетъ изъ Турціи. Всякая идея въ провинціи находитъ отзывъ скорѣе, чѣмъ въ Бѣлградѣ. Въ провинціи я нашелъ больше свободы въ семейныхъ отношеніяхъ и меньше затворничества женщины. Вообще я нахожу, что Бѣлградъ не представитель Сербіи, и въ тоже время не представитель и западной цивилизаціи, какъ напр. у насъ Петербургъ; напротивъ, въ немъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь отпоръ западной централизаціи. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время и въ Сербіи система централизаціи сдѣлала такой громадный успѣхъ, такъ опутала сербскій народъ сѣтью полицейской опеки и военной дисциплины, что тѣ начала, которыя по-сю пору еще коренятся въ провинціальной жизни, врядъ-ли въ состояніи будутъ развиться, врядъ-ли въ состояніи будутъ отразить напоръ сверху. Бѣлградъ, какъ пріютъ торговцевъ, не понимающихъ другой цѣли кромѣ эксплуатаціи, и гнѣздо бюрократіи, назначеніе которой быть слѣпымъ орудіемъ правительства, при совершенномъ отсутствіи людей другихъ свободныхъ профессій, сдѣлавшись политическимъ центромъ Сербіи, конечно сильно импонируетъ ей, оказываетъ сильное вліяніе и къ сожалѣнію весьма невыгодное; онъ воспитываетъ, такъ-сказать, Сербію въ своемъ духѣ, въ духѣ спекуляцій, грубаго матеріализма, дерзкаго отпора прогрессу, неуваженія къ идеѣ и наукѣ и самаго непримиримаго политическаго консерватизма. Послѣ этого странно и грустно вспомнить, какъ многіе образованные и благомыслящіе люди Сербіи дрожатъ за какія-то сербскія начала, боясь, чтобъ они не уступили западной цивилизаціи. Неужели все это непремѣнныя свойства сербскаго характера? а еслибъ и были, неужели стоютъ они того, чтобъ ихъ свято хранить?...

Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о національностяхъ.

Въ сербской конституціи всѣ подданные княжества называются общимъ именемъ сербовъ, и православное исповѣданіе считается господствующимъ. Другія національности и вѣроисповѣданія совершенно не признаются, хотя они вполнѣ терпимы и не дозволяется только религіозная пропаганда въ духѣ другой вѣры. Евреи свободно отправляютъ свое богослуженіе въ своей синагогѣ, которая помѣщается въ частномъ домѣ; католическая община для отправленія своего богослуженія собирается въ домовой церкви при австрійскомъ консульствѣ, а протестантская имѣетъ отдѣльную церковь; для магометанъ, которыхъ здѣсь почти нѣтъ или которые бываютъ здѣсь временно, въ нынѣшнемъ году отдѣлана одна изъ старыхъ мечетей и приглашенъ изъ Босніи ходжа (священникъ) съ муэдзиномъ, которые получаютъ жалованье отъ казны. Евреи имѣютъ два низшія училища: одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ: въ обоихъ учитель и учительница, обучающіе сербскому языку и другимъ предметамъ,—сербы и пользуются казеннымъ жалованьемъ, а учитель еврейскаго языка и закона получаетъ плату только отъ общины. Греки, какъ ни мало ихъ здѣсь, имѣютъ также свое училище, въ которомъ преподаютъ два учителя; но отъ казны имъ не платится ничего. Протестанты имѣютъ училище при церкви.

Между отдѣльными національностями, какъ по численности, такъ и по давности пребыванія въ Бѣлградѣ, первое мѣсто занимаютъ евреи. Трудно съ точностью сказать, когда они сюда доселились, но во всякомъ случаѣ въ очень давнее время и были постоянными спутниками турокъ. Собственно на Балканскомъ полуостровѣ они живутъ съ начала христіанской эры, по берегамъ и по островамъ Архипелага. Въ IX столѣтіи приняли іудейство авары и жили въ Константинополѣ, въ его окрестностяхъ и на островахъ; въ слѣдующемъ столѣтіи въ одномъ Константинополѣ ихъ было до 40,000. Жили они тамъ особо въ Пиреѣ, отдѣленные отъ остальнаго города рѣкой и морскимъ заливомъ [1]. Въ XI и XII стол. ихъ множество живетъ въ Солунѣ, откуда они ведутъ значительную торговлю на цѣломъ полуостровѣ. Можно допустить, что уже въ то время ихъ торговцы были въ Бѣлградѣ. Въ Болгаріи одно время они играли и политическую роль. Въ 1330 г. погибъ болгарскій царь Михаилъ въ битвѣ съ сербскимъ кралемъ Степаномъ Урошемъ III Дечанскимъ. На его мѣсто вступилъ племянникъ его Іоаннъ-Александръ, который женился на одной еврейкѣ. Жена его конечно предварительно была крещена и названа при крещеніи Ѳеодорой, была благо-

[1] *Ubicini*, Lettres sur la Turquie, стр. 369.

честива и вполнѣ православная, строила церкви и монастыри, но въ тоже время покровительствовала своимъ единоплеменникамъ; евреи при ней взяли такую силу, что сдѣлались бременемъ народу и вызвали негодованіе. Это было время сильнаго распространенія богомильства и множества другихъ сектъ, изъ которыхъ иныя имѣли связь съ іудействомъ. Еретичество зашло такъ далеко, что вызвало серьезныя мѣры со стороны духовной и свѣтской власти. Созванъ былъ соборъ, на которомъ изобличали различныхъ ересіарховъ, при чемъ конечно нераскаявшихся казнили, и составилось рѣшеніе, какъ противъ еретиковъ, такъ и противъ іудеевъ. О послѣднихъ въ «Житіи Θеодосія Терновскаго» (въ первой половинѣ XIV столѣтія) сказано: «Царскимъ же и патріаршескимъ и всего собора изволеніемъ написанъ бысть свитокъ, *яко да (іудеи) пребываютъ яко раби, а не яко властели»* *). Въ то время они лишены были всѣхъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ, въ христіанско-славянскомъ мірѣ они рано подверглись преслѣдованію и лишенію правъ. Совершенно иначе отнеслись къ нимъ турки. Въ продолженіи цѣлаго XV столѣтія, особенно въ концѣ его, евреи подвергались страшнымъ гоненіямъ въ Испаніи и Португаліи, и вслѣдствіе этого стали искать новаго отечества: одни поселились въ Малой Азіи, другіе въ Италіи, гдѣ имъ далъ пріютъ въ Римѣ разсчетливый папа Александръ VI Борджія, а наконецъ, когда турки овладѣли Константинополемъ, множество ихъ стало селиться на Балканскомъ полуостровѣ. Султанъ Баязидъ II принялъ ихъ подъ особое свое покровительство, желая колонизовать ими свои новыя владѣнія въ Европѣ. Онъ далъ имъ полную автономію гражданскую и религіозную, которою они пользуются до сихъ поръ, имѣя даже свой особый судъ. Съ того времени они—неразлучные спутники туровъ и постоянно помогаютъ имъ. Въ 1821 г., во время греческаго возстанія константинопольскіе евреи нѣсколько часовъ волочили по улицамъ трупъ патріарха Григорія и наконецъ, обезобразивъ его, наругавшись надъ нимъ до-сыта, бросили въ море. Въ Солунѣ въ тоже время они охотно становились подъ турецкія знамена и бились противъ грековъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Ихъ связи съ турками отчасти основываются на сходствѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, какъ—обрѣзаніе, неупотребленіе мяса нечистыхъ животныхъ, непризнаваніе иконъ; потомъ ихъ связываетъ одинаковая ненависть противъ христіанской вѣры. Вотъ какъ опредѣляетъ современныя отношенія евреевъ и турокъ Убичини (Lettres etc., стр. 381): «Евреи составляютъ предметъ

*) Чтенія Моск. Общ. 1860, кн. I.

ужаса для турокъ, какъ и для христіанъ. Но турки ихъ не ненавидятъ, не преслѣдуютъ; они только держатъ ихъ въ отдаленіи, какъ отверженныхъ, на которыхъ тяготѣетъ небесное наказаніе. Но если провинились отцы, то не должны за то страдать дѣти; поэтому османли, презирая еврея, давая ему ругательный эпитетъ *чифутъ*, синонимъ *низкаго*, *скряги*, — никогда его не преслѣдуетъ. Евреи съ своей стороны терпѣливо сносятъ ярмо, которое не имѣетъ ничего ни тягостнаго, ни унижающаго ихъ, потому что оно не допускаетъ никакого различія передъ закономъ между ими и христіанами, допускаетъ ихъ управляться своими собственными законами и сохраняетъ такимъ образомъ за ними нѣкоторую тѣнь національнаго существованія, чѣмъ они не пользуются ни въ одномъ изъ другихъ государствъ».

Къ этому нужно добавить, что турокъ по преимуществу господинъ и нуждается въ хорошемъ слугѣ, а еврей этой потребности вполнѣ удовлетворяетъ, потому что въ цѣломъ свѣтѣ, кажется, нѣтъ людей болѣе услужливыхъ и болѣе ловкихъ для того, чѣмъ евреи. Еврей любитъ турка еще за то, что онъ по своей недѣятельности никогда не можетъ быть его конкуррентомъ. Совсѣмъ иныя отношенія къ христіанамъ, которые меньше нуждаются въ ихъ услугахъ и, что касается торговли, сами не терпятъ конкурренціи. Грекъ въ этомъ отношеніи главный конкуррентъ еврея и потому имъ трудно уживаться вмѣстѣ. Сербъ также не плохой торговецъ: ни къ чему онъ не чувствуетъ такой склонности, какъ къ торговлѣ; въ Сербіи скоро, кажется, торговцевъ будетъ больше чѣмъ земледѣльцевъ. На этомъ пути сербы постоянно сталкиваются съ евреями, которые, кромѣ торговли, никакой другой профессіей не заняты.

Большая часть евреевъ, живущихъ въ Бѣлградѣ, испанскаго происхожденія, судя по языку, а судя по физіономіямъ можно предполагать, что въ кровь ихъ много вошло отъ аваровъ, принявшихъ іудейство и сильно размножившихся въ Константинополѣ. Сравнивая ихъ съ нашими или, вѣрнѣе, съ польскими евреями, я нахожу нѣкоторую разницу не въ одной физіономіи, но и во многомъ другомъ (я разумѣю конечно однихъ простыхъ евреевъ). Бѣлградскій еврей смотритъ вообще степеннѣе: въ немъ нѣтъ тѣхъ ужимокъ, нѣтъ ни крайне заискивающей, ни спѣсивой манеры; онъ держится ровнѣе и съ бо́льшимъ достоинствомъ; въ ихъ говорѣ меньше шепелявыхъ и гортанно-картавыхъ звуковъ, потому они чище говорятъ на всякомъ иностранномъ языкѣ; въ ихъ костюмѣ и въ манерѣ вообще меньше особенностей, которыя рѣзко отличали бы ихъ отъ остальнаго населенія. Замѣчательно, что въ концѣ января, во время ихъ праздника,

продолжающагося дня три, по вечерамъ въ ихъ домахъ даются шляющимися масками театральныя представленія изъ сербской исторіи, напр.: «Смерть Мурата», «Построеніе Раваницы» или «Скадра», причемъ сюжетъ берется обыкновенно изъ народныхъ пѣсенъ. Національнаго или религіознаго антагонизма между евреями и сербами нѣтъ; но за то сильна конкурренція торговая, и въ этомъ отношеніи евреи терпятъ ограниченія.

Милошъ Обреновичъ цѣнилъ ихъ заслуги, успѣлъ ими пользоваться и давалъ имъ полную свободу торговли по всей Сербіи; онъ былъ настолько твердъ характеромъ, что не уступалъ требованіямъ туземныхъ торговцевъ, которые всегда добивались ихъ ограниченія. Однажды проѣзжая по Пожаревцу и видя, что вмѣстѣ съ сербскими заперты и еврейскія лавки по случаю воскресенья, онъ на отрѣзъ запретилъ это имъ допускать подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ и сербы запирали свои лавки во время еврейскаго шабаша. Александръ Карагеоргіевичъ былъ настолько слабъ, что, еслибъ и желалъ ради своихъ кое-какихъ выгодъ оказать имъ покровительство, былъ не въ состояніи поддержать ихъ и долженъ былъ, уступая народному требованію, издать указъ, которымъ евреямъ запрещалось торговать во внутренности Сербіи. При возвращеніи Милоша въ 1858 г., евреи также возвратились-было въ свои прежнія жилища внутри Сербіи, но при Михаилѣ они снова ограничены. Нѣсколько евреевъ живутъ еще въ Пожаревцѣ и въ Шабцѣ, но право это не распространяется на ихъ потомство. Во внутренности Сербіи они могутъ быть только какъ ремесленники. Во время бомбардированія Бѣлграда въ 1862 г. они пострадали больше всѣхъ, потому что жили на дартюлѣ, въ части самой близкой къ крѣпости. По удаленіи съ дартюла всѣхъ турокъ, сербы заняли его, какъ самый важный пунктъ для дѣйствій противъ крѣпости, а турки также больше всего обстрѣливали эту часть, потому что тамъ засѣли сербы. Съ того времени евреи не могутъ еще вполнѣ оправиться, а нѣкоторые, перейдя на австрійскую сторону, уже больше не возвращались. Большого значенія въ торговлѣ Сербіи евреи не имѣютъ.

По числу за евреями слѣдуютъ чехи, во всѣхъ возможныхъ профессіяхъ. Чеха вы найдете здѣсь профессоромъ, лекаремъ, фотографомъ, архитекторомъ, артиллеристомъ, инженеромъ, въ войскѣ отъ солдата до майора, въ военномъ оркестрѣ (гдѣ они составляютъ большинство), на пивоваренномъ заводѣ, въ типографіи, въ различныхъ ремеслахъ, садовникомъ, поденщикомъ. Многіе живутъ здѣсь давно, имѣютъ состояніе и оказываютъ нѣкоторое покровительство своимъ вновь прибывающимъ землякамъ.

Одинъ изъ нихъ, Байлони, имѣетъ гостинницу, въ которой по преимуществу собираются чехи, и потому онъ извѣстенъ здѣсь подъ именемъ *чешскаго консула*, у котораго вы найдете всегда хорошее пиво, порядочное вино и простыя, но очень вкусно изготовленныя кушанья. Въ нынѣшнемъ году они основали «чешскую бесѣду», въ которой есть уже около 100 чеховъ членовъ. Нельзя не питать глубокаго уваженія къ этимъ людямъ; и многіе изъ нихъ оказали уже весьма важныя услуги сербскому народу.

Между ними извѣстно уже нашей публикѣ имя Янка Шафарика, библіотекаря и хранителя народнаго музея. Я не стану говорить о его ученыхъ заслугахъ, которыя достаточно оцѣнены г. Ламанскимъ въ его брошюрѣ «Сербы въ княжествѣ и въ Австріи» (1864 г.); замѣчу только, что навыкъ разбирать старыя надписи у него доведенъ до удивительной степени; библіотека и музей, можно сказать, если не имъ созданы, то въ настоящее время имъ только и держатся; а каждый занимавшійся въ нихъ безъ сомнѣнія вспомнитъ его съ особенною благодарностью за то радушіе, съ какимъ онъ принимаетъ всякаго серьезно-интересующагося его дѣломъ, и за ту готовность, съ какою онъ отдаетъ въ ваше распоряженіе не только то, что находится въ народной библіотекѣ-музеѣ, но и изъ библіотеки своей собственной; что касается славистики, онъ въ ней большой знатокъ и въ Сербіи почти единственный. Жаль только, что для ученой дѣятельности онъ рѣшительно не имѣетъ досуга, потому что на немъ лежитъ обязанность вести всевозможные каталоги и записки. Музей и библіотека на одномъ человѣкѣ! Это можете найти только въ Сербіи, и потому можете судить, въ какомъ неуваженіи здѣсь наука.

За нимъ слѣдуетъ упомянуть подполковника Заха, который въ 1848 г. съ волонтерами бился противъ мадьяръ, а потомъ, когда увидѣлъ, какъ поступаетъ съ нимъ австрійское правительство, оставилъ свое отечество, поступилъ на сербскую службу и съ тѣхъ поръ всю свою дѣятельность посвятилъ Сербіи: имъ устроена военная академія въ Бѣлградѣ и ему обязаны своимъ образованіемъ многіе лучшіе офицеры Сербіи. Сербское правительство по своей манерѣ помыкать людьми, три раза отрывало его отъ академіи и давало другія порученія,—то устройство оружейной фабрики въ Крагуевцѣ, то изслѣдованіе лучшаго направленія дорогъ, которыя служили бы стратегическимъ цѣлямъ и т. п. Въ нынѣшнемъ году онъ снова назначенъ директоромъ академіи, и это обрадовало всю учащуюся молодежь. Г. Ганъ, путешествовавшій по Турціи и издавшій описаніе пути отъ Бѣл-

града до Солуна съ картою, значительною долею труда обязанъ Заху.

Г. Нѣмецъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ статьи, не только приноситъ Сербіи огромную пользу своею собственной паровой мельницей, которая находится близъ Бѣлграда при потокѣ Мокромъ-Лугѣ, но еще устроилъ мельницу на р. Млавѣ по порученію сербскаго правительства, которая находится также въ его распоряженіи и приноситъ значительный доходъ казнѣ.

Между лекарями лучшею репутаціею пользующіеся Мишинъ, Валента и Голецъ—также чехи. Изъ нихъ Валента очень много дѣлаетъ, какъ управитель городской больницы. Кромѣ того, онъ имѣетъ замѣчательное собраніе картинъ, эстамповъ, гравюръ, фотографій и иллюстрированныхъ изданій, касающихся въ особенности славянскихъ земель, и интересующимся онъ показываетъ его съ большою готовностью.

Наконецъ нѣсколько словъ скажу о полякахъ, которыхъ здѣсь такъ мало, что объ нихъ нечего было бы и говорить, еслибъ меня не обязывала къ тому необходимость изобличить ложь, пронесенную на счетъ ихъ въ одной изъ корреспонденцій «Голоса» въ прошломъ году, писанной *будто бы* изъ Бѣлграда. Тамъ говорится о какой-то польской агитаціи противъ Россіи въ Бѣлградѣ, о ихъ вліяніи на сербскую политику и т. п. несообразности, которыя никакъ не могли бы попасть въ извѣстіе, еслибъ оно дѣйствительно писалось изъ Бѣлграда. Поляковъ въ Бѣлградѣ всего человѣкъ 10, изъ числа которыхъ одинъ переводчикомъ при французскомъ консульствѣ, человѣкъ совершенно невинный, неимѣющій ровно никакого политическаго значенія, живущій съ нашимъ консульствомъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ, и написавшій всего-на-все одну французскую брошюрку, по поводу восточнаго вопроса; остальные—медики, давно живущіе въ Сербіи и совершенно устранившіеся отъ политики, и оффиціальнаго положенія ни одинъ изъ нихъ не занимаетъ; два трубочиста, одинъ слесарь и ламповщикъ, одинъ сапожникъ, есть, можетъ быть, еще между простыми рабочими, но имъ конечно никто не станетъ приписывать никакого политическаго значенія; три поляка было проѣздомъ, профессіи которыхъ точно не знаю, но слѣдствій ихъ проѣзда не оказалось никакихъ, и замѣчены они единственно потому, что въ Бѣлградѣ всѣ знаютъ другъ друга въ лицо и ни одинъ вновь прибывшій скрыться не можетъ. Во внутренности Сербіи также есть нѣсколько поляковъ лекарей. Между лекарями, въ Бѣлградѣ, Клинковскій пользуется репутаціею лучшаго врача въ дѣтскихъ болѣзняхъ и вообще какъ человѣкъ, который никогда не откажетъ помочь; другой тамъ же

постоянно даромъ лечитъ студентовъ и гимназистовъ, а еще одного мнѣ самому приводилось приглашать къ бѣднымъ людямъ, и я всегда находилъ у него самое горячее участіе. Во время путешествія по Сербіи мнѣ случилось тяжело захворать въ одномъ городкѣ, гдѣ былъ докторъ полякъ, когда-то сосланный въ солдаты на Кавказъ на 12 лѣтъ. Въ воспоминаніе того, что онъ въ то время былъ обласканъ русскими на Кавказѣ, онъ страшно обрадовался мнѣ, какъ русскому, не допытываясь, кто и что я, принялъ къ себѣ на квартиру и ухаживалъ такъ, какъ за самымъ близкимъ ему человѣкомъ.

Вотъ вамъ и весь національный составъ Бѣлграда. О цинцарахъ и болгарахъ я не говорю ничего, потому что они составляютъ съ сербами почти одно. Болгары въ окрестностяхъ Бѣлграда занимаются огородничествомъ, да и по цѣлой Сербіи они, кажется, единственные огородники. Многіе занимаются торговлей, одинъ коммиссіонерствомъ, одинъ хорошій живописецъ и при князѣ Михаилѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ дворецкаго, одинъ имѣетъ очень порядочную фотографію и кромѣ того занимается иконописаніемъ, одинъ лучшій портной — и всѣ они самоучки; многіе занимаются постройками; и наконецъ два воеводы—бывшіе гайдуки, имена которыхъ громки въ Балканѣ. Цинцары, подобно болгарамъ, занимаются постройками и торговлей, но особенная ихъ профессія —содержаніе *механъ* (гостинницъ), и вездѣ по внутренности Сербіи содержатель гостинницы непремѣнно цинцаръ. И надо отдать имъ справедливость, что они это дѣло умѣютъ вести лучше сербовъ. Правда, нерѣдко встрѣчаются у нихъ мелкія плутни, такъ что у сербовъ вошло въ поговорку «*цинцарски посо*» (цинцарская работа), что значитъ: кое-какъ, только бы деньги взять,—но что же дѣлать, когда тамъ вся почти торговля не чужда разнаго рода продѣлокъ?.. За то между ними есть нѣкто *киръ* [1]) Таса, содержатель кофейни на *малой піяцѣ* (малый базаръ) близъ Савы, человѣкъ необыкновенно честный и вполнѣ независимаго характера: для него все равно, будь какой угодно важный чиновникъ или простой человѣкъ; у него всегда найдете хорошее пиво и утромъ отличный кофе съ густыми сливками, чего въ другихъ мѣстахъ нигдѣ нѣтъ. Я упомянулъ о независимости характера, потому что эта черта въ Бѣлградѣ необыкновенная рѣдкость.

Еще живутъ въ Бѣлградѣ 26 семействъ цыганъ, которые занимаются кузнечнымъ и слесарнымъ ремесломъ, ловлею рыбы

---

[1]) *Киръ* отвѣч. серб. *газда* — господинъ, хозяинъ.

удочкой, и они же на всѣхъ свадьбахъ, пирахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ постоянные музыканты и пѣвцы. Въ Бѣлградѣ ихъ бываетъ постоянно больше, но тѣ всѣ временные жители изъ внутренности Сербіи или изъ Турціи. Между ними рѣзко различаются два типа: одни смуглые съ европейскими чертами лица, другіе почти черные съ синеватымъ отливомъ, съ толстыми губами и всѣми чертами лица напоминаютъ эѳіопскій типъ.

Загляните вы въ сербское регулярное войско и вы тамъ найдете навѣрное людей изъ Старой Сербіи, Болгаріи, Македоніи, Черногоріи и изъ австрійско-венгерскихъ земель. Въ прошломъ году была цѣлая рота, состоявшая изъ однихъ болгаръ, но они разошлись; и теперь однако есть одна рота, состоящая изъ однихъ почти иностранцевъ. Въ жандармахъ большую часть, кажется, составляютъ иностранцы. Есть наконецъ цѣлая канцелярія, состоящая почти изъ однихъ далматинцевъ: она состоитъ въ вѣдѣніи извѣстнаго своей репутаціей Бана.

Очень мало здѣсь валаховъ, хотя ихъ въ цѣлой Сербіи довольно много (больше 100,000).

Несмотря на такое разнообразное смѣшеніе народностей и типовъ, все это сливается подъ однимъ общимъ именемъ сербства.

Перейдемъ теперь къ общественной жизни въ Бѣлградѣ.

П. Ровинскій.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*).

I.

Верховской рано поднялся на другой день и, къ великому удивленію немногихъ проснувшихся въ гостинницѣ, ушелъ за городъ, въ поле. Въ воздухѣ было влажно, отъ земли пахло зеленью и первыми цвѣтами; вдали гудѣли ранніе колокола, надъ молодой рожью звенѣли жаворонки, тѣни были сизыя, луга розовые; два бѣленькія облачка таяли на темноголубомъ западѣ. Съ пригорка былъ видѣнъ весь городъ, почти красивый издали, въ туманѣ, въ деревьяхъ. Верховской не оглянулся на него. Ему хотѣлось уйти все дальше, хотѣлось все больше воздуха, простора, точно хотѣлось взять всего этого разомъ за цѣлые годы...

Поѣздка въ деревню вызвала у него новое чувство, или, вѣрнѣе, пробудила чувство очень старое, замятое, заглохшее, неизвѣданное болѣе десятка лѣтъ: на него пахнуло простотой, свободой, какой-то правдой жизни. Послѣднія впечатлѣнія отошли куда-то далеко и въ широкомъ кругѣ свѣта, который разростался въ памяти, замелькали весенніе прошлые, праздничные дни, выплыли образы трогательно-веселые какъ дѣтство, яркіе какъ мечты ранней юности, дорогіе, какъ лучшее что дала жизнь. Онъ подумалъ, какъ много ушло годовъ, и сожалѣніе, которое въ юношѣ удвоиваетъ жадность желаній, примѣшивая къ нимъ поспѣшность и тревогу, удвоиваетъ прелесть наслажденія,—сожалѣніе прошло холодомъ по душѣ тридцатилѣтняго человѣка.

---

*) См. выше, мар. 5 стр.

Юность вспоминаетъ смутно, разомъ, счастіе и горе; безпечность и нѣжность сердца, отвага и надежда даютъ силы для прощенія и забвенія; негодованіе еще не застыло до ненависти; молодое нетерпѣніе не можетъ долго останавливаться на докучныхъ образахъ. Но въ половинѣ жизни, человѣкъ выучился разбирать, умѣетъ выждать, привыкъ къ оглядкѣ. Тѣ, что вдругъ и разомъ охватываетъ его душу, черезъ минуту становится предъ нимъ раздѣльными явленіями; онъ даетъ каждому свое мѣсто, оцѣниваетъ каждое, считаетъ, приводитъ въ порядокъ. Оцѣнивъ прошлое счастіе, онъ проклинаетъ до отчаянія; вспомнивъ горе, онъ ищетъ виноватыхъ. Со всѣхъ сторонъ слетается, толпится, тѣснится все, что называется отношеніями, обстоятельствами,— эти житейскія ежедневныя мученія, мелкія и заставляющія мельчать, безсмысленныя и отупляющія смыслъ, безчувственныя и убивающія чувство. Всѣ они отчетливо и аккуратно будто докладываютъ о себѣ, будто хвастаются сколько унесли чистоты и силы изъ этого измученнаго сердца, которое, нечаянно вспомнивъ какуюнибудь годовщину, вздумало заглянуть въ свое прошлое.

Верховскому вспомнилось очень далекое; какъ однажды, студентомъ, пошелъ онъ рано утромъ съ товарищами на Воробьевы-Горы; какъ, лежа надъ обрывомъ, гдѣ заростаютъ развалины заложеннаго храма, они, молодые люди, толковали объ искусствѣ; какъ ихъ прервалъ выстрѣлъ и напротивъ, черезъ долину, надъ холмомъ поднялось бѣлое облако; тамъ шло артиллерійское ученье...

«А что дѣлается теперь въ Петербургѣ?» вдругъ сказалось въ головѣ Верховскаго.

Онъ остановился. Настоящее перегородило дорогу воспоминанію.

«Петербургъ.... Изъ газетъ ничего не узнаешь. Хоть-бы написалъ кто-нибудь... Но кто напишетъ? Развѣ этихъ людей занимаетъ что-нибудь, кромѣ ихъ собственнаго положенія... Но еслибъ и написали—разскажутъ только оффиціальное, видимое, а если еще съ своими воззрѣніями, — ну, и вовсе хуже!... Хотѣлось-бы знать, видѣть что-то другое.... Что другое? Вотъ вопросъ!... Не повернуть-ли, вонъ, туда, въ слободу, зайти въ первую избу, разсказать новости, спросить мнѣнія... Мнѣнія! Когда его нѣтъ и въ N-скомъ клубѣ!...»

«А вѣдь есть люди! сказалъ онъ почти вслухъ, оглядываясь на широкое пространство открытое кругомъ.—Градъ, говорятъ, праведниками спасается. Должны быть люди, въ которыхъ живо сознаніе, которые въ настоящемъ видятъ не одну нужду да новость... Далеко запрятались эти люди!»

Онъ захотѣлъ остановиться на мелькнувшей мысли, припомнить этихъ *живыхъ* людей, встрѣченныхъ мимоходомъ, случайно, какъ-то затерявшихся потомъ, или вовсе пропавшихъ изъ общества; припомнить другихъ, тѣхъ, съ которыми, юношей, онъ сбирался вмѣстѣ выйти на жизненную дорогу и съ которыми давно, охотой, разстался. Воспоминанія были смутны, отрывочны. Впереди ихъ, заслоняя ихъ, все выступала собственная личность, собственныя неудовлетворенныя стремленія. Разбирая строго, приходилось раскаяваться, потому что праздныя руки и голова, тупѣвшая въ свѣтскомъ чаду, не искали никакъ приложить этихъ стремленій къ дѣлу. Но это все-таки мучило. Какъ многіе, Верховской вмѣнялъ себѣ въ достоинство эту праздную муку.

Въ настоящую минуту, ко всему скучно томящему, прибавилось особенное отвращеніе поселиться въ N. Верховскому вдругъ стало жаль Петербурга. Ему вдругъ показалось, что тамъ для него нашлись-бы люди. Память ясно и въ ту же минуту подсказала ему, что, слишкомъ въ десять лѣтъ, онъ ихъ себѣ не выбралъ.

«Уѣду одинъ, буду служить, подумалъ онъ рѣшительно: — буду свободенъ...»

А трое дѣтей? А жена?

«Влюбленная ни больше, ни меньше какъ въ первые мѣсяцы замужства! сказалъ онъ себѣ съ горечью. И разлуки нельзя объяснить даже необходимостью: *наше* состояніе такъ велико! Скандалъ!... Попробуй я явиться безъ Лидіи Матвѣевны—дядюшка Каруцкій устроитъ, что меня выгонятъ изъ службы. Тогда что? Да ужъ лучше, не дожидаясь, записаться, вотъ, хоть въ этотъ полкъ, что идетъ на Дунай. Вѣдь спасскіе мужики бѣгали-же отъ своей помѣщицы на царскую службу... У меня тоже помѣщица... Какой вздоръ! прервалъ онъ себя, когда нелѣпости одна за другою затолпились у него въ головѣ.»

Онъ взглянулъ на часы; утро было въ половинѣ. Онъ повернулъ въ городъ.

По узкой дорогѣ показалась маленькая коляска и чрезъ минуту промчалась мимо него; онъ едва успѣлъ посторониться. Въ коляскѣ была дама; Верховской увидѣлъ развѣвающійся розовый вуаль и услышалъ восклицаніе удивленія, относившееся, безъ сомнѣнія, къ нему. Его узнали; онъ не узналъ и вообще такъ мало занимался N-скими дамами, что не обратилъ вниманія на эту встрѣчу. Онъ воротился домой, усталый. Въ городѣ было душно, особенно воротясь съ поля; все, что на сердцѣ было вызвано свѣжести, исчезло тоже. Верховской прилегъ на диванъ.

Въ гостинницѣ приходили и уходили, пріѣзжали и уѣзжали; въ отворенныя окна чаще сталъ раздаваться скрыпъ возовъ, стукъ колесъ; городъ совсѣмъ проснулся.

Верховскому пришло на мысль, что никогда еще не былъ онъ такъ наединѣ самъ съ собою, какъ въ это послѣднее время. Полный просторъ для мысли, для воспоминаній; ни заботы, ни помѣхи; полная свобода для выбора занятій, людей, отношеній... И что жъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлается въ душѣ? или она такъ близорука, или она такъ прихотлива, что не видитъ что̀ выбрать, не находитъ къ кому привязаться? или такъ втянулась въ общепринятое, въ общеизвѣстное, что не умѣетъ и придумать ничего кромѣ какого-нибудь визита со шляпой въ рукѣ, какого-нибудь разговора въ родѣ тѣхъ, что велись и ведутся тысячи разъ и отъ которыхъ одно впечатлѣніе — туманъ въ головѣ и усталость груди? Вѣдь это называется старость. Это значитъ въ конецъ прожить все, что̀ было отпущено живого огонька. Что-жъ испытано?...

Рядомъ въ номерѣ, за стѣной, происходила радостная встрѣча. Къ пріѣзжему пришли друзья, обнимались, цѣловались. Верховской невольно узналъ разные секреты, о которыхъ говорилось громко. Громко считались расходы; гостинница оказалась дорога; друзья увели друга къ себѣ.

«А я-то издерживаю втрое! думалъ Верховской: — и хоть бы одинъ разъ обрадовался, когда отворялась моя дверь!... Нѣтъ, хуже: радовался—развлеченію отъ нечего дѣлать!»

Ему становилось стыдно. Ему хотѣлось уже не крѣпкаго сродства души, не братскаго раздѣла убѣжденій, замысловъ и надеждъ, не жаркаго сочувствія, не отвѣта на всякое сомнѣніе, не утѣшенія во всякой тревогѣ, — даже не той образованной бесѣды, которая увлекаетъ тихо, безъ волненій, проникаетъ глубоко, укрѣпляетъ, доставляетъ уму свѣтлый, спокойный праздникъ. Ему хотѣлось хоть-бы простого, пошлаго часа въ кружкѣ у самовара, гдѣ-бы неприхотливо хохотали вздору, гдѣ-бы радовались заработанному грошу, махнувъ рукой на заботы завтрашняго дня, гдѣ бы искренно не помнили обидъ, гдѣ-бы любили другъ друга, не спрашивая за что̀, по простой причинѣ, что сошлись вмѣстѣ....

Онъ вдругъ вспомнилъ, *что̀* у него было когда-то; вспомнилъ долгія бесѣды, вспомнилъ жизнь за одно, — разумъ, любовь и радость.... У него затуманило въ глазахъ; что-то горячее сжало ему горло.

— Что жъ это я съ собой дѣлаю? сказалъ онъ, и всталъ.

Съ нимъ случалось то̀, что часто бываетъ: его раннее утро,

какъ говорится, сошло на позднее. Было ужъ около полдня. Верховской еще не началъ дня, ничего не дѣлалъ; но дѣлать было нечего и онъ очень равнодушно замѣтилъ эту потерю времени. Онъ сталъ читать какое-то путешествіе, захваченное съ собой изъ Петербурга. Чтеніе не заняло. Бросивъ книгу, онъ смотрѣлъ на ея переплетъ, на номеръ и названіе магазина на немъ выбитые. Книга была абонирована; у Верховскаго недоставало собственныхъ денегъ на-покупку книгъ. Онъ подумалъ, что въ деревнѣ это будетъ еще затруднительнѣе.

— А, чортъ-бы побралъ эту деревню, проговорилъ онъ, потянулъ къ себѣ бумагу, обмакнулъ перо въ чернильницу и сталъ писать:

— «Покупка Спасскаго, Лидія, безумное дѣло; я докажу это цифрами. Но хуже всѣхъ невыгодъ—нравственныя мученія, которыя придется выносить въ этой трущобѣ. Нищета и недовольство крестьянъ важны не въ одномъ отношеніи покорности и исправнаго платежа оброка. Я не могу жуировать жизнью, когда кругомъ меня голодаютъ, и не обладаю способностью усмирять....»

Его прервалъ стукъ въ дверь. Ему подали письмо. Оно было опять отъ Лидіи Матвѣевны, опять изъ нѣсколькихъ листковъ четкимъ почеркомъ въ-клѣтку.

— «Я убѣждаюсь, что мое здоровье, мое спокойствіе, мои желанія, мои заботы о моихъ дѣтяхъ въ твоихъ глазахъ ничего не значатъ: я не получаю даже отвѣта на мои письма! Изъ N въ Москву почта два раза въ недѣлю, и еслибы ты озабочивался отдать письмо съ вечера наканунѣ....»

Подробности разсчета прихода и отхода почты и наставленія по этому поводу.

— «Я изнываю здѣсь. День въ гостинницѣ обходится иногда до десяти рублей. Ты, безъ сомнѣнія, тратишь не меньше, хотя и одинъ. Хорошо еще, что я заранѣе предупредила кузину Annette, что въ Москвѣ я не беру на себя ея расходовъ. Въ деревнѣ, когда она будетъ заниматься съ дѣтьми музыкой и англійскимъ языкомъ, она можетъ жить на мой счетъ; я такъ ей обѣщала. M-lle Роше тоже объявляетъ разныя претензіи, и все это я должна выносить, потому что тебѣ неугодно не только позаботиться, но даже обратить вниманіе на мои требованія. Кажется, они не огромны! Я хочу только, чтобъ была скорѣе куплена деревня, за которую не тебѣ расплачиваться. Если это даже и прихоть, я могу ее себѣ позволить. Не думаю, чтобы я много и часто озабочивала тебя своими прихотями; немного найдется женщинъ менѣе меня требовательныхъ и болѣе снисходительныхъ.

Но я очень хорошо понимаю причины твоего молчанія: у тебя нашлись заботы болѣе по вкусу и характеру; ты пользуешься первой разлукой, ты на свободѣ,—кстати, и средства у тебя въ рукахъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей!!! Но честно-ли это....»

— А ты стóишь, чтобъ я воспользовался.... выговорилъ Верховской, закусивъ губы.

Въ дверь стукнули.

— Войдите, сказалъ онъ.

Вошелъ Лѣсичевъ.

— Заняты? Я мѣшаю? Здравствуйте.

— Здравствуйте. Нѣтъ, не помѣшали. Я писалъ женѣ. Еще успѣю.

Лѣсичевъ почти всегда бывалъ въ пріятномъ настроеніи; онъ разсмѣялся.

— Извините, Андрей Васильевичъ! Еслибъ я васъ не зналъ за человѣка серьезнаго.... Пожалуйста, извините! Какъ вы это сказали «еще успѣю!...»

— А чтó?

Хотя это было сказано очень равнодушно, но Верховской казался не въ духѣ. Лѣсичеву хотѣлось пошутить и шутка вдругъ показалась неловка. Онъ перемѣнилъ тонъ.

— Такъ вы пишете вашей женѣ.... Давно вы женаты, Андрей Васильевичъ?

— Почти двѣнадцать лѣтъ.

— Стало-быть, вы были очень-молоды, когда...

Лѣсичевъ замялся.

— Договаривайте, вскричалъ Верховской, расхохотавшись, конечно не отъ веселья, какъ принялъ это гость:—договаривайте, вѣдь я вижу, чтó у васъ на умѣ! Ну, да, я прямо съ школьной скамейки сѣлъ на цѣпь. Вамъ это хотѣлось спросить?

— Да. Но не такъ рѣшительно, отвѣчалъ Лѣсичевъ, ужъ улыбаясь.

— Почему же нѣтъ? Такой простой вопросъ.

— Да, простой, для кого женитьба не цѣпь.

— Разумѣется.

Лѣсичевъ задумался, немного помолчалъ и вдругъ спросилъ, будто рѣшаясь:

— Вы были, должно-быть, очень сильно влюблены?

— Должно быть, повторилъ Верховской.

— Извините.... Мнѣ необходимо это знать.

— Я тоже имѣю право спросить, на чтó? ради любознательности?

— Нѣтъ, отвѣчалъ серьезно Лѣсичевъ. Нѣтъ, повторилъ онъ,

вставъ, прохаживаясь, задумываясь и слегка улыбаясь: — нѣтъ; для меня это очень важно.

Онъ ждалъ, что его спросятъ почему, но Верховской не спросилъ; ему стало скучно.

— Вотъ, что, продолжалъ Лѣсичевъ, впадая въ настроеніе свойственное людямъ мало думающимъ, когда имъ вдругъ кажется умѣстно и душевно-необходимо болтать о своихъ чувствахъ— истинныхъ или воображаемыхъ, все равно, но занимающихъ, потому что случаются они рѣдко. Вотъ, что, Андрей Васильевичъ,—я сбираюсь жениться! Le grand mot est dit.

— Въ добрый часъ, отвѣчалъ Верховской, глядя въ окно.

— Нѣтъ, право? Скажите не шутя.

— Да не шутя, повторилъ Верховской, которому стало какъ-то свѣтски совѣстно своей невнимательности. Извините, я васъ мало знаю; что-жъ я могу сказать другого? Если вы любите....

— Я не влюбленъ.

— Въ такомъ случаѣ....

— Видите, что.... Она.... эта особа хороша собою, а здѣсь, въ N я одинъ это нахожу. Марья Васильевна Волкарева къ этому привязалась и хлопочетъ.... Вы, я думаю, имѣли время разсмотрѣть Марью Васильевну. Ея страсть устроивать что-нибудь или кого-нибудь. Она непокойна, если кругомъ ея кто-нибудь покоенъ; у служащихъ должны быть къ ней просьбы, у неслужащихъ—«исторіи»; у женатыхъ—драмы, у неженатыхъ— сердечныя тайны. Ну, признаюсь вамъ, продолжалъ онъ, примѣтивъ невольную улыбку Верховскаго и оживляясь:—я больше изъ того и сталъ расхваливать красоту mademoiselle.... этой молодой особы, чтобъ Марья Васильевна перестала воображать меня своимъ обожателемъ. Она еще долго принимала все это за dépit amoureux, покуда убѣдилась....

— Что васъ надо женить и потомъ вообразить у васъ семейную драму? прервалъ, смѣясь, Верховской.

— Очень возможно! отвѣчалъ, смѣясь, Лѣсичевъ. — Ну-съ, что-же мнѣ дѣлать?

— Почему-жъ я знаю? Вы говорите, что эта дѣвушка хороша собою...

— Да, интересна. Признаюсь, я преувеличивалъ мое восхищеніе, но... хороша. Немножко грубо хороша, но не подумайте, чтобъ какъ-нибудь вульгарно.... Это трудно объяснить. Свѣтской граціи не ищите.... а между тѣмъ, граціозна, совсѣмъ особенно.... Нѣтъ, она точно мнѣ нравится.

— Ну, что-жъ, въ добрый часъ; вы влюблены.

— Нѣтъ. Я втянулся.

Верховской слушалъ, полу-скучая, полу-занимаясь, эту болтовню, незатрогивающую сердца и наполняющую время. Ощущеніе привычное. Покуда оно заглушало собственное тяжелое чувство. Верховской закурилъ и протянулъ сигары гостю.

— Скажите мнѣ, Андрей Васильевичъ, продолжалъ Лѣсичевъ, усаживаясь покойно:—позвольте спрашивать откровенно... женясь такъ рано, вы не раскаявались? вы не жалѣли о вашей свободѣ?

— Почему?

— Вы ни въ кого не были влюблены?... Извините!

— Ни прежде, ни послѣ женитьбы.

— Вы счастливецъ!... Въ самомъ дѣлѣ, вы не можете подать совѣта. Вы сразу устроили себѣ жизнь. Я.... Мнѣ двадцать-семь лѣтъ. Я пожилъ. У меня требованія, образъ мыслей... Все это что-нибудь да значитъ! не легко разстаться.

— Но вы сколько-нибудь знаете образъ мыслей этой дѣвушки?

— Кто ихъ узнаетъ!... Впрочемъ, пожалуй, немного знаю.

Онъ задумался; Верховской задумался тоже.

— Вы нынче гуляли рано утромъ? вдругъ спросилъ Лѣсичевъ.

— Да. Вамъ сказали?

— Марья Васильевна.

Лѣсичевъ засмѣялся.

— Да, я встрѣтилъ какую-то даму. Это она?

— Она ѣздила на дачу, гдѣ предполагается балъ. Офицерскій, что́ вчера придумали. Она хозяйкой, такъ ѣздила осматривать залу и прочее; кстати, пьетъ воды,—для прогулки.

— Но ночью можно голову сломать на этой дорогѣ.

— Есть другая, широкая; ее къ балу чинятъ, равняютъ. Теперь народу довольно, рекруты; дѣлать имъ нечего.... Вы будете?

— На балѣ? Я ни съ кѣмъ незнакомъ изъ военныхъ.

— Но кто-же,—никто незнакомъ. И я незнакомъ. Сегодня, у Марьи Васильевны встрѣтилъ двоихъ, такъ говорилъ съ ними.

— Сегодня? развѣ ужъ такъ поздно?

— Нынѣшній день начался рано, отвѣчалъ наставительно Лѣсичевъ. Воротясь съ рекогносцировки, моя непосредственная начальница вытребовала къ себѣ черезъ полковника отрядъ пѣхоты для распоряженій о балѣ, но, видя, что пѣхота ничего не понимаетъ, послала за мной. Я, сколько могъ, позабавился. Придумали разныхъ затѣй и поручили этимъ господамъ доставать и устроивать. Славный балъ будетъ, увидите.

— Полагаю, что не увижу, отвѣчалъ лѣниво Верховской.

— Вы обидите, возразилъ Лѣсичевъ, уговаривая, будто его самого обидѣли.

— Сохрани Богъ; вовсе этого не желаю.

— Такъ что-жъ за причина? Приглашаютъ не военные, а Марья Васильевна.... Знаете, не хорошо.... это объяснятъ, что вы хотите оригинальничать, отчуждаться отъ общества....

— Разберемте логически, прервалъ Верховской, смѣясь его озабоченному тону: — мы не можемъ отчуждаться отъ того, къ чему не принадлежимъ; а такъ какъ я самъ такой же проѣзжій, какъ эти военные...

— Только не проговоритесь, не скажите этого при Марьѣ Васильевнѣ! вскричалъ, захохотавъ, Лѣсичевъ: — она васъ поймаетъ на словѣ! *Перелетныя птицы*, — она ужъ такъ окрестила военныхъ, — даютъ въ складчину праздникъ всему городу; вы, милліонеръ, должны будете сдѣлать вечеръ для избранныхъ.

— Это было-бы, въ самомъ дѣлѣ, забавно, сказалъ Верховской, невольно взлянувъ на конвертъ съ письмомъ жены и вторя смѣху гостя. Спасибо, что предупредили. Нѣтъ, я скупъ на эти вещи.

— Право?

— Да. Чтó мнѣ въ вечерахъ? я не играю въ карты и не танцую.

— А какъ-же, въ Петербургѣ?

— И въ Петербургѣ.

— Давно не танцуете?

— Лѣтъ десять.

— Помилуйте, но вѣдь это почти съ тѣхъ поръ какъ женаты?

— Да, почти. У меня тогда умерла мать. Я годъ не бывалъ нигдѣ, а потомъ, хоть и сталъ ѣздить, но плясать ужъ не началъ.

— А ваша жена?

— Она даетъ вечера и танцуетъ.

— Хороша собою ваша жена?

— Нѣтъ.

— Знаете, Андрей Васильевичъ, — у насъ преоригинальный разговоръ?

— Что же особеннаго?

— Помилуйте! но развѣ можно, какъ я сейчасъ...

— Что-жъ такого? вопросъ натуральный, отвѣтъ безпристрастный.

— Ну, такъ я скажу еще прямѣе: ваша жена должна быть прелесть и я съ ума отъ нея сойду!

Верховской засмѣялся.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, продолжалъ Лѣсичевъ:—такъ можетъ смѣяться только счастливецъ, увѣренный въ себѣ! Вы, просто, дразните! Дурна,—а онъ двѣнадцать лѣтъ блаженствуетъ! Нѣтъ, предупреждаю, лучше не показывайте мнѣ вашей жены!

Въ дверь постучали. Лѣсичеву доложили, что ея превосходительство требуетъ его къ себѣ, что его искали по всему городу,—и такъ далѣе.

— Служба! сказалъ онъ.—Прощайте, до свиданья.

— «Двѣнадцать лѣтъ блаженствуетъ....», проговорилъ Верховской, когда онъ затворилъ двери.—Двѣнадцать лѣтъ ломать эту комедію передъ всякимъ встрѣчнымъ...

Въ этотъ день на N-скихъ улицахъ было много ѣзды и много офицеровъ. Тотъ, кого бы заинтересовалъ этотъ стукъ колесъ и эти новыя лица, скоро замѣтилъ бы, что простые обыватели города, совершивъ обычные походы кто въ должность, кто на рынокъ, по прежнему мирно остаются въ своихъ домахъ, а разъѣзжаютъ одни господа и дамы въ каретахъ, и больше всѣхъ губернаторша; что офицеры встрѣчаются больше въ лавкахъ, гдѣ купцы пользуются случаемъ продать, какъ можно дороже, бальныя перчатки и эполеты, которымъ въ лѣтнее время и въ войну не предвидится сбыта. Общество тоже радовалось, что затѣяло себѣ маленькое волненіе, занятіе, хоть на нѣсколько дней. Общество жило праздниками, оттого они въ то время и были такъ часты. Можетъ быть, рѣдкіе праздники нынѣшняго времени и изящнѣе, и стоятъ дороже, но они никогда не бываютъ такъ сложны, такъ разнообразны и не стоютъ такихъ хлопотъ. Тогда самыя хлопоты объ устройствѣ веселья были уже весельемъ, тѣмъ, что занимали время, задавали работу воображенію, волновали. Праздники оставляли по себѣ желаніе еще прожить хоть нѣсколько дней въ такомъ же возбужденіи, оживленіи, и «жажда наслажденій» становилась, въ самомъ дѣлѣ, «бездонной жаждой». Воспѣвая ее, добрые люди не преувеличивали: они, въ самомъ дѣлѣ, ее ощущали, только не разбирали ни ея причины, ни смысла...

Верховской видѣлъ изъ своего окна проѣзжавшіе экипажи, слышалъ шумъ и говоръ въ сосѣднихъ комнатахъ, скучалъ, не зналъ что̀ дѣлать; заглянулъ въ книгу и бросилъ; не заглядывая, бросилъ въ шкатулку и заперъ на ключъ письмо жены и свое начатое; попробовалъ заснуть, объясняя скуку усталостью, и не заснулъ; сошелъ обѣдать въ общую залу, разговорился съ офицерами, которые тоже пришли обѣдать; получилъ отъ нихъ свѣ-

дѣнія, что они стояли зиму въ губернскомъ городѣ, танцовали и было много «хорошенькихъ». За столомъ были еще разные N-скіе господа; они вмѣшались въ разговоръ по поводу «хорошенькихъ», начались пустяки, шутки, затѣялась попойка. Верховской ушелъ и, не зная какъ дотянуть день до конца, отправился вечеромъ къ m-me Волкаревой.

На самое первое знакомство, она жаловалась Верховскому, что ежедневный пріемъ гостей ее утомляетъ, но все-таки принимала и звала къ себѣ всякій вечеръ.

По залѣ прохаживались три дѣвицы, сопровождаемыя однимъ молодымъ человѣкомъ, которому m-me Волкарева разъ навсегда вмѣнила въ обязанность занимать дѣвицъ. Большая комната была освѣщена по-лѣтнему, двумя лампами на концахъ, гуляющія фигуры исчезли бы въ ней совсѣмъ, еслибъ не черный фракъ спутника и стукъ шаговъ въ пустотѣ. Въ гостиной играли въ карты. Хозяйки не было. Ея голосъ громко раздавался изъ другой комнаты, «пріюта», гдѣ она сбирала своихъ интимныхъ. M-me Волкарева съ большимъ жаромъ что-то разсказывала, или произносила рѣчь, и вдругъ прервалась, увидя Верховскаго.

— Ah, c'est vous! сказала она, подавъ ему руку и слегка приподнимаясь съ диванчика, на который опять опустилась.—Вы очень кстати.

Ея голосъ постепенно ослабѣвалъ и во всей ея особѣ выразилось утомленіе. M-me Волкарева была бѣлокурая, маленькая, худенькая женщина и часто говорила, что въ женщинѣ слабость—есть сила. Потому, въ настоящую минуту, она сконфузилась, что Верховской засталъ ее такою одушевленною,—тѣмъ болѣе, что и кружокъ былъ изъ самыхъ безцвѣтныхъ: двѣ почтенныя матери гуляющихъ дѣвицъ, по долгу службы мужей явившіяся на вечеръ къ губернаторшѣ; два безмолвные офицера; господинъ довольно пожилого и скучнаго вида и Лѣсичевъ, безцеремонно утонувшій въ креслѣ, изъ котораго поднялся на встрѣчу Верховскому.

— Ея превосходительство изволили распекать насъ, сказалъ онъ:—вотъ-бы вамъ послушать!

— Ахъ, вѣчно шутки! возразила она съ томнымъ нетерпѣніемъ:—шутки тамъ, гдѣ нужно сочувствіе!... Вы меня поймете, m-r Верховской....

Она указала ему мѣсто подлѣ себя.

— Я доказываю, что мы недѣятельны, что мы тратимъ нашу жизнь напрасно....

Лѣсичевъ направился къ двери.

— Что нашимъ провинціямъ грозитъ застой. Я говорила...

M-r Лѣсичевъ, будьте такъ добры, узнайте, кончилъ ли наконецъ m-r Ѳедоровъ свой докладъ у моего мужа. Скажите, что его здѣсь ждутъ для партіи.... Онъ очень неаккуратенъ, Ѳедоровъ.

— Вотъ и онъ, сказалъ Лѣсичевъ, сторонясь передъ входящимъ скромнымъ чиновникомъ въ форменномъ фракѣ.

Этотъ молодой человѣкъ казался еще весь подъ впечатлѣніемъ своего доклада и, не опомнясь, переходилъ отъ службы начальника на службу начальницы. М-me Волкарева пригласила дамъ и пожилого господина къ карточному столу, который ждалъ ихъ въ гостиной.

— Вы здѣсь, значитъ, я могу спастись домой, сказалъ между тѣмъ Лѣсичевъ Верховскому:—прощайте, покуда она....

Но m-me Волкарева воротилась прежде, нежели онъ успѣлъ договорить.

— M-r Верховской, будьте судьею... Но прежде, дайте пожаловаться: какъ я устала! Съ утра... Pardon! вы не знакомы?

Она представила Верховскому офицеровъ.

— Я говорю: это мои адъютанты. Сколько сегодня намъ было вмѣстѣ хлопотъ!

— Лишь бы вышло удачно, отвѣчалъ одинъ.

— Ахъ, да! Дай Богъ! Мнѣ бы отъ души этого хотѣлось. Я принимаю такое участіе... Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вашъ праздникъ остался здѣсь въ памяти надолго, навѣчно, чтобъ и мою память соединили съ вашею...

— У насъ въ памяти всегда останется ваше вниманіе, отвѣчалъ офицеръ.

— Да, будете помнить капризницу! отвѣчала она, будто заглушая шуткою чувство, и обратилась къ Верховскому. — Вы вообразите, я капризничаю, требую того, другого. Эти господа не знаютъ, какъ мнѣ угодить. Я хочу, чтобъ ихъ праздникъ имѣлъ свой колоритъ. Вы меня понимаете. Такое время... Напримѣръ, я придумала... я вспомнила, на балѣ, въ корпусѣ, гдѣ воспитывались мои братья, однажды была убрана зала... эти...

— Штыки, подсказалъ офицеръ.

— Да, въ узоръ, на стѣнахъ, и тамъ свѣчи. У меня нашелся художникъ, сдѣлалъ рисунокъ... я вѣдь здѣсь покровительствую и искусствамъ, всему m-r Верховской! (Она засмѣялась). Et puis, l'idée est charmante: оружіе въ цвѣтахъ — предвѣстіе славы... А вы, господа, еще со мною спорили, что это хлопотливо и затруднительно... Вотъ, m-r Верховской, это прямо возвращаетъ къ тому, что я хотѣла сказать, — повторить, потому что они слышали: все дѣло въ доброй волѣ, въ одушевленіи.

Здѣсь такая скука, такая апатія. Надо разбудить это сонное царство, заставить *ихъ* двигаться, дать *имъ* понять... Ахъ, у меня еще идея! я вамъ сообщу, господа... Лѣсичевъ, не забудьте же сказать m-r Майцеву, что о праздникѣ должна быть статья въ нашу газету. И мнѣ отдѣльный листокъ; я пошлю въ Москву... Я хочу этого, m-r Верховской, надо чтобъ всѣ знали. Въ нынѣшнее время мы должны веселиться; впереди насъ слава; мы должны подавать примѣръ народу... А я, я считаю моей обязанностью объяснить это обществу, одушевить его, дѣйствовать; я на службѣ обществу, какъ мой мужъ, и сколько есть у меня энергіи...

Лѣсичевъ незамѣтно скрылся, а за нимъ и офицеры. M-me Волкарева, увлекаясь, высказывала Верховскому, какъ тяжела жизнь среди холоднаго общества, которымъ нужно руководить, которое нужно заставлять жить насильно...

— Какъ много нужно энергіи! И энергія убиваетъ насъ, женщинъ; она жжетъ насъ внутреннимъ, медленнымъ огнемъ... Еслибъ судьба хоть изрѣдка посылала людей, способныхъ понимать насъ...

Она еще говорила, когда изъ-за портьеры сосѣдней комнаты явился ея мужъ, разстроенный, съ письмомъ въ рукахъ. M-me Волкарева прервалась на полусловѣ.

— Чтó съ тобою? Почта? Газеты? Непріятель?

— Ахъ, матушка, какія газеты, какой непріятель, ничего не знаю... Какъ я радъ, что вы здѣсь, дорогой Андрей Васильевичъ. Право, когда встрѣтишь своего человѣка...

Онъ потрясъ ему руку.

— Вообразите... Мнѣ пишетъ мой родственникъ, князь Петръ Александровичъ... Mais, c'est une horreur ce que nous avons ici, ce Багрянскій!... Дѣло, лично меня касающееся...

— Ah, c'est un homme cruel! сказала m-me Волкарева, закрывая глаза.—Его несчастный сынъ... Еслибъ я могла вырвать хоть дочь...

— Ну, матушка, это ваши дѣла,—но онъ *мнѣ* врагъ! Mais c'est à la vie ou à la mort entre nous maintenant! Je vous conterai cela....

Прослушавъ цѣлый часъ сѣтованія жены, Верховской столько же времени выслушивалъ служебныя откровенности мужа. Уходя домой, онъ не зналъ, чтò больше его отуманило.

На другой день, *адъютанты* m-me Волкаревой сдѣлали ему визитъ. Онъ отдалъ его черезъ часъ, столько же изъ учтивости, сколько отъ нечего дѣлать. Нѣкоторые N-скіе господа, навѣстившіе его тоже отъ нечего дѣлать, удивлялись такой «утон-

ченной свѣтскости» и разсказывали о ней. Прибѣжалъ Лѣсичевъ съ запиской отъ m-me Волкаревой; она благодарила за вниманіе къ людямъ, въ которыхъ принимала участіе, и выражала увѣренность, что Верховской раздѣлитъ праздникъ, который,—кто знаетъ! для многихъ можетъ быть послѣднимъ...

— А вѣдь добрѣйшая! писала—плакала, сказалъ Лѣсичевъ, покуда Верховской читалъ записку.—Я-бы хотѣлъ ѣхать туда съ вами вмѣстѣ, Андрей Васильевичъ, но по долгу службы, мнѣ придется забраться туда спозаранку.

— А я, конечно, какъ можно позднѣе, сказалъ Верховской.

Онъ не подозрѣвалъ, что его просто равнодушный отвѣтъ будетъ принятъ за интересничанье и важничанье столичнаго господина. Лѣсичевъ улыбнулся въ душѣ, вздохнувъ объ огромныхъ средствахъ, которыя, по мнѣнію многихъ, даютъ право на такія замашки.

— А что́, Андрей Васильевичъ, спросилъ онъ:—скоро вы здѣсь совсѣмъ поселитесь?

— Я думаю, никогда, отвѣчалъ Верховской.

— Такъ вы не покупаете Спасскаго?

— Нѣтъ. Невыгодно.

— Вы разсчетливы.... Да, надо васъ предупредить. Хоть вы и не играете въ карты, а на балъ запасайтесь деньгами: подписка будетъ.

— Какая подписка?

— Такъ... Изобрѣла Марья Васильевна для оживленія праздника.

Этотъ праздникъ и все, что́ о немъ толковалось, одолѣвали Верховскаго. Онъ заперся въ своемъ номерѣ, не вышелъ даже вечеромъ вздохнуть воздухомъ, чтобъ не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, и читалъ «Поиски Франклина», пока зарябило въ глазахъ.

II.

Наступилъ и день праздника. Къ вечеру въ N. много думали и говорили о природѣ, выражая опасенія, чтобъ одно изъ ея самыхъ обыкновенныхъ, но не всѣми любимыхъ явленій не разстроило предстоящаго удовольствія. На западѣ лежала туча. Общество не могло оставаться равнодушнымъ въ виду неудобства поѣздки за городъ, ночью, опасности испортить наряды, сломать экипажъ. Верховской, сидя дома и отворивъ оба окна, какъ школьникъ, лукаво желалъ грозы. Онъ съ утра предсказалъ

ее m-me Волкаревой, встрѣтясь случайно, болтая отъ нечего дѣлать; m-me Волкарева встревожилась отъ предсказанія не въ шутку, Верховскому было пріятно подразнить. Глядя въ окно, онъ воображалъ, какъ она волнуется, какъ благочестивыя маменьки зажигаютъ лампады и запираютъ ставни, какъ дочки молятся и наряжаются....

— Господи Боже, вздоръ какой! подумалъ онъ, протирая глаза, уставшіе смотрѣть на свѣтъ. — Я-то изъ чего хлопочу? Веселятся, такъ веселятся.

Онъ вздумалъ спросить себя, какого бы веселья ему хотѣлось, сейчасъ. Вотъ, сейчасъ, чудо, волшебство, и ему дается все, чего онъ пожелаетъ....

— Да кажется, что ничего, рѣшилъ онъ. — Люди обыкновенно, при подобномъ предположеніи, желаютъ денегъ. Ну, чтобъ ужъ не ошибиться въ смѣтѣ — милліонъ, круглымъ счетомъ. А потомъ.... Потомъ бѣжать, бѣжать какъ можно дальше, бѣжать на край свѣта. А тамъ что!?.. Да милліонъ-ли нужно? Не попросить-ли чего другого? Не попросить-ли себѣ другую душу?... Какую?... Молитвами святыхъ N-скихъ женъ и дѣвъ тучка идетъ мимо. А жаль....

Подъ окномъ сверкнули фонари и раздался стукъ кареты. Верховской узналъ экипажъ губернаторши; она ѣхала заранѣе занять свой постъ.

— Часа полтора еще можно выспаться, сказалъ онъ, ложась на диванъ.

Онъ проспалъ дольше. Было за полночь, когда онъ подъѣхалъ къ дачѣ. Ночь была тихая, влажная, перепалъ дождикъ. Извощикъ замѣтилъ, спускаясь съ горы, что косогоръ исправно выровняли. На плотинѣ горѣли плошки; въ прудѣ колыхались облака и тянулись отраженія огней; слышалась музыка; галлерея, гдѣ танцовали, свѣтилась издали какъ фонарь въ черной массѣ деревьевъ.

Верховской вошелъ. Хотя онъ видалъ и много праздниковъ, но роскошь этого могла остановить вниманіе. Длинная галлерея въ два ряда оконъ была вся убрана оранжерейной зеленью; померанцы, розы, гераніи, гіацинты; огромныя люстры, всѣ простѣнки въ огняхъ. Распорядительницѣ удалось, какъ она желала, «придать и колоритъ» своему празднику: сотни штыковъ сверкали звѣздами и полукругами по стѣнамъ; на окнахъ симметрично были сложены каски и торчали шпаги; въ глубинѣ воз-

вышались пирамиды изъ барабановъ, передъ бесѣдкой, гдѣ было кресло хозяйки.

Ея тамъ не было, когда вошелъ Верховской; она танцовала. Зала была полна кружащихся паръ. Музыка была великолѣпная; она играла одинъ изъ тѣхъ вальсовъ-поэмъ Ланнера или старика Штрауса, которымъ бы, казалось, мѣсто среди круженія сильфидъ и духовъ, а не нашихъ дамъ и господъ. Верховскому бросилось въ глаза, что кружились все больше черные фраки. Эполеты и красные воротники, неподвижные, составляли будто часть убранства залы.

— Ah, vous voilà! Неправда-ли, какъ одушевлено? воскликнула m-me Волкарева, долетѣвъ до него и оставляя своего кавалера.—Merci.... Какъ вы поздно! Какъ вы находите? La glace est enfin rompue — они сближаются.... Я сейчасъ говорила о васъ....

Ее подошелъ звать на вальсъ маленькій прапорщикъ.

— Avec plaisir, mon enfant, но подождите, я устала. Не стѣсняйтесь; вы можете и не стоять подлѣ меня, только не зовите другой дамы... Vous avez manqué un beau moment, m-r Верховской. Была маленькая гроза.... ахъ, да̀, вы выиграли ваше пари....

— Я не держалъ никакого.

— О, не представляйтесь великодушнымъ.... Но здѣсь это произвело эффектъ удивительный.... Пожалуйста, не шутите; я вижу, у васъ готова шутка.... Нѣтъ, это было прелестно, такъ кстати. Ужъ всѣ собрались, полькировали, вдругъ—ударъ грома. Вообразите общее смятеніе. Музыка остановилась. Мой мужъ... онъ одинъ не потерялся; онъ еще не садился за карты; онъ сдѣлалъ знакъ музыкантамъ играть «Боже царя храни». Вообразите торжественность этой минуты. Всѣ замолкли, неподвижны, растроганы.... воспоминанія, надежды, слава.... вы понимаете, цѣлая толпа чувствъ... Къ счастью, былъ только одинъ ударъ; потомъ, опять, полька. Я такъ довольна, что это случилось. Вотъ почему, вы видите, я такъ оживлена; это со мной рѣдко бываетъ....

Маленькій прапорщикъ отважился подойти опять.

— Я еще отдыхаю, сказала ему издали m-me Волкарева, примѣтивъ его движеніе.—Право, m-r Верховской, вы смѣетесь, что у меня такъ много заботъ.

— Извините, я не замѣчаю особенной заботы.

— А, такъ я замѣчаю, что съ вами что-то особенное. Признайтесь.

— Мнѣ признаваться не въ чемъ.

— О, нѣтъ, у васъ тоже что-нибудь прошло по душѣ. Кто знаетъ, какая-нибудь тѣнь... вѣдь и у счастливыхъ бываютъ тѣни, неопредѣленныя, смутныя желанія чего-то бóльшаго.... Ah, ce petit m'obsède! прошептала она, завидя опять прапорщика, который тосковалъ, не танцуя.

— Вы ему обѣщали и приказали ждать.

— Ахъ, какъ вы строги! я это запомню, сказала она, вставая. — Надо его удовлетворить. Я сегодня жертвую собой: сказала, что танцую со всѣми безъ исключеній; la grande armée этимъ пользуется. А это—вы узнаете? маленькій пѣвецъ. Ахъ, но въ самомъ дѣлѣ... Богъ знаетъ гдѣ вы,—ничего не помните. Я разъясню это, подождите.

Она сдѣлала знакъ прапорщику.

— Но только одинъ туръ, до этого мѣста.

Верховской подошелъ къ знакомымъ, поговорилъ съ военными, обошелъ залу, смотрѣлъ балъ. Наряды были красивы, даже изящны; много хорошенькихъ, оживленныхъ лицъ, откровенно веселыхъ, свѣжихъ безъ прикрасъ, что встрѣчается только въ провинціи. Тутъ былъ весь городъ. M-me Волкарева, разсылая приглашенія, не ограничилась однимъ кружкомъ своихъ избранныхъ. Тутъ было и то, чтò она называла le demi-monde, то-есть, семейства чиновниковъ и другихъ незначительныхъ или небогатыхъ людей. Съ этими дамами больше и танцовали армейцы. Это общество, совершенно незнакомое Верховскому, показалось ему очень оживлено и занимательно своей оригинальностью. Тамъ отличался господинъ Духановъ. Маленькій дѣлецъ былъ весь въ обновкахъ, завитъ, раздушенъ, распомаженъ, раскраснѣлся отъ непривычнаго движенія и усилій казаться свѣтскимъ человѣкомъ, польнировалъ не оставляя своей шляпы, изъ которой висѣлъ кончикъ фуляра, бросалъ украдкой безпокойные взгляды на свои перчатки и, удостовѣрясь въ ихъ цѣлости, оглядывался кругомъ съ сознаніемъ своего превосходства. Онъ тоже съ нѣкоторымъ снисходительнымъ пренебреженіемъ относился къ военнымъ, но отваживался дѣлать это до чина поручика; выше — онъ былъ уже любезенъ, предупредителенъ, подводилъ къ дамамъ, знакомилъ, шутилъ, ободрительно смѣялся, раскачиваясь и откидывая назадъ головку; онъ былъ какъ дома и покровительно, хозяйски-нецеремонно похлопывалъ по плечу молодыхъ прапорщиковъ. Верховской даже остановился полюбоваться на него, подумавъ, что m-me Волкарева будетъ довольна такой дѣятельностью и назоветъ Духанова une grande utilité, своимъ помощникомъ въ великомъ дѣлѣ пробужденія общества.... Вотъ, было-бы несрав-

венно, еслибъ этотъ помощникъ позвалъ ее танцовать, благо она сегодня всѣмъ доступна....

«Высшій» кружокъ замѣтно отдалялся отъ чиновничьяго и даже танцовалъ отдѣльно, въ концѣ залы, у бесѣдки. Эта «аристократія» напоминала Петербургъ роскошью нарядовъ и нѣсколько принужденной неподвижностью. Здѣсь было скучнѣе, но Верховскому пришлось къ ней присоединиться: у него только тамъ были знакомые....

Пары опять становились въ кадриль. Верховской отошелъ и сѣлъ, ужъ порядочно усталый и отъ движенія, и отъ музыки, и отъ удовольствія, въ которомъ не участвовалъ. Въ глазахъ зарябило. Всѣ были заняты, онъ одинъ безъ дѣла. Конечно, это случалось не въ первый разъ, но — тѣмъ хуже. Ему стало завидно. Ему хотѣлось веселиться. Онъ вспомнилъ, что много пропустилъ веселья.... ну, а жаловаться глупо, жалѣть — поздно.... Почему же поздно? Почему не попробовать воспользоваться жизнью? Онъ сталъ слушать, что говорилось кругомъ, учиться, какъ люди дѣлаютъ себѣ веселье. Наука не мудреная: все пустыя слова.. Но вѣдь эти люди живые; можетъ быть, эти слова, которыхъ такъ много говорится, полны смысла для тѣхъ, кому говорятся?... Сколько хорошенькихъ женщинъ! какъ веселы, какъ игривы, — какъ съ ними весело....

— Но я завидую какъ мальчишка, подумалъ Верховской, впрочемъ, не имѣя силы осудить себя серьезно, а напротивъ, даже улыбаясь:—никто и ничто не мѣшаетъ мнѣ развернуться свѣтскимъ любезникомъ передъ любой хорошенькой женщиной, если у самого достанетъ охоты переливать изъ пустого въ порожнее.... И кто знаетъ,—можно надѣяться на успѣхъ! о глупость!... А резонство, не еще ли глупѣе?... Всѣ женщины одно и тоже. Однимъ заблужденіемъ больше или меньше, однимъ счастьемъ больше или меньше.... Однако, если меньше,—то почему же и не больше?...

— M-r Верховской! раздался близко него пріятный, свѣжій голосъ.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стояла молодая женщина, брюнетка съ яркими глазами, яркимъ румянцемъ, съ пышными плечами, вся въ цвѣтахъ, вся улыбающаяся,—m-me Горнова, жена одного изъ N—скихъ предсѣдателей палатъ. M-me Волкарева, вздыхая, говорила, что это отчаянная кокетка, но ради ея мужа нельзя не принимать ее. Верховской видалъ ее и прежде, но еще никогда она не казалась ему такъ хороша. Это было олицетворенное веселье. Кокетка не боялась сравненія, но еще вызывала его: она была подъ-руку съ дѣвушкой еще моложе и та-

кой-же хорошенькой, только, для контраста, выбрала блондинку.

— M-r Верховской, повторила она, наклоняясь къ нему и съ усмѣшкой глядя ему въ лицо: — кто задумывается, того спрашиваютъ: гдѣ вы?

— И тотъ всегда отвѣчаетъ: здѣсь! отвѣчалъ онъ.

— Да. Потому я и пришла спросить: очень-ли мы кажемся забавны для серьезнаго наблюдателя?

— А самъ наблюдатель — очень забавенъ? спросилъ онъ.

— Отвѣтъ за вами! возразила она.

Онъ настаивалъ. Черезъ минуту, самъ не зная какъ это случилось, онъ перекидывался съ нею шутками, смѣхомъ, любезностями. Она, точно, была кокетлива, но въ мѣру, ровно сколько было нужно, чтобъ одушевить свою красоту; она увлекала въ разговоръ и свою подругу, и это было не пошлое женское коварство — блеснуть промахами другой женщины: она просто, съ добротой доставляла молодой дѣвушкѣ удовольствіе быть нѣсколько свободнѣе и мило выказаться; она не боялась соперничества и не требовала вниманія исключительно для одной себя. Она была остроумна и изящна; ея маленькія злости сверкали какъ тонкія иголки, но въ нихъ была своя граціозная мѣра снисходительности или ловкаго пренебреженія. Въ ея пустомъ, незначащемъ разговорѣ чувствовалась образованность. Она увлекала, очаровывала. Верховской не замѣтилъ, какъ прошла кадриль, началась другая; какъ молоденькую дѣвушку отозвала ея маменька, вѣроятно, находя, что бесѣда слишкомъ долга; какъ m-me Горнова отказала подходившему кавалеру. Верховской не обратилъ вниманія даже на m-me Волкареву, которая опустилась подлѣ него на стулъ, въ изящномъ утомленіи. M-me Горнова замѣтила это сосѣдство и стала какъ-то еще живѣе и милѣе. О чемъ говорилось, Верховской не пересказалъ бы самъ, еслибъ его спросили. Онъ жилъ забывшись, въ какомъ то жаркомъ туманѣ; онъ въ первый разъ испытывалъ молодую тревогу чувствъ и разсудка, живую тревогу, извѣстную ему, тридцатилѣтнему, только по романамъ; онъ увлекался и граціозно скользящей рѣчью, и пышной красотой, которая была такъ близко.

— Vous opérez des miracles, сказала, не вытерпѣвъ, молодой женщинѣ m-me Волкарева.

— Чудеса? какія? спросила та, притворяясь, будто оторопѣла.

— Спросите m-r Верховскаго.

M-me Горнова обратила взглядъ на него.

— Виноватъ, сказалъ онъ: — я или слѣпъ или ненаходчивъ....

— Да, вы виноваты, потому что неблагодарны, продолжала

m-me Волкарева, колко и вмѣстѣ томно. — Такъ я вамъ объясню, chère madame Горновъ. Являясь сюда, m-r Верховской былъ мраченъ какъ грозовое небо, а вы съумѣли разсѣять его печаль....

— Очень жалѣю, если такъ случилось, прервала холодно m-me Горнова. Печали можно оставлять дома.

— Но m-r Верховской оставилъ дома всѣ свои радости! продолжала нѣжно-лукаво m-me Волкарева. Не правда-ли, еслибъ ваша жена была на этомъ праздникѣ.... Вы понимаете это, ma bonne, у васъ тоже есть мужъ, малютка....

M-me Горнова взглянула на Верховского какъ-то бѣгло, безъ всякаго выраженія, и встала. Недалеко стоялъ, задумавшись, красивый офицеръ; она подошла къ нему и заговорила.

— Мотылекъ! продолжала m-me Волкарева, слѣдя за нею глазами: — кто это? Да, Цѣховичъ! онъ ей представленъ.... Рѣдкая способность у этой молодой женщины.... Но онъ долженъ быть несчастенъ; кто знаетъ, сколько скрытаго.... Ахъ, вы невообразите, m-r Верховской, сколько мнѣ заботъ съ ними! Мнѣ представляли, право, весь полкъ. А теперь ихъ тамъ двойной комплектъ. Но этого мало. При полку нашлись дамы, офицерши.... Mais, de grâce, n'éclatez pas de rire!... Надо было знакомиться съ этими офицершами. Одна — молодая майорша; чтб только можете представить румянѣе и глупѣе; недавно сочеталась бракомъ; мужъ доставитъ ее по дорогѣ къ роднымъ. Другая — что-то въ родѣ штабс-капитанши, поручицы, сухая, скучная, — и не можетъ разстаться съ своимъ супругомъ, слѣдуетъ за нимъ въ обозѣ. Представьте, я имъ визитъ дѣлала! Надо же и ихъ на балъ. У майорши все разомъ поспѣло; посмотрите, вотъ она, въ пунцовомъ тарлатанѣ. Но другая, — надо было уламывать: не хочетъ на балъ, и только! Чтò-жъ бы это было, скажите? Чтобы подумали обо мнѣ, о хозяйкѣ, когда это, можно сказать, *ихъ* балъ? Я умоляла. Отговорка — нѣтъ платья. Ахъ, Боже мой, сдѣлайте! Pas d'argent. Наконецъ, слава Богу, разрѣшилось тѣмъ, что нашлось у нея какое-то двуличневое, закрытое, длинные рукава. Я ужъ не стала спорить, послала ей свою куафюру. И ту.... счастье, что я успѣла оправить на ней.... M-r Верховской, вы не видали куафюръ, надѣтыхъ задомъ на передъ?

Она могла бы говорить сколько хотѣла. Верховской смотрѣлъ передъ собой и ничего не слышалъ. Съ той минуты, какъ ему бросили напоминаніе того, что онъ оставилъ дома; съ той минуты, какъ среди незнакомаго замелькало ужъ слишкомъ знакомое, какъ вмѣсто лица заманчивой молодой женщины померещилась ему Лидія Матвѣевна, — съ той минуты для него не стало

ни бала, ничего кругомъ. Онъ только-что вздохнулъ свободнѣе, только-что въ первый разъ былъ молодъ; напомнили кто онъ— и все живое отъ него сторонится. Точно вокругъ него что-то сдвинулось, затворилось, замкнулось, безъ выхода, безъ пространства, безъ воздуха; холодъ, отчужденіе, мракъ. Точно его посхимили, замуровали.... мертвый, и ничего ему больше не нужно! Все другимъ—свѣтъ, веселье, любовь; имъ нужно, они живые, а ему, мертвому, на чтó эти блага? У него ужъ есть свое, лучшее, высшее,—цѣлый рай духовный, чувственный, всякій....

Только свѣтская привычка помогла ему удержаться отъ невольнаго, порывнаго движенія....

— Mais, qu'avez-vous donc? вскричала, наконецъ прерываясь, m-me Волкарева: — Dieu, comme vous êtes pâle....

— Голова болитъ, отвѣчалъ онъ.

— Это отъ грозы. Воздухъ полонъ электричества. И во всѣхъ отношеніяхъ, notre horizon est gros d'orages. Вы принимаете все къ сердцу; для нервной натуры....

— А, чортъ тебя возьми; еще скажетъ — интересничаю..., подумалъ онъ и всталъ.

— Вы уѣзжаете?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ, чтобъ избавиться отъ уговоровъ остаться и зная, что она смотритъ ему вслѣдъ, не пошелъ прямо къ выходной двери....

Но онъ остановился, дойдя до этой двери; можно было уйти незамѣтно, а онъ остановился. Его смутило что-то странное. Ему было стыдно,—ложнымъ стыдомъ передъ самимъ собою, стыдно своего чувства: ему было жаль оставить праздникъ, горько, какъ-будто онъ все терялъ въ немъ, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, выйдя изъ этой залы, онъ хоронился за-живо.... Странность, мелочность, ребячество, — но непобѣдимое. Одну минуту, ну, только одну минуту, чтобъ было хоть чѣмъ помянуть молодость....

— А, дорогой Андрей Васильевичъ!

Это былъ Волкаревъ.

— Неправда-ли, une fête charmante? я оставилъ на минуту партію, взглянуть. Знаете, кто только зритель бала, тому лучше смотрѣть съ промежутками: физіономіи мѣняются. Но вы не простой зритель: on vous a vu aux pieds de la belle madame Горновъ. Вы не боитесь, что донесутъ на васъ, кому слѣдуетъ?

Верховской что-то отвѣчалъ и, должно быть, впопадъ, потому что игривый губернаторъ точно чему обрадовался, смѣялся, щебеталъ, каламбурилъ и отправился самъ въ дамскій кружокъ, въ ожиданіи, когда ему опять составится партія. Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ вернулся и зашепталъ таинственно:

— Ma femme a eu une heureuse idée; надо же намъ какъ-нибудь отблагодарить за этотъ праздникъ. Мы, тамъ, составили небольшую подписку.... такъ, завтра угостить музыкантовъ нижнихъ чиновъ. Ce sera une attention. Такое время.... Все-таки это наша сила, милый Андрей Васильевичъ, что ни говорите! Вы не застали, что тутъ произошло? Народный гимнъ? Des larmes, mon cher, des larmes dans tous ces beaux yeux!... Вы подпишетесь? это тамъ, вамъ укажутъ.... Pardon!

Онъ поспѣшилъ къ проходившей m-me Горновой.

— Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ раздражаюсь отъ дурной погоды...., подумалъ со злостью Верховской, выходя изъ залы въ другія комнаты.

Машинально, не останавливаясь, кланяясь издали знакомымъ, обмѣниваясь по слову съ встрѣчными, онъ дошелъ до небольшой, прохладной, полутемной гостиной; музыка достигала туда уже слабо; тамъ была покойная мягкая мебель между зеленью и для дамъ приготовлены карточные столы. Но охотницъ играть не нашлось. У одного стола сидѣли дѣвушки, молодые люди, ѣли мороженое, чертили по столу вензеля мѣломъ, разговаривали, приходили и уходили. Свѣчей было не много; въ спущенныя оконныя драпировки мерцалъ разсвѣтъ. Верховской посмотрѣлъ на часы: было два. Ему не хотѣлось уходить и хотѣлось отдохнуть. Онъ присѣлъ на диванчикъ въ углу и тутъ-же подумалъ, что останется не долго; уединяться смѣшно, не разыгрывать-же глупую печальную фигуру: печали оставляются дома....

— А какое злое слово! подумалъ онъ вслѣдъ затѣмъ, какъ повторилъ его мысленно. Въ шутку или не въ шутку,—а ничего другого сказать не умѣютъ. И въ томъ все веселье. Наука не мудреная. Вотъ, молодежь, эти тоже учатся или ужъ веселятся....

Онъ вслушивался въ разговоръ тупо, машинально. Этотъ говоръ шумѣлъ у него въ ушахъ какъ лихорадка.

— Какая пошлость! все то же! Неужели люди могутъ этимъ жить, довольствоваться, могутъ такъ тратиться?...

Онъ вспомнилъ, что полчаса назадъ также тратился, довольствовался той же ничтожностью, и мучился, негодовалъ, что она отнялась. Что-же это? Неужели безобразная ломка цѣлой жизни отъучила отъ способности чувствовать? Такъ-ли ужъ все истлѣло въ душѣ, что нечему и вспыхнуть въ ней настоящимъ, жгучимъ, а не болотнымъ огнемъ? Теперь, отчего же такъ тяжело, чего-же еще хочется?... Это не тоска по ничтожности, нѣтъ. Въ нѣсколько минутъ эта ничтожность извѣдана до конца и ея больше не нужно. Нужно другое. Вѣдь бываетъ счастье. Молодость знаетъ его. Счастье положить всю душу въ одно желаніе, за-

мирать, безумѣть отъ одного взгляда, отъ одного слова.... Это не фантазія. Люди такъ жили и живутъ. Гдѣ и какъ они встрѣчаются? что̀ говорятъ другъ другу? Какъ это бываетъ?...

— Такъ васъ это не удивляетъ, mademoiselle Ольга? спрашивалъ молодой человѣкъ одну изъ дѣвушекъ.

— Нисколько. Что̀-жъ удивительнаго? Вотъ Nadine говоритъ то же.

— Это только долгъ, прибавила другая.

— Вы не находите въ этомъ самопожертвованія?

— Ахъ, m-r Аницкій, какія громкія слова! вскричала дѣвица, ребячливо притворяясь испуганною.

— Это такъ просто, m-r Аницкій, такъ натурально....

— M-r Аницкій, это обязанность всякой женщины....

— Но если и «просто», и «натурально», и «обязанность»,— почему-же эта дама—единственный примѣръ....

— Кто и чему единственный примѣръ? спросилъ, подходя, Лѣсичевъ.

— Говоримъ объ этой госпожѣ, что идетъ за полкомъ.

— А, офицерша, la Dame-Raisin-sec....

— Ахъ, m-r Лѣсичевъ, вы злы! вскричала съ радостію Надина.

— Нѣтъ, возразила Ольга: — дѣло не въ томъ, qu'elle est ridicule, но въ ея поступкѣ нѣтъ самоотверженія.

— И я говорю, что нѣтъ, подтвердилъ Лѣсичевъ.

— Видите, видите, m-r Аницкій? Victoire!

— Погодите торжествовать, mesdames, прервалъ Лѣсичевъ:— тутъ кое-что побольше самоотверженія.

— Еще побольше? Это любопытно!

— Что̀-жъ такое?

— Любовь.

Дѣвицы на секунду замолкли, прилично сконфуженныя.

— Сознайтесь, что это рѣдкость! вскричалъ Аницкій:—и въ такомъ случаѣ и я соглашусь: это не самопожертвованіе. Гдѣ любовь, тамъ нѣтъ никакихъ жертвъ, тамъ все легко, все свободно, все отдается безъ оглядки....

— M-r Аницкій, je ne vous comprends pas, прервала съ достоинствомъ Ольга.

— Говорится о любви супружеской! пояснилъ Лѣсичевъ.

— А, въ такомъ случаѣ, я согласна....

— Согласны? прервалъ Лѣсичевъ: — согласны и признаете, что поступокъ рѣдкій, достойный удивленія, и что на такую любовь вы не способны?

— Я, m-r Лѣсичевъ? вскричала она съ негодованіемъ.

— То-есть, большинство женщинъ, подсказалъ Аницкій.

— Нѣтъ, вы, лично, собственно, вы! настаивалъ, забавляясь, Лѣсичевъ.

— Я не могу судить о томъ, что мнѣ неизвѣстно.

— Какъ-нибудь, постарайтесь.

— Для того, чтобъ понять такія необыкновенныя чувства, нужно пользоваться обществомъ этихъ героинь....

— То-есть, любящихъ женщинъ.

— C'est comme vous voulez....

— Нужно посмотрѣть, какъ онѣ любятъ, сказалъ Аницкій.

— Нѣтъ, не посмотрѣть, а поучиться любить! прибавилъ Лѣсичевъ.

— Oh, merci! вскричала, вспыхнувъ, Ольга:—я предоставляю это другимъ!

— Но если и другія также презрительно откажутся...., сказалъ онъ, дѣлая смиренную мину и смѣясь.

— Можетъ быть, и найдутся желающія, возразила Ольга.

— Спросите Catherine! вступилась Надина, желая намекнуть, уколоть, отмстить, или, просто, соскучась молчать.

— Ахъ, да, спросите mademoiselle Catherine! подтвердила разгнѣванная Ольга и колко засмѣялась. — Mademoiselle Catherine цѣлый вечеръ подъ-руку съ madame Raisin-sec. Та, конечно, открыла ей всѣ свои чувства....

— Можетъ быть, онѣ даже размѣнялись откровенностями, прибавила Надина: — mademoiselle Catherine что-то очень много ей разсказывала, очень жарко...

— Вотъ-бы, messieurs, теперь овладѣть откровенностью офицерши! сказала, смѣясь, Ольга.

— Зачѣмъ? спросилъ Аницкій.

— Она — повѣренная m-lle Catherine. Впрочемъ, васъ, m-r Аницкій, это, можетъ быть, и не интересуетъ, но, вотъ m-r Лѣсичевъ.... Voyons, m-r Лѣсичевъ, руку на сердце, — чтó вы чувствуете?

— На чтò вамъ мои чувства? Вѣдь вы не хотите учиться любить, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Ахъ, ахъ, чтó это? Une déclaration?

— Можете оставаться совершенно равнодушны: я не имѣю намѣренія васъ безпокоить.

— Ah, mais c'est impayable, ce que vous dites-là, m-r Лѣсичевъ!...

— Нѣтъ, пора домой, сказалъ себѣ Верховской, еще не оставившій мѣста въ своемъ углу. — Не легче оттого, что позавидовать некому....

Вдругъ громко раздалась музыка; послѣ довольно долгаго промежутка и среди тишины, она даже заставила вздрогнуть....

— Ахъ, вальсъ! зашумѣли дѣвицы и разбѣжались.

Лѣсичевъ и Аницкій уходили тоже.

— Господа, позвольте, остановилъ ихъ чиновникъ Ѳедоровъ:— слава Богу, нашелъ васъ! Угодно подписаться?

Онъ вынималъ изъ кармана листъ бумаги.

— Знаемъ, батюшка, знаемъ, прервалъ Лѣсичевъ. Увольте. Завтра, на дому.

— Чтó это? спросилъ Аницкій.

— Угощеніе военнымъ. До завтра, любезнѣйшій. И что за фарсъ—подписка! Вѣдь ужъ извѣстно—откупщикъ расплатится. И хоть-бы какъ-нибудь поразнообразили. Я предлагалъ, чтобъ этотъ пѣвунъ прапорщикъ взялъ свою каску и обошелъ кругомъ залы: «Малютка, шлемъ нося....»

Одна изъ проходящихъ дѣвушекъ оглянулась. Лѣсичевъ тоже.

— До завтра, милѣйшій.... Mademoiselle, un seul tour....

— Извините, я устала, отвѣчала она, идя къ столу, гдѣ m-lle Ольга осталась, предпочитая, вмѣсто вальса, еще завести споръ съ другимъ молодымъ человѣкомъ. Лѣсичевъ хотѣлъ-было туда-же, но увидѣлъ это óбщество и не пошелъ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте напомнить: вы обѣщали мнѣ мазурку.

— Помню. До тѣхъ поръ еще далеко.

— Я потороплю.

Лѣсичевъ ушелъ въ залу. Эта встрѣча и разговоръ происходили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Верховскаго. Онъ вспомнилъ, что Лѣсичевъ ему чтó-то говорилъ. Дѣвушка только промелькнула передъ нимъ. Ему показалось, что онъ гдѣ-то ее видѣлъ, но только не здѣсь, не въ N; можетъ-быть, въ Петербургѣ, но и тамъ не между знакомыми. Ему хотѣлось разсмотрѣть ее получше, но она, какъ нарочно, сѣла между огнемъ и голубымъ утреннимъ свѣтомъ, облокотилась на столъ и прикрыла глаза рукой отъ свѣчей. На ней было бѣлое платье и вѣнокъ изъ живого плюща. Голова казалась велика отъ необыкновеннаго множества черныхъ волосъ. Склонъ этой головы, кудрявый затылокъ, блѣдно-смуглыя плечи, стройность всего общаго очерка.... Верховской все спрашивалъ себя, гдѣ онъ прежде это видѣлъ. Онъ не могъ отвести глазъ отъ локтя, отражавшагося въ полированный столъ. Она приняла руку отъ лица. Крупный и вмѣстѣ тонкій профиль, очерченный огнемъ, смѣлыя, широкія брови, невысокій лобъ и надъ нимъ эти пышныя волосы.... Вдругъ она взглянула прямо. Верховской поднялся на своемъ мѣстѣ.

— Почиваете, Catherine? спросила m-lle Ольга.

— Устала, повторила она:—почти сплю.

— Стало быть, и не слышите? Говорится о васъ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Что такое?

— То-есть, нѣсколько коснулось васъ, вступилась Ольга. m-r Гадалинъ утверждаетъ, что удовольствіе можетъ наскучить, и потому надо брать его рѣже. Изъ этого.... ужъ не знаю какъ вышло, но онъ сказалъ....

— Нѣтъ, это вы сказали, прервалъ молодой человѣкъ.

— Вы, я, c'est la même chose! Было сказано, что люди должны показываться въ свѣтъ рѣже, чтобъ не соскучиться....

— Но это выходитъ одно и тоже! прервалъ опять Гадалинъ: вы сбиваетесь.

— Ахъ, я не сбиваюсь.... ну, не знаю; какъ-же вы сказали?

— Нѣтъ, вы сказали, что многіе являются въ общество рѣдко, изъ разсчета, чтобъ не наскучить своимъ присутствіемъ....

— Ахъ, нѣтъ....

— И предложили спросить, вотъ, mademoiselle....

— Ахъ, нѣтъ.... Повѣрьте, Catherine, я не говорила такой злости!

— Какая-жъ это злость? возразила спокойно Catherine: — Это правда.

— Ахъ, Catherine.... Но, pardon! Это ужъ кокетство: вы разсчитываете не дать къ себѣ привыкнуть, разсчитываете всегда производить впечатлѣніе....

— Не знаю, какъ вы это объясняете. Я знаю, что со мной скучно, потому что мнѣ самой скучно.

— Ахъ, Catherine, чтó вы!

— Взаимное.... договорила она, опять крѣпко зажимая руками глаза. Однако, я смертельно спать хочу.

— Это замѣтно, сказала Ольга, съ усмѣшкой кивнувъ на нее молодому человѣку. Вы, кажется, зѣваете, Dieu me pardonne! Какъ-бы вамъ помочь, продолжала она, смѣясь: m-r Гадалинъ постарался бы найти вашу карету....

— Меня привезла съ собой m-me Волкарева и безъ нея я уѣхать не могу.

— А она, конечно, уѣдетъ послѣдняя. Вотъ, люди не цѣнятъ того, чтó имъ дается! А моя мамаша какъ-разъ захочетъ почивать и уѣдетъ отъ мазурки.... Боже, пошли, чтобъ у Нины былъ кавалеръ, тогда мамаша останется! Не за себя, за сестру молюсь! Вы знаете, m-r Гадалинъ, моей сестрѣ Нинѣ никогда

нѣтъ ни въ чемъ отказа; я одна такая несчастная.... А вы счастливы, Catherine?

— Чтó?... спросила та.

— Ah, ma chère, vous n'êtes plus de ce monde! А знаете, чтó на васъ навело такой сонъ? Вѣроятно, m-me Волкарева, какъ хозяйка, поручила вамъ, — вы все занимали эту полковую даму, а вѣдь это — странствующій сонъ.... m-r Гадалинъ, le Sommeil errant!

— На всемъ этомъ балѣ, она одна живой человѣкъ, сказала Catherine, вставая вдругъ, будто желая себя разбудить, и даже нѣсколько выпрямляясь. Всѣ кружатся, веселятся, не знаютъ чему; несчастные эти военные на свои послѣднія деньги пляшутъ передъ смертью; наши добрые люди у нихъ же угощаются и надъ ними же хохочутъ. Неужели думаютъ, что никто этого не понялъ и не обидѣлся?

— О, какъ вы это принимаете, Catherine! Право, не знаешь чтò сказать....

— Въ ихъ пользу тоже составляется подписка, замѣтилъ Гадалинъ: — какъ въ Петербургѣ....

— Да, прервала она, отходя: — слышала. Танцовали тамъ, въ пользу убитыхъ.

— Позвольте, Catherine, заговорила ей вслѣдъ Ольга, собравшись съ мыслями и дѣлая знаки своему поклоннику — позвольте, но какъ же сами вы пріѣхали....

— Привезли меня, отвѣчала она, не оглядываясь.

Лѣсичевъ бѣжалъ ей на встрѣчу.

— Сейчасъ начинаютъ, сказалъ онъ.

— Хорошо, отвѣчала она и вышла.

— Кто это? спросилъ Верховской, останавливая Лѣсичева.

— А, вы здѣсь.... Это? M-lle Багрянская, дочь предсѣдателя.

— Та, что вы мнѣ говорили?

— Я вамъ говорилъ?... Ахъ, дá! Она. Вамъ нравится?

— Хороша.

— Нѣтъ, право?... Ну, творите же теплую молитву: сейчасъ, въ мазуркѣ, у насъ все рѣшится.... Такъ хороша? За то, подойду и вамъ скажу въ тотъ же мигъ....

— Поздно. Я не дождусь, возразилъ Верховской.

— Да нельзя, въ залѣ заперли двери.

— Нѣтъ-ли бокового выхода?

— Чтó вы? Ужинъ славный. Христолюбивое воинство всѣмъ радо стараться....

— Я спать хочу.

— Э, какой вы, право! Такъ идите, вотъ туда, вамъ укажутъ. Утромъ явлюсь къ вамъ съ докладомъ.... Ай, начинаютъ!

Онъ убѣжалъ. Въ залѣ загремѣла веселая, страстная, грозная мазурка изъ «Жизни за царя». M-lle Ольга шла съ Гадалинымъ и не умолкала.

— Тоже чета влюбленныхъ.... подумалъ Верховской, давая ей дорогу.

Черезъ пустыя комнаты, онъ достигъ выхода.

На дворѣ было ужъ свѣтло. Послѣ духоты и копоти какъ-то пріятно пробирала утренняя сырость; послѣ туманныхъ красныхъ огней, глазамъ было и больно и хорошо отъ ровнаго, тихаго свѣта. День вставалъ великолѣпный. Мелкая трава на выгонѣ еще не поднялась, вся темная; блѣдныя, длинныя пряди ржи наклонялись тяжело, пышно, будто стеклянныя подъ тусклой росою; въ кустахъ что-то просыпалось, вѣтки вздрагивали; на розовомъ небѣ вспыхнула и исчезла крупная бѣлая звѣзда, и вслѣдъ затѣмъ вдругъ все заиграло и засвѣтилось; по землѣ побѣжали лучи, откуда-то взялись тѣни; городскія строенія забѣлѣли ярче, кресты заблестѣли.

Извощикъ Верховского снялъ шляпу и перекрестился.

— Слава тебѣ, Господи, никакъ заутреня. А что, баринъ, тамъ не скоро еще кончится?

— Нѣтъ еще, не скоро, отвѣчалъ Верховской,—а вы соскучились?

— Привыкли ужъ къ этому. Зимой труднѣе бываетъ; особенно, если когда дѣло есть свое, — и не справишься. Вотъ, мнѣ, теперь, почти что домой и ѣхать не придется.

— А тебѣ куда домой?

— Въ слободу. Мы слободскіе, казенные.

— Развѣ есть въ городѣ дѣло?

— Да вотъ какое, баринъ....

Онъ повернулся на козлахъ и пустилъ лошадь шагомъ. Исторія была самая обыкновенная. Рекрутство. За ихъ семьей очередь, ихъ три брата, но одинъ недавно умеръ, другой пошелъ на заработки по билету и безъ вѣсти пропалъ, а у этого на рукахъ слѣпой отецъ, молодая жена, куча ребятъ, изъ которыхъ старшій пятилѣтній, да вдова брата тоже съ ребятами. Охотника за себя въ войну найти трудно, но и нанять не на что. Бѣдность; еще не поправились послѣ пожара, земли мало, повинности платятся съ четырехъ душъ, все имущество — пара

лошадей, а работникъ — одинъ, и если онъ уйдетъ, семья пропала....

— Вамъ веселье, господамъ, а тутъ ночь передумаешь. Вотъ, что Господь дастъ. Велѣлъ онъ мнѣ нынче придти.

— Кто велѣлъ?

— Управляющій нашъ, Николай Степановичъ. Я у него ужъ былъ. Онъ велѣлъ себѣ просьбу подать, прописать все это, а сегодня приказалъ пораньше навѣдаться.

— Это Багрянскій, вашъ управляющій?

— Багрянскій.

— Говорятъ, онъ крутъ?

— Кто его знаетъ. До нашего брата — ничего. Денегъ, тоже, или чего другого, не беретъ. Экипажа своего не держитъ, пѣшкомъ ходитъ, а если въ дождикъ возьметъ пролетку, сейчасъ расплатится. Смѣется. Я, говоритъ, знаю, что вы, какъ нашего чиновника завидите, такъ по лошади, и ускачете.... Оно точно, потому что эти палатскіе норовятъ съ насъ, казенныхъ, хоть чѣмъ ни есть взять. А онъ провѣдаетъ — такъ-то ихъ катаетъ, Боже упаси!

Онъ засмѣялся съ добродушной злобой бѣдняка, который все-таки радуется торжеству своей стороны, хотя самъ, забитый, въ торжествѣ не участвуетъ.

— Гдѣ же это онъ катаетъ чиновниковъ, спросилъ Верховской—неужели въ палатѣ?

— Гдѣ случится. Сказываютъ, и въ палатѣ. На дому у себя чаще.

— И что жъ, не берутъ?

— Ну!

— Такъ онъ принимаетъ.... то-есть, сказывается дома когда-нибудь? Я слышалъ, къ нему не попадешь, сказалъ Верховской.

— Всякій день кто хочетъ приходи утромъ, съ самой ранней обѣдни и до десяти часовъ, а тамъ онъ уйдетъ въ палату. Господа къ нему и не ѣздятъ, потому — рано.

— Гдѣ его квартира? спросилъ Верховской.

— У него свой домъ, вотъ, въ томъ переулкѣ. Нельзя сказать, небогато живетъ.

— Семья у него?

— Вдовый. Одна дочка.

— Послушай, сказалъ Верховской, сходя у подъѣзда гостинницы,—ты зайди сказать, чѣмъ рѣшится твое дѣло.

Онъ усталъ знакомой, свѣтской, апатичной усталостью, для которой нѣтъ облегченія и во снѣ. Вчерашнее грезится человѣку, и съ первой же минуты пробужденія живая память вче-

рашняго дня бросаетъ человѣка во все вчерашнее. А это *все* было отрывочныя получувства, полувпечатлѣнія, безпокоившія безъ сердечной заботы, занимавшія безъ сознанія. И осадокъ всего, эта утренняя оглядка, такъ скучна, такъ противна, такъ туманитъ нравственно, разбиваетъ физически, что — одно средство, броситься, очертя голову, опять въ то же, чтобъ опять забыться до вечера....

— Это съ ума сойдешь! сказалъ громко Верховской, поднимаясь на постели. Да хоть бы дворъ у меня сгорѣлъ, хоть бы въ рекруты меня отдавали, хоть бы любилъ я кого-нибудь....

Онъ позвонилъ, спросилъ чаю спросилъ одѣться, и, вдругъ, вспомнивъ, спросилъ, не пріѣзжалъ ли Лѣсичевъ.

— Еще слишкомъ рано.., заявилъ лакей съ почтительнымъ недоумѣніемъ.

Верховской взглянулъ на часы: было только восемь. Какая-то тревога прогнала сонъ, какой-то стыдъ мѣшалъ постараться заснуть насильно. Добрые люди за дѣломъ. Багрянскій, тотъ даже, говорятъ, отъ раннихъ обѣдень. Вѣрно не былъ на балѣ. Какъ же его дочка выѣзжаетъ съ губернаторшей, когда губернаторъ клянетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ? Чета эти Волкаревы!... Теперь покоятся: свершили подвигъ. И весь городъ покоится. Можно, стало быть, уйти на бульваръ и никого не встрѣтить....

III.

Въ домѣ Багрянскаго, въ сѣняхъ и тѣсной прихожей набралось много народу; тамъ, правда, были скамейки, что облегчало ожиданіе, но ждать приходилось долго: управляющій имѣлъ обыкновеніе призывать просителей по очереди въ свой кабинетъ. Кабинетъ былъ прямо изъ прихожей и тоже не просторный. За тростниковой ширмой виднѣлась низенькая постель, закинутая шерстянымъ вязанымъ одѣяломъ; по срединѣ комнаты былъ письменный столъ, очень простой, заваленный бумагами; по стѣнамъ — этажерка, также заваленная бумагами и книгами; шкафъ съ платьемъ; въ углу большой образъ Спасителя, безъ оклада, и передъ нимъ висячая лампадка. Ея огонекъ мерцалъ сквозь голубую чашку; два окна на улицу, въ которые солнце не входило, были закрыты сторами.

Утра ужъ прошло довольно, просители начинали убывать. Багрянскій занимался почти не садясь на мѣсто и расхаживалъ на маленькомъ пространствѣ. Это былъ высокій старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, сложенный здорово, хотя согнувшіяся худыя лопатки обозначались бѣлыми полосами на спинѣ его толстаго

пальто. Онъ ходилъ заложивъ руки въ карманы, потупя голову и какъ-то быстро и повелительно вскидывая ее, когда взглядывалъ на говорившаго просителя. Онъ выслушивалъ молча, спрашивалъ односложно, подходилъ къ столу и также односложно и неразборчиво записывалъ карандашомъ. Говоря, онъ останавливался передъ просителемъ и смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Его голосъ былъ отчетливъ и рѣзокъ. Было замѣтно, что онъ усталъ, но онъ толковалъ также терпѣливо, какъ выслушивалъ, настойчиво, повторяясь, точно не вѣря, чтобъ его могли понять сразу; его слушали не дыша, не смѣя взглянуть.

— Радъ я буду до-смерти, когда вы въ конецъ разоритесь, сказалъ онъ двумъ однодворцамъ, которые только-что окончили свои разсказы. Сколько вамъ ни тягаться! Разъ навсегда вамъ приказано: не смѣть начинать тяжбы, не сказавшись окружному....

— Да вѣдь, какъ же, намъ убытки....

— Нѣтъ, не убытки, а, вотъ, «роду своего дворянскаго не покорю!» Однодворцы вы, какже, не мужики. За одной стойкой съ мужикомъ перепьетесь, а проспались—вломились въ обиду и на мужика просьбу, и чего не приплетете....

— Ты, ваше высокородіе, изволь разсудить....

— Ничего я не изволю! Все чепуха, слышалъ! Пошли судиться, ну, и судитесь. Изъ-за козы дѣло началось, годъ тянется; — вы, говорите, ужъ свою кубышку почали! Ну, вы и землю вашу протянете, что «отъ предковъ» у васъ. Надоѣло вамъ, что кусокъ хлѣба есть, — ну, дастъ Богъ, съ сумой пойдете. И я очень радъ; впередъ наука, другимъ наука. Убирайтесь.

— Ваше высокородіе, ты намъ отецъ....

— Убирайтесь, повторилъ, онъ, покуда они падали на колѣни.

Они были принуждены подняться и посторониться отъ двери; въ кабинетъ входила дочь Багрянскаго.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здравствуй.... Какъ этого писаря зовутъ, что вамъ просьбу писалъ? обратился онъ къ мужикамъ.

— Александръ Өедотовъ, батюшка, отвѣчали они въ два голоса.

— Знаменской волости?

— Знаменской.

— Отмѣть, Катерина: написать окружному, чтобъ онъ этого шельму погналъ. Ну ступайте, вамъ сказано.... Кто тамъ еще?... Какъ это ты поднялась, Катерина? Отдохнула?

— Отдохнула.

— Запиши.... Да! Готово у тебя къ почтѣ, вчерашнее?

— Извольте.

— А черновая?

— У меня въ комнатѣ.... сейчасъ принесу.

Она вышла.

— Ваше высокородіе, яви ты намъ божескую милость, научи!... кричали мужики; ихъ изъ кабинета выталкивали новые просители.

Управляющій обратился къ этимъ новымъ и слушалъ, заглядывая въ бумагу, которую взялъ у дочери.

— Отецъ родной, спаси ты насъ! продолжали знаменскіе, ужъ изъ прихожей, откуда другіе выпроваживали ихъ въ сѣни.

— Ахъ, какіе вы, право, скучные! сказала имъ Катерина, возвращаясь и проходя прихожую. Въ который разъ вы опять все за тѣмъ-же?

— Да чтожъ дѣлать, матушка-барышня! заступись хоть ты, попроси его....

— Нечего его просить. Что тутъ казенному управляющему вступаться, когда вы сами по себѣ начали дѣло въ уѣздномъ судѣ?

— Да это мы знаемъ!

— А знаете, и толковать нечего. Сосчитайте сами, гдѣ вамъ больше убытку: коза что-то тамъ оглодала, поломала.... смѣхъ, право!... или вы двадцать разъ въ городъ съѣздите, двадцать взятокъ раздадите? А дѣло вы все-таки проиграете, потому не правое. Съ вами Емельяновъ мирится; ну, и слава Богу, миритесь. Что за стыдъ,—почтенные пожилые люди, а такой вздоръ затѣяли! Миритесь, и дѣло съ концомъ....

— Катерина! кликнулъ ее отецъ.

Она поспѣшила въ кабинетъ. Въ тѣсныхъ комнатахъ, въ пыльной толпѣ, какъ-то особенно свѣтло мелькала ея розово-лиловая ситцевая блуза, пышная и слегка гремучая отъ крахмала. Двѣ черныя, блестящія и влажныя косы соскользнули на ходу съ головы и висѣли до колѣнъ.

— Что прикажете?

— Присядь, припиши, вотъ, тутъ.... А вы, ступайте въ палату, обратился онъ къ просителямъ, — я черезъ часъ тамъ буду.... Пиши. Перо хорошо? нѣтъ? Ну, не бѣда. Конфиденціальное,—авось не погонятся за формальностями. Пиши:—«Прошу ваше высокопревосходительство обратить вниманіе, что такое, въ общемъ смыслѣ неважное обстоятельство, какъ перемѣщеніе мелкаго чиновника изъ одной губерніи въ другую, можетъ быть

весьма важнымъ и тяжелымъ для самого этого чиновника, по недостаточности его средствъ....» Живутъ въ каменныхъ палатахъ, этого не понимаютъ! прибавилъ онъ, будто въ скобкахъ, покуда дочь писала.

— Тутъ и поважнѣе есть на что́ обратить вниманіе, замѣтила она.

— Скажи.

— На нравственную сторону. Бѣдный человѣкъ немного обжился, устроился—его переводятъ. Перемѣщеніе — разореніе; очень натурально, что онъ захочетъ поправиться на новомъ мѣстѣ; тутъ былъ честенъ, а тамъ станетъ брать.

— Ну, это не натурально, а скверно.

— Очень скверно, только натурально.

— Свою совѣсть всякій самъ станетъ беречь; не начальству о ней заботиться.

— Не велика забота помнить, что бѣдность искушеніе, не унижать, не ожесточать человѣка, перегоняя его съ мѣста на мѣсто, безъ надобности, изъ пустого произвола. Говорятъ, нужны честные люди; ну, такъ берегите людей, чтобъ они оставались честными....

— Дописала ты?

— Дописала.

— Подбери-ка это, сказалъ онъ, поднимая ея косу со стула, на который хотѣлъ сѣсть. Въ его движеніи была какая-то грубая нѣжность, въ пустомъ словѣ слышалась улыбка, въ равнодушномъ взглядѣ мелькнуло будто удовольствіе. Дочь смотрѣла на него ясно и просто, какъ существо, которое знаетъ, что оно безконечно любимо и признаетъ за собою право на такую любовь.

— Погоди, вотъ, мы съ тобой дослужимъ до пенсіи, заляжемъ на покой, да тогда и станемъ вольнодумничать, проговорилъ онъ тихо, подписывая письмо и легонько тронулъ ее по носу верхушкой пера. Печатай съ Богомъ. Я возьму съ собой. Кто тамъ есть еще? А, демьяновскіе повѣренные! Ну, братцы, департаментъ утвердилъ ваше межеваніе. На той недѣлѣ къ вамъ будетъ землемѣръ. Вы его напрасно долго не задерживайте; понадобятся ему люди, подводы, — чтобъ все было во́ время.... И ужъ больше претензій не заявлять; какъ дали приговоръ, на томъ и оставайтесь.

— Мы, ваше высокородіе, довольны, и какъ вы за насъ стояли....

— Я думаю, что довольны; вы все свое получили. Если

станете еще къ чему привязываться, пожалуй, и не хорошо вамъ будетъ. Вотъ вамъ приговоръ,—помните его?

— Помнимъ.

— Нѣтъ, я вамъ его еще перечитаю, чтобъ сомнѣнія не было. Вѣдь невелика радость, какъ окружный донесетъ, что вы тамъ опять что-нибудь затѣете. Катерина, дай демьяновскій приговоръ, да планъ ихъ дачи; возьми карандашъ, показывай имъ; я буду читать. Слушайте.

Катерина раскатала по столу длинный планъ; повѣренные внимательно слѣдили за ея указаніями; Багрянскій, читая, оглядывался и тоже указывалъ.

— Ну, видите, какъ вы хотѣли, такъ и сдѣлано; тутъ, вотъ красной краской означена поправка въ нарѣзкѣ.... А, пожалуйте! вдругъ воскликнулъ онъ, увидя входящаго чиновника:—гдѣ-жъ предписаніе? Девять часовъ, уѣздная почта отошла, а предписаніе не отослано? Я вамъ приказалъ явиться ко мнѣ въ семь!

— Никакъ не могъ, Николай Степановичъ, извините великодушно; вчера не успѣлъ, а сегодня.... Вотъ бумага.

— Почему не успѣли?

— Простите великодушно, Богъ свидѣтель.... Вчера, господинъ начальникъ губерніи.... назначался балъ....

— А, чортъ васъ всѣхъ возьми съ вашими балами! Я вамъ начальникъ, милостивый государь! Вамъ было приказано изготовить бумагу и въ семь часовъ подать мнѣ къ подписи,—умрите, а подайте! Уѣздная почта всего въ недѣлю разъ; я на вашъ счетъ эстафету пошлю!... Что такое? бѣдны? средствъ не имѣете? А вчера, на бальныя перчатки нашлись средства? Я знаю, вы взятку взяли, чтобъ задержать предписаніе! я эти штуки знаю! Рано начинаете, милостивый государь! я васъ выгоню такъ, что вы нигдѣ мѣста не найдете! Ступайте, чтобъ сію минуту было отправлено и почтовую росписку мнѣ представьте.... — Убирай планъ, Катерина; имъ растолковано, мнѣ некогда. Ступайте, братцы, съ Богомъ, и чтобъ безпорядковъ у васъ не было, скажите тамъ.... Возьми ты ихъ *дѣло*, Катерина, сбери, свяжи; я пришлю за нимъ изъ палаты....—Вы еще здѣсь? обратился онъ къ чиновнику:—мало слышали?

Чиновникъ исчезъ. Мужики выходили тоже. Пока ихъ въ кабинетѣ замѣняли послѣдніе просители—старый мужикъ и молодой волостной писарь.—Катерина вытащила въ прихожую огромную связку бумагъ, бросила ее на полъ и принялась скручивать толстой веревкой. Ея сильныя руки, открытыя за локоть въ распадавшихся рукавахъ блузы, ловко захлестывали узлы; косы

опять распустились; весело закидывая голову, она шутила съ демьяновскими мужиками.

— Барышня-то, до всего дошла!

— Какъ-же, дѣлопроизводителемъ служу. Вотъ ваше *дѣло*, этакое толстое, насилу-то конецъ ему. Только вы теперь, Христомъ-Богомъ, не скупитесь; земли у васъ въ волю, учите вы ребятъ. Лѣтомъ отмежуетесь, а къ осени, составляйте приговоръ, просите школу. Отецъ какъ-разъ утвердитъ. А я вамъ на обзаведеніе — грифельныя доски, карандаши, бумагу, и учителя вамъ найду.

— Гдѣ его возьмешь, барышня!

— Вотъ еще, гдѣ взять,—найду. Только не отставного солдата и не дьячка; эти дерутся больно.

Мужики расхохотались.

— А ты, барышня, почему знаешь?

— Меня дьячекъ училъ, отвѣчала она, хохоча тоже.

Вдругъ передъ нею, за спинами мужиковъ, въ отворенной настежь сѣнной двери, показалась высокая шляпа, щегольское пальто и вошелъ Верховской. Онъ остановился на порогѣ, сконфуженный.

— Можно видѣть г. Багрянскаго? спросилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Можно, отвѣчала Катерина, приподнимаясь и поднимая свою связку:—только, извините, надо подождать; онъ занятъ.

— Я вчера не имѣлъ чести быть вамъ представленъ, продолжалъ онъ, кланяясь снова: — Верховской, изъ Петербурга, пріѣзжій. Если вашъ батюшка не можетъ удѣлить мнѣ минуты, я зайду въ другое время.

— Зачѣмъ-же, если у васъ дѣло, возразила она: — я ему скажу.

— Кто тамъ, Катерина? спросилъ Багрянскій.

Она вошла въ кабинетъ и объясняла тихо.

— Проси... Съ Богомъ, напутствовалъ Багрянскій мужика и обратился къ писарю:—Ты говорилъ, у тебя не экстренное; можешь подождать?

— Могу, ваше высокородіе.

— Такъ подожди.—Что вамъ угодно? спросилъ онъ входящаго Верховского.

Верховской въ эту минуту не зналъ, чтò ему угодно. Правда, въ своей прогулкѣ, онъ также безсознательно забрелъ въ этотъ переулокъ, спросилъ мужиковъ и узналъ отъ нихъ, что это домъ Багрянскаго, но, входя, онъ говорилъ себѣ, что необходимо о чемъ-то узнать, справиться.... Все это вылетѣло у него изъ па-

мяти. Только когда Багрянскій двинулъ ему стулъ, приглашая сѣсть, Верховской нѣсколько опомнился.

— Мнѣ необходимы свѣдѣнія по дѣлу села Спасскаго, началъ онъ.

— Котораго Спасскаго?

— Госпожи.... госпожи Запольцевой, отвѣчалъ, припоминая, Верховской.

— А, гдѣ бунтовали, сказалъ Багрянскій, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Если вамъ нужны свѣдѣнія о возстаніи, то я не могу вамъ дать ихъ: недовольные были не государственные крестьяне, а народъ госпожи Запольцевой.

— Нѣтъ, не то... о межеваніи.

— Это другое дѣло. Что вамъ угодно?

— Я намѣренъ... Мнѣ предлагаютъ купить это имѣніе. Согласитесь, что купить съ нимъ вмѣстѣ и неконченное дѣло...

— Да, непріятно. Тѣмъ болѣе, что дѣло скверное. Госпожа Запольцева давно, съ десятокъ лѣтъ, и побольше, завладѣла землей спасскихъ однодворцевъ. Понемногу, да понемногу; долго это продолжалось; однодворцы, конечно, жаловались; на это, конечно, не обращали вниманія. Запольцева задаривала; здѣсь у нея знакомства, въ Петербургѣ связи, поддержка. Теперь, пришло межеваніе. Въ этой дачѣ оно по наличному владѣнію; документовъ нѣтъ. Дачу сняли на планъ. Запольцева показала, что у нея — столько-то. Крестьяне, натурально, несогласны. Дѣло въ такомъ видѣ представлено мнѣ въ палату. Запольцева хлопочетъ въ Петербургѣ и мнѣ оттуда и предписываютъ и подтверждаютъ утвердить межеваніе, какъ оно предположено, потому будто бы, что требованія крестьянъ неосновательны, излишни, незаконны. Но я знаю, что крестьяне правы, и безъ ихъ согласія, палата не утвердитъ сказки, хоть департаментъ сто разъ торопи. Я такъ сказалъ и написалъ министру.

— Много этой земли отошло у однодворцевъ?

— Довольно. Катерина, покажи планъ.

Верховской вскочилъ помочь дѣвушкѣ и подхватилъ планъ, который она раскатывала сверхъ всего, что лежало на столѣ. На этотъ разъ Багрянскій самъ вооружился карандашомъ и толковалъ.

— Вотъ сколько захвачено; въ разное время, клочками... Но доказательствъ завладѣнія нѣтъ. Куда дѣвались жалобы крестьянъ...

— Стало быть, можетъ случиться, что ваше представленіе министру..., началъ Верховской и остановился.

— Не будетъ уважено, какъ основанное на однихъ словесныхъ показаніяхъ? Все возможно. Даже вѣроятно.

— И тогда?

— Тогда я сдамъ дѣло въ департаментъ и пускай онъ самъ утверждаетъ за госпожой Запольцевой.

— И крестьяне лишатся своей собственности?

— Чтò же дѣлать.

— Но... если, прежде нежели вы передадите дѣло въ департаментъ, имѣніе будетъ куплено и новый владѣлецъ уступитъ землю крестьянамъ полюбовно?

— Его воля. Это будетъ очень пріятно госпожѣ Запольцевой: она возьметъ даромъ если не землю, такъ деньги, отвѣчалъ Багрянскій, усмѣхнувшись.

Верховской поднялъ глаза. Катерина улыбалась тоже.

— Нѣтъ... Но вѣдь это единственное средство..., сказалъ онъ.

— У васъ, вѣрно, много лишнихъ денегъ?

— Нѣтъ...

Верховской тоже чему-то засмѣялся.

— Я никогда не покупалъ имѣній..., сказалъ онъ, будто оправдываясь.

Онъ опять взглянулъ передъ собою и выпустилъ конецъ плана. Крѣпкая бумага шумно завилась свиткомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать еще нѣкоторыя подробности...

— Съ удовольствіемъ, но теперь мнѣ некогда; пора въ палату. — Дай чаю, Катерина, а я одѣнусь. Вы покуда можете спросить ее; она знаетъ дѣло.

Онъ показалъ на дочь.

— Милости просимъ въ гостиную; я сейчасъ...

Катерина ужъ уложила планъ на мѣсто и шла впередъ, оглянувшись на Верховскаго; онъ пошелъ за нею.

— Милости просимъ, повторила она, входя въ другую комнату, и куда-то скрылась.

Верховской остался одинъ. Пріемная была прямо изъ прихожей, и, очевидно, единственная. Въ ней не было симметрическаго порядка гостиныхъ вообще, а провинціальныхъ въ особенности. Диванъ у одной стѣны, старый рояль у другой; мягкія кресла и плетеные стулья; на стѣнахъ ни картинъ, ни зеркала; большая рѣшетка съ плющомъ; плющъ переросъ ее и по шнуркамъ, густой косматой охабкой перекидывался на окно, замѣняя драпировку. Окна были довольно низки; одно отворено. На улицѣ пусто, будто въ деревнѣ. Должно быть, вѣтеръ распахнулъ боковую дверь; за ней показалась часть небольшой комнаты и прямо, въ глубинѣ, еще отворенная дверь въ садъ; большія тем-

ныя деревья, маленькій просвѣтъ яснаго неба; клочокъ песку, розоваго на солнцѣ, какіе-то цвѣты, серебристые будто звѣзды. Оттуда понесло тепломъ, прохладой, запахомъ земли и этихъ цвѣтовъ.

— Нарцизы, подумалъ Верховской.

Но онъ только ихъ и назвалъ по имени изъ всего, что видѣлъ; только это и опредѣлилъ онъ въ своихъ настоящихъ ощущеніяхъ. Въ этой небольшой комнатѣ ему было какъ-то особенно просторно; его охватывало какой-то свѣжестью; ему было какъ-то весело, и вдругъ, Богъ знаетъ почему, онъ подумалъ, что онъ здоровъ и молодъ. Онъ зналъ, что никогда не видалъ того, что̀ было передъ нимъ, но ему представлялось, что онъ всегда жилъ тутъ. Все *это* казалось ему его собственностью, а между тѣмъ, онъ ни къ чему не смѣлъ коснуться. Ему вдругъ, мгновенно, вспомнилось, какъ однажды, еще мальчикомъ, онъ зашелъ въ лугъ, гдѣ трава и цвѣты были ему выше пояса; какъ было влажно, жарко, душисто, какъ у него закружилась голова, глядя въ высокое, безконечно-синее небо. Онъ отчетливо вспомнилъ это и не помнилъ вчерашняго дня. Голова у него, въ самомъ дѣлѣ, что-то кружилась.

Онъ оглянулся на шорохъ. На накрытомъ столѣ, котораго онъ не замѣтилъ, вошедшая женщина поставила самоваръ.

Изъ другихъ комнатъ, или изъ сада, послышался звонкій голосъ:

— Сейчасъ, сейчасъ, бѣгу!

Черезъ минуту вошла Катерина. Верховской былъ почему-то увѣренъ, что она не перемѣнила туалета, и не ошибся: она только крѣпче подобрала свои косы.

— Извините, сказала она: — меня тамъ задержали. Что̀-жъ вы хотите узнать о дѣлѣ?

Она сѣла къ столу и готовила чай. Верховскому хотѣлось узнать, почему ее будто слушалось все, за что̀ она бралась. Онъ заглядѣлся и не успѣлъ отвѣчать, какъ она ужъ подавала ему стаканъ.

— Прикажете?

— Ахъ, съ большимъ удовольствіемъ. Я рано всталъ и много прошелся... Какъ вчера *тамъ* было душно, скучно. Я раньше всѣхъ уѣхалъ.

Для чего онъ сказалъ это, онъ самъ не зналъ; онъ чувствовалъ, что говоритъ вздоръ, но ему было какъ-то необходимо сказать именно это, будто какое-то оправданіе.

— Такъ вы проголодались? спросила она: — угодно?

Она подавала ему сливки и хлѣбъ, который нарѣзала огром-

ными ломтями. Верховской обрадовался, будто не видалъ ничего этого отъ-роду, и между тѣмъ чувствовалъ, что вовсе не голоденъ. Еслибы онъ далъ себѣ волю, онъ бы запѣлъ. Онъ самъ не зналъ, чего ему хотѣлось.

— И вы такъ всегда, всякое утро..., началъ онъ.

Она взглянула на него.

— Заняты съ вашимъ батюшкой?

— Да.

— Это утомительно.

— Не больше, чѣмъ что́ другое.

— Но это такъ скучно!

— Напротивъ, очень занимательно.

— Неужели вы находите? Что-жъ занимательнаго... конечно, продолжалъ онъ, сбившись, затрудняясь и не находя выраженій: — это оригинально, но... но это такъ грубо.

Она опять взглянула на него и помолчала.

— Да, что́ же! начала она: — вамъ нужны подробности о Спасскомъ. Вѣроятно, о землѣ? Тамъ земля недурна, но ея мало... то-есть, не въ имѣніи Запольцевой, а у государственныхъ крестьянъ. Эти, просто, несчастные; менѣе двухъ десятинъ на душу; положительно, у кого есть лишняя овца, тотъ богачъ. И какъ ихъ грабили! Потому они такъ и стоятъ за свою землю. Еслибъ были какіе-нибудь промыслы, или оброчныя статьи, или что́-нибудь въ личную собственность... на землю въ личную собственность они имѣютъ особенныя права...

— Что-жъ это, вдругъ подумалъ Верховской: — я, кажется, не мальчикъ, а мнѣ такую азбуку толкуютъ...

Вѣроятно, эта мысль выразилась на его лицѣ. Катерина остановилась, и потомъ продолжала:

— Но вамъ, конечно, интереснѣе слышать о владѣльческомъ имѣніи...

— Все слышалъ, прервалъ онъ нѣсколько нетерпѣливо. Скажите мнѣ лучше, сколько эта Запольцева отняла у мужиковъ?

— Десятинъ пятьдесятъ... Но вы видѣли! отвѣчала она также нетерпѣливо и съ недоумѣніемъ.

— Ахъ, да, на планѣ. Виноватъ.

Ее взяла досада, — больше, злость, негодованіе. Этотъ господинъ тратитъ въ годъ десятки тысячъ на фраки и попойки, — гдѣ ему считать мужицкіе убытки...

— Въ томъ уѣздѣ цѣна на землю высока, замѣтила она: — Запольцева, конечно, продаетъ вамъ не дешево.

— Да.

— Такъ, что можетъ дорого обойтись фантазія уступить

крестьянамъ полюбовно, продолжала она, замѣтно и обидно вызывая и насмѣшничая.

— Да...

— И благоразумнѣе положиться на рѣшеніе департамента...

— Вотъ объ этомъ я хотѣлъ спросить васъ, прервалъ онъ:— неужели департаментъ откажетъ крестьянамъ?

— Непремѣнно.

— Но интересы казны?

— То-есть, крестьянъ, о которыхъ думаетъ одинъ мой отецъ.

— Но мнѣніе вашего отца?

— Объ этомъ и думать нечего! возразила она, видимо задѣтая за живое: — чтó такое его мнѣніе, когда на той сторонѣ и деньги, и связи!

— Но, наконецъ, послѣдствія, недовольство крестьянъ...

— Конечно, они молчать не станутъ! въ Спасскомъ вообще духъ такой... Ну, что-жь... уймутъ ихъ, какъ унимали!

У нея вырвалось рѣзкое движеніе.

— А мой отецъ — неважная особа; заупрямится — можно прогнать съ мѣста. Здѣсь тоже есть пріятно расположенные люди. Запольцева, кстати, родня какому-то волкаревскому принцу...

— Какъ, волкаревскому принцу?

— Ну, да... Вѣдь у Волкарева все князья и графы, сказала она, смутясь. Отецъ пропадетъ на этомъ дѣлѣ.

— Отъ волкаревскихъ князей? Полноте! прервалъ весело Верховской.—Такъ научите же меня. Я сегодня совершаю купчую на Спасское; какъ бы потомъ скорѣе кончить съ казенными? Я отдамъ имъ все, чего они хотятъ.

— Вы отдадите? полюбовно? Вы не шутите?

— Вѣдь это ихъ собственность.

— Нѣтъ, въ самомъ-дѣлѣ, вы это сдѣлаете? переспросила она, обрадовавшись такъ, что поднялась съ мѣста.

— Не глядя на планъ! отвѣчалъ Верховской.

— Такъ нельзя! вскричала она весело: — вамъ будетъ еще много хлопотъ!

— Только какъ можно скорѣе.

— Для чего?

— Скорѣе лучше. Покуда не прошла фантазія, прибавилъ онъ.

Она покраснѣла и вдругъ прямо подняла на него глаза. Ему показалось, что передъ нимъ что-то вспыхнуло.

— Простите меня, сказала она очень твердо и отчетливо.

— Ахъ, Боже мой, что вы, это шутка... заговорилъ онъ.

— Да я-то не шутила, возразила она.

— Не шутили? Тѣмъ лучше... право! подтвердилъ Верхов-

свой радостно. Я такъ доволенъ, что вы мнѣ это сказали. Я все готовъ сдѣлать, увѣряю васъ. Но обстоятельства... мнѣ надо какъ можно скорѣе. Могу-ли я попросить вашего батюшку?

— Я ему скажу, отвѣчала она, задумавшись.

— Покупку я кончу сегодня, завтра... но если въ Петербургѣ какъ-нибудь...

— Подтвержденіе было недавно, отецъ еще не отвѣчалъ и дѣло въ палатѣ. Вы успѣете.

— На этой недѣлѣ?

— Пожалуй, отвѣчала она, все еще задумавшись. — Вамъ очень нравится эта деревня?

— Спасское? Нѣтъ.

Катерина хотѣла что-то спросить, когда вошелъ ея отецъ. Онъ былъ въ форменномъ фракѣ, съ крестомъ на шеѣ, несъ какой-то листокъ и казался въ веселомъ расположеніи.

— Вотъ, матушка, насладись. Извините, обратился онъ къ Верховскому, торопливо принимаясь за чай: — объяснила она вамъ, что̀ нужно?

— Совершенно. Я чрезвычайно обязанъ. На дняхъ я буду васъ просить...

— Что могу сдѣлать, извольте. — Прочла?

— Э, вздоръ какой, сказала Катерина, отбросивъ листокъ: — вѣдь вы знаете, что я этого терпѣть не могу!

— Видите! Нѣтъ, должна любить, возразилъ отецъ, смѣясь: — народность, патріотизмъ, поэзія...

— И ничего этого на волосъ! вскричала она съ негодова-

— Постой, — какая сердитая! Дай хоть другимъ полюбоваться. Это мнѣ сейчасъ представилъ нашъ волостной писарь; юный человѣкъ, щеголь. Вдохновился, говоритъ, въ часы досуга и басню сочинилъ на современныя событія. Дай сюда, Катерина. Послушайте, какіе у насъ поэты; стòютъ вашихъ петербургскихъ:

«Сосѣдъ Пахомъ
Былъ съ сѣрымъ волкомъ знакомъ;
И похвались волкъ и Пахомъ съ женою
Идти на льва войною...»

— Чай простылъ, прервала Катерина: опоздаете!

Багрянскій показалъ на нее Верховскому и захохоталъ.

— Нѣтъ, постойте, вскричала Катерина, положивъ обѣ руки на руки отца, когда онъ опять брался за басню: — вы лучше скажите, что̀ вы на это сказали? А я знаю: вы ему помянули

его «часы досуга» за то, что онъ вѣдомости о застрахованіи перепуталъ, да погнали его! Что? такъ? отгадала?

— Ну, погналъ, отвѣчалъ Багрянскій.

— Зачѣмъ же меня дразнить? Вѣдь вы сами этихъ вещей не любите?

— Въ наше время эти вещи необходимы, возразилъ онъ вдругъ серьезно.

— То-есть, только неизбѣжны, замѣтилъ Верховской.

Багрянскій взглянулъ на него, вскинувъ головою.

— Почему?

— Онѣ — средство. Вотъ и этотъ поэтъ, вѣроятно, чего-нибудь надѣется, разсчитываетъ. Но своекорыстныя дѣлишки не помощь общему дѣлу.

— Слѣдовательно — не необходимы! прибавила Катерина.

— Рада? сказалъ отецъ съ насмѣшливой горечью, хотя ласково. — Ну, и еще тебя обрадую: все отгадано вѣрно; молодецъ просилъ представить это кому слѣдуетъ...

— Вотъ и патріотизмъ! вскричала Катерина.

— Погоди! Но тѣ, которые прочтутъ, не знаютъ корыстнаго намѣренія; въ нихъ чувство пробудится искреннее...

— Отъ этого вздора?

— Не отъ *этого*, есть получше. Теперь ужъ вообще говоримъ объ этихъ вещахъ...

— Какъ, преувеличенное, посредственное?..

— Какое тебѣ дѣло? не смотри какъ написано, не ищи зачѣмъ написано, отдайся идеѣ...

— Какая бы она ни была?

— А тебѣ еще разбирать идею?...

— Но отдаваться ей безъ анализа — фанатизмъ, прервалъ Верховской.

— А то какъ же? возразилъ Багрянскій: — да что вы безъ него сдѣлаете? На свѣтѣ развелось много разныхъ *измовъ* и во всякомъ должна быть своя доля фанатизма, иначе *измъ* вашъ пропалъ: вы нейдете въ немъ до конца; начались оглядки, уступки, анализъ; вы сбились съ толку, а противникъ этимъ пользуется... Скользкій *измъ*, вотъ, этотъ, что теперь въ ходу, — патріотизмъ...

— Но, возразилъ Верховской: кто не *въ ходъ пускаетъ*, а въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, тотъ имѣетъ право разбирать. Прочное чувство съ того растетъ.

— Такъ разбирайте про себя, отвѣчалъ Багрянскій.

— Зачѣмъ же не передать другимъ того, отъ чего намъ хорошо? вступилась Катерина.

— Затѣмъ, что тебя заслышатъ, да всякое, и прочное, и непрочное, запоетъ на свой голосъ.

— Но неужели лучше молчаніе...? началъ Верховской.

— Порядокъ-съ! прервалъ Багрянскій съ своимъ страннымъ, насмѣшливо горькимъ выраженіемъ.—Вотъ, и я, по вашей милости, отъ порядка отбился. Въ палатѣ теперь ужъ думаютъ, я умеръ. Прощай, бунтовщица. До свиданія, сказалъ онъ, подавая руку Верховскому:—какъ только ваше дѣло...

— Нѣтъ, позвольте мнѣ бывать у васъ и безъ дѣла, сказалъ Верховской: —когда могу не стѣснить васъ, не помѣшать занятіямъ...

— Я отъ людей не прячусь и стѣсняться самъ не стану, отвѣчалъ Багрянскій, уже на порогѣ прихожей;—а занятъ весь день, кромѣ сумерекъ послѣ обѣда, иногда вечеръ, чтобъ глаза отдохнули. Она—всегда свободна, милости просимъ. Но моего визита, предупреждаю, не прогнѣвайтесь, не скоро дождетесь.

— И ждать не смѣю, прервалъ Верховской: — позвольте придти сегодня въ сумерки.

— Такъ ужъ лучше обѣдать, въ пять часовъ. Запри за мною, Катерина.

Онъ снялъ съ вѣшалки пальто, накинулъ и вышелъ. Катерина убирала на чайномъ столѣ. Верховскому стало вдругъ неловко.

— До свиданія, сказалъ онъ:—я тоже потороплюсь съ своими дѣлами...

— До свиданія, отвѣчала она.

Онъ откланялся. Проходя сѣнями, онъ слышалъ какъ стукнулъ крючекъ у двери, которую запирали. Утро было прелестное. Верховской шелъ тихонько, гуляя, поглядывая по сторонамъ на пустой переулокъ. Онъ доходилъ до угла, когда мимо проѣхали дрожки. Верховской узналъ Лѣсичева и посмотрѣлъ вслѣдъ: дрожки остановились у подъѣзда Багрянскаго.

— Что̀ такъ рано? подумалъ Верховской и взглянулъ на часы: было около полдня.—Зачѣмъ? Примутъ его или нѣтъ?...

Лѣсичева приняли.

— Никого у меня не было? спросилъ Верховской, входя въ свой номеръ.

— Никого.

«Видно еще не все рѣшили...», подумалъ онъ съ какой-то досадой, рѣшаясь о чемъ-то не думать, между тѣмъ какъ эта,—и одна эта дума не выходила у него изъ головы. Она прервалась вдругъ довольно злымъ смѣхомъ.

— Франтикъ вообразилъ себѣ, что предсталъ и побѣдилъ, «руку и сердце!» и такъ ему и обрадовались. Должно быть, обжегся. Только чего-жъ еще онъ отправился добиваться? Правда, такіе господа сразу не понимаютъ... Или, можетъ быть, теперь только и объясненіе?... Да мнѣ-то какое дѣло? заключилъ Верховской, продолжая смѣяться и отпирая свою шкатулку.

Онъ досталъ письмо въ шесть страницъ въ клѣтку.

— Какъ это—три дня и нѣтъ еще «строжайшаго подтвержденія?...» Ну-съ, вы изволите говорить, что я на свободѣ, благо есть средства, пользуюсь ими по вкусу и характеру. Я не обману вашихъ предположеній. Мнѣ представляется случай поступить именно по вкусу и характеру. Честная душа указала мнѣ, что̀ я могу сдѣлать — я сдѣлаю. Я вамъ куплю помѣстье со всѣми угодьями и со всѣми нищими, но я хоть клочекъ вырву изъ-подъ вашихъ китайскихъ ногтей, я хоть посмотрю, какъ вы позеленѣете со злости... А я, что̀-жъ? я поступаю по закону. Казенное не горитъ, не тонетъ. Я купилъ землю; говорятъ—казенная; я долженъ возвратить... Вы бы не торопили меня съ покупкой, Лидія Матвѣевна; департаментъ утвердилъ бы за вашей пріятельницей и все было бы ваше...

Онъ на-скоро написалъ записку и позвонилъ.

— Велите извощику отвезти это г. Духанову и на словахъ еще сказать, что я сію минуту жду его къ себѣ.

Духановъ какъ разъ явился. Ужъ если купчая не могла быть изготовлена заранѣе, то, по крайней мѣрѣ, дѣловой человѣкъ заранѣе составилъ ее на-черно, не забывъ ни одной подробности, ни одной формальности, и устроилъ, что она могла переписаться скоро; вмигъ нашлась и гербовая бумага, и писаря съ прекраснѣйшимъ почеркомъ, и свидѣтели, и всякое во всемъ содѣйствіе. Когда Духановъ вмѣстѣ съ Верховскимъ вошелъ въ гражданскую палату, его встрѣтили какъ давно жданнаго гостя. Пока Верховской объяснялся съ начальниками, Духановъ съ любезной, шутливо-покровительной улыбкой шептался съ чиновниками; онъ, конечно, издали, отчасти покровительственно посматривалъ и на Верховского, тонко давая понять, что богачъ, будь онъ сто разъ юристъ, никогда ничего въ дѣлахъ не смыслитъ. Благодаря его стараніямъ, все очень скоро сдѣлалось, а неготовое Верховской попросилъ привезти къ нему на домъ.

— Въ шестомъ часу, сегодня, сказали ему.

— Сегодня мнѣ некогда. Завтра, сказалъ Верховской.

Духановъ, не менѣе его довольный, выходилъ изъ присутствія.

— Вотъ, Андрей Васильевичъ, и обдѣлали, говорилъ онъ

въ сѣняхъ, щеголяя передъ сторожами своей коротостью съ богачемъ и внутренно негодуя, что этотъ богачъ идетъ пѣшкомъ. Не утомились, Андрей Васильевичъ? Жарко. Коляску бы, или хоть пролетку...

— Я привыкъ ходить, отвѣчалъ Верховской.

Духановъ сообразилъ, что такъ, пожалуй, и лучше: хоть и пріятно было бы прокатиться по улицамъ съ этимъ бариномъ въ коляскѣ, но баринъ могъ и не пригласить, а теперь, всѣ долго могутъ любоваться, какъ они идутъ вмѣстѣ.

— Привыкли ходить... петербургскій житель, хе-хе... Вотъ, здѣшній житель будете. Только, въ деревнѣ... Для зимы-бы домикъ здѣсь пріобрѣсти не мѣшало, Андрей Васильевичъ, такъ, небольшой, покоевъ въ двадцать, чтобъ не показалось тѣсно послѣ казеннаго, хе-хе... Какъ полагаете?

— Не знаю.

— А это вы очень ловко сдѣлали, Андрей Васильевичъ, приказали къ себѣ на квартиру книгу привезти. Знаете порядки! Я ужъ, за васъ, признаться, обѣщалъ... Ну, что тамъ! какъ насъ называютъ, «крапивное сѣмя»—крохами питаемся. И потомъ, вамъ уступка большая сдѣлана; нельзя, такъ сказать, на радости. На сливаньи, говорятъ, медъ пьютъ... Да вотъ, я... вы меня извините, изъ памяти вонъ: вамъ, быть можетъ, нужно размѣнять? я бы могъ сейчасъ въ казначействѣ, по знакомству...

— Благодарю, не нужно.

— Запаслись, значитъ, приготовили?... Какъ я, право, радъ за васъ, Андрей Васильевичъ, что вы успѣли. У меня хоть, знаете, за себя сердце замираетъ: купчую госпожа Запольцева только въ самомъ крайнемъ случаѣ разрѣшила мнѣ дѣлать на ея счетъ, да ужъ такъ, для васъ, ей-богу, уступилъ я это! за то ужъ вы, тамъ, кому нужно, знаете, грѣхъ пополамъ...

— Я расплачусь.

— Сдѣлайте ваше одолженіе. Потому, мнѣ, ей-богу, за всѣ мои старанія выгоды очень мало. Я вамъ откровенно скажу, Андрей Васильевичъ, такъ какъ вы благородный человѣкъ,—эта госпожа Запольцева, хоть она и статская совѣтница, а совѣсти, съ позволенія сказать, у иного мужика больше. Опять, это межеваніе съ казенными. Еслибы, ей-богу, не я ей открылъ источники, такъ бы ей эту землю сейчасъ уполномоченный съ землемѣромъ и отхватили. И за это мнѣ благодарности — мѣдный грошъ! Какая это благородная дама, помилуйте! По крайности, мнѣ теперь въ глубинѣ души убѣжденіе, что я для образованнаго человѣка, для вашей супруги старался, о которой наслы-

щадитъ. Если я и лишусь черезъ это, то вотъ ужъ мнѣ вознагражденіе, а я надѣюсь...

— Присутствіе теперь вездѣ кончилось? прервалъ Верховской.

— Только въ «имуществахъ» сидятъ! отвѣчалъ свѣтски небрежно Духановъ. Мученики. Ихній управляющій изъ кутейниковъ, знаете, такъ и тянетъ до вечерень; на сонъ грядущій молитвы прочли, другого святого помянули,—ну, тогда и начнетъ Богъ прощать. Я этой каторги попробовалъ, — нѣтъ, силъ не стало!

— Вы служили у Багрянскаго?

— Какъ же-съ. Я все извѣдалъ. Вотъ пустѣйшій человѣкъ, я вамъ скажу. Формалистъ естественный, а чтобъ онъ цѣнилъ способности, или, тамъ, обратилъ вниманіе... Имѣлъ честь у него въ домѣ бывать-съ. Зимой, со свѣчами подымется, холодъ, кругомъ тулупами накурятъ, натопчутъ... Просто, спазмы, бывало, дѣлаются. И все ругается. А богомольный какой, туда-же! Ужъ всегда такіе люди, Андрей Васильевичъ...

— Стой, стой! раздалось на улицѣ.

Волкаревъ, въ легонькомъ плащикѣ сверхъ развивного мундира, полулежа въ коляскѣ, мчался изъ присутствія. Увидя Верховского, онъ закричалъ своему кучеру остановиться и соскочилъ на тротуаръ.

— Андрей Васильевичъ, счастливая встрѣча! Я слышалъ — совершили купчую? Прекрасно! Куда теперь?

— Домой, отвѣчалъ Верховской.

— И обѣдать ко мнѣ?

— Благодарю васъ. Нѣтъ.

— Eh, quelle idée, je vous enlève! Жена не впуститъ меня въ домъ, когда узнаетъ...

— Извините, право, не могу; усталъ...

— Э, mon cher, стыдно такъ отговариваться молодежи! Взгляните на меня: я изъ-за дѣла... Смѣхъ и слезы! свидѣтельствовалъ сумасшедшихъ... А послѣ вчерашняго бала, ихъ должно много прибавиться, des fous d'amour, не правда-ли? И вы тоже, и вы!...

Волкаревъ игриво погрозилъ пальцемъ.

— La divine madame Горновъ! то-то вы и приносите покаяніе по судебнымъ мытарствамъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, придите?

— Не могу, извините.

— Такъ вечеромъ, безъ отговорокъ. Я васъ исповѣдую по части уклоненій отъ супружескаго долга. Au revoir!

Губернаторъ уѣхалъ. Духановъ, конечно, не отходилъ во все это время, но Верховской не далъ ему возобновить бесѣды, и уѣхалъ тоже.

IV.

Катерина убрала кабинетъ отца, кончила разные хозяйственные хлопоты, перемѣнила свою блузу на ситцевое платье и сѣла за шитье у окна. Къ дому подъѣхали дрожки. Раздался тихій звонокъ. Служанка пробѣжала въ прихожую.

— Отвори, Машенька, скажи, что я дома, сказала Катерина.

Еслибъ былъ свидѣтель, онъ бы замѣтилъ, что она измѣнилась въ лицѣ; съ него сбѣжалъ его неяркій румянецъ. Она приподнялась-было и опять сѣла. Ея ясные глаза затуманились и неподвижно смотрѣли передъ собою. Она крѣпко думала. Когда вошелъ Лѣсичевъ, раздумье замѣнилось смущеніемъ; голосъ Катерины какъ-то дрогнулъ.

— Здравствуйте, сказала она, протягивая Лѣсичеву руку черезъ свой рабочій столикъ.

Онъ казался тоже смущенъ, но вдругъ ободрился и крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Садитесь, поговоримъ, сказала она тихо.

— Кажется, говорить больше нечего? возразилъ онъ, счастливый, и глядя ей въ лицо.

— Напротивъ, очень много...

— Ровно ничего! вскричалъ онъ радостно и смѣло:—вы велѣли мнѣ пріѣхать, вы протянули руку,—стало быть, *да*, и вы сказали отцу...

— Я ничего не говорила отцу, прервала она.

— Тѣмъ лучше! Такъ это ваша собственная воля, *безъ* чужого вліянія: вы меня любите, вы—моя...

— Постойте, прервала она:—я вамъ еще не сказала...

— Ради Бога, что́ за формальности! такъ скорѣе,—да?

— Нѣтъ, отвѣчала она тихо.

Лѣсичевъ на шагъ отступилъ.

— Такъ-ли я разслышалъ, Катерина Николаевна? Нѣтъ?

— Точно такъ: нѣтъ, повторила она.

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, потомъ взялся за шляпу.

— Останьтесь, я васъ прошу, сказала Катерина.

— Если прикажете, отвѣчалъ онъ, садясь. Въ самомъ дѣлѣ, и для меня интересно узнать, для чего вамъ было угодно под-

вергнуть меня этой сценѣ сегодня, когда все легко могло быть кончено вчера. Вамъ стоило только вчера сказать ваше *нѣтъ*.

— Я это знаю, сказала она очень смущенная.

— И, увѣряю васъ, я съумѣлъ бы выслушать отказъ безъ всякой неприлично-трагической выходки, продолжалъ бы танцовать, проводилъ бы васъ до кареты... съ тѣмъ, чтобъ больше никогда не безпокоить васъ, даже встрѣчей; я бы принялъ свои мѣры; я вѣдь знаю, какъ это должно дѣлаться...

— Да... Все это мнѣ вообразилось... Потому я и просила васъ придти сегодня, прервала она.—Пожалуйста, имѣйте терпѣніе... Право, мнѣ неловко. Я думала, это будетъ легче!

— Кому? вамъ или мнѣ?

— И вамъ, и мнѣ. Вчера, такъ смутно, въ торопяхъ... я была не въ состояніи...

— Вы были очень утомлены, сказалъ онъ съ усмѣшкой.

— Вы хотите сказать, я дремала? Нѣтъ, возразила она кротко:—съ меня сонъ сошелъ, когда вы начали говорить. Все, что вы мнѣ сказали... я буду откровенна, Евгеній Ивановичъ: я въ первый разъ услышала какъ объясняются въ любви. Меня никто, никогда не любилъ. Я испугалась...

Лѣсичевъ смотрѣлъ на нее, не скрывая усмѣшки.

— Новость факта и ощущенія..., сказалъ онъ.

— Ради Бога, не смѣйтесь! прервала она. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно это въ двадцать-два года, но, право, я не притворяюсь. Чтò мнѣ притворяться? Если вы такъ думаете, вамъ послѣ будетъ совѣстно...

— Я не смѣю этого думать, отвѣчалъ онъ.

Она въ свою очередь подняла на него свои прелестные глаза и съ минуту помолчала.

— Все равно, сказала она:—чтò бы вы ни думали, я буду вѣрить тому, чтò вы скажете. Я вчера тоже вамъ повѣрила. Потому у меня недостало духу оттолкнуть отъ себя человѣка, который звалъ меня раздѣлить съ нимъ жизнь... Я не фразу говорю, Евгеній Ивановичъ, я этого не понимаю иначе. О насъ, женщинахъ, говорятъ, что мы рискуемъ, когда любимъ. Вы, мужчины, рискуете не меньше. Мнѣ вчера стало за васъ такъ страшно, вы мнѣ стали такъ дороги...

— Чтò вы сказали, Катерина Николаевна?

— Ну, да, дороги, какъ человѣкъ, который душу свою выдаетъ и ждетъ... А я васъ такъ не люблю. Чтò жъ я должна была сдѣлать? Учтиво сказать вамъ—отходите прочь? Исторія, какихъ десятки: объясненіе въ мазуркѣ...

— Вамъ было угодно чего-нибудь другого?

— Да, другого! вскричала она и ея глаза вспыхнули: — я вамъ повѣрила. За ваше чувство, за желаніе моего счастья, за ваше уваженіе ко мнѣ, я передъ вами обязана. Вы для меня не чужой.

— Катерина Николаевна!

— А по свѣтскому закону, я должна была въ ту же минуту прогнать васъ какъ врага, и вы бы меня избѣгали, а посторонніе стали бы сплетничать; человѣка, котораго я уважаю, за котораго нейду только потому, что не хочу обѣщать ему лишняго,—этого человѣка назвали бы забракованнымъ женихомъ!

— Однако, Катерина Николаевна, таково мое положеніе.

— Совсѣмъ нѣтъ! возразила она. Вотъ, зачѣмъ я васъ звала: забудьте, что вы мнѣ вчера *объяснились*, а чужіе, никто этого во вѣкъ не узнаетъ. Будемте по прежнему; нѣтъ, даже лучше прежняго. Я только вчера узнала, какъ это хорошо, честно— любовь. Я не могу вамъ отвѣчать такой-же любовью, но есть другое чувство, такое жъ полное, искреннее. Можно быть другомъ, товарищемъ. Не такъ-ли? Если вы меня за что-нибудь полюбили, я, стало-быть, гожусь въ товарищи? За одно, въ радости и въ горѣ, откровенно во всемъ, чтò есть на душѣ; поберечь другъ друга, посовѣтовать, утѣшить... Ахъ, я буду счастлива, когда у васъ будетъ милая! Зачѣмъ намъ расходиться, сторониться, не знаю что... насильно, холодно, зло уничтожать въ себѣ настоящее человѣческое чувство? Теперь-то ему и быть!

Она оживилась, встала; ея смущеніе совсѣмъ прошло, ея щеки опять порозовѣли; въ глазахъ сіяло безконечно чистое выраженіе доброты, мысли, веселости. Лѣсничевъ молчалъ.

— Такъ ли? спросила она.

— Вы идеалистка, Катерина Николаевна! отвѣчалъ онъ и всталъ. Такъ на свѣтѣ не дѣлается.

— Но развѣ не лучше, еслибы такъ дѣлалось?

— Для меня въ этомъ случаѣ, конечно, лучше тó, что вы позволяете мнѣ бывать у васъ и тѣмъ избавляете отъ пересудовъ, сочувствій, ну, и прочаго. Я вамъ чрезвычайно благодаренъ. Будьте увѣрены, я не злоупотреблю вашимъ великодушіемъ; постараюсь не наскучить....

— Евгеній Ивановичъ, чтó это такое?

— Иначе нельзя, сказалъ онъ вдругъ съ рѣзкой злостью.— Вы думаете, нищіе такъ и благословляютъ за милостыню? Ошибаетесь.... Во всякомъ случаѣ, повѣрьте, я вамъ очень благодаренъ. Такъ, до свиданья?

Онъ, смѣясь, протянулъ руку. Она серьёзно дала свою.

— До свиданья.

Лѣсичевъ дошелъ до двери и вдругъ остановился.

— А что, Катерина Николаевна, могу ли я.... Не смѣя, впрочемъ, никакъ принять обязательно предложенныхъ мнѣ правъ друга и товарища!... но могу ли я обратиться къ вамъ съ однимъ, весьма интереснымъ для меня вопросомъ?

— Можете.

— И вы отвѣтите на него съ полной искренностью?

— Непремѣнно.

— Вы сейчасъ сказали, что еще не были любимы и что я первый далъ вамъ понятіе объ этомъ удовольствіи. Изъ чего я заключаю, что вы сами еще никогда не любили?

— Никогда.

— Такъ и буду знать. Merci.

Онъ еще разъ поклонился, продолжая смѣяться, и вышелъ. Послышалось, какъ онъ уѣхалъ.

Катерина принялась опять за шитье; оно выпадало у нея изъ рукъ. Она взяла книгу, ушла въ другую комнату и сѣла на ступеньки отвореннаго балкона. Чтеніе не шло на умъ. Она тихо положила книгу и смотрѣла передъ собою. Нарцизы покачивали головками надъ разстилавшейся землею. Солнце ужъ было высоко, но балконъ оставался въ тѣни. Огромныя старыя деревья составляли всю красоту этого сада, — вѣрнѣе, пространства въ нѣсколько саженъ, остатка большой барской усадьбы, распроданной по клочкамъ въ разныя руки. Постройки, и необходимыя, и безтолковыя, какъ большая часть построекъ, особенно въ провинціи, — истребили вѣковой садъ; отъ него уцѣлѣло только то, что̀ досталось Багрянскому, когда, два года назадъ, онъ купилъ этотъ домъ: десятокъ липъ и кленовъ, четырехъ-угольное мѣстечко передъ балкономъ, гдѣ Катерина разбила клумбу и насажала цвѣтовъ и множество одичавшей акаціи. Садъ приходился на уголъ. Акація густо шла кругомъ забора со стороны улицы и переулка, длинной, узенькой аллейкой упиралась въ заборъ другой чужой усадьбы и тамъ разрослась еще гуще и сплелась бесѣдкой. По аллейкѣ шла вытоптанная тропинка. Это было любимое мѣсто прогулокъ Катерины, — любимое, можетъ быть, потому, что единственное.

Ей вздумалось пройтись и теперь, когда не ладилось ни чтеніе, ни работа.

Катеринѣ было скучно, что́ съ нею бывало очень рѣдко; скукой она называла то непріятное настроеніе, которому не сразу могла найти причину. Было ясно, что она сдѣлала какую-то неловкость, потому что и чужой человѣкъ сію минуту сказалъ ей, что такъ на свѣтѣ не дѣлается....

«А какое мнѣ дѣло, чтó тамъ дѣлается? подумала она. — И еще *на свѣтѣ* ли? Просто, у насъ въ N. Это еще не весь свѣтъ!»

Во всемъ, чтó она сказала Лѣсичеву, она была искренна. Она уже три года его знала. На все было время — и разлюбить, и привязаться; не полюбила—значитъ не могла полюбить. Было ровное, спокойное чувство пріязни, сдѣлавшееся крѣпче, когда молодая дѣвушка узнала, что она дорогá этому молодому человѣку. Еслибы вчера, во время его страстнаго признанія, ей показалось, будто и она чувствуетъ къ нему тоже—это было бы что-то очень странное, что-то отъ нечего дѣлать.... нѣтъ, что-то нехорошее.

«Нехорошее....» мысленно повторила она, почти съ негодованіемъ.

Лѣсичевъ выгодный женихъ, а она бѣдна.... Когда по ея душѣ скользнула эта мысль, на ея строгомъ, задумчивомъ лицѣ явилась вдругъ такая спокойная увѣренность, такая радостная безпечность, такой молодой, смѣлый, задорный вызовъ всѣмъ невзгодамъ житейскимъ, что прелестная дѣвушка, казалось, вся освѣтилась. Она даже засмѣялась громко и оглянулась кругомъ, будто шаловливый мальчикъ. Ей уморительно смѣшно померещились вся обстановка и всѣ подробности выгодной партіи—поздравленія, визиты, карета, чепчики, церемоніи, титулъ madame... Катерина хохотала одна до слезъ, пугая воробьевъ.

— Нѣтъ, тогда бы ужъ такъ не смѣяться! сказала она себѣ съ шутливой угрозой и задумалась надъ нею. Отчего же нельзя смѣяться? Однако, нельзя. Свѣтъ такъ устроенъ. Такъ на свѣтѣ не дѣлается....

— Ну, это на свѣтѣ не дѣлается; положимъ, нельзя хохотать надъ брачными союзами, надъ свѣтскимъ положеніемъ, надъ цѣлованьемъ ручекъ, — положимъ, и надъ разсчетами.... Нельзя. А отчего же нельзя на свѣтѣ жить по-человѣчески? Или будь женой человѣка.... то-есть, обмани его, свяжи его и себя изъ-за денегъ, изъ-за цѣлованья.... или гони его отъ себя, какъ прокаженнаго. А скажемъ ему: будемъ людьми.... И они еще говорятъ, будто насъ уважаютъ!...

Ей досадно вспомнилось, что она встрѣтила Лѣсичева смущенная, будто въ чемъ виноватая, а прощаясь была такъ некстати снисходительна....

— Что за вздоръ, что за свѣтскія разсужденія! прервала она сама себя. Не могу я лукавить: мнѣ было неловко, мнѣ стало его жаль. Для чего мнѣ ломаться? чтó чувствовала, то и сказала...

Ей вдругъ вообразилось, какъ онъ смѣялся надъ нею.

— А, такъ смѣйся они всѣ сколько угодно! выговорила она, стиснувъ зубы. И житья ихъ мнѣ не надо, и любви ихъ мнѣ не надо....

Она скоро шла по своей аллейкѣ, потупляя голову, когда въ просвѣты листвы на нее падало жаркое солнце. Вдругъ она остановилась; въ акаціи что-то возилось и жалобно пищало. Она подошла ближе. За заборомъ притаился мальчишка и тянулъ за шнурокъ крошечнаго котенка, который завязъ въ вѣткахъ и съ каждымъ движеніемъ запутывался больше.

— Чтó ты тутъ дѣлаешь? спросила мальчика Катерина.

— Это мой котенокъ.

— Твой. Чтó ты съ нимъ дѣлаешь?

— Я его повѣсить хотѣлъ тутъ, на гвоздикѣ, а онъ черезъ заборъ перевалился, да къ вамъ, въ кусты. Отцѣпите, пожалуйста.

— Пусти шнурокъ.

Катерина освободила изъ петли маленькаго сѣраго звѣрка и взяла его на руки.

— Ну, и ступай, сказала она.

— А котенокъ?

— Я его себѣ возьму.

— Чтожъ это вы отнимаете!

— Но ты хотѣлъ его вѣшать?

— Я-таки и повѣшу.

— Ну, я и не отдамъ.

— Да вы, по крайности, хоть гривенничекъ дайте.

— За чтó?

— Вамъ Господь за то подастъ. Доброе дѣло сдѣлаете, выкупите.

— Такъ тебѣ еще деньги платить, чтобъ ты гадостей не дѣлалъ? Пошелъ, нѣтъ тебѣ котенка!

Она убѣжала. Мальчишка бранилъ ее вслѣдъ, она слышала; ей было обидно, чего-то страшно и весело. Не выпуская котенка, не останавливаясь, она бѣжала за молокомъ въ кухню. Тамъ, прислуга, двѣ женщины, ужъ подняли погромъ изъ того же; горничная ужъ побывала во дворѣ и побранилась черезъ заборъ съ мальчикомъ.

— И на чтó вамъ это, барышня? Насилу я его прогнала. Кричитъ: кабы не управляющаго дочка, я бы въ нее камнемъ запустилъ.

— Чтожъ, струсилъ? вскричала Катерина,—правъ, такъ и запускай!

Но въ глубинѣ души она была очень довольна на этотъ разъ, что она управляющаго дочка. Она унесла кормить на балконъ своего котенка, радуясь не тому, что избавила его отъ муки, а тому, что у нея завелась такая хорошая игрушка. Она играла, забавлялась, и вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же взяла свою книгу и читала внимательно и ясно, какъ будто было довольно простого обращенія къ простой жизни, чтобы разсѣять туманъ, навѣянный на душу свѣтской нескладицей. Еслибы *свѣтъ*, хоть въ образѣ N-скаго общества, заглянулъ черезъ плечо Катерины на строки, по которымъ ея глаза перебѣгали, то задумываясь, то загораясь,—онъ, вѣроятно, еще рѣшительнѣе назвалъ бы ее идеалисткой, опасной, если не помѣшанной головой, и нашелъ бы чтеніе крайне неприличнымъ. Книга была не русская и не романъ. Въ ней широко, свѣтло говорилось о благодатномъ будущемъ, возможномъ, если полюбить его всѣмъ сердцемъ, если сообща, всѣми силами,—не стремиться только,—но прикладывать къ нему руки. Въ книгѣ было много и печальнаго. Она указывала на многихъ виноватыхъ и еще прямѣе доказывала, что всякій, упрямо глядя въ одну свою сторону, ограниченно заботясь только о себѣ, прежде всего виноватъ передъ самимъ собою тѣмъ, что лишаетъ себя высшаго наслажденія — дѣлиться, высшаго блага—жить съ людьми заодно, высшей чести—быть полезнымъ. Книга учила, что счастье у людей подъ рукой, а они неразумно его проглядываютъ за тысячами путъ и подпорокъ, которыми сами подтягиваютъ и поддерживаютъ старыя стѣсненія....

Зачитавшись, Катерина не слышала звонка; она вскочила, услышавъ шаги. Котенокъ, пригрѣвшійся въ складкахъ ея платья, поползъ грѣться на солнышкѣ.

— Извините, сказалъ Верховской, кланяясь изъ дверей гостиной, — я помѣшалъ; слишкомъ рано....

— Нѣтъ, отвѣчала она; отецъ, я думаю, сейчасъ воротится. Не хотите ли сюда?

Проходя на балконъ, Верховской оглянулъ вторую комнату; она раздѣлялась пополамъ суконной занавѣской, къ которой были придвинуты двѣ широкія этажерки и между ними оставленъ выходъ. У окна маленькій письменный столъ, подлѣ него кресла. Это, очевидно, была комната Катерины, а за занавѣской ея спальня.

— Какъ здѣсь хорошо, сказалъ Верховской на балконѣ.

— Да, клены хороши, отвѣчала Катерина, выходя на минуту.

Верховской разслышалъ, какъ она приказывала горничной, накрывавшей въ гостиной на столъ, поставить еще приборъ, и

подумалъ, что, стало быть, до этой минуты хозяйка и не вспомнила, что онъ придетъ. Котенокъ теребилъ оставленную книжку; Верховской ее поднялъ и заглянулъ.

— Я спасъ отъ вашего любимца, сказалъ онъ, извиняясь, когда Катерина, входя, увидѣла у него въ рукахъ эту книжку.

Она взяла ее, спрятала на этажеркѣ и опять воротилась. Верховскому было неприятно, какъ-то тревожно, что она все приходила и уходила; ему было неловко; хотѣлось что-то сказать, и все, что придумывалось, казалось не то, не кстати, незанимательно, слишкомъ обыкновенно, пошло. Катерина была тоже затруднена; ей хотѣлось читать, ее оторвали и гость былъ незнакомый.

— Успѣли ли вы что-нибудь по вашему дѣлу? спросила она.

— Покупка? Все, отвѣчалъ Верховской, обрадовавшись, что она заговорила. Вообразите, все въ одно утро. Необыкновенная дѣятельность!

— Стало быть, васъ можно поздравить владѣльцемъ?

— Меня? Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ?

— Я покупаю не для себя.

— Не для себя?

— Это покупка моей жены. Для себя я никогда не куплю населеннаго имѣнія.

— Пожалуйста, извините, живо заговорила она,—но это очень странно; я не понимаю. Вы сказали утромъ, что деревня вамъ не нравится....

— Я сказалъ больше, также живо прервалъ онъ,—я сейчасъ сказалъ, что не покупаю людей.

— Стало быть....

— Стало быть, я исполняю приказаніе моей жены и только.

— Но, какъ же.... вы хотѣли возвратить землю казеннымъ крестьянамъ?

— И возвращу; я для того и торопился.

— И ваша жена будетъ согласна?

— Дѣло будетъ кончено.

Катерина съ минуту молчала, будто не рѣшаясь.

— А если она будетъ недовольна? спросила она и только выговоривъ свой вопросъ, поняла, какъ онъ неловокъ.

— Такъ чтожъ, пусть будетъ недовольна, отвѣчалъ Верховской, не замѣчая ея смущенія, не тревожась вопросомъ, равнодушно.

— Вы увѣрены, что она проститъ? спросила Катерина, обрадовавшись, что можетъ поправить свой промахъ.

Верховской засмѣялся.

— Я сдѣлалъ ей угодное, купилъ, отвѣчалъ онъ, а это.... пожалуй, хоть вознагражденіе мнѣ.

— За что? поспѣшно спросила Катерина и вспыхнула опять.

— Да, вотъ, за ваше поздравленіе, сейчасъ, отвѣчалъ онъ, продолжая смотрѣть на нее. Вы меня обидѣли. Изъ того, что вы *это* читаете (онъ показалъ головой въ комнату, куда она унесла книгу), еще не слѣдуетъ, чтобы другіе также не думали....

Она подняла на него глаза.

— Теперь моя очередь просить прощенія, выговорилъ онъ, зажавъ ея руку въ обѣихъ своихъ, — вы простили?

— Ахъ, конечно, отвѣчала она искренно и въ ея голосѣ послышалось что-то кроткое, нѣжное, неожиданное среди ея живости, что-то робкое, плѣнительное отъ противоположности ея думающаго взгляда. Верховскому хотѣлось припасть и цѣловать эту руку, которой выпустить недоставало силъ, эти ясные глаза, неумѣющіе ни вызывать, ни лукавить. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлалось. Будто кто позвалъ его, будто передъ нимъ отворили дверь куда-то,—куда ему давно хотѣлось,—и тамъ сверкнули будто огни дѣтскаго праздника.... нѣтъ, лучше—будто распахнулось долго запертое окно и открылось весеннее, свѣтлое, благоуханное поле, просторъ, тепло, тишина. Онъ ничего не думалъ; ему мелькнуло что-то далекое, вѣчно-милый, божественный образъ; что-то невыразимое прошло у него по сердцу, что-то воскресло, горѣло, звучало.... Такой минуты не бывало въ его жизни,—вотъ все, что еще сознавалъ онъ, почти не видя даже той, которая стояла передъ нимъ, какъ тихая, чистая, неотразимая сила....

Катерина не подозрѣвала, что для гостя проходила роковая минута. Она была спокойна и смотрѣла просто.

— Вотъ что, сказала она: простите, если я спрашиваю, но это такая вещь.... Я наглядѣлась на народъ, знаю, каково ему. Ваша жена покупаетъ Спасское. Она, конечно, знаетъ, какъ тамъ крестьяне разорены, несчастны. Если она беретъ на себя быть ихъ госпожей, стало быть, она хочетъ ихъ устроить. Хоть и крѣпостные, все бы они отдохнули. Какъ она намѣрена это сдѣлать, съ чего начнетъ? Вы, конечно, знаете; разскажите.

— Что? спросилъ Верховской, не сводя съ нея глазъ.

— Что будетъ дѣлать ваша жена въ деревнѣ?

— Жена.... въ деревнѣ?

— Да. Чѣмъ она займется?

— Но, что же.... Она хотѣла пить молоко.... Будетъ гулять, кататься.... Вообще деревенскія удовольствія....

— Какъ, деревня для удовольствія? прервала Катерина.

Верховской будто проснулся.

— Да...., сказалъ онъ.

— Для меня любопытна женщина, которая покупаетъ людей для удовольствія, сказала Катерина. Разскажите мнѣ о вашей женѣ.

Верховской не отвѣчалъ. Его охватилъ какой-то странный испугъ. Ему почудился другой голосъ изъ далекой, прошлой дали. Бывало, этотъ голосъ также звалъ оглянуться на жизнь, оцѣнить жизнь; также указывалъ, будилъ мысль, разъяснялъ чувство, ободрялъ совѣсть, звалъ на дѣло, — но теперь онъ звучалъ какъ-то сильнѣе, будто еще окрѣпъ, облетѣвъ безпредѣльность—какъ-то рѣзче и строже, безконечной любовью, но и неумолимой справедливостью.... Этотъ голосъ требовалъ отчета. Предъ Верховскимъ потянулась его жизнь длинными полосами тяжелаго тумана; люди, отношенія, чувства, все чуждое, смутное, безобразное, странное, несложившееся, неоконченное, нестоющее памяти, нестоившее существованія—являлось, проходило, уходило.... Было невозможно, но и не было силъ, и было отвратительно, и было стыдно на чемъ-нибудь остановиться мыслью.... Вдали, въ самой дали юность, будто розовый разсвѣтъ, какъ тотъ, чтó всходилъ сегодня утромъ, и на этомъ разсвѣтѣ, какъ сегодня утромъ, — божеская бѣлая звѣзда....

Катерина взглянула на гостя и не повторила своего вопроса.

Онъ не оглянулся на нее, иначе, забывшись, высказалъ бы ей все, чтó въ десятокъ лѣтъ убило его душу.

Она поняла, что коснулась до чего-то страшно больного, остановилась, но не испугалась. Лучше узнать, чтó за боль... Изъ любопытства?... Катерина сама себя озадачила этимъ вопросомъ. Если назвать любопытствомъ желаніе отдавать себѣ вѣрный отчетъ во всемъ, что ожиданно или случайно является передъ глазами,—она была любопытна. Ей все было близко, все нужно; она стремилась жарко, сочувствовала сильно, но не мечтательно; она знала, что всему помочь нельзя. Теперь она припомнила, что вчера, безконечно сбираясь на этотъ безконечный балъ, m-me Волкарева не переставала твердить о Верховскомъ, какъ о счастливѣйшемъ въ мірѣ человѣкѣ и, именно, счастливѣйшемъ сердечно.

— Нѣтъ, сказала себѣ рѣшительно Катерина, взглянувъ на него еще разъ въ эти нѣсколько минутъ молчанія.—Нѣтъ. Онъ такъ несчастливъ, что даже не находитъ, чтò солгать, для поддержки разговора, когда его спросили прямо. А еще свѣтскій господинъ!...

— Итакъ, вы будете здѣсь жить? спросила она громко:—по крайней мѣрѣ лѣтомъ?

— Да, конечно... Да, я думаю, отвѣчалъ онъ:—только не въ деревнѣ; здѣсь, въ городѣ. Здѣсь тихо, мнѣ нравится... Петербургъ... У меня тамъ нѣтъ никого... Да и вообще, нигдѣ никого.

— Какъ-же это?

— Такъ... Все куда-то ушло, договорилъ онъ, стараясь скрыть или поправить улыбкой выраженіе своихъ словъ и дрожь въ голосѣ, которой ему стало совѣстно. И все кругомъ идетъ нехорошо. Прежде не то было, право. Было хоть глупое молодое счастье...

— Неужели все хорошо потому только, что люди молоды? возразила она серьезно.—Все и всегда было дурно, но вы этого не замѣчали.

— Отъ этого нелегче.

— Даже еще хуже, отвѣчала она тихо и по прежнему серьезно: —значитъ, то, что̀ вы назвали молодымъ счастьемъ, было—невниманіе къ общему дѣлу и обезпеченный, беззаботный эгоизмъ.

— По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ я невиноватъ, возразилъ Верховской: у меня въ молодости была забота.

— Въ ней была и ваша радость, сказала она.

Ея слово будто сверкнуло съ высоты...

— Какъ вы сказали? *радость?* вскричалъ Верховской. Какъ вы отгадали?... Да, была у меня радость... лучше чѣмъ счастье, радость вѣчная, полная, постоянная, неизмѣнная, вся моя жизнь, весь мой разумъ... У меня мать была... я вамъ все это скажу. Вамъ это надо знать. Я ни съ кѣмъ не говорю о ней... Простите, ради Бога, вамъ можетъ показаться странно, но вы, вотъ, сейчасъ, сказали такое слово... Вы мнѣ позволите вамъ разсказать..

Онъ подошелъ и тихо взялъ ея руки...

— Вотъ, что, Катерина Николаевна... люди встрѣчаются, знакомятся, и какъ-то все это странно выходитъ. Не будемте какъ люди... Вамъ смѣшно? Знаете, какъ-нибудь иначе, не выжидая удобныхъ минутъ, не соблюдая разныхъ приличій...

— Ну, да, прервала она:—не какъ люди, а по-человѣчески.

— Какъ вы сказали? да, по-человѣчески! Не подозрѣвая, не лицемѣря... это зовутъ идеальничаньемъ...

— О, неправда, прервала она: самое положительное—узнать человѣка, каковъ онъ есть. Вотъ, гдѣ идеальничанье—въ свѣтѣ: церемонятся, скрытничаютъ, свяжутся—и потомъ не знаютъ какъ откреститься!

Верховской потерялся. Она смѣялась такъ просто, такъ звонко, такъ откровенно, она вся сіяла такой яркой жизнью, она вдругъ

стала такъ доступна, такъ близка... У него потемнѣло въ глазахъ, его охватило жаркое юношеское веселье и вдругъ, полной грудью, вздохнулось легко. Онъ оглянулся, сознаь, что̀ было кругомъ, чувствовалъ, что неловокъ, и не стѣснялся, и былъ этому радъ. Съ зеленой листвы, съ цвѣтовъ, съ неба вѣяло такой волей, что было бы неприлично прилично держаться...

— Какъ вы добры..., сказалъ онъ, самъ не зная почему.

Она вдругъ остановилась и прислушивалась; часы въ домѣ что-то пробили.

— Ну, отца кликнуть въ палатѣ, сказала она:—половина шестого.

Вслѣдъ затѣмъ раздался сильный звонокъ.

— Вотъ онъ... Маша, Машенька, поскорѣе, поскорѣе обѣдать! закричала Катерина и побѣжала отворить отцу.

Верховской смутился отъ такого перерыва и въ ту-же минуту очнулся. Его обступила новая жизнь и онъ спокойно дѣлался ея участникомъ во всемъ,—отъ того, что̀ было сейчасъ, до простого, обыденнаго. Какъ будто это было и его дѣло, онъ пошелъ встрѣчать Багрянскаго.

Но въ прихожей ужъ никого не было; Багрянскій былъ съ кѣмъ-то у себя въ кабинетѣ; оттуда слышался его голосъ:

— Вотъ тебѣ записка; отвези сейчасъ на квартиру окружному. Общество дастъ тебѣ увольненіе. Ну, съ Богомъ, не кланяйся, ступай скорѣе; съ Богомъ...

Кабинетъ затворился. Въ прихожей показался извощикъ. У него было какое-то потерянное счастливое лицо; онъ крестился и, будто въ потьмахъ, не находилъ сѣнной двери.

— На радости, сказалъ Верховской, сунувъ ему въ руку что̀ нашлось денегъ въ бумажникѣ.

Тотъ оглянулся, оторопѣлый.

— Знакомый? спросила Катерина, проходя изъ другой комнаты.

— Знакомый, отвѣчалъ Верховской, выпроводилъ его, заложилъ крючокъ и пошелъ за нею въ гостиную.

Она готовила салатъ. Верховской чувствовалъ себя такъ дома, что чуть не сѣлъ за накрытый столъ, не дожидаясь хозяина; онъ вспомнилъ объ этомъ, ужъ взявшись за стулъ и, чтобъ поправиться, сталъ вертѣть его.

Катерина оглянулась.

— Вамъ, петербургскому жителю, въ привычку поздній обѣдъ.

— Хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе? спросилъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Не поминайте мнѣ никогда о моихъ петербургскихъ привычкахъ.

— Слушаю, сказала она:—но это можетъ случиться невольно; я ихъ не знаю.

— Все равно.

Вошелъ Багрянскій, ужъ въ своемъ толстомъ пальто; усталый, онъ казался еще худѣе и желтѣе чѣмъ поутру.

— Вотъ и прекрасно, что пожаловали, сказалъ онъ, здороваясь съ Верховскимъ:—милости просимъ покушать.

Онъ перекрестился три раза, сѣлъ на хозяйское мѣсто и сталъ раздавать горячее.

— Щи изъ молодой сныти, объяснилъ онъ, подавая тарелку Верховскому.

Верховскому показалось необыкновенно вкусно. Ему все нравилось, даже то, что хозяинъ, замѣтно голодный, нецеремонно и торопливо ѣлъ, не говоря ни слова. Дочь не заговаривала тоже; вѣроятно, таковъ былъ обычай. Когда, вслѣдъ за щами, горничная поставила на столъ кусокъ жареной говядины и салатъ, Багрянскій передохнулъ и обратился къ гостю:

— Вотъ только когда опомнился, сказалъ онъ.

— Я думаю, начавъ отъ ранней зари! отвѣчалъ Верховской.

— Дѣлá! Это бы ничего. А вотъ, весь изозлишься. Страшно такая жизнь портитъ человѣка; въ конецъ сушитъ. Вы этого не знаете, господа. Вамъ *тамъ* подавай все готовенькое.... извините.

— Я самъ совершенно такъ думаю.

— Очень радъ... А тутъ, къ дѣлу, да всякія постороннія помѣхи... Вотъ, вы все подвергаете анализу,—скажите, пожалуйста, вы надъ людьми наблюдали,—чтò съ ними дѣлается? Иные господа и не глупы, и учили ихъ, послушайте какъ толкуютъ о разныхъ матеріяхъ, а чуть коснулось дѣла посерьезнѣе, одурѣли! Кажется, могли-бы размыслить, что тутъ-то имъ и подержаться, и показать себя—нѣтъ! непритворно одурѣли. Что имъ, пріятно, чтò-ли, быть дураками?

— Просто, пустые люди, отвѣчалъ Верховской. Серьезное дѣло, конечно общее дѣло, а они дальше себя не привыкли смотрѣть; чтò шире, то ихъ конфузитъ.

— Да, но и въ конфузѣ у нихъ все-таки достаетъ смысла подставить другому ножку, возразилъ Багрянскій со злостью.

— Вѣрно, опять что-нибудь Волкаревъ? спросила Катерина.

Отецъ промолчалъ.

— А чтò ваша покупка? обратился онъ къ Верховскому.

— Совсѣмъ кончена.

— Проворно. Какъ это успѣли? кто вамъ схлопоталъ?

— Повѣренный Запольцевой, Духановъ.

— Духановъ? Знаю. И васъ еще не совсѣмъ ограбили?

— Нѣтъ, я принялъ свои мѣры, возразилъ, смѣясь, Верховской.—Впрочемъ, еще не все кончено, разныя формальности... Но прежде всего, мнѣ хотѣлось-бы кончить съ казенными...

— Вы о дѣлахъ? Нѣтъ, ужъ извините; у меня привычка ихъ съ ѣдой не мѣшать. Отдохнувъ—сколько вамъ угодно.

На столъ явилось третье и послѣднее блюдо, жидкая молочная каша, до которой Багрянскій былъ большой охотникъ. Верховской не ѣлъ ея съ дѣтства и, вѣроятно потому, она показалась ему восхитительна. Катерина тщательно студила ее у себя на тарелкѣ.

— Какъ вы думаете, вдругъ тихо спросила она Верховского: —будетъ онъ это ѣсть? Кажется, еще слишкомъ малъ?

— Слишкомъ малъ..., повторилъ Верховской, не зная что отвѣчаетъ.

— Кто это? спросилъ отецъ.

— Звѣрочекъ, ласково отвѣчала Катерина, и когда отецъ поднялся изъ-за стола, выждала его три большіе креста, поцѣловала его руку и убѣжала на балконъ.

— Пойдемъ и мы; что тамъ такое, сказалъ Багрянскій Верховскому.—Э, матушка, тутъ и сѣсть не приготовлено.

Катерина принесла изъ своей комнаты на балконъ маленькій столикъ и выкатывала кресло для отца. Верховской бросился помочь ей и не успѣлъ.

— Возьмите и для себя оттуда, сказала она, отыскала котенка и сѣла на ступеньки кормить его.

— Вы курите? спросилъ Багрянскій, доставая сигару.—Катерина, у тебя сегодня все въ безпорядкѣ; спичекъ нѣтъ.

— Потрудитесь взять на столѣ, въ моей комнатѣ, сказала она Верховскому.

Верховской вышелъ.

— Что ты возишься съ дрянью, сказалъ отецъ.

— Я его полюбила, отвѣчала она, оглянувшись.

— Я его велю закинуть.

— Ну, нѣтъ, возразила она, качнувъ головой, и опять отвернулась.

Верховской оставался въ ея комнатѣ, слушалъ и глядѣлъ на балконъ. Ему не хотѣлось идти туда; ему тамъ что-то мѣшало; онъ-бы вѣкъ остался въ этой комнатѣ. Онъ, однако, воротился на свое мѣсто и, молча, подражая хозяину, смотрѣлъ какъ дымъ уходилъ подъ деревья. Солнце было ужъ низко.

— Вотъ такъ-то мы и отдыхаемъ, сказалъ Багрянскій.

— Здѣсь отлично.

— Да, этотъ клочокъ и прельстилъ меня, а больше—ее; изъза него почти и домъ купленъ. Мнѣ осталось съ небольшимъ два года прослужить до пенсіи; надѣюсь, до тѣхъ поръ не переведутъ и не выгонятъ; можно будетъ здѣсь и вѣкъ дожить. Въ отставку, не идолопоклонничать, отъ всякаго вздора подальше, ни съ кѣмъ не знаюсь, самъ себѣ баринъ; она у меня неприхотлива.

— Ваша семья—только вы и Катерина Николаевна?

— Семья?... Да, въ семьѣ насъ только двое.

Верховскому показалось, что Катерина сдѣлала движеніе.

— Дожить свой вѣкъ тихо, предъ Богомъ безъ грѣха, передъ честными людьми безъ стыда, продолжалъ Багрянскій будто въ раздумьи:—вотъ одно, чего прошу у Бога... не всякому это благо дается! Быть въ мирѣ съ самимъ собою, а ужъ въ пріязни съ людьми—гдѣ тамъ!... Лишь-бы не краснѣть передъ ними...

Катерина встала.

— Куда ты?

— Меня зовутъ, отвѣчала она.

— Вотъ записка отъ губернаторши, жандармъ привезъ, сказала, входя горничная.

— Что̀ еще..., выговорила Катерина.

Отецъ взялъ цвѣтной разорванный конвертикъ съ эмблематической облаткой.

— Какія элегантности. Что̀ такое, матушка?

— Я понять не могу, отвѣчала, нетерпѣливо читая, Катерина.

M-me Волкарева писала, что утомлена, нездорова, и что, конечно, дорогая Catherine не огорчитъ ее отказомъ провести у нея вечеръ; видѣвшись вчера, хочется свидѣться и сегодня, также какъ «l'appetit vient en mangeant...» M-me Волкарева извинялась въ этой тривіальной поговоркѣ жалобами на супруга, запоздавшаго къ обѣду, и на супружескій долгъ, обязывавшій дожидаться... «Вы не хотите признать надъ собой этого долга, вы отвергаете бурное чувство любви, покоритесь хоть тихому призыву дружбы...»

— Она съ ума сошла! вскричала Катерина, бросая записку.

Она была такъ уморительно похожа на разсерженнаго ребенка, что отецъ вмигъ повеселѣлъ и расхохотался; Верховской тоже, хотя ему хотѣлось несмѣяться, а расцѣловать эти прелестныя раскраснѣвшіяся щеки.

— Чего ты, злая? сказалъ отецъ:—что̀ такое? Можно прочесть?

— Читайте.

— Что жъ особеннаго? продолжалъ Багрянскій, не понявъ намековъ записки. Дружба, черезъ дежурнаго жандарма, приглашаетъ тебя къ себѣ въ объятія. Черезъ полчаса одѣвайся и ступай.

— Я, право, не понимаю! возразила Катерина: изъ чего эти нѣжности? Къ вамъ нельзя подольститься, такъ ко мнѣ... Вообразите, обратилась она къ Верховскому:—вотъ, этотъ балъ вчерашній. Задумала везти меня. Я такихъ записокъ цѣлую кучу вымела. Сама явилась. Наконецъ, чтó же... я все отговаривалась отцомъ: его ужъ не вытащишь!... въ другой разъ пріѣхала, вотъ такъ, въ сумерки, застала насъ вотъ здѣсь...

— И какъ была очаровательна! прервалъ Багрянскій:—«довѣрьте мнѣ вашу милую дочь...» Я неустоялъ!

— И прекрасно сдѣлали, сказалъ Верховской.

— Кажется, этого и довольно, я была вчера..., продолжала Катерина.

— А сегодня, тебя зовутъ за-просто.

— Но съ нею тоска!

— Что за отговорка? Тебѣ оказываютъ пріязнь...

— Но что жъ это за лицемѣріе? вскричала Катерина.— Волкаревъ васъ ненавидитъ ни за чтò, за то чтò вы есть,—что всего хуже!—мѣшаетъ вамъ въ чемъ только можетъ, готовъ вредить, и повредитъ... Сегодня,—я знаю, я увѣрена! ужъ былъ у васъ отъ него какой-нибудь крючокъ въ палатѣ!—а вечеромъ ласкать меня? Да я не хочу! мнѣ это гадко! я не хочу, чтобъ они посмѣли одну минуту вообразить, будто могутъ меня заласкать! Не хочу! Я знаю, чего они надѣются: прослышали, что я переписываю ваши письма, такъ не проболтаюсь-ли...

— Ну матушка, залетѣла! прервалъ съ досадой отецъ. Твоя воля думать, что тебѣ угодно, а что должно дѣлать, то дѣлай, чтобы все съ вида было въ порядкѣ и не къ чему привязаться...

— Не къ чему привязаться, если я и во вѣки не буду у этой барыни!

— Такъ! Чтобъ всѣ закричали, что тебя на порогъ не пускаютъ! У Волкаревыхъ свѣтлѣйшіе въ роднѣ, а вѣдь ты.... не отъ Константина-Багрянороднаго! договорилъ онъ со злостью и вмѣстѣ съ вызывающей насмѣшливой гордостью.

— Такъ что-же?

— Ступай, одѣвайся.

Она хотѣла что-то сказать, вдругъ удержалась, только поглядѣла ему въ лицо и пошла.

— Постой. Подай мнѣ прежде сюда спасскій планъ и сказку. Вы хотѣли справиться? обратился онъ къ Верховскому.

Верховскому казалось, что передъ нимъ прошумѣлъ вихрь. Его отуманило. Катерина принесла бумаги, положила ихъ на столъ, подняла своего котенка и опять вышла, все молча. Вер-

ховскому хотѣлось побѣжать за ней. Потомъ онъ сказалъ себѣ, что непремѣнно все сдѣлаетъ для этихъ крестьянъ, потому что она этого хочетъ. Дѣло не шло ему на умъ, говорить съ Багрянскимъ было противно, но Верховской заговорилъ о дѣлѣ. Багрянскій тоже какъ-то неохотно слушалъ и отвѣчалъ.

Это не продолжалось и получаса, хотя Верховскому показалось гораздо больше. Въ комнатѣ послышался шорохъ легкаго пышнаго платья и вошла Катерина, нарядная, вся въ бѣломъ.

— Прощайте, батюшка, сказала она, подходя къ отцу.

— Господь съ тобой.

Онъ чинно сталъ крестить ее и, кончивъ, вдругъ неловко схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ. Она тихо ахнула и тихо, по-дѣтски, къ нему припала. Онъ крѣпко, порывно цѣловалъ ее въ лицо и въ голову.

— Вся изомнешься...., выговорилъ онъ наконецъ, будто ворчливую шутку, будто извиненіе предъ постороннимъ, о которомъ только-что вспомнилъ. Вся вспутаешься.... вотъ!

Это былъ предлогъ еще погладить ея волосы.

— Какъ-же ты отправишься?

— Свѣтло, я дойду одна; теперь только девять, отвѣчала она тихо, еще вся взволнованная, и посмотрѣла на маленькіе часы у своего пояса:—а въ одиннадцать, я просила Машу придти за мной. Прощайте.

Верховской ждалъ, что она подастъ ему руку; она не догадалась; онъ хотѣлъ сказать, что еще увидитъ ее сегодня, но это показалось ему неловко; онъ взглянулъ и на свои часы, свѣряя время и разсчитывая, что ему нужно зайти домой, переодѣться.

— Пойдемте ее проводить, сказалъ, вставая, отецъ. А послѣ, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ; тамъ дѣла лучше дѣлаются.

Дѣла, въ самомъ дѣлѣ, пошли чрезвычайно быстро; хозяинъ оживился. Верховской получилъ подробныя наставленія, какъ снестись съ посредникомъ, съ уполномоченнымъ, чтобы скорѣе получить приговоръ крестьянъ и снова представить все дѣло въ палату.

— А въ палатѣ, даю вамъ слово, я не задержу и трехъ дней, заключилъ Багрянскій: — мнѣ самому это дѣло на шеѣ сидитъ. Но, прежде всего, вы еще не введены во владѣніе....

— Это я сейчасъ устрою, сказалъ Верховской, вставая, будто его осѣнила мысль: — сейчасъ ѣду къ Волкареву и прошу его содѣйствія.

— И превосходно. Очаруйте его—все будетъ сдѣлано.

— И ужъ кстати, когда я поѣду туда для ввода во владѣніе,

позвольте мнѣ самому отвезти уполномоченному планъ и ваше предписаніе, чтобъ не терять времени съ почтой.

— Пожалуй, извольте. Вы, какъ я замѣтилъ, не любите проволочекъ.

— Ненавижу.

— Это по моему!

— А потому, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ мнѣ успѣть очаровать Волкарева....

Онъ не зналъ, какъ скорѣе проститься и почти бѣжалъ по пустому переулку, бѣсясь, что не встрѣчалъ извощика. До гостинницы было не близко.

V.

Въ этотъ вечеръ у m-me Волкаревой было людно, освѣщено и даже оживлено. Въ залѣ толпились офицеры и прохаживались дѣвицы. Съ одной изъ нихъ прапорщикъ Соколовъ спѣлъ дуэтъ у рояля, послѣ чего m-me Волкарева упросила ее сыграть хоть вальсъ, чтобъ доставить удовольствіе молодежи. Дѣвица была не молода и вальсъ выходилъ какой-то задумчивый, а потому, на хорахъ скоро запестрѣли мундиры музыкантовъ. Здороваясь съ хозяйкой подъ грохотъ польки, Верховской замѣтилъ, что никакъ не думалъ попасть опять на балъ.

— On me gâte! отвѣчала m-me Волкарева. Они такъ добры, эти военные. Мы прощаемся; они уходятъ завтра на зарѣ. Вы не хотѣли быть на проводахъ!

— На какихъ?

— Какъ-же, сегодня, въ шесть часовъ, мы всѣ ѣздили къ заставѣ, ихъ угощали. Но гдѣ-жъ вы были? Vous avez l'air de venir de l'autre monde. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы провели день?

— Во снѣ, отвѣчалъ Верховской, оглянувшись на бѣлое платье, которое промелькнуло близко.

— Во снѣ?

— И въ гражданской палатѣ.

— Да, мнѣ говорилъ мужъ....

— Мнѣ нужно сказать вашему мужу....

— О дѣлахъ? Боже, оставьте эти дѣла! Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ начинаю вѣрить, что мужчины не то, что грубы, je ne dis pas tout-à-fait.... Кому вы кланяетесь?

— Mademoiselle Багрянской.

— Вы знакомы? давно-ли?

— Сегодня былъ у ея отца.

— Une étrange personne.... чего она еще ждетъ?... Да, чтó-же я говорила? Вы, мужчины, всегда заняты только своимъ; вамъ нѣтъ дѣла до тревоги другихъ; вы какъ-то умѣете прятать чувство.... Мнѣ сегодня вы были необходимы. Послушайте....

— Чтò вамъ угодно?

— Ахъ, нѣтъ, теперь не могу. Завтра. Завтра жду васъ. Или, нѣтъ, лучше, вотъ чтó: мнѣ бы хотѣлось проводить полкъ. Я пью воды, я встану на зарѣ. Вы тоже дѣлаете раннія прогулки; ждите меня у бульвара, я пріѣду и поѣдемъ вмѣстѣ..... Не говорите никому.... Я хочу сдѣлать *имъ* сюрпризъ. Я приготовила образокъ Митрофанія.... кому-нибудь, всѣмъ въ лицѣ одного. Какъ вы думаете, неловко отдать его полковнику? какъ-то оффиціально, нѣтъ того je ne sais quoi de coeur?...

— Да...

— Такъ видите.... продолжала она, слѣдя за его разсѣяннымъ взглядомъ:—ah, mon Dieu, да не ищите-же моего мужа! его легко найти, когда извѣстно гдѣ m-me Горнова.... Я думаю отдать образокъ одному изъ моихъ *адъютантовъ*, Цѣховичу. Vous savez, ce grand jeune homme brun, toujours si pâle; онъ очень-несчастенъ.... Вотъ, онъ машетъ музыкантамъ,—видите?... Можетъ быть, мое благословеніе.... Seulement, je ne sais, il est, je crois, catholique....

— Не знаю.

— Ахъ, пожалуйста, узнайте. Въ Лѣсичевѣ я отчаялась.... Ахъ, но вотъ цѣлая драма! Онъ вамъ не говорилъ?

— Ничего.

— И мнѣ тоже, но взглядъ, движенія — откровеннѣе словъ. Я догадываюсь, чтó съ нимъ, я вамъ скажу....

— Извините, прервалъ, подходя, одинъ еще молодой, щеголеватый и красивый совѣтникъ, un homme d'une grande éducation, какъ говорила о немъ m-me Волкарева и редакторъ N-скихъ губернскихъ вѣдомостей. Статья готова; неугодно-ли вамъ взглянуть? Я велѣлъ придти автору. Такъ-какъ вы приказали поторопиться....

— Ахъ, да. Гдѣ-же статья?

— Я оставилъ Алексѣю Владиміровичу; онъ находитъ....

— Боже мой, что еще онъ находитъ? Вѣчныя противорѣчія! вскричала m-me Волкарева. M-r Верховской, voulez-vous venir...

Верховской не заставилъ себя просить и пошелъ за нею въ гостиную; онъ видѣлъ за минуту, что Катерина прошла туда-же. Но онъ видѣлъ тоже, что у нея въ рукѣ сверкнули ея часы и взглянулъ на свои: было одиннадцать. Онъ отсталъ отъ губерна-

торши. Мимо него прошелъ Лѣсичевъ, необыкновенно мрачный. Верховскому ужасно захотѣлось смѣяться.

— Евгеній Ивановичъ, чтó такъ сердито?

— А, это вы. Ничего. Приказано тамъ еще собрать плясать.

— И сами будете?

— Почему-же нѣтъ?

— Съ кѣмъ?

— Что вамъ разсказывала сейчасъ эта госпожа?

— Право, не помню.

— Обо мнѣ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ для нея лучше. Тутъ и неоглянешься, какъ засядешь въ сплетню. Нѣтъ, вы, пожалуйста, не думайте, что я въ отчаяніи.

Они разошлись. Въ залѣ раздалась кадриль, а въ гостиной Верховской наконецъ догналъ Катерину.

— Вы не вообразите, какъ я радъ, хоть на одну минуту! говорилъ онъ.

— А я сейчасъ бѣгу, отвѣчала она. Я узнала: моя Маша ужъ здѣсь, и я, не простясь....

— Постойте.... хоть слова два.

Они прошли гостиную и были въ «интимномъ пріютѣ». Пріютъ освѣщался однимъ таинственнымъ, весьма непріятнымъ фонарикомъ съ потолка; въ углу, уединясь, сидѣли двѣ барыни и безъ умолку шопотомъ сплетничали.

— Тамъ было жарко, вамъ идти далеко, говорилъ Верховской: — отдохните здѣсь.

— Это, пожалуй, такъ.

Она подошла къ отворенному окну.

— Какая ночь тихая.

— Какой день былъ прелестный! сказалъ онъ. Я вамъ обязанъ этимъ днемъ. Скажу вамъ прямо: я не знаю, что со мной сдѣлалось: я другой человѣкъ. Ваша жизнь, ваша обстановка, вы сами,—вы тó мнѣ напомнили, тò во мнѣ воскресили.... Я вамъ все разскажу.... Видите, въ васъ какая-то сила, какое-то добро; вы сами не чувствуете, какъ его раздаете. Все равно, что огонь, — чѣмъ больше отдаешь, тѣмъ его больше. Жизнь темна.... вообразите это. Вы видали,—изъ церкви иногда выходятъ богомольцы, несутъ къ себѣ домой зажженныя свѣчи; у кого погаснетъ—другой не дастъ, бережетъ свою, скупо, жадно зажимаетъ ее ладонью; огонь изъ-подъ пальцевъ красный, мутный; лица озабоченныя, злыя.... Кому радость отъ ихъ огня? Что донесутъ и поставятъ къ образамъ! И на молитвѣ не войдетъ имъ въ голову, что они отказали въ свѣтѣ тому, кто про-

силъ его у нихъ!... Вы мнѣ не отказали въ свѣтѣ.... Конечно, вокругъ меня не тьма, но вотъ такой-же блѣдный, холодный сумракъ, какъ эта ночь, гдѣ нѣтъ ни искорки....

— Неправда, не браните ночь, прервала она: — вы, вѣрно, плохо видите; вонъ — вонъ, пониже, одна, двѣ, и еще, и еще, всѣ семь—Большая-Медвѣдица.

Она обернулась къ нему и встрѣтила его взглядъ.

— Не думайте, чтобъ я васъ не слушала, но теперь говорить некогда. Дайте мнѣ уйти, чтобъ никто не видалъ. Прощайте.

Она выговорила это шопотомъ и вышла такъ скоро, что Верховской не успѣлъ сказать слова. Идя за нею, въ дверяхъ гостиной, онъ встрѣтилъ хорошенькую m-me Горнову.

— Васъ ищутъ, сказала она—я знала, гдѣ вы и не выдала.

— Кому?

— Неужели, для того чтобъ быть благодарнымъ, нужно знать, какъ была велика опасность?... О, madame Волкарева права, когда говоритъ....

— Она никогда не права, возразилъ Верховской, глядя, какъ Катерина скрылась въ дверяхъ.

— Можетъ-быть, m-me Волкарева права теперь; васъ за тѣмъ искали, чтобъ вы это рѣшили. Вотъ, послушайте.

За трельяжемъ, у стола столпилось общество и шелъ споръ между m-me Волкаревой и самимъ Волкаревымъ; присутствующіе раздѣлялись на эти двѣ партіи, хотя мнѣнія выражались, по большей части, междометіями. Среди говора, совѣтникъ-редакторъ что-то внушительно объяснялъ безмолвному некрасивому молодому человѣку. Это былъ авторъ статьи о балѣ и проводахъ полка, назначавшейся въ неоффиціальный отдѣлъ N-скихъ вѣдомостей. По приказанію ихъ превосходительствъ, онъ въ теченіи сутокъ въ третій разъ передѣлывалъ свою статью.

— Je dis que ce vers: «Долой мечеть съ двурогою луною» doit servir de canevas.... на немъ вся идея, поясняла m-me Волкарева.

— Едва вы кладете туда ваши поэтическіе образы—это ужъ не то! восклицалъ Волкаревъ.

— Mais, mon ami, это стихотвореніе сдѣлало фуроръ....

— Все равно!

— И я его имъ прочла....

— Все равно! c'est du sensible, du langoureux....

— Ахъ, ты споришь!... Это «долой» такъ энергично! Это всѣмъ общее чувство. Ненависть къ Турціи такъ велика.... *Они* говорили мнѣ.... но, вотъ, эти господа слышали: никто не куритъ папиросъ изъ турецкаго табаку!

— Est-il possible? раздались голоса.

— Vraiment. Ненависть смертельная.... Тутъ нѣтъ ничего смѣшного! гнѣвно обратилась она къ одному юношѣ, неосторожно выразившему свои чувства.

Онъ поспѣшилъ скрыться за трельяжъ.

— Ненависть смертельная! энергично повторила m-me Волкарева.

— Потому я и предлагаю....

— Mais, ma chère, это родное, національное....

— Вчера, когда я сказала, что для красоты праздника недостаетъ только луннаго свѣта, мнѣ отвѣчали: «Долой мечеть...»

— Ахъ, матушка, это отвлеченное! Кто любуется луною....

— Вы любуетесь луною? спросилъ Верховской m-me Горнову.

— Никогда.

— Не патріотично?

— Просто, не люблю. Мертвецъ, котораго мы тащимъ за собой,—ужасъ!...

Она пожалась, будто вздрагивая.

— Я жить хочу, и чтобъ всѣ жили, всѣ мои ближніе.... Какое у васъ сегодня хорошее лицо, m-r Верховской. Это меня радуетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Но пойдемте, поддержимъ немножко этого бѣднаго Алексѣя Владиміровича; онъ погибаетъ.

— Я говорю, что всего лучше въ нашемъ простомъ, русскомъ складѣ, возвысилъ свой голосъ Волкаревъ:—«нашъ бѣлый калачь», «наша добрая русская чарка....»

— Нѣтъ, quelle idée! Ce n'est pas gracieux! Вѣдь это прочтутъ въ Москвѣ! Нѣтъ! раздалось хоромъ за губернаторшей.

— Нѣтъ, рѣшено! передѣлайте какъ я сказала и печатайте! заключила она.

Волкаревъ увидѣлъ m-me Горнову.

— Et vous, madame, votre avis?

— Certainement, pour la чарка! отвѣчала она.

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

II. Первые годы царствованія. — Планы преобразованій *).

Извѣстно изъ множества разсказовъ, съ какимъ восторгомъ встрѣчено было воцареніе Александра. Народъ, кажется, остался довольно равнодушенъ къ происшедшему; но въ обществѣ вступленіе Александра на престолъ было радостью для всѣхъ.

Исторія наша до сихъ поръ совершенно обходила царствованіе Павла, и дѣйствительно еще трудно, въ условіяхъ нашей литературы, нарисовать его вѣрными чертами; но вообще есть однако довольно опредѣленное представленіе объ этомъ времени, какъ времени произвола, наводившаго страхъ и трепетъ. Правда, по отзывамъ людей, хорошо знавшихъ характеръ Павла, въ этомъ характерѣ были черты, внушавшія уваженіе, инстинкты безпристрастія, рыцарской честности, великодушія, справедливости [1]), но надъ всѣмъ этимъ до такой степени господствовалъ безпредѣльный личный произволъ, минутная раздражительность, готовая вспыхивать при самомъ ничтожномъ поводѣ, что самыя лучшія качества могли проявляться только

---

*) См. выше: февраль, стр. 722.

[1]) См. записки Кутлубицкаго, Комаровскаго, Дмитріева, Саблукова, даже Mémoires secrètes и т. д.

чисто случайно, притомъ и они проявлялись почти всегда въ самыхъ своеобразныхъ формахъ, внушавшихъ одинъ страхъ [1]. Онъ обнаруживалъ желаніе ввести справедливость, уничтожать злоупотребленія и т. п., но съ самаго начала его правленіе приняло самыя суровыя формы. При всей умѣренности, съ какою мы ни стали бы судить объ этомъ времени, было бы крайнимъ извращеніемъ истины говорить, будто бы «гоненіе круглыхъ шляпъ и французскихъ костюмовъ, ненавистныхъ Павлу со временъ революціи, и взысканія съ лицъ, не успѣвшихъ при встрѣчѣ съ государемъ остановиться и отдать ему должную почесть, — быть можетъ, эти мелочныя непріятности казались массѣ общества наиболѣе несносными изъ всѣхъ нововведеній императора Павла» [2]. Нѣтъ, было, къ сожалѣнію, слишкомъ много вещей, несравненно болѣе несносныхъ. Самое обстоятельство, что императоръ считалъ не ниже своего достоинства заниматься преслѣдованіемъ круглыхъ шляпъ, характеризуетъ духъ управленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гатчинѣ, въ постоянномъ раздраженіи отъ хода дѣлъ и придворныхъ условій, — въ характерѣ Павла пріобрѣла полное господство эта личная раздражительная мелочность, отъ которой онъ не избавился и на престолѣ: какъ прежде, когда кругъ его власти ограничивался Гатчиной, онъ не стѣснялъ себя ничѣмъ, такъ теперь гатчинскія привычки перенесены были на управленіе имперіей. Милитаризмъ сталъ господствовать и здѣсь: на немъ сосредоточено было главнѣйшее вниманіе; начато было преобразованіе арміи только съ цѣлью придать ей гатчинскую внѣшность, и исполнялось съ такой нетерпимостью, которая создавала недовольныхъ даже между солдатами. Управленіе началось такими же передѣлками, въ которыхъ слишкомъ замѣтно было желаніе подорвать или уничтожить учрежденія Екатерины. Словомъ, личный произволъ, воспитав-

---

[1]) «Награда утратила свою прелесть; наказаніе—сопряженный съ нимъ стыдъ»; такъ выражался даже Н. М. Карамзинъ.

[2]) Исторія царств. имп. Александра I. Сочиненіе автора исторіи отеч. войны 1812 года. I, 44. Но тотъ же авторъ говоритъ рядомъ съ этимъ: «Вообще народъ, несмотря ни на благія намѣренія сего монарха, ни на добро имъ уже сдѣланное, вспоминалъ съ *сожалѣніемъ* времена «матушки Екатерины» и съ *надеждою* обращалъ взоры къ наслѣднику престола»,—а о воцареніи Александра: «Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, *поздравляли другъ друга*, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось, *милліоны* людей *возродились* къ новой жизни» (I, стр. 46)—неужели отъ открывавшейся возможности носить круглыя шляпы и французскіе костюмы? И какъ кромѣ того объяснить равнодушіе народа и общества къ катастрофѣ?

шійся въ Гатчинѣ и который привыкъ тамъ къ безусловному и полному подчиненію, перенесенъ былъ на арену цѣлой имперіи: очевидно въ этой многосложной сферѣ эти привычки должны были оказываться по меньшей мѣрѣ неумѣстными; странности, къ которымъ привыкла немногочисленная гатчинская обстановка, должны были чрезвычайно бросаться въ глаза, когда онѣ стали проявляться на новой обширной сценѣ; и кромѣ того изъ-за мелочныхъ фрунтовыхъ и подобныхъ формальностей, которымъ была придана величайшая важность, должны были ускользать отъ вниманія, и дѣйствительно ускользали, самые крупные интересы государства и общества. Къ этому прибавлялось у имп. Павла особенное, нѣсколько фантастическое представленіе о достоинствѣ его власти: онъ понималъ ее какъ нѣчто въ родѣ власти Гаруна аль-Рашида, хотѣлъ все знать, все видѣть, вездѣ водворять добродѣтель и преслѣдовать порокъ, — онъ дѣйствительно попадалъ на отдѣльные случаи и строго каралъ ихъ, но онъ былъ безсиленъ противъ общихъ явленій: современники говорили, что, несмотря на все желаніе Павла быть справедливымъ, это желаніе всего меньше осуществлялось на практикѣ. Самыя кары теряли свой смыслъ и не оказывали дѣйствія, потому что его гоненія часто падали и на людей совсѣмъ неповинныхъ, но какой-нибудь мелочью вызвавшихъ его раздраженіе. Не довольствуясь обычными аттрибутами своей власти, какъ она создалась вѣками, онъ хотѣлъ придать ей новое величіе магистерствомъ средневѣкового ордена. Въ такой чрезвычайной роли онъ являлся въ самой семьѣ. Для подданныхъ онъ хотѣлъ быть недостижимымъ божествомъ, требовалъ самаго униженнаго поклоненія, которое становилось тягостно для самыхъ обыкновенныхъ частныхъ людей. По идеѣ о своемъ всемогуществѣ, онъ требовалъ вообще моментальнаго исполненія своихъ приказовъ, и очень часто требовалъ совершенно невозможнаго. Милость его всегда была на волоскѣ; она каждую минуту могла превратиться въ необузданный гнѣвъ, — удаленіе изъ службы, арестъ, ссылка были вещи самыя обыкновенныя: по разсказамъ современниковъ, люди отправляясь къ своимъ служебнымъ мѣстамъ, всегда бывали готовы къ такимъ случайностямъ; офицеры держали всегда при себѣ запасъ денегъ, потому что могло не быть времени, чтобы собрать ихъ въ случаѣ внезапной ссылки [1]).

---

[1]) «Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали въ караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ

Во всемъ этомъ поражало отсутствіе принципа и послѣдовательности. Единственное, что было ясно, это—господство фрунтовой субординаціи, принципъ которой былъ распространенъ на самыя сложныя государственныя дѣла, и преслѣдованіе якобинства. Объ этомъ послѣднемъ онъ имѣлъ тѣ самыя понятія, какія уже въ то время распространялись европейскими обскурантами различныхъ школъ — іезуитской, феодально-аристократической, піэтистическо-масонской: всѣ эти элементы были кругомъ Павла, и онъ какъ нельзя больше былъ имъ доступенъ, — вспомнимъ напр. милость, какой пользовались у него іезуитъ Груберъ и мальтійское рыцарство. Началось преслѣдованіе революціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, которому пришлось расплачиваться за европейскіе безпорядки. По упомянутой программѣ сочтено было зловреднымъ все, приходившее изъ Европы: поэтому запрещенъ былъ въѣздъ иностранцевъ, запрещенъ былъ ввозъ *всякихъ* книгъ, запрещено было русскимъ подданнымъ отправляться въ нѣмецкіе университеты и велѣно было возвратиться тѣмъ, которые тамъ были, наконецъ запрещались костюмы, напоминавшіе французскія моды, запрещались слова: «гражданинъ» и «отечество», запрещался вальсъ и т. д. и т. д.

Въ результатѣ такихъ пріемовъ правленія былъ всеобщій страхъ: никто не былъ гарантированъ отъ опасности, за себя или за близкихъ. «Оба великіе князья (Александръ и Константинъ)—разсказываетъ современникъ—смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ» [1]).

Положеніе вещей было такимъ образомъ натянутое до послѣдней степени. Какъ принята была перемѣна царствованія въ массѣ общества, мы упоминали. Общество не скрывало своей радости, и странно сказать, какъ ни были чрезвычайны событія, на нихъ весьма недвусмысленно намекалось даже въ печати. Александра встрѣтили множествомъ одъ, это было въ духѣ времени; оду написалъ и Державинъ. Ему немного стоило восторгаться теперь, какъ незадолго передъ тѣмъ онъ восторгался мальтійскимъ орденомъ, но ода придворнаго

рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность». Записки Саблукова, Русскій Архивъ 1869, стр. 1903, также стр. 1904—1908; Записки Комаровскаго, Русскій Архивъ 1867, стр. 540, 544; Mémories secrètes I, 198—201 и др.

[1]) Зап. Саблукова; Арх., стр. 1896.

піиты на восшествіе Александра на престолъ тѣмъ не менѣе любопытна:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ, —

говоритъ онъ между прочимъ въ этой одѣ, —

На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

По словамъ М. Дмитріева, Державина упрекали за эти стихи, находя въ нихъ изображеніе Павла. Самъ Дмитріевъ замѣчаетъ: «изображеніе дѣйствительно вѣрное, и въ намѣреніи поэта *нѣтъ сомнѣнія*» [1]). Это очевидно. Въ другомъ мѣстѣ ода опять намекаетъ на Павла въ такомъ же тонѣ:

...Что̀ престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава,
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что *полки* и *стѣны*
Коль насъ невинность не стрежетъ?

Далѣе:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій,
И зараждаютъ *громъ средь тучъ:*
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите—и *тѣснить* блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Въ этихъ словахъ не было особеннаго гражданскаго мужества, потому что слова относились къ прошедшимъ властямъ, — Александръ былъ не таковъ:

Нѣтъ, Ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ, etc.

Когда эти прежнія власти еще жили, Державинъ предпочиталъ кадить имъ и ублажать ихъ своимъ стихотворствомъ; но, каково бы ни было личное отношеніе автора къ предмету,

---

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 40. Ср. Грота, Соч. Держ., т. II, стр. 355—363.

его намеки и призыванія любопытны какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія; если Державинъ говорилъ такъ открыто въ печати, онъ только повторялъ общее настроеніе, которое въ первыя минуты новаго царствованія было такъ единодушно, что можно было безопасно высказать его въ такихъ прозрачныхъ намекахъ. Ода заключаетъ въ себѣ еще одну любопытную черту. Поэту, среди его восторговъ, представляется въ облакахъ сама Екатерина:

Стоитъ въ порфирѣ, и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.—
Внимать вы прежде не хотѣли,
И *презрѣли* мою любовь;
Вы *сами отъ себя* терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь».—
Рекла,—и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Изъ этихъ словъ явно, кажется, слѣдуетъ, что Державинъ ставилъ обществу въ вину, что оно прежде не позаботилось о возведеніи Александра на престолъ, какъ этого желала Екатерина; что ему должно было бы не допускать Павла до престола,—оно этого не сдѣлало, и потому терпѣло «само отъ себя». Если Державинъ доходилъ до подобнаго вольнодумства, то надо предполагать, что подобныя сужденія слышались въ цѣлой массѣ общества. Дѣйствительно, по словамъ Карамзина, у котораго мудрено предположить здѣсь преувеличеніе, — «вѣсть объ этомъ событіи (вступленіи на престолъ Александра) была въ цѣломъ государствѣ *вѣстью искупленія*; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Другіе замѣчаютъ, правда, что «этотъ восторгъ изъявляло одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно» [1]), — народная масса, дѣйствительно, издавна была довольно равнодушна къ подобнымъ перемѣнамъ, ничего не измѣнявшимъ въ ея положеніи и не обѣщавшимъ такого измѣненія, — но этотъ восторгъ въ самомъ дѣлѣ должны были чувствовать всѣ болѣе или менѣе образованные люди, всѣ, кто испытывалъ на себѣ тяжкій произволъ предыдущаго царствованія, кто сколько-нибудь сознавалъ свое человѣческое и гражданское достоинство.

Серьезное конечно соединялось съ пустымъ и мелочнымъ. Въ первые моменты новаго царствованія — разсказываетъ Саб-

[1]) Записки М. Фонъ-Визина.

луковъ [1]), — общество предалось необузданной и ребяческой радости. Какъ только узнали о смерти Павла, тотчасъ исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа à la Titus, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами; дамы одѣлись въ новые костюмы, на улицахъ понеслись экипажи съ запрещенной и еще не дозволенной вновь упряжью. Но если это и имѣло видъ ребячества, то оно было естественно, потому что и это жалкое право на упряжь и сапоги было отнято. По другимъ разсказамъ, Зубовъ, вскорѣ послѣ катастрофы, устроилъ для своихъ сотоварищей оргію, на которой явился во фракѣ и жилетѣ, и металъ банкъ, что́ строго запрещалось при Павлѣ, — какъ будто весь переворотъ нуженъ былъ только для возвращенія той нравственной разнузданности, къ которой высшее барство привыкло при Екатеринѣ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Саблукова, «это движеніе дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что точно какимъ-то волшебствомъ, съ рукъ ихъ свалились цѣпи и что нація была вызвана изъ гроба къ жизни и движенію».

Во всякомъ случаѣ, характеръ правленія имп. Павла наводилъ уже тогда значительный кругъ людей на мысль, что слѣдуетъ иначе смотрѣть на традиціонный характеръ власти, и они стали сомнѣваться, чтобы эта власть, предоставленная самой себѣ, могла успѣшно достигать своей истинной цѣли — общественнаго блага, и начинали думать, что для нея необходимы извѣстныя границы. Державинъ высказывалъ это въ своемъ совѣтѣ властямъ — остерегаться «тѣснить народъ»; другіе начинали думать, какими средствами можно было бы предотвратить это притѣсненіе. Современники разсказывали, будто бы въ первые моменты новаго царствованія гр. Паленъ и гр. Н. П. Панинъ предложили императору принять конституціонный актъ, но что императоръ, предупрежденный генераломъ Талызинымъ, устоялъ противъ ихъ настойчивыхъ требованій [2]). Это могло быть и не быть, мы не имѣемъ пока никакихъ достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ случаѣ, но вообще едвали сомнительно, что идея конституціоннаго ограниченія власти вызвана была въ умахъ тягостными годами правленія Павла. Самое возникновеніе подобныхъ слуховъ свидѣтельствуетъ, что общественная мысль уже стала обращаться къ этому предмету. Тотъ же Саблуковъ, свидѣтель безпристрастный и правдивый, разсказываетъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ положеніи вещей:

---

[1]) Р. Арх., 1869, стр. 1947.
[2]) Записки М. Фонъ-Визина.

«Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и еслибы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, *уже начертанной* (?), и въ этомъ случаѣ наслѣдникомъ былъ бы назначенъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однакоже говорили съ увѣренностью, что 1 января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то время было замѣчено, что вел. князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ».... [1])

Мы опять не имѣемъ пока прочныхъ данныхъ, чтобы принять это извѣстіе о «начертанной» уже конституціи, которою хотѣли обязать Павла; и слово «конституція» разумѣется у Саблукова не какъ формальное представительное правленіе, а въ болѣе обширномъ смыслѣ основныхъ законовъ, обязательныхъ для главы государства. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни оказалось неточнымъ или преувеличеннымъ это извѣстіе, и другія подобныя (напр. о конституціи, составленной Н. И. Панинымъ, объ упомянутомъ намѣреніи гр. Палена и Н. П. Панина, и т. п.), но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что Екатерина дѣйствительно желала устранить Павла отъ престола, потому что, зная его характеръ, она опасалась за собственныя учрежденія и труды, которые при Павлѣ легко могли быть извращены или уничтожены: она опасалась, что образъ правленія Павла будетъ по-

---

[1]) Р. Арх. 1869, стр. 1882—83. Подъ *начертанной конституціей* можетъ быть разумѣются тѣ законодательныя работы, о которыхъ (по свѣдѣніямъ въ бумагахъ Строганова) Безбородко говорилъ своему племяннику Кочубею. «По словамъ Безбородки, онъ самъ занимался составленіемъ проекта реформы управленія по порученію императрицы Екатерины; дворянская грамота и городовое положеніе были началомъ предначертанныхъ ею преобразованій; но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили великую государыню усомниться въ пользѣ предположенныхъ ею нововведеній». Такъ передаетъ это г. Богдановичъ, Истор. I, стр. 181.

ходить на правленіе его отца; она могла считать его даже совершенно неспособнымъ къ трудамъ правленія [1]), и могла желать по крайней мѣрѣ ограничить нѣсколько его произволъ. Эти взгляды императрицы не оставались неизвѣстны въ высшихъ кругахъ общества, составлявшихъ тогда главную долю образованнаго класса, и планы ея, дѣйствительные и предполагаемые, должны были возбуждать весьма серьезный интересъ въ этихъ кругахъ и къ среднемъ дворянствѣ, которымъ извѣстенъ былъ хорошо и характеръ Павла и на которыхъ прежде всего должны были отразиться его самодержавныя дѣйствія. Такимъ образомъ, мысль объ извѣстномъ ограниченіи или болѣе точномъ опредѣленіи дѣйствій верховной власти уже въ это время, въ послѣдніе годы Екатерины, должна была занимать умы образованнѣйшей части общества. Сама Екатерина очень мало была склонна къ чему-нибудь конституціонному, но ея законодательство имѣло все-таки извѣстное стремленіе ввести въ Россіи правильную организацію общественнаго устройства, и по крайней мѣрѣ хотѣло начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій и открыть путь къ ихъ *гражданской* самодѣятельности. Воспитаніе Александра, начатое въ очень либеральномъ стилѣ и почти въ томъ же стилѣ доведенное Екатериной до конца, несмотря на измѣненіе въ ея личномъ настроеніи, показываетъ, что для будущаго правителя Россіи она все-таки желала того склоннаго къ свободѣ направленія, которое бы открывало перспективу дальнѣйшаго гражданскаго развитія общества. Слухи о конституціонныхъ ея планахъ, долженствовавшихъ ограничить произволъ Павла, если и были не вполнѣ основательны, показываютъ однако, что въ обществѣ зарождался политическій вопросъ. Въ старой аристократіи являлись уже либеральные люди въ родѣ Воронцова, покровительствовавшаго Радищеву; въ образованномъ обществѣ начиналось броженіе тѣхъ идей, которыя высказывалъ Радищевъ; въ молодомъ поколѣніи образованнаго класса европейскія событія производили свое впечатлѣніе, и мы видѣли на примѣрѣ самого Александра, какъ принципы идеальной справедливости, равенства и свободы дѣйствовали на лучшіе инстинкты его природы.

Царствованіе Павла было рѣзкимъ перерывомъ въ этомъ

[1]) «Lorsque Paul fut d'âge à s'occuper des affaires d'état, Catherine essaya de l'associer à ses travaux; mais le secretaire d'état, prince Besborodko, qui assistait aux séances, déclarait que ni l'impératrice ni lui n'avaient jamais pu rien lui faire comprendre, et qu'il entendait tout de travers. Alors, de peur d'irriter ses passions et dans l'espoir de l'adoucir par l'indulgence, Catherine l'abandonna à lui-même»... Mémoires de l'amiral Tchitchagoff. Leipz. 1862, стр. 22.

ходѣ понятій. Павелъ желалъ истребить всѣ эти якобинскія наклонности и успѣлъ въ короткое время навести такой страхъ, что общество стало совершенно безгласно: наступила атмосфера заговоровъ. Въ результатѣ это время принесло совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какихъ Павелъ ожидалъ. Его собственные взгляды выражались такими отрывочными, противорѣчивыми и ничѣмъ необъяснимыми распоряженіями, что въ нихъ нельзя было указать даже никакой, хотя бы ложной, но обдуманной системы; онъ не въ состояніи былъ привязать къ себѣ даже ретроградныхъ элементовъ общества. Люди, мѣнявшіеся вокругъ него, не представляли ничего похожаго на какое-нибудь направленіе: это были или простые угодники, или невольные исполнители приказаній; характеристическими представителями *этого* времени были только люди, какъ Архаровъ (глава знаменитыхъ въ свое время «архаровцевъ»), Обольяниновъ, Аракчеевъ, Эртель и т. п. Четыре года этого правленія практически доказывали справедливость прежнихъ опасеній; опытъ заставлялъ возвращаться къ конституціоннымъ идеямъ, появившимся при Екатеринѣ, и реакціей безсодержательному правленію естественно должно было быть желаніе какого-нибудь прочнаго разумнаго порядка вещей. Первый манифестъ Александра высказывалъ эту мысль, когда заявлялъ желаніе управлять «по законамъ и сердцу Екатерины»: невозможно было сослаться на ближайшаго предшественника, — напротивъ, надо было отказываться отъ солидарности съ нимъ. Таковы были впечатлѣнія, подъ которыми открывалось новое царствованіе. Всеобщее сочувствіе, которымъ оно было встрѣчено, имѣло въ глубинѣ своей тѣже идеи, какія наполняли самого Александра: всѣ радовались новому времени и всѣ ждали новаго правленія, которое и было давней мечтой Александра, въ которомъ на мѣсто произвола и насилія явился бы наконецъ законъ и справедливость. Дѣятелями новаго царствованія явились люди молодого поколѣнія той сферы, старые представители которой были дѣятелями временъ Екатерины. Кочубей былъ племянникъ и воспитанникъ Безбородки; Павелъ Строгановъ—сынъ знаменитаго вельможи Екатерининскихъ временъ А. С. Строганова; Новосильцовъ былъ также близкій родственникъ этого Строганова. Всѣ они, какъ и Чарторижскій, воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ времени и всѣ съ болѣе или менѣе ревностнымъ чувствомъ преданы были тѣмъ новымъ общественнымъ идеямъ, какія распространялись тогда изъ Франціи и преобразовывали европейскую жизнь.

Для Александра начинались лучшіе дни его жизни и правленія. Онъ тотчасъ вызвалъ въ Петербургъ Кочубея, который

въ послѣднее время предыдущаго царствованія былъ въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи; тотчасъ были посланы письма къ Чарторижскому въ Италію, и Новосильцову въ Лондонъ. Чарторижскому писалъ самъ императоръ Александръ отъ 17-го марта; Новосильцову написали общую записку Строгановы и Муравьевъ въ первыя минуты воцаренія Александра [1]). Друзья императора собрались вокругъ него, и этотъ кружокъ сталъ выражать собой характеръ правительства. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ и укажемъ только главнѣйшія черты.

Первые годы, когда Александръ былъ окруженъ этими своими друзьями, приблизительно до Тильзитскаго мира, были безъ сомнѣнія лучшимъ временемъ его царствованія. Онъ дѣйствовалъ подъ первой силой своихъ идеальныхъ воззрѣній, столько времени подавляемыхъ и впервые вырвавшихся на свободу и вооруженныхъ теперь всѣмъ могуществомъ русскаго самодержавія. Принципъ, въ силу котораго онъ хотѣлъ и старался дѣйствовать, былъ принципъ *законности*, которому онъ хотѣлъ подчинить и неограниченность своей собственной самодержавной власти. Извѣстно нѣсколько анекдотическихъ случаевъ, въ которыхъ императоръ Александръ довольно твердо заявлялъ принятое имъ правило; оно должно было сильно неравиться людямъ стараго общества, въ особенности избалованной аристократіи, которая даже и въ Екатерининскія времена привыкла къ тому, что не только власть государя, но и власть фаворита можетъ сдѣлать все, чтò бы ни говорили справедливость и законъ. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ извѣстныя слова Александра въ письмѣ къ княгинѣ Голицыной (урожденной Вяземской), которая въ основаніе своей, несогласной съ законами просьбы, приводила то, что императоръ выше закона. Александръ отвѣтилъ ей, что если

---

1) Письмо Александра къ Чарторижскому: «Vous aves déjà appris, mon cher ami, que, par la mort de mon père, je suis à la tête des affaires. Je tais les détails pour vous en parler de bouche. Je vous écris pour que vous remettiez sur-le-champ toutes les affaires de votre mission à celui qui s'y trouve le plus ancien après vous, et que vous vous mettiez en route pour venir à Pétersbourg. Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience je vous attends. J'espère que le Ciel veillera sur vous pendant votre route et vous aménera ici sain et sauf. Adieu, mon cher ami, je ne puis vous en dire davantage; je joins ici un passe-port pour montrer à la frontière». (См. «Alexandre I-er et le prince Czartoryski», стр. 3 — 4). О письмѣ къ Новосильцову г. Богдановичъ (I, стр. 80) говоритъ: «Увѣряли, что, по кончинѣ императора Павла, Павелъ Строгановъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: Arrivez, mon ami..... Nous allons avoir une constitution». Это, кажется, совсѣмъ не вѣрно. По всей вѣроятности рѣчь идетъ о томъ самомъ письмѣ, которое сохранилось въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова; выраженія его характеристичны, но въ нихъ нѣтъ никакого тона немного ребяческой либеральной поспѣшности, на какую намекаетъ г. Богдановичъ. См. ниже въ приложеніяхъ.

бы даже могъ, то не захотѣлъ бы нарушить закона, потому что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона [1]). Какое впечатлѣніе производила правительственная обстановка императора Александра, можно между прочимъ видѣть изъ сообщенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ замѣтокъ швейцарца Дюмона, который могъ быть безпристрастенъ.

Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно пересмотрѣть указы, вышедшіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы понять то увлеченіе, съ какимъ въ это первое время выражалась привязанность къ Александру.

Эти первые указы вносили совершенно новый, небывалый элементъ мягкой терпимости, справедливости, открытаго признанія недостатковъ правленія и желанія исправить ихъ; это былъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ разнаго рода; почти каждый указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ. Нигдѣ, понятнымъ образомъ, не называлось имя Павла, но въ указахъ между прочимъ очевидна поспѣшность исправить вредъ, нанесенный его мѣрами.

13-го марта—повелѣніе о выдачѣ указовъ объ отставкѣ военнымъ, выключеннымъ изъ службы по сентенціямъ военнаго суда, и безъ суда по приказамъ. Затѣмъ, черезъ два дня, такой же указъ о гражданскихъ чиновникахъ. Чтобы понять эту мѣру, надо припомнить разсказы современниковъ (напр. Саблукова) о томъ, какъ дѣлались при Павлѣ эти суды и отставки. По словамъ Стурдзы, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права по этому указу, простиралось до 12,000 человѣкъ [2]).

14-го марта — снятіе запрещенія на вывозъ различныхъ товаровъ и продуктовъ изъ Россіи.

15-го марта — освобожденіе людей, заключенныхъ въ крѣпостяхъ, сосланныхъ въ каторжную работу, лишенныхъ чиновъ и дворянства, сосланныхъ и состоявшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи, и возвращеніе имъ ихъ прежняго достоинства, котораго они были лишены. Въ четырехъ спискахъ, приложенныхъ къ указу, перечислено 156 человѣкъ, между которыми мы находимъ и «бывшаго коллежскаго совѣтника Радищева» (жившаго тогда въ Калужской

---

[1]) Эти слова приведены у Шторха, Russland unter Alexander dem Ersten, I, 20; самое письмо въ русскомъ текстѣ въ «Р. Старинѣ» 1870. I, стр. 44.

[2]) «Записки современника», А. Стурдзы, въ рукописи.

губерніи, по возвращеніи изъ Сибири при Павлѣ) и «артиллеріи подполковника Ермолова», жившаго въ ссылкѣ въ Костромѣ.

Того же дня—манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывавшимся въ заграничныхъ мѣстахъ: они могли безопасно возвратиться въ Россію, и всѣ вины ихъ, кромѣ смертоубійства, предавались забвенію.

Того же дня, о возстановленіи дворянскихъ выборовъ.

16-го марта—снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

19-го марта—указъ, внушавшій полиціи, чтобы она не выходила изъ границъ своей должности и не причиняла никому обидъ и притѣсненій, — что̀ доходило до вопіющихъ размѣровъ при Павлѣ.

22-го марта—о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта—отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31-го марта—объ отмѣнѣ запрещенія (наложеннаго 18-го апрѣля 1800 г.) ввозить изъ-за границы всякія книги и музыкальныя ноты; о распечатаніи частныхъ типографій, закрытыхъ указомъ 5-го іюня 1800 г., и о дозволеніи имъ печатать книги и журналы.

2-го апрѣля—пять манифестовъ: о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; о свободномъ отпускѣ русскихъ произведеній за границу и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены учрежденнымъ лѣснымъ управленіемъ; объ уничтоженіи тайной экспедиціи; о облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій.

8-го апрѣля—объ уничтоженіи висѣлицъ, поставленныхъ въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ и къ которымъ прибивались имена разныхъ чиновъ.

9-го апрѣля—объ обрѣзаніи пуклей у солдатъ (пукли эти введены Павломъ для всей арміи по гатчинскимъ образцамъ и были для солдатъ истиннымъ мученіемъ).

13-го апрѣля—объ отпускѣ В. Экономическому Обществу ежегодно по 5,000 рублей.

5-го мая,—о возстановленіи различныхъ статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ указами императора Павла, напр. о возстановленіи свободы отъ тѣлеснаго наказанія (которому дворяне при Павлѣ были подвергаемы въ противность жалованной гра-

мотѣ), разныхъ преимуществъ относительно службы, выборовъ и т. п.

22-го мая—объ освобожденіи священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія.

28-го мая, указъ президенту Академіи наукъ о непринимапіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли — первое осторожное заявленіе Александра противъ крѣпостного права.

5-го іюня — указъ сенату о представленіи имъ особаго доклада о правахъ его и обязанностяхъ. Это было первое заявленіе широкихъ административныхъ преобразованій, предположенныхъ Александромъ. Въ тотъ же день былъ данъ другой указъ объ устройствѣ Коммиссіи составленія законовъ, которая поручена была гр. Завадовскому.

13-го іюня — указъ о возстановленіи ежегоднаго отпуска въ 6,250 р. на содержаніе Россійской Академіи, и т. д.

Мотивы, приводимые въ указахъ, говорили о желаніи дать наконецъ дѣйствительную силу закону, внести въ общество начала права, справедливо опредѣлить отношенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Одной изъ самыхъ крупныхъ мѣръ было уничтоженіе тайной экспедиціи, — и одной изъ первыхъ, которую въ самомъ дѣлѣ должно было бы принять, когда правительство хотѣло дѣйствительной законности.

2-го апрѣля 1801 г. императоръ самъ прибылъ въ Сенатъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть рядъ манифестовъ, выше нами перечисленный. Знаменитый манифестъ о тайной экспедиціи говорилъ:

«Нравы вѣка и особенныя обстоятельства временъ протекшихъ побудили Государей Предковъ нашихъ между прочими временными постановленіями учредить Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, которая подъ разными именами и на разныхъ правилахъ даже до временъ вселюбезнѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II существовала. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу Правленія несвойственнымъ и собственнымъ правиламъ Ея толико противнымъ, въ 1762 году изданнымъ Манифестомъ Она торжественно его уничтожила и отвергла. Такимъ образомъ имя сей Канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено; между тѣмъ однако же по уваженію обстоятельствъ признано было нужнымъ продолжить ея дѣйствіе подъ названіемъ Тайной Экспедиціи, со всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личною мудростію и собственнымъ Высочайшимъ всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ

съ одной стороны въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленію, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость, а съ другой разсуждая, что *въ благоустроенномъ Государствѣ всѣ преступленіи должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона:* Мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла въ оной бывшія отдать въ Государственный Архивъ къ вѣчному забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1 и 5 Департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая *единому дѣйствію закона* охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ къ намъ и Престолу Нашему, и что пользъ Нашихъ ни когда не раздѣляемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли. Въ прочемъ предоставляемъ Сенату постановить и пополнить порядокъ производства дѣлъ сего рода въ мѣстахъ, до коихъ они принадлежатъ».

Какое впечатлѣніе произвелъ указъ 5-го іюня, гдѣ повелѣвалось Сенату представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, объ этомъ можно судить по разсказу Шторха: «Принимая различныя мѣры, имѣвшія цѣлью преимущественно исправленіе господствующихъ понятій (именно, понятій, смѣшивавшихъ верховную власть съ произволомъ и ставившихъ ее выше и внѣ всякаго закона), императоръ Александръ въ тоже время неутомимо изучалъ существующій порядокъ правленія. Личная дѣятельность правителя есть вмѣстѣ и лучшая школа политической мудрости; на своемъ высокомъ постѣ, императоръ могъ достаточно узнать недостатки и слабыя стороны различныхъ отраслей управленія, потому что его собственная дѣятельность обнимала всѣ эти отрасли. Что замѣтки, которыя собиралъ онъ въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, могутъ стать основаніемъ къ новой организаціи государственнаго управленія, быть можетъ, видно было только немногимъ, даже изъ тѣхъ дѣловыхъ людей, которые окружали его ежедневно. Указъ 5-го іюня 1801, поручавшій Сенату представить императору докладъ о сущности его правъ и обязанностей, нѣсколько раскрылъ намѣренія императора. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ *могъ безъ шума* (ohne Aufsehen), болѣе

краткимъ и вѣрнымъ путемъ, *получить* тѣ *свѣдѣнія*, какихъ онъ требовалъ здѣсь столь публично и столь торжественно; мы въ правѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предположеніе *публичному* запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы *испытать общественное мнѣніе* и приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ. И эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе (Sensation), произведенное этимъ указомъ въ Сенатѣ, было всеобщее и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы. Вмѣсто того, чтобы ограничиться *историческими объясненіями* о томъ, чѣмъ *былъ* до сихъ поръ Сенатъ по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало *политическія мнѣнія* (staatsrechtlichen Meynungen) своихъ членовъ о томъ, чѣмъ Сенатъ *могъ бы быть* собственно въ новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много мнѣній, весьма свободно высказанныхъ, и которыя довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи. Для простого философа-наблюдателя эти событія представляли самое интересное зрѣлище: но другъ человѣчества, который захотѣлъ бы разсчитывать результаты этого нравственнаго броженія по тѣмъ посылкамъ, какія давали ему исторія и опытъ, никакъ не могъ ожидать отъ него многаго. Въ самомъ дѣлѣ, какой государь, въ положеніи Александра, не отступилъ бы передъ симптомами этого рода, или по крайней мѣрѣ не остановился бы на полъ-дорогѣ? Нужно было болѣе чѣмъ обыкновенное самоотверженіе, нужно было живѣйшее и самое глубокое убѣжденіе въ безусловной необходимости начатыхъ мѣръ, чтобы не стать на ложный путь въ виду этихъ явленій, и кто осмѣлился бы предполагать это самоотверженіе, это убѣжденіе въ двадцати-четырехъ-лѣтнемъ государѣ — и въ Россіи? Но этотъ государь былъ Александръ! Надежды человѣчества не были обмануты».

Шторхъ объясняетъ, что реформа была необходима, что Сенатъ, составлявшій нѣкогда высшую судебную инстанцію, бывшій хранителемъ законовъ и центромъ управленія, упалъ до того, что ему осталось только исполненіе однихъ формальностей управленія. Александръ хотѣлъ возстановить его прежнее значеніе и сдѣлать его посредствующимъ звѣномъ между народомъ и правителемъ. Шторхъ изображаетъ затѣмъ страшный упадокъ правосудія, крайнюю превратность понятій о законѣ, которымъ считался только произволъ государя, и превратныя дѣйствія самой верховной власти, которая по волѣ и по неволѣ рѣшала всѣ дѣла

указами мимо существующихъ законовъ. «Если нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ, если нужно было достигнуть законности въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно *смягченіе самодержавія* и *приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія*». «Это преобразованіе послѣдовало.... въ двухъ, чрезвычайно замѣчательныхъ указахъ отъ 8 сентября 1802 г.»,—т.-е. въ указахъ о преобразованіи Сената и учрежденіи министерствъ [1]).

Таково было представленіе лучшихъ людей тогдашняго общества объ этихъ начинаніяхъ императора, и мы увидимъ, что въ этомъ представленіи довольно вѣрно изображены были и тогдашнія мысли самого Александра.

Далѣе, въ указѣ сенату и въ рескриптѣ гр. Завадовскому объ устройствѣ *Коммиссіи составленія законовъ* [2]), мотивы высказаны слѣдующимъ образомъ:

....«Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи.

«Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней Нашихъ, то-есть въ теченіи почти одного вѣка съ половиною, законы истекая отъ законодательной власти различными и часто *противуположными* путями, и бывъ издаваемы *болѣе по случаямъ*, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, *не могли имѣть ни связи* между собою, *ни единства* въ ихъ намѣреніяхъ, *ни постоянности* въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее *смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*», и т. д.

Въ указѣ о возстановленіи жалованной грамоты дворянству, Александръ остался на традиціонной почвѣ, и говорилъ о заслугахъ этого сословія въ томъ самомъ тонѣ, въ какомъ поучалъ его относительно этого предмета его упомянутый нами наставникъ. Понятно, что соображенія обстоятельствъ могли побудить его къ этой мѣрѣ. Но мы увидимъ дальше, что онъ самъ заявлялъ

[1]) Storch, Russland, I, стр. 20 — 23.
[2]) Отъ 5-го іюня, 1801; П. Собр. Зак., т. XXVI, № 19,904.

въ кругу ближайшихъ довѣренныхъ лицъ, что онъ издавалъ подобные указы по необходимости и противъ своего личнаго убѣжденія; онъ и впослѣдствіи не любилъ лѣнивой аристократіи, которая довольствовалась одной придворной службой,—какъ онъ доказалъ это знаменитымъ указомъ о камеръ-юнкерахъ и камергерахъ. Другой указъ того же времени объ экзаменахъ на чины (1809) имѣлъ между прочимъ и невысказанную цѣль сократить умноженіе дворянскаго сословія посредствомъ выслуги чиновъ [1]. Подтверждая исключительныя права дворянства, онъ въ тоже время возстановлялъ и грамоту, данную городамъ («бывъ удостовѣрены—сказано въ мотивахъ—въ той истинѣ, что безъ *правъ и преимуществъ* непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ, не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія»), какъ будто считая городскія «преимущества» нѣкоторымъ противовѣсомъ преимуществамъ дворянскаго сословія.

Въ мотивахъ манифеста отъ того же 2-го апрѣля 1801 г. объ отпускѣ за-границу русскихъ произведеній и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, высказана забота о сельскомъ населеніи: «Объемля попеченіемъ Нашимъ всѣ состоянія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и зная, сколько въ общемъ составѣ силы государственной уважительно и всякаго ободренія достойно званіе земледѣльцевъ и поселянъ, Мы признали за благо обратить на нихъ Монаршее Наше вниманіе и Императорскимъ Нашимъ словомъ удостовѣрить, что отъ нынѣ впредь безъ важныхъ и особенныхъ государственныхъ причинъ къ существующей теперь узаконенной подъ разными именами подати, никакого прибавленія и новаго налога Мы не допустимъ: напротивъ, пещись будемъ, дабы лежащія нынѣ повинности могли быть съ большою удобностію поселянами отправляемы» и проч.

Указъ сенату объ *уничтоженіи пытки* [2]) вызванъ былъ однимъ частнымъ случаемъ, который дошелъ до Александра; указъ и начинается съ изложенія этого случая и тяжелаго прискорбнаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на императора:

«Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія Моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе и онъ преданъ суду. — Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынуж-

---

[1]) Корфа, Жизнь Спер. I, 184.

[2]) Отъ 27-го сентября 1801; П. Собр., т. XXVI, № 20,022.

деннаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу — осудили на казнь. — Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога во свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили Меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего произшествія въ истинѣ онаго»....

Посланный флигель-адъютантъ подтвердилъ, что это не былъ единственный случай употребленія пытки. Виновныхъ велѣно было предать суду, и сенатъ долженъ былъ строжайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ имперіи, чтобы не допускалось ни подъ какимъ видомъ никакихъ истязаній, подъ страхомъ строгаго наказанія, и чтобы «присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, *въ основаніе* своихъ сужденій и приговоровъ полагали *личное обвиняемыхъ* предъ судомъ сознаніе, что *въ теченіи слѣдствія* не были они подвержены какимъ-либо *пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Такъ обнаруживалась первая правительственная дѣятельность Александра. Она не только возбуждала сочувствіе между образованными людьми, но и въ народной массѣ знали или инстинктивно чувствовали этотъ гуманный, человѣческій характеръ. Восторженная встрѣча Александра въ Москвѣ во время коронаціи не была пустымъ, обыкновеннымъ преклоненіемъ толпы передъ блескомъ и властью; это была дѣйствительная привязанность и искренняя надежда[1]).

Во главѣ управленія сталъ вскорѣ кружокъ приближенныхъ императора. Ихъ дѣятельность въ качествѣ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Александра въ существѣ дѣла шла въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ шли тогда идеи самого Александра. Планъ исправленія общественнаго устройства, задуманный въ широкихъ размѣрахъ, и одушевлявшій ихъ, скоро поставилъ ихъ въ то опасное положеніе, въ какое становятся нововводители въ обществѣ, мало развитомъ и издавна наклонномъ къ

---

[1]) См. Вигеля, I, 199—203; зап. Комаровскаго, Р. Арх. 1867, стр. 563—565.

застою: у нихъ не было достаточной поддержки изъ среды общества, которая могла бы помочь ихъ предпріятіямъ, и напротивъ, они вызвали противъ себя вражду консервативнаго большинства, а наконецъ не имѣли за себя и твердой воли императора. Они и испытали послѣдствія этого опаснаго положенія. Этихъ людей столько потомъ винили и ихъ современные противники и потомки, что мы должны остановиться дольше на характерѣ этого кружка. Мы думаемъ, что эти обвиненія, если не вполнѣ, то въ очень большой степени несправедливы къ этимъ людямъ, которые, напротивъ, въ своемъ тогдашнемъ характерѣ самымъ привлекательнымъ образомъ выдаются изъ массы людей Александровскаго времени.

Этотъ кружокъ былъ очень естественнымъ и послѣдовательнымъ порожденіемъ умственной и нравственной жизни нашего общества Екатерининскихъ временъ, въ лучшихъ сторонахъ этой жизни. Это обстоятельство однако постоянно забывалось ихъ противниками, которые, не находя словъ для прославленія «мудрости» Екатерины, съ озлобленіемъ опрокидывались на людей, прямо продолжавшихъ то, что было собственно лучшаго въ ея идеяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нужно было бы признать всѣ либеральныя заявленія Екатерины громаднымъ лицемѣріемъ, длившимся цѣлые десятки лѣтъ, еслибы они захотѣли отвергать это; потому что направленіе этого кружка было именно тѣмъ, что только и могло вырости изъ идей, которыя она поощряла и заявляла. Всѣ умственные интересы образованнѣйшаго общества тѣхъ временъ (тогда это было, въ особенности, высшее знатное общество) направлялись къ французской литературѣ и философіи, и ихъ свѣтиламъ: это общество принимало французскіе нравы, читало французскія книги, многіе завершали свое воспитаніе въ парижскихъ салонахъ. Понятно, что если императрица вела дружбу съ Вольтеромъ, то этимъ однимъ уже открывался путь всѣмъ вліяніямъ идей, которыхъ онъ служилъ представителемъ. Эти идеи конечно различно дѣйствовали на различные характеры и особенно на различныя поколѣнія. Старшія поколѣнія были не особенно расположены къ идеальнымъ увлеченіямъ, и напротивъ больше отличались эгоистическимъ хладнокровіемъ, которое тонкости французскихъ нравовъ и гуманность французской философіи спокойно мирило съ остатками грубаго варварства въ русскихъ нравахъ. Но естественно, что въ новыхъ поколѣніяхъ дѣйствіе этихъ идей принимало иной характеръ: извѣстный тонъ цивилизаціи уже вошелъ въ жизнь, когда начиналось ихъ нравственное воспитаніе, и они сдѣлали новый шагъ въ этомъ направленіи. Они принимали эти идеи искреннѣе, и въ виду противорѣчія ихъ съ жизнью, не успокоивались на равнодушіи и эго-

измѣ, а напротивъ искали разумнаго исхода, не жертвовали идеями, а старались дать имъ мѣсто въ жизни. Но сущность идей была таже самая, и она усвоивалась людьми новаго поколѣнія не только съ вѣдома, но часто подъ прямымъ вліяніемъ стараго, которому принадлежалъ выборъ системы воспитанія.

Путь пріобрѣтенія этихъ идей оставался одинъ: это были непосредственныя вліянія умственнаго и общественнаго движенія Европы, и дѣйствовали они одинаково въ людяхъ весьма различныхъ положеній, какъ скоро эти вліянія имѣли возможность проникать довольно глубоко въ умы. Примѣромъ можетъ служить Радищевъ: его мнѣнія не представляли ничего особеннаго въ сравненіи съ тѣмъ, что думали немного времени спустя люди, составлявшіе ближайшій кружокъ Александра, и самъ Александръ. Ненависть къ произволу деспотизма, требованіе законности, стремленіе къ смягченію нравовъ и освобожденію общества, въ частности осужденіе крѣпостного права, негодности судовъ и т. п. все это были черты имъ общія. Происходили они изъ одного источника: русская мысль приходила къ нимъ подъ вліяніемъ перваго воспитанія, европейской литературы и европейской жизни.

Печальная необходимость — отсутствіе порядочныхъ средствъ воспитанія — дѣлала то, что очень большая доля воспитанія въ среднемъ и высшемъ дворянскомъ кругу принадлежала иностранцамъ, преимущественно французамъ, отчасти нѣмцамъ. Въ числѣ ихъ были конечно люди различныхъ мнѣній, но между прочимъ было много людей дѣйствительно образованныхъ и съ полнымъ сочувствіемъ новѣйшимъ идеямъ [1]). Современные писатели и позднѣйшіе ихъ критики много декламировали противъ вреда такого воспитанія, но чтобы оцѣнить это воспитаніе по справедливости, не надо забывать, что другихъ средствъ сама тогдашняя русская жизнь не давала: большинство училось на мѣдные гроши, и государственные люди, какъ Трощинскій, и такіе общественные и литературные дѣятели, какъ Новиковъ; московскій университетъ былъ единственный, и въ немъ много лекцій читалось по-латыни и по-нѣмецки, за неимѣніемъ русскихъ профессоровъ. Русская школа долго не могла стать какъ слѣдуетъ на ноги и удовлетворить даже тѣмъ потребностямъ въ образованіи, какія были на лицо: не забудемъ, что еще въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія русскіе университеты должны были допускать иностранныхъ профессоровъ, читавшихъ свои лекціи по-латыни, по-нѣмецки и по-французски. Съ другой сто-

---

[1]) Ср. Mém. Secr. II, 172—182; Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe Paris. 1796, т. 4, стр. 74 и слѣд.

роны французское воспитаніе не мѣшало воспитанникамъ оставаться русскими во всѣхъ своихъ нравахъ и помышленіяхъ, или выработываться въ людей достойныхъ и горячихъ патріотовъ. То дурное, что такъ легко и дешево было сваливать на французское воспитаніе, гораздо больше происходило конечно не отъ французскаго гувернера, а отъ цѣлаго склада жизни, еще преисполненной крѣпостнымъ варварствомъ и стариннымъ невѣжествомъ. Карамзина въ свое время обвиняли во «французскомъ духѣ», но этотъ французскій духъ, доходившій до почитанія Робеспьера, не мѣшалъ никогда Карамзину остаться полнымъ консерваторомъ; подъ вліяніемъ того же французскаго духа и на французскомъ языкѣ возникали лучшіе планы Александра и обдумывались благотворныя мѣры, въ родѣ заботъ о народномъ образованіи, или объ освобожденіи крестьянъ. Франція уже давно считалась отечествомъ вкуса и образованности: она сохраняла свое очарованіе и теперь, въ революціонную эпоху. «Русскіе (т.-е. высшихъ слоевъ общества), почти всѣ воспитанные французами — говоритъ современникъ въ 1800 г. — съ дѣтства пріобрѣтаютъ очевидное предпочтеніе къ этой странѣ.... Они узнаютъ Францію только en beau, какой она кажется издали.... Они считаютъ ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусствъ, изящныхъ наслажденій и любезныхъ людей; они уже считаютъ ее убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество. Французскіе эмигранты, загнанные наконецъ къ новѣйшимъ киммерійцамъ, съ удивленіемъ нашли здѣсь людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ собственной родины: есть русскіе молодые люди, которые размышляютъ надъ Руссо, которые изучаютъ рѣчи Мирабо».... Французское воспитаніе открывало естественный путь вліяніямъ литературы. Павелъ чувствовалъ, что здѣсь, черезъ книги, идетъ пропаганда идей, которыя онъ хотѣлъ преслѣдовать во всѣхъ видахъ: ему казалось, что онъ уже много успѣлъ, истребивши французскіе костюмы и шляпы, но подъ конецъ правленія нашелъ необходимымъ ближе позаботиться и объ этомъ предметѣ, и въ 1800 г. (18 апрѣля) совершенно запретилъ ввозъ въ Россію *всѣхъ* иностранныхъ книгъ. Но «якобинскія» книги уже настолько проникали въ публику, что запрещеніе, при Павлѣ очень страшное, не остановило ихъ распространенія. Александръ въ первые же дни своего царствованія (31 марта 1801) издалъ указъ, отмѣнявшій это запрещеніе; другой указъ (9 февр. 1802), отмѣнявшій павловскія цензуры въ городахъ и портахъ, говоритъ, что эти средства, по пятилѣтнему опыту, между прочимъ оказались и недостаточны для предположенной

цѣли. «Конечно недостаточны, говоритъ по этому поводу Шторхъ, потому что даже во время запрещенія всякаго ввоза книгъ, въ Петербургѣ и Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или незадолго до него. Такъ какъ идти на такой рискъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для *самыхъ пикантныхъ* вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика» [1]). Наконецъ, путешествія, жизнь и ученье за границей доставляли практическія, живыя впечатлѣнія, которыя должны были имѣть значительную силу. Путешествіе за границу до сихъ поръ имѣетъ для русскаго общества особенное очарованіе: вспомнимъ, какъ все, что могло, бросилось за границу въ началѣ нынѣшняго царствованія, когда сняты были паспортныя стѣсненія; и если европейская жизнь, самыми внѣшними формами своими, производитъ и теперь сильное впечатлѣніе даже на очень мало развитыхъ людей, то надо предположить, что въ тогдашнее время дѣйствіе ея было тѣмъ сильнѣе. Многіе ѣздили въ иностранные университеты, и когда Павелъ запретилъ эти поѣздки и велѣлъ вызвать тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые въ то время находились въ иностранныхъ университетахъ, оказалось, что въ Лейпцигѣ было русскихъ подданныхъ 36, въ Іенѣ 65 человѣкъ [2]). Для русскихъ молодыхъ аристократовъ, отправлявшихся тогда за границу, открывались конечно всѣ салоны, и въ то же время, слѣдовательно вся возможность познакомиться съ движеніемъ умовъ и съ послѣдними новостями литературы. Изъ различныхъ данныхъ мы можемъ видѣть, что всѣ эти вліянія вмѣстѣ создавали въ молодыхъ поколѣніяхъ наиболѣе образованнаго класса то направленіе мыслей, которое у людей стараго покроя разумѣлось подъ именемъ вольтеріянства и якобинства.

Такого именно характера былъ и кружокъ первыхъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ императора Александра. На всѣхъ время наложило свой отпечатокъ идеалистическаго либерализма. Такъ, дѣйствительно, составились взгляды самого Александра, у котораго проводникомъ европейскихъ идей былъ Лагарпъ; такъ

[1]) Storch, Russland unter Alex. dem Ersten. I, 130.
[2]) Mém. Secr. II, 199.

было и съ его друзьями. Всѣ они получили «отличное» аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіями и жизнью за границей. Новосильцовъ, самый старшій изъ нихъ по лѣтамъ и, какъ говорятъ, самый талантливый, увлекался англійской жизнью и учрежденіями, которыя узналъ во время четырехълѣтняго пребыванія въ Англіи при Павлѣ. Кочубей оканчивалъ свое воспитаніе за границей, сначала въ Женевѣ, которая издавна была пріютомъ для либеральныхъ элементовъ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ занимался политическими науками, и вынесъ тоже стремленіе къ преобразованіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Графъ Павелъ Строгановъ также получилъ французское воспитаніе; современники разсказываютъ, что его наставникомъ былъ Роммъ, который пріобрѣлъ потомъ извѣстность какъ одинъ изъ монтаньяровъ временъ Конвента [1]). Въ Женевѣ Строгановъ былъ уже знакомъ съ Дюмономъ, сотрудникомъ Мирабо и другомъ Бентама. Чарторижскій получилъ также блестящее воспитаніе, и мы видѣли, какъ онъ самъ характеризовалъ свой политическій образъ мыслей. Всѣ они представляютъ много сходнаго и въ воспитаніи и въ общественныхъ понятіяхъ, къ которымъ приводило ихъ это воспитаніе и впечатлѣнія жизни. Но любимцы Александра не были чѣмъ-нибудь исключительнымъ, не были случайными людьми, которымъ только личная дружба императора дала незаслуженную власть; они вовсе не были чуждыми своему обществу и непрошеными реформаторами — какъ ихъ и тогда и потомъ часто изображали; напротивъ, вмѣстѣ съ самимъ Александромъ, они были изъ лучшихъ представителей тогдашняго образованнаго молодого поколѣнія, — ихъ недостатки были только отчасти ихъ личные недостатки, но всего больше недостатки общества и времени. Мы постараемся это показать.

Ихъ преобразовательныя стремленія съ самаго начала возбудили злобу въ старомъ поколѣніи сановниковъ Екатерининскаго времени. Нападенія направились особенно, кажется, на Ново-

---

[1]) См. о Роммѣ у Шлоссера, Истор. XVIII-го стол., новое изд. V, стр. 457—462; подробнѣе у Луи-Блана, Hist. de la Révolution, т. XI и XII, также Claretie, Les Montagnards. Это былъ далеко не единственный случай, гдѣ въ русское воспитаніе проникали непосредственно вліянія французскаго революціоннаго броженія. Воспитателемъ дѣтей самого М. Н. Муравьева былъ какой-то якобинецъ, проклинаемый Вигелемъ (Зап. III, ч. V, стр. 51). Въ домѣ Салтыковыхъ былъ гувернеромъ родной братъ Марата: «этотъ Маратъ, хотя и осуждалъ свирѣпости своего брата, вовсе не скрывалъ отъ друзей своихъ республиканскихъ мнѣній, и спокойно проживалъ, иногда приводя даже своего воспитанника ко двору». Только послѣ казни короля, онъ просилъ позволенія перемѣнить свое имя и сталъ называться Будри (Mém. Secr. II, 199).

сильцова, какъ болѣе предпріимчиваго и вліятельнаго. Надъ нимъ смѣялись, называя его le grand homme, le grand ministre, le génie à toute sauce, издѣвались надъ его презрѣніемъ къ орденамъ, удивлялись, какъ его не поставятъ во главѣ арміи и т. п. [1]). Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ, осторожно противополагаетъ «молодымъ людямъ, получившимъ *слегка* понятія о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ» — «служивцевъ вѣка Екатерины, опытныхъ, осторожныхъ, привыкшихъ къ старому ходу, нарушеніе коего имъ казалось возстаніемъ противъ святыни» [2]), но его симпатіи едва ли не больше склонялись на эту послѣднюю сторону. Настоящіе служаки Екатерининскихъ временъ не щадили выраженій, говоря объ этихъ нововводителяхъ. Державинъ злобно говоритъ объ нихъ: «тогда всѣ окружающіе государя были *набиты* французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ» [3]). Въ любопытномъ письмѣ С. Р. Воронцова къ Ростопчину, писанномъ впрочемъ уже позднѣе (повидимому въ 1814 году, послѣ Шатильонскаго конгресса), мы находимъ слѣдующую рѣзкую характеристику совѣтниковъ Александра — въ которую входятъ, правда, лица и событія не одной первой эпохи, занимающей насъ теперь, но которая обнимаетъ очевидно и это время.

«Надо надѣяться, — говоритъ Воронцовъ объ Александрѣ, — что онъ увидитъ, что пора организовать порядокъ и управленіе (l'ordre et l'administration de la justice) въ своей странѣ, которые погибнутъ, если онъ не приведетъ дѣла въ тотъ же видъ, въ какомъ онѣ были въ этомъ отношеніи со временъ учрежденія сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной императрицы. Она начала дѣлать нововведенія, сынъ ея все низвергнулъ, не ставя ничего на мѣсто того, что̀ было имъ разрушено, а ея внукъ *имѣлъ несчастіе* быть окруженнымъ людьми (faiseurs), которые, будучи исполнены самолюбіемъ и тщеславіемъ, считали себя выше великаго основателя русской имперіи (?). Эти господа начали работать надъ *бѣдной Россіей* учрежденіями, появлявшимися каждый день; эти господа были настоящими машинами для изготовленія учрежденій (machines à reglement); они только и дѣлали, съ такой же быстротой, каково было ихъ невѣжество и легкомысліе. Эти указы основывались на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и не переваренномъ чтеніи; это были опыты, которые они хотѣли производить надъ *бѣдной Россіей*, и они не знали, что *опыты хо-*

---

[1]) Богд. I, 74.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 180.

[3]) Зап., стр. 463.

рощи только въ физикѣ и химіи, и что они гибельны (fatales) въ юриспруденціи, въ администраціи и въ политической экономіи. Но бѣшенство (rage) этихъ нововводителей было таково, что, видя себя стѣсненными первоначальной властью, возвращенной императоромъ сенату въ сентябрѣ 1802 г., они нашли средство отдѣлаться отъ нея и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уничтожить ее. Россія устояла противъ всей континентальной Европы, которую влекъ за собой Бонапарте, но она не устоитъ противъ внутренняго безпорядка, и только одинъ сенатъ и учрежденія коллегій, основанныя Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу, которое дѣлаютъ и будутъ всегда дѣлать министры, которые работаютъ съ государемъ наединѣ и могутъ вводить его въ заблужденіе вольно или невольно, по незнанію или обманываемые другими» и пр. [1]).

Карамзинъ въ запискѣ о древней и новой Россіи, гдѣ впрочемъ бóльшая часть полемики направлена противъ Сперанскаго, столько же неблагопріятно смотритъ и на то, чтó было сдѣлано въ первые годы царствованія, еще безъ участія Сперанскаго, напр. на преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ, и на внѣшнюю политику этого времени (въ которой впрочемъ всего больше дѣйствовали взгляды самого императора Александра).

У новѣйшихъ историковъ мы найдемъ также не мало неблагопріятныхъ отзывовъ. Одни по крайней мѣрѣ отдаютъ справедливость личнымъ качествамъ и намѣреніямъ совѣтниковъ Александра, хотя и указываютъ недостатокъ опытности [2]); за то другіе относятся къ нимъ крайне недоброжелательно. Такъ напр. въ особенности г. Богдановичъ. Его отзывы, даже при благопріятныхъ фактахъ набрасывающіе тѣнь на этихъ людей, представляютъ, какъ увидитъ читатель, цѣлый взглядъ на эту эпоху царствованія Александра.

«Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ *самъ понималъ его*, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ...» (Но развѣ не каждый серьезный человѣкъ стремится къ общему благу такъ, какъ *самъ* понимаетъ его?). «Россія была ему неизвѣстна, *тѣмъ болѣе*, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частію». (Доказательствъ незнанія не приводится никакихъ). «Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ, въ дѣйствительности же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился

---

[1]) Сборн. Ист. Общ. III, 8, прим.

[2]) См. бар. Корфа, Жизнь Спер. I, 92—94.

къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей Россіи», и пр. (Но это послѣднее не имѣетъ собственно тѣсной связи съ либеральными или нелиберальными склонностями: очень возможно было бы въ централизаторскихъ стремленіяхъ руководствоваться либеральными понятіями; Новосильцовъ могъ быть централизаторомъ и въ началѣ своей дѣятельности и въ концѣ ея, но эти начало и конецъ тѣмъ не менѣе были слишкомъ непохожи).

«Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною благородною душою..., получивъ исключительно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей». (Припомнимъ, что Карамзинъ былъ почитателемъ Робеспьера; что въ 1802 г. въ петербургскомъ обществѣ и даже при дворѣ очень любезно принимали друга и сотрудника Мирабо, швейцарца Дюмона). «Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества». (Отчего *само собою разумѣется*, этого не видно, и напротивъ непонятно, какимъ образомъ человѣкъ «съ прекрасною, благородною душою» упадалъ до того, чтобы *поддѣлываться* подъ тонъ общества: въ этомъ обществѣ онъ былъ поставленъ достаточно независимо, и если *господствующій тонъ* общества былъ таковъ, то ему нечего было и поддѣлываться, когда онъ по своему «исключительно французскому воспитанію» былъ уже готовымъ почитателемъ Мирабо).

О Кочубеѣ говорится только: «Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львенокъ Крылова, училъ звѣрей вить гнѣзда».

Не будемъ входить въ характеристику Чарторижскаго, потому что это отвлекло бы насъ въ долгое объясненіе отношеній тогдашней Польши, что впрочемъ намъ, можетъ быть, надо будетъ сдѣлать далѣе. Общій отзывъ г. Богдановича говоритъ слѣдующее: «Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на *высотѣ* своего *призванія*, какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по малой опытности въ дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ. Довѣріе къ нимъ монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣрен-

иые, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ Государя, столь же благонамѣреннаго, столь же мало опытнаго, столь же незнавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во *всеоружіи* положительныхъ свѣдѣній, они, управляя дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи». Еще недружелюбнѣе другой отзывъ, изъ котораго видно однако, что и дѣльцы стараго поколѣнія не подавали хорошаго примѣра:

«...Такимъ образомъ сотрудниками Александра, въ первые годы его царствованія, являются и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели [1]), вступившіе на невѣдомое имъ поприще съ душою незатвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось бы, что соединеніе противоположныхъ началъ—съ одной стороны осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой — новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и *безсознательнаго* (?), стремленія къ улучшеніямъ, казалось бы, что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди *опытные*, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному императору въ управленіи государствомъ... предались радости при восшествіи на престолъ государя милостиваго, невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, *не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ*, прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокойствія. А между тѣмъ молодые люди, окружавшіе императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ (?), окружали престолъ и съ самонадѣянностью, свойственною *невѣдѣнію* и неопытности, порицая *всѣ* уставы и законы, существовавшіе въ Россіи (?), считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами (?), просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались (?) начертать законы, болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что однакоже не мѣшало имъ съ непостижимою

---

[1]) Не лишнее замѣтить, что изъ этихъ «юныхъ дѣятелей», «юныхъ сподвижниковъ» (Богд. I, 77. 87) Новосильцову около 1802 г. было уже 40 лѣтъ, Кочубею—34, «юность» очень относительная.

неосновательностью подрывать уваженіе ко *всѣмъ* (?) уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ, въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были *хороши*, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, невсегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію» [1]).

Трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе неблагопріятную для совѣтниковъ Александра,—она завершаетъ все, что было говорено въ ихъ обвиненіе современниками, — и трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе несправедливую къ друзьямъ Александра и болѣе невѣрную исторически. На чемъ же основаны такія суровыя осужденія?

Въ послѣдней приведенной тирадѣ, авторъ ссылается, въ подтвержденіе своихъ словъ, на записки Дмитріева и Шишкова. Записки Дмитріева, кромѣ отзыва выше нами приведеннаго, заключаютъ еще нѣсколько словъ, весьма неопредѣленныхъ [2]). Сличивъ цитаты, читатель увидитъ, гдѣ г. Богдановичъ воспользовался словами Дмитріева. Остальное, надо полагать, взято изъ записокъ Шишкова (рукописныхъ), которыхъ мы не имѣли подъ руками. Но едва ли нужно доказывать, что отзывы именно Шишкова всего менѣе могутъ быть принимаемы въ качествѣ историческаго приговора. У него были конечно прекраснѣйшія намѣренія и искренній патріотизмъ особаго рода; но это былъ человѣкъ до того простодушный, и старовѣръ, доходившій до такого ребячества, что его *мнѣній* нѣтъ возможности принимать серьезно, и въ особенности прямо дѣлать изъ нихъ историческое сужденіе. Мнѣнія его любопытны какъ образчикъ понятій извѣстной категоріи тогдашнихъ людей, но не болѣе; довольно знать его литературную дѣятельность (напр. хоть ребяческое славянофильство и вражду къ Карамзину) и напечатанную часть его записокъ, чтобы не имѣть никакихъ сомнѣній объ исторической цѣнѣ его отзывовъ.

---

[1]) Богдан., Ист. Алекс. I, 82, 87—88.

[2]) Упомянувъ о двухъ партіяхъ, молодой и старой, окружавшихъ Александра, Дмитріевъ говоритъ только слѣдующее: «Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе». (Взглядъ на мою жизнь, стр. 181). И только. Чьи благородныя души не освободились отъ эгоизма, молодыя или старыя, остается неизвѣстно.

Обвиненія, извлеченныя изъ такихъ источниковъ, не знаютъ никакой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, что молодые совѣтники Александра окружали престолъ «пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ»? Неужели они дѣйствительно порицали *всѣ* уставы (что повторено дважды)? Кто изъ нихъ собирался въ *полководцы*? Когда они *вызывались* составлять совершенные законы?

Откуда ни взяты эти обвиненія, изъ записокъ Шишкова или нѣтъ, онѣ не внушаютъ довѣрія уже одной своей явной враждебностью, и опровергаются сами собою. Какимъ образомъ, при такомъ невѣдѣніи, неопытности, самонадѣянности, непостижимой неосновательности, при такомъ превратномъ и уродливомъ разглагольствованіи о свободѣ и равенствѣ, какъ при всѣхъ этихъ грубыхъ недостаткахъ могло у нихъ выдти что-нибудь хорошее? И однакоже оказывается, что многое было хорошо, только поспѣшно выполнено. Однимъ словомъ, историкъ дѣлаетъ грубую ошибку, повторяя безъ всякой критики тѣ озлобленныя нападенія, какія дѣлались тогда противъ друзей Александра въ кругу стараго вельможества и чиновничества. Въ этой самой тирадѣ мы видимъ нѣкоторое объясненіе этихъ отношеній: въ самомъ дѣлѣ, можно ли было Александру ждать чего-нибудь отъ тѣхъ «опытныхъ» людей, которые, при вступленіи на престолъ государя невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ и кромѣ этого ни о чемъ не помышляли? Понятно, что императоръ предпочелъ совѣтоваться съ людьми другого качества, какихъ онъ и находилъ въ своихъ друзьяхъ. «Опытные» люди конечно были крайне этимъ озлоблены, и имъ все не нравилось въ новомъ царствованіи. «Весьма замѣчательно, — говоритъ тутъ же г. Богдановичъ, — что нѣкоторыя *похвальныя* качества государя, его простота вкусовъ, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ». Недовольны были, что дворъ будто бы «утратилъ величіе»—оттого, что Александръ не дѣлалъ безумныхъ издержекъ на это «величіе», какъ дѣлалось прежде [1]); — что императоръ «не отличался отъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни»; что онъ былъ вѣжливъ, предпочиталъ законъ своему произволу, что въ одномъ манифестѣ онъ нѣсколько разъ употребилъ слово «отечество» и т. д. Неудивительно, что Александръ не былъ расположенъ выбирать своихъ

---

[1]) «Величіе» временъ Екатерины извѣстно; о временахъ Павла читаемъ въ запискахъ И. И. Дмитріева: «*Никогда* не было при дворѣ такого великолѣпія, такой пышности и строгости въ обрядѣ» и т. д. («Взглядъ на мою жизнь», стр. 149).

совѣтниковъ изъ людей, гдѣ были *такіе* недовольные [1]), и въ чемъ виноваты были здѣсь его молодые совѣтники?

Переходимъ къ другимъ обвиненіямъ.

Что эти люди не стояли на высотѣ своего призванія, мы не будемъ спорить и съ своей стороны: но часто ли вообще являлись въ нашей новѣйшей исторіи люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія, если мы станемъ понимать «призваніе», т.-е. служеніе благу отечества и націи — сколько-нибудь серьезнымъ и строгимъ образомъ? Можно сказать развѣ только о Петрѣ Великомъ, что онъ стоялъ на высотѣ своего призванія, но кто же затѣмъ достигалъ этой высоты или устоялъ на ней? Сама Екатерина передъ строгимъ историческимъ судомъ далеко не всегда можетъ быть поставлена на эту высоту. Если же мы ограничимъ требованія и будемъ сравнивать совѣтниковъ Александра со старыми дѣльцами, то по содержанію понятій, которое представляли эти люди, мы должны будемъ не только не попрекать совѣтниковъ Александра, но поставить ихъ гораздо выше множества разныхъ министровъ и приближенныхъ, какіе бывали у насъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Прежде всего, эти приближенные Александра совершенно не были похожи на прежнихъ временщиковъ и фаворитовъ XVIII столѣтія. Всѣми тогда и послѣ чувствовалось, что ихъ соединяло съ Александромъ согласіе въ основныхъ убѣжденіяхъ, и это одно выгодно отдѣляетъ ихъ изъ категоріи обыкновенныхъ любимцевъ. Они были дѣйствительно, а не лицемѣрно скромны; они не добивались себѣ добычи и не грабили государства; причина ихъ близости къ государю, дружба, основанная на сходствѣ понятій, была слишкомъ не похожа на тѣ обстоятельства, какія выводили въ люди прежнихъ «случайныхъ» людей. «Недостаточное знаніе Россіи», «малая опытность въ дѣлахъ» — обвиненіе весьма серьезное. Мы замѣчали прежде, что ему подлежалъ (въ

---

[1]) Ср. съ этимъ отзывъ о «старыхъ дѣльцахъ», Беклешовѣ и Трощинскомъ въ первое время по вступленіи Александра на престолъ, въ Зап. Державина.... «Беклешовъ и Трощинскій, бывшіе тогда приближенные къ государю чиновники, и имѣющіе, такъ сказать, всю власть въ своихъ рукахъ, *оказывали себя по прихотямъ своимъ выше всѣхъ законовъ,* а какъ они между собою поссорились, и противоборствуя другъ другу, ослабили свою въ государѣ довѣренность, то и *сбили его съ твердаго пути,* такъ что онъ *не зналъ, кому* изъ нихъ *вѣрить*» (Зап. Держ., стр. 438—439 и ср. разсказъ о тѣхъ же Беклешовѣ и Трощинскомъ въ запискахъ Комаровскаго, Р. Арх. 1867, стр. 561—569). А между тѣмъ въ это первое время они именно и «ворочали государствомъ», по словамъ Державина. Кто же виноватъ, если Александръ перестаeлъ на нихъ и имъ подобныхъ полагаться? Ср. сходные съ этимъ отзывы Дюмона о недовольствѣ противъ императора Александра въ началѣ его царствованія. Вѣстн. Евр. 1869, февр. 806—807.

неменьшей, если не большей степени) самъ императоръ Александръ въ началѣ своей дѣятельности. Но, принявъ въ соображеніе обстоятельства и характеръ времени, мы должны снять съ этихъ людей значительную долю этого обвиненія. Мы уступаемъ обвиненію «малую опытность въ дѣлахъ», потому что дѣйствительно, это было дѣло рутины, которой они еще не имѣли много, и въ этомъ отношеніи ихъ конечно долженъ былъ превосходить всякій неглупый выслужившійся приказный, который въ разныхъ ступеняхъ своей службы могъ отлично изучить эту рутину. Что же касается до *знанія Россіи*, то это знаніе можно понимать весьма различно: легко могло быть, что они уступали многимъ изъ тогдашнихъ сановниковъ въ фактическомъ знаніи подробностей существующаго законодательства и порядковъ управленія, но понятно, что это фактическое знаніе подробностей, какимъ только и отличалось большинство «опытныхъ служивцевъ», еще не составляетъ всего, что необходимо знать людямъ, стоящимъ во главѣ управленія. Кромѣ этого знанія нужно другое, которое идетъ дальше простой исполнительности, которое обнимаетъ основныя черты положенія вещей, видитъ его существенные недостатки и слабыя стороны и ищетъ разумныхъ средствъ ихъ устраненія и уничтоженія. Эти два рода знанія пріобрѣтаются различно. Одно можно пріобрѣтать простымъ чисто нагляднымъ знакомствомъ съ практической жизнью, знакомствомъ, для котораго не требуется какого нибудь особеннаго образованія и усилія мысли, и которое, дѣйствительно, очень часто имѣютъ простые «бывалые» люди, ловкіе практическіе дѣльцы. Другое бываетъ доступно или только для умовъ, развитыхъ образованіемъ, которое сообщаетъ имъ лучшія представленія о нормальной жизни, и одушевляетъ ихъ ревностью къ улучшенію дѣйствительности, или же для серьезныхъ умовъ, которымъ это желаніе улучшеній внушается чувствомъ и яснымъ сознаніемъ недостатковъ дѣйствительности. Есть, однимъ словомъ, разница между канцелярскимъ знаніемъ рутины, годнымъ развѣ только для продолженія старыхъ порядковъ, и общественно-политическимъ пониманіемъ общаго состоянія и потребностей страны. Которое изъ двухъ можно справедливѣе назвать «сознательнымъ», и которое изъ нихъ необходимѣе для государственнаго дѣятеля, объ этомъ едва ли можно спорить. Всего лучше конечно, когда оба они соединяются, когда знаніе фактическихъ отношеній освѣщается указаніями просвѣщенной любви къ отечеству и служитъ помощью для плановъ преобразованій, внушаемыхъ политическимъ пониманіемъ національной пользы и доброжелательнымъ отношеніемъ къ интересамъ человѣчества. Такіе случаи,

къ сожалѣнію, рѣдки; изъ двухъ односторонностей у насъ всего чаще господствуетъ первая, но въ историческомъ движеніи общественнаго развитія конечно сдѣлано было гораздо больше энтузіастами общаго блага, чѣмъ людьми канцелярій. Къ этимъ энтузіастамъ общаго блага, вовсе однако не лишеннымъ и настоящаго знанія страны, несомнѣнно принадлежали первые сотрудники Александра. Быть можетъ, что имъ недоставало иногда практическихъ свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ управленія, но общій характеръ управленія вовсе не былъ для нихъ загадкой, и коренные недостатки его были имъ больше понятны, чѣмъ самымъ опытнымъ служивцамъ стараго времени, которые всего чаще ихъ совершенно не подозрѣвали. Своимъ желаніемъ улучшеній они стояли неизмѣримо выше этихъ служивцевъ, и мы увидимъ, что улучшенія, ими предпринятыя, вовсе не были безуспѣшны. Далѣе, сказать, что довѣріе Александра къ нимъ основано было «*не столько* на ихъ способностяхъ, сколько на *привычкѣ* и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ»—также будетъ неточнымъ опредѣленіемъ факта. Со всѣми своими любимцами — Новосильцовымъ, Чарторижскимъ, Кочубеемъ (кромѣ, кажется, одного Строганова) Александръ разлучился довольно давно; съ Новосильцовымъ — въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ царствованія Павла,—такъ что привычка могла бы изгладиться. Напротивъ прежнія дружескія отношенія вовсе не были единственнымъ основаніемъ довѣрія Александра, потому что и «способности» этихъ людей вовсе не были дюжинныя; само обвиненіе признаетъ ихъ и за Новосильцовымъ, и за Кочубеемъ, и за Чарторижскимъ. Всѣ они были люди весьма образованные; Кочубей, еще въ 1792 году, всего двадцати четырехъ лѣтъ назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь, «умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной государыни». Во времена Павла Кочубей, при всей силѣ своего дяди, Безбородки, едва ли задаромъ сдѣлалъ свою блестящую карьеру (онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера — ему едва было тридцать лѣтъ). Извѣстно, наконецъ, что это былъ положительно человѣкъ талантливый и благородный. Довѣріе Александра къ этимъ людямъ основывалось собственно на томъ, что эти люди, кромѣ прежнихъ дружескихъ связей, были единственные люди въ обстановкѣ Александра, съ которыми онъ былъ связанъ общимъ *направленіемъ понятій*. Онъ довѣрялъ имъ, потому что былъ увѣренъ, что они совершенно понимаютъ и раздѣляютъ его благія желанія и стараются содѣйствовать ихъ выполненію; самая дружба съ ними основы-

звалась на этомъ единствѣ мнѣній. Винить ихъ, что они не явились на поприще государственнаго управленія «во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній» — не позволяетъ простая человѣческая справедливость: гдѣ было *въ то время* получать это всеоружіе? Многіе ли вообще могли имъ хвастаться? И что придется сказать о дѣятеляхъ Екатерининскихъ и разныхъ другихъ временъ, если мы приложимъ къ нимъ столь же строгую мѣрку? Въ какомъ «всеоружіи» являлись на это поприще Орловы или Зубовы, или потомъ Аракчеевы и Голицыны? Кромѣ того, друзьямъ Александра не легко было и пріобрѣтать его, когда, при воцареніи Павла, имъ пришлось удаляться отъ центра дѣлъ, отчасти добровольно, по чувству самосохраненія, отчасти невольно, потому что они были удалены. Мы говорили наконецъ о томъ, въ чемъ собственно должно было состоять всеоружіе, и указывали, что сотрудники Александра не были совсѣмъ безоружны. «Управляя дѣлами, они учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи» — можно подумать, что эти люди въ самомъ дѣлѣ вздумали основывать въ Россіи Платонову республику или Утопію, и въ жертву своей метафизической теоріи приносили судьбу милліоновъ. На дѣлѣ милліоны могли бы гораздо меньше жаловаться на управленіе этихъ людей, чѣмъ многихъ другихъ прежде и послѣ; и именно въ эту первую эпоху царствованія Александра судьба милліоновъ принималась къ сердцу гораздо больше, чѣмъ въ какое-нибудь другое время этого царствованія, и конечно не вина этихъ однихъ людей, что великодушные планы ихъ могли осуществиться только далеко не вполнѣ.... Планы эти угадывали историческую необходимость, которая начинаетъ въ наши дни оправдываться и осуществляться.

Доказательства сказанному не мудрено найти въ тѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, которыми ознаменовалась дѣятельность этихъ лицъ, и къ счастію, мы имѣемъ еще драгоцѣнные историческіе документы, по которымъ можно познакомиться съ характеромъ мнѣній этихъ лицъ, съ ихъ планами и ихъ долей въ исполненіи. Это—засѣданія того интимнаго дружескаго комитета (1801—1803 г.), гдѣ императоръ Александръ вмѣстѣ съ своими друзьями обсуждалъ предпринимаемыя преобразованія. Протоколы этихъ засѣданій сохранились въ бумагахъ графа П. А. Строганова, изданіе которыхъ составляетъ большую заслугу книги г. Богдановича [1]). Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно для нашей цѣли.

[1]) См. «Вѣстн. Евр.» 1866, № 1, статья г. Богдановича, и его же книгу, I, прилож.,

Въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались въ совѣщаніяхъ этого интимнаго комитета, достаточно обнаруживается характеръ отношеній. Мы видимъ, что совѣтники не всегда сходились во мнѣніяхъ, но мнѣнія ихъ вовсе не представляли какого-нибудь особеннаго незнанія русской жизни, въ которомъ ихъ обыкновенно обвиняютъ. Иниціатива принадлежала всего чаще самому императору; его мнѣніе всегда конечно рѣшало вопросы, и не всегда получало верхъ лучшее предложеніе. Читая протоколы нетрудно убѣдиться, что ихъ отношенія были свободныя и добровольныя, что совѣтники Александра не только не навязывали ему своихъ мнѣній, но, какъ дальше увидимъ, не имѣли и возможности навязывать, что они имѣли отъ него одну только привилегію — свободу высказывать свое и иногда не соглашаться съ нимъ; ихъ вліяніе заключалось единственно въ довѣріи, которое самъ онъ имъ далъ, — они удалились тотчасъ, какъ скоро увидѣли, что ихъ понятія перестаютъ совпадать съ идеями императора. Такъ что критики ихъ дѣятельности, тогдашніе и позднѣйшіе, еслибы хотѣли быть вполнѣ правдивы, должны были бы направлять свои обвиненія не столько противъ нихъ, сколько противъ самого императора, которому всего чаще принадлежала иниціатива и всегда окончательное рѣшеніе.

Комитетъ составился, конечно по желанію государя, изъ лицъ, удостоившихся его довѣрія, для нѣкотораго сотрудничества съ нимъ «въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія имперіи (reforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire)». Работа должна была начаться обозрѣніемъ настоящаго состоянія разныхъ частей управленія, и затѣмъ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи, и наконецъ увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія ручательствомъ, которое можетъ представить *уложеніе*, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа (et enfin couronner ces différentes institutions par une *garantie* offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la Nation)».

Это послѣднее и было господствующей мыслью Александра, сочувствіе къ которой онъ находилъ въ своихъ сотрудникахъ. Слова эти надобно понимать въ ихъ прямомъ смыслѣ. Александръ чувствовалъ отвращеніе къ деспотизму, отличавшему русское правленіе; онъ стѣснялся неограниченностью своей власти, и

стр. 38—91. Мы встрѣтили нѣкоторую разницу въ изложеніи засѣданій комитета въ этихъ двухъ текстахъ, и дѣлаемъ свои цитаты, выбирая изъ нихъ обоихъ тѣ выраженія, которыя кажутся намъ болѣе соотвѣтствующими подлиннику.

съ первыхъ дней царствованія его одушевляла мысль о томъ, чтобы подчинить деспотизмъ законности, неопредѣленность абсолютной монархіи привести въ извѣстныя твердыя нормы. «Старые служивцы», какъ Державинъ, терпѣть не могли его либеральныхъ сотрудниковъ, «набитыхъ французскимъ конституціоннымъ духомъ», но эта брань ихъ вольнодумства была лицемѣрная, потому что служивцамъ очень хорошо было извѣстно, что этимъ же конституціоннымъ духомъ отличался самъ Александръ. Они, какъ послѣ Карамзинъ и нѣкоторые новѣйшіе историки, предпочитали умалчивать объ этомъ послѣднемъ и сваливать всю вину на совѣтниковъ. Протоколы Строганова доставляютъ положительное доказательство, что иниціатива должна была принадлежать самому императору. Слово «уложеніе», которое употреблялось и впослѣдствіи въ законодательныхъ планахъ императора Александра (проекты Сперанскаго), было старое слово, но смыслъ, который давался ему теперь, не былъ смыслъ «уложенія» царя Алексѣя Михайловича, а именно смыслъ французскаго слова constitution. Это послѣднее вѣроятно и употреблялось, такъ какъ самыя совѣщанія вѣроятно всегда велись на *французскомъ* языкѣ. Рѣчь именно шла о государственномъ устройствѣ, законно опредѣляющемъ кругъ дѣйствій верховной власти (и слѣдовательно извѣстнымъ образомъ ее ограничивающемъ), и устройствѣ, въ которомъ должно было играть извѣстную роль представительство. Къ этимъ планамъ мы еще возвратимся впослѣдствіи; теперь намъ достаточно замѣтить, что «конституціонный духъ» не былъ изобрѣтенъ совѣтниками Александра, а былъ его собственнымъ, давнишнимъ помышленіемъ.

При началѣ работъ, императоръ «*выразилъ нетерпѣніе* перейти прямо къ административному отдѣлу и *началъ* говорить о сенатѣ», — и впослѣдствіи настаивалъ на своихъ личныхъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ.

Въ обсужденіи иностранной политики между совѣтниками Александра преобладали мирные взгляды, и сообразно съ мнѣніемъ Чарторижскаго положено было: «быть искренними въ иностранной политикѣ, но *не связывать себя никакими договорами* относительно кого бы то ни было; относительно Франціи, искать возможности обуздать ея честолюбіе, *не вовлекаясь* однако сами *въ крайнія мѣры*, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англія — нашъ естественный другъ». Такимъ образомъ мнѣнія совѣтниковъ были именно тѣ, за отсутствіе которыхъ упрекали ихъ потомъ строгіе порицатели, обвинявшіе воинственную политику, начатую вскорѣ Александромъ. Если первоначальный взглядъ

совѣтниковъ Александра не осуществился въ дальнѣйшихъ событіяхъ, то еще мудрено сказать,—насколько ходъ событій опредѣлялся ихъ вліяніями, а не собственной волей императора Александра и обстоятельствами. Между прочимъ, сильнымъ партизаномъ англійскаго союза противъ Франціи былъ человѣкъ стараго поколѣнія, графъ С. Р. Воронцовъ, мнѣнія котораго должны были имѣть большой вѣсъ.

Проектъ манифеста къ предстоявшей коронаціи составленъ былъ другимъ Воронцовымъ, А. Р. Проектъ былъ повтореніемъ грамоты дворянству, но представлялъ и много вставокъ, которыя подали поводъ къ преніямъ; между прочимъ и нѣкоторые изъ прежнихъ пунктовъ грамоты вызвали несогласія. Новосильцовъ настаивалъ, чтобы льготы, даваемыя грамотой, не распространялись на *безграмотныхъ дворянъ*. Въ концѣ преній, не приведшихъ къ чему либо опредѣленному, императоръ замѣтилъ, что «онъ возстановляетъ дворянскую грамоту противъ собственной воли, вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая всегда была ему противна». О послѣднемъ ему замѣтили, что «ничто не мѣшало современемъ распространить эти права и на прочія сословія», и онъ, кажется, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ. Далѣе, въ томъ же проектѣ Воронцова предлагалось дать крестьянамъ право пріобрѣтать въ собственность общинныя земли,—предлагалось уничтожить шлагбаумы и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ комитета, дѣйствительно мѣшаютъ только честнымъ людямъ въ ихъ полезной дѣятельности, и нисколько не стѣсняютъ воровъ и мошенниковъ въ ихъ злыхъ умыслахъ. Воронцовъ предлагалъ наконецъ ввести, въ судебномъ порядкѣ, нѣкоторыя правила, заимствованныя изъ Habeas corpus. По мнѣнію Новосильцова, которое раздѣлялъ и императоръ, прежде чѣмъ вводить такое право (право гражданина требовать своего освобожденія въ случаѣ несправедливаго ареста,—важное право личной неприкосновенности), надо хорошенько подумать, не будетъ ли иногда правительство вынуждено нарушать это правило,—и въ такомъ случаѣ лучше вовсе не принимать его.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, главнымъ предметомъ совѣщаній было устройство сената и крестьянскій вопросъ.

Преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ послужило потомъ однимъ изъ самыхъ горячихъ обвиненій противъ этихъ совѣтниковъ Александра. Эта реформа прежняго порядка изображалась ихъ противниками какъ уничтоженіе одного изъ лучшихъ созданій Петра, почти какъ предательство и измѣна. Наши историки и юристы кажется еще не разъяснили удовлетворительно

этого вопроса [1]), который заслуживалъ бы этого въ особенности по возбужденному имъ въ тѣ времена враждебному столкновенію мнѣній и партій. Намъ довольно указать нѣсколько подробностей, бросающихъ свѣтъ на отношенія взглядовъ разныхъ сторонъ.

Побудительнымъ основаніемъ къ реформѣ сената, по словамъ протоколовъ, было слѣдующее: «Императору больно было видѣть Сенатъ впавшимъ въ *унизительное состояніе*, въ какомъ онъ находился при покойномъ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть (voyant dans ce corps le contrepoid, qui devroit exister au pouvoir absolu), желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ».

Для начала дѣла указомъ поручено было самому сенату составить докладъ о своихъ правахъ. Въ сенатѣ и въ публикѣ этотъ указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, о которомъ мы привели выше разсказъ Шторха. Державинъ въ своихъ запискахъ также разсказываетъ о немъ съ своей точки зрѣнія: «При слушаніи сего указа въ общемъ сената собраніи произошли разныя мнѣнія—графы Воронцовъ и Завадовскій [2]) весьма въ темныхъ выраженіяхъ или такъ сказать тонкихъ жалобахъ на прежнее (т.-е. Павлово) правленіе словами Тацита, что *говорить было опасно, а молчать бѣдственно*, хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ то: чтобъ доходами располагать» и т. д. [3]). Сенатъ составилъ свой докладъ; кромѣ того представлено было нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній, между прочимъ А. Р. Воронцова; кн. Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые «заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю». Проектъ Зубова отличался отъ державинскаго тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе. Державинъ, столько возстававшій противъ вольнодумства, кажется также захотѣлъ сдѣлать изъ сената что-то конституціонно-независимое.

Докладъ сената былъ разсмотрѣнъ Новосильцовымъ, который читалъ свое донесеніе въ комитетѣ. Точкой исхода его была

---

[1]) Баронъ Корфъ касается его только въ общихъ выраженіяхъ; авторъ «Исторіи Мин. Внутр. Дѣлъ» обходитъ его; г. Богдановичъ положительно не высказывается въ ту или другую сторону и т. д. См. также «Высш. администрац. въ XVII-мъ вѣкѣ», Градовскаго, стр. 246 и слѣд.; рецензію этой книги въ «Вѣстн. Евр.» 1867, стр. 58 и т. д.

[2]) «Старые служивцы».

[3]) Зап. Державина, М. 1860, стр. 441.

та мысль, не лишенная основанія, что сенатъ нельзя разсматривать какъ законодательное учрежденіе, что при самомъ основаніи его Петръ I предоставлялъ ему власть не иначе, какъ для пользованія *подъ своимъ предсѣдательствомъ*, т.-е. подъ своимъ руководствомъ, потому что президентъ, имѣющій всю власть въ своихъ рукахъ, не можетъ имѣть съ своими подчиненными другихъ отношеній, какъ отношенія хозяина къ управляющимъ. Поэтому законодательной власти и нельзя вручать подобному собранію, которое по самому своему составу не можетъ *пользоваться довѣріемъ націи* и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховной властью, не допускаетъ и мысли объ *участіи* большинства *общества въ изданіи* тѣхъ *законовъ*, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, еслибы императоръ расширилъ права этого учрежденія, то кромѣ этого (въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и при тогдашнемъ составѣ этого собранія) еще *связалъ бы себѣ руки* такъ, что былъ бы не въ состояніи исполнить всего, задуманнаго имъ для блага націи, потому что въ *невѣжествѣ* этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая могла бы имѣть опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы, всегда вредной, между верховной властью и назначенными ею учрежденіями. Все это приводило Новосильцова къ заключенію, что власть сената должна быть въ сущности ограничена одной судебной частью (въ качествѣ высшей судебной инстанціи), но здѣсь ему должно было бы дать весь необходимый просторъ власти. — Императоръ предложилъ наконецъ комитету прочесть еще записку графа Воронцова. Онъ также говорилъ въ ней *о предѣлахъ, которые необходимо положить произвольной власти*, но говорилъ не совсѣмъ удовлетворительно, и императоръ остался недоволенъ запиской, находя, что средства указаны были недостаточно ясно. Записка Воронцова, очевидно, исходила изъ конституціонной точки зрѣнія, но въ ней находили тотъ же общій недостатокъ, что она вносила всю власть въ сенатъ,—которому комитетъ предполагалъ, какъ мы замѣтили, предоставить одну высшую судебную власть, и въ которомъ онъ очевидно не находилъ никакихъ данныхъ для конституціонной роли. Записка Воронцова ничего не измѣнила въ составившихся мнѣніяхъ. Записка Державина также оставлена была безъ вниманія, потому что Державинъ ошибочно понималъ раздѣленіе властей, которыя всѣ онъ видѣлъ въ сенатѣ. По словамъ протокола, «императоръ не могъ не высказать съ нѣкоторой грустью той мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной цѣли его—обуздать деспотизмъ нашего правленія (de mettre un frein au despotisme de

notre gouvernement).» Ему дали понять, что если онъ устроитъ одну судебную часть, то и это будетъ хорошо, и что онъ напрасно отчаявается такъ скоро.

Вопросъ о сенатѣ возвратился на засѣданіяхъ комитета въ Москвѣ, во время коронаціи. Шли разсужденія объ исполнительной и охранительной власти, которую хотѣли предоставить сенату, и возникала мысль о томъ, что лучше поручать различныя части управленія отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ возложена была бы и отвѣтственность. Возраженія и идеи императора, по словамъ Строганова, не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣшались; «вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого времени»...

Въ такомъ видѣ шелъ вопросъ о преобразованіи сената. Очевидно, что совѣтники императора далеко не были въ положеніи людей, руководящихъ рѣшеніями императора. Онъ, повидимому, былъ всѣхъ чувствительнѣе къ вопросу объ ограниченіи деспотизма и огорчался тѣмъ, что не представлялось удовлетворительныхъ средствъ къ рѣшенію этого вопроса. Но должно замѣтить, что эти конституціонныя мечтанія вовсе не были однимъ легкомысліемъ, которое можно было—съ консервативной точки зрѣнія—поставить въ вину ему или его совѣтникамъ. Молодые сотрудники Александра раздѣляли конечно его желаніе въ этомъ отношеніи, но и «старые служивцы», «опытные», «осторожные», «искусившіеся опытами жизни» и т. д., также заговорили объ этомъ предметѣ, разсуждали о немъ въ сенатѣ и въ своихъ запискахъ, писанныхъ для императора, требовали сенату новыхъ прерогативъ, воображали превратить его въ законодательное собраніе. Припомнивъ всѣ случаи, гдѣ высказывалась тогда конституціонная идея (въ какой бы ни было степени, все равно), кажется, надо придти къ заключенію, что ея проявленія не были ни чистой мечтой идеалиста-императора и нѣсколькихъ молодыхъ его любимцевъ, ни простымъ угодничествомъ опытныхъ придворныхъ, желавшихъ поддѣлаться подъ вкусы императора (хотя были также и случаи такого угодничества), но что напротивъ, здѣсь высказывалась, хоть на первый разъ не совсѣмъ ясно, не смѣло и разрозненно, естественная, исторически выроставшая потребность, особенное возбужденіе которой въ эту эпоху объясняется свѣжимъ воспоминаніемъ о только-что окончившемся царствованіи и возникшимъ еще полу-сознательнымъ чувствомъ общественнаго права.

Только съ этой точки зрѣнія, кажется, мы справедливо оцѣ-

нили дѣятельность этихъ людей, которыхъ нѣтъ основанія винить въ легкомысліи и подозрѣвать въ своекорыстіи и властолюбіи. Ихъ ошибокъ мы отвергать не будемъ; но ошибки не были такъ велики, потому что въ идеѣ, они предчувствовали историческую необходимость глубокой реформы существовавшаго порядка вещей, и предчувствовали совершенно справедливо, потому что рамки этого порядка становились тѣсны для общественнаго развитія и уже начинали заглушать его,—а ошибки въ исполненіи были слишкомъ возможны въ подобномъ предпріятіи. Но главнымъ образомъ эти ошибки падаютъ на самого Александра: власть самого императора во всякомъ случаѣ была главнымъ рычагомъ и Александръ обнаруживалъ достаточно ревниваго упрямства, передъ которымъ его совѣтники были безсильны.

Размѣръ ошибокъ, которыя сдѣланы были въ эту эпоху, и въ которыхъ прямо или косвенно можно все-таки винить и сотрудниковъ императора, еще не былъ опредѣленъ съ точностію, какъ мы замѣтили. Положимъ, что «образованіе министерствъ 1802 г. не было соглашено ни съ образованіемъ только что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго установленія сената» и пр., но была ли въ этомъ такъ заинтересована «судьба милліоновъ», какъ насъ хотятъ увѣрить; было ли это такой существенной и неисправимой ошибкой; не пришло ли потомъ это соглашеніе путемъ естественнаго опыта, и не была ли эта ошибка, въ сущности, однимъ только канцелярскимъ неудобствомъ на нѣсколько времени? Возражаютъ еще, ссылаясь на уничтоженіе благодѣтельнаго коллегіальнаго порядка, на безотвѣтственность министровъ, на старыя права, утраченныя сенатомъ: но мы видѣли изъ словъ Шторха, что уже въ то время съ большимъ и очень справедливымъ скептицизмомъ смотрѣли на прежнюю роль сената, и весьма сомнительно, чтобы практическіе результаты управленія по стариннымъ методамъ были лучше управленія по новымъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что вообще говоря выгоды коллегіальнаго управленія конечно были мнимыя, когда въ концѣ концовъ дѣла все-таки рѣшались личнымъ произволомъ или самой верховной власти, или фаворита, господствующаго въ данную минуту, или представителя интересовъ верховной власти, генералъ-прокурора [1]). Что, наконецъ, касается политическаго значенія сената,

[1]) Весьма компетентные знатоки дѣла и въ то время не преувеличивали историческаго значенія и власти сената (со временъ Петра). «...Отъ самой кончины императора Петра I,—говоритъ въ своемъ мнѣніи гр. Завадовскій,—во всѣ времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому,

то оно оказывалось, какъ извѣстно, совершенно ничтожнымъ. Сенатъ былъ безсиленъ во всѣ критическіе моменты, гдѣ онъ могъ бы проявлять какое-нибудь значеніе; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить дворцовыя революціи, наполняющія XVIII-е столѣтіе, и по нашему мнѣнію, взглядъ совѣтниковъ Александра (въ особенности Новосильцова) на значеніе сената имѣетъ то великое достоинство, что въ этомъ взглядѣ въ первый разъ дѣло поставлено было прямымъ, реальнымъ образомъ, безъ всякихъ фиктивныхъ преувеличеній его мнимой власти и значенія. Къ спорамъ о министерствахъ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться.

Относительно крестьянскаго вопроса извѣстно было, что императоръ имѣетъ глубокое желаніе исправить это зло и улучшить положеніе крѣпостныхъ. «Съ нѣкотораго времени, замѣчаетъ протоколъ 4 ноября, многія лица и въ особенности г. де-Лагарпъ и Мордвиновъ, а особенно послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго состоянія, не имѣя никакого гражданскаго существованія». Но все это должно было, по ихъ мнѣнію, дѣлаться постепенно и нечувствительно, и Мордвиновъ на первый разъ предлагалъ разрѣшить людямъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

Эти первые приступы къ крестьянскому вопросу отличаются большой робостью, неясностью, неувѣренностью, и это неудивительно. Крѣпостное право такъ въѣлось въ жизнь, что первая мысль объ его отмѣнѣ или ограниченіи, у человѣка незнакомаго, какъ Александръ, съ настоящимъ положеніемъ вещей естественно была очень боязливая; нѣкоторые изъ его совѣтниковъ также были нерѣшительны, потому что, хотя и отвергали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, но по давней привычкѣ считали его все еще необходимымъ политическимъ зломъ, видѣли въ немъ средство дисциплины и порядка. Самъ Мордвиновъ, при всей своей филантропіи и при всей смѣлости своихъ мнѣній въ другихъ отношеніяхъ, въ крестьянскомъ вопросѣ

чтобы имъ, а не мѣстамъ (т. е. правительственнымъ учрежденіямъ, и сенату прежде всего) властвовать; но никогда толико не успѣли въ униженіи сената, какъ въ послѣдніе годы» и пр. («Чтенія Моск. Общ.» 1864, кн. I, стр. 10[illegible], смѣсь). «Не знаю,— говоритъ Дмитріевъ, — какъ далеко простиралось вліяніе генералъ-прокурора на государственныя дѣла до временъ императрицы Екатерины второй; но съ ея царствованія до учрежденія министерствъ, за исключеніемъ воинской, всѣ прочія части государственнаго управленія были ему подчинены. При ней одинъ только генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій по должности своей личный доступъ, могъ нѣкоторымъ образомъ ослаблять могущество генералъ-прокурора», и т. д. («Взглядъ» и пр., стр. 138).

былъ консерваторомъ и находилъ возможными только самые легкіе и осторожные приступы къ этому дѣлу.

Александръ принималъ мнѣніе Мордвинова, стоявшее въ сущности очень далеко отъ непосредственной цѣли, но дополнялъ его другимъ предположеніемъ — дозволить вмѣстѣ съ покупкой земель и покупку крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне, принадлежащіе не дворянамъ, подчинены были болѣе умѣреннымъ правиламъ и не были полными крѣпостными. Трудно сказать, было ли это усиленіемъ, или смягченіемъ и безъ того мягкой мѣры Мордвинова. Но комитетъ нашелъ это предложеніе непрактичнымъ и не ожидалъ пользы отъ такой мѣры. Осталась мысль о позволеніи недворянамъ покупать земли, которая и была вскорѣ осуществлена закономъ.

Въ комитетѣ говорили потомъ о личной продажѣ крестьянъ, о необходимости уничтожить этотъ варварскій обычай, и о проектѣ Зубова, который, раздѣляя крестьянъ отъ дворовыхъ, предлагалъ запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и выкупъ дворовыхъ отъ казны. Эта послѣдняя мѣра въ особенности затрудняла комитетъ: во-первыхъ, на этотъ выкупъ потребовалась бы громадная сумма денегъ; во-вторыхъ, являлся вопросъ: что́ дѣлать потомъ съ выкупленными дворовыми? Императоръ поручалъ Новосильцову вновь переговорить съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ объ этихъ новыхъ мѣрахъ. Ни тотъ, ни другой не обнаруживали особенной смѣлости; они склонны были только къ тому, чтобы нѣсколько смягчить положеніе крестьянъ, но затѣмъ держались за status quo по различнымъ опасеніямъ; ихъ мнѣніе раздѣлялъ и Новосильцовъ. Но другіе совѣтники Александра смотрѣли на вопросъ прямѣе, и лучшее, что́ было сказано въ тогдашнихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, было сказано Кочубеемъ, Чарторижскимъ и Строгановымъ.

Императоръ склонялся на сторону мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, что предположенныя мѣры надо вводить медленно, отдѣльно одну отъ другой, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ. Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были противнаго мнѣнія. Кочубей говорилъ, что «было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя права свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ (право покупки земель) и ничего не сдѣлать въ пользу крѣпостныхъ: послѣдніе живутъ съ первыми бокъ-о-бокъ и, видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе почувствуютъ тягость своего положенія. Дворяне, говорилъ Кочубей, будутъ также недовольны: видя, что всѣ отдѣльныя мѣры клонятся къ освобожденію крестьянъ, они будутъ находиться въ постоянномъ опасеніи новыхъ мѣръ, и по-

тому *лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ»*. Кочубей дѣлалъ кромѣ того практическое замѣчаніе, что запрещеніе личной продажи не будетъ вовсе новостью въ имперіи, потому что въ Малороссіи, Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, отчасти въ Балтійскихъ провинціяхъ личной продажи никогда не было, и это правило стòитъ только распространить на всю имперію.

Чарторижскій замѣтилъ что право помѣщиковъ на крестьянъ *столь ужасно* (si horrible), что *не должно ничего опасаться при его нарушеніи* — мысль очень справедливая.

Наконецъ Строгановъ представилъ цѣлую аргументацію противъ мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, ставившую вопросъ еще рѣшительнѣе. Мы не будемъ приводить записки Строганова, довольно длинной, и къ сожалѣнію напечатанной только съ значительными пропусками. Основная мысль ея заключалась въ доказательствѣ того, что правительству при рѣшеніи крестьянскаго вопроса нечего опасаться никакихъ волненій, что волненій невозможно ожидать ни со стороны дворянства, неспособнаго ни къ какой оппозиціи, ни со стороны крестьянъ, въ пользу которыхъ совершалось бы это дѣло. Въ запискѣ Строганова есть много вѣрнаго пониманія вещей, и тѣмъ, кто обвиняетъ молодыхъ совѣтниковъ Александра въ «незнаніи Россіи», можно было бы именно указать на эту записку, гдѣ изображеніе политическаго и интеллектуальнаго ничтожества массы тогдашняго дворянства и изображеніе народныхъ понятій представляютъ достаточное знаніе отношеній, и замѣчательны опять именно тѣмъ же качествомъ, какое по другому предмету мы указывали у Новосильцова: отсутствіемъ реторики и прямымъ пониманіемъ фактовъ, какъ они есть.

Въ крестьянскомъ вопросѣ — въ этомъ «великомъ дѣлѣ», какъ называетъ его Строгановъ — было вообще много колебаній; люди боязливые становились иногда смѣлѣе, болѣе рѣшительные впадали въ сомнѣнія, но въ концѣ концовъ результатомъ этихъ разсужденій было нѣсколько правительственныхъ мѣръ, въ пользу крѣпостного крестьянства. Какъ ни были мягки эти мѣры, онѣ всполошили помѣщиковъ; нѣсколько случаевъ, гдѣ императоръ Александръ строго наказывалъ жестокое обращеніе съ крестьянами, и притомъ дѣлалъ эти наказанія публичными, еще усилили впечатлѣніе, — и хотя вопросъ остался все-таки неразрѣшеннымъ, но первыя вмѣшательства власти показали, хотя въ дальней перспективѣ, возможность его рѣшенія. Въ общество съ тѣхъ поръ въ первый разъ прочно запала идея объ освобожденіи крестьянъ; съ тѣхъ поръ она развивалась постоянно и въ концѣ царствованія Александра было уже много людей,

для которыхъ она была совершенно ясна и которые ея распространеніе и защиту ставили своей гражданской обязанностью.

Было бы слишкомъ долго комментировать протоколы комитета. Мы выберемъ еще нѣсколько подробностей, характеризующихъ взгляды совѣтниковъ императора и собственную роль Александра. Мы видѣли уже, что это вовсе не были люди такіе легкомысленные, какъ ихъ изображаютъ, что они хорошо знали трудности дѣла, иногда пугались ихъ и впадали въ сомнѣнія; между прочимъ они знали и то, за упущеніе чего ихъ упрекали. Съ другой стороны, едва ли и возможно было организовать новое устройство со всей окончательной точностью, когда приходилось смѣнять старыя учрежденія новыми: должно было являться множество практическихъ затрудненій, которыхъ невозможно было бы предвидѣть или избѣжать при исполненіи. Возвращаемся къ протоколамъ.

Когда обдумывался планъ министерствъ, онъ былъ между прочимъ показанъ Лагарпу и Воронцову. Лагарпъ восхвалялъ этотъ планъ; Воронцовъ былъ «въ восторгѣ» отъ этой идеи. Замѣтимъ, что Лагарпъ вообще не былъ склоненъ къ смѣлымъ планамъ; относительно Александра онъ игралъ роль ревниваго охранителя его независимости и рекомендовалъ спокойное благоразуміе. Воронцовъ считался вообще однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и знающихъ стариковъ: молодые совѣтники Александра обращались къ его совѣтамъ и замѣчаніямъ. Мнѣнія совѣтниковъ Александра были совершенно открыты для критики въ этомъ кругу, тѣмъ болѣе, что и сами они не всегда сходились въ своихъ понятіяхъ. Вопросъ о преимуществахъ министерскаго управленія или коллегій, не опредѣленный и до сихъ поръ, былъ еще болѣе спорнымъ въ то время, когда путаница управленія коллегій была на лицо: новая система представляла по крайней мѣрѣ болѣе шансовъ послѣдовательности и порядка, въ особенности при дальнѣйшемъ ея развитіи, которое имѣлось въ виду. Установленіе обязанностей и отвѣтственности министровъ, распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ были много разъ предметомъ обсужденій, несогласій и споровъ; трудности были весьма видны, и тогда еще заявлялись мнѣнія, предвосхищавшія позднѣйшую критику. Такъ Чарторижскій и Строгановъ желали *дѣйствительной отвѣтственности* министровъ; такъ нѣкоторые не соглашались на учрежденіе особаго министерства коммерціи, на основаніи котораго настоялъ самъ Александръ; такъ, по поводу распредѣленія дѣлъ, Лагарпъ выражалъ мысль, что можно не гоняться за окончательнымъ раздѣленіемъ, «*предоставя себѣ впослѣдствіи удобнѣйшее размѣщеніе частей* по министерствамъ,

какъ это сдѣлано въ Швейцаріи и во Франціи», и какъ это потомъ сдѣлано было въ нашихъ министерствахъ. Воронцовъ представилъ свои замѣчанія на сообщенный ему проектъ министерствъ. Замѣчанія эти были разсмотрѣны въ комитетѣ, который «не могъ пройти молчаніемъ, какъ удивила его *ничтожность замѣчаній* графа Воронцова». Это обстоятельство довольно характеристично, потому что Воронцовъ хорошо зналъ старую рутину дѣлъ. Эти замѣчанія, приведенныя въ протоколѣ, дѣйствительно неважны [1]).

Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи Строгановъ весьма здраво предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна была примыкать дальнѣйшая ступень заведеній для образованія спеціальнаго,—именно та система, которая въ настоящее время отчасти начинаетъ у насъ осуществляться. Императоръ возражалъ на это, что чужіе образцы не всегда могутъ быть примѣнимы у насъ, и что у насъ есть старыя учрежденія, къ которымъ надо привязывать новыя. Обѣ стороны были конечно правы: старыя учрежденія, духовныя, свѣтскія, военныя и другія спеціальныя учебныя заведенія остались, и къ нимъ привязаны были новыя, но рядомъ съ этимъ основалась система новыхъ учрежденій, гимназій и университетовъ, т.-е. среднихъ общеобразовательныхъ заведеній и высшихъ, спеціально-факультетскихъ курсовъ. Послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, въ наше время почувствовалась потребность въ переустройствѣ этихъ заведеній и начинаетъ получать силу мысль, которую высказывалъ Строгановъ: прежнія спеціальныя заведенія начинаютъ распадаться на предварительные курсы общаго образованія, и высшіе курсы—спеціальнаго [2]). До какой степени все еще непрочна была почва, на которой должны были трудиться эти нововводители, и какими странными опасеніями должна

[1]) «Старые служивцы», вопіявшіе противъ вольнодумныхъ нововведеній, повидимому не оказывали никакой твердой и толковой оппозиціи. Ихъ собственныя идеи справедливо казались странными. Державинъ, подлаживаясь подъ новый тонъ, предлагалъ свои нововведенія. Въ своемъ проектѣ преобразованія сената, онъ хотѣлъ предоставить выборъ кандидатовъ изъ лицъ первыхъ 4-хъ классовъ дворянамъ первыхъ 8-ми классовъ, и затѣмъ назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. На эту избирательную теорію новаго рода въ комитетѣ замѣтили, что эти лица первыхъ 4-хъ классовъ могутъ не быть извѣстными избирателямъ, и что выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола губернаторовъ. Самъ комитетъ считалъ подобное избирательство пока несвоевременнымъ.

[2]) Таковы мѣры, какъ напр. преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, за которыми слѣдуютъ спеціальныя военныя училища, или какъ приближеніе семинарскаго курса къ гимназическому, т.-е. опять общеобразовательному.

была сопровождаться работа, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго. Шелъ вопросъ о томъ, какъ назвать министерство, завѣдующее учеными и учебными учрежденіями: назвать-ли его министерствомъ *общественнаго образованія*, или *воспитанія*. «Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: *воспитаніе*, потому что оно менѣе громко, и напротивъ того слово: *образованіе* поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно (!). Но прочіе члены думали, что слово: *образованіе* болѣе точно, что *воспитаніе* совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; притомъ терминъ: *образованіе* не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ничьихъ сомнѣній» (!!). Послѣ довольно долгихъ разсужденій принято было названіе: «министерство народнаго просвѣщенія». Не надобно думать, чтобы Кочубей слишкомъ преувеличивалъ господствующіе предразсудки: еще очень незадолго передъ тѣмъ Александру приходилось отмѣнять запрещеніе привозить въ Россію *всякія книги:* таковы были взгляды самого правительства за два года назадъ.

Противники молодыхъ совѣтниковъ императора и ихъ либерализма нападали также на приглашеніе иностранныхъ юристовъ къ содѣйствію при составленіи русскаго кодекса и на самое составленіе этого кодекса, вмѣсто котораго просто надо было сдѣлать собраніе прежнихъ законовъ. Въ протоколахъ мы находимъ любопытныя указанія и объ этомъ вопросѣ. Приглашеніе къ иностраннымъ юристамъ предположено было самимъ императоромъ. Чарторижскій (засѣд. 10 марта 1802), по его приказанію, составилъ проектъ письма, но, посовѣтовавшись съ членами комитета убѣдился, что теперь трудно приступать къ составленію окончательнаго кодекса, такъ какъ имѣлись въ виду большія перемѣны во всемъ, относящемся къ гражданскому праву. Чарторижскій полагалъ, что сначала «слѣдуетъ ограничиться *собраніемъ всѣхъ существующихъ у насъ законовъ*, по предметамъ, въ томъ порядкѣ, который окажется наиболѣе удобнымъ». Новосильцовъ сочувствовалъ этой мысли и желалъ скорѣйшаго ея осуществленія. Императоръ повидимому согласился съ этимъ, но тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ знаменитѣйшимъ европейскимъ юристамъ. Отъ нихъ хотѣли собственно получить теоретическую программу, указанія о методѣ труда и конспектъ для распредѣленія матеріала.

Это обращеніе къ иностраннымъ юристамъ осуждалось противниками нововведеній; оно не покажется однако страннымъ,

если мы вспомнимъ тогдашнее состояніе юридическаго образованія не только въ обществѣ, но и у самихъ дѣятелей администраціи и суда. Если являлась совершенно естественная мысль составить наконецъ раціональный сборникъ дѣйствующихъ законовъ, то необходимость метода была очевидна, и удовлетворить ей не могла тогдашняя русская юридическая рутина. Кромѣ того, дѣло не ограничивалось только собраніемъ существующихъ законовъ. Совѣтники императора понимали необходимость и такого собранія, но совершенно справедливо понимали эту работу только какъ работу приготовительную, какъ средство оріентироваться въ существующемъ матеріалѣ; они не думали, что это и будетъ окончательнымъ рѣшеніемъ задачи. Напротивъ, въ виду имѣлось произвести много преобразованій, уничтожить много старыхъ и ввести новыхъ законовъ, болѣе соотвѣтствующихъ духу времени; для этой новой организаціи конечно требовалось установить извѣстныя основныя положенія, и для этихъ-то основныхъ принциповъ и методовъ кодификаціи въ особенности могла чувствоваться необходимость въ содѣйствіи европейскихъ юристовъ, — Александръ и его сотрудники также могли находить нужнымъ обращаться къ нимъ, какъ нѣкогда Петръ Великій обращался къ шведскому законодательству, какъ и въ наше собственное время наше законодательство считало нужнымъ заимствоваться у иностранныхъ законодательствъ, напр. въ судебной реформѣ, въ новыхъ цензурныхъ установленіяхъ, въ устройствѣ народнаго просвѣщенія и во многихъ другихъ случаяхъ [1]). Замѣтимъ, наконецъ, что въ тѣ времена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, эти обращенія къ европейской наукѣ объясняются еще особенными вліяніями вѣка, которыя чувствовались въ средѣ людей наиболѣе образованныхъ, каковы были совѣтники Александра. Въ европейской жизни послѣ взрыва революціи продолжалось сильное броженіе: у насъ, въ упомянутой средѣ, это броженіе отражалось — хотя въ слабѣйшей степени — тѣми же стремленіями къ построенію новыхъ формъ государственной и общественной жизни, и тѣми же космополитическими идеями объ естественныхъ человѣческихъ правахъ, которымъ это построеніе должно было удовлетворять. Въ планахъ Александра, въ его отвращеніи къ деспотизму (болѣе идеальномъ, чѣмъ практическомъ), въ его торопливости основать новыя учрежденія и т. д., эти космополитическія идеи имѣли, очевидно, свою долю, и понятно, что при

---

[1]) Правда, эти послѣднія заимствованія бывали иногда странны (напр. нѣкоторыя цензурныя заимствованія), но здѣсь вопросъ только въ томъ, чтобы умѣть выбирать худо, если выбирается дурной образецъ, но выбирались и хорошіе.

этой постановкѣ вопроса (а такую постановку дѣлали всѣ люди молодого образованнаго поколѣнія) мысль о содѣйствіи иностранцевъ въ законодательствѣ не должна была представлять чего-нибудь необыкновеннаго.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Бентамѣ, мы указывали эти исканія, и упоминали, какой успѣхъ имѣло тогда въ Петербургѣ изданіе Дюмона. «Сочиненіе Бентама ставится выше всего, что́ было подобнаго прежде, — пишетъ Дюмонъ къ Ромильи.... Бентамъ представляетъ два великія desiderata, *классификацію* и *принципы*». «Книгѣ удивляются..., но что удивило меня всего больше, это—впечатлѣніе, какое произвели (на здѣшнихъ читателей) *опредѣленія, классификаціи* и *методъ*, и отсутствіе тѣхъ декламацій, которыя были такъ скучны для людей съ серьезнымъ умомъ»—т.-е. декламаціи, которыми наполнялись прежнія сочиненія этого рода, не дававшія взамѣнъ того послѣдовательно развитыхъ, точныхъ принциповъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь узнали Бентама, думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ иностранныхъ корреспондентовъ». Совѣтники Александра вовсе притомъ не отказывались отъ критики и не подчинялись слѣпо авторитетамъ. «Они обращались къ нѣмецкимъ юристамъ, къ одному англійскому (Макинтошу), и не были удовлетворены ихъ отвѣтами,—пишетъ Дюмонъ. Эти корреспонденты не знали ихъ страны, и въ большей части ихъ писаній не было ничего, кромѣ старой рутины и римскаго права».

Противники нововведеній, какъ между прочимъ и Карамзинъ, думали, что въ новомъ законодательствѣ и совсѣмъ не было надобности, что и прежнее было хорошо, и что слѣдовало только привести его въ порядокъ. Очевидно, что въ корнѣ подобнаго мнѣнія лежалъ образъ мыслей, совершенно противоположный тому, какимъ былъ тогда одушевленъ Александръ и его сотрудники. Одни, которымъ жилось хорошо и при старомъ порядкѣ, предпочитали этотъ старый порядокъ, мало помышляя о тѣхъ, кому при немъ было очень дурно; другіе, хотя также могли быть лично довольны, не позволяли чувству эгоизма заглушать внушенія справедливости и политическаго благоразумія. Для однихъ русское управленіе было такъ хорошо, что слѣдовало только беречь его традиціи; для другихъ это было «безобразное зданіе». Двумъ сторонамъ мудрено было тогда договориться до истины; но едва ли сомнительно, что послѣдніе были совершенно правы, что русская жизнь представляла слишкомъ много недостатковъ грубости и невѣжества, произвола и несправедливостей, которые они и стремились исправлять; — съ тѣми,

которые находили, что русская жизнь хороша и такъ, какъ есть, имъ конечно нечего было дѣлать.

Мы упоминали, что въ мысляхъ Александра и его совѣтниковъ съ самаго начала явилась идея о введеніи конституціонныхъ формъ правленія. Едва ли есть сомнѣніе, что учрежденіе министерствъ, преобразованіе сената, учрежденіе совѣта задумывались именно для выполненія этой идеи; та же идея представлялась вѣроятно и тѣмъ лицамъ, которыя, не принадлежа къ ближайшему кругу императора, старались принять участіе въ преобразованіяхъ своими предложеніями и записками, — люди какъ Воронцовъ, Зубовъ, Державинъ, Мордвиновъ, Завадовскій и др. Отсюда предположенія объ отвѣтственности министровъ, о присвоеніи сенату права дѣлать представленія на указы и т. п. Но ни Александръ, ни сотрудники его не думали вовсе, чтобы новыя формы правленія можно было ввести скоро; напротивъ того, они имѣли, быть можетъ, слишкомъ невысокое мнѣніе о политическомъ смыслѣ не только массы общества, но и представителей его въ высшемъ правительственномъ учрежденіи какъ сенатъ. Они иногда какъ будто думали, что сенатъ можетъ представлять собой нѣчто въ родѣ законодательнаго собранія, можетъ считаться представительствомъ, можетъ служить для того «обузданія деспотизма», которое было предметомъ желаній Александра; но они скоро покидали эту мысль,—настоящее положеніе сената казалось имъ «унизительнымъ», они опасались «невѣжества этихъ людей», которые могли даже просто мѣшать благимъ намѣреніямъ правительства. Не мудрено себѣ представить, что Александръ и его совѣтники часто приходили въ затрудненіе съ своими планами, особенно самъ Александръ; но они надѣялись, что мало-по-малу они будутъ находить средства и людей, и вводили то, что казалось болѣе необходимымъ и болѣе возможнымъ для исполненія. Преобразованіе администраціи дѣлалось въ ожиданіи политическихъ реформъ. Въ протоколѣ засѣданія 17 марта 1802 г. записано, что Новосильцовъ сообщалъ Лагарпу начертаніе *организаціи будущаго управленія*—«въ такомъ видѣ, какъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести *представительный образъ правленія*». Лагарпъ, въ подобныхъ предметахъ очень осмотрительный, высказалъ весьма выгодное мнѣніе объ этомъ проектѣ...

Дѣятельность комитета прекратилась въ концѣ 1803 года. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій (9 ноября 1803) мы находимъ любопытный отголосокъ мнѣній общества. «Въ продолженіи совѣщанія, члены комитета старались убѣдить государя, что всѣ толки, поселявшіе въ публикѣ неудовольствіе, исходили

отъ петербургскихъ кружковъ (coteries), и что въ губерніяхъ господствовало совсѣмъ иное настроеніе. При этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе ближайшіе къ государю люди». По свидѣтельству гр. Строганова, «эти господа старались все выставить *въ мрачномъ видѣ*, и даже убѣдить самого государя, будто бы у насъ въ Россіи господствовало *общее неудовольствіе*». Любопытно, что это уже предвѣщаетъ записку Карамзина 1810 года; люди извѣстныхъ воззрѣній толковали уже объ «общемъ неудовольствіи», хотя въ 1803 г. для этого могло быть еще очень немного основаній. Очевидно, что coteries, о которыхъ говоритъ Строгановъ, были тѣ самыя confederacies недовольныхъ, о которыхъ говоритъ Дюмонъ въ 1802 году. Первыя мѣры Александра напротивъ были оцѣнены благомыслящими людьми, свободными отъ эгоистическихъ предразсудковъ. Недовольны *впередъ* были люди другого рода: старое чиновничество, которое тревожили въ привычной его рутинѣ и которое опасалось совсѣмъ потерять значеніе при новыхъ порядкахъ; лѣнивое барство и дворянство, которое страшилось попытокъ освобожденія крестьянъ; недовольны были и философы крѣпостного права, въ число которыхъ не усумнился стать и Карамзинъ.

Изъ протоколовъ комитета можно видѣть наконецъ и характеръ отношеній, въ какихъ Александръ стоялъ къ своимъ совѣтникамъ. Эти отношенія были достаточно независимыя. Александръ желалъ знать ихъ мнѣнія, предлагалъ различные вопросы на ихъ обсужденіе, но вовсе не подчинялся ихъ выводамъ. Нерѣдко онъ, кажется, только слушалъ, не высказывая своего мнѣнія, такъ что сотрудники его оставались въ невѣдѣніи, къ какому заключенію придетъ онъ самъ. Это была его привычная сдержанность и осторожность: онъ какъ будто долго присматривался и обдумывалъ вещи про себя. Когда онъ останавливался на какомъ-нибудь мнѣніи, особенно если вопросъ возбуждалъ оживленные споры, онъ обыкновенно отличался чрезвычайнымъ упорствомъ: опасеніе, чтобы онъ «не заупрямился», часто являлось у его совѣтниковъ; но иногда они надѣялись побѣждать это упорство, потому что черезъ нѣсколько времени оно ослабѣвало само собой, и онъ опять способенъ былъ выслушивать возраженія и перемѣнять прежнее рѣшеніе. У Строганова не одинъ разъ указана эта черта. Такъ онъ замѣчаетъ по поводу одного ихъ спора: «на этомъ окончилось дѣло, однакоже казалось, что *со временемъ* можно будетъ убѣдить императора» въ пользѣ того предложенія, съ которымъ онъ теперь не соглашался. Особенно рѣзкій примѣръ его чрезвычайнаго упрямства представляетъ за-

писанная Строгановымъ сцена 16-го марта 1802, при совѣщаніи о дѣлахъ со Швеціей. Александръ принялъ рѣзкое рѣшеніе, составившееся тутъ-же въ увлеченіи споромъ, и комитету стоило большого труда отклонить его отъ немедленнаго его исполненія. Кромѣ того, по замѣчанію Строганова, «императоръ (при этомъ случаѣ) желалъ выказать твердость въ глазахъ публики, которая доселѣ полагала, что онъ неспособенъ къ сколько-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ», — побужденіе, которое бываетъ именно у людей нерѣшительнаго характера.

Лагарпъ старался внушать ему независимость отъ постороннихъ вліяній и желалъ видѣть его дѣйствующимъ самостоятельно и смѣло. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ (упомянутомъ у Строганова) онъ давалъ понять Александру необходимость не терпѣть надъ собой опеки, внушалъ ему довѣріе къ своимъ силамъ и въ примѣръ указывалъ Моро и Бонапарте, которые были не старше его, когда начинали свое поприще, и совѣтовалъ не думать, что «одни только сѣдыя головы могутъ сдѣлать что-нибудь хорошее». По всей вѣроятности совѣты его не допускать надъ собой опеки относились и къ этимъ молодымъ сотрудникамъ Александра: въ нѣкоторыхъ вопросахъ Лагарпъ не сходился съ ними, и вѣроятно считалъ ихъ мнѣнія и планы слишкомъ смѣлыми. Впослѣдствіи, онъ кажется еще больше разошелся съ ними: мы приводимъ въ приложеніи письмо Строганова къ Новосильцову (отъ 27 ноября 1804 г.), изъ котораго можно судить объ ихъ тогдашнихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, Александръ въ средѣ своихъ сотрудниковъ сохранялъ свою независимость, хотя она невсегда происходила изъ дѣйствительной независимости его мысли и характера, и напротивъ нерѣдко была слѣдствіемъ его недовѣрчивости или упрямства; ему несомнѣнно принадлежитъ иниціатива мѣръ и учрежденій этого времени. Его совѣтникамъ принадлежитъ безъ сомнѣнія большая доля во всемъ этомъ, но самъ Александръ остается главнымъ дѣятелемъ, и ему надо приписать большую часть и похвалъ и осужденій. Многія изъ лучшихъ мѣръ этого времени были результатомъ его мыслей и гуманныхъ побужденій; въ худшихъ мѣрахъ очень часто была виной его нерѣшительность и слабость, и отсутствіе здраваго реальнаго знанія жизни. Но ему въ особенности принадлежатъ проявленія мягкаго человѣколюбія и уклончивой скромности, съ какой нерѣдко онъ пользовался своей властью: это не нравилось людямъ стараго вѣку, выросшимъ въ рабскомъ страхѣ, и привыкшимъ думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала. Такъ они были недовольны, когда Александръ употреблялъ слово «оте-

чество». Въ протоколахъ Строганова записано, что въ манифестѣ, изготовлявшемся по крестьянскому дѣлу, Александръ не желалъ допустить выраженія: «наши подданные», котораго по его словамъ онъ избѣгалъ во всѣхъ своихъ указахъ, и желалъ, чтобы вмѣсто этого поставлено было: «русскіе подданные».

Такъ шли эти первыя работы императора Александра и его совѣтниковъ, представляющія любопытный моментъ въ русскомъ общественномъ развитіи. Александръ и его сотрудники были передовыми людьми своего общества, въ массѣ котораго мы напрасно стали бы искать такаго ревностного стремленія къ преобразованіямъ, къ распространенію просвѣщенія, къ законности. Большинство общества жило совсѣмъ довольное старыми условіями; болѣе образованное меньшинство было еще слишкомъ немногочисленно, чтобы заявлять свои стремленія, и сотрудники Александра именно принадлежали къ числу лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей этого меньшинства. Личные взгляды Александра, принадлежавшіе тому же направленію, дали мѣсто мнѣніямъ образованнѣйшаго меньшинства въ дѣйствіяхъ правительственныхъ. По своему содержанію, первыя идеи Александра, какъ мы уже замѣчали, были послѣдовательнымъ развитіемъ идей Екатерининскаго времени, вліяніе и движеніе которыхъ задержаны были двойной реакціей,—при самой Екатеринѣ, подъ вліяніемъ себялюбивыхъ разсчетовъ и нетерпимости и подъ страхомъ французской революціи, и въ царствованіе Павла, когда къ этому себялюбію и страху присоединились еще вспышки традиціоннаго деспотизма, напомнившіе, что московская Русь еще живетъ въ новой Россіи. Александръ избѣгалъ говорить объ этомъ времени, и желалъ представлять свое царствованіе продолженіемъ временъ Екатерины: онъ возстановляетъ учрежденія Екатерины, уничтоженныя Павломъ, и съ тѣмъ же философскимъ либерализмомъ, какимъ отличалась Екатерина въ первое время, начинаетъ и свою правительственную дѣятельность. Онъ уничтожаетъ тайную экспедицію, какъ она уничтожала тайную канцелярію; онъ желаетъ уничтожить слово «пытка», какъ она хотѣла истребить слово «рабъ»; онъ не желаетъ примѣнять строгихъ законовъ объ оскорбленіи величества, также какъ она, и т. д. Но движеніе, какъ ни оказалось оно потомъ нетвердо, шло по своему содержанію дальше прежняго и Александръ все-таки искреннѣе приступалъ къ внутреннему политическому вопросу. Признавая, что настоящее представительное правленіе еще рано было бы вводить въ Россію, онъ тѣмъ не менѣе считалъ его «вѣнцомъ» своего зданія, и преобразованіе администраціи предпринято было въ видахъ будущаго полнаго конституціоннаго устройства, планъ

котораго уже *существовалъ*. Подъ вліяніемъ теоретическаго отвращенія къ деспотизму и подъ вліяніемъ практическихъ впечатлѣній его, испытанныхъ имъ самимъ, Александръ ставитъ себѣ принципомъ законность, добивается, какими средствами «ограничить деспотизмъ нашего правленія», и съ первой поры царствованія задаетъ себѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Правда, Александръ, къ сожалѣнію, тотчасъ же не выдерживалъ границъ, поставленныхъ имъ себѣ, но великой заслугой съ его стороны было и то, что онъ заявлялъ свой теоретическій принципъ. И это одно было важно, потому что давало извѣстнымъ идеямъ право гражданства въ русской жизни, и безъ сомнѣнія дѣйствовало на умы оживляющимъ образомъ. Можетъ быть, что учрежденія Александра, не доведенныя до конца, напр. министерское управленіе, не принесли ожидаемаго результата и впослѣдствіи въ другія эпохи были даже источникомъ новаго лишняго зла, но при всемъ томъ, это первое время въ цѣломъ произвело свои благотворные результаты для общественнаго развитія — тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ возбужденіемъ, которое осталось въ обществѣ, несмотря на позднѣйшія непослѣдовательности и реакцію; это возбужденіе было воспринято обществомъ и дало опору его самостоятельному движенію.

Не вдаваясь въ подробности, мы укажемъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ результатовъ этого періода его правленія. Главнѣйшей заслугой этого времени, заслугой самой благотворной и долговѣчной, были заботы о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ случаѣ основаніе министерства было несомнѣнно благопріятной мѣрой. Въ новомъ министерствѣ началась усиленная дѣятельность, въ которой приняли болѣе или менѣе живое участіе и сотрудники императора. Въ главномъ правленіи училищъ собрались достойные представители интересовъ образованія, которые умѣли провести въ учрежденія свою искреннюю любовь къ просвѣщенію и свои гуманные взгляды. «Время управленія министерствомъ Завадовскаго,— говоритъ спеціальный историкъ этого предмета,— останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи» [1]). «При Завадовскомъ, — говоритъ г. Богдановичъ, — благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части *болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе*» [2]). Это нѣсколько даже преувеличено, но со временъ Петра дѣйствительно не было столько сдѣлано для об-

---

[1]) Матеріалы, Сухомлинова, I, стр. 17.

[2]) Богдан., I, стр. 140.

разованія, сколько въ эти годы. Съ Завадовскимъ работали искренніе и лучшіе друзья просвѣщенія изъ высшей аристократіи и немногочисленнаго тогда ученаго сословія, люди какъ Муравьевъ, Новосильцовъ, Строгановъ, Северинъ Потоцкій, Румовскій, Озерецковскій, Фусъ и др., и работа была тѣмъ спорѣе, что атмосфера этого времени была исполнена великодушнымъ стремленіемъ къ общему благу, что эти люди могли свободно высказывать свои мысли и искать ихъ практическаго осуществленія, не опасаясь воплей невѣжества и мракобѣсія. Искренняя любовь къ просвѣщенію, которая лежала въ основѣ начинаній этого почтеннаго кружка людей, и полная благосклонность правительства къ этимъ планамъ, благосклонность, которая къ сожалѣнію такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи русскаго образованія, принесли свои результаты. Намъ придется дальше говорить о томъ, что и эта лучшая и самая достойная дѣятельность сотрудниковъ Александра подвергалась злостнымъ нападеніямъ, но исторія несомнѣнно вполнѣ возьметъ подъ свою защиту благородные труды, оказавшіе русскому просвѣщенію великую помощь.

«Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» (24-го января 1803 г.) изложили планъ, выработанный министерствомъ для учрежденія и управленія высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Главная забота направлена была на устройство университетовъ: три существовавшіе университета московскій, виленскій (польскій) и дерптскій (нѣмецкій) были преобразованы; затѣмъ предположено было основать еще три университета: въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ, которые постепенно и были организованы и открыты. Собственно русскій университетъ былъ до сихъ поръ только одинъ; теперь ихъ становилось четыре; основано было кромѣ того нѣсколько лицеевъ, много гимназій, нѣсколько спеціальныхъ заведеній, не говоря о низшихъ школахъ: по этому можно составить понятіе о томъ, насколько усилились вдругъ средства русскаго образованія. Внутреннее устройство университетовъ совершалось обдуманно и съ любовью. Русскіе университеты рѣдко имѣли, если только потомъ имѣли, попечителей такого характера, какъ были Муравьевъ и Северинъ Потоцкій — въ этой сферѣ одни изъ лучшихъ представителей господствовавшаго тогда направленія образованныхъ умовъ. Понятно, что университетскія каѳедры не могли быть наполнены одними русскими учеными: начались приглашенія иностранцевъ, въ числѣ которыхъ многіе были хорошими представителями своихъ спеціальностей, а иные имѣли уже заслуженное имя въ европейской ученой литературѣ. Таковы были вызванные въ это время или нѣсколько позже ученые: Буле, Шлецеръ-сынъ, Мат-

теи (во второй разъ), Литтровъ, Шадъ, Роммель, Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, Гольдбахъ, Рейсъ, Френъ, Грефе, Шармуа, Эрдманъ, Лодій, Балугьянскій и др. Эти вызовы иностранцевъ, подвергшіеся потомъ мнимо-патріотическимъ нападеніямъ, служатъ прекраснымъ памятникомъ той солидарности просвѣщенія, какую должны были сознавать люди образованные.

Организація университетовъ могла имѣть свои непрактическія стороны, какія и указывало время; внутренній бытъ университетовъ сложился не вдругъ, нарушался иногда серьезными, иногда комическими несогласіями; наука, введенная въ патріархально-грубую жизнь общества, не могла занять въ ней съ перваго раза подобающаго ей мѣста и значенія; ея представители, даже иностранцы, принимали не всегда привлекательные нравы общества,—но въ новой университетской жизни были при всемъ томъ элементы высокаго нравственнаго значенія и вліянія, которые оказывали серьезное образующее дѣйствіе. Въ русской глуши стали раздаваться имена великихъ мыслителей и ученыхъ, излагались идеи новѣйшей философіи и изслѣдованія науки; положимъ, что это необычное содержаніе не всегда находило себѣ достаточно подготовленную почву и воспринималось въ первое время не вполнѣ успѣшно, но иначе это, кажется, не могло и быть на первый разъ, и съ теченіемъ времени дѣло должно было установиться и принести свои плоды. Университетская аудиторія стала новой нравственно - общественной школой. Преподаваніе не стѣснялось полицейскими подозрѣніями обскурантизма; между профессорами было много послѣдователей Кантовой философіи, которая потомъ преслѣдовалась какъ тлетворный ядъ и разрушительное безбожіе. Любопытную черту времени представляетъ выборъ иностранцевъ, которыхъ университеты дѣлали своими почетными членами и корреспондентами. Такъ въ Казани избрали въ почетные члены извѣстнаго епископа Грегуара; въ Харьковѣ выбранъ былъ женевскій гражданинъ Дюмонъ (издатель Бентама) корреспондентомъ по политической экономіи [1]). Въ отношеніяхъ власти къ учащемуся юношеству преобладала благоразумная снисходительность и довѣріе къ молодому чувству. Любопытный примѣръ этого представляютъ замѣтки, сдѣланныя императоромъ Александромъ въ правилахъ для дерптскихъ студентовъ (въ 1803 г.); вотъ напр. одинъ параграфъ, гдѣ курсивомъ поставлены слова, приписанныя Александромъ:

(§ 20, с.) «По открытіи намѣреваемаго поединка, университетъ для доставленія обиженному надлежащаго удовлетворенія

[1]) Storch, Russland II, 168.

наряжаетъ подъ предсѣдательствомъ ректора судъ, къ которому приглашаются два студента, *извѣстныхъ по своему благонравію и честности, и избранныхъ своими товарищами*, и по большинству голосовъ опредѣляется обиженному удовлетвореніе. Если вызывавшій или вызываемый будутъ принадлежать постороннему начальству, въ такомъ случаѣ *приглашается въ судъ сей два чиновника по выбору того начальства; и если университетъ не успѣетъ примирить, то* сообщаетъ оному, да поступитъ по законамъ» [1]).

Въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова мы находимъ отголосокъ этой эпохи нашихъ университетовъ: Аксаковъ былъ студентомъ въ эти первые годы и сохранилъ объ этомъ времени самыя теплыя воспоминанія. Въ студентскомъ кругу того времени, по словамъ его, «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу» [2]).

Въ тоже время заботливость правительства обращалась и на другія образовательныя учрежденія. Въ 1801 г. возстановлена была Россійская Академія, бывшая въ совершенномъ загонѣ при Павлѣ; ей назначено ея прежнее содержаніе (6,250 р. въ годъ) и въ 1802 г. приказано было печатать издаваемыя ею сочиненія на счетъ кабинета. Вольно-Экономическое Общество получило 5,000 р. ежегоднаго пособія. Расширена была Медико-хирургическая Академія; даны новые уставы и штаты Академіи художествъ и Академіи наукъ, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ вообще покровительствовалъ открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ. Нѣсколько такихъ обществъ открылось при университетахъ, напр. съ этого времени ведетъ свое начало московское Общество исторіи и древностей; въ тоже время и послѣ учреждены были литературно-ученыя общества при харьковскомъ и казанскомъ университетахъ. Въ Петербургѣ еще въ половинѣ 1801 г. основалось Вольное Общество любителей наукъ, словесности и художествъ, и т. д.

Покровительство оказано было и литературѣ. «Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ—говоритъ его лѣтописецъ Шторхъ. За-

---

[1]) Сухомл., Матеріалы, I, стр. 147.
[2]) Сем. Хроника, М. 1862, стр. 448.

мѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, не рѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонорарій за большія научныя сочиненія; примѣры, въ родѣ Карамзина, принадлежатъ къ исключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ, императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета, и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ». «Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й степени, напр. Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фусъ, Шубертъ, Ловицъ и мн. др., и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ».

Шторхъ упоминаетъ затѣмъ денежныя пособія, которыя назначалъ императоръ на изданіе полезныхъ трудовъ. Такъ онъ далъ нѣкоему Лебедеву на изданіе путевыхъ замѣтокъ по Европѣ и Азіи 10,000 р.; московскому профессору Страхову на изданіе перевода Путешествія младшаго Анахарсиса, Бартелеми, — 6,000 р.; Политковскому на изданіе Адама Смита—5,000 р. и др. «Множество русскихъ писателей, представлявшихъ императору свои сочиненія, награждены были перстнями, табакерками и другими драгоцѣнными подарками. Случаи этого рода такъ обыкновенны, что мы не будемъ здѣсь упоминать о нихъ. Но ни одинъ изъ русскихъ писателей не можетъ похвалиться въ этомъ отношеніи бо́льшимъ отличіемъ, чѣмъ любимый теперь русскій писатель Карамзинъ», и пр. Вообще, сумма, употребленная кабинетомъ на этотъ предметъ, за одинъ 1802 году простиралась до 160,000 рублей [1]).

Система покровительства рѣдко служитъ къ истиннымъ успѣхамъ литературы; но конечно всего умѣстнѣе эта система бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство поощряетъ образовательную дѣятельность литературы. Такъ это было при Александрѣ. Въ русскомъ обществѣ, которое до сихъ поръ слишкомъ отли-

[1]) Storch, Russland I, 134 и слѣд.

чается грубой практичностью, сопутствующей малому образованію, и вообще съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относится къ литературѣ и наукѣ, а въ то время отличалось этими качествами еще больше,—должно было производить полезное впечатлѣніе это поощреніе литературы и эти награды ученымъ людямъ не за службу, а именно за умственный трудъ, тѣмъ больше что наградъ и поощреній было много, и публика не могла ихъ не замѣчать. Приведенныя нами слова Шторха даютъ понятіе объ этомъ впечатлѣніи.

Основаніемъ этого щедраго покровительства было конечно не пустое меценатство, а желаніе дѣйствовать литературой на развитіе общественныхъ понятій. Ближайшій кружокъ императора также бралъ на себя эти литературныя заботы. «Pour le moment, nous nous occupons de faire traduire en russe plusieurs bons ouvrages», — писалъ императоръ къ Лагарпу вскорѣ по вступленіи на престолъ [1]). Такъ изданы были по высочайшему повелѣнію сочиненія Бентама, переведенныя по изданію Дюмона; по порученію комитета переведены были книги: Стюарта, Recherches sur l'économie politique; Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet, и Economie politique, par Verri [2]). Выборъ книгъ достаточно показываетъ, что хотѣли внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, и дать по этимъ предметамъ серьезное чтеніе. Въ литературѣ это отразилось появленіемъ серьезныхъ книгъ общественно-политическаго содержанія: такъ Политковскій издалъ Адама Смита (1803—1806); явилось два перевода Беккаріи — Дм. Языкова (1803) и Хрущова (1806); тотъ же Языковъ издалъ потомъ переводъ Монтескье (О существѣ законовъ, 1809—1814); далѣе, вышелъ переводъ Кантовой «Метафизики нравовъ», посвященный Мордвинову (1803) и проч.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же просвѣщенныхъ идей былъ предпринятъ и исполненъ, въ Главномъ правленіи училищъ, трудъ по предмету, составляющему вѣчный камень преткновенія въ странахъ, не достигшихъ умственной и общественной самобытности. Это—составленіе новаго цензурнаго устава. Не приводя подробностей, которыя читатель найдетъ у спеціальнаго историка тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія [3]), замѣтимъ, что въ русской правительственной сферѣ цензурный вопросъ еще никогда не ставился такимъ здравымъ образомъ и

---

1) La Russie I, 433.

2) Сухомл., Матер. I, 21.

3) Въ тѣхъ же «Матеріалахъ», г. Сухомлинова, статья третья.

съ такимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ литературѣ. Надъ разъясненіемъ этого предмета въ особенности работали тогда Новосильцовъ и академики Озерецковскій и Фусъ.

Новымъ благотворнымъ началомъ, которое императоръ и его сотрудники въ первый разъ желали привить къ русской государственной и общественной жизни, была публичность правительственной дѣятельности. Съ этой цѣлью основанъ былъ полуоффиціальный «С.-Петербургскій журналъ», о характерѣ котораго намъ случилось говорить въ другомъ мѣстѣ. Отчеты министровъ должны были издаваться во всеобщее свѣдѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Кочубей, первый подалъ примѣръ въ своемъ отчетѣ, изложенномъ съ нѣкоторой откровенностью; это нововведеніе показалось инымъ такъ страшно, что они напоминали о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ compte rendu Неккера.

Такимъ же новымъ элементомъ была въ русскихъ нравахъ религіозная терпимость, которую Александръ обнаруживалъ съ первыхъ лѣтъ царствованія и какую, напримѣръ, онъ показалъ тогда относительно духоборцевъ.

Нововведеніемъ, для многихъ очень непріятнымъ, была наконецъ бережливость Александра. Онъ прекратилъ раздачу крѣпостныхъ крестьянъ, которая доходила до такихъ ужасающихъ размѣровъ при Екатеринѣ и при Павлѣ; награды, которыя онъ давалъ, были очень умѣренны и казались просто скупыми; онъ не любилъ безполезной роскоши, не любилъ чисто придворныхъ должностей, и придворныхъ, которые не имѣли никакой другой службы, называлъ полотерами, — «величіе» двора упало. Съ января 1802 г. содержаніе двора должно было производиться по новому штату, въ которомъ уничтожено было много придворныхъ должностей, и сокращеніе издержекъ вообще предполагалось въ 4,000,000 рублей [1]).

Приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно, чтобы указать направленіе понятій, руководившихъ правительствомъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра. Правительство одушевлено было намѣреніями, которымъ нельзя не отдать полнаго сочувствія. Ихъ нравственное достоинство произвело сильное дѣйствіе и на лѣнивое или запуганное общество. Заявленіе принциповъ справедливости и человѣколюбія, искренность заботъ правительства о распространеніи образованія, наконецъ примѣръ самого императора, который оказывалъ такое вниманіе къ наукѣ, который надѣлялъ университеты и другія ученыя учрежденія богатыми пожертвованіями—денегъ, библіотекъ и разныхъ коллекцій,—принесли уже

[1]) Storch, Russland I, 251.

скоро богатые плоды: общество отозвалось, когда затронуты были его лучшіе инстинкты. Мысль императора объ освобожденіи крестьянъ, хотя и успѣла высказаться только въ немногихъ осторожныхъ полумѣрахъ, встрѣтила сочувствіе въ лучшихъ людяхъ общества; графъ С. П. Румянцевъ представилъ императору свой проектъ освобожденія, вслѣдствіе котораго состоялся извѣстный указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ [1]); нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ получили полную свободу. Филантропическія наклонности императора вызвали такой же отголосокъ: богачъ Шереметевъ пожертвовалъ въ 1803 г. до $2^1/_2$ милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ, на разныя благотворительныя цѣли; множество жертвованій болѣе скромныхъ заявляемо было безпрестанно. Но съ особенной ревностью дѣлались пожертвованія на цѣли просвѣщенія. Особенное впечатлѣніе произвело тогда одно пожертвованіе Демидова, простиравшееся цѣнностью до милліона рублей — деньгами, имѣньемъ (представлявшимъ капиталъ въ 450 тысячъ р.), библіотекой и нѣсколькими кабинетами, и предназначенное для московскаго университета и для будущихъ университетовъ, объ открытіи которыхъ шла тогда рѣчь, и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ (Демидовскій лицей). Въ письмѣ къ гр. Завадовскому (въ мартѣ 1803), гдѣ онъ дѣлаетъ первое предложеніе объ этомъ пожертвованіи, онъ именно заявляетъ, что живое стремленіе быть полезнымъ для отечественнаго просвѣщенія явилось у него отъ глубокаго удовольствія, съ какимъ онъ читалъ только-что вышедшій планъ общаго образованія въ Россіи («предварительныя правила народнаго просвѣщенія», утвержденныя 24 января 1803). Другое событіе того же рода, произведшее тогда большое впечатлѣніе, было пожертвованіе въ 400 тысячъ руб., сдѣланное для Харьковскаго университета дворянствомъ этой губерніи. Не будемъ упоминать о множествѣ другихъ пожертвованій, которыя въ эту пору сдѣланы были въ пользу университетовъ и которыя нерѣдко имѣли весьма значительную цѣнность, какъ пожертвованія Безбородко, Голицына, Дашковой и пр.; о множествѣ пожертвованій въ пользу другихъ учебныхъ заведеній, напр. военныхъ дворянскихъ школъ, которыя предполагалось учредить по губерніямъ, и т. д. Наконецъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же великодушныхъ стремленій къ общей пользѣ, возбужденныхъ первыми временами Александра, сдѣланы были

---

[1]) Этотъ проектъ теперь только напечатанъ былъ въ Р. Архивѣ 1869 г., стр. 1953 и слѣд. Мы помѣстили въ приложеніи двѣ записки Румянцева къ Новосильцову, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ проектѣ.

пожертвованія гр. Н. Румянцова: важныя изданія по древней русской исторіи, сдѣланныя великолѣпно, его покровительство ученымъ предпріятіямъ по русской исторіи, наконецъ драгоцѣнный музей, пожертвованный имъ (вмѣстѣ съ домомъ) «на благое просвѣщеніе» и перенесенный теперь въ Москву, составляли истинную заслугу русскому образованію.

Какого бы мы ни были высокаго мнѣнія о современныхъ успѣхахъ нашей общественной жизни, должно сознаться, что факты, въ родѣ исчисленныхъ нами, до сихъ поръ остаются рѣдкими примѣрами ревности къ просвѣщенію и общему благу. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе должны были имѣть эти факты въ то время; размѣры русскаго образованія были гораздо ограниченнѣе, ему больше нужна была такая помощь, и эти многочисленныя пожертвованія по тому времени значили гораздо больше, чѣмъ значили бы теперь. Если мы припомнимъ, что все это дѣлалось, когда еще недавно только

«Умолкъ ревъ Норда сиповатый»,

и что заслуга возбужденія этого невиданнаго движенія въ обществѣ принадлежитъ всего больше именно Александру, который подавалъ обществу примѣръ, то мы должны будемъ отдать полную справедливость его намѣреніямъ и усиліямъ его молодыхъ сотрудниковъ, которые всего больше поддерживали его на этой дорогѣ. Пусть другіе корятъ ихъ за «незнаніе Россіи», за приказныя ошибки, за нѣкоторыя увлеченія, — въ это лучшее свое время они были честными совѣтниками императора и сдѣлали немало для своего отечества.

Итакъ, передовыми людьми общественнаго движенія были люди молодого поколѣнія аристократіи, составлявшіе ближайшій кружокъ императора, — это обстоятельство даетъ отчасти и мѣрку движенія. Общество значительно оживилось въ эти годы уже отъ одной мягкости правленія; но это оживленіе было еще далеко отъ сознательной самодѣятельности. Масса общества была по прежнему пассивна, мало думала сама о своихъ интересахъ, ожидала всего отъ правительства или принимала участіе въ его дѣятельности потому только, что призывъ шелъ сверху, отъ начальства; большинство по крайней мѣрѣ внѣшнимъ механическимъ образомъ привыкало къ новымъ понятіямъ, какъ и бываетъ обыкновенно, пока оно не пріучится понимать и ихъ сущность. Но главнымъ образомъ новое движеніе находило партизановъ въ наиболѣе образованномъ высшемъ и среднемъ классѣ, отчасти въ людяхъ Екатерининскаго времени, сохранившихъ старое свободно-мыслящее направленіе и уваженіе къ просвѣ-

щенію [1]), и особенно въ молодомъ поколѣніи, образовавшемся подъ новыми вліяніями европейской жизни. Въ этомъ классѣ поддерживалось движеніе и потомъ, когда само правительство начало покидать его: такъ изъ этого круга вышли многіе наиболѣе замѣтные дѣятели тайныхъ обществъ въ двадцатыхъ годахъ. Мы упоминали, что была и своего рода оппозиція, въ духѣ старыхъ нравовъ; но сама по себѣ она была такъ безсодержательна, что теперь она пока ничего не находилась возражать; она пока молчала или подлаживалась подъ новые вкусы правительства. Она стала заявлять себя громче только позднѣе, главнымъ образомъ когда увидѣла себѣ опору въ измѣнявшемся направленіи самихъ властей.

Эти первые годы производили вообще такое отрадное впечатлѣніе, что лучшіе люди того времени начинали съ нихъ новую эпоху русской жизни и пророчили Александру славу и величіе въ исторіи. Серьезный и достойный ученый, Шторхъ, хотѣлъ быть лѣтописцемъ его великихъ и чрезвычайныхъ дѣлъ и предпріятій [2]). Но это время, для котораго впередъ готовился историческій памятникъ, имѣло свою оборотную сторону медали. Александръ достигъ бы истиннаго величія, еслибы его предпріятія были поддержаны твердымъ характеромъ и прочно сознанными принципами: къ сожалѣнію, у Александра не доставало ни того, ни другого. Въ его дѣйствіяхъ съ самаго начала обозначались слабыя стороны его природы и его образованія,—неувѣренность въ самомъ себѣ и своихъ понятіяхъ, и потому мнительность при первомъ серьезномъ вопросѣ, нерѣшительность и боязнь при каждомъ препятствіи, и желаніе примирять противоположности интересовъ, иногда несоединимыя. Оттого, громко высказанныя обѣщанія не исполнялись, высокія общія идеи приносились въ жертву частнымъ мелкимъ соображеніямъ. Рядомъ съ этимъ, онъ отличался крайнимъ упрямствомъ, давнишнимъ его свойствомъ, проистекавшимъ вѣроятно отчасти отъ самолюбія, отчасти отъ наслѣдственныхъ деспотическихъ инстинктовъ, которымъ нѣсколько противодѣйствовало воспитаніе, но которымъ за то очень содѣйствовали всѣ вліянія жизни и обстановки. Когда сознаніе принятыхъ имъ правилъ вполнѣ имъ владѣло, онъ былъ готовъ выслушивать и обдумывать все, предоставлялъ

[1]) Назовемъ напр. Завадовскаго, Муравьевыхъ, А. Р. Воронцова, Румянцевыхъ, Демидова, Разумовскихъ, Безбородко, Дашкову и мн. др., которые или прямо участвовали въ либеральномъ направленіи правительства, или содѣйствовали ему значительными пожертвованіями.

[2]) Съ этой цѣлью начато было его періодически выходившее изданіе: Russland unter Alexander dem Ersten,—на которое мы имѣли случай ссылаться.

другимъ свободу мнѣнія, самъ вызывалъ противорѣчія [1]); но очень часто его ближайшіе совѣтники, которымъ онъ оказывалъ свое полное довѣріе, теряли надежду на спокойное рѣшеніе вопроса, потому что онъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. Понятно, что его нетерпимость въ вещахъ, почему либо его затрогивавшихъ, была еще сильнѣе, когда противорѣчіе выходило отъ людей менѣе ему близкихъ; но при этомъ случалось, что, какъ будто желая прикрыть свое упрямство, онъ прибѣгалъ къ искусственнымъ толкованіямъ и уклоненіямъ, лишь бы поставить благовидно на своемъ. Для людей наблюдательныхъ все это уже тогда было дурнымъ предзнаменованіемъ, и совѣтники Александра уже вскорѣ стали тяготиться этими чертами его характера. Теоретически онъ сознавалъ, что многое въ существующемъ порядкѣ вещей фальшиво, вредно, жестоко; самый принципъ преобразованія стоялъ для него внѣ всякаго сомнѣнія, — но практическое осуществленіе было ему трудно и пугало его, онъ впадалъ въ нерѣшительность, упрямство превозмогало надъ болѣе смѣлыми рѣшеніями, и въ результатѣ получалось нѣчто «вялое и трусливое» [2]).

Поэтому уже въ самое первое время дѣятельность Александра отличается двойственностью и недоконченностью, — и въ этомъ-то собственно состоитъ недостатокъ его тогдашняго и еще больше послѣдующаго правленія, а вовсе не въ сущности принциповъ, которымъ онъ хотѣлъ служить въ то время,—какъ упрекаютъ его тогдашніе и нынѣшніе обвинители его либерализма. Виновата была не сущность его тогдашнихъ идей, а недостаточное и непослѣдовательное ихъ выполненіе: потому что едвали можно сказать, что были бы дурны или вредны—ограниченіе деспотизма, освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе «Тайной», основаніе университетовъ, введеніе вѣротерпимости, наконецъ приготовленіе представительныхъ формъ правленія и т. д. Напротивъ, вредно и печально было только то, что эти уступки государства обществу, эта борьба противъ стараго невѣжества и грубости нравовъ въ пользу просвѣщенія и нравовъ цивилизованныхъ не были ведены съ твердостью и убѣжденіемъ, какихъ бы

---

[1]) Такъ, въ 1806 г., когда его отношенія съ первымъ его министерствомъ были уже готовы окончательно прерваться, онъ писалъ Чарторижскому:.. «Pour nous réunir, il faudrait préalablement faire un accord: c'est celui que, malgré tout ce qui pourra se dire dans ce comité, nos relations individuelles et mutuelles restâssent intactes, et que, prenant pour exemple les membres du Parlement anglais, qui, après s'être dit dans la séance les choses les plus fortes, emportés par la chaleur qu'inspire le bien des affaires, en sortant se trouvent les meilleurs amis du monde» (Alexandre I-er, etc., стр. 59).

[2]) Ср. письма гр. Строганова къ Новосильцову, въ приложеніяхъ.

требовало достоинство дѣла. Трудъ былъ бы великъ и тяжелъ, но въ помощь ему пришло бы все, что было лучшаго въ нравственномъ запасѣ общества, и все, что обрадовалось бы освобожденію.

Александръ безъ сомнѣнія былъ искрененъ, когда говорилъ о своемъ отвращеніи къ деспотизму, который въ прежнія времена былъ столь обыкновеннымъ свойствомъ принадлежавшей ему власти; онъ хотѣлъ ограничить эту власть законностью,—но у него недостало характера или убѣжденія принять первый выводъ этого принципа, что для такого ограниченія надо было признать и уважать какое-нибудь право за другими. Въ нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ онъ обнаружилъ большую умѣренность и не хотѣлъ пользоваться произволомъ, на который его вызывали, — но въ первомъ серьезномъ дѣлѣ онъ отказался отъ принципа. Въ новомъ опредѣленіи правъ и обязанностей Сената (8 сент. 1802), Сенату дозволено было дѣлать представленія о такихъ указахъ, исполненіе которыхъ соединено съ большими неудобствами или которые были несогласны съ другими законами. Но когда Сенатъ захотѣлъ однажды воспользоваться этимъ правомъ, то указъ 8 сент. былъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что это право Сената дѣлать представленія относится только къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли *до* манифеста 8 сент., а не къ тѣмъ, которые изданы *послѣ*. Понятно, что разъясненіе уничтожало весь первоначальный смыслъ этой мѣры [1]). При учрежденіи министерствъ имѣлась въ виду конституціонная идея объ отвѣтственности министровъ, которая гарантировала бы строгую законность управленія. На дѣлѣ, министры уже вскорѣ стали обходить эту отвѣтственность, и управленіе, сдѣлавшись чисто личнымъ, до нѣкоторой степени справедливо заставляло жалѣть о прежнемъ коллегіальномъ порядкѣ. По разсказамъ адмирала Мордвинова, когда обсуждалось устройство министерствъ, то Александръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы министры были объявлены отвѣтственными. «Но еслибы министръ отказался подписать указъ в. в-ва, возражали ему, будетъ ли этотъ указъ обязателенъ безъ этой формальности?»—«Конечно, отвѣчалъ онъ; указъ долженъ быть исполненъ во всякомъ случаѣ». Такъ неясно понимался вопросъ объ отвѣтственности [2]). Далѣе. Александръ торжественнымъ образомъ уничтожилъ Тайную Экспедицію, но какъ при Екатеринѣ это учрежденіе возродилось изъ пепла Тайной Канцеляріи, такъ теперь уничто-

[1]) La Russie etc. II, 294.
[2]) Тамъ же II, 291.

женная Экспедиція черезъ нѣсколько времени возстановилась опять подъ другими формами. Правда, эти формы были гораздо болѣе мягки и умѣренны, Александръ былъ нерасположенъ къ занятіямъ этого вѣдомства, и впослѣдствіи человѣкъ, управлявшій этимъ вѣдомствомъ, считался за очень честнаго человѣка,— но тѣмъ не менѣе принятая секретно система шпіонства и такъ называемыхъ экстра-легальныхъ и административныхъ мѣръ, арестовъ, удаленій, ссылокъ и т. п. безъ суда, конечно уничтожали все значеніе его перваго манифеста объ этомъ предметѣ и подрывали всѣ заботы о введеніи принципа законности. Въ крестьянскомъ вопросѣ Александръ опять несомнѣнно питалъ самыя лучшія намѣренія, но исполненіе ихъ было такъ боязливо и нерѣшительно, что даже предположивъ все сопротивленіе, какого онъ опасался со стороны дворянства, онъ не достигъ даже тѣхъ результатовъ, которые были вполнѣ возможны. Въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, освобожденіе крестьянъ обставлено было такимъ количествомъ формальностей, что указъ дѣйствовалъ нѣсколько только въ первое время, при свѣжемъ впечатлѣніи, но потомъ дѣйствіе его значительно замедлилось, почти прекратилось. Такія стѣснительныя формальности могли имѣть какой-нибудь смыслъ скорѣе въ первое время, когда опасались раздражить помѣщиковъ, и могли бы быть постепенно ослабляемы потомъ, но случилось какъ разъ на оборотъ: очевидно, что само правительство потеряло прежнюю добрую волю. Александръ и впослѣдствіи, правда, не забывалъ своихъ филантропическихъ стремленій и крестьянское дѣло лежало у него на совѣсти, но въ позднѣйшее время онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, держался извѣстнаго принципа абсолютной власти: онъ считалъ это дѣло *своимъ личнымъ* дѣломъ, съ нетерпимостью отвергалъ въ вопросѣ освобожденія всякую частную инціативу, какъ вмѣшательство въ *его* исключительное право,—но самъ этимъ правомъ не пользовался. Вопросъ былъ похороненъ имъ самимъ. Далѣе, возвращаясь къ учрежденіямъ Екатерины и желая продолжать ея правленіе, Александръ возстановлялъ дворянскую грамоту, городовое положеніе и т. п., но эти учрежденія не получили дальнѣйшаго развитія. Къ дворянству, какъ исключительному сословію, онъ не имѣлъ особенной любви, но онъ не далъ и другимъ классамъ сословныхъ правъ, которыя подняли бы ихъ общественную самостоятельность.

Такимъ образомъ Александръ съ первыхъ шаговъ, нечувствительно и вѣроятно незамѣтно для него самого, возвращался на старую дорогу. По своимъ отвлеченнымъ принципамъ онъ стремился водворить новый порядокъ вещей — измѣняя высшія

сферы управленія и обдумывая теоретическія формы общественнаго освобожденія, но на практикѣ забывалъ самыя существенныя условія своей задачи, и въ своей нетерпимости къ частной инниціативѣ, къ самымъ умѣреннымъ заявленіямъ самостоятельности, оставался вѣренъ преданіямъ стараго порядка. Неограниченная монархія слишкомъ часто бываетъ враждебна общественной инниціативѣ, и это составляетъ роковую, слабую ея сторону: истинныя цѣли государства могутъ быть достигнуты только съ развитіемъ общественной силы; безъ этого внутренняя сила общества глохнетъ и остается непроизводительной; но стѣсненіе общества вредно отражается потомъ и на самомъ государствѣ, которое, наконецъ, начинаетъ терять и свой нравственный авторитетъ. Екатерина не разрѣшала этой дилеммы; Александръ своими инстинктами сильнѣе чувствовалъ необходимость рѣшенія, но не имѣлъ довольно характера, чтобы приступить къ нему искренно и открыто.

Къ концу этого періода Александръ сталъ больше и больше увлекаться вопросами внѣшней политики; внутренняя жизнь начинаетъ отступать на второй планъ. Естественно, что это еще больше затрудняло успѣхъ его первыхъ начинаній, вліяніе которыхъ въ обществѣ все-таки въ большой степени зависѣло отъ его непосредственнаго участія. Съ этого времени его внутренній разладъ съ самимъ собой и обществомъ начинаетъ усиливаться.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ дополненіе къ вышесказанному прилагаемъ нѣсколько выдержекъ изъ бумагъ Н. Н. Новосильцова, которыя были пріобрѣтены отъ племянника его В. В. Новосильцова редакціею „Вѣстника Европы“ и ею сообщены намъ. Мы сочли неизлишнимъ напечатать эти выдержки, потому что, хотя не все въ нихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему частному предмету, но въ нихъ есть не лишенныя исторической важности указанія о личныхъ отношеніяхъ въ кругу совѣтниковъ Александра, и о другихъ обстоятельствахъ того времени. Мы затруднялись пользоваться указаніями, любопытными для нашего предмета, не приводя ихъ въ контекстѣ. Кромѣ того, до сихъ поръ чрезвычайно мало издано матеріаловъ, относящихся къ этому времени и этимъ людямъ, и издаваемыя письма могутъ служить къ пополненію недостатка. Впослѣдствіи, мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этимъ матеріаламъ.

I. *Записка гр. П. и Г. Строгановыхъ и Муравьева къ Новосильцову* (въ Лондонъ; безъ помѣты, въ мартѣ 1801; см. выше, стр. 658, пр. 1).

Mon bon ami, le courier part, je n'ai le tems que de vous dire deux mots: L'Empereur Alexanrde I-er reigne. Revenez, revenez, revenez.

(Мой добрый другъ, курьеръ сейчасъ отправляется и я имѣю время сказать вамъ только два слова: императоръ Александръ I царствуетъ. Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь).

II. *Гр. С. П. Румянцовъ къ Новосильцову* [1]).

6 Dec. 1802, St.-Pet.

Vous trouverez peut-être, Monsieur, que je suis comme ce redoutable Baron qui pérsecutait tout le monde avec son plan, cependant j'ose encor me flatter de quelque indulgence de votre part.

L'Empereur a paru desirer une redaction en *forme d'Edit* des pensées que j'ai pris la liberté de soumettre à sa meditation. Dans le cas ou Sa Majesté Impériale daigne encor s'occuper de cet objet, veuillez bien avoir la bonté de lui presenter l'écrit que je prends la liberté de joindre ici. Il me semble que le préambule est propre à rassurer sur l'esprit de l'opération et que le dispositif résout à peu près toutes le difficultés. D'ailleurs comme il n'est question encor que d'ouvrir une voye et que le sénat examine et prononce, je ne vois pas ce qu'il y aurait à apprehender, si ce n'est de la part de certaines personnes, que d'autres idées que les leurs soient envisagées comme bonnes.

J'ai l'honneur de vous presenter les assurances des sentimens de considération distinguée avec lesquels je serai, Monsieur, toute ma vie

Votre très humble
et très obeissant serviteur
le C-te Serge de Romanzow.

(Быть можетъ, вы найдете, что я похожъ на того ужаснаго барона, который всѣхъ преслѣдовалъ съ своимъ планомъ, но я осмѣливаюсь льстить себя нѣкоторымъ снисхожденіемъ съ вашей стороны.

---

[1]) Эта и слѣдующая записка относятся къ проекту Румянцова объ освобожденіи крестьянъ; самый проектъ, послужившій основаніемъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, напечатанъ въ Р. Архивѣ.

Императоръ желалъ, кажется, чтобы мысли, которыя я позволилъ себѣ представить на его размышленіе, были изложены въ формѣ указа. Въ случаѣ, если Е. В. удостоитъ еще заняться этимъ предметомъ, будьте такъ добры, представьте ему записку, при семъ прилагаемую. Мнѣ кажется, что предисловіе способно успокоить относительно характера предпріятія, и что изложеніе разрѣшаетъ почти всѣ затрудненія. Притомъ, такъ какъ дѣло идетъ пока только о томъ, чтобы открыть дорогу, и такъ какъ сенатъ будетъ разбирать это дѣло и выскажетъ свое мнѣніе, я не вижу, чего можно было бы здѣсь опасаться, кромѣ развѣ со стороны нѣкоторыхъ людей, изъ-за того, что другія идеи, не похожія на ихъ, могутъ считаться хорошими.

Имѣю честь, и проч.)

III. *Гр. С. П. Румянцовъ къ Новосильцову.*

Le 12 may, mardi (1803).

Messieurs les comtes de Wassilieff et Cotchoubey m'ont promis de me venir voir au sortir du comité ou dans la soirée s'il n'y en avait point.

J'ai à me concerter avec eux sur les affranchissements que je me propose de faire: mais en même tems je voudrais aussi les entretenir du mémoire que je vous ai envoyé. Ayez la bonté seulement de me dire si vous n'y trouvez pas quelque inconvenient; je suivrai à cet egard ponctuellement les ordres que vous voudrez bien me donner.

Veuillez agréer en même tems les assurances du devoucment sincère et plein de cette considération distinguée avec laquelle je serai toute ma vie,

Monsieur,
Votre très humble
et très obeissant serviteur
Le C-te Serge de Romanzow.

(Графы Васильевъ и Кочубей обѣщали быть у меня послѣ комитета или вечеромъ, если комитета не будетъ.

Мнѣ нужно посовѣтоваться съ ними о томъ освобожденіи крестьянъ, которое я предполагаю сдѣлать: но вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ бы поговорить съ ними о запискѣ, которую я вамъ послалъ. Будьте добры— сказать мнѣ только, не находите ли вы въ ней чего-нибудь неудобнаго; я пунктуально исполню въ этомъ отношеніи всѣ приказанія, которыя вамъ угодно будетъ мнѣ сдѣлать.

Примите, и проч.)

IV. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Il n'y a que peu de jours, mon cher ami, que je vous ai écrit par un certain Razine, commis des affaires étrangères, et expedié en courier avec Sir John Warren. Celle-ci va par terre avec Davidson et je ne sais pas si elle n'arrivera pas avant l'autre, car je ne sais comment Sir John fera pour partir de Cronstadt, car aujourd'hui notre rivière est prise et tous ces jours-ci il y avait beaucoup des glaçons entre Oranienbaum et Cronstadt. Davidson doit partir content, car il est payé de tout et a une bague superbe, estimé au cabinet où on a ces choses à bon marché 1,600 R. J'espère que cette marque de satisfaction fera bien en Angleterre et nous amenera du monde pour cette partie. Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le septième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième. Depuis un mois nous n'avons pas eu de séance du *правленіе*. Il est certain qu'il empechote car j'ai eu toutes les peines du monde à obtenir l'argent pour arranger le Collège des manufactures pour les séances publiques. Il me fait encor des difficultés pour indemniser l'Académie des sciences, mais enfin j'espère venir à bout de tout cela. Je vous envoye un long bulletin de la commission des Loix. J'ai dit à Врончонекъ de m'en faire un toujours de manière que sans lire toute la masse de papier de Rosencampf vous pourrez voir ce qui s'y passe.

Vous verrez par ma dernière lettre que nous ne sommes pas denué d'inquietude: elle continue encor et nous attendons de vous des bonnes nouvelles avec bien de l'impatience etc...

P. Stroganoff.

St.-Pétersbourg.

ce 28 oct. 1804. v. st.

(Нѣсколько дней тому я писалъ вамъ, любезный другъ, черезъ нѣкоего Разина, чиновника иностранныхъ дѣлъ, посланнаго курьеромъ съ сэромъ Джономъ Уорреномъ. Настоящее письмо отправляется съ Давидсономъ сухимъ путемъ, и я не знаю, не придетъ ли оно еще раньше прежняго; я не знаю, какъ сэръ Джонъ отправится изъ Кронштадта, потому что наша рѣка стала и всѣ эти дни было много льду между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ. Давидсонъ уѣхалъ вѣроятно довольный, потому что ему заплатили за все и дали великолѣпный перстень, оцѣненный въ 1,600 руб. въ кабинетѣ, гдѣ имѣютъ эти вещи по дешевымъ цѣнамъ. Я надѣюсь, что этотъ знакъ удовольствія произведетъ въ Англіи

хорошее дѣйствіе и приведетъ къ намъ людей по этой части. Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавши міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой, а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней и несмотря на то отдыхаетъ въ седьмой. Цѣлый мѣсяцъ у насъ не было засѣданія въ правленіи училищъ. Онъ положительно дѣлаетъ препятствія, потому что мнѣ стоило величайшаго труда получить деньги, чтобы устроить коллегію мануфактуръ для публичныхъ собраній. Онъ дѣлаетъ мнѣ препятствія и въ томъ, чтобы дать вознагражденіе академіи наукъ, но я надѣюсь наконецъ добиться всего этого. Я посылаю вамъ длинную записку изъ коммиссіи законовъ. Я сказалъ Вронченку [1]), чтобы онъ составлялъ мнѣ всегда записку такимъ образомъ, чтобы вы могли видѣть что̀ тамъ дѣлается, не читая всей массы бумаги Розенкампфа.

Изъ моего послѣдняго письма вы увидите, что мы не свободны отъ безпокойства: оно еще продолжается, и мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ хорошихъ извѣстій....)

V. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Il est bon, mon cher ami, que vous soyez exactement au fait de notre état ici. Vous savez que nous sommes sujets quelquefois, par des regrets deplacés et un manque de résolution, à rétrograder dans les mesures qu'on avait résolues, à ne pas oser faire les choses au moment où elles devraient l'être, et comme les circonstances n'attendent pas le bon plaisir des souverains, il en résulte quelque chose de lache et de mol dans les opérations. Vous avez pu voir par nos dernières lettres que nous sommes dans un de ces paroxismes, et comme il continue, il est essentiel de le combattre de toutes les manières possibles, et vous y pouvez contribuer plus que qui que ce soit par les nouvelles que vous donnerez. Je m'en vais donc vous faire un narré des faits.

Nous avons eu dernièrement une séance chez l'Emp-r. Il s'y est agi des affaires d'Europe et entre autres de ce qui est relatif au Royaume de Naples. Le P-ce Ad. proposait comme vous avez pu voir par mes dernières, qu'on en était convenu dans le comité militaire nouvellement créé, de renforcer notre corps qui se trouve dans les Sept-Isles de manière à le porter de quinze à 20 m. hommes, ce qui nous aurait mis dans le cas de pouvoir faire une diversion en Italie avec un corps de 15 m. hommes, qui joints aux troupes du pays et à un

[1]) Ѳ. П. Вронченко, служившій тогда въ коммиссіи составленія законовъ.

corps anglais offrirait une masse imposante à opposér à l'armée Napoléone. Cette mesure etait appuyé d'abord sur la nécessité d'être, au premier signal, en mesure d'occuper la Calabre avant les Français, parce que ce pays étant couvert de montagnes et defendu par deux defilés étroits, les premiers qui seraient logés, ne pourraient pas en être chassés facilement, et qu'il fallait ôter cette avantage aux Français. Le traité avec l'Autriche étant déjà signé, il semblait que ce concert nous permettait de rendre notre attitude plus menaçante et de nous mettre à même de venir au secours de notre allié le R. de N. (roi de Naples). On proposait en outre de munir Anrep d'ordres éventuels par lesquels il serait autorisé de debarquer au moment où les Français mettraient un seul homme dans les forteresses Napolitaines. Ces mesures étaient pressés singulièrement par le Duc de Serra Cabr. (Capriola) et par Lord G., qui, le premier—crie au secours comme un malheureux et le second demande des explications catégoriques sur ce que nous voulons faire pour le Sud de l'Italie. Voici maintenant les oppositions: Il disait que le traité avec l'Autriche n'etait point ratifié encor, formalité, avant laquelle il serait imprudent de compromettre un trop grand nombre des troupes, que la cour de N. avait déjà fait preuves de mauvaise conduite et ne meritait aucune confiance, que du moment qu'ils auraient une pareille assurance, ils brusqueraient eux-mêmes les choses mal-à-propos et engageraient les hostilités avant que les choses ne soyent mures pour cela, que la cour de V. (Vienne) avait elle-même prevu l'inconsistence du ministère Napolitain, puisqu' à l'article où on stipule de venir au secours de N., on convient en même tems de tenir cette disposition secrète pour éviter qu'il n'en abuse, que la jalousie avec laquelle les Français voyaient l'accroissement de nos forces aux Sept-Isles, leur fournirait un motif d'envahir le Royaume de Naples, si nos forces au lieu simplement d'être destiné à mettre cette république à l'abri d'insulte, décelaient par leur nombre des intentions offensives; que d'ailleurs tout cela serait peut-être trop tard, et qu'au moment où le renfort arriverait, ce Royaume serait déjà province française. Tels sont les principaux arguments qui furent employés. Rien n'en put faire demordre, ni qu'on perdrait une diversion précieuse, qu'on manquerait un poste essentiel, que des ordres attendu d'ici viendraient trop tard, qu'alors des renforts seraient déjà inutiles, et qu'ainsi on tronquerait le système général des opérations, dans lequel la diversion en Italie est de la plus grande importance. Tout

fut inutile, et il proposa un contre-projet dont le théatre principal etait le Rhin [1]) et le Nord de l'Italie. Il refusa même de consentir à envoyer le général Lascy à Naples sous prétexte de santé pour pouvoir être dans le cas de surveiller la conduite de la cour de N. et prendre le commandement général des opérations d'Italie en cas de rupture. Toute la discussion fut conduite avec l'humeur et l'entêtement que vous lui connaissez, quand il regrette des mesures et qu'il apprehende qu'on ne veuille l'entrainer à quelque chose qu'il craint. Il ajoutait qu'il n'etait pas encor decidé de quelle manière nous entrerions dans tout cela, qu'on n'avait pas de vos nouvelles et que tout devait dépendre de la réussite de vos negociations. Dans un travail qu'il a eu quelques jours après avec le P-ce Ad., il lui a dit en propres termes: si Nov. réussit, rien ne me coutera et j'irai en avant sans aucun régret, si non je ne ferai absolument rien, et il faut attendre ce qu'il nous dira. Vous voyez, mon cher, que vous tenez en vos mains les foudres de Jupiter. Voici les causes de tout cela. Vous vous rappelez que dans ma lettre du 26 8-bre passé je vous ai parlé des insinuations du P-ce Lap. et de l'horizon rembrunit qu'il avait offert aux yeux de l'Empereur. Il est très probable qu'il n'a pas cessé ses intrigues et qu'il a continué de le dissuader. Ebranlé déjà de ce côté, toutes les opinions lui sont devenus importantes à connaitre et on a deterré toutes les lettres que La Harpe écrivait depuis plus d'un an et qui n'etaient pas encor decachetées. On s'est mis à pomper la science de cet homme et ces lettres n'ont pas peu contribué au mal. Vous êtes heureux de n'être pas condamné à lire ces fastidieuses productions. Il faut pourtant vous en donner une idée, pour que vous soyez au courant. Il a pris pour texte de ses raisonnemens ceux de nos actes qui ont été imprimés dans les papiers publics, et il juge du système de notre cabinet par ces pièces [2]) et comme par leur isolement elles ne présentent aucune liaison, il s'imagine qu'il n'y en a pas davantage dans notre conduite, et il désapprouve tout ce qui se fait. Il trouve la Note de Ratisbonne trop forte, que l'Empereur s'aventure et que par sa position géographique étant trop eloigné et ne pouvant pas, par conséquent, soutenir immédiatement ses volontés, il ne fait que se compromettre sans aucun bien. Il part de là pour citer d'un ton sentencieux et sévère toutes sortes de maximes:

---

[1]) Не ясно, но кажется такъ.

[2]) Зачеркнуто: isolés.

restez en second ligne, ne compromettez pas inutilement votre pays, on veut vous entrainer, prenez garde à vous, gardez votre secret etc. etc. et cent mille autres bêtises souslignés, qui par malheur font effet sur notre bon maître; il critique notre conduite relativement à *vernegues* et prétend que nous n'avions pas le droit de l'avoir à notre service. Si vous analysez ses lettres vous n'y trouvez rien, il ne peut pas se persuader qu'on a une marche systématique, qu'on ne s'aventure point sans une probabilité de réussite. Il ne juge que sur quelques faits épars et sans cohérence entre eux, et ne se figure pas qu'ils sont liés par des chaînons qu'il ne peut point appercevoir et desquels il faudrait s'informer avant que de porter un jugement; mais sans prendre cette peine il tranche sur tout et condamne. Tout ceci joints aux sermons du Lap. font que nous sommes diablement *low spirit.* Il n'y a que les nouvelles que vous nous donnerez, qui pourront relever la chose: il en parle à tous les travails qu'il a avec le P-ce Ad.

Il y a déjà une quinzaine de jours que j'ai commencé cette lettre, et depuis ce tems il y a eu des changemens non dans le *low spirit,* car il subsiste malheureusement toujours, mais on a obtenu quelques points: Lascy sous prétexte de santé sera envoyé à N. On donnera ordres à plusieurs regiments d'être prets à s'embarquer au premier ordre. Ad. a emporté ces points après une dispute très vive et il a déjà écrit a L. [1]) de se tenir prêt. En attendant on a reçu les nouvelles que la cour de V. avait ratifié et cela fait intérieurement de la peine à l'Empereur, qui de tems en tems reproche de s'être arrangé avec eux. Voila à peu près le tableau de notre extérieur, quant à l'intérieur, je vous dirai qu'on a reçu plusieurs fois des nouvelles de Tsitsianof. Volkonski l'a laissé absolument manquer de vivres, faute de quoi il a été obligé de se retirer de devant Erivan, quoiqu'il ait eu la nouvelle certaine que Bassa-Khan devait se retirer dans dix jours. Il a été attaqué plusieurs fois pendant le blocus par des forces très supérieures, mais il les a toujours battu; enfin totalement denué de vivres et après avoir nourri son armée pendant plusieurs jours d'une demi-portion de riz, les malades augmentant d'une manière effrayante, il a été obligé de revenir à Tiflis. Je vous laisse à penser, avec son caractère, comme il devait être furieux et la réception qu'il a faite à Volkonski. Celui-ci par sa pusillanimité avait tout brouillé dans le reste

---

[1]) Карандашемъ приписано: Lassy.

de la Géorgie: le voyant manquer de fermeté, les partis commençaient à se former partout. Tsitsianof a été reçu à Tiflis avec des transports de joie, tout le peuple a couru au devant de lui à cinq verstes. Depuis qu'il est là, tout s'arrange et on a les meilleurs nouvélles. L'Empereur dans cette occasion s'est très bien conduit: il à fait rappeler Volk. et il a écrit à Tsitsianof un rescrit plein de bonté, où il l'encourage, lui fait voir qu'il n'envisage point sa retraite comme une chose qui puisse lui faire du tort et le ranime autant qu'il est possible; il lui ordonne de remarcher sur Erivan dès qu'il le pourra et on l'a renforcé de quelques regiments. On a reçu aujourd'hui un courrier de lui, qui annonce que la tranquillité est parfaitement rétabli, ainsi nos affaires y prennent la meilleure tournure. Adieu, mon cher, je n'ai pas le tems de vous en mander davantage, le courrier me presse. Je me propose toujours de vous parler de *Pozzo di Borgo*, mais je suis encor forcé de le remettre. Vale.

St.-P-bourg
ce 27 nov. 1804.

P. S. Nous avons eu le dernier comité ministériel le budget de 805; l'ami Wassilief a fait le charlatan et a effrayé l'Empereur avec un deficit de 13 millions. Il était au désespoir. On a rogné à droite et à gauche et on a arrangé la chose comme vous la verrez d'après la note ci-jointe. L'Empereur n'a pas voulu entendre parler d'une émission de billets de banque.

Vous n'avez rien de Врончонокъ parce qu'il ignorait le départ du courrier, mais je puis vous annoncer que la commission ne va pas grandement. Je vous fais passer deux lettres que j'ai reçu pour vous.

(Вамъ необходимо, любезный другъ, знать въ точности наши здѣшнія дѣла. Вы знаете, что мы [1]) иногда, вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы сдѣлать, и такъ какъ обстоятельства не ждутъ прихоти государей, изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое. По нашимъ послѣднимъ письмамъ вы могли видѣть, что мы находимся теперь въ одномъ изъ этихъ пароксизмовъ, и такъ какъ онъ продолжается, то существенно важно противодѣйствовать ему всѣми возможными средствами, и вы можете помочь

---

[1]) Это «мы» относится собственно къ императору Александру.

здѣсь больше чѣмъ кто-либо вашими извѣстіями. Поэтому разскажу вамъ факты.

Мы имѣли недавно засѣданіе у императора. Дѣло шло здѣсь объ европейскихъ дѣлахъ и между прочимъ о дѣлахъ неаполитанскаго королевства. Князь Адамъ [1], — какъ вы могли видѣть по моимъ послѣднимъ извѣстіямъ, что на этомъ порѣшено было въ составленномъ недавно военномъ комитетѣ, — предлагалъ усилить нашъ корпусъ, находящійся на Семи-Островахъ (Іоническихъ), такъ, чтобы отъ 15 т. довести его до 20 т., что̀ дало бы намъ возможность сдѣлать диверсію въ Италіи съ 15-тысячнымъ корпусомъ, который въ соединеніи съ туземными войсками и съ англійскимъ корпусомъ составилъ бы крупную массу, которую можно было бы выставить противъ Наполеоновской арміи. Эта мѣра подкрѣплялась сначала необходимостью быть, при первомъ знакѣ, готовымъ занять Калабрію прежде французовъ, потому что, такъ какъ эта страна покрыта горами и защищается двумя узкими дефиле, то первые, кто̀ ее займетъ, не легко могутъ быть оттуда вытѣснены, и что нужно было отнять это преимущество у французовъ. Такъ какъ договоръ съ Австріей былъ уже подписанъ, то казалось, это согласіе позволяло намъ сдѣлать наше положеніе болѣе угрожающимъ и дать намъ возможность оказать помощь нашему союзнику, королю неаполитанскому. Кромѣ того, предлагали на случай снабдить Анрепа приказаніями, которыя бы уполномочивали его высадиться въ ту минуту, когда французы поставятъ хоть одного человѣка въ неаполитанскія крѣпости. На этихъ мѣрахъ чрезвычайно настаивали герцогъ Серра-Капріола и лордъ Гауэръ; первый, какъ отчаянный, кричитъ о помощи, второй требуетъ категорическихъ объясненій о томъ, что̀ мы хотимъ сдѣлать для южной Италіи. Теперь вотъ возраженія. Онъ [2]) говорилъ, что договоръ съ Австріей не былъ еще ратификовань, и до исполненія этой формальности было бы неблагоразумно выдвигать слишкомъ большое число войскъ, что неаполитанскій дворъ далъ уже доказательства дурного поведенія и не заслуживалъ никакого довѣрія, что съ той минуты, какъ они получатъ подобное удостовѣреніе, они сами не во̀-время начнутъ дѣло и откроютъ военныя дѣйствія прежде, чѣмъ обстоятельства созрѣютъ для этого, что вѣнскій дворъ самъ предвидѣлъ ненадежность неаполитанскаго министерства, потому что въ статьѣ, гдѣ говорится о помощи Неаполю, соглашаются также держать эту мѣру въ тайнѣ, для избѣжанія того, чтобы министерство не злоупотребило ею; что ревность, съ которой французы смотрятъ на увеличеніе нашихъ силъ на Семи-Островахъ, можетъ побудить ихъ къ занятію неаполитанскаго королевства, если бы наши силы, вмѣсто того, чтобы просто слу-

---

[1]) Чарторижскій.

[2]) Императоръ.

жить для охраненія этой республики отъ насилій, своимъ количествомъ не обнаруживали наступательныхъ намѣреній; что притомъ все это можетъ быть уже слишкомъ поздно, и что въ ту минуту, когда подкрѣпленіе придетъ, это королевство будетъ уже французской провинціей. Таковы были главные аргументы. Ничто не могло заставить отступиться отъ нихъ, ни то, что такъ потеряна будетъ отличная диверсія, что потерянъ будетъ существенный постъ, что приказанія, ожидаемыя отсюда, придутъ слишкомъ поздно, что тогда подкрѣпленія будутъ уже безполезны, и что такимъ образомъ обрѣзана будетъ общая система операцій, въ которой диверсія въ Италіи имѣетъ величайшую важность. Все было безполезно, и онъ предложилъ другой проектъ, главнымъ театромъ котораго былъ Рейнъ и сѣверная Италія. Онъ даже отказалъ въ своемъ согласіи послать генерала Ласси, подъ предлогомъ болѣзни, въ Неаполь, чтобы имѣть возможность наблюдать поведеніе неаполитанскаго двора и въ случаѣ разрыва принять главное начальство надъ дѣйствіями въ Италіи. Весь споръ велся съ такой нетерпимостью и упорствомъ, какую вы знаете за нимъ, когда онъ сожалѣетъ о мѣрахъ, и опасается, что его хотятъ увлечь къ чему-нибудь, чего онъ боится. Онъ прибавлялъ, что онъ еще не рѣшилъ, какимъ образомъ мы поступимъ во всемъ этомъ, что отъ васъ нѣтъ извѣстій и что все должно зависѣть отъ успѣха вашихъ переговоровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, при докладѣ князя Адама онъ сказалъ ему этими самыми словами: если Новосильцовъ успѣшно сдѣлаетъ свое дѣло, тогда мнѣ будетъ все-равно и я безъ всякаго сожалѣнія пойду впередъ, если же нѣтъ, я не сдѣлаю рѣшительно ничего, и надобно ждать, что̀ онъ намъ скажетъ. Вы видите, любезный другъ, что вы держите въ рукахъ громы Юпитера. Вотъ причины всего этого. Вы припомните, что въ моемъ письмѣ отъ 26 прошлаго октября я говорилъ вамъ объ инсинуаціяхъ князя Лопухина и о томъ, какой мрачный горизонтъ онъ представлялъ глазамъ императора. Очень вѣроятно, что онъ не прекратилъ своихъ интригъ и продолжалъ его отговаривать. Когда онъ былъ уже поколебленъ съ этой стороны, ему стало важно знать всякія мнѣнія, и потому откопали всѣ письма, которыя писалъ ему Лагарпъ болѣе года и которыя были еще не распечатаны. Принялись вычитывать ученость этого человѣка, и эти письма не мало ухудшили дѣло. Вы счастливы, что не осуждены читать эти скучныя произведенія. Надобно, однако, дать вамъ понятіе о нихъ, чтобы вы знали на чемъ стоятъ вещи. Онъ взялъ текстомъ своихъ разсужденій тѣ изъ нашихъ актовъ, которые были напечатаны въ газетахъ, и онъ судитъ о системѣ нашего кабинета по этимъ пьесамъ, и такъ какъ по своей уединенности онѣ не представляютъ никакой связи, онъ воображаетъ, что не больше находится этой связи и въ нашемъ образѣ дѣйствій, и онъ порицаетъ все, что̀ дѣлается. Онъ находитъ, что регенсбургская нота слишкомъ сильна, что императоръ очень рискуетъ,

и что, будучи по своему географическому положенію очень далеко и потому не имѣя возможности тотчасъ поддержать силою свои намѣренія, онъ только идетъ на опасность безъ всякой пользы. Затѣмъ онъ начинаетъ глубокомысленнымъ и суровымъ тономъ цитировать всякаго рода мудрыя изреченія: оставайтесь на второмъ планѣ, не вовлекайте безполезно въ опасность вашей страны, васъ хотятъ увлечь, остерегайтесь, берегите свои тайны и проч., и тысячу другихъ подчеркнутыхъ глупостей, которыя къ несчастью производятъ свое дѣйствіе на нашего добраго государя; онъ критикуетъ наше поведеніе относительно.... (?) и утверждаетъ, что мы не имѣли права имѣть его въ нашей службѣ. Если вы станете разбирать его письма, вы не найдете въ нихъ ничего; онъ не можетъ убѣдиться, что есть систематическій планъ, что не дѣлаютъ риска безъ вѣроятности успѣха. Онъ судитъ только по нѣсколькимъ отдѣльнымъ и безсвязнымъ фактамъ, и не воображаетъ, что они связаны звеньями, которыхъ онъ не можетъ видѣть и о которыхъ слѣдовало бы справиться прежде, чѣмъ произносить сужденіе; но онъ, не принявъ на себя этого труда, рѣшаетъ все и осуждаетъ. Все это вмѣстѣ съ проповѣдями Лопухина дѣлаетъ то, что мы теперь находимся въ страшномъ *low spirit* (уныніи). Только ваши извѣстія могутъ поправить дѣло; онъ [1]) говоритъ это при каждомъ докладѣ князя Адама.

Я началъ это письмо уже недѣли двѣ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ произошли перемѣны не въ *low spirit*, потому что это къ несчастію продолжается, но нѣкоторые пункты выиграны. Ласси, подъ предлогомъ болѣзни, будетъ посланъ въ Неаполь. Нѣсколькимъ полкамъ дадутъ приказъ быть готовыми сѣсть на суда по первому приказанію. Князь Адамъ получилъ эти пункты послѣ очень живого спора и написалъ уже Ласси, чтобы онъ былъ готовъ. Тѣмъ временемъ получено было извѣстіе, что вѣнскій дворъ ратификовалъ, и это, въ глубинѣ души, непріятно императору, который отъ времени до времени упрекаетъ себя, что вступилъ съ нимъ въ союзъ. Вотъ приблизительно картина внѣшняго положенія дѣлъ; что до внутренняго, скажу вамъ, что много разъ получены были извѣстія отъ Циціанова. Волконскій оставилъ его совершенно безъ съѣстныхъ припасовъ, за недостаткомъ которыхъ онъ долженъ былъ отступить изъ-подъ Эривани, хотя имѣлъ положительное свѣдѣніе, что Баба-ханъ [2]) долженъ былъ отступить черезъ десять дней. Въ теченіе блокады онъ нѣсколько разъ былъ аттакованъ съ очень превосходными силами, но онъ всегда побивалъ ихъ; наконецъ, совершенно лишенный припасовъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней кормилъ свою армію половинной порціей риса, и когда число больныхъ стало ужасающимъ образомъ увеличиваться, онъ принужденъ былъ воротиться въ

[1]) Т.-е. императоръ.
[2]) Такъ онъ долженъ называться; см. Богдан. I, 30C—304.

Тифлисъ. Можете себѣ представить, при его характерѣ, въ какомъ бѣшенствѣ онъ долженъ былъ быть и какой пріемъ онъ сдѣлалъ Волконскому. Этотъ послѣдній своей трусостью испортилъ всѣ дѣла въ остальной Грузіи: видя, что у него нѣтъ твердости, партіи начали образовываться повсюду. Циціановъ принятъ былъ въ Тифлисѣ съ восторженной радостью; весь народъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу за пять верстъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ тамъ, все приходитъ въ порядокъ и оттуда получаются самыя лучшія извѣстія. Императоръ при этомъ случаѣ держалъ себя очень хорошо: онъ велѣлъ отозвать Волконскаго и написалъ Циціанову чрезвычайно благосклонный рескриптъ, гдѣ онъ ободряетъ его, показываетъ ему, что не считаетъ его отступленія вещью, которая могла бы послужить ему въ ущербъ, и всевозможнымъ образомъ поощряетъ его. Императоръ приказываетъ ему снова идти на Эривань, какъ только найдетъ это возможнымъ, и его подкрѣпили нѣсколькими полками. Сегодня прибылъ отъ него курьеръ, съ извѣстіемъ, что спокойствіе возстановлено вполнѣ; такимъ образомъ, наши дѣла принимаютъ самый лучшій оборотъ. Прощайте, любезный другъ, у меня нѣтъ времени писать больше, курьеръ торопитъ меня. Я все собираюсь говорить вамъ о Поццо-ди-Борго, но опять вынужденъ отложить это до другого раза. Vale.

P. S. Въ послѣднемъ комитетѣ министровъ у насъ шло дѣло о бюджетѣ на 1805 годъ. Другъ Васильевъ шарлатанилъ и испугалъ императора дефицитомъ въ 13 милліоновъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Стали обрѣзывать направо и налѣво и уладили дѣло, какъ вы увидите изъ прилагаемой записки. Императоръ не хотѣлъ слышать о выпускѣ банковыхъ билетовъ.

Вамъ ничего нѣтъ отъ Вронченка, потому что онъ не зналъ объ отъѣздѣ курьера, но я могу сообщить вамъ, что коммиссія идетъ неважно. Отправляю вамъ два письма, полученныя мною для васъ).

А. Пыпинъ.

ИЗЪ

ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

ГЕЙНЕ.

1.

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Ты поёшь какъ Тиртей. Твоя пѣсня
Вдохновенной отваги полна...
Но ты публику выбралъ плохую,
Ты въ плохія поёшь времена.

*
* *

Тебя слушаютъ, правда, съ восторгомъ,
И дивясь, восклицаютъ потомъ:
«Какъ полётъ его думъ благороденъ,
«Какъ владѣетъ онъ мощно стихомъ!

*
* *

За стаканомъ вина, не однажды,
Тебѣ даже кричали: ура!
Хоромъ пѣсни твои распѣвали,
Распѣвали всю ночь — до утра.

*
* *

За столомъ — спѣть свободную пѣсню
Очень любятъ рабы... Вѣдь она —
И желудку варить помогаетъ —
Да и больше съ ней выпьешь вина!

2.

Вчера меня ласкало счастье,
А ужъ сегодня нѣтъ его!
Мнѣ привязать не удавалось
Къ себѣ надолго никого.

* * *

Въ мои объятья любопытство
Толкало женщинъ много разъ,
Но заглянувъ мнѣ въ сердце глубже,
Спѣшили прочь онѣ сейчасъ.

* * *

Одна въ молчаньи уходила,
Другая — весело смѣясь.
И только ты, — меня бросая,
Слезами горько залилась!

А. Плещеевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

I.

Лудвигъ Бёрне родился наканунѣ французской революціи, въ 1786 году, и всѣ его юношескіе года проходили подъ грохотъ громовыхъ взрывовъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ начинается на немъ рѣшительное вліяніе этой бурной эпохи, вліяніе, которое и дѣлало его могучимъ борцомъ за свободу до послѣднихъ дней, до послѣднихъ минутъ его жизни. Обстановка, среда, въ которой родился Бёрне, казалось, мало способствовали непосредственному воспринятію имъ новыхъ идей и новыхъ стремленій. Бёрне родился въ мрачной и грязной улицѣ города Франкфурта, въ Judengasse, которая до сихъ поръ составляетъ часть еврейскаго квартала. И теперь еврейскій кварталъ рѣзко разграниченъ отъ другихъ частей города, но въ то время это былъ «городъ въ городѣ», который заключалъ въ себѣ все еврейское населеніе Франкфурта, выпускавшееся только днемъ изъ своего заточенія. Ночью еврейскій городъ цѣпями отрѣзывался отъ христіанскаго, и ни одинъ еврей не смѣлъ позже извѣстнаго часа переступать узаконенную черту. Евреи были вообще не что иное, какъ паріи, кото-

*) См. выше, март. 338 стр.

рымъ законъ желалъ запретить даже дышать однимъ воздухомъ съ христіанами; они представляли собою изолированное населеніе, которое терпѣлось какъ язва, но со всевозможными предосторожностями, чтобы оно не заразило собою населеніе христіанское. Самымъ оскорбительнымъ и вмѣстѣ «глупымъ» преслѣдованіямъ, какъ выражался Бёрне, подвергалось во Франкфуртѣ еврейское населеніе, среди котораго родился авторъ «Парижскихъ писемъ». Семейство его принадлежало, если не къ числу богатыхъ, то во всякомъ случаѣ очень достаточныхъ еврейскихъ семействъ, такъ что молодому Бёрне не пришлось испытать всѣхъ тѣхъ лишеній и невзгодъ, которыми весьма многіе любятъ объяснять людское недовольство существующимъ порядкомъ и ненависть къ господствующимъ уродствамъ. Помимо порядочнаго состоянія, отецъ Бёрне пользовался, что̀ несравненно дороже, хорошимъ именемъ, это былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей еврейской общины. Имя Баруха — такова была настоящая фамилія того замѣчательнаго человѣка, который принялъ другое, прославленное имя Бёрне—давно уже было однимъ изъ самыхъ почетныхъ. Дѣдъ Бёрне былъ финансовымъ агентомъ при кёльнскомъ курфирстѣ, причемъ часто исполнялъ весьма важныя дипломатическія порученія. Марія-Терезія, которая была обязана старому Баруху тѣмъ, что при его помощи ей удалось доставить это курфиршество одному изъ ея сыновей, обѣщала ему, что его потомство всегда найдетъ горячихъ покровителей при вѣнскомъ дворѣ. Впослѣдствіи, какъ мы узнаемъ это изъ собственныхъ писемъ Бёрне, отецъ его старался привлечь его въ Вѣну, чтобы попробовать, не удастся-ли какъ-нибудь молодого горячаго публициста запречь въ реакціонную колесницу Меттерниха. Отецъ Бёрне поддерживалъ свои связи съ вѣнскимъ дворомъ и о первомъ министрѣ Австріи онъ часто выражался: «мой другъ князь Меттернихъ». Одного этого было достаточно, чтобы къ отцу Бёрне относились съ подобающимъ уваженіемъ. Если тутъ и обнаруживается доля мелкаго тщеславія, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы Барухъ былъ вообще пустой человѣкъ. Далеко нѣтъ. Бёрне напротивъ выражался про своего отца: «у него слишкомъ много ума для его положенія». Положеніе же его, какъ одного изъ вліятельнѣйшихъ представителей еврейской общины, было таково, что онъ долженъ былъ держаться, во всей строгости, старыхъ еврейскихъ традицій, онъ не могъ ни на іоту отступаться отъ еврейскаго закона. Занимаясь торговыми дѣлами, онъ желалъ, чтобы и его дѣти слѣдовали по пробитой имъ дорогѣ, и если остальныя дѣти совершенно удовлетворяли его въ этомъ отношеніи, то Бёрне съ самыхъ юныхъ лѣтъ выказывалъ

такую самостоятельность и такое направленіе молодого ума, что доставлялъ отцу нѣкоторыя сомнѣнія и безпокойства. Барухъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать разумность тѣхъ началъ, которыя впослѣдствіи сталъ проповѣдовать его сынъ, но онъ не понималъ, зачѣмъ это дѣлалъ именно его сынъ. Во всякомъ другомъ, только не въ его сынѣ, онъ одобрилъ бы тѣ благородныя идеи, которыми былъ воодушевленъ молодой Бёрне. «Я охотно читаю,—говорилъ Барухъ,—то, что написано въ его сочиненіяхъ, только я не желалъ бы, чтобы это писалъ мой сынъ». Въ этихъ словахъ выражается все отношеніе отца къ сыну. Онъ уважалъ его и вмѣстѣ былъ недоволенъ имъ. Результатомъ этого недовольства было то, что скоро взаимныя отношенія отца и сына сдѣлались натянутыми и холодными. Что же касается до матери Бёрне, то, какъ простая и лишенная образованія женщина, она не могла имѣть вліянія на молодой умъ своего сына, да притомъ, она больше занималась двумя другими своими сыновьями, чѣмъ тихимъ, сосредоточеннымъ, всегда удалявшимся отъ дѣтскихъ игръ, ребенкомъ, который долженъ былъ впослѣдствіи играть такую важную роль въ исторіи нѣмецкой литературы.

Жизнь мальчика Бёрне дома вовсе не была очень счастлива; отецъ всегда былъ строгъ, и никогда не выказывалъ нѣжности; любимцомъ матери онъ далеко не былъ, другія дѣти пользовались передъ нимъ всѣми преимуществами любви и ласки; старуха няня, вертѣвшая и заправлявшая домомъ, всегда преслѣдовала остроумнаго ребенка, никогда не лазившаго за отвѣтомъ въ карманъ. Онъ росъ одиноко, какъ бы заброшенный, предоставленный самому себѣ, и какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мальчикъ становился самостоятельнѣе, и въ то время, какъ другіе его братья думали только объ играхъ, умъ его получалъ уже болѣе серьезное направленіе. Притѣсненія, выпадавшія на его долю, могли, правда, его сдѣлать раздражительнымъ и озлобленнымъ, но вмѣсто того — такова уже была его счастливая натура — онѣ дѣлали его только болѣе равнодушнымъ ко всѣмъ мелочамъ жизни, болѣе индифферентнымъ къ его личнымъ печалямъ и радостямъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Лудвигъ Бёрне начиналъ уже пользоваться тѣми орудіями, которыми вооружила его природа, и самыя обидныя домашнія несправедливости находили себѣ отпоръ въ его остроумныхъ, рѣзкихъ отвѣтахъ. Первые удары его сатиры были направлены на старую служанку Баруховъ, на злую Элли, которая всячески обижала ребенка, покровительствуя другимъ его братьямъ, да на тѣ «глупые» обычаи и «глупые» законы, которые ставили китайскую стѣну между евреями и христіанами. Гуцковъ, на-

писавшій самую полную и можно сказать единственную біографію Бёрне, передаетъ нѣкоторыя блестки остроумія маленькаго Бёрне, по которымъ можно судить какъ рано и вмѣстѣ оригинально развился его умъ. «Ты навѣрно попадешь въ адъ»! сказала ему однажды старуха няня.—«Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ мальчикъ, потому что тогда и на томъ свѣтѣ я не буду имѣть отъ тебя покоя». Но какъ не отшучивался мальчикъ Бёрне отъ нападковъ на него, тѣмъ не менѣе эти нападки старой няни, холодность матери, суровость отца не могли не дѣйствовать тяжелымъ образомъ на дѣтское воображеніе ребенка, на его скрытное, но чувствительное сердце. Жизнь ему не улыбалась, онъ не зналъ никакихъ радостей, и Богъ знаетъ, чтó вышло бы изъ этой сосредоточенности и отчужденности ребенка, еслибы въ домъ къ Баруху не поступилъ молодой учитель Яковъ Саксъ. Появленіе этого человѣка было какъ нельзя болѣе благодѣтельно для развитія Бёрне, любознательность котораго нашла себѣ полное удовлетвореніе въ знаніи и образованіи молодого учителя. Саксъ тотчасъ замѣтилъ, каково было положеніе въ домѣ этого ребенка. Положеніе это такъ рѣзко отдѣлялось отъ положенія другихъ дѣтей, что первый вопросъ, сдѣланный Саксомъ матери Бёрне, заключался въ томъ: пріемышъ онъ, или нѣтъ? Саксъ не только не дѣлалъ никакого различія между дѣтьми, но скоро сталъ больше всего заниматься именно тѣмъ, котораго менѣе любили, потому что онъ больше всѣхъ другихъ выказывалъ способности и дарованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было сказать, чтобы Бёрне развивался необыкновенно быстро, скорѣе напротивъ, онъ медленно воспринималъ въ себя чтó бы то ни было, но воспринятое имъ бывало уже всегда прочно и постоянно усиливало его мыслительныя способности. Яковъ Саксъ былъ горячимъ послѣдователемъ Лессинга и Мендельсона; онъ съ жаромъ относился къ той реформѣ іудейства, которая была провозглашена свѣтлыми умами того времени, и въ этомъ отношеніи вліяніе его на молодого еврея Бёрне могло быть какъ нельзя болѣе благодѣтельно. Къ несчастію, отецъ Бёрне поставилъ главнымъ условіемъ Саксу, чтобъ онъ въ воспитаніи сына ограничивался исключительно толкованіемъ талмуда, да строгимъ внушеніемъ тѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ еврейскій законъ и еврейскія традиціи. Исполнить это условіе Саксу было особенно тяжело по отношенію къ Лудвигу Бёрне, который относился чрезвычайно холодно ко всѣмъ правиламъ и догматамъ, давно потерявшимъ всякую жизнь. Всѣ религіозные обряды и предписанія онъ исполнялъ механически, и въ этомъ конечно нельзя не видѣть пассивнаго вліянія Сакса. Его истин-

ныя воззрѣнія не могли укрыться отъ проницательнаго ума Бёрне. Какъ ни часто слышалъ Саксъ слова: не переходите границъ традиціоннаго воспитанія! тѣмъ не менѣе, помимо своей воли, Саксъ прививалъ къ Бёрне тѣ идеи, которыми онъ былъ самъ воодушевленъ. Чтеніе іудейскихъ священныхъ книгъ приходилось вовсе не по вкусу Бёрне, онъ оставался къ нимъ также равнодушенъ какъ и къ посѣщенію синагоги. Ему нравилось только то въ обрядахъ, что̀ носило сколько-нибудь поэтическій оттѣнокъ, ко всему другому онъ примѣнялъ свою обычную фразу: «какъ это глупо». Саксъ дѣлалъ всевозможное, чтобы негодованіе юноши Бёрне на притѣсненія евреевъ не превратилось въ узкую злобу, чтобы онъ не сдѣлался однимъ словомъ исключительно евреемъ, въ то время, когда онъ долженъ былъ сдѣлаться прежде всего человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи Саксъ успѣлъ какъ нельзя болѣе. Въ натурѣ Бёрне не было ничего узкаго, въ немъ было мѣсто не для любви только одного племени, но цѣлаго человѣчества, хотя на первыхъ порахъ своей жизни онъ натыкался на такія явленія, на такія мелкія, но оскорбительныя, притѣсненія, которыя могли бы ожесточить его противъ всего христіанскаго міра. Саксъ въ своихъ разговорахъ съ ученикомъ о положеніи евреевъ дѣйствовалъ на него такъ, чтобы притѣсненіе евреевъ представлялось его уму какъ бы частнымъ притѣсненіемъ среди всеобщаго притѣсненія народовъ. Бёрне никакъ не могъ понять, какимъ образомъ люди могли дойти до такихъ «глупыхъ» преслѣдованій, какъ тѣ, которыя онъ успѣлъ уже испытать на себѣ. Разсужденія, отвѣты юноши до такой степени характеристичны, что нельзя не привести имъ одного или двухъ примѣровъ. Такъ, во время одной прогулки по Франкфурту, Бёрне съ своимъ учителемъ были застигнуты сильнымъ дождемъ; на улицѣ сдѣлалась такая грязь, что по серединѣ улицы не было возможности идти. Бёрне хотѣлъ перейти на тротуаръ. «Развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ Саксъ, что намъ, евреямъ, запрещено ходить по тротуарамъ?» — «Никто не видитъ», было отвѣтомъ Бёрне. Саксъ полагалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы потолковать о святости законовъ, о необходимости повиноваться имъ и такъ далѣе. «Глупый законъ,— отвѣчалъ Бёрне,—еслибы бургомистру вздумалось запретить намъ топить зимой, такъ мы должны были бы замерзнуть?» Подобный отвѣтъ рисуетъ уже намъ всю мѣткость ума, все остроуміе будущаго Бёрне, его необыкновенную ясность взгляда и энергіи. Что̀ въ самомъ дѣлѣ можно было отвѣтить кромѣ тѣхъ словъ: «глупый законъ»! и развѣ возможно въ самомъ дѣлѣ преклоняться передъ святостію закона, когда онъ представляется не-

вообразимо глупымъ и несправедливымъ? Еще ярче выражается въ немъ это сознаніе глубокой несправедливости законовъ и нежеланіе признавать ихъ святость, когда онъ въ разговорѣ о томъ, что ворота Judengasse запираются въ воскресенье въ четыре часа дня и никто изъ евреевъ не выпускается въ городъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто идетъ съ письмомъ или въ аптеку, воскликнулъ: «Я не выхожу только потому, что солдатъ, который стоитъ у воротъ, сильнѣе меня»! И несмотря на эти притѣсненія, которыя возмущали молодой умъ Бёрне и заставляли его говорить, что еслибы евреи снова могли возвратиться въ Палестину, то всѣ франкфуртскіе евреи навѣрное ушли бы, тогда какъ всѣ французскіе не захотѣли бы двинуться,—несмотря на это, Бёрне вовсе не испытывалъ злобнаго чувства ко всѣмъ христіанамъ и имъ не овладѣвало желаніе мести. Эти преслѣдованія возбудили въ немъ только ненависть къ подавленію и притѣсненіямъ, на комъ бы и въ какихъ бы формахъ они не выражались. Онъ не остановился, онъ не былъ поглощенъ этимъ притѣсненіемъ евреевъ онъ пошелъ дальше и сталъ бороться съ преслѣдованіемъ и подавленіемъ, вообще выпадавшими на долю народовъ. Онъ добивался свободы, но свободы не въ интересѣ одной расы, одного племени, а въ интересѣ всѣхъ народовъ, всего человѣчества. Вездѣ и для всѣхъ онъ признавалъ свободу необходимою. Враги Бёрне, впослѣдствіи, всегда искали причину благородной злобы и негодованія Бёрне на всяческое угнетеніе—въ его еврейскомъ происхожденіи. Подобное объясненіе, — употребимъ еще разъ выраженіе самого Бёрне, «глупо» и несправедливо. Если любовь къ свободѣ прежде всего порождена въ немъ была еврейскимъ происхожденіемъ, вслѣдствіе тѣхъ преслѣдованій, которыя онъ испыталъ съ дѣтскаго возраста, то во всякомъ случаѣ они возбудили въ немъ не желаніе мести, а страстное стремленіе бороться за освобожденіе всѣхъ тѣхъ, кто находился въ угнетенномъ состояніи, какому бы племени онъ ни принадлежалъ, какую бы вѣру ни исповѣдовалъ. Онъ самъ, правда, разсказываетъ, что его жестоко обидѣли, когда разъ франкфуртская полиція записала его въ паспортѣ «Juif de Francfort», и онъ рѣшился отомстить. Но какова была его месть? Онъ понялъ, что положеніе евреевъ тѣсно связано съ общимъ политическимъ состояніемъ народа, и что одно не можетъ быть улучшено, прежде чѣмъ другое не будетъ измѣнено. Ему стало ясно, что цѣпи, въ которыхъ закованы евреи, влачатъ точно также и христіанскіе народы. Эти цѣпи всеобщаго рабства, этотъ политическій деспотизмъ нужно было стряхнуть ему прежде всего.

Если съ одной стороны притѣсненія, которыя онъ видѣлъ собственными глазами, вліяніе учителя его Якова Сакса, невольно знакомившаго его съ прогрессивными идеями вѣка, вели Бёрне къ тому, чтобы въ немъ явилась страсть къ независимости и любовь къ свободѣ, то этому помогали также и другія обстоятельства. Конечно, Бёрне былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать значеніе того переворота, который совершался во Франціи, но тѣмъ не менѣе онъ прислушивался къ тому, чтó говорилось вокругъ его и надъ многимъ задумывался. Въ еврейскомъ кварталѣ во Франкфуртѣ образовался въ это время клубъ, куда сходились молодые друзья свободы и новаго порядка. Яковъ Саксъ принадлежалъ къ ихъ числу. Отправляясь въ клубъ, онъ бралъ съ собою своихъ воспитанниковъ, и въ то время, когда другія дѣти играли въ различныя игры, мальчикъ Бёрне одинъ оставался среди взрослыхъ и старался вникнуть въ ихъ разговоры. Многое бывало для него непонятно, и онъ осаждалъ своего молодого учителя разными вопросами о томъ, чтó такое дворянство, чтó значитъ революція, tiers-état, и многое другое вывѣдывалъ онъ у своего учителя. Любознательность въ немъ развилась необыкновенно, и цѣлые дни онъ сталъ проводить за книгами, читая все, что ни попадалось ему подъ руку. Разговоры молодыхъ сторонниковъ революціи, которыхъ окрестили именемъ якобинцевъ, споры, при которыхъ присутствовалъ Лудвигъ Бёрне, наполняли его голову цѣлымъ роемъ возвышенныхъ мыслей, свободныхъ идей. Бёрне было въ это время уже около четырнадцати лѣтъ, слѣдовательно многое становилось ему уже доступно, особенно если вспомнить, что его способности выходили изъ ряда обыкновенныхъ и развитіе его шло исключительнымъ образомъ. Отецъ Бёрне безъ особеннаго удовольствія замѣчалъ въ сынѣ наклонность къ ученію, къ чтенію; онъ постоянно опасался, что сынъ выйдетъ изъ того круга, который предназначенъ былъ ему его происхожденіемъ. Но дѣлать было нечего; отецъ не хотѣлъ все-таки идти наперекоръ стремленіямъ сына, и потому Барухъ рѣшился продолжать образованіе сына и сдѣлать изъ него медика. Эта карьера была единственная, открытая въ то время для евреевъ, другія общественныя положенія были для нихъ недоступны. Бёрне оставался совершенно равнодушенъ къ такому опредѣленію, какъ будто бы дѣло не касалось вовсе его; у него была пока одна потребность — учиться; онъ зналъ, что эта потребность во всякомъ случаѣ будетъ удовлетворена, и потому онъ не могъ не радоваться, когда узналъ, что отецъ его рѣшился отправить въ Гиссенъ, гдѣ профессоръ Гецель открылъ тогда учебное заведеніе. Была впрочемъ и другая причина радости; юноша Бёрне

былъ счастливъ оставить родительскій домъ, гдѣ его серьезно уже начинала тяготить противоположность его воззрѣній, молодыхъ идей, почерпнутыхъ изъ болѣе или менѣе близкаго знакомства съ исторіею французской революціи, съ воззрѣніями и принципами его отца, неперестававшаго дѣлать сыну всевозможныя наставленія, которыя стали наконецъ его раздражать. Молодому Бёрне сдѣлалось душно въ исключительно еврейской атмосферѣ, тѣмъ болѣе душно, что всѣ эти традиціи, обычаи, еврейскіе законы стали для него ничѣмъ инымъ, какъ мертвою буквою, а ничто мертвое не способно было держаться въ живой натурѣ Бёрне. Живя дома, онъ долженъ былъ скрывать шевелившіяся въ немъ мысли и чувства, и это заставляло предполагать въ немъ совершенно иную натуру, чѣмъ ту, которая была въ немъ на самомъ дѣлѣ. Наружное его поведеніе говорило, какъ будто бы онъ не способенъ былъ живо чувствовать, принимать живое участіе въ чемъ бы то ни было, какъ будто бы ко всѣмъ и ко всему онъ былъ совершенно равнодушенъ, въ то время, когда подъ этою холодною корою скрывался обильный источникъ теплаго чувства, самыхъ нѣжныхъ и вмѣстѣ самыхъ сильныхъ ощущеній. Живя подъ родительской кровлей, узкою еврейскою жизнію, видя какъ подчиняются ей даже умные люди, въ молодую натуру Бёрне стало закрадываться все сильнѣе и сильнѣе чувство скептицизма, распространявшагося и на людей, и на жизнь. Казалось, онъ не имѣлъ больше ничего общаго съ тою средою, въ которой онъ жилъ. Онъ сталъ строго судить и людей и событія, и мѣриломъ его сужденій становилось не чувство, столь понятное въ такомъ юношѣ, а холодный разсудокъ. Для него, казалось, не существовало хорошаго и дурного, а только умное и глупое. Онъ не жаловался зачѣмъ люди такъ дурны, онъ жаловался, зачѣмъ они такъ глупы. Это расположеніе его ума, это мѣрило, явившееся въ немъ такъ рано, сохранилось въ немъ въ теченіи всей его жизни.

Подобное состояніе было, разумѣется, какъ нельзя болѣе тягостно для четырнадцатилѣтняго мальчика; ему невыносимо было постоянно сосредоточиваться, уходить въ самого себя, скрывать отъ другихъ свои мысли, свои чувства въ такую пору человѣческой жизни, когда все, напротивъ, просится, рвется наружу, когда такъ сладки бываютъ первыя ощущенія, первыя изліянія своихъ неустановившихся чувствъ, желаній, стремленій. Освободиться изъ подобнаго положенія, взмахнуть крыльями и улетѣть въ безконечное пространство свободы, скрыться отъ назойливаго глаза отца, избавиться отъ скучныхъ наставленій и проповѣдей, вдохнуть въ себя свѣжую струю воздуха, все это

представляетъ величайшее блаженство, и это блаженство испыталъ Бёрне, когда онъ покинулъ родительскій домъ, гдѣ онъ не зналъ никакихъ радостей, гдѣ такъ скупы были для него на любовь и ласку, и отправился вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, Яковомъ Саксомъ, въ Гиссенъ для продолженія своего образованія. Здѣсь для него началась совершенно новая жизнь. Отецъ его рѣшился отправить его въ Гиссенъ главнымъ образомъ потому, что здѣсь жилъ его какой-то родственникъ, у котораго молодой Бёрне могъ бы обѣдать; отецъ опасался, что сынъ его смѣшается съ христіанскими мальчиками и отстанетъ отъ еврейскаго закона. Опасеніе было основательно, такъ какъ очень скоро послѣ того, что Бёрне пріѣхалъ въ Гиссенъ, родственникъ этотъ былъ забытъ, Бёрне велъ такую же жизнь какъ и остальные юноши, а раввинъ, который приходилъ обучать Бёрне, получалъ деньги за урокъ и тотчасъ уходилъ. Бёрне не хотѣлъ болѣе заниматься ни еврейскимъ языкомъ, ни изученіемъ талмуда; да впрочемъ оно ему было и не нужно, такъ какъ, по свидѣтельству Гецеля, этого знаменитаго оріенталиста, Бёрне обладалъ большими познаніями въ еврейскомъ языкѣ. Гецель заставилъ Бёрне матрикулироваться въ гиссенскомъ университетѣ, хотя, собственно говоря, Бёрне былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы посѣщать университетъ и занятія его ограничивались училищемъ. Жизнь Бёрне въ Гиссенѣ устроилась какъ нельзя лучше, и самъ онъ былъ совершенно доволенъ и счастливъ. Послѣ стѣсненія, которое онъ испыталъ въ родительскомъ домѣ, здѣсь онъ просто наслаждался свободою. Живя у Гецеля, онъ видѣлъ много людей, присутствовалъ при оживленныхъ разговорахъ, на вечерахъ, однимъ словомъ, знакомился съ болѣе широкою жизнію, которая для молодого Бёрне была особенно широка послѣ узкаго, ограниченнаго существованія, которое онъ велъ дома. Пребываніе въ Гиссенѣ было не столько важно для Бёрне въ научномъ отношеніи, сколько для развитія въ немъ общественной стороны характера. При этомъ, разумѣется, не упускались изъ виду и занятія, такъ какъ находились такіе учителя, которые жаловались на него, говоря, что у него есть наклонность къ писательству, но «голова не крѣпка». Но если такое мнѣніе свидѣтельствовало только о недальновидности учителя, то никто не могъ оспаривать, что Бёрне отличался нѣкоторою лѣнью, которая искупалась впрочемъ извѣстною оригинальностію его ума и которую всѣ скоро должны были признать за нимъ.

Наступило наконецъ время для Бёрне перестать только числиться студентомъ, а сдѣлаться дѣйствительно студентомъ и начать свои занятія въ университетѣ. Гиссенскій университетъ не

отличался своимъ медицинскимъ факультетомъ, отправить же своего сына въ другой какой-нибудь университетъ—старикъ Барухъ не рѣшался, опасаясь слишкомъ большой независимости, которою не замедлилъ бы воспользоваться молодой Бёрне. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшились наконецъ поручить его дальнѣйшее образованіе, и уже спеціально-медицинское, знаменитому еврейскому медику Маркусу Герцу, который жилъ въ Берлинѣ. Въ это время берлинскаго университета еще не существовало; онъ былъ основанъ нѣсколько позже, именно въ 1810 году, когда послѣ пораженія прусской монархіи при Іенѣ, правительство употребляло всѣ свои усилія, чтобы поднять нѣсколько націю, которую чуть не убилъ Наполеонъ своими жестокими ударами. До основанія университета въ Берлинѣ, тутъ было нѣсколько знаменитыхъ докторовъ, которые собирали вокругъ себя молодежь, образовывая такимъ образомъ какъ бы вольный университетъ. Маркусъ Герцъ принадлежалъ къ числу этихъ знаменитыхъ профессоровъ-медиковъ. Подъ его именно надзоромъ и долженъ былъ начать свое медицинское, научное образованіе молодой Лудвигъ Бёрне. На роду Бёрне не было написано быть докторомъ; его порывистая, нервная натура не соотвѣтствовала такому роду занятій. Медицинскія занятія Бёрне не дали особенно блистательныхъ результатовъ. Но за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніи общаго развитія жизнь въ Берлинѣ имѣла на Бёрне самое рѣшительное и самое лучшее вліяніе. Берлинъ въ это время представлялъ собою центръ, средоточіе умственной жизни, сюда стекались самые свѣтлые умы, здѣсь было самое живое, самое просвѣщенное общество; наука, литература, искусство имѣли здѣсь своихъ лучшихъ представителей—тутъ только, однимъ словомъ, можно было познакомиться съ цвѣтомъ германской жизни, германской образованности. Разумѣется, далеко не всякій могъ принимать участіе въ этой высшей умственной жизни, тутъ было мало избранныхъ, и разумѣется молодой студентъ Бёрне, не имѣвшій времени заявить еще свой талантъ, могъ бы прожить въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ и все-таки никогда не приблизиться къ этой избранной средѣ. Къ счастію, сама судьба покровительствовала Бёрне, и 19-тилѣтній юноша Бёрне прямо по пріѣздѣ своемъ въ Берлинъ попадаетъ въ этотъ кругъ. Голова молодого студента не могла не закружиться. Все, о чемъ онъ только могъ мечтать въ своей Judengasse, все это было передъ нимъ на яву. Домъ Герца привлекалъ къ себѣ все, что только было замѣчательнаго въ Берлинѣ, но въ домѣ Герца особенно привлекала къ себѣ замѣчательная по уму женщина, жена доктора, Генріэтта Герцъ.

Бёрне поддался вліянію того философскаго и умственнаго движенія, представителей которыхъ онъ видѣлъ передъ собою; въ немъ какъ бы стали пробуждаться зародыши его истиннаго призванія, и медицина, хотя и оставалась его, такъ-сказать, оффиціальнымъ занятіемъ, но все болѣе и болѣе отступала на задній планъ. Живой умъ Бёрне впитывалъ въ себя всѣ лучшіе соки этого умственнаго улья, онъ не могъ не быть очарованъ тѣмъ кружкомъ, который собирался то вокругъ Генріэтты Герцъ, то вокругъ другой женщины, еще болѣе замѣчательной, Рахели Фарнгагенъ. Въ этомъ кругѣ появлялись извѣстные философы, какъ Фихте, Шлейермахеръ, извѣстные литераторы братья Шлегели, а еще болѣе знаменитые братья Гумбольдты; тутъ же наконецъ духовнымъ образомъ присутствовалъ и самъ Гёте, къ которому любовь въ кружкѣ Рахели доходила до какого-то культа. Рахель была дѣйствительно душою этого общества, описаніе котораго можно найти въ ея письмахъ, въ ея обширной корреспонденціи, которую она вела почти со всѣми замѣчательными людьми своего времени. Конечно, трудно довѣрять портрету, который пишетъ съ нея ея мужъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе, представляющій ее какимъ-то особеннымъ, сверхъестественнымъ явленіемъ и говорящій въ предисловіи къ своей книгѣ «Rahel», что онъ «даже не смѣетъ попробовать представить описаніе ея характера»; но во всякомъ случаѣ, сбавивъ съ этихъ похвалъ половину, нельзя не признать, что она была одною изъ самыхъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ женщинъ. Письма ея, обличающія необыкновенную полноту жизни, какъ выражается Фарнгагенъ, обличаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ излишнюю наклонность къ приторности и сантиментализму, который друзья принимали за выраженіе удивительной поэтической натуры. Рахель была главною виновницею культа, обожанія Гёте; каждое слово его должно было быть отчеканено на золотѣ; восхищеніе не знало никакихъ границъ, такъ что стали даже восхищаться тѣмъ, что вовсе не заслуживало восхищенія. Такъ, напр., съ какимъ восторгомъ она разсказываетъ, что когда докторъ явился къ Гёте и со всевозможными осторожностями, опасаясь слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, объявилъ ему о смерти его сына, онъ спокойно отвѣтилъ: «я зналъ, что сынъ мой смертенъ». Этотъ отвѣтъ наполняетъ Рахель какимъ-то благоговѣніемъ передъ Гёте. Впрочемъ, такое отношеніе объясняется натурою Рахели, которая вездѣ желала видѣть одну поэзію. Жанъ-Поль Рихтеръ, этотъ писатель сердца и увлеченія, писатель, котораго такъ искренно любилъ Бёрне, довольно мѣтко характеризуетъ Рахель, когда онъ пишетъ ей: «вы вносите высшую свободу поэзіи въ область дѣйствительности и то, что̀ прекрасно тамъ, желаете на-

ходить прекраснымъ и здѣсь; но поэтическія страданія, перенесенныя въ прозу жизни, и составляютъ настоящія, истинныя страданія». Рахель вносила свое поэтическое настроеніе въ кружокъ замѣчательныхъ людей, собравшихся въ Берлинѣ, своимъ воодушевленіемъ она воодушевляла и всѣхъ другихъ.

Вліяніе кружка Рахели на молодого студента было какъ нельзя болѣе сильно; результатомъ его было то, что связь Берне съ узкимъ еврействомъ, въ которомъ онъ воспитывался, была окончательно порвана, и съ этого времени онъ начинаетъ уже зорко слѣдить за умственнымъ движеніемъ Германіи и принимаетъ въ себя всѣ его лучшіе результаты. Бёрне становится уже тутъ, и становится навсегда горячимъ послѣдователемъ и партизаномъ ея умственнаго и политическаго движенія, которое охватывало Германію, и чѣмъ больше сросся онъ съ этимъ либеральнымъ движеніемъ, тѣмъ больше возненавидѣлъ онъ противоположное движеніе, охватившее Германію въ тяжелую эпоху реакціи, наступившей послѣ 1815 года. Пребываніе въ Берлинѣ, знакомство съ кружками Генріэтты Герцъ и Рахели Фарнгагенъ, наложили вѣчную печать такъ-сказать на общественную сторону характера Берне, на его умственное развитіе; но рядомъ съ этимъ была еще одна сторона, сторона его внутренней, сердечной жизни, которая тутъ впервые получила сильный толчокъ. Генріэтта Герцъ была уже 38-ми-лѣтнею женщиною, когда Бёрне пріѣхалъ въ Берлинъ, но, несмотря на эти годы, она была еще очень хороша собою. Бёрне, живя въ ея домѣ, находясь постоянно около нея, почувствовалъ къ ней скоро привязанность, которая превратилась въ страстную «первую» любовь семнадцатилѣтняго юноши.

Письма и дневникъ Бёрне показываютъ намъ всѣ фазисы этой любви, всѣ періоды ея развитія, и недавно еще, въ 1861 году, были въ первый разъ публикованы «Письма молодого Бёрне къ Генріэттѣ Герцъ». Издатель этихъ писемъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что письма эти «показываютъ въ первый разъ» молодого Бёрне, и нельзя не удивляться, до какой степени въ раннихъ изліяніяхъ семнадцати или восемнадцати-лѣтняго юноши видѣнъ уже будущій Бёрне; остроуміе, юморъ, мягкость, рѣзкость, своеобразность будущаго писателя—все сказывается тутъ. Радость, отчаяніе, грусть и счастье, наивность и остроуміе—все перемѣшивается въ этихъ письмахъ, гдѣ онъ то жалуется на «пустоту сердца», то на «желанія его груди». «Я не веселъ, я не печаленъ.... мое сердце бьется медленными, сильными ударами....» описываетъ онъ первыя ощущенія своей первой любви. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ чувство это успѣло уже вырости, и онъ не можетъ иначе опредѣлить его, какъ говоря: «я чув-

ствую, что я горю и все мое существо измѣнилось». Необыкновенная нѣжность выходитъ наружу у Бёрне, та нѣжность, въ которой ему отказывали всегда его враги. «Когда она читала «Ифигенію»,—пишетъ юноша Бёрне,—я съ трудомъ удерживалъ мои слезы. Я не слушалъ словъ, я замѣчалъ только ея выраженіе. Богъ мой, зачѣмъ люди стыдятся плакать?» Любовь эта шла все crescendo и crescendo, Бёрне отъ одного слова бывалъ счастливъ и отъ одного слова убитъ, онъ желалъ въ одно время, чтобы она была гораздо старше, чтобы онъ могъ любить ее какъ мать, и гораздо моложе, чтобы онъ могъ любить ее какъ... въ головѣ Бёрне это не было ясно. Въ горячемъ, искреннемъ письмѣ онъ повѣдалъ Генріэттѣ Герцъ свою любовь, свой юношескій пылъ! Онъ нашелъ въ своей груди, въ своей головѣ слова, начерченныя огненными буквами: ты любишь ее! и слова эти дѣлали его невыразимо несчастнымъ. «Ваша красота, ваша любезность, ваше дружеское ко мнѣ участіе, давно уже зажгли въ моей груди страсть, которая сдѣлаетъ меня счастливымъ или несчастнымъ, которая будетъ для меня пагубна или благодатна, смотря потому, какъ вы захотите или какъ судьба это рѣшитъ. Ваша любовь къ людямъ обѣщаетъ мнѣ, что вы не станете сердиться; ваше доброе сердце заставляетъ меня надѣяться, что вы будете терпѣть меня, но во мнѣ нѣтъ никакихъ достоинствъ и это отнимаетъ у меня всякую надежду.....» Письмо это было далеко не послѣднее, но скоро молодому сердцу Бёрне былъ нанесенъ жестокій ударъ: старикъ Герцъ умеръ и ему нельзя было болѣе оставаться въ Берлинѣ. Любовь эта не скоро угасла въ немъ, долго тлѣла она въ Бёрне, долго переписывался онъ еще съ этою замѣчательною женщиною, которая въ 17-ти-лѣтнемъ юношѣ съумѣла оцѣнить будущаго писателя. Любовь эта навсегда, на всю его жизнь оставила въ немъ самыя свѣтлыя, самыя теплыя воспоминанія, и когда черезъ двадцать пять лѣтъ онъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ, прежде всего онъ спѣшитъ увидѣть свою старую и все-таки юную, свою первую любовь. Въ это время Генріэттѣ Герцъ было уже 64 года. Въ письмѣ къ m-me Воль, подругѣ своей цѣлой жизни, онъ описываетъ свою встрѣчу съ Генріэттой Герцъ, которой, разсказываетъ Берне, «моя каждая сантиментальная строчка доставляетъ величайшую радость». Юморъ Бёрне она менѣе цѣнила. Какое неугасаемое впечатлѣніе оставила m-me Герцъ на Бёрне, такое же прочное, хорошее впечатлѣніе произвела на него вообще берлинская жизнь, которая была для него вѣчнымъ праздникомъ. Берне всегда любилъ Берлинъ, и онъ охотно выносилъ его даже въ то время, когда общество не занималось болѣе политикою и литературою, а

только разговорами объ оперныхъ танцовщицахъ, да еще, какъ онъ самъ выражается, о принцахъ королевскаго дома... правда только на короткое время. Бёрне возвращается потомъ въ Берлинъ, въ этотъ городъ, гдѣ онъ сталъ впервые вдумываться въ политическія событія, въ общественные вопросы, гдѣ онъ впервые сталъ жить болѣе или менѣе самостоятельною жизнію, почерпая въ окружавшей его средѣ здоровые соки, набираясь силъ для будущей дѣятельности. Онъ возвращается въ Берлинъ уже съ громкимъ именемъ, смѣлымъ проповѣдникомъ свободныхъ идей, а не тѣмъ робкимъ, молодымъ студентомъ, который со слезами долженъ былъ покинуть свою первую платоническую любовь—m-me Герцъ.

M-me Герцъ сама посовѣтовала Баруху отправить сына въ Галле, гдѣ въ то время славился университетъ. Только здѣсь начинается его настоящая жизнь нѣмецкаго студента, странствующаго изъ одного университета въ другой, почерпая въ каждомъ изъ нихъ все, что есть въ немъ лучшаго: здѣсь слушая одни лекціи, тамъ другія, здѣсь работая у одного профессора, тамъ у другого. Бёрне отправился въ Галле съ твердымъ намѣреніемъ заниматься медициною, которою онъ такъ пренебрегалъ въ Берлинѣ, подъ руководствомъ знаменитаго профессора Рейля. Съ самыхъ первыхъ словъ Рейля Бёрне долженъ былъ уже понять, что школьная жизнь для него кончилась, что онъ предоставленъ уже самому себѣ, и что отъ него совершенно зависитъ дѣлать что-нибудь или нѣтъ. Суровая наружность Рейля нѣсколько испугала 18-ти-лѣтняго Бёрне, но онъ не могъ не быть доволенъ, когда Рейль сказалъ ему: «вы знаете, что я страшно занятъ, и потому мелочами я не могу съ вами заниматься; все, что я могу для васъ дѣлать, состоитъ въ томъ, что отъ время до времени я дамъ вамъ хорошій совѣтъ и скажу вамъ, какъ вы лучше всего можете его исполнить».—«Это драгоцѣнный совѣтникъ?» прибавляетъ Бёрне. Университетъ Галле былъ въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, болѣе 1,200 студентовъ посѣщали лекціи, которыя читались лучшими профессорами; сюда стеклись самыя громкія имена науки. Молодежь работала съ необыкновеннымъ рвеніемъ; наука тутъ шла рядомъ съ жизнію, и занятія студентовъ нисколько не страдали оттого, что они удѣляли часть своего времени на политическіе споры, разсужденія; они не работали хуже оттого, что имъ была предоставлена полная свобода заниматься общественными вопросами, интересоваться политическими дѣлами своей страны. Берне принималъ самое живое участіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ, и если никогда не рѣшался произносить длинныхъ рѣчей, то своими

мѣткими, глубокими, въ высшей степени остроумными, замѣчаніями сдѣлалъ то, что скоро всѣ стали обращать вниманіе на тихаго, скромнаго, сосредоточеннаго маленькаго студента. Самъ Рейль относился всегда съ большимъ участіемъ и вниманіемъ къ молодому Бёрне, который ревностно сталъ работать. Бёрне былъ какъ нельзя болѣе доволенъ своею жизнію въ Галле; онъ съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ университетѣ, который нѣсколько лѣтъ спустя былъ уничтоженъ декретомъ Наполеона. Живая наука всегда была и будетъ ненавистна деспотамъ. Никто лучше самого Бёрне не можетъ описать жизни въ Галле, никто не въ состояніи представить болѣе рельефную картину состоянія какъ самого университета, такъ и молодежи наполнявшей его, и потому мы представимъ читателю одну или двѣ выдержки изъ его статьи[1]), написанной гораздо позже, но гдѣ онъ вспоминаетъ объ университетѣ Галле, о его профессорахъ и студентахъ.

«Я съ восторгомъ вспоминаю студенческіе годы, которые я провелъ въ Галле. Молодость хороша для всѣхъ, гдѣ бы и какъ бы она ни проходила; но для студентовъ она вдвое прекраснѣе. На одной и той же тропѣ они находятъ и трудъ и веселье, и они освобождены отъ тяжелаго выбора между удовольствіемъ и работою, въ то время какъ во всякомъ другомъ положеніи, юноша слишкомъ рано поставленъ на рубежѣ двухъ дорогъ Геркулеса. Въ Галле шла здоровая, полная движенія, благотворная научная жизнь. Геттингенъ былъ тогда тѣмъ, чѣмъ онъ былъ всегда, чѣмъ остается и до сихъ поръ: пріютомъ почтеннаго традиціоннаго знанія, аристократическимъ помѣстьемъ, богатый прекрасно устроенными, обезпеченными, неотчуждаемыми землями. Въ Галле же господствовалъ больше мѣщанскій, промышленный трудъ, денежные обороты ума, знаніе и обученіе быстро и весело переходили изъ устъ въ уста, изъ рукъ въ руки. Мудрая и благодѣтельная заботливость прусскаго правительства образовала собраніе профессоровъ, которые, не отвергая старыхъ пріобрѣтеній науки, сочувствовали всему новому. Вольфъ, громкая слава котораго не превосходила его заслугъ, знакомилъ насъ близко съ Анакреономъ и надменными женихами Пенелопы. Шлейермахеръ читалъ богословіе такъ, какъ преподавалъ бы его Сократъ, если бы онъ былъ христіаниномъ. Въ своихъ лекціяхъ этики онъ разсматривалъ нравственную, научную и гражданскую жизнь людей. Въ его аудиторіи собирались, не только университетская молодежь, но и люди зрѣлыхъ лѣтъ и всѣхъ сословій. Въ то же самое

[1]) Die Apostaten des Wissens und die Neophyten des Glaubens, I. B. Börne's Gesammelte Schriften.

время онъ былъ университетскимъ проповѣдникомъ и его слушатели становились тѣмъ набожнѣе, чѣмъ болѣе вдумывались въ его рѣчи, потому что Шлейермахеръ плылъ по морю вѣры, вооруженный компасомъ знанія и держась разсчитаннаго, вѣрнаго, несомнѣнно точнаго направленія. Рейль былъ одинаково замѣчателенъ какъ человѣкъ, какъ профессоръ медицины и какъ практикъ. Его фигура была благородна и внушала уваженіе, глаза его походили на глаза Фридриха Великаго [1]). Въ то время, когда онъ былъ окруженъ своими учениками, которые столько же любили его, сколько и удивлялись ему, можно было легко вообразить себя въ академіи Аѳинъ; онъ умѣлъ внушать своимъ больнымъ и ихъ роднымъ непоколебимое довѣріе къ себѣ, и неизцѣлимые теряли жизнь, но никогда не лишались надежды. Свои лекціи терапіи и о глазныхъ болѣзняхъ онъ начиналъ и перемѣшивалъ стихами Шиллера и Гёте, и драгоцѣнные плоды его изслѣдованій были скрыты подъ цвѣтами. Тому, кто посѣщалъ только первыя лекціи семестровъ, могло показаться, что онъ слушаетъ профессора нравственной философіи или эстетики. Достигнувъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, когда знаніе можетъ распространяться только въ ширину, а не идетъ болѣе въ глубину, и когда созрѣвшіе колосья духа опускаютъ къ землѣ свои тяжелыя головы, сознавая необходимость этого закона природы — Рейль, въ тѣсномъ кружкѣ своихъ друзей и учениковъ, выражалъ наивное и трогательное опасеніе, что онъ можетъ утратить молодость духа. Чтобы обезпечить себя отъ этой опасности, онъ постоянно старался окружать себя порывистою молодежью и новыми книгами. Гаркель усвоилъ себѣ ученіе Кювье и внушилъ любовь къ сравнительной анатоміи и физіологіи. Въ умныхъ лекціяхъ знакомилъ онъ насъ съ низшими относительно человѣка организмами, и показывалъ совершенство человѣческаго организма въ сравненіи съ несовершенствомъ организма животныхъ. Его скромность была такъ велика, что въ то время онъ не напечаталъ еще ни одного сочиненія, а жажда знаній въ немъ была такъ велика, что изъ-за нея онъ часто не помнилъ обязанностей профессора и поглощенный результатами своихъ изслѣдованій, онъ часто забывалъ сообщать, какимъ путемъ онъ дошелъ до нихъ. Наконецъ, Стеффенсъ доводилъ до энтузіазма университетскую молодежь....»

Такъ отзывался Бёрне о своихъ учителяхъ, такъ вспоминалъ онъ о тѣхъ людяхъ, которымъ онъ въ значительной степени

[1]) Говоря это, Бёрне, разумѣется, желалъ сдѣлать комплиментъ Рейлю, потому что, по его мнѣнію, во всей исторіи было только два достойныхъ короля; Генрихъ IV и Фридрихъ II.

былъ обязанъ своимъ развитіемъ. Что̀ восхваляетъ въ нихъ Бёрне, о чемъ говоритъ онъ съ такимъ восторгомъ? — онъ восхваляетъ живую науку, преподаваемую живыми людьми. Наука въ эту свѣтлую полосу времени шла рука объ руку съ жизнію, она переплеталась съ общественными, политическими вопросами. Скоро должно было наступить время, когда наука должна была превратиться въ сухую и мертвую матерію, когда въ самой невинной фразѣ власти готовы были видѣть воззваніе къ возмущенію, бунту.

Бёрне захватилъ послѣдніе счастливые дни университета въ Галле. Если Бёрне съ увлеченіемъ вспоминаетъ о своихъ профессорахъ, то и самая студентская жизнь вызываетъ въ немъ живое сочувствіе и любовь. «Воодушевляемая такими учителями,—разсказываетъ Бёрне,—кровь университетской молодежи лилась быстрымъ и горячимъ потокомъ по всѣмъ венамъ духа. Въ то время въ Іенѣ было 1,200 студентовъ и ихъ общественная жизнь была такъ бурна и дика, какъ можно только себѣ вообразить. Нравы, языкъ, одежда — все носило гигантски-дикій характеръ. Они ходили въ большихъ сапогахъ, называвшихся «пушками», и въ шлемахъ, украшенныхъ красными, зелеными, бѣлыми или черными перьями, смотря по корпораціи, къ которой принадлежалъ студентъ. Они походили такимъ образомъ верхнею частію на римскихъ воиновъ, нижнею на нѣмецкихъ почтальоновъ. Но тѣмъ трогательнѣе было видѣть, когда изъ-подъ этой грубой оболочки прорывалось воодушевленіе наукою. Я помню, какъ на одной пирушкѣ, куда граціи не были приглашены, зашелъ горячій споръ между двумя дикими юношами о Шеллинговой натуральной философіи.... одинъ другому сказалъ, что онъ говоритъ вздоръ. Это былъ вызовъ, черезъ два дня кровь была пролита. Такъ протекли для насъ три года — длинный рядъ медовыхъ мѣсяцевъ. Ахъ! какъ счастлива нѣмецкая университетская молодежь. Да отсохнетъ та рука, которая посмѣетъ загрязнить эту прекрасную жизнь...» Разумѣется, каждому свое, и если мы съ снисходительною улыбкою относимся къ этимъ краснымъ, зеленымъ, чернымъ и бѣлымъ перьямъ, то Бёрне не былъ бы нѣмецъ, еслибы онъ не вспоминалъ съ удовольствіемъ о римскихъ шлемахъ и нѣмецкихъ «пушкахъ». Бёрне заключаетъ эти воспоминанія о студентской жизни въ Галле словами: «Тогда произошло сраженіе при Іенѣ, пришли французы и университетъ былъ закрытъ. Наполеонъ не боялся войска цѣлой Европы, но онъ опасался силы ума, потому что онъ зналъ его могущество... Наполеонъ не раздавилъ духъ, потому что онъ не презиралъ его какъ червяка, онъ крѣпко заковалъ его, потому что онъ ува-

жалъ его какъ льва, и жестоко поплатился за то, что онъ не понялъ, что не львовъ нужно заточать, а лисицъ».

Три года провелъ такимъ образомъ Бёрне въ Галле, ревностно занимаясь наукою, и въ тоже время все глубже и глубже вникая въ политическія событія, которыя наполняли тогда Европу. Онъ приглядывался къ положенію Германіи, онъ старался установить себѣ трезвый взглядъ на политическія дѣла и очень рано уже въ Бёрне поражаетъ самостоятельное воззрѣніе на политическія отношенія Европы, на французскую революцію и на ея значеніе для цѣлаго міра. Онъ отлично сознавалъ, что энтузіазмъ, возбужденный ненавистію къ завоевателю, не долженъ вести къ ненависти противъ началъ революціи, онъ очень рано понялъ, какъ безумны тѣ, которые, любя свободу, объявили себя врагами революціи и провозглашенныхъ ею идей. Во время его пребыванія въ Галле въ немъ слагаются уже тѣ политическія убѣжденія, которыя онъ проводилъ въ теченіи всей своей жизни, и какъ ни горячо онъ любилъ Германію, и какъ ни пламенно желалъ онъ свободы и независимости своей родины, но никогда почти ложно понятый патріотизмъ не доводилъ его до нелѣпой ненависти къ Франціи, которая такъ или иначе представляла собою олицетвореніе новыхъ началъ, новаго времени, новой жизни.

Бёрне не присутствовалъ въ Галле при послѣднемъ издыханіи любимаго имъ университета. Послѣ трехлѣтняго пребыванія своего, онъ простился съ этимъ мѣстомъ своей лучшей юношеской поры и отправился въ Гейдельбергъ. Что̀ побудило его бросить Галле прежде чѣмъ университетъ тутъ былъ закрытъ по приказанію геніальнаго солдата? Главнымъ побужденіемъ къ тому было, разумѣется, его твердое рѣшеніе покинуть медицину и перейти на другой факультетъ. Онъ никогда не чувствовалъ влеченія къ этой дѣятельности, и если рѣшился на нее, то только потому, во-первыхъ, что таково было желаніе отца, и во-вторыхъ, всякая другая общественная дѣятельность была закрыта для евреевъ. Благодаря вліянію французской революціи, это варварское исключеніе евреевъ изъ общественной жизни рушилось и Франкфуртъ, подпавъ французскому господству, выигралъ то, что дикія преслѣдованія противъ евреевъ прекратились, и имъ сдѣлались доступны всѣ отрасли общественной дѣятельности. Бёрне рѣшился сдѣлаться юристомъ. Это рѣшеніе молодого Бёрне какъ нельзя болѣе возмутило его отца, который вознегодовалъ на сына, заставившаго его потратить столько денегъ на его медицинское образованіе, и теперь отказывавшагося сдѣлаться медикомъ. Но рѣшеніе Бёрне было непоколебимо; онъ чувствовалъ себя неспособнымъ относиться хладнокровно къ людскимъ

страданіямъ. Его чувствительные нервы не могли къ этому привыкнуть. Впрочемъ, не за одно это негодовалъ Барухъ на своего сына: онъ не могъ простить ему тѣхъ небольшихъ долговъ, которые сдѣлалъ Бёрне во время своего пребыванія въ Галле. Барухъ отказался платить долги сына и два года тянулся процессъ, кончившійся неблагопріятно для старика Баруха: онъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ уплатить эти долги. Бёрне самъ описываетъ съ большимъ юморомъ свои столкновенія съ отцомъ и его желаніе постоянно вмѣшиваться не только въ денежныя дѣла сына, на чтó онъ имѣлъ полное основаніе, но и въ его научныя занятія. И въ Гейдельбергѣ, куда пріѣхалъ молодой Бёрне, отецъ не оставилъ его въ покоѣ, и тутъ онъ поручаетъ одному изъ профессоровъ слѣдить за занятіями сына. Двадцатилѣтнему юношѣ это далеко не нравилось, и онъ нисколько не считалъ себя обязаннымъ въ выборѣ своихъ занятій руководиться желаніями своего отца. Не успѣлъ этотъ послѣдній примириться съ мыслію, что сынъ его, занимаясь юридическими науками, сдѣлается современемъ извѣстнымъ адвокатомъ, какъ Бёрне уже покидаетъ юридическія науки и начинаетъ исключительно заниматься камеральными, политическими науками. Натура Бёрне брала свое, его преимущественное влеченіе къ общественнымъ, политическимъ вопросамъ вышло окончательно наружу. Вѣроятно, онъ бы покончилъ свое образованіе въ Гейдельбергѣ, еслибы не настоятельное требованіе отца, чтобы онъ отправлялся въ Гиссенъ. Бёрне исполнилъ это желаніе, оставилъ Гейдельбергъ и вернулся для окончанія своего образованія туда, гдѣ онъ, можно сказать, его началъ. Онъ усердно сталъ въ Гиссенѣ работать и не прошло и года, какъ онъ выдержалъ экзаменъ на доктора философіи и представилъ двѣ диссертаціи, изъ которыхъ одна носила названіе: «О геометрическомъ распредѣленіи государственной территоріи», другая—«Наука и жизнь»; кромѣ того, онъ написалъ тогда же еще одно политико-экономическое изслѣдованіе: «О деньгахъ». Совѣтъ профессоровъ объявилъ, что авторъ этихъ диссертацій, какъ нельзя болѣе заслуживаетъ званія доктора философіи. Такимъ образомъ, 8-го августа 1808 года, Бёрне окончилъ свое образованіе. Ему было двадцать два года. Съ громкимъ дипломомъ доктора философіи, молодой Бёрне вернулся въ свой родной городъ — Франкфуртъ на Майнѣ.

II.

Бёрне чувствовалъ себя не совсѣмъ пріятно въ первое время своего пребыванія на родинѣ. Въ Берлинѣ, Галле, въ Гейдельбергѣ, въ Гиссенѣ онъ получилъ привычку вращаться въ самомъ блестящемъ обществѣ, встрѣчаться каждый день съ самыми свѣтлыми умами Германіи, попавъ во Франкфуртѣ опять въ замкнутый еврейскій кружокъ, онъ не могъ не испытать какого-то нравственнаго удушья. Тѣмъ менѣе могла ему нравиться жизнь въ родномъ городѣ, что онъ оставался тутъ совершенно изолированнымъ; никто не умѣлъ оцѣнить по достоинству молодого Бёрне. Всѣ напротивъ относились къ нему съ какимъ-то высокомѣрнымъ недовѣріемъ, основываясь на томъ, что онъ постоянно бросался отъ одного занятія къ другому, не успѣвалъ сдѣлать что-нибудь въ одномъ направленіи, какъ уже покидалъ прежнее и принимался за другое. Люди обыкновенно не довѣряютъ тѣмъ, которые не хотятъ идти по протоптанному пути. Недовѣріе къ Бёрне усиливалось еще тѣми не совсѣмъ пріязненными отношеніями, въ которыхъ онъ находился къ своему отцу. Бёрне былъ въ переходномъ состояніи, его дѣятельность не опредѣлилась еще нормальнымъ образомъ, однимъ словомъ, онъ не зналъ еще хорошенько, что дѣлать съ собою. Отецъ Бёрне, заботившійся больше всего, чтобы сынъ его не вышелъ изъ обыкновенной колеи, постарался добыть ему мѣсто при полицейскомъ управленіи города Франкфурта. Возможность занять подобное мѣсто еврею Бёрне представилась только благодаря тому, что Франкфуртъ не имѣлъ уже въ это время своей самостоятельности: онъ подчиненъ былъ французскому господству, которое не хотѣло знать никакихъ различій между евреями и христіанами. Не по душѣ было Бёрне, который чувствовалъ въ себѣ уже священный огонь политическаго писателя, это полицейское мѣсто; но дѣлать было нечего, нужно было принять его, потому что ничто другое не представлялось ему еще въ это время. Взявшись за это дѣло, онъ выполнялъ свои обязанности съ необыкновеннымъ усердіемъ и стараніемъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не согласиться съ біографами Бёрне, когда они жалуются на эту иронію судьбы, принудившую человѣка, который долженъ былъ создать политическую литературу въ Германіи и пробудить своею неудержимою сатирою и страстною рѣчью нѣмецкій народъ,—принять скромное мѣсто въ полицейскомъ управленіи. «Нельзя безъ труда представить себѣ—говоритъ Гуцковъ—автора «Парижскихъ писемъ» въ темныхъ комнатахъ

франкфуртскаго полицейскаго управленія, занятаго визированіемъ паспортовъ, просмотромъ книжекъ рабочихъ, пріемомъ протоколовъ, и при торжественныхъ случаяхъ являющимся представителемъ полиціи въ парадной формѣ и при шпагѣ». Нечего и говорить, что во время своей службы, онъ не совершилъ ни одного поступка, за который ему когда бы то ни было пришлось краснѣть, и только Гейне, впослѣдствіи, въ своей непростительной книгѣ о Бёрне позволилъ себѣ въ минуту раздраженія обратить ему въ упрекъ его дѣятельность словами: «бывшій полицейскій чиновникъ». На своемъ скромномъ мѣстѣ Бёрне пріобрѣлъ себѣ скоро и уваженіе и популярность своею терпѣливостью съ просителями, своимъ обращеніемъ, своими знаніями. Самыя трудныя работы всегда поручались Бёрне, а другіе его руками загребали жаръ. Неподкупность Бёрне стала скоро общеизвѣстна, и въ то время, да пожалуй и по сю пору, она не была такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, чтобы о ней громко не заговорили. Бёрне былъ чрезвычайно дѣятеленъ на своемъ мѣстѣ, стараясь приносить своимъ согражданамъ возможно бóльшую пользу. Онъ оправдалъ собою пословицу, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Рядомъ съ этимъ, Бёрне выказалъ большую энергію, мужество и даже храбрость. Гуцковъ передаетъ, что когда въ 1813 году вошли во Франкфуртъ баварскіе солдаты и пытались производить грабежъ, тогда Бёрне вмѣстѣ съ другими полицейскими чинами съ обнаженною шпагою оказывалъ имъ сопротивленіе. «Не бойтесь, говорилъ впослѣдствіи Бёрне одному изъ своихъ друзей, этой шпаги, на ней не было крови». Бёрне шутилъ надъ этимъ временемъ своей воинственности и разсказывалъ съ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ, что когда, стоя на одномъ мосту, мимо его головы летали баварскія пули, то онъ болѣе боялся сквозного вѣтра, который опи производили, нежели самыхъ пуль.

Къ этому же самому времени относится начало его публицистической дѣятельности. Въ родномъ городѣ его стали цѣнить, когда узнали его рѣчи, произнесенныя имъ въ еврейской масонской ложѣ, рѣчи, дышавшія любовью къ человѣчеству и пропитанныя самыми возвышенными идеями. Рядомъ съ этимъ онъ начинаетъ помѣщать во Франкфуртскомъ журналѣ мелкія статьи, которыя не могли не обратить на себя всеобщаго вниманія необыкновенною силою языка, мѣткостью выраженій, и главнымъ образомъ, своимъ жаромъ и страстностью, обличавшими несомнѣнный и изъ ряду выходящій талантъ его. Статья, обратившая на себя вниманіе, называлась: «Was wir wollen»; въ ней Бёрне поддался всеобщему раздраженію противъ Франціи, раз-

драженію, которое такъ скоро уступило мѣсто спокойному и трезвому взгляду на политическія событія. Онъ обращается къ нѣмецкому юношеству съ просьбою не тратить напрасно своихъ силъ, а напротивъ беречь ихъ, чтобы имѣть возможность осуществить свою волю, свои желанія. Желанія же сводились къ тому, чтобы нѣмцы были свободнымъ народомъ. «Мы хотимъ быть свободными нѣмцами, писалъ Бёрне, свободными въ нашей ненависти. Ни тѣломъ, ни сердцемъ мы не хотимъ подчиниться чуждому народу. Тираннія ранитъ, но не умерщвляетъ; но развращающая забава отравляетъ и губитъ. Одна парализируетъ силу, другая также и волю.... Мы хотимъ быть свободными нѣмцами, и хотимъ навсегда ими остаться; надъ слабыми, раболѣпными народами мы не хотимъ владычествовать.....» Бёрне взывалъ въ этой статьѣ къ побѣдѣ, не подозрѣвая, что первою жертвою этой побѣды надъ французскимъ народомъ будетъ онъ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся нѣмецкая нація. Не успѣло исчезнуть французское господство, какъ старые порядки, со всѣми ихъ злоупотребленіями и уродливостями водворились снова въ свободномъ городѣ Франкфуртѣ. Еврейское населеніе, которое при французахъ могло по крайней мѣрѣ свободно дышать, снова подверглось вѣковымъ притѣсненіямъ, снова воздвигнута была между имъ и христіанами китайская стѣна. Евреи вытѣснены были опять изъ общественной жизни, публичныя должности снова сдѣлались недоступны для евреевъ. Бёрне, несмотря на оказанныя имъ услуги, сталъ тяготить правительство, и оно стремилось какъ-нибудь избавиться отъ него. Прогнать его просто со службы оно поцеремонилось, и потому оно попробовало принудить его выйти въ отставку, переведя его на низшее мѣсто и поручая ему самыя безсмысленныя работы. Но это не дѣйствовало. Бёрне безпрекословно исполнялъ все, что ему приказывали. Дѣлать было нечего, и правительство рѣшилось просто смѣстить его съ должности.

Враги Бёрне поспѣшили приписать ожесточенную войну, которую онъ объявилъ теперь нѣмецкимъ правительствамъ, исключительно этой личной злобѣ Бёрне, его оскорбленному самолюбію, обидѣ, нанесенной еврею Бёрне. Конечно, въ подобныхъ предположеніяхъ не было и тѣни истины. Бёрне слишкомъ горячо былъ преданъ интересамъ своего отечества, чтобы не забывать изъ-за нихъ своихъ личныхъ оскорбленій, онъ слишкомъ искрененъ былъ въ своей любви къ цѣлому народу, чтобы сдѣлаться бойцомъ за физическое и нравственное освобожденіе однихъ евреевъ.

Несправедливость, которую онъ испыталъ на самомъ себѣ, быть можетъ помогла ему только скорѣе понять ту страшную

несправедливость, которую долженъ былъ скоро испытать весь народъ. Онъ прежде другихъ понялъ, что народъ былъ обманутъ, что всѣ блестящія обѣщанія канули въ вѣчность въ ту самую минуту, когда союзники восторжествовали надъ Франціею. Ему сдѣлалось ясно какъ дважды два четыре, что нѣмецкій народъ искупитъ горькою цѣною лютой реакціи свою побѣду надъ Франціею, потому что побѣда эта была тождественна съ побѣдою надъ идеями французской революціи, которыми пропитано было все его существо. Задача Бёрне опредѣлилась, цѣль его была намѣчена: ему нужно было бороться не только съ военно-бюрократическимъ произволомъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя предавались всѣмъ неистовствамъ деспотизма, но ему нужно было еще болѣе бороться съ самимъ обществомъ, или вѣрнѣе быть можетъ, протрезвить его отъ того опьяненія, которое вызвано было чужеземнымъ господствомъ. Опьяненіе это было тѣмъ опаснѣе, что оно значительно облегчало стремленія правительствъ водворить старый безправный порядокъ. Бёрне понималъ, что увлеченіе средневѣковыми идилліями пагубнымъ образомъ начинало отзываться на судьбахъ народа, и что нужно сосредоточить всѣ силы, чтобы постараться разрушить сладкія иллюзіи, которымъ предавалось нѣмецкое общество. Любовь или ненависть къ Франціи означали въ то время не только любовь или ненаависть къ извѣстной странѣ, именуемой Франціею, но любовь или ненависть къ извѣстному строю понятій, къ извѣстному порядку. Любовь къ ней была равносильна влеченію къ свободѣ, новымъ идеямъ, къ новымъ правамъ человѣческаго общества; ненависть къ ней означала реакцію, коснѣніе въ средневѣковыхъ понятіяхъ, господство одного или немногихъ надъ всѣми. Германія же была обуреваема ненавистью къ Франціи. Задача Бёрне была высоко поднять то знамя политическихъ идей, которое выставлено было Франціею въ концѣ XVIII-го вѣка, и безъ устали, пользуясь каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, толковать, объяснять обществу новое политическое міросозерцаніе. Сегодня онъ говорилъ о свободѣ печати, завтра о свободѣ вѣроисповѣданій, одинъ разъ о равноправности всѣхъ передъ закономъ, другой разъ о правомъ и гласномъ судѣ; о распространеніи просвѣщенія среди массъ, о самоуправленіи, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что дѣлаетъ народъ полноправнымъ, свободнымъ.

Какъ только для Бёрне сдѣлалось яснымъ, что торжество Германіи надъ Франціею есть въ то же время тяжелый ударъ для свободы, такъ тотчасъ, прежде всѣхъ другихъ, Бёрне понялъ, что то раздраженіе противъ Франціи, которое обнаружилось между прочимъ въ его статьѣ «Was wir wollen», должно уступить мѣсто

напротивъ самому глубокому, самому искреннему сочувствію этой счастливой и вмѣстѣ несчастной странѣ. Счастливой, потому что ей бо́льшею частію принадлежитъ иниціатива тѣхъ прогрессивныхъ идей, которыя обновляютъ собою Европу; несчастной потому, что ей такъ дорого достается осуществленіе этихъ идей у себя дома. Когда въ Бёрне улеглось это минутное, вызванное обстоятельствами, раздраженіе противъ Франціи, тогда въ немъ явилась сознательная и прочная привязанность къ этой странѣ, на которую онъ смотрѣлъ какъ на колыбель свободы. Любовь къ Франціи, къ французскому народу была въ немъ какъ нельзя болѣе разумна, и онъ не раздѣлялъ какъ ошибки однихъ, которые въ ненависти своей къ правительству ненавидятъ и самый народъ, такъ точно и ошибки другихъ, которые, любя народъ, любятъ и его правителей, какъ бы мало достойны они ни были этой любви. Такъ не понималъ онъ этой любви къ Наполеону, которую онъ встрѣчалъ во многихъ людяхъ, искренно привязанныхъ къ свободѣ, и у Гейне въ его книгѣ о Бёрне мы находимъ отрывокъ изъ разговора между этими двумя замѣчательными людьми, которые такъ мало созданы были для того, чтобы сдѣлаться непримиримыми врагами,—отрывокъ, отлично характеризующій въ этомъ отношеніи Бёрне. Гейне разсказываетъ, что, встрѣтившись съ Бёрне, этотъ тотчасъ сталъ упрекать его, что онъ съ недостаточнымъ почтеніемъ говоритъ «о Богѣ, который все-таки создалъ небо и землю и столь мудро управляетъ міромъ, и съ такимъ преувеличеннымъ обожаніемъ относится къ Наполеону, который все-таки былъ ничѣмъ инымъ, какъ смертнымъ деспотомъ». Бёрне не любилъ Наполеона, потому что онъ хорошо понималъ, что Наполеонъ былъ только воплощеніемъ одного злого генія Франціи, и что его геній не оказалъ человѣчеству никакихъ услугъ, а только однѣ бѣдствія. Правда, Гейне говоритъ, что, тѣмъ не менѣе, Бёрне чувствовалъ безсознательное уваженіе къ Наполеону, и что онъ возмущался тѣмъ, что союзные государи свергли его статую съ Вандомской колонны.

«Ахъ, вскричалъ Бёрне съ горькимъ вздохомъ, они могли спокойно оставить его статую; имъ слѣдовало только прибить дощечку съ надписью: «Осемьнадцатое брюмера», и Вандомская колонна превратилась бы для него въ заслуженный позорный столбъ!» И тутъ же вслѣдъ за этимъ серьезнымъ и горькимъ восклицаніемъ, Бёрне, по поводу Наполеона, начинаетъ съ Гейне разговоръ, который показываетъ, какъ самыя серьезныя мысли переплетались у него съ шуточною формою. «Еще сегодня утромъ, прибавилъ Бёрне, я удивлялся ему, когда вотъ въ этой книгѣ, лежащей на моемъ столѣ (онъ указалъ на «Исторію ре-

волюціи» Тьера), я читалъ превосходный анекдотъ о томъ, какъ Наполеонъ въ Удино имѣлъ свиданіе съ Кобенцелемъ, и въ жару разговора разбилъ фарфоръ, который Кобенцель получилъ въ подарокъ отъ императрицы Екатерины, и конечно его очень любилъ. Этотъ разбитый фарфоръ былъ, быть можетъ, причиною Кампо-Формійскаго мира. Кобенцель вѣроятно думалъ при этомъ: у моего императора очень много фарфора, и если этотъ господинъ отправится въ Вѣну, и черезъ-чуръ разгорячится, пожалуй тогда можетъ случиться несчастіе.— лучше заключу я съ нимъ миръ! По всей вѣроятности, въ ту минуту, когда въ Удино фарфоровый сервизъ Кобенцеля полетѣлъ на полъ и разбился въ дребезги, въ Вѣнѣ дрожалъ весь фарфоръ, и дрожали не только кофейники и чашки, но и китайскія пагоды, можетъ быть, онѣ кивали сильнѣе головами, чѣмъ когда либо, и мирный договоръ ратификованъ. Въ магазинахъ эстамповъ всегда можно видѣть Наполеона, какъ онъ взлетаетъ на Симплонъ на быстромъ конѣ или бросается на мостъ въ Лоди съ развѣвающимся знаменемъ и т. д. Но еслибы я былъ живописецъ, то изобразилъ бы его въ ту минуту, когда онъ разбиваетъ фарфоръ Кобенцеля. Это былъ одинъ изъ самыхъ славныхъ его подвиговъ. Съ тѣхъ поръ многіе сильные міра стали бояться за свой фарфоръ и особенно сильно трусили берлинцы за свою большую фарфоровую фабрику. Вы не можете себѣ представить, любезнѣйшій Гейне, продолжалъ Бёрне, какъ обуздываетъ человѣка обладаніе дорогимъ фарфоромъ. Посмотрите, напр., на меня, я былъ совершенно необузданный человѣкъ, когда у меня было мало вещей, и вовсе не было фарфора. Съ пріобрѣтеніемъ собственности, а главное, ломкой собственности, является страхъ и рабство.... я чувствую какъ этотъ проклятый фарфоръ мѣшаетъ мнѣ писать; я становлюсь такимъ кроткимъ, такимъ осторожнымъ, такимъ боязливымъ. Наконецъ, начинаю думать, что торговецъ фарфоромъ былъ никто иной какъ австрійскій полицейскій агентъ, и что Меттернихъ навязалъ мнѣ этотъ фарфоръ, чтобы укротить меня....»

Такъ сплошь и рядомъ переходилъ Бёрне отъ самыхъ серьезныхъ разговоровъ, отъ самыхъ серьезныхъ мыслей къ шуточной формѣ, которая всегда была полна юмора и ироніи. Шутка его впрочемъ не была чужда серьезнаго элемента; трудно не видѣть въ ней большею частію самаго глубокаго смысла.

Гейне, который показываетъ намъ, какъ относился Бёрне къ Наполеону, приводитъ въ своей книгѣ еще много частныхъ интимныхъ разговоровъ, изъ которыхъ видно, какъ относился Бёрне къ Германіи. Когда Бёрне сталъ нападать на нѣмецкіе порядки, на нѣмецкія правительства, когда онъ сталъ насмѣхаться надъ

нѣмецкою тяжеловѣсностью и ослиною сносливостью, и рядомъ съ этимъ выражалъ всѣ свои симпатіи къ Франціи, тогда тотчасъ раздались голоса его враговъ, которые стали обвинять Бёрне, что онъ не любитъ Германію, что онъ нападаетъ на нее, потому что чувствуетъ еврейскую злобу за то, что его отставили отъ должности и т. п. Нашлось много ограниченныхъ умовъ, которые силились объяснить благородное и честное негодованіе Бёрне единственно его еврейскимъ происхожденіемъ. Бёрне не могъ быть оскорбленъ брошеннымъ въ него обвиненіемъ, что онъ не любитъ Германіи, потому что онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что никто быть можетъ такъ сильно ее не любитъ, какъ онъ или по крайней мѣрѣ никто не умѣетъ ее любить такъ глубоко и такъ разумно.

Гейне, который очень хорошо зналъ, что противъ Бёрне выставляютъ его мнимую ненависть къ Германіи, является на этотъ разъ его защитникомъ и въ своей книгѣ не разъ возвращается къ тому, какъ силенъ и искрененъ былъ патріотизмъ Лудвига Бёрне. Онъ приводитъ одинъ отрывокъ изъ его разговора о Германіи, который хорошо характеризуетъ политическое пристрастіе Бёрне къ своей родинѣ. «Ни одного нѣмецкаго ночного горшка не уступлю я Франціи!» вскричалъ онъ однажды въ пылу разговора, когда кто-то замѣтилъ, что Франція, эта естественная представительница революціи, должна быть усилена возвращеніемъ въ ея владѣніе прирейнскихъ земель, чтобы она тѣмъ успѣшнѣе могла противодѣйствовать аристократическо-абсолютической Европѣ.

«Не уступлю ни одного нѣмецкаго ночного горшка»! кричалъ Бёрне, гнѣвно шагая по комнатѣ взадъ и впередъ.

«Само собою разумѣется, замѣтилъ третій, что мы не уступимъ французамъ ни одного клочка нѣмецкой земли; но мы должны были бы уступить имъ нѣсколько нашихъ соотечественниковъ, въ которыхъ мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ надобности. Что вы думаете, еслибы мы уступили французамъ напр. Раумера или Роттека?»

«Нѣтъ, нѣтъ,—вскричалъ Бёрне, переходя отъ сильнѣйшаго гнѣва къ хохоту,—не уступлю даже Раумера или Роттека, потому что наша коллекція была бы тогда не полна; я хочу удержать Германію во всей ея цѣлости, какъ она есть, съ ея цвѣтами и чертополохами, съ ея великанами и карликами.... нѣтъ, не уступлю я даже этихъ двухъ ночныхъ горшковъ!» Конечно, любовь такого писателя, какъ Бёрне, къ своей родинѣ кажется слишкомъ очевидна, чтобы о ней стоило много говорить, но совсѣмъ умолчать объ этомъ тоже нельзя, такъ какъ съ одной стороны это обвиненіе

преслѣдовало Бёрне въ продолженіе всей его жизни, съ другой— мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ такія рѣзкія выходки противъ Германіи, которыя, пожалуй, заставятъ призадуматься иного читателя и заставятъ спросить его: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не чувствовалъ ли Бёрне къ своей родинѣ ненависти вмѣсто любви? Мы, говоря о Бёрне въ Россіи и говоря нашимъ соотечественникамъ, тѣмъ болѣе должны налегать на искреннюю любовь Бёрне къ Германіи въ виду его рѣзкихъ на нее нападковъ, что у насъ, особенно въ послѣднее время, сдѣлалось обыкновеніемъ клеймить человѣка именемъ врага своей родины, какъ только онъ, отказываясь отъ тупоумнаго и ехиднаго псевдо-патріотизма, перестаетъ восхищаться всѣмъ тѣмъ, что́ дѣлается въ отечествѣ, и въ своей истинной и сильной привязанности къ странѣ нападаетъ гораздо болѣе на то дурное, что́ должно быть измѣнено, чѣмъ преклоняется передъ тѣмъ хорошимъ, что́ должно было быть сдѣлано и что́ дѣйствительно сдѣлано. Однимъ словомъ, положеніе Бёрне съ самыхъ первыхъ шаговъ сдѣлалось подобнымъ положенію всякаго истинно честнаго писателя, когда онъ имѣетъ несчастье появиться въ смрадное время развитія своего общества, когда вся выгода находится на сторонѣ льстецовъ правительства и тѣхъ недостойныхъ журналистовъ, которыхъ задача ограничивается доносами на все, что́ честно и пропитано серьёзнымъ патріотизмомъ, и восхваленіемъ того, что́ носитъ на себѣ очевидный характеръ гаерства и псевдо-патріотизма. Бёрне страстно любилъ Германію и жестоко страдалъ оттого, что положеніе вещей въ его родинѣ было такъ далеко отъ его желаній, отъ его идеала; онъ нападалъ на злоупотребленія, на порочность нѣмецкихъ правительствъ, онъ нападалъ на дурныя стороны нѣмецкаго народа, потому что въ немъ таилось гордое, но справедливое сознаніе, что слова его не пропадутъ даромъ. Жалкіе писатели, которые обыкновенно руководятся въ подобныхъ случаяхъ самыми низкими эгоистическими побужденіями, и для которыхъ благо родины представляется глупою фразою и притворною сантиментальностью, поспѣшили объявить его ненавистникомъ Германіи. Гейне, становясь защитникомъ Бёрне въ этомъ отношеніи, въ значительной степени искупаетъ передъ нимъ свою тяжелую вину. «Изъ его собственнаго сердца — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги о Бёрне — вылетаютъ самые трогательные, естественные звуки патріотическаго чувства, точно стыдливыя признанія, которыхъ нельзя удержать въ послѣднія минуты жизни, и которыя мы скорѣе передаемъ рыданіями, нежели словами.... Смерть стоитъ возлѣ и неопровержимо свидѣтельствуетъ ихъ правдивость. Да, онъ былъ не только хорошій

писатель, но и великій патріотъ». Гейне настаиваетъ на этихъ словахъ и черезъ нѣсколько страницъ еще разъ возвращается къ тому же, говоря: «Да, этотъ Бёрне былъ великій патріотъ, быть можетъ самый великій, который сосалъ изъ груди своей мачихи-Германіи самую пламенную жизнь и самую горькую смерть. Въ душѣ этого человѣка ликовала и вмѣстѣ сочилась кровью самая трогательная любовь къ отечеству, которая, какъ всякая любовь, будучи стыдлива, пряталась подъ слова порицанія, упрековъ, недовольства, но тѣмъ сильнѣе прорывалась наружу въ порывистыя минуты. Когда на долю Германіи выпадали всякія бѣды, которыя могли имѣть печальныя послѣдствія, когда у нея не хватало духа принять спасительное лекарство, дать себѣ вырѣзать бѣльмо или выдержать другую маленькую операцію, тогда Лудвигъ Бёрне шумѣлъ, бранился, топалъ ногами и громилъ все и всѣхъ;—когда же предвидѣнное несчастье дѣйствительно случалось, когда Германію начинали топтать и бить до крови, тогда Бёрне переставалъ сердиться и бѣдный безумецъ начиналъ хныкать и рыдая доказывалъ, что Германія лучшая и самая прекрасная страна, и что нѣмцы—самый прекрасный и благороднѣйшій народъ....» Гейне совершенно правъ, выражаясь, что только одно «тупоуміе» могло не видѣть въ сочиненіяхъ Бёрне глубокой любви къ Германіи. Впрочемъ, въ подобномъ обвиненіи еще больше, чѣмъ «тупоуміе», играетъ роль іезуитскій маневръ тѣхъ, которые желали во что бы то ни было бросить тѣнь на честное имя автора «Парижскихъ писемъ». Когда дѣло шло о тупоуміи, Бёрне пожималъ только плечами, но когда онъ видѣлъ въ этомъ обвиненіи вмѣстѣ и гнусное орудіе его враговъ, тогда «гнѣву его не было предѣловъ, и онъ, какъ оскорбленный титанъ, металъ смертельными каменьями въ шипящихъ змѣй, ползавшихъ у его ногъ».

III.

Если обвиненіе въ ненависти Германіи производило на Бёрне раздражающее впечатлѣніе, за то горделивымъ презрѣніемъ отвѣчалъ онъ на другое обвиненіе, что онъ нападаетъ на правительства, на господствовавшій порядокъ только потому, что онъ принадлежитъ къ еврейскому племени. Въ самомъ дѣлѣ, «глупѣе» этого упрека нельзя было дѣлать Бёрне. Когда еврейскимъ происхожденіемъ попрекали Бёрне люди глупые и неразвитые, оно было понятно, потому что глупые и неразвитые люди не могутъ возвыситься надъ предразсудкомъ, дѣлаю-

щимъ изъ имени еврея что-то презрительное и оскорбительное. Но когда къ подобнымъ упрекамъ прибѣгаютъ люди умные, тогда, конечно, на это есть только одна причина, именно та, что человѣкъ такъ безупреченъ, такъ чистъ, что злоба противъ него является безсильною и въ крайности прибѣгаетъ къ тому орудію, которое по праву принадлежитъ только людямъ глупымъ и ограниченнымъ. Самъ Бёрне понималъ это очень хорошо, и потому какъ нельзя болѣе справедливо замѣчалъ: «каждый разъ, какъ мои противники видятъ, что они могутъ разбиться о *Бёрне* и потерпѣть умственное кораблекрушеніе, они хватаются за *Баруха*, какъ за свой спасительный якорь». За этотъ «спасительный якорь» хватался въ своихъ нападеніяхъ и Менцель, этотъ замѣчательно-умный, но еще болѣе замѣчательно-негодный человѣкъ. Онъ точно также, какъ и другіе, не могъ отыскать въ характерѣ Бёрне ничего такого, за что бы онъ могъ прицѣпиться и сколько-нибудь уронить его въ общественномъ мнѣніи, и потому хватался за его еврейское происхожденіе, сознавая, безъ сомнѣнія, что и это точно также не что иное, какъ мнимая и фальшивая Ахилессова пята. Желая объяснить всѣ неотразимыя нападки Бёрне на общественный строй Германіи, всю его ѣдкую сатиру, оглушительные розмахи его страшнаго бича ничѣмъ инымъ, какъ еврейскимъ происхожденіемъ этого суроваго писателя, а вовсе не дѣйствительнымъ бѣдственнымъ состояніемъ нѣмецкаго писателя, Менцель говоритъ: «Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ великаго Гёте лелѣяли какъ дитя патриціевъ, родился болѣзненный ребенокъ — еврей Барухъ. Уже въ дѣтствѣ онъ подвергался насмѣшкамъ мальчиковъ-христіанъ. Каждый день видѣлъ онъ на Саксонскомъ-мосту постыдную статую, представляющую еврея рядомъ со свиньей. Проклятіе его народа лежало на немъ тяжелымъ гнетомъ. Когда онъ отправлялся путешествовать, въ паспортѣ его прописывали насмѣшливыя слова: Juif de Francfort. «Развѣ я не такой человѣкъ, какъ и всѣ вы? — восклицалъ онъ. — Развѣ Богъ не снабдилъ моего духа всевозможными силами? Какже вы можете презирать меня? Я отомщу вамъ самымъ благороднымъ образомъ, я буду помогать вамъ въ борьбѣ за вашу свободу». Приведя это мѣсто въ своей статьѣ: «Менцель французоѣдъ», Бёрне прибавляетъ: «все это было бы прекрасно, будь оно справедливо; меня даже порадовало бы, еслибы это была правда, но это неправда. Никогда въ моей груди не было даже искры ненависти къ христіанскому міру; хотя я на самомъ себѣ долго и болѣзненно чувствовалъ преслѣдованіе и всегда съ негодованіемъ проклиналъ его, но

все-таки я видѣлъ въ этомъ преслѣдованіи не что иное, какъ форму аристократизма, проявленіе врожденнаго человѣческаго высокомѣрія, которому законы, вмѣсто того, чтобы ставить преграды, преступно покровительствовали; — придя къ этому убѣжденію, я, по обыкновенію, поднялся къ источнику зла, не заботясь объ одномъ изъ его притоковъ». Источникомъ зла было общее состояніе нѣмецкаго народа, и въ его широкой любви къ цѣлой Германіи, въ его горячемъ стремленіи видѣть ее освобожденною отъ оковъ тонуло его стремленіе облегчить участь еврейскаго племени. Умъ Бёрне, его сердце были слишкомъ широки, чтобы могли ограничиваться узкою привязанностью къ одному племени; привязанность эта была частицею его глубокой привязанности къ цѣлому народу, такъ точно, какъ безправное состояніе еврейскаго племени составляло только одно изъ звеньевъ той роковой цѣпи, въ которую закована была нѣмецкая нація.

Бёрне постоянно твердитъ, что тотъ, кто желаетъ дѣйствовать на пользу евреевъ, не долженъ изолировать ихъ, и что только тогда будетъ добыта свобода для нихъ, когда она будетъ добыта для цѣлаго народа. «Развѣ вся Германія — восклицаетъ онъ — не превратилась въ Гетто Европы?» Свое еврейское происхожденіе Бёрне обращаетъ, такъ-сказать, на пользу Германіи, такъ какъ гоненія, выпадавшія на долю еврейскаго племени, заставили его ненавидѣть гоненіе вообще, гдѣ бы и противъ кого бы оно ни было направлено. Рабство евреевъ научило его ненавидѣть рабство вообще и любить свободу не только для того племени, которому онъ принадлежалъ, но любить ее и добиваться для всего народа: «Да, именно потому, что я родился рабомъ, свобода милѣе мнѣ, чѣмъ вамъ. Да, вслѣдствіе того, что я былъ обреченъ рабству, я понимаю свободу лучше васъ. Да, оттого, что у меня не было при рожденіи никакого отечества, я жажду пріобрѣсть его гораздо сильнѣе, чѣмъ вы, и вслѣдствіе того, что мѣсто, гдѣ я родился, было ограничено одною еврейскою улицей, за запертыми воротами которой начиналась для меня чужая земля, — мнѣ недостаточно теперь имѣть отечествомъ ни городъ, ни провинцію, ни цѣлую область; я могу удовольствоваться только всею великою отчизною, на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ звучитъ ея языкъ.... Я пересталъ быть рабомъ гражданъ и потому не хочу теперь быть рабомъ какого-нибудь правителя, — я хочу быть совершенно свободнымъ....» Этой свободы онъ хотѣлъ не только для себя, но для цѣлаго народа, и если могучій голосъ его раздавался отъ времени до времени исключительно въ пользу освобожденія ев-

реевъ, то въ основаніи его защиты не трудно было отыскать мысль, что освобожденіе евреевъ столько же нужно для нихъ, какъ и для самихъ нѣмцевъ. Для чего, спрашивалъ онъ, правительства отдаютъ евреевъ въ рабство нѣмцамъ? для того, чтобы тѣмъ держать ихъ самихъ еще крѣпче въ рабствѣ. «Бѣдные нѣмцы! Живя въ подвалѣ, имѣя надъ собой семь этажей высшихъ сословій, они находятъ облегченіе въ бесѣдѣ о людяхъ, живущихъ еще ниже, чѣмъ они—въ погребѣ. Сознаніе, что они не евреи, утѣшаетъ ихъ въ томъ, что судьба не дѣлаетъ ихъ гофратами».

Къ этой мысли, именно, что непониманіе, глупость народа съ одной стороны, и необузданность правительствъ съ другой—лежатъ въ основаніи гоненій на евреевъ, Бёрне возвращается постоянно, это его исходная точка, отъ которой онъ никогда не отступаетъ. Называя свои статьи «въ защиту евреевъ», онъ начинаетъ со словъ: «мнѣ слѣдовало бы сказать: въ защиту справедливости и свободы, но еслибы люди понимали эти слова, то мнѣ не было бы никакой нужды говорить». Да, въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ защиты человѣческихъ правъ евреевъ, который долженъ былъ ему представиться прежде всѣхъ другихъ, такъ какъ рано его заставили почувствовать на немъ самомъ его еврейское происхожденіе, Бёрне ведетъ себя точно также какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, касающихся политической жизни народа. Онъ не замыкается тутъ въ узкій кругъ понятій и требованій, онъ не тратитъ своихъ силъ на безплодныя іереміады о печальной исторіи евреевъ, ему нѣтъ дѣла до прошедшаго, онъ не судитъ, не осуждаетъ его, онъ не призываетъ его на свое судилище, потому что судить можно только, какъ выражается Бёрне, преступленія людей, а не преступленія человѣчества, онъ обращается къ живымъ людямъ, говоря однимъ: вы невинны, потому что вы глупы; другимъ: вы преступны, потому что вы сознательно наглы. Громкое требованіе свободы и громкая проповѣдь и призывъ къ справедливости — такова вся его дѣятельность. Въ своей защитѣ евреевъ онъ старается только о томъ, чтобы растолковать нѣмецкому народу, что имъ злоупотребляютъ, когда его заставляютъ быть тюремщикомъ евреевъ, что его вынуждаютъ на гнусное дѣло, чтобы всю выгоду его доставить немногимъ сильнымъ міра, и что его принуждаютъ къ злоупотребленію чужою свободою, чтобы доказать ему, что онъ самъ не заслуживаетъ свободы, и что «его сдѣлали тюремщикомъ евреевъ на томъ основаніи, что безсмѣнное пребываніе въ тюрьмѣ равно обязательно, какъ для тюремщиковъ, такъ и для заклю-

ченныхъ». Намъ нечего указывать на всю глубину и вмѣстѣ простоту этой мысли, лежавшей въ основаніи защиты евреевъ. Когда какой-нибудь народъ захватываетъ себѣ въ рабство другой народъ, для него это никогда не проходитъ даромъ. Быть въ рабствѣ или держать въ рабствѣ одинаково развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на народный организмъ, рабскія привычки переходятъ къ властителямъ, которые сами дѣлаются неспособны для здоровой жизни и мало-по-малу сами превращаются въ рабовъ. Очевидно, что «глупость» въ подобныхъ случаяхъ является главною виновницею народныхъ бѣдъ. Объяснить нѣмцамъ, что только одна глупость, глупые предразсудки, глупое воспитаніе заставляло ихъ презрительно относиться къ евреямъ— вотъ все, чего желалъ Бёрне, защищая евреевъ. Перо его становится желчнымъ, ядовитымъ, презрительнымъ только тогда, когда онъ обращается къ властителямъ и говоритъ имъ: вы одинаково обманываете и евреевъ и христіанъ, вы натравляете ихъ другъ на друга только для того, чтобы прочнѣе владычествовать надъ тѣми и другими, вы дѣйствуете съ самымъ безстыднымъ лицемѣріемъ, вы распространяете клеветы съ такою наглою дерзостью, что вводите въ заблужденіе даже честныхъ людей, которые вѣрятъ вамъ, потому что не могутъ представить себѣ, чтобы ихъ смѣли такъ нагло обманывать! «Я хочу сорвать съ негодяевъ маски, восклицаетъ Бёрне, и освѣтить ихъ лица!»

Напрасно въ цѣломъ ряду преслѣдованій и гоненій на евреевъ Бёрне отыскиваетъ хоть проблески справедливости, онъ нигдѣ ихъ не находитъ. Повсюду съ одной стороны глупость, съ другой наглость. Такъ шли цѣлые вѣка, пока на германскую почву не были заброшены сѣмена новыхъ идей, пришедшихъ изъ Франціи. Французское господство было благодѣтельно для евреевъ, оно уровняло въ правахъ христіанъ и евреевъ, но оно продолжалось недолго. «Не успѣло еще смолкнуть въ стѣнахъ Франкфурта эхо пушечныхъ выстрѣловъ бѣжавшаго непріятеля, какъ раздались громкіе голоса взаимнаго одобренія: прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы положить предѣлъ неслыханнымъ притязаніямъ евреевъ». Отъ такихъ сарказмовъ, вызываемыхъ у Бёрне возмутительнымъ зрѣлищемъ всевозможныхъ обмановъ и злоупотребленій, онъ переходитъ иногда на самый грустный тонъ, когда въ умѣ его рождается вопросъ, да зачѣмъ же столько жертвъ, зачѣмъ столько страданій, если народы только то и дѣлаютъ, что попадаютъ изъ огня въ полымя. Останавливаясь передъ фактомъ, что побѣда надъ Наполеономъ не только не привела нѣ-

мецкій народъ къ лучшему устройству, но ухудшила его положеніе, что она не только не утвердила въ странѣ тѣ великіе нравственные результаты, которые добыты были французскою революціею, но еще уничтожила то немногое, что̀ принесено было французскимъ господствомъ, онъ спрашиваетъ: «неужели въ самомъ дѣлѣ время, послѣ столькихъ мученій, разрѣшилось отъ бремени смѣшною мышью? Неужели милліоны человѣческихъ существованій истреблялись только для того, чтобы послѣ тридцатилѣтней отчаянной борьбы въ результатѣ оказалось то, что̀ давно уже было извѣстно каждому — именно, что господство надъ извѣстнымъ народомъ принадлежитъ Ивану, а не Петру?...»

Въ дѣятельности Бёрне по еврейскому вопросу нельзя пропустить молчаніемъ того энергическаго протеста, который вылился въ адресѣ, отправленномъ въ образовавшійся въ то время «Pressverein», союзъ для защиты свободнаго нѣмецкаго слова. Каждая строка эта адреса говоритъ о правдивости Бёрне въ ту минуту, когда онъ восклицаетъ: «ахъ, они думаютъ, что я пишу чернилами и словами, но я пишу не такъ какъ другіе; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ, и у меня не всегда хватаетъ духу собственной рукой причинять себѣ боль и не всегда хватаетъ силъ долго переносить ее». Онъ пишетъ кровью своего сердца, когда онъ начинаетъ перечислять всѣ оскорбленія, причиняемыя евреямъ, всѣ несправедливости, которыя они должны были вытерпѣть, когда онъ жалуется, что та война за освобожденіе, въ которой евреи проливали свою кровь, точно также какъ и христіане, не только не освободила ихъ, но наложила на нихъ новыя цѣпи. Онъ пишетъ сокомъ своихъ нервовъ, когда онъ клеймитъ позоромъ ту адскую несправедливость, которая допустила, чтобы евреи, возвратившись съ войны, увидѣли своихъ братьевъ и отцовъ рабами, тогда какъ они оставили ихъ уже свободными гражданами. Бёрне страдаетъ, когда онъ выставляетъ на видъ, что евреи лишены не только гражданскихъ правъ, но даже правъ человѣческихъ, на которыя никто кажется не смѣлъ бы посягать; онъ страдаетъ, когда пишетъ, что еврейскому населенію Франкфурта запрещено заключать болѣе пятнадцати браковъ въ годъ, чтобы это племя не могло размножаться. Между строчекъ такъ и слышится вопросъ: да неужели все это правда, все то, что я пишу, не бредъ ли это моей фантазіи, не плоды ли это моего воображенія. «Слушай это, произноситъ Бёрне, слушай это, нѣмецкій народъ! И если находятся въ твоемъ лексиконѣ слова: свобода, справедливость, человѣчность, краснѣй отъ сознанія, что ты могъ, не-

краснѣя, такъ долго переносить этотъ позоръ, пятнающій все твое отечество!» У всякаго другого писателя, у котораго прежде всего на сердцѣ не лежало бы благо цѣлой страны, цѣлаго народа, невольно явилось бы раздраженіе при исчисленіи всѣхъ обидъ, всѣхъ оскорбленій, выпавшихъ на долю евреевъ, раздраженіе противъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ угнетенному племени. То ли находимъ мы у Бёрне? раздраженія противъ нѣмецкаго народа въ немъ нѣтъ и тѣни, напротивъ, онъ не только не думаетъ обвинять его, но онъ тѣсно связываетъ страданія евреевъ съ страданіями цѣлаго народа и потому на вопросъ: заслужили ли евреи ихъ участь? онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, не заслужили, точно также какъ не заслужили ихъ участи и нѣмцы: «Съ тобой, христіанскій нѣмецкій народъ, говоритъ тутъ же Бёрне, поступили какъ съ побѣжденнымъ народомъ, съ твоею страной — какъ съ завоеванною страной».

Справедливы ли, можно спросить теперь, обвиненія Бёрне въ томъ, что онъ сталъ нападать на существующій порядокъ въ Германіи, потому что онъ былъ еврей, потому что онъ не любилъ Германіи? Нѣтъ, тѣ, которые обвиняли его въ этомъ, клеветали на него, потому что Бёрне прежде всего человѣкъ, горячо любящій Германію, но еще болѣе горячо любящій свободу. Онъ защищалъ евреевъ такъ точно, какъ онъ защищалъ бы всякое другое угнетенное племя въ Германіи, онъ защищалъ ихъ, потому что ему глубоко ненавистна была всякая несправедливость, всякое нарушеніе человѣческихъ правъ, всякое оскорбленіе свободы. Собственно же къ еврейскому племени, какъ еврейскому, онъ не питалъ особенной привязанности; еврейство чуждо было Бёрне, онъ не сочувствовалъ узкости ихъ понятій, онъ не сочувствовалъ ихъ нравамъ, обычаямъ, ему чуждо было ихъ ученіе, ему чужда была вся ихъ жизнь. Это отчужденіе отъ еврейства началось еще съ дѣтскаго возроста, и чѣмъ старше становился Бёрне, тѣмъ оно становилось сознательнѣе и опредѣленнѣе. Теперь кажется должно быть совершенно понятно, что если Бёрне былъ оскорбленъ, когда онъ получилъ отставку отъ своего скромнаго мѣста въ франкфуртской полиціи, то онъ былъ оскорбленъ вовсе не за себя лично; нѣтъ, собственный опытъ долженъ былъ только помочь ему скорѣй убѣдиться, что дряхлый, казалось окончательно сгнившій патріархально-деспотическій порядокъ, еще не совсѣмъ разложился, и что въ немъ было еще достаточно живучести, чтобы нанести несчастной, только-что вышедшей изъ кроваваго побоища Германіи новыя раны и несравненно болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, которыя нанесены ей были внѣшнимъ врагомъ. Ему

не трудно было догадаться, что возобновленное преслѣдованіе евреевъ не будетъ изолированною реакціонною мѣрою, что вмѣстѣ съ нею возвратятся и всѣ другія злоупотребленія стараго порядка, что преслѣдованіе евреевъ есть только одинъ изъ безчисленныхъ узловъ на той толстой веревкѣ, которою скоро долженъ быть перетянутъ весь нѣмецкій народъ. Ничтожнаго собственнаго опыта было для него слишкомъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наступила тяжелая эпоха, когда надъ Германіею должна разостлаться продолжительная и мрачная реакціонная ночь. Бёрне не ошибался въ своихъ горькихъ пророчествахъ. Страшная тяжесть насилія и произвола сдавила свободное дыханіе нѣмецкаго народа.

Бёрне, выгнанному изъ службы, закрыты были теперь почти всѣ карьеры, всѣ отрасли общественной дѣятельности. Онъ остановился въ раздумьи, остановился на перепутьи, не зная, что ему дѣлать, за что схватиться. Тайный голосъ души подсказывалъ ему, что жизнь его должна быть посвящена служенію нѣмецкому обществу, нѣмецкому народу, но какъ, въ какой формѣ, какою дорогою долженъ былъ онъ идти — въ этомъ онъ не отдавалъ себѣ ясно отчета, хотя онъ и не могъ не сознавать, что сила его заключается въ его перѣ, въ его литературномъ талантѣ. Сама судьба толкала его на одну дорогу, которая была ему какъ нельзя болѣе по сердцу. Дорога эта была въ то время полна бурь и невзгодъ, такъ какъ на журналистику деспотическія правительства Германіи смотрѣли съ особенною ненавистью, подозрѣвая въ ней гнѣздо всяческихъ козней и возмутительныхъ замысловъ, гнѣздо «демагогическихъ происковъ». Первыя попытки Бёрне на этой дорогѣ были уже увѣнчаны успѣхомъ; его, такъ-сказать, пробныя статейки обратили на себя вниманіе свѣжестью мысли, остроуміемъ, бойкимъ языкомъ. Ему нужно было теперь энергически продолжать начатое, нужно было сосредоточить всѣ свои силы, всю свою дѣятельность на литературномъ поприщѣ, для котораго онъ былъ такъ хорошо приготовленъ своими разнообразными занятіями во время университетской жизни. Бёрне рѣшился вступить на этотъ тернистый путь, рѣшился весь отдаться журнальной дѣятельности и идти по этой новой дорогѣ прямо, не дѣлая изгибовъ, идти гордо и непреклонно. Онъ избралъ этотъ путь сознательно, понимая, что ни на какомъ другомъ онъ не будетъ такъ полезенъ, ни на какомъ другомъ онъ не въ состояніи принести столько добра нѣмецкому народу, съ которымъ его связывала самая глубокая и искренняя любовь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что его

званіе еврея будетъ для него постоянною помѣхою въ журнальной дѣятельности, что онъ будетъ натыкаться на это еврейство какъ на вѣчную преграду, что ему безъ устали будутъ кричать: не мѣшайтесь не въ ваши дѣла, вы не принадлежите къ нѣмецкой семьѣ, не притворяйтесь, въ глубинѣ вашего ума кроются у вась не интересы Германіи, а интересы еврейскаго племени! Отчасти это соображеніе, отчасти то обстоятельство, о которомъ уже было упомянуто, именно, что ему давно уже сдѣлалось чуждо еврейство, чужды его обычаи, нравы, ученіе, заставили Бёрне рѣшиться на тотъ шагъ, который онъ давно уже обдумывалъ. 5-го іюня 1818 года Бёрне покинулъ еврейскую религію и принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе. Съ этихъ же поръ онъ навсегда покидаетъ и свою еврейскую фамилію: Барухъ, и принимаетъ имя Карла-Лудвига Бёрне. Съ этого времени открывается, такъ-сказать, новый періодъ его жизни, въ который все существованіе его поглощено непрерывною и неутомимою литературною дѣятельностію, прекратившеюся только съ его смертью. Можно смѣло сказать, что на длинномъ пройденномъ имъ литературно-политическомъ пути Бёрне ни разу не упалъ, ни разу не оступился, и если иногда и ошибался, то всегда невольно, искренно, честно, ошибался безъ умысла, безъ разсчету. Вотъ почему никого съ такимъ правомъ нельзя назвать безукоризненно честнымъ писателемъ, какъ творца политической литературы въ Германіи—Лудвига Бёрне.

Евг. Утинъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію совѣта университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока *В. В. Григорьевымъ*. С.-Петербургъ. 1870.

I.

Съ давнихъ временъ существуетъ особенная отрасль литературы, которую можно назвать «юбилейною». Въ этой юбилейной литературѣ займетъ видное мѣсто трудъ ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи Востока г. Григорьева, недавно вышедшій въ свѣтъ [1]) подъ заглавіемъ «Историческая записка» о первыхъ пятидесяти годахъ существованія с.-петербургскаго университета.

Извѣстно, что какъ въ гастрономическомъ отношеніи юбилейные обѣды не бывали никогда особенно вкусны и питательны, такъ и юбилейная литература, поэзія и проза, не бываетъ особенно интересна, а по природѣ своей и назначенію можетъ быть охарактеризована словами: скучно-тошная. Иною она и не бываетъ. На юбилей собираются люди, большею частію другъ другу чуждые, праздновать вмѣстѣ свои юношескія воспоминанія, которыя у каждаго изъ нихъ совершенно различ-

---

[1]) Не надобно принимать буквально нашихъ словъ: *вышедшій въ свѣтъ*, такъ какъ трудъ г. Григорьева, по крайней мѣрѣ, по сіе время въ свѣтъ не вышелъ, т.-е. его нѣтъ въ продажѣ.

ны. Еслибы каждый изъ нихъ исповѣдалъ порознь, чѣмъ онъ восторгается въ прошедшемъ, то вышла бы жесточайшая рознь и усобица, потому что соединились на одну минуту въ одну общую массу люди самыхъ противоположныхъ лагерей и направленій; слѣдовательно, единственная возможность того, чтобы праздникъ кончился благополучно съ подобающею ему торжественностью, заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе спѣлись и тщательно избѣгая всякаго драматизма и всякихъ диссонансовъ, unissono хвалебный гимнъ, безъ всякихъ уже заботъ о мѣрѣ хваленія, то-есть о томъ, чтобы хваленіе соотвѣтствовало хвалимому предмету. Эффектъ выходитъ въ декоративномъ отношеніи удивительный, когда свои личныя воспоминанія можно поставить на заоблачныхъ вершинахъ какого-нибудь многовѣковаго учрежденія: тогда историческія тѣни отъ этихъ вершинъ ложатся длинными грядами на маленькихъ живыхъ людей-мурашекъ, и можно заглядѣться на эти живописныя вершины и въ созерцаніи міровыхъ событій прошедшаго забыть о настоящемъ. Когда лейпцигскій университетъ, основанный въ 1409 г., будетъ праздновать свою патисотлѣтнюю годовщину, ему придется помянуть и Лютера съ реформаціею и Густава Адольфа съ 30-лѣтнею войною и Völkerschlacht и Tugendbund. Имена людей и событій имѣютъ силу магическую и вдохновеніе нисходитъ само собою при ихъ произнесеніи. Но на образованіе такой декораціи надобно нѣсколько сотъ лѣтъ, въ патьдесятъ же не возникаетъ ни пикъ альпійскій, ни египетская пирамида, и юбилейному историку приходится вооружиться увеличительнымъ стекломъ. Цифра одолѣваетъ фантазію, статистика убиваетъ поэзію: у насъ въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ были воспитанники перваго выпуска, а большинство собравшихся состояло изъ лицъ, которыхъ память охватывала большую половину существованія университета.

Петербургскій университетъ сдѣлалъ пока только нѣсколько шаговъ въ своемъ существованіи, и потому главная его заслуга можетъ заключаться пока въ томъ, что выпустилъ онъ въ свѣтъ съ дипломами 2,365 кандидатовъ, да 920 дѣйствительныхъ студентовъ, итого 3,285 человѣкъ; но изъ числа ихъ только трое, по словамъ г. Григорьева (с. 307.) попали въ государственные дѣятели высшаго порядка (одинъ министръ юстиціи К. И. Паленъ и два члена государственнаго совѣта А. Л. Гофманъ и баронъ А. Ф. Будбергъ),—фактъ прискорбный, о которомъ краснорѣчиво распространялся въ элегическомъ тонѣ и профессоръ И. Е. Андреевскій на юбилейномъ обѣдѣ 8-го февраля 1869 г. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Григорьевъ, что питомцамъ

университета болѣе нежели въ государственной службѣ посчастливилось въ наукѣ и искусствѣ, и есть два-три крупныя имени (Грановскій, И. С. Тургеневъ) и нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, да и всѣ эти олимпійцы, за исключеніемъ одного Тургенева, почти невидимы на Западѣ Европы за предѣлами нашего, весьма правда, обширнаго отечества. При такихъ условіяхъ понятно, что и памятникъ могъ быть созданъ не великій, скромный, безъ пьедестала.

Обыкновенно такіе памятники по способу внѣшней своей отдѣлки напоминаютъ у такихъ художниковъ, какъ г. Григорьевъ, манеру китайской живописи, и щеголяютъ богатствомъ мелочныхъ подробностей тончайшей работы, по незачѣмъ искать въ нихъ и требовать отъ нихъ ни соблюденія законовъ перспективы, ни экспрессіи. Всѣ лица выходятъ одинаково плоскія, за то трава и кусты, коими одѣты дальнія горы, отдѣланы одинаково отчетливо, какъ люди и животныя, подвизающіяся на первомъ планѣ. Еслибы жилъ до сихъ поръ маститый ректоръ, въ теченіе четверти столѣтія предсѣдательствовавшій съ неизмѣнявшимъ ему никогда достоинствомъ въ совѣтѣ *almae matris*, то по всей вѣроятности ему бы и пришлось быть ея исторіографомъ, и исполнилъ бы онъ эту задачу съ тѣмъ тактомъ и умѣніемъ, которому отдаетъ честь самъ г. Григорьевъ (237). На выполненіе задачи труда сухого и неблагодарнаго требовалось много терпѣнья, мягкости и теплоты сердечной. П. А. Плетневъ воздалъ бы должное всякому, доказавъ хорошую его сторону, промолчавъ о дурныхъ; физически умершихъ, онъ бы похвалилъ по правилу *de mortuis aut bene aut nihil*, политически для университета умершихъ, то-есть выбывшихъ, онъ бы тоже похвалилъ по правилу: Богъ съ вами, не поминать васъ лихомъ! да и объ остающихся въ университетѣ не сказалъ бы дурного слова, потому что, значитъ, своя семья. Памятникъ, такимъ образомъ составленный, соотвѣтствовалъ бы, какъ нельзя болѣе цѣли своей, онъ былъ бы настоящій юбилейный памятникъ, стройный, гармоническій, хорошо отшлифованный. Единственный упрекъ, который можно бы ему сдѣлать — тотъ, что онъ даетъ слабое и неясное понятіе о судьбахъ университета, о внутренней его жизни и развитіи, но дѣлать подобный упрекъ значитъ требовать отъ предмета того, чего онъ дать не можетъ и къ чему онъ вовсе не предназначенъ. Юбилейная записка въ столь же малой степени можетъ изображать собою настоящую исторію университета, какъ надгробная надпись—замѣнить жизнеописаніе умершаго. Перенесемся мысленно на кладбище и предположимъ, что на этомъ кладбищѣ похоронены всѣ люди извѣстнаго столѣтія съ подобающими на каждомъ гробѣ надписями, что по-

койный былъ прекрасный семьянинъ, христіанинъ, сановникъ. Соберите всѣ надписи и попытайтесь построить изъ нихъ исторію столѣтія: окажется, что въ подобной работѣ не можетъ быть ни малѣйшаго прову.

II.

Выборъ совѣта по составленію записки палъ на г. Григорьева. Повидимому, г. Григорьевъ не только по своей учености, но и по времени вступленія въ университетъ, былъ человѣкъ самый способный для выполненія возложенной на него задачи; въ бурную эпоху университетскихъ смутъ 1861 г. онъ не принадлежалъ къ ученой корпораціи и сдѣлался членомъ ея только тогда, когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г.; значитъ, онъ стоялъ внѣ всякихъ университетскихъ партій и къ событіямъ 1861 г. могъ относиться вполнѣ объективно и, безъ всякаго надъ собою усилія, безпристрастно. Онъ мало былъ знакомъ, правда, съ трудомъ и преподаваніемъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, но недостающее легко было пополнить изъ подлинныхъ дѣлъ университета, изъ журналовъ, наконецъ изъ устнаго преданія отъ сотоварищей, изъ коихъ четверо образовали по порученію совѣта юбилейную коммисію и участвовали, если не въ самомъ написаніи записки, то въ отвѣтственности за ея содержаніе (Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, см. 611 примѣчаніе къ запискѣ). Трудъ шелъ медленно, матеріалъ обработывался исподволь и составленіе записки вмѣстѣ съ печатаніемъ заняли два года (съ апрѣля 1868 по мартъ 1870 годъ). По своимъ размѣрамъ и плану видно, что авторъ тяготился узкостью юбилейной задачи, и отступая нѣкоторымъ образомъ отъ пріемовъ, освященныхъ обычаемъ въ подобнаго рода работахъ, рѣшился затронуть внутреннюю жизнь университета, коснуться жгучихъ вопросовъ о причинахъ университетскихъ безпорядковъ и неустройствъ, которые проявились не только въ с.-петербургскомъ, но въ другихъ университетахъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—и представить такимъ образомъ нѣчто въ родѣ опыта прагматической исторіи того учрежденія, которое столь дорого сердцу каждаго его питомца. Конечно, мы далеки отъ всякой мысли попрекать составителя записки за такую смѣлость. Мы помнимъ, что in magnis voluisse sat est! Мы скорѣе готовы думать, что ему бы надо быть еще смѣлѣе и, отказавшись отъ юбилейнаго пошиба и отъ китайской живописи, не на сорока листахъ, а на

ста, можетъ быть, страницахъ изобразить главнѣйшіе моменты жизни университета по убѣжденіямъ автора, вслѣдствіе чего однимъ произведеніемъ изящнаго искусства для искусства стало бы меньше, но литература обогатилась бы однимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ. Китайской живописи много у г. Григорьева, больше, чѣмъ бы слѣдовало, и рядомъ съ нею есть сужденія о лицахъ, къ которымъ авторъ лично былъ расположенъ или нерасположенъ; есть также и посильная оцѣнка внутреннихъ въ микрокосмѣ университетскомъ переворотовъ. Я не знатокъ китайской живописи, но прежде перехода къ предметамъ болѣе существеннымъ, не могу обойтись безъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній объ этой части труда г. Григорьева. Я полагаю, что и въ такой кропотливой мелочной работѣ надо придерживаться все-таки явленій, достигающихъ извѣстной величины. Даже и въ юбилейномъ трудѣ едва ли интересно прочесть, что въ 1867 г. проф. Чебышевъ помѣстилъ въ бюллетенѣ Ак. Н. «объ одномъ ариѳметическомъ вопросѣ», а въ 1869 г. «объ одномъ механизмѣ» (397); что проф. Срезневскій отпечаталъ 1863 г. статью «Навертень XVII столѣтія» и «Византійскій ковчежецъ» (411); что проф. Благовѣщенскій тиснулъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статейку: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ для развитія и поддержки ученой жизни въ университетахъ», и въ «Голосѣ» статейку: «Къ вопросу о губернскихъ художественныхъ музеяхъ» (408); что доцентъ Ламанскій печаталъ «О нѣмецкомъ человѣкѣ въ Россіи» — переводъ изъ Gartenlaube (412), причемъ въ запискѣ г. Григорьева этотъ же нѣмецкій человѣкъ, т.-е. лекторъ Мейеръ, очутился, на слѣдующей страницѣ 413, съ отмѣткою, что онъ редактируетъ S.-Petersburger Zeitung, но ужъ безъ всякаго замѣчанія на счетъ знаменитой кобылы графа Бисмарка. Я полагаю, что можно было бы безъ всякаго ущерба и для современниковъ и для потомства исключить также мелкія, полемическія статьи, некрологи и рецензіи, которыя по роду своихъ занятій и обязанностямъ службы пишутъ профессора о выходящихъ въ свѣтъ, каждый по его спеціальному предмету, сочиненіяхъ (еще бы они этихъ рецензій не писали, чѣмъ же бы, спрашивается, и занимались господа оффиціальные представители науки?).

Излишекъ конечно не бѣда; когда составляется опись какому-нибудь имуществу, то заносится въ нее всякая тряпка и всякій гвоздикъ, отъ описи требуется только полнота и точность, но я и этихъ достоинствъ описи не могу вполнѣ признать за запиской; есть въ ней счастливцы, которымъ все досталось, и есть такіе, которые видимо обдѣлены. — При обзорѣ литературной дѣятельности, напр., К. Д. Кавелина, пропущена

большая часть его трудовъ (с. 158), а между тѣмъ дѣло предстояло не великое, надлежало перепечатать только оглавленіе собранія его сочиненій, вышедшаго въ четырехъ томахъ въ Москвѣ въ 1859 году, но и объ этомъ изданіи не упомянуто, причемъ оправдалась вполнѣ пословица: *les absents ont tort.* Еще болѣе печальная участь постигла Б. И. Утина [1]). «Изъ дѣлъ университета не видно, говоритъ записка, ни какъ взялся за преподаваніе г. Утинъ по каѳедрѣ ему порученной [2]), ни какими пособіями руководствовался онъ при преподаваніи» (стр. 168); точно г. Утинъ жилъ за сто лѣтъ, точно въ факультетѣ не сохранилось программъ, представляемыхъ каждымъ преподавателемъ, точно между товарищами по преподаванію не нашлось никого, кто бы передалъ о характерѣ преподаванія, которое посвящено было одному изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго курса и обнимало собою сравнительную исторію политическихъ и въ особенности судебныхъ учрежденій, начиная съ древности и до новѣйшихъ временъ. Г. Григорьеву стоило бы только обратиться, напримѣръ, къ проф. Андреевскому, и г. Андреевскій со свойственною ему предупредительностью сообщилъ бы ему и о спорахъ, которые породило въ факультетѣ учрежденіе новой каѳедры сравнительной исторіи законодательствъ и о разныхъ мнѣніяхъ о пользѣ этой каѳедры, и о запискахъ, которыя подавались по этому предмету министерству, и о томъ, что каѳедра открытая впервые въ С.-Петербургѣ, введена по уставу 1863 г. и въ другіе университеты, такъ что тотъ же самый предметъ преподавалъ г. Дмитріевъ въ Москвѣ и г. Стояновъ въ Харьковѣ.—На стр. 86 упомянуто, что въ 1828 году профессорамъ университета объявлена благодарность министерства народнаго просвѣщенія за хорошій результатъ испытанія въ наукахъ шестерыхъ воспитанниковъ, которыхъ предполагалось отправить за границу. «Университетъ не долженъ забывать именъ воспитан-

---

[1]) Къ прил. 318, дающему заглавія только двухъ статей Утина, слѣдовало бы между прочимъ прибавить слѣдующія: Англійская юридическая литература, «Журн. Минист. Юстиціи» 1861 г.; Муниципальныя учрежденія, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г.; Государственный бытъ Англіи въ «Отеч. Зап.» 1862 г., за авг.; тамъ же, за нояб., Судебная реформа; разборы сочиненій Градовскаго и о. Горчакова въ «Вѣстникѣ Европы». — Въ 1866 г. изданъ Утинымъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ переводъ книги барона Гакстгаузена «О конституціонномъ началѣ». Все это умолчано, а «Византійскій ковчежецъ» г. Срезневскаго не забытъ.

[2]) Между тѣмъ вся эта выходка составителей «Записки» уничтожается вступительною лекціею г. Утина, напечатанною въ январьской книгѣ «От. Зап.» за 1860 г.; тамъ указанъ и методъ преподаванія, и пособія; а еще болѣе это сдѣлано въ статьѣ г. Утина: «О значеніи каѳедры иностранныхъ законодательствъ для русскихъ университетовъ», помѣщенной въ приложеніи къ журналамъ ученаго комитета минист. нар. просвѣщенія, 1862 года, вѣроятно, не безъизвѣстнымъ составителямъ «Записки».

никовъ своихъ, которые принесли ему такую честь». Я вполнѣ согласенъ, что имена этихъ воспитанниковъ достойны перейти въ исторію, но я полагаю, что не меньшую, по крайней мѣрѣ, честь принесъ университету И. С. Тургеневъ, тѣмъ, что онъ въ этомъ университетѣ воспитывался, между тѣмъ ему не посвящено ни полстрочки; да и Грановскій заслуживалъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ сухого извѣстія о немъ, что былъ-молъ такой человѣкъ, учился и отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ (105), а потомъ въ Москвѣ пользовался большою популярностью и въ университетѣ и въ городѣ (прил. 208). Г. Григорьевъ нашелъ же возможнымъ посвятить цѣлыя двѣ страницы текста только тому, кого слушалъ заграницею и у кого учился профессоръ о. Полисадовъ (134, 135). Если о Тургеневѣ нѣтъ помину, если Грановскому отведенъ укромнѣйшій уголокъ, то нечего и удивляться пропуску имени кончившаго въ 1842 г. курсъ наукъ въ университетѣ Юліана Бартошевича, лучшаго знатока въ наше время польской старины и замѣчательнѣйшаго по смерти Шайнохи польскаго историка, съ которымъ г. Григорьевъ не могъ не быть знакомъ, хотя бы по той «Encyklopedja powszechna», на которую г. Григорьевъ поминутно ссылается, и въ изданіи которой г. Бартошевичъ участвовалъ. Г. Григорьевъ ставитъ въ особенную заслугу К. И. Ламанскому его участіе въ осуществленіи «славянскаго съѣзда» въ Москвѣ. Я полагаю, что какъ нельзя болѣе полезное сближеніе славянскихъ народностей подвигается и скрѣпляется не столько тостами и заздравными спичами, сколько основательнымъ знакомствомъ съ результатами умственной дѣятельности разныхъ народностей, что починъ въ этомъ дѣлѣ должны давать ученые и что успѣхъ славянской идеи зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ славянскихъ братствъ и комитетовъ, сколько отъ сознательнаго проведенія каждымъ изъ сподвижниковъ славянизма великаго начала: Slavus sum, nihil slavici a me alienum puto.

Въ запискѣ попадаются не только недосмотры, но и положительныя ошибки. Нелегко догадаться напримѣръ на с. CV, что Маріанъ Красильниковъ есть одно и тоже лицо съ получившимъ въ 1859 г. серебряную медаль на с. LVI Маріаномъ Красовскимъ, но что настоящая фамилія этого лица не Красовскій и не Красильниковъ, а Маріанъ Красновскій, нынѣ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Существенный недостатокъ записки при группировкѣ свѣдѣній заключается еще въ томъ, что свѣдѣнія почерпались не критически, не изъ надлежащихъ источниковъ. Когда авторъ записки объ университетѣ ссылается при изображеніи дѣятельности профессора Коссовича на свою записку о

Коссовичѣ (прил. 417), то всякому понятно, что эта записка есть нѣчто производное и что первоначальный матеріалъ доставленъ былъ автору самимъ же Коссовичемъ. Также точно, когда авторъ при изображеніи своей собственной дѣятельности и заслугъ ссылается на записку о немъ, авторѣ, профессора Коссовича въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» за 1868 г., на статью «Григорьевъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Старчевскаго, и на статью Grigorjew въ «Encyklopedja powszechna», то становишься въ недоумѣніе, въ чемъ основаніе достовѣрности свѣдѣній о жизни и дѣятельности г. Григорьева, въ томъ ли, что объ немъ писали, можетъ быть неудовлетворительно и ошибочно, составители статей въ лексиконѣ Старчевскаго и въ Encyklopedja, или въ томъ, что вписалъ эти свѣдѣнія въ записку собственною рукою самъ г. Григорьевъ, который знаетъ о г. Григорьевѣ больше и основательнѣе, нежели какая бы то ни была статья, въ какомъ бы то ни было словарѣ. Заимствованіе свѣдѣній не критическое, не изъ надлежащихъ источниковъ можетъ имѣть иногда забавныя послѣдствія. На стр. 167, сказано о Ромуальдѣ Губе, что памятникомъ занятій по II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи осталось для Россіи дѣйствующее въ ней *Уголовное уложеніе*. Едва ли кто изъ юристовъ-практиковъ, если онъ не слыхалъ про Губе, догадается, что подъ названнымъ въ запискѣ памятникомъ разумѣется просто-на-просто Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое никогда въ нашей юридической литературѣ не называется «Уголовнымъ Уложеніемъ», названо же оно такимъ образомъ потому, что, какъ видно изъ цитаты 315, свѣдѣнія о Губе взяты цѣликомъ изъ *Encyklopedja powszechna*, въ которой уложеніе о наказаніяхъ названо Kodeks karny, что и перевелъ г. Григорьевъ дословно: уголовное уложеніе.

III.

Мелочи приведены мною единственно съ цѣлью указать, что даже механическая сторона труда въ составленіи записки далеко не можетъ считаться безукоризненною и аккуратною. Перехожу теперь къ предмету, который несравненно важнѣе и интереснѣе, къ сужденіямъ г. Григорьева о лицахъ и событіяхъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія въ пристрастіи, натяжкахъ, искаженіи содержанія записки, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ дать нѣкоторое понятіе о личности и взглядахъ автора.

Стр. 107. Студенты начала тридцатыхъ годовъ выходили изъ

университета съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія были имъ внушаемы подъ домашнимъ кровомъ. О тѣхъ же студентахъ на стр. 103: Треуголки, шпаги, ботфорты дерптскихъ студентовъ служили постояннымъ предметомъ зависти; а на стр. 104: Студенты оставляли университетъ съ весьма малымъ запасомъ свѣдѣній и еще меньшею любовью къ наукѣ.

С. 88. На каѳедру философіи вступилъ человѣкъ многосторонне образованный, именно такой, какой былъ нуженъ университету—А. А. Фишеръ, не берлинскій, а вѣнскій философъ, знакомившій слушателей по Канту съ философіею, не отуманивая головы. На страницѣ же 138, тотъ же Фишеръ, безъ указанной какой бы то ни было перемѣны въ направленіи, является поборникомъ подчиненія мысли, считающимъ умъ не болѣе, какъ за мѣрило отрицательное, признающее свое незнаніе.

Стр. 108. Авторъ записки признаетъ мѣрою безусловно благодѣтельною для университета освобожденіе университетовъ отъ завѣдыванія дѣлами учебнаго округа по уставу 1835 г., дававшее профессорамъ болѣе времени для ихъ ученыхъ занятій. Стр. 185 авторъ сожалѣетъ объ упраздненіи въ 1850 г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ и о столь же напрасномъ упраздненіи въ 1858 г. Главнаго педагогическаго института. Введеніе въ университетъ преподаванія строевого устава, артиллеріи и фортификаціи авторъ записки объясняетъ (122) тѣмъ, что многіе воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній поступили въ ряды защитниковъ отечества и успѣли уже отчасти отличиться, чтб хронологически невѣрно, такъ какъ открыть преподаваніе повелѣно еще въ 1854 г., то-есть въ самомъ началѣ восточной войны, когда еще никто не могъ отличиться. Авторъ отзывается дурно о весьма немногихъ изъ бывшихъ своихъ учителей или товарищей, о двухъ, трехъ не болѣе: о протоіереѣ Райковскомъ (132), о Касторскомъ (219) и о Грефе (прим. 120). Въ числѣ тѣхъ, которымъ на долю достались одни похвалы, на недосягаемой высотѣ поставленъ Сенковскій (74, 250), «дивный», «несравненный» профессоръ, геніальный человѣкъ, который способенъ былъ бы произвести въ арабской и оттоманской литературѣ точно такой же переворотъ, какой онъ произвелъ въ русской, — живая энциклопедія науки о Востокѣ. Авторъ записки превозноситъ Сенковскаго не только какъ оріенталиста, но и за его государственныя услуги по польскому вопросу — тѣ самыя услуги, за которыя онъ прослылъ ренегатомъ между своими соотечественниками. Перломъ, валяющимся въ сору, считаетъ авторъ мысль Сенковскаго, что польское дворян-

ство имѣетъ происхожденіе отличное отъ польскаго народа и есть остатокъ азіатскихъ ордъ, можетъ быть аваровъ VI вѣка (прим. 188). Замѣтимъ автору, что перлъ этотъ былъ поднятъ и разчищенъ, что имъ-то и прославился въ Парижѣ нѣкто Духинскій, съ своею теоріею о турецкомъ происхожденіи великоруссовъ. Теорія Сенковскаго и теорія Духинскаго двѣ одного поля ягоды. Обѣ онѣ бредни, пущенныя въ ходъ съ цѣлью политическою: пустивъ ихъ, обѣ литературы поквитались, и искренно жаль людей, которые бы пустились собирать этого рода маргариты. Авторъ не разрѣшаетъ вопроса, куда ушли эти громадныя дарованія, разсыпавшіяся по мелочамъ, исчезнувшія какъ фейерверкъ, и недоумѣваетъ, почему товарищи боялись Сенковскаго, почему его вліяніе ограничивалось даже между слушателями нѣсколькими единицами, почему его аудиторія—зеленѣющій фазисъ среди пустынь—оставалась безслѣдною и никто изъ обитателей пустынь въ нее не закочевывалъ (76), почему даже Плетневъ, не почтилъ выраженіемъ сухого сожалѣнія минуту, когда съ выходомъ Сенковскаго въ отставку въ 1848 году университетъ лишился *величайшей* изъ своихъ знаменитостей (251). Понятно, что при такомъ апотеозированіи Сенковскаго, авторъ записки не любитъ Бѣлинскаго, онъ и выражается иронически (226) объ «оракулѣ» начала сороковыхъ годовъ. Послѣ Сенковскаго всего больше почета оказано Неволину (113, 155) — знаменитѣйшій доселѣ изъ русскихъ юристовъ. Его энциклопедія обработана въ своей положительной части по источникамъ, бывшимъ частью неизвѣстными западной Европѣ (??). Его исторія гражданскихъ законовъ есть произведеніе образцовое и не имѣющее себѣ равнаго. Онъ далъ юридическимъ занятіямъ историческое направленіе и образовалъ цѣлую школу юристовъ, пошедшихъ по его слѣдамъ. Любопытно было-бы узнать, кто эти юристы и гдѣ элементы той исторической школы, которую создалъ Неволинъ? Школа предполагаетъ въ основателѣ извѣстную органическую идею, объемлющую весь предметъ изученія и методъ, по которому производится и основателемъ и учениками приложеніе этой идеи и ея разработка. Идей органическихъ о развитіи русскаго гражданскаго права у Неволина не было никакихъ. Онъ и не ставилъ себѣ никогда задачею объяснить въ логической послѣдовательности преемство формъ, рождающихся одна изъ другой по необходимымъ законамъ развитія и въ связи съ общимъ теченіемъ жизни русскаго народа. Его «Исторія» есть громаднѣйшій анатомическій неодушевленный аппаратъ. Для юриста-практика она даетъ нисколько небольше того матеріала, который содержится въ полномъ собраніи законовъ. Для юриста-теоретика

или историка она не болѣе какъ справочная книга. Она такъ и остается памятникомъ египетскаго труда, одинокою гранитною пирамидою. Подражать не будетъ потомство этой постройкѣ: оно будетъ строить жилыя зданія поменьше, но поуютнѣе, въ видѣ учебника Мейера, руководства Побѣдоносцева и др. На стр. 169, встрѣчается какое-то странное и не требующее по своей несообразности опроверженія извѣстіе о томъ, что В. С. Порошинъ пріобрѣлъ въ с.-петербургскомъ университетѣ точно такое же вліяніе, какое имѣлъ Грановскій въ московскомъ.—С. 225. Объ Устряловѣ узнаемъ мы, что неизмѣнно слышался въ немъ съ свѣтлымъ взглядомъ на прошлое *настоящій русскій* человѣкъ—(225), какъ будто-бы это качество было столь рѣдкое и какъ будто-бы его недоставало другимъ историкамъ Россіи, г. С. Соловьеву или «поэтической», какъ называетъ авторъ (227), личности Костомарова. Изъ живыхъ товарищей г. Григорьева всего болѣе превознесенъ И. И. Срезневскій, который, по словамъ записки, поставилъ имя свое на ряду (!) съ славнымъ именемъ Шафарика и пріобрѣлъ неоспоримое право считаться нынѣ, о-бокъ съ Палацкимъ, блистательнѣйшимъ свѣтиломъ на горизонтѣ славянской науки (248). Диссертація г. Владиславлева «о философіи Плотина» есть трудъ по исторіи философіи, какого еще не являлось у насъ (368). Книга Ѳ. Ѳ. Соколова «о древнѣйшей исторіи Сициліи»—есть трудъ по древней исторіи Запада, какого еще у насъ не бывало (370). Съѣздъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ былъ первымъ у насъ общерусскимъ научнымъ дѣломъ (418). Юбилей Ломоносова былъ первымъ у насъ чисто общественнымъ торжествомъ (въ какомъ отношеніи? не въ гастрономическомъ-ли, такъ какъ главнымъ образомъ онъ ознаменовался обѣдомъ?) (с. 376). Наконецъ (с. 321), послѣ положенія 19 февраля никакой законъ не обработывался такъ старательно, какъ университетскій уставъ 1863 (помилуйте, г. историкъ, а судебные-то уставы 20 ноября 1864 г.: университетскій выработанъ въ десятеро меньшимъ числомъ лицъ и потребовалъ въ десять разъ меньше труда), за то и вышелъ этотъ уставъ, по словамъ записки, однимъ изъ совершеннѣйшихъ у насъ произведеній законодательства. Какъ въ этомъ предложеніи, такъ конечно и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ видна, если не ошибаюсь, сноровка употреблять прилагательныя въ превосходной степени, и можетъ быть склонность къ амплификаціи, свойственная всякому слогу восточному. Я не коснулся ни разу въ моихъ замѣчаніяхъ восточнаго факультета, хотя исключительно этому факультету посвящено 60 страницъ въ запискѣ; некоснулся потому, что неспеціалисты лишены всякой возможности повѣрить, какой величины свѣтила вмѣщаетъ въ себѣ этотъ факультетъ и

долженъ на слово вѣрить оріенталистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ восточномъ факультетѣ есть знаменитости первостепенныя, но все-таки желательно было бы видѣть въ запискѣ если нерѣшеннымъ, то затронутымъ вопросъ, какое вліяніе на успѣхъ изученія Востока произвело перенесеніе изъ Казани и сосредоточеніе въ С.-Петербургѣ громадныхъ средствъ, коими обладаетъ факультетъ, и соотвѣтствуютъ ли предположеннымъ цѣлямъ достигаемые результаты. На с. 253 есть одно извѣстіе весьма, въ этомъ отношеніи, неутѣшительное. Оказывается, что когда въ С.-Петербургъ былъ приглашенъ знаменитый каирскій ученый арабъ Шейхъ Тантави, котораго славу разнесли по Европѣ его ученики французы, онъ не нашелъ въ С.-Петербургѣ слушателей (съ 1848 по 1858 г.), которые могли бы извлекать пользу изъ его преподаванія. Увидѣвъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ.

IV.

Если отдѣльныя сужденія о предметахъ и лицахъ запечатлѣны въ запискѣ отчасти восточнымъ колоритомъ, то разсказы о внутренней жизни университета и о случавшихся въ немъ переворотахъ носятъ характеръ можетъ быть средневѣковый, можетъ быть византійскій, но никакъ не современный, потому что всѣ событія и всѣ перемѣны объясняются постоянно не свойствами предмета изслѣдованія, не присущими ему законами его развитія, но чисто внѣшними причинами, которыя являются нежданно, какъ deus ex machina, возмущая покой, прерывая мирныя занятія наукою и производя тѣ или другія катастрофы. Исторіи нынѣ никто такъ не пишетъ. Никакая исторія не можетъ представляться произведеніемъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно — пассивное, тотъ человѣкъ, общество, учрежденіе или народъ, чьи судьбы изображаются, и другое — активное, внѣшнія случайныя событія, которыя безпрепятственно и неотразимо совершаютъ свою лѣпную работу. Нѣтъ возможности разсматривать университетъ самъ по себѣ, а русское общество XIX вѣка само по себѣ — безъ всякаго живого ихъ другъ на друга воздѣйствія, а этого-то взаимнодѣйствія живыхъ силъ именно и нѣтъ у г. Григорьева; оттого и катастрофы являются нежданно, негаданно, внезапно, какъ тать, пробирающійся въ чужіе хоромы въ полночь за добычею. Послѣдовательность внезапныхъ катастрофъ, изъ которыхъ слагается, по понятіямъ г. Григорьева, исторія судебъ университета, представляется въ запискѣ въ сущности въ слѣдующемъ видѣ.

Небо было пасмурное, его заволакивало громовыми тучами, когда С. С. Уваровъ второпяхъ открылъ университетъ. Громъ грянулъ, имя ему было Руничъ; онъ опалилъ новое учрежденіе и оторвалъ нѣсколько вѣтвей, но не положилъ конца его существованію, и совершилась такимъ образомъ катастрофа первая. Виноватъ, кто-бы вы думали? Іезуиты, хотя и изгнанные изъ Россіи до происшествія, но вскормившіе ядомъ своихъ доктринъ многихъ сановныхъ питомцевъ (с. 9, 33, 44). Оно и легче на душѣ, по крайней мѣрѣ не свои виноваты, не свои, а чужіе, остается только нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того, не были ли митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій тайные послѣдователи Лойолы, и нѣкоторое недоумѣніе насчетъ того, какими чарами и какимъ навожденіемъ злого духа могъ орденъ, неимѣющій все-таки корней въ Россіи, забрать такую силу надъ бѣдною русскою мыслью; весь же пріемъ, въ цѣломъ взятый, много теряетъ потому, что онъ есть вольное подражаніе въ иной формѣ знаменитому по своему успѣху пріему г. Каткова съ его всеобъясняющею польскою интригою.

Случилась февральская революція въ западной Европѣ (1848 г.). Она отразилась на университетѣ рядомъ строгихъ мѣръ, стѣснившихъ преподаваніе и выборное начало въ совѣтѣ, затруднившихъ пріемъ въ студенты. Случилась катастрофа вторая, которая свалилась—я въ этомъ совершенно согласенъ съ г. Григорьевымъ, какъ снѣгъ съ кровли на голову съ европейскаго Запада; но здѣсь-то именно всего умѣстнѣе было бы изобразить, какое могли въ сущности имѣть вліяніе на внутреннюю жизнь организма сжимающіе его наружные тиски, какъ сносливъ оказался организмъ въ годину испытаній, какъ бережливо хранилъ онъ священный огонь любви и уваженія къ наукѣ. Трудно было жить и дѣйствовать, но обновленіе съ силами было возможно, оно совершилось на яркой зарѣ новаго царствованія. Тогда-то и общество окружило университетъ любовью и сочувствіемъ, и начался блистательный періодъ существованія университета, который выразился цифрою полуторы тысячи постоянныхъ посѣтителей (с. 305), и котораго значеніе не отрицаетъ и г. Григорьевъ на с. 127. Желательно было бы знать, какъ держалъ себя совѣтъ въ тяжелые годы послѣ 1849 г. подъ благоразумнымъ началомъ своего опытнаго ректора Плетнева, служившаго эгидою университету и студентамъ, когда внѣ университетской полиціи явилась тяжелая въ обыкновенное время по уставу 1835 г. попечительская власть. Слѣдовало бы возстановить въ болѣе опредѣлительныхъ очертаніяхъ характеристическую фигуру суроваго сенатора, рѣзкаго и грубаго въ манерахъ, добряка душою, и дать

понятіе о патріархальности отношеній между попечителемъ, совѣтомъ и студентами, патріархальности, которая къ счастію безвозвратно миновала, но которая спасала во время óно отъ многихъ невзгодъ и непріятностей. Наконецъ, въ запискѣ совсѣмъ не обозначенъ переходъ отъ этого патріархальнаго режима къ управленію въ діаметрально противоположномъ духѣ князя Григорія Щербатова, къ его широкимъ планамъ преобразованія университета. Обходя многознаменательнымъ молчаніемъ дѣятельность кн. Щербатова, авторъ записки съ одной стороны пресѣкаетъ себѣ возможность объяснить смыслъ и мотивы устава 1863 г., въ основаніе котораго легли идеи университетской реформы, опредѣлившіяся именно при пересмотрѣ устава совѣтомъ, по предложенію князя Щербатова; съ другой стороны, авторъ теряетъ всякій ключъ къ уразумѣнію смутъ 1861 г., такъ какъ всѣ эти смуты имѣли свой корень въ недостаткахъ устава 1835 г., въ невозможныхъ въ 1858 г. отношеніяхъ между студентами и попечителемъ, основанныхъ на патріархальности, и въ попыткахъ пересоздать эти отношенія, предпринятыя впервые княземъ Щербатовымъ,— въ разрѣшеніи студентами корпоративной организаціи.

Опять просіяли небеса, опять ободрился университетъ, подготовлялся единый уставъ, единый духъ и правительства и совѣта и всѣхъ его членовъ въ усиліяхъ ихъ на пользу наукъ, какъ вдругъ осенью 1861 г. начались смуты и приключилась катастрофа третья (с. 127). И опять ставится роковой вопросъ: кто виноватъ; и опять новое появленіе dei ex machina. Виновата-молъ прежде всего литература, виноваты журналы да застольные спичи на торжественныхъ обѣдахъ (308); они-то распространяли пагубную философію, что цыплята умнѣе курицъ и дѣти заткнутъ за поясъ отцовъ. Виноватъ-молъ затѣмъ злодѣй Фицтумъ фонъ-Экштедтъ за свою любовь къ музыкѣ—онъ вѣдь первый затѣялъ въ 1847 публичные студентскіе концерты, за концертами пошелъ «Сборникъ», изданіе Сборника повело къ кассѣ, касса повела профессорскія чтенія въ пользу студентовъ; хлопоты по кассѣ, сборнику и лекціямъ повели къ тому, что студенты перестали твердить записки, работать и стали дѣлать сходки и вѣчевать. Въ этихъ хлопотахъ *«мельчало и принижалось нравственное и гражданское чувство въ студентахъ»* (с. 312), а вслѣдствіе этой деморализаціи они и начали бѣситься (такъ сказать, отъ жиру) и произвели извѣстный кавардакъ. Самой передряги г. Григорьевъ не описываетъ (онъ въ ней не участвовалъ), но совѣтуетъ обратиться желающимъ съ нею познакомиться «хронологически» къ весьма вѣрному и правдивому повѣствованію (risum teneatis amici!) къ «Панургову Стаду», роману г. Всеволода Крестовскаго (прил. 502).

Конечно, г. Григорьевъ воленъ въ выборѣ вожатыхъ,—одно только можно сказать, что ему, являющему собою подобіе университетскаго Данта при размѣщеніи отверженныхъ и блаженныхъ по разнымъ кругамъ университетскаго неба и преисподней, подобало избрать въ Виргиліи кого-нибудь посолиднѣе, а то, еслибы живъ былъ Конрадъ Лиліеншвагеръ, какъ издѣвался бы онъ надъ тѣмъ, что торжественная симфонія, начавшаяся съ andante, кончилась игривымъ финаломъ въ родѣ Оффенбаха, чѣмъ-то въ родѣ свистопляски, рука-объ-руку съ романистомъ «Русскаго Вѣстника», г. Всев. Крестовскимъ — онъ же и авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», а отнынѣ—источникъ для оффиціальныхъ историковъ петербургскаго университета.

Г. Григорьевъ можетъ быть какого угодно мнѣнія объ университетскихъ событіяхъ; жаль только, что къ этому мнѣнію подвѣшенъ авторитетъ юбилейной коммиссіи и университетскаго совѣта, въ которомъ большинство членовъ помнитъ очень хорошо 1861 годъ и знаетъ событія несравненно лучше г. Всеволода Крестовскаго. Г. Григорьеву я и не сталъ бы и отвѣчать, потому что имя его связано теперь неразрывно съ именемъ автора «Петербургскихъ Трущобъ»; но г. Григорьеву, какъ оффиціальному исторіографу отъ совѣта, я не могу отпустить его изложенія фактовъ и его выводовъ. Бываютъ положенія, въ которыхъ молчать грѣшно, потому что когда пройдетъ время и выбудутъ живые свидѣтели, всякое опроверженіе можетъ сдѣлаться, по запоздалости, напраснымъ; само молчаніе, въ минуту когда надо было спорить, превратится въ обстоятельство, подрывающее довѣріе къ запоздалому опроверженію. Вотъ почему я, послѣ зрѣлаго раздумья, рѣшился современемъ противопоставить разсказу г. Григорьева, по «источникамъ», мой разсказъ о происшествіяхъ 1861 г. по личнымъ воспоминаніямъ, и совершенно независимо отъ г. Всев. Крестовскаго; при этомъ я сохраню надежду, что мои бывшіе товарищи этого университета, къ которымъ я не могу питать иныхъ чувствъ кромѣ глубочайшаго уваженія, исправятъ въ моемъ разсказѣ неизбѣжныя порою неполноты и неточности.

В. Спасовичъ.

10 марта 1870 г.

НАШИ СРЕДСТВА

КЪ

НАРОДНОМУ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

По поводу бюджета министерства народ. просвѣщ. на 1870 годъ.

II*)

НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Всѣ наши народныя училища оффиціально подраздѣляются на двѣ отдѣльныя группы: къ первой, *низшей*, относятся училища, находящіяся въ городахъ и селахъ: приходскія, начальныя народныя и вообще школы грамотности, дающія самое элементарное образованіе; ко второй, же *высшей*, всѣ, такъ-называемыя, училища уѣздныя, имѣющія болѣе расширенную программу, и занимающія среднее мѣсто между элементарными школами и гимназіями.

Училища второй группы, по первоначальной цѣли ихъ учрежденія служить разсадниками образованія для средняго городского населенія, существуютъ исключительно въ однихъ только городахъ и, по своему особенному въ теперешнее время положенію, заслуживаютъ болѣе,

---

*) См. выше, янв. 388 стр.—Въ предисловіи къ первой статьѣ, по первому изданію журнала, на стр. 388, вкралась ошибка, которая впрочемъ, по своей очевидности, могла быть легко замѣчена и исправлена каждымъ, а именно: при 70-милліонномъ населеніи Россіи, сумма въ 10 милліоновъ, удѣляемая бюджетомъ на народное просвѣщеніе, даетъ среднимъ числомъ не 7 рублей, а всего около пятиалтыннаго на просвѣщеніе одного человѣка.

чѣмъ когда-нибудь, вниманія въ томъ именно отношеніи, что *всѣ они признаются положительно несоотвѣтствующими первоначальному своему назначенію.* Главнѣйшая причина такого ихъ положенія, по словамъ отчета министерства народнаго просвѣщенія, заключается въ сдѣланной еще при самомъ ихъ учрежденіи ошибкѣ въ учебномъ ихъ планѣ, который, будучи одинаковъ въ училищахъ всѣхъ городовъ, несмотря на различіе мѣстныхъ условій, въ однихъ превышаетъ потребности населенія въ образованіи, въ другихъ же недостаточно удовлетворяетъ имъ [1]). На этомъ основаніи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже предприняты предварительныя работы къ преобразованію этого рода училищъ въ такъ-называемыя *профессіональныя* школы, въ которыхъ обученіе предметамъ общаго образованія соединилось бы съ обученіемъ нѣкоторымъ спеціальностямъ, различнымъ, смотря по различнымъ мѣстностямъ.

Такая коренная реформа всѣхъ уѣздныхъ училищъ, представляя сама по себѣ особенную въ настоящее время важность, заставляетъ обратить на нихъ бо́льшее вниманіе въ томъ отношеніи, что училища этого рода до сего времени были главнѣйшими и почти единственными среднеобразовательными заведеніями для огромнаго населенія нашихъ уѣздныхъ городовъ: изъ общаго числа 418 уѣздныхъ училищъ почти $^5/_6$ существуютъ въ уѣздныхъ городахъ, изъ чего видно, что масса этихъ школъ разсѣяна по имперіи далеко равномѣрнѣе, чѣмъ напр. наши гимназіи [2]).

Содержаніе этихъ училищъ въ 1867 г. обошлось казнѣ свыше 1 мил. р., что составляетъ почти $^1/_7$ долю всего годового бюджета министерства народнаго просвѣщенія или же почти $^1/_5$ долю той суммы изъ этого бюджета, какая причиталась на содержаніе всѣхъ наименованій училищъ, всѣхъ гимназій и университетовъ. По числу наличныхъ въ 1867 г. уѣздныхъ училищъ, содержаніе каждаго обошлось круглымъ числомъ до 2,500 р.

Насколько велико образовательное значеніе этого рода училищъ собственно по отношенію къ среднему городскому населенію, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что общее число учащихся въ нихъ, среднимъ числомъ не выше 25,000, распредѣляется по сословіямъ такъ,

---

[1]) Болѣе $^1/_{10}$ всѣхъ нынѣ существующихъ уѣздныхъ училищъ открыты еще въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, преимущественно въ царствованіе Екатерины II; почти $^1/_2$—въ первой четверти настоящаго столѣтія, и только остальныя училища получили свое существованіе въ послѣднія 45 лѣтъ.

[2]) Во всѣхъ учебныхъ округахъ Европейской Россіи (за исключеніемъ варшавскаго и кавказкаго) насчитывается до 335 уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городовъ и 49 губернскихъ и областныхъ; населенность всѣхъ этихъ 484 городовъ простирается свыше 6 мил. обоего пола, составляя такимъ образомъ только $^1/_9$ сельскаго населенія всѣхъ 49 губерній и областей, входящихъ въ составъ учебныхъ округовъ.

что число дѣтей дворянъ и чиновниковъ относится къ числу учащихся изъ прочихъ сословій какъ 7 къ 17, тогда какъ тѣ же сословные элементы для нашихъ гимназій составляютъ отношеніе обратное, именно какъ 7 къ 3. Что же касается общаго числа учащихся въ этихъ училищахъ, то, принявъ въ соображеніе самое число училищъ, изъ которыхъ большая часть имѣетъ трехлѣтній учебный курсъ, крайняя малочисленность въ нихъ учениковъ представляетъ весьма поразительное явленіе, ничѣмъ, конечно, инымъ не объяснимое, какъ только явнымъ *анахронизмомъ* ихъ внутренней жизни, далеко не отвѣчающей условіямъ и требованіямъ времени. И дѣйствительно, изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія нѣсколькихъ лѣтъ можно убѣдиться, что число учащихся въ училищахъ этого рода уменьшается изъ года въ годъ [1]), и что изъ училищъ этихъ ежегодно выбываетъ *до* окончанія курса болѣе 33% всего числа учащихся, тогда какъ процентъ оканчивающихъ въ нихъ курсъ не превышаетъ вообще 10. Нужно замѣтить однако, что хотя процентъ этотъ нѣсколько и выше по сравненію съ нашими гимназіями, но это обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ оканчиваютъ курсъ исключительно дѣти дворянъ и чиновниковъ, побуждаясь къ тому не желаніемъ получить мало-мальски законченное образованіе, чего училища въ нынѣшнемъ ихъ положеніи не могутъ и давать, а единственно въ виду тѣхъ служебныхъ правъ, которыя предоставлены окончившимъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. И это, по словамъ самого министерства народнаго просвѣщенія, едва ли не единственная польза, какую доставляетъ ученіе въ этихъ заведеніяхъ. Затѣмъ, существуютъ, между прочимъ, и такія уѣздныя училища, въ которыхъ нѣсколько лѣтъ сряду вовсе не бываетъ выпуска окончившихъ курсъ, и вообще число оканчивающихъ курсъ такъ незначительно, что оно почти на 10% менѣе всего числа преподавателей и служащихъ въ этихъ училищахъ (до 2,750 служащихъ); если же сравнить число всѣхъ учащихся съ служебнымъ персоналомъ, то оказывается, что на каждыхъ 9 учениковъ приходится по одному служащему; но въ частности, отношеніе это измѣняется до такой степени, что въ нѣкоторыхъ училищахъ число учащихся немногимъ превышаетъ число учащихъ.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ и то обстоятельство, что каждое уѣздное училище, при педагогическомъ персоналѣ въ составѣ 5—6 лицъ, независимо отъ того или другого числа учащихся, имѣетъ особаго «смотрителя училищъ уѣзда», хотя нынѣ дѣйствующимъ «По-

---

[1]) Такъ по отчету за 1867 г. число всѣхъ учащихся было до 24,400, тогда какъ 5 лѣтъ тому назадъ въ нихъ считалось до 26,000, т.-е. было болѣе на 1,600. Фактъ замѣчательный, при постоянно усиливающемся у насъ стремленіи къ ученію.

ложеніемъ 1864 года о народныхъ училищахъ» всѣ находящіяся въ уѣздѣ училища уже не подлежатъ непосредственному вѣдѣнію «смотрителя училищъ», а между тѣмъ содержаніе свыше 400 этихъ чиновниковъ обходится казнѣ ежегодно 180,000 р. [1]).

Такимъ образомъ, если сопоставить эти данныя съ общимъ расходомъ казны на содержаніе нашихъ уѣздныхъ училищъ, окажется, что каждый обучающійся въ этихъ училищахъ обходится казнѣ ежегодно свыше 40 р., а слѣдовательно каждый оканчивающій въ нихъ 3-хъ-лѣтній курсъ (при самой элементарной программѣ) свыше [2]) 1,200 р., расходъ, который трудно назвать вполнѣ продуктивнымъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ личное содержаніе служебнаго училищнаго персонала все-таки едва ли можно признать болѣе или менѣе обезпечивающимъ ихъ существованіе. Изъ общей суммы (свыше 1 мил. р.) стоимости содержанія всѣхъ уѣздныхъ училищъ на служебный персоналъ упадаетъ въ сложности до 800,000 р., что составляетъ около 300 р. на каждаго служащаго въ уѣздномъ училищѣ.

Какъ ни велика, повидимому, приводимая нами цифра стоимости годового содержанія уѣздныхъ училищъ, не нужно однакоже забывать, что въ дѣйствительности она значительно еще выше: поддержка казенныхъ зданій, въ которыхъ большая часть (болѣе $^2/_3$) этихъ училищъ помѣщается, очевидно, не можетъ дешево обходиться казнѣ; кромѣ того, въ годовой бюджетъ ихъ не входятъ пенсіи, пособія, награды и проч., и наконецъ, училища эти имѣютъ свои собственныя (спеціальныя) средства, какъ-то: сборъ за ученіе, ежегодныя пожертвованія почетныхъ смотрителей (въ сложности до 90,000 р.) и проч., всѣ эти побочные расходы въ бюджетъ училищъ не входятъ.

При столь очевидномъ, болѣе чѣмъ ненормальномъ положеніи огромной серіи этого рода казенныхъ учебныхъ заведеній, разсѣянныхъ почти по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, скорѣйшее коренное преобразованіе ихъ представляется дѣломъ «неотложной надобности», обусловливаемой столько же интересами развитія образованія въ городскомъ населеніи (свыше 6 мил. обоего пола), въ особенности же отдаленныхъ и небогатыхъ уѣздныхъ городовъ, сколько и интересами государственной казны.

Достойно особеннаго вниманія, что коренная реформа этихъ училищъ признавалась министерствомъ народнаго просвѣщенія настоятельно необходимою далеко еще и прежде сего. Такъ, лѣтъ 10 тому

---

[1]) При большей части уѣздныхъ училищъ состоятъ еще такъ-называемые почетные смотрители безъ жалованья, съ правами службы и съ обязанностію ежегоднаго въ пользу училища взноса, вообще отъ 100 до 300 р.

[2]) Не нужно забывать, что изъ каждыхъ 10 учащихся только *одинъ* достигаетъ окончанія курса.

назадъ, министерствомъ было уже предполагаемо, также какъ и теперь, вмѣсто всѣхъ уѣздныхъ училищъ, устроить, смотря по мѣстнымъ условіямъ, учебныя заведенія двухъ родовъ: тамъ, гдѣ большинство городского населенія найдетъ достаточнымъ ограничиться болѣе элементарнымъ образованіемъ, уѣздныя училища предполагалось преобразовать въ высшія приходскія съ курсомъ, примѣненнымъ къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ; въ тѣхъ же городахъ, гдѣ преобладающая часть населенія нуждается въ высшемъ или гимназическомъ образованіи, вмѣсто нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ учредить прогимназіи или же гимназіи, число которыхъ еще тогда признавалось необходимымъ увеличить, такъ какъ низшіе классы гимназій чрезмѣрно были переполнены учащимися, а между тѣмъ потребность въ гимназическомъ образованіи постоянно уменьшалась. Независимо отъ этого имѣлось тогда же въ виду нѣкоторыя уѣздныя училища преобразовать въ учительскія семинаріи или особыя школы для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ, или, по крайней мѣрѣ, устроить для нихъ съ этою цѣлью педагогическія отдѣленія.

Такимъ образомъ оказывается, что «направленіе» министерства народнаго просвѣщенія въ вопросѣ о преобразованіи уѣздныхъ училищъ съ тѣхъ поръ пребываетъ неизмѣннымъ, а такъ какъ уже 10 лѣтъ тому назадъ оно обладало тѣми данными, на основаніи которыхъ коренная реформа этихъ училищъ представлялась еще въ ту пору безотлагательно необходимою, то позволительно наконецъ надѣяться, что предпринятыя въ послѣднее время министерствомъ предварительныя работы по преобразованію свыше 400 уѣздныхъ училищъ не замедлятъ придти къ желаемому концу. Впрочемъ, начало этому преобразованію уже положено тѣмъ, что преподаванію въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ приданъ болѣе или менѣе практическій характеръ, именно: въ 5 — 6 уѣздныхъ училищахъ введено обученіе употребительнѣйшимъ ремесламъ, затѣмъ, въ нѣсколькихъ училищахъ разрѣшены дополнительные (къ учебному плану по уставу 1828 г.) курсы, и наконецъ, нѣкоторыя изъ уѣздныхъ училищъ преобразованы въ гимназіи, исключительно при содѣйствіи мѣстныхъ обществъ или земства [1]).

Столь медленный однако ходъ дѣла не можетъ не привести къ той весьма естественной въ этомъ случаѣ мысли, что въ коренной реформѣ уѣздныхъ училищъ, по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, признается необходимость соблюсти нѣкоторую постепенность. Если это

---

[1]) Въ томъ числѣ: Корочанское уѣздное училище (Кур. губ.) въ прогимназію и Вяземское (Москов. губ.) въ гимназію, оба на счетъ мѣстнаго земства; училище въ Керчи—въ гимназію, на счетъ мѣстнаго общества, и уѣздное училище въ *Якутскѣ* въ классическую (?!) прогимназію, съ пособіемъ отъ мѣстныхъ жителей.

дѣйствительно такъ, то, очевидно, что на это медленное преобразованіе столь огромнаго числа издавна существующихъ училищъ можетъ потребоваться еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, а между тѣмъ отчужденіе и, стало быть, недовѣріе къ теперешнимъ казеннымъ училищамъ все-таки возврастаетъ.

Что всякая медленность въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ преобразованіе 400 училищъ, стоющихъ казнѣ ежегодно болѣе 1 мил. р. и притомъ давно уже всѣми признанныхъ вполнѣ несостоятельными, съ одной стороны несовмѣстна съ интересами государственной казны, а съ другой неминуемо должна отражаться въ высшей степени неблаготворно на развитіи просвѣщенія большей части городского населенія, для котораго училища этого рода и были учреждены, то объ этомъ, собственно говоря, не должно бы быть и рѣчи. Всѣ приведенные нами факты говорятъ сами за себя, и оспаривать необходимость скорѣйшаго приведенія въ дѣйствіе предположенія о реформѣ этихъ училищъ, значило бы сомнѣваться даже и въ томъ, что 2,600 ежегодныхъ аттестатовъ, выдаваемыхъ теперешними уѣздными училищами ихъ ученикамъ за получаемыя въ нихъ свѣдѣнія (а кто же не знаетъ—каковы эти свѣдѣнія) не могутъ и не должны обходиться казнѣ по милліону руб. въ годъ!

Какъ бы то ни было, но на лицо такой фактъ: издавна существуетъ въ Россіи болѣе 400 училищъ, преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ училища эти суть единственныя образовательныя заведенія; при 2,700 преподавателяхъ, при 3-хъ-классномъ курсѣ ученія, училища эти, кромѣ находящихся въ многолюдныхъ губернскихъ городахъ, почти пусты; цѣлый рядъ министерскихъ отчетовъ заявляетъ, что училища эти «ни по составу учебнаго курса, ни по характеру преподаванія, ни по сроку учебнаго времени» не соотвѣтствуютъ своему назначенію, и несмотря на все это, такого рода училища, вообще говоря, остаются statu quo цѣлые десятки лѣтъ, и государственная казна, едва успѣвающая удовлетворять самыя насущныя потребности огромнаго строя громаднаго въ мірѣ государства, продолжаетъ затрачивать на ихъ содержаніе ежегодно громадную сумму. Очевидно, что для оправданія существованія столь серьезнаго факта должны быть и причины весьма серьезныя.

По нашему крайнему разумѣнію, фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ только однимъ—крайнимъ недостаткомъ потребныхъ для реформы этихъ училищъ наставниковъ. Въ этомъ случаѣ медленное преобразованіе отжившихъ свой вѣкъ уѣздныхъ училищъ можетъ протянуться еще не немалое время, потому что, какой бы системы училища ни придерживались, какое бы направленіе въ нихъ ни проводилось, чѣмъ бы реформаторъ учебной части ни руководствовался,

безъ спеціальнаго приготовленія учителей всякая реформа этихъ училищъ, по меньшей мѣрѣ, немыслима.

Ранѣе было замѣчено, что всѣ наши уѣздныя училища по мѣстностямъ распредѣлены гораздо равномѣрнѣе сравнительно съ гимназіями и прогимназіями. Замѣчаніе это можетъ считаться до нѣкоторой степени правильнымъ лишь въ томъ отношеніи, что первыя изъ этихъ учебныхъ заведеній, какъ существующія преимущественно въ уѣздныхъ городахъ, и по значительному ихъ числу стоятъ вообще ближе другъ отъ друга въ каждой губерніи каждаго учебнаго округа, нежели гимназіи (гимназій — 139, уѣздныхъ училищъ до 440). Въ частности же по каждому округу отдѣльно, уѣздныя училища представляютъ въ свою очередь не меньшую, чѣмъ и гимназіи, неравномѣрность какъ въ отношеніи населенности различныхъ округовъ и отдѣльныхъ мѣстностей, такъ и по средней стоимости ихъ содержанія [1]).

Изъ приведенныхъ въ выноскѣ данныхъ можно, между прочимъ, видѣть, что число уѣздныхъ училищъ всѣхъ городовъ, входящихъ въ районъ, напр., кіевскаго учебнаго округа (5 губерній съ городскимъ населеніемъ не выше 790,000 жителей) менѣе на 11 противъ московскаго округа, а между тѣмъ содержаніе всѣхъ 84-хъ училищъ московскаго округа, съ городскимъ населеніемъ въ 1,140,000 жителей, стоитъ казнѣ на 13,000 р. менѣе. Кромѣ того, приведенная таблица указываетъ на нѣкоторую несоразмѣрность самого числа этихъ училищъ въ различныхъ округахъ по отношенію къ числу входящихъ въ ихъ районы городовъ; такъ, напр., въ томъ же опять московскомъ учебномъ округѣ разность между числомъ городскихъ (уѣздныхъ) училищъ и числомъ городовъ составляетъ 35, тогда какъ для кіевскаго и харьковскаго округовъ эта разность составляетъ 14 — 15, а для дерптскаго только 6. Наконецъ необходимо замѣтить, что во многихъ сравнительно болѣе населенныхъ уѣздныхъ городахъ, какъ напр. въ Старой Русѣ (10,000 жителей), Златоустѣ (до 15,000 жит.), Дубовкѣ (12,000 жит.) и друг., до сего времени вовсе нѣтъ училищъ даже съ такимъ ограниченнымъ учебнымъ курсомъ, каковъ курсъ нашихъ уѣздныхъ училищъ, несмотря на то, что всѣ такіе города, составляя

1)

Учебные округи.	Число губерній.	Число городовъ.	Населенность городовъ округа.	Число уѣздныхъ училищъ.	Стоимость содержанія.
Въ Московскомъ	9	119	1,142,000	84	до 203,000 р.
„ Казанскомъ	11	99	935,000	81	„ 195,000 „
„ Петербургскомъ	6	58	844,000	43	„ 110,000 „
„ Одесскомъ	4	52	814,000	32	„ 90,000 „
„ Кіевскомъ	5	77	790,000	63	„ 216,000 „
„ Харьковскомъ	5	73	720,000	58	„ 136,000 „
„ Виленскомъ	6	80	610,000	42	„ 112,000 „
„ Дерптскомъ	3	26	210,000	20	„ 41,000 „

извѣстнаго рода административные пункты, безъ сомнѣнія, не могутъ не имѣть потребности въ учебныхъ заведеніяхъ съ курсомъ выше школъ грамотности; между тѣмъ какъ во многихъ другихъ городахъ, далеко съ меньшимъ населеніемъ, существуютъ издавна казенныя уѣздныя училища, какъ напр. въ Новомъ Осколѣ (съ 1812 г.) Вольмарѣ, Лемзалѣ, Верро и др., въ которыхъ городское населеніе не выше 1,500 обоего пола. Средняя стоимость содержанія этого рода училищъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, также оказывается вообще неодинакова; такъ, каждое училище въ кіевскомъ округѣ обходится казнѣ около 3,500 р., тогда какъ училище сосѣдняго округа, харьковскаго, только въ 2,300 р., московскаго и казанскаго въ 2,400 р., а въ дерптскомъ округѣ по 2,000 р.

Настоящій бюджетъ всѣхъ уѣздныхъ и равныхъ имъ училищъ (до 445) восходитъ до 1,140,000 р., изъ которыхъ почти 77% приходится на содержаніе служебнаго персонала, въ составѣ 2,779 лицъ начальствующихъ и учащихъ, остальные 23% имѣютъ назначеніе на хозяйственные расходы этихъ училищъ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію бюджета всѣхъ прочихъ низшихъ училищъ, приходскихъ, сельскихъ, народныхъ и проч., распредѣленнаго между всѣми частями Россіи съ самою крайнею неравномѣрностію, мы считаемъ необходимымъ предварительно коснуться тѣсно связаннаго съ размѣрами этого бюджета вопроса о томъ, какъ велики были до сихъ поръ наши усилія, попытки и заботы о поднятіи уровня въ тѣсномъ смыслѣ слова народнаго образованія, на которое, какъ уже видѣли, удѣляется съ небольшимъ 5% изъ всего годового бюджета министерства народнаго просвѣщенія, то-есть далеко менѣе стоимости содержанія самой администраціи просвѣщенія народа.

Если уже суждено у насъ какому-либо изъ цѣлаго ряда вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общественное значеніе, оставаться постоянно *новымъ*, несмотря на положительную его старость, то это именно вопросу о систематическомъ приготовленіи учителей для нашихъ низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Впервые вопросъ этотъ является у насъ еще въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда Екатерина II задумала учредить городскія школы по всей Россіи: въ губернскихъ городахъ *главныя народныя училища*, а въ уѣздахъ — *малыя*. Въ 1782 году, по этому поводу вызванъ былъ изъ Австріи директоръ темешварскихъ училищъ Янковичъ-де-Миріево, какъ опытный педагогъ, «знающій россійскій языкъ и нашъ православный законъ исповѣдающій», которому и было поручено (подъ вѣдѣніемъ особой коммисіи) устроить школы первоначально въ одномъ Петербургѣ, какъ сказано въ указѣ о томъ: «начавъ именно съ той школы, которая въ первой части города» (нынѣ 2-я гимна-

зія), и съ этою цѣлью повелѣно было «истребовать для этого заведанія отъ разныхъ школъ нужное число учителей, дабы они подъ руководствомъ Янковича въ образѣ ученія наставлены быть могли» [1]. Первыми кандидатами - педагогами Янковича явились 35 отборныхъ учениковъ, взятыхъ изъ петербургской семинаріи и московской духовной академіи, которые по надлежащемъ наставленіи «въ образѣ ученія» и были первоучителями въ открытыхъ тогда въ нашей столицѣ «малыхъ» народныхъ училищахъ. Вслѣдъ за тѣмъ для удовлетворенія потребности въ учителяхъ провинціальныхъ школъ здѣсь учреждено было главное народное училище, и при немъ, независимо отъ числа учащихся, содержались до 100 казенныхъ воспитанниковъ, взятыхъ изъ духовныхъ семинарій, воинскихъ командъ и изъ добровольно пожелавшихъ посвятить себя учительской службѣ. Но вскорѣ потомъ, именно 4 года спустя, оказалось необходимымъ приготовленіе наставниковъ для главныхъ народныхъ училищъ спеціализировать особо отъ образованія учителей для малыхъ училищъ, для чего въ здѣшней столицѣ учреждена была, въ 1786 г., особая учительская *семинарія*, подъ начальствомъ того же Янковича, въ которую и перенесенъ помянутый комплектъ 100 казенныхъ воспитанниковъ, съ цѣлію приготовленія ихъ уже исключительно учителями въ одни главныя народныя училища (преобразованныя впослѣдствіи въ гимназіи); приготовленіе же учителей для малыхъ народныхъ училищъ уставъ 1786 г. возложилъ на обязанность всѣхъ главныхъ народныхъ училищъ [2]). Замѣчательно, что существованіе этой первой у насъ учительской семинаріи, несмотря на быстрые ея успѣхи въ первые годы, было весьма кратковременное: въ докладѣ перваго нашего министра просвѣщенія графа Завадовскаго (въ 1803 г., т.-е. спустя только 15 лѣтъ) мы встрѣчаемъ, между прочимъ, уже такую аттестацію объ этомъ педагогическомъ заведеніи, что «*по малому вниманію къ учебной части*, оно до того оскудѣло, что не находилось въ немъ *ни одного воспитанника*, приготовленнаго наукою къ занятію учительскаго мѣста» [3]). Какъ бы то ни было, въ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній министерства просвѣщенія семинарія эта, безъ сомнѣнія, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ собственно въ томъ отношеніи, что она послужила основаніемъ педагогическому институту (1804 г.), преобразованному впослѣдствіи въ столичный университетъ.

---

[1]) № 16,507 тома XXI Полн. Собр. Зак.

[2]) Кромѣ общихъ предметовъ курса нынѣшнихъ училищъ уѣздныхъ, въ учебный курсъ главныхъ народныхъ училищъ входили общія основанія естественной исторіи, физики, механики и архитектуры, и сверхъ того, начала языковъ латинскаго и одного изъ новѣйшихъ.

[3]) Всепод. доклад. Мин. Нар. Просв. 20 мая 1803 г. (Сбор. Пост. т. I, 1864 г. стр. 186).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько эта учительская семинарія, въ новомъ своемъ званіи педагогическаго института сослужила свою службу въ дѣлѣ народнаго образованія вообще, прослѣдимъ въ историческомъ порядкѣ дальнѣйшее развитіе вопроса о приготовленіи учителей собственно для народныхъ училищъ. Одновременно съ преобразованіемъ учительской семинаріи въ педагогическій институтъ (1804 г.), имѣвшій первоначально исключительною цѣлію приготовлять учителей для гимназій, уставомъ послѣднихъ возложено было на обязанность гимназій, сверхъ обыкновеннаго преподаванія наукъ, приготовлять къ учительской должности *желающихъ* быть учителями въ преобразованныхъ тогда изъ *малыхъ* народныхъ училищъ *уѣздныхъ*, *приходскихъ* и другихъ. Но такъ какъ опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ, что такихъ желающихъ являлось постоянно самое ничтожное число вслѣдствіе укоренившагося тогда общаго нерасположенія къ учебной службѣ, то пришлось прибѣгнуть къ извѣстному средству вербовать охотниковъ изъ бѣдняковъ выдачею имъ учительскихъ стипендій [1]). Въ 1815 году, по мысли гр. Разумовскаго, разрѣшено было сначала при каждой изъ гимназій московскаго, а потомъ и въ прочихъ учебныхъ округахъ, содержать на жалованьи, отъ 100 до 200 р., нѣсколько такихъ учениковъ, которые изъявятъ желаніе по окончаніи курса поступать въ учителя училищъ. Какъ ни вѣрна была сама по себѣ эта искусственная мѣра и какъ ни казались заманчивыми эти стипендіи для многихъ бѣдняковъ, несмотря на то корпусъ учителей оставался все-таки весьма слабъ, и большинство народныхъ училищъ по-часту оставалось или вовсе безъ учителей, или же съ учителями самоучками, такъ что одинъ изъ оффиціальныхъ документовъ того времени положительно свидѣтельствуетъ, что по выбытіи учителей изъ училищъ въ нихъ прерывается ученіе до пріисканія новыхъ, и заведенія этого рода существуютъ на то время едва-ли только не номинально. Тогда вторично было признано необходимымъ устроить, на болѣе широкихъ началахъ, особое заведеніе, съ исключительною цѣлію приготовленія учителей собственно для низшихъ училищъ. Заведеніе это явилось, по плану петербургскаго попечителя Уварова, въ формѣ II отдѣленія при главномъ педагогическомъ институтѣ, и комплектъ (на первый разъ 30 челов.) этого отдѣленія, какъ и 1-го, былъ составленъ казенными учениками духовныхъ семинарій. Указывая на многоразличныя причины недостатка въ учителяхъ, которыя впрочемъ всѣ сводятся къ одной главнѣйшей, самому

---

[1]) Къ этой же мѣрѣ въ послѣднее время вынуждены были прибѣгнуть по отношенію къ нашимъ университетамъ, когда замѣтили, что всѣ филологическіе въ нихъ факультеты почти что опустѣли. Извѣстно, что только поступающіе на эти факультеты могутъ получать степендіи прямо съ *перваго* курса.

жалкому въ то время въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи положенію школьныхъ учителей, тогдашній министръ князь Голицынъ высказалъ, между прочимъ, такого рода убѣжденіе, что въ то время когда у насъ вообще болѣе ощутится необходимость порядочнаго ученія и возрастетъ вкусъ къ нему, тогда предположенная въ уставѣ (1804 г.) среднихъ учебныхъ заведеній мѣра относительно приготовленія нашими гимназіями учителей для училищъ, можетъ быть и будетъ достаточна, но что до наступленія этой счастливой эпохи въ народномъ просвѣщеніи необходимо, при содѣйствіи всѣхъ наличныхъ къ тому способовъ, непремѣнно изыскать еще новый, т.-е. учредить спеціальное для того заведеніе. Существовавшій тогда (болѣе 50 л. назадъ) въ министерствѣ взглядъ на цѣлую систему образованія воспитателей юношества во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ на круговую въ этомъ отношеніи поруку, намъ кажется настолько и для нашего времени не безъинтереснымъ, что мы рѣшаемся дословно привести слѣдующее мѣсто изъ всеподданнѣйшаго доклада 25 октября 1817 г.: «извѣстно и неоспоримо, что низшія народныя училища служатъ основаніемъ народнаго образованія и тѣмъ необходимѣе, что предметъ обученія въ оныхъ долженъ необходимо простираться на самыя обширнѣйшія состоянія народа, распространять между оными истинное просвѣщеніе, развивать первоначальныя способности и открывать путь дарованіямъ къ употребленію ихъ на пользу во всякомъ родѣ познаній. По сему самому и въ общей системѣ нашего народнаго просвѣщенія, училища таковыя состоятъ въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями. Слѣдовательно, хорошія народныя училища способствуютъ къ цвѣтущему состоянію гимназій, приготовляя имъ способныхъ учениковъ и учителей въ достаточномъ всегда числѣ. Гимназіи тѣмъ же самымъ служатъ университетамъ, а отъ сихъ могутъ пріобрѣтать и Академіи мужей съ талантами и основательными познаніями. Такимъ образомъ, низшія народныя училища, яко первоначальные разсадники просвѣщенія, должны необходимо предохранены быть отъ конечнаго разстройства». Къ сожалѣнію, столь широко-просвѣщенный взглядъ на дѣло, а равно и самое существованіе института для приготовленія начальныхъ учителей, не были однако долговѣчны: съ воцареніемъ въ 1822 г. взглядовъ темныхъ ревнителей лицемѣрнаго благочестія [1]) учительскіе институты оказались *не нужными*. Между тѣмъ, еще до закрытія этого института, появились почти одновременно въ двухъ университетскихъ городахъ западной Россіи двѣ особыя семинаріи, съ исключительнымъ назначеніемъ приготовленія учителей для мѣстныхъ народныхъ училищъ: именно въ Вильнѣ

[1]) Руничъ, Магницкій и ихъ покровители, которымъ исторія еще не вполнѣ воздала по заслугамъ.

(1819 г.) и въ Дерптѣ (1820 г.) [1]. Первая изъ нихъ была открыта на 20 воспитанниковъ и содержалась на счетъ такъ-называемаго общаго эдукаціоннаго фундуша виленскаго учебнаго округа, съ назначеніемъ по штату 3,000 р. въ годъ. Какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ того времени, заведеніе это, возникшее при обстоятельствахъ случайныхъ и просуществовавшее только до 1831 г., не имѣло даже мѣстнаго значенія, такъ какъ почти всѣ воспитанники этой семинаріи или переходили въ виленскій университетъ, или же поступали въ другое званіе; собственно же въ учителя народныхъ училищъ была выпущена самая незначительная часть учениковъ семинаріи за всѣ 11 лѣтъ ея существованія. Независимо отъ этого, самое учрежденіе виленской учительской семинаріи представляетъ не безъинтересный фактъ въ исторіи народнаго просвѣщенія западнаго края по слѣдующему обстоятельству. Ходатайствуя объ учрежденіи этой семинаріи, виленскій университетъ имѣлъ въ виду составленную еще при польскомъ правительствѣ съ католическимъ духовенствомъ конвенцію, въ силу которой оно обязывалось содержать при каждой церкви по одному народному училищу. Заводя у себя разсадникъ учителей для этихъ будущихъ училищъ, университетъ полагалъ тѣмъ самымъ побудить духовенство къ скорѣйшему исполненію возложенной на него конвенціею обязанности. А такъ какъ настоятели продолжали уклоняться отъ учрежденія училищъ, то университетъ въ 1829 году заключилъ съ виленскимъ епископомъ новый конкордатъ, по которому возлагалось на духовенство подвѣдомой ему епархіи, состоящей изъ южной части Виленской и всей Гродненской губерніи, устроить и содержать на свой счетъ 265 народныхъ училищъ. Но и этотъ конкордатъ, не получившій окончательнаго утвержденія, не былъ исполненъ, да и надобности въ томъ уже не предстояло, такъ какъ въ это время послѣдовало уже распоряженіе правительства объ окончательномъ изъятіи изъ рукъ католическаго духовенства всѣхъ народныхъ училищъ въ томъ краѣ. Вскорѣ затѣмъ и самая семинарія была закрыта, именно одновременно съ виленскимъ университетомъ, при которомъ она и существовала.

Вторая семинарія начальныхъ учителей, дерптская, существуетъ и въ настоящее время, и слѣдуя неуклонно своей цѣли, безспорно имѣла немаловажное значеніе для Остзейскаго края, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромные размѣры. Она учреждена только на 10 воспитанниковъ, съ двухлѣтнимъ курсомъ ученія по слѣдующимъ предметамъ: а) законъ Божій: катихизисъ, священная и церковная

[1] Въ 1820 году утвержденъ первоначальный уставъ дерптской семинаріи, открытіе же ея послѣдовало спустя 8 лѣтъ по утвержденіи устава; нынѣшній уставъ ея утвержденъ въ 1861 году.

исторія и объясненіе св. писанія, б) педагогика, в) русскій и нѣмецкій языки, съ обозрѣніемъ словесности обоихъ, г) географія Россіи въ соединеніи съ ея исторіею на русскомъ языкѣ, д) всеобщая географія и исторія, е) ариѳметика, и затѣмъ искусства: рисованіе, музыка, пѣніе и чистописаніе. Кромѣ того семинаристы практически упражняются въ ботаникѣ и садоводствѣ и, по желанію, допускаются къ слушанію университетскихъ курсовъ сельскаго хозяйства, физики и технологіи. Пріемъ въ семинарію молодыхъ людей всѣхъ званій обусловленъ предварительными знаніями курса двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ и возрастомъ не моложе 17 лѣтъ. Служебный персоналъ семинаріи состоитъ всего изъ 4 лицъ: 3-хъ учителей наукъ (изъ нихъ одинъ въ тоже время и инспекторъ) и учителя музыки и пѣнія; для практическаго ознакомленія съ лучшими способами начальнаго обученія при семинаріи состоитъ начальное училище, помѣщающееся въ домѣ дерптскаго общества призрѣнія бѣдныхъ. Воспитанники имѣютъ общій столъ съ инспекторомъ семинаріи и его семействомъ; квартиру получаютъ безплатно; гардеробъ же и всѣ учебныя пособія имѣютъ на собственный счетъ; по окончаніи курса они обязаны прослужить въ учительскомъ званіи не менѣе 6-ти лѣтъ, по назначенію учебнаго начальства. Годовое содержаніе этой семинаріи, помѣщающейся въ казенномъ домѣ вмѣстѣ съ школой для бѣдныхъ дѣтей, въ настоящее время обходится казнѣ до 4,400 р., распредѣленныхъ по главнымъ предметамъ расходовъ слѣдующимъ образомъ:

а) на жалованье 4 учителямъ (трое изъ нихъ помѣщаются въ самой семинаріи). . . . . 2,058 р.

б) на уплату за ученіе, производящуюся отдѣльно по частямъ. . . . . 300 р.

в) на содержаніе семинаристовъ. . . . . 1,302 р.

г) на отопленіе, освѣщеніе, содержаніе прислуги, канцелярскіе матеріалы, ремонтъ дома и прочіе хозяйственные расходы . . . . 733 р.

Насколько эта не обширная, по учебному плану и матеріальнымъ средствамъ, семинарія во все время своего непрерывнаго существованія принесла остзейскому краю существенной пользы, доказательствомъ тому лучше всего можетъ служить позднѣйшее оффиціальное свидѣтельство (въ 1864 г.) самого министерства просвѣщенія о томъ, что, благодаря этой семинаріи, начальныя училища Дерптскаго округа имѣютъ рѣшительное преимущество предъ подобными же училищами имперіи, по основательности преподаванія и по нравственному вліянію на мѣстное народонаселеніе; что семинарія эта со времени своего учрежденія (1828 г.) приготовила до 175 воспитанниковъ и въ числѣ ихъ до 162 изъ *крестьянскаго* и мѣщанскаго сословій, которые, за исключеніемъ 15 выбывшихъ по разнымъ обстоятельствамъ, всѣ посту-

пили на дѣйствительную службу учителями начальныхъ училищъ и полезною своею дѣятельностію вполнѣ доказали цѣлесообразность заведенія, которому они обязаны своимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, еще 6 лѣтъ тому назадъ министерство народнаго просвѣщенія само находило, что подобный опытъ говоритъ ясно въ пользу учрежденія учительскихъ семинарій и въ другихъ мѣстностяхъ обширной Россіи, какъ единственнаго средства достигнуть того, чтобы наши народныя училища приносили всю ожидаемую отъ нихъ пользу.

Обращаясь затѣмъ къ финансовой сторонѣ вопроса, слѣдуетъ замѣтить, что дерптская семинарія народныхъ учителей можетъ служить осязательнымъ, такъ-сказать, доказательствомъ того, что, не задаваясь, при самомъ началѣ, слишкомъ широкими размѣрами при учрежденіи подобнаго рода настоятельно-потребныхъ у насъ заведеній, при раціональномъ веденіи дѣла можно достигнуть благотворныхъ результатовъ даже и съ такими ограниченными матеріальными средствами, какими располагала дерптская учительская семинарія во все время своего существованія. Первоначальный ея штатъ съ 1828 по 1843 г. не восходилъ и до 2,000 р. въ годъ; затѣмъ, съ 1843 по 1861 г. затраты на нее казны простирались до 2,700 р. ежегодно, съ 1861 г. отпускалось по 3,208 р. и наконецъ въ настоящее время по 4,400 р. Такимъ образомъ, если сопоставить общее число выпущенныхъ изъ семинаріи (съ 1828 по 1864 г.) съ стоимостію содержанія этой семинаріи за все это время, то окажется, что приготовленіе каждаго народнаго учителя, обязаннаго прослужить въ этой должности не менѣе 6 лѣтъ, обошлось казнѣ до 550 р., т.-е. около 93 руб. за каждый годъ службы, расходъ, который, по крайней его умѣренности, нельзя не признать вполнѣ производительнымъ для дѣла народнаго просвѣщенія, особенно же если принять при этомъ въ соображеніе ту непреложную истину, что всякая хорошая школа плодитъ новыхъ дѣятелей для школы же.

Одновременно съ открытіемъ дерптской учительской семинаріи, въ концѣ 1828 г., императоръ Николай повелѣлъ учредить въ Петербургѣ особое заведеніе (на 100 воспитанниковъ) подъ названіемъ Главнаго Педагогическаго Института (сверхъ существовавшихъ тогда студентскихъ отдѣленій при университетахъ, собственно для приготовленія профессоровъ и учителей гимназій [1]). Мѣра эта имѣетъ близкую связь съ нашимъ вопросомъ—о приготовленіи учителей для училищъ,—въ томъ, во 1-хъ, отношеніи, что, въ силу одного изъ §§ устава этого новаго института, всѣ изъ его воспитанниковъ, которые, по окончаніи предварительнаго курса, не окажутъ достаточныхъ способ-

[1] Комплектъ этотъ, какъ и прежде, былъ наполненъ одними казенными воспитанниками духовныхъ семинарій.

ностей сдѣлаться современемъ профессорами или учителями гимназій, должны были занимать мѣста учителей низшихъ училищъ, и во 2-хъ, что, по недостатку учителей собственно для уѣздныхъ училищъ, вскорѣ затѣмъ (въ 1838 г.) было признано необходимымъ при этомъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учредить особое отдѣленіе (въ 30 челов.), съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ ученія, съ цѣлію приготовленія исключительно учителей для училищъ. На содержаніе этого отдѣленія особыхъ суммъ не было назначено и всѣ расходы по немъ упадали на однѣ экономическія суммы Главнаго Педагогическаго Института; поэтому, какъ только эти экономическія суммы потребовались на другія нужды института, то само собою должно было прекратиться и существованіе этого отдѣленія. Фактъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, не замедлилъ совершиться: въ первый же годъ (1837) управленія Главнымъ Педагогическомъ Институтомъ извѣстнаго въ свое время профессора Ив. Ив. Давыдова, отдѣленіе низшихъ учителей было закрыто по собственной инціативѣ. Такимъ образомъ, Главный Педагогическій Институтъ во все остальное время своей дѣятельности (до 1858 г.) могъ доставлять училищамъ только тѣхъ изъ своихъ питомцевъ, которые, по малымъ способностямъ или другимъ какимъ-либо причинамъ, не могли удовлетворять условіямъ званія профессора или учителя гимназіи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Главный Педагогическій Институтъ, въ теченіе всей своей тридцатилѣтней педагогической дѣятельности (съ 1828 по 1858 г.) успѣлъ доставить нашимъ учебнымъ заведеніямъ всего 681 наставника; въ томъ числѣ 42 въ высшія, 377 въ среднія и 262 *въ низшія*, т.-е. въ уѣздныя и приходскія училища [1]). А такъ какъ, по штату 30 сентября 1828 г., на содержаніе института отпускалось по 207,400 рублей ежегодно (кромѣ суммъ на отопленіе), что составитъ въ теченіе 30 лѣтъ 6.222,000 р., то, предположивъ стоимость приготовленія 262-хъ учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ maximum около 800,000 р., что составитъ на каждаго изъ нихъ по 3,000 руб., оказывается, что на долю остальныхъ 419 наставниковъ причитается до $5^1/_2$ милліоновъ, т.-е. около 13,000 р. расходовъ государственной казны на приготовленіе каждаго наставника. Нужно замѣтить при этомъ, что въ настоящій разсчетъ не входитъ весьма немалый итогъ за 30 лѣтъ всѣхъ другихъ, не штатныхъ по отношенію сего института, расходовъ, какъ-то: расходовъ по командировкамъ за границу, выдачамъ третного жалованья и прогонныхъ денегъ при опредѣленіи кандидатовъ-педагоговъ на службу, издержекъ по капитальнымъ поправкамъ казеннаго зданія и проч. Въ 1834 г., т.-е. 4 года спустя по закрытіи семинаріи начальныхъ учителей въ Вильнѣ, по соображеніямъ чисто политическаго свойства,

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. часть XXXIV, стр. 613.

признано было необходимымъ учредить такую же семинарію въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ (бывшемъ виленскомъ) при витебской гимназіи. При учрежденіи ея имѣлось въ виду скорѣйшее приготовленіе знающихъ русскій языкъ учителей [1]) для тѣхъ народныхъ училищъ, которыя устраивались тогда взамѣнъ бывшихъ духовныхъ, а также для предположенныхъ къ открытію вновь при всѣхъ тамошнихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ въ видѣ приготовительныхъ классовъ. Комплектъ этой семинаріи былъ 30 казенныхъ воспитанниковъ, съ содержаніемъ по 3,300 р. въ годъ, на счетъ доходовъ съ имѣній отъ упраздненныхъ католическихъ монастырей. По первоначальному учебному плану; въ составъ котораго, между прочимъ, входили предметы: практическая механика, общія понятія о гражданскихъ постановленіяхъ, уставъ благочинія, о правахъ разныхъ сословій и т. д. и по обширности готовыхъ уже образовательныхъ средствъ [2]), семинарія эта могла бы современемъ имѣть не одно только мѣстное значеніе. Между тѣмъ, просуществовавъ только около 4 лѣтъ, въ дѣйствительности она не имѣла въ своемъ устройствѣ почти ничего спеціальнаго, приспособленнаго къ цѣли ея учрежденія: учебный планъ спеціальныхъ предметовъ оставался безъ выполненія потому, что подъ рукой не оказалось лицъ, способныхъ принять на себя преподаваніе тѣхъ предметовъ, и все отличіе семинаристовъ отъ прочихъ учениковъ гимназіи состояло только въ томъ, что они знакомились съ ланкастерскимъ методомъ обученія и учились музыкѣ и пѣнію, такъ что, въ сущности, учрежденіе это составляло какъ бы пансіонъ при гимназіи. Впрочемъ, ближайшая цѣль учрежденія витебской семинаріи была достигнута въ короткое время: въ теченіи 4 лѣтъ она снабдила учителями 62 вновь открытыя и преобразованныя изъ прежнихъ духовныхъ училища, т.-е. слишкомъ двойнымъ своимъ комплектомъ. Затѣмъ, при повсемѣстномъ введеніи преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ того края и на основаніи заявленія мѣстнаго начальства о томъ, что и безъ этой семинаріи, при многочисленности и бѣдности шляхты, многіе изъ нихъ, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, *рады найти себѣ* пропитаніе даже и въ званіи народныхъ учителей, дальнѣйшее существованіе витебской семинаріи признано было не нужнымъ и съ разрѣшенія министра просвѣщенія князя Ширинскаго-Шахматова она была закрыта въ концѣ 1839 г. [3]).

---

[1]) Въ то время русскій языкъ только начиналъ водворяться въ учебныхъ заведеніяхъ 9 западныхъ губерній.

[2]) Въ семинарію перенесена была изъ виленскаго университета коллекція моделей и машинъ.

[3]) Насколько тогдашній уровень первоначальнаго образованія въ западномъ краѣ, не высокій самъ по себѣ, все-таки стоялъ значительно выше въ сравненіи съ прочими округами Россіи, можно судить по отчетамъ министерства просвѣщенія за то

Въ такомъ положеніи вопросъ о приготовленіи учителей для народныхъ училищъ оставался до 1860 г., когда, въ ряду всякаго рода проектовъ по преобразованію учрежденій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, былъ составленъ обширный проектъ учрежденія у насъ нѣсколькихъ учительскихъ семинарій. Какъ извѣстно, по этому поводу и съ исключительною цѣлію ознакомленія съ устройствомъ заграничныхъ, въ особенности нѣмецкихъ, учительскихъ семинарій, отправлены были за границу тогда же нѣсколько нашихъ лучшихъ педагоговъ, и результатомъ всѣхъ предварительныхъ по этому вопросу работъ было то, что министерство народнаго просвѣщенія еще въ 1862—3 годахъ положительно высказывалось въ пользу учрежденія у насъ значительнаго числа особыхъ семинарій, собственно для приготовленія учителей въ народныя училища. Въ дѣйствительности же мысли этой не суждено до сихъ поръ осуществиться въ фактѣ: съ того времени министерство народнаго просвѣщенія ограничивалось одними лишь отдѣльными попытками, и средствъ его доставало на приготовленіе народныхъ учителей для училищъ только западной полосы Россіи.

Слѣдуя въ дальнѣйшемъ развитіи этого вопроса историческому порядку, упомянемъ здѣсь и объ единовременныхъ затратахъ казны (въ 1863 г.) въ 6,125 р. для приготовленія благонадежныхъ народныхъ учителей для училищъ только двухъ изъ западныхъ учебныхъ округовъ, кіевскаго и виленскаго, по 3,062 р. на каждый округъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году учреждено нѣсколько учительскихъ семинарій въ царствѣ польскомъ и одна въ виленскомъ учебномъ округѣ, для образованія учителей исключительно для народныхъ училищъ въ этихъ краяхъ [1]). Такъ какъ учительская семинарія виленскаго учебнаго округа (въ мѣстечкѣ Молодечнѣ Виленской губерніи) учреждена въ размѣрахъ болѣе широкихъ сравнительно съ дерптской, и къ тому же она послужила образцомъ для открытой впослѣдствіи еще одной учительской семинаріи (въ кіевскомъ округѣ), то мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ какъ относительно учебнаго плана, такъ и финансовыхъ средствъ этой образцовой у насъ семинаріи народныхъ учителей.

время (30 лѣтъ назадъ): въ московскомъ округѣ, самомъ богатомъ тогда по числу приходскихъ училищъ, ихъ насчитывалось 180 на 10,800 т. жит., или 1 училище на 60 т. жит., въ бѣлорусскомъ же показано 160 на 4,630 т. жит., т.-е. 1 школа менѣе чѣмъ на 30 т. жит. Къ этому надо прибавить, что въ населеніи бѣлорусскаго округа находилось тогда до ½ мил. евреевъ, имѣвшихъ свои собственныя многочисленныя школы.

[1]) Еще ранѣе, именно въ 1862 г. учреждена въ широкихъ размѣрахъ особая учительская семинарія въ Финляндіи, но и о ней мы не имѣемъ никакихъ опубликованныхъ свѣдѣній; о варшавскихъ же семинаріяхъ скажемъ ниже.

Необходимость учрежденія въ сѣверо-западномъ краѣ учительской русской семинаріи вытекла изъ соображеній чисто политическаго свойства. Министерство народнаго просвѣщенія видѣло тогда въ такой семинаріи одно изъ орудій противодѣйствія вліянію польской національности и справедливо признавало учрежденіе ея ничѣмъ въ этомъ отношеніи незамѣнимымъ. Основанная на началахъ чисто русской народности, она, по мысли министерства народнаго просвѣщенія, должна была служить самымъ сильнымъ оплотомъ правительства, проведеніемъ въ своихъ питомцахъ (исключительно православнаго исповѣданія) сочувствіе ко всему русскому, и объединяла бы ихъ съ общимъ нашимъ отечествомъ. При этомъ имѣлось въ виду то весьма важное обстоятельство, что, воспитанные въ духѣ народности, питомцы этой семинаріи получатъ такимъ образомъ возможность сообщить образованію края направленіе, оживленное духомъ народности и вѣрное началу православія. Уже тогда министерство народнаго просвѣщенія положительно убѣдилось опытомъ, что одно наше духовенство не въ состояніи достигнуть этой цѣли, потому что, отвлекаемое своими прямыми обязанностями, оно не можетъ принять на себя и выполнить въ цѣлости всей задачи народнаго воспитанія, а равно и потому, что для вполнѣ успѣшной дѣятельности въ обученіи народа необходимо особое приготовленіе, котораго наше духовенство не получаетъ. Оставляя за сельскими священниками одно лишь блюстительство за народными школами и обученіе въ нихъ закону Божію, министерство весь дѣйствительный успѣхъ ученія въ народныхъ школахъ обусловливало необходимостью имѣть въ такихъ школахъ особо приготовленныхъ народныхъ учителей, какъ помощниковъ законоучителей.

Въ видахъ скорѣйшаго приготовленія народныхъ учителей, учебный курсъ молодечнянской семинаріи первоначально былъ принятъ, по примѣру дерптской—двухлѣтній и заключалъ въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для народнаго учителя; служебный же персоналъ состоялъ изъ 4-хъ наставниковъ (изъ нихъ одинъ управляющій семинаріею), вполнѣ знакомыхъ съ педагогическими методами и способныхъ учить нѣсколькимъ предметамъ. Столь ограниченный составъ преподавателей, при комплектѣ казенныхъ стипендіатовъ въ 60 человѣкъ, допущенъ былъ, кромѣ соображеній экономическихъ, еще и потому, что министерство признавало дѣломъ не легкимъ отыскать даже и четырехъ такихъ наставниковъ. Хотя министерство народнаго просвѣщенія и находило тогда, что такихъ учителей можно приготовить въ достаточномъ числѣ, оговорившись при этомъ, что *все же нужно ихъ приготовить*, а между тѣмъ открытіе молодечнянской семинаріи, по важности ея для Россіи, признавалось дѣломъ не терпящимъ ни малѣйшаго отлагательства. На содержаніе этой семинаріи потребовалось по 11,280 р. въ годъ, а такъ какъ она устроена взамѣнъ упразд-

женной въ Молодечнѣ прогимназіи, на которую шло ежегодно по 5,025 р., то слѣдовательно новаго расхода казны потребовалось только съ небольшимъ 6,000 р. Семинарія эта—заведеніе открытое, и при ней состоитъ особое народное училище собственно для практическихъ занятій воспитанниковъ. Размѣръ казенныхъ стипендій семинаристамъ ограниченъ 80 р., при томъ условіи, что они обязаны жить по три и болѣе человѣкъ въ наемныхъ квартирахъ у частныхъ лицъ, извѣстныхъ начальству семинаріи по своей благонадежности. Въ семинарію принимаются молодые люди не выше 17-ти-лѣтняго возраста, съ свѣдѣніями курса двухклассныхъ народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа, весьма близко подходящаго къ курсу нашихъ уѣздныхъ училищъ. Предметы преподаванія въ семинаріи слѣдующіе: законъ Божій, методика, русскій и славянскій языки, ариѳметика, главныя основанія геометріи, землемѣріе, линейное черченіе, русская исторія, краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія, главныя основанія естественной исторіи, чистописаніе и пѣніе. Семинаристы освобождаются на все время пребыванія своего въ заведеніи отъ лежащихъ на нихъ повинностей, кромѣ рекрутской, впредь до изданія по сему предмету общаго постановленія [1]). Обязательный срокъ службы за стипендіи не менѣе 4-хъ лѣтъ. Молодечнянская семинарія выпустила въ первый разъ въ 1866 г.—13 народныхъ учителей и во второй разъ, т.-е. въ 1867 г.—24. Реализируя стоимость приготовленія этихъ учителей, оказывается, что каждый выпускной учитель 1-го выпуска обошелся казнѣ въ 1,600 р., и второго около — 950 р. Если же принять въ соображеніе, что при двухлѣтнемъ курсѣ ученія, нормальный ежегодный выпускъ учителей долженъ быть не менѣе 30, то приготовленіе каждаго народнаго учителя будетъ стоить казнѣ 376 р., что составляетъ менѣе 100 р. за каждый годъ обязательной 4-хъ-лѣтней службы.

Въ послѣднее время, какъ намъ извѣстно, въ этой семинаріи введено обученіе еще нѣкоторымъ ремесламъ, какъ-то: столярному, переплетному, мебельному производству, плетенію корзинъ и проч. Къ 1868 году общее число семинаристовъ доходило до 70, благодаря нѣсколькимъ частнымъ стипендіямъ, учрежденнымъ на пожертвованныя суммы [2]).

---

[1]) По слухамъ, министерство народнаго просвѣщенія въ послѣднее время вошло уже въ государственный совѣтъ съ представленіемъ новаго проекта штатовъ и устава молодечнянской учительской семинаріи, въ которомъ, между прочимъ, ходатайствуетъ и объ освобожденіи отъ рекрутской повинности учителей народныхъ училищъ изъ воспитанниковъ этой семинаріи, за все время пребыванія ихъ на службѣ министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) Въ томъ числѣ одна стипендія имени графа Муравьева на пожертвованную крестьянами Слуцкаго уѣзда (Минской губерніи), сумму 1,700 р.; двѣ стипендіи имени

Исчисленная министерствомъ народнаго просвѣщенія на текущій годъ сумма на ея содержаніе 11,214 р., распредѣлена слѣдующимъ образомъ: содержаніе—

а) Управляющаго (1,470 р.), законоучителя (900 р.), двухъ наставниковъ (1,764 р.), учителя народнаго училища (450 р.), учителя пѣнія и фельдшера (по 100 р.)—всего 4,784 р.

б) На 60 стипендій (по 80 р.) 4,800 р.

в) На библіотеку (100 р.), учебныя пособія для стипендіатовъ (300), награды окончившимъ курсъ воспитанникамъ (100 р.) и на лекарство (100 р.)—всего 600 р.

и г) На содержаніе дома, отопленіе, освѣщеніе, плату служителямъ и проч. расходы 1,030 р.

Таковы въ общихъ чертахъ начала устройства и содержанія этой семинаріи, учрежденной въ Молодечнѣ, какъ въ мѣстности, населенной преимущественно православными и потому представляющей болѣе средствъ для выбора учительскихъ кандидатовъ.

Какъ уже сказано выше, къ тому же времени (1864 г.) относится основаніе нѣсколькихъ учительскихъ семинарій народныхъ учителей въ теперешнемъ варшавскомъ учебномъ округѣ. Такихъ семинарій подъ названіемъ педагогическихъ курсовъ въ настоящее время существуетъ тамъ до 7-ми, а именно въ слѣдующихъ учебныхъ дирекціяхъ: 2—въ Варшавской и по одному въ Радомской, Плоцкой и Сувалкской и грекоуніатскіе педагогическіе курсы въ городахъ Холмѣ и Бѣлѣ. Содержаніе всѣхъ этихъ курсовъ обходится казнѣ свыше 70,000 р., т.-е. среднимъ числомъ по 10,000 р. на каждые курсы. Изъ общей суммы (70,000 р.) приходится на служебный персоналъ (40 челов.) свыше 60%, затѣмъ на стипендіи до 27%, и остальные до 13% — на учебно-хозяйственные расходы по содержанію этихъ курсовъ.

Въ ряду принятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣръ къ образованію народныхъ учителей для училищъ собственно внутреннихъ учебныхъ округовъ имперіи, главное мѣсто занимаетъ учрежденіе (1865 г.) 5-ти педагогическихъ курсовъ, сначала въ видѣ опыта, при одномъ изъ уѣздныхъ училищъ каждаго изъ 5-ти учебныхъ округовъ: петербургскаго, московскаго, казанскаго, харьковскаго и одесскаго [1]),

---

генерала фонъ-Кауфмана на пожертвованныя чиновниками сѣверо-западнаго края 3,300 р.; двѣ стипендіи подъ названіемъ «ревнителей народнаго образованія въ западномъ краѣ», на пожертвованные чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ 427 р. и на собранные военнымъ начальникомъ Ошмянскаго уѣзда (Вилен. губер.) 2,774 р. и др.

[1]) Мѣру эту министерство народнаго просвѣщенія признало тогда же временною, обусловленною положеніемъ государственнаго казначейства и съ своей стороны предполагало, по мѣрѣ возможности, учредить учительскія семинаріи, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой губерніи, для того, чтобы вновь учрежденные тогда училищные

а потомъ съ 1866 г., такіе педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей учреждены при уѣздныхъ училищахъ учебныхъ округовъ: с.-петербургскаго — Андреевскомъ 2-мъ классномъ приходскомъ [1]) и вологодскомъ уѣздномъ; московскаго—Смоленскомъ и Владимірскомъ; харьковскаго — Харьковскомъ и Курскомъ; казанскаго—Саратовскомъ и Пермскомъ, и одесскаго—Одесскомъ и Кишеневскомъ 1-мъ; сверхъ того такіе же курсы при Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ Херсонской губерніи.На содержаніе каждыхъ изъ этихъ 11-ти педагогическихъ курсовъ идетъ изъ казны по 4,695 р., т.-е. 51,645 р.

Изъ отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1867 г. видно, что къ 1868 г. во всѣхъ этихъ курсахъ состояло кандидатовъ-педагоговъ до 365 челов.; но какъ великъ ежегодный выпускъ изъ нихъ въ учителя народныхъ училищъ внутреннихъ губерній — отчетъ не даетъ объ этомъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, если предположить даже, что курсы эти выпускаютъ ежегодно половину полнаго комплекта, то и тогда мы имѣемъ только 180 новыхъ въ годъ учителей для народныхъ училищъ такихъ учебныхъ округовъ, гдѣ одно только сельское населеніе простирается до 40 мил. обоего пола, т.-е. одинъ выпускной народный учитель почти на 225,000 жит. сельскаго населенія; тогда какъ одновременно съ тѣмъ во всѣхъ педагогическихъ курсахъ для образованія учителей народныхъ училищъ одного варшавскаго учебнаго округа, при городскомъ и сельскомъ населеніи въ $5\frac{1}{2}$ мил. состояло на лицо (къ 1868 г.) до 260 кандидатовъ [2]); слѣдовательно, здѣсь приходится 1 выпускной учитель только на 42,000 жителей.

Еще нѣсколько ранѣе учрежденія педагогическихъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ, для приготовленія народныхъ учителей, во внутреннихъ учебныхъ округахъ, министерство народнаго просвѣщенія сочло необходимымъ принять по этому предмету частныя мѣры.

Такъ въ 1862 г. была учреждена временная педагогическая школа при кіевскомъ университетѣ, исключительно для приготовленія учителей въ народныя училища юго-западныхъ губерній; затѣмъ съ того

совѣты имѣли возможность получать изъ нихъ хорошо приготовленныхъ учителей для народныхъ училищъ.

[1]) При этихъ именно курсахъ петербургское губернское земское собраніе постановило (въ засѣданіи 3-го декабря 1869 г.), содержать 20 стипендій для приготовленія народныхъ учителей. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ этомъ именно засѣданіи однимъ изъ гласныхъ заявленъ весьма знаменательный фактъ существованія во многихъ волостяхъ Гдовскаго уѣзда значительнаго числа мірскихъ приговоровъ о полной готовности крестьянъ давать на школы по 10 к. съ души,—если только въ ихъ школахъ будутъ настоящіе учителя, а не священники (№ 336 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1869 года).

[2]) Въ томъ числѣ: въ русскихъ для греко-уніатскаго населенія 97 учениковъ, а польскихъ—91 учен., въ литовскихъ педагогическихъ курсахъ 41 учен. и въ нѣмецкихъ—30 учениковъ.

же года назначается постоянно по 3,000 р. на образованіе народныхъ учителей для казанскаго учебнаго округа, и наконецъ, тогда же было назначено единовременно въ распоряженіе начальства московскаго учебнаго округа 6,000 р. для приготовленія учителей народныхъ школъ того округа.

Если ко всему сказанному здѣсь прибавить, что въ минувшемъ году министерство учредило еще одну учительскую семинарію въ кіевскомъ учебномъ округѣ, по образцу Молодечнянской (т.-е. съ ежегоднымъ расходомъ казны въ 11,214 р.), то затѣмъ, мы будемъ имѣть почти полную картину всѣхъ жертвъ и затратъ государственной казны на дѣло образованія учителей для народа, — этого вѣрнаго и главнѣйшаго вкладчика той же государственной казны.

Прибавимъ къ этому, что въ настоящее время министерство народнаго просвѣщенія вновь проектируетъ учредить учительскія семинаріи по одной въ каждомъ учебномъ округѣ (за исключеніемъ варшавскаго, дерптскаго, виленскаго и кіевскаго, въ которыхъ уже существуютъ такія заведенія), съ разсчетомъ ежегоднаго выпуска народныхъ учителей по 20 челов. изъ каждой семинаріи [1]). На содержаніе этихъ проектируемыхъ семинарій министерство народнаго просвѣщенія исчисляетъ свыше 24,000 р. на каждую. Но такъ какъ учрежденіе этихъ семинарій во всякомъ случаѣ есть еще вопросъ будущаго, а мы видѣли, что въ недавнемъ прошедшемъ министерство уже не разъ проектировало устройство нѣсколькихъ такихъ семинарій, то, не входя въ разборъ достоинства этихъ новыхъ проектовъ штата и учебнаго плана будущихъ (весьма впрочемъ дорогихъ по проекту) семинарій, замѣтимъ здѣсь пока одно только то, что въ виду открыто сознаваемаго самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія факта — крайне

---

[1]) Журн. Министер. Нар. Просв. 1869 г. ч. 1. CXL III.

Невольно при этомъ возникаетъ вопросъ, на чемъ же основывается тотъ или другой разсчетъ м—ва относительно комплекта будущихъ народныхъ учителей? Почему именно признается достаточнымъ такой ежегодный контингентъ для пополненія корпуса народныхъ учителей, ни болѣе ни менѣе? Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ (да и само м—во нар. просв. также) точныхъ свѣдѣній не только о числѣ учащихся и учащихъ во всѣхъ нашихъ народныхъ школахъ вѣдомства м—ва нар. просв., но даже и о числѣ этихъ школъ. Но вотъ на какомъ разсчетѣ существуютъ (въ 1865 г.) до 70 учительскихъ народныхъ семинарій въ Пруссіи. Тамъ дознано опытомъ, что потребность въ замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ народныхъ учителей составляетъ въ сложности ежегодно около 4 на 100, а такъ какъ въ Пруссіи находится свыше 25 т. первоначальныхъ школъ, почти съ такимъ же числомъ учителей, то и семинаріи устроены тамъ въ такомъ числѣ, что могутъ выпускать ежегодно до 1,000 воспитан. Хотя весьма трудно предположить, чтобы тотъ же самый разсчетъ былъ приложенъ въ этомъ случаѣ и къ нашимъ народнымъ училищамъ, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что лучше попридержаться какого-либо чужого разсчета, нежели дѣйствовать ощупью, опираясь на русское: «авось будетъ достаточно на всю Русь и 7—8 учительскихъ семинарій, полагая комплектъ каждой, для однообразія, въ 60 стипендіатовъ».

слабаго распространенія у нас грамотности даже въ самыхъ главныхъ центрахъ просвѣщенія (въ С.-Петербургѣ почти половина жителей безграмотныхъ), въ виду искренняго заявленія его о томъ, что принимавшіяся въ теченіи болѣе $1\frac{1}{2}$ столѣтія правительствомъ мѣры къ развитію начальнаго народнаго образованія не приносили до сихъ поръ желаемыхъ результатовъ [1]), мы убѣждены въ той несомнѣнной истинѣ, что въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь является настоятельная необходимость раціональнаго устройства у насъ цѣлой сѣти недорогихъ, какъ дерптская, учительскихъ семинарій для образованія учителей изъ народа и для того народа, на счетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ котораго существуетъ, между прочимъ, и само министерство народнаго просвѣщенія, которое еще 5 лѣтъ тому назадъ неоднократно высказывало печатно тѣ истины, что безъ хорошаго учителя не можетъ быть и хорошей школы, что ученіе въ рукахъ неискуснаго учителя, при всей его доброй волѣ, дѣлается нерѣдко орудіемъ вреднымъ и всегда почти болѣе или менѣе безплоднымъ, что наконецъ однѣ только попытки и полумѣры въ дѣлѣ приготовленія народныхъ учителей, имѣющія большею частію характеръ мѣстный и вызываемый обстоятельствами случайными и, безъ сомнѣнія, скоро преходящими, не сопровождаются вообще говоря, желаемымъ успѣхомъ. Съ другой стороны, трудно признать вполнѣ согласнымъ съ строгою справедливостію постоянное стремленіе удѣлять всѣ лучшія силы и средства для приготовленія народныхъ учителей однимъ только губерніямъ остзейскимъ, сѣверо и юго-западнымъ, да привислинскому краю, оставляя на долю всей остальной Россіи, т.-е. главной массѣ, лишь меньшія средства на способы для приготовленія народныхъ учителей далеко менѣе совершенные, чѣмъ раціонально устроенныя въ значительномъ числѣ учительскія семинаріи [2]).

---

[1]) Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ 1862—4 гг. Изд. 1865 г. стр. 206.

[2]) Въ Пруссіи одна учительская семинарія приходится на 265 т. жителей. Если придержаться этого разсчета для Россіи, то для того только, чтобы сравниться въ этомъ отношеніи съ сосѣдомъ, намъ привелось бы открыть не 4—7 или 10 такихъ семинарій, а около 300. Но и Пруссія, конечно, далека еще до идеала народнаго образованія. Вотъ какія данныя встрѣчаются въ № 21 «Всемірнаго Путешественника» за прошлый годъ, относительно бюджета народнаго образованія въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Училищный бюджетъ этого штата, съ населеніемъ около 4 мил., за 1868 г. доходилъ до 14 мил. р. с. Изъ нихъ истрачено на содержаніе учителей и учительницъ 7.430,000 р. (болѣе 50%), на книги для учениковъ, на физическіе и химическіе инструменты для школъ—около 350,000 р., на школы для негровъ 86,000 р. на школьныя зданія, перестройку ихъ, отдѣлку и меблировку 2.900.000 р., на разные случайные расходы до 1.240,000 р.; сверхъ того въ кассѣ къ 1869 г. оставалось до 2 мил. Число дѣтей ходившихъ въ школу—1.464.424, число учениковъ, посѣщавшихъ школы неправильно, лишь нѣсколько мѣсяцевъ,—971,512, число учителей, преподававшихъ не менѣе 7 мѣ-

Несмотря на видимо невыгодное положеніе вопроса о приготовленіи народныхъ учителей для нашихъ школъ, несмотря на безспорно крайнюю въ этомъ отношеніи отсталость нашу отъ многихъ даже второстепенныхъ государствъ Европы [1]), тѣмъ не менѣе иногда у насъ являются какъ бы сами собою такія отдѣльныя личности, примѣръ блестящаго успѣха которыхъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа не можетъ не вызвать къ себѣ общественнаго вниманія въ видахъ дальнѣйшаго его развитія. Какъ бы ни были случайны у насъ подобныя явленія, все-таки мы считаемъ небезполезнымъ рекомендовать нашему заботливому въ настоящее время земству одинъ изъ таковыхъ примѣровъ, о которыхъ желательно было бы слышать возможно чаще, и тѣмъ заключимъ нашу скромную и искренне доброжелательную замѣтку о приготовленіи народныхъ учителей. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одной изъ нашихъ школъ, достигшей почти невѣроятныхъ успѣховъ, при самыхъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, и существующей съ небольшимъ десятокъ лѣтъ на одномъ изъ отдаленныхъ пунктовъ Россіи. Вотъ какія подробности намъ случилось имѣть подъ рукой объ этой безспорно образцовой для нашихъ учительскихъ народныхъ семинарій школѣ, въ которой лѣтъ шесть тому назадъ дѣло шло, очевидно, не по приказу и заказу и безъ всякихъ мудрыхъ инструкцій.

Школа, при 105 ученикахъ, была раздѣлена на 2 отдѣленія — 36 въ младшемъ и 69 въ старшемъ. Въ каждомъ отдѣленіи ученики размѣщены такъ, что лучшіе сидятъ на заднихъ скамьяхъ, а чѣмъ слабѣе—тѣмъ ближе къ учителю; столы разставлены такимъ образомъ, что чрезъ всѣ параллельные ряды ихъ вдоль класса оставленъ между ними проходъ, чтобы учитель, обыкновенно находившійся въ передней части класса, могъ обходить столы не только съ лѣваго и праваго края рядовъ, но и въ самой срединѣ. Занятія въ младшемъ классѣ начинались съ обученія чтенію, помощію вырѣзныхъ буквъ. Учитель настолько мастерски прилагалъ фонетическій способъ къ дѣлу и такъ заинтересовывалъ своихъ птенцовъ, что ученіе азбуки и слоговъ постоянно соединялось съ весельемъ и шло очень оживленно: менѣе чѣмъ

сяцевъ—16,586, число учительницъ 21,876, число школьныхъ округовъ 11,731, число школьныхъ зданій 11,673, число томовъ въ училищныхъ библіотекахъ—1.064,229. Прибавимъ къ этому, что при даровомъ ученіи, для образованія училищныхъ фондовъ въ цѣломъ союзѣ роздано болѣе 20 мил. десятинъ земли, которыя приносятъ значительный доходъ; общій же бюджетъ штата на первоначальное образованіе составляетъ около 30 мил. руб. Въ этомъ-то и заключается главнѣйшій секретъ богатства и силы великаго народа великаго Американскаго союза.

[1]) Въ 1862 г. «Московскія Вѣдомости» высказывали, между прочимъ, такую мысль, что народное образованіе въ Россіи стоитъ ниже, чѣмъ даже въ Турціи, и будетъ стоять такъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ учреждены учительскія семинаріи.

въ мѣсяцъ дѣти выучивались порядочно разбирать слова и переходили къ книгамъ. При этомъ постоянною заботою учителя было поставить учениковъ такъ, чтобы цѣлому классу было невозможно не слушать того, что одинъ ученикъ читаетъ, и въ своей книгѣ не слѣдить за читаемымъ: каждый названный продолжалъ чтеніе непремѣнно съ того самаго слова, на которомъ прерванъ предыдущій, учитель же весьма часто и быстро переходилъ отъ одного къ другому, и каждый спрошенный зналъ, что его опять спросятъ. Статьи для чтенія выбирались съ большимъ тактомъ и соотвѣтственно той степени въ ходѣ ученія, до которой въ данное время доведены ученики. Сперва достигалось, чтобы процессъ чтенія былъ правиленъ и каждое слово было вѣрно произнесено; затѣмъ объяснялось слово, при томъ, когда только возможно, наглядно; для этого около учителя, на полочкахъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ, было много разныхъ предметовъ: образцовъ мѣръ, вѣсовъ, разныхъ вырѣзанныхъ и склеенныхъ изъ папки простыхъ тѣлъ и фигуръ, картинъ и проч., много собственной работы учителя. Когда всѣ слова поняты, указаны другія, имѣющія то же значеніе, и объяснено употребленіе разбираемыхъ словъ въ другомъ смыслѣ, тогда начинали доискиваться, о чемъ же въ прочтенной статьѣ разсказывается? Затѣмъ посредствомъ вопросовъ учителя, обращаемыхъ всегда къ цѣлому классу, на которые для отвѣта ученики одинъ за другимъ вызывались уже тогда, когда вопросъ сказанъ, дабы, пока онъ высказывается, оставалось неизвѣстнымъ, кто будетъ вызванъ отвѣчать и, слѣдовательно, чтобы нельзя было не слушать; а вслѣдъ затѣмъ, учитель то того, то другого вызывалъ поправить, пополнить, продолжать; по временамъ должны были отвѣчать всѣ разомъ, хоромъ; рука объ руку и для освѣженія разнообразіемъ работы, въ перемежку съ чтеніемъ шло обученіе счисленію: понятія о числѣ, количествѣ, измѣреніяхъ уяснялись наглядностію. За то въ старшемъ отдѣленіи, мальчики, которые въ то время обучались четвертый мѣсяцъ второго года, любую статью, выбранную самимъ посѣтителемъ, читали совершенно правильно, съ вѣрнымъ произношеніемъ, съ наблюденіемъ знаковъ препинанія; очень толко́во и связно могли разсказать ея содержаніе и затруднялись объяснить развѣ только какое-нибудь малоупотребительное слово, а въ прежде читанныхъ статьяхъ всѣ до одного. Благодаря умному выбору статей для чтенія, ученики имѣли и хорошій запасъ свѣдѣній по географіи, исторіи и о предметахъ внѣшней природы; они хорошо знали свою мѣстность, свой край, чѣмъ изобилуетъ, что въ немъ умѣютъ приготовлять и куда эти произведенія и издѣлія отправляются, какими водяными сообщеніями и въ обозахъ по какимъ дорогамъ; что и откуда въ ихъ край привозятся; давно-ли и по какому поводу построенъ губернскій ихъ городъ, какія въ немъ случались важныя событія, какія на мѣстѣ существуютъ на-

родныя повѣрья и суевѣрія, что въ нихъ вреднаго, опаснаго или просто ложнаго; знали и понимали множество пословицъ; знали всѣ употребительнѣйшія въ Россіи мѣры, вѣсы, монеты, кредитные билеты по виду, цвѣту, цѣнности; считали быстро и вѣрно: умственное счисленіе очень развито, а на доскѣ рѣшали и довольно сложныя задачи; могли назвать, указать, начертить и вырѣзать или складть каждую изъ геометрическихъ фигуръ и многія простыя тѣла: кубъ, брусъ, цилиндръ, конусъ (полный и усѣченный), пирамиду и т. под., могли начертить планъ своего класса и училищнаго дома, имѣли ясное понятіе о масштабѣ. Ученики всѣ такъ равно внимательны, что и успѣхи ихъ очень равномѣрны; ни одинъ ученикъ, въ расплохъ захватываемый кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ, ни разу не оказался неслыхавшимъ того, что говорилось, или непонявшимъ вопроса; не только ни одинъ ученикъ не отвѣчаетъ безтолково, напротивъ отвѣты округлены, ясны и полны; учитель зорко слѣдитъ, чтобы вступленіемъ къ отвѣту служили самыя слова вопроса, чтобы въ отвѣтѣ не было лишняго слова, а между тѣмъ, чтобы нужное все было сказано. Ко всему этому надобно прибавить, что учитель былъ весьма хорошимъ гимнастомъ; передъ классными комнатами просторныя сѣни, въ которыхъ въ значительномъ количествѣ устроены были разнообразные гимнастическіе снаряды, помощію которыхъ учитель весьма искусно упражнялъ всѣхъ учениковъ въ гимнастикѣ, употребляя это вмѣстѣ и какъ средство для освѣженія силъ дѣтей, чтобы потомъ бодрѣе снова взяться за ученіе. Посѣщавшій это училище оффиціально свидѣтельствуетъ [1]), что, по его наблюденіямъ, зоркость и энергія этого учителя по истинѣ изумительны, и что онъ, обозрѣватель, пришелъ въ совершенный восторгъ, любуясь, какъ этотъ самородокъ-педагогъ, одною силою нравственнаго вліянія, приковывалъ къ себѣ вниманіе дѣтей, съ какимъ оживленнымъ выраженіемъ лицъ они слѣдили за каждымъ звукомъ его слова, за каждымъ его движеніемъ. Надо было видѣть, прибавляетъ ревизоръ, съ какою радостію дѣти шли въ сѣни, когда имъ было сказано: ну, теперь пойдемте, дѣти, на гимнастику. И какъ непринужденно дѣти обращаются съ своимъ учителемъ, какъ они ластятся къ нему!

Дѣйствительно, трудно не удивляться такой поразительной энергіи и дѣятельности этого почтеннаго труженика-педагога, особенно если не забывать при этомъ, что все это, за исключеніемъ уроковъ закона Божія, ведетъ *одинъ* учитель при той системѣ, что когда онъ занимался въ одномъ отдѣленіи, ученики другого, если въ это время не

---

[1]) Отчетъ бывшаго члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Постельса, по осмотру въ 1863 г. учебныхъ заведеній Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Вятской губерній.

было закона Божія, занимались письмомъ, черченіемъ, дѣланіемъ задачъ, вырѣзываніемъ или клееніемъ геометрическихъ фигуръ и простыхъ тѣлъ и т. п., оставаясь постоянно предъ глазами учителя, чрезъ отворенную дверь сосѣдняго класса, въ которомъ занимался учитель. Становится просто невѣроятнымъ, когда подумаешь, что все это совершается изо-дня въ день, годъ за годомъ и оплачивается какими-нибудь 200 руб. въ годъ содержанія и надеждой въ 25 лѣтъ выслужить пенсіонъ въ 85 руб. А между тѣмъ — это такъ! Школа, о которой идетъ рѣчь—казенное *приходское училище*, учрежденное около 10 лѣтъ тому назадъ въ селеніи Соломбалѣ, близъ Архангельска, по иниціативѣ морского министерства и состоявшее до 1862 г. (до упраздненія Архангельскаго порта) подъ особымъ покровительствомъ главнаго командира того порта. На содержаніе этой школы шло изъ казны по 549 р. въ годъ, которымъ по штату 1859 г. дано такое назначеніе: а) жалованье учителю 200 р. и законоучителю 57 р. 15 коп., б) на книги и классныя потребности 17 р. 50 коп., в) наемъ квартиры и ремонтъ училищной мебели 154 р. и г) отопленіе, освѣщеніе, содержаніе въ чистотѣ и наемъ сторожа 120 р. Съ 1862 г. Соломбальское училище поступило въ непосредственное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, которое, въ виду такого образцоваго его положенія, признало нужнымъ (съ 1865 г.) учредить при немъ *двѣ стипендіи* собственно для приготовленія изъ туземцевъ *приходскихъ учителей*, подъ руководствомъ столь опытнаго и знаменитаго педагога. На стипендіи назначено по 120 р. въ годъ, а учителю-руководителю въ вознагражденіе, по 60 руб., въ добавокъ къ 200 руб. жалованья [1]). Впослѣдствіи, средства Соломбальскаго приходскаго училища еще возрасли на 1,227 р., на счетъ общаго фонда на народныя училища (100 т. р.)

Въ настоящее время мы не имѣемъ подъ рукой свѣдѣній о дальнѣйшей, достойной всякаго уваженія, дѣятельности учителя Соломбальскаго приходскаго училища—г. Каржавина. Остановимся по этому поводу на одномъ только замѣчаніи. Еслибы расширить сколь возможно болѣе кругъ дѣятельности такихъ почтенныхъ учителей, какъ г. Каржавинъ (а ихъ, конечно, не одинъ остается подъ спудомъ въ нашихъ начальныхъ школахъ), какую бы службу они сослужили великому дѣлу приготовленія учителей изъ народа и для народа. Невольно приходитъ при этомъ на память вполнѣ вѣрная мысль одного извѣстнаго берлинскаго педагога [2]), по вопросу о приготовленіи народныхъ

---

[1]) Мы видѣли выше, во что обходилось въ Главномъ педагогическомъ институтѣ приготовленіе наставниковъ для университетовъ и гимназій съ 1828 по 1858 г.

[2]) Директора берлинской гимназіи г. Тило (Замѣч. на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній 1862 г. ч. IV стр. 14).

учителей, что дѣло не въ уставахъ и правилахъ, закрытое или открытое заведеніе, частное или казенное, въ большомъ ли городѣ или деревнѣ, все это вздоръ, который перестаетъ быть такимъ, когда вы дойдете до самаго важнаго, именно — найдете человѣка, который, по вашему убѣжденію, могъ бы вамъ приготовить хорошихъ народныхъ учителей, тогда пусть онъ устраиваетъ заведеніе, какъ хочетъ. Если онъ дѣйствительно человѣкъ доброжелательный и будетъ честно трудиться, то дѣло у него пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, несмотря ни на какія правила, толку не будетъ. Отчего же, спрашивается, мы такъ мало слышимъ о нашихъ знаменитыхъ гг. Каржавиныхъ; неужели же только потому, что они попадаются не на каждомъ шагу? Но стоитъ только внимательнѣе къ дѣлу поискать въ каждомъ учебномъ округѣ, въ каждой губерніи, и ихъ навѣрное найдется не одинъ десятокъ въ нашей великой, малой, бѣлой и всякой иной Россіи, и вотъ вамъ готовые учредители и строители цѣлаго ряда новыхъ учительскихъ народныхъ семинарій и новыхъ образцовыхъ школъ. Будемъ только помнить, что всякая хорошая народная школа быстро плодитъ новыхъ хорошихъ дѣятелей для народныхъ же школъ. Что же касается вопроса о матеріальныхъ средствахъ къ тому, то, находя, по меньшей мѣрѣ, страннымъ отговариваться недостаткомъ ихъ и тѣмъ успокоивать свою совѣсть цѣлыя сотни лѣтъ, мы рѣшаемся думать, что и наше министерство народнаго просвѣщенія можетъ всегда имѣть ихъ столько, сколько дѣйствительно ему потребуется. Въ этомъ насъ убѣждаетъ простая, математически-ясная истина: такъ какъ образованіе есть потребность всего народонаселенія, то и участвовать въ удовлетвореніи этой потребности должны всѣ безъ изъятія. Поэтому, если бы министерство народнаго просвѣщенія прямо высказало, сколько ему нужно матеріальныхъ средствъ на народныя семинаріи, на устройство повсемѣстно народныхъ училищъ, на безбѣдное содержаніе учителей народа, то, сколько бы ни пришлось по раскладкѣ на каждаго, сообразно съ его состояніемъ, всѣ и каждый съ удовольствіемъ будутъ вносить свою долю, *если только будетъ полная увѣренность въ томъ, что деньги пойдутъ дѣйствительно на народное образованіе*, т.-е. на то, ради чего училища должны существовать, и что содержаніе администраціи народнаго просвѣщенія будетъ обходиться дешевле, чѣмъ само просвѣщеніе народа въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Т. Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 апрѣля, 1870.

Лифляндскій адресъ.—Ходатайство бессарабскихъ дворянъ. — Московскіе адвокаты pro и contra.—Бюджетъ на 1870 годъ.—Наборъ 1869 года.—Состояніе нашихъ вооруженій. — Что ведетъ Европу къ разоренію? — Вопросъ о преобразованіи арміи.—Брошюра генерала Фадѣева.—«Идея національностей».

Въ истекшемъ мѣсяцѣ неожиданный слухъ встревожилъ нашу печать: лифляндское дворянство прислало адресъ, въ которомъ будто бы ходатайствуетъ о дарованіи общаго представительства, сейма тремъ балтійскимъ губерніямъ. Такъ какъ направленіе остзейскихъ дѣлъ вообще идетъ совсѣмъ особенными административными путями, внѣ всякой гласности, то многіе тотчасъ на́ слово повѣрили этому слуху, въ томъ преувеличенномъ догадками и разукрашенномъ комментаріями видѣ, какъ онъ былъ переданъ нѣкоторыми газетами. Былъ однако довольно серьезный поводъ отнестись къ этимъ преувеличеніямъ съ недовѣріемъ, и такой поводъ представлялся именно въ отсутствіи всякаго повода къ такому ходатайству со стороны балтійцевъ. Спрашивалось, что̀ могло вызвать въ настоящую минуту подобное ходатайство, что̀ могло подать нѣмецкой части населенія балтійскихъ губерній мысль о возможности принятія его во вниманіе. Справившись съ «бывшими примѣрами», лифляндское дворянство могло найти не очень давній еще примѣръ извѣстнаго ходатайства московскаго дворянства. И этотъ примѣръ слишкомъ убѣдительно говорилъ противъ домогательства, приписаннаго нѣмцамъ. Московское дворянство, въ просьбѣ своей, хотя и выходило за точные предѣлы круга своего вѣдѣнія, однако просьба его не касалась по крайней мѣрѣ цѣлости государственной жизни имперіи. Отвѣтомъ московскому дворянству было весьма ясное указаніе на несогласіе его адреса съ существующими постановленіями; чего же могло бы надѣяться дворянство лифляндское, присылая адресъ, который сверхъ одинаковой степени незаконности еще клонился бы къ нарушенію въ имперіи цѣлости государственной жизни?

Однакоже этотъ поводъ къ сомнѣнію представлялся недостаточнымъ для тѣхъ, кто искренно убѣжденъ — а такихъ людей у насъ не мало—что нѣмцамъ удаются такія ходатайства, которыя русскимъ не могутъ удаваться ни въ какомъ случаѣ. Что касается ободрительнаго повода для нѣмцевъ въ настоящемъ случаѣ, то иные ссылались на довольно распространенные недавно слухи о томъ, что ходатайства нѣмецкихъ дворянъ объ устройствѣ судебной реформы въ балтійскихъ провинціяхъ на основаніяхъ отдѣльныхъ, несходныхъ съ принятыми въ общемъ новомъ судоустройствѣ имперіи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, что «бароны», прибывшіе въ Петербургъ съ этой цѣлью, выѣхали отсюда съ торжествомъ побѣдителей и т. д. А такъ какъ достовѣрности этихъ слуховъ провѣрить опять-таки нѣтъ возможности потому, что остзейскія дѣла направляются особыми путями внѣ всякой гласности, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вѣрили и этимъ слухамъ, которые такъ никѣмъ и не были опровергнуты, и новымъ слухамъ, о которыхъ мы говоримъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же успѣхъ одного ходатайства, стоящаго внѣ закона, не могъ бы ободрить къ успѣху другого подобнаго ходатайства? Отчего, если три остзейскія провинціи будутъ соединены вмѣстѣ и отдѣлены отъ имперіи судебною реформою на особыхъ началахъ, онѣ не могли бы точно также добиваться соединенія общимъ представительствомъ, которое въ тоже время совершенно изолировало бы ихъ отъ Россіи.

Все это — очень странныя, ненормальныя отношенія. Съ разныхъ окраинъ пріѣзжаютъ мѣстные дворяне въ столицу, негласно ходатайствуютъ о разныхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ, касающихся цѣлаго края и въ то время, какъ малѣйшее гласное заявленіе земства или дворянства, могущее подать поводъ къ сомнѣнію въ буквальной сообразности его съ кругомъ предоставленныхъ правъ, немедленно останавливается и порицается мѣстною властью—эти негласныя, уже совершенно внѣ всякаго юридическаго основанія стоящія ходатайства, по слухамъ, принимаются будто бы въ разсмотрѣніе, обсуждаются въ учрежденіяхъ и будто-бы даже не остаются безъ вліянія на законоположенія. Изъ балтійскаго края дворяне пріѣзжаютъ ходатайствовать о такомъ-то направленіи судебной реформы, назначенной для всѣхъ сословій трехъ губерній; изъ Бессарабіи пріѣзжаетъ даже отъ дворянъ «депутація» (каковы-то ея полномочія?) просить объ измѣненіи состоявшейся уже крестьянской реформы въ цѣломъ краѣ, то-есть дѣла, касающагося не только двухъ сословій, но и важнѣйшихъ условій жизни всего этого края.... и все это, по слухамъ, разсматривается, хотя домогательства эти ведутъ и къ разобщенію съ имперіею. Недостаетъ еще только, чтобы изъ западнаго края пріѣхали дворяне съ негласнымъ ходатайствомъ хоть бы не о разобщеніи этого края съ имперіею, а наоборотъ о полномъ объединеніи мѣстныхъ порядковъ

съ общимъ, напримѣръ о введеніи тамъ общей земской реформы и объ отмѣнѣ процентнаго сбора, и чтобы слухи стали предсказывать успѣхъ и этому ходатайству. Тогда бы ужъ такъ и установилось мнѣніе, что въ отсутствіи неограниченнаго «права заявленія» можно обойтись и «правомъ неограниченнаго ходатайства».

Нельзя не обратить вниманія на продолжительное молчаніе въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ слуховъ нашего оффиціальнаго органа. «Правительственный Вѣстникъ»—и въ этомъ былъ смыслъ основанія его—долженствовалъ быть единымъ органомъ правительства. Но, къ сожалѣнію, въ этой роли онъ почти вовсе не является; правительственныхъ «взглядовъ» онъ не заявляетъ никогда, а опроверженія его касаются только второстепенныхъ вопросовъ. Мы не думаемъ винить въ этомъ ни редакцію этой газеты, ни то вѣдомство, въ которомъ она состоитъ. Не ихъ вина, если роль правительственнаго органа, то-есть толкователя единыхъ взглядовъ и согласныхъ предположеній правительства оказывается невозможною для газеты. Но объ этомъ можно было все-таки пожалѣть и особенно въ виду настоящаго положенія остзейскихъ дѣлъ.

Вотъ почти мѣсяцъ тому какъ пронеслись первые слухи о лифляндскомъ адресѣ, домогающемся будто бы общаго для балтійскихъ провинцій сейма и нѣкоторыя газеты, радѣющія по части патріотическаго бичеванія, задали по этому поводу остзейскимъ нѣмцамъ настоящую «гонку», припомнили имъ всѣ ихъ беззаконія и провинности, попрекнули ихъ Ширреномъ и Клодтомъ, обозвали «культуртрегерами», однимъ словомъ прогнали ихъ сквозь строй всего своего патріотическаго негодованія. Между тѣмъ, теперь оказывается, что въ лифляндскомъ адресѣ совсѣмъ и нѣтъ ничего объ общемъ представительствѣ и что нѣмцевъ прогнали сквозь строй по этому поводу слишкомъ поспѣшно. Въ результатѣ остается только то, что къ возбужденію, проявляющемуся между русскими и нѣмцами прибавилось еще нѣсколько крупицъ вреднаго стимуланта, что нѣсколько тысячъ русскихъ обогатились нѣсколькими лишними эпитетами для оправданія своего смѣшного презрѣнія къ нѣмцамъ.

Достаточно было двухъ оффиціальныхъ словъ, сказанныхъ во-время, чтобы отвратить это. Да и это ли одно послѣдствіе—которое, пожалуй намъ скажутъ неважно — было бы отвращаемо подобными своевременными сообщеніями относительно хода балтійскихъ дѣлъ? Нѣтъ, не одно, а гораздо больше. Исключительность путей, какими слѣдуютъ насъ остзейскіе вопросы и облекающая ихъ тайна породили въ русскомъ обществѣ смутное, но довольно сильное убѣжденіе, что нѣмецкое населеніе балтійскихъ провинцій имѣетъ передъ русскою администраціею положеніе привилегированное, что тамъ гдѣ русскому будетъ отказъ, съ внушеніемъ и распубликованіемъ, нѣмцу если и

будетъ отказъ, то въ формѣ не столь рѣшительной и безъ распубликованія, такъ что нѣмцы, не успѣвъ разъ, въ домогательствѣ по одному вопросу, имѣютъ возможность возобновлять свое домогательство по другому вопросу, хотя самый принципъ домогательства и его мотивы остаются тѣже. Вотъ этому-то весьма неблагопріятному мнѣнію болѣе всего и помогаетъ негласность, въ которой держатся балтійскія дѣла. Никто, конечно, не думаетъ, что администрація боится нѣмцевъ, но всѣ склонны думать, что она ихъ какъ бы совѣстится и стѣсняется тѣмъ, что они скажутъ за границею и что о нихъ скажутъ за границею — соображеніе, котораго относительно русскихъ никто администраціи не приписываетъ.

Итакъ, нынѣ всѣ увѣрены конечно, что если лифляндскій адресъ, публикованный наконецъ сего 22-го марта, клонится къ развитію мѣстной «исторической законности», въ смыслѣ политическомъ, то на него послѣдуетъ отказъ. Но далеко не всѣ увѣрены, что отказъ этотъ коснется самого принципа «исторической законности», такъ чтобы разъ навсегда прекратить толкованіе ея въ смыслѣ политической особности отъ Россіи. А если этого не будетъ, то тотъ же принципъ, тѣже мотивы, тоже въ сущности ходатайство развѣ не могутъ проявиться вновь, при первомъ удобномъ случаѣ? Если на ходатайство лифляндскаго сейма послѣдуетъ отказъ, то гдѣ ручательство, что сеймъ эстляндскій не возобновитъ этого ходатайства? Или сеймъ курляндскій, или рижскій магистратъ, ибо въ этомъ краѣ сама «историческая законность» такого неоднороднаго происхожденія, что представителями ея съ одинаковою раціональностью могутъ являться и рижскій магистратъ и дворянство любой губерніи.

Вотъ почему, по отношенію какъ къ самому остзейскому вопросу, такъ и къ русскому обществу, весьма полезно было бы, чтобы всѣ предположенія и ходатайства по остзейскимъ дѣламъ (буде ходатайства принимаются въ разсмотрѣніе) направлялись не особыми путями въ родѣ остзейскаго комитета и частныхъ коммиссій, а общимъ законодательнымъ порядкомъ, и чтобы твердыя намѣренія правительства, въ которыхъ мы не сомнѣваемся, облекаемы были гласностью наравнѣ съ предположеніями общими для имперіи. Общій законодательный путь тотчасъ устранилъ бы отъ отдѣльныхъ возникающихъ вопросовъ характеръ частныхъ и вывелъ бы ихъ на поле принциповъ, на которомъ каждое рѣшеніе составляло окончательный приговоръ для всего остзейскаго вопроса. А гласность съ другой стороны разсѣяла бы всякія неосновательныя мнѣнія о привилегированномъ отношеніи, въ какомъ будто бы стоитъ нѣмецкое дворянство и тѣмъ чрезвычайно способствовало бы къ устраненію главнаго повода къ раздражительности въ печатныхъ и общественныхъ толкахъ.

По обнародованному нынѣ содержанію лифляндскаго адреса,

какъ его передавала и аугсбургская «Всеобщая Газета», въ немъ нѣтъ рѣчи объ общемъ представительствѣ для трехъ губерній, а говорится только о допущеніи, все на основаніи той же «исторической законности», полной религіозной свободы въ краѣ, и господства тамъ нѣмецкаго языка. Такъ какъ адресъ опираетъ эти требованія на «историческую законность», то слѣдуетъ, конечно, возразить указаніемъ на неполноту этой законности, на слабость ея, въ виду включенной въ нее оговорки, наконецъ, на несогласіе со всякою законностью ходатайства одного сословія относительно цѣлаго края, котораго оно вовсе не представляетъ. Необходимо еще замѣтить, что господство нѣмецкаго языка въ коронныхъ мѣстахъ не соотвѣтствуетъ общему государственному строю, съ которымъ балтійская законность должна быть согласована по одной изъ ея же статей, и не оправдывается этнографическими условіями края, въ которомъ нѣмцы составляютъ по числу незначительное меньшинство. Правда, меньшинство это весьма значительно во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ, кромѣ числового, но за то фактъ, что этотъ край принадлежитъ Россіи, что коронныя мѣста его суть органы русской правительственной власти, самъ по себѣ не менѣе значителенъ, какъ и присутствіе и вліяніе въ этомъ краѣ нѣмецкаго меньшинства.

Таковы возраженія, естественно истекающія изъ ссылки на «историческую законность». Но еслибы лифляндскій дворянскій ландтагъ мотивировалъ свою просьбу о религіозной свободѣ не ссылкою на неполные, переходные документы, а общечеловѣческими основаніями и политическими истинами, которыя уже окончательно усвоены нашимъ временемъ, и даже еслибы, остановясь на этихъ именно мотивахъ, онъ присоединилъ сюда и ходатайство о расширеніи представительства изъ сословнаго и мѣстнаго въ общее, еслибы онъ сказалъ, что религіозное убѣжденіе не должно быть нарушаемо запретительными полицейскими мѣрами, и что принципъ самоуправленія можетъ быть плодотворенъ и не въ одной средѣ сословнаго и губернскаго хозяйства, то что могли бы тогда возразить лифляндскому ландтагу мы, русское общество? Сказать, что истины имъ провозглашаемыя не суть истины, потому что ландтагъ этотъ представляетъ только одно сословіе одной губерніи — мы бы не могли. Отвѣчать — пусть не будетъ у васъ того, чего мы не имѣемъ — это значило бы сослаться только на силу, а не на нравственную правду. Единственный раціональный, непреложный и окончательный отвѣтъ, какой мы могли бы дать на подобныя требованія во имя всемірнаго убѣжденія, съ какой бы окраины нашего государства они ни являлись, представляется примѣненіемъ для всего государства тѣхъ благъ личной свободы и самоуправленія, которыя укоренились въ убѣжденіи всего образованнаго міра, и въ нашемъ убѣжденіи точно также, какъ въ убѣжденіи нѣмцевъ. Современемъ —

и будемъ только надѣяться, что время это недалеко — мы скажемъ инородцамъ, домогающимся такихъ благъ для себя отдѣльно: зачѣмъ вы ищете того, что̀ уже у насъ всѣхъ есть; вы стало быть ищете не этихъ благъ, а собственно — отдѣльности; ее не допускаетъ общегосударственный интересъ. И нашъ отвѣтъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ убѣдителенъ и окончателенъ. Единство, окончательное и безусловное единство государства упрочится только тогда, когда оно будетъ обезпечено тѣми благами, которыхъ сепаратисты не найдутъ въ своей прошлой особности и въ архивахъ своей «исторической законности».

Мы упомянули выше о ходатайствѣ бессарабскихъ помѣщиковъ; о чемъ ходатайствуютъ бессарабскіе помѣщики? Едва только улеглись колебанія по вопросамъ о крестьянскомъ надѣлѣ въ сѣверозападномъ краѣ, какъ вотъ возбуждается вопросъ о ломкѣ окончательно утвержденнаго и вступившаго въ силу крестьянскаго положенія на другой окраинѣ, гдѣ тоже между прочимъ и по политическимъ причинамъ казалось бы неудобнымъ выставлять передъ крестьянами власть законодательную въ видѣ подверженной колебаніямъ и доступной для одностороннихъ домогательствъ дворянства. Мы говорили въ свое время о положеніи 14-го іюля 1868 г., которое распространяло на бессарабскихъ царанъ (батраковъ) общія основы крестьянской реформы, съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ числѣ этихъ измѣненій важнѣйшія: предоставленіе царанамъ права требовать дополнительныхъ и новыхъ надѣловъ въ теченіи пяти лѣтъ послѣ составленія уставной грамоты, неприкосновенность крестьянской земли, и ограниченіе всего царанскаго надѣла $^2/_3$ помѣщичьей земли, причемъ еще лѣсныя земли не принимаются въ разсчетъ, то-есть остаются еще сверхъ минимума $^1/_3$ въ пользу помѣщика.

Бессарабское дворянство нашло теперь эти основанія крестьянской реформы чрезмѣрно стѣснительными для себя, хотя представители его, бывшіе въ Петербургѣ при составленіи положенія, не заявляли въ свое время о невозможности приведенія ихъ въ исполненіе. Въ Петербургъ явилась депутація бессарабскаго дворянства съ просьбою о коренной передѣлкѣ всего положенія 1868 года, и что же — по слухамъ, ходатайство это принято къ разсмотрѣнію, хотя, сколько извѣстно до сихъ поръ, едва-ли будетъ имѣть полный успѣхъ. Но довольно уже и того, если одностороннія домогательства бессарабскихъ дворянъ будутъ имѣть успѣхъ отчасти. Спрашивается, если затѣмъ явится въ Петербургъ депутація отъ царанъ съ ходатайствомъ о передѣлкѣ этой передѣлки и о возстановленіи положенія 1868 г., въ полномъ его составѣ, будетъ ли оно тоже имѣть успѣхъ, хотя бы отчасти?

Ходатайство бессарабскихъ дворянъ не было покрыто тайною, какъ ходатайство дворянъ остзейскихъ, потому что первые нашли себѣ адво-

катовъ въ Москвѣ, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что бессарабскіе-де дворяне никогда не составляли заговоровъ, а напротивъ, при проходѣ нашихъ войскъ чрезъ Бессарабію, оказывали заслуги, и вообще всегда отличались патріотизмомъ. Правда, на это не безъ основанія можно замѣтить, что при проходѣ войскъ царане оказывали навѣрное не меньше услугъ чѣмъ помѣщики, и что въ политической неблагонадежности и первыхъ столь же мало упрекнуть можно, сколько послѣднихъ. Нельзя еще не замѣтить, что остзейское дворянство подкрѣпляетъ всѣ свои требованія, внушаемыя сословными интересами, указаніемъ на свой патріотизмъ и на кровь пролитую имъ за отечество ужъ конечно въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ сколько пролито ея бессарабскимъ рыцарствомъ. Тѣмъ не менѣе, не бѣдные царане, и не нѣмцы запаслись адвокатами въ Москвѣ, а именно бессарабскіе помѣщики, и одинъ изъ депутатовъ, г. Кристи, напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» письмо съ изложеніемъ тѣхъ измѣненій, какія помѣщики эти предлагаютъ ввесть въ положеніе 1868 года.

Предложенія эти, въ ихъ несомнѣнномъ практическомъ результатѣ, сводятся къ тому, чтобы уменьшить на половину надѣлъ предоставляемый царанамъ положеніемъ, сократить срокъ требованія дополнительныхъ надѣловъ, уменьшить число царанъ имѣющихъ право на дополнительные надѣлы. Бессарабскіе дворяне требуютъ, чтобы имъ предоставлено было право освобождаться отъ надѣленія царанъ землею, согласно съ положеніемъ 1868 года, посредствомъ единовременной уступки въ пользу царанъ половины высшаго надѣла. Если же царане предпочтутъ выкупъ всего надѣла, то пусть 20% процентовъ выкупной суммы заплатятъ *наличными деньгами*, а уже остальные 80% выкупными бумагами; въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ отъ помѣщика отходятъ въ надѣлъ $^2/_3$ земли, онъ можетъ, добровольно уступивъ царанамъ $^1/_3$, принудить ихъ, если они непремѣнно желаютъ полнаго надѣла, къ уплатѣ цѣлой половины выкупной суммы *наличными деньгами*. Наконецъ, предлагается всего 6-ти-мѣсячный срокъ царанамъ для выбора, какой именно изъ привилегій, которыя придумали для себя помѣщики, они предпочтутъ подчиниться; затѣмъ, по прошествіи 6-ти-мѣсячнаго срока, если царане ни на что не рѣшились, помѣщикъ отрѣзываетъ имъ полнадѣла и все конечно: онъ остается полнымъ собственникомъ остальной земли.

Нужно ли настаивать на всей несправедливости этого корыстнаго домогательства? Не ясно ли, что за невозможностью уплатить значительную часть выкупной суммы наличными деньгами, царане въ огромномъ большинствѣ случаевъ останутся на половинномъ надѣлѣ? Не ясно ли и то, что бессарабскіе дворяне стремятся создать такимъ образомъ для царанъ положеніе, въ самыхъ основаніяхъ своихъ несходное съ общимъ устройствомъ крестьянскаго землевладѣнія въ

имперіи? Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что тѣ главныя отличія отъ общей крестьянской реформы, которыя вошли въ положеніе о царанахъ 1868 года, именно пятилѣтній срокъ для требованія дополнительныхъ надѣловъ, послѣ составленія уставной грамоты, и неприкосновенность крестьянской земли, предоставлены царанамъ въ вознагражденіе за отмѣну права на прогрессивный надѣлъ, предоставленное имъ закономъ 1846 года. Говорятъ, что пятилѣтній срокъ для дополнительныхъ надѣловъ установлялъ неизвѣстность въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. А развѣ во внутреннихъ губерніяхъ не было установлено девятилѣтняго срока, въ которомъ эти отношенія могли измѣниться столь же существеннымъ образомъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами?

Но не такъ думаютъ «Московскія Вѣдомости». Эти ярые обличители всякихъ сепаратизмовъ приняли бессарабскій сепаратизмъ подъ свое покровительство, съ тѣмъ спеціальнымъ оправданіемъ, что это сепаратизмъ, одушевленный патріотическимъ духомъ. Эта газета, столь ѣдко глумившаяся надъ «свободою экономическихъ отношеній», надъ «освобожденіемъ крестьянъ отъ земли», когда они проповѣдывались другимъ органомъ, безцеремонно и открыто говоритъ о «дѣйствительномъ правѣ передвиженія», которое получатъ «царане, *освобожденные* отъ 49-ти-лѣтнихъ выкупныхъ платежей», находитъ эскамотажъ полнаго надѣла посредствомъ уступки половины его «весьма тяжелою жертвою для помѣщиковъ», жертвою, которая требовала бы по справедливости, чтобы имъ за нее облегчены были еще другія «излишнія тягости положенія» 14-го іюля 1868 г. «Московскимъ Вѣдомостямъ», повидимому, близко извѣстны средства бессарабскихъ помѣщиковъ, такъ какъ газета эта даже опредѣляетъ цифру ихъ «жертвъ», въ 15 милл. рублей и находитъ ее «тяжелою». Но всего юмористичнѣе въ въ устахъ ея редакторовъ, вѣчно выдававшихъ себя за ярыхъ поборниковъ общей нашей крестьянской реформы, то убѣжденіе, которымъ они въ настоящемъ случаѣ стараются склонить правительство къ удовлетворенію требованій бессарабскихъ дворянъ: «это предложеніе, говорятъ они, представляетъ *ту весьма важную для правительства выгоду*, что количество гарантируемыхъ имъ выкупныхъ бумагъ уменьшится на значительную сумму. Этою же выгодою воспользуются и вообще всѣ владѣльцы выкупныхъ бумагъ». Ну, а еслибы во всей Россіи выкупная операція совсѣмъ не была предпринята, развѣ это не было бы еще несравненно «выгоднѣе» для правительства и навѣрное для самихъ нынѣшнихъ владѣльцовъ выкупныхъ бумагъ.

Очень непріятны «Моск. Вѣдомостямъ» слухи, что полнаго успѣха бессарабскимъ домогательствамъ не представляется, но они утѣшаютъ себя еще мыслію, что «справедливыя представленія бессараб-

скаго дворянства будутъ уважены» и, сознавая все-таки странность избытка своего усердія въ такомъ дѣлѣ, считаютъ нужнымъ воскликнуть безъ всякаго повода: «какая глубокая разница въ дѣйствіяхъ бессарабскаго дворянства и помѣщиковъ другихъ окраинъ, напримѣръ Лифляндіи!» Почему именно оказывается «глубокая разница» между образомъ дѣйствій того и другого дворянства, входящихъ съ односторонними домогательствами о своихъ сословныхъ интересахъ—это безъ сомнѣнія извѣстно редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей», такъ какъ ярлыки патріотизма и благонамѣренности выдаютъ они, и могутъ наклеивать ихъ на самыя различныя стремленія, лишь бы имъ лично нравились представители этихъ стремленій. Не даромъ редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» приглашаютъ бессарабскихъ помѣщиковъ «прислать поболѣе своей молодежи учиться здѣсь (т.-е. въ Москвѣ конечно, и лучше всего въ извѣстномъ лицеѣ) нашимъ консервативнымъ и «либеральнымъ идеямъ» и обѣщаютъ имъ, что вслѣдствіе того «бессарабское владѣніе въ скоромъ времени станетъ очень интереснымъ»... Да, дѣйствительно, у васъ можно учиться и консервативнымъ и либеральнымъ идеямъ вмѣстѣ, и экономическимъ теоріямъ о «правѣ крестьянина на землю» и о «преимуществахъ свободы дѣйствительнаго передвиженія, нестѣсненнаго выкупными платежами», въ одно и тоже время. Вотъ преимущество партій, отвергающихъ принципы, отвергающихъ даже, что «дважды два всегда четыре», партій личныхъ хотѣній, личной фантазіи и личныхъ интересовъ: у нихъ всему научиться можно, ибо они въ своей школѣ *все* держатъ.

Выше мы говорили о гласности и самоуправленіи и теперь должны возвратиться къ этимъ принципамъ по другому поводу.

Наша бюджетная гласность, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ, представляетъ намъ утѣшительную картину правильнаго, спокойнаго, ровнаго хода финансовыхъ дѣлъ, незначительныхъ колебаній и благопріятныхъ предусмотрѣній въ заключеніи росписи каждаго года. Замѣчается постоянное увеличеніе ежегодныхъ расходовъ, но вмѣстѣ и постоянное увеличеніе доходовъ, и что всего благопріятнѣе — постоянное, начиная съ 1865 года, уменьшеніе цифры дефицита. Еслибы судить о ходѣ нашихъ финансовыхъ дѣлъ только по бюджетнымъ картинамъ, то можно было бы придти къ заключенію, что не только все обстоитъ благополучно, что нѣтъ никакого повода къ опасеніямъ въ будущемъ, но что даже едва ли необходимы какія-либо существенныя улучшенія въ нашихъ финансахъ или, по крайней мѣрѣ, что если такія улучшенія и желательны, то не преимущественно съ чисто-финансовой точки зрѣнія.

Правда, повѣрка смѣтныхъ предвидѣній, выражающаяся въ отче-

тахъ государственнаго контроля, которые мы уже имѣли за три года, не совсѣмъ подтверждаетъ точность этихъ предвидѣній. Но и эти документы даютъ объ общемъ ходѣ финансовыхъ дѣлъ показанія весьма удовлетворительнаго свойства; особенно благопріятные результаты 1867 года въ этихъ документахъ въ значительной мѣрѣ искупаютъ недостатки другихъ годовъ и изъ сличенія этихъ документовъ выходитъ все-таки благопріятная картина возрастанія тѣхъ нашихъ доходовъ, которые наиболѣе свидѣтельствуютъ объ экономическихъ силахъ страны, ограниченія сверхсмѣтныхъ кредитовъ и незначительности нашихъ дефицитовъ.

Гласность въ дѣлѣ финансовъ еще болѣе чѣмъ въ какомъ-либо иномъ полезна и введеніе ея у насъ было привѣтствовано печатью съ самаго начала и понынѣ привѣтствуется, по поводу обнародованія каждой финансовой росписи и каждаго контрольнаго отчета, самымъ дружнымъ образомъ. И это совершенно естественно въ томъ соображеніи, что если въ чемъ либо, то ужъ навѣрное въ хозяйствѣ націи гласность представляется особенно «благодѣтельною», какъ выражались когда-то. Тѣмъ не менѣе, гласность эта не даетъ ключа къ нѣкоторымъ фактамъ, которые между тѣмъ ослабляютъ ея благопріятные выводы. Такъ, еще наканунѣ введенія новой смѣтной системы, мы имѣли возможность выпускать облигаціи займа за границей по 92%, а теперь выпускаемъ ихъ по 80%; такъ, всѣ наши внутренніе займы, за исключеніемъ выигрышныхъ, даже такіе какъ 5½% рента и 6% фонды стоятъ гораздо ниже своей номинальной цѣны, и значитъ, вся эта огромная разность упала на народъ въ дополненіе къ ежегодной суммѣ податей; такъ, пока цѣнность нашего рубля постоянно падаетъ и въ настоящее время онъ уже дѣйствительно стоитъ не много болѣе ¾ своей номинальной цѣны, а стало быть и всѣ наши соображенія относительно постояннаго возрастанія доходовъ въ значительной мѣрѣ оказываются иллюзіями, ибо наружное возрастаніе дохода составляетъ все-таки незначительную часть бюджета, а дѣйствительное паденіе цѣнности рубля составляетъ весьма значительное ослабленіе всей суммы получаемаго государствомъ дохода. Такіе факты стоятъ какъ бы особнякомъ въ виду благопріятной картины бюджетовъ, не обнимаясь ими, такъ что при сужденіи о нашемъ финансовомъ положеніи представляется полная возможность для выводовъ какъ оптимистскаго, такъ и пессимистскаго свойства: оптимисты могутъ ограничиться указаніемъ на предвидѣнія росписей, изъ которыхъ послѣдняя, то-есть роспись на 1870 годъ, о которой мы говоримъ, опять высказываетъ, въ видѣ конечнаго вывода, что «мирнымъ развитіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ Россіи и соблюденіемъ должной бережливости», наши, «государственные финансы пріобрѣтутъ *все болѣе и болѣе* прочное основаніе», пессимисты же могутъ толко-

вать по-своему указанные выше, и другіе однородные съ тѣми, факты.

Какой же выводъ даетъ такое сопоставленіе относительно гласности въ финансовыхъ дѣлахъ? Одинъ — что гласность, чтобы быть въ самомъ дѣлѣ плодотворною, должна подлежать обсужденію, критикѣ, и притомъ обсужденію не столько теоретическому, печатному, сколько практическому, непосредственному гласному обсужденію, которое съ одной стороны могло бы пополнить пробѣлы печатной гласности, а съ другой—повліять и на самую сущность подлежащихъ ей фактовъ. Когда, съ теченіемъ времени, мы доростемъ до такого обсужденія, тогда только и въ печати критика ежегодныхъ смѣтъ будетъ имѣть серьезное значеніе.

Нынѣшняя роспись не отличается отъ предшествовавшихъ ничѣмъ существеннымъ. Со стороны формальной, то-есть по отношенію къ своему составу, она имѣетъ то отличіе, что въ ней доходы царства польскаго уже почти совершенно (за исключеніемъ всего 166 т. р.), распредѣлены по смѣтамъ министерствъ имперіи, хотя расходы все еще представляютъ довольно значительную отдѣльную цифру для царства (3 м. 740 т. р.); уменьшеніе въ цифрѣ отдѣльныхъ его расходовъ, сравнительно съ прошлогоднею смѣтою, произошло небольшое, въ виду собственно предстоящаго въ нынѣшнемъ году закрытія въ царствѣ центральной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и канцеляріи учредительнаго комитета, а также вслѣдствіе упраздненія ликвидаціонной коммиссіи. Въ отношеніи распоряженія средствами государства, нынѣшняя роспись представляетъ то главное отличіе, что въ ней сумма спеціальныхъ расходовъ по устройству желѣзныхъ дорогъ и портовъ уменьшилась, противъ цифры 1869 года, слишкомъ на 20 милліоновъ, вслѣдствіе окончанія устройства нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ и за уплатою Главному обществу всей назначенной ему по условію суммы на улучшеніе николаевской дороги. Цифра спеціальныхъ желѣзно-дорожныхъ расходовъ въ нынѣшней росписи—всего съ небольшимъ 11 милл. р.; роспись даетъ и указаніе о наличности спеціальнаго желѣзнодорожнаго фонда, который въ настоящее время составляетъ 15 м. 762 т. р.

Вотъ главныя отличія нынѣшней росписи; все остальное въ ней совершенно согласно съ главными чертами прежнихъ росписей, между прочимъ и замѣчаніе, что, благодаря «возвышенію почти всѣхъ отраслей нашего государственнаго дохода», представилась «возможность свести роспись на 1870 годъ, не прибѣгая къ способамъ кредита», какъ было въ прошломъ году. Объ успѣшной реализаціи недавняго внѣшняго займа, имѣющаго впрочемъ, какъ всѣ наши займы послѣдняго времени, спеціальное желѣзно-дорожное назначеніе, роспись не упоминаетъ.

Цифра дефицита предположенная въ нынѣшней росписи такъ мала, какъ она еще не бывала съ тѣхъ поръ, какъ показывается: всего съ небольшимъ 9 милл. показано подъ рубрикою «особыхъ ресурсовъ», и ресурсы эти представляются не изъ средствъ займовъ, а изъ дѣйствительныхъ остатковъ 1868 года. Такимъ образомъ, цифры дефицитовъ, показываемыя въ росписяхъ, постоянно и непрерывно уменьшаются съ 1864 года, за-однимъ только исключеніемъ прошлогодней росписи, въ которой дефицитъ былъ показанъ въ 15 милл., между тѣмъ, какъ въ росписи 1868 года онъ былъ предвидѣнъ всего въ 12½ милл.

Относительно этой послѣдней цифры мы уже имѣемъ точныя свѣдѣнія: контрольный отчетъ за 1868 годъ показываетъ, что она была превзойдена почти на 7¾ милл. р., то-есть показываетъ дѣйствительный дефицитъ 1868 года въ 19¾ милл. р., а изъ справки съ состояніемъ чрезвычайныхъ ресурсовъ оказывается, что на покрытіе расходовъ по росписи 1868 года было обращено, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, около 31 милліона рублей. Въ виду этого результата, мы не можемъ придавать особаго значенія тому обстоятельству, во сколько опредѣляетъ роспись дефицитъ: въ 15-ть ли милліоновъ, какъ въ прошломъ году, или всего въ 9 милл., какъ нынѣ.

Роспись на 1870 годъ предвидитъ обыкновенныхъ доходовъ болѣе 440½ милл., и обыкновенныхъ расходовъ нѣсколько менѣе 446½ милл. р., затѣмъ на недоборъ въ податяхъ, по примѣру прошлаго года, положено 3 милл. р. Доходы, какъ мы уже замѣтили, постоянно возрастаютъ; въ нынѣшней росписи, сравнительно съ прошлогоднею, обыкновенные доходы увеличены на около 20½ милл. р., и главную роль въ этомъ увеличеніи играетъ желѣзно-дорожный сборъ, въ которомъ ожидается увеличеніе на около 10½ милл. р., вслѣдствіе усиливающагося движенія по московско-курской дорогѣ, ожидаемаго въ нынѣшнемъ году открытія желѣзной дороги отъ Кіева къ Балтѣ, и отъ ожидаемой уплаты въ казну 75% со свободнаго остатка чистаго дохода николаевской дороги, согласно условіямъ ея передачи. Затѣмъ важнѣйшее участіе въ возрастаніи суммы доходовъ принимаютъ: доходъ таможенный, въ которомъ предвидится увеличеніе на немного меньше 3½ милл., и питейный, въ которомъ ожидается увеличеніе почти до 2¼ милл. р. Сумма обыкновенныхъ расходовъ, по обыкновенію, тоже возрастаетъ, хотя возрастаніе ея предвидится и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ возрастаніе доходовъ, а именно не на 20½, а всего на 14½ милл. р.; но такъ какъ значительныя сверхсмѣтныя назначенія у насъ остаются фактомъ нормальнымъ, то благопріятность этого отношенія исчезаетъ. Въ цифрѣ, представляющей возрастаніе обыкновенныхъ расходовъ, главное участіе, какъ и всегда, принадлежитъ военному министерству, которое снова увеличило свой бюджетъ на 4 милл. р.

вслѣдствіе внесенія въ смѣту суммъ на перевооруженіе и вслѣдствіе нормальнаго «возвышенія цѣнъ». Издержки на взиманіе доходовъ въ нынѣшней росписи возвышены противъ прошлогодней цифры $46\frac{1}{2}$ милл. р. и показаны въ $54\frac{1}{4}$ милл., т.-е. въ сумму почти равную той, какая была внесена въ смѣту на 1868 годъ; превышеніе это зависитъ отъ нѣкоторыхъ новыхъ издержекъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Мы считаемъ лишнимъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе цифръ росписи. Существенная услуга, какую могло оказать обнародованіе ихъ—именно доставленіе обществу возможности ознакомиться, хотя приблизительно, съ системою государственнаго хозяйства — уже оказана. Со времени приведенія въ дѣйствіе новыхъ смѣтныхъ правилъ имѣется уже восемь росписей, сравненіе которыхъ достаточно уясняетъ то, что могло быть уяснено обнародованіемъ этихъ документовъ. Въ настоящее время существеннаго улучшенія въ положеніи нашихъ финансовъ слѣдуетъ уже ожидать не столько отъ правильности составленія смѣтъ и всякихъ формальныхъ въ нихъ улучшеній — что тоже было очень важно въ свое время—сколько отъ дѣйствительности средствъ, употребляемыхъ къ сдерживанію хозяйства всѣхъ отраслей администраціи въ границахъ бережливости и реальной пользы.

На нынѣшнюю весну, противъ обыкновенія, никто не пророчилъ войны и въ настоящую минуту никому у насъ и въ мысль не приходитъ, что что́-нибудь могло бы помѣшать нашей мануфактурной выставкѣ. А между тѣмъ нашъ военный бюджетъ снова увеличился на 4 милліона рублей, мы только что́ окончили обычный наборъ, и вооружаемъ нашу армію усовершенствованными ружьями съ такой поспѣшностью, что заводы выставляютъ до срока данные имъ наряды. Настоящій моментъ таковъ, что всѣ главныя державы Европы заняты внутренними своими дѣлами; въ каждой изъ нихъ въ эту минуту во главѣ всѣхъ дѣлъ стоитъ такой внутренній вопросъ, который прямо противорѣчитъ возможности осуществленія какихъ-либо честолюбивыхъ видовъ. А между тѣмъ всѣ онѣ продолжаютъ вооруженіе и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ хотя и сознаютъ, что правило para bellum разоряетъ Европу, новыя жертвы на развитіе или поддержаніе вооруженій оправдываютъ тѣмъ, что другіе такъ дѣлаютъ, что нельзя отставать отъ другихъ. У насъ самъ спеціальный органъ военнаго министерства называетъ это «нескончаемымъ рядомъ пожертвованій». Только что мы успѣли вооружить на-ново нашу полевую артиллерію, а артиллерію мѣстную снабдили болѣе чѣмъ тысячью новыхъ пушекъ, и съ огромными пожертвованіями ускоряемъ перевооруженіе пѣхоты, наконецъ заводимъ уже и скорострѣльныя пушки—самое новѣйшее повидимому изобрѣтеніе по военной части, какъ намъ говорятъ, что необходимы еще въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ «усиленные расходы, чтобы

засыпать ту бездну, которую открыли въ артиллерійскомъ вооруженіи новѣйшія техническія усовершенствованія, дѣлающія сегодня слабымъ и недостаточнымъ то, что еще вчера казалось неодолимо-сильнымъ» (Р. Инв.). Намъ говорятъ уже о необходимости защитить гранитъ Кронштадта желѣзомъ, выдвинувъ такую оборону на нѣсколько верстъ впередъ брони гранитной. Кто знаетъ, какъ скоро потребуется прикрыть и эту новую желѣзную оборону какою-нибудь другою защитою еще нѣсколько верстъ впереди той? А между тѣмъ даже самые замѣчательные образцы фортификаціоннаго искусства, существующіе у насъ, оказываются уже недостаточными, и наконецъ даже г. Бергъ отвлекается отъ своихъ мирныхъ полу-историческихъ, полухореграфическихъ занятій порученіемъ построить для военныхъ цѣлей огромный аэростатъ.

Гдѣ причина, гонящая Европу все далѣе и далѣе по пути этой разорительной борьбы, этой непроизводительной конкурренціи? Со всѣхъ сторонъ слышатся увѣренія, что никто не помышляетъ о завоеваніяхъ, каждая держава объявляетъ, что она только стоитъ «на стражѣ своей чести и достоинства» и довольствуется этимъ. Внутреннихъ обстоятельствъ, которыя побуждали бы къ вооруженіямъ, нигдѣ нѣтъ; они исчезли даже во Франціи; даже правительство этой страны, вслѣдъ за правительствомъ австрійскимъ, сознало наконецъ полную истинность въ наше время той сентенціи, что хотя и можно опереться на штыки, но нельзя «усидѣть на нихъ».

Въ виду такого противорѣчія факта всеобщихъ вооруженій отсутствію видимыхъ къ нимъ причинъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, иные пришли къ убѣжденію, что вина въ этомъ чрезмѣрномъ развитіи вооруженій и заключается только въ нихъ самихъ, что тутъ дѣйствуетъ собственно только увлеченіе конкурренціею, желаніемъ не отстать, и что поэтому правительствамъ было-бы легко сговориться между собою и пріостановиться всѣмъ вмѣстѣ на этой пагубной дорогѣ, всѣмъ вмѣстѣ произвесть разоруженіе. Мысль о всеобщемъ одновременномъ разоруженіи высказывалась уже не разъ въ печати, и однажды даже оффиціально было заявлено предложеніе, о всеобщемъ мирномъ конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе мысль эта неосуществима въ настоящее время потому, что не опирается на реальномъ основаніи. Основною причиною повсемѣстныхъ вооруженій служатъ не сами вооруженія, а весьма основательное взаимное недовѣріе. Къ возбужденію и поддержанію этого недовѣрія очень много способствовало внесеніе въ политику такъ-называемой «идеи національностей», которая уже сдѣлала то, что въ настоящее время въ Европѣ невозможны союзы. Какъ не вооружаться Европѣ, когда всѣ пограничныя черты въ ней колеблются отъ напора взаимно-противоположныхъ похотей пріобрѣтенія, возводимыхъ въ идею, въ священную обязанность? Нѣтъ, не «каждый ударъ молота» на ору-

жейныхъ заводахъ одной страны вызываетъ подобное эхо въ другой странѣ, а всѣми этими ударами молотовъ руководятъ возгласы объ «историческомъ призваніи», о необходимости «довершить національное единство», или предпринять «освобожденіе единовѣрцовъ», возгласы, которые за границами каждой страны тотчасъ вызываютъ страстное эхо такихъ же, только враждебныхъ первымъ, возгласовъ. И что всего хуже—уже не честолюбіе однихъ кабинетовъ оказывается въ этой полемикѣ, которая немедленно выливается въ чугунъ и свинецъ, а возбужденіе самого общества; кабинеты въ наше время могли бы поддаться общественному мнѣнію, но кому поддастся общественное мнѣніе? Вина этого зла, какъ и всякаго общественнаго зла, значитъ, заключается въ сущности въ томъ, что надъ политическими массами господствуетъ худшій изъ всѣхъ деспотизмовъ—деспотизмъ предразсудковъ.

Мы сейчасъ возвратимся къ этому вопросу, а теперь преклонимся предъ аргументомъ, на который мы не имѣемъ отвѣта, именно, что отставать отъ всѣхъ другихъ одной Россіи не приходится, и справимся съ положеніемъ нашихъ вооруженій. Въ настоящую *минуту* должно быть окончено производство набора 1870 года, о которомъ мы упоминали въ свое время, когда онъ былъ объявленъ. Въ прошломъ же мѣсяцѣ обнародованы оффиціальныя свѣдѣнія о результатахъ набора 1869 года, которымъ принято въ рекруты около 87 тыс. человѣкъ. Сравнивая результаты этого набора съ результами набора 1868 года, мы останавливаемся на утѣшительномъ фактѣ возрастанія процента грамотныхъ въ средѣ рекрутъ, именно: 9,02% изъ 1868 г. соотвѣтствуетъ теперь 9,76%. Такой результатъ, относящійся къ почти 90-тысячной массѣ людей, не можетъ быть случайнымъ. Составъ нашей арміи въ настоящее время выражается цифрою 726 тыс. чел. На пополненіе ея, по военнымъ штатамъ, нужно еще 430 чел.; но такъ какъ къ началу нынѣшняго года у насъ уже было въ резервѣ 518 т. человѣкъ отпускныхъ, да ожидалось еще 35 т., то сверхъ пополненія арміи по военнымъ штатамъ, мы имѣли бы еще 120 тыс. отпускныхъ въ видѣ дополнительнаго резерва.

Что касается перевооруженія, то полевая артиллерія вся уже вооружена орудіями, заряжающимися съ казенной части и, какъ уже сказано, вводятся уже и скорострѣльныя орудія, которыми такъ хвалились французы. Вооруженіе же арміи скорострѣльными ружьями, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, должно быть кончено въ предстоящемъ апрѣлѣ, а къ концу года этого оружія будетъ уже и въ запасѣ, такъ какъ его будетъ 965 т. ружей. Значитъ, мы уже теперь *почти* готовы къ войнѣ.

Преобразованія, произведенныя въ нашей военной организаціи за послѣдніе годы, коснулись не только системы военнаго управленія, но

и нѣкоторыхъ важныхъ элементовъ строевой части, при чемъ цѣлью было возвысить боевую силу арміи, не обременяя, по мѣрѣ возможности, государства новыми расходами. Но какъ ни многообразны и ни значительны произведенныя реформы, совокупность ихъ далеко не представляетъ того полнаго преобразованія системы вооруженной защиты, какое осуществили у себя нѣкоторыя другія государства. Такое преобразованіе, предпринятое подъ вліяніемъ побѣдъ Пруссіи въ 1866 году, и совершенное болѣе или менѣе близко къ прусскому образцу, основано на мысли о подкрѣпленіи дѣйствующей арміи двумя степенями резерва, составленнаго изъ народнаго ополченія. Не прихоть, не склонность къ экспериментамъ могли побудить императора Наполеона къ подражанію прусскому устройству: во-первыхъ, мѣра эта должна была вызвать неудовольствіе страны; во-вторыхъ, основной смыслъ ея, именно приданіе арміи народнаго характера, прямо противорѣчилъ тому духу, который императоръ французовъ стремился вселить въ своей арміи, стараясь о постепенномъ превращеніи ея въ сонмище наемныхъ спеціалистовъ военнаго ремесла. Сильно должно было быть давленіе обстоятельствъ, если къ подражанію прусской народной арміи могли побудить такое государство какъ Австрія, и такой правитель, какъ императоръ французовъ.

Спрашивается, не распространяется ли дѣйствіе этихъ обстоятельствъ и на насъ? Другими словами, въ виду коренныхъ реформъ, въ огромной степени увеличившихъ военныя силы остальной Европы, не должна ли предстоять и намъ, быть можетъ въ недалекомъ времени, такая же радикальная реформа, т.-е. учрежденіе подвижного резерва и поголовнаго народнаго ополченія? Намъ кажется, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Коренная реформа въ этомъ смыслѣ, конечно, наложила бы на страну новыя, бо́льшія тягости. Но въ тоже время противъ положенія: что такъ какъ всѣ державы увеличили свои силы, намъ придется не отставать—трудно возражать въ рѣшительно отрицательномъ смыслѣ. Можно имѣть весьма различное представленіе о внѣшнихъ потребностяхъ государства, что доказывается измѣненіями, какія порою оно само дѣлаетъ въ направленіи своей внѣшней политики. Но если намъ бы сказали: вотъ точный разсчетъ, во сколько Россія теперь слабѣе любой великой державы, то намъ осталось бы только признать необходимость увеличенія вооруженныхъ силъ Россіи. И при этомъ, всѣ наши возраженія обратились бы уже только въ совѣтъ: не преувеличивать напряженія, не класть въ основу новаго устройства обороны слишкомъ честолюбивую политическую мечту или слишкомъ пессимистское представленіе объ ожидающихъ насъ опасностяхъ.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, мы намѣрены заняться вышедшею

недавно брошюрою генерала Фадѣева: «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ». Хотя авторъ написалъ эту брошюру безъ всякаго отношенія къ какой-либо вѣроятности коренной военной реформы у насъ въ ближайшее время, тѣмъ не менѣе она важна именно потому, что излагаетъ цѣлую политическую схему, которая могла бы лечь въ основу такой коренной реформы, и притомъ реформы въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году статьѣ о сочиненіи г. Фадѣева «Вооруженныя силы Россіи», нашъ рецензентъ могъ главнымъ образомъ только возражать противъ пессимистскаго воззрѣнія почтеннаго автора, будто, при всякомъ малѣйшемъ случаѣ, непремѣнно осуществится извѣстный стихъ: «Европа противъ насъ». Но теперь авторъ такъ развилъ свою мысль и положилъ въ основу русской политики такую огромную задачу, что мы должны уже согласиться, что въ самомъ дѣлѣ при малѣйшемъ движеніи со стороны Россіи, когда эта задача будетъ сознана, вся Европа въ самомъ дѣлѣ будетъ противъ насъ. Принявъ политическую программу генерала Фадѣева, и полагая, что она могла бы показаться осуществимою настоящему или одному изъ будущихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, мы впередъ должны готовиться къ борьбѣ со всею Европою, а пока эта борьба настанетъ, вредъ произошелъ бы уже изъ того, что мы увлеклись бы болѣе или менѣе осуществимыми мечтами, къ наложенію на страну колоссальнаго военнаго бремени, принявъ тѣ мечты за основу коренной военной реформы.

Опасность положеній почтеннаго автора заключается въ томъ, что они основываются на идеѣ такъ-называемаго «историческаго призванія» націи, а въ наше время возбужденія всѣхъ крайностей идеи національностей, доктрина поставленная на этой основѣ многимъ кажется убѣдительною или покрайней мѣрѣ дѣйствуетъ на нихъ увлекательно, какъ бы произвольно ни толковалось при этомъ само «историческое призваніе націи». «Дѣла сложились такимъ образомъ, говоритъ авторъ, что восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ, представляетъ для насъ квадратуру круга, неразрѣшимую никакими средствами въ настоящемъ, не оставляющую никакой надежды въ будущемъ». А между тѣмъ дѣло это—«призракъ, стоящій надъ нашимъ изголовьемъ, противъ котораго ничего нельзя предпринимать» именно оттого, что онъ есть только «несамостоятельная половина другого, болѣе важнаго дѣла». И вотъ, чтобы разсѣять этотъ призракъ, авторъ совѣтуетъ намъ задаться такимъ планомъ, который вмѣщаетъ въ себя весьма реальное самопожертвованіе государства въ пользу одной идеи національностей, и не совѣтуетъ намъ имѣть дѣла съ одной «несамостоятельной половиной» вопроса потому, что «въ извѣстномъ случаѣ цѣлое можетъ оказаться легче половины». Въ чемъ же состоитъ тутъ цѣлое, по мнѣнію ген. Фадѣева? А въ

томъ, во-первыхъ, апріорическомъ положеніи, что Россія *должна* рѣшить восточный вопросъ, и во-вторыхъ въ томъ, что такъ какъ восточный вопросъ означаетъ нынѣ уже не «Турція и подвластные ей христіане», а «Россія и ея главенство въ славянскомъ мірѣ», то, значитъ, вмѣсто напр. предстательства за болгаръ или кандіотовъ, Россія должна просто «распространить свое главенство до Адріатическаго моря». Вотъ что предлагаетъ авторъ, и внѣ такого распространенія онъ не видитъ для России иной будущности, какъ только — «вновь отступить до Днѣпра». «Россія не можетъ упрочиться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ», говоритъ онъ; «политическая исторія также какъ естественная не увѣковѣчиваетъ неопредѣлившихся, недоконченныхъ видовъ». А изъ словъ автора оказывается, что Россія останется «недоконченнымъ видомъ» до тѣхъ поръ, пока она не одержитъ побѣды надъ всею Европою, а главнымъ образомъ надъ нѣмецкимъ племенемъ, въ которомъ г. Фадѣевъ видитъ главнаго нашего врага, и не исполнитъ предпріятія, которое авторъ называетъ освобожденіемъ Востока и союзомъ славянскаго міра, и которое, выражаясь точнѣе, должно обнимать: уничтоженіе турецкой имперіи, присоединеніе къ Россіи Червонной Руси и Измаила и учрежденіе изъ всѣхъ славянскихъ земель Турціи и Австріи, а также изъ царства польскаго—государствъ вассальныхъ Россіи, то-есть союза изъ самостоятельныхъ частей, даже съ самостоятельными государями, но съ общимъ главою въ лицѣ русскаго царя, въ полномъ распоряженіи и управленіи котораго должны будутъ состоять войска союза, а также всѣ союзныя крѣпости и входы въ Черное море; при этомъ Константинополь былъ бы объявленъ вольнымъ городомъ «племенного союза», значитъ, тоже находился бы въ нашемъ распоряженіи. Изложивъ такой идеальный планъ, г. Фадѣевъ, забывая, что на его брошюру должны были взглянуть за границею преимущественно съ точки личнаго положенія автора, имѣлъ безтактность прибавить, что «единство великой восточной семьи упрочится только общностью семейныхъ престоловъ въ одной династіи», и прямо выразилъ желаніе, чтобы «преимущественно русскій царствующій домъ покрылъ своими вѣтвями освобожденную почву восточной Европы». Не говоря уже о неловкости примѣшивать къ игрѣ въ политическіе воздушные зàмки указанія такого рода, спросимъ только, вправѣ ли будемъ мы жаловаться, если враждебная Россіи печать станетъ снова говорить о нашей «агитаціи», когда русскій генералъ высказываетъ подобныя предложенія, напоминающія фатальную для Франціи наполеоновскую систему раздачи престоловъ?

Правда, генералъ Фадѣевъ не требуетъ немедленнаго осуществленія своего громаднаго плана, онъ говоритъ, что сначала дѣйствіе Россіи можетъ быть только нравственное. Но онъ тутъ же прибавляетъ, что первымъ нашимъ дѣйствіемъ должно быть «гласное (оффи-

ціальное?) признаніе права Россіи быть представительницею родственнаго міра», и успокоивши себя чисто воинскимъ соображеніемъ, что «въ благопріятныхъ случаяхъ не будетъ недостатка, девятнадцатый вѣкъ не есть вѣкъ мира и спокойнаго процвѣтанія (?) для Европы», онъ гонитъ насъ къ весьма настоятельному соображенію своего проекта напоминаніемъ, что если онъ осуществленъ не будетъ, «то Россія, какъ государство, едва ли устоитъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ». Значитъ, дѣло не за горами, и надо если не спѣшить, то во всякомъ случаѣ приготовляться.

Мы не станемъ подробно разбирать той аргументаціи, на которой почтенный авторъ построилъ свой планъ. Для насъ важно въ немъ собственно то, что имъ авторъ оправдываетъ предлагаемую имъ систему военнаго устройства, важно опасеніе, чтобы въ случаѣ еслибы нашей военной системѣ въ самомъ дѣлѣ предстояли преобразованія, то въ основаніе ихъ не вкрались какимъ-либо образомъ химерическія представленія о политической задачѣ въ родѣ той, какую навязываетъ Россіи генералъ Фадѣевъ. Достаточно взглянуть на его принципъ, его исходную точку и конечную цѣль.

Принципъ автора есть крайнее развитіе «идеи національностей», со всѣми ея самопротиворѣчіями. Крайность «идеи національностей» представляется стремленіемъ ея перейти въ «идею расъ»; въ теоріи послѣдняя есть результатъ первой, на практикѣ же осуществленіе политическаго единства расы можетъ противорѣчить и интересамъ и даже чувству національностей. Въ крайнемъ смыслѣ «теоріи національностей» представлялось бы вполнѣ естественнымъ политическое единство не только Великобританіи съ Соединенными Штатами, что уже само по себѣ на практикѣ — абсурдъ, но и единство обоихъ названныхъ государствъ съ Германіею. Это—одна сторона дѣла, а вотъ другая: «идея національностей» можетъ оправдывать какія угодно крайности, ибо развитіе идеи опредѣляется только логичностью, но потому-то она и не можетъ быть руководящею мыслью въ политикѣ государства, такъ какъ политика имѣетъ дѣло со средствами, по существу своему ограниченными. Вопросъ политики въ томъ, какимъ наилучшимъ образомъ употреблять средства даннаго народа; а жертвовать всѣми интересами русскаго гражданина для основанія славянскаго государства на самой Адріатикѣ—это значитъ въ практическомъ смыслѣ слѣдовать за политикою не національною, а существенно—антинаціональною.

Таковы крайности идеи. Теперь о самопротиворѣчіяхъ ея. «Идея національностей», какъ она оказывается доселѣ въ примѣненіи, есть идея исключительно завоевательная. Что во имя родственныхъ связей, единства или хотя бы сходства языка или единства вѣры, она побуждаетъ къ распространенію предѣловъ или вліянія государства — это

мы видимъ; но мы не видимъ, чтобы она въ тоже время побуждала государства къ отказу отъ областей на основаніи племенной разности, неединства и несходства языка, неодинаковости вѣроисповѣданія, какъ бы слѣдовало по логикѣ, которая должна управлять идеею подъ опасеніемъ самоуничтоженія идеи. Напротивъ, «идея національностей» прекрасно уживается съ идеею государства относительно удержанія послѣднимъ того, что оно имѣетъ. Франція во имя идеи національностей освобождаетъ Италію, но не только не думаетъ объ отказѣ отъ Алжиріи, а еще у той Италіи беретъ себѣ чисто итальянское графство Ниццу и итальянскіе округи Савойи. Пруссія во имя той же идеи присоединяетъ къ себѣ всю Германію, но «національные либералы» ея не только не думаютъ объ отказѣ, на основаніи своего принципа, отъ Познани, напримѣръ, или отъ сѣвера Шлезвига, но они-то именно громче всѣхъ говорятъ о «прусскомъ государствѣ» по отношенію къ этимъ землямъ, забывая, что они же отрицаютъ идею государства по отношенію къ германскимъ странамъ. Тоже самопротиворѣчіе мы видѣли тамъ, гдѣ «идея національностей» являлась въ борьбѣ съ государствомъ: венгерскіе патріоты по отношенію къ славянамъ ссылаются уже не на идею національностей, а на историческое право, точно тоже дѣлаютъ поляки по отношенію къ границамъ 1772 года.

Нашъ авторъ хочетъ во имя идеи національностей распространить главенство Россіи на Константинополь и до Адріатики, но ему даже и въ мысль не приходитъ, что за такія пріобрѣтенія, предполагая ихъ возможными, мы должны были бы сдѣлать и уступки согласныя логикѣ той же идеи: напримѣръ, отказаться отъ Финляндіи, Балтійскаго края, Закавказья, Туркестана, такъ какъ тутъ нѣтъ ни общаго языка, ни общей вѣры.

Мы указали на логическую несостоятельность «идеи національностей» въ ея крайнемъ развитіи, подобномъ тому, которое предлагаетъ авторъ, и онъ не можетъ возразить намъ, что, доказавъ это, мы ничего не доказали противъ состоятельности его плана. Весь планъ его сооруженъ именно только въ силу этой идеи; онъ ставитъ апріори задачею Россіи «освобожденіе Востока и единство славянскаго міра». Еслибы онъ такой задачи не ставилъ, въ такомъ случаѣ и всѣ его опасенія общеевропейской коалиціи противъ Россіи и всѣ его громадныя соображенія о необходимости идти на встрѣчу опасности, дѣлать «цѣлое» вмѣсто того, чтобы дѣлать «половину» и т. д. — все это ни къ чему бы не годилось. Какая коалиція противъ Россіи, если Россія не стремится къ захватамъ? Почему именно одной Россіи угрожаетъ коалиція? А еслибы Франція или Австрія задумали каждая отдѣльно передѣлать по своему весь Востокъ или весь Западъ, развѣ противъ Франціи или Австріи точно также не составилось бы коалиціи?

Мы могли бы ограничиться этимъ разъясненіемъ внутренней само-

стоятельности принципа и исходной точки автора. Но взглянемъ еще и на его конечную цѣль. Что происходитъ изъ самопротиворѣчія «идеи національностей», во имя которыхъ г. Фадѣевъ зоветъ насъ на борьбу съ Европой, совѣтуетъ намъ освободиться отъ опасности коалиціи прямымъ вызовомъ коалиціи? Происходитъ то, что именно вслѣдствіе самопротиворѣчія «идеи національностей» полное осуществленіе ея является рѣшительною невозможностью. Серьезно ли думать, что намъ однимъ удастся вполнѣ примѣнить въ свою пользу всѣ ея крайности? Развѣ мы можемъ надѣяться въ союзѣ съ нестройными, разъединенными толпами славянъ одолѣть всѣ арміи Европы? Возможно ли думать, что Европа допуститъ, чтобы въ нашихъ рукахъ была военная сила, покрывающая пространство отъ Гималайскаго хребта до Альповъ, чтобы, врѣзываясь вооруженнымъ угломъ въ самый западъ Европы, за самыя Карпаты, мы владѣли и постами на границѣ Индіи, и Константинополемъ? А если намъ пришлось бы дѣлать тогда уступки, и въ угоду Пруссіи, Австріи, Франціи, Англіи, Швеціи отказываться отъ царства польскаго, Финляндіи, Балтійскаго поморья, Туркестана, Закавказья, взамѣнъ нашихъ новыхъ фантастическихъ пріобрѣтеній, то спрашивается еще, была ли бы въ самомъ дѣлѣ могущественнѣе Россія во главѣ племенного славянскаго союза изъ самостоятельныхъ частей, чѣмъ есть нынѣ русское государство?

Планъ, предлагаемый генераломъ Фадѣевымъ есть «восточный прожектъ», соединенный еще съ «западнымъ прожектомъ». Напрасно онъ доказываетъ намъ, что восточный вопросъ нынѣ уже не *долженъ быть* только вопросомъ о Турціи, а вопросомъ о главенствѣ *Россіи* надъ всѣмъ славянскимъ міромъ; по его прожекту дѣло сводится и не къ этому одному, а просто къ главенству Россіи надъ всею Европою; такъ оно и въ теоріи, ибо, сохраняя всѣ свои владѣнія и пріобрѣтая то, на что указываетъ авторъ, Россія положительно преобладала бы въ Европѣ; такъ оно и въ практикѣ, ибо для осуществленія этого «прожекта», пришлось бы прежде сломить всю Европу, и затѣмъ уже Европа, само собой разумѣется, была бы подчинена намъ.

Брошюра генерала Фадѣева произвела нѣкоторый шумъ въ заграничной прессѣ и уже поэтому необходимо, чтобы русская печать отреклась отъ ея преувеличеній. Сверхъ того, долгъ печати, по нашему мнѣнію—протестовать противъ псевдо-національныхъ возбужденій, которыми хотятъ заслонить самое настоятельное для насъ дѣло — дѣло развитія внутреннихъ силъ и учрежденій. Надо пожелать, чтобы ни одна изъ основныхъ мыслей «восточно-западнаго прожекта» г. Фадѣева не оказала какого-либо вліянія на устройство нашей военной системы; истинно-національная политика Россіи должна ограничиваться однимъ строгимъ соблюденіемъ интересовъ русскаго государства,—и это вовсе не такая легкая задача: благополучное разрѣшеніе ея требуетъ гос-

дарственнаго ума, опытности и такта,—а для составленія «прожектовъ», будутъ ли они западные или восточные, и для установленія вопросительныхъ знаковъ, можно обойтись и съ одною фантазіею. Не даромъ сказано: одинъ неумный броситъ камень въ воду, и десятеро умныхъ не вытащутъ камня!

ЗЕМСКІЕ ИТОГИ.

IV *).

Разсматривая доходы земства, т.-е. тѣ средства, которыя оно получаетъ въ видѣ налога на недвижимое имущество, торговлю и промыслы, мы старались уяснить главнымъ образомъ характеръ распредѣленія налоговъ. Это распредѣленіе, какъ мы видѣли, частію по винѣ земства, а частію и безъ его вины, далеко неравномѣрно: большинство сборовъ падаетъ на крестьянскія земли, обремененныя уже государственными податями, помѣщичьими или выкупными платежами и натуральными повинностями, а бездоходность земель дѣлаетъ всѣ эти взносы весьма обременительными. Къ этимъ печальнымъ истинамъ слѣдуетъ еще прибавить, что весь земскій налогъ (размѣръ котораго въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, простирается теперь въ общей сложности отъ пятнадцати до двадцати милліоновъ)—есть налогъ новый, ибо послѣ его установленія прежніе налоги не уменьшились. Въ виду этого факта особенно интересно прослѣдить, что дали намъ земскія учрежденія, т.-е. насколько производительно истрачены тѣ десятки милліоновъ, которые съ такими усиліями внесены въ продолженіи пяти лѣтъ нашимъ бѣднымъ населеніемъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ обратиться къ анализу земскихъ расходовъ, опредѣлить какъ тѣ цѣли, для достиженія которыхъ предназначаются земскіе расходы, такъ и степень успѣшности въ достиженіи этихъ цѣлей.

Если мы сопоставимъ указанныя въ законѣ рубрики земскихъ расходовъ съ цифрами взятыми изъ раскладокъ любой губерніи, то убѣдимся, что въ числѣ этихъ расходовъ $^{8}/_{10}$ обязательныхъ,—это расходы на починку дорогъ, наемъ помѣщеній для разныхъ присутственныхъ мѣстъ и служащихъ лицъ и на содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ и судебно-мировыхъ учрежденій; $^{1}/_{10}$ полуобязательныхъ—

---

*) См. выше, мар. 403 стр.

это расходы на содержаніе земскихъ управъ и ихъ канцелярій [1]); и наконецъ, *одна десятая* вовсе необязательныхъ — это расходы на содѣйствіе народному здравію, народному продовольствію и народному образованію. Что рубрики земскихъ расходовъ именно таковы, это можно видѣть, развернувъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а что расходы распредѣляются приблизительно въ той пропорціи, какую мы указали, въ этомъ можно убѣдиться посмотрѣвъ на уѣздныя земскія смѣты Петербургской губерніи, дѣйствующія въ нынѣшнемъ году. Въ полумилліонномъ бюджетѣ земскихъ собраній этой губерніи болѣе пятидесяти тысячъ назначено на содержаніе управъ (только уѣздныхъ), почти столько же на народное здравіе и просвѣщеніе и четыреста тысячъ на обязательные расходы, изъ которыхъ едва десятая часть идетъ на устройство дорогъ и мостовъ, а все остальное на помѣщеніе, содержаніе и разъѣзды разныхъ служащихъ лицъ.

Эти цифры сами по себѣ весьма знаменательны; онѣ показываютъ, что собственно на *производительные* расходы, завѣдываніе которыми лежитъ на обязанности земскихъ учрежденій, идетъ едва одна четвертая часть всего земскаго сбора, въ остальныхъ же расходахъ земскія учрежденія не принимаютъ никакого активнаго участія, а слѣдовательно и не могутъ нести за нихъ отвѣтственности. Какого бы направленія ни держались земскія собранія и какими бы хозяйственными способностями ни отличались члены земскихъ управъ, они одинаково обязаны выплачивать жалованье подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ. Единственно, въ чемъ они проявляютъ здѣсь свое существованіе—это въ ходатайствахъ объ отнесеніи того или другого расхода на государственный земскій сборъ, но по счастію эти ходатайства удовлетворяются очень рѣдко. Мы говоримъ *по счастію*, потому что принятіе обязательнаго для земства расхода на государственный сборъ есть не какая-нибудь льгота, а только перенесеніе расхода, оплачиваемаго всѣми сословіями, на сословіе крестьянское, которое почти одно доставляетъ весь государственный земскій сборъ. Этой простой истины къ сожалѣнію никакъ не хотятъ понять тѣ земскія собранія, которыя такъ усердно хлопочутъ о принятіи «на счетъ государства», то какихъ-нибудь разъѣздныхъ или порціонныхъ денегъ, то моста или дороги. Другое значеніе имѣютъ ходатайства о совершенномъ упраздненіи какого-нибудь расхода, тутъ конечно выгода прямая, и подобныя ходатайства со стороны земства весьма похвальны, только жаль, что въ нихъ иногда проглядываетъ задняя мысль. Такъ, напримѣръ, чуть не всѣ земскія собранія ходатайствовали объ упраздненіи

---

[1]) Мы называемъ этотъ расходъ полуобязательнымъ потому, что хотя размѣръ содержанія управъ и не опредѣленъ закономъ, тѣмъ не менѣе законъ предписываетъ организовать ихъ, а слѣдовательно и ассигновать суммы на ихъ содержаніе.

должностей членовъ отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ и въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. При этомъ невольно рождается вопросъ: отчего слѣдуетъ упразднить членовъ *отъ правительства,* а не *отъ дворянства,* и невольно вспомнишь одно постановленіе уфимскаго губернскаго дворянскаго собранія, послѣдовавшее года четыре тому назадъ. Это собраніе также ходатайствовало, *въ видахъ сокращенія расходовъ,* объ упраздненіи членовъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ, которыхъ во всей губерніи было три, и въ то же время просило назначить содержаніе предсѣдателямъ съѣздовъ, т.-е. уѣзднымъ предводителямъ дворянства, которыхъ, какъ извѣстно, въ уфимской губерніи девять... Къ чести земскихъ собраній должно сказать, что они до сихъ поръ еще не ходатайствовали о назначеніи содержанія предводителямъ дворянства, можетъ быть потому, что имъ легко произвести каждаго изъ этихъ предводителей въ предсѣдатели управъ и затѣмъ дать ему содержаніе какое угодно.

Перебирая рубрики земскихъ расходовъ, мы прежде всего должны остановиться на содержаніи земскихъ управъ, которое поглощаетъ въ каждой губерніи около шестидесяти или семидесяти тысячъ, т.-е. столько же, сколько среднимъ числомъ тратилось на всѣ производительные расходы. Это сопоставленіе постоянно давало поводъ нападать на земскія учрежденія, но такія нападенія опять не совсѣмъ справедливы, ибо, во-первыхъ, на обязанности земскихъ учрежденій, кромѣ всякихъ расходовъ, лежитъ распредѣленіе значительной части прямыхъ налоговъ идущихъ на потребности государственныя; во-вторыхъ, они наблюдаютъ за выполненіемъ натуральныхъ повинностей, и завѣдуютъ земскими больницами, и въ третьихъ... они нисколько невиноваты въ томъ, что имъ отмѣренъ небольшой кругъ дѣятельности.

Говоря безотносительно, содержаніе земскихъ управъ стóитъ не особенно дорого и во всякомъ случаѣ дешевле, нежели содержаніе большей части правительственныхъ и судебныхъ учрежденій. Предсѣдатели и члены *уѣздныхъ управъ* въ большинствѣ случаевъ довольствуются содержаніемъ даже сравнительно скромнымъ (около 1,000 руб.); гораздо больше стóитъ содержаніе губернскихъ управъ, которое назначается губернскими собраніями. Съ одной стороны, здѣсь играетъ роль глубоко въѣвшійся бюрократическій принципъ, по которому чиновникъ въ губерніи долженъ получать больше чѣмъ чиновникъ въ уѣздѣ; а съ другой стороны, большое вліяніе имѣетъ, указанное уже нами, различіе въ составѣ уѣздныхъ и губернскихъ собраній. Въ первыхъ большинство очень часто составляютъ мѣщане и крестьяне, которые, привыкнувъ довольствоваться малымъ, не особенно охотно расходуютъ деньги на жалованье «господамъ»; въ собраніяхъ же губернскихъ засѣдаютъ почти исключительно эти самые «господа», которымъ бываетъ совѣстно обидѣть какого-нибудь

Ивана Ивановича или Петра Петровича, не давъ ему столько, сколько онъ желаетъ. Поэтому въ губернскихъ только собраніяхъ и возможны такіе странные случаи, какъ разсказанное нами назначеніе г. Бланку въ Тамбовѣ двойного содержанія за рѣчь о необходимости безвозмездной службы.

Кстати, что касается безвозмездной службы, то о ней уже забыли. Пропагаданда въ этомъ смыслѣ велась только въ первое время, и то съ извѣстной тенденціозной цѣлью. Такимъ путемъ надѣялись передать дѣла земства въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ въ то-же время старались провести въ земскія собранія безъ выбора. Но эти стремленія крупныхъ землевладѣльцевъ навязать себя какъ неизбѣжное зло, какъ извѣстно, не имѣли успѣха въ нашемъ неаристократическомъ земствѣ, и толки о безвозмездной службѣ покончились сами собою, тѣмъ болѣе, что защитники этого начала выставляли его своимъ девизомъ большею частію до тѣхъ только поръ, пока не попадали въ члены управъ, а тамъ брали содержаніе точно также, какъ и всѣ другіе или еще выпрашивали прибавку. Находились и такіе ревнители безвозмездной службы, которые желали назначить членамъ управъ, выбраннымъ изъ дворянъ—одно содержаніе, а выбраннымъ изъ крестьянъ—другое, поменьше, но и эти доблестныя попытки вслѣдствіе ихъ явной противозаконности не увѣнчались успѣхомъ, и если въ нѣкоторыхъ уѣздахъ случались назначенія членамъ управъ изъ крестьянъ уменьшеннаго содержанія, то не иначе какъ по собственной волѣ послѣднихъ [1]).

Но какъ бы великъ или малъ ни былъ расходъ на содержаніе земскихъ управъ, это во всякомъ случаѣ расходъ непроизводительный, ничѣмъ не отличающійся отъ расходовъ на «содержаніе, помѣщеніе и отопленіе», которыми такъ богаты и земскій и государственный бюджеты. Затѣмъ, изъ всей громадной цифры обязательныхъ земскихъ расходовъ,—къ производительнымъ можно отнести только расходы по отправленію подводной и дорожной повинностей, и то конечно тамъ только, гдѣ эти повинности изъ натуральныхъ переложены въ денежныя. Эти расходы, какъ мы уже указывали въ предшествовавшей статьѣ, имѣютъ важное значеніе потому, что ими замѣнена тяжелая

---

[1]) Такъ въ первую-же сессію одинъ изъ членовъ Бирючевской управы—крестьянинъ заявилъ, что онъ считаетъ жалованье въ 1,200 р. для себя слишкомъ большимъ, и потому взялъ только 400 р., а остальные предоставилъ въ пользу земства. Тоже сдѣлалъ членъ тверской губернской управы крестьянинъ Ситновъ, который, по свидѣтельству корреспондента «Спб. Вѣд.», заявилъ, что изъ 1,800 р. содержанія онъ назначаетъ 1,000 р. на народное образованіе въ Корчевскомъ уѣздѣ и скромно помѣстился въ комнаткѣ у своего племянника сапожника. Подобныхъ примѣровъ отказа отъ *назначеннаго уже* содержанія со стороны лицъ привилегированныхъ сословій мы не знаемъ.

натуральная повинность, лежавшая исключительно на крестьянскомъ сословіи. О томъ, какихъ трудовъ и усилій стóитъ порядочнымъ людямъ провести переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя, мы уже говорили, и читатели знаютъ, что у насъ это вопросъ не столько чисто хозяйственный, сколько соціальный. Что же касается того, насколько успѣшно идетъ въ рукахъ земства починка дорогъ и мостовъ, то само собою разумѣется, что отвѣтъ на подобный вопросъ можно сдѣлать только осмотрѣвши эти дороги и мосты, къ чему мы конечно не имѣемъ никакой возможности. Земскія управы въ своихъ отчетахъ обыкновенно говорятъ, что прежде всѣ мосты были сломаны и дороги непроѣздимы, а теперь мосты крѣпки и по дорогамъ ѣздить можно; напротивъ, нѣкоторые администраторы заявляютъ, что мосты теперь не чинятся и дороги оказываются менѣе исправны нежели въ то блаженное время, когда за починкой этихъ дорогъ и мостовъ смотрѣлъ одинъ становой, и смотрѣлъ особенно тщательно въ тѣхъ случаяхъ, когда по дорогамъ должно было проѣзжать начальство. Дать рѣшительный отвѣтъ, насколько правы обѣ стороны, мы не беремся; но думаемъ, что теперь дѣло должно идти нѣсколько лучше, ибо работы отбываются не только натурою, но и наймомъ, и представители мѣстной администраціи зорко смотрятъ, чтобы все было исправно и то, что они прощали своимъ подчиненнымъ, ни въ какомъ случаѣ не пропустятъ постороннимъ, да еще и антагонистамъ. Впрочемъ и при теперешнихъ порядкахъ жалобъ на состояніе дорогъ не мало. Полтора года тому назадъ гласный отъ Лугскаго уѣзда заявилъ въ губернскомъ собраніи, что у нихъ каждую весну отъ недостатка мостовъ люди тонутъ на перевозахъ. Конечно, и прежде ихъ тонуло не меньше, но утѣшительнаго тутъ все-таки мало.

V.

Переходя къ необязательнымъ расходамъ земства, которые для насъ имѣютъ гораздо болѣе серьезное значеніе нежели обязательные, мы преимущественно займемся дѣломъ народнаго образованія. Степень участія земства въ этомъ важномъ дѣлѣ только начинаетъ опредѣляться. Законодательство указало, что земство имѣетъ право способствовать народному образованію, но кàкъ и чѣмъ должно оно способствовать—этого законодательство не разъяснило, и рѣшать этотъ вопросъ пришлось самимъ земскимъ собраніямъ.

Почти въ одно время съ введеніемъ земскихъ учрежденій обнародовàно «Положеніе о народныхъ училищахъ». Училища эти, управлявшіяся прежде различными вѣдомствами каждое по своему образцу, а всего чаще вовсе не управлявшіяся, подчинены общимъ правиламъ и переданы въ завѣдываніе уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ

совѣтовъ, гдѣ вмѣстѣ съ представителями административныхъ вѣдомствъ засѣдаютъ и члены отъ земскихъ собраній. Надо сознаться, что земскія собранія весьма мало обращаютъ вниманія на выборъ членовъ въ училищные совѣты. Обыкновенно это званіе принимаютъ на себя меценаты, имѣющіе возможность пожертвовать рублей сто въ годъ и этимъ доказать свои педагогическія способности. Такимъ образомъ, здѣсь повторяется давно знакомый порядокъ избранія почетныхъ попечителей гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ, которые преображаются въ педагоговъ за опредѣленный денежный взносъ и пользуются служебными правами и преимуществами. Результатъ такого порядка можно видѣть въ петербургскомъ собраніи; оно, какъ извѣстно, избрало въ члены губернскаго училищнаго совѣта такое лицо, которое, когда зашла рѣчь объ учрежденіи школъ, заявило собранію, что видитъ въ грамотности средство къ поддѣлыванію фальшивыхъ векселей. Впрочемъ, даже при самомъ разборчивомъ выборѣ, надо много условій, чтобы избранные отъ земства члены училищныхъ совѣтовъ могли имѣть какое-нибудь значеніе, такъ какъ они составляютъ меньшинство въ средѣ представителей административныхъ вѣдомствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ сдѣлать членъ отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, если его убѣжденія, положимъ самыя чистыя и прекрасныя, будутъ идти въ разрѣзъ со взглядами мѣстнаго архіерея и представителей губернской администраціи, которые засѣдаютъ въ училищномъ совѣтѣ? Что̀, повторяемъ мы, можетъ сдѣлать членъ отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, когда этотъ совѣтъ иногда совсѣмъ и не собирается, какъ это было въ прошломъ году въ Черниговской губерніи? Въ нашей литературѣ до сихъ поръ былъ заявленъ только одинъ интересный фактъ изъ дѣятельности губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, вообще совершенно неслышной, и то фактъ самаго печальнаго свойства. Въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, была учреждена помѣщикомъ Лесевичемъ школа, для которой онъ сдѣлалъ значительныя пожертвованія. Преподавателемъ въ этой школѣ былъ крестьянинъ Давидъ Безуглый, обучавшійся прежде въ кіевской педагогической семинаріи. Въ простотѣ сердца Безуглый объяснялся съ учениками-малоруссами по малорусски и училъ ихъ молитвамъ, и то и другое оказалось нарушеніемъ устава, и Безуглый былъ устраненъ. Впрочемъ, уѣздный училищный совѣтъ взглянулъ на дѣло по-человѣчески и, разъяснивъ Безуглому его обязанности, выдалъ свидѣтельство на преподаваніе. Дѣйствительно, преподаваніе пошло вполнѣ успѣшно и совершенно согласно установленнымъ правиламъ. Члены уѣзднаго училищнаго совѣта и уѣздной управы, ѣздившіе посмотрѣть на училище, расточали ему самыя лестныя похвалы; но вдругъ мѣстный священникъ, поссорившись съ преподавателемъ, сдѣлалъ донесеніе, и полтавскій губернскій совѣтъ, не ра-

зобравъ дѣла, лишилъ Безуглаго права преподавать за то, будто бы, что онъ преподавалъ безъ дозволенія, тогда какъ въ дѣйствительности дозволеніе было ему дано. Напрасно крестьяне составляли приговоръ о томъ, что они вполнѣ довольны преподаваніемъ Безуглаго и не пошлютъ своихъ дѣтей къ другому учителю, напрасно учредитель школы заявилъ, что онъ вынужденъ будетъ закрыть школу, если совѣтъ будетъ продолжать свои репрессивныя дѣйствія. Совѣтъ оставался неумолимъ и школа оставалась безъ преподавателя, пока права Безуглаго не были возстановлены сенатомъ.

Само собою разумѣется, что при подобномъ составѣ училищныхъ совѣтовъ члены отъ земства ничего не могутъ сдѣлать. Полтавское губернское земское собраніе принадлежитъ по своему направленію къ числу лучшихъ земскихъ собраній. Оно, несмотря на нѣсколько протестовъ начальника губерніи, успѣло отстоять переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя; далѣе, оно заявило ходатайство о предоставленіи гласнымъ изъ крестьянъ средствъ быть губернскими гласными, т.-е. о назначеніи имъ пособія на проѣздъ въ губернскій городъ. Наконецъ, оно жертвуетъ значительныя суммы на дѣло народнаго образованія и конечно не оно виновато въ печальной судьбѣ школы г. Лесевича. О лубенскомъ уѣздномъ собраніи нечего и говорить, оно составило даже нѣчто въ родѣ адреса г. Лесевичу, поздравляя его съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла въ сенатѣ... И тѣмъ не менѣе школа, учрежденная въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи на частныя средства, была по волѣ губернскаго училищнаго совѣта два года закрыта, да и теперь ей рано или поздно грозитъ горькая участь, ибо губернскій совѣтъ, принужденный покориться сенатскому указу, тѣмъ не менѣе не оставляетъ школу г. Лесевича въ покоѣ и съ подозрительностію, достойной полицейскаго сыщика или корреспондентовъ «Московскихъ Вѣдомостей», предписываетъ тщательно искать: не завалялась-ли въ этой школѣ какая-нибудь книжка на южно-русскомъ нарѣчіи...

Въ уѣздныхъ совѣтахъ, гдѣ засѣдаютъ администраторы не столь крупные, положеніе членовъ отъ земства независимѣе. Этимъ только можно объяснить то, что лубенскій уѣздный совѣтъ, вопреки волѣ начальства, постоянно заступался за школу г. Лесевича; этимъ же объясняемъ и успѣшную дѣятельность члена александровскаго училищнаго совѣта барона Корфа, заботливости котораго обязаны своимъ успѣхомъ всѣ школы въ Александровскомъ уѣздѣ.

Говоря объ училищныхъ совѣтахъ, мы должны упомянуть, что въ послѣднее время возникъ вопросъ: могутъ ли земскія собранія избирать членовъ въ эти совѣты не изъ своихъ гласныхъ и имѣютъ ли они право назначать имъ содержаніе. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе постановленія днѣпровскаго уѣзднаго собранія, которое было

опротестовано начальникомъ губерніи. Чѣмъ кончится дѣло, мы не знаемъ; но если право назначенія членовъ училищныхъ совѣтовъ не изъ однихъ гласныхъ можетъ быть признано спорнымъ, то о правѣ назначать членамъ совѣтовъ содержаніе, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ лучше, давая содержаніе, избирать умныхъ и полезныхъ людей, нежели давать возможность служить даромъ такимъ просвѣтителямъ, которые видятъ въ грамотности одинъ источникъ преступленій.

Избраніе членовъ въ училищные совѣты, конечно, не составляетъ главной задачи земства о дѣлѣ народнаго образованія. Земскія собранія и управы могутъ учреждать школы, оказывать помощь школамъ существующимъ, доставлять имъ учебныя пособія, способствовать приготовленію хорошихъ народныхъ учителей и т. п. На все земскими собраніями ассигнуются особыя суммы, размѣръ которыхъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія собраній. Сдѣлать общую характеристику этихъ пожертвованій невозможно, также какъ невозможно указать причины, почему одно земское собраніе жертвуетъ много, а другое мало. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, почему новгородское земское собраніе пожертвовало въ прошломъ году на дѣло народнаго образованія 45,000 р., московское 30,000, петербургское 5,000 р., а многія другія не пожертвовали ничего? Какъ объяснить, что въ одной и той же Петербургской губерніи Лугскій уѣздъ внесъ въ смѣту расходъ на пособіе школамъ въ размѣрѣ свыше 3,000 р., Петергофскій и Петербургскій въ размѣрѣ 2,000 р., а Шлиссельбургскій не назначилъ ни копѣйки? Какъ объяснить наконецъ, что одинъ и тотъ же Ямбургскій уѣздъ на 1869 г. назначилъ 375 р., а на 1870 г. 1,770 р.? Все это, очевидно, дѣло случая и разъясненіе подобныхъ вопросовъ можетъ имѣть покуда только мѣстный интересъ, а для насъ гораздо важнѣе тѣ общія начала, которыя выработываются въ этомъ отношеніи земскими собраніями.

Толки о способѣ участія земства въ дѣлѣ народнаго образованія начались въ первыя же сессіи по открытіи земскихъ собраній и продолжаются до сихъ поръ. Каждая управа считаетъ своимъ долгомъ помѣстить въ отчетѣ рубрику о народномъ образованіи и при этомъ, смотря по направленію лицъ, писавшихъ отчетъ, или попенять на крестьянское населеніе за равнодушіе къ грамотности, или указать на «отрадный фактъ» возникновенія десятка школъ въ уѣздѣ. Но само собою разумѣется, что отъ этого дѣло еще не много подвигается впередъ. Между тѣмъ во многихъ земскихъ собраніяхъ являются люди, которые отвергаютъ необходимость даже денежной помощи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, объясняя, что иниціатива открытія школъ должна принадлежать сельскимъ обществамъ, которыя и должны тратить на нихъ свои собственныя средства. Враждебное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія прикрывается здѣсь фразами о самоуправ-

ленія, и люди, проповѣдующіе эти сомнительной чистоты принципы, не стыдятся упрекать крестьянское сословіе въ равнодушіи къ его интересамъ, заявляя въ тоже время, что вторженіе въ эти интересы они считаютъ насильственнымъ нарушеніемъ свободы. Такъ какъ подобныя воззрѣнія къ сожалѣнію не составляютъ исключеній и иногда принимаются уѣздными управами и собраніями (какъ напримѣръ, харьковскими), то мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Мы не можемъ не сказать, что, хоть въ нашемъ государственномъ бюджетѣ на дѣло народнаго образованія ассигнована довольно скромная цифра, тѣмъ не менѣе она, вмѣстѣ съ расходами на содержаніе министерства, составляетъ до десяти милліоновъ, къ которымъ еще слѣдуетъ приложить расходы на содержаніе спеціальныхъ училищъ по вѣдомству военному, морскому, путей сообщенія и т. п. Всѣ эти милліоны, получаемые, почти цѣликомъ, съ крестьянскаго населенія — и почти цѣликомъ идутъ на образованіе высшихъ классовъ. Собственно на народныя училища государство не тратитъ почти ничего, предоставляя дѣло частной иниціативѣ и земству; и при этихъ-то условіяхъ находятся такіе земскіе дѣятели, которые безцеремонно заявляютъ, что учрежденіе школъ есть обязанность самого крестьянскаго сословія и что они не хотятъ посягать на его самостоятельность. Насъ всегда особенно непріятно поражало это лицемѣріе, и мы готовы скорѣе извинить тѣмъ откровеннымъ врагамъ народнаго образованія, которые видятъ въ уничтоженіи школъ спасеніе отечества, нежели этимъ глубокомысленнымъ теоретикамъ, которые, дрожа надъ грошемъ, рѣшаются упрекать въ невѣжествѣ то крестьянское населеніе, которое часто не имѣетъ средствъ не только на заведеніе школы, но и на покупку хлѣба. Этимъ лицемѣрнымъ проповѣдникамъ невѣжества не слѣдовало бы забывать, что крестьянское населеніе, несмотря на всю свою бѣдность, все-таки иногда заводитъ школы на собственныя средства, между тѣмъ какъ представители высшихъ сословій очень рѣдко жертвуютъ денежныя средства на учрежденіе учебныхъ заведеній для своихъ дѣтей, а иногда учреждаютъ ихъ на тѣ же земскія деньги, т.-е. опять-таки пользуются средствами крестьянъ, которые оплачиваютъ весь государственный расходъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Рядомъ съ остроумными защитниками исключительнаго права крестьянскаго населенія нести на себѣ всѣ расходы на образованіе и высшихъ и низшихъ классовъ, мы можемъ поставить тѣхъ наивныхъ, или притворяющихся наивными, педагоговъ, которые видятъ разрѣшеніе вопроса о народномъ обученіи въ полномъ предоставленіи этого дѣла духовенству. Предложенія этого рода находили и находятъ до сихъ поръ очень много защитниковъ, отчасти потому, что на нихъ очень благосклонно смотритъ начальство, отчасти потому, что съ при-

нятіемъ такого предложенія не представляется необходимости разсуждать и принимать какія-нибудь мѣры. Достаточно во избѣжаніе скандала пожертвовать рублей пятьсотъ, раздѣлить ихъ между благочиніями и довольно. Съ другой стороны, люди, понимающіе дѣло и знающіе положеніе нашего духовенства, энергически возстаютъ противъ такихъ предположеній, вслѣдствіе чего возникаютъ споры и пренія. Ходъ этихъ преній извѣстенъ. Защитники духовной педагогіи распространялись о нравственномъ значеніи духовныхъ пастырей, говоря, что «утвержденіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій», о которыхъ упоминается въ положеніи о народныхъ училищахъ, составляетъ и безъ того одну изъ обязанностей духовенства, что, слѣдовательно, искать другихъ наставниковъ было бы не только безполезно, но и грѣшно, и что въ народѣ существуетъ полное довѣріе къ духовенству, которое такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія необходимыя для народныхъ учителей. На это возражаютъ, что обязанность народнаго учителя требуетъ спеціальной подготовки, что утвержденіе въ вѣрѣ и обученіе грамотѣ не одно и тоже, что духовенство не имѣетъ свободнаго времени для школьныхъ занятій и что религіозное вліяніе, — одно, а умѣнье пріохотить дѣтей къ ученью — другое. При этомъ часто подымается буря и сыплются обвиненія въ атеизмѣ и тому подобномъ. Мы не будемъ продолжать изложеніе этихъ споровъ, въ которыхъ обѣ стороны сознательно лицемѣрятъ; одна, чтобы настоять на введеніи такого порядка, неудовлетворительность котораго очевидна для всѣхъ, другая для того, чтобы не перейти въ своихъ возраженіяхъ за ту границу, которая поставлена общественными условіями. Для непредубѣжденнаго и знакомаго съ дѣломъ читателя вопросъ этотъ разрѣшается просто; къ счастію онъ также просто разрѣшается и самими крестьянами, которые по опыту знаютъ въ чемъ дѣло. Читатели помнятъ вѣроятно, что на это весьма рѣшительно указалъ два мѣсяца тому назадъ въ петербургскомъ губернскомъ собраніи гласный отъ Гдовскаго уѣзда г. Обольяниновъ, котораго вообще трудно упрекнуть въ излишнемъ либерализмѣ.. «Я не считаю себя вправѣ умолчать о томъ весьма грустномъ фактѣ, сказалъ онъ, что во многихъ волостяхъ нашего уѣзда существуютъ мірскіе приговоры, гласящіе: если учителемъ будетъ священникъ, не дадимъ ни копѣйки, а если настоящій учитель, то дадимъ и по 10 коп. съ души».

Если большинство земскихъ собраній и пришло въ настоящее время къ убѣжденію, что школы нужны и нужны учителя для школъ, то споры о томъ, какую земство можетъ оказывать имъ помощь, до сихъ поръ продолжаются. Одни говорятъ, что оно должно устроивать школы вновь, другіе хотятъ ограничиться поддержкою школъ существующихъ, одни предлагаютъ давать только на первое обзаведеніе,

другіе — платить жалованье учителямъ, третіе — доставлять учебныя пособія, и т. д. Но какъ ни разнообразны эти мнѣнія, тѣмъ не менѣе теперь уже можно указать въ нихъ нѣкоторыя общія черты. Такъ въ послѣднее время все болѣе укореняется мысль, что роль губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго образованія должна быть различна, что уѣздныя собранія и управы, находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ населенію своего уѣзда, могутъ принимать непосредственное участіе въ средѣ народныхъ школъ, учреждать ихъ, поддерживать, давать пособія; что же касается губернскихъ собраній, то по самому существу ихъ обязанностей на ихъ долю должны выпадать заботы, имѣющія предметомъ не какую-нибудь мѣстность, а цѣлую губернію, это именно заботы объ образованіи способныхъ и знающихъ дѣло народныхъ учителей. Эта мысль, еще въ 1866 г. заявленная петербургскою управою, окончательно формулирована московскимъ собраніемъ въ сессіи 1868 г. и затѣмъ принята новгородскимъ и петербургскимъ земскими собраніями. Въ настоящее время она дѣлается уже общимъ достояніемъ. Но было время, когда вопросъ о народномъ образованіи ставился гораздо шире.

VI.

Мысль о различномъ способѣ участія губернскаго и уѣзднаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія была, какъ мы уже сказали, окончательно формулирована московскимъ губернскимъ собраніемъ. Но московское губернское собраніе не сразу остановилось на этой мысли; прежде вопросъ былъ поставленъ имъ гораздо шире: въ сессію 1866 г. большинство въ этомъ собраніи пришло къ убѣжденію въ необходимости *обязательнаго* народнаго обученія. Проектъ въ этомъ смыслѣ былъ выработанъ особой коммисіей, которая выразила въ своемъ докладѣ, что хотя и нельзя сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе именно земскихъ училищъ, такъ какъ законъ предоставляетъ родителямъ полную свободу выбирать мѣсто и способъ обученія своихъ дѣтей, тѣмъ не менѣе въ силу того же закона самое обученіе должно быть обязательно. Право земства настаивать на обязательномъ обученіи коммисія основала на нашихъ гражданскихъ законахъ, гдѣ дѣйствительно мы находимъ указаніе, что «родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное по своему состоянію» и что они «должны обращать вниманіе на нравственное образованіе своихъ дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить нравы ихъ и содѣйствовать видамъ правительства», хотя при этомъ имъ «предоставляется на волю воспитывать дѣтей своихъ дома или отдавать ихъ въ общественныя заведенія, отъ правительства или отъ частныхъ лицъ учрежденныя».

(Ст. 172 и 173 св. зак. гр. т. X ч. 1.) Въ виду этихъ-то статей закона коммиссія пришла къ убѣжденію, что обязательное обученіе было бы только исполненіемъ закона, остававшагося мертвою буквою. Само собою разумѣется, что при этомъ коммиссія предполагала дать средства къ обученію даровыя, и съ этой цѣлью предлагала открыть необходимое число земскихъ школъ, предоставивъ воспитательную часть въ нихъ исключительно женщинамъ. Такимъ образомъ, кромѣ обязательности обученія коммиссія старалась провести принципъ широкаго примѣненія женскаго труда къ дѣлу первоначальнаго воспитанія и обученія. Она выразила убѣжденіе, что женщина, при равныхъ познаніяхъ, лучше мужчины умѣетъ передавать дѣтямъ все то, чему она училась, что у нея менѣе сухости и педантизма и гораздо болѣе терпѣнія и кротости, благотворно дѣйствующихъ на характеръ дѣтей. Къ этимъ соображеніямъ, оправдывающимъ предпочтеніе женщинъ, коммиссія прибавила еще, что существующія женскія заведенія могутъ въ довольно скорое время подготовить достаточное число учительницъ для сельскихъ школъ и что учительницы эти, хотя бы онѣ и невполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ, во всякомъ случаѣ имѣютъ то преимущество, что не подвержены—пороку нетрезвости.

Начала, выраженныя въ докладѣ коммиссіи, были послѣ продолжительныхъ преній приняты собраніемъ, которое формулировало свое постановленіе слѣдующимъ образомъ:

«Земство учреждаетъ народныя училища, или, по усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній, поддерживаетъ своими средствами училища уже существующія,—только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сельское общество мірскимъ приговоромъ постановитъ обязательность обученія, постановивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстное взысканіе съ родителей за неисполненіе такого приговора.

«Эта мѣра распространяется и на другія села и деревни, лежащія недалѣе 2-хъ верстъ отъ мѣста, гдѣ учреждено сельское училище.

«Дѣти, учащіяся внѣ народныхъ школъ, должны, передъ началомъ вакаціи, выдержать экзаменъ въ одной изъ мѣстныхъ школъ въ присутствіи члена училищнаго совѣта и родители тѣхъ дѣтей, которыя окажутся неумѣющими ни читать ни писать, подвергаются установленному взысканію за неученіе своихъ дѣтей».

Для приведенія своихъ предположеній въ исполненіе, губернское собраніе признало необходимымъ учредить учительскую семинарію для приготовленія учительницъ и открыть 180 народныхъ школъ. Программу для этихъ заведеній поручено было составить той-же коммисіи.

Несмотря на то, что всѣ эти предположенія были *окончательно* приняты собраніемъ,—ни одному изъ нихъ не суждено было сбыться. Это совершенно понятно, ибо, отдавая полную справедливость тѣмъ

благимъ намѣреніямъ, которыя имѣли составители проекта обязательнаго обученія, нельзя не видѣть, что примѣненіе этого проекта *при существующихъ условіяхъ* невозможно. Мы говоримъ не о томъ, что обязательное обученіе потребовало бы принудительныхъ правительственныхъ мѣръ, и что законъ, на который сослалось московское собраніе, какъ неопредѣляющій кары за его нарушеніе, не имѣетъ практическаго значенія,—все это дѣло поправимое; но самое главное препятствіе заключается въ финансовой сторонѣ дѣла. Обязательное обученіе должно быть даровое и легко доступное; чтобы дать его, надо учредить огромное число школъ, для этого нужны большія средства, а средствъ, какъ извѣстно, нѣтъ. Эти-то причины и повели къ тому, что всѣ прежнія предположенія были отвергнуты въ 1868 году тѣмъ же самымъ собраніемъ, которое приняло ихъ въ 1866. Собраніе приняло другой проектъ, по которому участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія ограничено поддержкою существующихъ и вновь создающихся школъ, содержимыхъ на частныя или общественныя средства, вызовомъ частныхъ лицъ или обществъ къ открытію новыхъ школъ оказаніемъ имъ матеріальной помощи, снабженіемъ школъ учебными средствами и, наконецъ, приготовленіемъ народныхъ учителей. Къ преимущественной обязанности губернскаго земства московское собраніе отнесло именно приготовленіе учителей и притомъ такихъ, «которые бы при возможной удовлетворительности въ нравственномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, пришлись по вкусу крестьянъ, принялись между ними и возбудивъ въ нихъ охоту къ образованію, сами стали бы посредственною причиною открытія новыхъ школъ и увеличенія требованій на учителей». Для достиженія этой цѣли, по мнѣнію московской губернской управы, проектъ которой былъ принятъ собраніемъ, необходимо, чтобы образуемые земствомъ учителя принадлежали къ тому же сословію, для служенія которому они предназначаются, чтобы образованіе, которое они получатъ, отнюдь не ослабляло связи съ ихъ собственною средой и чтобы по окончаніи курса ученія они возвращались въ эту среду тѣми же крестьянами, но крестьянами образованными. При этомъ условіи содержаніе школъ, по мнѣнію управъ, потребуетъ гораздо менѣе расходовъ, ибо народные учителя, вышедшіе не изъ крестьянскаго сословія, всегда будутъ тяготиться своимъ положеніемъ и потому потребуютъ бо́льшаго вознагражденія, тогда какъ учителя-крестьяне, возвратясь въ свою привычную среду, можетъ быть въ свое сельское общество, къ своему семейству, будутъ по всей вѣроятности довольствоваться и тою платою, которую назначитъ общество, особенно если эти учителя будутъ имѣть какое-нибудь занятіе или ремесло, которое, не отвлекая ихъ отъ учительскихъ обязанностей, будетъ служить подспорьемъ для существованія. Но при этомъ управа рѣшительно отвергла возможность допустить къ преподаванію

женщинъ, полагая, что сельскія общества будутъ смотрѣть на нихъ недовѣрчиво.

Принявъ проектъ управы, губ. собраніе ассигновало въ распоряженіе уѣздныхъ собраній 30,000 р., на устройство и поддержку школъ, и въ то же время поручило выработать окончательно проектъ учительской семинаріи, который въ настоящее время уже составленъ.

Предположенія московскаго земства были приняты въ общихъ чертахъ и другими собраніями. Такъ новгородское собраніе, пожертвовавъ, въ томъ же 1868 году, на дѣло народнаго образованія 45,000 рублей, оставшіеся отъ завѣдыванія почтовыми станціями, рѣшилось израсходовать большую часть этой суммы также на приготовленіе народныхъ учителей. При этомъ точно также высказано желаніе, чтобы народные учителя принадлежали къ крестьянскому сословію, чтобы во время воспитанія они оставались въ прежней обстановкѣ, т.-е. въ простой одеждѣ, на простой пищѣ, въ помѣщеніяхъ приноровленныхъ къ семейнымъ привычкамъ, чтобы всѣ домашнія работы отбывались воспитанниками училищныхъ семинарій безъ прислуги и чтобы они ежегодно были отпускаемы на лѣтнее рабочее время къ родителямъ для занятія полевыми работами. Подобная же мысль была высказана и въ 1868 и 1869 годахъ и въ петербургскомъ губернскомъ собраніи. Когда зашла рѣчь о народномъ образованіи, членъ училищнаго совѣта г. Якобсонъ заявилъ, что въ Петербургской губерніи считается 298 народныхъ школъ, но въ этихъ школахъ спеціальныхъ учителей и затѣмъ священниковъ и діаконовъ всего 45, остальные же — безсрочные солдаты, бомбардиры и тому подобныя лица, не имѣющія права преподавать, и если министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило оставить школы при прежнихъ учителяхъ, чтобы не довести ихъ до закрытія, то съ тѣмъ только условіемъ, чтобы названные учителя были постепенно замѣнены новыми. Въ виду этого заявленія петербургское собраніе также пришло къ убѣжденію въ необходимости учредить школу для приготовленія учителей. При этомъ нѣкоторые изъ гласныхъ говорили, что педагогическая школа должна быть учреждена внутри губерніи, въ сельской обстановкѣ, что къ преподаванію въ народныхъ училищахъ должны быть допущены женщины, и что самыя училища должны быть устроены какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Но собраніе не приняло этихъ предположеній и ограничилось открытіемъ лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ (которые открыты теперь уже въ нѣсколькихъ губерніяхъ) и установленіемъ двадцати стипендій при педагогическихъ курсахъ Андреевскаго училища. Но при этомъ признало необходимымъ нанять для воспитанниковъ общую квартиру, гдѣ помѣстить особаго надзирателя, снабдивъ его средствами на учебныя пособія и ремесленные инструменты.

Мы не будемъ приводить постановленій, состоявшихся по этому пред-

мету въ другихъ собраніяхъ, такъ какъ преобладающее начало въ нихъ одно и тоже. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже выработаны окончательно и проекты учительскихъ семинарій и открыты учительскіе курсы; но мы не будемъ излагать этихъ проектовъ и знакомить читателей съ педагогическими убѣжденіями того или другого собранія, такъ какъ цѣль нашей статьи заключается только въ указаніи общаго направленія, усвоеннаго земствомъ по тому или другому вопросу.

VII.

Передавъ читателямъ высказанныя большинствомъ земскихъ собраній предположенія земства, мы не можемъ съ своей стороны не сказать, что приготовленіе народныхъ учителей не должно составлять единственную заботу земства. Нужно, чтобы этимъ учителямъ было гдѣ преподавать, чтобы кто-нибудь платилъ имъ и доставлялъ учебныя пособія. Между тѣмъ огромное большинство уѣздныхъ собраній совершенно устраняетъ отъ себя заботы объ учрежденіи школъ, ограничиваясь передачей той или другой суммы въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ. Суммы эти большею частью оказываются весьма незначительны и ихъ едва можетъ хватить на поддержку существующихъ школъ; объ учрежденіи новыхъ — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣтъ и помину. Такое отношеніе къ дѣлу конечно не можетъ принести благотворныхъ результатовъ. Сколько бы ни толковали о преимуществѣ частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія, изъ этихъ толковъ ничего не выйдетъ, ибо невозможно требовать отъ крестьянскаго сословія, чтобы оно, при своей крайней бѣдности, рѣшилось само жертвовать значительныя суммы для того, чтобы отрывать своихъ дѣтей отъ полевыхъ работъ, особенно теперь, когда оно не видитъ еще отъ школъ большой пользы. Чтобы крестьянское населеніе убѣдилось въ необходимости учить своихъ дѣтей, нужно прежде дать ему порядочныя школы. Надѣяться на благодѣянія частныхъ лицъ здѣсь также нечего, такихъ благодѣтелей очень мало, и смотрятъ на нихъ разныя власти недружелюбно. Кому же придетъ охота заводить школу для того, чтобы его же потомъ обвиняли въ сепаратизмѣ и т. п. и заставляли тратиться на гербовую бумагу для принесенія жалобъ. Въ этомъ отношеніи полтавскій училищный совѣтъ далъ ревнителямъ просвѣщенія такой урокъ, который вѣроятно не въ одномъ изъ нихъ охладитъ усердіе. Точно также нельзя разсчитывать и на пособія отъ правительства. Правительственныя средства расходуются у насъ на образованіе высшихъ классовъ, на народное образованіе только въ послѣднее время ассигновано триста тысячъ рублей, а на эту сумму конечно нельзя сдѣлать много. Такимъ образомъ очевидно, что только земскія учрежденія имѣютъ возможность заботиться объ открытіи школъ, если только они добросовѣстно возьмутся за это дѣло, и рѣшатся оказать

матеріальную помощь крестьянскому сословію. Отказываться отъ этой помощи на томъ основаніи, что земскія деньги собираются не съ однихъ крестьянъ, было бы недобросовѣстно потому, что крестьянскія деньги идутъ же на образованіе высшихъ классовъ и никто не видитъ въ этомъ ничего страннаго.

Само собою разумѣется, что еслибы земскія собранія серьезно отнеслись къ дѣлу народнаго образованія, то они не ограничились бы общей программой, которая признаетъ необходимымъ для народныхъ школъ только чтеніе, письмо и ариѳметику. Говоря откровенно, нельзя сказать, что пріобрѣтеніе такихъ ничтожныхъ познаній еще не можетъ принести большой пользы, и что оно желательно теперь потому только, что нѣтъ ничего бо̀льшаго. Земскія собранія могли бы смотрѣть на дѣло нѣсколько шире и позаботиться не только о томъ, чтобы учить народъ но и о томъ: чему его учить? Слишкомъ несправедливо отказывать крестьянскому сословію хотя въ томъ образованіи, которое у насъ обыкновенно называется низшимъ, и которое, благодаря уѣзднымъ училищамъ, дѣлается доступно для городскихъ сословій. Конечно, найдется много людей, которые будутъ утверждать, что книжное образованіе для народныхъ массъ не только безполезно, но и вредно, что для мужика за глаза достаточно (даже много) умѣть читать святцы и и знать «цифирь», и что все большее есть роскошь, несоотвѣтствующая той роли, которую должно играть въ государствѣ крестьянское сословіе. Но всѣ эти толки составляютъ только варіацію на старую тему о вредѣ грамотности, съ которой пора была бы ужъ и покончить. Повторяемъ, еслибы земскія собранія захотѣли оказать дѣйствительную помощь народному образованію, они нашли бы возможность дать хотя немногимъ лицамъ изъ крестьянскаго сословія возможность научиться чему-нибудь, кромѣ чтенія по складамъ и писанія цифръ.

Къ сожалѣнію, подобныя попытки со стороны земскихъ учрежденій очень и очень рѣдки. Изъ губернскихъ земскихъ собраній, сколько намъ извѣстно, одно только вятское признало необходимымъ учрежденіе высшихъ земскихъ школъ, хотя его проектъ еще не приведенъ въ исполненіе, но въ принципѣ дѣло рѣшено. Такимъ образомъ, необходимость дать народу дѣйствительное образованіе прежде всего сознана въ такомъ земскомъ собраніи, гдѣ почти совершенно отсутствуетъ элементъ личнаго землевладѣнія. Этого конечно и слѣдовало ожидать, ибо здѣсь некому бояться истратить *«свой»* грошъ на *«чужое»* дѣло. Точно также и между уѣздными собраніями мысль объ учрежденіи высшихъ школъ осуществлена тамъ, гдѣ элементъ личнаго землевладѣнія былъ весьма слабъ и гдѣ предсѣдатель земской управы былъ крестьянинъ, это именно въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Новоузенское земство обратило на себя вниманіе съ самаго перваго времени; оно въ первой же сессіи постановило переложить натуральныя повинности на денежныя, устроило одну изъ первыхъ

земскихъ почтъ, выработало проектъ объ арендованіи казенныхъ земель крестьянскими артелями, и наконецъ едва не пріобрѣло покупкою всѣ казенныя земли въ уѣздѣ. Здѣсь-то впервые и были учреждены высшія народныя школы. Уставъ и программа этихъ школъ были утверждены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ нихъ предполагалось въ теченіи трехлѣтняго курса обучить закону Божію, практической грамматикѣ, ариѳметикѣ, геометріи (преимущественно землемѣрію), исторіи и географіи (преимущественно русской), чистописанію и черченію. Естественныя науки были исключены (?!) изъ программы министерствомъ. Школы были подчинены непосредственно министерству, помимо училищныхъ совѣтовъ; прежде предполагалось открыть приготовительные классы, гдѣ преподаваніе ввѣрялось учительницамъ.

Изъ отчета новоузенской управы за 1867 годъ видно, что на обзаведеніе и содержаніе школъ было израсходовано около 9,000 рублей что приготовительные классы были открыты въ 1866 году, а затѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказалось достаточно подготовленныхъ учениковъ или ученицъ, открывались постепенно и первые классы земскихъ школъ; въ приготовительныхъ классахъ обучалось 346 мальчиковъ и 115 дѣвочекъ, изъ нихъ перешло въ первые классы земскихъ школъ мальчиковъ 138, дѣвочекъ 39, во вторые классы мальчиковъ 67, дѣвочекъ 8. Успѣхъ преподаванія, по заявленію управы, превзошелъ ея ожиданія; заявившихъ желаніе учиться было такъ много, что нанятыя управою помѣщенія оказались недостаточны, несмотря на то, что прежніе сельскіе учителя, видя въ новыхъ школахъ подрывъ своего кредита, подстрекали населеніе и противъ школъ и особенно противъ учительницъ, о которыхъ управа съ своей стороны сдѣлала самый лестный отзывъ.

Коснувшись школъ Новоузенскаго уѣзда, мы не можемъ скрыть, что, несмотря на очевидный успѣхъ, половина ихъ была закрыта въ томъ-же 1867 году тѣмъ-же собраніемъ, которое съ такой энергіей хлопотало объ ихъ открытіи. Сколько можно видѣть изъ отчета о томъ засѣданіи, въ которое «пересматривался» вопросъ о школахъ, на большинство собранія подѣйствовало заявленіе одного изъ депутатовъ отъ дворянства г. Чембулатова, который былъ присланъ въ качествѣ предсѣдателя собранія и который, съ энергіею достойной лучшаго дѣла, напалъ какъ на самый проектъ высшихъ школъ, такъ и на способъ его осуществленія. Чтобы читатели могли видѣть, изъ какого лагеря шли эти нападенія, достаточно привести нѣсколько фразъ г. Чембулатова. Какъ тяжкое обвиненіе г. Чембулатовъ привелъ тотъ фактъ, что между школьными книгами оказались «Путевыя письма изъ Америки», «Жизнь Франклина» и нѣсколько книгъ по естественной исторіи; въ доказательство же того, что крестьянское населеніе «въ настоящее время не выражаетъ потребности высшаго умственнаго развитія»,

г. Чембулатовъ заявилъ, что въ самарской гимназіи крестьянъ очень мало, хотя доступъ въ гимназіи всѣмъ безпрепятственно открытъ. Тотъ же г. Чембулатовъ нашелъ, что проектированная управою продажа народу книгъ по дешевой цѣнѣ есть предпріятіе для земства не экономическое, потому что въ результатѣ своемъ имѣло бы неокупаемый расходъ.

Еще откровеннѣе были нападенія священника Соловьева, который прямо объявилъ, что въ школахъ назначено слишкомъ мало жалованья законоучителю, что одна изъ учеоницъ распространяетъ противорелигіозныя идеи и что, поэтому, наблюденіе надъ школами слѣдуетъ предоставить духовенству. «А какъ всему православному міру извѣстна скудость средствъ православнаго духовенства», то священникъ Соловьевъ предложилъ дать этому духовенству право.... ѣздить на обывательскихъ лошадяхъ безъ прогоновъ.

Какъ ни ясна была задняя цѣль подобныхъ нападеній, однако большинство собранія поддалось на нихъ и, побуждаемое въ тоже время желаніемъ сократить расходы земства, рѣшилось оставить изъ семи школъ только три.

Эти школы существуютъ до сихъ поръ и, несмотря на все, что противъ нихъ предпринимается, идутъ, по отзывамъ мѣстныхъ корреспондентовъ, замѣчательно успѣшно. Учениковъ достаточно, крестьяне оставляютъ своихъ дѣтей въ школахъ даже на вакантное время, офиціальныя лица, посѣщавшія школы оставались довольны преподаваніемъ, даже заявляли наставницамъ письменную благодарность, и эти наставницы энергично продолжаютъ свое дѣло, несмотря на тѣ неудобства, которыя имъ приходится испытывать вслѣдствіе недружелюбнаго отношенія мѣстнаго духовенства.

Мы разсказали печальную исторію новоузенскихъ школъ не какъ любопытный фактъ, а какъ характеристичное явленіе, по которому читатели могутъ судить о той неустойчивости, которою отличаются наши земскія собранія. Сегодня указываетъ дорогу одинъ, и они идутъ по этой дорогѣ, идутъ, кажется совершенно сознательно, даже довольны собой за это, а завтра также легко пойдутъ за другимъ и будутъ убѣждать себя, что дѣлаютъ это совершенно разумно. Быть можетъ, еще много пройдетъ времени, прежде чѣмъ наши дѣятели научатся дорожить начатымъ дѣломъ и не бросаться изъ стороны въ сторону, а до тѣхъ поръ, какъ бы полезно ни было то или другое предпріятіе, съ какимъ бы жаромъ на него ни бросились сначала, на полный успѣхъ все-таки разсчитывать трудно.

Какъ бы то ни было, учрежденіе высшихъ школъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ все-таки имѣетъ серьезное значеніе, отвергать которое невозможно. Не говоря уже о стремленіи дать народу высшее образованіе, здѣсь получилъ практическое разрѣшеніе тотъ вопросъ, который былъ такъ категорически поставленъ въ 1866 году московскимъ собраніемъ

и который какъ-то обходятъ земства другихъ губерній. Мы говоримъ о допущеніи къ преподаванію женщинъ. Хотя практическіе примѣры подобнаго преподаванія вообще нерѣдки, но они все-таки составляютъ повсемѣстное исключеніе изъ общаго правила, и земскія собранія, заботясь объ образованіи учителей, въ большинствѣ случаевъ весьма мало заботятся объ учительницахъ. Между тѣмъ замѣчаніе московской коммиссіи о томъ, что женщины способнѣе къ преподавательской дѣятельности въ народныхъ школахъ нежели мужчины, кажется намъ совершенно вѣрнымъ. Кромѣ того, самыя школы въ Новоузенскомъ уѣздѣ учреждены какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, между тѣмъ какъ другія земскія собранія весьма мало обращаютъ вниманіе на воспитаніе дѣвочекъ, забывая, что мать была бы лучшею учительницею своего ребенка и что хорошее семейное воспитаніе въ массахъ будетъ возможно только тогда, когда матери будутъ въ состояніи сами обучать своихъ дѣтей или, по крайней мѣрѣ, слѣдить за ихъ успѣхами.

Изъ того что̀ мы сказали, ясно слѣдуетъ, что до сихъ поръ дѣятельность земства на пользу народнаго образованія, въ своемъ итогѣ, была далеко не такъ обширна, какъ бы слѣдовало ожидать. Если иногда и высказывались широкіе взгляды и были сдѣланы попытки ихъ осуществленія, то это были явленія единичныя, въ общей же массѣ сдѣлано весьма мало и даже не выработано самыхъ общихъ понятій о томъ, что̀ и ка̀къ должны дѣлать здѣсь земскія учрежденія. Въ оправданіе земскихъ учрежденій слѣдуетъ сказать, что они здѣсь встрѣтились, между прочимъ, съ серьезнымъ препятствіемъ, преодолѣть которое они не въ силахъ; это препятствіе заключается въ недостаткѣ средствъ, которыя, какъ мы видѣли, поглощаются на обязательные расходы и полученіе которыхъ дѣлается годъ отъ году труднѣе. Намъ случилось указать, что когда, въ силу закону 21 ноября 1866 года, земскія учрежденія были лишены правъ облагать фабрики и заводы по ихъ доходности и вслѣдствіе этого сумма земскаго сбора значительно уменьшилась, во многихъ губерніяхъ производительные расходы и особенно расходы на образованіе были сокращены на половину или даже вовсе выкинуты изъ смѣтъ. Если подобныя сокращенія расходовъ и были иногда излишни, то во всякомъ случаѣ основаніе для нихъ было и оно заключалось именно въ недостаточности средствъ. Нѣкоторыя мѣстности просто не въ состояніи выплачивать и того налога, который они несутъ обязательно, и въ этихъ случаяхъ конечно нельзя винить земскія собранія за то, что они не увеличиваютъ на пользу народнаго образованія этотъ неоплачиваемый налогъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е апрѣля, 1870.

ПАПСТВО И КАТОЛИЧЕСКІЙ МІРЪ.

Причина паденія папства въ его разладѣ съ европейскою цивилизаціею.— Слабость литературной пропаганды папства.—Отношеніе народныхъ массъ къ папству и кобленцское заявленіе. — Равнодушіе правительствъ къ папскому вопросу.—Внутренній разладъ въ средѣ духовенства: Дюпанлу, Маре и Гратри.— Іезуиты и курія.—Процедура собора и 12 апрѣля.

Папство погибаетъ. Провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы въ дѣлахъ религіи и нравственности будетъ послѣднею судорогою агоніи догматическаго католицизма. Это судорожное состояніе можетъ длиться много лѣтъ, но оно окончится навѣрное гибелью послѣдней христіанской теократіи въ Европѣ. Всѣ усилія поддержать эту теократію посредствомъ воззванія къ невѣжеству массъ въ католическихъ государствахъ, пропадутъ безплодно подъ напоромъ требованій и заботъ современной жизни: умственный складъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ имѣетъ въ себѣ слишкомъ мало такихъ элементовъ, которы способствовали бы поддержанію въ людяхъ слѣпой и безусловной религіозной восторженности. «Было время — говоритъ Лекки въ своей исторіи раціонализма въ Европѣ — когда голосъ Ватикана потрясалъ Европу до основанія, и посылалъ горделивыя арміи въ степи Сиріи. Было время, когда вся доблесть и рыцарство христіанскаго міра готовы были слѣдовать подъ знаменемъ церкви на любое поле битвъ и противъ какого угодно врага. Теперь же, на этотъ призывъ отвѣчаетъ лишь нѣсколько сотенъ французовъ, бельгійцевъ и ирландцевъ. Августѣйшая древность Рима, поклоненіе, окружающее его главу, воспоминаніе объ его несравненномъ вліяніи, геній, освящавшій его прошлое, частныя добродѣтели его правителей — все это

не можетъ спасти папскаго правительства отъ безповоротнаго и безнадежнѣйшаго паденія. Оно иногда принималось за реформы, но онѣ служили только къ ускоренію его гибели. Прибѣгли теперь къ насильственной политикѣ, но и она оказалась неспособною прекратить успѣхи разрушенія. Въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, при всѣхъ правителяхъ и подъ вліяніемъ разныхъ системъ политики, оно падало безнадежно, постоянно и быстро. Наконецъ, вліянія, столь долго разъѣдавшія его, достигли въ 1849 г. своей цѣли. Оно пало подъ ударомъ революціи, и съ тѣхъ поръ можетъ существовать лишь при помощи иностранной арміи. Начало живучести покинуло его». Его слабость и безпомощность достигли такой степени, что недавно оно принуждено пускаться въ унизительныя объясненія съ министромъ покровительствующей державы даже по вопросамъ, касающимся его главной спеціальности,—провозглашенія тѣхъ или другихъ дисциплинарныхъ правилъ въ управляемой имъ церкви.

Папство погибаетъ, но не потому, что въ современной Европѣ нѣтъ поводовъ къ религіозному вдохновенію народныхъ массъ; — оно гибнетъ потому, что отвернулось отъ этихъ массъ и мечтаетъ лишь объ эгоистическихъ интересахъ касты. Папа не хочетъ признать всѣхъ великихъ пріобрѣтеній человѣческой мысли и богатыхъ результатовъ неусыпной дѣятельности народовъ; онъ проводитъ въ своихъ владѣніяхъ желѣзныя дороги и телеграфы, но благотворная идея о силѣ пара и электричества имѣетъ для него лишь матеріальное, но не мыслительное значеніе. Новыя изобрѣтенія и открытія онъ не можетъ отрицать, но они не производятъ на его умъ и чувство такого полнаго вліянія, чтобы оно могло вывести его изъ дебрей догматизма и обожанія физической силы. Какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и теперь, папство старается поддержать свое существованіе ссылками на предписанія разныхъ соборовъ и старыхъ книгъ, на божественный источникъ происхожденія своей власти; — ему и въ голову не приходитъ, что этотъ источникъ давно изсякъ, что старыя книги слишкомъ устарѣли, и что постановленія соборовъ давно уже перестали считаться обязательными для всѣхъ. И теперь папство воображаетъ, что его вліяніе можетъ приносить громадную пользу разнымъ правительствамъ, въ признательность за которую послѣднія должны стараться, въ свою очередь, о сохраненіи независимости римскаго престола; многія европейскія правительства продолжали до новѣйшаго времени поддерживать въ папахъ эту пріятную иллюзію, которую, впрочемъ, они сами считали реальною дѣйствительностью. Вступая въ союзы съ разными правительствами, папство полагало, что конкордаты спасутъ его отъ вѣрной гибели, и что, играя роль орудія въ рукахъ свѣтской власти, оно обезпечиваетъ за собою право на свою собственную свѣтскую власть. Чего желали и требовали народныя массы — объ этомъ римскій пре-

столь давно уже пересталъ думать, и если онъ хлопоталъ о чемъ-нибудь, то лишь объ угнетеніи этихъ массъ, внушая имъ безпрекословное повиновеніе передъ установленными властями, кто бы онѣ ни были и чтобы онѣ ни дѣлали. Возставая противъ нѣкоторыхъ философскихъ, политическихъ и экономическихъ ученій, и торжественно осуждая ихъ, Римъ успѣлъ даже возбудить въ народныхъ массахъ вражду или презрѣніе къ своимъ проклятіямъ и благословеніямъ. Все, что есть живого и свободомыслящаго въ католическихъ государствахъ и даже въ самомъ католическомъ духовенствѣ, покидаетъ ряды защитниковъ папства, и если не переходитъ во враждебный лагерь, то остается вполнѣ равнодушнымъ къ судьбамъ не только римской іерархіи, но и всей догматики католицизма. Опасность можетъ грозить догматизму и въ другихъ церквахъ христіанской религіи, но нигдѣ она не возбуждаетъ столько шуму и столкновеній всевозможныхъ интересовъ, какъ въ католическомъ мірѣ, въ которомъ духовенство пользовалось весьма широкою властью почти надъ всѣми отраслями дѣятельности 200 милліоновъ человѣческихъ существъ.

Съ распространеніемъ знаній и увеличеніемъ благосостоянія въ народныхъ массахъ и высшихъ классахъ общества, религіозная догматика рѣшительно утратила почти всякій интересъ въ глазахъ всего читающаго и мыслящаго европейскаго человѣчества, а религіозные обряды и притязанія духовенства начинаютъ подвергаться не только насмѣшкамъ, но и рѣшительнымъ ограниченіямъ. Печать—этотъ вѣрный пульсъ общественнаго мнѣнія—представляется весьма равнодушною къ вопросамъ догматики. Еще въ 1858 году, одинъ строгій католикъ, Вентура, замѣтилъ: — «Всѣ, даже самые пустые интересы имѣютъ многочисленные органы въ періодической прессѣ и эти органы идутъ хорошо. Религія, этотъ первый и величайшій изъ всѣхъ интересовъ, имѣетъ лишь ничтожное, почти незамѣтное число органовъ, и всѣ они едва существуютъ. Въ католической Австріи (она была только средоточіемъ религіознаго деспотизма) на 135 періодическихъ изданій есть только одно, посвященное интересамъ христіанства, да и оно, въ своей ортодоксальности, оставляетъ желать весьма многаго... сказать правду, общественное мнѣніе и общественные интересы въ Европѣ перестали быть христіанскими». (Le pouvoir chrétien politique, стр. 139). И нынѣшнее «возрожденіе» католицизма вызвало лишь самое ничтожное оживленіе въ періодической литературѣ. Брошюръ духовнаго содержанія появилось множество, но газетъ, защищающихъ догматъ папской непогрѣшимости, оказывается не болѣе десяти на всю Европу. Другое орудіе общественнаго мнѣнія—сходки—почти не употребляются: въ мірянахъ нѣтъ потребности открыто пропагандировать догматъ католицизма. Мало того, міряне требуютъ, чтобы духовенство проповѣдовало имъ не папскія буллы, а то, что

можетъ принести какую-либо пользу мірскимъ интересамъ или можетъ польстить національному самолюбію. Когда, въ Ирландіи, было обнародовано въ первой половинѣ нынѣшняго мѣсяца, новое папское посланіе, осуждающее феніянизмъ и тайныя общества, ирландцы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до того возмутились этимъ посланіемъ, что во время чтенія посланія стали выходить изъ церквей цѣлыми массами. Приглашеніе епископовъ на вселенскій соборъ вызвало во многихъ мѣстностяхъ Европы религіозную агитацію такого свойства, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ желаніи мірянъ оказать непосредственное давленіе на дѣятельность съѣзжавшихся въ Римъ вліятельныхъ лицъ церкви. Такъ, въ Кобленцѣ, на Рейнѣ, міряне даже составили кодексъ своихъ требованій отъ вселенскаго собора. Хотя на соборѣ дозволяется говорить только епископамъ — гласитъ этотъ любопытный документъ — однако соборъ долженъ принять въ соображеніе мысли и желанія всѣхъ членовъ церкви; міряне могутъ имѣть на соборѣ столь же доброе вліяніе, какъ и духовенство. Міряне ультрамонтанской партіи пользуются этимъ вліяніемъ чрезъ посредство пылкой пропаганды въ газетахъ. Развѣ у этой партіи въ Римѣ нѣтъ органа въ лицѣ «Civittà Cattolica», стремящейся осуществить планы своихъ приверженцевъ? Мы же лишены правъ сказать:—«мы не раздѣляемъ ни ея взглядовъ, ни ея надеждъ и, напротивъ, боремся съ ними изо всѣхъ силъ». Далѣе, кобленцское заявленіе выставляетъ четыре пункта своихъ требованій. Оно желаетъ прежде всего, чтобы церковь отказалась отъ всякаго союза съ политическими властями. «Ничто такъ сильно не отвращаетъ людей отъ церкви—говорятъ эти прусскіе католики — какъ опасеніе того, что церковь употребляетъ насиліе въ видахъ религіозныхъ. Государство становится христіанскимъ лишь тогда, когда оно признаетъ необходимость ограничить свою власть вещами порядка природнаго, предоставляя церкви управленіе дѣлами порядка сверхъестественнаго и признавая такимъ образомъ полную свободу совѣсти и религіи». Во второмъ пунктѣ кобленцскіе нѣмцы высказывали надежду на скорое прекращеніе напрасныхъ и безсмысленныхъ проклятій, которыми римскій престолъ постоянно осыпаетъ цивилизацію и науку. Затѣмъ либеральные католики требовали допустить мірянъ къ участію въ дѣлахъ церкви и побудить духовенство прилежнѣе заняться облегченіемъ страданій нѣмецкаго народа. Наконецъ, четвертый пунктъ кобленцскаго заявленія протестовалъ противъ такъ-называемаго «Индекса», то-есть, списка книгъ, запрещаемыхъ папскою цензурою, и чтеніе которыхъ влечетъ за собою церковныя кары.

Что кобленцское заявленіе не есть исключительный фактъ — въ этомъ легко убѣдиться изъ газетъ, издаваемыхъ въ католическихъ государствахъ: въ газетахъ проповѣдуется тоже самое. Однимъ сло-

вомъ, общественное мнѣніе высказывается открыто и ясно противъ всякихъ притязаній догматики, коль скоро она забирается въ областъ мірскихъ интересовъ и государственныхъ нуждъ. А такъ какъ ни одно правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ заявленіямъ и требованіямъ обществъ и его вліятельныхъ элементовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что политическіе принципы, вошедшіе въ употребленіе почти повсюду, при всѣхъ европейскихъ дворахъ, находятся въ противорѣчіи съ принципами, которыми руководится обыкновенно та или другая догматическая церковь. Понятно также, почему духовенство, видя передъ собою подобный «соблазнъ», почти вездѣ кричитъ объ упадкѣ религіознаго чувства и благочестія въ современномъ обществѣ. Признать свою собственную отсталость и невѣжество въ новомъ строѣ общественной жизни не соглашается ни одна церковь,—напротивъ, каждая изъ нихъ даже чванится своимъ «постоянствомъ», вѣрнѣе сказать, застоемъ, неподвижностью. Но правительства, какъ мы сказали, не могутъ оставаться глухими къ общественнымъ требованіямъ и потому всякій разъ, когда имъ приходится разрѣшать какія-нибудь крупныя недоразумѣнія между духовенствомъ и мірянами, являются сторонниками послѣднихъ. Почти во всѣхъ католическихъ земляхъ, главные органы общественной и государственной жизни: семья, школы, политика, и даже религія постепенно освобождаются изъ-подъ внѣшняго авторитета духовной іерархіи, и становятся предметами общихъ заботъ всѣхъ гражданъ и самого государства. Бракъ, прежде считавшійся церковнымъ таинствомъ, признанъ теперь подлежащимъ опредѣленію обыкновенной законодательной власти по собственнымъ, мірскимъ соображеніямъ послѣдней; во Франціи, въ Италіи и въ Австріи, люди, вступая въ бракъ, могутъ заключить его безъ посредства духовенства, — какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ католическихъ государствахъ допускается разводъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Народныя школы изъяты изъ-подъ безусловнаго надзора духовенства тоже во многихъ католическихъ странахъ. Вездѣ, и даже въ Испаніи, переходъ изъ католицизма въ какую-либо другую религію, даже нехристіанскую, не подлежитъ никакимъ преслѣдованіямъ. Въ Испаніи и Австріи, гдѣ еще такъ недавно клерикальный деспотизмъ царилъ почти безконтрольно, главные вожди духовенства подвергаются судебнымъ преслѣдованіямъ за свои черезъ-чуръ страстныя проповѣди противъ государственныхъ властей и въ пользу устарѣлыхъ догматовъ, и не разъ уже современная Европа имѣла случай видѣть того или другого епископа или архіепископа въ той самой тюрьмѣ, гдѣ прежде сиживали люди, позволявшіе себѣ разныя выходки противъ догматическаго богословія. Свобода и терпимость торжествуютъ повсюду,—слѣпой догматъ теряетъ всякое значеніе въ жизни.

Равнодушіе европейскихъ правительствъ къ догматизму и ихъ увѣренность въ томъ, что столь же равнодушно относятся къ дѣламъ церкви и управляемые ими народы, достаточно объясняютъ отсутствіе пословъ на вселенскомъ соборѣ. Нѣкоторыя изъ державъ даже вовсе не имѣютъ своихъ посольствъ въ Римѣ, и къ числу ихъ принадлежитъ Россія. Есть слухи, что противъ нея готовятся буря и громы за преслѣдованіе католицизма въ польскихъ провинціяхъ, но эти громы и буря могутъ даже не дойти до Польши, да еслибъ они и дошли, они остались бы безъ всякаго существеннаго вліянія. Пруссія, которая тоже имѣетъ польскія провинціи и еще нѣмцевъ-католиковъ въ Прирейнскихъ земляхъ, оказала свое участіе въ соборѣ лишь присылкою въ подарокъ дорогихъ обоевъ для залы засѣданія. Англія, подъ властью которой находится слишкомъ шесть милліоновъ католиковъ въ одной Европѣ, не имѣетъ оффиціальнаго представителя при папскомъ дворѣ. Соединенные Штаты посылаютъ въ Римъ лишь такихъ государственныхъ людей, которымъ нужно дать отдыхъ отъ политической дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ благъ можетъ искать эта республика или Англія отъ римскаго правительства, когда въ обѣихъ этихъ странахъ католицизмъ, подобно всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ, пользуется полною свободою проповѣди и прозелитизма? Присутствіе американскаго посла можетъ даже стѣснять папу, такъ какъ Соединенные Штаты служатъ представителемъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, то-есть, того именно принципа, который составляетъ прямую противоположность папству. Католическія державы: Австрія, Бельгія, Испанія, Италія и Франція, тоже отказались имѣть своихъ представителей на соборѣ, чтобы не возбуждать въ своихъ подданныхъ и мысли о соучастіи правительствъ въ рѣшеніяхъ собора. Бельгія не имѣетъ своего представителя на соборѣ по той простой причинѣ, что она придерживается въ дѣлахъ церкви американскихъ принциповъ. Австрія, Италія и Испанія тоже провозгласили принципъ «свободной церкви въ свободномъ государствѣ», но исполняютъ его лишь отчасти, такъ какъ эти три державы, подобно Франціи, признаютъ за духовенствомъ право на жалованье изъ государственной казны. Всѣ онѣ не явились на соборъ, зная напередъ, что тамъ пойдетъ рѣчь о нарушеніи конкордатовъ и конфискаціи церковныхъ имуществъ. Франція хотѣла-было принять участіе въ дѣятельности собора, но потомъ благоразумно одумалась, и теперь графъ Дарю требуетъ лишь дозволенія «національному епископу» излагать передъ соборомъ мнѣнія французскаго правительства по вопросамъ «смѣшаннаго» характера. Кардиналъ Антонелли отказывается отъ удовлетворенія этого требованія Франціи, ссылаясь на невозможность для какого-бы то ни было епископа исполнять двойную обязанность представителя духовной власти и представителя своей націи. По всей

вѣроятности, переписка французскаго правительства съ папскимъ дальше не пойдетъ, такъ какъ послать своего представителя на соборъ значило бы для Франціи присутствовать, въ лицѣ своего посла, при торжественномъ осужденіи своего собственнаго государственнаго права. Глава нынѣшняго французскаго правительства, Олливье, будучи простымъ депутатомъ, даже радовался отсутствію представителей державъ на соборѣ, какъ признаку того, что непреодолимое вліяніе современнаго духа, господствующаго въ Европѣ, приведетъ въ концѣ концовъ къ полному отдѣленію церкви отъ государства. Въ послѣднее время Олливье столь часто доказывалъ искренность своей преданности къ заявленнымъ однажды принципамъ, что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ употребитъ всѣ свои старанія для того, чтобъ вычеркнуть изъ бюджета жалованье духовенству.

Въ средѣ самого католическаго духовенства произошелъ разладъ; многіе священники не могутъ оставаться равнодушными къ политическимъ судьбамъ своихъ націй и желали бы принять дѣятельное участіе въ общемъ либеральномъ движеніи. Есть священники, особенно въ Италіи, проповѣдывающіе необходимость лишенія папы свѣтской власти и отмѣны безбрачія духовенства; нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно сочетались бракомъ. Такіе браки случались въ послѣднее время и въ Испаніи, и, если вѣрить варшавскимъ корреспондентамъ нашихъ газетъ, тоже требованіе заявляется нѣкоторыми польскими священниками, и мы рѣшительно не понимаемъ, почему бы не удовлетворить этому справедливому требованію. Во Франціи, протестующихъ противъ папской власти священниковъ всегда *было* не мало, хотя эти протесты рѣдко принимали такую энергическую форму, какъ подъ перомъ Ламенне или, въ наше время, въ устахъ извѣстнаго парижскаго проповѣдника Гіасинта. Въ Германіи и Австро-Венгріи тоже замѣчается широкая либеральная струя въ средѣ католическаго духовенства. Въ Пештѣ, съѣздъ либеральныхъ священниковъ прямо высказывался въ пользу современнаго хода вещей. «Евангеліе», сказалъ одинъ изъ нихъ, «вовсе не врагъ либерализма; напротивъ, какъ источникъ вѣчной любви, какъ лучъ божественнаго свѣта, оно само либерализмъ». Папа и римскій дворъ, какъ извѣстно изъ «Силлабуса», придерживаются совершенно иного образа мыслей, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противъ догмата о папской непогрѣшимости составилась въ средѣ католическаго духовенства довольно сильная оппозиція, которая на соборѣ имѣетъ до 120 представителей, и въ числѣ ихъ есть не мало весьма талантливыхъ людей. Правда, что только немногіе изъ этихъ епископовъ отличаются искреннею преданностью либеральнымъ идеямъ, между тѣмъ какъ остальные противятся догмату непогрѣшимости лишь вслѣдствіе опасенія за свою собственную власть надъ мѣстнымъ духовенствомъ. Однако эти не-

многіе, если только они энергическіе люди, могутъ произвесть настоящій расколъ въ католицизмѣ, ибо элементы для подобнаго движенія существуютъ уже давно.

Весьма видное мѣсто въ либеральныхъ протестахъ католическаго духовѣнства противъ догмата папской непогрѣшимости занимаютъ серьезныя сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ догматиковъ. Въ числѣ ихъ, Франція выставила архіепископа Дюпанлу и аббатовъ Маре и Гратри, а Германія дала мюнхенскаго профессора Дѣллингера, выступившаго въ походъ противъ папства подъ псевдонимомъ «Janus», въ цѣломъ рядѣ писемъ, сперва появившихся на столбцахъ аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и потомъ отпечатанныхъ особою книжкою подъ заглавіемъ: «Der Pabst und das Concil». Что касается до протестовъ Дюпанлу, они служатъ лишь отвѣтомъ на догматику мехельнскаго архіепископа Дешана (Deschamps), сторонника папской непогрѣшимости, и въ нихъ незамѣтно никакого либерализма; аббатъ Гратри тоже занимается лишь обличеніемъ римской куріи въ поддѣлкѣ документовъ, которыми она старается схоластически доказать, что папы всегда признавались непогрѣшимыми рѣшителями вопросовъ религіи и нравственности. Маре идетъ еще дальше,—его книга: «Le concile général et la paix religieuse» преслѣдуетъ ультрамонтанское ученіе шагъ за шагомъ и рѣшительно возстаетъ противъ предписаній «Силлабуса», осуждающихъ весь современный прогрессъ. Въ томъ же духѣ, но еще съ бо́льшимъ авторитетомъ, ведетъ свою аттаку Дѣллингеръ, требовавшій и прежде широкихъ реформъ въ католицизмѣ въ смыслѣ децентрализаціи духовной власти. «Для насъ — говоритъ онъ въ предисловіи къ своему послѣднему сочиненію — католическая церковь вовсе не отождествляется съ папизмомъ. Несмотря на внѣшнее клерикальное единство, мы, въ нашихъ основахъ, глубоко отличаемся отъ тѣхъ, клерикальный идеалѣ которыхъ воплощается во всемірную имперію, управляемую духовнымъ и, если возможно, свѣтскимъ монархомъ — въ имперію принужденій и угнетенія, въ которой свѣтская власть предоставляетъ свою руку въ распоряженіе власти духовной въ видахъ подавленія и задушенія всякаго движенія, ей противнаго».

Замѣчательно, что въ этой полемикѣ противъ папства не приняли никакого участія ни англичане, ни американцы. Напротивъ, если не принять во вниманіе перевода книги «Janus'a», на англійскомъ языкѣ появились лишь одни сочиненія въ пользу непогрѣшимости папы. «Quarterly Review» (за январь) приводитъ цѣлый списокъ этихъ сочиненій, числомъ 13, написанныхъ 9-ю авторами. Несомнѣнно, что молчаніе англичанъ обусловливается политическими причинами, такъ какъ большинство англійскихъ католиковъ составляютъ ирландцы. Все, что есть либеральнаго въ средѣ ирландскаго католическаго духовенства, соединилось теперь если не прямо съ феніями, то съ пар-

тіею «націоналистовъ», требующихъ не только крайне широкой поземельной реформы, но и самостоятельнаго ирландскаго парламента. По весьма понятнымъ причинамъ это духовенство не желаетъ вступать въ пререканія съ папскимъ правительствомъ.

Какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, на сторонѣ догмата непогрѣшимости являются преимущественно іезуиты и разные религіозные ренегаты, въ числѣ которыхъ архіепископъ вестминстерскій, Мэннингъ, играетъ весьма видную роль, какъ по своимъ литературнымъ талантамъ, такъ и по изумительной ревности къ папскому дѣлу. Вмѣстѣ съ Дешаномъ и женевскимъ епископомъ Мермильозомъ, онъ составляетъ главный оплотъ папства; ультрамонтаны испанскіе и итальянскіе не отличаются ни знаніями, ни ораторскимъ талантомъ, и если преклоняются передъ всѣми велѣніями папы, то лишь по невѣжественнымъ разсчетамъ на возстановленіе политическаго и клерикальнаго деспотизма въ своемъ отечествѣ. Большую поддержку на соборѣ оказываютъ папѣ епископы Востока и южной Африки; — не отличаясь ни особеннымъ образованіемъ, ни силою воли, ни богатствомъ, они готовы преклоняться передъ всякою властью, лишь бы она обѣщала поддерживать ихъ и охранять отъ излишнихъ притязаній турецкаго правительства. До какой нравственной ничтожности доходятъ эти люди, показываетъ случай съ киликійскимъ патріархомъ Гассуномъ, котораго папа заставилъ подписать весьма важный актъ, подъ угрозою ареста въ Ватиканѣ, — актъ этотъ передавалъ патріаршество Гассуна почти въ безконтрольное управленіе Рима. Между тѣмъ, почти цѣлую треть членовъ нынѣшняго вселенскаго собора составляютъ именно эти восточные клерикалы и такъ-называемые архіепископы и епископы *«in partibus infidelium»*, которые суть не что иное, какъ миссіонеры, часто неимѣющіе ни одного подчиненнаго имъ священника, ни паствы даже, и проживающіе въ дальнихъ странахъ на счетъ пособій, получаемыхъ изъ Рима. Въ числѣ 500 членовъ собора, подписавшихъ недавно документъ о необходимости провозглашенія догмата папской непогрѣшимости, восточные епископы и *in partibus* составляли почти половину. Другую половину составляли отчасти серьезные ультрамонтаны, отчасти низкопоклонники разныхъ націй, отчасти же духовные люди, надѣющіеся въ авторитетѣ папы найти твердую руку помощи ихъ національнымъ стремленіямъ (поляки, ирландцы).

Ультрамонтанская партія нашла себѣ вѣрныхъ союзниковъ въ членахъ ордена Іисуса, число которыхъ въ послѣднія тридцать лѣтъ возрасло съ 2,500 до 7,529 [1]). Придерживаясь принципа безусловнаго по-

---

[1]) По цензу 1863 года, іезуиты составляли тогда 19 отдѣльныхъ учрежденій, изъ которыхъ пять было въ Италіи, пять въ Германіи и Бельгіи, три во Франціи, два въ Испаніи, и четыре въ Англіи и Америкѣ. Римъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 344

виновенія своему «генералу», который живетъ въ Римѣ, этотъ орденъ составляетъ могущественное орудіе въ рукахъ ультрамонтановъ, и именно благодаря тому обстоятельству, что дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе ордена тѣсно связаны съ судьбою папскаго престола. И весь вопросъ о папской непогрѣшимости есть скорѣе вопросъ о существованіи іезуитизма и римской куріи, чѣмъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій. Читая нѣкоторыя заявленія папы, трудно не вѣрить искренности этого 78-лѣтняго чудака, которому весьма пріятно было бы стать непогрѣшимымъ: старики всегда любятъ если не быть, то по крайней мѣрѣ казаться непогрѣшимыми. Но для человѣка безпристрастнаго не менѣе трудно не понимать того, что несчастный Пій IX служитъ лишь орудіемъ въ интригахъ его собственнаго двора и іезуитскаго ордена. Что свѣтская власть папы должна составлять жизненный вопросъ для римской куріи — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Лишите папу Римской области, обратите его въ простого итальянскаго епископа,—куда же дѣнется тогда весь его дворъ? Бездѣтный епископъ можетъ жить хорошо и на тѣ средства, которыя останутся у папы въ распоряженіи, но этихъ средствъ не хватитъ на содержаніе всѣхъ лицъ, отправляющихъ теперь разныя служебныя обязанности въ Ватиканѣ. Неужели—спрашиваютъ себя люди, которымъ грозитъ несомнѣнная отставка, — неужели мы только для того состарѣлись въ разныхъ придворныхъ интригахъ, и терпѣли въ продолженіи нашей жизни столько униженій, ласкали тѣхъ, кого въ душѣ ненавидѣли, и гнали другихъ, которыхъ мы сами любили,—неужели все это мы дѣлали только для того, чтобы въ настоящую минуту, когда мы достигли высшихъ почестей и матеріальнаго довольства, все это довольство и почести рухнули бы безвозвратно въ рѣку времени, оставивъ насъ дряхлыми, хилыми и въ общемъ презрѣніи у новыхъ властителей? Ища спасенія въ старыхъ привычкахъ обмана и насилія, римскій дворъ напалъ на мысль о папской непогрѣшимости, съ цѣлью провозгласить потомъ и свѣтскую власть папы тоже дѣломъ существенной важности для религіи. Тогда отрицаніе свѣтской власти папы станетъ грѣхомъ въ глазахъ всего католическаго міра, и можетъ ли быть, чтобы въ числѣ 200 милліоновъ католиковъ не нашлось нѣсколькихъ сотъ тысячъ ревностныхъ сыновъ церкви, готовыхъ пролить свою кровь за ея интересы, и чтобы у этихъ 200 милліоновъ душъ не было столько денегъ, сколько необходимо для поддержанія новой папской арміи? Однимъ словомъ, курія и іезуиты поддерживаютъ догматъ не-

---

іезуита, 1,362 отправлены въ миссіи; въ Италіи число ихъ доходило до 1,617, въ Австріи — 362, въ Бельгіи — 576, въ Голландіи — 236, въ Германіи—584, во Франціи — 2,266, въ Испаніи—868, въ Англіи—270, въ Ирландіи—139, въ Америкѣ—350.—Ср. Statesman's Year-Book, by Fr. Martin, на 1870 годъ, стр. 321—2.

погрѣшимости, потому что этотъ догматъ кажется имъ единственнымъ якоремъ спасенія ихъ собственнаго ковчега отъ бури современнаго религіознаго движенія. Это не догматическая школа, это дипломатическій союзъ.

Дипломатическій характеръ нынѣшняго вселенскаго собора проявляется на каждомъ шагу, такъ какъ папское правительство употребляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы соборъ имѣлъ по возможности менѣе случаевъ къ проявленію ораторскихъ талантовъ, но соглашался бы скорѣе съ предписаніями разныхъ проектовъ, сочиняемыхъ папскими приверженцами. Даже сама зала, гдѣ происходятъ пренія епископовъ, устроена такимъ образомъ, что большинство рѣчей остается безъ всякаго вліянія на собраніе; рѣчи говорятся тамъ не въ отвѣтъ одна на другую, но безъ всякаго порядка. Всѣ предложенія, которыя дѣлаются отъ собора, составляются въ особой коммиссіи, члены которой назначены самимъ папою исключительно изъ ярыхъ сторонниковъ ультрамонтанизма. Ни одинъ изъ членовъ собранія не имѣетъ права представить свои собственныя предложенія безъ папскаго одобренія, то-есть, представители католическаго духовенства созваны на соборъ разсуждать лишь о томъ, о чемъ желаетъ самъ папа, но отнюдь не о томъ, чего требуютъ интересы самой церкви. Другія пять коммиссій составлены изъ членовъ собора, но въ нихъ не избрано ни одно лицо, извѣстное своею враждою къ догмату о непогрѣшимости. Всѣ проекты новыхъ постановленій, такъ-называемые *schemata*, предлагаются собранію не по отдѣльнымъ статьямъ, но въ полномъ составѣ;—понятно, какъ легко ошибиться въ толкованіи цѣлаго постановленія, когда его невозможно обсуждать по частямъ. Предсѣдательствуютъ во время преній кардиналы, назначаемые самимъ папою, а этимъ кардиналамъ предоставлено безусловное право распоряжаться преніями по собственному произволу, и этотъ произволъ употребляется главнымъ образомъ для того, чтобы пренія оставались въ самыхъ узкихъ предѣлахъ затронутаго вопроса.

Кромѣ стѣсненій въ залѣ собранія, члены собора подвергаются самому безобразному давленію въ своей домашней жизни. Имъ не позволено составлять частныя собранія для соглашенія по обсуждаемымъ въ соборѣ вопросамъ; имъ запрещено распространять какія-либо свѣдѣнія о преніяхъ (но это запрещеніе, какъ видно по корреспонденціямъ всѣхъ большихъ европейскихъ газетъ, осталось мертвою буквою); имъ недозволено имѣть при себѣ какихъ либо сочиненій, внесенныхъ въ «Индексъ». Такимъ образомъ, въ Римѣ свободно обращаются статьи Дешана и Мэннинга противъ архіепископа Дюпанлу, но протесты самого Дюпанлу не допущены; о сочиненіяхъ Дёллингера нечего и говорить: они запрещены безусловно. За епископами, какъ за книгами, учрежденъ тайный надзоръ. Переписка по почтѣ подвер-

гается, конечно, тщательному осмотру папскихъ чиновниковъ;—римскій корреспондентъ лондонской газеты «Times» (въ письмѣ отъ 15 марта) входитъ по этому поводу въ слѣдующія соображенія:—«Почта съ сѣвера, то-есть, со всей Европы, приходитъ сюда утромъ въ десять минутъ десятаго, а письма получаются лишь въ половинѣ второго пополудни... Уходитъ почта вечеромъ не ранѣе 10-ти минутъ девятаго, но всѣ письма должны быть брошены не позже 5 часовъ вечера». «На что употребляются четыре съ половиною часа утромъ и почти три вечеромъ?...»—спрашиваетъ онъ, многозначительно подмигивая компрометтирующими точками.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, не трудно повѣрить корреспонденту «Times», что провозглашеніе догмата непогрѣшимости— дѣло рѣшеное, и состоится никакъ не позже 12-го апрѣля. Римскіе плебеи уже подготовляются къ изъявленію своихъ восторговъ по поводу этого высокоторжественнаго случая. 25-го марта, когда папа отправился въ соборъ, густая масса черни, собравшаяся въ церкви и на площади передъ нею, привѣтствовала его криками:—«да здравствуетъ непогрѣшимый папа!» Самый догматъ о непогрѣшимости внесенъ въ соборъ 7-го марта.

Несомнѣнная рѣшимость папы добиться непогрѣшимости въ самомъ скоромъ времени произвела весьма непріятное впечатлѣніе на всѣ европейскіе дворы, и особенно на французскій, такъ что послѣдній счелъ нужнымъ даже отозвать изъ Рима своего посла, но пока неоффиціальнымъ образомъ только. Дипломатическая переписка, завязавшаяся между тюльерійскимъ кабинетомъ и римскою куріею окончилась, какъ мы упомянули выше, ничѣмъ, и императорскому правительству остается только произвесть какую-нибудь военную демонстрацію противъ безопасности римскаго престола. И очень можетъ быть, что извѣщенное сосредоточеніе на папской границѣ 22-тысячнаго отряда итальянской арміи, подъ начальствомъ генерала Куккіяри, имѣетъ цѣлью пригрозить папѣ вторженіемъ итальянцевъ. Какъ бы то ни было, судя по всѣмъ поступкамъ Пія IX и его двора въ послѣднее время, они едва-ли испугаются подобной угрозы. Дѣло о папской непогрѣшимости зашло такъ далеко, что остановиться невозможно. Но хуже всего для будущности папской власти то, что самое признаніе ея непогрѣшимости пройдетъ безслѣдно въ европейской исторіи, да и до сихъ поръ его ожидали, какъ ожидали бы всякаго курьеза, за исключеніемъ кардиналовъ и римской черни, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, опять не сердцемъ и головою, а желудкомъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Парламентскія пренія о смертной казни.

Берлинъ, 24 (12) марта, 1870.

Въ проектѣ уголовнаго кодекса, внесенномъ въ сеймъ сѣверогерманскаго союза, въ параграфѣ 1-мъ сказано: «Дѣйствіе, за которое положена смертная казнь или заключеніе въ исправительномъ домѣ, или въ крѣпости, на срокъ не менѣе 5-ти лѣтъ, составляетъ преступленіе». Этотъ пунктъ соотвѣтствуетъ пункту прусскаго уголовнаго положенія 14 апрѣля, которое принято въ основаніе нынѣ внесеннаго кодекса, и въ которомъ сказано: «Дѣйствіе, за которое законъ караетъ смертью, содержаніемъ въ исправительномъ домѣ, или заключеніемъ на срокъ болѣе 5-ти лѣтъ, есть *преступленіе*» (затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе правонарушенія и проступка: délit, Vergehen — и contravention, Übertretung). Это подраздѣленіе, заимствованное изъ французскаго права, въ сущности совершенно произвольно и характеристика этихъ категорій наказуемыхъ дѣйствій не имѣетъ научнаго основанія, а можетъ быть сдѣлана именно только по степенямъ наказанія. Впрочемъ, приведенное подраздѣленіе не встрѣтило бы на сеймѣ противорѣчія, еслибы слова «смертная казнь» не навели его тотчасъ на соображеніе, желательно ли дальнѣйшее удержаніе смертной казни. Отсюда истекли пренія, которыя для исторіи культуры быть можетъ важнѣе всѣхъ когда либо бывшихъ доселѣ въ этомъ собраніи. Они происходили 28 февраля и 1 марта. Прежде, чѣмъ говорить о нихъ, я позволю себѣ кратко изложить развитіе вопроса о смертной казни въ Германіи.

Всѣмъ извѣстно, что первое отрицаніе права государства казнить людей смертью произнесено было миланскимъ юристомъ Беккаріа, въ вышедшемъ въ 1764 году сочиненіи его «Dei delitti e delle pene». Менѣе извѣстно, что въ томъ же году защищалъ эту мысль на публичномъ диспутѣ, а потомъ въ малораспространенномъ сочиненіи своемъ, австрійскій профессоръ политики фонъ-Зонненфельсъ; что Зонненфельсу при этомъ не было извѣстно сочиненіе итальянскаго ученаго, извѣстно съ достовѣрностью. Духъ времени внушилъ эту мысль обоимъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ быстрое распространеніе сочиненія Беккаріи, которое вскорѣ пріобрѣло такое вліяніе, что всѣ образованные люди признали необходимость ограниченія и облегченія

смертной казни. Великій герцогъ тосканскій Леопольдъ I, сынъ Маріи-Терезіи, уже въ 1765 году, т.-е. черезъ годъ, по появленіи книги Беккаріи, практически отмѣнилъ казнь въ своемъ владѣніи (юридическая отмѣна послѣдовала въ 1786 году, въ знаменитомъ его Codice Leopoldino). Его примѣру послѣдовалъ, въ 1767 году, маркграфъ Карлъ Фридрихъ баденъ-дурлахскій. Въ 1769 году, Екатерина II вписала въ §§ 210—212 своего знаменитаго Наказа положеніе, что «при обыкновенныхъ государственныхъ обстоятельствахъ, смерть гражданина не можетъ быть ни нужна, ни полезна». Въ 1787 году, Іосифъ II отмѣнилъ въ Австріи смертную казнь въ обыкновенномъ уголовномъ судопроизводствѣ.

Страхъ, наведенный французскою революціею, повелъ къ распространенію примѣненія смертной казни въ Германіи, да и во Франціи партія гуманистовъ не оказалась достаточно сильною, чтобы провесть ея отмѣну. Но въ печати защита мысли Беккаріи продолжалась и составила цѣлую литературу. Въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» прошлаго года (стр. 448) я указалъ на книгу пастора Гетцеля, гдѣ историческое развитіе смертной казни проведено ab ovo, и представленъ каталогъ соотвѣтствующей литературы, начиная съ 1764 года. Мало-по-малу число противниковъ казни возрастало и доросло наконецъ до большинства мыслящихъ людей. Противниками казни являются почти всѣ либералы, защитниками — почти всѣ консерваторы. Самый фанатическій въ числѣ послѣднихъ—графъ де-Местръ, который въ своихъ «Soirées de St.-Pétersbourg», вышедшихъ въ Парижѣ въ 1821 году, говоритъ: «Ка́зни можетъ подвергнуться невинный — это только несчастіе, какъ всякое другое несчастіе, то-есть общее всѣмъ людямъ [1]). Всякое величіе, всякая власть, всякое подчиненіе основано на палачѣ; онъ служитъ устрашеніемъ и связью человѣческаго общества. Устраните изъ міра этотъ непостижимый факторъ, и тотчасъ на мѣсто порядка явится хаосъ, падутъ престолы и общество исчезнетъ».

Графъ де-Местръ остается учителемъ и риторическимъ образцомъ для нынѣшнихъ реакціонеровъ. Къ нимъ принадлежатъ во Франціи Ромьё, Вёльо́, въ Германіи Лео, Герлахъ и ихъ сподвижники. Эти люди—ученики де-Местра. Герлахъ, въ только-что изданной брошюрѣ, прочитъ Пруссіи паденіе за излишній либерализмъ ея правительства и называетъ смертную казнь «фундаментомъ нашего уголовнаго права и фундаментомъ всякаго права». Впрочемъ, въ Германіи не было недостатка и въ самобытныхъ реакціонерахъ. Одинъ изъ нихъ—Юстусъ Мёзеръ, авторъ «Патріотическихъ фантазій» и «Оснабрюкской исто-

[1]) Лапласъ и Пуассенъ остроумно вывели по вычисленію вѣроятностей, что во Франціи на 257 казненныхъ, по обвиненію присяжными, приходится одинъ невинный.

ріи» также защищалъ нѣкогда смертную казнь, и въ своемъ сочиненіи «Объ улучшеніи исправительныхъ домовъ» высказалъ мысль, что слѣдовало бы возстановить кару *ослѣпленія.* Онъ совѣтовалъ вмѣсто казни ослѣплять преступника и *продавать* его для приведенія въ дѣйствіе колесъ, «на что мы нынѣ употребляемъ лошадей, которыя дороги, между тѣмъ, какъ ослѣпленный исполнялъ бы эту работу съ гораздо меньшимъ расходомъ. Убѣжать отъ своего господина онъ не можетъ и всегда можетъ быть имъ наказываемъ».

Полагаю, еслибы кто сказалъ нѣчто подобное теперь, то подвергся бы исключенію изъ общества. Лѣтъ еще 90 — и въ смертной казни будутъ видѣть нѣчто столь же варварское, какъ теперь намъ представляется ослѣпленіе. Но возвратимся къ историческому очерку. Іюльская революція во Франціи и другихъ странахъ, на которыхъ отразилась, вновь возбудила вопросъ о казни. Во французской палатѣ депутатовъ де-Траси предложилъ отмѣну ея, но безуспѣшно. Вообще съ 1830 до 1848 г. за исключеніемъ одной, *венгерской* палаты, которая рѣшила отмѣну смертной казни, оказались безуспѣшными всѣ парламентскія усилія въ этомъ смыслѣ. За нѣсколько недѣль до февральской революціи, именно 20 января, собранная въ Берлинѣ «соединенная коммиссія» ландтаговъ высказалась за удержаніе смертной казни въ обыкновенномъ судопроизводствѣ, большинствомъ 63 противъ 34. Тогдашній министръ Савиньи сказалъ въ коммисіи: «отмѣна казни въ настоящее время произвела бы опасное впечатлѣніе на нравственное отношеніе націи къ праву; ее поняли бы не въ смыслѣ удовлетворенія требованій гуманности, а въ такомъ смыслѣ, что законодательство утратило долю своей серьезности. И въ самой благородной націи всегда найдутся заблужденія, которыя окажутся открыто врагами общества. Я предвижу время, когда будетъ безопасно отмѣнить казнь, но это предполагаетъ достиженіе такой ступени нравственнаго развитія, которая еще не достигнута въ настоящемъ». Я привелъ эти слова потому, что они почти тѣже, какими и теперь, спустя 22 года, оправдываетъ удержаніе смертной казни нынѣшній министръ юстиціи.

Февральская революція вновь возбудила и этотъ вопросъ, и притомъ оказалось, что понятіе о немъ въ обществѣ уже сдѣлало значительный успѣхъ. Въ прусскомъ *Національномъ собраніи* депутатъ Лисецкій внесъ, 29 іюня 1848 года, предложеніе о полной и совершенной отмѣнѣ смертной казни, независимо отъ рода преступленій. Пренія по этому предложенію имѣли возвышенный характеръ и навсегда сохранятъ мѣсто въ исторіи цивилизаціи. Три направленія обнаружились въ собраніи по этому вопросу. Одни защищали вообще смертную казнь, и предводитель ихъ Рейхеншпергеръ и теперь въ сѣверогерманскомъ сеймѣ защищалъ тоже самое. Другіе хотѣли сохранить казнь только въ военномъ кодексѣ и при осадномъ положеніи,

а нѣкоторые требовали безусловной отмѣны. Министромъ юстиціи былъ тогда либералъ Мэркеръ, который (въ засѣданіи 4 августа) объявилъ свое убѣжденіе, что отмѣна смертной казни настоятельно необходима, отрицая какъ доказанность системы устрашенія, такъ и справедливость казнить человѣка для того, чтобы устрашить другихъ; онъ указалъ также на вѣроятность, что удержаніе смертной казни поведетъ въ большинствѣ случаевъ къ оправданію виновныхъ присяжными, чтобы избѣгнуть примѣненія казни, которую онъ назвалъ «ужаснымъ явленіемъ» и «юридическимъ убійствомъ». Самую же замѣчательную рѣчь въ этомъ засѣданіи произнесъ пасторъ Іонасъ, который исходилъ изъ принципа, что законная кара не должна калѣчить человѣка, лишать его возможности исправленія и быть мѣрою невозвратною. Онъ отрицалъ также обязательность Моисеева уголовнаго принципа въ наше время, и въ заключеніе требовалъ полной отмѣны казни, во имя религіи, человѣчности и всего того, что дорого безсмертному духу. Пасторъ Зидовъ также настаивалъ на необходимости, чтобы кара, налагаемая на преступника, оставляла ему возможность къ исправленію, а демократъ Бухеръ (нынѣ состоящій въ чинѣ тайнаго легаціонс-совѣтника и одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ гр. Бисмарка) замѣтилъ, что подать голосъ противъ отмѣны кары и при военномъ или осадномъ положеніи значило бы подписать рядъ послѣдующихъ смертныхъ приговоровъ, что вскорѣ и оправдалось, когда съ наступленіемъ реакціи пол-Европы было объявлено въ военномъ и осадномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе совершенная отмѣна казни была отвергнута большинствомъ 193 голосовъ противъ 164, и затѣмъ, большинствомъ 294 голосовъ противъ 37 былъ только провозглашенъ принципъ отмѣны казни, и затѣмъ незначительнымъ большинствомъ принята добавка, исключавшая примѣненіе этого принципа при военномъ и осадномъ положеніяхъ.

Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ возбужденъ и въ *германскомъ* національномъ собраніи, засѣдавшимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, почти одновременно съ обсужденіемъ «основныхъ правъ». Меньшинство коммисіи предложило внести въ статью II-ю этихъ «основныхъ правъ» слова: «смертная казнь за политическія преступленія отмѣняется». Въ засѣданіи 3 августа, Шеллеръ, президентъ аппелляціоннаго суда во Франкфуртѣ на Одерѣ поддерживалъ предложеніе меньшинства, оспаривая возможность реакціи въ нравственности народа за отмѣною казни, возставая въ особенности противъ казни за политическія преступленія, которая даетъ измѣнчивымъ политическимъ взглядамъ право лишать жизни человѣка, и предсказывая, что не пройдетъ 20 лѣтъ, какъ смертная казнь будетъ отмѣнена. Шеллеръ, человѣкъ высокой честности, въ прошломъ году умеръ на своемъ посту во Франкфуртѣ, не дождавшись самимъ имъ предсказаннаго срока.

Я не стану однако отрицать, что мнѣнія относительно отмѣны казни и доселѣ раздѣлены, и что есть даже люди несомнѣнно либеральныхъ убѣжденій, которые признаютъ ее необходимою; такъ, въ германскомъ національномъ собраніи извѣстный патріотъ Эрнстъ-Морицъ Арндтъ и депутатъ Симсонъ, нынѣшній президентъ сейма, подали голоса за удержаніе смертной казни. Собраніе это, большинствомъ 288 противъ 146, включило въ текстъ основныхъ правъ слова: «смертная казнь отмѣняется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ она опредѣляется по военному положенію». Въ засѣданіи 8 декабря 1848 г., при второмъ чтеніи, большинствомъ 256 противъ 176 утверждена была такая редакція: «Смертная казнь, за исключеніемъ случаевъ, когда она опредѣляется военнымъ или военно-морскимъ положеніемъ и при мятежахъ, а равно выставка къ позорному столбу, клейменіе и тѣлесное наказаніе отмѣняются». Въ этомъ видѣ текстъ вошелъ и въ союзное уложеніе 1849 года. Затѣмъ смертная казнь была отмѣнена мѣстнымъ законодательствомъ во всѣхъ тѣхъ государствахъ союза, которыя признали «основныя права», именно въ 16 государствахъ, но при наступившей реакціи тотчасъ была возстановлена во всѣхъ ихъ, за исключеніемъ четырехъ, именно: Ольденбургѣ, Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кётена и Нассау. Въ Пруссіи же (гдѣ правительство не согласилось съ рѣшеніемъ прусской палаты), а также въ Австріи, Баваріи, Ганноверѣ, королевствѣ Саксоніи и Саксен-Альтенбургѣ, казнь не была отмѣнена даже и на время. Въ Пруссіи издано было, 14 апрѣля 1851 года, новое уголовное положеніе, которое дѣйствуетъ до сихъ поръ; оно по крайней мѣрѣ ограничило примѣненіе смертной казни 14-ю родами преступленій и ввело совершеніе казней въ закрытомъ мѣстѣ.

Вопросъ объ отмѣнѣ казни былъ возбуждаемъ и въ другихъ странахъ и вездѣ послѣдовало значительное ограниченіе случаевъ ея примѣненія. Въ Англіи, въ началѣ столѣтія, смертная казнь, несмотря на послѣдовавшее уже ограниченіе, полагалась еще за 160 различныхъ видовъ преступленій, между прочимъ и за *кражу въ лавкахъ*, начиная съ суммы 5 шиллинговъ (около 1½ рубля). По одному этому виду воровства въ теченіи 22 лѣтъ казнено было 109 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1810 году послѣдовала отмѣна казни за этотъ видъ преступленія, то лордъ верховный судья—лордъ Элленборо, архіепископъ и 6 епископовъ всѣми силами противились этой отмѣнѣ и первый изъ нихъ (Элленборо) сказалъ: «Милорды, если мы пропустимъ этотъ билль, то можно будетъ спросить себя, на чемъ мы стоимъ: на ногахъ или на головѣ». Теперь въ Англіи казнь полагается только за убійство и государственную измѣну, а между тѣмъ англичане безъ сомнѣнія стоятъ на ногахъ.

Замѣчательно, что за смертную казнь особенно стоятъ юристы,

воспитавшіеся на римскомъ правѣ, и что вообще палаты исходящія изъ выборовъ, т.-е. дѣйствительно представляющія народъ, высказываются *противъ* казни, а палаты состоящія изъ членовъ по наслѣдству или назначенію стоятъ *за* казнь. Такъ было въ Веймарѣ въ 1862 и 1865, въ Баденѣ въ 1863, въ Виртембергѣ въ 1865, въ Италіи въ 1865, въ Баваріи въ 1867, въ Саксоніи въ 1868, Швеціи въ 1867 и 1868 годахъ. Въ Саксоніи впрочемъ казнь все-таки была отмѣнена вслѣдствіе того закона, что предложеніе правительства, принятое хотя бы одною второю палатой, получаетъ законную силу, если только въ верхней палатѣ не состоялось противъ него большинства, по меньшей мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Король Іоаннъ, въ своей рѣчи при закрытіи саксонскихъ палатъ 30 мая 1868 года, выразивъ, что по глубинѣ этого вопроса въ немъ нелегко придти къ рѣшенію, сослался на то, что практика въ Саксоніи не оправдывала долѣе удержанія казни въ виду существующихъ противъ нея возраженій и высказалъ надежду, что примѣръ поданный Саксоніею «найдетъ себѣ подражаніе и въ болѣе обширной средѣ». Надежда эта не оправдалась въ томъ смыслѣ, что въ проектѣ уголовнаго устава для сѣверогерманскаго союза, составленномъ подъ руководствомъ прусскаго министра юстиціи Леонгардта, смертная казнь была удержана для четырехъ родовъ преступленій, именно: преднамѣреннаго убіенія человѣка собственно съ цѣлію убійства; преднамѣреннаго убіенія при предпринятіи другого преступленія; того вида государственной измѣны, который представляется посягательствомъ на жизнь или свободу, или способность къ правленію одного изъ государей — членовъ союза; и наконецъ—тяжкое нападеніе дѣйствіемъ на особу одного изъ тѣхъ же государей. Въ томъ же проектѣ полагается уже только пожизненное заключеніе за многіе виды преступленій, которыя по нынѣшнему прусскому законодательству еще наказуются смертью, какъ напр., за разныя менѣе важныя государственныя преступленія, за измѣну странѣ, отцеубійство, поджогъ, сопровождавшійся случаемъ смерти и т. д. Для подкрѣпленія своего проекта, г. Леонгардтъ представилъ пространную записку, въ которой основательно изложены какъ историческая сторона вопроса, такъ и всѣ мнѣнія pro и contra, при чемъ мнѣнія противниковъ казни, изложенныя съ полнымъ безпристрастіемъ, такъ поражаютъ своею убѣдительностію, что непонятно, какимъ образомъ этою запискою мотивировалась не отмѣна казни, а удержаніе ея. Всѣ признаютъ также, что самъ г. Леонгардтъ заступался за удержаніе казни, относительно говоря, вовсе не усердно, да и вообще истинный поводъ къ удержанію ея слѣдовало искать не въ мотивахъ изложенныхъ въ запискѣ министра, а *между строками*. Дѣло въ томъ, что съ отмѣною смертной казни устранилось бы *«право жизни и смерти»*, которое заключается въ принадлежащемъ государю

правъ помилованія. Въ устраненіи его консерваторы видятъ ограниченіе правъ верховной власти, и мнѣніе это, по всей вѣроятности, раздѣляется и въ высшей сферѣ, хотя король вообще широко пользовался правомъ помилованія. Записка представляетъ интересныя данныя по статистикѣ смертныхъ приговоровъ, помилованій и исполненій казни, съ 1818 г. до конца 1865 г. Въ теченіи тридцати лѣтъ— 1818—1847, ежегодная цифра смертныхъ приговоровъ колебалась между 14 (1811) и 39 (1812), а цифра исполненныхъ казней между 14 (1821) и 2 (въ 1832, 33, 34 и 41). Помилованія особенно умножались въ тридцатыхъ годахъ. Такъ, въ 1832 году совершены 2 казни, и 26 смертныхъ приговоровъ смягчены; въ 1833 г. отношеніе это 2 къ 28; 1834—2 къ 19; 1835—7 къ 29, и т. д.

При Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV сперва были тоже часты помилованія, хотя помянутое отношеніе при немъ никогда не становилось столь благопріятно, какъ при его отцѣ. Правда, въ 1848 году исполненъ смертный приговоръ 1, а 25 смягчены, но это объясняется особыми обстоятельствами того времени, а когда наступила реакція, то отношеніе сильно измѣнилось въ смыслѣ строгости. Въ 1851 году произнесено 60 приговоровъ, исполнено 20, смягчено 34 [1]); въ 1852 году произнесено 40, исполнено 25, смягчено 10; въ 1853—произнесено 40, исполнено 30, смягчено 8; въ 1854 г. произнесено 37, исполнено 28, смягчено 6; въ 1855 г. произнесено 46, исполнено 28, смягчено 13; въ 1856 г. произнесено, 36, исполнено 26, смягчено 9. Въ 1857 году, король заболѣлъ и принцъ регентъ, нынѣшній король, тотчасъ ввелъ менѣе суровую практику, которой держится и до сихъ поръ. Въ его правленіе, самое неблагопріятное отношеніе между числомъ приговоровъ и помилованій представляетъ 1863 годъ: изъ 30 приговоровъ исполнено 12, смягчено 17.

Изъ той же таблицы несомнѣнно слѣдуетъ, что число преступленій, за которыя законъ караетъ смертью, въ теченіи почти 50-ти-лѣтняго періода не увеличилось; какъ напр. въ 1860 году было 60 случаевъ тяжкихъ преступленій, то-есть ровно столько, какъ въ 1819 году. Средняя цифра, правда, увеличилась въ два послѣдніе десятка лѣтъ, но вѣдь и населеніе значительно возрасло. Статистика доказываетъ также, что цифра помилованій нисколько не производила умноженія преступленій, а ограниченіе числа помилованій не уменьшало числа преступленій. Вообще теорія устрашенія, составлявшая въ криминалистикѣ столь важную сторону, оказалась чистымъ предразсудкомъ. О ней собственно уже и не спорятъ, и въ дѣлѣ замѣшанъ теперь только вопросъ о томъ, до какой степени имѣетъ государство право

---

[1]) Итогъ не выходитъ потому, что исполненію многихъ приговоровъ за политическія преступленія помѣшали смерть, или бѣгство осужденныхъ.

и обязанность обезпечивать себя и своихъ гражданъ, и сверхъ того — религіозное воззрѣніе на весь вопросъ. Защитники и противники казни извлекаютъ аргументы изъ библіи, о которой давно уже сказано:

Hic liber est, in quo quaerit sua dogmata quisque
Atque in quo reperit dogmata quisque sua.

Защитники казни ссылаются на тексты гласящіе, что «за кровь да прольется кровь» (Кн. Моисея), «кто изыметъ мечъ, отъ меча погибнетъ», и «власти не всуе вооружены мечомъ». Противники казни видятъ въ этихъ текстахъ только указаніе на фактъ, а не освященіе его. Несомнѣнно впрочемъ, что первобытная христіанская церковь рѣшительно отвергала смертную казнь, и въ католической церкви до сихъ поръ признается принципъ: Ecclesia non sitit sanguinem; хотя никто чаще ея не нарушалъ этого принципа. Наоборотъ, строго-консервативная партія въ евангелическомъ духовенствѣ выступаетъ усерднѣйшею защитницею смертной казни.

Было бы напрасно предпринимать здѣсь описаніе преній сейма 28-го февраля и 1-го марта, какъ потому, что очеркъ могъ бы быть только неполный, такъ и потому, что онъ воспроизводилъ бы многіе извѣстные уже аргументы. Итакъ, я остановлюсь только на двухъ ораторахъ, принявшихъ участіе въ этихъ преніяхъ, именно на графѣ Бисмаркѣ и Ласкерѣ [1]), между которыми то различіе, что значеніе Бисмарка обусловливалось его личностью и положеніемъ, а Ласкера — его аргументами.

---

[1]) *Ласкеръ*, котораго имя на сеймѣ упоминается чаще другихъ — еврей изъ одного познанскаго мѣстечка, человѣкъ съ высокими дарованіями и огромною способностью къ работѣ. Въ законодательныхъ дѣлахъ сѣверогерманскаго союза никто не принимаетъ равнаго ему участія. Собственно политическаго *таланта* у него не такъ много, какъ то оказалось и изъ недавняго безтактнаго запроса его по отношенію къ Бадену. Ласкеръ занимаетъ скромное мѣсто безплатнаго засѣдателя при здѣшнемъ городовомъ судѣ и состоитъ старшимъ по времени изъ всѣхъ засѣдателей въ Пруссіи, что зависитъ какъ отъ еврейскаго происхожденія его, такъ и отъ либеральныхъ убѣжденій, препятствующихъ производству. Впрочемъ, можетъ быть придетъ и его очередь, такъ какъ нынѣшній министръ юстиціи уже допустилъ нѣсколькихъ евреевъ на судебныя должности. Въ нынѣшней должности онъ остается изъ принципа, ибо легко бы получить иное, вполнѣ обезпеченное положеніе: Ласкеръ малъ ростомъ, неутомимъ и имѣетъ чисто-еврейскій типъ, вслѣдствіе чего служитъ мишенью для сатирическихъ листковъ. О немъ много анекдотовъ. Прошу позволенія привести одинъ изъ многихъ. У Эдуарда Ласкера живъ отецъ, который очень гордится своимъ Эйзакомъ (Эйзакъ — Эдуардъ). Разъ, когда родственникъ сталъ разспрашивать объ Эйзакѣ, отецъ началъ хвалиться его высокимъ положеніемъ, славою и т. д. Но родственникъ все допытывался, сколько Эйзакъ заработываетъ. А Эйзакъ заработываетъ немного, такъ какъ должность его безплатная, а званіе депутата не даетъ ему вознагражденія. Наконецъ, отецъ, доведенный до крайности желаніемъ уяснить безденежное величіе сына, выразился такъ: «А вотъ, когда мейлокъ (по-еврейски — король) говоритъ: ja! а Эйзакъ скажетъ: nein! ну такъ и будетъ Nein!

Рѣчь Ласкера была важнѣйшею и наиболѣе дѣйствительною изъ всѣхъ произнесенныхъ во время этихъ преній. За то рѣчь саксонскаго прокурора Шварце представляла то особенное значеніе, что ораторъ привелъ богатый матеріалъ изъ своей практики въ доказательство, что смертная казнь недѣйствительна какъ средство устрашенія. Шварце сказалъ, что изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ Англіи, дознано, что изъ 167 казненныхъ 164 прежде присутствовали уже при исполненіи смертныхъ приговоровъ, а изъ своей практики указалъ между прочимъ на случай, что одинъ молодой человѣкъ имѣлъ свиданіе съ женщиной у самого эшафота, чтобы условиться на счетъ убіенія мужа послѣдней. Онъ доказывалъ, что не сама *кара* охраняетъ государство, ибо еслибы преступникъ зналъ, что его дѣло непремѣнно будетъ открыто, то страхъ пожизненнаго заключенія точно также удержалъ бы его отъ совершенія преступленія, какъ страхъ смерти; но дѣло въ томъ именно, что каждый надѣется не быть открытымъ, а потому безопасность гораздо дѣйствительнѣе будетъ охраняема заботливостью о раскрытіи всѣхъ преступленій, чѣмъ жестокостью положенной за нихъ кары. Ласкеръ разъяснялъ, между прочимъ, огромное значеніе отмѣны казни въ отношеніи къ прогрессу. Общество, въ которомъ казнь удерживается, хотя бы для немногихъ случаевъ, стоитъ еще на второстепенномъ мѣстѣ въ отношеніи нравственнаго развитія, и отмѣна ея будетъ значительнымъ шагомъ впередъ, много возвыситъ уваженіе къ человѣческой личности и, наконецъ, внушитъ народамъ даже сомнѣніе относительно законности вообще поддержанія понятія о правѣ цѣною крови, и мысли—нельзя ли и международные споры рѣшать какъ-либо иначе, а не цѣною безчисленныхъ жизней? (*Налѣво одобреніе, направо смѣхъ*). «Господа, когда противникъ еще смѣется, это значитъ, что дѣло наше еще только подготовляется, но мысль дѣйствуетъ непрерывно и неодолимо. До тѣхъ поръ пока вы не укоренили въ государствѣ принципъ неограниченнаго уваженія къ жизни человѣка, вы остаетесь безъ одного изъ вѣрныхъ средствъ для улучшенія отношеній и между народами. У всѣхъ націй нынѣ переработывается уголовный кодексъ, и я могу сказать, что вся западная Европа смотритъ теперь на сѣверогерманскій союзъ въ ожиданіи, какое рѣшеніе внесетъ онъ въ свою уголовную книгу. Въ Голландіи, во Франціи, въ Баденѣ: вездѣ мы видимъ движеніе противъ смертной казни, и тѣ изъ насъ, кому понятны знаменія времени, кто умѣетъ изъ массы движеній извлекать сущность народнаго сознанія, тѣ съ увѣренностью могутъ утверждать, что народная совѣсть въ образованныхъ странахъ уже противъ смертной казни. Укажите путь впередъ, и мы быть можетъ не услышимъ въ этомъ случаѣ, что сѣверогерманскій союзъ недостоинъ приглашать другія части Германіи слѣдовать за собою. Нашъ приговоръ надъ казнью послужитъ вѣрнымъ выраженіемъ убѣжденія нашего народа и

«сильнодѣйствующимъ примѣромъ для народовъ всего свѣта. Отъ вашего рѣшенія теперь зависитъ по крайней мѣрѣ нравственно уничтожить принципъ смертной казни во всей Европѣ, и потому, прошу васъ, дайте свидѣтельство дѣльное, крѣпкое, нравственное: наши нравственныя условія поднялись уже до того уровня, что о необходимой оборонѣ для государства не можетъ быть рѣчи, что казнь уже неумѣстна, что она болѣе не оправдывается необходимостью, а потому и составляетъ грѣхъ передъ Богомъ и людьми».

Подъ впечатлѣніемъ этой рѣчи, принятой съ громкимъ одобреніемъ, заключились пренія перваго дня. Во второй день на поле преній выступилъ самъ графъ Бисмаркъ и объявилъ, что заявленные аргументы не побудятъ большинство союзныхъ правительствъ отступить отъ рѣшенія ихъ удержать смертную казнь, такъ какъ рѣшеніе это принято послѣ тщательнаго техническаго и политическаго изслѣдованія этого вопроса. Объявленіе это произвело неблагопріятное впечатлѣніе уже потому, что у Пруссіи 17 голосовъ въ союзномъ совѣтѣ, то-есть почти большинство, и что, слѣдовательно, все дѣло зависитъ существенно отъ прусскаго правительства. Аргументы, къ которымъ прибѣгнулъ канцлеръ союза, не были удачны. Онъ намекнулъ сперва, что противники казни потому такъ преувеличиваютъ цѣну человѣческой жизни, что не вѣрятъ въ жизнь загробную; потомъ онъ доказывалъ, что отвращеніе къ казни происходитъ отъ сантиментальности и постоянно возрастающаго нерасположенія принимать на себя открыто отвѣтственность за свои дѣла. Онъ заключилъ повтореніемъ, что Пруссія употребитъ все свое вліяніе въ союзномъ совѣтѣ противъ отмѣны казни, и прибавилъ, что на союзный совѣтъ не подѣйствуютъ ораторскіе эффекты. Рѣчь произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе и не имѣла вліянія на результатъ. Изъ 200 присутствовавшихъ 118 подали голосъ за отмѣну, а 81 за удержаніе смертной казни—результатъ превзошедшій ожиданія, такъ какъ извѣстно, какъ сильны въ сеймѣ элементы аристократическій и консервативный.

Я возвращусь далѣе къ послѣдующей судьбѣ этого рѣшенія, а теперь докончу разсказъ о преніяхъ, которыя коснулись вскорѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ, имѣющихъ общій интересъ. Такъ, въ проектѣ закона допускалось одиночное заключеніе, съ тѣмъ, чтобы оно длилось не болѣе 6 лѣтъ безъ согласія самого заключеннаго. Были сдѣланы предложенія о сокращеніи этого максимума (*Кирхманъ*, *Микель*), а также объ учрежденіи общей инспекціи надъ мѣстами заключенія во всемъ союзѣ (*Фрисъ*). Противъ послѣдняго предложенія возсталъ остроумный депутатъ *Циглеръ* (который самъ послѣ 1848 года былъ приговоренъ къ многолѣтнему заключенію въ крѣпости; многіе либералы нынѣ сидящіе въ союзномъ сеймѣ имѣли ту же тяжкую судьбу, въ особенности докторъ *Беккеръ* и *Вигерсъ*). Циглеръ ска-

залъ, что онъ принадлежитъ къ партіи, которая можетъ похвалиться многими «экспертами» по этому вопросу, и прибавилъ, что въ заключеніи «хуже всего мнѣ приходилось отъ юристовъ, чиновники обращались со мной уже лучше, а одни военные обращались со мной по-джентльменски *(Общій смѣхъ)*. Поэтому, ради Бога, не поручайте вы юристамъ устанавливать общіе тюремные порядки». Затѣмъ онъ указалъ, что въ новѣйшее законодательство внесено усугубленіе нѣкоторыхъ наказаній, напр. сопряженіе съ лишеніемъ чести даже преступленій политическихъ, чего прежде не было и что свидѣтельствуетъ о нѣкоторой степени жестокости, порожденной политическою борьбою новаго времени.

Вингерсъ, просидѣвшій много лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, краснорѣчиво изложилъ его страданія и увѣщалъ собраніе не ограничиться отмѣною только смертной казни, а отмѣнить также и эту «сухую гильотину», именно долговременное одиночное заключеніе. Сеймъ назначилъ максимумомъ одиночнаго заключенія 3 года и принялъ также предложеніе Фриса, несмотря на возраженія Циглера. Однако, вѣроятно, до установленія однообразной системы заключенія въ союзѣ пройдетъ не мало времени, такъ какъ такой системы нѣтъ еще даже и въ самой Пруссіи. Въ вышедшемъ недавно оффиціальномъ обозрѣніи [1]) мѣстъ заключенія, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ исправительныхъ заведеній и слѣдственныхъ тюремъ) находится много интересныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Лишеніе свободы въ Пруссіи, какъ и въ иныхъ странахъ, приведено было въ систему только въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. До введенія общаго гражданскаго права въ монархіи, изъ нынѣшнихъ мѣстъ заключенія существовали только шесть, а для тяжкаго заключенія служили крѣпости; еще въ двадцатыхъ годахъ числилось 722 крѣпостныхъ рабочихъ арестантовъ, изъ мѣщанскаго сословія. Со введеніемъ общаго гражданскаго права расширилось примѣненіе кары—лишенія свободы, но не ранѣе какъ съ 1818 года построено было значительное число новыхъ мѣстъ заключенія, именно съ 1818—1840 г. 11, которыхъ было все-таки недостаточно для 9,785 (цифра 1838 г.) арестантовъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, съ 1842 г. принята была пенсильванская система, съ измѣненіями, сдѣланными въ Пентонвиллѣ, и возведены были тюрьмы въ Моабитѣ, близъ Берлина, Мюнстерѣ, Ратиборѣ и Бреславлѣ, построенныя по паноптическому плану (т.-е. лучеобразно). Въ 1843 г. заключенныхъ числилось 13,361. Число это вскорѣ значительно возрасло подъ вліяніемъ введенія суда присяжныхъ, измѣненій въ порядкѣ судебнаго доказатель-

[1]) Die preussischen Gefängnisse. Berlin, 1870.

ства, и установленія минимума въ 2 года для заключенія. Въ 1856 г. заключенныхъ было уже 28,546. При такомъ ходѣ дѣлъ стали всякое сколько-нибудь подходящее зданіе обращать въ тюрьму, не обращая уже вниманія на систему. Въ настоящее время мѣстъ заключенія въ Пруссіи—55, и 9 прибавочныхъ: вмѣстить они могутъ 26,560 чел.

Отсюда уже видно, что единства системы не могло быть. Вообще въ этихъ тюрьмахъ преобладаетъ принципъ большихъ палатъ для работы и спанья, иногда чел. на 80—100, даже болѣе. Принципъ распредѣленія арестантовъ по категоріямъ осуществляется только по мѣрѣ возможности. Въ немногихъ арестанты, работая вмѣстѣ, спятъ раздѣльно. Одиночное заключеніе днемъ и ночью систематически примѣняется только въ новыхъ тюрьмахъ, въ Моабитѣ, Мюнстерѣ, Гамельнѣ, и особыхъ отдѣленіяхъ въ Кёльнѣ и Бреславлѣ. Впрочемъ и въ нихъ, за исключеніемъ только Моабита, Гамельна и отдѣленія въ Кёльнѣ, арестанты сообщаются въ церкви, школѣ и отдыхѣ. Что такое положеніе дѣлъ неудовлетворительно, это сознается всѣми, но средство для улучшенія его еще не придумано.

Новый интересъ пріобрѣли пренія объ уголовномъ кодексѣ, когда коснулись *политическихъ преступленій* (измѣна государю, странѣ, оскорбленіе государя и союзныхъ владѣтелей и непріязненныя дѣйствія противъ дружественныхъ государствъ). Еще въ началѣ преній обнаружился одинъ характеристическій признакъ настроенія палаты. При обсужденіи ст. 28, которая постановляетъ, что наказаніе, сопряженное съ штрафною работой лишаетъ на долгое время права служить въ войскахъ и въ общественныхъ должностяхъ, либералы стали возражать противъ освобожденія штрафованныхъ отъ военной службы. На это отвѣчали генералы фонъ-Мольтке и фонъ-Штейнмецъ, которые, хотя не особенные ораторы, имѣютъ большое вліяніе на палату въ вопросахъ военныхъ. Они доказывали, что *честь* есть жизненный принципъ арміи, что недозволеніе понесшимъ штрафныя работы вступать въ армію существуетъ столь же давно, какъ сама прусская армія, что званіе солдата считалось отличіемъ, что допущеніе въ армію штрафованныхъ ослабило бы дисциплину, уронило бы достоинство арміи. Хотя оппозиція и доказывала, что постановленіе это неправильно (напр. за тяжкое увѣчье положенъ штрафной трудъ, а человѣкъ, въ изступленіи, можетъ совершить это преступленіе и не будучи безчестнымъ), но большинство утвердило мнѣніе генераловъ. При этомъ перевѣсъ обусловился присоединеніемъ къ нему умѣренныхъ либераловъ. Но при этомъ одинъ изъ нихъ, графъ *Шверинъ* замѣтилъ, что затѣмъ надо уже имѣть въ виду, чтобы при дальнѣйшемъ обсужденіи не допустить примѣненія штрафной работы къ какому-либо правонарушенію, какъ-то именно политическимъ, которое не заключаетъ въ себѣ ничего позорящаго человѣка. Эти слова были приняты съ огром-

нымъ одобреніемъ, и значеніе ихъ было тѣмъ больше, что графъ Шверинъ (бывшій министръ при «новой эрѣ») пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ партій.

Что политическія преступленія по самой сущности своей совершенно различны отъ частныхъ, въ этомъ убѣждены всѣ. Въ послѣдніе 22 года, особенно же въ 1866 году, у насъ произошли такія политическія перемѣны, что во многихъ случаяхъ, очевидно, только фактъ побѣды рѣшаетъ вопросъ, преступно или добродѣтельно такое-то политическое дѣяніе. Такъ, по существовавшимъ законамъ, стремленія къ осуществленію единства Германіи были преступленіями противъ единичныхъ государствъ, и члены «національферейна», который подготовилъ почву для Пруссіи, видѣли постоянно надъ собою дамокловъ мечъ. Новый проектъ уголовнаго кодекса удерживаетъ правило прусскаго кодекса 1851 г. о заключеніи со штрафною работой (Zuchthausstrafe) за политическія преступленія, и только при облегчающихъ обстоятельствахъ допускаетъ за нихъ простое заключеніе въ крѣпости. Либералы требовали, чтобы за всѣ политическія преступленія полагалось только крѣпостное заключеніе и сверхъ того, предлагали подчиненіе политическихъ процессовъ суду присяжныхъ (это отмѣнено закономъ 1853 года); попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, но либералы были безуспѣшны не во всемъ.

Борьба началась (15) 3 марта, предложеніемъ депутата лѣвой стороны *Мейера*, чтобы къ ст. 28 сдѣлана была добавка въ томъ смыслѣ, что въ случаяхъ, когда законъ предоставляетъ выборъ между заключеніемъ въ рабочемъ домѣ и крѣпостью, первое наказаніе могло быть примѣняемо только къ такому дѣйствію, которое истекло изъ «безчестнаго побужденія». Эта добавка была принята значительнымъ большинствомъ. Затѣмъ, при обсужденіи статей 78 и 79, трактующихъ о видахъ политическихъ преступленій и наказаніяхъ по нимъ, либеральной партіи удалось измѣнить текстъ такимъ образомъ, что и за государственную измѣну можетъ быть назначено заключеніе въ рабочемъ домѣ *или* въ крѣпости, а также и допущеніе облегчительныхъ обстоятельствъ. Но побѣда одержана столь незначительнымъ большинствомъ (104 противъ 99), что не представляется прочною. При обсужденіи же ст. 85, полагающей пожизненное заключеніе или на срокъ не менѣе 5-ти лѣтъ, въ рабочемъ домѣ, за участіе подданнаго сѣверогерманскаго союза въ возбужденіи другого участія къ войнѣ съ союзомъ, допущеніе одного крѣпостного заключенія было устранено большинствомъ 101 противъ 100.

Таковы важнѣйшіе пункты происходившихъ доселѣ преній. Но пренія эти происходятъ по второму чтенію «закона, а такихъ чтеній должно быть три». Послѣ второго чтенія правительство объявитъ, съ которыми рѣшеніями сейма оно согласно и съ которыми оно несо-

гласно. Главнымъ затрудненіемъ будетъ именно вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, на которую правительство не соглашается. Поэтому, еще за двѣ недѣли многіе депутаты желали, чтобы правительство высказалось опредѣлительно по этому предмету, дабы избѣгнуть напрасныхъ долговременныхъ преній. Но графъ Бисмаркъ сказалъ, что правительства могутъ объявить свое рѣшеніе не раньше, какъ по окончаніи преній. Во всякомъ случаѣ, пренія эти безплодными не останутся, хотя бы для уголовной теоріи.

Хотя я можетъ быть и слишкомъ утомляю вашихъ читателей законодательными предметами, но долженъ еще поговорить о преніяхъ союзнаго сейма относительно *защиты правъ авторовъ*, которая по союзному уложенію принадлежитъ къ предметамъ союзной власти. Относительно литературной и вообще умственной собственности въ законодательствахъ разныхъ государствъ союза господствуютъ разныя постановленія; нѣтъ ничего единаго и полнаго; а вопросъ этотъ является тѣмъ значительнѣе, что за послѣдніе 20 лѣтъ, въ дѣлѣ умственной собственности возникли важные практическіе вопросы. Внесенный на сеймъ проектъ закона основанъ на очень старательномъ и многостороннемъ изслѣдованіи вопроса, по прежнимъ проектамъ, рѣшеніямъ экспертовъ и сочиненіямъ Жолли, Вехтера, Клостермана, а также по иностраннымъ законодательствамъ. Этотъ проектъ закона опредѣлилъ, что «письменное произведеніе» (Schriftwerk) составляетъ полную собственность автора, воспрещаетъ всякое безъ дозволенія автора механическое воспроизведеніе его, признавая это контрафакціею (Nachdruck), въ томъ числѣ, между прочимъ, и отпечатаніе издателемъ бо́льшаго числа экземпляровъ, чѣмъ какое было условлено. Не считается контрафакціею перепечатка оффиціальныхъ и обыкновенныхъ газетныхъ извѣстій и корреспонденцій съ непремѣннымъ указаніемъ источника, небольшія буквальныя выдержки изъ изданныхъ уже сочиненій, наконецъ напечатаніе публично-произнесенныхъ рѣчей. Контрафакціею считается и произвольное изданіе перевода, если авторъ оговорилъ за собою право перевода или издалъ самъ переводъ на томъ языкѣ. По § 8, покровительство закона обезпечиваетъ авторскую собственность на все время жизни автора и затѣмъ его наслѣдникамъ еще на 30 лѣтъ. За контрафакцію полагаются пени отъ 50 до 1,000 талеровъ, сверхъ вознагражденія за причиненный убытокъ.

Противъ этого проекта возсталъ уже въ засѣданіи 21 (9) февраля, при первомъ чтеніи, извѣстный національный либералъ Браунъ, отрицая не только давній посмертный срокъ собственности, но и вообще законность авторской собственности, какъ принципа. Таково въ самомъ дѣлѣ убѣжденіе крайней фракціи экономистовъ, увлекающихся свободою торговли: перепечатку они считаютъ правомъ свободной торговли. Въ засѣданіи 26 (14) февраля здѣшняго экономическаго обще-

ства, требованіе это было заявлено со всѣми его мотивами, на которыхъ стóитъ остановиться, въ виду парадоксальности самого требованія. Эти экономисты доказываютъ, что перепечатка, то-есть контрафакція, есть только поправка къ фальшивому разсчету книгопродавца, который напечаталъ книгу въ слишкомъ маломъ числѣ экземпляровъ и назначилъ ей слишкомъ высокую цѣну. Они разсчитываютъ такъ: книга изъ 20 листовъ стоитъ въ наборѣ, все равно будетъ-ли тиражъ ея 1,000 или 50,000 экземпляровъ; на наборъ же при изданіи въ 1,000 экз. приходится по 4½ зильбергроша, а при 50,000 экз. — только 1 пфеннигъ. Гонораръ въ 20 талеровъ съ листа, при изданіи въ 1,000 экз. составляетъ на экземпляръ 12 зильберг., а гонораръ даже въ 88 талеровъ съ листа, при изданіи въ 50,000 экз. составляетъ на экземпляръ всего *одинъ* зильбергрошъ. Итакъ, при большихъ изданіяхъ можно платить гораздо высшій гонораръ, не увеличивая замѣтно цѣны книги. Чтобы предупредить контрафакцію—говорятъ эти господà—надо назначать такую цѣну, чтобы книга быстро разошлась. Едва-ли нужно доказывать, что эти соображенія невѣрны, ибо не всякая книга можетъ разойтись въ 50,000 экземплярахъ, особенно ученое сочиненіе, которое между тѣмъ требуетъ огромныхъ приготовительныхъ работъ.

Теорію г. Брауна и экономическаго общества дальше всѣхъ завела «Везерская газета». Она доказываетъ, что проектъ закона составленъ въ пользу однихъ «производителей и торговцевъ», безъ всякаго вниманія къ пользѣ «потребителей» (чисто-экономическое воззрѣніе, вводимое совсѣмъ въ иную область), что *умственная собственность*, какъ то доказываютъ и юристы, вовсе не существуетъ, ибо не имѣетъ всѣхъ признаковъ дѣйствительной собственности. Это кажется мнѣ похожимъ на положеніе того философа, который утверждалъ, что «Ахиллесъ не можетъ догнать черепаху». Философическій аргументъ въ пользу этого положенія въ самомъ дѣлѣ неопровержимъ (какъ недавно еще Дюрингъ доказалъ это), но противникъ элеата перегналъ черепаху и тѣмъ фактически опровергъ положеніе. Умственная собственность несомнѣнно существуетъ, и противники отрицаютъ ее только потому, что *не могутъ опредѣлить ее*. Но кому нужны опредѣленія? Возраженія противъ литературной собственности — чистые софизмы. Такъ говорятъ: мысль вольна и не принадлежитъ никому, самъ авторъ желаетъ ея распространенія, а въ интересѣ общества должно осуждать всякую привилегію изданія; правда, авторы лишились бы гонорара, но еще спрашивается, велика ли была бы бѣда? Тогда сочинялись бы только такія книги, которыя вызваны внутреннею, мыслительною потребностью. Все-таки всѣ творенія, коими дорожитъ человѣчество, были бы написаны, а пропали бы только горы посредственныхъ и плохихъ книгъ, что само по себѣ было бы большимъ благодѣяніемъ.

Такъ разсуждаютъ эти господа и разсужденія ихъ кажутся остроумными, а между тѣмъ, все это — чистый вздоръ, ибо міръ не переходитъ прямо отъ Гомера къ Виргилію, а отъ Виргилія къ Данте или отъ Аристотеля къ Спинозѣ, а отъ Спинозы къ Канту, но между этими высокими явленіями лежитъ бездна скромной, однако полезной работы. Лессингъ, авторъ «Натана», образцоваго произведенія, которое вы представили русскимъ читателямъ въ переводѣ, говаривалъ, что нѣтъ такой плохой книги, изъ которой нельзя чему-нибудь научиться, и въ этомъ гораздо болѣе гуманности и мудрости чѣмъ въ парадоксахъ экономистовъ. Имъ остается одинъ шагъ до того халифа, который сжегъ александрійскую библіотеку на томъ основаніи, что во всѣхъ ихъ могло быть или то, что уже находилось въ коранѣ, или не находилось въ немъ, стало быть онѣ были или безполезны, или вредны.

Тотчасъ послѣ рѣчи Брауна появилось заявленіе наиболѣе уважаемыхъ нѣмецкихъ писателей, въ томъ числѣ: Густава Фрейтага, Берт. Ауэрбаха, Теод. Моммзена (историка) и Юліяна Шмидта, которое, возставая противъ рѣчи Брауна, отдаетъ проекту закона, внесенному на сеймъ, полную справедливость какъ въ отношеніи продолжительности срока литературной собственности, такъ и въ отношеніи ограниченія ея такимъ срокомъ. Черезъ нѣсколько дней явилось подобное же заявленіе Карла Гуцкова. Борьба продолжалась съ особеннымъ оживленіемъ въ газетахъ, и защитники литературной собственности одержали полнѣйшую побѣду. И нѣтъ сомнѣнія, что проектъ закона пройдетъ при второмъ чтеніи, быть можетъ съ неважными измѣненіями. Только газеты возстаютъ противъ излишняго покровительства относительно ихъ самихъ, потому именно, что въ газетномъ дѣлѣ, въ противоположность издательскому, перепечатка въ концѣ концовъ непремѣнно губитъ того, кто основываетъ на ней изданіе своей газеты.

Чтобы несовсѣмъ отступить на этотъ разъ отъ моего обыкновенія сообщать вамъ о новостяхъ литературы, я выберу изъ массы лежащихъ предо мною новыхъ книгъ лишь тѣ, которыя особенно меня заняли.

Извѣстный политикъ Яковъ *Венедей* издалъ, по указаніямъ своего отца, интересную книгу [1]) о томъ времени, когда въ нѣмецкихъ прирейнскихъ земляхъ дѣйствовала пропаганда французской революціи. Какъ извѣстно, революція эта вызвала восторженное эхо въ лучшихъ умахъ въ Германіи, а потомъ, своими ужасами, вызвала въ нихъ реакцію противъ себя; все это особенно сильно отразилось на рейн-

---

[1]) Die deutschen Republikaner und französische Republik. Leipzig, 1870.

скихъ земляхъ, которыхъ населеніе страдало подъ игомъ духовныхъ владѣтелей и одарено сверхъ того болѣе подвижными характерами. Восторгъ смѣнился тамъ разочарованіемъ, когда убѣдились, что за обѣщаніями равенства и братства скрываются часто завоевательныя цѣли. Но было уже поздно.

Одною изъ трогательнѣйшихъ жертвъ этого заблужденія былъ Адамъ Луксъ, о которомъ писали уже немало въ прозѣ и стихахъ, но никто такъ вѣрно и рельефно, какъ Венедей. Луксъ, восторженный почитатель Руссо, будучи женатъ, и имѣя 27 лѣтъ отъ роду, отправился въ Парижъ съ Георгомъ Форстеромъ, въ качествѣ уполномоченныхъ. Видя, насколько дѣйствительность несоотвѣтствовала идеалу, онъ смѣло бросился въ борьбу съ господствующимъ направленіемъ и возымѣлъ мысль вступить въ конвентъ, обличить совратителей и затѣмъ вонзить себѣ въ сердцѣ кинжалъ. Онъ однако оставилъ эту мысль, но зато тотчасъ послѣ казни Шарлотты Кордэ издалъ брошюру въ отмщеніе за нее, въ которой требовалъ, чтобы ей поставили памятникъ съ надписью «она выше Брута». Онъ могъ бѣжать, но остался на мѣстѣ и, въ заключеніи, отказался отъ пощады обѣщанной подъ условіемъ не писать болѣе о французскихъ событіяхъ; онъ хотѣлъ умереть и умеръ геройски. Историческое значеніе книги Венедея заключается въ томъ, что онъ разъясняетъ, что рейнскіе республиканцы желали вовсе не включенія своей родины въ французскую республику, а учрежденія цис-ренанской республики, въ союзѣ съ Франціею. Такова и въ настоящее время конечная мысль южно-германскихъ республиканцевъ, мысль, которая высказывается очень громко органами «народной партіи» въ Виртембергѣ. Событія 1793—1797 гг. могли бы доказать неудобоисполнимость этой мысли.

Другое сочиненіе, котораго заглавіе не вполнѣ передаетъ высокій интересъ содержанія, это — исторія мелкихъ ремеслъ въ Германіи, галльскаго профессора Шмоллера [1]). Авторъ извлекъ изъ огромнаго статистическаго матеріала и своихъ поѣздокъ подробное изложеніе условій быта ремесленнаго сословія, въ видѣ матеріала къ основанію національной экономіи на нравственныхъ началахъ. Профессоръ Шмоллеръ вышелъ изъ той школы экономистовъ, которая считаетъ непреложнымъ девизъ: Laissez faire, laissez aller; но близкое ознакомленіе его съ ремесленнымъ вопросомъ лишало этотъ девизъ въ его глазахъ безусловной несомнѣнности. Изученіе быта ремесленниковъ показываетъ, что онъ зависитъ не столько отъ законодательства, сколько отъ экономическихъ условій, съ ихъ постепенными, а иногда и внезапными перемѣнами.

---

[1]) Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert. Statistische und nationalökonomische Untersuchungen, von Gustav Schmoller. Halle, 1870.

Главный пунктъ изслѣдованія Шмоллера, это—отношеніе мелкаго ремесленнаго труда къ крупному ремесленному и фабричному. Огромныя измѣненія въ системѣ сообщеній, въ техникѣ, въ распредѣленіи силъ участвующихъ въ производительности, возрастаніе населенія и т. д. самымъ кореннымъ образомъ измѣнили и названное отношеніе. Возрастаніе населенія вызываетъ крупное производство, которое производитъ дешевле или лучше, чѣмъ отдѣльный ремесленникъ. По англійскому разсчету, машинная работа дешевле ручной въ 90 разъ, по нѣмецкому разсчету все-таки въ 36 разъ дешевле ручной. Ремесленники и ихъ рабочіе идутъ болѣе и болѣе къ упадку. Автора это ужасаетъ, и онъ мрачнымъ перомъ описываетъ, какъ Круппъ въ Эссенѣ командуетъ 8,000-ми рабочихъ, Борзигъ въ Берлинѣ 3,000-ми и т. д. У Круппа или Борзига рабочій гораздо болѣе независимый человѣкъ, чѣмъ прежній подмастерье, имѣетъ гораздо болѣе наслажденій, и въ нравственномъ отношеніи нехуже, даже лучше, своего предшественника. Впрочемъ г. Шмоллеръ и не думаетъ о возстановленіи «добраго, стараго времени», а только требуетъ, чтобы болѣе дѣлалось для умственнаго образованія рабочихъ, чему никто противорѣчить не будетъ. Особенно интересны многіе, совсѣмъ новые статистическіе матеріалы. Приведу примѣръ. Домъ, въ которомъ родился Александръ Гумбольдтъ, стоилъ, въ 1746 году, 4,350 талеровъ; въ 1761 — 8,000 тал.; 1796 — 21,000; 1803 — 35,200; 1824 — 40,000; 1863 — 92,000; 1865 — 140,000 талеровъ. Такихъ интересныхъ данныхъ въ книгѣ множество, и всякъ поблагодаритъ автора за нее, даже кто, какъ я, невполнѣ согласится съ его тенденціею.

Въ области бельлетристики господствуетъ затишье, но есть слухи о готовящихся трудахъ замѣчательныхъ писателей и поэтовъ. Извѣстно, что нѣмецкая книжная торговля открываетъ свои шлюзы только послѣ Лейпцигской пасхальной ярмарки. Въ то время навѣрно опять наступитъ наводненіе!

К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ
ПЕТЕРБУРГА.

Картина профессора Ге, въ академіи художествъ.—Выставки Общества поощренія художниковъ: 1) Состязаніе на преміи за картины русскаго быта и русскіе виды; и 2) историческіе портреты.

Художественная жизнь рѣшительно начинаетъ биться въ дѣловыхъ жилахъ Петербурга. Не успѣли закрыться двери Академіи художествъ за картинами г. Айвазовскаго и фигурами г. Каменскаго, какъ вотъ ужъ онѣ открываются снова для картины г. Ге. Вѣчно стоящая на-стежь дверь—«для званныхъ и незванныхъ»—Общества поощренія художниковъ, на этотъ разъ показываетъ крайне утѣшительное зрѣлище успѣховъ русскихъ живописцевъ, все почти молодыхъ, состязающихся на преміи картинъ родного быта и пейзажа. Наконецъ, выставка портретовъ вводитъ какъ-бы за кулисы нашей исторіи, къ ея главнымъ дѣйствующимъ лицамъ... Такимъ образомъ, извѣстныя подъ названіемъ «живыхъ», великопостныя картины театральной живности нашли себѣ неожиданныхъ соперницъ въ картинахъ жизни и природы.

Начну по чинамъ—съ Академіи и ея профессора. Экспонентъ Академіи и профессоръ, г. Ге, принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливцевъ, которымъ выпало на долю поднимать шумъ и споры первыми-же своими работами. Большой его холстъ, «Предательство Іуды», былъ признанъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, событіемъ, почти переворотомъ; академическому-же міру показался отрицаніемъ, чуть не нигилизмомъ по части священно-исторической живописи. Картина, яко-бы атеистическая, а въ сущности только реальная (да еще съ придачею представителя совершенно - романтической, растрепанной школы В. Гюго въ ходульной фигурѣ Іуды) вызвала даже вопросъ: можно-ли *такъ* трактовать церковные сюжеты и не значитъ-ли это — проповѣдовать невѣріе кистью? Никто не замѣтилъ, что трактованіе *такъ* только въ томъ и заключалось, что событіе изъ жизни Христа передано согласнѣе съ правдою, чѣмъ оно передавалось прежде; а невѣріе было развѣ въ отрицаніи французскихъ булокъ и тульскихъ ножей, которые украшали прежнія тайныя вечери, никому не представляясь игривыми. Новизна картины проявлялась собственно во внѣшности — въ обстановкѣ: скромная, почти убогая, какъ то и было въ дѣйствительности,

комната, озаренная одною свѣтильнею, простые глиняные сосуды на столѣ, покрытомъ грубою скатертью; апостолы несимметрически разсаженные по обѣимъ сторонамъ Іисуса, и онъ самъ не преломляющій хлѣба и не указующій на чашу, но въ тяжкомъ раздумьи опустившій голову на руку. Іуда всталъ, — онъ рѣшился и собирается на предательство. Его длинная сухая фигура, на первомъ планѣ, обращена спиною ко Христу и лицомъ изъ картины — къ зрителю. Отбрасывая свѣтъ позади себя и усиливая освѣщеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, эта фигура-абажуръ, хотя почти главная, остается такимъ образомъ въ полномъ мракѣ, и можно различить однѣ руки, напяливающія (иначе нельзя передать ихъ движенія) хитонъ на плечи, да общее черное пятно человѣческаго очерка. Такая замѣна руками лица, въ которомъ, по понятію всѣхъ понимавшихъ, прежде, и продолжающихъ понимать донынѣ, условія экспрессіи, только и могутъ выразиться движенія души, — несомнѣнно нова, и если художникъ не стремился ни къ чему иному, то цѣль его достигнута. Разъ задавшись — поставить новизну на мѣсто требованій искусства, г. Ге уже совершенно послѣдовательно употребилъ тотъ же пріемъ и въ отношеніи второго главнаго лица: у него Іисусъ, убитый измѣною одного изъ учениковъ, опустилъ свою голову до того низко, что глазъ не стало видно. Мудрено-ли, что недоумѣніямъ по поводу картины не было конца? Затѣять обойтись безъ видимыхъ формъ въ изображеніяхъ пластическихъ, то-есть дѣйствующихъ именно посредствомъ формъ видимыхъ, — это почти тоже, что разсчитывать передать звукъ—молчаніемъ, свѣтъ—темнотою.

Занявшись менѣе лицами второстепенными, художникъ оказалъ имъ тѣмъ самымъ большую услугу. Такъ, апостолъ Петръ, оставленный по-старому, съ глазами и лицомъ и даже щедрѣе всѣхъ озаренный лампою, и Іоаннъ, тоже одаренный образомъ и подобіемъ всѣхъ вообще людей,—вышли лучшими фигурами картины. Будучи въ сущности второстепенными, они выступили ярче и полнѣе главныхъ, безъ всякихъ усилій со стороны автора и даже напротивъ, вопреки имъ. Самъ того не видя, реформаторъ собственными руками поражаетъ въ нихъ свои преобразованія и доказываетъ именно тѣ общіе законы искусства, которые взялся опровергнуть![1])

Однакожъ и сквозь путаницу понятій и задачъ, волновавшихъ г-на Ге при исполненіи «предательства Іуды», въ картинѣ этой обнаружился талантъ недюжинный, смѣлый (даже черезъ-чуръ!), художникъ мыслящій и по многому заслуживающій вниманія. Еслибы обна-

[1]) Любопытно еще одно лицо — въ глубинѣ картины; оно все состоитъ изъ подбородка и короткаго, точно откушеннаго носа,—больше ничего нѣтъ: ни черепа, ни глазъ, ничего!

руженныя имъ похвальныя стремленія — сбросить рутину и устарѣлыя требованія (а не требованія *вѣчныя* искусства), получили въ послѣдующихъ работахъ болѣе устойчивости, а вниманіе къ исполненію и формѣ болѣе строгости; еслибъ его рисунокъ сталъ тверже, письмо выработаннѣе, а, главное, еслибъ онъ проникся убѣжденіемъ, что задумать еще не значитъ выполнить, что идея или замыселъ, прекрасные въ головѣ или живомъ словѣ, выходятъ часто непонятными или странными въ пластикѣ, — то изъ г. Ге могъ бы выйти весьма замѣтный дѣятель на избранномъ имъ поприщѣ. Къ прискорбію всѣхъ дорожившихъ развитіемъ этого счастливаго дарованія, вторая работа его «Вѣстники Воскресенія» показала, что г. Ге способенъ идти еще далѣе по невѣрному пути, гнаться за оригинальностью во что бы то ни стало, что, по его мнѣнію, непередаваемыя кистью сложныя комбинаціи мышленія должны проявиться въ картинѣ независимо отъ техническихъ условій и средствъ живописи, которыя были здѣсь уже совершенно плохи... Еслибъ «Вѣстниковъ» сама Академія не скрыла отъ глазъ петербургской публики, какъ грѣхъ своего новаго профессора (многіе объяснили это дѣйствительною грѣховностью картины, что однако не помѣшало ей, безъ видимой опасности, искушать благочестивыя очи москвичей!), то заблужденіе художника стало бы для всѣхъ очевидно. Но картина прошла тайно и куда-то исчезла — миръ ей, и, какъ о покойницѣ, не скажемъ о ней ничего дурного, за совершенной невозможностью сказать что нибудь-хорошее.

Неудача второй работы нашего преобразователя была такъ велика, общее разочарованіе въ надеждахъ на проявившійся недавно талантъ его до такой степени овладѣло всѣми, даже фанатическими поклонниками г. Ге (а ихъ родилось не мало вмѣстѣ съ первою его картиною), все это выражалось столько разъ и такими компетентными судьями, покуда отверженные Академіею «Вѣстники» стояли въ залахъ клуба художниковъ, что автору, казалось, не было возможности не прозрѣть и не обратиться на настоящій путь. Третьей работѣ предстояло рѣшить: быть или не быть г. Ге и его направленію? «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду»—передъ нашими глазами; посмотримъ-же, какъ онъ рѣшаетъ судьбу художника?

Подобно прежнимъ, послѣдней работѣ г. Ге сопутствовали довольно обстоятельные комментаріи въ газетахъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего дурного,—дурно одно, если они черезъ-чуръ широкими обѣщаніями сводятся къ рекламамъ, а лишнею заботливостью о покровительствуемомъ художникѣ служатъ ему медвѣжью услугу...

Одна изъ газетъ, напримѣръ, представляетъ дѣло такъ:

«На небольшой каменистой площадкѣ, среди оливковаго лѣса, въ какомъ-то тяжеломъ, зловѣщемъ ночномъ освѣщеніи, стоитъ одиноко, опустившись на колѣно, Спаситель. Представленъ онъ лицомъ къ зри-

телямъ. Одна рука его опущена внизъ, другая плотно лежитъ на согнутомъ колѣнѣ. По сторонамъ его страдальческаго, изможжоннаго лица, падаютъ сбившіеся мокрыми прядями волосы. Грубое рубище хитона не совсѣмъ прикрываетъ грудь. По всей этой фигурѣ и окружающей ее мѣстности скользитъ сквозная тѣнь оливковыхъ деревъ. Страдалецъ молится.... Всматриваясь въ лицо Христа, вы не замѣчаете того напряжоннаго, порывистаго выраженія, какое свойственно просьбѣ, мольбѣ; голова его не обращена къ небу, глаза не подняты вверхъ. Онъ смотритъ прямо впередъ, но не глядитъ ни на что́; взоръ его, который какъ бы заволокло мглою скорби, *ушолъ внутрь себя*... Вотъ сейчасъ встанетъ онъ и безтрепетно пойдетъ на встрѣчу враговъ своихъ...

«Таково впечатлѣніе, производимое новою картиною г. Гэ, насколько мы съумѣли передать его. Въ виду высокихъ достоинствъ этого произведенія какъ-то не хочется даже упоминать о тѣхъ особенностяхъ, или, пожалуй, странностяхъ картины, на которыя сужденіе *толпы* указываетъ, какъ на недостатки...

«Новую картину г. Ге, по силѣ замысла и *совершенству исполненія*, мы ставимъ выше *всѣхъ* прежнихъ его произведеній».

Неправда-ли, хорошо? Но такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ? Даетъ-ли все это произведеніе, такое какъ оно есть, вышедшее изъ-подъ кисти художника, а не какимъ оно могло быть въ его головѣ, куда никому не открыта дверь, кромѣ проницательности газетныхъ авторовъ...

Такое какъ есть, произведеніе г. Ге, это просто темный, сѣрый, большой холстъ. По серединѣ — такая-же сѣрая фигура на одномъ колѣнѣ. Вѣтви деревъ кладутъ на каменистую землю сѣтку тѣней, тономъ еще темнѣе. И такъ какъ вся картина одноцвѣтная, писанная въ тѣнь, то совершенно одинаковаго цвѣта отблескъ скользитъ по землѣ и по лицу фигуры, которая такимъ образомъ съ перваго взгляда кажется каменнымъ или глинянымъ изваяніемъ среди лѣса. Отсутствіе въ ней глазъ (старый пріемъ г. Ге) и толстая, шире головы, точно вырубленная шея, дополняютъ подобіе. Всматриваясь пристальнѣе въ темноту, различаете однако цвѣта одежды и, не безъ особеннаго усилія, доискиваетесь глазъ. Первая загадка разсѣяна: передъ вами не камень, а человѣкъ. Но что́ этотъ человѣкъ дѣлаетъ? зачѣмъ онъ присѣлъ на одно колѣно и что́ выражаетъ это лицо, все состоящее изъ одного сѣраго клякса или блика и одной сильно выдавшейся скулы—остается загадкою: такъ темно, что разсмотрѣть нельзя.

Вотъ совершенно точный отчетъ о картинѣ, безъ всякихъ красотъ газетнаго вдохновенія. Что это дѣйствительно такъ, что въ залахъ Академіи стоитъ именно *эта* непонятная картина, а вовсе не тотъ ясный, какъ правда, о́бразъ, о которомъ повѣствовано выше, мо-

гутъ удостовѣрить, между прочимъ, споры, постоянно окружающіе темный холстъ.

Начнемъ съ положенія фигуры. Оно такъ неопредѣленно, что можно доказывать, какъ въ этомъ я могъ убѣдиться, будто Христосъ молится, стóя на одномъ колѣнѣ и будто онъ пересталъ молиться и, упершись правою рукою въ колѣно, сейчасъ встанетъ на ноги; наконецъ будто онъ просто изнемогъ отъ продолжительной молитвы и готовится сѣсть нá-земь. Я видалъ даже, какъ въ подтвержденіе каждаго изъ этихъ мнѣній, защищавшіе ихъ прибѣгали къ видимымъ знакамъ, присѣдали на колѣни, дѣлали книксены, пробовали вставать и садиться, причемъ нѣкоторые, только благодаря предупредительности сосѣдей, избавились ушибовъ и увѣчій... Правдоподобнѣе же всего, что Христосъ и не молится, и не встаетъ, и не садится: не молится потому, что смотритъ прямо на посѣтителей выставки; не встаетъ потому, что при положеніи, данномъ носку ноги (обутой, замѣтимъ кстати, въ *сапогъ*!), встать невозможно, какъ бы ни гнуть для этого колѣно: носокъ выдается болѣе впередъ, чѣмъ колѣно; не садится потому, что, не опершись другою рукою о землю, можно упасть только навзничь, а не сѣсть. Значитъ, кистью задача остается неразрѣшенною и надо обращаться къ семидесяти толковникамъ, чтобы понять намѣреніе художника. А хоры не полагаются въ помощь живописи...

Но если положеніемъ *всей* фигуры художникъ не съумѣлъ выразить своего намѣренія, то посмотримъ, не удалось-ли ему достигнуть этого частностями—лицомъ, напримѣръ—этимъ зеркаломъ *души*. *Вѣдь* картина написана именно съ цѣлью раскрыть душу молящагося, или молившагося страдальца...

Не видя лица на разстояніи, вы подходите какъ можно ближе и вперяете въ него пытливый взглядъ. Вотъ оно, едва-едва выдаваемое ночною темнотою... Но не призракъ-ли этотъ сѣрый обликъ, не привлекательный, просто грубый, съ мутными, безъ зрачковъ, какъ у статуи, глазами? Неужто это реальная фигура реальнаго живописца? Неужто этой, яснѣе прочаго видимой, плоской щекѣ, съ единственнымъ, непріятнымъ возвышеніемъ скулы, этимъ въ войлокъ сбитымъ пасмамъ волосъ, этой аляповатой, ненарисованной шеѣ, этому усѣченному туловищу на короткихъ ногахъ,—неужто всему этому поручено подѣйствовать притягательно на зрителя? Есть-ли какая-нибудь возможность почти силуэтомъ головы, безъ игры мышцъ на лицѣ, безъ глазъ, ясно различаемыхъ, выразить пытку души, призванной отозваться во всякой душѣ? Забудьте только газетное повѣствованіе, и вы навѣрное ничего не доищетесь въ картинѣ, кромѣ темной ночи, темной фигуры и темныхъ, хотя, можетъ быть, самыхъ лучшихъ намѣреній художника! Хорошими намѣреніями вѣдь и адъ вымощенъ, а въ немъ, какъ слышно, нѣтъ ничего хорошаго.

— За то это ново! кипятился при мнѣ одинъ юноша, очевидно художникъ.

— Чтó ново-то? охлаждалъ его другой, скептикъ: что ничего не видно на холстѣ? Такъ поставьте совсѣмъ пустой холстъ—будетъ еще новѣе: ужъ тамъ ровно ничего не будетъ.

— Вамъ образà нужны!! кричалъ юноша.

— Не образà, а óбразы, — отвѣчалъ спокойно оппонентъ. Вотъ вы теперь насмóтритесь этого, да и пойдете чернить холсты — такъ-то конечно легче, ни рисунка, ни лѣпки не надо—не видать вѣдь, все равно! Эхъ, господа! легко васъ поддѣвать на новинки! Да только посмотрите, не поддѣлъ-бы самого себя нововводитель! Человѣку данъ талантъ, а онъ изъ него чтò дѣлаетъ? Заслонки пишетъ.

Если приговоръ скептика и строгъ немножко, то, правду сказать, значительно заслуженъ. Таланту много дается—съ него много и взыскивается. Всѣ эти споры, всѣ неудовольствія на г. Ге именно указываютъ, что ему хотятъ дать роль въ нашемъ искусствѣ. Онъ несетъ въ отношеніи къ нему извѣстныя обязанности; онъ не вправѣ такъ злоупотреблять своими способностями. Вреда отъ его картинъ я собственно не предвижу,—напротивъ, я замѣчаю даже пользу,—отрицательную, правда, но все же пользу: глядя на нихъ, будутъ учиться тому, какъ дѣлать не слѣдуетъ; узнаютъ грань, раздѣляющую мысль или тенденцію отъ формы или пластическаго выраженія. Но жалко ограничить добровольно свой талантъ на пассивную роль и отказаться отъ прямой пользы на поприщѣ весьма еще нуждающемся въ живыхъ, положительно дѣйствующихъ силахъ. Пусть ваше *направленіе* остается отрицательнымъ (если уже принято такъ называть его); но заставьте-же исполненіе—форму—сдѣлаться положительною,—безъ этого вашъ реализмъ — такой-же лже-реализмъ, какъ былъ нѣкогда разогрѣтый вчерашній классицизмъ, какъ была у насъ недавно народность... Не слушайте тѣхъ, кто вамъ говоритъ, будто какая-то «толпа» находитъ недостатки въ вашихъ картинахъ, — знайте, напротивъ, что не она ихъ хорошо видитъ; гоните льстецовъ, подвигающихъ васъ выставлять пейзажи, какіе вы выставили и какихъ не прощаютъ нынче восемнадцатилѣтнимъ мальчикамъ въ классахъ, и если вамъ случилось сдѣлать такіе глаза, что ихъ не видно, то ужъ такъ и знайте, что ихъ не видно, а не вѣрьте тому, будто это взоръ ушелъ куда-то «внутрь себя». Убѣдитесь, что не все то серьезно, что замысловато и только то глубоко, что просто; а главное, рѣшитесь отнестись къ себѣ строго, забудьте, если можете, вашу «знаменитость», и въ тишинѣ студіи развейте въ себѣ живописца, не только способнаго мыслить, но сортировать и воплощать свои мысли, откидывая все невоплотимое въ сторону... Повѣрьте, обновленные водою ученія и труда, вы сами увидите, что вышли на свѣтъ, и устыдитесь тѣхъ потемокъ, въ какихъ теперь

блуждаете; истину-же вамъ здѣсь высказываемую, и можетъ быть непріятную пока, не назовете ни ложью, ни обидою, а сущею и доброю правдою...

Трактовать сюжеты изъ исторіи Христа по старому, избитому преданію давно перестали художники современные,—это совсѣмъ не такая новость, какъ думаютъ у насъ. Блаженной памяти Корнеліусы и Овербеки (даже еслибъ кто-нибудь изъ нихъ еще и не успѣлъ умереть), усиливавшіеся въ Римѣ возводить въ догматъ, вмѣстѣ съ папою, непогрѣшимость всего отжившаго, не помѣшали гораздо ранѣе реалисту Поль-де-Ларошу быть новымъ на этомъ поприщѣ. И достигаетъ онъ этого очень просто, прилагая къ сюжетамъ изъ такъ-называемой священной исторіи, взглядъ и пріемъ общеисторическихъ картинъ. Это и незатѣйливо и практично. Реализмъ не можетъ проявиться иначе, какъ въ формѣ совершенно реальной, т.-е. совершенно вѣрной дѣйствительности, до такой степени, чтобъ не было по возможности различія между произведеніемъ искусства и дѣломъ рукъ природы. Это первое, непреложное условіе: кто не доросъ до способности состязаться съ натурою въ воплощеніи тѣхъ идей и представленій, какія его волнуютъ,—тому и помышлять нельзя о высотѣ реальнаго художника; тотъ лучше сдѣлаетъ, если попробуетъ передавать свои мысли и взгляды какъ-нибудь иначе, только не формами пластики, отливающими хорошо и понятно одни образы окончательно изготовленные... Все неясное, раскиданное, несосредоточенное въ одномъ опредѣленномъ центрѣ, въ одномъ моментѣ, должно быть откинуто, какъ неподдающееся передачѣ; потому что у искусства пластическаго имѣются средства только на одинъ моментъ для одного произведенія, на одинъ центръ для одного сочиненія. Также точно не все реальное можетъ служить предметомъ для картины: что темною ночью ничего не видно, это, напримѣръ, очень реально; однако слѣдуетъ-ли изъ этого, что ночная картина, гдѣ только и будетъ видно, что ничего не видно, можетъ назваться картиною?

Вся бѣда русскаго человѣка заключается въ томъ, что надѣли его только природа способностями, онъ уже сейчасъ море зажечь собирается. Ему никакого нѣтъ дѣла до того, что море не загорится; онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ, что таланты народовъ, хозяйничающихъ цѣлые вѣка тамъ, гдѣ онъ ступаетъ первыми шагами, часто не спросясь броду, все это давно испробовали, все это прежде его открыли,—онъ, какъ деревенскій самоучка-механикъ, изобрѣтаетъ старую новость, успѣвшую обновиться, усовершенствоваться, сдѣлать свое и смѣниться другою.... Отсюда эта удаль «птицы-тройки», ломающая шеи, или задоръ гоголевскаго учителя, кидающаго стулья.... Смѣшно, кажется, и объяснять, что настоящее наше, историческое мѣсто, во всемъ, какъ и въ искусствѣ, которое есть утонченнѣйшій плодъ раз-

витія народнаго, — что это мѣсто отнюдь не впереди, не въ головѣ передовыхъ народовъ человѣчества, а и то хорошо еще, что не въ самомъ хвостѣ ихъ....

Мнѣ представляется истинно-здравымъ только тотъ сверчокъ, который знаетъ свой шестокъ, надежнымъ то дарованіе, которое не выдумываетъ выдуманнаго, а учится прилагать искусство тѣхъ, кто поискуснѣе къ своей скромной долѣ — производителя на поприщѣ едва початомъ, невоздѣланномъ, гдѣ все въ будущемъ, а пока есть надежды, и хорошія надежды, порой, хоть изрѣдка, достигающіе осуществленія.

Такимъ-то простымъ, здравымъ дарованіемъ я считаю г. Перова. Онъ началъ тихо, небольшими, тщательно-отдѣланными, но сразу полными юмора и наблюдательности, картинками вседневнаго быта, имѣя передъ собою Ѳедотова; продолжалъ все по тому же пути, дѣльно и настойчиво учась у жизни, просиживая въ Эрмитажѣ долгіе дни надъ копіями отдѣльныхъ кусочковъ картинъ большихъ мастеровъ, особенно его поражавшихъ; онъ, я увѣренъ, и во снѣ не видѣлъ себя зажигателемъ не только моря, даже Фонтанки, — и вотъ этотъ скромный, невѣдомый міру русскій Кнаусъ, съ выдержаннымъ, крѣпкимъ и чистымъ, какъ алмазъ талантомъ, шагъ за шагомъ приходитъ къ такому произведенію, какимъ, пожалуй, не посрамился бы и самъ настоящій, нѣмецкій Кнаусъ....

Возьмемъ на выдержку нѣкоторыя изъ прежнихъ работъ г. Перова.

«Первый чинъ»: старикъ дьячокъ, съ комическою косичкою на затылкѣ, комически и вмѣстѣ трогательно упивается зрѣлищемъ примѣриваемаго сыномъ вицъ-мундира и щупаетъ съ вожделѣніемъ ворсу его сукна. «Крестный ходъ въ деревнѣ», съ бойкими, мѣткими типами слишкомъ усердно закусившихъ въ избѣ зажиточнаго мужика доброхотными участниками въ процессіи; съ хозяиномъ, бережно сводящимъ подъ руку священника съ крылечка; съ однимъ изъ гостей, особенно поусердствовавшихъ и тутъ же окатываемыхъ холодною водою для приведенія въ чувство, съ другимъ, уже совсѣмъ безчувственнымъ, подъ крыльцомъ.... «Деревенскія похороны»: унылая, простая, но хватающая за душу элегія. На дровняхъ стоитъ гробъ; вдова правитъ лошаденкой и везетъ свою подпору, свою защиту — свой кусокъ хлѣба, въ мерзлую могилу. Два мальчика, еще махонькихъ, сидятъ по сторонамъ гроба. Ихъ надо ростить и кормить; а оно ей бѣдной, одинокой бабѣ, не такъ-то легко....

Все это, какъ видите, не замысловато, а съ мыслью; и отъ того все это хорошо и живетъ; это — поступательное движеніе по одной дорогѣ, всегда приводящее къ цѣли; потому что дорога эта проложена по самой жизни, а не гдѣ-то тамъ — въ мозгу....

Но проще, лучше и жизненнѣе всего — послѣдняя картина г. Перова. Выступила она, какъ и другія, представленныя на соискательство премій, безъ имени и безъ названія; и ни то, ни другое не оказалось нужными: всякій сразу угадываетъ подъ маскою пріемъ и талантъ г. Перова; всякому ясно, что на картинѣ весна, что по этимъ почкамъ деревъ, по этимъ маслянистымъ первымъ листикамъ на кустахъ, по этой сочной, воскресшей изъ отогрѣтаго дерна травкѣ, только-что брызнуло утро, задѣвъ гдѣ древесный стволъ, гдѣ потонувшее еще въ разсвѣтломъ холодѣ очертаніе облака.... Никто не спроситъ, кто этотъ старый здоровякъ, блаженно растянувшійся на животѣ и предательскими трелями своей дудочки заманивающій меломановъ-птичекъ въ силки? чѣмъ потрясенъ этотъ блѣдный и страстный мальчикъ у большой покрытой клѣтки?... Сейчасъ видно, что воспріимчивая натура его иначе принимаетъ впечатлѣнія и этой лѣсной чащи, и этого раздражающаго ранняго тепла, и этой тьмы, которая борется съ утромъ.... Вы съ одного взгляда понимаете, что ловля птицъ и наслажденіе отъ нея проистекающее не одинаковы для добродушнаго здоровяка и болѣзненнаго мальчика. Тутъ не нужно газетъ, со взорами, «ушедшими внутрь», — тутъ все говоритъ само за себя, стоитъ за себя, и взоръ птицелова, если уже куда ушелъ, то весь и цѣликомъ въ его птицъ; самое лицо старика сдѣлалось какое-то птичье— особенно брови и носъ. Невинный обманъ тѣшитъ и вдохновляетъ охотника; въ эти минуты онъ творитъ, и около него создается особый міръ — птичій и весенній, чиликающій и грѣющій его сѣдую голову, чарующій слухъ и наполняющій давно пустую душу...

Мотивъ этотъ, не взирая на чрезвычайную незамысловатость, такой же поэтическій эпизодъ изъ жизни природы и самыхъ близкихъ къ природѣ—простыхъ сердцемъ людей, какъ большая часть мотивовъ и эпизодовъ въ «Запискахъ Охотника». Онъ представляется какъ бы иллюстраціей прелестнѣйшихъ изъ страницъ Тургенева; и хотя буквально *такой* страницы нѣтъ въ его книгѣ, но она могла быть, и картина какъ-бы ее подшиваетъ туда....

Задумавъ хорошо, художникъ и исполнилъ хорошо. Пейзажъ, фигуры, отъ малѣйшихъ подробностей небритой съ воскресенья сѣдой щетины на бородѣ птицелова, до его плисовыхъ сапогъ и стеганной подкладки длиннополаго сюртука, раздавшагося по швамъ,—все окончено какъ миніатюръ. Главная фигура, — а она не мала: около четверти натуральной величины,—можетъ быть разсматриваема въ упоръ и не кажется засушенною, какъ лилипуты г. Риццони, напримѣръ, но сохраняетъ всю сочность, пріятность и свѣжесть письма. Типъ доживающаго на боку свой вѣкъ стараго управителя, бывшаго дворецкаго, въ призракѣ барской еще ливреи, и въ плисовыхъ сапогахъ,— типъ этотъ до того общій, такой знакомый, что невольно припоми-

наешь: гдѣ этого человѣка видѣлъ и когда его зналъ? Между тѣмъ, его и не видѣлъ и вовсе не зналъ. Это-то и доказываетъ, что онъ именно типъ. *Такихъ* всякій видѣлъ, всякій зналъ: передъ нами въ одномъ фокусѣ собранныя черты всѣхъ ихъ. Таланты истинные — въ литературѣ-ли, на сценѣ или въ живописи, въ ваяніи, словомъ въ искусствѣ, — одни умѣютъ дѣлать такія воплощенія, — отъ того они и истинные таланты.

Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что своею картиною г. Перовъ кладетъ за Ѳедотовымъ камень зданію русской живописи. Можетъ быть, это покажется отрицаніемъ слишкомъ многаго прежде сдѣланнаго? Можетъ быть! Но вѣдь пора-же начать смотрѣть на вещи строже. Вѣчно снисходить къ подающимъ надежды дѣтямъ и гладить ихъ по головкѣ перестаютъ, когда у нихъ пробьется первый пухъ на подбородкѣ.... По той же самой причинѣ, никто изъ экспонентовъ на состязаніе не долженъ обижаться, если работы, въ большинствѣ весьма удовлетворительныя, а нѣкоторыя и прекрасныя, кажутся подростками рядомъ съ этимъ взрослымъ произведеніемъ искусства. Одна «Княжна Тараканова» выступала также выпукло, нѣсколько лѣтъ назадъ, изъ ряда всего бывшаго на академической выставкѣ....

Нѣтъ никакой возможности, отойдя отъ «Птицелова», разсматривать подробно, напримѣръ, «Сборъ недоимки» г. Пукерева, съ отживающею въ живописи тенденціозностью, которая гораздо раньше отжила въ литературѣ, съ обязательною непреклонностью становаго, выражаемою сигарою въ зубахъ, въ то время, какъ старшина, украшенный медалью на шеѣ, тащитъ рыжую корову за рога, а бабы и мужики воютъ и валяются въ непреклонныхъ ногахъ начальства.... Все это, безъ сомнѣнія, бываетъ, бываетъ и хуже этого. Вой бабъ и валянье мужиковъ, сигары (да хорошо еще, когда однѣ сигары!) становыхъ, послѣдняя корова, отнятая за недоимку, — разумѣется, драма, да еще какая! но все это надо сперва увидѣть, почувствовать, а потомъ передать такъ, какъ оно есть, чтобъ почувствовали другіе. Между тѣмъ, нельзя никакъ согласиться, чтобъ эти свѣтлыя краски были краски натуры, чтобъ эти слезы и горе были горемъ и слезами, а не извѣстными, весьма благонамѣренными, но нисколько не почувствованными движеніями людскихъ душъ; чтобъ это была представлена драма, наконецъ, а не комедія, какъ то часто выходитъ у плохихъ актеровъ.... Когда же узнаешь, что за все это назначена цѣна 550 р., а за «Птицелова» 800, то думаешь, не произошло ли тутъ ошибки, и не слѣдуетъ ли нуль отдѣлить отъ г. Пукерева и приставить къ г. Перову?

Трудно сказать много похвальнаго и о картинкѣ г. Корзухина, гдѣ пріѣхавшій домой мужикъ надѣляетъ баранками дѣтей и гдѣ одно изъ нихъ, на полу, совсѣмъ не удалось; удалась же собственно ста-

руха-мать, которая наставляетъ большой, мѣдный самоваръ въ сторонѣ.... Можно похвалить развѣ эту старуху, какъ за ея заботливость о сынѣ, такъ и за всю ея позу, очень вѣрно подмѣченную и хорошо переданную.... Похвально и со стороны самовара, что онъ вышелъ такой хорошій — совсѣмъ какъ живой.

У г. Журавлева—уличный контрабасистъ, осыпанный снѣгомъ, вернулся вечеромъ домой; жена кормитъ убогимъ ужиномъ меньшого ребенка; старшій всталъ и помогаетъ отцу освободиться отъ тяжелаго хрипуна, мозолившаго весь божій день ему руки и оттягивавшаго плечо.... Контрабасъ съ контрабасистомъ вышли лучше всего на картинѣ....

Г. Маковскій написалъ очень старательно, но не особенно удачно, уличную продавщицу апельсиновъ зимою и мальчика, который задумалъ ими полакомиться.... Прежнія его сцены въ этомъ родѣ куда лучше!

Успѣшнѣе всѣхъ представъ на состязаніе молодой г. Пелевинъ. Послѣ работъ академической выставки, гдѣ онъ явился талантомъ начинающимъ, онъ выступаетъ уже художникомъ въ своей новой сценѣ. Въ убогой избѣ, при обстановкѣ, высмотрѣнной и выполненной съ большимъ вкусомъ и оконченностью, лежитъ больной ребенокъ, покрытый тулупомъ. Полусвѣтъ изъ тѣснаго окошка скользитъ по его привлекательной, но нисколько не идеализированной головкѣ. Слѣпой старикъ, освѣщенный вѣрно и написанный прекрасно, ощупывающею поступью направляется къ больному, держа деревянный ковшъ воды въ одной рукѣ; другая трогаетъ воздухъ, удивительно наглядно передавая движенія, свойственныя слѣпотѣ.... Тулупъ, сума, ковшъ, ветхая одежда старика и всѣ подробности написаны превосходно. Если г. Пелевинъ пойдетъ такъ, то изъ него можетъ выработаться современемъ товарищъ г. Перову....

Пейзажи конкурса, не имѣя въ своей средѣ ничего подобнаго по достоинству «Птицелову», вообще удовлетворительны. Есть мотивы почти одинаковые. Болотистая вода, подернутая зеленой плесенью; болотныя травы, лѣсная чаща: и г. Шишкинъ и г. Гюне плѣнились этимъ дѣйствительно интереснымъ и русскимъ мотивомъ и оба передали его очень хорошо. Г. Гюне обнаружилъ больше вкуса, а г. Шишкинъ больше оконченности, особенно въ травѣ, даже уже черезчуръ отчеканенной.

Но кто отчеканилъ всю свою картину, такъ это профессоръ баронъ Клодтъ. Еслибъ не это, да не тонъ, нѣсколько невѣрный, то задача—превратить въ картину некартинную околицу русской деревни, съ выгономъ, на которомъ пасется лошаденка, съ круглыми буграми, курчавыми березками, сѣрымъ, скучнымъ рядомъ удаляющихся избъ и непригляднюю, мутною, прямолинейною далью,—такая задача могла

бы считаться выполненною однимъ изъ особенно сильныхъ пейзажистовъ нашихъ. Но художникъ, добиваясь самой наисущей правды, перешелъ мѣру. А мѣра въ исполненіи—что соль въ пищѣ: недосолить нехорошо и пересолить дурно....

Г. Куинджи, такъ мало пообѣщавшій Исаакіемъ при лунномъ освѣщеніи, на академической выставкѣ, обнаружилъ большое чутье къ явленіямъ сѣверной природы и даже какой-то особенный, самобытный пріемъ письма въ представленномъ на соисканіе пейзажѣ. Ливные дожди глубокой осени избороздили колеями распустившуюся дорогу, напоили глинистыя горки, какъ губку; вотъ они переходятъ въ иней. Вьюжитъ и подмораживаетъ, заволакивая окрестность бѣлою, волнующеюся дымкою новорожденнаго снѣга.... Телѣга, бороздя новую колею, рѣжется поперегъ старыхъ, гдѣ уже стынетъ ледяная слюдка.... Гололедь начинаетъ одѣвать горку.... пѣшеходъ ступаетъ и скользитъ.... Сыро, холодно — скверно. Дохнула идущая зима.... Эту прелюдію морозовъ и вьюгъ—подмѣтилъ и передалъ очень счастливо художникъ.

Большою даровитостью отличается работа г. Васильева. Плоско-возвышенная мѣстность, обсыпающіеся песчаные края оврага; нѣсколько сосенъ подъ вѣтромъ.... тучи и заволоченная ими даль — мотивъ чисто-русскій, незатѣйливый, но поэтически-понятый и очень даровито переданный. Особенно хороши воздухъ и даль; песокъ такъ почувствованъ, что просто сыплется.... Когда же вспомнишь, что этотъ самый г. Васильевъ, годъ назадъ, представилъ на это же самое состязаніе работу еще почти ученическую, и что ему едва минуло двадцать лѣтъ, то принужденъ согласиться, что онъ шагаетъ необыкновенно быстро. Надо желать только одного, чтобъ эти шаги не остановились или не пошли вспять въ той же прогрессіи, какъ это на бѣду случается съ черезчуръ прыткими изъ нашихъ отечественныхъ талантовъ, — какъ то случилось съ г. Поповымъ, который блеснулъ-было колоритнымъ и живымъ «Складомъ чая на нижегородской ярмаркѣ», да и пошелъ потомъ утомлять насъ деревянными, сѣрыми фигурками своихъ картинъ.... Молодому Васильеву слѣдуетъ побывать въ Дюссельдорфѣ, и пусть онъ тамъ увидитъ въ студіи у А. Аахенбаха, что талантъ еще не все, что это — нѣжное и рѣдкое растеніе, которое надо выхолить и выростить, чтобъ оно давало плодъ. Остаться безплодною смоковницею всего легче—доказательства кругомъ.... Подъ руководствомъ настоящихъ мастеровъ, даровитый юноша скоро и легко убѣдится, что до полнаго художника еще пути много, и что ему еще не картины писать, а учиться надо, учиться и учиться.... Тогда изъ него, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ отличный пейзажистъ....

Третье художественное зрѣлище Петербурга—«выставка *русскихъ* портретовъ извѣстныхъ *лицъ* XVI—XVIII вѣковъ», какъ сказано въ каталогѣ (хотя *портретовъ*-то именно и много не-русскихъ),—можетъ быть названо исторіею въ лицахъ. Художество сюда собственно допущено изъ любезности,—все прочее поглощено исторіею: исторія увѣшала стѣны и окна, простѣнки и самую лѣстницу обширнаго помѣщенія бывшей квартиры министра внутреннихъ дѣлъ; она завладѣла семью-стами работами кисти и палитры, уступивъ изъ этого громаднаго капитала едва 5% собственно художеству. Три вѣка потрудились для нея, но не для искусства.... Сильно надо оттоптать ноги, утомить шею, вытягивая ее во всѣ стороны, поработать пальцами, перевертывая листы каталога, чтобы чего-нибудь добиться отъ перемѣшанной и сбитой въ кучу нумераціи.... словомъ, надо поработать въ потѣ лица для снисканія крупицы художественнаго хлѣба....

Первое впечатлѣніе выставки рѣшительно — спиноломное, тоже самое, какое одинъ знатокъ картинъ, и еще болѣе знатокъ хорошихъ разказцевъ, по собственному увѣренію, испыталъ отъ картины Перова.

— Представьте себѣ, разсказываетъ онъ: нагнулся я надъ картиною, чтобы только взглянуть на нее — и чувствую вдругъ — у меня жестоко разболѣлась спина.... Смотрю на часы: я простоялъ ровно $4^1/_2$ часа!

Если одному холсту суждено производить такія опустошенія надъ здоровьемъ человѣческихъ спинъ, то судите-же, чего ждать, когда ихъ наберется семьсотъ!

Очнувшись кое-какъ отъ исторіи и отъ спины, приходишь въ себя и тутъ только изъ этой толпы сначала темныхъ, почти образныхъ ликовъ царей, бояръ и патріарховъ, изъ-за бородъ и шапокъ, потомъ изъ-за ботфортъ, французскихъ кафтановъ, париковъ и бритыхъ подбородковъ, изъ-за фижмъ и пудры — между Петромъ, Лефортомъ, плоскимъ лицомъ Тредьяковскаго, южнымъ орлинымъ взглядомъ Растрелли, между типическою хохлушкою Разумихою, съ хитроватою малороссійскою усмѣшкою въ умныхъ глазахъ и великорусскою красавицею Строгановою, съ круглыми карими глазами на выкатѣ,—изъза всего этого и сквозь всѣ эти страницы исторіи,—начинаютъ малопо-малу выступать и выглядывать одна за другою—то изнѣженныя, мягкія, точно пуховыя, но изящныя головки Лампи, то могучія, полныя самой жизненной правды, работы Боровиковскаго, то яркая, нѣсколько изысканная и манерная, но красивая кисть г-жи Лебрёнъ, то безъ всякой изысканности, дѣйствительно-нѣжная и прелестная кисть Левицкаго, то, наконецъ, сочное, широкое письмо Доу... И художественная жажда удовлетворяется. Если съ нею вмѣстѣ напоено неодинаково и патріотическое чувство,—ибо обрусить Лампи, Лебрёнъ, и Доу даже теперь, при настоящемъ усовершенствованіи способа

обрусенія, нелегко,—то можно утѣшиться и тою отечественною славою, какая есть—Боровиковским и Левицким...

Да, таких работъ, как группа Боровиковскаго, представляющая графиню Кушелеву-Безбородко съ дочерьми, какъ эта Глафира Алымова, Левицкаго, — во весь ростъ, съ арфою, — донесшая до насъ, черезъ пространство болѣе ста лѣтъ, свою молодую улыбку и всю свѣжесть нѣжнаго, совсѣмъ живого лица, — такихъ, какъ эти другія, танцующія и позирующія фрейлины двора того времени, — такихъ, и множества имъ подобныхъ произведеній совсѣмъ «русскихъ» художниковъ, современный патріотизмъ, къ сожалѣнію, указать не можетъ... «Нынче ужъ такъ не пишутъ!» приходится говорить вмѣстѣ со стариками.

Этимъ я и оканчиваю. О выставкѣ «извѣстныхъ лицъ» надо говорить или также много, какъ много ихъ самихъ, — а отмежованное скромному обозрѣвателю художествъ мѣсто занято предыдущими выставками, — или не говорить вовсе. О томъ-же, что думаетъ про коллекцію своихъ героевъ и героинь исторія, чего она въ ней не досчитывается и что находитъ лишнимъ, разговоръ уже совсѣмъ другой... Я же ограничусь однимъ замѣчаніемъ—собственно по своей части.

Можетъ быть, кому-нибудь другому оно и было бы ничего, но едва-ли позволительно обществу поощренія «художествъ»—нѣкоторыя изъ лучшихъ картинъ-портретовъ Екатерины—одинъ даже Левицкаго,—ставить противъ свѣта безъ всякаго наклона, такъ, чтобъ они изъ картинъ превратились въ зеркала. Даже рѣдкіе (покуда за входъ платился рубль) больше французскіе, посѣтители и посѣтительницы выставки, отражавшіе въ этихъ неожиданныхъ зеркалахъ свои собственныя лица, даже и тѣ выражали,—не безъ нижегородскаго ударенія, конечно, свои жалобы: «mais c'est qu'on ne voit rien! *absôlument* rien!» Многіе при этомъ громко обвиняли какого-то «главнаго распорядителя» который будто-бы «ne fait que bavarder!» Кто онъ, этотъ распорядитель, зачѣмъ болтаетъ и что̀ болтаетъ? мы не знаемъ. Онъ-ли виновникъ тому, что Екатерина блеститъ, а Мордвиновъ (одна изъ образцовыхъ работъ Доу) попалъ въ какой-то темный корридоръ, прелестныя-же фрейлины Левицкаго освѣщены фальшиво,—и оттого ли все это произошло, что распорядитель «ne fait que bavarder», или отъ чего другого,—намъ въ точности неизвѣстно; винить въ этомъ исторію тоже не приходится: положимъ, еще Мордвиновъ и фрейлины... но вѣдь Екатерина — лицо таки-достаточно «извѣстное», — за нее исторія вѣрно заступилась-бы... Словомъ, преступленіе совершено, но виноватыхъ не оказывается...

П. Ковалевскій.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ XV и XVI ВѢКОВЪ.

Исторія русской церкви. Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго. Томъ VI. Спб. 1870.

Велико, или мало, значеніе и роль исторіи нашей церкви въ исторіи нашего общества,—это вопросъ; но неоспоримо одно, что литературная и научная разработка исторіи русской церкви стоитъ еще ниже общественнаго ея значенія. Такой фактъ весьма знаменателенъ, такъ какъ онъ можетъ служить свидѣтельствомъ о состояніи нашего не-мірскаго духовенства. Оно не могло дать изъ своей сферы, безсемейной, свободной отъ мірскихъ заботъ (мы разумѣемъ высшія сферы этой среды), обезпеченной въ матеріальномъ отношеніи, достаточнаго числа рукъ, которыя посвятили бы себя научнымъ и литературнымъ изслѣдованіямъ по такому близкому къ нимъ предмету, какъ исторія церкви. Кто-то утверждалъ, что *otium*—досугъ, есть первое условіе для интеллектуальнаго и литературнаго труда; наше духовенство до сихъ поръ мало подтверждало эту истину. Въ западной Европѣ, такіе монахи, какъ напр. Болландисты, обезсмертили свое имя литературными подвигами по исторіи церкви; у насъ мы не встрѣчаемъ и тѣни подобнаго. Между тѣмъ, при такой скудости церковной литературы, ни у кого, какъ у насъ, не дѣйствуетъ духовная цензура. Мы охотно вѣримъ, что ея сторонники имѣютъ, съ своей точки зрѣнія, отличные помыслы—оберегать церковь; но, во-первыхъ, они должны сознаться, что церковь имѣетъ болѣе силы оберегать ихъ, нежели они ее; а во-вторыхъ, оберегать иногда можно такъ, какъ оберегался пустынникъ. И дѣйствительно, у насъ духовная цензура во многомъ отвѣтственна за плохое состояніе церковной литературы вообще.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ преосвященномъ Макаріѣ почти единственнаго церковнаго историка, сложившагося въ авторитетъ, и потому новое продолженіе давно уже начатой имъ исторіи русской церкви принадлежитъ къ числу весьма крупныхъ событій современной литературы. Шестой томъ этого почтеннаго труда обнимаетъ собою едва ли не самый важный періодъ исторіи русской церкви, именно XV и XVI вѣка, когда, съ одной стороны, русское государство, освободившееся отъ княжеской междуусобицы, сбрасываетъ съ себя и мон-

гольское иго, получая возможность сосредоточить свое вниманіе на внутреннемъ благоустройствѣ, съ другой — русская церковь, долгое время находившаяся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, избиравшаго и постановлявшаго для нея первосвятителей преимущественно изъ грековъ, также получила самостоятельность и начинаетъ избирать, поставлять и судить своихъ архипастырей безъ всякихъ сношеній съ патріархомъ. Естественно ожидать, что церковь и свѣтская власть пойдутъ рука объ руку, потому что и та и другая нуждаются еще въ укрѣпленіи своего авторитета; но этотъ союзъ произойдетъ не безъ борьбы и споровъ, не безъ стремленій воспользоваться слабостью союзника въ свою пользу. Преимущественно практическое направленіе московскихъ князей выдержитъ роль свою до конца, и церковь явится послушнымъ сотрудникомъ для утвержденія ихъ власти. Но въ то же время она получитъ отъ московскихъ князей поддержку для утвержденія своего авторитета и выработаетъ себѣ идеалы, далѣе которыхъ не пойдетъ и въ послѣдующіе вѣка. Все это окончательно совершилось именно въ то время, церковную исторію котораго разсказываетъ намъ преосвященный Макарій въ VI-мъ томѣ.

Освобожденіе государства и церкви отъ чужеземнаго владычества не могло оставаться совершенно безслѣднымъ на тогдашнемъ обществѣ; умноженіе монастырей и вслѣдствіе этого умноженіе книгъ, путешествія русскихъ за границу съ спеціальною цѣлью пріобрѣтенія книжной мудрости, пріѣзды къ намъ иностранцевъ, сильное умственное и религіозное движеніе на Западѣ, которое не могло не коснуться насъ хотя мимоходомъ, особенно вслѣдствіе прикосновеній нашихъ съ Литвою, гдѣ протестантскія идеи находили себѣ многочисленныхъ приверженцевъ—все это вмѣстѣ должно было подѣйствовать на умственный кругозоръ передовыхъ русскихъ людей XV и XVI вѣка и вызвать явленія, противоположныя тому формальному, обрядовому ученію, въ которомъ исключительно вращалась до того времени русская церковь. Въ началѣ XV вѣка все идетъ по старому: соблюденіе постовъ, хожденіе посолонь и тому подобные интересы занимаютъ нашихъ іерарховъ и князей. Митрополитъ Ѳеодосій, въ бытность свою ростовскимъ епископомъ, едва не лишается сана за то, что позволилъ мірянамъ вкушать мясо, а инокамъ рыбу и молоко въ навечеріе богоявленія Господня, которое случилось въ день воскресный. Митрополитъ Іона собралъ соборъ, обличилъ виновнаго и готовъ уже былъ снять съ него санъ, но ходатайство великой княгини спасло его, при чемъ Ѳеодосій долженъ былъ отдать ей за это ходатайство село Покровское. Великія княгини не хотѣли давать даромъ своего заступничества.

Черезъ нѣсколько лѣтъ повторяется такое же происшествіе: въ навечеріе крещенія Господня, случившееся въ воскресенье, чудовскій

архимандритъ Геннадій разрѣшаетъ своей братіи пить богоявленскую воду, поѣвши. Митрополитъ посылаетъ схватить Геннадія, который укрывается къ великому князю. Митрополитъ идетъ къ князю и говоритъ, что Геннадій «обезчестилъ священную воду, повелѣвши пить ее по принятіи пищи». Противъ такого аргумента великій князь не устоялъ и выдалъ митрополиту Геннадія, который былъ закованъ въ цѣпи и посаженъ въ ледникъ подъ палату. Въ то время, какъ подобные интересы поглащали вниманіе іерарховъ, въ Новгородѣ, еще не такъ давно смутившемъ церковь ересью стригольниковъ, начинаетъ сильно распространяться такъ-называемая ересь жидовствующихъ, занесенная евреемъ Схаріей. Нашъ авторъ не находитъ «ни нужды, ни основанія» останавливаться на предположеніяхъ — не была ли ересь жидовствующихъ одною изъ тогдашнихъ христіанскихъ ересей, только близкая къ іудейству, или не была ли она смѣсью разныхъ христіанскихъ ересей съ раціоналистическимъ направленіемъ, или даже не выработалась ли она въ самомъ Новгородѣ подъ вліяніемъ вольномыслія? Ученый авторъ утверждаетъ, что «Схарія и его товарищи проповѣдывали у насъ свою собственную, іудейскую вѣру и отверженіе христіанской, изъ чего уже неизбѣжно слѣдовали всѣ возможныя христіанскія ереси, т.-е. отверженіе всѣхъ христіанскихъ догматовъ и установленій». Такое положеніе очень просто и совсѣмъ не ново, потому что преосвященный Макарій слѣдуетъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ изложеніи всей ереси, современнику ея, Іосифу Волоцкому. Какія же причины породили ересь, почему нашла *она* *себѣ* многочисленныхъ приверженцевъ и такъ долго держалась, *несмотря* ни на какія внѣшнія мѣры и силу убѣжденія? Преосвященный и на этотъ разъ отвѣчаетъ просто — невѣжество новгородскихъ священниковъ въ истинахъ христіанской религіи, астрологія и чернокнижіе, которымъ Схарія научилъ своихъ учениковъ и первыхъ пропагандистовъ ереси, поповъ Діонисія и Алексѣя. Но если Діонисій и Алексѣй были невѣжды, чѣмъ объяснить, что Иванъ III одного опредѣлилъ протоіереемъ въ Успенскій соборъ, а другого—священникомъ въ Архангельскій соборъ? Чѣмъ объяснить приверженность къ ереси образованнаго по своему времени дьяка Ѳедора Курицына, невѣстки великаго князя Елены, наконецъ, симпатію къ ереси самого Ивана III? Онъ ей несомнѣнно симпатизировалъ, если не только терпѣлъ ее, но приблизилъ къ себѣ ея представителей, зная, какой ереси они держатся, поставилъ даже митрополитомъ одного изъ ея защитниковъ, по мнѣнію ученаго автора, симоновского архимандрита Зосиму? Неужели серьезно можно допустить, что самъ глава государства склоненъ былъ перейти въ жидовство, принять гонимую вѣру и исключить себя и народъ свой изъ христіанства?

На всѣ эти вопросы, по нашему мнѣнію, весьма существенные,

преосвященный Макарій заставляетъ насъ искать отвѣта снова въ «звѣздозаконіи, астрологіи, чародѣйствѣ и чернокнижіи». Но чародѣйство и чернокнижіе — понятія слишкомъ неопредѣленныя, и почтенный авторъ это очень хорошо знаетъ, прибавляя, что Схарія «въ состояніи былъ увлечь и прельстить, какъ своими *познаніями и умною рѣчью*, такъ особенно какими либо необычайными дѣйствіями, которыя онъ могъ совершать при пособіи темныхъ (?) наукъ и которыя для невѣждъ могли показаться совершенными чудесами». Положимъ, что чудесами можно прельстить невѣждъ, но «познаніями и умной рѣчью» можно прельстить не однихъ невѣждъ. Схарій, обративъ Діонисія и Алексѣя, исчезъ; Діонисій и Алексѣй сдѣлались главами ереси; значитъ, и они обладали «познаніями и умной рѣчью», ибо прельстили не однихъ невѣждъ? По крайней мѣрѣ, они должны были вносить въ свое ученіе такой нравственный элементъ, который приходился по сердцу массѣ и передовымъ людямъ. Вѣдь еврейство само по себѣ не могло заключать въ себѣ ничего привлекательнаго, а мы видимъ, что ересь Схаріи съ изумительною быстротою проникаетъ всюду, тогда какъ православіе прививалось къ русскому обществу довольно туго. Не слѣдовало ли историку русской церкви подвергнуть критическому анализу «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго и поискать причинъ распространенія ереси не въ одномъ невѣжествѣ и чернокнижіи, но и въ томъ, что въ русскомъ обществѣ просыпалась мысль, придавленная византійскою обрядностью, которая поглощала нравственное ученіе Христа и отодвигала его на столь темный планъ, что приготовила удобную почву для отрицателей. Сведенное на одну обрядность, православіе падало тѣмъ быстрѣе, что представители его, духовныя лица, подавали многочисленные поводы къ неудовольствію пьянствомъ, развратомъ, стяжаніемъ, безграмотностью, продажностью священныхъ должностей, потачкою власти. «Полонъ міръ поповъ, а дѣлателей мало. Многіе не умѣютъ книгъ читать.... и учащихъ ненавидятъ». «Не всѣ глаголеміи епископы суть: словомъ убо мнози епископы, нравомъ же мали, образомъ ученицы Христовы, нравомъ же предатели, словомъ благочестиви, дѣломъ же нечестиви, словомъ кротци, нравомъ же лукавіи, именованіемъ святители, дѣлесы же язычницы». Прибавимъ къ этому страшныя моровыя повѣтрія, голодъ, неправосудіе, нелюбовь къ Москвѣ, которая уничтожала старыя вольности, и солидарность духовенства съ московскою политикою, которая, гораздо прежде западныхъ публицистовъ проповѣдывала: «Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему. Нѣкоторые изъ царей или князей поставляются достойными такой чести отъ Бога, а недостойные поставляются за недостойныхъ людей, по злобѣ ихъ, по божію попущенію и хотѣнію. Итакъ, когда видишь недостойнаго, злаго царя или князя, или епископа, не дивися, не порицай божьяго промысла, но научися и вѣруй,

что по беззаконію нашему такимъ мучителямъ предаешься». Такая мораль не могла, однако, примирить народъ съ крутыми мѣрами правительства, и онъ охотнѣе довѣрялъ апокрифическимъ сказаніямъ о неправомъ государевомъ управленіи, объ его желаніи управлять одному безъ совѣта выборныхъ отъ каждой области, уѣзда и города: «правда взлетѣла на небо, и кривда начала ходить по землѣ». Религіозное движеніе, помимо всего другого, имѣло связь съ соціальной почвой, и надо предполагать, что въ ученіи жидовствующихъ была сильная нравственная, свободная струя. Но воображать, что ересь угрожала опасностью самому христіанству — нѣтъ никакого основанія, и едвали кто изъ нашихъ изслѣдователей найдетъ основаніе серьезно утверждать такое шаткое положеніе. Правда, движеніе было сильно, если принять на вѣру слова Іосифа Волоцкаго: «съ тѣхъ поръ, какъ возсіяло солнце православія въ землѣ нашей, у насъ никогда не было такой ереси. Нынѣ и въ домахъ, и на дорогахъ, и на рынкахъ, всѣ — иноки и міряне — съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ». И споры касались самыхъ существенныхъ догматовъ и установленій христіанскихъ: отрицается божественность Христа, поклоненіе иконамъ, таинства, посты, монашество. Но очень естественно, что это не голое отрицаніе: люди спорятъ, высказываютъ свои мнѣнія, болѣе или менѣе выработанныя, спорятъ для того, чтобы доискаться истины, и крайніе результаты принимаются, конечно, либо слишкомъ смѣлыми, либо слишкомъ легковѣрными. Остальные мирились на серединѣ, или ограничивались отрицаніемъ несущественныхъ обрядностей, порицали продажность іерархическихъ должностей и т. п. Вырвать христіанство было невозможно, но пробудившійся духъ критицизма, еслибъ онъ не былъ насильственно остановленъ, а направленъ какимъ-нибудь сильнымъ и образованнымъ человѣкомъ въ духѣ реформы, могъ бы выработать русскую, національную церковь, которая, быть можетъ, не имѣла бы впереди десятимилліоннаго сонмища раскольниковъ. Соборы смотрѣли на всѣ послѣдующія ереси, какъ на развитіе того же жидовства; нравственной стороны ереси мы не видимъ, потому что соборы исключительно занимались одною догматическою стороною, а насколько высказывалась нравственная сторона самими еретиками, мы также достовѣрно знать не можемъ, потому что въ тотъ вѣкъ не существовало искусства стенографіи, и соборныя пренія и допросы могли быть записаны такъ или иначе. Что постановленія соборовъ и допросы не отличались полнымъ безпристрастіемъ, это видно, напр., въ дѣлѣ Вассіана Косого и Максима Грека, которые жестоко были наказаны не за еретичество, котораго не было, а главнымъ образомъ за то, что не оставляли своей идеи о неприличіи монастырямъ владѣть имѣніями, и за то, что не умѣли понравиться митрополиту Даніилу и нѣкоторымъ другимъ власть имущимъ. Уже одна эта идея, родившаяся въ

сѣверныхъ скитахъ, у такъ-называемыхъ заволжскихъ старцевъ, представителями которыхъ являются Нилъ Сорскій, Вассіанъ Косой, а впослѣдствіи и Максимъ Грекъ, говоритъ въ пользу умственнаго движенія, впервые высказавшагося въ періодъ ереси жидовствующихъ. Они же, эти заволжскіе старцы, высказывались противъ казней раскаявшихся еретиковъ и вели по этому поводу съ представителемъ противоположнаго направленія, Іосифомъ Волоцкимъ, горячую полемику, въ которой не щадятъ этого строгаго аскета, напоминающаго своей нетерпимостью французскихъ монаховъ, писавшихъ противъ альбигойцевъ. Независимо отъ тѣхъ убѣжденій, они не останавливались ни передъ хулами [1]), ни передъ ироніей, и иногда иронія эта была ядовита. Іосифъ, вообще любившій приводить ветхозавѣтные примѣры въ подтвержденіе необходимости казнить еретиковъ, сослался на Льва Катанскаго, въ первые вѣка христіанской церкви сжегшаго своей епитрахилью еретика Ліодора.

— А ты, господинъ Іосифъ, отвѣчали ему заволжскіе старцы, отчего не испробуешь своей святости? Ты бы связалъ архимандрита Кассіяна (одного изъ жидовствующихъ) своей мантіей и подержалъ бы его въ пламени, пока онъ бы сгорѣлъ, а мы бы пріяли тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, вышедшаго изъ пламени.

У Іосифа были другія средства для противодѣйствія ереси: онъ настойчиво убѣждалъ великаго князя, что еретиковъ казнить не грѣхъ и что Богъ за это проститъ ему даже прежніе грѣхи. Иванъ III уступилъ: однихъ сожгли, а многихъ другихъ отправили въ заточеніе и по монастырямъ. Понятно, что ереси продолжали существовать, ибо такими мѣрами убѣжденія не искореняются, а на запросы, безпокоившіе духовныхъ дѣтей, отцы духовные отвѣчали подобно старцу Филофею: «Я эллинскихъ и риторскихъ астрономій не читалъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ» (Прав. Соб. 1861). Отъ этого жалкаго смиренія умамъ безпокойнымъ было не легче; но хорошо еще если дѣло ограничивалось смиреніемъ; иногда же сомнѣвающійся, рискнувшій откровенно высказаться передъ отцомъ духовнымъ, попадалъ въ еретики. Такъ было съ Башкинымъ при Иванѣ Грозномъ. Это былъ человѣкъ книжный и богатый. Явившись на исповѣдь къ придворному священнику, Симеону, онъ сказалъ ему:

— Ваше дѣло великое; *больше сего слова никто же иматъ*, какъ

---

[1]) Само собою разумѣется, что Іосифъ не отличался умѣренностью рѣчи, и митрополита Зосима, котораго онъ подозрѣвалъ въ ереси, называлъ Іудою предателемъ, предтечею антихриста, первенцемъ сатаны, злодѣемъ, какого не бывало даже между вѣроотступниками.

написано, *да кто душу свою положить за други своя*; а вы полагаете за насъ души свои, и бдите о душахъ нашихъ.

Въ другой разъ Башкинъ пріѣзжалъ къ Симеону, читалъ бесѣды евангельскія и говорилъ:

— Ради Бога, пользуй меня духовно; надобно не только читать написанныя въ бесѣдахъ тѣхъ, а и совершать на дѣлѣ. А все начало отъ васъ: прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показать начало собою и насъ научить; да тутъ же въ евангеліи и написано: *научитесь яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. А кому нужно быть кроткимъ и смиреннымъ? То все на васъ лежитъ; прежде вамъ должно творить, да и насъ учить.

Черезъ нѣсколько времени Башкинъ призвалъ къ себѣ Симеона и говорилъ ему:

— Въ Апостолѣ написано, что весь законъ заключается въ словахъ: *возлюби искренняго своего, яко самъ себе*; а мы христовыхъ же рабовъ у себя держимъ. Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя (фальшивыя), на иныхъ—полныя, а иныя бѣлыя держатъ. Я благодарю Бога моего: какія были у меня кабалы полныя—всѣ изодралъ и держу у себя людей добровольно: кому хорошо у меня, тотъ живетъ, а кому не хорошо, идетъ себѣ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, надобно посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ самимъ намъ жить и какъ людей у себя держать и не томить ихъ.

«Всѣ эти рѣчи Башкина—замѣчаетъ преосвященный Макарій—были, очевидно, очень хороши, и не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго». Если были очень хороши, то о предосудительности едва ли надлежало упоминать, такъ какъ предосудительное не можетъ быть очень хорошимъ, и наоборотъ. Но дѣло не въ томъ, а въ выводахъ, къ какимъ пришелъ почтенный авторъ, разсказывая о Башкинѣ. Попу Симеону показались рѣчи Башкина «недоумѣнными» и онъ сказалъ ему: «я самъ того не знаю, о чемъ ты спрашиваешь».—«Такъ спроси у Сильвестра; онъ тебѣ скажетъ, а ты пользуй мою душу». Симеонъ сказалъ Сильвестру, Сильвестръ царю Ивану Грозному; царь, отправляясь изъ Москвы, приказалъ посадить Башкина у себя въ подклѣть и поручить его двумъ іосифовскимъ старцамъ, т.-е. монахамъ изъ Волоколамскаго монастыря Іосифа Волоцкаго, гдѣ традиціи основателя продолжали процвѣтать. Башкинъ не сознавался въ ереси и исповѣдовалъ себя христіаниномъ; «но, говоритъ преосвященный Макарій, скоро былъ настигнутъ гнѣвомъ божіимъ и началъ, какъ свидѣтельствуютъ современники, бѣсноваться и, извѣсивъ свой языкъ, долгое время кричалъ разными голосами и говорилъ «непотребная и нестройная». Потомъ онъ пришелъ въ разумъ и слышалъ будто бы голосъ: «нынѣ ты исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ таишь». Устрашенный этимъ голосомъ,

Башкинъ началъ каяться предъ своимъ отцомъ духовнымъ. Извѣстилъ митрополита, и, по его приказанію, Башкинъ «своею рукою списа и свое еретичество и свои единомышленники о всемъ подлинно».

Мы не знаемъ, долго ли держали Башкина въ подклѣти царской, каково было ему, человѣку богатому и честному, неожиданно попасть въ это помѣщеніе за то, что онъ такъ довѣрчиво открылся своему духовнику и ждалъ духовной помощи отъ сильнаго любовью царя попа Сильвестра; не знаемъ также, какъ увѣщевали его строгіе іосифовскіе старцы. Но есть всѣ основанія думать, что положеніе его было невыносимо, если онъ началъ бѣсноваться, извѣсилъ языкъ, говорилъ нестройныя рѣчи и слышалъ голосъ Богородицы. Очевидно, онъ впалъ въ сумасшествіе, именно въ тотъ родъ его, который въ клиникахъ душевныхъ болѣзней извѣстенъ подъ именемъ mania religiosa. Современное сказаніе, которое повторяетъ преосвященный Макарій, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что Башкинъ именно тогда и пришелъ въ разумъ, когда услышалъ голосъ Богородицы, то-есть, у него сильный припадокъ сумасшествія прошелъ, но несчастный оставался тѣмъ не менѣе съ поврежденнымъ разумомъ. Въ этомъ-то состояніи онъ и написалъ свое показаніе, которое не дошло до насъ, но сущность его, быть можетъ произвольно выбранная въ ряду «нескладныхъ» рѣчей, когда помѣшанный могъ и Бога хулить, дошла до насъ въ грамотѣ тогдашняго митрополита Макарія и въ письмѣ Ивана IV къ Максиму Греку, котораго онъ приглашалъ на имѣющійся открыться соборъ для разбора ереси Башкина и его единомышленниковъ. Злополучный Максимъ, десятки лѣтъ высидѣвшій въ заточеніи, безъ книги, лишенный даже причастія, за то, что, по незнанію русскаго языка, допустилъ нѣкоторыя ошибки въ переведенныхъ имъ книгахъ, благоразумно отказался отъ предложенной ему чести, не безъ основанія предполагая, что, пожалуй, изъ судей его обратятъ на соборѣ въ обвиненнаго.

Показанія Башкина, по свидѣтельству митрополита Макарія и Ивана IV, состояли въ томъ, что онъ будто бы исповѣдовалъ Христа не равнымъ Богу Отцу, считалъ хлѣбъ и вино въ евхаристіи не за тѣло и кровь Христа, а за хлѣбъ и вино, выражался объ исповѣди такъ: «какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, хотя бы и не каялся передъ священникомъ, ему нѣтъ болѣе грѣха»; церковью считалъ собраніе вѣрныхъ, а не вещественные храмы; отрицалъ поклоненіе иконамъ, называлъ преданія и житія святыхъ баснословіемъ и упрекалъ вселенскіе соборы въ гордости. Изложивъ это ученіе, преосв. Макарій, совершенно неожиданно для насъ, говоритъ: «Можно сказать, какъ сходно это лжеученіе съ бывшимъ лжеученіемъ жидовствующихъ!» Намъ кажется, напротивъ, что это лжеученіе, особенно если сравнить то, что Башкинъ говорилъ въ здравомъ разсудкѣ, далеко не подобно ученію жидовствую-

щихъ, какъ излагалъ его Іосифъ Волоцкой. Впрочемъ, г. Костомаровъ сдѣлалъ превосходный критическій анализъ ереси Башкина въ томъ видѣ, въ какомъ вошла она въ упомянутое письмо Грознаго, точно также, какъ и соборнаго опредѣленія надъ Артеміемъ, котораго Башкинъ оговорилъ (Ист. Мон. и изслѣд. ч. I, «Религіозные вольнодумцы XVI вѣка»). Намъ кажется, что причина, почему, безъ достаточнаго основанія [1]), преосв. Макарій принимаетъ показаніе Башкина и считаетъ его ересь жидовствующею, заключается въ томъ, что на соборъ приносили книгу Іосифа Волоцкаго—«Просвѣтителя», стало быть соборъ считалъ это лжеученіе жидовствующимъ, а для ученаго автора «Исторіи Русской церкви» соборныя опредѣленія составляютъ какъ бы документы неопровержимые. Мы думаемъ, что соборныя опредѣленія также подлежатъ критикѣ, какъ и разныя сказанія, невѣдомо кѣмъ и подъ чьимъ вліяніемъ составленныя, и отъ историка русской церкви, живущаго въ XIX столѣтіи, можно было бы ожидать, что онъ съ евангельскою любовью и снисходительностью отнесется къ заблуждавшимся дѣтямъ православія, которыхъ современники, при господствѣ другихъ понятій, карали слишкомъ строго. Въ указанной выше статьѣ г. Костомарова необыкновенно ясно доказана невиновность Артемія, находившагося въ дружескихъ связяхъ съ просвѣтителемъ лопарей, Ѳеодоритомъ, старцемъ столь безукоризненной жизни и столь строго относившимся къ монашескимъ обѣтамъ, что онъ удалилъ изъ своего монастыря всѣхъ животныхъ женскаго пола, чтобъ не вводить братію въ соблазнъ. (Онъ также былъ осужденъ соборомъ единственно за то, что показывалъ въ пользу Артемія). Самъ преосвящ. Макарій сознается, что «Артемій не былъ еретикомъ» и, однако, считаетъ своимъ долгомъ одобрить соборное постановленіе, которымъ Артемій ссылался въ уединенную келью Соловецкой обители и былъ лишенъ тамъ всякой возможности не только лично сноситься съ кѣмъ-нибудь, но даже съ кѣмъ бы то ни было переписываться, не исключая монаховъ. «Артемій не былъ еретикомъ», говоритъ почтенный авторъ, «но онъ любилъ вообще повольничать о священныхъ предметахъ вѣры, и хотѣлъ казаться, какъ нынѣ выражаются, либераломъ и на словахъ и въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ; что этимъ своимъ вольничаньемъ, еслибы оно ограничивалось даже тѣмъ немногимъ, въ чемъ онъ сознался, онъ не могъ не оказывать вреднаго вліянія на православныхъ, особенно людей простыхъ, и что потому Артемій осужденъ отнюдь не неповинно, а ссылка его въ Соловецкій монастырь была мѣрою благоразумною, если не необходимою» (стр. 261). Можно подумать, что почтенный авторъ относится также строго къ «вольномыслію», т.-е. ко всему тому, что запрещено канонами и отеческими преданіями, какъ отно-

[1]) Соборнаго опредѣленія о Башкинѣ не дошло до насъ.

-сились къ этому въ XV—XVI вѣкахъ. О Вассіанѣ Косомъ (Патрикѣевѣ), одномъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Іосифа Волоцкаго, онъ говоритъ: «Онъ былъ дерзкій вольнодумецъ и упорный противникъ православной церкви (?), былъ даже еретикъ (?), *по крайней мѣрѣ*, держался нѣкоторыхъ еретическихъ мнѣній и, *очень вѣроятно*, не былъ чуждъ ереси жидовствующихъ». Эти «по крайней мѣрѣ» и «очень вѣроятно» достаточно показываютъ, что самъ авторъ не убѣжденъ вполнѣ въ ереси Вассіана и, однако, вѣсы своего приговора, склоняетъ въ пользу осужденія. Вмѣстѣ съ соборомъ онъ заподозрѣваетъ отчасти въ ереси и Максима Грека и произноситъ о немъ такой приговоръ: «Всякъ согласится, что судить о Максимѣ на основаніи только его собственныхъ свидѣтельствъ о себѣ и отзывовъ о немъ его друзей было бы несправедливо; что нужно принимать во вниманіе и отзывы о немъ его недоброжелателей, особенно дѣянія бывшихъ на него соборовъ, которые нельзя считать вымышленными или намѣренно искаженными. А если такъ: то мы не можемъ признать за истину, будто Максимъ пострадалъ у насъ совершенно невинно, или будто онъ перенесъ свои многолѣтнія страданія безропотно, чисто по-христіански, съ полною покорностію волѣ Божіей».

Къ сожалѣнію, эту мѣрку для оцѣнки историческихъ лицъ преосвященный Макарій прилагаетъ не ко всѣмъ. Такъ, говоря о митрополитѣ Даніилѣ, характеръ котораго строго судилъ Карамзинъ и Филаретъ, и съ точки зрѣнія государственной пользы защищалъ г. Бѣляевъ, преосвященный Макарій почти не принимаетъ въ соображеніе неблагопріятныхъ отзывовъ, какъ онъ выражается, «либераловъ того времени». Самый способъ защиты избралъ почтенный авторъ довольно оригинальный: «Взысканный милостію государя и пользуясь его неизмѣннымъ благоволеніемъ, митрополитъ Даніилъ, естественно, долженъ былъ платить государю взаимною совершенною преданностію и старался во всемъ угождать ему, хотя иногда, быть можетъ, и болѣе надлежащаго». При такомъ гибкомъ характерѣ митрополитъ Даніилъ ужился бы во время опричнины и, конечно, былъ бы «взысканъ милостію» Грознаго. Что касается нравственныхъ идеаловъ, насколько они видны были изъ сочиненій Даніила, то они отличаются крайнею узкостью.

Сдѣлаемъ еще замѣчаніе относительно другой защиты, которую принимаетъ на себя преосвященный, это—защита правилъ Стоглаваго собора противъ тѣхъ писателей, которые совершенно основательно говорятъ, что эти правила были старыя, что ими соборъ хотѣлъ поворотить русскую церковь назадъ, тогда какъ жизнь рвалась впередъ, требовала обновленія. «Старыми», отвѣчаетъ почтенный историкъ церкви, «можно назвать мѣры, указанныя Стоглавымъ соборомъ, развѣ въ томъ смыслѣ, что онѣ были заимствованы, большею частію, изъ

древнихъ постановленій церкви, изъ правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцовъ. Но эти-то, а не другія, мѣры и требовались для искорененія зла, у насъ существовавшаго, которое именно и состояло въ нарушеніи означенныхъ древнихъ постановленій и правилъ, въ забвеніи ихъ, въ пренебреженіи ими; эти-то мѣры, испытанныя вѣками, и могли обновить русскую церковь, освободить ее отъ тѣхъ недостатковъ и безпорядковъ, какіе въ ней существовали, и могли подвинуть ее впередъ изъ худшаго состоянія въ лучшее и совершеннѣйшее». Очевидно, тутъ между историками народа, стоящими на почвѣ жизненныхъ требованій, и историками церкви, опирающимися на каноны, не можетъ никогда произойти согласія. Однакожъ, преосвященный Макарій признаетъ, что «главными началами для русскаго раскола» сдѣлались именно нѣкоторыя правила собора, огражденныя имъ анаѳемою.

Здѣсь будетъ у мѣста сказать, что русскій расколъ есть выводъ, результатъ церковной и соціальной жизни народа въ XV и XVI вѣкахъ, онъ есть въ значительной степени слѣдствіе того направленія, которое особенно ярко выражено «іосифлянами», этою первою нашею монашеско-полицейскою или, вѣрнѣе, монашеско-бюрократической партіей, основанною знаменитымъ Іосифомъ Волоцкимъ. Разсадникомъ ея, ея университетомъ и академіей, сдѣлался Волоколамскій монастырь, изъ котораго выходили дѣятели для высшихъ іерархическихъ степеней. Наукъ тамъ не преподавалось, но тамъ умѣли соединить житейскую мудрость съ фетишизмомъ передъ буквою и преданіями, искательство съ постничествомъ и подвижническими трудами, проповѣдь о рабствѣ съ желаніемъ помочь народу въ его матеріальныхъ нуждахъ. Основатель этой партіи умѣлъ примирить христіанскія добродѣтели съ угодничествомъ и объяснить, что «прехищренія и коварство», употребляемыя для достиженія извѣстныхъ цѣлей,—не пороки, а заслуга передъ Богомъ. Въ своемъ «Просвѣтителѣ» онъ доказываетъ эту іезуитскую мораль на нѣсколькихъ страницахъ примѣрами св. писанія, гдѣ самъ Богъ будто употреблялъ прехищренія и коварство, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать одною своею всемогущею волею. Такъ, онъ перехитрилъ діавола чрезъ воплощеніе, перехитрилъ Фараона, Саула, «прехищреніемъ», съ помощью Юдиѳи, погубилъ Олоферна, и проч. Такая мораль была весьма спасительна въ тотъ вѣкъ, когда, для объединенія Руси, приходилось очень часто прибѣгать къ прехищреніямъ и коварствамъ. Несомнѣнныя и важныя заслуги іосифлянъ заключаются именно въ помощи князьямъ въ дѣлѣ объединенія. Но и въ дѣла церковныя они вносили тоже направленіе. Мы видимъ въ кельяхъ заволжскихъ иноковъ, этихъ «тогдашнихъ либераловъ», іосифлянъ въ качествѣ смиренныхъ старцевъ, которые приходили затѣмъ, чтобъ поразвѣдать въ откровенной бесѣдѣ, нѣтъ ли «вольномыслія», и потомъ неожиданно

являлись обличителями на соборахъ противъ тѣхъ, съ кѣмъ вели душеспасительныя бесѣды, и такъ какъ искусство стенографіи въ то время было неизвѣстно, то не можемъ сказать, насколько они лжесвидѣтельствовали; мы видимъ ихъ въ качествѣ приставниковъ къ заключеннымъ еретикамъ и въ качествѣ непреклонныхъ гонителей всего того, что отступало отъ буквы, всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался разсуждать о предметахъ религіозныхъ съ цѣлью доискаться истины. Мы видимъ іосифлянина же и притомъ племянника Іосифа Волоцкаго, Вассіана Топоркова, который даетъ царю Ивану Грозному мудрый совѣтъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника умнѣе себя, потому что ты самъ лучше всѣхъ; тогда будешь твердъ на царствѣ, и все будешь имѣть въ своихъ рукахъ. А если станешь держать близъ себя совѣтниковъ, которые умнѣе тебя, то по неволѣ долженъ будешь ихъ слушаться». Іосифляне подавили «тогдашнихъ либераловъ» и эта заслуга сказалась расколомъ, который выражалъ ихъ же мнѣніе, когда говорилъ, что православному слѣдуетъ «умирать за едину букву азъ». Это было только крайнее развитіе идей, которыя не допускали никакого отступленія отъ церковныхъ преданій, хотя бы жизнь требовала обновленія. «Тогдашніе либералы» и «вольнодумцы», нечно, не допустили бы на Стоглавомъ соборѣ тѣхъ правилъ, которыя, по словамъ преосвященнаго Макарія, «сдѣлались главными началами для русскаго раскола»; подвергнутый многолѣтнему заключенію, Максимъ Грекъ принесъ бы на свободѣ церкви своею дѣятельностью гораздо больше пользы, чѣмъ тѣ, которые способствовали его заточенію. Духъ нетерпимости, внесенный іосифлянами и ими возведенный въ систему, поборовшій духъ критики, рождавшійся въ обществѣ, перешелъ потомъ и на расколъ, въ преслѣдованіяхъ котораго сказывались ученики Іосифа Волоцкаго. Результаты этой системы извѣстны, но и самая очевидность не убѣдила еще многихъ въ ея вредѣ, и она продолжаетъ жить въ безправіи раскольниковъ и духовной цензурѣ. Къ счастью, традиціи заволжскихъ старцевъ также жили въ нашей церкви, все болѣе и болѣе подходя къ общечеловѣческому просвѣтительному движенію, которое примиряетъ церковь съ наукою и заставляетъ видѣть въ ближнемъ всякаго человѣка, не нарушая мира его совѣсти и ничего силою ему не навязывая. Все, что есть духъ, можетъ процвѣтать только на свободѣ; совершенствованіе религіознаго духа, проникновеніе въ массы истинной религіозности, основанныхъ на великихъ началахъ Евангелія, можетъ совершиться только свободно же. Америка — самая свободная страна въ мірѣ, Америка же — самая религіозная страна въ мірѣ.

По поводу двухъ новыхъ романовъ Джузеппе Гарибальди.

Cantoni il volontariô, romanzo storico. Milano. E. Politti editore 1870.
Clelia. Il governo del monaco (Roma nel secolo XIX), romanzo storico politico. Milano. Fratelli Rechiedei editore. 1870.

Романы генерала Гарибальди, подобно его героическимъ побѣдамъ, слѣдовали у насъ одинъ за другимъ съ неимовѣрной быстротой. Между тѣмъ какъ его *Клелія* почти въ одинъ и тотъ же день выходила въ свѣтъ въ различныхъ городахъ Европы, — въ Миланѣ, хотя и съ меньшимъ шумомъ и торжественностью, появлялось другое его произведеніе подъ заглавіемъ: *Волонтеръ Кантони*. Авторъ такимъ образомъ серьезно намѣренъ привести въ исполненіе данное имъ обѣщаніе друзьямъ—напечатать цѣлый рядъ историческихъ романовъ. Слава Гарибальди такъ велика, что будь произведенія его пера дѣйствительно замѣчательны, они не прибавили бы ей ни одного новаго луча въ сіяніи, которымъ окружено имя освободителя обѣихъ Сицилій; но за то будемъ утѣшаться, что и слабость ихъ не умалитъ заслугъ героя предъ его отечествомъ, извѣстныхъ всему міру. Благодаря этимъ заслугамъ, и подъ вліяніемъ ихъ обаянія, литературная дѣятельность Гарибальди возбудила всеобщее вниманіе и новые его романы тысячами разошлись по Италіи.

Трудно, конечно, отдѣлить въ Гарибальди литератора отъ историческаго героя, и при оцѣнкѣ дѣятельности его пера совсѣмъ забыть дѣятельность его меча; но при всемъ томъ нельзя не назвать его романовъ ошибкою въ томъ смыслѣ, что Гарибальди дѣйствительно могъ оказать громадную литературную услугу, болѣе однородную съ его историческими подвигами, если бы онъ, вмѣсто романовъ, подарилъ европейской публикѣ описаніе своей жизни.

Гарибальди въ полномъ смыслѣ слова герой нашего вѣка, и подвиги его носятъ на себѣ чисто эпическій характеръ. Разсказанные имъ самимъ съ простотой и наивностью, съ какими отцы повѣствуютъ дѣтямъ о событіяхъ своей бурной, исполненной трудовъ и опасностей молодости, эти подвиги составили бы нѣчто въ родѣ цѣлаго ряда новыхъ, не менѣе средневѣковыхъ чудесныхъ легендъ *о красной рубашкѣ*. Но чтобы написать подобную книгу, съ такимъ же всемірнымъ значеніемъ, какое имѣютъ его подвиги, необходимо стать выше «злобы дня», забыть всякую личную вражду и дѣйствительно отдаться тому безмятежному, и вмѣстѣ величественному, спокойствію, какимъ могъ быть окруженъ Гарибальди.

Отъ великаго поэта, вызвавшаго на сценѣ страшные образы Калибана и Яго, до Байрона, отъ Байрона до В. Гюго и отъ В. Гюго

до Гверацци замѣтенъ постоянный упадокъ драматическаго искусства въ европейской литературѣ. Чѣмъ болѣе поэтъ удаляется отъ простоты и естественности, тѣмъ напыщеннѣе становится его языкъ, тѣмъ ярче и пестрѣе употребляемыя имъ краски. Дѣйствующія лица у Шекспира говорятъ, у Байрона мечтаютъ, у В. Гюго декламируютъ, а у Гверацци только проклинаютъ. Послѣднему роду всего легче подражать, и потому Гверацци имѣетъ между итальянскою молодежью наибольшее число послѣдователей. Начиная съ 1848 г., наша литература постоянно наводнялась множествомъ романовъ, драмъ, лирическихъ стихотвореній, политическихъ и соціальныхъ статей, авторы которыхъ неизмѣнно шли по стопамъ автора *Осады Флоренціи*. Гарибальди въ своихъ романахъ избралъ тотъ же пріемъ, который отъ частаго повторенія порядочно наскучилъ нашей публикѣ, и утратилъ всю прелесть новизны. Щадя однихъ своихъ волонтеровъ, Гарибальди безпощадно нападаетъ въ своихъ романахъ на всѣхъ и на все.

Итальянское правительство въ его глазахъ не заслуживаетъ ничего кромѣ презрѣнія: онъ упрекаетъ его въ лицемѣріи и испорченности. На каждомъ шагу Гарибальди оскорбляетъ итальянскую армію, говоря, что она принесла въ жертву матеріальнымъ выгодамъ *всякое честное чувство*. Евреевъ онъ называетъ не иначе какъ *бродягами* и *ростовщиками*, а новѣйшую цивилизацію *бездной разврата*. Онъ жалуется на то, что народныя неудовольствія въ Италіи часто разрѣшаются безъ пролитія крови и произноситъ строгій приговоръ надъ мадзинистами, всѣми безъ исключенія *зараженными самонадѣянностью самого Мадзини, который, не умѣя управлять, тѣмъ не менѣе не терпитъ совѣтовъ и не хочетъ подчиняться другимъ*. Но главный предметъ его нападокъ, и уже болѣе справедливыхъ, составляетъ духовенство, но онъ безусловно in corpore клеймитъ его самыми позорными наименованіями. Онъ поочереди сравниваетъ католическаго священника съ вампиромъ, волкомъ, крокодиломъ, ехидной, гееной, нечистымъ насѣкомымъ,—называетъ его чумой, язвой, убійцей, врагомъ Италіи и человѣческаго рода, оплотомъ тиранніи, служителемъ діавола, исчадіемъ ада и т. д. и т. д. Почти половина всего романа *Волонтеръ Кантони* написана въ этомъ тонѣ. Пороки и недостатки католическаго духовенства слишкомъ извѣстны, но къ уврачеванію ихъ такой литературный пріемъ не окажетъ никакого дѣйствія, тѣмъ болѣе, что трудно соединить подобный пріемъ съ величіемъ души Гарибальди, какъ оно невольно представляется каждому.

Кромѣ гарибальдійцевъ, избѣгли нападокъ автора еще женщины; такъ, напр., онъ между прочимъ говоритъ: «мужчины въ своей самонадѣянности выдумали, изображая Бога, придавать ему собственныя черты и формы. А между тѣмъ, еслибъ Всемогущій имѣлъ осязательный образъ, онъ непремѣнно походилъ бы на женщину. Когда бы

вмѣсто существа, представляющаго безобразное смѣшеніе обоихъ полов, во главѣ нашего правленія стояла женщина, она конечно не довела бы насъ до такого униженія. Иноземецъ все еще можетъ быть попиралъ бы насъ ногами, но по крайней мѣрѣ женщина-правительница не была его сообщницей и не измѣняла бы собственнымъ гражданамъ».

Вообще весь романъ *Кантони* отличается рѣзкимъ, нетерпимымъ тономъ, который съ трудомъ смягчается дѣйствительно теплыми симпатичными страницами, которыя посвящаетъ авторъ одному изъ сподвижниковъ. Герой, именемъ котораго онъ назвалъ свой романъ, спасъ ему жизнь при Велетри, и Гарибальди задумалъ обезсмертить его — мысль великодушная, но надобно сознаться, слабо выполненная. Кантони, спасши жизнь генералу, рѣшительно ничего болѣе не совершаетъ, чтобы хоть сколько-нибудь оправдывало его званіе героя романа. Впрочемъ, романа въ строгомъ смыслѣ слова здѣсь и вовсе нѣтъ. На первомъ планѣ стоятъ нападенія автора на деспотизмъ итальянскаго правительства, которое, впрочемъ, можетъ приводить въ свое оправданіе тотъ фактъ, что романъ тѣмъ не менѣе свободно продается и читается въ Италіи.

Почти все сказанное о *Волонтерѣ Кантони* можетъ быть отнесено и къ другому историко-политическому роману Гарибальди, съ тремя титулами. Онъ называется: *Клелія,* или *Правительство монаха* или *Римъ въ XIX столѣтіи,* и отличается отъ *Кантони* только болѣе интересной завязкой и болѣе тщательной отдѣлкой. Въ немъ тѣже тенденціи, тѣже взгляды, но обращенные уже не къ одной итальянской, а и къ иностранной публикѣ; авторъ становится сдержаннѣе въ своихъ выраженіяхъ, болѣе заботится о внѣшней формѣ романа, и въ тоже время старается придать болѣе полноты и округленности его содержанію. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣкоторыя страницы его книги не лишены ни интереса, ни художественности. Но за то, съ другой стороны, проповѣдуемыя авторомъ нравственныя начала въ этомъ романѣ, какъ и въ предыдущемъ, нерѣдко поражаютъ своей парадоксальностью и грѣшатъ не мало противъ самаго обыкновеннаго здраваго смысла. Его собственные вкусы и убѣжденія подъ часъ оказываются весьма несостоятельными. Привожу для примѣра слѣдующее странное признаніе: «Я чувствую», говоритъ Гарибальди, «большую симпатію къ разбойникамъ. Конечно, она у меня не простирается на тѣхъ изъ нихъ, которые, подобно кровожадной гіенѣ, прежде чѣмъ убить свою жертву, мучатъ ее,—для которыхъ жечь, разорять и грабить есть потребность дикаго животнаго инстинкта. Нѣтъ! эти послѣдніе возбуждаютъ во мнѣ ужасъ. Но разбойники, ненавидящіе правительства, подобныя тому, во главѣ котораго стоитъ духовенство,—разбойники, ведущіе въ лѣсу жизнь бродячую, но незапятнанную ни грабежемъ, ни убійствомъ

(но какъ могутъ разбойники, если они разбойники, жить, не грабя и не убивая,—остается необъясненнымъ) — такіе разбойники обладаютъ всей моей симпатіей. Если же они съ независимостью духа соединяютъ львиную храбрость и мужественно противостоятъ тому, кто хочетъ ихъ покорить, — тогда они заслуживаютъ не только симпатію, но и удивленіе. Признаюсь, въ настоящій моментъ упадка нашей военной славы, я съ гордостью думаю о томъ небольшомъ числѣ итальянцевъ, которые такъ успѣшно борются съ соединенными силами полиціи, карабинеровъ, національной гвардіи и арміи, что тѣ не могутъ, ни побѣдить ихъ, ни укротить [1]».

Но какая надобность воспѣвать разбойниковъ съ тою только цѣлью, чтобы напасть на вопіющія злоупотребленія католическаго духовенства? Гораздо было бы проще сказать, что духовенство дѣйствуетъ иногда хуже разбойниковъ. Впрочемъ, никто конечно не приметъ à la lettre сказаннаго въ романѣ, особенно у насъ, въ Италіи, которая до сихъ поръ носитъ на себѣ слѣды язвъ, оставленныхъ въ ней разбойничествомъ.

Или вотъ еще образчикъ: «Я влюбленъ въ разбойниковъ, и еслибъ былъ женщиной, то вѣроятно не преминулъ бы сдѣлаться разбойницей».

Кромѣ парадоксальности, романы Гарибальди страдаютъ невыдержанностью и сбивчивостью въ понятіяхъ. Авторъ въ своихъ романахъ является поочереди атеистомъ и вѣрующимъ, аристократомъ и плебеемъ; то мы видимъ въ немъ приверженца масонскаго ученія, то съ удивленіемъ замѣчаемъ, что онъ отвергаетъ, какъ ненужную формальность, даже самый гражданскій бракъ и въ замѣнъ произносимыхъ священникомъ словъ предлагаетъ какую-то свою собственную формулу. Онъ провозглашаетъ себя жаркимъ поборникомъ ученія Христа и проповѣдуетъ всеобщій миръ и прощеніе, и немедленно вслѣдъ затѣмъ выражаетъ желаніе, чтобъ весь шаръ земной былъ преданъ огню и мечу.

Въ заключеніе волей-неволей приходится сознаться, что попытки Гарибальди на литературномъ поприщѣ не имѣютъ ничего общаго съ его дѣяніями. Лучше бы онъ, оставаясь глухъ къ дурнымъ совѣтамъ через-чуръ услужливыхъ друзей, вовсе не принимался за перо. Авторъ «Клеліи» и «Кантони» скорѣе можетъ бросить тѣнь на величавый образъ героя, который, свершивъ великіе подвиги, добровольно отказался отъ принадлежавшихъ ему по праву почестей и скромно удалился доканчивать дни свои въ Капрерское уединеніе. Герой, превратясь въ посредственнаго писателя, какъ будто сошелъ съ своего пьедестала, между тѣмъ, какъ вовсе не писаніе романовъ можетъ снова

[1] «Клелія», стр. 118, 119.

поднимать его величавый образъ, стоящій и безъ того весьма высоко, а простое и честное, какъ онъ самъ, дѣло. D. G.

Флоренція. — 5 марта, 1870 г.

Медико-топографическій Сборникъ. Съ картами, планами, графическими таблицами и рисунками въ текстѣ. Изданіе медицинскаго департамента подъ редакціей д-ра мед. *С. Е. Ловцова.* Спб. 1870. Стр. XIV и 844. Ц. 3 р.

Мысль объ изданіи этого Сборника принадлежитъ директору медицинскаго департамента, Е. В. Пеликану; она возникла вслѣдствіе накопленія большого числа медико-топографическихъ сочиненій, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи и присланныхъ въ редакцію превосходнаго, но, къ сожалѣнію, мало распространеннаго въ публикѣ, журнала, «Архива судебной медицины и общественной гигіены», который издается медицинскимъ же департаментомъ. По объему своему, эти сочиненія не могли быть помѣщены въ самомъ журналѣ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, по ходатайству г. Пеликана, испросилъ въ ноябрѣ 1868 г. разрѣшеніе издавать медико-топографическія сочиненія на сумму министерства внутреннихъ дѣлъ, назначенную для «полезныхъ изданій». Въ виду нашего малаго знакомства съ родиной, матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ народа,—лучшаго употребленія для упомянутой суммы трудно придумать.

Читатели очень ошибутся, если, взглянувъ на заглавіе объемистой книги, подумаютъ, что это нѣчто крайне-сухое, назначенное исключительно для врачей и спеціалистовъ. Медико-топографія есть *описаніе* извѣстной мѣстности съ санитарно-врачебными цѣлями; съ перваго взгляда, такое опредѣленіе ничего не обѣщаетъ, но, принявъ въ соображеніе взаимодѣйствіе человѣка и природы, зависимость его и его здоровья отъ почвы, жилища, воздуха, пищи, припомнивъ ту общепринятую теперь истину, что болѣзни часто зависятъ отъ самого человѣка, мы придемъ къ заключенію, что медико-топографія обнимаетъ собою обширную и во всѣхъ отношеніяхъ интересную и поучительную область знанія. Задача ея, по словамъ редакціи «Сборника»— «представить картину состоянія природы и человѣческаго общества въ данной мѣстности, показать взаимодѣйствія между ними, результаты разумнаго (и, конечно, неразумнаго) обращенія человѣка съ природой, ту пользу, которую изъ нея онъ можетъ извлечь, и какъ онъ можетъ предохранить себя отъ губительныхъ ея дѣйствій; съ другой стороны — представить картину общественной жизни, преимущественно тѣхъ ея явленій, которыя служатъ во вредъ самимъ жителямъ, а равно и бытовыхъ условій, измѣняющихъ природу данной мѣстности въ ущербъ ея жителямъ, начертать надлежащія санитарныя мѣры». Та-

кимъ образомъ, удовлетворяя врачебнымъ цѣлямъ, медико-топографія даетъ весьма существенные матеріалы для изученія внутренней жизни государства.

Если министерство внутреннихъ дѣлъ назначитъ хорошее вознагражденіе за подобные труды и дѣятельно станетъ продолжать изданіе ихъ, какъ бы публика ни взглянула на нихъ, то-есть стала бы ихъ раскупать, или нѣтъ, то, съ теченіемъ времени, у насъ составился бы богатый матеріалъ для изображенія современнаго быта Россіи. Извѣстно, что военное министерство, для своихъ цѣлей, задумало широкое предпріятіе въ такомъ же родѣ и издало описанія нѣсколькихъ губерній, составленныя офицерами генеральнаго штаба, которые командировались для этого въ предназначенныя ихъ изслѣдованію губерніи, съ усиленнымъ содержаніемъ; къ сожалѣнію, предпріятіе это остановилось, да оно и не могло идти вполнѣ удовлетворительно, отчасти вслѣдствіе малой подготовки гг. изслѣдователей, отчасти отъ срока, въ который они обязаны были доставить свои описанія, отчасти и отъ такихъ условій, которыя не зависѣли отъ доброй воли военнаго министерства и исполнителей его предначертаній. Врачъ поставленъ гораздо лучше: по самому положенію своему (къ сожалѣнію, матеріальная жизнь его плохо обезпечена) онъ можетъ проникнуть всюду, вездѣ найти полное довѣріе и, не торопясь, глубоко вникая въ окружающую среду, доставить драгоцѣнныя указанія для правильнаго взгляда на условія народной жизни. Доказательство этому мы находимъ и въ первой попыткѣ, которую представилъ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ названномъ Сборникѣ.

Первое, по порядку, изслѣдованіе относится къ Восточной Сибири и составлено докторомъ медицины Эдуардомъ Шперкомъ. Г. Шперкъ изслѣдовалъ болѣзни въ Охотскомъ и Гижигинскомъ краяхъ, въ Приморской, Амурской и отчасти Якутской областяхъ. Наиболѣе интересный очеркъ касается исторіи распространенія сифилиса въ при-амурской странѣ. Извѣстно, что эта страшная болѣзнь въ сильной степени развита и во внутренней Россіи и требуетъ радикальныхъ мѣръ для своего искорененія; къ сожалѣнію, у насъ самый механизмъ приведенія санитарныхъ мѣръ въ исполненіе еще плохо выработанъ, а о народѣ мы начали заботиться болѣе или менѣе серьезно чуть не со вчерашняго дня. Г. Шперкъ справедливо замѣчаетъ, что существуетъ убѣжденіе, что городъ и крестьянское селеніе безъ сифилитическихъ болѣзней — все равно, что крестьянская семья безъ тараканов; другими словами: этому явленію не придается особенной важности, хотя на самомъ дѣлѣ оно имѣетъ самое пагубное вліяніе на народонаселеніе. Во всѣхъ отчетахъ эта болѣзнь занимаетъ почетное мѣсто въ ряду болѣзней, преобладающихъ числительностію заболѣвающихъ; для примѣра можно указать на отчетъ за 1866 годъ по морскому

вѣдомству, гдѣ на 1,000 человѣкъ больныхъ нижнихъ чиновъ въ портахъ и на судахъ приходится болѣе 73 процентовъ сифилитиковъ, а по вѣдомости о больныхъ, пользованныхъ въ лечебныхъ заведеніяхъ Петербурга, за январь, февраль и мартъ 1865 года, приходится на 10 больныхъ 1 сифилитикъ. Недавняя исторія съ этою болѣзнію въ Полтавской губерніи, гдѣ она получила по истинѣ колоссальное развитіе, еще у всѣхъ въ памяти. На Амурѣ болѣзнь эта существовала, въ незначительныхъ размѣрахъ, еще до русской колонизаціи, у гиляковъ, которые получили ее отъ китайскихъ купцовъ и чиновниковъ, издавна ѣздившихъ большими партіями на низовья Амура для взиманія податей и торговли. Съ 1855 года, то-есть со времени начала колонизаціи казацкой и крестьянской, она получила значительное развитіе. Мы не передаемъ возмутительныхъ фактовъ проституціи въ нѣкоторыхъ приамурскихъ городахъ и отсылаемъ читателя къ самой статьѣ г. Шперка, въ особенности указываемъ къ 75 страницу. Факты эти порождены малочисленностію женскаго населенія, что́ и положило особый отпечатокъ на нравы. Въ Николаевскѣ, напр., гдѣ въ 1866 г. на 4,023 мужчинъ приходилось 822 женщины, проституціей занимаются замужнія женщины, и этотъ постыдный торгъ выгоденъ даже для пожилыхъ 45—50-лѣтнихъ женщинъ. Замѣчательно, что изъ пришлаго на Амуръ населенія самый строгій и серьезный взглядъ на женщину принадлежитъ крестьянамъ, хотя двухгодичное путешествіе съ родины къ мѣсту переселенія, со всѣми дорожными случайностями и зимовками близъ большихъ губернскихъ городовъ, неосталось безъ вліянія какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ. За то казаки отличаются въ этомъ отношеніи большимъ индиферентизмомъ. По общему мнѣнію, переселеніе изъ забайкальскихъ казачьихъ семей доставило плохой фундаментъ для колонизаціи и гражданственности на Амурѣ. Забайкальскій казакъ — смѣсь русскаго выходца съ забайкальскимъ бурятомъ; эта помѣсь сказалась не только въ чертахъ лица, но и въ психической сферѣ: казакъ сдѣлался болѣе звѣропромышленникомъ и пастухомъ, чѣмъ домовитымъ человѣкомъ и хлѣбопашцемъ; картина поселеній ихъ крайне непригляднa: по берегу рѣки тянутся правильнымъ рядкомъ построенные батальонными солдатами деревянные домики; какъ они были построены, такъ и застыли; ни жилой, ни хозяйственной пристройки; только, по настоянію начальства, дома обнесены, на живую руку, изгородью. Хлѣбопашество идетъ такъ плохо, что въ иныхъ станицахъ до сихъ поръ не могутъ прокормить себя хлѣбомъ. Женщины не подготовлены ни къ какой работѣ, свойственной крестьянскому быту; ткать свое полотно — неслыханное дѣло; за то, если позволяютъ средства, казачка ходитъ въ платьѣ и надѣваетъ кринолинъ. Какъ же добываются эти средства? Взглядъ на дѣвушку, вынесенный изъ Забайкалья, ясенъ изъ такого изреченія: «пусть погуляетъ, пока молода», и дѣвушка начинаетъ *гулять* въ силу обычая;

нужда придала этому гулянью еще другое назначеніе. Солдатскія жены въ городахъ составили низшій разрядъ проститутокъ, а казацкія дочери—высшій. Это дѣлается такимъ образомъ. Въ станицахъ, большею частію расположенныхъ по фарватеру Амура, въ навигаціонное время, устраиваются вечеринки, гдѣ присутствуютъ желающіе познакомиться съ дѣвушками; тутъ производится выборъ, и дѣвушка отправляется съ излюбленнымъ, съ которымъ живетъ болѣе или менѣе продолжительное время, потомъ переходитъ къ другому, къ третьему и вѣрна въ сущности никому не остается. Родители не только поощряютъ этотъ развратъ, но и сами «продаютъ» своихъ дочерей, нерѣдко 14—15-тилѣтнихъ, на содержаніе, за извѣстную плату. Эта продажа въ особенности сильно развита въ уссурійскомъ казачьемъ батальонѣ, потому что тамъ нужда сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Скопивъ себѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ достатокъ, казачка или возвращается въ станицу, гдѣ выходитъ замужъ, или находитъ афериста, который женится на ней въ городѣ, разсчитывая на средства, добываемыя ея развратомъ, или переходитъ въ низшій разрядъ проститутокъ—въ кабакъ. Правильно организованной проституціи въ домахъ на Амурѣ нѣтъ, и она совсѣмъ не прививается, поэтому извѣстнымъ болѣзнямъ здѣсь большой просторъ.

Г. Францъ Шперкъ описалъ мало знакомый Верхоленскій округъ, занимающій начало бассейна рѣки Лены. Населенъ округъ рѣдко, такъ что 1 человѣкъ приходится на $1\frac{1}{2}$ кв. версты: въ Европѣ на такомъ же точно пространствѣ живетъ отъ 60—120 душъ. О благосостояніи жителей можно судить по средней продолжительности ихъ жизни, которая равняется только 13 лѣтъ. Г. Францъ Шперкъ по этому поводу замѣчаетъ, что такъ какъ средняя продолжительность жизни въ Европѣ въ текущемъ столѣтіи отъ 25 до 45 лѣтъ, въ средніе же вѣка была она 18 лѣтъ, то, значитъ, жители Верхоленскаго округа живутъ не въ XIX столѣтіи, а въ средніе вѣка. Впрочемъ, выводы свои г. Шперкъ сдѣлалъ только за три года, а потому ихъ нельзя признать вполнѣ правильными. Съ цифрами и выводами изъ нихъ надо обращаться осторожнѣе, а этого качества, повидимому, нѣтъ у г. Шперка. Напр., онъ вычислилъ, неизвѣстно какимъ образомъ, что крестьяне трехъ волостей получаютъ въ годъ своими заработками 348,000 р.; изъ нихъ, податей платятъ 170,346 р. (эту огромную цифру, поглощающую половину крестьянскаго заработка, г. Шперкъ, конечно, могъ узнать точнѣе, чѣмъ предыдущую); въ 1862 г., во времена откупа, продано въ Верхоленскомъ округѣ $22{,}285\frac{3}{7}$ ведра полугара, по 7 р. за ведро, всего на сумму 156,000 р.; изъ этихъ цифръ г. Шперкъ заключилъ, что пьянство въ округѣ развито чрезвычайно, что на него идетъ столько же, какъ и на подати, и крестьянину нечѣмъ покрыть необходимыхъ потребностей своего быта. Положимъ, что авторъ

имѣлъ нѣкоторое право сдѣлать такой выводъ, но затѣмъ, ужъ безъ всякихъ цифръ, онъ говоритъ, что послѣ упраздненія откупа расходъ крестьянъ на водку, пожалуй, увеличился. Въ такихъ вопросахъ нельзя произносить сужденія «въ наглядку». Г. Шперкъ обращаетъ вниманіе на страшныя злоупотребленія волостныхъ писарей и старшинъ при наймѣ рабочихъ на золотые пріиски и тяжелое положеніе рабочихъ на нихъ; объ этомъ уже много разъ говорилось въ нашей литературѣ, но видно дѣло остается въ прежнемъ положеніи, и г. Шперкъ рисуетъ такую картину при выходѣ рабочихъ изъ олекминскихъ пріисковъ: «Вокругъ кишитъ масса людей оборванныхъ, съ подбитыми глазами, неопрятныхъ, нечесаныхъ, едва держащихся на ногахъ; крикъ и пѣсни не умолкаютъ день и ночь, въ продолженіи двухъ недѣль; ежедневно масса мѣняется въ своемъ составѣ, такъ какъ однихъ полиція гонитъ изъ селенія, а другіе вновь являются изъ пріисковъ. Пропившійся поселенецъ возвращается обратно на пріиски (резиденцію) и проситъ нанять его на работы слѣдующаго года; но такъ какъ на зимнее время оставляютъ на пріискахъ небольшое число рабочихъ, то многимъ и не удается вновь наняться, и вотъ они отправляются въ путь за 2,000 верстъ безъ копѣйки, христорадничая, или занимаясь по деревнямъ воровствомъ. Рѣдкій, очень рѣдкій изъ поселенцевъ возвращается хотя съ небольшими деньгами. Такъ проводятъ почти всѣ поселенцы остатокъ своей жизни въ Сибири, шатаясь ежегодно за 1,000 или 2,000 верстъ на пріиски, пока разстроенное здоровье или подошедшая старость не прекратятъ его странствій по пріискамъ». Между тѣмъ, при лучшей организаціи труда на пріискахъ, при лучшей обстановкѣ ихъ, они могли бы сдѣлаться однимъ изъ источниковъ благосостоянія крестьянъ.

Болѣе отрадную картину положенія рабочаго даетъ намъ докторъ З. Говорливый на Чернолукомъ заводѣ (Пермской губ., Соликамскаго уѣзда), принадлежащемъ Х. А. Лазареву. Заводъ началъ строиться въ 1761 г. и въ первое время имѣлъ всего 331 д. м. п.; по свѣдѣніямъ за 1867 г. на заводѣ считается 2,225 м. и 3,125 ж. Поденная плата рабочимъ, смотря по цѣнамъ, колеблется между 30 и 65 к. въ день, малолѣтки—отъ 10 до 16 к. Въ теченіи 1866 г. рабочимъ выдано 86,000 р., то-есть среднимъ числомъ каждый рабочій, считая въ томъ числѣ стариковъ и малолѣтковъ, заработалъ въ годъ около 80 р. (всѣхъ рабочихъ 1,171 г.). Служащіе при заводѣ и мастеровые, не могущіе работать по старости лѣтъ или вслѣдствіе увѣчій, полученныхъ на заводскихъ работахъ, пользуются пенсіями отъ заводовладѣльца. Въ 1866 г., пенсій выдано 10,431 р. 14 к.; онѣ распредѣлены были между 371 человѣкомъ такимъ образомъ: 7,092 р. 22 к. бывшимъ служителямъ при заводѣ (30 м. и 101 ж.) и 3,338 р. 92 к. мастеровымъ (131 м. и 240 ж.) Кромѣ того, сироты, бѣднѣйшія вдовы, страдающіе неизле-

чимыми болѣзнями—падучею, потерей глазъ и проч., помѣщаются въ два пріюта, причемъ пріютскія дѣти получаютъ образованіе въ заводской школѣ. При заводѣ существуютъ хорошо устроенная больница и двѣ школы, одна 3-хъ-классная, другая одноклассная; въ обѣихъ воспитываются до 150 дѣтей. Первая содержится вполнѣ на счетъ заводовладѣльца, вторая имѣетъ только одного учителя отъ волости, а остальныя потребности удовлетворяются заводовладѣльцемъ. Съ 1868 г. открыто тамъ и женское училище по подпискѣ служащихъ, также не безъ пособія со стороны владѣльца. Въ виду крайней бѣдности нашей литературы на свѣдѣнія подобнаго рода, они любопытны, но для надлежащей оцѣнки ихъ статья г. Говорливаго даетъ очень мало объясненій. Рабочій, по его словамъ, получаетъ 80 р. въ годъ, но плата эта, конечно, распредѣляется чрезвычайно неравномѣрно, такъ какъ есть мастера, получающіе болѣе 700 р. въ годъ; пища мастеровыхъ нисколько не отличается отъ обыкновенной пищи русскаго мужика, и говядина на его столѣ — явленіе рѣдкое; число работающихъ на трудныхъ заводскихъ работахъ малолѣтковъ поразительно велико— 226, тогда какъ взрослыхъ 848, да 97 стариковъ, то-есть малолѣтковъ одна четверть!... Любопытно было бы знать, съ какого возраста дѣти работаютъ на заводѣ и сколько часовъ: такія свѣдѣнія были бы во сто разъ назидательнѣе, чѣмъ подробное объясненіе, сообщаемое вообще скупымъ на слова г. Говорливымъ, о томъ, какъ рабочіе ѣдятъ пельмени изъ свиного сала. Мы не видимъ на заводѣ ни одного изъ тѣхъ экономическихъ учрежденій, которыя обезпечиваютъ рабочаго, болѣе или менѣе независимо отъ щедрости заводовладѣльца, сберегательныхъ кассъ, взаимнаго кредита, и проч. Для надлежащей оцѣнки пожертвованій заводовладѣльца на больницу, школы и пенсіи, у насъ не достаетъ также суммы выручки, получаемой имъ. Впрочемъ, заводовладѣлецъ все-таки кое-что сдѣлалъ для своихъ рабочихъ, тогда какъ сколько у насъ такихъ хозяевъ, на фабрикахъ и заводахъ которыхъ, вмѣсто больницы — кабакъ, вмѣсто школы — трактиръ, вмѣсто пріюта — другой кабакъ, и т. д.

Инспекторъ иркутской врачебной управы, докторъ Н. И. Кашинъ, сообщилъ обстоятельное изслѣдованіе объ эндеміи зоба и кретинизма въ приленской долинѣ и по другимъ мѣстностямъ Иркутской губерніи. Оказывается, что нигдѣ такъ не распространена зобатость, какъ въ Иркутской губерніи, которая представляетъ много мѣстностей, гдѣ зобъ господствуетъ эндемически между населеніемъ въ болѣе или менѣе значительной степени развитія. Самое большое распространеніе зоба замѣчено по рѣкѣ Ленѣ, въ округахъ Верхоленскомъ и преимущественно въ Киренскомъ. Гмелинъ, во время своего путешествія по Сибири, замѣтилъ зобы только по рѣкѣ Киренгѣ, притокѣ Лены; въ 1857 г., 120 лѣтъ спустя послѣ Гмелина, зобы распростра-

нились и заняли пространство на 1,606 верстъ, считая по теченію Лены. По изслѣдованіямъ г. Кашина, произведеннымъ въ 1868 г., зобы распространились еще больше, уже не внизъ по теченію, а вверхъ по Ленѣ и по многимъ ея притокамъ. Изъ таблицъ зобатости и кретинизма, составленныхъ г. Кашинымъ для Верхоленскаго, Киренскаго, Балаганскаго и Иркутскаго округовъ, видно, что на 68,000 населенія муж. и женщ., 3,310 зобатыхъ (1,144 м. и 2,126 ж.) и 123 кретина (82 м. и 41 ж.) По селеніямъ эта болѣзнь развита неравномѣрно, есть такія, гдѣ она встрѣчается рѣдко, есть и такія, гдѣ на сотню жителей приходится 20 зобатыхъ. Причина этого недуга наука не разъяснила еще въ достаточной степени, но нѣтъ сомнѣнія, что она въ значительной степени зависитъ отъ вѣчно сырой атмосферы Лены.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе объемистыхъ статей, въ «Сборникѣ» помѣщены «Метеорологія города Самары», соч. г. Укке, и весьма обширное изслѣдованіе доктора Ольдекопа «Медико-топографія города Астрахани и его ближайшей окружности». Объемистая монографія эта даетъ весьма опредѣленное понятіе объ этомъ полуазіатскомъ, полурусскомъ городѣ, въ историческомъ, этнографическомъ, топографическомъ, медицинскомъ и другихъ отношеніяхъ. Начавъ съ исторіи и географическаго положенія Астрахани, г. Ольдекопъ разсматриваетъ племена и народности, составляющія населеніе Астрахани, статистику народонаселенія и его нравы, общественную и домашнюю жизнь, орографію, гидрографію, естественную исторію астраханскаго края, господствующія болѣзни съ статистической и климатологической точекъ зрѣнія и, наконецъ, метеорологію. Относительно полноты мы ничего подобнаго не имѣемъ даже о нашихъ столицахъ.

Рядомъ со многими темными сторонами астраханской жизни, г. Ольдекопъ останавливается и на свѣтлой, именно на очень развитомъ и просвѣщенномъ «среднемъ сословіи», состоящемъ изъ чиновниковъ, военныхъ, преимущественно флотскихъ, немногочисленнаго дворянства и крупнаго купечества: «Обстоятельство это слѣдуетъ принимать за слѣдствіе многихъ политическихъ, административныхъ мѣръ правительства; ибо, не говоря объ офицерахъ флота, повсюду отличающихся eo ipso высшимъ научнымъ образованіемъ, сюда присылали въ былыя времена много такъ-называемыхъ «безпокойныхъ людей», невзлюбленныхъ въ другихъ мѣстахъ начальниками по службѣ,—лицъ, отличающихся большею частію образованіемъ и нравственнымъ достоинствомъ отъ людей, поставленныхъ наравнѣ съ ними. Равнымъ образомъ, польскимъ политическимъ ссыльнымъ, даровитымъ людямъ съ выработаннымъ характеромъ, приходилось здѣсь нести кару за ихъ проступки. Такимъ образомъ, занесены сюда стремленіе къ совершенствованію и потребность образованія...» Извѣстно, что это общій законъ развитія для многихъ нашихъ провинціальныхъ городовъ.

Медицинской части монографіи г. Ольдекопа мы не касаемся, но считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе спеціалистовъ на особое явленіе во время холерныхъ эпидемій. «Явленіе это—особый холерный запахъ, не распространяемый самымъ больнымъ, какъ при нѣкоторыхъ сыпныхъ болѣзняхъ, но предшествующій появленію эпидеміи, который, слѣдовательно, какъ бы свидѣтельствуетъ, что почва мѣстности содержитъ въ себѣ много такихъ условій, какія могутъ способствовать развитію холернаго яда. Уже докторъ Витте, имѣющій здѣсь обширную практику, замѣтилъ этотъ запахъ предъ появленіемъ эпидеміи въ 1847 году, и это повторялось предъ всѣми послѣдующими эпидеміями. По свидѣтельству его, запахъ появляется приблизительно за двѣ недѣли до начала эпидеміи. Онъ вѣрно предсказалъ мнѣ наступленіе эпидемій 1859 и 1860 годовъ, и одинъ разъ, мнѣ кажется (?!), я самъ замѣтилъ этотъ запахъ. Этотъ запахъ чрезвычайно похожъ на запахъ гніющей падали, но все-таки его легко отличить отъ послѣдняго... Запахъ этотъ отнюдь не постояненъ, но какъ бы внезапно появляется и затѣмъ снова исчезаетъ?» (Стр. 596—7).

Заключимъ нашъ обзоръ самымъ искреннимъ желаніемъ, чтобы этотъ превосходный «Сборникъ» не ограничился первымъ опытомъ; если же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣются суммы на «полезныя изданія», то едва ли скоро представится другой случай изданія болѣе полезнаго.

О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Л. Владимірова. Харьковъ. 1870 г. Стр. 136.

Чѣмъ чаще призываются въ новый судъ врачи-эксперты для дачи своихъ словесныхъ заключеній—старый судъ нашъ имѣлъ дѣло только съ письменными заключеніями—и подвергаются, наравнѣ съ свидѣтелями, перекрестному допросу по спорнымъ вопросамъ о состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, о причинахъ послѣдовавшей смерти или болѣзни, о послѣдствіяхъ для жизни или здоровья ранъ или тѣлесныхъ поврежденій, тѣмъ настоятельнѣе становится для всѣхъ участвующихъ въ судѣ уяснить себѣ истинное значеніе на судѣ врачей-экспертовъ. Авторъ, хорошо знакомый съ литературой избраннаго имъ предмета, посвящаетъ первую половину своего труда разбору многоразличныхъ воззрѣній на экспертизу, по которымъ одни (Миттермайеръ, Цахаріэ) считаютъ ее особымъ самостоятельнымъ видомъ уголовныхъ доказательствъ; другіе относятъ ее то къ личному осмотру (Бонье), то къ свидѣтельскимъ показаніямъ (англійскіе процессуалисты); и наконецъ, третьи видятъ во врачахъ-экспертахъ не истолкователей только, но рѣшителей или по-просту судей тѣхъ вопросовъ, для разъясненія которыхъ они приглашаются. Этого послѣдняго мнѣнія

держится и самъ авторъ, разсматривающій во второй половинѣ своего труда (съ 61 стр.) дѣятельность врачей-экспертовъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Хотя противъ этого взгляда, отожествляющаго положеніе на судѣ врачей-экспертовъ съ положеніемъ присяжныхъ, рѣшающихъ спорные факты, и можно многое возразить— напр., какъ быть въ томъ случаѣ, когда по извѣстному замѣчанію, приводимому самимъ авторомъ (с. 28), *двухъ* медиковъ, призванныхъ къ больному, будетъ *три* мнѣнія; или когда, напр. (это уже не анекдотъ) авторитетъ въ дѣлѣ токсикологіи, англійскій химикъ Тейлоръ, въ процессѣ Сметерста (у автора вслѣдствіе опечатки напечатано стр. 44: Смитгерета), объявилъ послѣ изслѣдованія, что нашелъ мышьякъ, а потомъ долженъ былъ сознаться, что сдѣлалъ ошибку,— наконецъ, противорѣчивыя показанія первыхъ знаменитостей по химіи въ процессѣ Лафаржъ — тѣмъ не менѣе изслѣдованіе г. Владимірова будетъ прочтено нашими юристами не безъ интереса, такъ какъ онъ вездѣ, гдѣ представляется случай, касается статей нашего устава уголовнаго судопроизводства и соотвѣтствующихъ рѣшеній кассаціоннаго сената.

Post-scriptum. — Въ дополненіе къ сказанному нами выше, во Внутреннемъ Обозрѣніи, стр. 811, мы должны присоединить обнародованную «Правительственнымъ Вѣстникомъ» 24-го марта, и состоявшуюся 25-го февраля, Высочайшую резолюцію на прошеніе Лифляндскаго дворянства: *«Такъ какъ законы общіе и мѣстные заимствуютъ силу свою отъ единой Власти Самодержавной, то рѣшительно отказать Лифляндскому дворянству въ ходатайствахъ, изложенныхъ въ семъ прошеніи, и тѣмъ болѣе, что они несогласны съ самымъ введеніемъ къ Своду мѣстныхъ узаконеній»*.

ПОПРАВКА.

Въ мартовской книгѣ, стран. 457, строч. 9 сн., напечатано: *съ политурой*; слѣдуетъ: съ палитрой.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1870.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-ья.
МАРТЪ. 1870.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 3-ья. — МАРТЪ, 1870.

Стр.

Объявленіе о второмъ изданіи „Вѣстника Европы“ въ 1870 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III. Соч П. Щебальскаго. М. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ и за-границей. Желѣзныя дороги, пароходы, дилижансы, почта, телеграфы и проч., съ картами желѣзныхъ дорогъ. Издается три раза въ годъ. № 2-й, январь — май, 1870 г. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к.

МИЛЛЬ, КОНТЪ И БОКЛЬ о женскомъ вопросѣ. Соч. Н. Соловьева. М. 1870 г. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к.

СИЛЫ ПРИРОДЫ и ихъ соотношеніе. А. Фикка. Перев. съ нѣмецкаго Густавсона, подъ редакціею проф. Бутлерова. Спб. 1870 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

РАЗВЕДЕНІЕ ТОРГОВЫХЪ РАСТЕНІЙ красильныхъ, масличныхъ, прядильныхъ и фабричныхъ. А. Крылова. М 1870 г. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к.

МЕДИЦИНА СТРАСТЕЙ или страсти, разсматриваемыя въ отношеніи къ болѣзнямъ, законамъ и религіи. Соч. І. Б. Ф. Декскюре, доктора медицины и словесныхъ наукъ парижской академіи. Перев. съ франц. 2 тома. М. 1870 г. Цѣна 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

ЗАПИСКА КЪ ПРОЕКТУ Пермско-Уральской желѣзной дороги, съ картою производительности Пермской губерніи, общимъ планомъ всѣхъ проектированныхъ чрезъ Уралъ направленій желѣзной дороги и географическою картою долины р. Чусовой. По изслѣдованіямъ профессора Н. А. Головкинскаго. Спб. 1870 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 40 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА для артиллерійскихъ офицеровъ, изданная К Шварцемъ и П. Крыжановскимъ. Часть 3-я, съ чертежами. Спб. 1870 г. Цѣна 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

ЮБИЛЕЙНЫЙ АКТЪ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, 8 февраля 1869 года. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

МАТЕРІАЛИЗМЪ, НАУКА И ХРИСТІАНСТВО. Сборникъ сочиненій современныхъ писателей. Космосъ, Библія Природы. Соч. А. Н. Бенера, пер. съ нѣмецкаго. Книга 1-я. Спб. 1870 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ. Нравоописательный латинскій романъ 2-го вѣка по Р Х. Сочин. Апулея. Перев. Е. И. Кострова. М. 1870 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. Составлено с.-петербургскимъ столичнымъ судебнымъ слѣдователемъ П. В. Макалинскимъ. Часть 1-я. Спб. 1870 г. Цѣна 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

LEGOYT, La France et l'étranger. Etudes de statistique comparée. 2 vols. — 9 r. 60 c.
LUBBOCK, Prehistoric times, as illustrated by ancient remains and the manners and customs of modern savages. 2 ed. — 9 r.
MAEDLER, Reden u. Abhandlungen über Gegenstaende a. d. Himmelskunde. — 3 r. 60 c.
MANTZ, La peinture Italienne. Rél. — 40 r.
MARAIS, L'école et la liberté. — 60 c.
MARDSEN, Descriptio numismatum orientalium. — 15 r. 75 c.
MARLITT. Thüringer Erzaehlungen. — 2 r. 5 c.
MEYER, Ch. Darwin u. Alfr. R. Wallace; ihre ersten Publicationen über die Entstehung der Arten etc. — 70 c.
MICÈ, Chemie organique pure. — 2 r. 40 c.
MILL, The irish land question. — 1 r. 25 c.
NOBLE, The cape and its people and other essays by south African writers. — 4 r. 5 c.
ONCKEN, Über den Begriff der Statistik. — 70 c.
OVERBECK, Geschichte der griechischen Plastik f. Künstler u. Kunstfreunde. 2 Bde. — 9 r.
PATTERSON, The Magyars. 2 vols. — 9 r.
PETER, Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich 1672—1675. — 2 r. 70 c.
PFEIL, Die Forstwirthschaft n. rein praktischen Ansichten. — 3 r. 40 c.
PLATH, China vor 4000 Jahren. N. chines. Quellen. — 1 r. 70 c.
PREIS, Die beste Ausstattung für junge Damen. — 1 r. 80 c.
RABELAIS, Les songes drolatiques. — 2 r. 40 c.
SAUER, Kinder der Zeit. Roman, 3 Bde. — 5 r. 40 c.
SOHLEIDEN, Für Baum u. Wald. — 1 r. 25 c.
SCHWARTZ, M. S., Die Stieftochter. Erzaehlg. 2 Bde. — 1 r. 80 c.
SICKEL, Zur Gesch. des Concils v. Trient. Actenstücke aus Oestreich Archiven. Bd. I. — 2 r. 55 c.
STEFFENS, Ein Polenherz. Rom. a. d. Gegenwart. 4 Bde. — 6 r. 75 c.
STIFTER, A., Erzaehlungen. Gesammelt u. dem Nachlasse entnommen. 2 Bde. — 2 r. 70 c.
TREITSCHKE, Historische u. politische Aufsaetze a. d. neuesten deutschen Geschichte. N. F. 2 Bde. — 3 r. 85 c.
UPHAM, Mental philosophy. 2 vols. Vol. I. Intellect and language. Vol II. Sensibilities and will. — 7 r.
VENEDEY, Die deutschen Republicaner unter der franzoesischen Republik. — 3 r. 15 c.
WHIPPLE, The literature of the age of Elizabeth. — 3 r. 50 c.
WOLOWSKI, La liberté commerciale. — 3 r.

En vente chez EM. MELLIER, libraire de la Cour impériale,

au pont de Police, maison de l'église hollandaise, à St.-Pétersbourg.

Dupanloup, Mgr. éveque d'Orléans. Histoire de N. S. Jésus-Christ. 1 beau vol. grand in-8°, enrichi de 12 belles gravures. Prix. 8 r. province 8 r. 80 c.

Figuier. Vies des Savants illustres, tome V et dernier (Dix-huitième Siècle) 1 vol. orné de 40 gravures. Pr. 4 r. prov. 4 r. 40 c. relié, doré sur tranches 5 r. 60 c. prov. 6 r. 25 c.

Figuier. Année Scientifiques pour 1870. 1 vol. Pr. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 60 c.

Flammarion. Contemplations Scientifiques. 1 vol. Pr. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 60 c.

Tschudi. Le monde des Alpes, description des montagnes de la Suisse. 1 beau vol. illustré. Pr. 4 r. 80 c. prov. 5 r. 30 c.

Agassiz. Voyage au Brésil. 1 beau vol. in-8° illustré. Pr. 4. prov. 4. r. 40 c.

Cormenin (Timon). Livre des orateurs. 2 beaux vol. in-8°. Pr. 6 r. prov. 6 r. 60 c.

Beskow. Gustave III jugé comme roi et comme homme. 1 vol. Pr. 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Journal de Jean Héward. Sur l'enfance el la jeunesse de Louis XIII. 2 vol. in-8°. Pr. 4 r. 80 c. prov. 5 r. 40 c.

Lettres de Madame de Villars à Madame de Coulanges. 1 beau vol. in-8°. Pr. 3 r. prov. 3 r. 55 c.

D'Armaillé, Comtesse. Marie-Thérèse et Marie-Antoinette. 1 vol in-12. Pr. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 60 c.

Clément. Gabrielle de Rochechouart, abbesse de Fontevrault. 1 vol. in-8°. Pr. 3 r. prov. 3 r. 30 c.

Bonnemère. Les Camisards, dragonnades sous Louis XIV. Pr. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 60 c.

Dupanloup. Le mariage chrétiens. Pr. 2 r. prov. 2 r. 25 c.

Kinglake. Invasion de la Crimée, tome V. Pr. 1 r 40 c. prov. 1 r. 60 c.

Baudrillart. Economie politique populaire. 1 vol. in-12. Pr. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 60 c.

Albert. La Prose, leçons faites à la Sorbonne. Pr. 1 r. 60 c. prov. 1 r. 80 c.

Vavasseur. Formulaires des Sociétés civiles et commerciales. 1 vol. Pr. 3 r. prov. 3 r. 30 c.

Germain de S-t. Pierre. Nouveau dictionnaire de botanique. 1 fort vol. in-8°, ornè de 1640 figures. Pr. 10 r. prov. 11 r.

Micè. Rapport sur les progrès de la chimie organique. 1 vol. in-8°. Pr. 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Erckmann-Chatrian. Le Citoyen Bonaparte, vol. IV et dernier de l'histoire d'un paysan. 1 vol. in-12. Pr. 1 r. 20 c. prov. 1 r. 35 c.

Manuel. Les ouvriers. Drame. 1 vol. in-12. Pr. 60 c. prov. 80 c.

Pontmartin et Béchard. Les traqueures de dot. 1 vol. in-12. Pr. 1 r. 20 c. prov 1 r 35 c.

Ville. Engrais chimiques. 2 vol. Pr. 2 r. 80 c. prov. 3 r. 20 c.

De Witt, née Guizot. Citadins et campagnards 1 vol. Pr. 80 c. prov. 1 r.

——— Riches et pauvres. 1 vol. Pr. 80 c prov. 1 r.

Réalités de la vie domestiques. 2 vol. Pr. 2 r. prov. 2 r. 30 c.

Guillon. Projets de jeunes filles. 1 vol. Pr. 1 r. 20 c. prov. 1 r. 40 c.

Rondelet. Le danger de plaire. 1 vol. Pr. 1 r. 20 c. prov. 1 r. 40 c.

Malot. Romain Kalbus. Histoire d'un petit garçon. 1 vol. Pr. 1 r. 20 c. prov. 1 r. 40 c.

Bibliothèque des merveilles. La houille. Pr. 80 c. prov. 1 r. élégamment relié. Pr. 1 r. 25 c. prov. 1 r. 50 c.

Bibliothèque rose. Le Nil. 1 vol. in-12. Pr. 80 c. prov. 1 r.

——— Le lac Albert. Pr. 80 c. prov. 1 r.

Couche. Voie, matériel et exploitation des chemins de fer. Tome II, fascicule I-er. atlas. avec Pr. 6 r. 40 c. prov. 7 r.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Обрывъ. Романъ въ пяти частяхъ. *Ивана Гончарова.* Два тома. Спб. 1870. Стр. 555 и 667. Ц. 4 руб.

Новый трудъ почтеннаго автора «Обыкновенной исторіи» и «Обломова» — романовъ, составляющихъ одно изъ лучшихъ украшеній переживаемаго нами періода русской литературы, хорошо знакомъ читателямъ «Вѣстника Европы», гдѣ «Обрывъ» былъ напечатанъ въ прошедшемъ году. Полный ходъ и дѣйствіе главныхъ лицъ романа, какъ извѣстно, совершается въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, отдѣлившихъ у насъ два различныхъ міра, два порядка, почти неимѣющихъ ничего общаго между собою, такъ какъ на долю нашего времени выпала перестройка съизнова всѣхъ существенныхъ основъ жизни общества, какъ она слагалась до нынѣшняго царствованія. Авторъ уясняетъ намъ въ томъ времени не столько источники новой жизни, сколько указываетъ результаты предшествовавшаго періода. Предвѣстниковъ нашей эпохи мы не видимъ потому въ этомъ романѣ, но ихъ нельзя было видѣть въ ту пору и въ самой тогдашней жизни, которая, конечно, не допустила бы слишкомъ замѣтнаго существованія дѣятелей съ идеями объ освобожденіи крестьянъ, публичномъ судѣ, безцензурной печати и т. п. Но историческій романъ — не исторія: значеніе романа должно потому опредѣляться прежде всего степенью художественнаго таланта автора, его творческаго дара создавать типы, а въ этомъ отношеніи И. А. Гончаровъ давно уже составилъ себѣ прочную репутацію и вполнѣ заслуженную извѣстность, которая въ новомъ его романѣ находитъ себѣ только новое подтвержденіе.

Государство, Общество и Право, съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства. *Гр. Симоненко.* Т. I. О значеніи государственной дѣятельности, какъ одной изъ сферъ народнаго хозяйства. М. 1870. Стр. 508. Ц. 3 р.

Судя по началу обширнаго труда г. Симоненко, наша политико-экономическая литература дѣлаетъ въ этомъ трудѣ весьма важное пріобрѣтеніе. Настоящій томъ посвященъ весь рѣшенію капитальнаго вопроса: можетъ-ли экономическая наука представить солидныя данныя для примѣненія политико-экономическаго анализа къ государственной и другимъ нематеріальнымъ сферамъ народной дѣятельности? Утвердительный отвѣтъ, по справедливому замѣчанію автора, поставилъ бы насъ внѣ зависимости отъ метафизической философіи, господство которой до сихъ поръ влекло общество на путь революцій, или-же, безусловно оправдывая все существующее, служило тормазомъ для прогресса народа и вызывало реакцію. Авторъ не ограничился разборомъ того, что сдѣлано до сихъ поръ наукою къ разъясненію того вопроса, и относится къ нему самостоятельно, пытаясь, съ своей стороны, устранить другія противорѣчія въ примѣненіи экономическихъ законовъ къ нематеріальнымъ видамъ народнаго труда. Мы постараемся со временемъ ближе познакомить нашихъ читателей съ результатами этой попытки, пожелавъ пока автору успѣшно закончить его любопытный и весьма полезный трудъ.

Политическая система Петра III. *П. Щебальскаго.* М. 1870. Стр. 184 и 76. Ц. 1 р. 50 к.

Появленіе въ нашей литературѣ подобныхъ обзоровъ для цѣлыхъ эпохъ, болѣе или менѣе обширныхъ, весьма необходимо въ такое время, когда образовались даже цѣлыя спеціальныя изданія для публикаціи неизданныхъ памятниковъ русской исторіи прошедшаго столѣтія. Обзоры дѣлаютъ для читателя понятными извѣстія, помѣщаемыя въ отрывочныхъ документахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ обзорахъ эти документы принимаются въ соображеніе и занимаютъ соотвѣтственное своему значенію мѣсто. Настоящій разсказъ былъ уже помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; но въ особомъ изданіи авторъ снабдилъ его довольно обширными приложеніями, и нѣкоторые изъ нихъ являются у насъ въ первый разъ въ печати.

Путеводитель по Россіи и за границею. Съ картами желѣзныхъ дорогъ. Январь—Май. Спб. 1870. Стр. 570. Ц. 50 коп.

Издатели подобнаго рода книгъ, весьма необходимыхъ въ наше время, когда желѣзныя дороги вызвали огромное пассажирское движеніе, могли бы оказать большую услугу, еслибы они, не мудрствуя лукаво, приняли бы за образцы нѣмецкіе, французскіе и англійскіе гиды. Hendschel's Telegraph, Coursbuch или Bredshow, представляютъ готовыя программы, на которыя слѣдовало бы обратить вниманіе составителю «Путеводителя по Россіи». Это просто таблицы желѣзныхъ дорогъ; между тѣмъ какъ подобныя же изданія за границей снабжены указаніемъ лучшихъ гостинницъ и различными мелкими, но важными для путешественника указаніями. Главнѣйшій же недостатокъ «Путеводителя» состоитъ въ разгонистой печати, увеличивающей объемъ книги, т. е. ея дорожное неудобство. Hendschel's Telegraph, при всей полнотѣ своихъ свѣдѣній, не составляетъ и четвертой части «Путеводителя».

ПОДПИСКА

НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

въ 1870 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ,* и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ,* желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ,* для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ,* исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста,* съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.: *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія и Римъ* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ— шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иногороднымъ и иностраннымъ— въ бандероляхъ; экземпляры иногородные имѣютъ на себѣ адрессъ подписчика и отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получателей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

3. *ЖАЛОБА,* въ случаѣ неполученія книги журнала, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1870.

ПОДПИСКА
НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"
въ 1870-мъ году.

Въ теченіе января и февраля, первое изданіе «Вѣстника Европы», въ 6,000 экз., разошлось все по подпискѣ, а потому редакція, приступивъ ко второму изданію, покорно проситъ иногородныхъ подписчиковъ, поступившихъ въ концѣ февраля и поступающихъ въ первые 10 дней марта, обождать до 15 марта, когда выйдетъ второе изданіе.

ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

1) *Безъ доставки.*

15 рублей въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) *Съ доставкою на домъ.*

15 р. 50 к. въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адрессѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адрессъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и нумеръ дома и квартиры.

3) *Съ пересылкою въ губерніи.*

16 р. 50 к. — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы» — въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20* — для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) *Съ пересылкою за-границу.*

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ **Германію и Австрію—18** *руб.;* въ **Бельгію и Нидерланды—19** *руб.;* **Францію и Данію—20** *руб.;* **Англію, Швецію, Испанію, Португалію и Грецію—21** *руб.;* **Швейцарію — 22** *руб.;* **Италію и Римъ — 23** *рубля.*

Примѣчаніе. Заграничные адрессы доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ книгъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адресса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемѣна адресса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ накануне выхода книги (т.-е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адрессъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время извѣстить редакцію о перемѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ сообщить въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп. Присутственныя мѣста сообщаютъ при этомъ имя, отчество и фамилію лица, которому слѣдуетъ адрессовать билеты, такъ какъ съ самими присутственными мѣстами редакція не можетъ вести простой корреспонденціи.

5. По почтовымъ правиламъ, иногородные экземпляры „Вѣстника Европы“ будутъ отправляться въ бандероляхъ, съ двойною оберткою и съ перевязью, для прочности. При экземплярахъ доставляются въ Почтовую Контору именныя карты для росписки получателей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію, и за подписью трактоваго отправителя. По этой картѣ подписчики могутъ убѣждаться на мѣстѣ въ томъ, что редакція дѣйствительно сдала на ихъ имя свой журналъ и такого-то числа.

С.-Петербургъ. 1 марта, 1870 г.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ПИСЬМА О ШЕЛКОВОДСТВѢ. Ѳ. Чижова. М. 1870 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

ВОСЬМНАДЦАТИВѢКОВЫЯ ПРЕДРАЗСУДКИ. Пер. съ франц. Д. М. Дубелира. Спб. 1870 г. Цѣна 40 к. съ пер. 60 к.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ И ШОТЛАНДІИ. Отчетъ представленный министерству народнаго просвѣщенія. І. Деможо и Г. Монтуччи. М. 1870 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пер. 4 р.

ЖИЗНЬ РАСТЕНІЙ. Луи Фигье, съ 415 рисунк. Спб. 1870. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВѢНО. Пер. съ англійск. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. съ пер. р. 30 к.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ, психо-физическое изслѣдованіе, написанное съ цѣлью полученія стипендіи доктора философіи. Генр. Струве. М. 1870 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ. Историческій очеркъ и описаніе губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, съ 11 рисунками. Спб. 1870 г. Цѣна 35 к. съ пер. 50 к.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ЗНАЧЕНІЯ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ. Д. Каншина. Спб. 1870 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ. Собраніе общедоступныхъ статей. А. Бекетовъ. Спб. 1870 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ПРОДАЖНЫЯ ЖЕНЩИНЫ. Картины публичнаго разврата на Востокѣ, въ античномъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ настоящее время во Франціи, Англіи, Россіи и другихъ государствахъ Европы. Составлено по Паранъ-де-Шателе и другимъ К. И. Бибиковымъ. М. 1870 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 90 к.

ШЕВЕЛЬНУЛОСЬ ТЕПЛОЕ ЧУВСТВО. Повѣсть А. Шкляревскаго. Спб. 1870 г. Ц. 25 к. съ пер. 50 к.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ. Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. Костомарова, 3 тома. Цѣна 5 р. съ пер. 5 р. 75 к.

НЕОБХОДИМЫЯ НАУКИ, ИЗЛОЖЕННЫЯ ОБЩЕДОСТУПНО. Руководство для неполучившихъ систематическаго образованія и желающихъ образоваться, въ 3-хъ отдѣленіяхъ: отд. I, математическихъ наукъ; отд. II, естественныхъ наукъ; отд. III, общественныя науки, съ чертежами. Изд. 3-е Спб. 1870 г. Цѣна 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. По оффиціальнымъ источникамъ составилъ *А. Скребицкій*. Въ четырехъ большихъ томахъ. т. I—CLIX и 966 стр.; т. II—1624 стр.; т. III—1298 стр.; т. IV—1263 стр.—Боннъ-на-Рейнѣ. 1862—68 г. Цѣна 20 руб., съ пересылкою 22 р.

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES

DE LA LIBRAIRIE A. MÜNX (K. RICKER) A ST. PÉTERSBOURG.

Persp. de Newski, maison Maderni, № 14.

ADDISON'S, Essays from the spectator. — 2 r. 75 c.
ANDRESEN, Handbuch für Kupferstichsammler oder Lexikon der Kupferstecher und Maler-Radirer aller Länder und Schulen. Band I. — 4 r.
ANGERSTEIN, Das deutsche Turnen, Theorie u. Praxis. — 3 r.
BALZAC, Oeuvres complètes. Vol. I—IV. La comédie humaine. — 9 r. 60 c.
BECHTINGER, Ost-Africa. Erinnerungen u. Miscellen a. d. Abessinischen Feldzuge. — 3 r.
BERRYER, Hommages rendus à sa mémoire. — 80 c.
BIEDERMANN, Die Wissenschaft des Geistes. — 4 r. 50 c.
BIRNBAUM, Ueber die Grundlagen der Bodentaxation und Bodenbesteuerung. — 60 c
——— Das Genossenschaftsprincip in Anwendung auf die Landwirthschaft — 1 r 50 c.
BISCHOF, Katechismus der Finanzwissenschaft. — 50 c.
BRENNECKE, Die Länder an der unteren Donau und Constantinopel. Reise-Erinnerungen. — 1 r. 20 c.
BÜCHNER, Die Stellung des Menschen in der Natur, in Vergangenheit, Gegenwart, Zukunft. Band 1—2. — 2 r. 50 c.
CANNABICH, Lehrbuch der Geographie nach den neuesten Friedensbestimmungen. Bd. I. — 4 r.
CHILD, The progress of religions ideas through successive ages. 3 vols. — 17 r. 35 c.
CLEMENT L., Dictionnaire lyrique. — 4 r.
COSEL, Geschichte des preuss. Staates und Volkes unter den Hohenzollern'schen Fürsten. Bd. I—III. — 6 r. 10 c.
CUVIER, Les oiseaux. Ed. col. — 20 r.
DALTON, Immanuel, Evangel. Bekenntniss und Erbauungsbuch. — 3 r.
DEAN, The history of civilization. 7 vols. — 77 r.
DIETZ, Woerterbuch zu Luther's Schriften. Bd. I. — 8 r. 50 c.
EBELING, Graf von Beust. Sein Leben u. sein staatsmän. Wirken. Bd. I.—4 r.
ESQUISSE d'une politique chrétienne, par l'abbé de M. Vol. I. — 2 r. 40 c.
FLAMMARION, Contemplations scientifiques. — 1 r. 40 c.
FOERSTER, Denkmale italien. Malerei vom Verfalle d. Antike b. z. 19 Jahrh. Liefr. 1—14. — 14 r.
FROSCHAMMER, Beleuchtung d. paepstl. Encyklika v. 8 Dec. 1864. — 60 c.
GARNIER-PAGÈS, Revolution de 1848. Vol. I. Histoire de la commission exécutive. — 2 r.
GOETZINGER, Deutsche Dichter, erläutert. 2 Bde. — 9 r.
GÜLDENSTUBBE, Posctive Pneumatologie od. die Lehre von der Geisterwelt. — 3 r.

HAMBERGER, Das Licht der Geschichte. Mittheilungen aus Joh. v. Müller's Werken. — 1 r.
HAYDN'S Universal index of biography from the creation to the present time, ed. Payne. — 9 r. 90 c.
HEINRICH, Histoire de la literature Allemande. 3 vols. — 11 r. 25 c.
HENSCHKE, Zur Frauenunterrichtsfrage in Preussen. — 25 c.
HERMINJARD, Correspondance des réformateurs. Vol. I—III. — 12 r.
HUBATSCH, Die lateinischen Vagantenlieder des Mittelalters. — 80 c.
HUNT, Stammering and stuttering their and treatment. — 2 r. 75 c.
KNESCHKE, Leipzig seit 100 Jahren. Saecularchronik einer werdenden Weltstadt. — 2 r.
LAO-TSE TAO-TE-KING. Der Weg zur Tugend. A. d. chines. über. u. erklaert von Plaenckner. — 3 r.
LYELL, A geographical handbook of all the knownferns. — 4 r. 15 c.
MAASS, Die Religion des Judenthums u. die politischsocialen Principien unseres Jahrh. — 75 c.
MARLITT, E., Reichsgräfin' Gisela. 2 Bde. — 4 r.
MEILHAC ET HALÉVY, Froufrou. Comédie. — 1 r. 60 c.
MILLON, Sa vie et ses travaux. — 2 r. 80 c.
MUSPRATT, Theoret. pract. et analyt. Chemie in Anwendung auf Künste und Gewerbe. 2 umgearb. Aufl. Bd. I—IV. (Aether—Strontium). — 63 r.
NOHL, Gluck et Wagner. Eine Parallele. — 2 r.
NOYES, History of American socialisms. — 9 r. 90 c.
PARIEU, Principes de science politique. — 3 r. 20 c.
PATTERSON, The magyars: Their country and institutions. 2 vols. — 9 r. 90 c.
PRIEM, Nürnberger Sagen und Geschichten. — 1 r.
REYHONGS, Aus allen Welttheilen. See-Wald- und Landschaftsbilder. Bd. I. — 1 r. 50 c.
RIVET, De l'influence des idées économiques sur la civilisation. — 3 r.
ROQUETTE, Otto, Novellen. — 3 r.
SHAKESPEARE'S Dramatische Werke, übersetzt von Schlegel und Tieck. Revid. und herausgeg. durch die deutsche Shakespeare-Gesellschaft. Bd. I—III. à — 1 r.
SIBILLAT, Trésor historique de la prédication. 2 vols. — 2 r. 40 c.
SIMON, Patent-System und sein Einfluss auf den billigeren Betrieb der Eisenbahnen. — 2 r.
SOMERVILLE, On molecular and microscopical science. 2 vols. — 11 r. 55 c.
SONNET, Calculs infinitesimals. — 2 r. 40 c.
TANQUEREL, L'intérieur des maisons d'éducation de jeunes gens. — 60 c.
THUDICHUM, Verfassungsrecht des norddeutschen Bundes. — 6 r.
TITZ, D., Lösung der landwirthschaftl. Creditfrage auf Grund einer allgem. Wirthschaftsmelioration. — 75 c.
TOZER, Researches in the highlands of Turkey. 2 vols. — 13 r. 20 c.
TYNDALL. Faraday as a discoverer. — 1 r. 90 c.
VÉRON, Les institutions ouvrières de Mülhouse et des environs. — 3 r.
VIVENOT, Korssakow und die Betheiligung der Russen a. d. Schlacht b. Zürich d. 25 Sept. 1799. — 40 c.
ZELLER, Entretient sur l'histoire Italie et renaissance. — 1 r. 20 c.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „Вѣстника Европы“ принимаетъ для напечатанія въ журналѣ извѣстія о книжной торговлѣ, и вообще о торговой и промышленной дѣятельности, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Объявленіе, доставленное до 20-го числа каждаго мѣсяца, помѣщается въ ближайшей книгѣ журнала, выходящей перваго числа каждаго мѣсяца.

2) Объявленіе, доставленное позже 20 числа, будетъ помѣщено въ ближайшей книгѣ только въ случаѣ возможности, о чемъ заявляется впередъ подателю объявленія.

3) Объявленіе должно быть написано на бланкѣ фирмы и за подписью управляющаго торговымъ домомъ или его довѣреннаго лица, или препровождено при письмѣ отъ фирмы, съ точнымъ объясненіемъ пространства, которое должно быть занято объявленіемъ и срока его напечатанія.

4) Плата за напечатаніе объявленія доставляется вмѣстѣ съ объявленіемъ въ Контору, по слѣдующей таксѣ:

1 страница въ 7 квадратовъ ширины, помѣщающая до 140 строкъ петита двойной колонны	15 р.
½ страницы	8 „
¼ страницы	5 „

Абонирующіе страницу или часть ея на цѣлый годъ пользуются уступкою 20%, и на полгода 10%. Абониментъ можетъ начинаться въ теченіи всего года, и въ такомъ случаѣ срокъ его переходитъ въ слѣдующій годъ.

Управляющій Конторою: *А. Ѳ. Базуновъ.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Богданъ Хмельницкій. Сочиненіе *Н. Костомарова.* Въ трехъ томахъ. Изданіе 3-ье, исправл. и дополн. Спб. 1870. Стр. 217, 433 и 359. Ц. 5 руб. съ перес.

Какъ важность эпохи Богдана Хмельницкаго въ общихъ судьбахъ европейскаго сѣверо-востока, такъ и несомнѣнныя достоинства труда, посвященнаго на разработку факта присоединенія Малороссіи къ Россіи, давно уже обратили вниманіе на монографію Н. И. Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, занявшую почетное мѣсто въ классической литературѣ отечественной исторіи. Намъ остается только указать на новую переработку, которой авторъ подвергъ свой трудъ при третьемъ изданіи. Обширное введеніе о состояніи Малороссіи до Богдана Хмельницкаго, начиная отъ основанія казачества и въ теченіе всего литовскаго періода, — написано вновь. Тоже можно сказать о первой и послѣдней главахъ монографіи, которыя переработаны въ цѣлости, на основаніи рукописей здѣшней Публичной Библіотеки и бумагъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Въ концѣ третьяго тома помѣщены, въ большомъ числѣ народныя пѣсни историческаго и политическаго характера, изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. Изслѣдованіе *Н. С. Таганцева.* Спб. 1870.

Изслѣдованіе г. Таганцева, не смотря на свою спеціальность, представляетъ, по живости изложенія и литературной обработкѣ, значительный интересъ для большинства образованной публики, и, безъ сомнѣнія, будетъ отнесено къ числу серьезныхъ пріобрѣтеній для нашей юридической литературы. Настоящій выпускъ посвященъ изложенію ученія объ убійствѣ вообще. Продолженіе труда, обѣщанное авторомъ вскорѣ, обниметъ собою разсмотрѣніе особенныхъ видовъ преступнаго лишенія жизни.

Полное собраніе законовъ, въ извлеченіи къ законамъ о безмездномъ пріобрѣтеніи имуществъ и о наслѣдствѣ. Изд. *Грибовскаго* и *Островскаго.* М. 1870. Стр. 634. Ц. 2 р.

Цѣль издателей—сдѣлать общедоступнымъ изученіе Полн. Собр. Законовъ, которое по своей дороговизнѣ рѣдко встрѣчается въ библіотекѣ частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ новая судебная практика дѣлаетъ часто необходимымъ историческое толкованіе закона. Въ настоящей книгѣ авторы ограничились однимъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ русскаго гражданскаго права, отлагая подобную же работу для прочихъ отдѣловъ до другого времени.

Овцеводство въ Россіи. *С. П. Щепкина.* 1870. Стр. 172.

О важности овцеводства въ Россіи можно судить по одному тому, что въ числѣ сырыхъ предметовъ, вывозимыхъ за границу, шерсть, послѣ хлѣба, занимаетъ у насъ первое мѣсто. Такъ, наприм., въ 1864 г. было вывезено шерсти почти на 20 мил., а сала на 9 м., пеньки—на 8 м., лѣса—на 7 мил., и т. д. Развитію овцеводства у насъ предстоитъ еще большое поприще, если судить по тому, что въ Россіи пока приходится полъ-овцы на человѣка. Для общихъ мѣръ къ улучшенію этого дѣла необходимы точныя свѣдѣнія о современномъ положеніи овцеводства, а ихъ-то именно и не было. Потому министерство госуд. им. оказало значительную услугу, издавъ въ свѣтъ новѣйшія наблюденія инспектора сельскаго хозяйства С. П. Щепкина по такой важной отрасли сельскаго хозяйства, какъ овцеводство.

Политическое призваніе Остзейскаго края. Очеркъ *Б. И. Г.* Спб. 1870. Стр. 54 Ц. 50 к.

Отдавая справедливость умѣренному тону автора брошюры, мы не можемъ не замѣтить, что самое заглавіе ея ставитъ какъ бы внѣ вопроса то, что и составляетъ публицистическое яблоко раздора. Собственно, «политическое» призваніе Остзейскаго, какъ и всякаго другого края, есть политическое призваніе Россіи. Авторъ полагаетъ: «Быть гаванью и Великою Греціею (т. е. южною Италіею) Россіи — таково политическое призваніе нашего Остзейскаго края». Но тутъ нѣтъ ровно ничего политическаго: тутъ можетъ представиться экономическое, стратегическое и какое угодно значеніе, но не политическое. Точно также напрасно авторъ говоритъ (с. 51) о какомъ-то «Остзейскомъ (?) просвѣщеніи», которое мы должны будто бы догнать. Въ крестьянскомъ вопросѣ, въ судебныхъ и мировыхъ учрежденіяхъ, русское просвѣщеніе несравненно ближе къ европейскому, чѣмъ «остзейское».

Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. Историческая монографія. *Н. И. Костомарова.* Спб. 1870. Стр. 870. Ц. 3 р.

Нашимъ читателямъ вполнѣ извѣстенъ этотъ новѣйшій и весьма обширный трудъ почтеннаго историка, изданный «Вѣстникомъ Европы» въ прошедшемъ году. Появленіе его въ особомъ изданіи тѣмъ болѣе кстати, что экземпляры нашего журнала за 1869 г. давно уже разошлись, и монографія оставалась недоступною для большинства читающей публики.

ПОДПИСКА

НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

въ 1870 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ—**16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія*— 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія и Римъ*—23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ— шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иногороднымъ и иностраннымъ— въ бандероляхъ; экземпляры иногородные имѣютъ на себѣ адрессъ подписчика и отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получателей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снеситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

